

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER

OF BOSTON

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER

(Class of 1817)

A fund of \$20,000, established in 1878, the income
of which is used for the purchase of books

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ш Ы

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDVII — 1/4 МАЯ 1905

123-43/5

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

Р. Слав 176.25

3446

ВЪСТАНКЪ ВЪ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ

ИЗДАЮЩЕГОСЯ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5.

МАЙ, 1905.

3

ПЕТЕРБУРГЪ

I.—МОЙ ДНЕВНИКЪ НА ВОЙНѢ 1877—78 гг.—1877-ой годъ. — II: 18 июля—11 сентября.—М. А. Галенкианица	5
II.—ГЕРМАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ЦАРИ.—В. П. Сер.—очка	55
III.—ПО СОВѢСТИ. — Романъ изъ помѣнчивой жизни нашего времени. — XIX—XXV.—Окончаніе.—А. Ковыкина	100
IV.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ АМУРСКОГО БРАД.—1854—1904 гг. — I. Завоеваніе Амурскаго края. — II. Первые колонисты-казаки. — III. Заселеніе Амурскихъ краевъ.—IV. Естественныя богатства и промыслы.—В. Падина	166
V.—ЖЕНЩИНА СЪ ВѢРОМЪ. — Романъ. — Rob. Nabeis: The Woman with the Sun.—XII—XXI.—Окончаніе.—Съ англ. З. В.	196
VI.—ПЪТЬ МОИХЪ ВОСПОМІНАНІЙ. — 1848—1860 гг.—XV—XIX.—Окончаніе.—Ев. Юнгъ	256
VII.—МАРБИТЬ ФИЛОСОФЪ. — „Monsieur de Migron" ou le „Maitre-philosophe", par A. Liebenberger. —I—VI.—Съ франц. Ф. Ч.	292
VIII.—ХРОВИКА. —Трехсотлѣтніе „Домъ-Князя" Сербантеса. — Д. Ю. Шендеровичъ	328
IX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Управленіе Особой Совѣщанія о путяхъ общаго-государственной централизаци — Историческая параллель. — Совѣщаніе В. Д. Горемыкина и ироветна судьба крестьянскаго вопроса.—Оригинальная децентрализаци.—Новые проекты организаціи народнаго предствительства. — Можно ли считать свободную и правую передачу голосовъ индустриальными наемаль? — Необходимость безплатнаго государственнаго Высочайшаго рескрипта 18-го февраля	341
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —Презаніе и германские политическія вопросы, сравнительно съ нами.—Възгоды П. какъ „ограниченный" прамітел.—Маринскій поирсъ и неожиданно новыя его возстанія.—Вліаніе русскихъ студентъ на общую политку въ Европѣ.—Внутренній хлѣбъ во Франціи.	358
XI.—ПЪТЬ ПРОИЗЛАГО КОНСТИТУЦИОННЫХЪ ВОПРОСОВЪ О НАРОДОВОЛАСТІИ И СВОБОДѢ.—В. Н. Горько	371
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX. — II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, кн. 1. — III. В. В. Стасюкъ, В. П. Го, его жизнь, произведенія и записки. — IV. Эли. Венерова, Литературная характеристика — V. Нижегородскій Сборникъ. — Евг. Л. — VI. Русскій жюль или Александръ III, конк. бар. Н. Вратова, два тома. — W. — VII. Бустарноу хлѣбъ въ Россіи, конк. кн. Ф. Толкина, т. I, т. 1. — VIII. Историческій очеркъ дѣятельности верховнскаго губернскаго земства.—IX. В. Порокъ, Казанскіе кандалъ монополіи при свѣтѣ статистики.—В. В.—Новыя книги и брошюры.	389
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Léon Frapié, La Malouinolle.—II. Anatole France, Sur la Pierre Blanche.—З. В.	419
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОВИКИ. —Полный государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣрительность центръ и шредъ.—Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа А. П. Шахова и общеносскія совѣщанія.—Различныя выключенія узла 18-го февраля.—Прогнозъ съестныхъ „добровольцевъ". — Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—Р. Б. Паскво въ Рязанско г. П. Чайковскаго	433
XV.—ВИДЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — О. Эльясикій, Изъ жизни плем. Т. П. Дроной ширъ и ми. — П. Карова, Государство-города античнаго шира. — П. Зябровъ, Исторія Соедин.-Шт. послѣ кондуубоной войны (1861—62 г.) съ англ. Е. Турвичъ. — П. А. Селенъ, „Этна Виситъ". — П. Дружвинскій, Очеркъ крестьянской общинственной жизни.	
XVI.—ОГЫВЛЕНІЯ.—I—IV; I—XII.	

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНЪ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

II *).

13 іюля—11 сѣнтября.

13 іюля, среда.—Все еще стоимъ въ Тырновѣ. Идетъ усиленная разработка дорогъ черезъ Балканы, особенно черезъ Хаинкюйскій переваль, чтобы сдѣлать его удобопроходимымъ для артиллеріи и обозовъ. Выжидаемъ прибытія 4-го армейскаго корпуса. Сомнѣваюсь, однако, чтобы рѣшились продолжать наступленіе за Балканы, какъ предполагалось. Первая же неудача (8-го іюля подъ Плевной) поколебала рѣшительность. Пострадавшіе естественно преувеличиваютъ какъ значеніе неудачи, такъ и въ особенности силы противника, насчитывая до 60.000 турокъ въ Плевнѣ. Это—совершенный вздоръ: турки пришли въ Плевну изъ Виддина и окрестностей и, можетъ быть, изъ Ниша, а изъ этихъ мѣстъ нельзя было собрать болѣе 25.000. Да и брѣва слишкомъ велика.

Причина неудачи совсѣмъ не въ превосходствѣ силъ турокъ, а въ упоеніи никопольскимъ триумфомъ прозѣвали

и выше: апр., стр. 457.

прибытіе турокъ въ Плевну и шли туда спустя рукава, предполагая тамъ лишь незначительный отрядъ. Еслибы генераль-Шильдеръ-Шульднеръ зналъ, что Плевна занята прочно, то, конечно, подходилъ бы къ ней съ надлежащими военными предосторожностями, и никакой неудачи не было бы: это уже теперь вполне ясно изъ имѣющихся донесеній.

Что же касается до турокъ, то они сами озадачены своимъ неожиданнымъ успѣхомъ, и очевидно не знаютъ, что дѣлать дальше. Уйти изъ Плевны послѣ побѣды—стыдно; наступать—опасно. Войти въ связь съ шумлинскою арміею—невозможно. Остается сидѣть въ Плевнѣ и ждать, что выйдетъ дальше. Вотъ они и сидятъ тамъ уже шестой день, но, однако, не сложа руки, а укрѣпляются. Тѣмъ временемъ къ Плевнѣ стягиваются наши войска, и завтра или послѣ-завтра тамъ соберется 30 батал., 33 эск. и 136 орудій.

Сегодня Великій Князь и Непокойчицкій очень благодарили меня за отчетъ о дѣйствіяхъ передового отряда, который чрезвычайно понравился Государю. Великій Князь, получивъ телеграмму Государя объ этомъ, нарочно послалъ за мной, чтобы немедленно поблагодарить.

15 юля, пятница.—Время въ Тырновѣ летитъ быстро, благодаря массѣ работы. Сажу за составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій и донесеній Государю съ раннего утра до глубокой ночи—едва поспѣваю за событіями. Къ ежедневной сильной жарѣ привыкъ: почти не обращаешь на нее вниманія, хотя изъ поту не выходишь. Трава вся выгорѣла и вытоптана.

За Балканами Гурко продолжаетъ хозяйничать на всей своей волѣ, все болѣе расширяя районъ своихъ дѣйствій. Болгары ликують, турки почти поголовно бѣгутъ. Паника дошла уже до Адрианополя: предусмотрительные люди уже и тамъ начинаютъ укладываться и уѣзжать. Вчера рѣшено усилить передовой отрядъ, а въ сегодня-полученномъ письмѣ самъ Гурко объ этомъ просить.

Сегодня удалось отклонить имѣвшееся намѣреніе отрѣшить отъ командованія барона Криденера и Шильдеръ-Шульднера за неудачу 8-го юля. Если за каждую неудачу смѣнять высшихъ начальниковъ, то они безъ прямого приказанія ничего дѣлать не будутъ. И такъ уже большинство страдаетъ отсутствіемъ самостоятельности и предпріимчивости и вѣчною боязнью отвѣтственности. Потерпѣвшій неудачу всегда будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы ее загладить. Вновь-назначенному нужно терять время на ознакомленіе съ подчиненными и съ обстановкою. Смѣна началь-

ствующихъ лицъ полезна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ очевидной негодности, вредной для дѣла.

17 июля, воскресенье.—Великій Князь ежедневно понуждаетъ барона Криденера телеграммами къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но тотъ все медлитъ. Вчера, впрочемъ, телеграфировалъ, что, можетъ быть, атакуетъ сегодня. Всѣ—въ напряженномъ ожиданіи, въ томъ числѣ и самъ Государь, телеграфировавшій сегодня, что ожидаетъ извѣстій отъ Криденера „съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ“. Дѣйствительно, отъ исхода второй атаки Плевны все зависитъ. Успѣхъ будетъ почти равносильнъ полному освобожденію всей Западной Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и даже Македоніи, такъ какъ турки вывели оттуда почти цѣликомъ всѣ войска и направили часть къ Плевнѣ, а большую часть—моремъ, въ Румелию и Южную Болгарію противъ отряда Гурко. Моральное впечатлѣніе побѣды подъ Плевною будетъ громадное и, пожалуй, довершитъ столь замѣтный уже упадокъ духа у турокъ.

Но если насъ опять постигнетъ неудача, то наше наступательное шествіе затормозится на неопредѣленное время, а турки, конечно, воспрянутъ духомъ: наши же друзья-англичане возликуютъ и усиленно заинтригуютъ.

18 июля, понедельник.—Въ одиннадцать часовъ вечера получена лаконическая телеграмма барона Криденера, посланная, очевидно, изъ-подъ Плевны вчера, но переданная съ телеграфной станціи Турну-Магурели (противъ Никополя, на лѣвомъ берегу Дуная) лишь сегодня въ девять часовъ утра: „Штабсъ-капитанъ Андреевскій ¹⁾ прибылъ. Завтра, 18-го числа, утромъ перехожу въ наступленіе“.

Положеніе очень напряженное. Всѣ въ тревожномъ ожиданіи, что-то изъ этого выйдетъ.

Государь также телеграфировалъ о полученіи имъ отъ Криденера извѣстія о переходѣ въ наступленіе, прибавивъ, что пожаловалъ Георгія 4-й степени принцу Александру Баттенбергскому.

19 июля, вторникъ.—Сегодня около полудня была получена слѣдующая печальная телеграмма Криденера, посланная съ поля сраженія вчера вечеромъ и переданная со станціи Турну-Магурели сегодня въ 6 час. 40 мин. утра: „Бой длился цѣлый день. Непріятель имѣетъ громадный перевѣсъ въ силахъ. Отступаю на Булгарени“.

¹⁾ Ординарецъ Великаго Князя, посланный имъ для присутствованія при второй атакѣ Плевны.

Тотчасъ же Великій Князь донесъ Государю: „Получивъ извѣстiе отъ Криденера, что послѣ вчерашняго боя подъ Плевною онъ вчера же отступаетъ на Булгарени, я предписалъ немедленно 16-й пѣхотной дивизiи изъ Иванчи идти на Градище. Отсюда собираю четыре полка къ Сельви, по направленiю къ Ловчѣ. Самъ сегодня отправляюсь черезъ Поликраэшти, Иванчу и Овчу-Могилу къ Булгарени. Намѣренъ непременно еще атаковать непрiателя и лично вести эту третью атаку. Гурко пока оставляю въ его положенiи“¹⁾.

20 июля, среда. — На бивакѣ у д. Бурунли, близъ Бѣлы. Вчера мы (ближайшая свита Великаго Князя) по тревогѣ уложились и выступили изъ Тырнова верхомъ: самъ Великій Князь съ Непокойчицимъ поѣхалъ въ коляскѣ къ Государю въ Бѣлу, гдѣ и ночевалъ. Мы ночевали въ Поликраэшти и прибыли сюда на второй ночлегъ около часу дня. Почти одновременно съ нами прибылъ изъ Бѣлы и Великій Князь съ Непокойчицимъ. Приказалъ сегодня же продолжать движенiе до д. Горный-Студень, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Булгарени (на р. Осмѣ) завтра же.

Великій Князь сообщилъ: 1) до разъясненiя обстоятельствъ рѣшено дѣйствовать выжидательно, стараясь выманить турокъ изъ укрѣпленныхъ позицiй въ открытое поле (т.-е. Государь не согласился на третью атаку Плевны); и 2) послано по телеграфу Высочайшее повелѣнiе мобилизовать и выслать на театръ войны гвардiю и 24-ую пѣхотную дивизiю.

Забылъ сказать, что еще вчера, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Тырнова, сдѣланы были слѣдующiя распоряженiя:

Радецкому—принять общее начальство въ Тырновѣ съ окрестностями и на Балканахъ. Ему же подчиняются: 13-й армейскiй корпусъ, въ случаѣ, если придется притянуть его отъ рущукскаго отряда къ Балканамъ; отрядъ Гурко, если ему придется отступить къ Балканамъ.

Гурко предоставлено дѣйствовать по усмотрѣнiю, сообразно съ обстоятельствами.

Князю Святополь-Мирскому, начальствующему заслономъ въ Сельви (къ сторонѣ Ловчи), посланъ на подкрѣпленiе минскiй пѣхотный полкъ.

¹⁾ Отвѣтъ Государя на эту депешу уже не засталъ Великаго Князя въ Тырновѣ и былъ посланъ вслѣдъ. Государь телеграфировалъ отъ 9 час. веч. 19-го июля изъ Бѣлы: „Крайне огорченъ новою неудачею подъ Плевной. Криденеръ доноситъ, что бой продолжался цѣлый день, но громадное превосходство силъ турокъ заставило отступить на Булгарени. Завтра ожидаю Имеретинскаго съ подробностями. Подъ Рущукомъ и къ сторонѣ Разграда—вчера ничего не было“.

4-ой кавалерійской дивизіи—прямо съ переправы идти на Булгарени.

Сегодня послана телеграмма Радецкому: предписать Гурко немедленно отойти въ Балканскіе проходы.

До пяти часовъ дня оставались на привалѣ у Бурунли: затѣмъ двинулись дальше и остановились ночевать у д. Ая-Яджи-кюй (Яиджи, Горный-Студень).

21 іюля, четвергъ.—Выступили рано утромъ, имѣли привалъ у д. Овча-Могила, остановились на ночлегъ у д. Чаушъ-Магала. Ъздили оттуда въ Булгарени. По пути встрѣтили два транспорта: въ одномъ—350, въ другомъ—500 раненыхъ. Несмотря на палачій зной и удушливую, ѣдкую пыль, раненые лежали и сидѣли на телѣгахъ такъ бодро и спокойно, что были больше похожи на усталыхъ, чѣмъ на раненыхъ. Великій Князь всѣхъ обласкалъ и поблагодарилъ.

Въ Булгарени нашли только наиболѣе пострадавшую 1-ую бригаду 5-ой пѣхотной дивизіи съ частью 5-ой артиллерійской бригады и дивизионныя подвижныя лазареты, изъ коихъ, впрочемъ, большая часть раненыхъ была уже вывезена въ Зимницу. Люди имѣли такой молодецкій видъ, что любо было смотрѣть. Великаго Князя встрѣтили съ воодушевленнымъ восторгомъ: онъ ихъ горячо благодарилъ со свойственнымъ ему одному задушевымъ тономъ. Обѣхавъ войска, обойдя лазареты и переговоривъ съ барономъ Криденеромъ, Великій Князь вернулся на бивакъ у Чаушъ-Магалы.

Первое впечатлѣніе таково: 18-е іюля проиграно отчасти по вялости и нерѣшительности Криденера, отчасти по запальчивости и заносчивости начальника штаба 11-го корпуса, Бискупскаго, который уговорилъ своего невозмутимо-апатичнаго командира, князя Шаховскаго, дѣйствовать самостоятельно, игнорируя Криденера. Послѣдній же, по старческому миролюбію, самъ не захотѣлъ настоять на томъ, чтобы князь Шаховской подчинился ему, какъ старшему, а предоставилъ князю дѣйствовать по усмотрѣнію. Вышло именно то, чего я такъ опасался. Когда Левицкій составлялъ предписанія Главнокомандующаго Криденеру и князю Шаховскому, и прочелъ мнѣ, то я сразу замѣтилъ: „напрасно не оговорено, что князь Шаховской подчиняется барону Криденеру“. Левицкій съ неудовольствіемъ возразилъ: „Это само собою разумѣется, — Криденеръ старше его“. Я отвѣтилъ, что они, можетъ быть, и сами своего старшинства не знаютъ,—въдь списка генераловъ навѣрное съ собою не возятъ. Во всякомъ случаѣ, оба они—корпусные командиры, и о предоставленіи Кри-

денеру общаго начальства надо прямо и опредѣлительно сказать въ предписаніяхъ. Но Левицкій уперся на своемъ. Теперь онъ самъ видитъ, что сдѣлалъ промахъ, и совершенно упалъ духомъ.

22 іюля, пятница. — Сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Главной квартирѣ перейти изъ Тырнова въ Горный-Студень.

Выслать всѣ прибывшія въ Зимницу маршевыя команды, 1.200 человекъ на укомплектованіе 1-ой бригады 5-ой пѣхотной дивизіи, дважды жестоко пострадавшей.

Образовать, подъ начальствомъ свиты его величества генераль-маіора Скобелева 2-го, временный отрядъ изъ 3-хъ бат., 22 эск. и сот. и 22 орудій ¹⁾ для развѣдки силъ и расположенія турокъ у Ловчи. По окончаніи этой развѣдки, отряду Скобелева держать связь между плевнинскими войсками и сельвинскимъ отрядомъ князя Мирскаго.

Войскамъ 9-го и 11-го корпусовъ укрѣпиться на своихъ позиціяхъ и въ наступленіе не переходить, а выжидать, не выйдутъ ли турки изъ-за своихъ укрѣпленій.

Состоящему въ распоряженіи Великаго Князя генераль-лейтенанту Столыпину принять общее начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Никополѣ. Тамъ находятся: нашъ 19-й пѣхотный костромской полкъ (больше всѣхъ пострадавшій подъ Плевною 8-го іюля и лишившійся своего обоза и ранцевъ, сложенныхъ передъ вступленіемъ въ бой и оставшихся на полѣ сраженія) и румынскія войска: пять пѣхотныхъ полковъ, одинъ егерскій баталіонъ, два кавалерійскихъ полка и три батареи (двѣ пѣшія, одна конная).

Отъ Гурько получено извѣстіе, что послѣ жаркихъ дѣлъ 18-го іюля при Іени-Загрѣ и 19-го іюля при Джуранли и Эски-Загрѣ, онъ отошелъ 20-го іюля къ Хаинкію и Шипкѣ, въ виду наступленія противъ него всей арміи Сулеймана-паши. Пѣхота (4-я стрѣлковая бригада, 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи и 6 дружинъ болгарскаго ополченія) расположится въ горныхъ проходахъ, а всю кавалерію Радецкій приказалъ отвести за Балканы, чтобы дать ей поправиться и отдохнуть. Драгунской бригадѣ (астраханскій и казанскій полки) поручено, однако, наблюдение за Еленинскимъ горнымъ проходомъ.

Недѣля черезъ двѣ ожидается прибытіе подкрѣпленій: 2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій и 3-й стрѣлковой бригады. Получена

¹⁾ Войска эти нахватааны по частямъ отовсюду: всѣ 3 бат. съ 8 оруд.—изъ 9-й пѣхотной дивизіи (передовой отрядъ сельвинскаго заслона князя Святополькъ-Мирскаго); отъ 9-го корпуса — кавказская казачья бригада, 4 донскія казачьи сотни, конно-горная и донская № 8 батареи; отъ 11-го корпуса — рижскій драгунскій полкъ.

шифрованная телеграмма отъ нашего посла въ Вѣнѣ, Новикова: „Andrassy a parlé à Midhat-Pacha en termes corrects et fermes sur l'attitude de l'Autriche. Il suppose prochaine mobilisation partielle de l'Autriche, conformément à nos arrangements“.

Отсюда видно, что Австрія честно держитъ слово и не намѣрена пользоваться нашими неудачами.

23 іюля, суббота. — Только сегодня (необъяснимо почему) получена телеграмма Государя изъ Бѣлы отъ 21-го. Его величество выражаетъ крайнее опасеніе за участь христіанскаго населенія въ оставленныхъ отрядомъ Турко мѣстностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что лично приказалъ начальнику 2-ой саперной бригады Рейтлингеру, только-что прибывшему въ Бѣлу съ 3-мъ сапернымъ баталіономъ, укрѣпить „здѣшнюю позицію“.

Сегодня Великій Князь, въ сопровожденіи Неповойчицкаго, начальника артиллеріи арміи, князя Масальскаго, Левицкаго, доктора Обермиллера, генерала Струкова, адъютанта ротмистра Скалона, меня и эскадрона лейбъ-казаковъ, отправился на нѣсколько дней въ Карагачъ-Болгарскій (мѣстопребываніе барона Криденера съ его штабомъ), для подробнаго осмотра расположенія войскъ подъ Плевною.

26 іюля, вторникъ. — Вчера вернулись въ Чаушъ-Магалу съ Плевнинскихъ позицій. Впечатлѣнія не особенно пріятныя.

Объѣхали всѣ наши позиціи верхомъ. Войска расположены по-бригадно на протяженіи около тридцати верстъ: все какіе-то особняки, безъ прочной связи. Сторожевые посты отъ трехъ разныхъ корпусовъ (4-го, 9-го и 11-го) не имѣютъ общаго начальника. Никто ихъ не повѣряетъ. Свѣдѣній о непріятелѣ, по-прежнему, никакихъ. Изъ разговоровъ и разсказовъ участниковъ сраженія 18-го іюля очевидно, что баронъ Криденеръ и его начальникъ штаба Шнитниковъ утратили всякое довѣріе въ войскахъ. Да и вообще довѣріе во всѣмъ начальствующимъ лицамъ сильно подорвано. Одного Скобелева всѣ единогласно восхваляютъ. Многіе убѣждены, что еслибъ его своевременно поддержали на лѣвомъ флангѣ, то сраженіе рѣшилось бы въ нашу пользу: утверждаютъ, будто бы турки уже приготовились къ отступленію и даже начали вытягивать свои обозы на софійскую дорогу.

Несомнѣнно, что атака Плевны была ведена замѣчательно неискусно. Фронтъ атаки былъ растянута на восемнадцать верстъ; оба корпусные командиры дѣйствовали врозь, безъ связи и системы, даже ничего не зная другъ о другѣ. Скобелевъ со своимъ маленькимъ отрядомъ дѣйствовалъ тоже отдѣльно и самостоятельно.

Резерва не было ¹⁾. Тридцать-шесть эскадроновъ кавалеріи въ бездѣйствіи стояли на флангахъ, вмѣсто того, чтобы захватить пути сообщенія Плевны съ Виддиномъ и Софіею. Съ восьми часовъ утра почти до трехъ часовъ шла бесполезная перестрѣлка, а затѣмъ начались безсвязныя, разрозненныя атаки, безуспѣшно продолжавшіяся до наступленія темноты.

Большое и справедливое негодованіе вызывало и вызываетъ особое пристрастіе и довѣріе барона Криденера къ состоящимъ при его штабѣ (уже съ начала іюня) прусскимъ офицерамъ: фонъ-Вильому и графу фонъ-Веделлю. На глазахъ у всѣхъ онъ съ ними обо всемъ разсуждалъ и совѣтовался, не взирая на то, что пруссаки съ большимъ тактомъ и выдержкою старались уклониться отъ той щекотливой и неловой роли, которую онъ имъ навязывалъ своимъ неумѣстнымъ довѣріемъ.

24-го іюля, во время объѣзда войскъ, Великій Князь отрѣшилъ отъ командованія начальника 30-ой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Пузанова. Этотъ генераль, забывъ свой долгъ, честь и высокое званіе, 18-го іюля вечеромъ, бросилъ свою дивизію, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ тылъ, приказавъ по дорогѣ обозамъ поскорѣе укладываться и отступать. Говорятъ даже, что, ѣдучи въ коляскѣ, махалъ руками и кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ: „Спасайтесь, все пропало!“ — Немудрено, что въ тылу началась невообразимая паника и обозы обратились въ беспорядочное бѣгство. Паника эта, разумѣется, все увеличивалась по мѣрѣ удаленія отъ поля сраженія, такъ что на переправѣ у Сисова обратилась уже въ настоящее столпотвореніе: начальнику переправы генералу Рихтеру пришлось чуть не ружейными выстрѣлами и штыками отставать мостъ, который обезумѣвшіе бѣглецы могли потопить, устремясь на него сплошнымъ ошалѣлымъ стадомъ.

24-го іюля Пузановъ оказался на своемъ мѣстѣ и во время объѣзда не только не ступевывался, но старательно лѣзъ на глаза Великому Князю. Тотъ дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Только по окончаніи объѣзда, поблагодаривъ войска и выразивъ имъ свою увѣренность, что они съумѣютъ блистательно загладить временную неудачу, Великій Князь отѣхалъ подальше, остановился и, въ присутствіи всѣхъ окружившихъ его старшихъ начальствующихъ лицъ, — обратился къ Пузанову съ слѣдующими словами: „Вы, генераль, больны: вамъ надо поле-

¹⁾ По диспозиціи онъ былъ (6 батальоновъ, 4 эскадрона и 30 орудій), но никого въ-время поддержать не могъ.

чится. Поэтому я васъ смѣняю, а на ваше мѣсто назначаю другого. А вы можете уѣзжать“. Обернувшись и обведя глазами всѣхъ собравшихся вокругъ него начальниковъ, Великій Князь сказалъ начальнику штаба 9-го корпуса: „Шнитниковъ! Прими отъ него дивизию“.

Шнитниковъ—далеко не изъ старшихъ генераль-майоровъ въ арміи. Полагаю, что этимъ неожиданнымъ назначеніемъ онъ обязанъ, во-первыхъ, своей „сѣдой наружности“, а во-вторыхъ—разладу своему съ барономъ Криденеромъ, который прямо жаловался Великому Князю на неговорчивость и упрямство Шнитникова. Будучи недоволенъ самимъ Криденеромъ, Великій Князь и развелъ его съ Шнитниковымъ, къ явной выгодѣ послѣдняго. На его мѣсто будетъ назначенъ разумный, спокойный и храбрый полковникъ Липинскій, командиръ брянскаго пѣхотнаго полка.

25-го іюля Великій Князь назначилъ общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ подл Плевною генераль-лейтенанта Зотова, командира 4-го армейскаго корпуса, какъ старшаго въ чинѣ. Несмотря на это, баронъ Криденеръ не скрывалъ своего неудовольствія этимъ назначеніемъ, заявляя, что онъ и лѣтами, и службою старше Зотова, а старшинство въ чинѣ, по его мнѣнію, имѣетъ меньшее значеніе. Великій Князь, по своей добротѣ, оставилъ эту неумѣстную и неправильную претензію безъ вниманія и никакого внушенія Криденеру не сдѣлалъ.

Зотову дава инструкція: смыслъ ея — укрѣпиться и выждать, не перейдутъ ли турки сами въ наступленіе. Едва ли они доставятъ намъ это удовольствіе: подобный шагъ былъ бы слишкомъ несообразенъ съ ихъ образомъ дѣйствій. Если ужъ наступать, то имъ прямой расчетъ стянуть все, что можно, изъ-за Балканъ къ Ловчѣ и Османъ-Базару (горные проходы къ этимъ пунктамъ въ ихъ рукахъ) и наступать съ обоихъ фланговъ на Тырновъ, демонстрируя съ фронта противъ Шипки. Или же перейти въ наступленіе отъ Ловчи противъ нашего наблюдательнаго отряда съ цѣлью оттѣснить его къ Плевнѣ и усилить Османа-пашу. Не стоитъ, впрочемъ, и гадать объ этомъ; турецкія соображенія не предугадаешь по европейскимъ стратегическимъ шаблонамъ.

29 іюля, пятница. — Вчера мы перешли въ Горный-Студень; такимъ образомъ, главная квартира будетъ въ центрѣ расположенія войскъ. Ничего „горнаго“ въ Горномъ-Студенѣ нѣтъ: легко-возвышенная плоскость, окруженная лощинами, въ которыхъ бѣгутъ ключи, изъ коихъ нѣкоторые обращены въ фонтаны.

Великій Князь уѣхалъ съ Неповойчицкимъ и Левицкимъ въ Бѣлу, къ Государю, и вернется лишь завтра.

31 июля, воскресенье. — Три дня сидѣлъ надъ составленіемъ общей реляціи о сраженіи 18-го іюля ¹⁾: прочелъ ее Великому Князю, который остался вполне доволенъ, подписалъ и завтра отправляетъ ее съ курьеромъ въ Петербургъ. Приказалъ мнѣ составить объяснительную записку о сдѣланныхъ имъ послѣ переправы важнѣйшихъ распоряженіяхъ, для представленія Государю. Повидимому, его величество упрекала Великаго Князя въ опрометчивой поспѣшности дѣйствій и въ разброскѣ силъ: такъ мнѣ сдается по смыслу указаній, данныхъ Великимъ Княземъ насчетъ содержанія будущей объяснительной записки.

Государь со своею главною квартирою переезжаетъ сюда же послѣ-завтра.

2 августа, вторникъ. — Государь переѣхалъ сюда и сегодня обѣдалъ у Великаго Князя вмѣстѣ съ нами.

Прибылъ Гурко: завтра ѣдетъ въ своей (2-ой гв. кавалерійской) дивизіи, ятобы вмѣстѣ съ нею выступить изъ Петербурга на театръ войны. Штабъ передового отряда уже расформированъ.

Начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа, генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ ²⁾ назначенъ временно-командующимъ 2-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею, такъ какъ у начальника дивизіи, генераль-адъютанта Черткова, отнялись ноги, и одна, говорятъ, уже ампутирована. Назначеніе графа Шувалова состоялось по личной просьбѣ Великаго Князя, въ отмѣну уже рѣшеннаго назначенія князя Имеретинскаго, о чемъ ему даже было объявлено. Вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной, князю дадутъ 2-ую пѣхотную дивизію, только-что прибывающую на театръ войны; начальникомъ ея оказался старецъ генераль-лейтенантъ Мацневъ, котораго признано было невозможнымъ оставить въ должности. Государь согласился на это, но приказалъ самому Великому Князю передать князю Имеретинскому объ этомъ. По разсказу послѣдняго Левицкому и мнѣ,

¹⁾ Донесенія барона Криденера, князя Шаховскаго и Свобелева, по которымъ составлена эта общая реляція, почти буквально подтверждаются телеграммою совершенно независимаго и безпристрастнаго человѣка — корреспондента Форбса. 2-го августа, я прочелъ въ нѣмецкой газетѣ переводъ его телеграммы въ 2.000 словъ, посланной въ „Daily-News“ въ ночь съ 18-го на 19-е, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя. Это chef-d'œuvre корреспонденціи по телеграфу.

²⁾ Исправленіе его должности на время войны возложено на генераль-майора Бобрикова 1-го.

Великій Князь пригласилъ его къ себѣ и, объявивъ о перемѣнѣ назначенія, прибавилъ: „Государь выразилъ опасеніе, что ты можешь обидѣться, но я ему сказалъ, что ты такой славный малый, что обижаться не станешь“. На это князь Имеретинскій отвѣтилъ: „Ваше высочество, теперь время военное, и объ обидахъ рѣчи быть не можетъ. Еслибъ Государю угодно было, вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, поручить мнѣ командованіе 2-ою ротой 2-го полка 2-ой армейской пѣхотной дивизіи—я принялъ бы назначеніе безпрекословно и безропотно. Когда кончатся война, тогда каждый изъ насъ воленъ располагать собою“. На это Великій Князь ничего не отвѣтилъ и дружелюбно его отпустилъ.

Выхлопоталъ ордена съ мечами четыремъ корреспондентамъ: Россоловскому („Новое Время“) и Форбсу („Daily-News“) за сраженіе 18-го іюля подъ Плевной; доктору Каррику („Scotsman“)—за перевязку нашихъ раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ при Джуранли, 19-го іюля, и Иванову („Новое Время“)—за исполненіе обязанностей коннаго ординарца при Гурко въ сраженіяхъ при Лени-Загрѣ и при Джуранли, 19-го іюля. Отличія всѣхъ четверыхъ засвидѣтельствовали Гурко (о Каррикѣ и Ивановѣ) и князь Шаховской (о Форбсѣ и Россоловскомъ).

3 августа, среда. — Сегодня Великій Князь послѣ обѣда увелъ меня въ свою кибитку и около двухъ часовъ подробно объяснялъ мнѣ, какъ нужно составить для Государя ту объяснительную записку (онъ называетъ ее „меморіей“), о которой уже было упомянуто выше (см. 31-е іюля). Высказывая свои взгляды, Великій Князь упомянулъ, что ему необходимо оправдаться передъ Государемъ, который упрекалъ его въ излишней смѣлости дѣйствій. Тѣ же упреки, но въ самыхъ деликатныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, онъ слышалъ и отъ военнаго министра: отсюда Великій Князь заключаетъ, что именно Д. А. Милютинъ и внушилъ Государю эту мысль.

Записка эта почти готова: надо теперь только дополнить и исправить ее согласно даннымъ мнѣ сегодня подробнымъ указаніямъ.

4 августа, четверг. — Сегодня у насъ новоселье: переехали изъ палатки въ чудную киргизскую кибитку. Такихъ кибитокъ прислано Великому Князю изъ Оренбурга четыре: въ одной (самой большой) онъ расположился самъ; другую далъ великому князю Николаю Николаевичу Младшему, третью — Непокойчицкому, а четвертую—Левицкому и мнѣ. Помѣщеніе идеальное.

Вернулся австрійскій военно-уполномоченный баронъ Бехтольсгеймъ, котораго Государь посылалъ въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Иосифу. По словамъ Великаго Князя, императоръ отвѣтилъ самымъ задушевнымъ, благороднымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „что бы ни случилось, какой бы оборотъ ни приняла война — ничто не заставитъ меня отступить отъ разъ даннаго слова. Англіи рѣшительно объявлено, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не рассчитывала на союзъ съ Австріей“.

Это торжественное заявленіе имѣетъ для насъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, огромное значеніе. Благородство императора Франца-Иосифа обезпечиваетъ нашъ тылъ: шутка сказать!

До 17-го—18-го августа ничего предпринимать не будемъ. А когда окончательно подтянутся 2-ая и 3-ья пѣхотныя дивизіи (послѣдняя еще находится въ слѣдованіи), — тогда собираемся снова атаковать Плевну.

5 августа, пятница. — Прочелъ Великому Князю составленную мною по его указаніямъ объяснительную записку для Государя. Привожу ее дословно ¹⁾, такъ какъ черновая только у меня и есть. Никакого заголовка эта записка не имѣла.

„Послѣ переправы всего 8-го корпуса за Дунай, были тотчасъ же переправлены и выдвинуты для обезпеченія нашихъ фланговъ: 35-ая пѣх. дивизія къ дер. Овча-Могила, а весь 12-ый арм. корпусъ—къ сторонѣ Рущукъ. 8-ой корпусъ, впредь до выясненія расположенія и намѣреній непріятеля, оставленъ въ резервѣ для прикрытія переправы, а для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Тырнова и Сельви — сформированъ и 20-го іюня выдвинутъ передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко.

„Этому отряду предписано было сперва только *приготовиться* къ дальнѣйшему наступленію, а затѣмъ, когда послѣдуетъ особое приказаніе — стараться овладѣть Балканскими проходами; кавалерію же выслать за Балканы.

„Имѣлось въ виду: обезпечить себя съ праваго фланга 9-мъ арм. корпусомъ, а съ лѣваго—12-мъ и 13-мъ корпусами; 11-ый корпусъ временно оставить въ центрѣ расположенія, на случай

¹⁾ Мнѣ неизвѣстно, какаѣ судьба постигла эту записку. Какъ и всѣ личныя донесенія Великаго Князя Государю, она была мною же и переписана и вручена Великому Князю. Онъ отправлялъ обыкновенно подобныя донесенія при собственноручныхъ письмахъ Государю, самъ законвертовывалъ и запечатывалъ своею гербовою печатью. Иногда онъ поручалъ сдѣлать это адъютанту своему, ротмистру Скалону, но всегда при себѣ.

необходимости подрѣпить тотъ или другой флангъ; съ переходомъ черезъ Дунай 4-го корпуса, присоединить его къ общему резерву, а съ 8-мъ корпусомъ двинуться вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

„Для этого 9-му корпусу и было поставлено ближайшею цѣлью — занятіе Плевны, и если возможно, то и Никополя, а 12-му корпусу — занятіе Бѣлы и наблюдение за Рушукомъ.

„Неожиданно-быстрое занятіе Тырнова и обнаруженное тотчасъ вслѣдъ затѣмъ слабое занятіе турками Балканскихъ проходовъ — ускорили наступленіе 8-го корпуса. Нельзя было упустить случай къ овладѣнію, безъ большихъ потерь, такою серьезною преградой, какъ Балканы. Поэтому передовому отряду было приказано двинуться за Балканы, утвердиться въ долинѣ р. Тунджи и захватить важнѣйшіе перевалы прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ собрать достаточныя силы для ихъ защиты.

„А разъ что самый ходъ военныхъ дѣйствій поставилъ эту цѣль — необходимо было немедленно придвинуть къ Балканамъ и 8-й корпусъ, чтобы прочно утвердиться въ такомъ важномъ пунктѣ, какъ Тырновъ, и имѣть возможность немедленно поддерживать передовой отрядъ, если потребуется.

„Это расположеніе арміи нельзя назвать ни рискованнымъ, ни разбросаннымъ. Находясь въ Тырновѣ, я владѣлъ важнѣйшими путями какъ черезъ горы, такъ и къ сторонѣ Османъ-Базара и Ловчи. Имѣя весь 8-й корпусъ сосредоточеннымъ подъ рукою, я сверхъ того располагалъ, еще до прибытія 4-го корпуса, резервомъ изъ 1½ пѣхотныхъ дивизій (11-й пѣх. дивизіи и 1-й бригады 32-й пѣх. дивизіи) и 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи.

„Со стороны Рушукъ, Разграда и Эски-Джумы, я былъ вполне обезпеченъ 12-мъ и 13-мъ корпусами. Съ праваго фланга представлялъ бы вполне надежное прикрытіе 9-й корпусъ, еслибы онъ вовремя занялъ Плевну.

„Я указалъ на этотъ пунктъ командиру 9-го корпуса еще до моего перехода черезъ Дунай. Для наблюденія за Плевной я даже нарочно выдѣлилъ изъ передового отряда кавказскую казачью бригаду, назначилъ ее въ составъ 9-го корпуса и приказалъ: *не привлекать эту бригаду къ дѣйствіямъ сѣвернѣе Плевнинскаго шоссе*. Но командиръ 9-го корпуса, увлекшись неожиданнымъ взятіемъ Никополя, оставилъ это шоссе безъ надлежащаго наблюденія. Вслѣдствіе этого турки беспрепятственно заняли Плевну, а мы даже не знали, какими именно силами. Въ результатъ получилась 1-я плевнинская неудача.

„Между тѣмъ, передовой отрядъ одерживалъ одинъ успѣхъ за другимъ. Балканскіе проходы, къ этому времени, были уже въ нашихъ рукахъ.

„Необходимо было послать подкрѣпленія генераль-лейтенанту барону Криденеру и въ то же время поддержать генераль-адъютанта Гурко, дѣйствія котораго навели панической страхъ до самаго Адрианополя и послужили надежнѣйшимъ отводомъ противъ перехода шумлинской арміи въ наступленіе. Дѣйствіямъ передового отряда, силу котораго турки преувеличивали слишкомъ втрое (и они, и вся иностранная печать до сихъ поръ еще воображаютъ, что за Балканами дѣйствовали, вмѣстѣ съ передовымъ отрядомъ, весь 8-й корпусъ) — мы обязаны тѣмъ, что турки не только не переходили въ наступленіе, но даже оттянули войска отъ Рущука и начали готовиться къ отступленію за Балканы. Всѣ извѣстія, какъ съ доброжелательной, такъ и съ враждебной стороны, единогласно подтверждаютъ громадность впечатлѣнія, произведеннаго побѣдами нашего передового отряда. Достаточно, впрочемъ, вспомнить уже общеизвѣстный фактъ: черезъ нѣсколько дней по овладѣніи Балканскими проходами, были смѣнены всѣ высшіе сановники Турціи, какъ въ арміи, такъ и въ государственномъ управленіи.

„Сознавая вполне все значеніе этого впечатлѣнія и необходимость поддержать его возможно дольше, я не только не отзывалъ отряда генераль-адъютанта Гурко послѣ 1-й плевнинской неудачи, но напротивъ, подкрѣпилъ его 1-ю бригадою 9-й пѣхотной дивизіи, о которой онъ просилъ и раньше, но я самъ ее дать не рѣшался. Послѣдствія оправдали это распоряженіе: имѣя свѣжую бригаду, генераль-адъютантъ Гурко могъ дать два хорошихъ урока собравшейся тѣмъ временемъ и перешедшей въ наступленіе арміи Сулеймана-паши. Это какъ разъ совпало по времени съ нашею 2-ю плевненскою неудачею.

„Не имѣй Гурко этой свѣжей бригады, онъ былъ бы подавленъ численнымъ превосходствомъ арміи Сулеймана и припертъ ею къ горнымъ проходамъ. Но, благодаря побѣдамъ 18-го и 19-го іюля при Лени-Загрѣ и Джуранли, наступленіе Сулеймана-паши было приостановлено, несмотря даже на побѣду его при Эски-Загрѣ. Весь отрядъ Гурко совершенно спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ къ проходамъ, втянулся въ Хаинкюйсую и Шипкинскую тѣснины и утвердился на главныхъ перевалахъ.

„Выше сказано уже, что вслѣдствіе первой плевнинской геудачи 8-го іюля потребовалось подкрѣпить генераль-лейтенанта

барона Криденера. Я послалъ въ его распоряженіе большую часть своего резерва: 30-ю пѣхотную дивизію, 1-ю бригаду 32-й пѣх. дивизіи и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизіи. Всю 11-ю пѣхотную дивизію выдвинулъ въ лѣвый боковой заслонъ къ сторонѣ Османъ-Базара. Затѣмъ у меня остались нетронутыми три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизій.

„Еслибъ атака Плевны увѣнчалась успѣхомъ (который былъ весьма возможенъ), то двинутыя къ 9-му корпусу подкрѣпленія могли бы быть снова отозваны, ибо силы одного 9-го корпуса болѣе чѣмъ достаточны для обезпеченія праваго фланга. Тѣмъ болѣе, что румынскія войска въ то время уже заняли Никополь.

„Тогда я могъ бы снова усилить отрядъ Гурко и дать ему возможность бороться съ арміей Сулеймана.

„Но атака Плевны 18-го іюля вторично не удалась. Это заставило меня притянуть туда послѣдній резервъ (три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизій) и отправиться туда лично, чтобы принять общее начальство надъ войсками въ случаѣ весьма возможнаго перехода турокъ въ наступленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ, для отвлеченія вниманія непріятеля, сосредоточеннаго у Разграда и въ окрестностяхъ Шумлы, немедленно начать бомбардированіе Рущука, какъ съ румынскаго, такъ и съ болгарскаго берега. Я былъ убѣжденъ и остаюсь при убѣжденіи, что бомбардированіе Рущука принесло бы большую пользу, особенно въ нравственномъ отношеніи: турки увидѣли бы, что вторая плевнинская неудача не уменьшила нашей готовности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но это мое распоряженіе было отмѣнено ¹⁾, о чемъ я получилъ извѣщеніе 26-го іюля.

„Положеніе мое послѣ второй плевнинской неудачи было бы очень трудное, еслибы турки воспользовались своимъ успѣхомъ и перешли въ наступленіе. Но очевидно, что они сами не сознавали серьезности одержаннаго ими успѣха. Это видно изъ неуверенно-робкаго тона первой телеграммы Османа-паши о результатѣ сраженія 18-го іюля. Въ противоположность обыкновенной хвастливости турецкихъ бюллетеней, Османъ-паша телеграфировалъ только, что былъ атакованъ, что бой продолжался цѣлый день, что русскіе были отбиты и на слѣдующій день ожидается новое сраженіе. Только черезъ два дня, когда Османъ убѣдился, что его больше атаковать не будутъ, — пошелъ рядъ

¹⁾ Очевидно, по Высочайшему повелѣнію. Какъ, черезъ кого и почему — мнѣ неизвѣстно.

хвастливыхъ телеграммъ. Тѣмъ не менѣе, турки не рѣшались перейти въ наступленіе, очевидно опасаясь потерять плоды своей пассивной побѣды.

„Удостоверившись въ этомъ лично, я приостановилъ всякія рѣшительныя дѣйствія впредъ до прибытія подкрѣпленій, ограничиваясь удержаніемъ и укрѣпленіемъ занимаемыхъ уже позицій. Одному отряду Гурко я приказалъ отойти въ Балканскіе проходы, такъ какъ оставаться въ долину р. Тунджи, въ виду всей арміи Сулеймана-паши, онъ безъ подкрѣпленія не могъ, а подкрѣпить его было нечѣмъ.

„Первою моею заботою было образованіе хотя небольшого резерва. Я выдѣлилъ изъ плевнинскаго отряда опять въ свое распоряженіе 1-ю бригаду 32-й пѣхотной и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизіи. По прибытіи 3-й стрѣлковой бригады и головного полка 2-ой пѣхотной дивизіи, я назначилъ эти части войскъ въ общій резервъ, а обѣ вышеназванныя бригады направилъ къ дер. Чаиркюй, дабы свести вмѣстѣ всѣ разбросанныя части 11-го арм. корпуса и возстановить единство управленія ими.

„Къ 7-му августа общій резервъ будетъ состоять изъ 3-й стрѣлковой бригады (съ дивизиономъ 4 ф. дальнобойныхъ орудій) и 2-ой пѣхотной дивизіи, всего 16 батал. и 52 орудія. Къ 16-му августа прибудетъ вся 3-я пѣхотная дивизія, и тогда у меня будетъ резервъ изъ 28 бат. и 100 орудій.

„Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, явствуетъ:

„1) Движеніе передового отряда за Балканы не было ни преждевременнымъ, ни рискованнымъ. Напротивъ, оно прямо вытекало изъ утвержденаго вашимъ императорскимъ величествомъ плана войны, цѣлью которой былъ поставленъ Константинополь. Главнѣйшая преграда для достиженія этой цѣли— Балканы. Когда выяснилось, что горные проходы заняты очень слабо, я счелъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ поспѣшить завладѣть ими. Еслибы это было упущено, еслибы я далъ неприятелю время укрѣпить проходы и стянуть къ нимъ войска, то сдѣлалъ бы непростительную ошибку. Овладѣніе горными проходами и дѣйствія передового отряда вообще принесли намъ огромную пользу, во-первыхъ, тѣмъ, что Балканскіе проходы, все-таки, остались въ нашихъ рукахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что внесли замѣшательство въ государственное и военное управленіе Турціи въ самую критическую для насъ минуту. Благодаря этому, турки упустили удобный моментъ для перехода въ наступленіе и дали намъ время принять противъ этого надлежащія мѣры.

„2) Плевнинское сраженіе 18-го іюля, какъ оно ни при-

скорбно, не можетъ назваться поражениемъ. Наши войска были *отбиты*, но не *разбиты*: это — большая разница. Конечно, войска были выведены изъ боя перепутанными: это и не могло быть иначе послѣ цѣлаго ряда ожесточенныхъ атакъ, продолжавшихся и по наступленіи темноты. Но всѣ части разобрались и устроились такъ скоро, какъ нельзя было и ожидать. Я видѣлъ ихъ на третій день послѣ сраженія: офицеры и солдаты смотрѣли такими молодцами, все было такъ спокойно, бодро, въ такомъ порядкѣ, что у меня разомъ отлегло отъ сердца. Не такъ смотрятъ войска, потерпѣвшія рѣшительное поражение.

„3) Я ни минуты не былъ безъ резерва. Сперва я держалъ въ совокупности 11-й корпусъ. Къ тому времени, когда пришлось одну часть его выдвинуть на османъ-базарскую дорогу, а другую послать на подкрѣпленіе генераль-лейтенанта барона Криденера, — подходилъ уже 4-й корпусъ, заранѣе предназначенный въ главный резервъ. Правда, я выдѣлилъ изъ него одну дивизію (30-ю) на подкрѣпленіе 9-го корпуса, но въ 18-му іюля у меня оставались еще совершенно нетронутыми четыре пѣхотныхъ (три полка 16-й пѣхотной дивизіи и на переправѣ воронежскій пѣхотный полкъ) и три кавалерійскихъ полка 4-й кав. дивизіи. Послѣ 18-го іюля я вынужденъ былъ двинуть на подкрѣпленіе барона Криденера и этотъ послѣдній резервъ, такъ какъ опасался перехода турокъ изъ Плевны въ наступленіе. Но какъ только я удостовѣрился, что Османъ-паша наступать не намѣренъ — тотчасъ же приступилъ къ образованію резерва вновь.

„При тѣхъ силахъ, которыми я располагалъ до сихъ поръ, резервъ мой никогда и не могъ состоять болѣе, чѣмъ изъ одного корпуса. Принятый мною планъ дѣйствій, основанный на желаніи перенести центръ тяжести изъ сферы крѣпостей за Балканы, наиболѣе соотвѣтствовалъ моимъ силамъ. Еслибъ я поставилъ себѣ задачею сперва заставить непріятеля принять большое сраженіе по сю сторону Балканъ, разбить его и потомъ уже идти за Балканы — это вовлекло бы меня въ обложеніе и осаду крѣпостной Дунайской Болгаріи, такъ какъ турки ни за что не вышли бы въ поле. А для дѣйствій въ сферѣ крѣпостей силы арміи слишкомъ слабы, не говоря уже о томъ, что этотъ затяжной образъ дѣйствій былъ бы всего пріятнѣе для турокъ.

„Только быстрымъ движениемъ за Балканы я могъ надѣяться заставить турокъ бросить свои укрѣпленныя позиціи и поспѣшить на защиту своей древней столицы. Не случись несчастнаго плевнинскаго сраженія 18-го іюля, это мнѣ и удалось бы навѣрное. Я и теперь не теряю надежды привести это намѣреніе

въ исполненіе, по прибытіи всѣхъ идущихъ ко мнѣ подкрѣпленій, хотя и сознаю вполнѣ, что это будетъ уже гораздо труднѣе“.

6 августа, суббота. — Приѣхали румынскіе министры Братиано (премьеръ) и Сланичано (военный) для переговоровъ насчетъ коопераціи румынскихъ войскъ.

8 августа, понедельник. — Нѣчто серьезное предстоитъ нынѣ же. Вчера вечеромъ получена отъ Радецкаго, изъ Тырнова, телеграмма, что Сулейманъ-паша, повидимому, готовится атаковать Шипкинскій переваль съ фронта, ибо противъ него уже развернулось въ Казанлыкской долинѣ 24 табора пѣхоты и около трехъ тысячъ кавалеріи. Левицкій тотчасъ же пришелъ въ страшное безпокойство, заразивъ этимъ и Непокойчицкаго, и Великаго Князя. Тотчасъ же рѣшили послать на подкрѣпленіе 2-ю пѣхотную дивизию, т.-е. все, что у насъ есть въ резервѣ. Хорошо, что направленіе дали такое, что она можетъ поспѣть, куда ни потребуется. Старался успокоить Левицкаго тѣмъ, что атака Шипки съ фронта, безъ одновременнаго наступленія турокъ отъ Ловчи или отъ Османъ-Базара (т.-е. во флангъ и въ тылъ Радецкому), успѣха имѣть не можетъ. Но увѣрить не удалось.

Трудно себѣ представить, до чего Левицкій теряетъ голову при каждомъ тревожномъ извѣстіи. Сегодня телеграфируетъ кто-то (кажется, нашъ консулъ) изъ Бѣлграда шифромъ, что Сулейманъ-паша прошелъ Балканы черезъ „Хайнъ-Богазъ“. Это—тотъ же Хайнкій, и Левицкій это знаетъ; знаетъ также, что еще вчера была телеграмма объ отраженіи турецкой атаки на Хайнкій. Несмотря на это, страшно встревожился: а вдругъ это—правда? Всѣ доказательства, что это—очевидное вранье, не могли его успокоить. Къ счастью, черезъ четверть часа пришла агентская телеграмма Гаваса, сообщающая буквально то же самое. Тогда только Левицкій убѣдился, что отправитель тревожной телеграммы прочелъ ее въ газетахъ и поспѣшилъ поднести намъ въ зашифрованномъ видѣ, какъ сугубо-важную.

Уже нѣсколько дней напрасно стараюсь убѣдить, что, въ виду вѣроятности затяжки войны на зиму, надо теперь же начать соответствующія приготовленія. Масса войскъ идетъ изъ Россіи къ намъ на подкрѣпленіе, и никто не хочетъ заранѣе подумать: чѣмъ ихъ будемъ кормить. Вѣдь до сихъ поръ большая часть войскъ довольствуется средствами страны на получаемыя отъ интендантства деньги, ибо пресловутое товарищество можетъ довольствоваться только войска, стоящія на мѣстѣ. Но

вѣдь изсякнутъ же, наконецъ, богатяя средства края, въ особенности ко времени прибытія на театръ войны ожидаемыхъ подрѣпленій: почти весь гвардейскій корпусъ, 2-я и 3-я гренадерскія, 24-я и 26-я пѣхотныя, 1-я кавалерійская и 2-я донская казачья дивизіи. Какъ будетъ продовольствоваться вся эта масса войскъ? Тѣмъ болѣе, что въ управленіи вообще безпорядокъ и несогласованная неурядица, а въ тылу—полный хаосъ. Путаница въ распредѣленіи прибывающихъ укомплектованій по частямъ войскъ и въ распредѣленіи всякаго рода снабженій—невообразимая. А передвиженіе войскъ и запасовъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ до того безпорядочно, что не поддается никакому расчету.

7¹/₂ час. вечера. — Только-что вернулся съ обѣда у Государя: ему угодно было пригласить сегодня къ обѣду Великаго Князя со всею его свитой. Военный министръ, послѣ обѣда, спрашивалъ меня: приняты ли какія-нибудь мѣры для успокоенія публики, растревоженной нашими неудачами? Я отвѣчалъ, что уже нѣсколько дней тому назадъ послана Великимъ Княземъ телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ и начальнику главнаго штаба, съ просьбою объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы публика не вѣрила вранью иностранныхъ газетъ; что мы не скрываемъ и не преуменьшаемъ нашихъ неудачъ, и вообще обо всемъ, заслуживающемъ вниманія, объявляется и будетъ объявляться во всеобщее свѣдѣніе. Доказательство—всѣ напечатанныя до сихъ поръ реляціи.

Повидимому, военный министръ вполне удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Въ 10¹/₂ час. вечера получена телеграмма генераль-маіора Столѣтова (начальника болгарскаго ополченія) отъ 9 час. 20 мин. вечера: „Передъ занимаемою мною позиціею на Шипкинскомъ перевалѣ выстроился весь корпусъ Сулеймана-паши, съ многочисленною кавалеріею, артиллеріею и обозами. Завтра непріятель будетъ штурмовать Шипку. Защищаться буду до послѣдней крайности, но долгомъ считаю доложить, что несоразмѣрность силъ слишкомъ велика. Считаю нашу позицію очень важною, я прошу подрѣпленій изъ Габрова. Необходимо полка два: къ разсвѣту изъ Габрова есть еще время подойти“.

Посмотримъ, что Богъ дастъ.

11 августа, четвергъ. — Вчера и третьяго дня были очень тревожные дни: безумно-смѣлая атака Шипки въ лобъ дѣйствительно состоялась 9-го августа. Войска Сулеймана-паши обна-

ружили самоотверженную отвагу, достойную лучшаго употребленія. Очень трудно было нашимъ малочисленнымъ войскамъ на Шипкѣ, но они вышли изъ тяжкаго испытанія съ неувидаемою славою, отбивъ десять ожесточенныхъ приступовъ. День 9-го августа навсегда останется украшеніемъ лѣтописи боевыхъ подвиговъ орловскаго пѣхотнаго полка и запишется золотыми буквами на первой страницѣ военной исторіи будущей болгарской арміи: дружины дрались какъ львы. Строго говоря, это уже второй подвигъ болгарскихъ дружинъ: онѣ же вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кроваваго боя подъ Эски-Загрой.

10-го августа турки атаковали уже гораздо слабѣе, а въ эту ночь (съ 10-го на 11-е) даже подошли къ Габрову приведенныя самимъ Радецкимъ поддержанія изъ Тырнова. Можно надѣяться, что, въ случаѣ возобновленія атаки сегодня, турки опять будутъ отбиты.

Трудно себѣ представить, что вынесли наши на Шипкѣ. Противъ сорока турецкихъ баталіоновъ было только три баталіона орловскаго пѣхотнаго полка и четыре болгарскихъ дружины. Эти семь баталіоновъ и отбили десять приступовъ *ошестеро* сильнѣйшаго непріятеля. Нужно замѣтить, что они были въ напряженномъ состояніи съ 7-го августа, когда на ихъ глазахъ стали стягиваться войска Сулеймана. Шипкинскій отрядъ съ того времени почти не спалъ и не имѣлъ горячей пищи. Даже воды на перевалѣ почти нѣтъ, а жара стоитъ чудовищная. 9-го августа наши разстрѣляли всѣ патроны; значительная же часть ружей и три орудія пришли въ негодность отъ непрерывной стрѣльбы.

Но если нашимъ было плохо, то туркамъ было еще труднѣе карабкаться вверхъ по шипкинскимъ кручамъ. Нельзя не удивляться желѣзной энергіи Сулеймана и беззаветной храбрости его войскъ, хотя эта фронтальная атака—верхъ нелѣпости. По первому извѣстію о приготовленіяхъ турокъ къ приступу, я былъ убѣжденъ, что съ фронта будетъ только энергическая демонстрація, а настоящая атака поведется отъ Ловчи или Османъ-Базара на Тырновъ, во флангъ и въ тылъ. Даже теперь я думаю, что Мегметъ-Али-паша и Османъ-паша просто подвели Сулеймана и не поддержали его атаку нарочно. Сулеймана очень не любятъ и боятся: онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ смѣльчаковъ (и единственный изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ), которые низвели съ престола султана Абдуль-Азиса.

По всему, что до сихъ поръ приходится наблюдать, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ: Турція вполне созрѣла для разрушенія, но мы еще не дозрѣли до роли разрушителя.

Государь получилъ, на-дняхъ, письмо отъ старшаго сына покойнаго султана Абдуль-Азиса, Иседдина, съ просьбою помочь ему овладѣть престоломъ. За это Иседдинъ обѣщаетъ исполнить всѣ желанія Государя и заключить миръ на какихъ ему угодно условіяхъ. У Иседдина есть, по словамъ нашихъ дипломатовъ, довольно многочисленная партія, къ которой принадлежалъ также и бывшій главнокомандующій Абдуль-Керимъ, смѣненный за бездѣйствіе. Въ этомъ бездѣйствіи, которое мы считали простымъ проявленіемъ старческаго маразма, султанъ и его совѣтники, будто бы, усмотрѣли намѣреніе нарочно дать намъ возможность достигнуть значительныхъ успѣховъ, съ цѣлью вызвать дворцовую революцію и династическій переворотъ.

Вчера дѣло защиты Шипки могло бы окончиться катастрофою для Сулеймана-паши, еслибы не командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Б. Когда генералы Дерожинскій и Столѣтовъ донесли, 7 августа, съ Шипки, что противъ нихъ стягиваются значительныя силы, Б. въ то же время донесъ изъ Елены, что его *оттѣснили* значительныя силы отъ Беброва. Такъ какъ серьезной атаки турокъ съ этой стороны можно было ожидать съ гораздо большею вѣроятностью (Елена-Твардицкій проходъ въ рукахъ турокъ), то Радецкий, 8-го же августа, утромъ, двинулся къ Еленѣ самъ со всѣмъ своимъ резервомъ, и только по прибытіи на мѣсто убѣдился, что противъ Б. никого, кромѣ башибузукъ, нѣтъ. Вслѣдствіе этого онъ напрасно потерялъ два дня времени, ибо могъ вернуться въ Тырновъ лишь 9-го, вечеромъ, т.-е. въ тотъ самый день, когда такъ необходима была помощь на Шипкѣ. Вчера онъ двинулся къ Шипкѣ, но, разумѣется, только поздно вечеромъ могъ поспѣть въ Гяброво, сдѣлавъ пятидесяти-шести-верстный переходъ при душливой сорока-пяти-градусной жарѣ. Когда онъ теперь попадетъ на Шипку? Развѣ лишь завтра утромъ—и то съ измученными войсками. Еслибъ не ложное донесеніе Б., Радецкий былъ бы на Шипкѣ уже вчера.

Этого Б. слѣдовало убрать еще раньше, тотчасъ по возвращеніи передоваго отряда изъ-за Балканъ. Въ сраженіи при Эскм-Загрѣ пуля попала ему по карману, въ которомъ лежалъ серебряный портсигаръ, и, конечно, помяла его. Б. легъ на носилки и велѣлъ нести себя на перевязочный пунктъ, гдѣ и пролежалъ до конца сраженія. Затѣмъ опять сѣлъ верхомъ, явился къ Гурко и объявилъ, что онъ раненъ и остался въ строю, а въ доказательство показалъ помятый портсигаръ. Гурко покоясился, но смолчалъ. Но когда, во время отступленія изъ-за Бал-

канъ, Б. загрозилъ своими обозами Хайнкюйское ущелье, вопреки строжайшему запрещенію Гурко, тотъ его жестоко распеку. Тогда Б., какъ жидъ-Янкель въ „Тарасъ Бульбѣ“ („Ваше королевское величество! молчите, ради Бога молчите!“), публично взмолился: „Ваше высокопревосходительство! (а Гурко—только генераль-лейтенантъ) простите, ради Бога простите! Никогда не буду!“—Гурко, по возвращеніи, не задумался доложить обо всемъ этомъ Государю, который и приказалъ убрать Б. Но, благодаря канцелярской волокитѣ, Высочайшее повелѣніе до сихъ поръ не успѣло дойти до Радецаго, и только вслѣдствіе этой медленности исполненія Б. удалось нагадить еще разъ, и притомъ столь серьезно: вѣдь чуть-чуть не сгубилъ весь шипкинскій отрядъ, и только благодаря геройской стойкости послѣдняго перевалъ не перешелъ въ турецкія руки.

Теперь Великій Князь телеграммоу приказалъ немедленно удалить Б. отъ командованія бригадою и выслать изъ арміи.

Всѣ эти три дня Великій Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ, такъ какъ каждое вновь полученное извѣстіе сообщается телеграммами въ Петербургъ, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе. Вчера онъ рассказывалъ, что въ императорской главной квартирѣ многіе ропщутъ, критикуютъ и осуждаютъ его, разстраивая и волнуя Государя мрачными предчувствіями и злобными предсказаніями, тогда какъ онъ и безъ того нервно разстроенъ и больше всего нуждается въ душевномъ покоѣ. Великій Князь надѣется, что ему удастся успокоить Государя и разсѣять его мрачныя мысли. Еще недавно онъ ему говорилъ, что опасается умереть во время этой войны, какъ умеръ императоръ Николай I, и дѣлалъ по этому поводу разныя сопоставленія и сближенія, но Великій Князь отвлекъ его отъ этихъ печальныхъ мыслей. Вообще же Великій Князь находитъ теперь, что Государю, дѣйствительно, лучше и спокойнѣе быть при арміи, ибо въ Петербургѣ онъ бы мучился и страдалъ гораздо сильнѣе: здоровье и особенно нервная система его слишкомъ разстроены.

Сейчасъ (пять часовъ пополудни) получены двѣ телеграммы. Одна съ Шипки отъ Дерожанскаго: турки, идя безуспѣшность своихъ отчаянныхъ приступовъ, начали подвигаться впередъ траншеями и уже подошли къ горѣ св. Николая на 600 шаговъ. Замѣчательная настойчивость. Другая телеграмма—отъ Цесаревича: турки вчера атаковали Папкюй, но Цесаревичъ полагаетъ, что это лишь демонстративная атака, съ цѣлію отвлечь вниманіе отъ османъ-базарской дороги, на которую повидимому переходятъ главныя силы, фланговымъ маршемъ, отъ Разграда и

Эски-Джумы. Посему Цесаревичъ уже распорядился подерѣпить Эррота, занимающаго со своею дивизіею (11-ю пѣхотною) османъ-базарскую дорогу.

14 августа, воскресенье.—Вчера былъ пятый день геройской защиты Шипки. Вчера же прибылъ сюда корреспондентъ „Daily-News“, Форбсъ: онъ 24 часа былъ очевидцемъ ожесточенныхъ турецкихъ атакъ и нашей отчаянной обороны. Говоритъ, что преклоняется передъ русскою несокрушимою стойкостью; готовъ держать какое угодно пари, что турки будутъ окончательно отбиты, что имъ нашихъ не сломить. Послалъ телеграмму въ 5.000 словъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е прибылъ на Шипку самъ Радецкій съ частью стрѣльцовъ, посаженныхъ верхомъ, и воодушевилъ уже изнемогавшую горсть нашихъ войскъ своею ласковою привѣтливостью, невозмутимымъ спокойствіемъ и искреннимъ презрѣніемъ къ опасности. Всѣ воспрянули духомъ: откуда взялись новыя силы! Подерѣвленіа, приведенныя Радецкимъ, будучи измучены четырехдневнымъ форсированнымъ маршемъ отъ Тырнова къ Еленѣ и обратно, а оттуда на Шипку—подходили постепенно ночью и утромъ 12-го августа. Въ этотъ день былъ раненъ Драгомировъ въ колѣнный суставъ правой ноги; тяжело раненъ въ бедро стоявшій сзади него маленькій капитанъ генеральнаго штаба Мальцевъ, тотъ самый, который получилъ за переправу георгіевскій крестъ, какъ первый, вышедшій на неприятельскій берегъ Дуная. Вчера, 13-го, убитъ пулею прямо въ сердце командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи Дерожинскій—первый убитый въ эту кампанію генераль.

Великій Князь немедленно самъ телеграфировалъ объ этомъ женамъ обоихъ генераловъ въ самыхъ задумевныхъ выраженіяхъ.

Старческая апатичность Непокойчицаго и безтолковая суетливость вѣчно-растеряннаго Левицаго, въ теперешнее горячее и тяжелое время, оказываютъ весьма серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Главная бѣда въ томъ, что оба постоянно упускаютъ изъ виду расчетъ времени. Вслѣдствіе постоянныхъ колебаній, неспособности оцѣнивать обстановку и отсутствія военнаго чутья—всѣ распоряженія запаздываютъ. Еще 12-го августа въ 7 часовъ вечера зашла рѣчь о необходимости поспѣть Радецкому на Шипку подерѣвленіе отъ Сельви и Тырнова. До полуночи не могли ни на что рѣшиться, и наконецъ въ ночь съ 12-го на 13-е телеграфировали князю Шаховскому въ Брноувъ, но въ такихъ условныхъ выраженіяхъ, что заранѣе

можно было сказать съ увѣренностью, что онъ ничего не рѣшится послать. Текста этой телеграммы у меня не сохранилось, но я хорошо помню, что князю Шаховскому самому предоставлялось рѣшать, по соображенію съ обстановкою, посылать ли подкрѣпленія или нѣтъ. Нетрудно было предвидѣть, что онъ, уже напуганный второю плевнинскою неудачею, не рѣшится ослабить себя для усиленія Радецкаго. Только вчера, 13-го августа, въ 5 час. дня, Великій Князь послалъ князю Шаховскому телеграмму съ рѣшительнымъ приказаніемъ немедленно подкрѣпить Радецкаго.

Теперь обстановка совершенно выяснилась. Сулейманъ не только собралъ на Шипку всю свою армію, но притянулъ еще все, что могъ, изъ Ловчи и изъ другихъ, менѣе важныхъ, ближайшихъ пунктовъ. Такимъ образомъ турки окружаютъ нашу позицію на перевалѣ съ трехъ сторонъ.

Румынская армія (около 30.000) готовится къ переправѣ черезъ Дунай у Кораби и применитъ къ нашимъ войскамъ, наблюдающимъ за Плевной.

15 августа, понедельник. — По извѣстіямъ съ Шипки, положеніе нашихъ войскъ очень тяжкое. Турки сосредоточились въ горахъ противъ обоихъ нашихъ фланговъ и начали строить батареи для перекрестнаго обстрѣливанія какъ фланговъ, такъ и пути сообщенія съ Габровомъ. Радецкій, однако, не теряетъ головы: на перевалѣ держитъ посмѣнно только часть войскъ, а 14-ть баталіоновъ расположилъ уступами позади для противодѣйствія обходу и полному охвату. Теперь все сводится къ тому, кто кого переупрямитъ выдержкою и стойкостью.

Сегодня рано утромъ, Непокойчицкій вызвалъ Левицеаго и началъ совѣщаться, что дѣлать. Какъ только я вышелъ изъ кибитки, онъ привлекъ къ совѣщанію и меня. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе.

На Шипкѣ рѣшается участь кампаніи нынѣшняго года. Если мы оставимъ ее раньше полнаго истощенія силъ, то горько пожалѣемъ. Въ такихъ страшно напряженныхъ положеніяхъ всегда все держится на одномъ волоскѣ: за этотъ волосокъ и надо держаться до послѣдней крайности. Ничтожнаго на видъ обстоятельства достаточно, чтобы волосокъ оборвался для той или другой стороны, но не расчетъ обрывать его намъ самимъ. Отступивъ съ Шипки добровольно, мы все равно проигрываемъ кампанію, а отстаивающія Шипку войска этимъ не спасемъ. Они дерутся, пока отстаиваютъ позицію; но стоить только ихъ вы-

вести изъ боя — конецъ: обратятся въ слабосильную команду, которую придется увести на продолжительный отдыхъ подъ охрану другихъ войскъ.

Съ очищеніемъ Шипки, турки такъ пріосаятся, что не только Сулейманъ, но и Османъ и Мехметъ-Али перейдутъ въ наступленіе, и намъ придется отбиваться съ юга, съ востока и съ запада. Пока мы держимся на Шипкѣ—они ни за что на это не рѣшатся: а какъ только ее сдадимъ — такъ воодушевятся, что выкажутъ еще большія чудеса храбрости. Вотъ тогда намъ дѣйствительно придется плохо. Сами передъ всѣмъ свѣтомъ признаемъ себя побѣжденными, а побѣжденный—всегда виновать.

Поэтому намъ необходимо идти на-отчаянную. Турки ставятъ все на карту, и мы должны сдѣлать то же. Если наше теперешнее положеніе такъ скверно, то въ значительной степени потому, что начали очень смѣло, а послѣ первой же неудачи усомнились въ себѣ и выпустили изъ рукъ инициативу. Теперь надо употребить всѣ усилія, чтобы сбросить Сулеймана съ Балканъ; а если не удастся, то хоть удержать свои позиціи. Если хоть на шагъ отступимъ — придется, можетъ быть, отступить даже за Дунай, — и тогда вся кампанія нынѣшняго года пойдетъ на смарку.

И Непокойчицкій, и Левицкій, согласились съ этимъ и тотчасъ же пошли къ Великому Князю. Послѣ часового совѣщанія Великій Князь рѣшилъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ къ Государю и испросить его повелѣній.

Теперь все зависитъ отъ того, въ какомъ настроеніи они застанутъ Государя и какъ это настроеніе отразится на нихъ самихъ. Государь все время ужасно волнуется: каждая полученная съ Шипки телеграмма, каждый пріѣзжающій оттуда очевидецъ — посылаются къ нему немедленно. Если долго нѣтъ извѣстій — онъ самъ пріѣзжаетъ верхомъ къ Великому Князю, поговорить съ нимъ и уѣзжаетъ, каждый разъ видимо успокоенный. Дай Богъ, чтобы и сегодня Великому Князю удалось утишить его душевную муку и скорбь.

Ждемъ извѣстій съ Шипки: ничего еще неизвѣстно, что тамъ дѣлается сегодня. Вчера вечеромъ оттуда вернулись Лигницъ и молодой американскій офицеръ Гринъ, недавно къ намъ пріѣхавшій. Оба восторженно изумлены сказочнымъ героизмомъ нашихъ войскъ и невозмутимымъ спокойствіемъ Радецаго, этого истинно-русскаго скромнаго богатыря.

Послѣ завтрака Нелидовъ ¹⁾ сообщилъ мнѣ по секрету, что

¹⁾ Директоръ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго.

Уэллслей ¹⁾ возвращается съ собственноручнымъ письмомъ королевы Викторіи, въ которомъ она завѣряетъ Государя, что Англія останется благопріятно-нейтральною (?), но проситъ кончать войну поскорѣе, такъ какъ общественное мнѣніе очень подвинуто подвигами турокъ и легко можетъ единодушно повернуться противъ Россіи.

По мнѣнію Нелидова, намъ достаточно теперь дать понять другимъ великимъ державамъ, что мы согласны удовлетвориться автономіей Дунайской Болгаріи: всѣ охотно предложатъ свое немедленное посредничество, а Турція съ радостью согласится помириться на этихъ условіяхъ. Но, конечно, для насъ мало почетнаго въ такомъ мирѣ.

А по моему, намъ лучше лечь здѣсь всѣмъ до одного, чѣмъ заговаривать о мирѣ при теперешнихъ обстоятельствеяхъ. Вотъ когда сбросимъ съ Балканъ Сулеймана и выгонимъ изъ Плевны Османа, тогда—другое дѣло: если турки сами запросятъ мира, то можно еще подумать, стѣитъ ли продолжать войну, которую мы все равно не доведемъ до конечной цѣли—разрушенія Оттоманской имперіи.

3 часа пополудни.—Великій Князь и Непокойчицкій вернулись отъ Государя. Рѣшено: Непокойчицкому ѣхать на Шипку самому, осмотрѣть наши и турецкія позиціи и обсудить съ Радецкимъ, на чемъ остановиться. Радецкому послана объ этомъ телеграмма.

Извѣстій съ Шипки все еще нѣтъ, но это скорѣе добрый знакъ. Вчера тоже цѣлый день не было ничего, а вечеромъ пришла телеграмма, что все ограничивалось ружейною перестрѣлкою ²⁾.

7 часовъ вечера.—Государь пріѣхалъ: вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ сидитъ въ кибиткѣ Непокойчицкаго и втроемъ совѣщаются. Телеграмма съ Шипки наконецъ получена: сегодня тоже была лишь слабая ружейная перестрѣлка, но турки строятъ батареи въ горахъ.

Сегодня же вечеромъ Непокойчицкій уѣхалъ на Шипку.

18 августа, четвергъ.—Много разговора по возникшему вопросу: привлекать ли Сербію къ соучастію въ военныхъ дѣйствіяхъ, или нѣтъ? Тамъ теперь находится и агитируетъ из-

¹⁾ Англійскій военный агентъ при императорской главной квартирѣ.

²⁾ Необходимо замѣтить, что у насъ телеграфъ устроенъ только до Габрова, а оттуда сообщеніе съ Шипкою—черезъ ординарцевъ. Это очень замедляетъ полученіе извѣстій.

вѣстный Ростиславъ Фадѣевъ: его считаютъ тамъ русскимъ негласнымъ уполномоченнымъ, а онъ этого не признаетъ и не отвергаетъ. Такъ какъ Скобелевъ-отецъ (Дмитрій Ивановичъ) съ нимъ въ давней дружбѣ, то Великій Князь поручилъ ему написать Фадѣеву письмо съ просьбою уѣхать изъ Сербіи. Д. И. Скобелевъ это порученіе исполнилъ. Онъ давалъ мнѣ читать свое письмо: коротко и очень забавно написано. Я попросилъ позволенія снять копію на память; Д. И. съ удовольствіемъ согласился.

Вотъ это письмо:

„Любезный Ростинька! Такъ какъ пребываніе ваше въ Сербіи находятъ по высшимъ соображеніямъ нежелательнымъ, то по приказанію того, кто мнѣ приказать можетъ, сообщаю вамъ какъ дружескій совѣтъ: лучше вамъ оттуда уѣхать“.

Нелидовъ—противъ сербской коопераціи, и сегодня онъ прочелъ мнѣ свою докладную записку Великому Князю по этому вопросу. Упомянувъ прежде всего о томъ, что привлеченіе Сербіи было бы нарушеніемъ даннаго Австріи обѣщанія и повлекло бы за собою всевозможныя нежелательныя для насъ осложненія, онъ доказываетъ: 1) Сербія еще такъ разстроена, что отъ нея нельзя ожидать серьезной помощи; 2) если даже ей удастся организовать и двинуть свои войска, то турки ихъ навѣрное разобьютъ, а мы—даже не въ состояніи во-время помочь; 3) Сербія на свои деньги воевать не можетъ: придется помочь ей и деньгами, и оружіемъ, и военными запасами, а пользы отъ этого ожидать трудно. Въ заключеніе Нелидовъ предлагаетъ, прежде чѣмъ рѣшиться на привлеченіе Сербіи, послать туда довѣренное и компетентное лицо удостовѣриться: насколько солидны сербскія военныя приготовленія и можно ли рассчитывать на серьезную пользу отъ сербской коопераціи.

Ожидается парламентаръ отъ Мехмета-Али съ какимъ-то письмомъ къ Великому Князю: объ этомъ предупредилъ Цесаревичъ. Его адъютантъ графъ Шереметевъ привезъ письмо Великому Князю.

Вечеромъ получена слѣдующая шифрованная телеграмма Непокойчицеаго съ Шипки:

„По совѣщанію съ Радецкимъ, при видимомъ бездѣйствіи и брѣвномъ уменьшеніи непріятеля у Шипки, необходимо обратитъ всѣ силы на Плевну. Поэтому 2-ю пѣх. дивизію необходимо тотчасъ отправить въ Сельви, откуда Имеретинскій, а также отрядъ Скобелева, пошелъ бы на Ловчу. Для занятія ея ставить тамъ одинъ полкъ 2-й дивизіи, а съ остальными вой-

сками двинуться къ Плевнѣ. Къ этому времени у Зотова должно быть все готово. 3-я стрѣлковая бригада двинулась бы изъ Тырнова тоже къ Порадиму. Развязка у Плевны есть главный нашъ вопросъ. Тогда руки будутъ у насъ развязаны. Если ваше высочество одобрите эти предположенія, то благоволите приказать тотчасъ Радецкому двинуть 2-ю дивизію по назначенію и телеграфировать мнѣ въ Тырновъ, гдѣ буду ночевать у Шаховскаго. Благоволите сообщить интенданту о томъ, что будетъ рѣшено“.

Великій Князь немедленно телеграфировалъ шифромъ:

1) Непокойчицкому въ Тырновъ:

„Радецкому приказалъ немедленно двинуть 2-ю дивизію въ Сельви и далѣе по вашей телеграммѣ. Не лучше ли направить 3-ю стрѣлковую бригаду на Мрадего, Летницу и Порадимъ? Распорядитесь какъ полагаете лучше. Какая часть замѣнить стрѣлковъ въ Тырновѣ? Какія извѣстія о неприятелѣ противъ Шипки и объ арміи Сулеймана? Кому поручили командовать атакою Ловчи? Направьте всю кавалерію изъ Никупа въ Мрадего и далѣе съ 3-ю стрѣлковою бригадою, а также сводный полкъ, стоящій въ Тырновѣ“.

2) Радецкому въ Габрово—на Шипку:

„Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, условленнымъ между вами и генераломъ Непокойчицкимъ. Двиньте немедленно 2-ю дивизію въ Сельви, гдѣ Имеретинскому присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и идти на Ловчу, которую вмѣстѣ съ отрядомъ Скобелева атаковать. По занятіи ея, оставивъ тамъ одинъ пѣхотный полкъ, со всѣми остальными силами идти на Плевну“.

3) Зотову въ Порадимъ (подъ Плевной):

„Генералъ Непокойчицкій, посланный мною на Шипку, доноситъ, что, по совѣщаніи съ Радецкимъ, въ виду бездѣйствія и вѣроятнаго уменьшенія силъ неприятеля, нашли необходимымъ обратить главное мое вниманіе на Плевну. Поэтому рѣшилъ: завтра направить 2-ю дивизію изъ Габрова на Сельви, гдѣ присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и совместно съ отрядомъ Скобелева атаковать Ловчу. По занятіи ея, оставить тамъ одинъ полкъ, а съ остальными силами двинуться къ Плевнѣ для участія въ атакѣ ея. 3-я стрѣлковая бригада съ тремя кавалерійскими полками идетъ завтра изъ Тырнова черезъ Летницу въ Порадимъ, куда прибудетъ 21-го числа. Къ этому времени у васъ все должно быть готово къ началу атаки, какъ вами было предположено, т.-е. заложение батарей 21-го числа, послѣдовательное постепенное наступленіе и дѣйствія кавалеріи на

тылъ непріятеля. Румынамъ послалъ приказаніе перейти Дунай всѣми силами 20-го числа. Князя прошу лично прибыть въ Порадимъ тоже 20-го. Приготовьте все тихо, спокойно, безъ огласки. Да поможетъ намъ Богъ“.

4) Князю Карлу Румынскому въ Турну-Магурели (переводъ съ французскаго):

„По полученнымъ свѣдѣніямъ о расположеніи непріятеля, безусловно необходимо, чтобы 20-го августа вся румынская армія перешла на правый берегъ Дуная. Прими необходимыя энергическія мѣры и снесись съ великимъ княземъ Алексѣемъ о предоставленіи тебѣ всѣхъ возможныхъ средствъ къ безостановочной и быстрой переправѣ. Твое личное присутствіе необходимо въ Порадимѣ 20-го утромъ. Съ сегодняшняго дня запрети, впредь до новаго распоряженія, отправку со всѣхъ дунайскихъ станцій, до Кораби влючительно,—всякихъ частныхъ телеграммъ, особенно корреспондентскихъ“.

5) Великому князю Алексѣю Александровичу въ Турну-Магурели:

„Употреби всѣ силы, чтобы перевести всю румынскую армію въ 20-му числу на правый берегъ Дуная: это крайне необходимо. Князя извѣщаю объ этомъ тоже“.

19 августа, пятница.—Турецкій парламентаръ отъ Мехмета-Али уже уѣхалъ: пріѣзжалъ сюда для пустого разговора о „Красной лунѣ“ (соотв. нашему „Красному кресту“). Нелидовъ представлялъ его Великому Князю. Очень образованный и милый молодой человекъ, получившій воспитаніе въ Парижѣ, внучь Фуада-паши, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ во время крымской войны.

Непокойчицкій вернулся съ Шипки. По словамъ его адъютанта, Максимовича ¹⁾, съ такимъ же невозмутимо спокойнымъ видомъ онъ объѣзжалъ Шипкинскія позиціи, съ какимъ расхаживаетъ здѣсь.

Около трехъ часовъ дня получены одновременно телеграммы отъ Цесаревича и отъ Зотова о переходѣ турокъ въ наступленіе. Оба извѣстія явились совершенно неожиданно, хотя туркамъ давно слѣдовало это сдѣлать: серьезный непріятель сдѣлалъ бы это одновременно съ атакою Сулеймана на Шипку. Но Великій Князь очень взволновался и разстроился; Государь—тоже. Вскорѣ,

¹⁾ Бывшій войсковой наказный атаманъ войска Донскаго, нынѣ генералъ-губернаторъ въ Варшавѣ.

однако, пришла телеграмма Зотова, что турецкая вылазка изъ Плевны отбита окончательно, и въ то же время получено собственноручное письмо Цесаревича, написанное самымъ сердечнымъ и сочувственнымъ тономъ. Цесаревичъ точно предчувствовалъ, что Великаго Князя надо успокоить.

Въ письмѣ этомъ (Великій Князь далъ мнѣ его прочесть) Цесаревичъ между прочимъ, объясняетъ, что потерю Аясларской позиціи 11-го августа мы обязаны начальнику штаба 13-го арм. корпуса полковнику Ильяшевичу, который „все только спорить, не слушается, не исполняетъ приказаній... Я рѣшительно прошу, чтобы Ильяшевича смѣнили: съ такими подчиненными дѣло идти не можетъ“. Конечно, онъ будетъ немедленно смѣненъ.

Сегодня вечеромъ Великій Князь послалъ Левицкаго подъ Плевну къ Зотову, а временное исправленіе его должности (безъ отданія въ приказъ) Непокойчицкій поручилъ мнѣ.

Съ нѣкотораго времени Великій Князь и Непокойчицкій возложили на меня еще новую обязанность: составленіе и разборъ шифрованныхъ депешъ. Съ непривычки—это трудъ нелегкій. У насъ два военныхъ шифра; свой и румынскій. Оба я постигъ вполне, разбираю и составляю телеграммы быстро, но трудъ этотъ—очень кропотливый и утомительный.

21 августа, воскресенье.—Завтра отрядъ князя Имеретинскаго, которому подчиненъ и отрядъ Скобелева, долженъ атаковать Ловчу. Если ее возьмутъ, то 24-го или 25-го отрядъ этотъ можетъ уже подойти къ Плевнѣ, и тогда у насъ соберется тамъ (вмѣстѣ съ румынами) 92 бат., 58 эск. и сотенъ, 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій: всего слишкомъ 80.000 чел. Съ такими силами, если только умѣло распорядиться, Плевну взять можно.

Великій Князь собирается ѣхать туда со своимъ летучимъ штабомъ 23-го или 24-го. Государь изъявилъ также свое непремѣнное желаніе присутствовать при атакѣ. Вслѣдствіе этого Великій Князь долженъ будетъ по необходимости состоять при Государѣ. Кто приметъ общее начальство надъ войсками—неизвѣстно.

23 августа, вторникъ.—Получено радостное извѣстіе о взятіи Ловчи вчера: изъ полученныхъ пока извѣстій видно, что дѣло было ведено съ толкомъ и энергіей.

Завтра рано утромъ увѣжаемъ въ д. Раденицу (между Ка-

рагачемъ и Порадимомъ). Всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя уже уѣхали впередъ: остались только Непокойчицкій, я и адъютанты Скалонъ и Андреевъ. Лошади и вещи наши, а также кухня Великаго Князя—тоже отправлены. По этому случаю Государь пригласилъ Великаго Князя съ его маленькою свитою обѣдать къ себѣ. Послѣ обѣда со мною долго разговаривалъ военный министръ. Сообщилъ, что начальникъ академіи просить прислать Лобко ¹⁾ и меня къ началу курса обратно, такъ какъ насъ негѣмъ замѣнить, но что онъ, военный министръ, не рѣшается даже заговорить объ этомъ съ Великимъ Княземъ, такъ какъ заранѣе знаетъ, что онъ ни за что меня не отпуститъ. Я просилъ не заводить рѣчи объ этомъ и выразилъ убѣжденіе, что въ случаѣ рѣшительнаго успѣха подъ Плевною война можетъ кончиться еще до наступленія зимы. На это Д. А. Милютинъ съ горечью возразилъ, что онъ давно потерялъ надежду на скорое окончаніе войны и вообще, при нашей неурядицѣ, Богъ знаетъ еще, какъ и когда война кончится. Противъ этого возражать было нечего.

Вечеромъ была сильнѣйшая гроза съ проливнемъ. Очень жстати: все время стоитъ жара невыносимая. 25⁰ считаемъ умѣренной температурою.

24 августа, среда.—Переѣхали въ д. Раденицу. Приѣхалъ генераль Зотовъ. Переговоривъ съ нимъ подробно, Великій Князь рѣшилъ завтра выждать здѣсь, чтобы не вызывать толковъ своимъ заблаговременнымъ приѣздомъ.

Государь со свитою выѣхалъ слѣдомъ и оставовился сегодня въ д. Чаушъ-Магала.

На слѣдующій день, 25 августа, получена телеграмма Цесаревича: вчера турки дѣйствительно атаковали одновременно наши позиціи при Аблавѣ и Коцелевѣ. Атака на Аблаву хотя и отбита, но такъ какъ коцелевскій отрядъ, подавленный тройными силами, вынужденъ былъ отступить, то и Аблаву пришлось очистить.

Полнаго текста этой телеграммы Великій Князь мнѣ не показывалъ; отвѣтъ составилъ и зашифровалъ самъ ²⁾.

¹⁾ Также профессоръ военной администраціи, состоявшій первую половину кампаніи лично при военномъ министрѣ, а затѣмъ—бывшій помощникомъ начальника штаба тыла арміи, нынѣ—государственный контролеръ.

²⁾ Впослѣдствіи, въ 1878 или 1879 году, разбирая и приводя въ порядокъ его походный архивъ, я нашелъ только отвѣтную телеграмму Великаго Князя, собственноручно написанную карандашомъ и безъ пометки числа. Но она была, конечно, отправлена не позже утра 26 августа съ ближайшей телеграфной станціи Порадимъ. Вотъ текстъ этой телеграммы:

Къ настоящему дню расположеніе нашихъ войскъ должно быть слѣдующее:

1) Рущувскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича (12-й и 13-й корпусъ), принужденный отодвинуться нѣсколько назадъ—приблизительно по линіи между рр. Ломомъ и Янтроу, до Церковны влючительно.

2) Тырновскій отрядъ генераль-лейтенанта князя Шаховскаго (1½ пѣх. дивизіи и кавал. бригада 13-го корпуса, елецкій и сѣвскій пѣх. полки изъ 8-го корпуса и 13-я кавалер. дивизія изъ 13-го корпуса)—отъ Церковны до Балканъ, занимая также Хаинкюйскій перевалъ.

3) Шишкинскій отрядъ генераль-лейтенанта Радецкаго (8-й корпусъ безъ елецкаго и сѣвскаго полковъ, 4-я стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе)—на Янинскомъ, Шишкинскомъ и Травненскомъ перевалахъ, имѣя резервъ въ Габровѣ.

4) Ловче-сельвинскій отрядъ: 2-я бригада 3-й пѣх. дивизіи подъ командою ген.-м. Давидова.

5) Западный отрядъ подъ общимъ начальствомъ князя Карла Румынскаго:

Правый флангъ.—отъ деревни Рыбно на рѣкѣ Видѣ до Гривицкаго шоссе: 3-я и 4-я румынскія дивизіи съ тремя полками каларашей, имѣя въ резервъ у деревни Врбицы свою же резервную дивизію. Итого: 30 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 90 орудій.

Центръ: а) на Гривицкомъ шоссе—кавалерія генераль-лейтенанта Лашварева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій); б) отъ Гривицкаго шоссе до дороги изъ Пелишата въ Плевну—9-й армейскій корпусъ (18 баталіоновъ и 80 орудій) и осадная артиллерія (20 орудій); в) на Радишевскихъ высотахъ—часть 4-го армейскаго корпуса (15 баталіоновъ и 72 орудія); г) между

„Капривци. Наслѣднику Цесаревичу:

„Въ виду дѣла подъ Плевной и войскъ, занимающихъ Тырновъ, Шилку, Хаинкюй, необходимо тебѣ держаться съ твоимъ отрядомъ до послѣдней крайности, иначе Богъ знаетъ что можетъ выйти. Подкрѣпленіе можетъ придти: одинъ полкъ и двѣ батареи 28-го и второй 31-го къ Владиміру. Къ тебѣ въ Бѣлу два полка казаковъ 29-го числа, третій полкъ казаковъ 31-го числа и четвертый полкъ 2-го сентября; одинъ полкъ пѣхоты въ Бѣлу 2-го числа, другой—5-го. Гвардейская стрѣлковая бригада въ Павло 4-го числа. Если Богъ благословитъ подъ Плевной, то самъ приду, но врядъ ли ранѣе 5-го или 6-го. Вотъ въ какомъ мы положеніи, и если до 6-го не удержимъ наступленіе турокъ, то самъ посуди, въ какое ты положеніе ставишь меня и насъ всѣхъ передъ лицомъ всей Россіи, имѣя Государя въ арміи. Сохрани васъ Богъ отступить за Янтру.—Николай“.

Подчеркнутыя слова телеграммы были зашифрованы.

Тученицею и Радисевомъ—кавалерія генераль-маіора Леонтьева (8 эскадроновъ и 6 орудій).

Лѣвый флангъ: а) донская казачья бригада полковника Чернозубова (12 сотенъ и 6 орудій)—отъ Тученицы до Плевно-Ловчинскаго шоссе; б) соединенные отряды свиты его величества генераль-маіоровъ князя Имеретинскаго и Скобелева 2-го (20 баталіоновъ и 56 орудій)—на самомъ шоссе; в) кавказская казачья бригада (12 сотенъ и 16 орудій)—отъ Плевно-Ловчинскаго шоссе до рѣки Видь.

Общій резервъ—изъ одного полка и батарей 9-го корпуса, двухъ полковъ и двухъ батарей 4-го корпуса, двухъ румынскихъ полковъ съ батареею, двухъ гусарскихъ полковъ съ батареею (11 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 30 орудій)—у деревни Пелишатъ.

Всего около 65.000 пѣхоты (92 баталіона), 5.500 чел. кавалеріи (58 эскадроновъ), 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій (около 4.500 чел.). Итого—около 90.000 человекъ.

Но эти 90.000 человекъ растянуты, по крайней мѣрѣ, на двадцать верстъ и расположены тонкимъ полукольцомъ, причѣмъ путь отступленія непріятеля совершенно свободенъ: на лѣвомъ берегу Вида у насъ ничего нѣтъ.

26 августа, пятница.—Ночью были устроены двѣ осадныя батареи. Сегодня началось бомбардированіе Плевны. Мы съ утра отправились туда. Государь перевелъ свою главную квартиру изъ Чаушъ-Магалы въ Раденицу, и оттуда тоже прибылъ подъ Плевну. Вечеромъ Государь и Великій Князь со своими свитами вернулись ночевать въ Раденицу.

Весь слѣдующій день опять присутствовали при бомбардированіи плевнинскихъ укрѣпленій. Вечеромъ Великій Князь неожиданно объявилъ, что на переѣзды изъ Раденицы и обратно пропадаетъ слишкомъ много времени, и что будемъ ночевать въ Порадимѣ. Въ совершенной темнотѣ отправились туда. Прибыли: ни зги не видно, огней нигдѣ нѣтъ. Во всей этой деревнѣ одинъ только домъ, занятый княземъ румынскимъ ¹⁾, а то все землянки, снаружи покрытыя соломой, а внутри обмазанныя глиной. Ночью ихъ и не видно. Начали бродить ощупью, безпрестанно натываясь на плетни и попадая въ какія-то канавки. Потерали изъ виду другъ друга и своихъ конюховъ съ верховыми лошадьми. Я, какъ примкнулъ случайно во время

¹⁾ Наши солдатики уже успѣли дать ему прозвище „румынская Карла“.

переѣзда къ начальнику телеграфовъ, генераль-маіору Шталю, такъ и остался съ нимъ. Наткнулись, наконецъ, на кого-то въ темнотѣ. Облivelyли: по голосу узналъ геодезиста Савицкаго. Онъ находился тамъ уже нѣсколько дней и пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ выпить чаю. Но, отойдя нѣсколько шаговъ, самъ потерялъ изъ виду свою землянку, и прошло не мало времени, пока онъ нашелъ къ ней дорогу. Наконецъ, добрались. Савицкій угостилъ насъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ; мы съ чувствомъ поблагодарили, но затѣмъ опять возникъ вопросъ: куда дѣваться? Шталъ предложилъ идти разыскивать военно-телеграфную станцію, чтобы тамъ переночевать. Пошли. Неизвѣстно, сколько времени мы бы еще плутали, еслибъ не счастливая случайность: наткнулись на коляску самого Штала. Кучеръ его наудачу выѣхалъ на розыски. Благодаря этой неожиданности, мы добрались, наконецъ, до телеграфной станціи. Наши верховныя лошади съ конюхами уже оказались тамъ. Шталъ легъ спать въ землянкѣ, а я—на соломѣ, подъ навѣсомъ, завернувшись въ кожаное пальто.

28 августа, воскресенье. — Опять весь день присутствовали при обстрѣливаніи Плевны, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Всѣ эти дни завтракали у Государя, между 1—2 час. дня, холодными закусками. Завтраки происходили все на одномъ и томъ же холмѣ, который уже окрестили „холмомъ завтраковъ“. Къ 7-ми час. вечера вернулись въ Порадимъ, гдѣ обѣдали у князя румынскаго. Государь со свитою вернулся въ Раденицу.

Вчера вся кавалерія генераль-маіора Лашкарева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій), стоявшая у Гривицы, перешла оттуда мимо сѣверной окраины Плевны за рѣку Видъ и, усилившись по пути еще румынскою кавалерійскою дивизіей (16 эскадроновъ и 6 орудій), двинулась къ Дольнему-Дубяку.

Сегодня, *29 августа*, идетъ четвертый день бомбардированія Плевны. Великій Князь, воспользовавшись тѣмъ, что Государь назначилъ на сегодня свой пріѣздъ только къ часу дня (въ предыдущіе дни прибывалъ между 9—10 утра), съ 9-ти часовъ утра предпринялъ объѣздъ нашихъ позицій. До сихъ поръ это никакъ не удавалось, въ виду непремѣннаго желанія Государя быть все время вмѣстѣ, а между тѣмъ Великій Князь считалъ невозможнымъ подвергать опасности его драгоцѣнную жизнь. Вслѣдствіе этого Великому Князю и пришлось совершенно отказаться отъ непосредственнаго руководства ходомъ боя, предоставивъ это

князю Карлу. Но и князь былъ лишь номинальнымъ начальникомъ; довольный оказаннымъ ему вниманіемъ, онъ рѣшительно ни во что не вмѣшивался (что и было вполне благоразумно), все время безотлучно находился при Государѣ, а фактическое начальствованіе вполне предоставилъ генералъ-лейтенанту Зотову. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, естественно чувствовалъ себя очень неловко и не могъ сознавать себя самостоятельнымъ въ присутствіи не только главнокомандующаго, но и самого Государя Императора. Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба Новицкимъ онъ также держался и держится около Государя и Великаго Князя.

Великій Князь началъ свой объѣздъ съ осадныхъ батарей и батарей полевой артиллеріи, обстрѣливавшихъ Плевну. Чтобы не привлекать вниманія турокъ, онъ приказалъ слѣдовать за собою лишь весьма немногимъ лицамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Остальной свитѣ и конвойному эскадрону лейбъ-казаковъ велѣлъ держаться въ отдаленіи и въ рассыпную. Но такъ какъ онъ весьма часто останавливался на батареяхъ и около войскъ, то весь громадный хвостъ постепенно подтягивался все ближе и становился все гуще. Такъ что когда Великій Князь подъѣхалъ къ мѣсту расположенія главнаго резерва (къ юго-западу отъ Радишева), то за нимъ уже столпилась густая масса, около двухсотъ человекъ слишкомъ, рѣзко бросающаяся въ глаза, особенно благодаря огромному великокняжескому значку. Конечно, турки сейчасъ же это замѣтили (резервы имъ не могли быть видны, ибо скрывались въ лоцинѣ, за гребнемъ, по которому ѣхали мы) и направили огонь на насъ. Первая граната перелетѣла, вторая—разорвалась уже совсемъ поблизости, а третья пролѣла надъ самыми головами и зарылась въ землю около насъ, безъ разрыва. Великій Князь тотчасъ приказалъ всемъ намъ спуститься въ лоцину и рассыпаться, а самъ съ однимъ Непокойничкинымъ остался на мѣстѣ и своимъ звонкимъ, яснымъ голосомъ поздоровался съ войсками резерва. Затѣмъ еще нарочно подозвалъ къ себѣ старшихъ начальствующихъ лицъ и, переговоривъ съ ними, шагомъ объѣхалъ весь резервъ. Сойдя съ коня, онъ приказалъ слѣдовать за собою (тоже пѣшкомъ) великому князю Николаю Николаевичу Младшему, Непокойничкову, Левицкому, временно командующему 4-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Крылову, начальнику штаба корпуса полковнику Новицкому, Свобелеву-отцу, мнѣ и нѣсколькимъ своимъ адъютантамъ. Всей остальной свитѣ и конвою велѣлъ оставаться при резервѣ.

Великій Князь вмѣстѣ съ нами прошелъ пѣшкомъ впередъ

шаговъ на пятьсотъ-шестьсотъ и, выбравъ удобное мѣстечко, усѣлся на травѣ наблюдать въ бинокль турецкія укрѣпленія и дѣйствія нашего лѣваго фланга (войска князя Имеретинскаго и Скобелева), отдѣленнаго отъ насъ глубокою, но довольно пологою лощиною. Ясно было видно, что самый ожесточенный огонь былъ направленъ именно противъ нашего лѣваго фланга, что и вполне понятно: войска Скобелева всего ближе къ самому чувствительному мѣсту, т.-е. къ пути отступленія непріятеля. Гранаты такъ и летали мимо насъ и черезъ наши головы: большая часть ихъ разрывалась шагахъ въ 150—300 вправо и влѣво отъ насъ.

При этой обстановкѣ Новицкій читалъ Великому Князю проектъ диспозиціи штурма на 30-е августа: великій князь-Младшій, Неповойчицкій, Левицкій, Крыловъ, я и адъютантъ Великаго Князя Скалонъ слушали. Великому Князю очень не понравилось, что штурмъ назначенъ такъ поздно—въ четыре часа дня. Новицкій объяснялъ, что это предположено съ умысломъ: легче будетъ удерживать за собою занятія позиціи, когда смеркнется. Великій Князь велѣлъ, однако, назначить часомъ раньше—въ три часа. Но и это слишкомъ поздно. Впрочемъ, главный недостатокъ диспозиціи не въ этомъ, а въ назначеніи общей атаки по всему южному фронту, и сверхъ того—на Гривицкій редутъ. При предварительномъ обсужденіи было рѣшено вести главную атаку только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, т.-е. бить въ самое чувствительное мѣсто. Несмотря на это рѣшеніе, не разъ повторенное (еще вчера былъ объ этомъ разговоръ у Великаго Князя съ Зотовымъ), въ диспозиціи назначена общая атака, и ни Великій Князь, ни Неповойчицкій ничего противъ этого не возразили. Слѣдовательно—такъ это и сдѣлается.

Не знаю, по своему ли убѣжденію Зотовъ съ Новицкимъ провели въ диспозицію эту несчастную идею, или же поддались влиянію Левицкаго. Склоненъ думать послѣднее, и вотъ на какомъ основаніи. Вчера Левицкій, по приказанію Великаго Князя, ѣздилъ въ отрядъ Скобелева и, вернувшись оттуда, доложилъ буквально слѣдующее ¹⁾:

„Турки не могутъ отдать тѣ высоты, которыя приходится атаковать Скобелеву, потому что съ нихъ обстрѣливается и городъ Плевна, и весь турецкій укрѣпленный лагерь, въ которомъ стоитъ ихъ резервъ. Атака этихъ высотъ поведетъ въ самому

¹⁾ Слова эти я немедленно записалъ, и потомъ совѣтовалъ Левицкому отказаться отъ нихъ, на что онъ, однако, не согласился.

кровавопролитному бою: не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзій на этотъ счетъ“.

По здравому смыслу казалось бы, что именно поэтому и слѣдуетъ употребить всѣ усилія на овладѣніе этими высотами, ограничиваясь на остальныхъ пунктахъ канонадою и демонстраціями. Но Левицкій вчера же сдѣлалъ неожиданный выводъ: надо сперва овладѣть укрѣпленіями южнаго фронта, а затѣмъ уже атаковать участки турецкой позиціи противъ Скобелева. На него тогда напали и Великій Князь, и Непокойчицкій, и Зотовъ; а когда послѣдній споряча сказалъ: „да вѣдь это смысла не имѣетъ!“ — тогда Великій Князь отвелъ всѣхъ троихъ въ сторону, и я не знаю, чѣмъ вчера кончился этотъ разговоръ.

Утвердивъ влополучную диспозицію, Великій Князь, наконецъ, всталъ. Мы всѣ сѣли верхомъ и поѣхали обратно, причемъ Великій Князь приказалъ ѣхать за нимъ только Непокойчицкому, Левицкому, Струкову, мнѣ и дежурному ординарцу, а всей остальной свитѣ съ лейбъ-казачьимъ эскадрономъ — въ отдаленіи, правѣе, скрываясь лощинами. На осадной батарее, между Радшевомъ и Гривидей, Великій Князь остановился на нѣкоторое время для наблюденія за выстрѣлами и разговаривалъ съ начальникомъ осадной артиллеріи. Грохотъ отъ нашего и турецкаго артиллерійскаго огня былъ таковъ, что мы едва слышали другъ друга, стоя рядомъ.

Съ этой батареи направились кратчайшимъ путемъ на „холмъ завтраковъ“, и по пути туда, около двухъ часовъ дня, стѣхались съ Государемъ, который уже давно искалъ Великаго Князя, и теперь ѣхалъ вторично ему на встрѣчу. Государь съ видимымъ удовольствіемъ рассказалъ Великому Князю, что во время своихъ поисковъ вмѣстѣ со свитою уже попалъ подъ огонь, изъ-подъ котораго „отступилъ въ полномъ порядкѣ, какъ гвардія подъ Аустерлицемъ“.

Вечеромъ вернулись на ночлегъ въ Порадимъ. Я опять ночевалъ подъ навѣсомъ телеграфной станціи.

Сегодня прибылъ на подкрѣпленіе 9-й пѣхотный старо-нигерманландскій полкъ съ одною батареею. Другой полкъ той же бригады, 10-й пѣхотный новоингерманландскій, прямо съ переправы былъ направленъ на подкрѣпленіе къ Цесаревичу. 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи прибыла гораздо раньше, успѣла принять участіе во взятіи Ловчи 22-го августа и тамъ осталась.

4-е сентября, воскресенье, утромъ. — Только-что возвратились изъ Порадима въ Раденицу, и лишь теперь могу возобновить

свой дневникъ по соображеннымъ замѣткамъ моей полевой записной книжки.

Весь день 30-го августа былъ пасмурный, холодный и унылый. Съ утра моросилъ мелкій дождь и стоялъ такой густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Приѣхавъ на „холмъ завтраковъ“ въ 11-мъ часу утра, мы только слышали жесточайшую пальбу, да по временамъ видѣли мелькающіе въ туманѣ огоньки выстрѣловъ. Въ 11^{1/2} час. утра прибылъ нашъ многострадаальный царственный именинникъ, съ выраженіемъ глубокой печали на кроткомъ челѣ. Ровно въ 12 час. дня начался молебенъ въ заранѣ поставленномъ церковномъ шатрѣ. Никогда не забуду этого торжественнаго богослуженія при неумолкаемомъ грохотѣ пушекъ и трескотнѣ ружей. На всѣхъ лицахъ было написано глубокое сознаніе трагической серьезности настоящаго дня и тяжелое раздумье въ ожиданіи штурма. Не было столь обыкновенной болтовни шопотомъ въ свитѣ, какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ на торжественныхъ молебнахъ въ царскіе дни; всѣ молились безмолвно и сосредоточенно. Государь молился особенно горячо: слезы такъ и струились по его печальному лицу. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвела на меня молитва съ колѣнопреклоненіемъ, прочитанная духовникомъ Государя. Упомянувъ о тяжкихъ испытаніяхъ, выпавшихъ на долю вѣнценоснаго вождя русской земли, и о томъ, что имъ все еще не предвидится конца,—священникъ молилъ Бога дать ему силы выпить чашу страданій до дна, съ вѣрою, надеждою и покорностью волю Божию, ибо только претерпѣвшій до конца спасется. Никогда я еще не слышалъ, чтобы молитва священника до такой степени исходила изъ глубины взволнованной души, чтобы голосъ звучалъ такою скорбною, искреннею мольбою и вѣрою. Думаю, что эта молитва должна была потрясти самыя оградѣлыя сердца.

Во время этого молебна я въ первый разъ *вполнѣ* понялъ всю глубину трагизма положенія Государя. Мнѣ стало ясно, что онъ дѣйствительно не можетъ не оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ему необходимо видѣть и слышать самому все, что здѣсь дѣлается: иначе вѣтъ и не можетъ быть ни минуты покоя его измученной душѣ. Онъ немогъ физически и надорванъ душевно: онъ обманутъ въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, разочарованъ и огорченъ неудачами своихъ благороднѣйшихъ усилій на благо своего народа; онъ извѣрился въ людяхъ. И несмотря на это, какая величавая кротость и какое глубокое смиреніе! Вся Россія и все вокругъ него ропщеть и ищетъ

воволь отпущенія за всѣ неудачи и разочарованія, — одинъ Государь ни на что не жалуется, никого не упрекаетъ и не винить, а только молится и плачетъ. Я наблюдалъ за нимъ весь день: видно было, что у него напряженъ каждый нервъ, что весь онъ обратился въ мучительное ожиданіе, что въ его душѣ — смертная тоска. И несмотря на это — никому ни укоризны, ни даже недовольнаго взгляда.

Послѣ молебна былъ завтракъ на травѣ и подъ дождемъ. Государь на провозглашенный за его здоровье тостъ отвѣтилъ тостомъ за нашу храбрую армію.

Ровно въ 3 часа начался штурмъ. По всей линіи трещалъ непрерывный ружейный огонь. Долго не было никакихъ извѣстій: затѣмъ стали приходить одно за другимъ извѣстія (все на словахъ, съ ординарцами) объ отбитыхъ атакахъ. Нѣкоторые извѣстія были такъ сбивчивы и противорѣчивы, что возбуждали полное сомнѣніе. Такъ продолжалось до наступленія темноты. Наконецъ, въ 6^{1/2} часовъ вечера какой-то казачій офицеръ пріѣхалъ съ донесеніемъ, что масса турецкой конницы вышла изъ-за укрѣпленій и направилась по дорогѣ на Булгарени, т.-е. прямо на насъ. Извѣстіе это было — очевидно неправдоподобно, но Великій Князь воспользовался имъ, какъ предлогомъ, чтобы просить Государя уѣхать. Удрученный Государь согласился и поѣхалъ со своею свитою въ Раденицу. На другой день мы узнали, что ему пришлось быть четыре часа въ пути: по причинѣ непрогляднаго мрака, ѣхали шагомъ, едва находя дорогу.

Великій Князь, въ виду совершенно неразъясненнаго положенія дѣлъ, рѣшилъ остаться ночевать на полѣ сраженія и тотчасъ по отъѣздѣ Государя послалъ въ Порадимъ за кухоннымъ своимъ обозомъ. Обозъ пришелъ только послѣ 11-ти часовъ вечера. До тѣхъ поръ мы всѣ бродили взадъ и впередъ въ темной, сырой мглѣ, подъ мелко-сѣявшимъ дождемъ. Для охраненія мѣстопребыванія главнокомандующаго былъ выдвинутъ въ сторожевую цѣпь эскадронъ лейбъ-казаковъ и придвинутъ изъ резерва одинъ баталіонъ старонингерманландскаго пѣхотнаго полка. Въ 7-мъ часу вечера было получено извѣстіе о полной неудачѣ второй атаки 4-го корпуса и объ огромныхъ потеряхъ въ отрядѣ Скобелева. Около 8 часовъ вечера флигель-адъютантъ полковникъ Чингисъ-Ханъ привезъ извѣстіе о взятіи Гривидваго редута архангелогородскимъ и вологодскимъ полками, въ 6^{1/2} часовъ вечера. Великій Князь послалъ генерала Струкова провѣрить, — и когда это единственно-утѣшительное извѣстіе подтвердилось, — тотчасъ же отправилъ одного изъ

своихъ адъютантовъ (или ординарцевъ) доложить Государю. Потомъ узнали, что посланный проплуталъ всю ночь и прибылъ въ Государю только 31-го утромъ.

Чтобы сколько-нибудь согрѣться, мы развели костеръ изъ вукурузной соломы и развлекались поддерживаніемъ огня.

Около 12-ти часовъ ночи поужинали холодною закускою, какая нашлась въ велико княжескомъ обозѣ, согрѣлись водкою и чаемъ и стали подумывать, какъ бы поудобнѣе устроиться на ночь. Великіе князья и Неповойчицкій сѣли спать въ свои коляски, остальные свернулись на травѣ у костра, а меня приютила редакція „Летучаго Листка“, т.-е.—Всеволодъ Крестовскій пригласилъ меня въ свою повозку, которая необъяснимо очутилась у него подъ рукой. Ухитрились помѣститься въ нее втроемъ: я въ середину, а Крестовскій и нашъ драгоманъ Маѣвъ ¹⁾—по бокамъ. Накрылись брезентомъ и заснули. Около 5-ти часовъ утра я проснулся отъ ощущенія онѣмѣнія всей правой стороны тѣла, и хотѣлъ перевернуться на лѣвый бокъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Я былъ такъ стиснутъ сосѣдами, что шевельнуться не могъ, а они оба крѣпко спали. Пришлось ждать ихъ пробужденія до 6-ти часовъ утра.

31 августа, среда. — Опять было сыро и холодно. Пальба возобновилась съ ранняго утра. Первое сегодняшнее донесеніе было неприятое: будто бы турки выбили нашихъ изъ Гривицкаго редута. Великій Князь тотчасъ же послалъ туда Левицкаго, приказавъ ему выбрать позади Гривицы позицію, расположить на ней два баталіона съ батареею и принять на себя отступающія изъ Гривицкаго редута войска. Но въ 9-ти часамъ утра Левицкій вернулся и донесъ, что извѣстіе ложно, что наши держатся во взятомъ редутѣ крѣпко, но артиллеріи тамъ нѣтъ: ночью ее поставить не успѣли, а теперь—немыслимо, ибо турки съ разсвѣта обстрѣливаютъ редутъ перекрестнымъ огнемъ. Да артиллерію тамъ негдѣ и помѣстить: редутъ малъ, внутреннее пространство стѣснено крестообразнымъ траверсомъ, весь онъ заваленъ мертвыми тѣлами и входъ только одинъ. Затѣмъ пришло утѣшительное извѣстіе о вчерашнемъ успѣхѣ Скобелева на крайнемъ лѣвомъ флангѣ: ему удалось взять три турецкихъ редута. Конечно, этотъ частный успѣхъ не могъ загладить общаго тяжелаго впечатлѣнія несомнѣнной неудачи вчерашняго штурма.

¹⁾ Онъ былъ драгоманомъ нашего посольства въ Константинополь и, по отъѣздѣ его оттуда, назначенъ тѣмъ же званіемъ въ дипломатическую канцеларію главнокомандующаго.

Около 11-ти часовъ утра прибылъ Государь со свитою; мы по-
дались нѣсколько впередъ и, остановившись на удобномъ возвы-
шеніи, цѣлый день наблюдали въ бинокли за продолжавшимся
на лѣвомъ флангѣ боемъ. Но по дальности разстоянія и за поро-
ховымъ дымомъ, даже въ зрительную трубу трудно было разо-
браться, кто кого атакуетъ. Въ сущности, только дымъ и виденъ
былъ вполне явственно. Извѣстія, краткія и смутныя, приходили
рѣдко. Безпрерывно посылаемые къ Скобелеву ординарцы воз-
вращались черезъ 4—5 часовъ, ибо должны были сдѣлать вер-
хомъ около 30 верстъ туда и обратно (за невозможностью
ѣхать по кратчайшему направленію) и, разумеется, привозили
извѣстія совершенно устарѣлыя. Зотовъ и Новицкій весь день
опять находились при главной квартирѣ: уважали только на часъ
времени, и то лишь затѣмъ, чтобы отмѣнить распоряженіе коман-
довавшаго 4-мъ корпусомъ, Крылова, о послѣдъ подрѣпленій
Скобелеву. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда донесеній, привозимыхъ
ординарцами, о необходимости подрѣпленій — разрѣшено было
послать ему шуйскій пѣхотный полкъ. Но полкъ этотъ прибылъ
такъ поздно (да и не могъ прибыть раньше), что пригодился
лишь для прикрытія отступленія.

Для характеристики получавшихся сегодня донесеній и по-
сылаемыхъ приказаній привожу содержаніе сохранившихся запи-
сокъ, писанныхъ карандашомъ, на клочкахъ бумаги:

Вчерашнія:

1) Отъ князя Имеретинскаго генералу Зотову: „Скобелевъ
проситъ доложить: высоты и два редута взялъ послѣ упорнаго
боя. Проситъ резервовъ. У меня ихъ нѣтъ, все введено въ бой,
остались мелкія части, которыя приводятся въ порядокъ. Скобе-
левъ продержится до утра, но проситъ подрѣпленій“.

2) Отвѣтъ Зотова князю Имеретинскому: „Резервовъ нѣтъ.
Держитесь вашими войсками, такъ какъ резервъ, имѣющійся
подъ вашимъ начальствомъ, сильнѣе главнаго“.

3) Отъ Зотова князю Имеретинскому (послано вчера, 30-го,
въ 7 часовъ 40 минутъ вечера): „Передайте Скобелеву при-
казаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго оста-
ваться на занятыхъ позиціяхъ и укрѣпиться на нихъ“.

Сегодняшнія, отъ 31 августа:

4) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: „Непріятель въ весьма
значительныхъ силахъ обходитъ нашъ лѣвый флангъ. Весь ре-
зервъ истощенъ, осталась только кавалерія“.

5) Отъ него же: „Генераль Скобелевъ проситъ прислать
ему въ помощь бригаду. Иначе не ручается за удержаніе трехъ

взятыхъ имъ редутовъ. Лѣвый флангъ охраняю одною кавалеріей. Послѣдній солдатъ введенъ въ дѣло“.

6) Отвѣтъ Зотова: „Скажите Скобелеву, чтобъ укрѣпился на занятой позиціи и держался до невозможности. Разсчитывать на подкрѣпленіе сегодня нельзя“.

7) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: „Скобелевъ сообщаетъ: турки, послѣ второй ихъ атаки, отброшены въ свои ложементы, и онъ отступаетъ въ полномъ порядкѣ. Сейчасъ прибылъ капитанъ Болла ¹⁾ и передалъ Скобелеву записку“.

8) Отъ него же, отъ 4-хъ часовъ пополудни (на всѣхъ вышеприведенныхъ запискахъ часы не отмѣчены): „Скобелевъ доносить: его выбили изъ укрѣпленій. Непрiятель наступаетъ. Скобелевъ отступаетъ, прикрываясь шуйскимъ полкомъ“.

Такимъ образомъ, поздно вечеромъ выяснилось, что геройскія усилія Скобелева на лѣвомъ флангѣ остались безплодными. А между тѣмъ, еслибы вчера не было совершенно-ненужныхъ атакъ на смежномъ съ нимъ южномъ фронтѣ, то сохранившимися свѣжими и сосѣдними войсками можно было бы поддержать Скобелева и отстоять занятую имъ позицію. А удержаться на ней — значило бы заставить турокъ уйти изъ Плевны за р. Видь, ибо пребываніе ихъ въ Плевнѣ сдѣлалось бы нестерпимо. Тогда и вчерашняя неудача была бы отчасти заглажена.

Незадолго до наступленія темноты случился слѣдующій любопытный эпизодъ. Генераль-адъютантъ князь Суворовъ, черноморскій воевода Станко-Радоничь, полковники Вульфертъ (бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича, братъ жены М. Г. Черняева) и Артамоновъ (штабъ-офицеръ надъ вожаками при штабѣ арміи), изъ любопытства, повѣхали смотрѣть взятый наканунѣ Гривицкій редутъ. Пока они тамъ были, Вульфертъ неосторожно высунулся изъ-за бруствера и былъ раненъ пулею въ лѣвую лопатку, немного выше того мѣста, въ которое былъ уже однажды раненъ въ Туркестанѣ. Князь Суворовъ, возвратившись изъ редута уже только втроемъ, рассказалъ объ этомъ Государю, выражая удовольствіе, что находился подъ столь близкимъ огнемъ. Но Государь ему очень серьезно отвѣтилъ по-французски: „Совершенно не къ чему вамъ было туда ѣздить“. Князь Суворовъ, вѣроятно желая исправить впечатлѣніе, съ улыбкою возразилъ по-французски же: „Я такъ и зналъ, что вы назовете меня старымъ дуракомъ“. Но Государь еще

¹⁾ Австрійскій капитанъ генеральнаго штаба, состоящій при нашей главной квартирѣ. Онъ самъ просился съѣздить къ Скобелеву.

серьезнѣе (хотя и ласково) отвѣтилъ: „Повторяю, что вы совершенно напрасно туда ѣздили. Въ вашихъ лѣтахъ, чинѣ и положеніи вы не имѣете права столь легкомысленно рисковать жизнью. Въ молодости вы достаточно доказали свою храбрость и не имѣете ни малѣйшей надобности теперь доказывать, что вы не боятесь пуля“. Разумѣется, послѣ этого князь Суворовъ умолялъ.

Съ наступленіемъ темноты Государь вернулся въ Раденицу, а Великій Князь со своею свитою—въ Порадимъ. Поздно вечеромъ тамъ пообѣдали. Ночлеги подъ навѣсомъ около телеграфной станціи показались роскошнымъ.

1 сентября, четверг. — Утромъ, въ Порадимѣ, было предварительное совѣщаніе у Великаго Князя съ Непокройчицкимъ, княземъ Масальскимъ и Зотовымъ; Левицкій приглашенъ не былъ. Я воспользовался его упадкомъ духа по этому случаю, чтобы уговорить его быть спокойнѣе, бодрѣе и всѣми силами противодействовать весьма возможнымъ предложеніямъ отступить отъ Плевны, отъ кого бы такіа предложенія ни исходили. Уже вчера я слышалъ клонящіеся къ этому толки въ свитѣ, и весьма беспокоился, что можетъ начаться опасная агитація на эту тему. Къ счастью, мнѣ удалось подѣйствовать на Левицкаго: онъ былъ податливѣе, чувствуя, что довѣріе свыше къ нему поколеблено.

По окончаніи упомянутаго совѣщанія, опять отправились подъ Плевну. Погода была великолѣпная. Съ нашей стороны продолжалось обстрѣливаніе Плевны, но турки на нашъ огонь не отвѣчали. Это вызвало самыя разнообразныя недоумѣнія и догадки. Но никакой развѣдки произведено не было, и причина молчанія турокъ такъ и осталась неразъясненною.

Государь пріѣхалъ въ 12-мъ часу дня, а въ 3 часа состоялся, на полѣ сраженія, военный совѣтъ подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣтъ участвовали военный министръ, Великій Князь главнокомандующій, князь Карлъ Румынскій, Непокройчицкій, князь Масальскій, Зотовъ, Левицкій. Шла рѣчь о томъ, не бросить ли совсѣмъ Плевну и отступить, давъ войскамъ полный отдыхъ и отложивъ наступательныя дѣйствія до прибытія гвардіи. Большинство уклонялось высказаться рѣшительно. Одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркиваетъ и преувеличиваетъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери,

нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: недаромъ же они сегодня молчатъ,—очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ. Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи—вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выжидать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою.

Государь согласился съ мнѣніемъ Левицкаго и повелѣлъ оставаться и укрѣпиться на занимаемыхъ позиціяхъ. Выѣстъ съ тѣмъ онъ объявилъ, что для непосредственнаго начальствованія надъ всѣми войсками подъ Плевною вызываетъ изъ Петербурга генераль-адъютанта Тотлебена. Это назначеніе сдѣлано по мысли военнаго министра: Великому Князю оно не совсѣмъ по душѣ, такъ какъ онъ Тотлебену не симпатизируетъ.

Къ вечеру вернулись въ Порадимъ. Я попросилъ разрѣшенія Великаго Князя съѣздить въ Раденицу, гдѣ остались всѣ мои вещи: необходимо, наконецъ, перемѣнить бѣлье и совершенно разлѣзавшіеся сапоги. Такъ я и остался ночевать.

2 сентября, пятница. — Утромъ, вернувшись изъ Раденицы въ Порадимъ, не засталъ уже тамъ Великаго Князя: онъ съ ранняго утра отправился подъ Плевну объѣзжать войска. Такъ я, къ сожалѣнію, и не былъ при этомъ объѣздѣ.

Великій Князь вернулся къ обѣду, видимо недовольный нераспорядительностью и бездѣйствіемъ Зотова. Видѣлся со Скобелевымъ, котораго еще вчера велѣлъ вызвать на большую осадную батарею къ 9 ч. сегодняшняго утра: его благодарилъ. Турки опять ничего не предпринимали и на наши выстрѣлы не отвѣчали, но противъ Скобелева усиленно окапываются. А намъ и окопаться почти нѣтъ; въ шанцевомъ инструментѣ большой недостатокъ: даже запаса простыхъ лопатъ вовсе нѣтъ, и несмотря на то—никто объ этомъ даже ничего не заявляетъ. Румыны давно уже и очень аккуратно, даже красиво окопались, а мы—нѣтъ.

Командиръ 9-го корпуса, баронъ Криденеръ, кажется, совсѣмъ выжилъ изъ ума. Весь его штабъ, оскорбленный его исключительнымъ довѣріемъ къ прусскимъ офицерамъ, графу фонъ-Веделлю и ф.-Вильому (оба—маіоры генеральнаго штаба), устранился отъ него и избѣгаетъ ходить къ нему даже обѣдать. Разсказывалъ иностраннымъ корреспондентамъ, что онъ не виноватъ въ неудачѣ атаки 18-го августа, такъ какъ ему приказано было

атаковать во что бы то ни стало, несмотря на то, что онъ находилъ это невозможнымъ. Во время боя 26—31 августа вслухъ критиковалъ всѣ распоряженія свыше, обращаясь къ иностраннымъ офицерамъ. Присутствовавшій при этомъ капитанъ австрийскаго генеральнаго штаба фонъ-Болла самъ мнѣ говорилъ, что удивляется, какъ это Криденера до сихъ поръ не устроили отъ должности. Мало того: 31-го августа сказалъ иностраннымъ офицерамъ: „Dass Plewna nicht genommen ist—ist mir die grösste Genugthung“.

Великому Князю это извѣстно, и все-таки онъ настолько добродушенъ, что не привлекаетъ старика къ ответственности.

3 сентября, суббота, Порадимъ.—Великій Князь ѣздилъ къ Государю въ Раденицу и вернулся почему-то съ весьма довольнымъ видомъ. Непокойчицкій не ѣздилъ съ нимъ по нездоровью.

Я сидѣлъ цѣлый день за составленіемъ общей реляціи, телеграммъ и списковъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ.

4 сентября, въ воскресенье, мы переѣхали изъ Порадима въ Раденицу. Великій Князь ѣздилъ осматривать румынскія позиціи и войска, а мнѣ велѣлъ остаться и кончать срочную работу.

Вчера Великій Князь получилъ телеграмму отъ Тотлебена изъ Петербурга: выѣзжаетъ 6-го сентября.

5 сентября мы возвратились въ Горный-Студень послѣ 16-тидневнаго отсутствія.

8 сентября, четверг.—Холодъ и дождь. Левицкаго третій день нѣтъ: Великій Князь послалъ его къ Цесаревичу условиться насчетъ образа дѣйствій въ случаѣ новаго наступленія Мехмета-Али-паши. Опасаюсь, какъ бы Левицкій что-нибудь тамъ не напуталъ; Великій Князь сознался Скалону наединѣ, что идея одновременной атаки, проведенная въ диспозиціи на 30-е августа, была навѣяна Левицкимъ, а Зотовъ съ Новицкимъ только приняли ее, какъ внушеніе свыше.

Но еслибы одинъ человекъ все портилъ, это было бы полгоря, и притомъ легко устранимаго. Настоящая бѣда въ томъ, что куда ни повернись—вездѣ недомысліе и беспомощность. Чрезвычайно характерно, что послѣ каждаго крупнаго сраженія—начальствующія лица на нѣсколько дней складываютъ руки. И не только ничего не дѣлаютъ, но даже перестаютъ думать и зботиться о будущемъ, а нѣкоторые даже уѣзжаютъ отдыхать,—точно смотръ отблѣи.

Со дня послѣдняго объѣзда Великимъ Княземъ плевнинскихъ позицій, т.-е. съ 4-го сентября—никакихъ свѣдѣній о томъ,

что тамъ дѣлается. Вчера удалось наконецъ настоять на отправкѣ Зотову телеграммы съ предписаніемъ доставлять точный отчетъ за каждый день.

Очень грустно, что между Великимъ Княземъ и военнымъ министромъ установились непріятныя отношенія, и что Великій Князь не даетъ себѣ труда ихъ скрывать. Онъ уже раньше мнѣ рассказывалъ о возникшемъ между ними взаимномъ неудовольствіи. Началось съ того, что Великій Князь первый сталъ упрекать военнаго министра за то, что онъ не давалъ ему своевременно подкрѣпленій, когда онъ объ этомъ нѣсколько разъ просилъ. Еще осенью 1876 года въ Ливадіи онъ заявлялъ, что четырехъ корпусовъ для завоеванія Турціи мало, но тогда не настаивалъ. Затѣмъ онъ заявлялъ о необходимости усилить армію изъ Кишинева, Плоэшти и Тырнова, и каждый разъ его просьбы отклонялись. Только послѣ неудачи 18 іюля, когда самъ Государь призналъ необходимымъ вытребовать подкрѣпленія, военный министръ пересталъ возражать.

Когда именно Великій Князь высказалъ ему эти упреки прямо, онъ не говорилъ, но, вѣроятно, послѣ неудачи штурма 30-го августа. Въ отвѣтъ на это, по словамъ Великаго Князя, военный министръ сталъ критиковать подробности исполненія плана военныхъ дѣйствій, организацію полевого управленія и дѣйствія отдѣльныхъ его органовъ. Эти взаимные укоры повели, разумѣется, къ обоюдному раздраженію, которое питается и усиливается ежедневными встрѣчами и полемическими бесѣдами у Государя. А теперь, съ наступленіемъ затишья въ дѣйствіяхъ и особенно съ возвращеніемъ въ Горный-Студень—у обоихъ, къ сожалѣнію, имѣется слишкомъ достаточный досугъ для междоусобныхъ разговоровъ.

Дошло уже до того, что третьяго дня, 6-го сентября, Великій Князь за обѣдомъ громко говорилъ: „Военный министръ теперь упрекаетъ меня за то, что 30-го августа штурмовали Плевну, а между тѣмъ во время обстрѣливанія самъ говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, надо штурмовать. А когда я ему это напомнилъ, онъ отказался отъ своихъ словъ“.

Мнѣ всегда слышны всѣ его разговоры за столомъ, ибо сижу очень близко наискосокъ. Около Великаго Князя сидятъ Непокойчицкій и князь Масальскій, рядомъ съ Непокойчицкимъ князь Черкасскій, а противъ него—всегда я, между Скалономъ и Коссиинскимъ.

Вернулся изъ Сербіи ѣздившій туда съ секретнымъ порученіемъ князь Цертелевъ и привезъ извѣстіе, что сербы совершенно неготовы къ войнѣ, а когда приготовятся, то будутъ

выждать и не тронуться съ мѣста, пока имъ не скажутъ, что пора. А сказать это можно лишь по достиженіи нами какого-нибудь крупнаго результата, напр. взятія Плевны.

10 сентября, суббота.—Жаркій и душный день: не менѣе 25° въ тѣни. Левицкій вернулся изъ рущукскаго отряда.

О Наполеонѣ I-мъ говорятъ, что онъ былъ великимъ мастеромъ являться на рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту—*сильнѣе* противника. Мы же изобрѣли искусство быть—въ подобныхъ же случаяхъ—всегда *слабѣе*. Теперь приближается отборное войско—гвардія. Но это не поможетъ, если мы будемъ продолжать разбрасываться, какъ дѣлали до сихъ поръ. Да, кстати сказать, у меня лично вовсе нѣтъ убѣжденія въ превосходствѣ гвардіи надъ арміей: наши армейцы—такіе молодцы, что гвардіи ихъ не перещеголять. И ужъ во всякомъ случаѣ не въ умѣньи безропотно выносить какія угодно невзгоды. Гвардія—избалованное любимое дѣтище Государя—никогда не сравняется съ арміей въ этомъ отношеніи.

Войска наши превосходны, но начальники оставляютъ слишкомъ многого желать. Приведу рядъ примѣровъ.

1) Зотовъ на военномъ совѣтѣ 1-го сентября ¹⁾ „энергически“ высказывался за необходимость отступления. Рѣшено было остаться на занимаемыхъ мѣстахъ, а ему приказано укрѣпиться. Такъ какъ это рѣшеніе было ему не понутру, то онъ протестовалъ противъ него бездѣйствіемъ. До 9-го сентября отъ него не было никакихъ извѣстій. На запросъ и предписаніе по телеграфу (см. выше, 8 сентября) онъ вчера отвѣтилъ, что объѣхалъ всѣ позиціи и нашелъ, что „оборонительныя работы еще далеки до окончанія“. Помѣшали „твердость грунта“, „недостатокъ лопатъ“ (ихъ у него 7.000) и „дождь 8-го сентября“.

Въ переводѣ на общепонятный языкъ это значить, что со дня послѣдняго объѣзда Великаго Князя Зотовъ не только ничего не дѣлалъ, но даже не объѣзжалъ войска. А вѣдь случись какая-нибудь новая неудача—онъ непременно скажетъ, какъ Криденеръ, что это оттого, что его совѣтовъ не послушали.

2) На Плевно-Софійскомъ шоссе собрано девять кавалерійскихъ полковъ для прегражденія сообщеній Османа-паши съ Софіей. Зотовъ, телеграммою отъ 9-го сентября, донесъ, что *въ трехъ часахъ пути* (!) отъ Плевны находится Сулейманъ-паша (!) съ 40 таборами. Какъ не стыдно передавать безъ всякой про-

¹⁾ Не знаю ничего хуже „военныхъ совѣтовъ“. Все равно, что консилиумъ докторовъ у смертнаго одра.

вѣрки извѣстіе, столь очевидно нелѣпое! И при этомъ—ни слова о томъ, распорядился ли онъ повѣрить это извѣстіе. Конечно, оно оказалось вздорнымъ. Но подкрѣпленія изъ Софіи дѣйствительно вышли и къ Плевнѣ идутъ; а гдѣ они находятся—этого наша кавалерія сама не развѣдала, а Зотову не пришло въ голову самому ей привязать узнать.

Все это благополучно сходитъ съ рукъ. Чувство отвѣтственности совершенно отсутствуетъ у многихъ начальствующихъ лицъ.

3) Генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, будучи начальникомъ ловче-сельвинскаго отряда, находился въ полномъ бездѣйствіи. Когда, во время августовскихъ атакъ Сулеймана на Шипку, весь его отрядъ былъ притянутъ туда на подкрѣпленіе и изъ его 9-й пѣхотной дивизіи не осталось ни одного человѣка, а на смѣну ему пришелъ князь Имеретинскій со Скобелевымъ—Святополкъ-Мирскій, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ своей дивизіи на Шипку, объявилъ себя ихъ начальникомъ, ссылаясь на то, что не получилъ предписанія сдавать начальство надъ сельвиловчинскимъ отрядомъ. И это осталось безъ вниманія: ограничились лишь предписаніемъ Радецкому немедленно вытребовать князя Мирскаго изъ Сельви, чтобы вступилъ въ командованіе своею дивизіей.

4) Работа въ полевомъ штабѣ арміи совсѣмъ не организована. Часть генеральнаго штаба Левицкій не сумѣлъ устроить ни до, ни во время кампаніи. Правильно-организованной работы не было и нѣтъ. Сверхъ того, вооруживъ почти всѣхъ начальствующихъ лицъ и офицеровъ генеральнаго штаба противъ себя еще во время кишиневскаго сидѣнія своею запальчивою безтактностью и раздражающею требовательностью (хотя часто онъ и бывалъ совершенно правъ въ своихъ требованіяхъ)—онъ этимъ самымъ обрекъ самого себя на роль возла отпущенія. И дѣйствительно, какъ только начались неудачи, сейчасъ же всѣ и всюду объявили Левицкаго главнымъ ихъ виновникомъ. И всеобщее озлобленіе противъ него все растетъ и распространяется. Военная репутація его уже теперь подорвана въ корнѣ. Великій Князь пересталъ ему довѣрять и терпитъ его лишь по своему безграничному добродушію.

Инспекторская и хозяйственная часть штаба находится въ рукахъ бувоѣда Кучевскаго, вывезеннаго Непокойчицкимъ въ армію изъ военно-кодификаціоннаго комитета. Это настоящая канцелярская машина, мертвящая однимъ своимъ прикосновеніемъ всякое живое дѣло. Для него ни людей, ни военныхъ требованій нѣтъ, а только „входящія“ и „исходящія“. Условія

спѣшности для него не существуютъ; условія работы военного времени — непонятны.

5) Главная квартира изумляетъ многочисленностью празднопатающихъ дармоѣдовъ. Народу празднаго, слоняющагося по цѣлымъ днямъ безъ всякаго дѣла и занятаго однѣми сплетнями и пересудами — видимо-невидимо. Теперь дошло до того, что нѣкоторые развязные господа прикомандировываются къ главной квартирѣ самовольно. Приѣдетъ изъ какого-нибудь отряда съ донесеніемъ или за приказаніями — и живетъ на велико княжескихъ хлѣбахъ по нѣскольку дней. Особенно если есть протекція у кого-нибудь изъ вліятельныхъ адъютантовъ или сѣумѣетъ къ кому-нибудь изъ нихъ примазаться; — тогда ему устраиваютъ оттяжку отъѣзда къ своему мѣсту подъ разными предлогами. А случается и такъ, что такого посланнаго просто забудутъ, а онъ нарочно о себѣ не напоминаетъ, ибо пріятнѣе болтаться безъ дѣла при главной квартирѣ, чѣмъ служить въ серьѣзъ. Одинъ гвардейскій офицеръ, напр., былъ командированъ изъ Петербурга еще въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими для формировавія Болгарской конницы. Такъ какъ изъ этого проекта ничего не вышло, то онъ остался въ распоряженіи Гурко, во время же забалканскаго похода пристроился ординарцемъ къ одному изъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, въ составѣ его свиты вернулся изъ похода и — самовольно остается при главной квартирѣ до сего времени. То же самое продѣлалъ, только состоя при другомъ лицѣ, одинъ офицеръ кавказской казачьей бригады. Оба живутъ себѣ здѣсь, ничего не дѣлаютъ и къ своимъ полкамъ не ѣдутъ. И никому до этого дѣла нѣтъ: всѣ привыкли ихъ видѣть и не находятъ въ этомъ отлыниваніи отъ службы ничего противозаконнаго.

Еще хуже то, что состояніе „для порученій“ и „въ распоряженіи“ — предпочитается должностямъ команднымъ. Одинъ состоящій для порученій генералъ открыто и громко ропталъ на свое назначеніе бригаднымъ командиромъ, какъ на незаслуженную обиду: впрочемъ, отчасти онъ былъ правъ, такъ какъ это состоялось только для того, чтобы очистить его мѣсто для другого, только-что произведеннаго генерала, пользующагося большимъ фаворомъ. Еще одинъ вновь произведенный генералъ старательно уклоняется отъ назначенія начальникомъ корпуснаго штаба: должность недостаточно видная, по его мнѣнію. Одинъ изъ состоящихъ при штабѣ полковниковъ (только-что произведенный) испугался, когда ему предложили стрѣлковый баталіонъ и уклонился отъ этого назначенія.

На должности начальниковъ дивизионныхъ штабовъ оконча-

тельно нѣтъ охотниковъ изъ состава чиновъ главной квартиры, а между тѣмъ многія вакансіи пустуютъ.

Да эти господа по-своему и правы: куда выгоднѣе ѣздить изъ главной квартиры на гастроли, чѣмъ принимать отвѣтственное, самостоятельное назначеніе. Это уже очень убѣдительно доказано цѣлою массою примѣровъ. Адъютанты, ординарцы, офицеры для порученій, послывшіеся въ разные отряды въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, по возвращеніи сейчасъ же получали боевыя награды. Нѣкоторые имѣютъ уже по нѣсколькx. Сколько у кого было наѣздовъ, столько и орденовъ съ мечами. А въ долгіе промежутки между такими командировками—полнѣйшій отдыхъ, дѣла никакого.

6) Императорская главная квартира тоже громадна. Чинамъ государевой свиты окончательно дѣлать нечего.

Теперь ждуть Тотлебена и на него возлагаютъ всѣ надежды. А въ ожиданіи—вездѣ сидятъ сложа руки. Сегодня вернулся изъ-подъ Плевны Гальярь ¹⁾ и на мой вопросъ: „Que fait-on là?“,—со свойственною ему горячностью отвѣчалъ: „On ne fait rien du tout: c'est honteux!“—Вотъ до чего мы себя довели! Иностранцы перестали стѣсняться и начинаютъ стыдить насъ въ глаза!

Причины нашихъ неудачъ—не въ частныхъ ошибкахъ, а гораздо глубже. Иначе не случилось бы одно и то же въ двухъ частяхъ свѣта. Въ Азіи—Зивинъ, здѣсь—Плевна. Если бы у насъ былъ внутренній порядокъ, то частныя пораженія послужили бы намъ наукою, а не повлекли бы за собою полный застой и общую неурядицу.

Хорошо еще, что мы воюемъ съ турками, которые не умѣютъ пользоваться нашими промахами и почти неспособны къ энергическому и толковому наступленію. Теперь у насъ вошло въ моду ихъ возвеличивать. А между тѣмъ—совсѣмъ не за что. Своими пассивными успѣхами они обязаны нашей распушенности и беспорядочности, а не своему искусству.

Какъ ни досадно, но все-таки не теряю надежды на конечный успѣхъ. Та же безпечность и безалаберность вывезетъ, какъ вывозила и въ прежнія войны. А главное—Николай-чудотворецъ, который всегда намъ помогаль.

М. А. ГАЗЕНКАМФЪ.

¹⁾ Полковникъ, французскій военный агентъ.

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

и

Н А Ш И

Въ Западной Европѣ университеты существуютъ: въ Италіи и Парижѣ съ XII вѣка, въ Германіи — съ XIV-го. Несмотря на это многовѣковое бытіе ихъ, западно-европейская жизнь не пришла ни къ какому объединенію ихъ устройства. Въ то время, какъ въ однихъ государствахъ сохранились еще многія черты средневѣковой университетской автономіи, въ другихъ — университеты получили характеръ чисто правительственныхъ учреждений: не только профессеры, но и ректоръ назначаются правительствомъ. Составъ общаго собранія (совѣтъ — у насъ, на Западѣ — *reppm*) университета отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ однихъ университетахъ въ него входятъ только ординарные профессеры, въ другихъ — всѣ ординарные и экстраординарные, а есть и такіе, въ которыхъ къ профессорамъ присоединяются и всѣ, продолжающіе состоять членами университета, платя ежегодно опредѣленный членскій взносъ. Число такихъ членовъ въ Оксфордѣ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ; они давно оставили университетъ, и многіе изъ нихъ достигли высокаго положенія на государственной службѣ, свѣтской и духовной, сдѣлались членами парламента, пользуются извѣстностью въ литературѣ, торговлѣ и т. д. Они, конечно, и не живутъ въ Оксфордѣ, но въ важныхъ случаяхъ пріѣзжаютъ на засѣданія

совѣта или присылають свои письменныя заявленія. Даже въ одномъ и томъ же государствѣ отдѣльные университеты имѣють разное устройство, и не въ одной Англии, а и въ Германіи, на примѣръ.

Отношеніе студентовъ въ университетамъ представляетъ также величайшую пестроту. Нѣмецкимъ профессорамъ не чужда даже мысль о томъ, что студентъ, исходя изъ принципа „свободы ученья“ (Lernfreiheit), имѣетъ право не учиться ¹⁾. Совершенно другая точка зрѣнія господствуетъ въ старыхъ англійскихъ университетахъ Оксфорда и Кембриджа. Студентъ разсматривается тамъ какъ несовершеннолѣтній, а потому нуждающийся въ бдительной опекѣ начальства. Ему предоставлена свобода выбора предметовъ, которые онъ желаетъ изучать, и профессоровъ, которые ихъ читають; но разъ предметы выбраны, для него обязательно посѣщать установленный минимумъ числа лекцій. Передъ началомъ каждой лекціи студенты провѣряются по списку, и неявившіеся подвергаются наказанію, денежному штрафу или аресту. Для студентовъ этихъ старыхъ университетовъ обязательно не одно посѣщеніе лекцій, для нихъ также обязательно посѣщеніе общественныхъ молитвъ, совершаемыхъ въ университетской церкви. Эти молитвы читаются ежедневно, а по воскресеньямъ—два раза въ день. Кто пропуститъ болѣе двухъ молитвъ въ теченіе недѣли, подлежитъ штрафу. Наконецъ, для нихъ обязательно по крайней мѣрѣ пять разъ въ недѣлю обѣдать за общей трапезой въ своемъ колледжѣ вмѣстѣ съ преподавателями ²⁾. Даже квартиры нанимать оксфордскіе и кембриджскіе студенты могутъ только у тѣхъ квартирохозяевъ, которымъ университетское начальство разрѣшило принимать къ себѣ студентовъ. Вмѣстѣ съ такимъ разрѣшеніемъ на квартирохозяевъ возлагается и обязанность надзирать за поведеніемъ студентовъ, чтобы они не возвращались домой позже опредѣленнаго часа, не собирали у себя товарищей безъ разрѣшенія начальства и т. д. А каждый вечеръ

¹⁾ Zur Lernfreiheit gehört auch die Freiheit nicht zu lernen, faul zu sein, das musste ich anerkennen, und darum wäre es eine Verletzung der akademischen Freiheit, wenn Ehrlosigkeit als Strafe auf die Ausübung dieses Rechtes gelegt würde... Aber nicht zu verkennen ist, das, wo bei einem die Faulheit eine absolute, das Bildungsstreben und die geistige Regsamkeit = 0 ist, das sich dem gegenüber doch langsam, aber unaufhaltsam auch unter Ihnen so etwas wie *ατίμια*, wie stille Verachtung einstellt. Prof. Ziegler, Der deutsche Student. 1902.

²⁾ Въ столовой студенты разсаживаются по состояніямъ: благородные, коммюнеры и т. д. На особой эстрадѣ стоитъ профессорскій столъ, за которымъ обѣдаетъ и глава колледжа. Изъ студентовъ къ этому столу допускаются тѣ изъ нобльменовъ, которые вносятъ за свое содержаніе и обученіе повышенную плату.

служитель колледжа, съ Библіей ¹⁾ въ рукахъ и въ сопровожденіи трехъ стражниковъ, обходитъ улицы для наблюденія, нѣтъ ли гдѣ въ трактирахъ запоздавшихъ студентовъ и т. д. Виновные подвергаются установленнымъ взысканіямъ. Шотландскіе университеты, по своей организаціи, приближаются нѣсколько къ нѣмецкимъ, и студенты ихъ пользуются большей свободой.

Самое преподаваніе университетское имѣетъ совершенно разный характеръ въ разныхъ государствахъ. Вотъ какъ характеризуетъ эти различія для Англіи и Германіи профессоръ Генр. фонъ-Зибель.

„Въ Англіи университеты — не что иное, какъ продолженіе гимназій: формальное развитіе духа есть господствующая задача преподаванія, только задача эта берется выше и богаче осуществляется, сообразно зрѣлому возрасту и развитію учащихся. Способъ преподаванія — діалогическій. Учитель излагаетъ, спрашиваетъ, выслушиваетъ отвѣты, заставляетъ дѣлать письменныя упражненія, обсуждаетъ ихъ. Здѣсь жалуются не на то, что университетъ мало похожъ на школу, а на то, что онъ — слишкомъ школа. Здѣсь повторительная система сильнѣе чтенія лекцій: тьюторъ, репетиторъ, вѣтѣсняетъ профессора. Профессоръ читаетъ едва ли двѣнадцать лекцій въ годъ. Настоящее обученіе происходитъ въ колледжахъ и въ формѣ — гимназическаго. Иначе поставлено дѣло преподаванія въ Германіи. Нѣмецкіе университеты не только школы, но лабораторіи наукъ, ибо въ нихъ ученая обработка вопросовъ науки есть душа всего преподаванія. Государство собираетъ въ университетѣ въ качествѣ преподавателей всѣ лучшія научныя силы Германіи. Вотъ почему у насъ такъ рѣдко столь обычное явленіе во Франціи и Англіи, гдѣ выдающіеся ученые не принадлежатъ въ университетамъ. Этимъ уже опредѣляется руководящій принципъ нашего университетскаго преподаванія. Безъ сомнѣнія, и мы желаемъ, чтобы университеты были приготовительной школой для будущей практической дѣятельности нашихъ слушателей на разныхъ поприщахъ жизни. Но мы желаемъ достигнуть этой цѣли не механически, не компендіозно. Мы хотимъ удовлетворить не однимъ только экзаменнымъ требованіямъ. Нашу существенную задачу мы видимъ въ томъ, чтобы передать нашимъ слушателямъ научныя методы изслѣдованія. Они должны прежде всего узнать, что такое наука, въ чемъ состоитъ научная работа и что такое научное творчество. Разви-

¹⁾ Въ устройствѣ оксфордскихъ и кембриджскихъ колледжей сохранились нѣкоторыя черты средневѣковыхъ порядковъ. Ихъ главы (heads) и теперь принадлежатъ къ духовенству.

tie ученика должно именно заключаться въ этомъ соучастіи въ процессѣ образованія научныхъ истинъ. Какое бы впоследствии ни выбралъ онъ себѣ призваніе, въ университетскіе годы онъ долженъ быть послушникомъ науки, ибо наилучшимъ приготовленіемъ ко всякой дѣятельности служить зрѣлость научнаго сужденія и самостоятельность духа“ (Die deutschen Universitäten, Ihre Leistungen und Bedürfnisse, 1874). Нѣмецкіе университеты въ XIV в. получили свое начало отъ парижскаго, но теперь они очень разошлись съ своимъ образцомъ. Вотъ что говорить по этому поводу берлинскій проф. Фрид. Паульсенъ: „Въ то время какъ Франція разбила свои университеты на спеціальныя школы, Германія создала въ своихъ университетахъ носителя самостоятельной научной жизни въ увѣренности, что свободное служеніе наукѣ не только согласимо съ государственными интересами, но и неразрывно съ ними связано“ (Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium, 1902).

Такая крайняя пестрота университетскаго устройства наблюдается въ то самое время, когда во многихъ другихъ учрежденіяхъ тѣхъ же государствъ достигнуто значительное объединеніе. И въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи пользуется общимъ признаніемъ конституціонная система государственнаго устройства; въ организаціи правительственныхъ и судебныхъ учреждений также можно усмотрѣть господство однихъ и тѣхъ же общихъ началъ; прусская военная организація, еще не признанная въ Англіи, проникаетъ даже въ Китай, и пр. и пр. Несмотря на различія въ частностяхъ, въ Европѣ и даже Азіи приходятъ къ согласію относительно общихъ принциповъ многихъ главнѣйшихъ устоевъ общественной жизни,—только не университетской. Въ нѣмецкихъ повременныхъ изданіяхъ можно найти немало статей о недостаткахъ современной университетской организаціи и ея реформахъ; о томъ же говорятъ рѣчи и ректоры университетовъ при своемъ вступленіи въ должность, но отсюда еще очень далеко до выработки общихъ началъ наилучшаго университетскаго устройства.

Гдѣ причина этой отсталости въ выработкѣ общихъ началъ наилучшей университетской организаціи? Въ существѣ самаго дѣла—надо думать. Университеты—это высшія ученія и учебныя учрежденія; суть бытія ихъ—въ разработкѣ и изложеніи наукъ, а потому вся сила ихъ въ достоинствѣ профессоровъ. Достоинство же профессоровъ не дается никакой организаціей. Тутъ нужно знаніе, талантъ, свѣтлая голова и призваніе. Профессоръ долженъ всецѣло посвятить себя идеальнымъ интере-

самъ науки и имѣть даръ излагать ея истины. Иначе обстоитъ дѣло при устройствѣ органовъ правительственныхъ, судебныхъ, военныхъ и т. д. Тамъ дѣло идетъ о среднемъ человѣкѣ, и организація тамъ на первомъ мѣстѣ, она—всемогуща. Въ университетахъ дѣло идетъ о людяхъ выше средняго. Никакая организація не избавитъ ихъ отъ посредственностей и не дастъ талантовъ, если ихъ нѣтъ въ жизни. Вотъ почему въ университетскомъ дѣлѣ организація не стоитъ на первомъ планѣ. Профессоръ Шмоллеръ въ 1876 г., обсуждая новый статутъ страсбургскаго университета, находилъ, что въ организаціи сената и нѣкоторыхъ другихъ учреждений онъ уже слишкомъ держится среднебѣговыхъ порядковъ, но успокоивалъ себя тѣмъ, что „вопросы организаціи не представляютъ особой важности для университетовъ“. Это совершенно вѣрно.

Университеты состоятъ не изъ однихъ профессоровъ; къ ихъ составу причисляются и студенты. Молодые люди, вступая въ университетъ, приносятъ съ собою много своего, что не имѣетъ никакой связи съ наукой. На почвѣ этихъ привнесенныхъ взглядовъ возникаютъ безпорядки, которые приводятъ нерѣдко къ невозможности читать лекціи. Эти печальныя явленія приписываются иногда особенностямъ данной университетской организаціи и порождаютъ планы университетскихъ реформъ. Такъ было у насъ въ концѣ прошлаго XIX вѣка. Реформаторская дѣятельность правительства вызвала цѣлый рядъ заявленій въ обществѣ и въ печати. За небольшими исключеніями, всѣ члены университетскихъ совѣтовъ, правительственныхъ комиссій и авторы журнальныхъ статей высказались за автономію университетскаго устройства по образцу устава 1863 года. Яркимъ выраженіемъ этого направленія служить статья ¹⁾ недавно умершаго сенатора, графа П. Капниста, бывшаго много лѣтъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и, слѣдовательно, знатока дѣла. Причину студенческихъ безпорядковъ онъ усматриваетъ въ недостаткахъ современнаго университетскаго устава. „Причины неурядицы,—говоритъ онъ,—коренятся въ организаціи университетовъ. Нельзя управлять одними строгостями, нуженъ внутренній авторитетъ. Въ основу университетскаго устройства надо положить авторитетъ университетской коллегіи. Профессоровъ должны избирать университеты. Вся совокупность профессоровъ должна быть призвана къ управленію. Съ устава 1884 г. студенты стали смотрѣть съ пренебреженіемъ на профессоровъ, потому что они

¹⁾ „Университетскіе вопросы“, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1903 г., ноябрь и декабрь.

утратили всякое значеніе въ организаціи университета. Уставъ 1863 г. не допустилъ бы наши университеты до печальнаго положенія, въ которомъ они нынѣ находятся“. Не такъ рѣзко, но тѣ же надежды на благодѣтельное участіе всѣхъ профессоровъ университета — ординарныхъ и экстраординарныхъ — въ руководствѣ университетскимъ управленіемъ высказываютъ и всѣ совѣты нашихъ университетовъ. Основное начало правильнаго университетскаго устройства найдено и найдено у насъ, въ уставѣ 1863 года.

Университеты не ограничиваются одною проповѣдью научныхъ истинъ, они еще и управляютъ своими дѣлами, а потому, хотя никакое университетское устройство и не можетъ дать университетамъ талантовъ, вопросъ о лучшей университетской организаціи не есть праздный. Это — очень важный вопросъ. Его неправильная постановка и рѣшеніе могутъ повести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Надежды реформаторовъ могутъ не оправдаться. Беспорядки могутъ произойти и послѣ реформы. Чтѣ тогда дѣлать? Тогда придется, пожалуй, усомниться не только въ пользѣ, но и въ самой возможности этихъ неисправимыхъ университетовъ!

Однѣ и тѣ же цѣли нерѣдко достигаются совершенно различными средствами. Различіе средствъ вліяетъ, конечно, и на самое достиженіе дѣла: при однихъ — цѣли эти достигаются лучше, при другихъ — хуже. Вотъ почему и теперь, т.-е. послѣ того, какъ громадное большинство нашихъ профессоровъ высказалось въ пользу несравненныхъ началъ устава 1863 г., не бесполезно сравнить наши идеалы съ нѣмецкой практикой.

Наши университеты имѣютъ очень краткую исторію: едва исполнилось столѣтіе со дня утвержденія перваго извѣстнаго намъ устава древнѣйшаго русскаго университета. И за этотъ короткій промежутокъ времени ихъ организація подвергалась постояннымъ переменамъ. Первый общій уставъ руссійскихъ университетовъ былъ изданъ въ 1835 г., за нимъ послѣдовалъ второй въ 1863 г., за вторымъ — третій въ 1884 г., а теперь обсуждается уже четвертый! Уставъ перваго русскаго университета, московскаго, утвержденный Александромъ I-мъ 8-го ноября 1804 г., конечно, былъ составленъ по нѣмецкимъ образцамъ, но съ значительной примѣсью „своего“. Въ качествѣ высшей инстанціи по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ былъ учрежденъ совѣтъ. По названію и составу онъ напоминаетъ нѣмецкіе образцы,

по дѣятельности это — русское учрежденіе. Совѣтъ состоитъ только изъ ординарныхъ профессоровъ и называется общимъ собраніемъ, — это нѣмецкое *plenum* ¹⁾. Но дѣятельность его далеко выходитъ за предѣлы своего образца: онъ избираетъ профессоровъ и наблюдаетъ за учебнымъ дѣломъ всего университета. Права его въ этомъ отношеніи очень велики. § 29 устава гласитъ: „Каждый профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго мужа; и въ томъ и въ другомъ случаѣ избранное сочиненіе должно быть представлено на разсмотрѣніе совѣта, и ежели совѣтъ нужнымъ найдетъ сдѣлать въ немъ какія перемѣны, то профессоръ, сдѣлавъ оныя, долженъ представить совѣту на утвержденіе“. Итакъ, по указаніямъ совѣта составляются учебники по всѣмъ наукамъ. Онъ же опредѣляетъ и время, въ теченіе котораго должны быть прочтены отдѣльные курсы (§ 30). Въ правленіи засѣдаетъ синдикъ, — это опять нѣмецкое вліяніе. Въ 1835 г. былъ изданъ первый общій уставъ російскихъ университетовъ. Уклоненіе отъ нѣмецкихъ образцовъ дѣлаетъ въ немъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ составъ совѣта рядомъ съ ординарными вводятся и всѣ экстраординарные профессеры; ректоръ и деканы избираются не на одинъ годъ, а на четыре. Уставъ 1863 г. идетъ далѣе въ направленіи расширенія совѣтской компетенціи, — вѣдомству совѣта онъ предоставляетъ множество учено-учебныхъ вопросовъ, относящихся собственно къ компетенціи факультетовъ. Уставъ 1884 г. полный составъ совѣта оставляетъ неприкосновеннымъ, а также и широкую его компетенцію по учено-учебнымъ вопросамъ, но лишаетъ его права самопополненія: онъ не избираетъ болѣе профессоровъ, а также ректора и декановъ. Всѣ они назначаются правительствомъ. Менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ своего бытія наши университеты совершенно переродились: изъ самопополняющихся они сдѣлались правительственными. Теперь начинается поворотъ въ обратную сторону, — всѣ интересующіеся дѣломъ, за самыми небольшими исключеніями, говорятъ о возвращеніи къ принципамъ устава 1863 года.

Большей устойчивостью отличается исторія нѣмецкихъ университетовъ. Статутъ берлинскаго университета, изданный въ 1816 г., дѣйствуетъ и по сіе время. Существова болѣе шестисотъ лѣтъ, нѣмецкіе университеты и теперь не имѣютъ общаго устава. Они живутъ на основаніи первоначальныхъ учредительныхъ актовъ и обычаевъ. Каждый университетъ имѣетъ свое

¹⁾ Статья 4-я не согласована съ 47-й.

особое учрежденіе, которое дополняется болѣе или менѣе общими правительственными распоряженіями по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Когда, въ началѣ прошлаго вѣка, возникла мысль объ учрежденіи университета въ Берлинѣ, для него пришлось сочинить особый уставъ, такъ какъ общаго не было. Въ семидесятихъ годахъ того же вѣка французскій страсбургскій университетъ надо было обратить въ нѣмецкій, и по этому случаю опять пришлось сочинять особый уставъ. Несмотря на эту законодательную необъединенность нѣмецкихъ университетовъ, въ общемъ ихъ устройство представляетъ много единства. Новые уставы писались по указаніямъ давно выработанныхъ порядковъ, и хотя не совпадаютъ во всѣхъ частностяхъ, но имѣютъ общія основы.

Во многовѣковое бытіе нѣмецкихъ университетовъ совершилось немало перемѣнъ въ обрѣщающей ихъ обстановкѣ; это вызывало и соотвѣтствующія перемѣны университетской организаціи. При своемъ возникновеніи, университеты составляли корпораціи съ выборными органами управленія и съ особыми привилегіями, которыя жаловались имъ то императорами, то папами. Ихъ первоначальный составъ и средства были очень невелики. Большихъ библіотекъ и дорого стоющихъ ученыхъ институтовъ они совсѣмъ не имѣли. Итальянскіе университеты даже не были твердо привязаны къ одному мѣсту: болонскіе профессеры переходили съ своими слушателями въ другіе города и основывали тамъ новые университеты. Съ теченіемъ времени эта картина мѣняется. Университеты въ Германіи становятся правительственными учрежденіями, профессеры зачисляются на государственную службу, получаютъ чины и ордена, университетскія зданія достигаютъ значительнаго развитія, возникаютъ клиники, физическіе кабинеты, химическія лабораторіи, ботаническіе сады и т. д. На постройку и содержаніе этихъ институтовъ правительство ассигнуетъ значительныя средства. Задачи университетовъ, такимъ образомъ, весьма осложняются. Для облегченія ихъ дѣятельности въ достиженіи ими чисто научныхъ цѣлей во многихъ прусскихъ университетахъ съ начала XVIII в. вводится должность куратора, на котораго возлагается забота объ обезпеченіи экономическихъ нуждъ университета. Благодаря этому, заботы объ удовлетвореніи потребностей университетовъ дѣлятся между университетскими властями и ввѣ-университетскими, кураторами и строительными чиновниками.

Я начну съ кураторовъ. Они существуютъ во многихъ прусскихъ университетахъ; на основаніи статута страсбургскаго уни-

верситета о нихъ можно составить себѣ совершенно отчетливое представленіе ¹⁾).

Страсбургскій университетъ ввѣренъ высшему руководству и наблюденію имперскаго канцлера (потомъ штатгальтера). Для непосредственнаго же надзора и охраненія правъ университета, особенно же для управленія его хозяйственными дѣлами (zur Leitung der ökonomischen Angelegenheiten) и кассою учреждается кураторъ, назначаемый императоромъ ²⁾. Итакъ, специальная обязанность куратора состоитъ въ завѣдываніи всѣмъ хозяйствомъ университета. Онъ управляетъ университетскими зданіями и заключаетъ контракты со всякими поставщиками и предпринимателями работъ. Онъ же составляетъ и смѣту расходовъ университета, покрываемыхъ изъ государственныхъ средствъ. Назначенныя на содержаніе университета и его личнаго состава деньги поступаютъ въ вѣдѣніе куратора, и онъ даетъ распоряженіе о ихъ выдачѣ по своимъ ассигновкамъ. Согласно съ этимъ, онъ назначаетъ университетскаго секретаря, квестора, всѣхъ счетныхъ и кассовыхъ чиновниковъ. Кураторъ осуществляетъ это свое право, по выслушаніи предложеній ректора и сената. Далѣе, онъ руководитъ всѣми постройками. Планы новыхъ сооружений составляются директорами соответствующихъ учреждений и утверждаются кураторомъ. Съ этою цѣлью въ распоряженіи куратора состоитъ особое строительное бюро. Нѣмецкій кураторъ и нашъ попечитель мало имѣютъ общаго.

Кромѣ распоряженія хозяйственными дѣлами университета, куратору предоставлено еще право утвержденія статутовъ и инструкцій, составляемыхъ разными университетскими органами. Наконецъ, чрезъ куратора университетъ сносится съ высшими властями и посторонними учрежденіями.

Страсбургскій университетъ признается юридическимъ лицомъ и имѣетъ свою собственность, движимую и недвижимую. Для управленія этой собственностью существуетъ особая коммиссія изъ ректора, синдика и квестора. Но если бы для нуждъ

¹⁾ Получить документальныя свѣдѣнія объ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ нелегко. Я просилъ моего книгопродавца выписать изъ Вѣны статуты и правила вѣнскаго университета. Его требованіе возвращено съ надписью: „Nicht erhalten; auf d. Universitaet auch unbekannt“. На такое же требованіе мнѣ послали изъ Гейдельберга „Heidelberger Universitaets-Kalender“ на лѣтній семестръ 1904 года. Это совсѣмъ не то, что было нужно. Мнѣ удалось, однако, получить уставы берлинскаго и страсбургскаго университета съ позднѣйшими дополненіями, историческими записками и объясненіями, составленными для Берлина университетскимъ судьей, для Страсбурга — бывшимъ кураторомъ университета.

²⁾ Dr. Hoesus, Die Kaiser-Wilhelms-Universität zu Strasburg. 1897.

университета потребовались деньги изъ государственныхъ средствъ, начальство университета обращается по всѣмъ такимъ вопросамъ къ куратору.

Берлинскій университетъ, какъ и многіе другіе, тоже имѣлъ въ прежнее время куратора, но теперь состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи министру ¹⁾. Для хозяйственныхъ же дѣлъ въ немъ существуетъ особое учрежденіе—кураторіумъ, состоящее изъ ректора и судьи (синдика). Но хозяйственныя обязанности этого учрежденія чрезвычайно облегчены наличностью особаго инспектора университетскихъ зданій (прежде кастелланъ) и строительнаго чиновника. Инспекторъ зданій назначается, по представленію сената, министромъ и получаетъ отъ него инструкцію. На немъ и лежитъ обязанность исправнаго содержанія университетскихъ зданій и институтовъ, ихъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе. Онъ подчиненъ ректору и судѣ, но хозяйственныя распоряженія, какъ будетъ сказано ниже, исходятъ не отъ одного только кураторіума, а и отъ другихъ учреждений,—напримѣръ, директоровъ разныхъ университетскихъ институтовъ (кабинетовъ, лабораторій и пр.) и другихъ лицъ, а потому по хозяйству этихъ учреждений онъ исполняетъ требованія ихъ директоровъ, по части отопленія и освѣщенія—требованія университетскаго секретаря, а по всѣмъ строительнымъ дѣламъ состоитъ въ распоряженіи министерскаго строительнаго чиновника. Обо всѣхъ нетерпящихъ отлагательства исправленіяхъ онъ дѣлаетъ немедленныя представленія строительному чиновнику, а къ лѣтнимъ каникуламъ каждаго года составляетъ списокъ необходимаго ремонта всѣхъ зданій. Этотъ ремонтъ онъ и производитъ подъ надзоромъ строительнаго чиновника, на утвержденіе котораго и представляетъ всѣ счета. Обо всякой его неисправности строительный чиновникъ доводитъ до свѣдѣнія ректора. Утвержденные строительнымъ чиновникомъ счета представляются ректору для дальнѣйшаго направленія. Въ непосредственномъ своемъ распоряженіи берлинскій кураторіумъ имѣетъ только 6.000 мар. въ годъ, на которыя и можетъ выдавать ассигновки, но не болѣе 300 мар. за одинъ разъ. Всѣ строительныя потребности университета, за предѣлами этихъ 6.000 мар., удовлетворяются непосредственно министерствомъ по особымъ ходатайствамъ кураторіума и директоровъ институтовъ. Инспекторъ зданій ведетъ инвентарь находящихся въ его распоряженіи вещей, пополняетъ его съ разрѣшенія ректора, покупаетъ писчія принадлежности

¹⁾ Dr. Daude, Die Königl. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. 1887.

и въ концѣ года представляетъ ректору отчетъ. Всѣ ходатайства о хозяйственныхъ нуждахъ университета безъ затрудненія и щедро удовлетворяются министерствомъ, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать.

Хозяйственная часть страсбургскаго и берлинскаго университета организована весьма различно, но въ томъ и другомъ случаѣ хозяйственныя обязанности ректора очень облегчены; онъ можетъ быть ректоромъ и продолжать заниматься науками, что при нашихъ порядкахъ едва ли возможно.

Нѣмецкіе кураторы не только производятъ постройки, но и ограждаютъ права университетовъ. Русскіе университеты съ перваго дня ихъ учрежденія состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ, а потому именуются Императорскими. Первый русскій университетъ былъ ввѣренъ *попеченію* одного изъ членовъ Главнаго училищъ правленія. Но общіе университетскіе уставы говорятъ уже не о попеченіи, а о *начальствѣ* попечителей. Эта мысль особенно рѣшительно развита въ уставѣ 1835 г. „Попечитель употребляетъ всѣ средства къ приведенію въ дѣйствующее состояніе университета, строго наблюдая, чтобы принадлежащія къ нему мѣста и лица исполняли неупустительно свои обязанности. Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ и адъюнктовъ, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ“. Уставъ 1863 г. ту же точку зрѣнія выражаетъ въ болѣе мягкой формѣ: „Попечитель учебнаго округа принимаетъ всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполнили свои обязанности, и, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы онъ и превышали его власть“. Статья дышетъ недоувѣріемъ къ университетамъ и имѣетъ въ виду не огражденіе ихъ правъ, а быстрое пресѣченіе всякихъ безпорядковъ и злоупотребленій.

Германскіе университеты состоятъ изъ преподавателей, студентовъ и необходимыхъ для производства дѣлъ чиновниковъ. Университетское преподаваніе распадается на факультеты, число которыхъ въ разныхъ университетахъ различно. Въ берлинскомъ четыре факультета: теологическій, юридическій, медицинскій и философскій; въ страсбургскомъ—пять: теологическій, юридическихъ и государственныхъ наукъ, медицинскій, философскій и пятый—математическихъ и естественныхъ наукъ.

Факультеты въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учрежденіе (als Behörden), состоятъ только изъ ординарныхъ профессоровъ, получающихъ

жалованье, только они созываются для рѣшенія факультетскихъ дѣлъ; въ широкомъ смыслѣ въ факультету принадлежатъ всѣ преподаватели, экстраординарные профессора и привать-доценты. Управление же дѣлами принадлежитъ только ординарнымъ.

Кому же и при какихъ условіяхъ дается званіе ординарнаго профессора? Ординарнымъ профессоромъ можетъ быть только ученый, имѣющій высшую ученую степень доктора. Если въ эту должность будетъ назначено лицо, не имѣющее докторской степени, оно должно приобрѣсти степень доктора, и не пользуется преимуществами ординарнаго, пока не исполнитъ этого условія. Профессоры назначаются правительствомъ, но при участіи факультетовъ. По освобожденіи ординарной кѣдры, факультеты по обычаю и по нѣкоторымъ статутамъ имѣютъ право представить министерству трехъ кандидатовъ съ мотивированнымъ отзывомъ. Такъ, обыкновенно, и бываетъ въ дѣйствительности. Въ уставѣ страсбургскаго университета нѣтъ статьи о правѣ факультета представлять трехъ кандидатовъ. Но издатель устава, бывшій кураторъ университета, докторъ Гозеусъ ((Hoseus), говоритъ, что „и въ Страсбургѣ соблюдается исконный обычай, вполне оправдываемый существомъ дѣла, по которому за факультетами признается право представлять по возможности трехъ кандидатовъ на открывшуюся кѣдру“.

Къ факультету въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ привать-доценты и экстраординарные профессора. Право возводить въ званіе привать-доцента принадлежитъ исключительно факультету. Привать-доцентомъ можетъ быть только лицо, имѣющее ученую степень доктора, и не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ ¹⁾ лѣтъ со дня прослушанія университетскаго курса. Но одной степени доктора для этой цѣли еще мало. Ищущій званія привать-доцента долженъ имѣть печатные или письменные труды по тому предмету, который онъ желаетъ читать. Труды эти должны быть представлены на разсмотрѣніе факультета. Кромѣ того, факультетъ можетъ потребовать прочтенія пробной лекціи и подвергнуть автора коллоквиуму по ея содержанію. Желаящій читать лекціи въ качествѣ привать-доцента получаетъ это право только по тому предмету, о которомъ просилъ.

Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ берлинскомъ университетѣ оказалось уже крайнее накопленіе привать-доцентовъ на философскомъ факультетѣ. Это вызвало министерское предложеніе факультету такого содержанія: „Для противодѣйствія

¹⁾ Въ Страсбургѣ требуется пятилѣтній срокъ ученыхъ занятій.

чрезмѣрному накопленію приватъ-доцентовъ желательно, чтобы факультетъ примѣнялъ съ должною строгостью существующія на этотъ предметъ постановленія. Только послѣдовательно проведенной строгостью можно будетъ воздержатъ людей съ посредственными способностями отъ дѣятельности, на которой и людямъ, одареннымъ рѣшительными талантами, приходится бороться съ большими трудностями“.

Послѣ трехлѣтняго чтенія лекцій, приватъ-доцентъ можетъ просить факультетъ о возведеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ видѣ помощи ординарнымъ профессорамъ, министерство можетъ назначать экстраординарныхъ профессоровъ съ жалованьемъ. Если факультетъ находитъ нужнымъ увеличить число своихъ экстраординарныхъ профессоровъ, онъ ходатайствуетъ передъ министромъ о возведеніи въ это званіе приватъ-доцента; въ противномъ случаѣ онъ можетъ ходатайствовать о назначеніи ему одновременно денежнаго вознагражденія.

Таковъ составъ нѣмецкихъ факультетовъ. Во главѣ факультета стоитъ деканъ. Онъ избирается факультетомъ изъ ординарныхъ профессоровъ только на одинъ годъ и не можетъ быть избранъ два раза подъ рядъ. Отъ избранія—безъ приведенія достаточныхъ мотивовъ—можно отказаться только одинъ разъ. Деканство, такимъ образомъ, становится *очереднымъ* для всѣхъ членовъ факультета. Статутомъ страсбургскаго университета деканство и дѣйствительно сдѣлано *очереднымъ* въ порядкѣ старшинства службы.

Факультеты заботятся о полнотѣ преподаванія. Это понимается въ томъ смыслѣ, что всякій желающій слушать лекціи въ университетѣ, долженъ имѣть возможность въ теченіе трехъ лѣтъ (на медицинскомъ факультетѣ—четырехъ) прослушать два раза всѣ главные факультетскіе предметы. Если факультетъ не видитъ возможности, — по причинѣ малочисленности своего состава, исполнить эту обязанность, то онъ долженъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе министру.

Согласно этому, факультеты составляютъ росписаніе лекцій. Въ страсбургскомъ университетѣ въ засѣданіе факультета, посвященное составленію росписанія, приглашаются всѣ преподаватели, а не одни ординарные профессора.

Далѣе, факультетамъ предоставлено: возводить въ ученые степени, давать право читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента, избирать декана, давать преміи и стипендіи.

По всѣмъ этимъ вопросамъ факультетъ дѣлаетъ окончатель-

ное постановленіе. Объ избраніи декана, онъ доводитъ до свѣдѣнія министра. Возведеніе въ ученныя степени дѣлается имъ „подъ авторитетомъ университета“. Но это не значитъ, что какое-либо высшее университетское учрежденіе имѣетъ право утверждать или перерѣшать его опредѣленія.

Представленія о денежномъ вознагражденіи привать-доцентовъ дѣлаются чрезъ сенатъ.

Факультетамъ страсбургскаго университета предоставлено право составлять уставы своихъ порядковъ съ утвержденія сената и куратора.

Факультеты берлинскаго университета имѣютъ право непосредственно сноситься не только съ министромъ, но и съ королемъ; страсбургскаго—сносятся только съ кураторомъ.

Наконецъ, факультеты имѣютъ свои доходы. Они состоятъ изъ пошлинъ за возведеніе въ ученныя степени, въ званіе привать-доцента, и изъ штрафовъ съ членовъ факультета, не посѣщающихъ его засѣданій.

Каждый членъ факультета имѣетъ право вносить на его разсмотрѣніе свои предложенія.

При факультетахъ можетъ быть цѣлый рядъ спеціальныхъ ученыхъ учреждений: музеевъ, кабинетовъ, лабораторій, клиникъ и т. д. Они состоятъ подъ начальствомъ особыхъ директоровъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ профессоровъ университета. По статуту страсбургскаго университета, если институтъ ведется плохо и не удовлетворяетъ своему назначенію, факультету предоставлено право принимать мѣры въ поднятію учрежденія и безъ согласія директора.

Таково учрежденіе нѣмецкихъ факультетовъ. Они пользуются большою самостоятельностью, которая составляетъ отголосокъ средневѣковыхъ порядковъ. Они были тогда самостоятельными корпораціями, состоявшими подъ покровительствомъ своего особаго патрона, одного изъ святыхъ Божіихъ угодниковъ, а отъ университетскихъ властей зависѣли въ очень слабой степени.

Совершенно въ другомъ положеніи находятся наши факультеты и по составу, и по предоставленной имъ власти.

Какъ учрежденіе, они состоятъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и даже штатныхъ доцентовъ, по выслугѣ ими двухъ лѣтъ со дня назначенія въ эту должность,—такъ по уставу 1863 года. Кромѣ того, къ составу факультета принадлежатъ еще привать-доценты, не имѣющіе права участво-

вать въ засѣданіяхъ факультета; они приглашаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ вопросы, касающіеся преподаваемыхъ ими наукъ.

Профессоромъ, какъ и въ Германіи, можетъ быть у насъ только ученый, имѣющій степень доктора, но получаетъ онъ каѳедру по избранію сперва въ факультетѣ, а потомъ въ совѣтѣ; это избраніе нуждается въ утвержденіи со стороны министра.

Нѣмецкій и русскій способы (по уставу 1863 г.) назначенія профессоромъ существенно различаются. Въ германскихъ университетахъ каѳедру получаетъ одинъ изъ трехъ кандидатовъ, о которыхъ ходатайствуетъ факультетъ; у насъ каѳедру можетъ получить кандидатъ, забаллотированный факультетомъ и выбранный совѣтомъ.

Съ перваго устава древнѣйшаго русскаго университета, московскаго, избраніе профессоромъ совѣтомъ составляетъ нашу почти вѣковую традицію. Мы такъ къ этому привыкли, что мысль объ избраніи профессоромъ однимъ факультетомъ никому и въ голову не приходитъ, — до такой степени представляется она несогласной съ устоями нашей національной университетской организаціи ¹⁾. А между тѣмъ избраніе профессоромъ факультетомъ представляется единственно правильнымъ. Опѣнить новаго кандидата могутъ только спеціалисты, а они всѣ въ факультетѣ. Что же можетъ къ ихъ мнѣнію прибавить совѣтъ? Рѣшительно ничего. Члены совѣта будутъ голосовать по своимъ личнымъ отношеніямъ — пріязни и довѣрія — къ членамъ факультета и только. Ихъ голосованіе можетъ дать перевѣсъ болѣе слабому кандидату передъ болѣе сильнымъ и испортитъ дѣло. Переносъ дѣла изъ факультета въ совѣтъ — можетъ повредить интересамъ науки и факультета, — пользы же никогда и ни въ какомъ случаѣ привести не можетъ, ибо тамъ нѣтъ людей съ самостоятельнымъ сужденіемъ по ученымъ вопросамъ чуждой имъ спеціальности. Но такого человека можетъ не оказаться и въ факультетѣ. Что тогда дѣлать? Практика нѣмецкихъ университетовъ и тутъ даетъ намъ полезное указаніе. Факультеты обращаются тамъ за отзывами къ извѣстнымъ спеціалистамъ въ другіе университеты и прилагаютъ ихъ мнѣнія къ своимъ.

Другое и тоже существенное различіе нѣмецкихъ порядковъ отъ нашихъ идеаловъ состоитъ въ томъ, что нѣмецкіе факультеты рекомендуютъ трехъ кандидатовъ на каѳедру, представляя

¹⁾ При живомъ общеніи мыслей, недавно вызванномъ проектами университетскихъ реформъ, сколько мы знаемъ, только одинъ профессоръ высказался противъ перебаллотировки въ совѣтъ избранныхъ факультетомъ профессоромъ.

мотивированныя о нихъ мнѣнія; — наши совѣты выбираютъ на каѳедру закрытой баллотировкой и мотивированныхъ мнѣній министру не представляютъ. Министръ можетъ не утвердить избраннаго, но почему онъ это сдѣлаетъ? Законъ предоставляетъ совѣту избирать большинствомъ голосовъ; большинство тайныхъ и ничѣмъ не мотивированныхъ голосовъ есть достаточная квалификация, чтобы занять каѳедру. Совѣтъ осуществилъ свое право, и у министра нѣтъ основанія не утвердить выборы. Не утвердивъ выборы, онъ выразить только оскорбительное недовѣріе совѣту. Совѣтъ не былъ обязанъ представлять ему свои мотивы. Нашему министру приходится утверждать рѣшенія совѣта, зажмуривъ глаза. Совершенно въ другомъ положеніи — нѣмецкій министръ, дѣлающій представленіе императору. Передъ его глазами три мотивированныхъ мнѣнія, да еще съ приложеніемъ отзывовъ постороннихъ специалистовъ. Всѣ кандидаты одинаково рекомендуются, — надо только выбрать, кто лучше, и для этого есть достаточныя основанія. Если они недостаточны, — министръ самъ можетъ пополнить ихъ запросомъ у специалистовъ.

Отдавая должное нѣмецкому порядку назначенія профессоръ, я этимъ не хочу сказать, что тамъ всѣ каѳедры всегда хорошо замѣщены. Въ нѣмецкихъ университетахъ можно найти и превосходныхъ ученыхъ, и превосходныхъ лекторовъ, которые умѣютъ приковать къ своей рѣчи вниманіе слушателей; съ ихъ лекцій мнѣ постоянно приходилось уносить цѣльное и отчетливое представленіе о предметѣ лекціи. Таковы въ старое время были: Вангеровъ, Миттермайеръ, Гельмгольцъ и многіе другіе. Но рядомъ съ ними были и большія посредственности. Это можетъ объясняться очень разными причинами. Лучшихъ свободныхъ силъ могло и не быть, — таланты вездѣ рѣдки. А съ другой стороны, и нѣмецкій порядокъ не исключаетъ пристрастій — партійности и кумовства. А наконецъ, человѣческіе слабости и недостатки могутъ исказить всякіе порядки. Кому не извѣстно, что есть умные и даровитые люди, которые не прощаютъ этихъ достоинствъ своимъ ближнимъ. Они сами составляютъ украшеніе университетовъ, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слабость окружать себя бездарностями. — Нѣмецкіе порядки вызываютъ немало жалобъ и нареканій. Въ февралѣ 1883 г., Виндгорстъ въ прусскомъ ландтагѣ говорилъ: „Науки свободны и не должны быть отдаваемы въ монополію ни университетамъ, ни государству. Клика, кружки, которые господствуютъ въ университетахъ, должны быть сокрушены. Они устраняютъ достойнѣйшихъ людей, которые не подходятъ подъ ихъ мѣрку. Никто не можетъ

эти несправедливости вынести на свѣтъ Божій, не подвергаясь величайшей опасности. Мы требуемъ реформы университетской организаціи. Наилучшимъ образомъ реформа можетъ быть осуществлена введеніемъ свободы преподаванія⁴. Знаменитому оратору, главѣ и руководителю католической партіи, не удалось, насколько я знаю, подробнѣе развить свои мысли о свободѣ преподаванія, долженствовавшей поразить кумовство и открыть свободный доступъ въ университеты всѣмъ дарованіямъ. Но если партійность и кумовство играютъ такую замѣтную роль въ нѣмецкихъ университетахъ, которымъ предоставлено только право рекомендаціи, а не избранія, могутъ ли они не давать себя чувствовать въ учрежденіяхъ, которымъ предоставлено право самопополненія?

Нѣтъ задачъ управленія болѣе трудныхъ, чѣмъ назначеніе личнаго состава учреждений. Весь успѣхъ учрежденія зависитъ отъ совершенства личнаго состава,—но какъ найти лучшихъ? На мой взглядъ нѣмецкій порядокъ можетъ представлять болѣе гарантій правильнаго замѣщенія кафедръ. Поставимъ прежде всего принципиальный вопросъ. Кому, съ точки зрѣнія права, должна принадлежать власть замѣщать кафедры? Наши университеты—правительственныя учрежденія, профессеры состоятъ на службѣ и получаютъ жалованье. Конечно, они должны быть назначаемы правительствомъ, какъ и всѣ правительственные органы. Но для того, чтобы хорошо замѣстить кафедру, надо имѣть знакомство съ научной литературой и трудами кандидатовъ; въ министерствѣ нѣтъ такого знакомства не имѣеть, ни столоначальники, которые всѣмъ управляютъ, ни министры, которые всѣмъ распоряжаются. А потому будетъ нецѣлесообразно, если министръ станетъ назначать профессоровъ по представленію столоначальника. Онъ долженъ назначать ихъ, какъ въ Германіи, изъ кандидатовъ, представленныхъ факультетами, съ мотивированными отзывами. Но и въ Германіи, какъ говорятъ неимѣющіе хода молодые ученые, факультеты представляютъ пріятелей своихъ старыхъ членовъ, ординарныхъ профессоровъ, ихъ льстецовъ, жениховъ ихъ дочерей и т. д. Этого не отрицаютъ и ординарные профессеры¹⁾, но говорятъ, что это бываетъ чрезвычайно рѣдко. Вотъ почему предоставить факультетамъ право самопополненія едва ли будетъ правильной политикой. Нѣмецкій же порядокъ представляетъ возможность поправки и для этихъ, конечно, не

¹⁾ „Die Zukunft“, 1894, № 83. Письмо къ редактору бреславскаго профессора А. Гиллебрандта, подъ заглавіемъ: „Reform der Universitaeten“.

очень частыхъ случаевъ. Въ случаѣ сомнѣнія въ добросовѣстности рекомендаціи, министръ долженъ обратиться за отзывомъ въ другой факультетъ или къ извѣстнымъ и пользующимся доброй славой специалистамъ. Такимъ образомъ, могутъ быть обезпечены настоящіе интересы науки и факультета ¹⁾.

Въ дополненіе къ описанному способу избранія профессоръ уставъ 1863 г. и многіе его поклонники предлагаютъ конкурсъ. Къ этому средству считаютъ нужнымъ обращаться, когда никто изъ факультетскихъ кандидатовъ не избранъ и запасъ ихъ совершенно истощился. Въ послѣдніе годы министерство съ большою охотою само прибѣгаетъ къ этому способу замѣщенія каѳедры. Изъ всѣхъ средствъ, не достигающихъ своей цѣли, это—самое негодное. Конкурсъ есть вызовъ желающихъ занять каѳедру и подвергнуться ряду установленныхъ закономъ баллотировокъ. Такой вызовъ можетъ объясняться только тѣмъ, что члены факультета не знаютъ,—есть на лицо кандидаты, способные занять каѳедру, или нѣтъ,—а потому никого и не предлагаютъ. Возможно ли такое предположеніе? Конечно, нѣтъ. Если члены факультета никого не предлагаютъ, то, значить, годнаго нѣтъ, и вызывать его совершенно напрасно потому, что негоднаго кандидата, если бы онъ заявилъ о себѣ, факультетъ забаллотировуетъ.

Практикуемый въ настоящіе дни конкурсъ имѣетъ ту особенность, что къ нему обращаются прямо, не предлагая профессорамъ найти своего кандидата, и даже не спрашивая ихъ, имѣютъ ли они въ немъ нужду. Въ прошломъ году, на примѣръ, въ одномъ университетѣ былъ произведенъ конкурсъ на замѣщеніе каѳедры, хорошо обставленной преподавателемъ, выслужившимъ тридцать лѣтъ. Въ этомъ случаѣ забракованныхъ факультетомъ кандидатовъ нѣтъ и всѣ наличные кандидаты могли бы явиться; но явятся ли они? Практика показываетъ, что являются далеко не всѣ и по очень понятной причинѣ: кому же

¹⁾ И въ Германіи министры не всегда назначаютъ профессоровъ согласно рекомендаціи специалистовъ. Послѣ 1882 г., на теологическомъ факультетѣ назначено по рекомендаціи—82 проф., безъ рекомендаціи—38; на юридич.—по рекомендаціи—125, безъ—15; на медич. по рекомендаціи—207, безъ—29 (Паульсенъ, 102). „Безъ рекомендаціи“—это значитъ безъ рекомендаціи заинтересованнаго факультета или даже противъ его рекомендаціи. Но, можетъ быть, была затребована рекомендація другого факультета или специалиста. Объ этомъ авторъ не говоритъ. Если министръ назначалъ по усмотрѣнію его столоначальника, это, конечно, совсѣмъ уже нехорошо. Если факультеты дѣйствуютъ пристрастно, а министръ по внушенію съ задняго крыльца, тогда уже и при нѣмецкой системѣ нѣтъ никакого спасенія отъ человѣческихъ слабостей.

охота рисковать быть забаллотированнымъ? Эта современная практика тоже совершенно бесполезна, и министерству было бы целесообразнѣе предложить факультету представить на его избраніе своихъ кандидатовъ, человѣкъ трехъ, съ мотивированнымъ мнѣніемъ.

Уставъ 1884 г. отмѣнилъ штатныхъ доцентовъ и положилъ начало особенному развитію привать-доцентовъ. Что же такое наши штатные и привать-доценты? По уставу 1863 г., штатными доцентами могутъ быть магистры, а привать-доцентами — кандидаты, представившіе диссертацию (pro venia legendi). По уставу 1884 г., привать-доцентами могутъ быть всѣ, выдержавшіе экзаменъ на степень магистра, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій въ закрытомъ засѣданіи факультета. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и всѣ, кому приходилось высказываться по этому вопросу.

Итакъ, доценты штатные и привать-доценты могутъ читать лекціи, какъ и профессоры, но съ меньшей научной квалификаціей. Штатные доценты должны имѣть степень магистра, а привать-доценты и того менѣе. Въ Германіи, кто желаетъ читать лекціи, долженъ имѣть такую же подготовку, какъ и профессоръ. Можетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ правильности нѣмецкаго взгляда? Какое можно привести разумное основаніе тому, что привать-доцентъ можетъ учить, не имѣя ученой степени, а профессоръ долженъ ее имѣть? Вѣдь суть профессора — въ томъ, что онъ учить, а не въ томъ, что онъ состоитъ въ известномъ классѣ, получаетъ жалованье, имѣетъ установленную форму одежды и т. д. Если учить можно безъ ученой степени, то ученныя степени и ординарные профессоры — вовсе не нужны.

Въ Германіи, чтобы быть профессоромъ, надо имѣть ученую степень доктора, которая приобрѣтается на основаніи экзамена и по защитѣ диссертации; у насъ надо имѣть двѣ степени: степень магистра, которая дается за то же, за что въ Германіи дается степень доктора, и степень доктора, которая дается по защитѣ второй диссертации. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной полемической статьѣ, я защищалъ нашъ порядокъ вещей. Съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходилось останавливаться на этомъ вопросѣ; я перечитывалъ все, что въ послѣднее время говорилось по его поводу, и, по внимательномъ обсужденіи всего сказаннаго, перехожу на сторону противниковъ нашего порядка. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ для всѣхъ молодыхъ людей, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профес-

сорскому званію,—а ихъ у насъ немало,—а потому считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Переходъ отъ двухъ степеней къ одной представляется защитникамъ нашего порядка пониженіемъ требованій, чего они и не желаютъ допустить. Переходъ къ одной степени есть дѣйствительно пониженіе существующихъ у насъ теперь требованій; но какое есть основаніе требовать отъ молодыхъ ученыхъ у насъ болѣе того, что требуютъ отъ нихъ почти во всемъ мірѣ? Развѣ наши молодые ученые получаютъ за докторскую степень какія-либо особыя преимущества? Никакихъ. Нѣмецкій докторъ можетъ быть профессоромъ, если факультетъ представитъ его въ числѣ своихъ кандидатовъ, и т. д. Нашъ докторъ можетъ быть профессоромъ, если факультетъ изберетъ его, и т. д. Наши доктора не имѣютъ никакихъ преимуществъ предъ докторами цѣлаго міра, а потому и нѣтъ основанія мѣрить ихъ иною мѣрою и требовать отъ нихъ болѣе. Требуя болѣе, мы затрудняемъ и безъ того не легкое положеніе молодыхъ ученыхъ. Чтобы приступить къ магистерскому экзамену, надо затратить на приготовленіе къ нему не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ; такой же срокъ нуженъ и для написанія диссертации. Для пріобрѣтенія нашей первой ученой степени нужно затратить не менѣе шести лѣтъ, а пожалуй и болѣе,—а какой практической результатъ? Никакого. Степень магистра не открываетъ дороги къ профессурѣ,—для этого надо еще затратить года три на вторую диссертацию. Такой длинный и трудный путь можетъ оттолкнуть, а не привлечь къ ученой карьерѣ. У насъ недостаетъ ученыхъ, а не избытокъ ихъ, какъ въ Германіи, а потому не представляется цѣлесообразнымъ затруднять имъ дѣло ихъ призванія.

У насъ мало одной диссертации, надо написать двѣ. На чемъ основано это требованіе? Развѣ нельзя судить по первой диссертации о томъ, способенъ авторъ къ научнымъ работамъ или нѣтъ. А вѣдь только это и нужно, чтобы отереть себѣ путь къ профессурѣ. Кто требуетъ двухъ диссертаций, тотъ, конечно, думаетъ, что первая диссертация еще ничего не выясняетъ, а вторая выяснитъ. Если первая диссертация не доказала научныхъ способностей автора, то и вторая не докажетъ, по русской пословицѣ: каковъ въ колыбельѣ, таковъ и въ могилѣ. Ждать, что бездарный магистръ сдѣлается даровитымъ докторомъ—нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Магистерская диссертация—не юношескій трудъ; за самыми ничтожными исключеніями, это—трудъ челоука за тридцать лѣтъ. Въ ней должно быть видно все, что ему дано природой и школой. Система двухъ степеней, не да-

вая большихъ давнихъ для сужденія о способностяхъ и дарованіяхъ автора, вносить, однако, нѣкоторую долю послабленій въ приговоры факультетовъ о его трудѣ. На первую диссертацию, хотя и очень слабую, нерѣдко смотрятъ съ излишней снисходительностью, на томъ основаніи, что авторъ ищетъ не высшей ученой степени, которая еще далеко впереди. Представляетъ тотъ же авторъ новую диссертацию на степень доктора, но не лучшую, — ему не отказываютъ и въ докторѣ, потому что онъ потрудился, написалъ вторую книгу. Усиленные требованія на дѣлѣ переходятъ въ рядъ снисхожденій.

Система двухъ степеней порождаетъ и большія практическія неудобства. Если есть двѣ степени, то стараются найти имъ и подходящее приложеніе. По уставу 1863 г., докторъ можетъ быть профессоромъ, магистръ — штатнымъ доцентомъ. Штатный доцентъ состоитъ на службѣ, получаетъ жалованье и читаетъ лекціи, какъ и профессоръ. Можно, слѣдовательно, читать лекціи, и не имѣя высшей ученой степени. Это, конечно, непослѣдовательность, въ корнѣ разрушающая необходимость имѣть профессоровъ со степенью доктора. Но наши уставы идутъ и далѣе. Они предоставляютъ право читать лекціи въ качествѣ приватдоцентовъ даже кандидатамъ и магистрантамъ, т.-е. лицамъ, не получившимъ и степени магистра. Настоятельно необходимый переходъ къ одной степени разрѣшить всю эту путаницу. Къ чтенію лекцій въ университетѣ должны допускаться только лица, имѣющія высшую ученою степень доктора. Говоря это, я вовсе не хочу изгнать изъ университетовъ всѣхъ нынѣ читающихъ лекціи магистрантовъ. Кто приобрѣлъ уже право читать, тотъ и остается при своемъ правѣ.

Уравненіе нашихъ докторовъ съ нѣмецкими все-же оставить за нашими значительное преимущество ббльшей школьной подготовки. Наши молодые ученые будутъ приступать къ докторскому экзамену, выдержавъ уже экзаменъ на кандидата; нѣмецкіе ученые этого предварительнаго экзамена не держатъ. Ихъ докторскій экзаменъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сближенъ съ нашимъ кандидатскимъ. Нашъ докторскій (теперь магистерскій) экзаменъ — это плюсъ (+), котораго у нѣмцевъ нѣтъ.

Сторонники двухъ степеней пользу ихъ видятъ въ томъ, что необходимость представить вторую диссертацию есть стимулъ къ новой научной работѣ. Существованіе второй ученой степени оправдывается стремленіемъ вызвать возможно ббльшую продуктивность ученой литературы. Этотъ доводъ нуждается въ обоснужде-

ніи. Сторонники нашего порядка думаютъ, что если будетъ одна степень, то получившій ее успокоится и ничего уже болѣе не напишетъ. Надо принудить его писать—вотъ зачѣмъ существуетъ степень доктора! А я думаю, что такой ученый лучше сдѣлаетъ, если ничего не будетъ писать. Ученая литература поддерживается призваніемъ, а не принужденіемъ. На медицинскомъ факультетѣ у насъ уже давно одна степень. Это, однако, нисколько не понизило производительности ученой медицинской литературы.

Было время, когда и въ Западной Европѣ существовали три степени: бакалавра, магистра (Licencié) и доктора; теперь, за небольшими исключеніями, вездѣ осталась одна. То же, конечно, будетъ и у насъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Въ нѣмецкихъ университетахъ профессора дѣлятся на ординарныхъ и экстраординарныхъ. Это дѣленіе перешло и къ намъ. Въ Германіи оно имѣетъ большое значеніе. Число ординарныхъ профессоровъ соотвѣтствуетъ тамъ числу главныхъ предметовъ (Hauptfächer) каждаго факультета. Въ статутахъ 1838 г., опредѣлившихъ организацію факультетовъ берлинскаго университета, на юридическомъ факультетѣ такихъ главныхъ предметовъ считалось 6, на медицинскомъ—9, на философскомъ—17; согласно съ этимъ и число ординарныхъ профессоровъ на этихъ факультетахъ было опредѣлено въ 6, 9 и 17. Такимъ образомъ, ординарными профессорами обезпечивается преподаваніе всѣхъ главныхъ предметовъ. Но главные предметы и число ихъ—нѣчто очень условное; съ развитіемъ наукъ появляются новые. Вотъ почему въ этихъ статутахъ министру предоставлено право увеличивать число ординарныхъ профессоровъ. Въ настоящее время въ берлинскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ ихъ 11, на медицинскомъ—17, на философскомъ—53. Преобладающая роль, предоставленная ординарнымъ профессорамъ, объясняется тѣмъ, что въ ихъ рукахъ соединено все преподаваніе. Съ назначеніемъ полнаго ихъ состава обезпечивается все преподаваніе. Вотъ почему только они и составляютъ факультетъ, сенатъ и полное собраніе (plenum). Все это совершенно послѣдовательно. Ординарные профессора могутъ, однако, нуждаться въ помощникахъ. Вотъ почему министру предоставлено право для содѣйствія ординарнымъ профессорамъ назначать экстраординарныхъ. Ординарные же назначаются министромъ съ согласія короля, а въ Страсбургѣ—самимъ императоромъ. Число экстраординар-

ныхъ не опредѣлено; кромѣ страсбургскаго университета, они не имѣютъ права на жалованье. Въ 1896—97 академическомъ году въ берлинскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ было 4 экстра-ординарныхъ профессора, и только одинъ получалъ жалованье; на медицинскомъ изъ 27 только 14 получали жалованье, на философскомъ изъ 44 — только 31 съ жалованьемъ.

Мы взяли изъ Германіи и ординарныхъ, и экстраординарныхъ профессоровъ. Уставъ московскаго университета еще дѣлаетъ между ними разницу, напоминающую нѣмецкій оригиналъ. Экстраординарные не суть члены общаго собранія. Но съ устава 1835 г. исчезаетъ и это различіе: всѣ профессора суть члены совѣта, всѣ получаютъ жалованье. Вся разница только въ размѣрѣ жалованья. Надо ли удерживать это различіе, не имѣющее никакого оправданія въ университетской организаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Различіе, ни на что ненужное, не должно существовать. Но это различіе связано съ различіемъ въ жалованьи, а потому и выходитъ за предѣлы университетской организаціи. Правительство не имѣетъ средствъ всѣмъ профессорамъ дать равное жалованье, а потому и учреждены ординарные и экстраординарные. Это очень прискорбно, потому что вносить въ университетскую жизнь элементъ новаго выбора изъ экстраординарныхъ въ ординарные и неизбежно связанный со всякимъ выборомъ элементъ борьбы. Очень желательно, чтобы финансовыя затрудненія не стали на пути необходимой реформы. Да они и не очень велики. По уставу 1863 г., въ университетахъ съ медицинскимъ факультетомъ полагается 39 орд. проф. и 18 экстраорд.; по уставу 1884 г.—65 орд. и 26 экстраординарныхъ. Вопросъ идетъ о нѣсколькихъ тысячахъ рублей для каждаго университета. При этомъ надо еще имѣть въ виду то печальное обстоятельство, что у насъ дѣйствительный составъ профессоровъ всегда менѣе опредѣленнаго въ уставѣ. По уставу 1884 г., въ петербургскомъ университетѣ должно быть: орд.—57, экстраорд.—17, а есть: орд.—35, экстраорд.—15; въ московскомъ: орд.—65, экстраорд.—26, а есть: орд.—44, экстраординарныхъ—18. Слѣдовательно, будутъ еще свободныя остатки. Въ приведенныя числа не вошли сверхштатныя профессора, жалованья не получающіе.

Деканамъ русскихъ факультетовъ по уставу 1863 г. принадлежитъ ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ факультетскихъ предметовъ. Они, слѣдовательно, начальники профессоровъ и обязаны надзирать за ихъ преподаваніемъ.

Деканы перваго русскаго университета избирались, по нѣмецкому образцу, на годъ, но не факультетомъ, а общимъ собраніемъ, и утверждались министромъ. По уставу 1835 г., они избираются на четыре года факультетами; по уставу 1863 г.—на три года и не только изъ ординарныхъ, но если ординарныхъ менѣе трехъ, то и изъ экстраординарныхъ. Избраніе происходитъ въ совѣтъ; если оно не состоится, избираетъ самъ совѣтъ.

Излюбленный уставъ 1863 г. питаетъ къ факультету еще болѣе недовѣріе, чѣмъ предшествующіе: факультетъ долженъ избирать своего начальника на глазахъ совѣта. Запрещенія переизбирать разъ избраннаго нѣтъ. Это повело къ такой практикѣ, что разъ избранный переизбирался, по окончаніи срока, на другой срокъ и т. д. безъ конца. Деканство сдѣлалось у насъ пожизненнымъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда деканъ переходилъ на другую службу или должность. Виню въ этомъ законъ, а не исполнителей. Если законъ не запрещаетъ переизбранія, то не избрать вновь стараго декана—значитъ не одобрить его поведенія, а для этого необходимы какія-либо выходящія изъ ряда вонъ неправильности, которыхъ на лицо можетъ и не быть. Наши деканы и нѣмецкіе—хотя и носятъ одно названіе—не имѣютъ между собой ничего общаго. Нѣмецкій деканъ—*primus inter pares*, первый изъ равныхъ; нашъ—отецъ-командиръ, а члены факультета—его дѣти. Я зналъ такихъ отцовъ-командировъ, которые вели свои семейныя дѣла въ факультетѣ лѣтъ по двадцати. Есть ли какое-нибудь основаніе избирать декана не на одинъ, а на три и на четыре года? Единственное для этого основаніе заключается въ стремленіи сдѣлать декана не „первымъ изъ равныхъ“, а начальникомъ. Отсюда такая характерная разница между нашимъ факультетомъ и нѣмецкимъ: нѣмецкій состоитъ изъ небольшого числа ординарныхъ профессоровъ, которые всѣ были и будутъ деканами, и, слѣдовательно, знаютъ университетскія дѣла на практикѣ; нашъ—изъ значительнаго числа профессоровъ разной ученой квалификаціи, и громадное ихъ большинство не было и не будетъ деканами и практически университетскихъ дѣлъ не знаетъ. Единственно правильный порядокъ вещей—это очередное деканство по старшинству ординарныхъ, установленное закономъ для страбургскаго университета. Сколько я знаю, вопросъ о сокращеніи срока деканства у насъ не возбуждался не только правительствомъ, но и со стороны профессоровъ. Последнее совершенно понятно: это значило бы возстать противъ существующихъ властей, которые могутъ желать оставаться деканами вѣчно.

Остановлюсь на предоставленномъ нашимъ деканамъ правѣ наблюдать за факультетскимъ преподаваніемъ. Это право предоставлено и ректору. Онъ имѣетъ ближайшее попеченіе о томъ, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ, сообразно программамъ. Вопросъ о правильности университетскаго преподаванія чрезвычайно занимаетъ наше правительство. Среди восемнадцати вопросовъ, разосланныхъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія ген.-ад. Ванновскимъ, есть и такой: „6. Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльных преподавателей? Надо воздать должное составителю вопроса. Онъ чрезвычайно искусно его формулировалъ. Дѣло идетъ не о канцелярщинѣ, не о мертвечинѣ, а о чемъ-то живомъ и дѣятельномъ, о контролѣ всего факультета за полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія. Немудрено, что всѣ совѣты нашихъ университетовъ съ живою готовностью отозвались на вопросъ начальства. Они всѣ нашли, что контроль не только необходимъ, но и достижимъ, и указали цѣлый рядъ мѣръ, обеспечивающихъ дѣйствительность факультетскаго контроля. На первомъ мѣстѣ стоитъ выборный порядокъ замѣщенія каедръ и восстановление университетской автономіи въ завѣдываніи учебной частью, затѣмъ идетъ составленіе учебныхъ плановъ и программъ, а нѣкоторые указали даже на возможность слѣдить за числомъ пропущенныхъ профессорами лекцій и т. д. Только три профессора, одинъ въ С.-Петербургѣ, другой — въ Кіевѣ и третій—въ Казани, сказали, что науки свободны и сочинять правила о контролѣ за преподаваніемъ въ университетахъ—безполезно. Кто же правъ? Право—это микроскопическое меньшинство трехъ на сотни почтенныхъ членовъ университетскихъ совѣтовъ. Еслибы можно было установить живой и дѣятельный контроль хотя бы „университетской автономіи“ за науками, то мы, пожалуй, и до сего дня думали бы, что не земля ходитъ вокругъ солнца, а солнце вокругъ земли. Никакой контроль за научностью лекцій и нежелателенъ, и невозможенъ. Всякій контроль, ставя границы университетскому преподаванію, ставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ преграду и дальнѣйшему развитію наукъ. Но новаторъ можетъ ошибаться. Совершенно вѣрно, и профессору надо предоставить право ошибаться.

Вотъ что говорить по этому поводу страсбургскій профессоръ философіи, Теоб. Циглеръ: „Мы излагаемъ науки не по утвержденному государствомъ или церковью руководству; мы пред-

лагаемъ слушателямъ *наше* научное воззрѣніе, а оно можетъ быть ошибочно, можетъ быть ложно. Въ положеніи профессора есть нѣчто чрезвычайно высокое, — онъ есть особь, говорящая отъ себя, и нѣчто чрезвычайно опасное, — онъ можетъ ошибаться. Въ школѣ недопустимо, чтобы учитель говорилъ ученикамъ ложныя правила, потому что его юные ученики не въ состояніи различить правду отъ лжи и должны безусловно полагаться на авторитетъ учителя, и дѣйствительно полагаются; иначе—въ университетѣ. Профессоръ имѣетъ передъ собой не учениковъ, а слушателей, и его задача состоитъ не въ томъ, чтобы во что бы то ни стало сдѣлаться для нихъ авторитетомъ, связать ихъ умъ и подчинить себѣ, а въ томъ, чтобы возбудить ихъ къ собственной работѣ, къ размышленію и провѣркѣ выслушаннаго. Съ этою цѣлью онъ долженъ познакомить ихъ съ методологическими приемами, дать имъ весь необходимый матеріалъ, чтобы они могли обозрѣть всю совокупность предметовъ изложенія, и тѣмъ поставить ихъ въ возможность контролировать его самого и критиковать его научныя воззрѣнія. Такимъ образомъ, критическое отношеніе къ намъ, профессорамъ, есть не только право нѣмецкаго студента,—это его обязанность“ („Der deutsche Student“). Это надо знать и нашимъ студентамъ, и не однимъ студентамъ.

Совѣты нашихъ университетовъ говорятъ: полнота, научность и достоинство преподаванія обеспечиваются избраніемъ профессора въ факультетъ и совѣтъ. Какъ же это такъ? Развѣ избранный долженъ отказаться отъ собственныхъ взглядовъ на научность своего изложенія и усвоить факультетскіе и совѣтскіе? Гдѣ же они изображены? И что тогда будетъ со свободой науки? То же надо сказать и о другихъ способахъ контроля, о планахъ и программахъ преподаванія. Кто же не знаетъ, что при однихъ и тѣхъ же планахъ и программахъ можно преподавать совершенно различно по объему и содержанию, можно преподавать и научно, и противонаучно? Полагаю, что и члены совѣтовъ хорошо все это знаютъ. Надо думать, что они имѣли достаточныя причины, чтобы высказаться за контроль надъ науками и совершенно въ духѣ вопросовъ ген.-ад. Ванновскаго.

Перехожу къ степени власти, предоставленной нашимъ факультетамъ. Она совершенно ничтожна. Своею властью факультеты могутъ только утверждать программы преподаванія и программы на курсы для занятія вакантныхъ каедръ и принимать мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ. Кромѣ

этого, имъ предоставлена цензура сочиненій, издаваемыхъ университетомъ. Вотъ и все! Это все, за исключеніемъ цензуры, ровно ничего,—такъ какъ программы въ области университетскаго преподаванія не имѣютъ никакого практическаго значенія, а для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и до сихъ поръ не существуетъ никакихъ принудительныхъ средствъ, кромѣ всѣхъ извѣстныхъ и давно примѣняющихся у насъ экзаменовъ. Итакъ, факультеты имѣютъ только право цензуры и право экзаменовать студентовъ, но право давать имъ за успѣхи, оказанные на экзаменѣ, званіе кандидата или дѣйствительнаго студента — имъ не принадлежитъ; это—право совѣта. Точно также они не имѣютъ права давать ученныя степени магистра или доктора; они могутъ только экзаменовать на ученныя степени и разсматривать магистерскія и докторскія диссертациі; утвержденіе же въ ученой степени—опять дѣло совѣта.

И многія другія чисто факультетскія дѣла рѣшаются то совѣтомъ, то имъ пересматриваются, а рѣшаются попечителемъ или министромъ. Напримѣръ: росписаніе предметовъ по днямъ недѣли и часамъ дня, присужденіе медалей и премій за сочиненія, оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію—утверждаются совѣтомъ; рѣшенія факультетовъ о раздѣленіи ихъ на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи кафедръ, о замѣнѣ однѣхъ кафедръ другими, объ обязательности или необязательности для студентовъ слушанія ими тѣхъ или другихъ предметовъ—пересматриваются въ совѣтѣ и чрезъ попечителя идутъ на утвержденіе министра, т. е. разрѣшаются въ четырехъ инстанціяхъ! Есть ли какая-нибудь въ этомъ надобность? Ни малѣйшей, кромѣ стремленія къ совершенно ненужной централизаціи и желанія создать широкую дѣятельность для совѣта. Это одна канцелярская переписка и болѣе ничего. Всѣ эти дѣла суть дѣла факультета и имъ только и могутъ быть разрѣшены. Въ высшихъ инстанціяхъ нѣтъ никого, кто бы могъ ихъ разсматривать и разрѣшать. Какое можетъ быть дѣло совѣту до составленнаго факультетомъ распредѣленія лекцій по днямъ недѣли и часамъ дня? Рѣшительно никакого; оно даже никогда и не читывалось въ совѣтѣ. Уставъ 1884 г. считаетъ, однако, этотъ вопросъ столь важнымъ, что не рѣшается предоставить его утвержденію совѣта, а требуетъ доклада министру чрезъ попечителя. На практикѣ обзорніе составляется факультетомъ; совѣтъ, попечитель и министръ въ него и не заглядываютъ. Это опять одна канцелярская переписка, которая тянется цѣлые мѣсяцы; нерѣдко слу-

чалось, что утвержденныя министромъ распредѣленія получались въ университетѣ уже послѣ начала лекцій. То же надо сказать и о предоставленномъ совѣту правѣ рѣшать вопросъ о стипендіатахъ и утверждать въ званіи дѣйствительнаго студента и въ ученыхъ степеняхъ. Экзамены производитъ факультетъ, онъ же разсматриваетъ и диссертациі; совѣтъ не только не принимаетъ въ этомъ ни малѣйшаго участія, но и не можетъ принять по совершенному незнакомству его членовъ съ предметами чужихъ факультетовъ; какъ же онъ можетъ судить о результатахъ экзаменовъ? Это опять одна канцелярская переписка. Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и замѣна однихъ кафедръ другими должны были бы восходить на рѣшеніе министра въ томъ случаѣ, когда ходатайство объ этомъ соединяется съ учрежденіемъ новыхъ кафедръ, требующихъ новыхъ ассигновокъ изъ государственнаго казначейства; а если этого нѣтъ, — какое сужденіе можетъ высказать по этимъ чисто научнымъ вопросамъ совѣтъ или министр? Конечно, и въ совѣтѣ, и въ министерствѣ найдутся охотники говорить обо всемъ, и у попечителя можетъ явиться охота высказать свое мнѣніе, — но на что нужно собирать всѣ эти мнѣнія? О такихъ вопросахъ, какъ раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и учрежденіе новыхъ кафедръ, можетъ быть высказано множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Но приведеніе того или другого мнѣнія въ исполненіе, осуществленіе его, есть дѣло личныхъ силъ факультета, а потому ему и надо предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ.

Наши факультеты носятъ то же наименованіе, что и нѣмецкіе, но кромѣ имени ничего не имѣютъ съ ними общаго: тѣ самоуправляются — наши же не имѣютъ даже права составить распредѣленіе лекцій по днямъ недѣли и часамъ дня.

При факультетахъ состоятъ музеи, кабинеты, лабораторіи, клиники и т. д. Въ нѣмецкихъ университетахъ они, по общему правилу, пользуются полной самостоятельностью и не зависятъ ни отъ факультета, ни отъ ректора. Каждый такой институтъ состоятъ подъ вѣдомствомъ своего особаго директора, назначаемаго правительствомъ изъ профессоровъ университета. Вѣдомству этого директора принадлежитъ все управленіе институтомъ. Въ его распоряженіи цѣлый штатъ подчиненныхъ ему органовъ. Штатъ — то больше, то меньше, смотря по хозяйственному развитію института. Директоръ берлинскаго клиническаго института для хирургіи, главныхъ и ушныхъ болѣзней имѣетъ въ своемъ распоряженіи

инспектора, который ведет главный инвентарь клиникъ, наблюдаетъ за порядкомъ и чистотой, освѣщеніемъ, водоснабженіемъ и ремонтомъ, дѣлаетъ необходимыя закупки и пр.; съ этою цѣлью ему выдается по 300 марокъ; для писмоводства въ распоряженіи директора состоитъ секретарь, для кассовыхъ дѣлъ — рендантъ. Счетоводство этой специальной кассы ведется по общимъ кассовымъ правиламъ; оно подлежитъ и общему порядку контроля. Производство новыхъ построекъ происходитъ подъ наблюдениемъ особаго правительственнаго чиновника. Директоръ физиологическаго института, кромѣ ассистентовъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи домоправителя, машиниста и домовыхъ слугъ. Инструкціи чиновникамъ и служителямъ разныхъ институтовъ составляются министромъ. Есть особыя инструкціи даже швейцарамъ и истопникамъ.

Въ страсбургскомъ университетѣ, какъ и въ берлинскомъ, директора институтовъ сами распоряжаются назначенными въ штатахъ суммами, но подъ надзоромъ не прямо министерства, а куратора, — и потому выдаваемые ими ассигновки должны быть снабжены и подписью куратора. Весь штатъ институтовъ — прозекторы, ассистенты, обсерваторы и пр. — назначается кураторомъ по представленію директора. Инструкціи имъ пишутся не министромъ, а директоромъ, но съ согласія сената и куратора. Всѣ правила о порядкахъ учреждений и правила пользования ими составляются директоромъ и также съ согласія сената и куратора. Директоры институтовъ могутъ, съ согласія куратора, заключать договоры о работахъ и поставкахъ для института, но въ предѣлахъ штатной суммы.

Издерживаемыя въ нѣмецкихъ университетахъ суммы на содержаніе институтовъ весьма различны. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка на этотъ предметъ было издержано: въ страсбургскомъ университетѣ — 337.760 мар., въ кенигсбергскомъ — 499.858, въ боннскомъ — 553.184, въ Галле — 841.067, въ Берлинѣ — 1.466.438, — въ этотъ счетъ не входятъ клиническіе институты больницы Шаритѣ (Charité-Krankenhaus), директорами которыхъ также назначаются профессора; бюджетъ этихъ клиникъ простирается до 1.439.620 мар., въ томъ числѣ 62.631 мар. изъ университетской кассы. Въ настоящее время эти цифры значительно возросли: въ страсбургскомъ университетѣ онѣ дошли до 402.770 марокъ, въ кенигсбергскомъ — до 712.570, въ боннскомъ — до 724.719, въ Галле — до 1.042.667, въ Берлинѣ — до 2.097.750.

Приведемъ и расходы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ институтовъ

для Берлина. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошло вѣка бюджетъ семинаріумовъ государственныхъ наукъ и статистики составляли 1.000 марокъ, теперь—1.500 марокъ; семинаріумъ психологіи тогда 2.350, теперь—3.350; перваго анатомическаго института—40.376,—42.236; втораго—12.780,—19.060; физиологическаго института—47.776,—79.316; химической лабораторіи—26.980,—79.750; ботаническаго сада—105.625,—222.003; музея ботаническаго—25.900,—53.710; обсерваторіи—31.290,—34.990.

Самое число институтовъ, съ развитіемъ научныхъ вопросовъ, постоянно возрастаетъ. Въ послѣднемъ отчетѣ находимъ новый институтъ для изслѣдованія рентгеновскихъ лучей; его бюджетъ составляетъ 11.500 марокъ. Онъ, какъ и всѣ другіе институты, также имѣетъ своего директора.

Кромѣ доходовъ изъ государственной кассы, нѣмецкіе университеты имѣютъ и свои собственные. Этими доходами они распоряжаются сами и могутъ тратить ихъ и на содержаніе институтовъ. Это, однако, нисколько не измѣняетъ независимаго положенія институтовъ. Университетскія власти могутъ дать имъ деньги, но распоряжается деньгами и управляетъ институтомъ все-же директоръ, а не ректоръ.

Иначе поставленъ этотъ вопросъ у насъ. Все университетское управленіе у насъ строго централизовано. Всѣ кабинеты, музеи, лабораторіи и т. д. состоятъ въ управленіи ректора и правленія. Ректоръ наблюдаетъ за сохраненіемъ въ нихъ порядка, чистоты, онъ распоряжается всѣми закупками, ремонтомъ и пр. Несмотря на значительный срокъ ректорства, ректоръ и раза обойти всѣ эти учрежденія не въ состояніи. Поэтому управленіе ими у насъ—чисто бумажное, т.-е. дѣйствительное управленіе находится въ рукахъ завѣдывающаго институтомъ профессора, а пожалуй—смотрителя; ректоръ же только подписываетъ бумаги, согласно ихъ ходатайствамъ. Иначе и быть не можетъ. Какъ можетъ ректоръ знать нужды всѣхъ институтовъ? Нѣмецкое управленіе—дѣйствительное, наше—канцелярское. Отвѣтственность за правильное состояніе институтовъ у насъ, въ противность существу дѣла, перемѣщена съ завѣдывающаго профессора на ректора, который дѣйствительно управлять институтами не можетъ.

Положеніе ректора въ нѣмецкихъ университетахъ—иное, чѣмъ въ нашихъ. Онъ не обремененъ занятіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ его ученой специальностью. Онъ есть первое правительственное лицо университета и представляетъ его во

всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ; въ кругу своихъ служебныхъ отношеній онъ пользуется титуломъ — „великолѣпнаго“ (Magnificus, Magnificenz). Самостоятельныя дѣйствія ректора очень невелики: онъ руководитъ пріемомъ студентовъ и слушателей, подписываетъ свидѣтельства выбывающихъ студентовъ, вычеркиваетъ изъ списковъ тѣхъ, кто не записался на лекціи, производитъ дисциплинарный судъ въ предоставленномъ ему объемѣ, принимаетъ чрезвычайныя мѣры въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ и наблюдаетъ за студенческими собраніями и союзами. Вотъ и все. Затѣмъ онъ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, въ общихъ собраніяхъ и въ нѣкоторыхъ университетскихъ комиссіяхъ и приводитъ въ исполненіе ихъ рѣшенія.

Въ нѣмецкихъ университетахъ есть постоянныя комиссіи, учрежденныя уставами, и комиссіи на случай, учреждаемыя сенатомъ. Къ постояннымъ принадлежитъ правительственная комиссія, о которой говоритъ статутъ страсбургскаго университета. Эта комиссія состоитъ изъ ректора, синдика и квестора. Ей предоставлено управленіе университетскимъ имуществомъ, т.-е. не штатными суммами, а университетской собственностью, которая можетъ состоять изъ движимостей и недвижимостей. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ комиссія эта нуждается въ согласіи сената; а для пріобрѣтенія и отчужденія недвижимостей требуется дозволеніе имперскаго канцлера (штатгальтера). Счетоводство этой комиссіи, по утвержденіи кураторомъ, представляется на ревизію имперской контрольной палаты.

Въ берлинскомъ университетѣ тѣ же правительственныя дѣла вѣдаются кураторіумомъ, о которомъ рѣчь была выше. Этотъ кураторіумъ помогаетъ ректору и въ вопросахъ имматрикуляціи.

Чтобы ознакомить читателя ближе съ размѣрами этого спеціального хозяйства и съ отношеніями его къ общему университетскому бюджету, я приведу нѣсколько относящихся сюда цифръ.

Университеты:	Д о х о д ы:		
	Изъ госуд. казначества	Стипендіи.	Свои сред- ства.
Страсбургскій за 1895/6 гг. . . .	923.300 мар.	45.040 мар.	61.930 мар.
„ „ 1904/5 „ . . .	1.082.630 „	54.650 „	56.760 „
Кѣнигсбергскій „ 1895/6 „ . . .	824.660 „	6.216 „	150.549 „
„ „ 1904/5 „ . . .	1.084.151 „	6.104 „	223.367 „
Боннскій „ 1895/6 „ . . .	922.099 „	8.501 „	240.941 „
„ „ 1904/5 „ . . .	1.159.103 „	6.091 „	279.708 „
Берлинскій „ 1895/6 „ . . .	2.175.190 „	675 „	452.301 „
„ „ 1904 5 „ . . .	3.007.516 „	675 „	514.232 „

За исключеніемъ небольшихъ суммъ, которыя пошли на постройку ¹⁾, это бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ, которые предназначаются на содержаніе управленія, жалованье и квартирные деньги профессоровъ и преподавателей, содержаніе институтовъ, отопленіе и освѣщеніе зданій и т. д. Все, что идетъ изъ государственнаго казначейства, расходуется или непосредственно министерствомъ, за исключеніемъ 6.000 мар., предоставляемыхъ въ распоряженіе ректора, или чрезъ посредство куратора. Правительственная коммиссія распоряжается только суммами, показанными подъ рубрикой „свои средства“, да частью стипендіальныхъ суммъ, распоряженіе которыми предоставлено ректору и сенату. Такимъ образомъ, въ распоряженіи ректора и правленія находится только небольшая часть общаго университетскаго бюджета. Берлинскій университетъ куратора не имѣетъ, но это не мѣшаетъ ему получать изъ государственнаго казначейства почти втрое болѣе страсбургскаго, имѣющаго куратора.

Въ страсбургскомъ университетѣ есть и еще постоянная коммиссія—судебная (Disziplinamt),—о чемъ рѣчь будетъ ниже. Встрѣчаются и другія постоянныя коммиссіи,—напримѣръ, стипендіальная и пр.

Въ завѣдываніи ректора состоитъ только общеуниверситетская канцелярія и общеуниверситетскіе служители; канцелярія и служители институтовъ состоятъ въ распоряженіи ихъ директоровъ, а не ректора. Инструкціи служителямъ даются и ректоромъ, и директорами, смотря по подчиненности.

Ректоръ избирается на годъ изъ ординарныхъ профессоровъ, въ Берлинѣ—въ общемъ собраніи ординарныхъ профессоровъ, въ Страсбургѣ—ординарныхъ и экстраординарныхъ; выбывающій ректоръ не можетъ быть вновь избранъ (Страсб. статутъ). Нежелающій принять избраніе долженъ привести основанія; избиратели рѣшаютъ безъ преній, достаточны ли эти основанія. При такихъ условіяхъ избранія, ректорство можетъ перейти въ очередное, что уже и случилось съ деканствомъ.

Совсѣмъ иначе поставленъ ректоръ у насъ. Онъ сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю учебную, полицейскую и хозяйственную часть. Онъ наблюдаетъ, чтобы принадлежащая къ университету мѣста и лица исполнили свои обязанности, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ; всѣ принадлежащіе къ университету институты подчи-

¹⁾ На постройку было истрачено въ кѣнигсбергскомъ университетѣ въ 1895/6 гг. 36.189 мар., въ 1904/5—49.583 мар.; въ боннскомъ—47.105 м.,—63.333 мар.; въ берлинскомъ—2.032 и 149.640 мар.

нены ему, ихъ личный составъ, хозяйство и управленіе состоятъ подъ его надзоромъ. Нашъ ректоръ обремененъ такою массою дѣлъ, что едва ли можетъ исполнять всѣ свои ректорскія обязанности и заниматься науками; науки онъ долженъ оставить на все время своего ректорства. А бываютъ случаи, что ректоръ и лекцій читать не въ состояніи и получаетъ разрѣшеніе министра значительно сократить ихъ число. У насъ ректорство и профессура оказываются несомѣстимыми. Но и при той великой жертвѣ, которую избранный въ ректоры долженъ принести, отказываясь отъ своего научнаго призванія, управленіе нашего ректора не дѣйствительное, а бумажное. Несмотря на трехъ- и даже четырехлѣтнее ректорство, онъ все-же не можетъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ и нуждами всѣхъ университетскихъ учрежденій и долженъ управлять согласно представленіямъ завѣдующихъ профессоровъ. Я знаю ректора, который на третій годъ своего ректорства говорилъ, что не успѣлъ еще обойти всѣхъ подвѣдомственныхъ ему институтовъ. А другой знакомый мнѣ ректоръ и не думалъ совершать подобнаго обхода по совершенной его бесполезности. Знаткомъ нуждъ и потребностей институтовъ онъ все-же не сдѣлается и послѣ такого обхода, и останется по прежнему лишь исполнителемъ представленій завѣдующаго институтомъ профессора, и аппаратомъ для подписыванія ассигновокъ, — непріятнѣйшій и чисто механическій трудъ, на который уходятъ цѣлыя часы, такъ какъ нельзя же подписывать и ассигновокъ, не свѣривъ ихъ съ документами. Несомѣстимость ректорства съ профессорствомъ у насъ всѣми хорошо понимается. Какія же находятъ средства помощи этому ненормальному положенію вещей? Предлагаютъ дать ректору одного и даже двухъ помощниковъ, въ званіи проректоровъ. Это не сдѣлаетъ порядка управленія лучшимъ, ибо и проректоры должны будутъ управлять съ чужихъ словъ и только понапрасну терять время, которое могли бы посвятить наукамъ. Эта поправка поведетъ только къ тому, что и проректоры перестанутъ заниматься дѣломъ своего призванія. Едва ли можно привести убѣдительные аргументы въ пользу того, что профессора должны осматривать купленные дрова и половыя щетки, производить ремонтъ зданій и участвовать въ строительныхъ комиссіяхъ. Въ нѣмецкихъ университетахъ все это хорошо дѣлается и безъ ихъ непосредственнаго участія.

Поклонники устава 1863 г. идутъ такъ далеко, что хотять сохранить за ректоромъ и характеръ начальника профессоровъ. Въ Германіи ректоръ—первый между равными, у насъ же ему хотять дать „право“ посѣщать аудиторіи во время чтенія лекцій и практическихъ занятій и право требовать отъ профессоровъ объясненій, почему не пришли на лекцію! Что это за „право“ посѣщать лекціи? Думаю, что это право имѣеть всякій профессоръ, попросившій у своего товарища позволенія послушать его чтеніе. Такое право имѣеть, конечно, и ректоръ. Но наши реформаторы желаютъ, чтобы ректоръ входилъ какъ начальникъ, а не товарищъ. Зачѣмъ же это нужно? Это нужно, чтобы слѣдить за правильностью чтеній. Очень наивное желаніе. Допустимъ, однако, что есть неправильности, бьюція въ глаза и всѣмъ понятныя. Полагаю, что профессоръ, позволяющій себѣ такія неправильности при входѣ начальства, смягчить или и вовсе перемѣнить тонъ, и цѣль начальническаго посѣщенія лекціи не будетъ достигнута. А что будетъ, если студенты поймутъ, что ректоръ слѣдитъ за профессоромъ? Что же касается полноты чтеній, то для того, чтобы слѣдить за полнотою, надо посѣщать всѣ лекціи, не пропуская ни одной. Возможно ли это даже для самаго лучшаго ректора? Контроль за лекціями не только не желателенъ, но и невозможенъ ни съ точки зрѣнія свободы науки, ни съ точки зрѣнія полицейскаго порядка. Идея подчиненности такъ вѣлалась въ наши нравы, что мы и аудиторіи не можемъ себѣ представить безъ начальническаго надзирающаго ока, хотя оно здѣсь рѣшительно ничего не можетъ увидѣть, а потому и совершенно бесполезно. Я помню такого начальника-ректора, совѣтскаго избранника по уставу 1863 г., въ теченіе многихъ четырехлѣтій. Профессорскихъ лекцій онъ, конечно, не посѣщалъ, по бесполезности этого акта надзора, но, здороваясь съ молодыми профессорами, подавалъ имъ только два пальца и въ разговоры съ ними не вступалъ.

По уставамъ 1804 и 1835 гг. ректоръ нашихъ университетовъ избирался совѣтомъ профессоровъ. 1848-ой годъ, съ его революціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ и замѣной во Франціи монархической формы правленія республиканскою отразился у насъ (въ 1849 г.) замѣной выборнаго ректора ректоромъ по назначенію отъ правительства и даже не изъ профессоровъ университета. Уставъ 1863 г. возстановилъ выборнаго ректора; уставъ 1884 г. снова возвратился къ системѣ назначенія правительствомъ, но только изъ профессоровъ университета. Споръ о преимуществахъ той и другой системы не закончился и въ

наше время. Сторонники устава 1863 г. стоять за выборное начало, но есть защитники и системы назначенія. Вопросъ этотъ чрезвычайно простъ, — онъ стоитъ въ полной зависимости отъ того, что такое ректоръ. Если ректоръ начальникъ, если онъ слѣдитъ за правильностью преподаванія и имѣетъ право посѣщать лекціи профессоровъ въ качествѣ начальника и допрашивать ихъ о причинѣ пропуска лекцій, онъ долженъ быть назначаемъ правительствомъ и даже изъ постороннихъ университету лицъ, какъ назначаются директора училища правовѣдѣнія, лицей, гимназій, корпусовъ и пр. Это не потому, что назначенный правительствомъ ректоръ дѣйствительно услѣдитъ за правильностью преподаванія, а изъ необходимости для законодателя быть послѣдовательнымъ, т.-е. понимать то, что онъ узаконяетъ. Уставъ 1863 г., предоставляющій надзоръ за преподаваніемъ выборному ректору, непослѣдователенъ; также непослѣдовательны и тѣ изъ его поклонниковъ, которые настаиваютъ на необходимости предоставить ректору право допрашивать профессоровъ о причинахъ пропуска лекцій и въ то же время настаиваютъ на томъ, что онъ долженъ быть избираемъ своими товарищами. Непослѣдовательность законодателя — большое зло; она можетъ повести къ достиженію такихъ цѣлей, какихъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Въ 1884 году наши университеты перешли отъ выборнаго начала къ системѣ назначенія правительствомъ. Этимъ, конечно, выразалось неодобреніе правительства выбраннымъ ректорамъ и деканамъ; ихъ слѣдовало замѣнить правительственными. Было это сдѣлано? Ни одинъ изъ выбранныхъ ректоровъ и декановъ не былъ удаленъ правительствомъ. Всѣ они, значить, оказались хорошими. Зачѣмъ же было мѣнять систему?

Наоборотъ, если ректоръ не начальникъ профессоровъ, а первый между равными, онъ долженъ быть избираемъ. Такъ какъ начальство ректора надъ науками и профессорами нежелательно, а на практикѣ и неосуществимо, то единственно возможный порядокъ университетскаго устройства есть избираемый товарищами ректоръ, а не назначаемый правительствомъ. Ректоръ-начальникъ профессоровъ свидѣтельствуетъ о стремленіи законодателя превратить университетъ въ среднюю школу, гдѣ репетиторы учатъ по учебникамъ, а не профессора читаютъ лекціи.

Такъ же легко изъ свойствъ ректорства рѣшается и вопросъ о продолжительности ректуры. Если это начальникъ, назначаемый правительствомъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія назначать его на опредѣленный срокъ четырехъ лѣтъ. Онъ долженъ

быть назначае́мъ безсрочно и удаляе́мъ по усмотрѣ́нію правительства, если окажется неудобенъ или нуженъ на что-нибудь другое. Если онъ только первый изъ равныхъ, онъ долженъ быть избираемъ на самый короткій срокъ, по той причинѣ, что ректорство во всякомъ случаѣ отвлекаетъ человѣка науки отъ того призванія, которому онъ посвящаетъ себя; оно отвлекаетъ и въ Германіи, гдѣ обязанности ректора чрезвычайно облегчены. Годовое ректорство должно быть правилымъ. Эта обязанность должна по очереди переходить на всѣхъ ординарныхъ. Переизбраніе на второй годъ подъ-рядъ должно быть воспрещено закономъ, какъ въ Страсбургѣ, — иначе и избираемые ректоры обратятся у насъ въ отцовъ-командировъ.

Перехожу къ совѣту, этому высшему органу университетскаго управленія, на автономную дѣятельность котораго возлагается у насъ такъ много надеждъ. Наши совѣты съ 1804 г. и по настоящее время состоятъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. По Уставу 1863 г., число всѣхъ профессоровъ, входящихъ въ составъ совѣта, было опредѣлено въ 57 человѣкъ. Въ дѣйствительности ихъ гораздо болѣе: въ петербургскомъ университетѣ ихъ въ настоящее время — 80, въ московскомъ — 94. Компетенція совѣтовъ опредѣлена чрезвычайно широко.

1. Они вѣдаютъ всю учено-учебную часть факультетовъ: распредѣленіе предметовъ преподаванія и самый порядокъ преподаванія, удостоеніе степени дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра, доктора, оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія ихъ къ профессорскому званію, отправленіе ихъ за границу съ тою же цѣлью, раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе кафедръ, замѣна однѣхъ другими и т. д. Все это — предметы, о которыхъ члены совѣта (за исключеніемъ членовъ подлежащаго факультета) не могутъ имѣть никакого самостоятельнаго мнѣнія. Я всегда думалъ, что совѣтъ не можетъ перерѣшать факультетскихъ рѣшеній о присужденіи ученыхъ степеней. Но мнѣ казалось, что есть одинъ случай, когда это возможно. Члены факультета, обыкновенно, стоятъ очень близко къ аспирантамъ на ученые степени, и тутъ возможны пристрастія, которыя и будутъ вліять на рѣшеніе. Совѣтъ же, какъ болѣе широкая среда, свободенъ отъ всякихъ лицепріятій и пристрастій, а потому и можетъ исправлять несправедливости факультета. Я такъ думалъ и даже высказался

такъ въ печати въ той же полемической статьѣ, въ которой рѣчь шла и о числѣ ученыхъ степеней. Пересматривая теперь этотъ вопросъ, я нахожу мою тогдашнюю аргументацію очень слабой. Конечно, члены факультета могутъ ошибаться и даже дѣйствовать подъ вліяніемъ пристрастія. Члены совѣта могутъ объ этомъ что-нибудь знать по слухамъ, но исправить учиненной несправедливости совѣтъ не въ состояніи. Дѣло идетъ о переоцнѣ диссертации или отвѣтовъ ея автора на диспутъ. Допустимъ, что факультетъ, подъ вліяніемъ нѣкотораго пристрастія, оцѣнилъ книгу слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Чтобы переоцнить книгу по достоинству, надо подвергнуть ее новому разбору и написать о ней новое мнѣніе,—но это могутъ сдѣлать только спеціалисты, а ихъ въ совѣтѣ нѣтъ. Перерѣшать же факультетское рѣшеніе на основаніи слуховъ о пристрастіи, конечно, невозможно. Недовольный рѣшеніемъ факультета имѣетъ достаточное средство для защиты своихъ интересовъ: онъ можетъ обратиться къ суду другого факультета. И этотъ вопросъ, слѣдовательно, нѣтъ основанія предоставлять вѣдомству совѣта.

2. Совѣты избираютъ весь личный составъ университета: ректора, декановъ, профессоровъ, доцентовъ, лекторовъ, лаборантовъ, хранителей кабинетовъ и музеевъ и т. д. За исключеніемъ одного ректора, совѣту приходится избирать на такія должности, о потребностяхъ которыхъ у его членовъ (помимо членовъ подлежащаго факультета) опять не можетъ быть никакого самостоятельнаго мнѣнія.

3. Въ ихъ рукахъ и хозяйственная часть. Имъ принадлежитъ распредѣленіе по факультетамъ штатныхъ суммъ, назначенныхъ на учебныя пособія, и составленіе смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ. Распредѣляя по факультетамъ штатныя суммы, совѣтъ долженъ рѣшать вопросы о томъ, сколько надо дать на клинику глазныхъ болѣзней, на физическій кабинетъ, на химическую лабораторію и т. д. Члены его, за исключеніемъ завѣдующихъ этими институтами, ничего, конечно, о потребностяхъ этихъ учреждений не знаютъ и должны чисто канцелярски утверждать представленныя правленіемъ предположенія. Въ другомъ положеніи находятся спеціальныя средства университета. Они составляютъ его собственность, а распоряженіе собственностью должно принадлежать учрежденію, представляющему университетъ, независимо отъ того, хорошій онъ хозяинъ или плохой. Совѣтъ представляетъ университетъ, и смѣта доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ—его дѣло.

4. Университетское законодательство. Совѣты составляютъ правила о порядкѣ взиманія и употребленія денегъ за слушаніе лекцій, о приѣмѣ студентовъ въ университетъ, объ обязанностяхъ учащихся и порядкѣ въ университетѣ, о взысканіяхъ за нарушение порядка, о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и т. д. Все это—общіе вопросы, касающіеся всего университета и, конечно, должны вѣдаться общимъ учрежденіемъ, представляющимъ университетъ, т.-е. совѣтомъ.

5. Контроль за преподаваніемъ. Уставъ 1863 г. чрезвычайно озабоченъ контролемъ за правильностью преподаванія. За этой правильностью наблюдаетъ деканъ, ректоръ и, наконецъ, совѣтъ. Но онъ не только наблюдаетъ, онъ можетъ дѣлать представленія министру объ увольненіи и удаленіи изъ университета плохихъ профессоровъ и декановъ. И это не все. Онъ можетъ самъ удалить плохого профессора, забаллотировавъ его по выслугѣ имъ 25-лѣтняго срока. Съ этою цѣлью установлены повторительныя баллотировки для оставленія на службѣ лицъ, прослужившихъ 25 лѣтъ; эти баллотировки повторяются потомъ, по выслугѣ каждого пятилѣтія. Чтобы остаться на службѣ, необходимо получить въ свою пользу двѣ трети голосовъ.

Надо отдать должное составителямъ устава 1863 года. Они трудились для пользы государства. Дѣйствительно, человекъ, получившій кафедру, можетъ перестать работать для науки и ничего не дѣлать 20, 30, 40 лѣтъ. Неужели его должно терпѣть на кафедрѣ и не допускать въ университетъ молодыхъ и даровитыхъ людей, полныхъ силъ? Вотъ, чтобы кафедры были занимаемы дѣйствительными работниками, и сочинены были вышеизложенныя правила перебаллотировокъ по выслугѣ 25, 30, 35 лѣтъ и т. д. Не желающихъ трудиться хотѣли заставить трудиться. Цѣль прекрасная, но недостижимая. Научный трудъ есть дѣло призванія, а не принужденія. Перебаллотировка предстоитъ и трудящимся, и лѣнливымъ. Для первыхъ она незаслуженный актъ недоувѣрія и угрозы, вторыхъ она можетъ повести къ разнымъ ухищреніямъ для отвода глазъ, къ заискиваніямъ и лести передъ товарищами и т. д. Среди членовъ „автономнаго“ совѣта устанавливаются, благодаря этому, нежелательныя отношенія недоувѣрія, принижности и постоянныхъ опасеній.

Уставъ 1884 г. не повторяетъ приведенныхъ правилъ контроля. И хорошо дѣлаетъ. Ему удалось найти другое и прекрасное средство противъ очень продолжительнаго занятія кафедръ людьми, которые, можетъ быть, и не стоятъ уже на высотѣ требованій науки. По этому уставу кафедра можетъ быть

занимаема только въ теченіе тридцати лѣтъ. По истеченіи этого срока, она дѣлается свободной и можетъ быть занята молодыми силами. Профессоръ, ее занимавшій, ничего, однако, не теряетъ: онъ получаетъ въ пенсію все свое жалованье и можетъ оставаться въ университетѣ, пользуясь всѣми правами профессора. Если онъ продолжаетъ чтеніе лекцій, ему назначается дополнительное содержаніе въ размѣрѣ 1.200 руб. При этомъ порядкѣ старое можетъ прекрасно уживаться съ молодымъ. Заслуженные ординарные—не соперники юнымъ доцентамъ. Нѣмецкимъ университетамъ такое правило неизвѣстно, и они представляютъ картину чрезвычайно медленнаго пополненія университетовъ свѣжими силами. Это вызываетъ много жалобъ и нареканій. Профессора занимаютъ тамъ кѣредры пожизненно ¹⁾. Наши западные сосѣди могли бы кое-что хорошее позаимствовать и у насъ.

Но мы сами очень мало цѣнимъ то хорошее, что имѣемъ. Обсуждая вопросы, предложенные генераль-адъютантомъ Ванновскимъ, одинъ изъ совѣтовъ опредѣлилъ: „Рѣшать баллотировкою вопросъ объ оставленіи въ прежней должности на пять лѣтъ штатнаго преподавателя, прослужившаго двадцать-пять лѣтъ на ученой службѣ. А если профессоръ, выслужившій тридцать лѣтъ, изъявитъ желаніе продолжать службу, то выборъ его производится общимъ порядкомъ, а равно и впослѣдствіи, по истеченіи каждаго дальнѣйшаго пятилѣтія его службы“. Это возстановленіе контрольных баллотировокъ устава 1863 г. и отмѣна правилъ устава 1884 г., по которому старые профессора—не соперники новымъ силамъ. Такъ далеко идетъ наше увлеченіе уставомъ 1863 г.! Надо думать, что авторы приведенныхъ правилъ рассчитывали на то, что старые профессора всегда будутъ избраны, а юные ихъ конкуренты—оставлены за флагомъ. При противоположномъ предположеніи, старые профессора оказались бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ то, какое дается имъ уставомъ 1884 г.

6. Судъ надъ студентами. Совѣту принадлежитъ утвержденіе постановленій университетскаго суда въ указанныхъ случаяхъ.

Такова компетенція нашихъ совѣтовъ. Въ ихъ рукахъ сходятся всѣ нити университетской жизни. Но дѣйствительно собственную свою волю совѣтъ можетъ проявлять только въ трехъ

¹⁾ За исключеніемъ Австріи, гдѣ профессоръ можетъ занимать кѣредру только до 70-ти-лѣтняго возраста. По достиженіи имъ этого возраста, кѣедра дѣлается свободной, но онъ не теряетъ права читать лекціи и продолжаетъ получать свое жалованье.

случаяхъ: въ распоряженіи спеціальными средствами университета, въ составленіи разныхъ правилъ и въ судѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ не можетъ сказать ничего своего, онъ можетъ только повторять сказанное другими. Какое самостоятельное мнѣніе можетъ высказать химикъ о кандидатѣ на кафедру римскаго права или о достоинствахъ диссертациі на степень доктора исторіи и обратно? Или какое самостоятельное мнѣніе можетъ высказать цивилистъ о потребностяхъ хирургической клиники? и т. д. Конечно, внесеніе всѣхъ указанныхъ дѣлъ въ совѣтъ можетъ дать поводъ во многимъ и продолжительнымъ спорамъ и пререканіямъ, но какая можетъ быть отъ этого польза для самаго дѣла? Допустимъ, что въ факультетѣ, откуда переходятъ всѣ эти дѣла въ совѣтъ, рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ. Если члены меньшинства имѣютъ много пріятелей въ совѣтѣ, эти пріятели дадутъ ихъ мнѣнію перевѣсъ, но развѣ дѣло отъ этого выиграетъ? Совѣтское большинство не принесетъ вѣдь никакихъ новыхъ данныхъ, оно будетъ только повторять сказанное прежде. Еслибы оно иначе освѣтило вопросъ, новому рѣшенію можно было бы радоваться; но какъ могутъ иначе освѣтить вопросъ лица, въ дѣло не посвященные? Рѣшеніе можетъ получиться иное, но чтобы оно было лучше, — этого никакъ нельзя сказать. Почему рѣшеніе совѣтскаго большинства, состоящаго изъ не-спеціалистовъ, лучше рѣшенія факультетскаго большинства, не скажу — состоящаго изъ спеціалистовъ, но все-же состоящаго изъ людей гораздо болѣе близкихъ къ дѣлу, чѣмъ члены совѣта? Въ лучшемъ же случаѣ, когда не возникнетъ никакихъ споровъ, рѣшеніе совѣта будетъ чисто канцелярское: секретарь прочтетъ свой докладъ, а члены совѣта подпишутъ. По этому образцу и происходитъ разсмотрѣніе большинства подлежащихъ вѣдѣнію совѣта дѣлъ. Это тоже, болѣе чѣмъ на половину, канцелярское учрежденіе.

Есть и въ нѣмецкихъ университетахъ общее собраніе профессоровъ, но оно мало имѣетъ общаго съ нашимъ. Это такъ называемое *replum*. Въ Берлинѣ это *replum* состоитъ только изъ ординарныхъ, въ Страсбургѣ — изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ. Компетенція его очень ограничена. Въ Берлинѣ *replum* избираетъ ректора и пять членовъ сената, — этимъ и ограничивается его дѣятельность. Въ Страсбургѣ дѣятельность *replum* нѣсколько шире; оно избираетъ ректора и представляетъ сужденіе, во-первыхъ, по возбужденнымъ въ законодательномъ порядкѣ

вопросамъ объ измѣненіяхъ въ университетскихъ статутахъ, и, во-вторыхъ, по вопросамъ, которые могутъ быть внесены на его заключеніе государственнымъ канцлеромъ, кураторомъ, ректоромъ и сенатомъ. На ректорѣ лежитъ обязанность представлять, отъ времени до времени, общему собранію профессоровъ свѣдѣнія о дѣятельности сената. Эти свѣдѣнія выслушиваются собраніемъ, но не обсуждаются. Итакъ, *plenum* избираетъ ректора; по другимъ же доходящимъ до него вопросамъ онъ или только выслушиваетъ ихъ, или высказываетъ сужденіе, но ничего не рѣшаетъ и никого ни къ чему не обязываетъ.

Роль высшаго правительственнаго учрежденія въ нѣмецкихъ университетахъ, соотвѣтствующаго нашему совѣту, играетъ не общее собраніе, а сенатъ. Составъ сената очень немногочисленъ. Въ него входятъ: ректоръ, его предшественникъ, четыре декана и пять ординарныхъ профессоровъ, въ Берлинѣ—по выбору общаго собранія, въ Страсбургѣ—по выбору факультетовъ. Эти пять членовъ сената избираются тоже на годъ, какъ ректоръ и деканы, но двое изъ нихъ, по жребію, остаются членами сената два года подрядъ, какъ и выбывающій ректоръ. Такимъ образомъ, сенатъ обновляется ежегодно только на двѣ трети своего состава. Трое выбывшихъ изъ пяти не могутъ быть теперь же вновь избраны. За исключеніемъ Страсбурга, во всѣхъ прусскихъ университетахъ въ составъ сената входитъ еще синдикъ, университетскій судья.

Этотъ немногочисленный по своему составу сенатъ (11—12 членовъ) и занимаетъ въ нѣмецкихъ университетахъ то мѣсто, которое въ нашихъ принадлежитъ совѣту.

Сенатъ вѣдаетъ всѣ *общія* дѣла, касающіяся всего университета, и не предоставленныя ни ректору, ни факультетамъ, ни директорамъ отдѣльныхъ институтовъ. Статуты нѣмецкихъ университетовъ не ограничиваются такимъ общимъ опредѣленіемъ, они указываютъ и частности. Такъ, сенатъ избираетъ депутата въ „палату господъ“, представляетъ министру кандидатовъ на должности университетскихъ чиновниковъ, издаетъ правила о порядкѣ въ зданіяхъ университета, раздаетъ стипендіи, если это право ему предоставлено учредителемъ стипендіи, принимаетъ участіе въ университетскомъ судѣ, управляетъ университетскою собственностью. А вотъ для примѣра сенатская практика. Въ зданіяхъ берлинскаго университета стали случаться частыя кражи. Сенатъ дѣлаетъ представленіе министру объ учрежденіи особаго чиновника безопасности (*Sicherheitsbeamte*). Практика выяснила, что доценты иногда не пользуются своимъ правомъ и не дѣ-

лаютъ объявленій о своихъ лекціяхъ, сенатъ по этому случаю постановилъ правило: „Если приватъ-доцентъ въ теченіе двухъ семестровъ не объявлялъ о своихъ лекціяхъ, онъ болѣе къ тому приглашаться не будетъ, пока не обратится съ особою о томъ просьбой“. Освобдилось мѣсто лектора иностранныхъ языковъ, учителя танцевъ, фехтованія и другихъ не-факультетскихъ предметовъ; сенатъ дѣлаетъ соотвѣтствующее представленіе министру и т. д. Наконецъ, сенатъ учреждаетъ спеціальныя коммисіи для библіотечныхъ дѣлъ, дисциплинарныхъ, гонорарныхъ и пр. Въ статутахъ отдѣльныхъ университетовъ встрѣчаемъ нѣкоторыя частности, которыя могутъ имѣть и общее значеніе. Приватъ-доценты получаютъ отъ факультетовъ право читать лекціи. Но лишеніе ихъ этого права факультетамъ не предоставлено. Для этого нужно опредѣленіе сената, утвержденное кураторомъ. Такъ по статуту страсбургскаго университета.

Составъ нѣмецкаго сената отличается отъ нашего совѣта не числомъ членовъ только, но и по характеру ихъ. Онъ состоитъ изъ лицъ практически знакомыхъ съ университетскими дѣлами. За самыми небольшими исключеніями, всѣ ординарные профессора бываютъ деканами,—поэтому въ сенатѣ, обыкновенно, засѣдаютъ члены факультетовъ, бывшіе уже деканами. Это—коллегія знающихъ дѣло людей. Составъ нашего совѣта имѣетъ великія достоинства,—онъ соединяетъ въ себѣ всѣ ученые силы университета. Но на что это нужно, какое они могутъ сдѣлать употребленіе изъ своей учености въ совѣтъ? Совѣтъ, какъ мы видѣли, не можетъ самостоятельно рѣшать никакихъ учено-учебныхъ вопросовъ, ему приходится рѣшать только хозяйственные вопросы, составлять правила о платѣ и внѣшнемъ порядкѣ университетской жизни, рекомендовать кандидатовъ на должности библіотекаря, бухгалтера, казначея, секретарей и другіе подобныя же общіе вопросы, но не ученые и даже не учебныя. Ученые и учебныя вопросы—всѣ дѣла факультетовъ. Я не знаю ни одного разумнаго основанія, которое можно было бы привести въ пользу многочисленности состава нашихъ совѣтовъ. А между тѣмъ это первый и основной устой нашей университетской организаціи. Голоса, которые высказывались у насъ за сенатъ—очень немногочисленны, громадное большинство всегда на сторонѣ совѣта, состоящаго изъ всѣхъ профессоровъ. А между тѣмъ преимущества сената передъ совѣтомъ такъ очевидны: въ сенатѣ немного членовъ, но хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, которое имъ приходится рѣшать;—въ совѣтѣ очень много членовъ, но совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ, которое имъ приходится рѣшать. Мо-

жетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что надо выбрать, — сенатъ или совѣтъ?

Какія же основанія приводятся въ пользу собранія всѣхъ профессоровъ? Преимущества нашего совѣта вовсе не доказываются; это — аксіома, не подлежащая сомнѣнію. Указываютъ на всеобъемлемость дѣятельности совѣта, и въ этомъ, можетъ быть, видятъ основаніе тому, чтобы всеобъемлющее учрежденіе включало въ себя и весь наличный составъ профессоровъ. Говорятъ: „совѣтъ, какъ главный органъ университетской автономіи, долженъ быть средоточіемъ завѣдыванія, какъ учено-учебною, такъ административною и финансовою частями университетскаго управленія. Окончательному утвержденію совѣта подлежитъ все преподаваніе въ университетѣ (учебные планы, программы преподаванія, испытанія), а равно заботы о замѣщеніи преподавательскихъ должностей“ и т. д. Или: „Совѣтъ есть органъ, контролирующій дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ университетскаго управленія... Ограниченіе числа членовъ совѣта небольшимъ числомъ произвело бы сильное приниженіе этого центрального органа въ организмѣ университета, весьма опасное для правильной его жизни и дѣятельности... Допущеніе въ составъ совѣта всѣхъ профессоровъ имѣетъ огромное нравственное значеніе для ихъ педагогической и ученой дѣятельности. Сознаніе своего права принимать участіе въ дѣлахъ высшаго въ университетѣ учрежденія, — совѣта, — сознаніе отвѣтственности, лежащей на членахъ корпораціи за весь строй жизни учрежденія, дѣйствуетъ въ высокой степени благотворно на духовную дѣятельность отдѣльныхъ членовъ корпораціи, оно оживляетъ и возвышаетъ эту дѣятельность... Весьма важно, чтобы всѣ профессора, участвуя въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ совѣтомъ, чувствовали себя въ одинаковой мѣрѣ отвѣтственными за ходъ дѣлъ въ университетѣ“ ... и т. д. Графъ П. Капнистъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа, полагалъ даже, что призывъ всѣхъ профессоровъ къ управленію университетомъ положить конецъ студенческимъ беспорядкамъ.

Это, конечно, не доказательства, а упованія. Въ основѣ этихъ упованій лежитъ цѣлый рядъ прискорбныхъ недоразумѣній. Совѣтъ не можетъ быть средоточіемъ завѣдыванія всей университетской жизнью, онъ не можетъ контролировать дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ университетскаго управленія. Какъ будутъ члены совѣта завѣдывать чтеніемъ лекцій по програм-

мамъ, экзаменами, возведеніемъ въ ученые степени, избраніемъ профессоровъ? Для всего этого нужно специальное знаніе, а при современной специализаціи наукъ даже члены одного и того же факультета не всѣ въ одинаковой мѣрѣ къ этому способны. Можетъ ли чистый математикъ самостоятельно судить о заслугахъ натуралиста и обратно? Еще дальше отъ самостоятельнаго рѣшенія этого вопроса стоятъ историки, филологи, юристы. Какая же можетъ быть отвѣтственность за рѣшеніе вопроса, въ которомъ рѣшающій ровно ничего не понимаетъ? Отвѣтственность эта есть нѣчто чудовищное. Это отвѣтственность, перенесенная съ людей, знающихъ и дѣйствительно подлежащихъ отвѣтственности и за невнимательные экзамены, и за раздачу ученыхъ степеней людямъ недостойнымъ, и за избраніе въ профессора лицъ, къ тому мало способныхъ, — на людей ко всему этому нисколько не частныхъ. Очень сомнѣваюсь, чтобы такая отвѣтственность могла благотворно дѣйствовать на духовную дѣятельность членовъ автономной корпораціи. Имъ остается только утѣшать себя русскими поговорками: „съ большой головы да на здоровую“, или: „попалъ какъ куръ во щи“ и т. п. Столь же призрочной представляется и надежда, что студенческіе беспорядки прекратятся, если всѣ профессора непосредственно будутъ привлечены къ управленію университетомъ. Студенческіе беспорядки были и при дѣйствіи устава 1863 г., — но я не ставлю ему этого въ вину. Теперь, надѣюсь, ни для кого не тайна, что причина студенческихъ беспорядковъ лежитъ не въ университетѣ и не въ томъ или иномъ его устройствѣ. Беспорядки могутъ быть при всякомъ уставѣ, и никакая университетская автономія не можетъ ихъ прекратить и, между прочимъ, потому уже, что студенты не составляютъ объекта университетскаго управленія. Университеты существуютъ для наукъ. Студенты поступаютъ въ университеты для ихъ изученія. Чтобы занятіе науками было возможно, они должны сохранять порядокъ, установленный правилами. За нарушеніе его они подлежатъ дисциплинарному университетскому суду. Вотъ и все. Этимъ и исчерпывается ихъ отношеніе къ университету. Во всемъ остальномъ они подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ. Объекты управленія учебнаго начальства представляютъ ученики закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ есть интернатъ, или войска, составляющія предметъ управленія военнаго начальства, или фабричныя рабочіе, могущіе составить тоже богатый матеріалъ управленія, но не студенты. Всякое стремленіе обратить ихъ въ особый предметъ управленія старость, кураторовъ и даже цѣлаго ученаго совѣта всѣхъ профессоровъ есть большая ошибка.

Но это—очень запутанный у насъ вопросъ, о которомъ надо говорить отдѣльно.

Если свести совѣтскую компетенцію въ ея должныя границы, то не останется ни малѣйшаго мѣста и для обманчивыхъ упований на всеобъемлющую дѣятельность совѣта, нуждающагося посему во всѣхъ наличныхъ силахъ профессорскаго персонала.

Устройство суда, этого послѣдняго учрежденія, о которомъ надо еще сказать, тоже мало имѣетъ общаго въ сравниваемыхъ университетахъ и по составу суда, и по компетенціи. Уставъ 1863 г. возникъ въ то самое время, когда у насъ шелъ весьма оживленный обмѣнъ мыслей по поводу реформы стараго суда. Высказывавшіяся тогда мнѣнія отразились и на организациіи университетскаго суда. Въ основу его было положено начало отдѣленія администраціи отъ суда, и для суда надъ студентами была учреждена особая коммиссія изъ профессоровъ по выбору совѣта на одинъ годъ. Это—такъ называемый „Университетскій судъ“. Но нельзя сказать, чтобы начало это было проведено ясно и послѣдовательно. Преданіе суду зависѣло отъ правленія; оно передавало „вѣдѣнію“ суда, во-первыхъ, дѣла о нарушеніи студентами порядка въ зданіяхъ университета и, во-вторыхъ, дѣла „о столкновеніяхъ“ между студентами и должностными лицами университета, если бы они произошли и внѣ университетскихъ учреждений. Но правленіе могло и не передать этихъ дѣлъ суду,— оно могло само „наложить взысканіе“; ректоръ, проректоръ и даже инспекторъ тоже могли сами „наложить взысканіе“. Такъ нерѣшительно и неопредѣленно постановлялъ законъ. Составленіе правилъ „о взысканіяхъ“, налагаемыхъ этими разными учрежденіями, и о порядкѣ университетскаго суда уставъ предоставилъ совѣту. Совѣты разрѣшили предложенную имъ задачу очень различно. Одинъ университетъ пошелъ такъ далеко въ сосредоточеніи всей власти „налагать взысканія“ въ рукахъ университетскаго суда, что не предоставилъ ни ректору, ни правленію права дѣлать студентамъ даже замѣчанія и выговоры; инспектору же это право онъ предоставилъ—и даже болѣе, онъ далъ ему и право заключать студентовъ подъ арестъ (до одного дня). Другой—предоставилъ право дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры ректору и правленію, а не инспектору. Многіе предоставили это право всѣмъ: и правленію, и ректору, и инспектору. Едва ли не всѣ университеты дали совѣту право утверждать приговоры университетскаго суда объ удаленіи студентовъ

изъ университета, а попечителю—о ихъ исключеніи. Право жалобы на рѣшеніе университетскаго суда не было допущено.

Одинъ совѣтъ съ исключеніемъ изъ университета соединилъ такія послѣдствія: исключенный изъ университета лишается права вступить вновь въ какой-либо изъ русскихъ университетовъ. Могъ ли совѣтъ установить такое наказаніе? Мнѣ представляется это сомнительнымъ. Установленное совѣтомъ наказаніе есть лишеніе нѣкотораго права. Думаю, что наказаніе, состоящее въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ, можетъ установить законъ, а не совѣтское постановленіе. Но попечитель утвердилъ это постановленіе, а министръ приказалъ обнародовать его путемъ печати во всеобщее свѣдѣніе. Я не знаю, какое имѣло оно практическое значеніе. Другіе университеты были гораздо осторожнѣе. Они тоже различаютъ удаленіе и исключеніе; но съ исключеніемъ не соединяютъ указанныхъ послѣдствій. Удаленный можетъ быть вновь принятъ, исключенный же удаляется изъ университета навсегда. Объ этомъ извѣщаются всѣ другіе университеты. Исключенный, слѣдовательно, не лишенъ права поступить въ другой университетъ; но его могутъ не принять, зная его дурное поведеніе. На такой отказъ въ приемѣ онъ можетъ, конечно, жаловаться попечителю и министру.

Совершенно иначе дѣло, это поставлено въ нѣмецкихъ университетахъ. Для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Пруссіи вопросъ этотъ разрѣшенъ закономъ 1879 г. Здѣсь дѣло идетъ не о судѣ, а о дисциплинѣ, ея задачахъ и о дисциплинарныхъ наказаніяхъ. Задачи дисциплины осуществляются ректоромъ, университетскимъ судьей (синдикомъ) и сенатомъ.

Синдикъ — одна изъ древнѣйшихъ университетскихъ должностей. Въ теченіе многихъ вѣковъ, по обычаю, во всѣхъ университетахъ въ качествѣ юрисконсультовъ существовали синдики. Они охраняли университетскія права, вели процессы, составляли договоры и давали совѣты по всѣмъ юридическимъ вопросамъ. Съ начала истекшаго столѣтія синдики начинаютъ рѣшать, по порученію ректора, мелкія дисциплинарныя дѣла; а съ половины — они во всѣхъ университетахъ—судьи. Назначаются они правительствомъ, но не изъ преподавателей университета, имѣютъ рангъ ординарнаго профессора и входятъ въ составъ сената. Только въ Страсбургѣ они избираются сенатомъ изъ профессоровъ и даже экстраординарныхъ, но членами сената не состоятъ. Въ прусскихъ университетахъ они играютъ роль какъ бы помощниковъ ректора. Каstellанъ и всѣ низшіе чины, подчиненные ректору, подчинены и синдикѣ.

Задачи академической дисциплины состоятъ въ поддержаніи не одного порядка въ университетѣ, но и добрыхъ нравовъ и чести среди учащихся. Студенты подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, если нарушаютъ предписанія, изданныя подъ угрозой наказанія, если совершаютъ дѣйствія, несогласныя съ обычаями и порядками академической жизни, если оскорбляютъ честь товарищей, если дѣлаютъ легкомысленно долги и ведутъ себя несогласно съ цѣлями пребыванія въ университетѣ.

Дисциплинарныя наказанія состоятъ: въ выговорѣ, денежныхъ штрафахъ до 20 марокъ, заключеніи въ карцеръ до двухъ недѣль, незачетъ семестра въ счетъ университетскаго времени, угрозъ удаленіемъ изъ университета, удаленіи (*consilium abeundi*) и исключеніи (*Relegation*). Исключение можетъ быть назначено только за дѣйствие, совершенное по безчестному побужденію. Исключенный не принимается ни въ какой университетъ студентомъ и не допускается къ слушанію лекцій.

Установленіе дисциплинарнаго проступка дѣлается синдикомъ при участіи ректора, если онъ того пожелаетъ.

Къ выговору и карцеру до 24-хъ часовъ можетъ присутствовать одинъ ректоръ; къ денежному штрафу и карцеру до трехъ дней—ректоръ съ синдикомъ; къ болѣе строгимъ наказаніямъ—сенатъ. Если по мнѣнію ректора и синдика виновный подлежитъ этимъ болѣе строгимъ наказаніямъ, синдикъ дѣлаетъ докладъ сенату и предлагаетъ наказаніе. Приговоренный къ незачету семестра, къ удаленію и исключенію, имѣетъ право обратиться къ министру, который можетъ восстановить права обвиненнаго ¹⁾.

Таковъ нѣмецкій законъ. Нельзя не признать въ немъ ясности, опредѣленности и цѣлесообразности, совершенной послѣдовательности и большаго вниманія къ участи осужденнаго ²⁾.

¹⁾ Къ страсбургскому университету этотъ порядокъ не примѣняется; для него остались въ дѣйствіи постановленія устава, изданнаго въ 1875 году. Тамъ существуетъ дисциплинарная коммиссія (*Disciplinamt*) изъ ректора, проректора (т.-е. ректора прошлаго года) и синдика. Въ наказаніяхъ и порядкѣ суда также есть особенности.

²⁾ Мнѣ непонятны только 20 марокъ денежнаго штрафа. За что бы онѣ могли назначаться? Это, надо думать, остатокъ старинны. Въ старинныхъ англійскихъ университетахъ денежный штрафъ и теперь весьма обыкновенное наказаніе за всякія нарушенія правилъ: позднее возвращеніе домой, куреніе на улицѣ, посѣщеніе трактировъ и т. д. Во всякомъ случаѣ это характерная черта, указывающая на то, что первые студенты были не полные бѣдняки; иначе съ нихъ нельзя было бы брать денежные штрафы. Въ статутѣ страсбургскаго университета этого наказанія нѣтъ. Но издержки производства и тамъ падаютъ на виновнаго.

Дѣло идетъ объ „академической дисциплинѣ“, которая понимается не въ смыслѣ одного соблюденія внѣшняго порядка, но и въ охраненіи добрыхъ нравовъ и чести учащейся молодежи. Въ чьихъ же рукахъ быть этому дѣлу, какъ не въ рукахъ ректора, перваго представителя университета? У насъ господствуетъ другая точка зрѣнія: ректоръ долженъ лично принимать дрова, метлы, половныя щетки и т. д., но отъ заботы о поддержаніи „академической дисциплины“ его можно или совершенно освободить, или приравнять его права къ правамъ инспектора, какъ узаконили нѣкоторые изъ нашихъ „автономныхъ“ совѣтовъ. „Университетскій судъ“ изъ профессоровъ по выбору совѣта есть, конечно, почтеннѣйшее учрежденіе. Но въ университетѣ дѣло идетъ не столько о „судѣ“, сколько объ „академической дисциплинѣ“. А вопросы дисциплины, конечно, всего ближе извѣстны ректору и его помощнику, синдикю. Важнѣйшіе случаи рѣшаются сенатомъ, гдѣ ректоръ предсѣдательствуетъ, а синдикъ является въ качествѣ докладчика. Сенатъ, какъ мы уже знаемъ, состоитъ изъ настоящихъ и бывшихъ ректоровъ и декановъ, близко и практически знакомыхъ съ университетскими дѣлами, а слѣдовательно и съ академической дисциплиной. Но его рѣшеніе не окончательное. Недовольный можетъ перенести дѣло на разсмотрѣніе министра. Сенатское рѣшеніе, на которое не послѣдовало жалобы, конечно, имѣетъ болѣе твердый авторитетъ, чѣмъ рѣшеніе нашего университетскаго суда, на которое жалоба не допускается. То же надо сказать и о рѣшеніи, обжалованномъ, но министромъ не отмѣненномъ, если министерство добросовѣстно и хорошо исполняетъ свои обязанности, а не отписывается только канцелярски...

Итакъ, и мы имѣемъ университеты, и въ нихъ: факультеты, профессора ординарные и экстраординарные и доценты, деканы, ректоры, совѣты и пр., но между этими учрежденіями и нѣмецкими нѣтъ ничего общаго, кромѣ названій. Наши университеты даютъ любопытный образчикъ заимствованія, совершенно не похожаго на свой оригиналъ. У насъ все было передѣлаво на свой образецъ. Въ Германіи каждое университетское учрежденіе: факультеты, ректоръ, сенатъ, кураторы—имѣютъ свою опредѣленную сферу дѣятельности и въ ней совершенно самостоятельны: факультеты вѣдаютъ учебно-ученую часть, ректоръ—студентовъ, сенатъ—общіе университетскіе вопросы, кураторы,

гдѣ ихъ нѣтъ, министерство—хозяйственное дѣло. Благодаря такой спеціализаціи, дѣятельность профессоровъ сосредоточена на учено-учебной части, они не отвлекаются отъ нея въ постороннія сферы, и ректоръ университета является представителемъ высшаго учено-учебнаго учрежденія, не переставая быть ученымъ. Хозяйственными дѣлами университеты занимаются въ самой необходимой мѣрѣ. Они признаются юридическими лицами и имѣютъ свою собственность, а потому управляютъ и распоряжаются ею на правахъ привилегированныхъ корпорацій.

У насъ, наоборотъ, нѣтъ необходимой по существу дѣла спеціализаціи въ вѣдомствѣ университетскихъ учреждений, и ни одно изъ нихъ не самостоятелно. Они всѣ вѣдаютъ одно и то же подъ присмотромъ другъ друга и высшихъ властей. У насъ, какъ было указано, одни и тѣ же вопросы вѣдаются факультетомъ и совѣтомъ; а немало и такихъ, которые вѣдаются факультетомъ, совѣтомъ, попечителемъ и министромъ. И нельзя сказать, чтобы это были очень крупныя правительственныя вопросы. Къ нимъ, между прочимъ, отнесены: избраніе декана и секретаря факультета, опредѣленіе, какіе изъ предметовъ обязательны для студентовъ, какіе—нѣтъ, избраніе и посылка молодыхъ людей за границу и т. д. У насъ все университетское устройство провякнуто духомъ крайняго недовѣрія; вслѣдствіе этого одно учрежденіе поставлено надъ другимъ для постояннаго надъ нимъ наблюденія. Факультеты экзаменуютъ и разсматриваютъ диссертации, а утверждаетъ въ степеняхъ совѣтъ, никакого отношенія въ экзаменамъ и диссертациямъ не имѣющій; факультеты намѣчаютъ молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя наукамъ, оставляютъ ихъ при университетахъ и отправляютъ за границу, но утвержденіе ихъ въ качествѣ оставленныхъ при университетѣ принадлежитъ совѣту, который ихъ совершенно не знаетъ, а отправивъ за границу—совѣту, попечителю и министру, которые ихъ знаютъ еще менѣе. Очень понятно, что получается въ результатъ такого порядка вещей: одна канцелярская переписка, безъ малѣйшей пользы для дѣла. Почему бы совѣтъ, попечитель или министръ отказали въ посылкѣ за границу молодого человека, давно извѣстнаго факультету, и на средства, находящіяся въ его распоряженіи? Отказъ ему у нихъ не можетъ быть основанъ, а замѣнить другимъ—еще того менѣе.

Нѣмецкій порядокъ управленія можно назвать реальнымъ или дѣйствительнымъ. Тамъ каждое учрежденіе дѣлаетъ то, что ему должно дѣлать. Наше же управленіе надо назвать бумажнымъ

или канцелярскимъ. У насъ все дѣлается не тѣмъ, кто дѣйствительно можетъ дѣлать, а тѣмъ, кто не можетъ дѣлать, а только подписываетъ, и подписываетъ, не входя въ разсмотрѣніе того, что подписываетъ, потому что и разсмотрѣть-то этого не можетъ.

Въ нѣмецкихъ университетахъ годовое деканство и ректорство поддерживаютъ между членами факультета духъ товарищества и даетъ возможность каждому изъ нихъ практически ознакомиться съ дѣлами университета. Все университетское управленіе имѣетъ тамъ характеръ живого дѣла, постоянно исходящаго изъ университетской среды и въ нее возвращающагося, а потому тѣсно связаннаго со всѣмъ составомъ профессоровъ. Наши дѣла десятилѣтія продолжающіяся деканство и ректорство являются чѣмъ-то оторваннымъ отъ университетской среды и мертвымъ, отъ нихъ вѣетъ застоємъ и плѣсенью. При ежегодно смѣняющемся деканѣ и ректорѣ не можетъ быть никакой борьбы партій ни при ихъ избраніи, ни при ихъ краткосрочномъ и почти очередномъ управленіи. При нашемъ порядкѣ, избраніе не только ректора, но и декана, есть дѣло партіи; эти избранники партій дѣйствуютъ въ ея интересахъ и въ теченіе своего многолѣтняго управленія.

И вотъ этотъ-то порядокъ вещей сторонники устава 1863 г. называютъ „университетской автономіей“. Самое главное право, которое дано университету этимъ уставомъ, это—право избранія профессоровъ, право самопополненія. Но самопополненіе не есть еще автономія. И нѣмецкіе университеты нельзя назвать автономными; наши же не только не автономны, но даже не могутъ быть названы самоуправляющимися. Какое это самоуправленіе, если они не могутъ даже выбрать молодого человѣка для отправки за границу на находящіяся въ ихъ распоряженіи деньги? У насъ господствуетъ крайняя и для пользы дѣла совершенно ненужная централизація и въ двухъ направленіяхъ, въ самомъ университетѣ—по направленію къ совѣту, а внѣ его—по направленію къ министру.

Говорятъ, послѣдній университетскій уставъ 1884 года давно уже пересматривается; говорятъ, что разныя учрежденія, призванныя высказаться по этому поводу, высказались уже за возвращеніе къ началамъ устава 1863 года. Хорошо ли это будетъ? Правила этого устава представляются сторонникамъ его традиционными, а потому и для насъ обязательными, а нѣкоторые усматриваютъ въ немъ даже что-то національное. А мнѣ ка-

жеться, что, несмотря ни на традиціонность, ни даже на національность нашихъ идеаловъ, намъ слѣдовало бы возвратиться не къ нему, а къ первому образцу нашихъ университетскихъ учреждений. Но я хорошо понимаю, что сдѣлать это очень трудно и даже едва ли возможно. Вѣковая организація нѣмецкихъ университетовъ покоится на началахъ совершенно несогласныхъ съ правами и привычками нашей университетской жизни, и не одной университетской. У насъ все такъ централизовано, все такъ преисполнено канцелярскихъ разрѣшеній и утверженій, что переходъ отъ этого бумажнаго управленія къ реальному можетъ утратить и самое смѣлое воображеніе.

В. СЕР—ВИЧЪ.

ПО СОВѢСТИ

РОМАНЪ

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЖИЗНИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Окончаніе.

XIX *).

Наканунѣ окончательнаго выѣзда изъ Дубовки, Григорій Аполлоновичъ не спалъ совсѣмъ. Онъ чувствовалъ себя—какъ наканунѣ похоронъ дорогаго человѣка, который умеръ, и съ мыслью о его смерти мы успѣли свыѣнуться, но все-таки, хоть и мертвый, но онъ еще здѣсь; стѣитъ пройти въ сосѣднюю комнату, и мы его увидимъ. Но завтра закроется крышка гроба, и мы его не увидимъ... никогда. Такое ощущеніе было у Новодубскаго относительно имѣнія. Что оно продано, что не ему суждено заботиться о его благоустройствѣ, а что другой будетъ коверкать его своими святотатственными руками—съ этимъ онъ уже свыкся. Но все-таки онъ еще въ Дубовкѣ, онъ дышетъ ея воздухомъ, все, имъ созданное,—передъ нимъ... а завтра онъ куда-то поѣдетъ и больше никогда не увидитъ Дубовки... никогда! Ибо онъ не сомнѣвался ни одной минуты, что онъ въ нее уже не вернется.

Ему предстояло переродиться, ибо Новодубскій въ Дубовкѣ и Новодубскій не въ Дубовкѣ—это уже разные люди. Жилъ человекъ богато, учился въ столичномъ университетѣ, ѣздилъ по

*) См. выше: апр., стр. 506.

заграницамъ. Двери всѣхъ гостиныхъ и всѣхъ канцелярій были для него открыты. А онъ взялъ да и выбралъ Дубовку. Не видъ же одинъ его привлекалъ, не уединеніе. Его привлекало все, что связано съ Дубовкой, — занятія хозяйствомъ, образъ жизни, близкія отношенія къ народу настоящему, не то что въ Петербургѣ, гдѣ народъ себѣ представляютъ либо въ видѣ пригородныхъ столичныхъ крестьянъ, либо въ видѣ пейзажистовъ, размахивающихъ руками на маринской сценѣ. Но и этого мало: онъ въ Дубовкѣ приспособилъ всю свою жизнь, расширивъ въ своихъ мысляхъ сферу дѣятельности въ предѣлахъ земской работы. Все это у него уже было предначертано, и онъ вошелъ въ роль дубовскаго домового, какъ онъ часто, смѣясь, себя называлъ. А теперь ему приходилось уѣзжать, окончательно отбросивъ всѣ мечты о деревенской, т.-е. дубовской, дѣятельности.

Страшно долженъ страдать такой домовой, когда ломаютъ его домъ! И точно такъ страдалъ Новодубскій. Много разъ онъ не въ состояніи былъ сдержать своихъ рыданій.

Подъ утро онъ хотѣлъ встать и идти бродить въ послѣдній разъ по усадьбѣ, но удерживала его мысль: „Вотъ, я лежу теперь въ своей милой дубовской спальнѣ, но лежу въ послѣдній разъ“.

При словѣ „послѣдній“ его всякій разъ пробирала дрожь.

Наконецъ, онъ всталъ. Было еще темно. Утро, хотя дѣло подходило къ Казанской, было теплое, но, несмотря на это, онъ дрожалъ въ своемъ тепломъ ватномъ пальто. А голова горѣла.

И началъ онъ бродить по усадьбѣ. Онъ обошелъ конюшни и заходилъ въ каждое стойло, какъ бы прощаясь съ лошадьми, которыхъ съ такою любовью выращивалъ. Ему казалось, что лошади понимаютъ, что онъ съ ними прощается, и особенно ржутъ и поворачиваютъ къ нему голову. Старому вороному жеребцу, отцу многочисленнаго потомства, онъ въ послѣдній разъ далъ хлѣба.

Слезы текли изъ его глазъ, и говорить онъ не могъ, однако превозмогъ себя и сказалъ конюхамъ:

— Спасибо за вашу службу. Прощайте.

Это первое „прощайте“, сказанное имъ, подѣйствовало на него какъ первая пригоршня земли, брошенная на гробъ.

Онъ пошелъ къ коровамъ. Доильщицы, какъ ни въ чемъ не бывало, дѣлали свое дѣло подъ наблюденіемъ Анисьи Петровны. Насты не было.

Всѣ эти дни Григорій Аполлоновичъ подолгу сидѣлъ съ нею въ молочной. Она все повторяла, чтобы онъ ея не стѣснялся и прямо бы сказалъ, если она ему надоѣла.

— Во всякомъ случаѣ,—говорила она,—если вы меня и не бросите, но на содержаніе въ вамъ я не пойду. Будете жить въ городѣ, я найду себѣ мѣсто и буду слѣдить за вами. Мнѣ ничего больше не надо.

— Настя, ты моя родная, голубушка ты моя, вѣрю, вѣрю, что ничего тебѣ не надо, но теперь ты не вправѣ такъ говорить. Я къ тебѣ уже привязанъ ребенкомъ, котораго мы ждемъ. Съ собой ты можешь дѣлать что хочешь. А вѣдь ребенокъ наполовину твой, наполовину мой. Работать тебѣ въ этомъ положеніи я не дамъ и волей-неволей мы должны жить вмѣстѣ.

Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся будущій ребенокъ, рѣшили такъ: Новодубскій будетъ жить въ уѣздномъ городѣ, а Настя—тоже, только на другой квартирѣ. Анисья Петровна пока оставалась у Сидѣльниковъ, который ей это уже предложилъ.

Проходя теперь по скотному двору съ Анисьей-Петровной, Новодубскій спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ все это устраивалъ, для кого, для чего? Не все ли равно—все это будетъ уничтожено? И отчетность, и пробные удои, и все, что онъ съ такою любовью и съ такимъ трудомъ заводилъ,—все это и мѣсяца не просуществуетъ.

— Ну, прощайте, голубушки,—сказалъ онъ доильщицамъ, и новый спазмъ сжалъ его горло,—желаю вамъ остаться жить у новаго хозяина...

— Гдѣ ужъ тамъ! Кончилась ваша волюшка, Григорій Аполлоновичъ. Теперь не то пойдетъ...

Новодубскій поторопился выйти. Онъ продолжалъ обходить усадьбу. Ни одного уголка онъ не пропустилъ: и свинятникъ, и птичникъ, и ригу, и овинъ, и машинные сараи—все обошелъ, всюду заглядывалъ, стараясь сохранить память о мельчайшихъ подробностяхъ, которыя онъ собирался перебирать послѣ въ памяти, когда онъ будетъ далеко.

Все это было имъ сдѣлано, имъ построено, деревья почти всѣ имъ посажены. Вотъ его многолѣтніе цвѣты, которые онъ сумѣлъ особенно подобрать по цвѣтамъ въ рабаткахъ; вотъ его густыя акаціевыя аллеи со сводами; вотъ его розы, его кустикъ, съ любовью выписанные, съ любовью посаженные, съ любовью выращенные...

И когда Никита его разыскалъ и доложилъ, что поданъ кофе, онъ лишь махнулъ рукой. Онъ хотѣлъ быть одинъ въ „своемъ“ саду.

До полудня онъ бродилъ одинъ по садамъ и огородамъ. Былъ

онъ и въ полѣ. Онъ ходилъ въ полузабытїи, въ послѣдній разъ стараясь насладить всѣ свои пять чувствъ и свою душу дивными для него дубовскими прелестями. Онъ набирался воспоминаній; онъ прощался съ каждымъ закоулкомъ; онъ хотѣлъ вездѣ оставить свой слѣдъ.

Въ обѣдъ онъ вернулся въ усадьбу и сталъ обходить знакомыхъ и служащихъ. Онъ былъ у всѣхъ, до самыхъ маленькихъ служащихъ включительно. Онъ не могъ говорить, а, входя въ комнату, только скажетъ: „прощайте“. Слезы, катившіяся изъ глазъ и которыя онъ пересталъ скрывать, говорили за него. Кого поцѣлуетъ, съ кѣмъ возьмется за руку. Всѣмъ низко, низко кланялся. Многіе, въ особенности женщины, прощаясь съ нимъ, тоже плакали. Одна вздумала причитать, какъ по покойникѣ, и ему это понравилось.

Онъ пошелъ на деревню, благо она начиналась у самой усадьбы. На деревнѣ онъ зналъ всѣхъ и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей, и стариковъ.

Прощаясь, онъ дошелъ до конца деревни. А оттуда народъ сталъ присоединяться къ нему. Шли всѣ. Даже грудныхъ младенцевъ женщины несли на рукахъ.

При толпѣ онъ рѣшилъ не плакать и заставилъ себя сдержаться. Только губы его дрожали.

Крестьяне прониклись его настроеніемъ и тоже шли молча.

Скоро пришелъ часъ отъѣзда. Лошади были поданы. Григорій Аполлоновичъ рѣшилъ сократить послѣднія минуты. Онъ еще разъ обошелъ домъ, прошелъ въ цвѣтникъ, все овинулъ еще разъ взглядомъ, кое-кого поцѣловалъ.

Нечеловѣческихъ усилій ему стоило сдержаться. Онъ ничего не сознавалъ, ничего не слышалъ—точно одеревенѣлъ.

Однако онъ почувствовалъ, что надо что-нибудь сказать. Онъ сдѣлалъ усиліе и подошелъ къ народу. Тутъ, смѣшавшись, стояли всѣ: и служащіе, и рабочіе, и крестьяне, и бабы съ ребятишками.

— Прощайте, не поминайте лихомъ! — сказалъ онъ, удивляясь самъ, откуда у него такой громкій голосъ.

— Прощайте, Григорій Аполлоновичъ, и насъ простите! — отвѣтилъ старикъ, стоявшій спереди, съ гноящимися глазами. — Такого намъ барина не najтъ...

Послышались всхлипыванія. Одна баба плакала навзрыдъ.

— Ну, Богъ милостивъ, — нашелъ въ себѣ силы сказать Новодубскій, — придуть, можетъ быть, и для крестьянъ лучшія времена.

— А то не уѣзжайте отъ насъ!—сказалъ одинъ крестьянинъ.—Мы три года вамъ землю будемъ даромъ работать... только не уѣзжайте. Не правда, старики?

— А то не работаемъ нѣчто?—подхватили другіе.

— Спасибо вамъ на добрыхъ рѣчахъ!—отвѣчалъ Новодубскій,—спасибо. Но пособить дѣлу уже ничѣмъ нельзя... ничѣмъ... ничѣмъ!.. Ну, прощайте!

Онъ поцѣловалъ старосту и говорившаго за всѣхъ старика... и не выдержалъ... разрыдался.

Въ толпѣ кто плакалъ, кто отиралъ глаза.

— Прощайте... Не забывайте насъ... Пріѣзжайте!..—слышалось со всѣхъ сторонъ...

Еще мгновенье — онъ сидѣлъ въ экипажѣ, съ Никитой на козлахъ. Лошади тронули. Еще глубокой поклонъ всѣмъ—и онъ упалъ на сидѣнье. Въ глазахъ у него помутнѣло. Брызнули слезы. Но нельзя было терять послѣднихъ мгновений. Онъ оправился и привсталъ, чтобы видѣть еще разъ, послѣдній разъ Дубовку.

Лошади бѣжали быстро, уже людей не видно было, строенія, казалось, дѣлались все меньше и меньше... бугорокъ... Прощай, Дубовка, прощай на вѣки!..

Въ городѣ Новодубскій снялъ небольшую квартиру, въ которую перевезъ изъ Дубовки нѣсколько мебели; онъ выговорилъ ее при продажѣ. Всю остальную движимость онъ продалъ вмѣстѣ съ имѣніемъ. Сидѣльниковъ требовалъ себѣ вещи даже изъ выговоренныхъ, и когда старые служащіе Новодубскаго возмущались, онъ махалъ рукой.

— Главное, не ссорьтесь, ради Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Богъ съ нимъ, пускай беретъ!..

Настѣ, тоже переѣхавшей черезъ день, онъ снялъ комнату неподалеку отъ своей квартиры. Она, повидимому, безъ личнаго сожалѣнія оставила Дубовку. Для нея вся Дубовка, весь міръ былъ сконцентрированъ въ Григоріѣ Аполлоновичѣ. Все остальное для нея было дорого только постольку, поскольку оно касалось его. И теперь она жалѣла Дубовку не непосредственно, а лишь потому, что онъ по ней скорбѣлъ. Даже о сестрѣ она почти-что не вспоминала. Она, вынужденная по возможности таить свою преступную, въ глазахъ большинства, любовь въ самой себѣ, избѣгала не только разговоровъ о ней, но и намековъ даже съ сестрой—единственнымъ человѣкомъ, отъ котораго не могло ничего ускользнуть изъ ихъ отношеній. Это какъ будто охладило ея чувство къ сестрѣ. Вѣчно съ своею неотвязчивою мыслью,

она, прежде веселая и разговорчивая, съ каждымъ днемъ дѣлалась молчаливѣе.

Такъ и теперь, по переѣздѣ въ городъ, она съ грустью видѣла происшедшую въ немъ перемѣну. Но къ этой грусти примѣшивалось нѣкоторое чувство удовлетворенія. Григорій Аполлоновичъ теперь ей больше принадлежалъ, чѣмъ прежде. Онъ чаще сидѣлъ у нея и дольше оставался. Не было между ними Дубовки, къ которой она неволью его ревновала, хотя боролась съ этой ревностью, безсознательно понимая, что это чувство недоброе.

Приходилъ же къ ней Новодубскій чаще, такъ какъ цѣлые дни оставался безъ дѣла. Видѣть было некого, да и не хотѣлось быть съ чужими людьми, а заниматься не могъ. Онъ нѣсколько разъ брался за книги и серьезныя, и легкія, но, читая, не понималъ, что написано; глазами какъ будто читаетъ, а что прочелъ—не знаетъ; мысленно онъ переносился туда, гдѣ столько лѣтъ были сосредоточены его помыслы, его заботы, его мечты о лучшей жизни для крестьянъ. Съ нею онъ опять-таки могъ говорить о Дубовкѣ. Онъ строилъ разныя предположенія: что теперь дѣлается, не распродаетъ ли Сидѣльниковъ лошадей, не рубить ли деревья. Настя хотѣла бы отвлечь его думы отъ этого на другіе предметы разговора, но не умѣла. Она сердилась на себя, что не можетъ овладѣть его умомъ, и приписывала это разницѣ въ образованіи.

„Я ему не пара!“—часто мельзало въ ея головѣ.

— Видишь ты, Настя, — говорилъ ей Новодубскій, — моему горю нѣтъ конца и не будетъ конца. Какая разница между человѣкомъ и животнымъ? Я думаю, главная—та, что человѣку свойственно понятіе о пространствѣ, животному—нѣтъ. Возьми крота. Ему дорога его нора—и больше ничего. Уже сосѣдняя нора другого крота его не интересуесть; лишь бы его нѣто не потревожилъ. Такъ и муравьиныя заботы не идутъ дальше ихъ кучки. Не только Америки да Франціи, — нѣтъ для нихъ и сосѣдняго уѣзда, сосѣдней десятины. Ихъ куча—ихъ міръ. Не то человѣкъ. Конца нѣтъ его мыслямъ, его заботамъ. Онъ живетъ въ Дубовкѣ, а думаетъ, что дѣлается въ Австраліи, и радуется, если узнаетъ, что людямъ тамъ хорошо. Мало того: явись у людей возможность вліять на жизнь планетъ или еще дальше, они несомнѣнно начали бы хлопотать и о планетахъ и звѣздахъ. Находить счастье свое въ счастіи человѣчества—вотъ чувство, животному совсѣмъ незнакомое. Стремленіе къ всечеловѣчеству—это и есть Христова любовь къ ближнему—альтруизмъ, какъ говорятъ теперь. А у животнаго—чистѣйшій эгоизмъ. Я—и кромѣ „я“—ничего! Такъ?

Настя понимала черезъ два слова въ третье. Тѣмъ не менѣе, не желая нарушить ходъ его мыслей, отвѣтила:

— Такъ!

— Ну, слушай дальше! Но эгоизмъ и человѣку свойственъ. И есть даже теорія, что скорѣе всего благо всего человѣчества будетъ достигнуто, если всякій прежде всего будетъ заботиться о себѣ. Возьми хоть нашего крестьянина, и вообрази, что каждый изъ нихъ порознь будетъ заботиться о томъ, чтобы его положеніе улучшилось и матеріально, и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и въ подъемѣ чувства собственнаго достоинства. Врядъ ли можно сомнѣваться, что ихъ стремленія увѣнчаются успѣхомъ. Тогда мы получимъ блестящій примѣръ, какъ счастье общее достигается стремленіемъ въ личному счастью каждаго отдѣльнаго лица. Значитъ, полезенъ для человѣчества эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ. Этотъ эгоизмъ въ насъ вложенъ самой природой. И какъ человѣкъ ни мечтай о благѣ папуасовъ, но центромъ вселенной онъ невольно будетъ чувствовать себя и свою нору. Я лично имѣю вотъ такое чувство, и думая, что оно обще всему человѣчеству, мнѣ кажется, что есть для меня и для всякаго такая точка на землѣ, гдѣ я чувствую себя дома. Для меня это была Дубовка. И гдѣ бы я ни былъ, за границей ли, на Кавказѣ ли, въ уѣздномъ ли городѣ, я все чувствовалъ себя въ отъѣздѣ за три тысячи, за двѣ тысячи, за сорокъ верстъ. Дома я только былъ въ Дубовкѣ. Это была моя нора. И такая нора есть, я думаю, у всякаго. Возьми евреевъ. Ужъ на чтѣ имъ плохо живется на родинѣ. Тѣмъ не менѣе, они неохотно переселяются въ Америку, гдѣ имъ въ матеріальномъ отношеніи несравненно лучше. Ихъ норы здѣсь. Они держатся норъ своихъ. Заботиться о своей норѣ значитъ быть эгоистомъ. Но когда во всѣхъ норахъ будетъ хорошо,—будетъ хорошо всему человѣчеству. Забота о норѣ и есть истинный патріотизмъ. У одного нора маленькая, у другого — больше, у третьяго—еще больше, у всечеловѣка вся земля—его нора! Будемъ же заботиться каждый о своей норѣ постольку, поскольку онъ способенъ понять ее. Для меня моя нора до сихъ поръ была Дубовка, и я только мечталъ о работѣ на цѣлый уѣздъ. И теперь у меня нѣтъ норы. Я—кротъ безъ норы, дерево безъ корня... И хотѣлъ бы я быть эгоистомъ, да не къ чему эгоизма своего примѣнить. Ничто мнѣ не мило... А. удастся ли мнѣ найти новую цѣль жизни—не знаю. А теперь, охъ, какъ тяжело!

Настя слушала и слушала. Она понимала одно: что онъ страдаетъ, и что она помочь ему не можетъ.

„Какъ же я-то? — думала она. — Гдѣ моя нора? Гдѣ онъ, тамъ и нора моя. Хоть на край свѣта съ нимъ уѣхать—все я буду дома. На то я женщина. Женщины сильнѣе любить умѣютъ, чѣмъ мужчины. Или ужъ очень я ему неровня“?

Что еще мучило Григорія Аполлоновича—это чувство стыда, да еще двойного.

Ему стыдно было, что онъ не удержалъ имѣнія. Ему казалось, что всякій человекъ, который его встрѣчалъ, думалъ:

„Э-ге, братъ! Ты тоже прогорѣлъ, какъ и другіе. Походи-ка, походи, понщи мѣста“...

А въ особенности онъ боялся встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ противниковъ по земству, напримѣръ земскаго начальника, который при немъ ругалъ старуху. Онъ чувствовалъ, что его имущественныя дѣла никого не касаются, понималъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что пришлось продавать имѣніе, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого глупаго чувства и все искалъ глазами по улицамъ, не встрѣтится ли случайно какой-нибудь знакомый.

Другое чувство стыда было серьезнѣе. Происходило оно отъ того, что въ первый разъ пришлось открыто признать свою связь съ Настей. Въ Дубовкѣ это было секретомъ полишинеля, но никто не позволилъ себѣ ни разу ни намекнуть на нее, ни показать видъ, что секретъ ихъ всѣмъ извѣстенъ. Тутъ сразу пришлось посылать Никиту кое-что купить для нея изъ мебели и посуды. Говоря про Настю, Никита сталъ ее называть „барыней“. Слово „баринъ“ и „барыня“ онъ вообще не выносилъ, какъ пережитка крѣпостного права, но, тѣмъ не менѣе, у него не хватило духа его остановить и велѣть называть ее иначе.

Разные мелкіе жильцы того дома, гдѣ Настя поселилась, съ любопытствомъ встрѣтили новую жилищку и стали, какъ водится, изучать ее и наблюдать за ней. Сейчасъ стали извѣстны посѣщенія ея красивымъ молодымъ человекомъ. Прослѣдили и его. Узнали, что это—Новодубскій, котораго считали богачомъ и о разореніи котораго уже ходили слухи. Замѣтили, что онъ ходитъ къ ней скрывается. Тайнственность еще больше заинтересовала этихъ людей, для которыхъ представлялась новая богатая пища всякимъ сплетнямъ.

Нѣкоторые, въ особенности женщины побѣднѣе, стали относиться къ Настѣ покровительственно. Бѣдная, молъ, все равно, рано ли, поздно ли пропадешь! Нѣкоторые мужчины стали за ней ухаживать, какъ за легкой добычей. А большинство, люди семейные, открыто высказывали свое презрѣніе и демонстративно

отворачивались, чтобы не оскорбилось ихъ мѣщанское цѣломудріе.

Все это очень скоро замѣтила Настя, которую это довело до отчаянія. Она вновь умоляла Новодубскаго пустить ее на мѣсто, работать любую грязную работу, лишь бы не быть на содержаніи.

Новодубскій рѣшительно возсталъ противъ этого.

— Подумай, Настя,—говорилъ онъ,—что ты говоришь. Ты беременна и хочешь идти служить. Ну, положимъ даже, что ты найдешь мѣсто экономки. Развѣ это дѣло легкое? И ты думаешь, и дамъ тебѣ пожертвовать ребенкомъ для какихъ-то глупыхъ соображеній. Это разъ. Затѣмъ, ты хорошенькая женщина, и разъ ты будешь служить, съ тобой стѣсняться не будутъ въ обращеніи, будутъ говорить разныя гадости. И это мнѣ терпѣть? Да ты хоть меня пожалѣй! Ты знаешь, что меня мучить всякій грязный намекъ въ твоемъ присутствіи. И эта ревность у меня очень и очень сильна. И, наконецъ, третья причина есть: это тебѣ все равно со мной не видѣться! Теперь у меня никого нѣтъ кромѣ тебя. И съ тобой мнѣ можно будетъ видѣться лишь украдкой между кадкой посоленныхъ огурцовъ и подоенной коровой. Спасибо!

Доводовъ Настя противъ этого не находила никакихъ и только плакала. Побѣда осталась, конечно, за Новодубскимъ. Настя же, во избѣжаніе всякихъ нескромностей, окончательно заперлась и не выходила безъ крайней необходимости изъ комнаты. Главное ея занятіе было ждать его посѣщенія. Впрочемъ, онъ ей приносилъ разныя книги. Жадная до чтенія, Настя ихъ очень скоро прочитывала и просила новыхъ.

XX.

Разъ Новодубскій сидѣлъ за утреннимъ кофе, какъ вдругъ послышался громкій знакомый голосъ.

— Дома?

— Дома-съ; пожалуйста!

И въ комнату вошелъ Градовъ.

— Что, вы сердитесь, Григорій Аполлоновичъ, что я нарушилъ ваше затворничество? Находите это нескромнымъ? Можетъ быть! Но я думалъ, да и теперь думаю, что лучше иногда быть нескромнымъ. Не правда ли?

Лицо Градова было такъ добродушно-ласково, что нелов-

кость, дѣйствительно было-почувствованная Новодубскимъ, моментально прошла. Онъ охотно бросился въ открытыя объятія, ему протянутыя.

— Да, батюшка, чего-чего на свѣтѣ не бываетъ. Да хоть бы ваше положеніе. Конечно, оно не легко. Привычка, привязанности, мечты—все сразу порвать—конечно, не легко. Ну, да что подѣлаешь? Была бы совѣсть чиста! А вѣдь совѣсть ваша чиста? Не правда? Ну, такъ чтожь! Все, батюшка, совѣсть у человѣка. Совѣсть сповойна—и все хорошо. Ну, скажите, какъ вы себя чувствуете, что дѣлаете? Тяжело?

— Да, не легко!

— Извѣстія оттуда получаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Обѣщали мнѣ всѣ и крестьяне тоже, что когда будутъ въ городѣ, меня разыщутъ. Да гдѣ теперь въ городѣ ѣхать по такимъ дорогамъ. Вотъ, подморозитъ...

— Ну, такъ я вамъ скажу. Вашъ земскій въ отпускъ уѣхалъ, возложивъ на меня свой участокъ. Пришлось вчера по дѣламъ съѣздить въ Дубовку. Какъ, бинь, вашего управляющаго-то звали?

— Федоръ Елисеевичъ! Ну, что?

— Уволили его новый хозяинъ.

— Такъ началось... значить.

— Да, началось. И конторщика тоже. И старосту стараго.

— Николая Федоровича?

— Да, да, такъ, кажется его звали.

— Скоро-съ. Скоро. А ничего не рубить въ саду?

— Нѣтъ, еще не рубить.

— Зато людей, значить, рубятъ... Чего же съ ними считаться? Что они семейные?.. А развѣ это для Сидѣльниковскихъ капиталовъ не безразлично? Вонъ ихъ, семейныхъ! Вонъ лишніе рты!..

— Плохо безъ васъ, Григорій Аполлоновичъ, въ Дубовѣ. Ужь жалоба есть одна крестьянина на Сидѣльникова. Говорить, обсчиталъ. Вотъ вамъ разница между барининомъ и купцомъ.

— Пустяки, Николай Васильевичъ, вы говорите. Тысячу разъ я вамъ уже говорилъ, что я не баринъ, и что слово это считаю жестоко ругательнымъ. Я вчера объ этомъ думалъ, и хотите, я вамъ скажу, какава разница между барининомъ и купцомъ. Баринъ пожалѣетъ дерево, вустикъ, кошку, жеребца, а купецъ даже и не понимаетъ, зачѣмъ все это надо жалѣть? По отношенію же къ людямъ купецъ больше пожалѣетъ человѣка, чѣмъ

баринъ. Баринъ, можетъ быть, еще пожалѣть двороваго, лакея, вучера, которыхъ по милости барской возвелъ въ чинъ равный съ кобелемъ и жеребцомъ, а простого рабочаго, крестьянина, не изъ приближенныхъ, онъ обратитъ—оберетъ не хуже вупца, да еще норовитъ отколотить; выпоролъ бы, кабы могъ, а обругать сочтетъ за удовольствіе. Купецъ же оберетъ, да стаканчикъ поднесетъ, чтобы не жаловался... Ну, вы говорите: „баринъ“—да гдѣ они, эти баре? Покажите ихъ хоть бы у насъ въ уѣздѣ. Два-три, да и тѣ отрещиваются отъ этого названія. А остальные—форменные кулаки... Для нихъ человѣческое достоинство—безсмысленное слово въ каждомъ, кромѣ ихъ самихъ. Нѣтъ, я васъ покорнѣйше и серьезно прошу—баринѣмъ меня не называть.

— Ну, хорошо, оставимъ это. Здѣсь мы не столкуемся. Хотите быть со мной откровенны?

— А что?

— Да я хочу съ вами поговорить о васъ. Чего вы тутъ дѣлаете? Хандрите? Положимъ, это понятно, но не вѣкъ же хандрить. Надо людей повидать, о будущемъ подумать. Что вы намѣрены предпринимать?

— Да такъ, я все не теряю надежды служить по земству.

— Чѣмъ?

— Да я мечтаю о членѣ управы.

— А цѣнъ будетъ?

— У меня гроши кое-какіе остались. Цѣнъ, думаю, удастся сколотить.

— Слушайте, голубчикъ, не удовлетворитъ васъ мѣсто члена управы. Вы—человѣкъ широкаго размаха. И занимать вамъ второстепенное, чисто хозяйственное мѣсто въ управѣ—нѣтъ, воля ваша, это не по васъ. Вѣдь вы захотите проводить идеи ваши? Не правда ли? Въ этомъ вы видите служеніе земству?

— Ну, конечно, не одни матеріалы считать...

— То-то вотъ и есть. А члену управы только и нужно. Все остальное—лишнее. Да, зная васъ и зная наше собраніе, я ранѣе скажу, что васъ не выберутъ... Вѣдь мало такъ вообще мечтать. Надо знать дѣло ближе. На эту несчастную тысячу рублей члена управы зарится нѣсколько человѣкъ. У каждаго изъ нихъ есть поддержка среди гласныхъ. Многіе вамъ помогутъ налѣво за ваши убѣжденія. Да, наконецъ, простите меня, такъ пріятно будетъ лягнуть въ промотавшагося барина...

— Промотавшагося?..

— А то что бы вы думали? Станутъ разбирать что-ли, какъ,

почему и отчего вы разорились? Да почти всѣ вамъ завидовали, какъ владѣльцу Дубовки, а теперь они всѣ радуются вашему разоренію, и съ наслажденіемъ вамъ влѣпять черняка. Нѣтъ, голубчикъ, вѣрьте мнѣ. Насчетъ члена управы...

Новодубскій молчалъ и, опершись на локти, какъ будто смотрѣлъ въ даль, хотя передъ нимъ былъ шкафъ.

— Даже не въ члены управы! — какъ бы про себя сказалъ онъ.

— Вотъ вы какой! „Даже не въ члены управы“! Да, не въ члены управы, а можетъ быть въ сто разъ выше! Идите на государственную службу. Не нужно быть пророкомъ, чтобы вамъ предсказать блестящую карьеру. А вы — „даже не въ члены управы“. Ищите выше, говорить вамъ, а здѣсь своихъ довольно...

— Вы знаете, что я не пойду на государственную службу ни въ какомъ случаѣ. Вѣдь я вамъ говорилъ это тысячу разъ...

— Да то была Дубовка, а теперь ея нѣтъ.

— Дубовка тутъ ни при чемъ. Я служить не могу, а потому и не хочу. Когда служишь, надо часто молчать, когда долъ вѣдѣть говорить, и, что еще хуже, говорить, когда хочешь молчать. Приходится дѣлать вещи, которыя считаешь дурными, идти противъ своихъ убѣжденій, лицемерить, ухаживать, подличать... Нѣтъ, я служить не буду...

— Ну, чего жъ вы хотите? Ищите частной службы, въ такомъ случаѣ.

— Вотъ, посмотрю.

— Впрочемъ, я насчетъ земства говорю вамъ лишь свое мнѣніе, а тамъ, можетъ быть, васъ и выберутъ... Да вотъ что: създимъ сейчасъ къ Чебуровымъ. Мнѣ давно къ нимъ надо. Поѣдемъ же вмѣстѣ.

Григорій Аполлоновичъ всталъ, посмотрѣлъ въ окно, какъ бы ища чего-то; потомъ опять сѣлъ и неувѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Видите, я поѣхалъ бы къ Чебуровымъ съ наслажденіемъ. Они — прелестные люди, но мнѣ сейчасъ некогда... мнѣ идти...

— Ну, такъ я здѣсь переночую и зайду за вами завтра утромъ. Хорошо?

— Не знаю, буду ли завтра свободенъ...

— Ну, послѣ-завтра...

— Николай Васильевичъ, что вы теперь взяли меня въ свѣтъ выводить? Ну, прежде, куда ни шло! Имѣло бы нѣкоторый смыслъ мнѣ дѣлать визиты Чебуровымъ, Стононову, Луго-

щивскимъ. Но теперь, когда я даже земли не имѣю, чего мнѣ развить по нимъ печальную фигуру разорившагося помѣщика?

— А сейчасъ хотѣли баллотироваться въ члены управы?.. Да дѣло не въ томъ. Я уже слышалъ, что вы никуда не выходите, дичитесь людей, какъ бы совѣстясь, что вы разорились. Ну, скажите на милость, чего тутъ совѣститься? Совѣститься надо дѣлать зло... и только. Всѣ знаютъ, что разорились вы не по своей винѣ... Такъ чего же совѣститься? Бросьте эти пустяки и поѣдьте. Я затѣмъ, главнымъ образомъ, и пріѣхалъ, чтобы васъ растрясти...

На другой день они были у Чебурова. Затѣмъ, „встати“, Градовъ отвезъ Григорія Аполлоновича и къ Лугощинскому, хотя жилъ онъ на другомъ концѣ уѣзда.

Только было-началъ Новодубскій свои выѣзды, и сталъ менѣе мрачно смотрѣть на свое будущее, какъ его постигло совершенно неожиданное горе: Настя серьезно заболѣла тифомъ. Пришлось, волей-неволей, прекратить выѣзды. Надо было Новодубскому самому заняться уходомъ за больной. Комнатка Насти оказалась неудобной для леченія. Надо было взять новую квартиру, гдѣ можно было бы сдѣлать ванну, помѣстить сидѣлку, прислугу—словомъ, незамѣтно, благодаря тифу, Настя перешла на положеніе официальной содержанки Новодубскаго. Ему же самому приходилось еще больше прежняго встрѣчаться съ чувствомъ неловкости, когда поневолѣ приходилось открывать свой секретъ болшему кругу лицъ. Секретъ переставалъ быть секретомъ.

Никакой трудъ не давался Новодубскому. Онъ пробовалъ читать, но не могъ. Его мучила забота о здоровьи Насти. Когда ей бывало хуже, онъ себя спрашивалъ:

„А ну, какъ она умретъ,—что тогда“?

И невольно приходила мысль, что этимъ рѣшенъ бы былъ весь вопросъ. И стыдиться ему будетъ нечего, и отношенія съ матерью возобновятся. Но эту мысль онъ отгонялъ.

„А развѣ я не отвѣтственъ за нее? Не трогай я ее, она бы была въ деревнѣ и теперь, и не заболѣла бы тифомъ“.

Онъ сознавалъ, что это чувство облегченія отъ ея смерти было бы чувствомъ въ послѣдней степени эгоистичнымъ. Онъ его отгонялъ. Къ тому же, онъ не могъ не понять, что, теряя Настю, онъ потерялъ бы самое преданное ему существо на свѣтѣ.

„Какой я, однакожъ, негодяй! Чѣмъ быть ей благодарнымъ за ея любовь, за ея преданность,—я учитываю выгоды для себя ея смерти“!

И онъ усиливаль свои заботы о ней, убѣждая себя, что, содѣйствуя ея выздоровленію, онъ не только исполнить свой долгъ, но и найдетъ свое счастье.

Анализироваль онъ и свое чувство стыда. Каждый разъ, какъ ему съ кѣмъ-нибудь, съ докторомъ, сидѣлкой, домохозяиномъ или любимъ работникомъ приходилось о ней говорить, онъ краснѣль.

И онъ невольно вспоминаль, что братъ его, Дмитрій, да и вся золотая молодежь Петербурга и Парижа не только не совѣстятся имѣть связи, но склонны ихъ афишировать; при чемъ имъ безразлично, съ кѣмъ бы эта связь у нихъ ни была,—съ модной ли актрисой буффа, или съ великосвѣтской дамой при живомъ мужѣ, или съ молоденькой бѣлошвейкой-подросткомъ, которую они стараются какъ можно скорѣе превратить въ кокетку.

„Странная вещь: они хвалятся своими связями, а я стыжусь своей! И притомъ, моя мать, конечно не одобряя ихъ поведенія, смотритъ на него сквозь пальцы, а мое жестоко осуждаетъ. Дѣло, очевидно, не въ связи, не въ нарушеніи седьмой заповѣди“.

Думаль онъ и о провинціальномъ мірѣ, съ которымъ ему пришлось познакомиться. Тутъ тоже помѣщики жили развратно, хвалились отбитыми у мужей женами, совращенными дѣвушками, брошенными съ сторублевой наградой, какъ только вздумали забеременѣть. Допускался и тутъ гораздо худшій развратъ. И все это служило темой для разговоровъ за бутылкой вина съ пріятелями. Все это дѣлалось открыто и не порицалось особенно ни крестьянами, ни дворянами, ни средними классами населенія. А онъ стыдился Насти!

„Нѣтъ, дѣло, очевидно, не въ развратѣ,—думаль онъ.—Въ чемъ же дѣло“?

И вспоминаль онъ, когда, на первомъ курсѣ университета, сошелся довольно близко съ товарищемъ старшаго курса, княземъ Юрусовымъ, слово его при разговорѣ о женщинахъ.

— Главное, другъ мой, избѣгай collage'a.

И. онъ старался перевести на русскій языкъ это слово.

„Collage... collage... какъ бы это по-русски? Склеиваніе, слѣпленіе... словомъ, прочная связь, не мимолетная... Слѣпленіе! Вотъ гдѣ опасность. Влюбляйся, дѣлай женщинъ несчастными, дѣтей безъ отца и имени, но не слѣпляйся!.. Другими словами, связь пусть будетъ мимолетная, но не прочная! Такова ихъ мораль и на верхахъ, и на низахъ общества. А я вотъ связался

съ Настей прочно, слѣпился! И вотъ мнѣ стыдно. Да слѣпился-то я по-мѣщански какъ-то.

„Что же? жениться мнѣ на ней“? Но и эту мысль онъ отбинулъ. И тутъ предстали передъ нимъ теорія брака, распространенныя въ людяхъ.

„Есть бракъ хорошій и бракъ дурной. Это будетъ дурной бракъ—*mésalliance*“. И онъ сталъ опять переводить это слово, и соответствующаго по-русски не нашель. *Mésalliance* значить *mauvaise alliance*—дурной союзъ, дурной бракъ. И дурнымъ сочтуть его всѣ.

Дворяне скажутъ: дворянинъ, да еще шестой книги, долженъ жениться на дворянѣ. Даже бракъ на купчихѣ, на поповнѣ, не-интеллигентѣ—*mésalliance*. А Настя—пуа! Босоножка... жениться на босоножкѣ, которой цѣна сто рублей! Это—*mésalliance*, да еще такая, что только сумасшедшій можетъ себя до нея унизить!

Купцы, банкиры, капиталисты скажутъ: „И дуракъ же этотъ человѣкъ! Самъ разорился, и могъ бы дѣла свои поправить женитьбой на богатой. За него бы нашлось много охотницъ пойти. Старинный дворянинъ, имя хорошее, связи—и вдругъ женится на работницѣ! Э!.. да чего и ждать отъ нынѣшнихъ дворянъ“!

Бросить въ него камень и иной интеллигентъ: „Человѣкъ считаетъ себя передовымъ—и женится Богъ знаетъ на комъ! Вѣдь хоть и я сынъ крестьянина, но уже вышелъ изъ этой среды. А тутъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ женится на малограмотной. Что онъ въ ней найдетъ? Да моя жена кончила курсъ въ гимназій. Съ ней и знакомиться-то будетъ неловко. А еще хотѣлъ Новодубскій быть интеллигентомъ. Нѣтъ, видно, дворянству суждено опускаться все ниже и ниже“!

Не похвалятъ его и крестьянинъ: „Баринъ, а женился на нашей же мужичкѣ! Отецъ ея дрова таскалъ, сама коровъ доила, и вдругъ на ней женится; нѣчто это барское дѣло? Баринъ былъ, говорятъ, хорошій, а это ужъ очень онъ что-то чудно сдѣлалъ. Вотъ братъ его, говорятъ, баринъ настоящій“!

„А главное: что скажетъ моя бѣдная мать? Она съ ума сойдетъ. Мечтала о посольствѣ для меня—и вдругъ имѣть Настю своей *belle-fille*! Это для нея будетъ въ десять разъ хуже, чѣмъ теперешнее положеніе. И имѣю ли я право нанести ей этотъ ударъ? Конечно, нѣтъ. Надо будетъ какъ-нибудь устроиться иначе“.

А какъ? Выхода онъ никакого не находилъ. Ему рисовалась картина, когда у Насти будетъ ребенокъ. По батюшкѣ онъ бу-

дѣть не Григорьевичъ, а Ивановичъ или Петровичъ, глядя по тому, кто будетъ его крестный отецъ. Фамилія будетъ выдуманная,—какой-нибудь Трифоновъ. И будетъ онъ всю жизнь безъ отца; а можетъ, къ двадцати годамъ начнетъ презирать за это свою мать. И ничего-то въ будущемъ все это не сулитъ бѣдной Настѣ, кромѣ безъисходнаго горя. А если онъ, Новодубскій, умретъ—вѣдь все нужно предвидѣть—что будетъ съ Настей и ея ребенкомъ? А можетъ быть, еще будутъ дѣти? Онъ-то ее не броситъ, пока живъ,—это было твердо рѣшено. Но предвидѣть надо все.

И опять напрашивалась мысль о бракѣ. И опять онъ ее отгонялъ; и такъ проходили дни за днями...

Разъ утромъ—онъ только-что всю ночь просидѣлъ у больной Насти, которая, не переставая, бредила, — ему принесли телеграмму отъ матери. Она увѣдомляла его, что ея братъ, Леонид Владиміровичъ Пашинъ, скоропостижно умеръ въ Парижѣ, и что она выѣзжаетъ за тѣломъ, которое будетъ похоронено въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ всѣхъ Пашинныхъ.

Особаго впечатлѣнія эта смерть на Григорія Аполлоновича не произвела. Онъ видѣлъ дядю только въ дѣтствѣ, когда былъ въ Парижѣ, и сохранилъ о немъ память, какъ о веселомъ старикѣ. Больше—ничего. Ни переписки, ни дальнѣйшихъ свиданій у нихъ не было. Ѣхать въ Парижъ ему было незачѣмъ, да и Настю онъ никогда бы не оставилъ въ такомъ положеніи. Онъ рассчиталъ, что въ Москву тѣло раньше десяти дней не придетъ, и надѣялся, что къ тому времени произойдетъ у Насти переломъ болѣзни, и что ему можно будетъ пріѣхать въ Москву къ самому погребенію. Это онъ считалъ нужнымъ по отношенію къ матери.

Теперь же онъ ограничился телеграммой соболѣзнованія матери. Хотя она съ братомъ видѣлась рѣдко, но онъ зналъ, что она сохраняла къ нему всегда хорошія отношенія.

Тифъ, который пришлось перенести Настѣ, былъ очень тяжелый. Нѣсколько дней подъ-рядъ она бредила, причѣмъ часто, въ бреду, говорила съ Григоріемъ Аполлоновичемъ. Это еще больше вводило постороннихъ людей въ ихъ секретъ. Докторъ, къ которому обратился Новодубскій, былъ вольнопрактикующимъ. Сначала поселился онъ въ ихъ уѣздномъ городѣ не по своей волѣ. Онъ кончилъ курсъ за границей, сдалъ въ Россіи экзаменъ на лекаря и немедленно долженъ былъ перенести свою дѣятельность въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ губерній. Вскорѣ его участь была смягчена, и ему позволили жить въ губерніи,

гдѣ была Дубовка. Тутъ онъ сдѣлался необыкновенно популяренъ. Сначала встрѣченный съ недовѣріемъ, какъ еврей, онъ мало-по-малу заслужилъ такую любовь населенія, что бывший предсѣдатель управы, несмотря на свой антисемитизмъ, долженъ былъ предложить ему мѣсто земскаго врача въ городской больницѣ, которое, сверхъ ожиданій, онъ и занялъ. Онъ весь отдался своему дѣлу. То въ больницѣ, то на бесплатномъ амбулаторномъ приѣмѣ, онъ запустилъ совсѣмъ частную практику. Мѣстные помѣщики, да и городскіе жители, кто посостоятельнѣе, естественно, его не влюбили. Не влюбили его и за крайнюю его рѣзкость, причѣмъ эта рѣзкость у него въ особенности проявлялась съ людьми болѣе состоятельными и сильными. Очень добрый съ бѣдными и готовый цѣлую ночь провозиться съ серьезнымъ больнымъ, не только ничего не получая за это, но даже помогая ему, чѣмъ могъ, на леченіе, онъ не любилъ, чтобы богатые ему не платили. Онъ имъ часто отказывалъ въ леченіи, за неимѣніемъ времени, но разъ поѣхалъ—любилъ, чтобы ему платили хорошо. На этой почвѣ у него вышелъ конфликтъ съ новымъ предсѣдателемъ управы. Человѣкъ небѣдный, но очень скупой, онъ пригласилъ его разъ къ больной дочери, въ деревню, верстъ за двадцать. Докторъ было отказывался, но, затѣмъ, поѣхалъ и потерялъ полдня, такъ какъ дочь предсѣдателя оказалась больной не серьезно. За визитъ онъ получилъ по приѣздѣ, въ конвертѣ, три рубля. Эти три рубля онъ запечаталъ въ такой же конвертѣ, съ надписью: „Докторъ Осипъ Тимоѣевичъ Шейнъ лечитъ бѣдныхъ даромъ“.

Этого предсѣдатель управы ему никогда не простилъ.

Къ земскому собранію Шейнъ предъявилъ разныя требованія для больницы. Требованія уважены собраніемъ не были; да и управа ихъ не поддерживала—годъ былъ плохой. Шейнъ рѣшился переждать, но на слѣдующій годъ повторилъ свои требованія, убѣдительно доказавъ, что это необходимо. Частнымъ образомъ онъ заявилъ гласнымъ, что безъ этого не считаетъ возможнымъ оставаться. Предсѣдатель—это было уже послѣ исторіи съ карточкой и тремя рублями—молчалъ въ собраніи, причѣмъ большинство гласныхъ изъ этого вывели заключеніе, что хотя управа въ своемъ докладѣ и поддерживаетъ требованія доктора, но, вѣроятно, изъ одной вѣжливости къ нему, а не по убѣжденію, что это дѣйствительно все необходимо. Словомъ, собраніе Шейновскія требованія отвергло, и Шейнъ ушелъ.

Къ нему и обратился Новодубскій, когда Настя заболѣла. По неволѣ пришлось ввести и его въ ихъ семейный секретъ.

Сразу, говоря съ Новодубскимъ про Настю, онъ сталъ называть ее не иначе, какъ „ваша жена“; первый разъ, какъ Новодубскій это услыхалъ, это совпало съ его мыслями, немедленно же отвергнутыми, о возможности жениться на Настѣ.

— „Ваша жена“... Странно, почему онъ ее такъ называетъ?— подумалъ онъ.— Это даже вѣскольбо нескромно.

Бывалъ докторъ часто и, когда находилъ нужнымъ, оставался подолгу. Видно было, что онъ работаетъ отъ души. Повидимому, и Новодубскій произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Иногда онъ засиживался у нихъ или у постели больной, или вдвоемъ съ Новодубскимъ, въ сосѣдней комнатѣ. Разговаривали они о всевозможныхъ общественныхъ вопросахъ. Политика всегда наиболѣе привлекала Новодубскаго, причемъ подъ политикой онъ подразумѣвалъ не узкую политику дипломатовъ, а социальное положеніе всего человѣчества и, въ частности, Россіи, которую онъ горячо любилъ. Докторъ тоже былъ страстный политикъ, шагъ впередъ на пути прогресса, хотя бы въ Новой-Зеландіи, приводилъ его въ хорошее настроеніе. Шагъ назадъ, наоборотъ, дѣлалъ его скучнымъ. Онъ тоже любилъ отечество, и на предложеніе переселиться въ Америку отвѣтилъ громкимъ хохотомъ.

— Видѣть лучъ свѣта на Руси и потомъ умереть! — говорилъ онъ, перефразируя извѣстную поговорку о Неаполѣ.

Россію и русскихъ онъ любилъ и совершенно искренно себя считалъ вполнѣ русскимъ, хотя никогда не скрывалъ своего еврейства и скорбѣлъ о несчастіяхъ, постигающихъ его единоплеменниковъ.

И вотъ, когда у доктора бывало свободное время, онъ засиживался за разговоромъ съ Новодубскимъ. Въ Новодубскомъ ему нравилась большая откровенность и широкій полетъ мысли, не останавливавшейся передъ препонами, въ большомъ числѣ искусственно нагроможденными на каждомъ шагу жизненнаго пути человѣка, особенно родившагося въ аристократическомъ кругу. Докторъ былъ выше предрасудковъ, и это сознание заставляло его гордиться. Выше предрасудковъ былъ и Новодубскій, но считалъ нужнымъ это скрывать. Онъ еще не совсѣмъ рѣшался порвать со старыми традиціями и обычаями, хотя начиналъ сознавать всю ихъ нелѣпость.

Говорилъ онъ съ докторомъ о своемъ положеніи, о потерѣ Дубовки и о томъ, что будетъ вынужденъ искать работы. Но о Настѣ, кромѣ какъ по вопросу о здоровьи, разговора не было. Разъ только докторъ сказалъ ему:

— Вотъ, выздоровѣетъ ваша жена, вы пожалуйста съ ней

во мнѣ прѣзжайте. И моя жена будетъ очень рада съ ней познакомиться. А то она, небось, все одна. Ей, должно быть, очень скучно, бѣдняжкѣ.

Больше ничего. Долго эту фразу обдумывалъ Новодубскій. „Ваша жена“, приглашеніе къ себѣ—все это было для него ново...

XXI.

Разъ, утромъ рано, въ спальню къ Новодубскому вошелъ Градовъ и нашелъ его еще въ постели.

— Пора, пора, Григорій Аполлоновичъ, — сказалъ онъ, входя.—Я нѣсколько разъ уже былъ у васъ эти дни, и все не застаю...

• — Ахъ, я не зналъ... Мнѣ не говорили...

— Ну, да это все равно. Вы все заняты внѣ дома... Ну, да Богъ съ вами; это—дѣло ваше. Чтò хорошенькаго? Я, было, опять думалъ васъ забрать и ѣхать къ кому-нибудь.

— Нѣтъ, извините. Теперь я никакъ не могу.

— Я такъ и думалъ. Но Богъ съ ними, съ поѣздками, коли не можете!.. Какъ вы сами, бодритесь или все видите въ черномъ?

— Бодрюсь, бодрюсь, — машинально отвѣтилъ Новодубскій, начиная одѣваться.—Вы позволите?

— Чего тутъ спрашивать? Одѣвайтесь скорѣе. А что бодритесь—это хорошо... Да я, батенька, къ вамъ по дѣлу: хотите имѣньице купить?

— Имѣнье?

— Да, недалеко отъ меня продается пустопорожняя земля Сафонова,—слышали—прѣсола? На большой дорогѣ. Какъ разъ—съ небольшимъ земскій цензъ.

И Градовъ началъ описывать этотъ участокъ и объяснять, какъ выгодно можно его купить, притомъ затрачивая лишь немного денегъ.

Новодубскій молчалъ и пересталъ одѣваться; онъ слушалъ жадно.

— Да, послѣ Дубовки—такое имѣніе! — какъ бы про себя проговорилъ онъ.—Да и хозяйничать тамъ нельзя. Пустопорожнее мѣсто!

Онъ забылъ, что раздѣтъ, и началъ ходить по комнатѣ, шлепая туфлями.

— Я вамъ и не предлагаю имѣнія для хозяйства. Это не чтò иное, какъ цензъ. Вы вѣдь все про земство говорите. А

это цензъ: капиталъ нужно небольшой; проценты въ видѣ аренды вы всегда получите хорошіе. И при томъ можно всегда перепродать. Случай такой вышелъ, что Сафонову нужны деньги сейчасъ. А черезъ три мѣсяца онъ, можетъ быть, самъ готовъ будетъ вернуть себѣ эту землю... Да одѣвайтесь скорѣе и велите Никитѣ сдѣлать кофе. Онъ мастерски его варить.

Новодубскій медленно сталъ одѣваться, позвалъ Никиту и велѣлъ сдѣлать кофе.

— Простите меня, — сказалъ онъ, — я задумался, самъ не знаю, о чемъ. Конечно, я куплю эту землю. Очень вамъ благодаренъ. Ну, а что—въ земскомъ собраніи по новому цензу я могу участвовать?

— Конечно, можете!.. Да что вы какой-то задумчивый сегодня? А еще говорите, что бодритесь. А мнѣ Шейнъ говорилъ, что вы далеко не бодры.

„Какъ? — промелькнуло въ умѣ Новодубскаго: — Шейнъ съ нимъ говорилъ про меня; значить, и про Настю“?

— Я ничего...—отвѣтилъ онъ послѣ паузы. — Все дѣла... Правда, я какъ-то самъ не свой хожу.

— То-то вотъ и есть. Хоть бы ко мнѣ заѣхали. Впрочемъ, вамъ все некогда.

Градовъ смотрѣлъ, говоря это, Новодубскому въ глаза. Григорій Аполлоновичъ не отвѣчалъ, разливая кофе, только-что поданный Никитой.

„Очевидно, онъ намекаетъ на Настю, — думалъ онъ; — да не поговорить ли мнѣ съ нимъ о ней? Онъ вѣдь хорошій человѣкъ“. И онъ взглянулъ на Градова. Тотъ смотрѣлъ на него ласково, какъ будто сожалѣя о немъ и вызывая на откровенность. Если и были у Новодубскаго сомнѣнія, то взглядъ этотъ разсѣялъ ихъ, и онъ заговорилъ:

— Знаете что, Николай Васильевичъ? Не знаю, понравится ли вамъ, но я хочу поговорить съ вами о моихъ личныхъ дѣлахъ. Я одинъ, посоветоваться не съ кѣмъ, и самый близкій мнѣ человѣкъ—вы. Не будетъ по-вашему нескромно съ моей стороны вамъ надобѣдать разсказами, которые не очень-то васъ заинтересуютъ?

— Послушайте, дорогой Григорій Аполлоновичъ, не говорите пустяковъ!—и Градовъ взялъ его за руку.—Вѣдь вы видите: я чуть не направивался на этотъ интимный разговоръ. Вижу я, что вы одиноки, знаю—и давно знаю, — что у васъ забота, которой вамъ не съ кѣмъ подѣлиться. Все это знаю... и радъ былъ бы въ чемъ-либо васъ облегчить.

Все это Градовъ сказалъ быстро, какъ бы стараясь скорѣе успокоить своего собесѣдника. Новодубскій собрался съ духомъ и началъ ему рассказывать исторію своей связи съ Настей. Онъ касался ея со всѣхъ сторонъ и не скрылъ отношенія къ ней матери.

— Ну вотъ, — кончилъ онъ, — судите сами. Положеніе такое: она беременна, и черезъ два-три мѣсяца у меня будетъ незаконный ребенокъ; а вы знаете, что это за горькая доля. Съ другой стороны, у меня мать, которая никогда и ни за что не согласится на мой бракъ съ Настей. Вотъ вамъ положеніе. Вникните, голубчикъ, и посоветуйте, что дѣлать. Жениться — и разойтись, можетъ быть, на вѣкъ съ матерью, или оказаться подлецомъ по отношенію къ будущему ребенку, да и по отношенію къ Настѣ. Бросить я, конечно, ее не брошу, но и не женившись на ней и не давъ своего имени ея ребенку, я тѣмъ самымъ ее жестоко оскорбляю. Подумайте, голубчикъ, какъ быть. Вѣдь дилемма дѣйствительно ужасная. Съ другой стороны, подумайте и о возможномъ бракѣ, подумайте о разницѣ въ нашемъ положеніи, въ нашемъ кругозорѣ, въ нашемъ образованіи. И вникните во все это. А?.. Правда, положеніе не легкое?

Градовъ, все время слушавшій своего пріятеля съ большимъ вниманіемъ и ни однимъ звукомъ его не перебивавшій, продолжалъ молчать и послѣ того, какъ Новодубскій кончилъ.

— Ну, что же, Николай Васильевичъ, что скажете?

— Что сказать?.. — Градовъ опять помолчалъ: — сказать-то можно многое, но надо сказать хорошо. А хорошо сказать мудрено... Конечно, не стоитъ говорить, что вы съ дѣвушкой поступили дурно, и что теперь платитесь за свои же грѣхи...

— Это я и самъ знаю...

— То-то и есть. Нечего рекриминировать. Ну, а насчетъ будущаго — совѣтъ не такъ легокъ. Съ одной стороны дѣвушка, да еще беременная, съ другой — мать, общество... Конечно, не легко... И больше вамъ скажу: опредѣленнаго совѣта, думаю, вамъ дать и нельзя... Тутъ дѣло субъективныхъ ощущеній. Вы лучше знаете чувствомъ свои отношенія къ дѣвушкѣ и къ вашей матери, чѣмъ другой. Тутъ миллионъ оттѣнковъ: какъ вы къ нимъ относитесь, какъ они къ вамъ. Насколько кто отъ кого зависитъ матеріально, наконецъ, — и то имѣетъ большое значеніе, — вѣдь нѣтъ измѣрителя чувствъ любви, скорби, привычки и т. д. Поэтому и словами точно опредѣлить интенсивность этихъ чувствъ нельзя... А разъ вы не можете точно передать мнѣ, что вы чувствуете, ясно, что и я не могу дать вамъ опредѣленный совѣтъ.

— Такъ-то такъ; но это, признаться, хотъ и вѣрно все, что вы говорите, меня не очень подвинуло впередъ въ моихъ сомнѣнiяхъ... Да, я васъ понимаю... дѣло мудреное!..

— Да еще какъ мудреное-то!.. Я, голубчикъ, и не вызвался вамъ дать опредѣленный совѣтъ; я думалъ, что вамъ дорого слово сочувствiя. Тяжело все держать на душѣ, когда не съ кѣмъ посовѣтоваться и раздѣлить свое горе.

— Да я и не требую опредѣленнаго совѣта...

— Впрочемъ,—слушайте,—думаю, что формулировать, что мнѣ приходитъ на умъ, можно такъ: поступите по совѣсти!.. Это будетъ безусловно вѣрный совѣтъ, и въ этомъ кроется причина, почему другого, болѣе опредѣленнаго, никто дать не можетъ. Совѣсть ваша—вамъ и рѣшать вопросъ. Дѣло слишкомъ субъективно, чтобы со стороны можно было рѣшить.

— По совѣсти... да... легко сказать: по совѣсти... А какъ совѣсть и туда, и сюда тянетъ... Есть вѣдь еще и разумъ.

— Это вы насчетъ чего? насчетъ разницы положенiя и образованiя?

— Хотъ бы и такъ.

— Ну, такъ позвольте, господинъ радикалъ, вамъ на это отвѣтить вотъ какъ: когда мы говоримъ о долгѣ и о совѣсти, то вопросъ практической отпадаетъ...

Оба молчали.

— Да, признаться, меня удивляетъ, что такiя истины приходится говорить мнѣ, отсталому консерватору, вамъ. Какъ бы ни страшны были практическiя неудобства такого или иного нашего дѣйствiя, всѣ они отпадаютъ, если долгъ велитъ что-нибудь дѣлать. По-нашему такъ! А по-вашему?

— Да и по-нашему такъ!.. Главнаго-то вы мнѣ не сказали: долгъ-то гдѣ? Если бы я видѣлъ прямой долгъ въ томъ или другомъ, я, вѣроятно, и не сталъ бы говорить о постороннихъ соображенiяхъ. Въ томъ-то и дѣло, что я никакъ не могу рѣшить, гдѣ долгъ мой. Поневолѣ приходится все взвѣшивать.

— Не думаю! Всѣ эти постороннiя соображенiя никакой роли тутъ играть не должны. А если вы не знаете, куда васъ зоветь долгъ, обдумайте лучше положенiе, или скорѣе анализируйте глубже свои чувства, совѣтуйтесь съ совѣстью—и найдете рѣшенiе. Только внѣшнiя блага не примѣшивайте къ этому. Опять повторяю: я отъ васъ этого не ожидалъ. Можно соглашаться и не соглашаться съ Толстовскимъ Нехлюдовымъ, но онъ не колебался, когда призналъ своимъ долгомъ жениться на Катюшѣ. Ни тюрьма, ни ваторга—ничто его не удержало... Я,

повторяю, лично съ нимъ не согласенъ, но для васъ говорить о матеріальныхъ неудобствахъ, когда дѣло идетъ о долгѣ... признаюсь...

Новодубскій ходилъ по комнатѣ, а Градовъ полулежалъ на диванѣ. Новодубскій остановился передъ окномъ и, не смотря на Градова, перебилъ его:

— Да, вы правы, и мнѣ кажется, что я вижу, какъ этотъ вопросъ надо рѣшить...

— Подождите, не торопитесь. Дайте себѣ время и пообдумать, и еще всё хорошенько почувствовать. Совѣсть сама закричитъ... Ну, до свиданья!—Градовъ посмотрѣлъ на часы.—Ай, ай, ай... Я опоздалъ; я назначилъ въ гостинницѣ rendez-vous Тростенскому. У него неприятности; Николаевъ на него, кажется, чуть ли доносъ не написалъ...

— Да погодите немного...

— Не могу! не могу!.. А вы насчетъ земли рѣшайтесь... не упускайте случая...

Разговоръ съ Градовымъ произвелъ на Новодубскаго большое впечатлѣніе. Зная его обычный образъ мыслей, онъ думалъ услышать отъ него то, что часто выслушивалъ отъ матери,—что, обезпечивъ Настю и ея ребенка, онъ безусловно загладитъ свой грѣхъ, ибо она съ нѣсколькимистами рублей въ карманѣ будетъ еще очень завидная невѣста. Онъ слышалъ своими ушами отъ матери, что всякій Новодубскій, приблизивъ къ себѣ крестьянскую дѣвушку, ей дѣлаетъ честь, а не поворитъ ее. Онъ боялся услышать приблизительно то же отъ Градова.

Вышло совсѣмъ наоборотъ. Градовъ далъ ему такой совѣтъ, какого лучше и придумать трудно. Правда, онъ вопроса окончательно не разрѣшилъ, но путь къ его разрѣшенію указалъ, и притомъ единственно вѣрный. И вотъ онъ сталъ себя спрашивать, что говорить его совѣсть.

И странное дѣло,—ему теперь казалось, что совѣсть велитъ жениться на Настѣ. Всего нѣсколько дней назадъ онъ эту мысль откидывалъ, какъ дикую. А теперь ему казалось, что это-то и есть правильное рѣшеніе вопроса, и онъ удивлялся, что могъ думать когда-либо иначе.

„И правъ Градовъ! — думалъ онъ.—А я еще считаю себя передовымъ человѣкомъ, а такой простой истины не могу понять сразу, что долженъ чѣмъ угодно искупить свой грѣхъ передъ Настей. Никакихъ соціальныхъ различій тутъ быть не можетъ“...

При мысли, что онъ, передовой человѣкъ, останавливается

передъ соображеніями о социальномъ неравенствѣ его и Насти (онъ—Новодубскій, она—крестьянка!), онъ даже поклонулся.

„Нѣтъ, долго, видно, мнѣ надо будетъ поработать надъ собой и соскребивать съ молокомъ матери всосанныя понятія—прежде чѣмъ заслужить названіе передового“...

Но тутъ его что-то кольнуло. Мысль о матери и о томъ, какъ ее огорчить его женитьба, вдругъ перебила прежній ходъ мыслей.

...Нѣтъ, не такъ легко рѣшиться. Не даромъ Градовъ не далъ опредѣленнаго отвѣта. Совѣсть? Да, а вотъ теперь та же совѣсть, что велитъ жениться, не теряя минуты, на Настѣ, под-сказываетъ другое,—что жениться на ней не слѣдуетъ, ибо этимъ онъ причинитъ страданія матери, можетъ быть большія, чѣмъ онъ предполагаетъ.

Мысли его были прерваны телеграммой матери. Она извѣщала сына о днѣ похоронъ Пашина и звала его въ Москву. Выѣзжать ему надо было черезъ три дня.

Теперь онъ спѣшилъ къ Настѣ, во времени пріѣзда доктора. Онъ какъ ни стремился въ Москву на похороны дяди, но оставить Настю въ опасности онъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы. Къ счастью его, вопросъ этотъ въ тотъ же день былъ разрѣшенъ. Температура упала — докторъ объявилъ, что былъ кризисъ, и что бояться нечего, если, конечно,—и на этомъ онъ настаивалъ—больная будетъ остерегаться простуды, а главное—невоздержности въ пищѣ. Рецидивъ же былъ бы очень опасенъ, въ особенности въ ея положеніи.

Глубокая волна радости охватила Новодубскаго, когда онъ подошелъ къ Настѣ поздравить ее съ выздоровленіемъ. Онъ понималъ, что у него къ ней не простое чувство жалости, часто слѣдующей за первымъ періодомъ чисто физической любви, но что она представляетъ для него великую цѣнность, ничѣмъ другимъ незамѣнимую.

Тутъ не было животной страсти — она прошла, — но было ощущеніе единства. Онъ понималъ, что значитъ понятіе о мужѣ и женѣ, какъ двухъ половинахъ одного цѣлаго.

„Да, да!.. Мужа и жены! Развѣ не это чувство полного единства составляетъ весь внутренній смыслъ брака? Если Настя мнѣ не жена, то нѣтъ брака на свѣтѣ!.. Жена! жена!.. Вотъ она, совѣсть-то, какъ громко говорить“!

Пока эти мысли быстро проносились въ его головѣ, онъ сидѣлъ у постели больной и машинально гладилъ ее по головѣ. Когда ему показалось, что онъ окончательно рѣшилъ, что Настя

его жена передъ Богомъ и будетъ скоро его женой и передъ людьми,—онъ горячо ее поцѣловалъ. Она подумала, что это отъ радости, что она выздоровѣла.

— Вы рады, что мнѣ лучше?

— Какъ же не радъ, моя голубушка! Но теперь въ послѣдній разъ тебѣ говорю: чтобы я больше „вы“ не слыхалъ. Говори: „ты“! Слышишь? Иначе я разсержусь...

Голосъ доктора изъ сосѣдней комнаты прервалъ ихъ разговоръ:

— Григорій Аполлоновичъ, можно?

Новодубскій сконфузился.

— Конечно можно, докторъ!

— Ну, мое дѣло, значить, теперь здѣсь кончено. Я вамъ все сказалъ, и, надѣюсь, въ моихъ услугахъ вы больше нуждаться не будете! Такъ, значить, до свиданья. Съ вашей женой я, было, ужъ простился...

Настя, при словѣ „жена“, отвернула голову.

— А теперь надо ѣхать.—Онъ посмотрѣлъ на часы.—Можетъ быть, скоро увидимся.

— Вы развѣ такъ торопитесь?

— Нѣтъ, признаться, я не тороплюсь. Да вамъ, думаю, мѣшать буду съ женой говорить.

Настя отвернулась вся лицомъ къ стѣнѣ.

— Ну, если не спѣшите, такъ пойдете чай пить. А съ Настей я успѣю наговориться. Согласны?

— Пожалуй. Я отъ чаю никогда почти не отказываюсь, если больные не ждуть.

Новодубскому очень хотѣлось оставить доктора. Его состояніе было такое, что ему нужно было общество человѣка, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться своими чувствами. Рѣшенія своего жениться на Настѣ онъ никому еще не сообщалъ, даже Градову, котораго, онъ зналъ, уже не было въ городѣ. Настѣ онъ еще боялся сообщить такое важное рѣшеніе въ виду ея слабости. Докторъ былъ самый подходящій человѣкъ, къ тому же онъ былъ подъ рукой. За чаемъ разговоръ шелъ о политикѣ и объ уѣздныхъ дѣлахъ. Говорилъ больше докторъ; Новодубскій былъ погруженъ въ свои мысли. Когда горничная унесла самоваръ, онъ перебилъ доктора:

— Слушайте, докторъ, я вамъ одну вещь сказать хочу... Знаете? Я жениться собираюсь.

— На Настасью Петровну?

— Да, на ней.

— Такъ что же тутъ удивительнаго? Неужели вы только теперь рѣшились на это?

— А!.. Вы такъ смотрите на это?.. Я очень радъ...

— Да какъ же иначе смотрѣть? Я ничего не понимаю. Простите меня, что я сдѣлаю такое предположеніе, но я ни минуты не допускалъ и мысли, что вы способны соблазнить молодую дѣвушку и бросить ее, когда она забеременѣетъ.

— Ну, бросить, конечно, я и не думалъ и до беременности, тѣмъ болѣе теперь, но, признаюсь, я не сразу рѣшился жениться. Вѣдь это сдѣлалось не безъ внутренней борьбы. А предстоитъ борьба еще болѣе тяжелая съ родными, съ матерью, которая слышать не захочетъ про этотъ бракъ.

— Это все, батюшка, по-нашему, не соображенія. Мы, по-видимому, равно смотримъ на бракъ. Да гдѣ вамъ, аристократамъ,—какъ вы ни прикидываетесь либераломъ или даже радикаломъ, а аристократическими замашками и привычками вы пропитаны насквозь до мозга костей, — гдѣ вамъ ваши теоріи примѣнить къ своей собственной персонѣ! А почему это вы, скажите пожалуйста, должны были бороться сами съ собой, чтобы придти къ простому заключенію, что если сдѣлалъ ребенка, то женись на матери?

— Странно вы говорите. Вѣдь какъ ни какъ—разница положенія, да и образованія—не маленькая. Затѣмъ, какъ ни презирай современное общество, поневолѣ приходится съ нимъ считаться. Вѣдь люди общества не захотятъ знать малограмотную жену мою.

— Хороши вы всѣ въ теоріи: и равенство, и свобода любви, и такъ далѣе... а коснись лично васъ, такъ и скажется аристократичка... Подумайте, что вы говорите... Народникъ—и обращаетъ вниманіе на полдюжину дураковъ, которые его будутъ презирать за исполненный долгъ!.. Нѣтъ, какой вы народникъ!

Докторъ взаправду разсердился и всталъ.

— Докторъ, докторъ, голубчикъ, что вы разсердились? Послушайте!..—говорилъ Новодубскій.

— Нашъ братъ не привыкъ такія теоріи слушать... Меня съ моей женой сослали въ разныя мѣста, такъ какъ мы были тогда повѣнчаны гражданскимъ бракомъ. „Такого мы не знаемъ“! объявили намъ, и отказали и ей, и мнѣ сослать насъ въ одно мѣсто. Что дѣлать? Смерть не хочется кружиться, а дѣлать нечего. Не расходится же намъ изъ-за ихъ прекрасныхъ глазъ. И поженились. Тутъ я уже сталъ требовать свою жену къ себѣ въ Якутку. И мы тамъ пожили, тамъ и дѣтей народили... Значить, изволите видѣть, и безъ дѣтей иногда приходится. а позволено, такъ

сказать, нашему брату подчиняться принятымъ формамъ... Иначе, батенька, нельзя... съ волками жить—по волчьи выть... Ну, а конечно такой же случай—беременность. Знаешь, чувствуешь, что безобразіе одно, что нелѣпо презирать дѣтей за то, что они незаконныя, или, какъ говорятъ теперь, внѣбрачныя—но что же подѣлаешь, коли эти нелѣпости существуютъ?.. и что даже люди, какъ вы, находите, что нужно много силы, чтобы бороться съ ними.

— Виновать, я про другое говорилъ...

— Знаю, знаю... Все равно, это все къ одной категоріи относится. Такъ вотъ, изволите видѣть, и сторонники свободной любви долженъ считаться съ фактами... Противъ рожна не пойдешь... Какъ забеременѣла—хоть тресни, а женись!

— Такъ, такъ... вѣрно вы все это говорите.

— То-то и есть, что вѣрно. А насчетъ вашихъ отношеній къ Настасѣ Петровнѣ я вамъ больше скажу. На ней вамъ бы давно слѣдовало жениться... и безъ беременности... И вотъ почему: если оба стоятъ на той степени культуры, что могутъ наплевать на мірскіе толки, то—хороша свободная любовь. Такіе люди на пересуды массы вниманія не обращаютъ и живутъ въ такомъ кругу, гдѣ на вещи смотрятъ какъ мы съ вами—виновать, вы иначе смотрите...

— Эхъ, докторъ, вы не можете безъ колкостей! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

— Ну, это къ слову было сказано... Что, бишь, я говорилъ?.. Да, свободная любовь... хороша, когда обѣ стороны ее понимаютъ одинаково. Другое дѣло—Настасья Петровна... Ея кругозоръ уже вашего. Для нея, очевидно, въ особенности въ ея кругу,—а ея кругъ для нея такъ же важенъ, какъ для васъ ваши бары,—не могла не считаться пятномъ для ея чести—ея связь съ вами. Чувствуя это, она не могла не тяготиться своимъ положеніемъ. Вѣдь такъ было?

— Такъ!

— Такъ неужели вамъ въ голову не пришло раньше, что когда вы заставляете женщину страдать изъ-за любви къ вамъ, вы поступаете дурно? Или вы думали, что можно и невинность соблюсти, и капиталъ приобрести; или нѣтъ... не такъ... и невинности лишитъ, и свободу сохранить?.. Разсчитывали на время... что, молъ, все это перемелется—мука будетъ,—да?

— Ну да, пожалуй! Хоть и стыдно признаваться, но все это похоже на дѣйствительность.

Вообще, Новодубскій начиналъ чувствовать себя все болѣе и болѣе неловко при испытующемъ и рѣзкомъ разговорѣ Шейна.

Сначала онъ на него смотрѣлъ прямо и не смутился, когда докторъ, было, разсердился и чуть не ушелъ. „Странное дѣло,— думалъ онъ,—чего онъ сердится? Я говорю, что думаю; можно ли сердиться за правду?“—Но когда докторъ перешелъ къ его отношеніямъ къ Настѣ, онъ пересталъ смотрѣть ему прямо въ глаза.— „А вѣдь правда, что я поступалъ какъ свинья! Я положительно, ее сдѣлалъ несчастной“. Онъ недоволенъ былъ рѣзкостью доктора, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ его правоту и пользу для себя отъ этого разговора.

— То-то вотъ и есть, — продолжалъ докторъ — что вы въ вашемъ обществѣ не привыкли обращать вниманіе на то, что дѣлается съ вашими жертвами. Что мнѣ отъ этого будетъ? Какъ на мнѣ связь отзовется? Какъ бы ее разорвать? Вотъ вопросы, которые вы себѣ предлагаете. А что она чувствуетъ? Не страдаетъ ли? Что я могу сдѣлать, чтобы облегчить ея положеніе? Вотъ мысли, которыя вамъ въ голову и не приходятъ. Такъ и съ Настасьей Петровной. Она страдала, мучилась—все изъ-за васъ, а вамъ и въ голову не пришло, что вы должны эти страданія ея прекратить. А какъ? Не иначе, конечно, какъ женившись на ней. Вы не сердитесь!.. Вѣдь вы же заговорили про все это... А еще вотъ что скажу вамъ: сошлись вы съ ней, сошлись прочно, на всю жизнь—я откидываю мысль, что вы лишь хотѣли ея позабавиться—неужели же вы не поняли чутьемъ, что она вамъ не ровня, и что она будетъ тяготиться вашимъ превосходствомъ надъ нею? И что вы сдѣлали, чтобы приблизить ее къ себѣ хоть немного? Ничего? Не правда ли?

— Правда, правда, дорогой докторъ. Все это вѣрно. Я теперь только многое припоминаю. Какъ она выпрашивала у меня книги; спрашивала объяснить то одно слово, то другое. Разъ достала гдѣ-то французскую азбуку и ее изучала. Я на это не обращалъ вниманія.

— Ну, конечно! Что вамъ до чужой души!

— Докторъ, зачѣмъ вы взяли меня оскорблять? Я, кажется, сознаю свою вину довольно...

— Впрочемъ,—досказалъ докторъ,—очень ужъ я въ этихъ вопросахъ непримиримъ!.. Такъ вотъ вамъ мой сказъ,—онъ посмотрѣлъ на часы, — да и мнѣ пора, на этотъ разъ дѣйствительно... Женитесь на Настасьѣ Петровнѣ и постарайтесь всѣчески, какъ только можно, сравнять между вами разницу въ образованіи. Пусть она сама учится, учите вы ее,—только развейте по возможности больше. Иначе, и вышедши за васъ замужь,

она будетъ страдать, а вы—тяготиться ея невѣжествомъ. Ей сколько лѣтъ?

— Семнадцать.

— Ну, чего же вы? Она еще можетъ сколько угодно учиться... Ну, до свиданія. Простите... можетъ, что лишнее сказалъ.

— Спасибо, дорогой докторъ. Я не то что сердиться, но вѣкъ буду вамъ благодаренъ. Вы зайдете еще?

— Какъ доктору, мнѣ дѣлать нечего, но еще зайду посмотрѣть на свою пациентку здоровую.

— Я дня на два, на три уѣду въ Москву—дядю хоронить. Такъ вы заходите къ Настѣ. Она одна будетъ...

— Хорошо, хорошо. Только приѣзжайте скорѣе...

XXII.

Всю ночь Новодубскій не могъ заснуть отъ нервнаго возбужденія. Рѣшеніе жениться на Настѣ было окончательное; и вотъ онъ обдумывалъ, какъ это сдѣлать. Въ виду беременности ея надо было торопиться. Прежде всего надо было переговорить съ ней самой, что, при ея теперешней слабости, было невозможно. Съ другой стороны, онъ не зналъ, какъ быть съ матерью, говорить ей или не говорить о бракѣ. Согласія ея онъ получить не имѣлъ ни малѣйшей надежды; и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ взвѣсивая все и за, и противъ,—все находилъ новые доводы за бракъ...

Много передумавши и все-таки ни до чего окончательно не додумавшись, Новодубскій рѣшилъ дѣло это предоставить судьбѣ; а пока надо было ѣхать на похороны дяди. Тамъ онъ надѣялся встрѣтить сестру свою, отъ которой ожидалъ хорошаго совѣта. А потомъ онъ увидитъ мать и, глядя по обстоятельствамъ, переговоритъ съ нею. Относительно Насти — онъ тоже рѣшился ея не тревожить, пока она не окрѣпнетъ, т.-е. до своего возвращенія.

Въ Москву онъ приѣхалъ утромъ въ день похоронъ и прямо съ вокзала, наскоро одѣвшись, отправился въ монастырь, гдѣ нашелъ мать, сестру, брата и еще нѣсколько человекъ, дамъ и мужчинъ. Все это были люди ему незнакомые.

„Странно,—подумалъ онъ,—какъ я отсталъ отъ свѣта! Никого-то ужъ не знаю“!..

Мать и братъ поздоровались съ нимъ холодно. Мать, когда онъ у нея цѣловалъ руку, проговорила:

— А я думала, что ты и сюда не приѣдешь.

Дмитрій Аполлоновичъ холодно пожалъ ему руку. Григорій Аполлоновичъ сдѣлалъ-было маленькое движеніе, чтобы поцѣловаться съ братомъ, но тотъ—сознательно ли, или не замѣтивъ его намѣренія—трудно было разобрать—ограничился рукопожатіемъ.

Одна сестра его встрѣтила ласково, крѣпко поцѣловала и видимо съ чувствомъ спросила:

— Ну, какъ дѣла, мой бѣдный Гри-Гри?

— Ничего, Нелли. Какъ могутъ быть мои дѣла? Что Аня?

— Спасибо, растутъ, здорова.

Гри-Гри сталъ рядомъ съ сестрой.

Отпѣваніе прошло торжественно, при многочисленномъ, роскошно облаченномъ духовенствѣ, съ архимандритомъ во главѣ, и при полномъ хорѣ пѣвчихъ. Съ дѣтства знакомая Григорію Аполлоновичу обстановка отвлекла его отъ мыслей о Настѣ и о Дубовѣ. Онъ весь былъ поглощенъ службой и тѣмъ, что происходило у запечатаннаго гроба. Среди пѣвчихъ онъ нашелъ знакомыя лица, хотя сильно посѣдѣвшія. Такъ же громко разносился по собору легкій теноръ іеромонаха Евгенія, несмотря на его уже немолодые года, такъ же бархатна была октава отца Сергія.

Дивная служба русскаго отпѣванія затронула внутреннія струны его, которыя онъ считалъ умольными. Ему хотѣлось плакать. Но то, изъ-за чего онъ приѣхалъ, т.-е. смерть и похороны дяди, тутъ были ни при чемъ. Его волновало воспоминаніе о дѣтствѣ, о забытыхъ и брошенныхъ идеалахъ.

„Неужели мнѣ жалко всего этого? Неужели я бы хотѣлъ вернуться къ этому времени слѣпой вѣры, подогреваемой роскошной обстановкой? Я вѣдь это все давно окрестилъ однимъ словомъ—фарисейство, ханжество! А теперь неужели мнѣ жалко“?

И онъ все началъ передумывать, стараясь возсоздать свои прежнія впечатлѣнія. Долго онъ припоминалъ мельчайшія подробности своей дѣтской молитвы... Затѣмъ перешелъ къ окружающей его дѣйствительности.

Мать его часто подносила платокъ къ глазамъ, но слезъ ея онъ не видѣлъ. А послѣ этого она быстро окидывала опытнымъ глазомъ всю обстановку—и служащихъ, и молящихся,—какъ бы проверяя, все ли въ порядкѣ.

Дима стоялъ рядомъ съ хорошенькой дѣвушкой—Григорій Аполлоновичъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что она дѣвушка, а не дама—и нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ ей что-нибудь, отъ чего она начинала кусать губы и усиленно креститься. Раза

два онъ на ея щекахъ замѣтилъ, при словахъ Димы, густо набѣжавшую краску. Тогда она крестилась еще усерднѣе и вала земные поклоны. Дима тоже крестился часто и всегда некстати.

Зато въ поведеніи Нелли онъ не могъ ничего подмѣтить дурного. Молилась она, повидимому, искренно, по крайней мѣрѣ вала поклоны и крестилась, когда слѣдуетъ, по сторонамъ не смотрѣла. Иногда ему, впрочемъ, казалось, что взглядъ ея не соответствуетъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, и что она, хотя и слѣдитъ за службой, но больше для приличія, мысль же ея далеко.

Длинное отпѣваніе прошло для Григорія Аполлоновича скоро; затѣмъ покойника, съ духовенствомъ, родственники и гости отнесли къ вырытой могилѣ. Послѣ послѣдней „вѣчной памяти“ Наталья Владиміровна бросила первую горсть земли, при этомъ всхлипнувъ. Кромѣ этого—слезъ не было. Бросилъ и Григорій Аполлоновичъ горсть земли.

Вечеромъ вся семья собралась обѣдать. Глубокій трауръ одинъ напоминалъ о томъ, что ихъ собрало. Разговоръ не влекся. Чувствовалось, что у каждаго было многое на душѣ, чего онъ не хотѣлъ высказать другимъ. Григорій Аполлоновичъ боялся, что мать его при старшемъ братѣ начнетъ по обыкновенію дѣлать намекъ на Настю, но и этого не было.

Послѣ обѣда былъ приглашенъ нотаріусъ, въ присутствіи котораго должно было быть распечатано завѣщаніе покойнаго, найденное въ его бумагахъ. Когда онъ осматривалъ, а потомъ ломалъ печати, Наталья Владиміровна не могла скрыть своего нетерпѣнія. Она то-и-дѣло спрашивала:

— Теперь можно?... Что, печати цѣлы?.. Ну, что?.. Читайте, читайте!..

По завѣщанію все состояніе покойный оставлялъ сестрѣ, которая должна была сдѣлать сравнительно незначительныя выплаты двумъ кажимъ-то дѣвцамъ и служившимъ ему камердинеру и повару. Состояніе было очень большое.

При словахъ завѣщанія, громко прочитанныхъ нотаріусомъ, что все состояніе переходитъ къ сестрѣ покойнаго, Наталья Владиміровна не могла скрыть торжествующаго взгляда. Но это продолжалось одно мгновеніе.

— Бѣдный, бѣдный братъ, милый, добрый... зачѣмъ ты умеръ такъ рано?— сказала она, а глаза между тѣмъ говорили обратное; что братъ хорошо сдѣлалъ, что такъ во-время умеръ.

И платокъ она опять поднесла къ глазамъ, а слезъ Григорій Аполлоновичъ опять-таки не видѣлъ.

— Какой онъ былъ добрый!— продолжала Новодубская:—

никого не забыть, и людей, и дѣвиць; это были, вѣроятно, его послѣднія побѣды—онъ такъ былъ влюбчивъ, и притомъ никогда не забывался. Джентльменомъ былъ, джентльменомъ и умеръ.

При этомъ она взглянула на Григорія Аполлоновича. Ему показалось, что и братъ на него смотритъ иронически, и ему стало неловко. Но онъ моментально оправился.

„Чего мнѣ стыдиться? — подумалъ онъ. — Они смотрятъ на развратъ какъ на шутку, а на оплату дѣвической чести—какъ на исполненный долгъ. Имъ стыдиться, а не мнѣ“...

И онъ смѣло сталъ смотрѣть брату въ глаза.

„Нѣтъ, я сегодня съ матерью говорить о своемъ дѣлѣ не буду... Что будетъ завтра... да впередъ переговорю съ Нелли“...

Потариусъ скоро ушелъ, сговорившись съ Натальей Владимировной насчетъ того, что нужно дѣлать съ завѣщаніемъ, чтобы добиться скорѣйшаго его утвержденія. Они остались вчетверомъ.

Наталья Владимировна весь вечеръ была даже весела. Нѣсколько разъ она старалась сдержаться и заговаривала о добромъ братѣ, но черезъ минуту опять смѣялась. Прямо о наслѣдствѣ разговоровъ не было, хотя были намеки на будущіе планы, на поѣздки за границу,—все, очевидно, основанные на томъ же наслѣдствѣ. Были хорошо настроены и дѣти ея. Григорій Аполлоновичъ былъ радъ за мать и за сестру. Хотя онъ не только не содѣйствовалъ разоренію семьи, но прекрасно сознавалъ, что на два, на три года задержалъ окончательную ликвидацію дѣла,—тѣмъ не менѣе, онъ какъ бы чувствовалъ себя виноватымъ; онъ управлялъ имѣніемъ и не разъ выслушивалъ этотъ несправедливый упрекъ отъ матери, когда она на него сердилась. Онъ надѣялся, что, ставъ снова богатой, она перестанетъ его считать виной своего разоренія.

Поздно вечеромъ, когда онъ уже былъ въ своей комнатѣ и собирался ложиться, постучалась въ дверь и вошла Нелли.

„Вотъ хорошо! — подумалъ онъ:—я съ нею теперь же и переговорю. Она навѣрное дастъ хорошій совѣтъ“.

— Я къ тебѣ, мой бѣдный Гри-Гри,—сказала она. — А то при матери и братѣ говорить не все можно. Она съ тобой сегодня ничего?

— Ничего! Не все же меня преслѣдовать!

Она сѣла противъ него и нѣсколько минутъ молчала. Онъ тоже молчалъ.

— Ну, какъ ты поживаешь, мой другъ?—наконецъ спросила она.

— Въ какомъ отношеніи?

— Да во всёхъ. Въ твоей жизни не маленькій произошелъ переломъ... и не въ одномъ только отношеніи... Кстати, что здоровье твоей Дульциней?

— А ты почему знаешь?..

— Что у нея былъ тифъ? Это писали мамѣ изъ Дубовки.

— Вотъ тебѣ на! Кто бы это могъ быть? А я, Нелли, и не думалъ, что она сохранила какія-нибудь сношенія тамъ. Ну, да Богъ съ ней! Мнѣ все равно... А насчетъ Дульциней, какъ ты ее называешь, я теперь спокоенъ. Кризисъ былъ.

— Ну, а относительно ея положенія?..

— Да что ты?!.. Еще четыре мѣсяца... Все all right... Я насчетъ ея-то и хотѣлъ съ тобой переговорить. Дурно ли, хорошо ли я рѣшилъ, но рѣшилъ... жениться на ней...

— На Дульциней?

— На Дульциней!

Елена Аполлоновна сдѣлалась серьезной. Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:

— Хочешь дать имя ребенку?

— Да, хочу дать имя ребенку, да и матеря...

— Гм... да, впрочемъ, этого надо было ожидать...

— Почему?

— Да такъ. Мнѣ теперь кажется, что ты съ твоими понятіями долженъ былъ къ этому придти. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ... il n'y a pas à dire... живя въ деревнѣ или въ твоемъ уѣздномъ городишкѣ, часто люди кончаютъ такими браками...

— Ты, конечно, моего плана не одобряешь? — прервалъ сестру Новодубскій.

— Почему?

— Какъ почему? Находишь, конечно, что это — *mésalliance*?

— Нѣтъ, ты, другъ мой, ошибаешься. Не могу сказать, чтобы я одобряла этотъ проектъ твой, но и порицать его не буду. Могу даже сказать, что, при строгомъ отношеніи къ женщинѣ вообще, такая мысль не лишена извѣстной прелести. Разъ ты виновенъ, ты себя приносишь въ жертву! Это недурно.

— Я на это не смотрю какъ на жертву.

— Ну, все равно. Тѣмъ болѣе. Если дѣвушка — какъ я, впрочемъ, охотно вѣрю — дѣйствительно тебя любить и не имѣть въ виду матеріальныхъ выгодъ...

— Какія тамъ матеріальныя выгоды!..

— ...Тогда пожалуй такой бракъ становится какъ бы обязательнымъ для тебя... Да что ты такъ удивленно на меня смотришь?

— Я, признаюсь, не ожидалъ отъ тебя все это слышать...

— Напрасно. Ты думаешь, что я не обдумывала и не изучала положенія женщины на свѣтѣ? И еще какъ! Въ твоемъ бракѣ будутъ, конечно, и шипы, и шипы очень колючіе. Но что же дѣлать? Главное и почти единственно важное, это—отношеніе въ этому дѣлу матери. Съ ея стороны ты, конечно, встрѣтишь самое упорное сопротивленіе. Затѣмъ—свѣтъ. Его тоже нельзя считать за *quantité négligeable*. Будутъ постоянныя уволы твоему самолюбію. А что еще хуже—тебѣ придется страдать за нее. Наконецъ, и въ вашемъ домашнемъ быту разница въ воспитаніи, въ понятіяхъ тоже не пройдетъ безслѣдно. Ты все это обдумалъ?

— Все, Nelly, и...

— Хорошо обдумалъ?

— Хорошо! И единственный камень преткновенія, котораго продолжаю бояться, это—отношеніе матери. Свѣтомъ я рѣшилъ пренебречь. Внутреннюю жизнь еще можно устроить: ей всего семнадцать лѣтъ...

— Хочешь ее перевоспитать?.. Это не легко!

— Ну, сдѣлаемъ, что можно... А вотъ мать моя ни за что не примирится съ мыслью о такомъ бракѣ. Что дѣлать съ этимъ? Предупредить ее съ намѣреніемъ идти противъ ея запрещенія, такъ какъ жениться—я все-таки женюсь... или представить ей *fait accompli*?.. Какъ ты думаешь? Я насчетъ этого хотѣлъ съ тобой посоветоваться... А?

— Тутъ, по-моему, и вопроса быть не можетъ. Конечно, ты долженъ переговорить съ ней сначала. Иначе это будетъ малодушіе. Предупреждаю тебя: она очень настроена противъ тебя, или, скорѣе, противъ дѣвушки. Уговорить тебѣ ее не удастся.

— Этого-то я и боюсь.

— Какъ ни бойся, а пройти черезъ это нужно...

— Нужно?.. Признаюсь, я то же думаю...

Разговоръ прекратился. Графиня перелистывала валявшуюся на столѣ книжку, хотя не могла бы сказать, о чемъ въ ней говорится. Новодубскій съ усердіемъ вытиралъ промовательной бумагой какое-то давнишнее пятно на столѣ. Онъ прервалъ молчаніе:

— Однако, признаюсь, я совсѣмъ пораженъ перемѣной, которая въ тебѣ произошла. Ты такъ смотришь на вещи, какъ будто ты совсѣмъ иначе воспитывалась.

— Можетъ быть. Времена, другъ мой, не тѣ... Сила-то не тамъ, гдѣ прежде была... Какъ по-русски: *centre de gravité*?

— Центръ тяжести.

— Такъ, вотъ, центръ тяжести—не тамъ, гдѣ прежде былъ. Такъ, что-ли, я говорю?

— Такъ, такъ. И ты сама додумалась до всего этого?

— Какъ тебѣ сказать? Частью сама, частью изъ книгъ... А то просто приглядываясь къ вещамъ и къ людямъ, читая... Теперь я взяла для Ани учительницу, очень интеллигентную особу... кончила высшіе курсы... Съ ней говорю.

— Хорошо. Хорошо все это... Слушай, Нелли, у меня на языкѣ вопросъ, который я все-таки рѣшаюсь тебѣ задать. Ты отвѣтишь откровенно?

— Чтò за вопросъ? Я, кажется, съ тобой не фальшивила никогда.

— Знаю, знаю. Но все-таки тутъ вопросъ ужъ очень щекотливый... для меня, конечно... Вотъ чтò: женюсь я, положимъ... Ну, какъ ты отнесешься къ моей женѣ?.. Будешь съ ней знаться, или только со мной будешь говорить о ней, а ей будешь избѣгать, какъ будто ея и на свѣтѣ нѣтъ?.. А?.. Скажи правду...

Графиня все читала, повидимому, книгу, хотя ни одной страницы не перевернула.

— Ну, что-же? Отвѣть правду... Вѣдь тутъ стѣсняться нечего. Я понимаю, что ты можешь затрудниться отвѣтомъ.

— Изволь, я тебѣ скажу. Конечно, я не могу сказать, что я отдѣлалась совсѣмъ отъ прежнихъ сословныхъ предрасудковъ. Болѣе того... я глубоко убѣждена, что ты и всякій, кто, хотя бы въ дѣтствѣ, вкусилъ этого яда... съ нимъ и умретъ. Поэтому, сказать, что я не буду видѣть разницы между мною и твоей будущей женой... я не могу... Какъ ни говори, а ужъ разница въ воспитаніи и образованіи дастъ себя чувствовать. И не будь она твоей женой, я бы ея общества не искала... Но теперь дѣло мѣняется. Она — твоя жена. И какъ съ твоей женой я буду обращаться съ нею по-родственному. Твое дѣло, дѣло ея самой—сглаживать разницу по возможности... Ты прости меня, что я такъ откровенно говорю...

— Наоборотъ, наоборотъ... спасибо...

— Ну, такъ вотъ. Чѣмъ лучше, приличнѣе, скромнѣе она будетъ себя держать—тѣмъ лучше для нея и для ея отношеній съ людьми... и со мной въ томъ числѣ. Будетъ учиться, разовьется сколько-нибудь—еще лучше. Думаю, наконецъ, что общественные предрасудки должны имѣть почву въ разницѣ воспитанія, образованія. Иначе они падаютъ... Время къ тому идетъ... Если бы твоя жена подучилась настолько, что стала

бы интересоваться тѣми вопросами, какіе насъ всѣхъ волнуютъ,—думаю, что черезъ извѣстное число лѣтъ все сгладится...

— Таеъ... Ну, а языки?.. Ужъ въ языкахъ она никогда не догонитъ...

— Пустяки!.. Развѣ во французскихъ и англійскихъ языкахъ теперь дѣло... Дѣло—въ головѣ... Времена, братъ, не тѣ...

— Спасибо, Нелли, большое за откровенный отвѣтъ... Впрочемъ, еще вопросъ: а Аню... ты стала бы пускать къ намъ?

— Почему же нѣтъ? Съ Аней дѣло будетъ обстоять легче, чѣмъ со мной. Тутъ врожденныхъ предрасудковъ не будетъ... Я все дѣлаю, чтобы ее дальше отъ нихъ воспитывать. И, признаюсь—тебѣ одному, конечно,—я ее теперь съ собой не взяла, чтобы поменьше могла на нее вліять мамà... Поэтому-то я ни за что не буду жить не только вмѣстѣ съ мамà, но и въ одномъ городѣ... А теперь, *roug revenir à nos parents*, когда ты думаешь переговорить съ матерью обо всемъ этомъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хотя, конечно, буду исвать минуту поудобнѣе, когда она будетъ въ духѣ.

— Ну, голубчикъ, какъ она про твою свадьбу услышитъ, тутъ хорошихъ минутъ уже не будетъ.

— Теперь она довольна, что получила наслѣдство.

— Наслѣдство—наслѣдствомъ. А съ этимъ она все-таки не примирится; надо смѣло на вещи смотрѣть, какъ онѣ есть...

Долго за полночь говорили еще братъ съ сестрой, все обсуждая положеніе.

XXIII.

Разговоръ съ сестрой произвелъ на Новодубскаго самое отрадное впечатлѣніе. Если, думалъ онъ, сестра его такъ смотритъ на его бракъ, то, очевидно, онъ на правильной дорогѣ. Очевидно также, что будущаго ему нечего бояться. Если такъ быстро прогрессируетъ свободная человѣческая мысль, если къ прогрессу и освобожденію отъ вѣковыхъ предрасудковъ приобщаются люди рожденія и воспитанія, графини Линденъ-де-ла Рошъ, то, очевидно, раскаяваться въ томъ, что и онъ на этомъ пути—не придется и въ отношеніи чисто практическихъ, жизненныхъ соображеній. Мнѣніе громаднаго большинства общества будетъ за него, а мнѣніе того „свѣта“, котораго онъ такъ боялся прежде и въ которомъ онъ видѣлъ соль земли—это мнѣніе съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ терять свою цѣну.

Ему казалось страннымъ, что онъ мѣняемъ этого „свѣта“ такъ дорожилъ. И онъ анализировалъ силу этого „свѣта“. И оказывалось, что ея нѣтъ, что то обаяніе, которымъ окруженъ свѣтъ, именующій себя высшимъ, есть не что иное, какъ какой-то гипнозъ. Стала небольшая кучка людей считать себя „высшими“, а другихъ „низшими“, и вотъ всѣ остальные, т.-е. низшіе, этому повѣрили и какъ бы согласились, что они—низшіе, а тѣ—высшіе.

— Положительный гипнозъ!—вполголоса проговорилъ онъ, ложась спать.—Помилуйте,—ни какой силы этотъ свѣтъ не имѣетъ. О физической и говорить нечего. Умственной тоже силы у нихъ нѣтъ; все образование-то у нихъ облегченное въ сравненіи съ интеллигенціей,—какъ будто рожденіе успѣшно замѣняетъ образование.

— И при этомъ все-таки считаютъ себя высшими!

Материально-то они вовсе не „высшіе“. Вѣдь купцы богаче. Лучшіе экипажи, дома, брилліанты—купеческіе, банкирскіе... А тѣ все-таки „высшіе“, и банкиры считаютъ за честь быть у нихъ на балу, хотя могутъ ихъ купить и перепродать какъ хотятъ! А американскій милліардеръ считаетъ для себя за честь отдать дочь за прогорѣвшаго и вырождающагося герцога!

Да чѣмъ же отличается этотъ high life? Знаниемъ иностранныхъ языковъ? Да и тѣхъ они не знаютъ основательно, когда дѣло идетъ о серьезной книгѣ, а заботятся лишь о произношеніи, да о знаніи бульварныхъ выраженій. Въ Англіи языки иностранные не требуются, а high life есть и тоже считаетъ себя сдѣланнымъ изъ особаго тѣста.

Знаніе, что съ ножа не ѣдятъ, что горчицу не кладутъ на края тарелки, за которые берутся пальцами, умѣнье одѣться, поклониться? Этотъ кодексъ лучше всѣхъ извѣстенъ высшему свѣту, но неужели за это?..

Все это, скажутъ, пустяки! Важно нравственное превосходство, врожденное и усиленное воспитаніемъ и традиціями!

Когда человѣкъ нервно возбужденъ, въ особенности одинъ ночью, ему вопросы, которые онъ обдумываетъ, представляются иногда чрезвычайно ясными, гораздо яснѣе, чѣмъ когда онъ спокойно разсуждаетъ. Такъ было теперь съ Новодубскимъ. Эти вопросы превосходства однихъ людей передъ другими его всегда волновали; теперь же, когда ему предстояло сдѣлать окончательный шагъ къ разрыву съ прошлымъ, — они приобрѣтали особую важность.

При мысли о нравственномъ превосходствѣ высшаго свѣта, ему стало досадно за себя, за близкихъ своихъ... Превосходство!

Брать деньги взаймы и аккуратно отдавать ихъ, пока имѣешь больше, чѣмъ долженъ, а когда зарвался—занимать безъ надежды ихъ отдать—такова честность. И „свѣтъ“—ничего: „Ахъ, бѣдный! онъ пилъ, игралъ, по двѣ французенки содержалъ“... Бреттерствовать, дѣлать гадости, грубости и затѣмъ отвѣчать на дуэли?.. Губить систематически, сознательно дѣвушекъ и хвалиться своими жертвами и числомъ погубленныхъ невинностей?.. Впадать въ развратъ чудовищный, противоестественный—и считать это великосвѣтской шалостью, съ тою разницей, что простого человѣка за это ссылаютъ на каторгу, а свѣтскаго не трогаютъ, во избѣжаніе скандала, хотя всѣ это знаютъ и про это говорятъ!..

Таковъ высшій свѣтъ. А за нимъ ползеть буржуазія чиновничья, купеческая, интеллигентная и всѣ чуть ли не лопаются съ досады, что не могутъ по рожденію попасть въ high life! И у нихъ, поскольку можно, тѣ же недостатки, тѣ же гнусныя свойства, что и у тѣхъ,—конечно, въ уменьшенномъ размѣрѣ. И все это борется между собой, вопиетъ, попирая ногами, эксплуатируя всячески сотни милліоновъ людей, тоже думающихъ, что такъ и надо!..

Но теперь, только теперь сознали это кое-гдѣ эти люди и тоже заговорили о своихъ правахъ! И Новодубскому казалось, что эта перемѣна произошла именно за послѣднія пять лѣтъ, когда началъ мѣняться онъ—Новодубскій. И онъ счастливъ былъ, безконечно счастливъ, что онъ способствуетъ этому движенію, а не противодействуетъ ему. Онъ ставилъ себѣ это въ заслугу.

„О! я теперь бы былъ ужъ чуть ли не губернаторомъ, кабы захотѣлъ, и мнѣ бы кланялись, и я бы могъ сдѣлать блестящую партію, какъ Дима; а теперь я долженъ искать работы и женюсь на крестьянской дѣвчонкѣ“...

И ему стало совѣстно этихъ мыслей.

„Какъ? Я себѣ ставлю въ заслугу, я, Новодубскій, что я не воръ, не ханжа, не обольститель?.. Да я въ такомъ случаѣ не лучше всѣхъ тѣхъ, кого я порицаю и презираю“!

И его мысли приняли новое теченіе. Онъ началъ думать, чего онъ не сдѣлалъ, и что сдѣлали другіе. Отдать чужое—не заслуга, надо отдать свое! А что онъ отдалъ своего? Гдѣ самопожертвованіе, на которое онъ пошелъ? Гдѣ то, на которое онъ хоть въ будущемъ способенъ?

Утромъ онъ всталъ съ головою болью и направился въ матери, съ которой собирался переговорить о своихъ дѣлахъ,—

но заговорить о своей свадьбѣ не рѣшился. Нѣсколько разъ это повторилось за-день. Идетъ говорить, а какъ придетъ къ матери—начинаетъ разговоры о другомъ, а о главномъ—нѣтъ. Мать была съ нимъ особенно мила. Очевидно, отсутствіе Насти мирило ее съ сыномъ. Онъ это чувствовалъ и тѣмъ болѣе оттягивалъ минуту объясненія. Къ вечеру онъ окончателно понялъ, что самъ не рѣшится говорить, и попросилъ сестру устроить ему разговоръ съ матерью.

— То-есть, какъ устроить?—спросила она.

— Да такъ, скажи мамѣ, что ты подозрѣваешь меня въ намѣреніи жениться. Она тогда сама заговорить со мной. Я не рѣшаюсь.

Такъ Нелли и сдѣлала вечеромъ, а утромъ, когда Новодубскій вошелъ къ матери, онъ сразу понялъ, что Наталья Владиміровна предупреждена. Она, обыкновенно цѣловавшая его въ лобъ, холодно сказала: „bonjour“, далеко протянула ему руку и дала ее поцѣловать, не сгибая пальцевъ. Онъ, молча, сѣлъ противъ нея.

— Ну, что скажешь?

— Что, мамѣ?

— Какъ что? Что, ты еще хочешь притворяться, что не понимаешь?.. Постыдился бы людей, если мать не жалѣешь!..

Новодубскій молчалъ.

— Господи! думала ли я когда-нибудь дожить до такого униженія, что мой сынъ (она сдѣлала удареніе на „мой“) женится на какой-то твари!..

— Мама, говори что хочешь про меня, но оскорблять беззащитную и ни въ чемъ неповинную дѣвушку—прости меня—недостойно тебя. Я ужъ не говорю, что ты ее ругаешь, зная, что она моя невѣста.

— Какъ?.. Я не могу назвать тварью коровницу, которая отнимаетъ у меня—понимаешь? у меня... Новодубской—моего сына? Она ни въ чемъ неповинная дѣвушка? Эта тварь, которая завлекла тебя до того, что теперь женить на себѣ... Господи!.. тебя—моего сына!

Въ началѣ разговора, Новодубскій, зная, что наносить матери тяжелый ударъ своей женитьбой, чувствовалъ себя передъ ней какъ бы виноватымъ. Но когда она, ни за что, ни про что, стала поносить Настю, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія, у него не только прошло его чувство неловкости, но наоборотъ, пробудилось другое—чувство досады противъ матери, что она оскорбляетъ напрасно и его, и Настю.

— Видишь, мама, что я тебе скажу: я пришел к тебе поговорить о себе, о моей будущности, о том, что я считаю своей самой священной обязанностью; а ты, вместо серьезного, спокойного, объективного разговора, начинаешь — извини меня — ругаться, и притом ругать кого? — дѣвушку, которой ты не знаешь и которую я люблю... Подожди... дай договорить! Неужели ты считаешь такой разговор убедительным и — прости меня — личным?

— Тварь, тварь, тварь твоя Настька! И если бы я могла подыскать еще худшія названія этой твари, я, все-таки, не сказала бы всего, чего она стоит... Тварь... да... да... тварь!..

— Ты хочешь ругаться, а я твоей ругани слушать не хочу. Говоря это, Новодубскій всталъ и быстро направился къ двери, которую захлопнулъ за собой; онъ прошелъ въ сестрѣ и рассказалъ ей, что случилось.

— Напрасно ты горячишься. Вѣдь она — мать твоя; и не могъ ты ожидать, что она будетъ тебя гладить по головкѣ. Что же дѣлать? Надо перетерпѣть. Я схожу къ ней.

Черезъ четверть часа Нелли вернулась.

— Богъ знаетъ, что ты надѣлалъ своей невоздержностью. Мать чуть не въ истерикѣ, жалуется, что ты на нее закричалъ, хлопалъ дверью.

— Что же теперь дѣлать?

— Теперь — ничего. Теперь ты ее только раздражишь. Подожди нѣсколько, а потомъ еще разъ сходишь.

За завтракомъ, въ общемъ залѣ ресторана, къ столику, за которымъ сидѣлъ Григорій Аполлоновичъ, подошелъ его братъ. Руки въ карманахъ, онъ насвистывалъ какую-то арію, причемъ свистѣлъ не губами, а особеннымъ образомъ раскрывши губы и вытянувъ самый кончикъ языка между зубами. Вся фигура его — показалось Григорію Аполлоновичу — была полна величайшаго презрѣнія.

— Говорятъ, ты женишься? — спросилъ онъ его. — Честь имѣю поздравить.

И снова принялся свистѣть. Григорій Аполлоновичъ вышелъ изъ себя.

— Благодарствую, тѣмъ болѣе, что я не продаюсь, а женюсь на бѣдной! — выпалилъ онъ, намекая на женитьбу брата.

— Поздравляю, поздравляю! Покупать рѣдкости, конечно, лучше, чѣмъ обратное. Пожалуйста, при случаѣ представьте — (онъ перешелъ на „вы“ — меня своей будущей супругѣ...

И отошелъ, все не вынимая рукъ изъ кармановъ и про-

должая свистѣть. У Григорія Аполлоновича помутилось въ глазахъ. Не отойди братъ его во-время и не сдержись онъ большимъ усиленіемъ воли, онъ готовъ былъ броситься на него, — такъ оскорбило его незаслуженное презрѣніе брата. Онъ выпилъ залпомъ два стакана воды. Сердце его билось, и долго онъ не могъ придти въ себя.

Передъ вечеромъ его повзала Нелли.

— Иди же, другъ мой, къ матери! Чтò же дѣлать? Вѣрю, что тяжело, но тебѣ не слѣдуетъ забывать, что она тебѣ мать. Ну, что же, потерпи, постарайся подѣйствовать на ея сердце.

— Да какъ же я теперь пойду?..

— Да такъ, очень просто... иди, какъ будто ничего не было, и сдерживай себя, ради Бога!..

Когда Григорій Аполлоновичъ вошелъ въ комнату матери, она читала „Figaro“. Это была ея любимая газета, которую она всегда получала, утверждая, что это — единственная газета, которая даетъ всѣ новости. Русскихъ газетъ Наталья Владиміровна не любила, хотя ихъ и читала. Она говорила, что отъ нихъ дегтемъ пахнетъ.

— Une littérature d'antichambre! — говорила она. — Во Франціи писатель — порядочный человѣкъ, а у насъ они какіе-то вульгарные, немытые. Понятно, что они демократничаютъ, когда сами изъ навоза вышли.

Когда сынъ вошелъ въ комнату, она подняла глаза, посмотрѣла на него и снова принялась за чтеніе.

Григорій Аполлоновичъ постоялъ, затѣмъ сѣлъ. Наталья Владиміровна все читала. Ему дѣлалось все болѣе и болѣе неловко. Наконецъ, онъ всталъ и тихо подошелъ къ матери.

— Маман... маман!..

— Чтò? — спросила она его по-французски. — Ты хочешь побить меня?..

— Богъ знаетъ, чтò ты говоришь...

— А ты развѣ не хлопалъ сегодня на меня дверью... Еще шагъ, и ты меня побьешь.

— Ну, перестань, маман, ради Бога! Вѣдь признайся, что ты меня оскорбила и жестоко оскорбила въ лицѣ дѣвушки, которую я люблю, и притомъ беззащитной..

— Какъ! ты продолжаешь утверждать, что я должна надѣвать перчатки, чтобы тебѣ говорить правду? Je ne puis pas arreper cette fille...

Новодубская, все время говорившая по-французски, не могла найти подходящаго слова, и перешла на русскій:

— ...Я не могу назвать ее потаскушкой?!..

— Я думаю, что не можешь и не должна. Во-первыхъ, это клевета—она не потаскушка, а во-вторыхъ, неужели ты думаешь, что твоя рѣчь убѣдительнѣе, если ты будешь употреблять такія выраженія?

— Какъ она не потаскушка? А по-твоему, дѣвка, которая открыто живетъ съ любовникомъ, хотя бы съ баринкомъ, съ вѣдома сестры и подъ ея, такъ сказать, покровительствомъ,—не потаскушка?

— Нѣтъ, если она живетъ съ нимъ однимъ и любитъ его!

— Любить!.. любить!.. Ты совсѣмъ околдованъ, мой бѣдный Гри-Гри. Развѣ эти дѣвки любятъ?

— Любятъ, да еще какъ; больше, чѣмъ наши, въ сто разъ. Вѣдь я-то знаю, наконецъ. Я ее соблазнилъ,—не она меня. Я болѣе безнравственъ, чѣмъ она...

— Ты такія глупости говоришь, что уши вянутъ. Ты сравниваешь крестьянскую дѣвку, которая счастлива, что на нее взглянулъ баринъ — подумай: Новодубскій! — съ собой, который можетъ имѣть сотню такихъ романовъ, конечно, при условіи, чтобы не жениться и не дѣлать изъ дѣвокъ цѣль жизни. Вотъ это, правда, безнравственно, въ особенности для Новодубскаго...

— Я чѣмъ больше слушаю тебя, тѣмъ больше удивляюсь. Я думалъ, что нравственность одна,—что для Новодубскаго, то и для крестьянъ, что для мужчинъ, то и для женщинъ.

— А я чѣмъ больше слушаю тебя, тѣмъ больше съ грустью замѣчаю, что въ головѣ у тебя такой сумбуръ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на исправленіе. Я понимаю, что не видать разницы между Новодубскимъ и крестьянской дѣвкой какой-нибудь современный нигилистъ, но чтобы это говорилъ самъ Новодубскій—это уже близко къ сумасшествію... *cela frise la folie, mon cher*. Мало ли въ жизни случаевъ бываетъ, и еслибы каждый разъ это кончалось бракомъ,—куда бы мы дѣлись? *Le monde irait à l'envers*. Не было бы дворянства... ничего!.. Да этого никто и не требуетъ. Сто, двѣсти рублей... и всѣ довольны... все хорошо!

— Постой!..

— Нѣтъ, ты постой. Дай договорить. Вездѣ, всегда это такъ дѣлается. У твоей будетъ ребенокъ... допускаю даже, что твой...

— Да я-то знаю, что мой!

— Съ этимъ народомъ развѣ можно знать?.. Ну, пусть будетъ твой... *Il y a mille manières d'arranger cela*. Ну, не

сто, не двѣсти рублей: тысячу дай, двѣ тысячи... пять тысячъ! Я ихъ сейчасъ тебѣ дамъ. Обезпечь ее съ ея приплодомъ...

Новодубскаго, все время сидѣвшаго молча и сдавливавшаго двумя пальцами високъ, который у него болѣлъ, при этомъ пере-дернуло, и у него вырвался какой-то звукъ, — не то стонъ, не то восклицаніе.

— Вѣдь ребенокъ-то не виноватъ!—глухо проговорилъ онъ.

— Никто его не винить. Но мало ли незаконныхъ дѣтей на свѣтѣ? Или, по твоимъ понятіямъ, все равно—что законный, что незаконный?

— Вотъ я и хочу, чтобы мой ребенокъ былъ законный.

— Законный! И законнымъ его можно сдѣлать. Выдай ее хоть за бѣднаго дворянина, который съ радостью отдастъ свое имя ей и ребенку за какія-нибудь двѣ-три тысячи и даже не отниметъ у тебя твоего сокровища... *Cela se fait tous les jours...* Но чтобы былъ Новодубскимъ сынъ коровницы! Да это позоръ! Я не ожидала, что такой позоръ получу отъ сына! *C'est humiliant!..*

Наталья Владиміровна заплакала.

— Прости меня, мамъ, но твои слезы меня не трогаютъ. Я ихъ не понимаю. Мнѣ кажется, что онѣ не отъ добраго чувства льются...

— Ты многого не понимаешь, къ сожалѣнію... Ты не понимаешь, что не имѣешь права дѣлать несчастной свою мать. Ты не понимаешь, что обязанъ сохранить безъ пятна имя, которое ты носишь... Многого ты еще не понимаешь!..

— Но я другое понимаю, чего ты не понимаешь,—что твой проектъ обезпеченія, а тѣмъ болѣе—выдачи ея замужъ за бѣднаго—глубоко безнравственный... что я не могу сдѣлать несчастной дѣвушку, которая единственно изъ любви ко мнѣ страдаетъ отъ своего ложнаго положенія... Не улыбайся... я знаю, что говорю... Понимаю тоже, что тебѣ страданія причиняетъ дурное чувство: отсталой барской ложной чести, эгоизма, презрѣнія къ другимъ людямъ за ихъ рожденіе и—главное—необъяснимое, по моему, чувство злобы—да, прости меня... къ дѣвушкѣ, которая ничего тебѣ не сдѣлала... Не трясй головой... это такъ! Я вижу разницу между ея слезами и твоими. Ея слезы я причинилъ, а твои отъ тебя же происходятъ, отъ твоего собственнаго дурнаго чувства. Какія слезы жалчѣе, симпатичнѣе?

— Ну, конечно, коровницы! Не сравнивать же коровницу съ какой-то матерью!.. Ну, да стоитъ ли тебѣ говорить объ обязанностяхъ къ матери, къ имени? Это все равно, что слѣ-

пому цвѣта объяснять... Такъ знай же мое рѣшеніе: если ты хочешь развязаться со всѣмъ этимъ дѣломъ, я заплачу все, что это стоитъ—я теперь богата, благодаря Леониду. Можетъ быть, выкупимъ Дубовку... Хочешь,—ну, работай по земству, коли на службу рѣшился не поступать... да, по крайней мѣрѣ, будешь человѣкомъ... Tu te tireras du guisseau, dans lequel tu es tombé!..

— Ты кончила?

— Кончила.

— Ну, такъ и я скажу. Я тебѣ говорилъ, что мой долгъ—жениться на дѣвушкѣ, мною соблазненной, что мой долгъ—дать имя—мое имя—ребенку, который отъ меня родится. И неужели ты меня считаешь такимъ негодлемъ, котораго можно подкупить деньгами,—хотя бы выкупомъ Дубовки,—чтобы онъ не исполнилъ того, что считаетъ своею священною обязанностью? Вѣдь это оскорбительно для меня...

— Какъ знаешь! Я тебя предупредила. На меня ни теперь, ни послѣ моей смерти, не рассчитывай.

— Опять! Да я развѣ просилъ у тебя наслѣдства?

— Какъ знаешь! А предупредить я тебя все-таки должна была, чтобы потомъ не вышло для тебя разочарованія.

Они оба нѣкоторое время молчали. Новодубскій все сдавливалъ сильно стучавшій високъ.

— Ты знаешь, — продолжала его мать, — что для тебя всѣ двери порядочнаго общества будутъ закрыты?

— Знаю, про что ты говоришь. Но я порядочнымъ считаю другое общество.

— Ты знаешь, что эти женщины, когда заберутъ мужчину слабохарактернаго, какъ ты, въ руки, начинаютъ его мучить.

— Хотя бы мнѣ адъ предстоялъ, я свой долгъ исполню. „Да оставить человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей“...

— Къ женѣ, къ женѣ, а не къ продажной...

— Опять эти выраженія! Право, мамъ, нужно ангельское терпѣніе, чтобы тебя выслушать до конца. Я ее уже считаю своей женой... Да, наконецъ, какъ я женюсь, она будетъ женой моей. Не правда ли?

— Что же съ тобой еще говорить?.. Я все сказала... Много я передумала въ эти ночи, но сдѣлать ничего не могу. Хотѣла (и тебѣ помочь не тонуть окончательно въ болотѣ, въ которое ты добровольно попалъ, но не далъ мнѣ Богъ этого утѣшенія.)думала... проклясть тебя...

Наталья Владиміровна заплакала.

— ...Но Богъ съ тобой... Слишкомъ страшно проклятіе матери... Я ограничусь тѣмъ, что постараюсь забыть, что у меня два сына...

Послѣднія слова, сказанныя искренно, тронули Григорія Аполлоновича.

— Мамочка, дорогая! Неужели тебѣ кажется такимъ ужаснымъ поступокъ, который для меня представляется лишь исполненіемъ самаго святаго долга? Неужели ты не поймешь меня?

— Понимаю, что ты Бога забылъ, матери своей знать не хочешь, и все потому, что околдованъ ею. Ну, Богъ съ тобой! Подумай хорошенько обо всемъ, что я тебѣ говорила. Еще есть время одуматься...

— Нѣтъ, мамà, я не одумаюсь. Я хорошо все обдумалъ. Это—мой долгъ, и я его исполню.

Наталья Владиміровна плакала. Ея сынъ понялъ, что дальнѣйшій разговоръ бесполезенъ и только болѣе разстроитъ ихъ. Онъ всталъ.

— Мамочка дорогая, мнѣ очень тяжело. Я уѣзжаю сегодня. —Онъ посмотрѣлъ на часы.—Да, мнѣ пора.

— Ну, прощай. Пока еще ты сынъ мой, и я надежды не теряю. Передумай еще все. И во всякомъ случаѣ, напиши мнѣ еще прежде, чѣмъ сдѣлаешь непоправимый шагъ. Христосъ тебя да умудритъ!—проговорила она съвозъ рыданія и цѣлуя его въ лобъ.—Такъ напишешь?..

Вечеромъ, простившись наскоро съ сестрой, Новодубскій ѣхалъ домой.

XXIV.

Долго не могъ придти въ себя отъ этого разговора Новодубскій. Досада противъ матери, грубо обращавшейся съ чувствами его, которыя онъ считалъ священными, смѣшивалась съ жалостью къ ея очевидному страданію. Это страданіе ея, искреннее, неподдѣльное, объясняло жестокость ея, а само вызывалось чувствами нелѣпными, но чуть не врожденными и отъ которыхъ не въ ея годъ можно отдѣлаться.

Новодубскій прекрасно это понималъ. Сознавалъ онъ и то, что выхода нѣтъ. Онъ думалъ, что его мать можетъ простить ему его свадьбу, но что признать свадьбу, считать Настю своей невѣсткой, она не можетъ—было совершенно ясно. Вѣчно должно было стоять между нимъ и матерью это облако, каждую минуту способное разразиться грозой. Сознаніе это мучило его, и онъ всю дорогу не могъ оторваться отъ этихъ мыслей.

Но такъ за это время окрѣпло въ немъ сознаніе, что его священный долгъ—жениться на Настѣ и дать свое имя будущему ребенку, что въ этомъ рѣшеніи своемъ онъ не колебался ни на минуту.

Мысли его приняли другой оборотъ только тогда, когда онъ вернулся въ свою комнату и нашель на столѣ повѣстку въ земское собраніе.

„Какъ? на завтра?—подумалъ онъ.—Какъ поздно принесли!“

Спросивъ Нивиту и убѣдившись, что повѣстка принесена дѣйствительно въ его отсутствіе всего за три дня до собранія, онъ понялъ, что приглашеніе его въ качествѣ гласнаго было обусловлено покупкой земли по совѣту Градова.

„Не будь земли, я не былъ бы гласнымъ. Да, спасибо Градову. Вотъ и консерваторъ, а человѣкъ ко мнѣ относится лучше всѣхъ“.

Весь вечеръ Новодубскій провелъ у Насти, которую нашель выздоровѣвшею и нѣсколько уже поправившеюся. Всѣ разговоры объ ихъ свадьбѣ онъ отложилъ до конца земскаго собранія. На начало своей общественной дѣятельности, которая ему казалась пока возможной лишь въ видѣ земской работы, онъ смотрѣлъ какъ на священнодѣйствіе. Съ этимъ чувствомъ долженъ приступить молодой вѣрующій священникъ къ своей первой обѣднѣ.

Собраніе было очень многолюдное, такъ какъ предстояли выборы на слѣдующее трехлѣтіе въ управу и на другія, менѣе интересныя должности, членовъ училищнаго совѣта, губернскихъ гласныхъ и тому подобныя.

На возвышеніи, посреди большого стола, на предсѣдательскомъ глубокомъ креслѣ сидѣлъ Николаевъ. За тѣмъ же столомъ, направо отъ предсѣдателя заняли мѣста члены управы. На возвышеніи же, лицомъ къ залѣ, сидѣли нѣкоторые гласные. Мѣста были почетныя, и кое-кто, конечно, не посмѣлъ бы туда сѣсть. Тутъ Новодубскій замѣтилъ Чебурова, Стононова и Лугощинскаго. Остальные же гласные сидѣли въ три ряда лицомъ къ предсѣдателю. Тутъ же слѣва у печки, со столикомъ, нагруженнымъ бумагами передъ собой, сидѣлъ князь Варховскій. Онъ производилъ впечатлѣніе генерала, готовящагося къ битвѣ, или адвоката, увѣреннаго въ себѣ, передъ разбирательствомъ громкаго дѣла. Онъ часто вскидывалъ большіе выразительные глаза, смотрѣвшіе на собесѣдника то насмѣшливо, то недовольно. Къ нему подходили съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, какъ будто довольные, что знаемы съ Варховскимъ. Подходилъ и здоровался съ нимъ и Новодубскій.

— Ага! И вы здѣсь? — сказалъ ему князь. — Очень радъ, очень радъ...

Сидѣлъ Новодубскій въ первомъ ряду рядомъ съ Градовымъ. Когда онъ его встрѣтилъ еще внизу, Градовъ его спросилъ:

— Ну, что? Какъ дѣло?

Новодубскій понялъ, что онъ спрашиваетъ его про Настю.

— Хорошо. Посовѣтовался съ совѣстью, и она такъ громко закричала...

— Что...

— Что никакого сомнѣнія не осталось... и что я... женюсь.

— Ну, съ Богомъ! Я такъ и зналъ напередъ. Зная васъ, я другого исхода и не предполагалъ.

Тутъ подошли другіе гласные, и разговоръ ихъ прекратился.

Послѣ обычныхъ формальностей открытія собранія, — причѣмъ указывалъ предсѣдателю, что дѣлать, какіе законы читать, то-и дѣло встававшій, подходившій къ нему и шептавшій ему на-ухо секретарь управы, — гласные были приведены въ присягѣ священникомъ, который всегда приглашался для этого и въ засѣданія сѣзда. Формулу присяги онъ читалъ, глядя по сторонамъ, наизусть. Видно было, что онъ дѣлалъ это машинально. Даже языкъ перемолелся, и онъ нѣкоторые слова не такъ выговаривалъ.

— Теперь не угодно ли будетъ избрать секретаря собранія? — проговорилъ Николаевъ послѣ новаго шопота секретаря управы, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ.

— Виновать, — перебилъ его одинъ немолодой уже гласный, — я имѣю прежде сдѣлать заявленіе.

Этотъ гласный былъ человекъ очень извѣстный въ уѣздѣ, потому что ему всегда удавалось играть выдающуюся роль. Человекъ совсѣмъ малограмотный, старинный дворянинъ, прекрасный охотникъ съ борзыми, веселый малый и въ пятьдесятъ лѣтъ за бутылкой вина, а то и простой водки, онъ имѣлъ много родныхъ среди помѣстнаго дворянства. И такъ какъ онъ, все-таки, былъ между ними самый выдающійся по своему образованію, то естественно, что они его выдвигали. Черезъ него можно было приобрести себѣ много приверженцевъ. Это прекрасно понималъ старый предводитель, умница, двадцать лѣтъ по заслугамъ пользовавшійся въ уѣздѣ непоколебимымъ авторитетомъ. Понималъ это и Николаевъ.

Поэтому Фошинъ — такъ звали гласнаго — всегда замѣщаль видное мѣсто.

— Какое заявленіе? — спросилъ его предводитель.

— Да, видите ли... насчетъ, значить, правъ одного гласнаго, здѣсь присутствующаго... Вѣдь нельзя такъ... надо справиться прежде съ закономъ... Это я ставлю на видъ управѣ...

— Да въ чемъ дѣло-то, вы еще не сказали,—поторошилъ его Николаевъ.

— Дѣло-то въ томъ, что вотъ между нами, гласными, находится одинъ господинъ, который... не имѣетъ... этого права... здѣсь находится... потому что онъ этого права... это право... потерялъ.

— Да кто, кто это? вы скажите же намъ!—перебилъ его, улыбаясь, Стононовъ.

— Вы меня... прошу меня не перебивать... Моя рѣчь... я свою рѣчь... однимъ словомъ, я имѣю въ виду господина Новодубскаго... Онъ право свое потерялъ... Мы ему довѣряли, то-есть, мы ему не довѣряли, а довѣряли его... землѣ... его... цензу, а не ему. И онъ права здѣсь сидѣть не имѣетъ... между нами...

Фошинъ съѣлъ, оглядываясь, — „что, молъ, хорошо я сказалъ? Теперь держись, Новодубскій“!

У Новодубскаго, когда онъ услышалъ свое имя, кровь отхлынула отъ сердца. Онъ боялся лишиться возможности работать по земству, или, какъ онъ говорилъ, дѣлать общественное дѣло. Съ другой стороны, непріятно было быть объектомъ преній. Онъ чувствовалъ, что всѣ глаза обернулись къ нему, самъ же онъ совѣстился, не зная почему, смотрѣть на людей. Онъ только взглянулъ на Градова и шепнулъ ему на ухо:

— Не уйти ли мнѣ? А?

— Съ какою стати? Пустяки! Сидите и не волнуйтесь.

Начались пренія. Лугощинскій говорилъ за Новодубскаго, объясняя, что разъ цензъ есть, онъ права своего не теряетъ. Онъ развилъ ту мысль, что цензъ лишь доказываетъ связь гласнаго съ землей, и что если эта связь признана достаточной государствомъ, опредѣлившимъ величину ценза, то не дѣло собранія ставить новыя препоны, закономъ не предусмотрѣнныя.

Поднялся еще гласный, помѣщикъ изъ коннозаводчиковъ, и высказалъ такую мысль:

— Когда мы выбрали господина Новодубскаго, онъ сталъ гласнымъ. Затѣмъ, онъ продалъ имѣніе и, слѣдовательно, потерялъ свои права. А теперь неужели онъ можетъ покупкой земли снова сдѣлаться гласнымъ?

Говорили еще кое-кто, больше повторяя чужія мысли. Кое-кто посматривалъ на Варховскаго, какъ бы ожидая его мнѣнія. На него съ надеждой смотрѣлъ и самъ Новодубскій. Но Вар-

ховскій молчалъ, внимательно прислушиваясь къ рѣчамъ. Наконецъ, давъ всѣмъ высказаться, онъ метнулъ еще разъ глазами въ предсѣдателя.

— Позвольте мнѣ сказать,—обратился онъ къ Николаеву, пришептывая еще больше обыкновеннаго.

Предсѣдатель сдѣлалъ рукой и головой знакъ, что, молъ, слово за вами. Всѣ гласные и публика обратились къ оратору, частные разговоры прекратились.

— Изволите ли видѣть,—говорилъ князь,—мнѣ кажется, всѣ эти пренія основаны на недоразумѣннн. Здѣсь было высказано два мнѣнн: одно—что выбирали мы господина Новодубскаго, до вѣрнн не ему, а его громадному имѣнню. И второе—что не могъ же гласный Новодубскн прнобрѣсти свои права, затѣмъ потерять ихъ, и теперь, благодаря покупке земли, вновь начать ими пользоваться.—Начну со второго возраженнн. Лѣтомъ мы выбрали господина Новодубскаго и признали его желательнымъ гласнымъ. Но никакихъ функцнй гласнаго онъ не исполнялъ. Только сегодня, присягнувъ, онъ сдѣлался гласнымъ. Слѣдовательно, никакого временнаго прекращенн его дѣятельности не было и быть не могло: дѣятельность еще не начиналась.—Второе возраженн еще менѣе обосновано. Неужели мы вѣрнмъ только числу десятнн, а не человекъ? Списокъ же имѣннн читался лишь для того, чтобы доказать права каждаго избирателя. Это собственно дѣло управы. Разъ цензъ есть, можетъ только возникнуть вопросъ, законенъ ли онъ. Но про законность новаго ценза никто не говорилъ. Онъ вѣдь законный, не правда ли? А въ крайнемъ случаѣ, управа можетъ намъ дать оффнцнальную справку.

— Управа и удостовѣряетъ законность ценза господина Новодубскаго,—отвѣчалъ предсѣдатель управы.

— Ну, такъ вотъ,—окончилъ князь Варховскн,—мнѣ кажется, вопросъ ясенъ, и остается намъ только радоваться, что у насъ такой новый гласный.

Говоря это, князь обернулся съ улыбкой къ Новодубскому и, поправляя рукой довольно длинные, непослушные волосы, сѣлъ. Новодубскн покраснѣлъ. На сердцѣ у него отлегло; онъ былъ убѣжденъ, что теперь дѣло его выиграно, и что противникамъ не удался ихъ походъ.

Дѣйствительно, на поставленный предсѣдателемъ вопросъ большинство собранн высказалось за то, чтобы считать Новодубскаго гласнымъ.

Онъ успѣлъ, впрочемъ, увидѣть, что голосовали противъ

него люди, о которыхъ онъ заранѣе зналъ, что они его противники.

— Странно, — сказалъ онъ Градову, — значить, голосуютъ такъ или иначе, за или противъ, не по внутреннему убѣжденію, не по закону, а по личнымъ вкусамъ и симпатіямъ?

— А вы что думали? Что все по совѣсти?

Градовъ разсмѣялся.

— Въ томъ-то и дѣло, что совѣсть-то имъ часто и подсказываетъ именно то, что приятно. Да и не имъ однимъ. Это во всемъ свѣтѣ такъ.

Земское собраніе продолжалось четыре дня, причемъ вечеромъ собиралась подготовительная коммисія. Записывались въ нее почти всѣ гласные, на которыхъ рассчитывали, что они не откажутся прийти. Предложенный Чебуровымъ, былъ записанъ и Новодубскій. Онъ не много говорилъ, а больше прислушивался, старался изучить законы и вникнуть въ практическую сторону дѣла. Впрочемъ, онъ вставалъ нѣсколько разъ, преимущественно когда шла рѣчь о мѣстности уѣзда, гдѣ была Дубовка и которую онъ зналъ лучше другихъ. Онъ впрямь не попадалъ, и не безъ нѣкотораго самодовольства замѣчалъ, что его слушаютъ въ собраніи.

Очень удивляло его, какъ большинство безучастно относилось къ текущимъ дѣламъ. Многіе изъ съѣхавшихся на выборы гласныхъ сидѣли не въ залѣ засѣданій, а въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ могли вести частные разговоры. „Еще можно бы себѣ это объяснить, — думалъ Новодубскій, — еслибы они туда ходили курить, а то — куренье и въ залѣ допускается. Просто имъ надоѣдаетъ всякое серьезное дѣло, и они говорятъ только о женщинахъ да лошадяхъ. Даже противно“!

Только когда они нужны были для голосованія, кто-нибудь шелъ ихъ звать.

— Ну, что вы сидите? Сейчасъ будутъ голосовать. Хотятъ родильные покои устроить при каждомъ участкѣ. Идите!

Иди расшумятся тамъ очень, такъ что крики ихъ, а то и смѣхъ, слышны ужъ слишкомъ сквозь закрытыя двери, — тогда предводитель пошлетъ кого-либо попросить ихъ пожаловать, а если не хотятъ, то — не шумѣть.

Очень рѣзко раздѣлились гласные на передовыхъ и ретроградныхъ въ вопросѣ объ агрономіи. Годъ назадъ былъ приглашенъ агрономъ. Теперь предстояли большіе расходы на опытное и показательныя поля, на складъ орудій и сѣмянъ и другія но-

выя предначертанія, предложенныя агрономомъ и управой въ особо хорошо составленныхъ докладахъ.

Начались пренія. Сильно защищали агрономію Чебуровъ, Лугощинскій и другіе. Не менѣе яро на нее нападали противники. Крестьяне молчали. Чтобы подѣйствовать на нихъ, Новодубскій довольно пространно провелъ сравненіе между доходами десятины у насъ и въ другихъ странахъ, доказывалъ, что мы бѣдны вслѣдствіе недостатка науки и призывалъ къ ассигнованію просимыхъ суммъ.

Зала была полна. Всѣ хотѣли принять участіе въ этомъ интересномъ голосованіи. Кое-кто поглядывалъ на Варховскаго, который сидѣлъ нѣсколько угрюмо, вслушиваясь въ рѣчи гласныхъ. Когда Новодубскій говорилъ, а говорилъ онъ болѣе или менѣе общія мѣста, князь вскидывалъ на него глазами, точно желая его перебить, затѣмъ проводилъ рукой по оладистой черной бородѣ и успокаивался, какъ будто говоря:

— Подождемъ еще. Дадимъ имъ всѣмъ наболтаться.

Новодубскій кончилъ. Всѣ молчали. Не будь у всѣхъ увѣренности, что Варховскій непременно скажетъ свое послѣднее слово, предсѣдатель предложилъ бы голосовать вопросъ. Больше всѣхъ ждалъ слова Варховскаго Новодубскій, увѣренный, что Варховскій ихъ поддержитъ и проведетъ агрономію. Ему пришлось горько разочароваться.

Варховскій все время казался нервнымъ. Онъ взглядывалъ то на того, то на другого, проводилъ рукою по волосамъ, мялъ какія-то бумаги. Наконецъ, вскочилъ.

— Позвольте мнѣ-съ!

— Пожалуйста, — отвѣтилъ предсѣдатель.

— Изволите ли видѣть-съ! Здѣсь много было говорено и за, и противъ агрономіи. Всѣ доводы за агрономію были неновы. Вотъ и господинъ Новодубскій говорилъ какъ будто бы и дѣло... Ну, кто же будетъ съ нимъ спорить, что у насъ урожаи хуже, чѣмъ за границей, и что наука полезна? Это мы всѣ знаемъ-съ. А все-таки я буду голосовать противъ доклада управы...

Новодубскій повернулся къ Варховскому и смотрѣлъ на него удивленно.

„Какъ, неужели онъ противъ агрономіи?“ — думалъ онъ.

— А не могу я голосовать за вашъ докладъ вотъ почему-съ... Вы девять тысячъ изволите просить на агрономію?

— Девять, — отвѣчалъ предсѣдатель управы.

— Ну, такъ я этихъ девяти тысячъ не считаю возможнымъ ассигновать. На будущій годъ эти девять тысячъ разростутся въ

двадцать. Это много-съ. Вѣдь платить-то придется все это мужику. Ну, для начала, тыщонку возьмите на усиленіе склада. Куда ни шло... Я все понимаю,—сказалъ князь, обращаясь къ Новодубскому.—Агрономія—вещь хорошая, и все это, можетъ быть, и вернется со временемъ, да теперь-то брать ихъ нельзя съ мужика. Ужъ вы меня извините-съ...

Князь сѣлъ, причемъ лицо его приняло выраженіе вопросительное.

— Ну что? Такъ вѣдь я сказалъ?— читалось на его лицѣ.

Въ особенности жадно слѣдили за нимъ гласные-крестьяне. Одинъ изъ нихъ даже всталъ.

— Совершенно вѣрно ихъ сіятельство сказали. Потому что, къ примѣру, насчетъ пахоты... ежели овса будетъ у мужика лошади дать, то и мужику спашетъ хорошо, а не будетъ, къ примѣру, овса, такъ и ученый не вспашетъ, какъ лошадь не пойдетъ.

Гласный сѣлъ, и всѣ его товарищи видимо ему сочувствовали.

Голосованіе дало, конечно, громадное большинство противъ агрономической организаціи. Всѣ крестьяне голосовали противъ. Новодубскій остался въ меньшинствѣ.

„Ну, крестьяне—пусть себѣ,—думалъ онъ,—а Варховскій, каковъ Варховскій? Ужъ и онъ не къ мракобѣсамъ ли переходить“?

Вслѣдъ за агрономіей поставленъ былъ на очередь школьный отчетъ Тростенскаго и управы. Отчетъ Тростенскаго былъ страшно длиненъ, но Новодубскій, любившій школьное дѣло, слушалъ его весь съ напряженнымъ вниманіемъ. Управа на основаніи доклада инспектора запросила очень много. Описавъ яркими красками плачевное положеніе учителей и учительницъ, докладъ предлагалъ имъ всѣмъ усилить значительно содержаніе. Кромѣ того, просили ассигновать дополнительные платежи за каждыя пять лѣтъ службы. Наконецъ, въ виду плохого состоянія школьных зданій, просили ежегодной ассигновки на ихъ ремонтъ.

Пренія, при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, вызвали раздѣленіе гласныхъ на двѣ категоріи: мракобѣсовъ, какъ ихъ величалъ Новодубскій, и передовыхъ. Блестящую рѣчь произнесъ Чубуровъ. Противники были мало краснорѣчивы, зато очень многочисленны. Поддержки ждалъ Новодубскій отъ Варховскаго, второй, казалось, углубился въ свои мысли.

Такъ же, какъ при обсужденіи агрономіи, Новодубскому захотѣлось высказаться, и онъ произнесъ рѣчь о пользѣ образованія

и о необходимости имѣть болѣе или менѣе обеспеченный учительскій персоналъ. Когда онъ сѣлъ, онъ чувствовалъ, что говорилъ гладко, не запинаясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ собою недоволенъ.

„Чего меня дергало говорить, что всѣ и безъ меня знаютъ? Варховскій уже намекнулъ на это въ вопросѣ объ агрономіи“.

Дѣйствительно, всталъ князь, спросивъ по обычаю позволенія говорить у предсѣдателя.

— Много тутъ было говорено о пользѣ ученія. Ученье—свѣтъ, а неуčenje—тьма, это—богатая, но, думаю, уже неоднократно использованная тема. Говорили... какъ это по латыни говорится?—и князь какъ бы нечаянно обратился, улыбаясь, къ Новодубскому:—*multum, non multa...* такъ?

— Неужели онъ хочетъ доказывать вредъ образованія?—шпеннулъ на ухо Градову Григорій Аполлоновичъ. Градовъ улыбнулся.

— Я со всѣмъ этимъ согласенъ, но думаю, что расходы надо сообразовать со средствами. А средства у насъ небольшія... да-съ! Все это прекрасно, и еще многое другое прекрасно. Но, господа, надо идти постепенно, а не скачками. Не пришлось бы потомъ убавлять. А это уже совсѣмъ плохо! гораздо хуже, чѣмъ вовсе не прибавлять... Это васъ удивляетъ?..—сказалъ князь Новодубскому, замѣтивъ недовольный взглядъ его:—между тѣмъ это такъ, и я позволю себѣ высказаться противъ этого ассигнованія.

„Что онъ дѣлаетъ, что онъ дѣлаетъ?.. Э! да онъ чистой воды мракобѣсъ!“—думалъ Новодубскій.

Голосованіе опять дало большинство противникамъ образованія. Новодубскій изъ себя вонъ выходилъ и главнымъ виновникомъ считалъ Варховскаго.

На этихъ вопросахъ онъ подсчиталъ силы: на сторонѣ большинства, т.-е. мракобѣсовъ, какъ онъ ихъ называлъ, былъ Николаевъ, Градовъ и нѣсколько гласныхъ еще. Въ числѣ передовыхъ были люди постарше: Стононовъ, Чебуровъ, Лугощинскій. И странное наблюденіе сдѣлалъ Новодубскій. Ни одного между отсталыми не было не только талантливаго, но хотя бы маломальски умѣющаго грамотно говорить, тогда какъ между либералами находились и люди, умѣвшіе говорить.

— Отчего бы это такъ?—спрашивалъ онъ Градова.

— Ну, вы не очень-то любезны,—отвѣтилъ тотъ.

— Присутствующіе въ счетъ не идутъ,—это старая пословица.

Въ послѣдній день собранія происходили выборы. По оживленію, которое царило передъ выборами въ управу, Новодубскій могъ убѣдиться, что ему и думать было нечего о его кандидатурѣ въ предсѣдатели или даже въ члены управы. Предсѣдателемъ былъ избранъ прежній, а изъ членовъ двое перемѣнились. Многіе подходили къ Новодубскому и просили поддержки.

„Фу, какъ люди подлы!“ — думалъ онъ про себя.

Самъ онъ согласился баллотироваться только въ губернскіе гласные и въ члены училищнаго совѣта. То и другое было предложено Чебуровымъ. Къ большому удовольствію Новодубскаго, онъ прошелъ въ обѣ баллотировки.

— У насъ немного охотниковъ на должности бесплатныя и притомъ сопряженныя съ расходами. Вѣдь какъ ни говорите, губернскому гласному надо ѣхать въ губернской городъ и недѣли по двѣ, по три тамъ проживать, — объяснялъ ему Градовъ.

Вечеромъ многіе уѣзжали съ поѣздомъ, въ томъ числѣ князь Варховскій. Новодубскій пошелъ съ ними на вокзалъ. Частью онъ хотѣлъ проводить кое-кого, частью ему хотѣлось приглядѣться къ Варховскому, котораго отношеніе къ агрономіи и къ школамъ его поразило. Онъ устроился такъ, чтобы сѣсть рядомъ съ нимъ за обѣдомъ.

Онъ долго ничего не говорилъ и слушалъ князя, который смѣялся и шутилъ съ Чебуровымъ.

— Что вы на меня такъ смотрите? — спросилъ Новодубскаго князь.

— По правдѣ вамъ сказать, — отвѣтилъ Григорій Аполлоновичъ, — я васъ изучаю. Вы меня, признаюсь, поразили третьяго дня въ вопросахъ агрономіи и школь.

— А!.. вы объ этомъ... Почему я голосовалъ противъ этихъ нововведеній?

— Да, признаюсь, — простите, я скажу откровенно: я отъ васъ этого не ожидалъ.

— А по-моему, напрасно вы голосовали за нихъ. И настаиваю вамъ доказать, почему. Неужели вы думаете, что я не понимаю пользы всякихъ наукъ для русскаго народа, и агрономіи въ частности, пользы школь, пользы хорошей медицины, хорошей ветеринаріи?.. Все это я понимаю не хуже васъ. И все-же считаю себя правымъ, когда голосовалъ противъ лучшихъ ассигновокъ на все это. Одно — считать вещь полезной, другое — немедленно ее вводить... Подумали ли вы, Григорій Аполлоновичъ, какъ отражаются на крестьяннѣхъ всѣ эти ассигновки? А мы подумали. И вотъ какъ: нѣсколько человекъ произвели

анкеты крестьянскаго благосостоянія за эти десять лѣтъ. Анкеты самыя подробныя. Мы изучали всѣ расходы, всѣ доходы въ трехъ различныхъ деревушкахъ, довольно отдаленныхъ другъ отъ друга. И мы ужаснулись. Деревня разоряется, бѣднѣетъ и въ урожайные годы, число лошадей и скота уменьшается, смертность дѣтей увеличивается... Куда мы идемъ? Мѣрили ли вы, какъ отражается каждый грошъ податей на несчастномъ мужикѣ?.. А мы мѣрили. Хороши школы и больницы,—но нужно соображать, кто ихъ долженъ заводить. Я думаю—государство, а не земство, не тотъ же мужикъ. А что, если школа будетъ стоить столько-то жизней малютокъ, которыя умрутъ съ голода? Что вы тогда скажете?.. Пусть умираютъ!.. Или сознательно скажете: не надо мнѣ этой школы, мужицкою кровью купленной! И каждый разъ я въ тупикъ становлюсь передъ этой страшною дилеммой... Нельзя такъ: ретроградъ, прогрессистъ! Хороша школа—вали ихъ сколько влѣзетъ!.. Надо обдумать... и тогда... и тогда вы ужаснетесь передъ отвѣтственностью, которую на себя съ легкимъ сердцемъ берете... и вы пожалѣете этого мужика, и вы предпочтете скорѣе прослыть за ретрограда, нежели обременять его бюджетъ лишнимъ гривенникомъ, отнявъ, быть можетъ, кашу у его дѣтей... Богъ съ ними со школами, купленными этой цѣной!.. Пожалѣйте мужика!.. Онъ и безъ того умираетъ медленною смертию...

Князь былъ блѣденъ, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше волновался. Онъ говорилъ все громче и громче, сильно пришепегывая. Сначала онъ обращался къ Новодубскому, а потомъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, онъ сталъ обращаться и къ другимъ, здѣсь сидѣвшимъ гласнымъ. Всѣ молчали и слушали его.

Наконецъ онъ заговорилъ такъ громко, что стали останавливаться и прислушиваться случайно бывшіе на вокзалѣ незнакомые пассажиры. Но и этимъ князь не смутился и говорилъ, и увлеченный мыслями своими, не обращалъ никакого вниманія.

— Надо его пожалѣть, этого мужика! И прямо, и косвенно берется все съ него, а ему взамѣнъ ничего не дается; а когда и хотятъ ему что дать, то за его же счетъ! Да прежде всего накормите его и дѣтей его, дайте ему дышать свободнѣе, не берите съ него послѣдній грошъ, разъ онъ у него заводится, и тогда уже говорите о школѣ, о прогрессѣ. А главное, внимайте въ суть дѣла и, увлекаясь громкими словами, не губите тѣхъ, кому хотите дѣлать добро. А крестьянина всѣ разоряютъ; и начальство, и помѣщикъ, и лавочникъ, и вы, его радѣтели на

словахъ, — тоже его разоряете. Да перестаньте, пожалуйста его наконецъ!..

Варховскій, все болѣе и болѣе возбужденный, держаль вилку въ руцѣ и при послѣднихъ словахъ бросилъ ее на полъ.

Это его заставило придти въ себя. Онъ сконфуженно улыбнулся и подвнялъ вилку.

— Однако, какъ я увлекся! — сказалъ онъ тихо и обращаясь къ Новодубскому. — Да больно предметъ-то такой, что спойкойно о немъ говорить мудрено. Ну что? Кажется, вамъ все это убѣдительно?

Новодубскій ему не отвѣтилъ. Онъ, съ самаго начала рѣчи князя, впился въ него глазами и не могъ оторваться. Онъ не столько вникалъ въ суть того, что тотъ говорилъ, сколько восторгался его увлеченіемъ, его горячностью.

Правъ князь или не правъ? — могъ ли Новодубскій опредѣлить это? Для того, чтобы умомъ рѣшить такой вопросъ, нужно много думать, много наблюдать, много знать. Но Григорій Аполлоновичъ былъ пораженъ силой чувства князя къ крестьянину.

„Вотъ какъ надо любить крестьянина, а не такъ, какъ я“, — подумалъ онъ.

И онъ проникся къ нему глубокимъ уваженіемъ. Вечеромъ онъ не заходилъ къ Настѣ и долго обдумывалъ все это до поздней ночи.

„Да, любить князь мужика. А впрочемъ... да, онъ увлекся мужикомъ въ мимолетномъ порывѣ до того, что бросилъ вилку на полъ, а больше чѣмъ онъ пожертвовалъ? Громадныя имѣнія, дѣти выхоленныя, гувернантки... все какъ полагается по штату!.. А увлекся онъ до того, чтобы чѣмъ-нибудь пожертвовать своимъ?.. Да, — а есть люди, жертвующіе всѣмъ, что имѣютъ, жизнью, дѣтьми...“

„Мудреные, мудреные вопросы. А все-таки не могу убѣдить самого себя! Нужно земству напрягать всѣ силы, чтобы заводить школы? Вѣдь будутъ школы — конечно, хорошія — будетъ и хлѣбъ“ ...

Мало-по-малу онъ заснулъ, довольный, что началъ новую дѣятельность...

„Какъ же это съ Настей-то сегодня не видался?.. Ну, завтра надо переговорить и съ ней“ ...

XXV.

„Какъ же я, однакожъ, заведу съ Настей разговоръ о свадьбѣ? — думалъ Новодубскій, умываясь и готовясь къ ней идти. — Ну, тамъ видно будетъ. Никогда я заранѣе разговора въ приговору“.

Настя съ радостью приняла его и стала разспрашивать про земское собраніе.

— Ну, кого вы тамъ видѣли?—спросила она.

— Кого бы тебѣ назвать?.. Видѣлъ милаго доктора. Слушала доклады и пренія по медицинѣ—точно его самого дѣло касается... весь ходуномъ ходитъ.

— Я его не люблю, вашего доктора...

— Почему? Онъ тебя лечилъ какъ родной.

— Лечилъ-то онъ куда лучше...

— Ну такъ за что же ты его не любишь?

Настя покраснѣла.

— Онъ надо мной все смѣется.

— Онъ? Надъ тобой? Да ты съ ума сошла! Это человѣкъ на насмѣшку неспособный, и подавно по отношенію къ тебѣ... Да что съ тобой?

У Насти навернулись слезы.

— А!.. я понимаю теперь. Ты обижаешься, что онъ называетъ тебя моей женой, а меня—мужемъ твоимъ?.. Да?

Настя сдѣлала головой знакъ, что „да“.

— Ты за это на него сердисься? Во-первыхъ, онъ не только въ насмѣшку, но и въ шутку не позволить себѣ ничего подобнаго. Во-вторыхъ, это правда или скоро будетъ правда: мы надняхъ съ тобой поженимся.

Настя пуще прежняго расплакалась.

— Я не думала... не ду...мала... что и вы... и вы... станете... смѣяться!.. Это грѣшно!.. Григорій Аполлоновичъ...

— Голубушка, перестань ты Бога ради! Ну, подумай сама: способенъ ли я на такую насмѣшку? А? Коли говорю—значить, правда.

— Богъ знаетъ, что вы... говорите... Какая же я ваша жена?

— Жена какъ жена. Я тебя люблю. Ты меня любишь. А главное, скоро у насъ будетъ ребенокъ.

Настя обтерла глаза.

— Ну, хоть вы бы и не смѣялись, Григорій Аполлоновичъ, а женой вашей я быть не могу.

— Почему?

— Потому что я вамъ не пара. Ваши знакомые не захотятъ меня знать. Какая же я послѣ этого буду жена вамъ?

— Съ такими мнѣ и знакомство не нужно. А люди хорошіе есть, которые на это не посмотрятъ. Да, вотъ, возьми хоть доктора, котораго ты почему-то не возлюбила: онъ на тебя уже теперь смотритъ какъ на жену мою и приглашаетъ къ своей женѣ въ гости. Такихъ много, и съ ними мы и будемъ знаться.

— А ваша мать?

— Что же дѣлать! Я отъ тебя не скрою: мать моя противъ...

— Вы съ нею говорили?

— Говорилъ. Но если она и противъ,—я не малолѣтній и тоже исполню свой долгъ.

— Да, наконецъ, вы сами раскаетесь. Вамъ скучно будетъ съ необразованной женой.

— Ты выучишься. Ты молода и успѣешь всему научиться. Да, наконецъ, все это пустяки въ сравненіи съ главнымъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ тѣмъ, что ребенокъ нашъ долженъ быть законнымъ. Ну, подумай сама: неужели я допущу будущему сыну своему, или дочери—это все равно—называться незаконнымъ? Да за это меня бы повѣсить мало.

Настя молчала, опустивъ глаза. Ей совѣстно было смотрѣть на Новодубскаго.

— Вы говорите хорошо, лучше меня. И я за вами не поспѣю, но все-таки я чувствую, что все это только разговоры. Свадьбѣ нашей не бывать. А главная тому причина, что я васъ свяжу, во всемъ свяжу. А я этого не хочу. Лучше я буду страдать съ своимъ ребенкомъ, лишь бы не видѣть, что вы со мной страдаете.

— За себя ты говорить можешь, а за ребенка не имѣешь права. Ты не можешь такъ же, какъ и я, осуждать его на вѣчное страданіе. Поэтому тебѣ я скажу то же, что и мнѣ говорили добрые люди: ты не только можешь, но и должна выйти за меня.

— И ваша мать, и всѣ будутъ потомъ говорить, что я заставила васъ жениться, а въ лучшемъ случаѣ будутъ меня упрекать въ томъ, что я съ вами сошлась изъ-за личныхъ выгодъ, имѣя въ виду выйти за васъ замужъ.

— Ну, послушай сама себя, что ты говоришь. Я тебѣ говорю про наши обязанности къ будущему ребенку, а ты хочешь его сдѣлать несчастнымъ изъ-за того, чтобы не подозрѣвали тебя въ дурныхъ чувствахъ, которыхъ у тебя не было. Вѣдь это Богъ знаетъ, что за нелѣпость!

Много они еще говорили на эту тему, и Новодубскому такъ и не удалось ее уговорить. Вечеромъ онъ пригласилъ доктора Шейна.

— Здравствуйте, Настасья Петровна!—сказалъ онъ, входя:— Что это вы вздумали на меня, что я надъ вами смѣюсь...

— А онъ вамъ уже сказалъ?

— Сказалъ, сказалъ. Ну, скажите, голубушка, похожъ ли я на человѣка, который надъ вами могъ смѣяться? Скажите по правдѣ.

Настя взглянула въ доброе лицо доктора, и, увидавъ его улыбающіеся глаза, сама улыбнулась.

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ, что вы не смѣялись.

— Не только не смѣялся, называя васъ женой Григорія Аполлоновича, но и твердо убѣжденъ, что вы и теперь его жена.

— Какъ такъ?

— А развѣ вы съ нимъ какъ братъ съ сестрой живете? Для меня, развѣ вы съ нимъ живете безъ намѣренія завтра разойтись, вы уже мужъ и жена. А теперь вамъ предстоитъ только маленькая формальность, чтобы у вашего ребенка была хорошая бумажка. Безъ бумажки человекъ жить въ Россіи не можетъ. И вотъ, чтобы его бумажка была хороша — извольте съ нимъ покружиться.

Такия понятія о бракѣ Настя слышала въ первый разъ. Она не могла повѣрить доктору.

— Вы опять надо мною смѣтаетесь, — сказала она.

Долго опять пришлось ее уговаривать, что никто надъ нею не смѣется. Но она такъ и не соглашалась весь вечеръ съ нимъ. То она какъ будто не вѣрила въ серьезность предложенія, то убѣжденіямъ Новодубскаго, что и онъ и она обязаны пожениться ради блага будущаго ребенка, противопоставляла, что не хочетъ его связать и сдѣлать на всю жизнь несчастнымъ.

— Ну, подумайте, докторъ: можетъ ли онъ на мнѣ жениться? Посмотрите мои руки. Сколько разъ онъ меня попрекалъ красными руками...

— Не попрекалъ я...

— Пустяки все это... Успѣете сдѣлаться бѣлоручкой. Гордиться надо рабочими руками, а не стыдиться ихъ...

Этого тоже она не поняла.

Цѣлый вечеръ бились они и ничего не добились. Не добился Новодубскій ничего и въ слѣдующіе дни. Онъ сталъ бояться, что встрѣтитъ съ ея стороны окончательное сопротивленіе. Она отвѣчала все одно, что она ему не ровня, и что она за ни за что не согласится.

Онъ сталъ требовать отъ нея согласія, говоря, что она не вправѣ это дѣлать, и чуть не угрожая разрывомъ. Дѣло дошло до обильныхъ слезъ Настя. Наконецъ, рѣшили такъ: выписать Анисью Петровну, изложить ей все дѣло и предоставить ей рѣшить. Такъ и сдѣлали.

Сначала сестра, ознакомившись съ новымъ положеніемъ Настя, была за нее и даже похвалила, что она такъ твердо стоитъ на своемъ.

Но, выслушавъ Новодубскаго, она на слѣдующій же день сказала Настѣ, что видно такъ Богу угодно, и совѣтовала дать согласіе. Настя согласилась, и съ этой минуты стала страшно конфузиться Новодубскаго. Она могла быть неровней въ качествѣ любовницы, но женой хотѣла быть равной ему или, по крайней мѣрѣ, не заставляя его краснѣть за недостатки ея воспитанія. Пополнить этотъ недостатокъ стало цѣлью ея жизни. Этимъ она рѣшилась отплатить Новодубскому за его любовь, сглаживая по возможности всѣ шероховатости, которыя, она чувствовала, могли его коробить какъ въ ея наружности, такъ и въ познаніяхъ.

Новодубскій, какъ только дѣло было окончательно рѣшено, написалъ длинное письмо матери. Онъ вылилъ въ немъ еще разъ всю свою душу, объяснялъ, почему онъ на этотъ бракъ рѣшился: онъ счелъ, что это его долгъ, и въ концѣ умолялъ примириться съ его поступкомъ въ виду чистоты его побужденій.

Отправивъ письмо заказнымъ, онъ сталъ ждать отвѣта. Черезъ двѣ недѣли онъ понялъ, что мать ему не хочетъ отвѣчать. Онъ написалъ вторично, и вторично прямого отвѣта не получилъ. Только пришло письмо отъ сестры. Она писала, что слышала о томъ, что онъ скоро женится, — очевидно, мать ей писала, — подумалъ онъ, — и что желаетъ ему счастья, котораго онъ заслуживаетъ.

„Одно плохо, — писала она, — это то, что никакъ нельзя помирить съ этой мыслью мамѣ. Она твердитъ одно: „у меня одинъ сынъ!“ Да, передѣлать старыхъ людей трудно. Одна надежда — на время. Можетъ быть, она и свыенется съ мыслью о твоей женитьбѣ. Я все, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю съ своей стороны, чтобы достигнуть этого результата.

„Можешь себѣ представить, — Дѣла за особія заслуги произведенъ въ полковники! Такого молодого полковника и старики не запомнятъ“...

Письмо сестры отняло у Новодубскаго послѣднюю надежду на согласіе матери на его бракъ. Только въ отдаленномъ будущемъ онъ могъ надѣяться на примиреніе, и потому наканунѣ свадьбы написалъ ей послѣднее письмо, въ которомъ изливалъ предъ нею свою душу.

„Вѣрю, — заключилъ онъ, — что придетъ лучшее время, и что ты простишь мой невольный грѣхъ по отношенію къ тебѣ...“

АЛЕКСАНДРЪ НОВИКОВЪ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ АМУРСКАГО КРАЯ

1854—1904 гг. ¹⁾

I.

Завоеваніе Амурскаго края.

Московское государство находилось еще въ первобытномъ состояніи: требовалась потому организація государственныхъ и общественныхъ формъ, обеспечивающихъ народу правильную и стройную жизнь и дающихъ возможность воспользоваться разумно естественными богатствами страны; нужно было развить промышленность и выйти изъ мрака невежества и дремучихъ лѣсовъ на культурную дорогу. Но татарщина успѣла уже глубоко проникнуть во всѣ слои населенія, до правителей включительно. И въ могущественномъ по внѣшности государствѣ чувствовалась давно тѣснота, неурядица, необеспеченность народной жизни. Масса терпѣливо несла тяжелый крестъ, а отдѣльныя личности не выдерживали, вступали въ оппозицію, въ столкновеніе съ существующими порядками, или просто отправлялись на розыски новыхъ мѣстъ, на вольную жизнь, съ расчетомъ сложить тамъ буйную голову или урвать на свою долю счастья въ чужихъ краяхъ.

¹⁾ Въ настоящемъ историческомъ очеркѣ рѣчь идетъ лишь объ Амурской и Приморской областяхъ, отошедшихъ къ Россіи по айгунскому и тьянцзинскому договорамъ 1858 и 1860 гг.

Вотъ такія буйныя головы и разбрелись тогда по всѣмъ направленіямъ въ восточныя и южныя страны. Партии такихъ удалцовъ проникли и за Уралъ, въ Сибирское царство. Удачный набѣгъ, захваченная богатая добыча дали возможность нарушителямъ закона примириться съ правительствомъ. И давно заготовленная веревочная петля на шею смѣлому авантюристу была замѣнена собольей шубой съ царскаго плеча. Слишкомъ заманчиво было получить обширный край, гдѣ предстояла возможность собрать обильную жатву, не затративъ ничего на посѣвъ.

Такимъ образомъ, въ Московскому государству присоединилась Сибирь, на которую смотрѣли только съ ясной точки зрѣнія. Въ оплату же за полученные оттуда щедрые дары рѣшили послать туда все негодное, преступное, все, что было нетерпимо въ государствѣ. Отдаленность же края и трудность сообщеній установили здѣсь широкій произволъ воеводъ и приказныхъ.

Такъ двигалась Русь на востокъ, имѣя во главѣ удалую вольницу, а въ хвостѣ—приказную рать. Дойдя до озера Байкала, это движеніе свернуло на рѣку Лену и проникло до сѣверо-восточнаго побережья Тихаго океана. Казалось бы, можно успокоиться, но жажда новыхъ приключеній, еще большей славы и наживы не затихала. Невѣдомая страна по ту сторону водораздѣла манила неугомонныхъ. Прошелъ слухъ, что тамъ, на южномъ склонѣ—дивный край. Молочныя рѣки съ кисельными берегами, слитки золота, серебра и изобиліе земныхъ благъ щедро разсыпаны среди какихъ-то дикарей, какихъ-то полулюдей. Неужели всю эту благодать оставить въ распоряженіи язычниковъ? И начали снаряжаться экспедиціи для развѣдки края, лежащаго по ту сторону Станового хребта.

Одна изъ такихъ экспедицій, подъ начальствомъ Василія Пояркова, въ составѣ 130 человекъ, поднялась въ 1644 году по рѣкѣ Амуру, перевалила Становой хребетъ и очутилась у истоковъ Амурскаго бассейна. Спустившись по рѣкамъ Брянтѣ и Зеѣ до Амура, экспедиція поплыла внизъ по этой рѣкѣ и добралась до моря. Въ это время манчжуры воцарились въ Китаѣ, согнавъ съ пекинскаго престола минскую династію. Амурскій край входилъ тогда въ составъ Манчжуріи и, слѣдовательно, принадлежалъ Китаю. Но китайскій богдыханъ столько же зналъ про Амуръ, сколько и Московское государство о своихъ отдаленныхъ колоніяхъ. Экспедиція Василія Пояркова была не правительственнымъ, а частнымъ предпріятіемъ авантюриста.

Иностранцы, жившіе по Амуру, были поражены появленіемъ

русскихъ и встрѣтили ихъ недружелюбно. Сразу они поняли, что здѣсь идетъ посягательство на ихъ свободу, на ихъ земли, на ихъ достояніе. Благодаря огнестрѣльному оружію у русскихъ, инородцы не могли дать отпора Пояркову, и отрядъ побѣдносно произвелъ развѣдку. Неожиданное открытіе новаго края, привольная жизнь туземцевъ, величественная рыбная рѣка,—все это привело въ восхищеніе Поярковскую вольницу. Но громадные затрудненія путешествія, стычки съ инородцами, всевозможныя лишенія въ дикомъ, почти ненаселенномъ краѣ заставили Пояркова ограничиться лишь развѣдкой, и къ концу 1645 года онъ направился обратно въ Якутскъ съ награбленной добычей. Разказы про удачный набѣгъ на Амуръ произвели большое впечатлѣніе въ Якутскѣ. Беззащитность живущихъ тамъ народовъ соблазнила многихъ отправиться туда за легкой добычей и безнаказанно воспользоваться ихъ достояніемъ. Явилась мысль даже совсѣмъ завладѣть краемъ и преподнести его какъ даръ московскому царю.

И вотъ въ 1649 году Ерофей Хабаровъ, снарядивъ отрядъ вольницы въ 70 человекъ, отправился на Амуръ, но уже другой дорогой. Онъ поднялся по рѣкѣ Олекмѣ до водораздѣла и спустился къ Амуру долиной р. Урка, гдѣ сразу и столкнулся съ жившимъ здѣсь народомъ. Предвидя сильное сопротивленіе со стороны туземцевъ, онъ не рѣшился идти дальше съ такимъ малочисленнымъ отрядомъ. А потому, перезимовавъ въ верховьяхъ, вернулся въ Якутскъ, чтобы взять подкрѣпленіе людьми и боевыми припасами. На слѣдующій годъ онъ отправился снова и вышелъ, въ 1651 году, къ Амуру въ верхнемъ его теченіи, у нынѣшняго города Албазина. Это была уже не развѣдка, а настоящій походъ съ завоевательными цѣлями. Произошла битва, туземцы были разбиты и прогнаны съ своихъ мѣстъ. На первомъ завоеванномъ мѣстѣ и рѣшено было построить русской острогъ Албазинъ.

Укрѣпившись здѣсь и запасшись провіантомъ, Хабаровъ оставилъ въ острогѣ небольшой гарнизонъ, а самъ двинулся на плотахъ внизъ по Амуру. О своемъ побѣдоносномъ шествіи послалъ онъ сообщеніе якутскимъ властямъ, прося подкрѣпленія для дальнѣйшаго похода. Когда эти вѣсти достигли до Якутска, тамъ всѣ всполошились. Цѣлыя толпы въ видѣ партій и отрядовъ потянулись на Амуръ, на новыя земли, торопясь пораньше захватить мѣстныя богатства, размѣръ которыхъ молва раздула до баснословности. Тутъ ужъ пришлось якутскому воеводѣ о подвигахъ Хабарова довести до свѣдѣнія Москвы. Москва рѣ-

шила принять новый даръ благосклонно и послала на Амуръ войска на помощь Хабарову.

Пока добрались эти войска до Амура, Хабаровъ успѣлъ уже покорить нѣсколько городковъ, обложить жителей данью и спустился по Амуру до устья р. Сунгари. Начальникъ московскихъ войскъ, Зиновьевъ, сразу сталъ во враждебныя отношенія къ отряду Хабарова. Хабаровъ и его казаки не влюбились Зиновьева. До его прихода они были здѣсь полными, безконтрольными хозяевами, широко эксплуатируя туземцевъ. Зиновьевъ же вздумалъ заводить порядки, устраивать остроги, заставляя работать казаковъ, запрещалъ грабежи и насилия надъ инородцами. Считая Хабарова организаторомъ и защитникомъ царившаго тамъ произвола, Зиновьевъ рѣшилъ убрать этого завоевателя и представить его на судъ въ Москву. Разобравшись немного въ дѣлахъ и намѣтивъ необходимыя задачи въ приобрѣтенномъ краѣ, Зиновьевъ оставилъ отрядъ подъ начальствомъ Степанова, на котораго возложилъ всю заботу объ устройствѣ русскихъ поселеній, разработкѣ земель для хлѣбопашества и снабженіи продовольствіемъ какъ войска, такъ и прибывшихъ туда русскихъ колонистовъ,—а самъ, захвативъ Хабарова, уѣхалъ въ Москву. Хабаровъ, вмѣсто наказанія, получилъ въ Москвѣ награду, боярское званіе, хотя на Амуръ не вернулся.

Степанову не удалось выполнить возложенныхъ на него задачъ. Слишкомъ публика собралась разнузданная. Работать никто не хотѣлъ, а запрещеніе легкой наживы, насилия и грабежа надъ инородцами пионеры Амура считали реформой для себя стѣснительной, такъ какъ въ этомъ случаѣ Амуръ терилъ для нихъ всю свою привлекательность; а потому общее недовольство произошло и въ войска. Начались разлады, нарушенія дисциплины и даже сопротивленія распоряженіямъ Степанова. Тѣмъ же временемъ о подвигахъ русскихъ и притѣсненіяхъ туземцевъ дошли вѣсти до Пекина. Не успѣли оглядѣться, какъ подошли манчжурскія войска, и начались кровавыя схватки. Пришлось русскимъ уступить силѣ и уходить съ захваченныхъ мѣстъ. Степанову подкрѣплений не посылали, а манчжурская армія все увеличивалась и увеличивалась и тѣснила небольшой русскій отрядъ. Кончилась вся эта затѣя въ 1658 году печально. Степановъ былъ окруженъ войсками, разбитъ на голову, и самъ погибъ въ этомъ бою. Остатки разбитаго отряда кое-какъ добрались до Якутска, и Амуръ былъ покинутъ русскими. На этомъ, думали, и закончится попытка русскихъ захватить Амуръ. Прошло восемь лѣтъ, и про Амуръ почти забыли. Но въ 1666 году нѣкій аван-

тюристъ Черниковскій съ „товарищами“ появился на Амурѣ у города Албазина, захватилъ его, обложилъ жителей данью и въ теченіе шести лѣтъ распоряжался въ этомъ районѣ вполне самостоятельно. Черниковскій, родомъ полякъ, убилъ воеводу Обухова въ Илимскѣ и бѣжалъ на Амуръ со своей шайкой. Жалобы населенія снова дошли до Пекина, а Пекинъ сообщилъ о разбойническихъ продѣлкахъ Черниковскаго Мосевѣ. Но посланный Черниковскимъ богатый ясаъ умилилъ начальство, и онъ былъ оправданъ, хотя для разбора дѣла послали на мѣсто дѣйствія нѣкоего Осолокова. Осолоковъ сразу сошелся съ Черниковскимъ, и они совмѣстно занялись „устройствомъ дѣла“ на Амурѣ. Покоренные туземцы волкомъ взвыли отъ этого „устройства“ и обратились за защитой въ Пекинъ.

При тогдашнихъ способахъ сношеній пришлось употребить много времени на переговоры, но такъ какъ Китай не добился удовлетворенія изъ Москвы, то въ 1685 году снова явились манчжурскія войска. Албазинъ былъ взятъ, несмотря на геройскую его защиту, а уцѣлѣвшіе остатки гарнизона ушли въ Забайкалье. Но лишиться Амура Россія не желала и послала черезъ годъ тобольскаго воеводу Толбузина съ войскомъ, отобрать обратно у китайцевъ Албазинъ. Албазинъ былъ осажденъ русскими войсками. Осада длилась около года, и китайцы должны были капитулировать. Начались между Пекиномъ и Москвою переговоры. Хотя и жалъ было разстаться съ неожиданнымъ приобрѣтеніемъ, но Москва дорожила мирными отношеніями съ Китаемъ изъ-за хяктинской торговли. Чтò еще дастъ Амуръ, окупятся ли затраты людьми и деньгами на удержаніе Амура, — все это было проблематично, тогда какъ хяктинская торговля уже было точно опредѣленное и прибыльное дѣло. Къ тому же Петру I въ это время было не до Амура, и столкновение съ китайскими войсками было несвоевременно, а потому пошли на уступки.

По нерчинскому трактату 27 августа 1689 года весь Амуръ отъ рѣки Аргуни отошелъ обоими берегами къ Китаю до р. Уссури. На сѣверо-востокъ и по Уссури до моря границы остались невыясненными, такъ какъ ни русское, ни пекинское правитель-ства не имѣли точныхъ свѣдѣній объ этихъ границахъ.

Такъ закончился второй періодъ попытки русскихъ завладѣть Амуромъ.

Шли годы, годы знаменательные для Россіи. Россія не только округляла свои границы, но и внутренняя реформа шла. Не до Амура было; приходилось считаться съ культурными сосѣдями и отстаивать свои интересы отъ ихъ поползновеній. Но мысль

объ утраченномъ Амурѣ не заглохла совсѣмъ. Въмѣсто военнаго похода на востокъ, начался рядъ мирныхъ экспедицій для изслѣдованія края. Изслѣдованіе началось съ сѣверо-восточныхъ окраинъ, съ побережья Охотскаго и Японскаго морей. Въ теченіе всего XVIII вѣка предпринимались такія экспедиціи. И открытія Беринга, Палласа, Крашенинникова, Миллера и др., показали, что крайнимъ востокѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. А потому отыскать кратчайшій путь для Россіи къ берегамъ восточныхъ побережій являлось дѣломъ первостепенной важности.

Хотя долина р. Амура и не была изслѣдована, такъ какъ Поярковъ и Хабаровъ, по своему невѣжеству, не могли дать какихъ-либо свѣдѣній о направленіи и протяженіи этой рѣки, но все-таки существовало предположеніе, что р. Амуръ—и есть ближайшій и удобнѣйшій путь къ Охотскому морю. Наступили вровавые дни въ Европѣ,—приняла въ нихъ участіе и Россія. Отечественная война и походъ въ Парижъ со всѣми его послѣдствіями, отвлекли на продолжительное время вниманіе отъ Амура. Затѣмъ, особенно когда въ Забайкальѣ русская колонизація дошла до самаго входа въ желанный Амуръ, потребность въ заманчивой рѣкѣ стала ощущаться все сильнѣе и сильнѣе. Было рѣшено изслѣдовать Амуръ, и академикъ Миддендорфъ, пробравшійся черезъ Якутскую область на Амуръ, вышелъ въ 1845 году у его истоковъ. Тутъ только было установлено точное направленіе и южное протяженіе широкой и многоводной рѣки. Самое же главное выяснилось—это безлюдность береговъ Амура, покинутыхъ китайцами. Очевидно, набѣги русскихъ въ XVII вѣкѣ вынудили инородцевъ переселиться въ болѣе безопасныя мѣста въ сосѣдней Манчжуріи.

Предположеніе, что Китай, за отдаленностью и трудностью охранять эту окраину, мало дорожитъ ею, еще болѣе усилило стремленіе русскихъ завладѣть такимъ удобнымъ воднымъ путемъ и тѣмъ спрямить наши восточныя границы.

Среди правящихъ классовъ и государственныхъ дѣятелей образовалось два лагеря. Одни стояли за скорѣйшее присоединеніе Амура; другіе не раздѣляли этого взгляда, скептически относились къ этому предпріятію, полагая, что затраты на приобрѣтеніе и удержаніе далекой окраины не окупятся, а лягутъ тяжелымъ бременемъ на государство.

Назначеніе на постъ генераль-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева рѣшило амурскій вопросъ. Несмотря на цѣлый рядъ препятствій со стороны своихъ противниковъ среди высшей администраціи и нежеланіе самого императора Ни-

когда I вызывать осложненія съ Китаемъ изъ-за Амура, Н. Н. Муравьевъ добился-таки своей цѣли. Когда же экспедиціи Невельскаго, Бошняка и другихъ на побережьи Охотскаго и Японскаго морей увѣнчались успѣхомъ, а равно занятіемъ устья Амура, тогда и императоръ Николай I уступилъ. Онъ разрѣшилъ Муравьеву *сплыть* по р. Амуру съ цѣлью доставить этимъ путемъ въ Николаевскъ и Камчатку продовольственные и боевые припасы, а равно и воинскія команды.

— Но чтобы и не пахло пороховымъ дымомъ!—сказалъ императоръ Муравьеву.

Н. Муравьевъ энергично принялся за дѣло. Весною 1854 года, съ караваномъ въ тридцать слишкомъ рѣчныхъ судовъ при одномъ небольшомъ пароходѣ, отправился онъ въ невѣдомый край, отдавшись на волю амурскимъ водамъ. Въ Пекинъ, соблюдая международную вѣжливость, написали, что по Амуру поплыла экспедиція съ цѣлью установить точныя границы съ Китаемъ, чѣмъ пополнить пробѣлъ въ нерчинскомъ трактатѣ 1689 года, а также съ цѣлью доставить продовольствіе русскимъ поселеніямъ на Камчаткѣ. Успѣхъ этого перваго сплава, особенно когда, благодаря доставленнымъ припасамъ и войскамъ, удалось отразить на Камчаткѣ непріятеля, высоко поднялъ шансы Н. Муравьева, и вопросъ о присоединеніи Амура считался окончательно рѣшеннымъ. Затѣмъ послѣдовали еще два сплава съ войсками и первыми поселенцами. Направились туда и ученые изслѣдователи для ознакомленія и изученія края. Начались подготовленія для колонизаціи его. Въ то же время велись и дипломатическіе переговоры съ всполошившимся Китаемъ, почувшившимъ, что Амуръ ускользаетъ изъ его рукъ. Овоичилась печальная и тягостная для Россіи война съ союзниками Турціи, началась новая эпоха въ жизни государства. Всѣхъ обуали свѣтлыя надежды на лучшее будущее. Россія жаждала мирнаго преуспѣванія и просвѣтленія, а потому какія-либо осложненія изъ-за Амура были нежелательны. Несмотря на то, что при занятіи Амура „не было пролито капли человѣческой крови“, всѣмъ было извѣстно, сколько жизней погибло, сколько лишеній и жертвъ принесено было на „мирное завоеваніе“ его. Каждому дальновидному человѣку ясно было, что еще большее количество жизненныхъ и матеріальныхъ силъ государства требуется на устройство и охраненіе этого „проблематическаго золотого дна“. Дѣло, такимъ образомъ, осложнялось. Но Н. Муравьевъ не довелъ до „кровопролитія“ и порохового запаха. Воспользовавшись стѣсненнымъ положеніемъ Китая, который въ

это время терзали англо-французскія войска, онъ добился успѣха путемъ мирныхъ переговоровъ.

Занятіе съ одной стороны союзными войсками Кантона, Тяньцзиня, наступленіе на Пекинъ, а съ другой стороны — возстаніе тайпинговъ, овладѣвшихъ уже Нанкиномъ — все это не располагало Китай къ военнымъ осложненіямъ на Амурѣ, и въ 1858 году въ г. Айгунѣ былъ подписанъ договоръ, по которому лѣвый берегъ Амура отъ р. Аргуни до устья Амура, а отъ р. Уссури оба берега до моря отходятъ къ Россіи, Уссурійскій же край пока остается въ общемъ владѣніи до выясненія границъ. Манчжурскія селенія на лѣвомъ берегу Амура отъ р. Зеи остаются на мѣстѣ, хотя и состоятъ въ подданствѣ у Китая, причеиъ по договору русскіе обязуются *ихъ не обижать и принадлежащихъ этимъ селеніямъ земель не отнимать*. А черезъ два года графомъ Игнатьевымъ былъ заключенъ дополнительный договоръ въ Тяньцзинѣ, по которому и Уссурійскій край до границъ Кореи переходитъ къ Россіи со всѣмъ побережемъ Японскаго моря. Съ этого времени и начались устройство и колонизація пріобрѣтеннаго края. Прошло пятьдесятъ лѣтъ непрерывныхъ заботъ, затрачены сотни милліоновъ рублей на колонизацію, военно-морскія нужды, пути сообщенія, телеграфъ, устройство портовъ военныхъ и коммерческихъ, поддержку торговаго мореплаванія, оборудованіе и расширеніе административной и судебной власти, а въ послѣднее десятилѣтіе и сооруженіе тихоокеанской эскадры.

Теперь постараемся подвести итоги и посмотримъ, каковы получились результаты полувѣкового эксперимента надъ легко пріобрѣтенной колоніей.

II.

Первые колонисты-казаки.

Ни одна русская колонія на азиатскомъ материкѣ не была въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ Амурскій край. По всей длинѣ прорѣзываетъ ее грандіозный водный путь. Сосѣди представляли собой мирное, невоинственное населеніе, занимающееся земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлей. Основывая селенія на Амурѣ, намъ не пришлось сгонять съ насиженныхъ и устроенныхъ мѣст туземцевъ, такъ какъ почти весь Амуръ былъ покинутъ, какъ я выше говорилъ, китайскими и манчжурскими народами ¹⁾. Слѣдовательно, не было повода для вражды и обоуд-

¹⁾ Бродячіе же инородцы, преимущественно звѣроловы, ушли вглубь тайги.

наго озлобленія. Съ первыхъ дней появленія русскихъ на Амурѣ установились у нихъ съ сосѣдними инородцами ¹⁾ дружжелюбныя отношенія. Къ этому надо прибавить, что край имѣлъ много мѣстъ, годныхъ для земледѣлія и скотоводства, рѣка изобиловала рыбой, а лѣса—разной дичью и пушнымъ звѣремъ.

Въ виду возбужденнаго интереса къ Амуру, съ первыхъ же дней сюда хлынула масса ученыхъ и образованныхъ людей съ цѣлью обследованія и изученія этого края. Уже со вторымъ сплавомъ Н. Муравьева отправилась туда и научная экспедиція. Императорское Географическое Общество и иркутскій отдѣлъ его командировали затѣмъ на Амуръ цѣлый рядъ изслѣдователей. Одновременно двинулись туда военно-топографическія, геологическія и горно-промышленныя партіи. Не одинъ десятокъ лицъ составилъ себѣ имя въ исторіи изученія и изслѣдованія Амурса. Въ первыя десять лѣтъ Амуръ былъ болѣе обследованъ, чѣмъ многія окраинныя губерніи Европейской Россіи.

Въ это же самое время съ неменьшимъ рвеніемъ морское вѣдомство принялось за устройство морского побережья, съ цѣлью создать военное и торговое могущество Россіи на Тихомъ океанѣ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, колонизація амурской пустыни и тихоокеанскаго побережья должна была бы пойти форсированнымъ маршемъ. Отсутствіе въ этихъ моряхъ въ то время солидныхъ соперниковъ давало возможность безъ особой помѣхи стать властелинами на востокѣ.

Хотя „прорубленныя окна“ въ Балтійское и Черное море не лишены своего историческаго значенія, но эти окна выходятъ на чужой дворъ съ крѣпко охраняющимися воротами. Восточное же побережье—это цѣлый фасадъ на широкій, безпредѣльный тихоокеанскій проспектъ. Все это тогда прекрасно понимали, но очевидно не хватило ни умѣнья, ни средствъ выполнить такую широкую задачу. Придавая громадное значеніе устью Амурса и основанному тамъ порту Николаевску, Н. Муравьевъ энергично требовалъ скорѣйшаго заселенія Амурса, какъ единственно удобнаго пути, по которому все необходимое для порта будетъ доставляться. Колонисты, по мнѣнію Н. Муравьева, должны получить всевозможныя льготы, пособія и широкую поддержку со стороны правительства для успѣшнаго развитія земледѣлія и промышленности. Только при такихъ условіяхъ, по мнѣнію Н. Муравьева, пріобрѣтенный край не станетъ обузой государству, самъ себя прокормитъ и даже избытокъ своего производства направитъ на чужіе рынки.

¹⁾ Жившими на правомъ, китайскомъ берегу р. Амурса.

Въ край неисчислимы богатства: помимо земледѣлія, развитія скотоводства, находится ископаемое достояніе, какъ-то: каменный уголь, нефть, желѣзо, золото. Пушной, лѣсной и рыболовный промыслы ждутъ только предпримчивыхъ людей. Муравьевъ предлагалъ даже допустить въ качествѣ колонистовъ и иностранныхъ подданныхъ. Особенно сочувственно онъ отнесся къ предложенію американцевъ проложить черезъ Сибирь рельсовый путь. Такой путь несомнѣнно принесъ бы пользу не только Сибири, но и приблизилъ бы къ Россіи Амурскій край, что облегчало бы и удешевило бы переселеніе изъ Европейской Россіи колонистовъ.

Но всѣ стремленія Муравьева не встрѣтили сочувствія въ Петербургѣ. Въмѣсто крупныхъ и рѣшительныхъ мѣръ предпочитали дѣйствовать полегоньку, съ осмотрительностью.

— Во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны система и послѣдовательность,—отвѣчали изъ Петербурга Н. Муравьеву на его пылкія и настойчивыя требованія.

„Система и послѣдовательность“ состояли въ томъ, что рѣшили переселить на Амуръ забайкальскихъ казаковъ, главнымъ образомъ съ р. Аргуни, а также отправить туда штрафованныхъ солдатъ изъ сибирскихъ гарнизоновъ. Все распущенное, завѣдомо негодное, деморализованное, съ чѣмъ не хватало силъ и умѣнья бороться, все это нашли самымъ подходящимъ элементомъ для заселенія Амурскаго края.

Такимъ путемъ надѣялись убить двухъ зайцевъ: — очистить сибирскіе гарнизоны отъ накопившихся тамъ отбросовъ и насадить по всему Амуру, за дешевую плату, казачьи селенія для выполнения казенныхъ повинностей. Гонять почту, возить курьеровъ, сплавать казенные грузы и воинскія команды, строить необходимыя зданія и охранять побережье Амура отъ возможныхъ столкновеній съ сосѣдними народами—вотъ главные задачи первыхъ колонистовъ, по мнѣнію петербургскихъ заправиль. Кто же болѣе удобенъ для этой роли, какъ не штрафованный солдатъ, на исправленіе котораго въ гарнизонахъ потеряна всякая надежда? Ему выбирать нечего, терять—и того меньше. Лишеніями его не удивишь, и самая тяжелая жизнь на новыхъ мѣстахъ должна казаться ему лучше дисциплинарныхъ экзекуцій въ гарнизонахъ. Переселять же крестьянъ изъ Европейской Россіи—дѣло трудное и ответственное, требующее большихъ соображеній и громадныхъ средствъ. Допустить иностранныхъ колонистовъ соглашались, но при условіи принять русское под-

данство, и, воишь подчиниться распоряженіямъ начальства въ выборѣ мѣстъ для заселенія. Разумѣется, такія условія не могли соблазнить иностранцевъ. Предложеніе же американцевъ относительно проведенія желѣзной дороги черезъ Сибирь рѣшительно отклонили, такъ какъ американцы, „своими нравами и поведеніемъ могли внести разладъ среди сибирскаго населенія“.

Такая „система и послѣдовательность“ одержали верхъ. Намѣтили въ кабинетахъ по картѣ пункты необходимыхъ поселеній, соображаясь лишь съ разстояніемъ между ними и близостью къ рѣкѣ, дали имъ названія въ честь и память лицъ, прикосновенныхъ къ занятію Амура, и поплыли по Амуру плоты и барки съ невольными колодниками. Приставалъ плотъ къ указанному пункту, выгружались люди, провіантъ, скотъ — и колонія готова. Живи, какъ знаешь, изворачивайся, какъ умѣешь! Никто не задумывался, что выбранное для поселенія мѣсто можетъ оказаться негоднымъ для жилья. Вдобавокъ казакамъ вздумали отдавать „сынковъ“. Такъ назывались гарнизонные солдаты, которыхъ по разнымъ причинамъ распредѣляли на время по станицамъ, и станичники должны были кормить ихъ. Тяжелая натуральная повинность по гоньбѣ почты, провозу курьеровъ и начальствующихъ лицъ зимой на лошадяхъ, а лѣтомъ по рѣкѣ — быстро обезсилила казаковъ. Своимъ хозяйствомъ некогда было заняться. Неаккуратная доставка провіанта, сѣмянъ для посѣва, отсутствіе во многихъ поселеніяхъ земли, годной для пашни или покоса, доводили колонистовъ до ужаснаго состоянія.

Но лучше всего видны результаты такой системы заселенія изъ словъ современниковъ. Послушаемъ, что сообщаетъ по этому вопросу путешественникъ С. Максимовъ въ своей книгѣ „На Востока“ о положеніи несчастныхъ казаковъ.

„...Настоящая бѣдность. Въ домахъ пусто, сиротливо, въ амбарушкѣ хоть шаромъ покати... на ребатахъ рваная одежда, да и взрослые въ лохмотьяхъ. Полей не видать.

— Перевели насъ на Амуръ, — говорили С. Максиму казаки, — поселили здѣсь. Приѣхало начальство, посмотрѣло на насъ, сказало: „живите съ Богомъ и будьте довольны“ — и поѣхало дальше.

— Хотѣли хлѣбушка сѣять, да негдѣ сѣмянъ взять, ни зернышка... Пришли наконецъ сѣмена, — говорили въ другомъ мѣстѣ Максиму, — всѣ перемѣшаны, перепутаны: сѣмъ ярицу, родится розь. Сѣмъ розь — смотримъ — выходитъ и ярица, и розь...“ (стр. 208).

Зачастую подвозъ сѣмянъ запаздывалъ, и изголодавшіеся люди сѣдали ихъ.

Или вотъ описаніе станицы Амазаръ.

„Прибрежная гора, — говоритъ Максимовъ, — отошла отъ рѣки не дальше ста сажень, оставивши низменность версты на двѣ въ длину, и затѣмъ сама встала крутой, бесплодной, скалистой стѣной, словно на-сторожѣ. Низменность песчана и мокра. Но мѣсто найдено удобнымъ для заселенія ¹⁾, и на берегу рѣки врытъ въ землю столбъ; къ нему прибита дощечка; на дощечкѣ написано крупнымъ и четкимъ почеркомъ: „Станица Амазарская“ (стр. 150).

И такихъ станицъ не одна, особенно въ среднемъ теченіи Амура по Малому Хингану.

„Въ этой станицѣ (Спасская), — говоритъ Максимовъ въ другомъ мѣстѣ, — жалобы на бездолье превращаются уже въ ропотъ. Оказывается все дурно: и земля вся песчаная—ни садить, ни сѣять; для пахоты мѣста вовсе нѣтъ; дуга хороши, но бочковаты; лѣсъ еще не вырубленъ. Мѣсто дѣйствительно безутѣшное. Въ нуждѣ своей казаки дошли, напр., до того, что ѣли дубовые жолуди... зимою лопотину (носильное платье) проѣли за буду (родъ проса) гольдамъ“ (стр. 236).

„— Коровы, — говорили казаки С. Максиму, — пали, такъ какъ всю дорогу на плотахъ стояли по волѣни въ водѣ и долгое время оставались безъ корму. Лошадей вымотали на почтовой и курьерской гоньбѣ, а „сынки“ совсѣмъ доканали“.

На вопросъ С. Максимова: развѣ „сынки“ не помогаютъ по хозяйству?—казаки отвѣчали такъ:

„— Все больше озорники. Рѣдко хорошій-то найдется. Въ работѣ онъ тебѣ не помогаетъ, топора въ руви взять не умѣетъ, да и бариномъ жить хочется... Никакой они намъ помощи не дѣлаютъ. Мы ужъ такъ имъ нерады, что хоть бы взяли ихъ отъ насъ—объими бы руками перекрестились“ (стр. 177—178).

Характеренъ также рассказъ гарнизоннаго писаря про „сынковъ“.

„— Житѣ здѣсь самое ненатуральное, потому какъ очень казаки здѣшніе во всякомъ провіантѣ сами нуждаются, и таперича безъ всякой причины ихъ мало того, что нарядами обвязываютъ—еще къ нимъ „сынковъ“ изъ нашихъ гарнизонныхъ ставятъ. Иному самому кормиться нечѣмъ, а тутъ другого еще корми“ (стр. 184).

Для лицъ, незнакомыхъ съ условіями сообщенія по Амуру, считаю нужнымъ рассказать объ этомъ. Зимой съ полгоря, а лѣ-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

томъ, когда день дорогъ, надо везти почту или начальство на лодей. Станокъ—версть тридцать. Вниз сплывешь скоро, а назадъ приходится идти бичевой. Вотъ день и пропалъ. А въ распутицу по горнымъ тропамъ, да черезъ болота приходится пробираться въючнымъ порядкомъ. Надо принять во вниманіе, что и начальство тогда было строгое и нетерпѣливое. Оно „пону- жало“ нагайкой казака, а казакъ хлесталъ хворостинной своихъ влячь, и только при такомъ совмѣстномъ усилии проѣздъ уско- рялся.

Да, печальная доля досталась амурскому казачеству! Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ, какъ сдѣлана была рововая ошибка, и до сихъ поръ казаки не оправились. И въ настоящее время самое обездоленное, самое бѣдное матеріально и духовно насе- ление на Амурѣ—это амурскіе казаки.

Многое измѣнилось на Амурѣ, развилось по рѣкѣ паро- ходство, установилось зимой правильное почтовое сообщеніе. Во многихъ мѣстахъ открылись золотыя росыпи. Потянулись по льду рѣчки обозы съ товарами, припасами. Все это взбудрило каза- ковъ. На пароходы они поставляли дрова, содержаніе почтовыхъ станцій при казенной субсидіи было отдано имъ. Доставка на прински людей и припасовъ, заработокъ отъ проходящихъ обо- зовъ, возможность по хорошей цѣнѣ сбывать на мѣстѣ хозяй- ственные припасы—все это скрашивало тоскливое житъе, давало возможность зашибить казаку лишнюю копѣйку. Но всѣ эти подспорья не сдѣлали казака домовитымъ и благоустроеннымъ хозяиномъ. И въ настоящее время каждая станица, каждый по- селокъ производитъ грустное впечатлѣніе. Въ домахъ и теперь неприглядно, неуютно, всюду сквозить нужда. Народъ пасмур- ный, непривѣтливый. На всемъ лежитъ отпечатокъ неудовлетво- ренности, нерадостной жизни. Сосѣдство принсковъ, случаи лег- кихъ заработковъ отъ прискателей и спиртоносовъ тоже наложили свою печать на казачье населеніе. Легкость нравовъ, пьянство дѣлаютъ жизнь въ станицахъ и поселкахъ ненормальной и не мало препятствуютъ повышенію благосостоянія казаковъ. Въ ду- ховно-нравственномъ отношеніи почти ничего не сдѣлано для казаковъ, если не считать нѣсколькихъ жалкихъ шеоль съ до- морощенными учителями, всецѣло зависящими отъ станичныхъ атамановъ.

Правда, среди казаковъ попадаются и богачи, но это мѣстные кулаки, станичные атаманы, крупные подрядчики, загребаящіе лабоные куски, на которыхъ обыкновенно и работаетъ за гроши вся остальная голь станицы. До сихъ поръ можно видѣть ка-

заковъ, одѣтыхъ во все звѣриное. Штаны лосиные, куртка или шубейка козья. На ногахъ „унты“ (тоже изъ козьей или оленьей шкуры), а на головѣ фуражка съ желтымъ околышкомъ, или форменная папаха. На Амурѣ и прозвали казаковъ „гуранами“¹⁾, „гуранымъ войскомъ“. Казакъ не чувствуетъ склонности улучшить свою обстановку; онъ какъ-то ко всему относится апатично. Достался хорошій заработокъ — онъ его пропьетъ, прогуляетъ, въ карты проиграетъ, а затѣмъ сидитъ до слѣдующаго заработка на кирпичномъ чай, на протухлой рыбѣ, если только успѣлъ запасться ею съ осени.

За свои 10 — 12 лѣтъ жизни на Амурѣ я достаточно присмотрѣлся къ казакамъ. Я засталъ еще многихъ стариковъ-пionеровъ амурской колонизаціи. До сихъ поръ становится жутко, вспоминая ихъ рассказы про пережитыя страданія. Расположеніе поселковъ и станицъ по опредѣленному начальствомъ ранжиру при первомъ же половодіи причинило бѣдствія казакамъ. По рассказамъ стариковъ, наводненіе въ 1872 году произвело чудовищное разрушеніе. Не только были смыты водою пашни, огороды, но бушующая пучина уносила скотъ, людей и даже дома казаковъ. Нѣкоторые поселки были уничтожены до основанія. Станица Черняево наполовину разрушена, и гор. Благовѣщенскъ весь затопленъ. По Амуру плыли дома, амбары, домашній скарбъ казаковъ, скотъ и трупы захваченныхъ водою врасплохъ жителей. Предупрежденій о приближающейся водяной лавинѣ не было никакихъ, помощи ждать было не отъ кого. Только-что окрѣпшіе-было немного казаки пришли въ полное разореніе, оставшись безъ крова, безъ пропитанія. И только послѣ этого наводненія нашли возможнымъ разрѣшить постройку поселковъ подальше отъ рѣки или на болѣе возвышенномъ мѣстѣ.

— Обидно было намъ, — говорили мнѣ старики. — Тутъ нужда, голодъ, всякое стѣсненіе. Кругомъ камень или болото — негдѣ бабѣ картошку посадить. А на той сторонѣ²⁾ — благодать и приволье... Нехристю косатому завидовали; и деревни-то его на хорошемъ мѣстѣ — кругомъ пашни, луга безпредѣльные.

— Выдавались времена, — по словамъ стариковъ, — что не будъ этого самаго нехристя, съ голоду подошли бы. Понемногу все съ себя сняли, мѣняли на буду, чумызу, которыми и питались. Иногда удавалось и рыбы добыть, да какъ ее безъ соли ѣсть. А соли-то и нѣтъ... не доставили.

¹⁾ Дикій козелъ называется „гуранъ“.

²⁾ Правнй берегъ Амура.

— Хорошій, смирный народъ эти манчжуры. Жили мы съ ними въ согласіи, по-сусѣдски. Сдружились до того, что на ихъ сторонѣ сѣно косили, скотъ для поправки туда переплавляли. Ну, и имъ тоже льготы давали. Не препятствовали у насъ лѣсъ рубить, соболя промыслять. Когда это золотишко проявилось, много нашихъ по ихъ „включкамъ“ шаталось... Загремѣла-это Желтуга, сколько народу набилось. И наши казаки не дремали—пошли за „фартомъ“¹⁾. вмѣстѣ съ китайцами и „шурфовали“²⁾. Кое-кто и деньгу запасъ, а больше прахомъ пошло. Чтѣ днемъ добудеть, ночью пропеть, прогуляеть. Да, шумѣли тогда на Амурѣ, но не надолго. Наѣхало начальство и положило конецъ всему. Наши-то легко отдѣлались—отвѣдали досыта ловняку китайскаго, а бѣднымъ востатымъ вовсе плохо пришло: всѣмъ головы долой снесли.

Такъ рассказывали мнѣ казаки про прежніе годы.

— Нынче можно сказать—благодать супротивъ прежняго,—слышалъ не разъ я отъ казаковъ.—Жить можно... да вотъ порядки нынче развелись. Богатѣи одолѣли, все забрали себѣ. Вонъ на пароходѣ дрова по 3—4 рубля сажень законтрактывалъ нашъ атаманъ. А мы ему обязаны нарубить въ лѣсу и на берегъ сложить за два рубля, а то и рупь восемь гривенъ. Да еще половину дать товаромъ, хлѣбомъ, чаемъ, табаккомъ. А цѣну на товаръ самъ владеть.

— Но отчего же вы сами,—спрашиваю я,—не берете такіе подряды? Сговорились бы, составили артель.

— Не подходитъ намъ... И атаманъ—сила, и согласія между нами нѣтъ. Да и довѣрія намъ не даютъ. „Задатки-то, молъ, возьмете, а дровъ не поставите—возись съ вами потомъ!“—говорятъ намъ пароходчики. Къ тому же и командиру или управляющему способнѣи дѣйствовать съ богатѣемъ... Ну, и маешься!

Такъ и влечить до сихъ поръ сѣрую, неприглядную жизнь этотъ анахронизмъ XX-го вѣка, полу-войнѣ, полу-земледѣлецъ—амурское казачество.

III.

Заселеніе Амура крестьянами.

Слава про Амуръ росла и росла въ Европейской Россіи, и народъ мечталъ о немъ, какъ объ обѣтованной странѣ. Хотя и

¹⁾ Фартъ—счастье, удача.

²⁾ Шурфъ—яма, при помощи которой добиваются до золотого пласта.

было рѣшено переселить часть государственныхъ крестьянъ на Амуръ, во, опасаясь сильнаго возбужденія, приказано было готовить переселенцевъ, не „оглашая объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія“. Ассигновано было вначалѣ около 150 тысячъ руб. на переселеніе въ годъ, и надѣялись на эту сумму доставлять изъ Европейской Россіи 500 семей. Селиться эти семьи должны были тоже на указанныхъ начальствомъ мѣстахъ;—земель, отведенныхъ казакамъ, не занимать. А такъ какъ въ то время много надеждъ возлагали на Николаевскъ и не скупились на затраты на него, то и рѣшили начать заселеніе Амурскаго края крестьянами съ низовьевъ, т.-е. отъ р. Уссури до устья Амурскаго моря.

Выборъ мѣста для поселеній порученъ былъ чиновникамъ, незнакомымъ съ мѣстными условіями. Вся забота у нихъ была, чтобы разстояніе между поселеніями было по возможности одинаково. Наставили столбы съ надписями—наименованіе деревни, и послали военныхъ чиновъ строить дома для будущихъ поселенцевъ. Въ 1859 году изъ Европейской Россіи отправилась на Амуръ первая партія переселенцевъ въ 250 семей, которыхъ водворили на столь низкихъ мѣстахъ, что черезъ три года они были въ конецъ разорены, и имъ разрѣшили затѣмъ перейти на другое мѣсто, по р. Уссури. Другая партія переселенцевъ, тоже въ количествѣ 250 семей, добралась только до г. Омска. Здѣсь она была задержана въ виду полученія свѣдѣній, что въ этомъ году нѣтъ болѣе средствъ на доставку этой партіи на Амуръ. Положеніе партіи было критическое. Но мѣстное начальство не растерялось и направило переселенцевъ вмѣсто Амурскаго моря въ Семипалатинскъ, для обращенія ихъ въ казаки и расселенія по р. Иртышу.

Вотъ какъ пишетъ М. Венюковъ объ этомъ эпизодѣ: „Я живо помню негодованіе и отчаяніе этихъ бѣдныхъ людей, изъ которыхъ иные были откупившіеся на волю крѣпостные, которые шли на Амуръ, какъ въ обѣтованную землю свободы отъ помѣщичьяго ига, и въ Семипалатинскѣ не могли допроситься не только дозволенія продолжать путь въ желанную страну, но даже вернуться на родину, потому что мѣстная администрація угрозою военной расправы и содержаніемъ нѣсколькихъ переселенцевъ въ тюрьмѣ успѣла вынудить отъ нихъ *актъ о добровольномъ желаніи водвориться на приволжскихъ степяхъ*“. (М. Венюковъ, „Россія и Востокъ“. 1877 г., стр. 79—80).

Оказалось, что расходовать по переселенію хорошо не рассчитали, и ассигнованныхъ денегъ не хватило. Къ тому же комитетъ по переселенію въ Петербургѣ не всегда былъ освѣдомленъ

о томъ, что мѣстная власть дѣлаетъ. Пока въ Россіи формировалась вторая партія, въ Сибири рѣшили часть назначенныхъ для Камчатки переселенцевъ направить на Амуръ. Вотъ и получился такой неожиданный сюрпризъ для второй партіи амурцевъ, уже добравшихся до Омска. Исправить ошибку можно было лишь дополнительнымъ ассигнованіемъ на переселеніе суммъ. Но это вызвало бы канцелярскія осложненія и освѣтило бы неурядицу. Зачѣмъ подымать сутолоку, когда однимъ почеркомъ пера улаживалось канцелярское замѣшательство. А развитыя надежды 250 семей?—Объ этомъ меньше всего думаетъ чиновникъ.

Такъ начался первый періодъ колонизаціи Амура казенными крестьянами. Нужно ли передавать со словъ современниковъ, что это было за переселеніе? Два года почти ужаснаго, полнаго лишеній пути, почти трехтысячеверстное плаваніе на плотяхъ по Амуру, гдѣ о горячей пищѣ не могло быть и разговора; жестокія заболѣванія, смертность, особенно дѣтей, отсутствіе врачебно-санитарной помощи, халатное, если не сказать больше, отношеніе администраціи къ нуждамъ переселенцевъ—все это перенесъ, претерпѣлъ стойчески крестьянинъ: онъ вѣрилъ, что впереди ждетъ его награда за всѣ лишенія—обтраванная земля. И вотъ, измученнаго, изголодавашагося, изнуреннаго долгимъ путешествіемъ и болѣзнями переселенца привезли на мѣсто.

Гдѣ же сказочныя пашни, гдѣ привольные луга?.. Приготовленными жилища, построенными солдатами, оказались негодными: даже пазы въ стѣнахъ не задѣланы, крыши выброшены кое-какъ, а нѣкоторые и вовсе оказались раскрытыми. Кругомъ такъ неприглядно, такъ тоскливо. Крѣпко задумались мужицкія головы, потянулись руки къ затылку, но... назадъ возврата нѣтъ. Бѣжать съ приготовленныхъ мѣстъ въ тайгу, какъ бѣгали тогда солдаты, крестьянину нельзя. Значить, надо устраниваться—и конецъ!

Правда, не стояло уходить съ родныхъ земель, но кто же звалъ? Не въ моготу стало на родняѣ, захотѣлось вольной-вольюшки, простору, обуялъ соблазнъ стряхнуть съ себя рекрутчину, подати, оброкъ—вотъ и получилъ желанный Амуръ съ его привольемъ! Никакъ не могли взять въ толкъ мужички, зачѣмъ ихъ везли такую даль и на такія гибельныя мѣста. Сколько по дорогѣ имъ попадалось привольныхъ и богатыхъ мѣстъ! Какъ они упрашивали начальство оставить ихъ тамъ, но ихъ гнали дальше и дальше. Зачѣмъ? Про то вѣдаетъ начальство!

Тогда никому еще въ голову не приходило, что затѣя на

устѣя Амура скоро прахомъ пойдетъ, что создать портъ въ Николаевскѣ—чистая иллюзія, а потому и попытка обратитъ пятисотверстную, суровую по климату и негодную для заселенія пустыню въ земледѣльческую колонію оказалась совершенно безплодной. До сихъ поръ стоятъ эти рахитическія деревни съ землепашцами безъ земли. Засыпаютъ ихъ на полгода сугробами снѣга. Кирпичный чай да кѣта¹⁾, плохо засоленная—вся ихъ ѣда. Цынга и проказа основали здѣсь свои очаги.

„Водвореніе государственныхъ крестьянъ великороссійскихъ губерній на этихъ амурскихъ побережьяхъ, по нашему крайнему разумѣнію, произведено безразсчетно, неудачно и, къ тому же, несчастливо. Не приняты въ разсчетъ и соображеніе опыты старыхъ годовъ, не выполнены самыя главныя требованія всѣхъ подобнаго рода предпріятій“.

Такъ пишетъ С. Максимовъ („На Востокъ“, стр. 307), ознакомившійся на мѣстѣ съ положеніемъ переселенныхъ въ низовья Амура крестьянъ. Сошли со сцены люди, мечтавшіе создать изъ города Николаевска могущественный портъ и оплотъ Россіи на Востокѣ, а ихъ преемники, встрѣтивъ препятствія къ осуществленію этихъ мечтаній, принялись за поиски болѣе удобныхъ пунктовъ. Вопросъ, гдѣ быть тихоокеанскому порту, требовалъ неотложнаго и быстрого разрѣшенія. Предположеній и проектовъ было нѣсколько. Каждый вновь намѣченный пунктъ имѣлъ своихъ защитниковъ, но всѣ единогласно признавали полную непригодность Николаевска, какъ военно-морского порта. Даже заливъ де-Кастри предпочитали устью Амура. Открытое, хотя суровое тамъ море, возможность соединить каналомъ или желѣзной дорогой этотъ портъ съ Амуромъ (40 верстъ), сократить плаванье по Амуру на пятьсотъ верстъ—все это давало предпочтеніе заливу де-Кастри передъ Николаевскомъ. Тянь-цзинскій трактатъ 1860 года предоставилъ Россіи Уссурійскій край съ его побережьемъ Японскаго моря, и взоры многихъ устремились туда. Болѣе теплый климатъ, роскошная природа этого края, годнаго для заселенія, прекрасныя бухты одержали верхъ.

Неудачный выборъ Николаевска и поспѣшность произведенныхъ затратъ на оборудованіе тамъ порта, а также бесплодность принесенныхъ жертвъ на колонизацію Амура, сразу стали всѣмъ очевидны. Махнули рукой на устье Амура, и центръ тяжести перенесенъ былъ на оконечность Муравьево-Амурскаго полуострова, омываемаго съ востока Амурскимъ, а съ запада Уссу-

¹⁾ Рыба изъ семейства лососевыхъ.

рійскимъ заливами. Южный берегъ этого полуострова имѣетъ глубокую и просторную бухту, по формѣ своей походящую на рогъ. Бухта эта идетъ сначала съ юга на сѣверъ, версты на двѣ, а затѣмъ круто поворачиваетъ и тянется на востокъ протяженіемъ до пяти верстъ. Высокіе, обрывистые берега защищаютъ ее со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра. Бухту эту назвали „Золотой-Рогъ“, и на сѣверномъ склонѣ ея береговъ zaloжили городъ и портъ Владивостокъ. Къ этому времени весь Амурскій край въ административномъ отношеніи раздѣлялся на двѣ области. Отъ устья рѣки Шилки, вдоль рѣки Амура, до станціи Луговой, сто верстъ выше Хабаровска, — Амурская область, съ единственнымъ городомъ и доселѣ, Благовѣщенскомъ; а отъ станціи Луговой до устья Амура и по Уссуріи, со всѣмъ побережьемъ Тихаго океана — Приморская область съ городами Николаевскомъ, Петропавловскомъ, Гижитой, Хабаровскомъ, Владивостокъ, а съ 1898 года и городомъ Никольскъ-Уссурійскомъ. Островъ Сахалинъ числился ранѣе въ Приморской области, а затѣмъ выдѣлился въ отдѣльное губернаторство.

Упразднить Николаевскъ совсѣмъ нельзя было. Какъ торговый портъ, черезъ который уже начался ввозъ разныхъ товаровъ на Амуръ, онъ имѣлъ преимущество передъ Владивостокъ, отрѣзаннымъ отъ Амура, благодаря отсутствію какихъ-либо дорогъ. Въ это время уже образовались русскія и иностранныя торговыя фирмы, завязавшія дѣла съ Амуромъ. Въ ближайшихъ рѣчныхъ долинахъ стала зарождаться золотопромышленность, а потому торгово-промышленный классъ не падалъ духомъ и считалъ, что Николаевскъ не погибнетъ до тѣхъ поръ, пока Владивостокъ не соединится съ Амуромъ рельсовымъ путемъ. Они вѣрили, что транзитъ черезъ Николаевскъ на Амуръ надолго будетъ обезпеченъ.

И дѣйствительно, они оказались правы.

Проведеніе, тридцать лѣтъ спустя, уссурійской желѣзной дороги не подорвало транзита черезъ Николаевскъ. До послѣдняго времени большую часть грузовъ предпочитали направлять на Николаевскъ, а оттуда по Амуру, чѣмъ выгружать во Владивостокъ и везти по желѣзной дорогѣ до Хабаровска на Амуръ. Предпочитають сдѣлать лишнія тысячи миль по морю и лишніехъ девятьсотъ верстъ вверхъ по Амуру, чѣмъ имѣть дѣло съ несправностями и непорядками уссурійской желѣзной дороги. Съ перенесеніемъ центра тяжести во Владивостокъ, какъ я сказалъ уже, низовье Амура и все сѣверное побережье отошли на задній планъ. Весь интересъ сосредоточился на Владивостокѣ и на

Уссурійскомъ краѣ. Предоставивъ злополучныхъ колонистовъ въ низовьяхъ Амура на ихъ собственное усмотрѣніе, тогдашніе заправила принялись за колонизацію Уссурійскаго края.

Въ теченіе почти двадцати лѣтъ, т.-е. до 1883 года, переселеніе крестьянъ въ Уссурійскій край совершалось тяжелымъ и долгимъ черезъ всю Сибирь путемъ. Какой-либо специальной организаціи по передвиженію и по водворенію колонистовъ на мѣстахъ поселеній не было. Продолжался тотъ же рутинный, формальный порядокъ, что и прежде. Все дѣло находилось въ рукахъ администраціи края, и горькіе опыты предыдущихъ годовъ ничему не научили руководителей. Печальныя ошибки повторялись неоднократно. Количество переселенцевъ за этотъ двадцатилѣтній періодъ было незначительно, прибывало, въ среднемъ, около тысячи душъ ежегодно. Въ это время Амуромъ интересовались мало. Переустройство внутренней жизни въ Европейской Россіи, рядъ реформъ, широко задуманныхъ, требовали много энергіи и средствъ для ихъ осуществленія. Матеріальное положеніе земледѣльца не улучшилось, но лишь видоизмѣнилось, и земельная тѣснота стала болѣе ощутительной. Нужда въ новыхъ земляхъ стала болѣе настоятельной. Но злѣключенія по переселенію на заманчивый Амуръ получили уже широкую извѣстность. Народъ охладѣлъ къ Амуру, тѣмъ болѣе, что въ это время были приобрѣтены Кавказъ и средне-азиатскія владѣнія, болѣе близкія и привлекательныя.

Одновременно съ заселеніемъ Уссурійскаго края, потихоньку устраивался и весь Амуръ. Помимо казаковъ, образовались селенія изъ крестьянъ, особенно въ за-зейскомъ районѣ, весьма пригодномъ для земледѣлія. Поиски золота увѣнчались успѣхомъ, и тайга зажила бойкой жизнью. Въмѣсто плотовъ и барокъ, вды Амура стали разсѣвать сначала казенные пароходы, а затѣмъ появились и частныя. Телеграфная проволока соединила далекій край съ Европейской Россіей, и вѣковая пустыня начала приобрѣтать нѣкоторые признаки если не культурнаго, то все-таки жилого мѣста. Помимо иностранцевъ-европейцевъ, появились и китайскіе купцы, завязались съ ними торговыя сношенія. За недостаткомъ русскихъ рабочихъ рукъ, пришла на выручку желтая раса изъ отдаленныхъ провинцій, и въ качествѣ разнаго рода рабочихъ, до полевыхъ включительно, дружно и мирно способствовала предпріятіямъ русскихъ.

Но, вотъ, наступилъ новый періодъ для Амурскаго края. Снова на него обратили вниманіе и рѣшили закончить дѣло, основанное Н. Муравьевымъ.

Для болѣе успѣшнаго проведенія необходимыхъ предпріятій и выполненія предначертанныхъ задачъ учреждена была высшая власть въ краѣ—приамурское генераль-губернаторство. Въ надеждѣ привлечь туда лучшія и энергичныя силы бюрократіи, установили особыя льготы по службѣ, пенсіи, усиленные прогоны и подъемныя пособія. Ассигновали крупныя суммы на устройство городовъ, созданіе порта и гавани во Владивостокѣ, проведеніе дорогъ, развитіе промышленности и т. п. Вопросъ о переселенцахъ получилъ также нѣкоторое измѣненіе. Рѣшено было, вмѣсто долгаго, многострадальнаго путешествія черезъ Сибирь, отправлять переселенцевъ черезъ Одессу, моремъ, на судахъ Добровольнаго флота во Владивостокъ; оттуда же они будутъ распредѣляться по мѣстамъ назначенія. И для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ учреждена специальная организація, на обязанности которой лежало: принять переселенцевъ съ морскихъ пароходовъ, заботиться во время пребыванія ихъ во Владивостокѣ, доставляя помѣщеніе, пищу и медицинскую помощь, отыскивать годныя для заселенія площади, разбивать ихъ на участки, снабжать переселенцевъ продовольствіемъ и необходимыми инвентаремъ при отправленіи на назначенныя мѣста, водворять ихъ на участкахъ и слѣдить за устройствомъ и жизнью новоселовъ.

Благодаря удачному подбору лицъ, ихъ добросовѣстному отношенію къ дѣлу, переселенцы немного вздохнули. Хотя бывали и тутъ иногда печальныя недоразумѣнія, но прежнія мрачныя явленія, жестокія и ненужныя страданія отошли въ область преданій.

За долгіе годы своей сибирской жизни много партій переселенцевъ прошло передъ моими глазами. Описать этотъ многострадальный путь—значитъ нарисовать тяжелую, мрачную картину, гдѣ не будетъ мѣста ни одному свѣтлomu штриху. Одновременно съ этимъ движеніемъ я видѣлъ движеніе людей отверженныхъ, людей преступныхъ, съ бритыми головами, съ закованными въ цѣпи ногами. Много разъ описывался этотъ путь, а потому онъ всѣмъ извѣстенъ. Когда я сравнивалъ эти два переселенія между собой, то приходилъ къ печальному выводу. Вольный переселенецъ могъ позавидовать невольному. Не только дорожныя условія, но и этапныя помѣщенія арестантовъ были лучше обставлены, чѣмъ путевыя мытарства и стоянки на переселенческихъ пунктахъ злополучныхъ колонистовъ. Какъ ни странно, но даже личность лишеннаго правъ отверженца была болѣе гарантирована и обезпечена отъ произвола мѣстной власти, чѣмъ личность вольнаго переселенца.

Въ Сибири на переселенца не только населеніе, но и мѣстная администрація смотрѣла, въ тѣ времена, какъ на какаго-то парія, съ которымъ церемониться особенно не слѣдуетъ. А между тѣмъ, этотъ парій, этотъ обесиленный, изголодавшійся, запуганный и робкій хлѣборобъ, съ преждевременно состарившейся женой, съ полуголодными, вѣчно больными ребятишками, съ нищенскимъ домашнимъ скарбомъ, уныло плелся годы на далекую окраину, гдѣ ему предстояла великая задача—превратить пустыню въ цвѣтущую житницу и содѣйствовать упроченію могущества государства на Востокаѣ.

Съ прибытіемъ на мѣсто и съ водвореніемъ на отведенномъ участіи кончаются дорожныя мытарства, но начинается не менѣе тяжелая борьба переселенца за существованіе. И если переселенцы до сихъ поръ не достигли благосостоянія, а въ большинствѣ случаевъ кое-какъ влачатъ свое существованіе, то въ этомъ виновать не недостатокъ удобной земли, климатъ или мѣстные условія, а общій бюрократическій строй и взглядъ мѣстной администраціи, которая полагаетъ, что съ водвореніемъ новосела на мѣсто, она освобождается отъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ о немъ. Такъ, очевидно, смотрѣло на дѣло правительство, не отпускавшее кредита на болѣе широкое развитіе колонизаціоннаго дѣла. А потому неудивительно, что, переселенные сюда крестьяне мѣстами и бѣдствуютъ, страдаютъ отъ наводненій, эпизоотій, отсутствія дорогъ, врачебной помощи, а о школьномъ дѣлѣ и говорить нечего. Нисколько не удивительно, что цѣлыя толпы новоселовъ, не справившись съ мѣстными затрудненіями, потянулись назадъ, на родныя мѣста.

Генераль-губернаторы Приамурья видѣли нужду земледѣльческаго населенія въ краѣ, но всѣ ихъ мѣропріятія и проекты къ повышенію благосостоянія населенія не могли имѣть успѣха, такъ какъ носили характеръ палліативовъ, а не коренного переустройства колоніи. Предлагали, напр., обратить всѣхъ крестьянъ въ казачье сословіе, несмотря на то, что цѣлый рядъ опытовъ доказалъ полную несостоятельность казаковъ въ земледѣльческой культурѣ, полную несовмѣстимость война съ земледѣльцемъ. На созданіе привилегированнаго земледѣльческаго класса тоже возлагали большія надежды. Раздать свободныя земли дворянамъ, чиновникамъ на широкихъ льготныхъ началахъ считали весьма желательнымъ. Такіе помѣщики, молъ, внесутъ въ сельское хозяйство высокую культуру, подадутъ примѣръ и указанія крестьянамъ, а самое главное—крестьяне получаютъ возможность имѣть посторонніе заработки. Но если наши коренные помѣщики и

землевладѣльцы показали полное свое безсиліе въ веденіи сельскаго хозяйства, то что могутъ дать новоявленные помѣщики изъ чиновнаго, бюрократическаго люда?

Законъ 8 іюня 1901 года о продажѣ въ частную собственность казенныхъ земель въ Приамурьѣ, не получившій, къ счастью, примѣненія до сего времени, сильно взбудоражилъ заинтересованныхъ. Всѣ учрежденія и начальствующія лица были завалены ходатайствами о полученіи земель. Весь служилый людъ только и говорилъ о будущемъ благосостояніи своемъ. Дѣлались вычисленія доходовъ, проецировались всевозможныя комбинаціи, но только не сельско-хозяйственныя... Полученный участокъ почти цѣликомъ предполагалось сдавать въ аренду крестьянамъ, корейцамъ или китайцамъ; затѣмъ, приобретенную землю можно заложить, и на полученную ссуду или построить домовъ въ городахъ, гдѣ они приносятъ до 25% дохода, или затѣять какое-либо другое предпріятіе, болѣе прибыльное, чѣмъ земледѣліе. Въ краѣ работаютъ два земельныхъ банка, выдающіе ссуды пока подъ городскія недвижимыя имущества. И представители этихъ банковъ осаждались будущими помѣщиками, наводившими справки, будутъ ли открыты операціи по выдачѣ земельныхъ ссудъ.

Вотъ какова несомнѣнно была бы роль новоиспеченныхъ землевладѣльцевъ, еслибы законъ 8 іюня 1901 года получилъ практическое примѣненіе. Правда, созданіе всеобщаго казачества и чиновнаго землевладѣльца не требуетъ затратъ со стороны государства, тогда какъ на коренное переустройство крестьянскаго хозяйства нужны крупныя суммы. И въ то время, когда идутъ милліонныя ассигнованія на устройство порта, крѣпостныхъ сооруженій, увеличеніе флота, субсидій частнымъ пароходствамъ и другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, включительно до устройства опереточнаго театра ¹⁾, — почему-то не рѣшались произвести затраты на неотложныя нужды земледѣльческаго класса.

Безспорно, — страна, заселенная, культурно благоустроенная, полная жизненныхъ силъ, имѣетъ меньше шансовъ подвергнуться нападенію сосѣдей, а въ случаѣ такового — болѣе способна на отраженіе, чѣмъ безлюдная, бездорожная пустыня съ рѣдкимъ населеніемъ, влачащимъ кое-какъ свое существованіе, хотя бы въ этой странѣ и были понастроены неприступныя крѣпости и многочисленный флотъ.

¹⁾ Нѣкто Ивановъ во Владивостокѣ въ 1898 году получилъ казенную субсидію въ 35 тис. рублей для основанія знаменитаго пригона „Тихій Океанъ“.

Съ 1900 года морской путь изъ Одессы для переселенцевъ былъ закрытъ, такъ какъ установилось прямое паровое сообщеніе черезъ Сибирь. Рельсовый путь до станціи Срѣтенской на рѣкѣ Шилкѣ, оттуда—по Шилкѣ и Амуру на баржахъ, буксируемыхъ пароходами до Хабаровска, гдѣ снова начинается уссурійская желѣзная дорога—вотъ новый путь для переселенца, сократившій путешествіе до 27—30 дней. Правда, товарные, безъ всякаго приспособленія вагоны и кое-какъ приспособленныя баржи все еще переселенца помѣщаютъ въ рубрику грузовъ, а не пассажировъ, но куда легче теперь по сравненію, не говоря уже о старомъ пути сибирскомъ, хотя бы съ морскимъ перѣздомъ. Кромѣ того, и организація переселенческаго дѣла далеко подвинулась впередъ. На пунктахъ переселенческихъ, врачебно-санитарныхъ, продовольственныхъ, можно смѣло сказать, сосредоточены лучшіе, болѣе добросовѣстные люди изъ чиновнаго міра. Подвинулось дѣло впередъ и съ партіями землеотводными, землеустроительными. Законъ же 1902 года, положившій въ основу переселенческаго дѣла ходячество, устранилъ спеціальныи подборъ переселенцевъ по усмотрѣнію администраціи.

Переселеніе раньше шло изъ губерній: черниговской, полтавской, отчасти кievской; небольшое количество было изъ другихъ черноземныхъ губерній. Въ за-зейскій районъ разрѣшили переселяться изъ тамбовской и саратовской губерній молоканамъ и духоборамъ. Съ 1902 же года, благодаря ходячеству на Амуръ, двинулись переселенцы изъ 45 различныхъ губерній Европейской Россіи. И надо полагать, что такимъ путемъ подберется болѣе устойчивая и жизнеспособная масса колонистовъ, чѣмъ пропущенная въ прежнее время черезъ бюрократическій фильтръ. Переселеніе приняло громадныя размѣры, захватило обширныя площади. Понадобилось разслѣдованіе вглубь страны, подготовленіе участковъ, болѣе отдаленныхъ отъ рѣкъ, отъ желѣзной дороги. Глухая, безлюдная тайга оказалась доступной для заселенія, но она требуетъ нѣкоторой обработки: проведенія дорогъ, расчистокъ, осушенія и т. п. На это, какъ я уже говорилъ, нужны деньги, но денегъ не даютъ, и уже давно начали раздаваться голоса, что на Амурѣ свободныхъ земель не стало, что пора искать новыхъ земель въ другомъ мѣстѣ.

А между тѣмъ изъ официальныхъ данныхъ, собранныхъ IV-мъ хабаровскимъ съѣздомъ въ августѣ 1903 года, выяснилось, что въ южно-уссурійскомъ районѣ земель, приготовленныхъ для заселенія, имѣется почти 600.000 десятинъ; кромѣ того, остаются совершенно нетронутыми культурой пригодныя для засе-

ленія земли въ сѣверо-уссурійскомъ районѣ и отъ Хабаровска внизъ по Амуру: въ долинахъ рѣкъ Кура, Биръ, Горюнь, Тунгузка и Амгунь. Особенно благоприятны условія для заселенія въ сѣверо-уссурійскомъ районѣ. Необходимо только проложить дороги, соединяющія поселенческіе участки съ проходящей вблизи желѣзной дорогой. И такихъ земель насчитывается нѣсколько милліоновъ десятинъ. Тутъ не приняты въ расчетъ побережные участки и площади, могущіе быть современемъ заселены послѣ выполненія на нихъ осушительныхъ, оросительныхъ и т. п. работъ.

Въ Амурской области, площадь въ 42 слишкомъ милліона десятинъ, занято было крестьянами къ 1903 году всего лишь около милліона десятинъ, на которыхъ поселено не болѣе 30.000 душъ обоюго пола. Подготовлено для заселенія еще полтора милліона десятинъ. Кромѣ того, изслѣдованъ районъ, возможный и желательный для заселенія, площадью свыше шести милліоновъ десятинъ, при условіи проведенія проселочныхъ дорогъ. Предполагавшееся проведеніе амурскаго рельсоваго пути еще болѣе увеличивало бы годную для заселенія площадь, удаленную отъ рѣки Амура. За отчисленіемъ казачьихъ надѣловъ, приисковыхъ районовъ, земель, отведенныхъ городу и разнымъ вѣдомствамъ, въ распоряженіи министерства земледѣлія остается свободной и неизслѣдованной земли въ Амурской области около 34 милліоновъ десятинъ.

Такимъ образомъ, рано было еще говорить, что на Амурѣ уже не хватаетъ земли и что надо искать ее въ другихъ мѣстахъ. Но легче палить глаза на чужое благосостояніе, чѣмъ серьезно и разумно использовать свое собственное. И начали выходить на сцену современные Поярковы, Хабаровы и Черниковскіе.

IV.

Естественныя богатства и промыслы.

Посмотримъ теперь, какъ создавались и развивались разные промыслы и промышленныя предпріятія въ краѣ.

Самымъ крупнымъ и пока главнымъ промысломъ можно считать добычу шликового золота. Поиски золотосодержащихъ площадей начались съ первыхъ дней занятія Амура, а къ концу шестидесятихъ годовъ уже были организованы широкія работы. Три крупныхъ акціонерныхъ компаніи: верхнеамурская, соеди-

ненная зейская и ниманская въ Амурской области, а впоследствии амгунская и компанія „Ельцовъ-Левашевъ“ въ Приморской области, долго гремѣли въ край и сосредоточивали на себѣ вниманіе всего Приамурья. Это были центры, куда направлялись помыслы, вождѣлнія всѣхъ слоевъ края. Возникавшія предпріятія, торговыя учрежденія, пароходства, рабочій людъ—все это черпало свои жизненныя силы отъ щедротъ этихъ золотопромышленниковъ.

Богатѣйшія россыпи съ высокимъ содержаніемъ золота приносили огромные барыши, несмотря на удаленность приисковъ отъ населенныхъ мѣстъ, отсутствіе удобныхъ дорогъ для доставки на прииски припасовъ и рабочихъ. Рядомъ съ этими крупными компаніями существовали и мелкіе промышленники. Хорошіе заработки стянули на Амуръ тысячи рабочихъ изъ самыхъ отдаленныхъ областей Сибири и даже восточныхъ губерній Европейской Россіи. По официальнымъ свѣдѣніямъ черезъ иркутскую золотосплавочную лабораторію проходило съ Амура ежегодно до 500 пудовъ золота. Но спутники узаконенной золотопромышленности: спиртоносы, „вольные старатели“, именуемые хищниками, и большинство мелкихъ золотопромышленниковъ не утруждали зачастую иркутскую лабораторію и сплавляли добытаго золота въ Китай не одну сотню пудовъ въ годъ.

Цѣлый рядъ китайскихъ скупщиковъ золота поселился въ край подъ видомъ торговцевъ и платилъ по высокой цѣнѣ за приносимое золото. Помимо спиртоносовъ и хищниковъ, приисковые рабочіе предпочитали утаивать, несмотря на большой рискъ, подъемное золото, а по выходѣ изъ приисковъ продавать его китайцамъ. Китайцы платили по 4—5 рублей за золотникъ, тогда какъ приисковыя конторы выдавали рабочему за золотникъ подъемнаго золота отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. максимумъ. Мелкимъ золотопромышленникамъ сдавать золото въ казну совсѣмъ было разорительно. Капиталы у нихъ были малы, кредитомъ они не пользовались. Ждать болѣе полугода, пока сданное въ казну золото реализуется, зачастую равнялось приостановкѣ работъ. Поэтому, намывъ съ полпуда, они записывали въ книгу 2—3 фунта, а остальное продавали китайцамъ, получали наличныя деньги, на которыя покупали новыя припасы и продолжали дѣло. Горнополицейскій надзоръ былъ безсиленъ, такъ какъ матеріально воплію зависѣлъ отъ золотопромышленника.

Амуръ какъ будто оживился, но жизнь получилась ненормальная, лихорадочная, разнузданная. Никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, а спѣшилъ широко воспользоваться снятыми

сливками, торопился зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Ни владѣльцы пріисковъ, ни тѣмъ болѣе ихъ управляющіе, не заботились о правильной разработкѣ, о разумномъ развитіи золотого промысла. Первыми крупными предпринимателями явились на Амурѣ столичные капиталисты и титулованные тузы: Бенардаки, Базилевскій, Шанявскій, Аносовъ и другіе. Близко въ дѣло они не вникали, а предоставляли полную свободу своимъ уполномоченнымъ какъ въ способахъ разработки, такъ и снабженія пріисковъ всею необходимостью. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и наѣзжали въ тайгу, но видѣли лишь то, что желалъ показать имъ уполномоченный. Даже Н. П. Аносовъ, горный инженеръ, попалъ однажды въ просакъ. Онъ призналъ заявленіе управляющаго о негодности одной изъ площадей къ разработкѣ. А спустя нѣкоторое время, новыи управляющій добылъ съ этой площади около 400 пудовъ золота. О правильной постановкѣ работъ, о добросовѣстности и умѣньи своихъ уполномоченныхъ они судили только по получаемымъ барышамъ.

Пока идутъ хорошіе барыши, уполномоченные награждаются, сверхъ получаемаго министерскаго жалованья, солидными кушами, доходившими до 10.000 руб. за операцію. Уменьшалась добыча, смѣняли уполномоченнаго, посылали ревизора, сажали другого распорядителя и требовали отъ него только барышей. Каждый уполномоченный заботился лишь о томъ, чтобы на его вѣкъ хватило золота, а потому выбиралъ изъ захваченныхъ, вопреки существовавшему закону, площадей самыя богатяя, старался сократить расходы на техническія приспособленія¹⁾, составлялъ шаблонныя смѣты, умышленно показывалъ предполагаемую добычу въ меньшемъ размѣрѣ, велъ операцію безъ всякаго соотношенія къ этой проблематической смѣтѣ и преподносилъ владѣльцамъ болѣе количество золота, чѣмъ ожидалось по смѣтѣ.

И владѣльцы лиевали. Болѣе смыслѣнные уполномоченные и управляющіе еще шире пользовались темнотой владѣльцевъ. Сообщать, напр., имъ, что такой-то пріискъ выработался, а при-

¹⁾ Напр., въ одной изъ крупныхъ компаній ежегодно расходовалось 30.000 — 40.000 на устройство возможнаго проѣзда по тайгѣ, протяженіемъ въ 100 версты.

По болотамъ постилали изъ ватника мосты, убирали въ сторону каменныя глыбы, устраивали черезъ рѣчушки броды и т. п. Съ мая по октябрь примитивными мѣрами старались таежному пути придать хоть малѣйшую возможность проѣзда вьючнымъ порядкомъ. Въ теченіе 25 лѣтъ предпочитали непроизводительнo затрачивать крупныя суммы, чѣмъ сразу проложить настоящую дорогу. Но одновременный крупный расходъ для уполномоченнаго пріисками былъ невыгоденъ.

ступили-моль въ другому. Кромѣ согласія, ничего другого не могло получиться отъ владѣльца. А года черезъ два просить у владѣльца разрѣшенія отдать этотъ пріискъ въ аренду своему пріятелю или родственнику для золотничныхъ работъ. Иногда даже сами управляющіе, оставаясь на службѣ у компаніи, брали въ аренду „выработки“, и на такихъ „выработкахъ“ намывали золота не меньше, чѣмъ на хозяйскихъ работахъ. Владѣльцы же угѣшались, что брошенный пріискъ все-таки даетъ поудную плату по арендѣ.

Прошло тридцать лѣтъ, и результаты сказались. Крупныя предприятия распались и начали распадаться. Все, что легко можно было взять, истощилось; и въ настоящее время золотопромышленность притихла. Но это не означаетъ, что золото изсякло. Наоборотъ, запасы всюду велики, а разработка залежей руднаго золота ждетъ еще своего предпринимателя,—предпринимателя разумнаго, съ крупнымъ капиталомъ, съ техническими оборудованіями, а не съ рутинными организаціями, въ которыхъ управляющій пріисками не уступалъ въ невѣжествѣ простому пріисковому рабочему.

О недостаткахъ и неправильномъ веденіи золотого дѣла писалось много, а потому здѣсь не буду распространяться по этому вопросу. Скажу только, что золотой промыселъ на Амурѣ не оскудѣлъ и весь еще въ будущемъ. Каждая крупная золотопромышленная компанія имѣетъ десятки площадей, еще не развѣданныхъ. Коренныхъ мѣсторожденій золота — непочатый уголь, особенно въ Ниманской системѣ. Одно время иностранные капиталисты пытались заняться въ широкихъ размѣрахъ добычей руднаго золота, но имъ это по разнымъ причинамъ не удалось. Русскіе же предприниматели воспользовались случайными открытіями, выбрали, подобно хищникамъ, все, что далось легко въ руки, а затѣмъ, по примѣру своихъ предковъ ушкунниковъ, потянулись на поиски новыхъ мѣстъ. Даже крупные капиталисты предпочли направить поисковыя партіи въ сосѣднюю Манчжурію, вмѣсто того, чтобы приняться за правильную разработку обильныхъ запасовъ на Амурѣ.

Въ послѣднее время мелкая золотопромышленность начала упрочиваться и расширять золотой промыселъ. Новыя законоположенія, особенно о свободномъ обращеніи золота, много способствовали устойчивости этого рода промышленности. Мало-населенность края, особенно пріисковыхъ районовъ, недостатокъ путей сообщенія, сильно пова тормозятъ промыселъ, дѣлая разработку слишкомъ дорогой. И только росыпи съ высокимъ со-

держаніемъ доступны въ настоящее время для эксплуатаціи. Шумное время крупныхъ золотопромышленниковъ, съ его растлѣвающимъ вліяніемъ на населеніе и даже на администрацію въ краѣ, повидимому отошло. Народившаяся мелкая золотопромышленность со временемъ, надо полагать, поведетъ дѣло болѣе разумно и производительно. Съ расширеніемъ же населенной площади, съ улучшеніемъ путей сообщенія, у приисковъ исчезнетъ главное препятствіе—отдаленность ихъ, и явится возможность разработки площадей съ меньшимъ содержаніемъ. Да и рудное дѣло, требующее многихъ механическихъ приспособленій, доставка которыхъ въ настоящее время затруднительна, со временемъ станетъ доступнымъ для эксплуатаціи.

Помимо золотого промысла, въ Амурскомъ краѣ неисчерпаемый запасъ и другихъ полезныхъ ископаемыхъ. Желѣзная руда съ содержаніемъ 60%—70% желѣза, каменный уголь разныхъ качествъ, до антрацита включительно, нефтяные источники, мраморъ, гранитъ и матеріалы для выдѣлки фарфора и стекла—всѣ эти сокровища лежатъ пока втунѣ. Даже каменноугольное дѣло находится еще въ зародышѣ, несмотря на настоятельную нужду въ углѣ. Для надобностей порта, эскадры, желѣзной дороги—приходится пользоваться японскимъ и англійскимъ углемъ, когда у насъ имѣется сахалинскій уголь лучшаго качества или полу-антрацитъ на Сучанѣ. Но сахалинскія копи по неизвѣстнымъ причинамъ бездѣйствуютъ, если не считать ничтожной добычи компаніи Маковского, а сучанскія—лишь только начали разрабатываться. Окруженные обильными запасами своего минеральнаго топлива, мы умудрились стать въ зависимость отъ иностраннаго угля и, вмѣсто того, чтобы забросать, за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ, угольные рынки востока, сами попали въ критическое положеніе, оставшись безъ топлива.

Особенно обидно за сахалинскій уголь очень высокаго качества. Но какая-то таинственная завѣса опущена надъ сахалинскимъ богатствомъ, и всѣ попытки добыться тамъ разработки оставались пока тщетными. А отереть, „гдѣ тамъ собака зарыта“,—давно уже пора. Благодаря общимъ неудачамъ колонизаціи и медленному развитію жизни въ этомъ краѣ, остаются до сихъ поръ также неиспользованными промыслы: лѣсной, рыбный—рѣчной и морской, витовый, тюлений и другіе. Лѣсное богатство Амурскаго края занимаетъ площадь около 60 милліоновъ десятинъ, ежегодный приростъ древесины—около 18 милліоновъ кубическихъ сажень, а эксплуатація лѣсныхъ площадей по произведенному подсчету не превышала 300.000 куб. саж. ежегодно.

Такимъ образомъ, ежегодный приростъ древесины почти цѣлкомъ пропадаетъ, не принося никакой пользы. А между тѣмъ потребность на востокъ въ лѣсѣ громадна.

Сплавъ по Амуру и открытый морской путь, казалось бы, должны были сильно способствовать развитію лѣсного промысла. Одно время даже запрещено было русскимъ предпринимателямъ вывозить и торговать лѣсомъ. Но потребность въ лѣсѣ была такова, что англичане, пользуясь плохимъ надзоромъ, върубили цѣлыя лѣсныя площади у Императорской гавани, а американцы совершенно обезлѣсили Шантарскіе острова.

Морскіе рыбные промыслы по всему побережью Тихаго океана, отъ границъ Кореи до Берингова моря, а также у береговъ острова Сахалина, представляютъ неисчерпаемое богатство. Съ первыхъ дней занятія этихъ побережій имъ придавали большое значеніе и признавали необходимымъ какъ можно скорѣе и обширнѣе заселить ихъ. Оказать широкую поддержку развитію промысловъ, устройству гаваней, способствовать расширенію мореходства и торговымъ сношеніямъ съ сосѣдними народами— должно было быть на первомъ планѣ.

Только заселенное, благоустроенное въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи побережье могло создать силу и оплотъ нашего владычества на востокъ. Но всѣ попытки нашей бюрократіи въ теченіе многихъ лѣтъ оставались безуспѣшны, и вся полоса протяженіемъ на нѣсколько тысячъ миль до сихъ поръ остается пустыней, не насчитывающей и 10.000 жителей, которые не въ состояніи сами прокормить себя, безсильны воспользоваться щедрыми дарами природы, а тѣмъ болѣе защитить себя отъ вторженія непріятеля.

Подобно общей колонизаціи Амурскаго края, и заселеніе морскихъ побережій подвергалось такимъ же неудачнымъ экспериментамъ. И здѣсь задумывались разные проекты, приводились въ исполненіе кабинетныя предначертанія, подбирались спеціальныя элементы для заселенія... По планамъ и проектамъ все обѣщало успѣхъ, а на практикѣ получались печальные результаты и непроезводительныя затраты. Побывали здѣсь астраханскіе рыбаки и финляндцы, привозили сюда эстовъ съ береговъ Балтійскаго моря, потерпѣли фіаско и переселенцы съ таврическихъ береговъ. Въ послѣдніе годы рѣшили испробовать еще жителей новгородской и олонецкой губерній, рыбаковъ съ озеръ Ильменя, Онежскаго и Ладожскаго. Но дѣло не ладится, населеніе побережья влечитъ полудивное существованіе, а богатство промышленное уходитъ въ чужія руки, въ сосѣднія страны. Помимо тле-

ней, китовъ, моря изобилуютъ самой разнообразной рыбой, изъ которыхъ болѣе цѣнны: сельдь (*Clupea Polosii*) горбуша (*Salmo Proteus*) и кѣта (*Salmo Logocerphalus*); затѣмъ у береговъ Японскаго моря — морская капуста и трепанги. Рыба въ соленомъ видѣ и засушенная имѣетъ огромный сбытъ въ Японію, а морская капуста и трепанги — въ Китай.

Такъ какъ эти промыслы почти не развиты, то естественно, что японцы, пользуясь безсиліемъ русскихъ властей охранять безлюдные берега, широко хозяйничаютъ въ нашихъ водахъ. Да и въ пунктахъ организованнаго надзора злоупотребленій не меньше. Промысловые участки берутся на имя русскихъ подданныхъ, а японскіе предприниматели, подъ видомъ рабочихъ подставного русскаго промышленника, эксплуатируютъ эти участки. Далеко не полныя свѣдѣнія устанавливаютъ ввозъ въ Японію съ нашего побережья соленой рыбы и селедочнаго тука для удобренія полей на 10 милліоновъ рублей въ годъ. Только у береговъ Сахалина ежегодно японцы запасаютъ свыше милліона пудовъ селедочнаго тука. Въ 1901 году установлено, что число японскихъ судовъ, приходящихъ за рыбой въ Николаевскъ, на Сахалинъ, Камчатку, достигало свыше 250. Морской капусты и трепанговъ, даже при настоящихъ условіяхъ добычи, вывозится на сотни тысячъ рублей.

Правда, появилось нѣсколько крупныхъ рыбопромышленниковъ русскихъ, образовалось „Охотско-камчатское рыбопромышленное товарищество“, китобойная компанія графа Кейзерлинга. Но все это кое-какъ ведетъ дѣла, и пользы для края отъ нихъ не замѣтно. Эксплуатация же инородцевъ на сѣверо-восточномъ побережьи, за отдаленностью края, находящагося въ полномъ подчиненіи мѣстной полицейской власти, до сихъ поръ царитъ во всей своей неприглядности.

Морскія сообщенія съ пунктами побережья до сихъ поръ до невозможности скудны и постоянно находятся въ рукахъ монополистовъ. Въ послѣдніе годы морское пароходство „Общества вѣтско-восточной желѣзной дороги“ содержало срочные рейсы въ сѣвернымъ портамъ. Получая крупную отъ правительства субсидію, это пароходство далеко не удовлетворяло самыхъ настоятельныхъ нуждъ перевозки. И еслибы не японскіе пароходы, то русскіе рыбопромышленники не могли бы вывезти на рынокъ своей добычи.

Такимъ образомъ, восточныя побережья, обладающія всѣми благоприятными условіями стать цвѣтущей и могущественной колоніей, до сихъ поръ остаются жалкой, заброшенной пусты-

ней, а островъ Сахалинъ, вмѣсто горно- и рыбопромышленнаго пункта обращенъ, въ ссыльно-каторжную колонію, лежащую бременемъ на государствѣ. Потерять это побережье, въ случаѣ если бы предприимчивый сосѣдъ захотѣлъ имъ воспользоваться, при настоящихъ условіяхъ очень легко, а вернуть его обратно, пожалуй, дѣло и невозможное. Слава про лососевыя породы у береговъ Камчатки далеко распространилась и давно составляетъ предметъ вождельнѣй не однихъ только японцевъ. Американцы-капиталисты спятъ и видятъ, какъ бы воспользоваться этой рыбой для приготовленія консервовъ.

Въ 1899—1900 году появился здѣсь французскій гражданинъ докторъ Моно. Осмотрѣлъ онъ камчатскіе берега, рыбныя участки, ознакомился съ мѣстными условіями, и начались хлопоты о полученіи отъ русскаго правительства разрѣшенія ловить рыбу и построить фабрику для приготовленія консервовъ. Докторъ Моно явился представителемъ американскихъ капиталистовъ, и дѣло было задумано широко. Они обязывались пользоваться русскими рабочими и только специальныхъ мастеровъ держать изъ иностранцевъ. Два года тянулись хлопоты, потрачено много было на это денегъ. Въ 1901 году было получено разрѣшеніе, но съ тѣмъ, что иностранная компанія на общихъ основаніяхъ будетъ допущена къ торгамъ на аренду рыбныхъ участковъ. Иностранцы ликовали, но, оказалось, преждевременно. Они думали, что, преодолевъ всѣ затрудненія въ Петербургѣ, достигли уже желаемой цѣли. Они не знали силы русской поговорки: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“.

Объ устройствѣ фабрики въ первый годъ нечего было и думать. Рѣшили иностранцы ограничиться пока засоломъ, но и на мѣстѣ лова произошли недоразумѣнія съ полицейскими властями. Наловленная и приготовленная въ 1902 году рыба была признана незаконной, а докторъ Моно, поѣхавшій искать правосудія, утонулъ на катерѣ, свозившемъ его и другихъ пассажировъ съ борта парохода на берегъ.

Компаньонъ его, американецъ, пренебрегъ конфискованною рыбой, плюнулъ на произведенныя затраты и уѣхалъ въ себѣ на родину, рѣшивъ, что при русскихъ порядкахъ рискованно затрачивать капиталы.

Такъ закончилась попытка иностранцевъ создать крупное рыбопромышленное дѣло на Камчаткѣ. Всколыхнутое на короткое время сѣверное болото снова успокоилось въ своихъ укромныхъ берегахъ...

П. Надинъ.

ЖЕНЩИНА СЪ ВЪЕРОМЪ

РОМАНЪ.

— *Robert Hichens. The Woman with the fan. London, 1904.*

Окончаніе *).

ХІІ.

Лэди Гольмъ оказалась права, предвидя успѣхъ дерзкой выходки миссъ Шлей: всѣ стали относиться подозрительно къ жертвѣ мимическаго таланта американки. Получалось такое впечатлѣніе, точно актриса раскрыла своей каррикатурой нѣчто скрытое до того отъ свѣта, и всѣ стали припоминать такіе факты, какъ разрывъ Гольмовъ съ Кэри, какъ странная сцена на балу у Аркелей. Все это теперь вдругъ освѣтилось новымъ свѣтомъ. Мало-по-малу общія симпатіи склонились на сторону мужа лэди Гольмъ, и всѣ находили естественной его дружбу съ миссъ Шлей. Нужно же было несчастному въ семейной жизни мужу искать утѣшенія на сторонѣ.

Лэди Гольмъ страдала отъ несправедливости общаго осужденія и была настроена очень воинственно. Больше всего ее огорчало поведеніе мужа. Чтобы отомстить ему, она стала часто видаться съ Лео Ульфордомъ и старалась обратить вниманіе мужа на свою дружбу съ нимъ. Ульфордъ очень ею увлекался, раскрывалъ ей душу, и весь расцвѣлъ, повѣривъ въ ея интересъ къ нему.

*) См. выше: апрѣль, стр. 643 и сл.

Ее же, въ сущности, Лео мало интересовалъ самъ по себѣ; онъ былъ ей нуженъ только для того, чтобы возбудить ревность мужа. Было какое-то внутреннее и внѣшнее сходство между Лео Ульфордомъ и лордомъ Гольмомъ, и лэди Гольмъ инстинктивно чувствовала, что мужъ ее скорѣе всего ревновалъ бы къ чело-вѣку на него похожему, хотя бы изъ самолюбія. Она дѣйство-вала съ сознательнымъ коварствомъ, увѣренная—какъ она утвер-ждала въ разговорѣ съ Робинномъ Пирсомъ,—что въ жизни по-бѣждаютъ сирены, а не ангелы. Она надѣялась вернуть любовь мужа, скорѣе выказывая свое умѣнье оболъщать, чѣмъ проявляя свою ангельскую натуру.

Робинъ Пирсъ пришелъ попрощаться съ нею передъ отъѣз-домъ въ Римъ. Взглянувъ ей прямо въ лицо, онъ увидѣлъ только улыбку на упрямыхъ блѣдныхъ чертахъ. Всякіе слѣды печали исчезли. Они нѣсколько времени говорили принужденно, потому что онъ вдругъ сказалъ:

— Ваше лицо точно закрыто желѣзными ставнями. Прежде можно было хоть что-нибудь прочесть на немъ—теперь ничего не видно.

— Вы говорите глупости, Робинъ. Пора вамъ, дѣйстви-тельно, вернуться въ Римъ.

— Да, тамъ, по крайней мѣрѣ, живъ духъ красоты—здѣсь его попираютъ ногами.

— Бѣдный духъ!—проговорила она и презрительно усмѣх-нулась.

— Знаете ли вы, что о васъ говорятъ во всемъ Лондонѣ?— продолжалъ онъ.— Васъ жалѣютъ, но считаютъ, что вы сами виноваты, что вы заслужили эту обиду. И вы, дѣйствительно, сами виноваты,—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія.— Еслибы вы были сами собой, она бы не могла оскорбить и уни-зить васъ. А что вы дѣлаете теперь? Зачѣмъ вы нарочно опу-скаетесь въ грязь, вмѣсто того, чтобы поднять голову въ солнцу? Вы могли бы быть богиней, и предпочитаете ползать по землѣ какъ червь. Развѣ это не безуміе?

Волненіе, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, повиди-мому, не сообщилось ей.

— Я не хочу притворяться иной, чѣмъ я въ дѣйствитель-ности,—спокойно сказала она.

— Но вѣдь вы не знаете себя.

— Почему вы думаете, что вы знаете меня лучше, чѣмъ я сама?

Онъ на это ничего не отвѣтилъ, но, помолчавъ, порывисто сказалъ:

— Общайте мнѣ одно—не оправдывать того, что о васъ теперь говорятъ—своимъ поведеніемъ съ Лео Ульфордомъ.

— Прощайте,—отвѣтила она, протягивая ему руку.—Онъ понялъ, что потерялъ всякое вліяніе на нее, и, пожимая ей руку, только сказалъ:

— Повѣрьте, что я говорю не столько изъ ревности, сколько изъ любви къ вамъ, къ женщинѣ, которую вы втоптываете въ грязь.

Взглянувъ ей прямо въ глаза, онъ вышелъ, и они уже болѣе не видѣлись передъ его отъѣздомъ. Она этому была рада: близость человѣка, который былъ о ней лучшаго мнѣнія, чѣмъ она заслуживала, тяготила ее. Кэри тоже вернулся въ Лондонъ, но нигдѣ не показывался; въ глазахъ свѣта онъ былъ потерянный человѣкъ. Одинъ только сэръ Дональдъ выказывалъ ему дружеское расположеніе, повидимому не ослабѣвшее послѣ сцены у Аркелей. Онъ первый пришелъ къ Кэри, узнавъ, что онъ вернулся, и повторилъ приглашеніе пріѣхать въ „Casa Felice“ въ концѣ августа. Кэри былъ изумленъ.

— Развѣ вы не боитесь позвать къ себѣ такого пьяницу, какъ я? Вѣдь это опасно. Я освобождаю васъ отъ вашего приглашенія.

— А я его повторяю.

— Въ такомъ случаѣ, я благодарю и принимаю,—отвѣтилъ Кэри, горячо пожимая руку сэра Дональда.

Сэръ Дональдъ ушелъ отъ него, глубоко задумавшись. Дома онъ засталъ жену своего сына всю въ слезахъ и долго бесѣдовалъ съ нею.

Многимъ казалось, что въ концѣ сезона у сэра Дональда былъ еще болѣе изможденный и грустный видъ, чѣмъ обыкновенно, и это приписывали тому, что онъ ведетъ слишкомъ утомительную для него свѣтскую жизнь. Въ его возрастѣ слѣдовало бы уже не бывать такъ много въ обществѣ. Увидавъ его однажды въ оперѣ, лэди Гольмъ была поражена его болѣзненнымъ видомъ. Зайдя къ ней въ ложу въ одинъ изъ антрактовъ, онъ засталъ ее одну. Она прежде всего освѣдомилась о его здоровьи.

— Я васъ не видѣла съ тѣхъ поръ, какъ получила ваше письмо послѣ дебюта миссъ Шлей,—сказала она.

На его блѣдныхъ щекахъ показался легкій румянецъ, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— А вы знаете, вашъ сынъ предупредилъ меня, что вы напишете мнѣ.

— Лео?—спросилъ сэръ Дональдъ рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ.—Вы съ нимъ говорили обо мнѣ?

— Я удивлялась тому, что вы тогда такъ внезапно исчезли изъ ложи, и вашъ сынъ сказалъ, что вы напишете мнѣ на слѣдующій день,—вотъ и все. Какой вы подозрительный!—прибавила она шутливо.

— Ничуть. Но Лео меня совсѣмъ не знаетъ, мы почти никогда не жили вмѣстѣ. Я бы не хотѣла, чтобъ вы судили обо мнѣ по словамъ Лео.

— А вы обо мнѣ—по толкованію миссъ Шлей,—отвѣтила лэди Гольмъ.

— Я бы именно хотѣла опровергнуть это толкованіе,—сказалъ онъ, едва сдерживая свое волненіе.—Покажитесь мнѣ такой, каковы вы дѣйствительно, а не какъ имитация имитации.

Она отлично поняла, что онъ хотѣлъ сказать, и была очень изумлена. Неужели Лео Ульфордъ говорилъ о ней съ другими?

— Лэди Гольмъ,—продолжалъ онъ,—позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Я знаю, что это большая смѣлость, но я старикъ, и старинамъ это иногда дозволяется. Я долженъ вамъ сказать, что мой сынъ Лео—не подходящій для васъ другъ въ настоящее время.

На щекахъ сэра Дональда опять вспыхнулъ яркій румянецъ; во взглядѣ его отражалось странное сочетаніе рѣшимости и чувства виновности.

— Неужели вашъ сынъ?..—спросила лэди Гольмъ.

— Я никого не осуждаю, но моя невѣства иногда ко мнѣ приходитъ. Я знаю, что Лео—дурной мужъ, но дѣло не въ этомъ. Онъ также плохой другъ. Тамъ, гдѣ задѣто его тщеславіе, или его эгоистическая жажда наслажденій, онъ ни съ чѣмъ не считается. Жена его много, очень много сдѣлала для него. Но онъ этого совершенно не цѣнитъ. У него нѣтъ даже рыцарскаго отношенія къ женщинамъ,—и я боюсь за бѣлизну вашихъ крыльевъ, если вы будете довѣрять моему сыну.

— И вы это говорите!—сказала она, и на глазахъ ея неожиданно появились слезы. „Вотъ еще одинъ человекъ, который вѣритъ въ ангела!“—подумала она и тепло пожала руку сэру Дональду на прощанье.

— Неужели же это видятъ всѣ, кромѣ Фрица?—съ грустью спрашивала она себя, возвращаясь въ этотъ вечеръ изъ оперы.

Дѣйствительно, лордъ Гольмъ сталъ теперь другимъ человекомъ. Превжній ревнивецъ совершенно исчезъ въ немъ. Онъ, по видимому, былъ такъ поглощенъ своими личными интересами, что не обращалъ вниманія на Лео Ульфорда и его настойчивыя ухаживанія. Это такъ возмущало лэди Гольмъ, что ей захотѣ-

лось совершить какое-нибудь безразсудство, сдѣлать что-нибудь отчаянное. Она была увѣрена, что слова сэра Дональда вызваны были жалобами его невѣстки. Жена Лео Ульфорда навѣрное ревновала мужа именно къ ней, но она не чувствовала жалости къ несчастной старой женщинѣ. Сидя въ каретѣ, мчавшей ее изъ театра, лэди Гольмъ занята была всецѣло эгоистическими мыслями о себѣ, жалѣла только себя. Больше всего ее мучила ревность. Гдѣ теперь Фрицъ? Она ничего не знала о томъ, гдѣ и какъ онъ проводитъ время,—онъ замкнулся въ молчаніи, противъ котораго у нея не было никакихъ средствъ борьбы.

Лэди Гольмъ не повѣхала на вечеръ, гдѣ ее ждали послѣ театра, и прямо вернулась домой. На ея вопросъ, вернулся ли домой лордъ Гольмъ, лакей ей отвѣтилъ, что его нѣтъ, и что онъ не велѣлъ своему камердинеру ждать его, очевидно разсчитывая вернуться очень поздно. Лэди Гольмъ показалось, что лакей давалъ ей эти объясненія слегка насмѣшливымъ голосомъ. Она съ удивленіемъ взглянула на него, и онъ опустилъ глаза.

— Принесите мнѣ стаканъ лимонада въ гостиную черезъ десять минутъ,—сказала она и прибавила:—Освѣтите гостиную полнымъ свѣтомъ.

Лакей прошелъ передъ ней по лѣстницѣ, и когда она вслѣдъ за нимъ вошла въ ярко освѣщенную электричествомъ гостиную, она позвала горничную, отдала ей свою бальную накидку и отослала ее спать. Она сѣла на диванъ, оглянулась вокругъ себя въ большой пустой залѣ и задумалась. Ей все еще хотѣлось сдѣлать что-нибудь необычайное, и она не могла рѣшить, что именно. Такія состоянія бывають на сценѣ, когда запаздываетъ выходъ лица, которое нужно для хода дѣйствія. Лэди Гольмъ была заряжена бурными чувствами, приготовилась сдѣлать сцену,—а тотъ, для кого она предназначалась, не явился. Она не могла дать исходъ накопившемуся въ ней возбужденію, и ею овладѣло какое-то тупое отчаяніе.

Когда черезъ десять минутъ явился лакей съ лимонадомъ, она еще не рѣшила, дать ли она ему какое-нибудь приказаніе, велить ли призвать одного изъ актеровъ, нужныхъ ей для бурной сцены. Она знала, что Лео Ульфордъ ждетъ ее на балу, гдѣ они условились быть вмѣстѣ. Она общалась пріѣхать въ опредѣленный часъ, и онъ долженъ былъ повести ее къ ужину. Теперь онъ навѣрное ждалъ ее. Не послать ли ему записку,—это было недалеко, на Итонъ-Скверѣ,—чтобы дать ему знать, что она осталась дома и ждетъ его у себя. Не рѣшившись на это сразу, она отослала лакея. Но, оставшись одна и выпивъ

ставая лимонада, она никакъ не могла успокоиться и почувствовала, что бездѣйствіе ей въ эту минуту невыносимо. Необходимо было что-нибудь предпринять. Ей пришлось дважды позвонить, прежде чѣмъ явился слуга, уже ушедшій въ себѣ въ комнату.

— Вы снесете эту записку на Итонъ-Скверъ, — сказала она, когда наконецъ появился лакей. — Подождите пять минутъ.

Она подошла къ письменному столу и написала слѣдующую записку Лео Ульфорду.

„Дорогой м-ръ Ульфордъ! Я очень жалѣю, что не смогла сдержать свое обѣщаніе; но я слишкомъ устала, чтобы еще ѣхать на вечеръ послѣ театра. Вамъ тамъ вѣроятно весело, а я сижу одна, читая скучную книгу. Лечь спать въ двѣнадцать часовъ немислимо даже при таковой усталости. Слишкомъ ужъ я привыкла ложиться поздно. Будьте милымъ и зайдите ко мнѣ на пять минутъ по пути домой — вы мнѣ расскажете о всемъ, что было на вечерѣ. Вѣдь вамъ по дорогѣ, и я не долго задерживаюсь. Съ искреннимъ привѣтомъ — В. Г.“

Написавъ эту записку, леди Гольмъ задумалась. Потомъ подошла къ письменному столу. Она положила эту записку двумя листами толстой почтовой бумаги. Обвернула конвертъ, вставивъ впаиванную ею записку, который тщательно заклеила. Написавъ на конвертѣ имя Лео Ульфорда, она снова вышла.

— Снесите это на Итонъ-Скверъ, — сказала она лакею, назвавъ номеръ дома. — И отдайте самъ м-ру Ульфорду. Покажите туда и обратитесь, и скажите, что я послала. Потомъ можете идти спать.

— Слушаюсь, миссис.

Когда лакей ушелъ съ запиской, леди Гольмъ почувствовала истинное облегченіе и въ ожиданіи отвѣта сѣла читать книгу. Это было тонокъ стиховъ — изящныхъ, хотя и мелочныхъ, но леди Гольмъ вѣдала, что она отлепачиваетъ ее отъ дѣйствительности и переводитъ въ поэтическій міръ, удаляясь отъ востановленія вещей и вѣдуя вѣтра. Она продолжала читать, отъ времени до времени вспоминая, что произошло вѣтъ для — что у Лео Ульфорда жить отъ дома ее мужа. При этой мысли стихи, которые она читала, казались ей еще болѣе далекими отъ дѣйствительности.

Пришелъ лакей и сказалъ, что вручилъ записку самому м-ру Ульфорду.

— Хорошо, — сказала она. — Можете идти спать. Я сама затупу здѣсь электричество.

Послѣ ухода лакея она опять взялась за чтеніе стиховъ, но уже не могла сосредоточиться на нихъ. Отложивъ книжку, она подошла къ дверямъ гостиной и открыла ихъ. Ей хотѣлось услышать, какъ Лео Ульфордъ будетъ открывать дверь посланнымъ ею ключомъ. Этотъ звукъ, какъ ей казалось, укрѣпитъ ее въ борьбѣ съ мужскимъ эгоизмомъ. Открывъ дверь, она сѣла ближе къ ней и стала прислушиваться.

Черезъ нѣсколько минутъ она услышала — не звукъ ключа въ дверяхъ, — на такомъ разстояніи она не могла услышать его, — а стукъ захлопнувшейся двери. Она быстро закрыла дверь въ гостиную, пересѣла опять на диванъ и стала снова читать стихи. Она успѣла прочесть цѣлое стихотвореніе, и тогда только открылась дверь въ гостиную.

Она подняла голову, собираясь встрѣтить съ улыбкой Лео Ульфорда — но увидѣла передъ собой мужа. Какъ это она была совершенно ошеломлена. Ей какъ-то не пришло въ голову, что мужъ ея могъ придти домой до Ульфорда. растерялась отъ контраста возможности этого? Она совершенно не могла понять, что произошло въ действительности, съ тѣмъ, что рисовалось ей въ разгоряченному воображенію, и продолжала сидѣть, опустивъ книгу на колѣни и глядя на мужа разсѣяннымъ взглядомъ.

— Какъ, ты дома? — спросилъ лордъ Гольмъ. — А я былъ увѣренъ, что ты поѣхала въ Блэкстоунамъ.

— Я и собиралась, но слишкомъ устала послѣ оперы.

— Такъ почему ты не идешь спать?

— Я устала, но спать не хочу.

Лордъ Гольмъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ, не ясно видѣла, что она присутствіе въ гостиной неприятно его. Веселый видъ, съ которымъ онъ вошелъ, исчезъ, и онъ старался не глядѣть на жену.

— А ты гдѣ провелъ сегодня вечеръ? — спросила она беззаботнымъ товарищескимъ тономъ.

— Въ клубѣ — игралъ въ карты, — отвѣтилъ онъ, и въ закъ его блеснуло наивно-лукавое выраженіе. Еслибы не Рину. Но теперь ей было не до смѣха. Она ясно видѣла, что ея музъ, въ первый разъ въ жизни солгалъ ей.

— Счастливо игралъ? — спросила она тѣмъ же беззаботнымъ тономъ.

— Такъ себѣ,—протянулъ онъ и затѣмъ, усѣвшись въ глубокое кресло, сталъ медленно курить, глядя въ потолокъ.

У лэди Гольмъ стала кружиться голова отъ охватившаго ее безпокойства. Прежде всего ей нужно было узнать, заперъ ли Фрицъ входную дверь на ключъ, или, по разсѣянности, не заперъ, какъ это съ нимъ часто случалось. Если дверь заперта, то Ульфордъ уйдетъ послѣ напрасной попытки открыть дверь присланнымъ ключомъ. Если же дверь незаперта, то Ульфордъ можетъ ежеминутно явиться въ гостиную съ ключомъ въ рукахъ. Какъ это узнать?

— Чтѣ съ тобой? — спросилъ лордъ Гольмъ, замѣтивъ безпокойство жены.—Ты не вѣришь, что я теперь изъ клуба?

— Вполнѣ вѣрю. И почему бы мнѣ не вѣрить?

Было очевидно, что у лорда Гольма совѣсть неспокойна. Это усиливало возмущеніе лэди Гольмъ, подзадоривало ее, но все-таки она страшно расквашалась въ своемъ безумномъ поступкѣ. То, что мужъ ея пріѣхалъ раньше Ульфорда, усиливало ея вину. Еслибы Фрицъ засталъ у нея Ульфорда, это бы разсердило его—чего она и добивалась. Но, посмотрѣвъ теперь на Фрица, ей сдѣлалось страшно при мысли о томъ, чтѣ будетъ, если Лео войдетъ съ ключомъ въ рукѣ.

— Да чтѣ съ тобой?—спросилъ лордъ Гольмъ, встревоженный ея страннымъ видомъ.

— Я устала, вотъ и все,—сказала она и засмѣялась короткимъ нервнымъ смѣхомъ. — Было страшно жарко въ оперѣ.

Положивъ еще кусочекъ льду въ лимонадъ, она прибавила:

— Надѣюсь, Фрицъ, что ты заперъ на ключъ входную дверь. Прислуга вѣдь уже ушла спать.

Произнеся эти слова, она сейчасъ же расквашалась въ нихъ. Если теперь войдетъ Лео, то у нея не будетъ уже никакого оправданія. Такъ она могла бы сказать, что его впустила прислуга, и онъ, увидавъ мужа, поддержалъ бы ея ложь. Какъ глупо было отрѣзать себѣ этотъ путь къ оправданію!

— Не все ли равно,—отвѣтилъ Фрицъ.—Я не боюсь разбойниковъ. Если кто-нибудь заберется ко мнѣ въ домъ, то я сумѣю справиться съ нимъ.—И онъ нащупалъ могучіе мускулы лѣвой руки правой рукой. Лэди Гольмъ была возбуждена его самоувѣренностью, еще болѣе усиливавшей ея тревогу.

— Однако я вовсе не желаю подвергаться опасности,—сказала она нѣсколько раздраженно. — Скажи точно, ты заперъ двери или нѣтъ?

— Право, не помню,—протянулъ онъ.

Она не могла понять, нарочно ли онъ ее дразнить, или дѣйствительно не помнить, но чувствовала, что не можетъ долѣе оставаться въ неизвѣстности.

— Въ такомъ случаѣ я пойду, посмотрю сама, — сказала она.

— Глупости! Если ты въ нервномъ состояніи и тебя это беспокоитъ, то я пойду, посмотрю — только, вотъ, докурю папиросу.

Онъ продолжалъ курить, къ полному отчаянію лэди Гельмъ, которая даже на минуту подумала, что у него возникли подозрѣнія, и онъ нарочно такъ медлитъ. Но, конечно, подобнаго коварства нельзя было предположить въ наивномъ при всей своей грубоватости Фрицѣ, и лэди Гельмъ тотчасъ же отстранила это предположеніе. Подъ предлогомъ своей нервности она стала торопить его, говоря, что хочетъ скорѣе пойти спать, но должна прежде удостовѣриться, что домъ запертъ, и направилась къ двери, чтобы спуститься внизъ. Въ эту минуту она явственно услышала, какъ передъ ихъ домою остановилась коляска. Она вся похолодѣла отъ ужаса, увѣренная, что это Лео, и не сомнѣваясь почему-то, что Фрицъ не заперъ двери.

— Какая ты нетерпѣливая! — сказалъ Фрицъ, поднимаясь съ кресла. — Я, кажется, дѣйствительно не заперъ двери, и теперь пойду, запру.

Онъ направился къ двери, и она почувствовала, что нужно выиграть хоть немного времени. Она пошатнулась.

— Мнѣ очень не по себѣ, — проговорила она, и слабыми, но быстрыми шагами подошла къ окну, выходящему на скверъ, открыла его и посмотрѣла внизъ. Коляска остановилась передъ ихъ домою, и передъ нею, спиной къ дому, стоялъ Лео Ульфордъ, расплачиваясь съ кучеромъ. Какъ бы обратить на себя его вниманіе и сдѣлать ему знакъ, чтобы онъ ушелъ? Она оглянулась. Фрицъ подходилъ къ ней съ удивленнымъ лицомъ.

— Мнѣ нужно подышать воздухомъ, — нервно проговорила она. А внизу Лео Ульфордъ протянулъ руку кучеру, который наклонился къ нему съ возель. Онъ взялъ деньги, взглянулъ на нихъ, показалъ ихъ Лео и что-то пробормоталъ. Очевидно, онъ просилъ прибавки. Она быстро обернулась къ Фрицу.

— Фрицъ, милый, — сказала она. — Сходи наверхъ въ мою комнату и принеси мнѣ о-де-колонъ. Флаконъ стоитъ у меня на туалетѣ — справа. У меня кружится голова. Я здѣсь постою — на воздухѣ мнѣ станетъ легче.

Она схватилась за занавѣску, точно боялась упасть отъ слабости.

— Хорошо, — сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Она по-

смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ быстро подошла къ окну и высунулась изъ него.

Было уже поздно. Коляска отъѣзжала, и Лео исчезъ изъ виду. Онъ, очевидно, вошелъ въ домъ.

XIII.

Не успѣла она отойти отъ окна, какъ въ комнатѣ раздались шаги. Она обернулась и увидѣла Ульфорда, который улыбался широкой, дѣтской улыбкой и показывалъ ключъ, посланный ею. При взглядѣ на нее, однако, улыбка исчезла съ его лица.

— Уходите, уходите! — прошептала она, указывая рукой на дверь. — Мой мужъ вернулся. Уходите скорѣе и какъ можно тише!

Она сдѣлала быстрое движеніе къ двери. Лео Ульфордъ на минуту остановился и нахмурился, потомъ, съ выраженіемъ досады на лицѣ, повернулся къ двери. Но какъ-разъ въ эту минуту въ комнату вошелъ лордъ Гольмъ съ флавономъ о-де-колона въ рукахъ. При видѣ Лео онъ остановился. Лео тоже остановился, и они съ минуту глядѣли другъ на друга. Лэди Гольмъ стояла у открытаго окна. Въ комнатѣ была полная тишина. Лео уронилъ ключъ, который безшумно упалъ на коверъ. Онъ быстро наклонился, чтобы его поднять, но лордъ Гольмъ еще быстрѣе самъ поднялъ ключъ. Увидавъ ключъ въ рукѣ мужа, лэди Гольмъ вышла на средину комнаты.

— Мистеръ Ульфордъ пришелъ рассказать мнѣ о вечерѣ у Блэкстоновъ, — сказала она спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, съ улыбкой на губахъ. Лео Ульфордъ откашлялся.

— Да, — громко сказалъ онъ, — я зашелъ сюда отъ Блэкстоновъ.

Лордъ Гольмъ внимательно посмотрѣлъ на ключъ. Вдругъ его лицо побагровѣло и синія жилы выступили на широкое лбу.

— Что это за ключъ? — спросилъ онъ, глядя на жену и на Ульфорда. — Что это за ключъ? — повторилъ онъ, не получивъ отвѣта.

— Ключъ отъ дома мистера Ульфорда, я полагаю, — сказала лэди Гольмъ. — Да и откуда мнѣ это знать?

— Я тебя не спрашиваю, — отвѣтилъ ей мужъ и, подойдя ближе къ Лео, сказалъ: — Почему вы не отвѣчаете?

— Это ключъ отъ моей двери, — отвѣтилъ Лео, пытаясь за-смѣяться.

Лордъ Гольмъ бросилъ ему ключъ въ лицо.

— Вы лжете!—сказалъ онъ.—Это ключъ отъ моего дома.

Онъ ударилъ его по лицу, и Лео отвѣтилъ ему такимъ же ударомъ. Увидѣвъ это, лэди Гольмъ вышла изъ комнаты, быстро побѣжала къ себѣ въ спальню и закрыла за собой дверь. Она сѣла на кушетку подлѣ постели, вся дрожа отъ сознанія какаго-то безграничнаго страха. Ей казалось, что она слышитъ таинственный, слабый звукъ, страшный и трогательный, очень далекій—точно голосъ плачущаго въ ней блага ангела. Она поднялась и стала ходить по комнатѣ. Грубая сцена въ гостиной навела на нее ужасъ. Ее всегда привлекала дикая животность въ ея мужѣ,—и теперь только, увидѣвъ ея яркое проявленіе, она почувствовала невольное отвращеніе.

Она подошла къ туалетному столу, и всѣ предметы на немъ показались ей чѣмъ-то презрѣннымъ, какою-то ложью. Ея красивая спальня была ложью; нужно было бы, чтобы вокругъ нея все было грязно и уродливо—только этого она и заслуживала. Драка между Фрицемъ и Лео Ульфордомъ унижала ее не меньше, чѣмъ ихъ. Она чувствовала себя прибитой.

Открылась дверь. Она не обернулась, но увидѣла въ зеркалѣ своего мужа. Сюртукъ его былъ разорванъ, жилетъ и рубашка—почти въ лохмотьяхъ. Лицо и руки были въ крови. Но въ глазахъ его сверкала огонь торжества—чисто животнаго. Онъ прошелъ, не говоря ни слова, въ свою уборную, и она услышала плескъ воды—онъ, очевидно, отмывалъ пятна крови. Когда перестала литься вода, она услышала, какъ онъ отерывалъ ящики шифоньерки и что-то разрывалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ комнату; голова его была повязана шелковымъ платкомъ, и на правой рукѣ тоже была перевязка. Онъ подошелъ къ ней и взглянулъ на нее съ сіяющимъ выраженіемъ лица. Что-то упало ей на колѣни—это былъ ключъ, который она послала Лео Ульфорду.

— Могу тебѣ сказать, что онъ сожалѣетъ о томъ, что когда-либо держалъ этотъ ключъ въ рукахъ,—очень сожалѣетъ,—сказалъ лордъ Гольмъ и рассмѣялся.

Лэди Гольмъ взяла ключъ и положила его на диванъ. Она увидела, что мужъ ея вполне спокоенъ и счастливъ, и взглянула ему пристально въ глаза. Вдругъ ей показалось, что изъ нихъ двухъ она должна быть судьей, а онъ—подсудимымъ. Туманъ въ головѣ разсѣялся, и руки перестали дрожать. Торжествующій видъ Фрица все измѣнилъ.

— Садись, я должна съ тобой поговорить,—сказала она, сама удивляясь своему спокойному голосу.

Лордъ Гольмъ удивленно взглянулъ на нее, но покорно сълъ, ожидая, что она скажетъ.

— Я полагаю, что ты пришелъ выгнать меня изъ дому?—спросила она.

— Ты бы этого заслуживала,—пробормоталъ онъ, но въ голосъ его не чувствовалось гнѣва. Физическое усиліе, которое онъ сдѣлалъ, и одержанная побѣда на время охладили его гнѣвъ. Лэди Гольмъ хорошо знала Фрица, и понимала, что теперь вся его злоба прошла. То, что при подобныхъ обстоятельствахъ онъ могъ исполнѣ успокоиться, сорвавъ свой гнѣвъ чисто физически, обнаруживало грубость его натуры.

— А ты чего заслуживаешь?—спросила она. Всякое чувство страха исчезло у нея. Она чувствовала себя абсолютно правой.

— Когда я пошелъ отволотить Кэри, онъ былъ пьянъ, и я, поѣтому, и пальцемъ не тронулъ его. А этотъ молодецъ пробовалъ драться, но я его скрутилъ какъ ребенка,—сказалъ лордъ Гольмъ торжествующимъ тономъ.

Онъ взглянулъ на свою перевязанную руку и опять побѣдно разсѣялся. Потомъ вдругъ онъ вспомнилъ то, о чемъ забылъ, радуясь своему физическому торжеству. Лицо его измѣнилось, онъ выдвинулъ нижнюю челюсть и собирался говорить, но лэди Гольмъ заговорила раньше.

— Да, я послала Лео Ульффордъ ключъ,—сказала она.—Говорю это тебѣ, не дожидаясь вопроса. Я послала ключъ и сказала, чтобы онъ пришелъ сегодня вечеромъ. Знаешь, почему я это сдѣлала? Я захотѣла такой же свободы, какъ мой мужъ. Я именно хотѣла, чтобы ты его здѣсь засталъ.

— Это неправда,—отвѣтилъ лордъ Гольмъ съ побагровѣвшимъ лицомъ.—Ты не думала, что я вернусь сегодня.

— Вотъ какъ! Такъ, значить, ты не собирался вернуться домой сегодня?—рѣзко спросила она.

Она сразу поняла, что онъ, по глупости, выдалъ себя, думая, что она угадала его намѣреніе. Онъ пробовалъ-было оправдаться, но жена его твердо держалась роли обвинительницы, стараясь не утратить этой выгодной позиціи.

— Я только вижу,—сказала она, наконецъ,—что ты прежде всего глупъ. Ты даже въ дурныхъ поступкахъ не умѣешь соблюдать осторожности.

— А ты?—спросилъ онъ.

— Я?—повторила она и подошла къ нему ближе.—Я ничего дурного не сдѣлала, ты самъ это знаешь,—сказала она и взглянула ему прямо въ лицо. Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Можетъ, было бы лучше, еслибы я способна была на дурное,—сказала она.—Мужчины вѣдь это предпочитаютъ, не правда ли?

Онъ взглянулъ на нее, потомъ опустилъ глаза на коверъ, и на лицѣ его видно было смущеніе.

— Но мнѣ все равно,—сказала она рѣшительно, внутренно взывая къ скрытому въ ней чистому ангелу и въ то же время сомнѣваясь, есть ли онъ въ ней.—Мнѣ все равно. Я не могу измѣнить свою натуру. И я увѣрена, что есть люди, предпочитающіе утонченность вульгарности, чистоту...

— Напримѣръ, Ульфордъ?—прервалъ онъ ее.

Его слова точно бичомъ хлестнули лэди Гольмъ. Она забыла о своей ангельской природѣ и о тѣхъ, которые считали ее ангеломъ.

— Какъ ты смѣешь!—воскликнула она.—Вѣдь я...

Онъ взялъ ключъ и бросилъ ей въ лицо. Физическое чувство торжества прошло, и онъ вспомнилъ о нанесенномъ ему оскорбленіи.

— Честныя женщины такихъ вещей не дѣлаютъ,—сказалъ онъ.—Еслибы объ этомъ узнали въ Лондонѣ,—твоя репутація погибла бы.

— А ты можешь открыто и безстыдно дѣлать все, что хочешь?

— Мужчина—дѣло другое.

Эти слова и самодовольный видъ, съ которымъ онъ ихъ произнесъ, возмутили лэди Гольмъ. Унизительная правда его словъ глубоко ее задѣла. Въ эту минуту она ненавидѣла и мужа, и всѣхъ мужчинъ. Ея бессильная злоба усугублялась сознаниемъ, что женщины сами признаютъ разную мораль для себя и для мужчинъ. Все это ее такъ возмущало, что она не могла ни слова сказать отъ бѣшенства, а лордъ Гольмъ счелъ это доказательствомъ неотразимой правды своихъ словъ. Опять онъ одержалъ побѣду. Его сила опьяняла его.

— Да, мужчины—дѣло другое,—повторилъ онъ,—и къ нимъ иначе относятся. Другого отношенія они не потерпятъ.

Лэди Гольмъ опять сѣла на вупетку и, сложивъ руки, крѣпко стиснула ихъ.

— Такъ, по твоему,—сказала она спокойнымъ голосомъ,—ты можешь унижать свою жену въ глазахъ всего Лондона, а она должна дѣлать видъ, что ей это пріятно, и продолжать быть вѣрною тебѣ. Но я не согласна ни на то, ни на другое. Я не буду спокойно выносить униженія, а что касается любви къ тебѣ, то ее не долго убить. Можетъ быть, она уже мертва.

Эта ложь прозвучала правдоподобно—быть можетъ, потому, что она ей самой казалась правдой.

— Что ты сказала?—спросилъ лордъ Гольмъ.

Торжествующее выраженіе исчезло съ его лица. Черты его выражали прежде всего полное изумленіе. Для жены его было совершенно ясно, что, несмотря на полуночный визитъ Лео Ульфорда, Фрицъ не подозрѣвалъ ее въ измѣнѣ и ни на минуту не думалъ, что ея любовь къ нему умерла или замѣнилась любовью къ кому-нибудь другому. Его самомиѣніе, повидимому, не имѣло границъ.

Но вдругъ у нея мелькнула другая мысль: что, если и Фрицъ вѣрить въ ея ангельскую натуру? Она никогда не причисляла его къ небольшому кругу вѣрящихъ въ ея духовную красоту. Его она относила къ числу поклонниковъ обольстительныхъ земныхъ сиренъ. Неужели же теперь... неужели въ одномъ и томъ же мужчинѣ могутъ быть два различныхъ существа, какъ въ одной и той же женщинѣ уживаются двѣ различныя натуры? Фрицъ приобрѣлъ для нея интересъ новизны—онъ вдругъ оказался сложнымъ. Въ немъ говорило теперь не самомиѣніе, отрицающее возможность измѣны себѣ, а довѣріе къ ней. Это тронуло ее до слезъ. Она взглянула въ лицо мужу, и вдругъ замѣтила, что бѣлая шелковая повязка у него на лбу слегка покраснѣла.

— Подойди сюда, Фрицъ, — сказала она мягкимъ голосомъ, и когда онъ послушно приблизился къ ней, прибавила:— Наклони голову.

Онъ нагнулся къ ней своимъ крупнымъ туловищемъ, и, прикаснувшись къ повязкѣ, она убѣдилась, что сквозь нее просачивается кровь.

Минуту спустя, Фрицъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ подлѣ умывальника, въ покорной повѣ, и наклонившаяся надъ нимъ женщина—ангелъ или сирена?—промывала рану на лбу.

XIV.

Послѣ этого вечера лэди Гольмъ почувствовала нѣчто новое въ своемъ отношеніи къ мужу—она стала идеализировать его. Прежде она цѣнила въ немъ его силу, самоувѣренность, его мощную животную натуру; теперь она узнала новаго Фрица, вѣрующаго въ ангела, и полюбила его, какъ равнаго своимъ возвышеннымъ поклонникамъ, сэру Дональду и Робину Пирсу. Изъ

любви къ нему, она старалась развивать въ себѣ ангельскія черты, и чувствовала, какъ въ ней растетъ внутренняя сила, оберегающая ее отъ прикосновенія грязи. Лордъ Гольмъ былъ пораженъ переменой въ женѣ; онъ ее чувствовалъ, хотя и не могъ опредѣлить, въ чемъ она состояла. Со времени инцидента съ Лео Ульфордомъ ихъ отношенія слегка измѣнились. Лордъ Гольмъ смутно чувствовалъ, что жена какъ бы слегка жалѣетъ его, прощаетъ ему его проступки, — и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ ея превосходство надъ собой. Кротость и нѣжность Виолы ставили его какъ бы на ступень ниже ея. И онъ сталъ смотрѣть на все окружающее глазами жены. О миссъ Шлей она говорила теперь съ добротой и симпатіей, но съ отгѣнкомъ великодушнѣйшей жалости, точно думая: „бѣдняжка, жаль что она такая неудачница!“ Лорду Гольму тоже стало казаться, что она неудачница, и это въ значительной степени уменьшало обаяніе американки въ его глазахъ. Онъ даже находилъ, что миссъ Шлей вовсе не такъ похожа на его жену, какъ это сначала казалось. Онъ связалъ это лэди Гольмъ — и ангель улынулся. Впрочемъ, можетъ быть, въ ней улынулся не ангель. Переменѣ въ лэди Гольмъ всѣ замѣтили; ее сочувственно привѣтствовали вѣрившіе въ ангела, а невѣрившіе — особенно тѣ, которые присутствовали при сценѣ у Аркелей и восторгались имитацией миссъ Шлей — смѣялись. Иные съ досадой отиѣчали эту переменѣ.

— Если такъ будетъ продолжаться, то имитация миссъ Шлей будетъ совсѣмъ устарѣвшей, — сказала м-ссъ Вольфштейнъ мужу однажды въ оперѣ, выходя изъ ложи лэди Гольмъ. Устарѣлость была величайшимъ преступленіемъ въ глазахъ м-ссъ Вольфштейнъ. А лэди Кардингтонъ, сэръ Дональдъ Ульфордъ и еще одинъ-два человѣка радовались осуществленію своей мечты и съ умиленіемъ смотрѣли теперь на лэди Гольмъ. Особенно эта переменѣ радовала сэра Дональда. Онъ расцвѣлъ и помолодѣлъ. Лэди Гольмъ не могла рѣшить, знаетъ ли онъ о томъ, что произошло между ея мужемъ и его сыномъ, и не рѣшалась спросить его. Онъ только одинъ разъ упомянулъ передъ нею имя Лео, говоря, что онъ уѣхалъ въ помѣстье жены. Это извѣстіе обрадовало лэди Гольмъ: преображаясь все болѣе и болѣе въ ангела, ей не хотѣлось видаться съ человѣкомъ, пострадавшимъ отъ ея экспериментовъ въ роли сирены. Самъ Лео немногаго стоилъ, но, пользуясь имъ исключительно какъ орудіемъ противъ Фрица, она поступала мелко, пошло, и теперь ясно это сознавала.

Въ лондонскомъ свѣтѣ готовилось событіе — благотворительный концертъ, который устраивала одна изъ принцессъ коро-

левскаго дома совмѣстно съ комитетомъ изъ высокопоставленныхъ дамъ; цѣлью концерта было собрать деньги на устройство клуба для солдатъ и моряковъ. Къ участию въ концертѣ привлечены были разные артисты и любители, и въ томъ числѣ лэди Гольмъ и миссъ Шлей. Последняя уже получила и приняла приглашеніе участвовать въ вечерѣ, когда принцесса лично обратилась къ лэди Гольмъ съ просьбой объ участіи. При этомъ она сообщила ей, что въ концертѣ выступитъ также „талантливая миссъ Шлей“. Лэди Гольмъ не сразу рѣшилась принять приглашеніе. Ей не хотѣлось опять встрѣтиться съ американкой, которую она уже давно не видала. Съ тѣхъ поръ какъ она промывала рану на лбу мужа, она какъ-то инстинктивно знала, что власть миссъ Шлей надъ Фрицемъ ослабла. Теперь ей бы хотѣлось провѣрить—такъ ли это; въ ней проснулось сильное, мучительное любопытство. Она боролась противъ этого чувства, болѣе свойственнаго сиренѣ, нежели ангелу. Но приглашеніе принцессы воскресило ея любопытство и другіе инстинкты; поддавшись искушенію, она согласилась участвовать въ концертѣ. Получивъ программу его, она увидала, что ея нумеръ—два романа—слѣдуетъ непосредственно за „нѣсколькими имитациями“ миссъ Шлей. Ей сдѣлалось неприятно. Кого выбрала своей жертвой на этотъ разъ хитрая американка? Не ее ли опять, какъ при своемъ дебютѣ? И почему помѣстили рядомъ ихъ имена,—не для привлеченія ли публики, наслышавшейся много о нихъ обѣихъ въ теченіе сезона? Лэди Гольмъ было тяжело думать объ этой паутинѣ свѣтской жизни, объ установившихся между нею и американкой враждебныхъ отношеніяхъ. Почему, собственно, онѣ стали врагами? Ей всей душой захотѣлось подняться выше тщеславія, самолюбія, корысти, управляющихъ жизнью общества. Въ первый разъ ее дѣйствительно охватила та жажда высшихъ радостей, которая звучала въ ея пѣніи. Теперь она была и безъ музыки тѣмъ, чѣмъ казалась, когда пѣла—существомъ съ таинственными порывами, съ внутреннимъ пламенемъ. Въ эту минуту она могла бы пѣть лучше, чѣмъ когда-либо.

Въ программѣ еще не были обозначены ея романсы. Она сама еще не остановилась ни на чемъ опредѣленномъ. Но теперь, чувствуя потребность выразить свое душевное состояніе, она рѣшила пѣть что-нибудь уносящее ее въ высъ. Ей нужна была пѣсня, въ которой ангелъ, таящійся въ ней, могъ бы возвысить голосъ, пѣсня, которая привела бы въ восторгъ вѣрющихъ въ ангела и была бы такъ далека, какъ только возможно, отъ имитаций миссъ Шлей. Послѣ долгихъ исканій она остано-

вилась на двухъ романахъ — на романѣ молодого англійскаго композитора, передающемъ атмосферу Востока, таинственную душу пустыни, и на грустной французской пѣснѣ, выражавшей вѣчную побѣду восторженной любви, способной на подвиги и жертвы. Избравъ эти два нумера, лэди Гольмъ сѣла за рояль учить ихъ. Но едва только она начала пѣть первые такты пѣсни о пустынѣ, какъ явился лакей, узнать, приметъ ли она лэди Кардингтонъ. Она велѣла просить ее, обрадовавшись ей, какъ самой подходящей въ ея настроеніи слушательницѣ. Лэди Кардингтонъ вошла въ гостиную по обыкновенію съ усталымъ, блѣднымъ лицомъ, одѣтая въ черное платье, съ нѣсколькими блѣдно-желтыми розами у корсажа. Увидавъ лэди Гольмъ за роялемъ, она тихимъ, слегка взволнованнымъ, какъ всегда, голосомъ, попросила ее продолжать пѣть, не стѣсняясь ея присутствіемъ. Затѣмъ она сѣла на кресло неподалеку отъ рояля, отвинувшись на спинку и поглядѣла на лэди Гольмъ выжидательнымъ, возбужденнымъ взглядомъ.

Лэди Гольмъ взглянула ей въ лицо и вдругъ рѣшила, что не будетъ пѣть ей пѣсню о пустынѣ, слишкомъ дикую для такой слушательницы. Сыгравъ короткую прелюдію, она запѣла итальянскую пѣсню, отъ которой вѣяло нѣжной и страстной любовью. Особенно хорошъ былъ припѣвъ въ ней, — нѣжный и томный, странно волнующій и печальный. Самыя слова звучали какъ музыка, а нѣжная мелодія дѣлала ихъ еще болѣе призывными.

Torna in fior di giovinezza
Isaotta Blanzesmano,
Dice: Tutto al mondo è vano:
Nè l'amore ogni dolcezza...

На глазахъ лэди Кардингтонъ показались слезы и скатились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. Голосъ лэди Гольмъ звучалъ нѣжно и мягко, и глаза ея были тоже влажны. Каждый разъ, когда она повторяла припѣвъ, ей казалось, что передъ нею раскрывается другой міръ, въ которомъ нѣтъ паутины, окутывающей людей, — міръ раскрытыхъ для полета крыльевъ, міръ несказанной красоты, о которой можно только мечтать.

— Вы совершенно особенно поете сегодня, — сказала лэди Кардингтонъ, проводя рукой по глазамъ.

— У меня и настроеніе сегодня совершенно особенное, — сказала лэди Гольмъ, не снимая рукъ съ клавишей. Въ глазахъ ея отражался какой-то внутренній страхъ. Во время пѣнія она думала: „Знала ли я любовь, передъ которой все въ мірѣ суета?“

Знала ли я любовь, заключающую въ себѣ всю сладость міра?“
При этой мысли что-то заняло у нея глубоко въ душѣ.

— Когда вы поете эту пѣсню,—продолжала лэди Кардингтонъ,—вы сами точно воплощеніе любви, заключающей въ себѣ всю сладость міра. Пойте такъ и съ такимъ выраженіемъ лица, какъ сегодня, и вы... Какъ жаль, что сэръ Дональдъ не слышитъ васъ теперь!

Лэди Гольмъ поднялась и отошла отъ рояля.

— Сэръ Дональдъ?—съ изумленіемъ повторила она и сѣла на стулъ рядомъ съ лэди Кардингтонъ.—Почему вы вспомнили именно о немъ?

Она пристально взглянула на лэди Кардингтонъ, которая отвела глаза. Ея обычная сдержанность покинула ее. Было что-то нервное и умоляющее во всей ея фигурѣ и въ ея позѣ.

— Почему вы заговорили о сэръ Дональдѣ?—повторила лэди Гольмъ.

Лэди Кардингтонъ подняла на нее глаза съ выраженіемъ безконечной грусти и нѣкотораго недовѣрія.

— Да развѣ вы не знаете,—сказала она,—что сэръ Дональдъ безумно влюбленъ въ васъ?

— Сэръ Дональдъ? Безумно!?

Она разсмѣялась, но не потому, что ей было дѣйствительно смѣшно, а чтобы скрыть другія мысли, вызванныя этимъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Ну да,—возразила лэди Кардингтонъ съ горечью,—для васъ ничего не существуетъ, кромѣ молодости. А между тѣмъ вы своимъ пѣніемъ разбиваете сердца старыхъ людей.

Она вдругъ разрыдалась. Лэди Гольмъ была такъ поражена, что даже не попыталась утѣшать ее, не стала предлагать вопросовъ. Она смотрѣла молча на согнувшуюся подъ тяжестью горя высокую фигуру лэди Кардингтонъ и слушала ея громкія рыданія. Потомъ вдругъ она все поняла—такъ ясно, точно кто-нибудь вошелъ въ комнату и ей все объяснилъ.

— Вы любите сэра Дональда,—сказала она.

Лэди Кардингтонъ взглянула на нее. Ея залитое слезами, искаженное лицо казалось очень старымъ.

— У насъ одинаково грустная судьба,—сказала она.—Мы оба были несчастны—въ то время, когда могли быть счастливы. У меня возникла безразсудная надежда, что мы могли бы утѣшить другъ друга. Вы разбили эту надежду.

— Я глубоко объ этомъ жалѣю,—сказала лэди Гольмъ нѣжнѣе,

чѣмъ обыкновенно говорила съ женщинами. Лэди Кардингтонъ опять поднесла платокъ къ глазамъ.

— Спойте еще разъ эту пѣсню! — проговорила она тихо. — Не говорите больше ничего. Только спойте, и я уйду.

Лэди Гольмъ сѣла за рояль и снова запѣла. Когда замерла послѣдняя нота пѣсни, она обернулась къ лэди Кардингтонъ, но ее уже не было. Лэди Гольмъ оперлась рукой на рояль и опустила голову на руку.

„Какой ужасъ быть старой!“ — подумала она. Она повторила въ полголоса послѣдній стихъ припѣва: „Nè l'amore ogni dolcezza“, и тихо сказала:

— Бѣдный сэръ Дональдъ! А потомъ прибавила! — Бѣдная....

Она не докончила фразы. Опять въ глазахъ ее появилось выраженіе испуга.

XV.

Благотворительный концертъ долженъ былъ состояться въ одномъ изъ лондонскихъ частныхъ дворцовъ, въ „Manchester House“, и такъ какъ ожидалось присутствіе членовъ королевской семьи, то всѣ билеты были быстро раскуплены. Среди купившихъ билеты были почти всѣ знакомые лэди Гольмъ. Не было только Робина Пирса, — онъ уѣхалъ въ Римъ. Но другіе, лэди Кардингтонъ, лэди Манби, м-съ Вольфштейнъ, сэръ Дональдъ, м-ръ Брэй, успѣли запастись билетами. Рупертъ Кэри тоже купилъ билетъ. Его перестали приглашать въ великосвѣтскіе дома, но на благотворительный концертъ имѣлъ право придти всякій, желающій заплатить гинеею. Къ истинному изумленію лэди Гольмъ, ее мужъ заявилъ ей наканунѣ концерта, что и онъ поѣдетъ съ нею.

— Что ты, Фрицъ! — возразила она: — вѣдь концертъ назначенъ днемъ. Тебѣ будетъ смертельно скучно, и ты навѣрное заснешь — еще захрапишь, чего добраго!

— Ничуть. Напрасно ты это думаешь.

Онъ вытянулъ, по обыкновенію, ноги, сидя въ креслѣ, и сталъ разглядывать кончики своихъ лакированныхъ ботинокъ. Лэди Гольмъ была поражена — неужели миссъ Шлей требовала, чтобы онъ пошелъ? Любопытство, которое она старалась побѣдить въ себѣ, теперь ее мучило выше мѣры. Фрицъ попросилъ показать ему программу концерта и, получивъ ее, сталъ читать. Она внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица.

— Это что означаетъ? — спросилъ онъ вдругъ. — „Нѣсколько имитаций“ — что это такое?

— Развѣ ты не зналъ, что миссъ Шлей даетъ мимическія представленія?

— Понятія не имѣлъ. Вѣдь она актриса.

— Да, теперь, но прежде, въ Америкѣ, она исполняла мимическія сцены въ кафе-концертахъ.

— Вотъ какъ! — произнесъ онъ съ серьезно-удивленнымъ видомъ и пристально посмотрѣлъ на жену. — Кого же она представляетъ?

— Не знаю, — разныхъ людей.

Онъ помолчалъ съ минуту, и сказалъ:

— Знаешь, лучше бы тебѣ не выступать завтра въ этомъ концертѣ.

— Теперь ужъ поздно отказываться. Да и почему?

Онъ колебался, не рѣшаясь сразу высказать свои опасенія, но наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Да я не знаю, что можетъ взбредить на умъ миссъ Шлей.

У лэди Гольмъ сильно забилось сердце. Неужели мужъ ея заговорить о томъ, что ей доставило столько страданій въ послѣднія недѣли — о своемъ флиртѣ, о своей связи — если это была дѣйствительно связь — съ американкой. Ревность, которую она старалась усунуть въ себѣ, снова овладѣла ею.

— Ты полагаешь, — сказала она, стараясь не выдать своего волненія, — что миссъ Шлей собирается устроить какую-нибудь непріятность завтра?

— Какъ знать? Она вѣдь — сущій дьяволъ! — отвѣтилъ онъ, какъ бы невольно преклоняясь передъ сатанинскими талантами американки. Этотъ отгѣновъ его словъ сильно задѣлъ лэди Гольмъ, — ей казалось въ эту минуту, что ангелы — глупыя и смѣшныя существа.

— Милый Фрицъ, — сказала она громко и явственно, какъ говорятъ, обращаясь къ ребенку, — ты вѣдь навѣрное отлично замѣтилъ, что съ перваго же своего появленія въ Лондонѣ миссъ Шлей имитировала меня. Вѣдь ты не слѣгъ и не могъ не видѣть того, что видѣлъ весь Лондонъ?

— Она имитировала тебя? И весь Лондонъ это знаетъ? Какой ужасъ! — Его смуглое лицо покраснѣло отъ гнѣва.

— Да вѣдь ты самъ это замѣчалъ. Ты говорилъ мнѣ о сходствѣ между нами въ выраженіи лица, движеніяхъ, походкѣ.

— Я полагалъ, что она дѣйствительно похожа на тебя. Мнѣ и въ голову не приходило, что это — намѣренное подражаніе. Какая непростительная дерзость!

Сильно взволнованный, онъ сталъ ходить по комнатамъ. Лэди Гольмъ посмотрѣла на него съ сожалѣнiемъ.

— Не сердись,—сказала она.—Я вѣдь ни на минуту не сердилась, хотя съ первой минуты ясно видѣла ея цѣль.

Онъ еще сильнѣе покраснѣлъ.

— Ты знала и терпѣла?—почти крикнулъ онъ внѣ себя отъ возмущенiя.—Ну, я покажу ей, какъ оскорблять мою жену. Мою жену! Я ее отъ этого отучу.

— Теперь ужъ нѣсколько поздно,—сказала лэди Гольмъ съ горечью.—Имитация миссъ Шлей и твое явное восхищенiе ея выдумкой потѣшали общество въ теченiе почти всего сезона.

— Мое восхищенiе?

— Да, ея игра, повидимому, доставляла тебѣ удовольствiе.

Съ этими словами она спокойно вышла изъ комнаты и закрыла за собой дверь. Но какъ только она вошла къ себѣ въ спальню и очутилась тамъ одна, всякое самообладанiе оставило ее. Она бросилась на кровать, зарыла лицо въ подушку и стала безудержно рыдать. Объясненiе съ мужемъ о нанесенной ей горькой обидѣ сломило ея гордость, и она свободно отдалась своему отчаянiю. Стоило ли быть красивой, молодой, богатой? Стоило ли выходить замужъ по любви для такихъ страданiй? Мужъ ея оказался прежде всего глупымъ—онъ ничего, ничего не замѣтилъ. А когда она сама открыла ему глаза, показала ему, какъ ее оскорбили, онъ возмутился только изъ эгоизма, только потому, что оскорбленная женщина была его женой, и что онъ также косвенно задѣтъ насмѣшкой надъ нею. Въ эту минуту ей казалось, что глупость, соединенная съ эгоизмомъ, могла убить даже такое прочное чувство, какъ любовь женщины. Она уже больше не могла идеализировать Фрица, и ясно сознавала теперь, что въ ней есть духовная жажда, неудовлетворимая ея чувствомъ къ Фрицу. Жизнь опять стала казаться ей сѣтью паутины,—и опять ее мучительно охватило желанiе, чтобы чья-нибудь мощная рука пришла и сняла паутину. Но кто останется у нея, когда исчезнетъ паутина отношенiй со всѣми окружающими? Только тѣ, которые вѣрятъ въ ангела. Фрица она уже не могла причислять къ нимъ. Останутся только Робинъ Пирсъ, сэръ Дональдъ—и кто еще?

И вдругъ ей показалось, что она точно слышитъ издали пѣсню, которую собиралась пѣть на слѣдующiй день на концертѣ:

Dice: Tutto al mondo è vano:

Nè l'amore ogni dolcezza...

Она снова заплакала, но уже не съ такимъ отчаяніемъ какъ прежде, а болѣе по-дѣтски. Ей слышались далекіе отголоски чего-то, таящагося въ глубинѣ души, и ее перестало мучить чувство пустоты.

На слѣдующій день Фрицъ самъ повезъ ее въ „Manchester House“ въ новомъ моторѣ, который онъ недавно приобрѣлъ. Все утро онъ не выходилъ изъ дому и ходилъ по комнатамъ очень разстроенный. Лэди Гольмъ видѣла, что ему хотѣлось что-то сказать ей, но онъ не рѣшался. Она была почти увѣрена, что у него произошла сцена съ миссъ Шлей послѣ ихъ разговора наканунѣ, и что онъ не вышелъ побѣдителемъ изъ стычки съ американкой. Видъ у него былъ скорѣе пришибленный. Но ей это теперь было какъ-то все равно — чувства Фрица перестали интересовать ее съ той минуты, какъ она почувствовала бездну, раздѣляющую ихъ. Она слишкомъ ясно различала въ немъ его глупость, слѣпоту, грубую чувственную натуру и эгоизмъ. Она продолжала хорошо относиться къ нему, но любви она уже не чувствовала — ни къ нему, ни къ кому-либо другому. Это не печалило ее: душа ея полна была другого чувства — какого-то тайнаго восторженнаго ожиданія. Фрицъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, но это не привлекало ея вниманія; ей даже не хотѣлось узнать, что его разстроило. Можетъ быть, это явное равнодушіе съ ея стороны и мѣшало ему объясниться съ нею.

Уже по дорогѣ въ „Manchester House“ онъ сказалъ ей:

— Я увѣренъ, что ты будешь сегодня лучше всѣхъ.

— Тамъ будетъ такъ много звѣзд!..

— Такъ ужъ ты постарайся всѣхъ ихъ затмить — прошу тебя объ этомъ!

Ему, повидимому, очень хотѣлось, чтобы она имѣла въ этотъ день большой успѣхъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ черезъ нее наказать миссъ Шлей послѣ ссоры съ ней. И хотя она была внутренно увѣрена, что понравится публикѣ, но ей было непріятно служить орудіемъ для эгоизма Фрица.

— Я, конечно, постараюсь хорошо спѣть — какъ всегда, — холодно сказала она.

— Ну, конечно, — я въ тебѣ увѣренъ! — Онъ сказалъ это какимъ-то заискивающимъ тономъ, совершенно несвойственнымъ ему обыкновенно. — Какое у тебя поразительное платье! — продолжалъ онъ. — Закрой его хорошенько плащомъ, чтобы не загрязнить.

Вскорѣ ихъ моторъ очутился въ длинной вереницѣ экипажей

и моторовъ, медленно приближавшихся къ „Manchester House“.

— Какой наплывъ публики! Любопытно, кто собственно будетъ.

— Всѣ, кто еще въ городѣ.

— А тебѣ когда выходить на эстраду?

— Черезъ часъ, не раньше.

— Это хорошо. Пріятнѣе вѣдь выступить позже, когда всѣ въ сборѣ. А что ты будешь пѣть?

Она хотѣла-было рѣзко отвѣтить ему, что онъ все равно не отличаетъ одной мелодіи отъ другой, но сдержалась и спокойно сказала:

— Итальянскій романсъ и французскій.

— О чемъ въ нихъ поется?

— Осторожно! — ты вѣдешь на кареты передъ нами.— О любви.

Онъ взглянулъ на нее искоса.

— Тебѣ къ лицу пѣть о любви,—сказалъ онъ, и она почувствовала, что онъ любитъ ее красотою, какъ чѣмъ-то новымъ для него. Но это ей было безразлично.

Они, наконецъ, пріѣхали. Лордъ Гольмъ оставилъ моторъ на попеченіе chauffeur'a и вошелъ съ женой въ подъѣздъ роскошнаго дворца. Наверху лѣстницы стояли, привѣтствуя гостей, хозяинъ дома съ женой. Хозяинъ—австралійскій миллионеръ—вручилъ леди Гольмъ великолѣпный букетъ изъ желтыхъ розъ, и она прошла дальше въ артистическую. Мужъ вызвался проводить ее туда. Она знала, что ему хочется пройти въ артистическую, чтобы увидѣть тамъ миссъ Шлей, и ей было неприятно противъ желанія служить ему орудіемъ для его цѣлей. Когда они вошли въ артистическую, тамъ уже было нѣсколько человѣкъ. Большинство изъ нихъ — нѣсколько оперныхъ пѣвцовъ, одинъ французскій актеръ—были знакомые леди Гольмъ. Поздоровавшись съ ними, она заговорила съ французомъ, и Фрицъ, еле-еле понимавшій по-французски, вставлялъ только встать и нестать: „о wee! о wee!“ и смѣялся.

Миссъ Шлей еще не пріѣхала; леди Гольмъ была увѣрена, что она пріѣдетъ поздно, съ тѣмъ, чтобы произвести какъ можно болѣшій эффектъ, но все это мало ее интересовало. У нея продолжалось охватившее ее съ утра состояніе какого-то возбужденнаго ожиданія, не связаннаго съ окружающей ее дѣйствительностью. Ей казалось, что близится нѣчто важное, но что—она сама не знала.

Французъ-актеръ заговорилъ съ кѣмъ-то другимъ, и она

прошла въ сосѣдную уборную, чтобы снять автомобильный плащъ и оправить платье. Стоя передъ зеркаломъ, она внимательно оглядѣла до малѣйшихъ подробностей свой туалетъ и стала всматриваться въ свое лицо—точно оно было чѣмъ-то чужимъ. Она нашла его красивымъ, не чувствуя отъ этого ни радости, ни гордости. Она ясно видѣла, что самое привлекательное въ ней была не красота чертъ, а одухотворенное выраженіе лица—что-то притягивающее и въ то же время отдаляющее. Глаза у нея были такіе, точно они видѣли чудо и опять увидать его.

Пришла дѣвушка помочь ей. Черезъ минуту она уже вернулась въ зеленую гостиную съ букетомъ въ рукахъ.

Тамъ пришло за это время еще нѣсколько человекъ, но миссъ Шлей не было среди нихъ. Фрицъ оставался въ артистической и ходилъ по комнатамъ съ нѣсколько смущеннымъ видомъ. Леди Гольмъ отлично знала, что онъ поджидаетъ американку, и ей было жаль его. Часъ, назначенный для начала концерта, уже наступилъ, но нужно было ждать пріѣзда принцессы. Изъ залы, отдѣленной ширмами отъ артистической, доносился смутный гулъ разговоровъ. Исполнители начинали слегка волноваться, пѣвцы просматривали свои партіи, стовариваясь съ аккомпаниаторомъ относительно придуманныхъ въ разныхъ мѣстахъ эффектовъ. Члены комитета поглядывали на часы и разговоры въ залѣ становились все болѣе громкими.

Леди Гольмъ присѣла на диванъ. Она на этотъ разъ совершенно не волновалась и была увѣрена, что споетъ хорошо. Ей казалось, что все ея существо полно музыки, что музыка течетъ по ея жиламъ вмѣсто крови, свѣтитъ въ ея глазахъ, бьется въ ея сердцѣ. Но въ то же время ей попрежнему казалось, что она точно сидитъ у окна и глядитъ изъ него на дорогу, прислушиваясь къ приближенію чего-то идущаго издалека.

— Видѣли вы его? — спросила неподалеку отъ нея одна дама свою сосѣдку.

— Да. Онъ ужасно измѣнился. И какъ это онъ рѣшается показываться въ обществѣ?

— А онъ вѣдь таковой умный и славный. Онъ мнѣ разъ оказалъ много услугъ по устройству одного благотворительнаго вечера. И знаете...

Леди Гольмъ сразу поняла, что рѣчь идетъ о Рупертѣ Кэри. Значитъ, и онъ пришелъ слушать ее. Она вспомнила о балѣ у Аркелей, но кто-то заговорилъ съ нею, и она забыла о Кэри. Черезъ минуту въ артистическую медленно вошла миссъ Шлей, въ сопровожденіи маленькой старой женщины, одѣтой чрезвы-

чайно безвкусно. Вслѣдъ за нею шелъ Лео Ульфордъ съ букетомъ красной гвоздики. При видѣ Фрица онъ весь вспыхнулъ, потомъ сердито взглянулъ на лэди Гольмъ. На ея легкой кивокъ головой онъ не отвѣтилъ, дѣлая видъ, что поглощенъ разговоромъ съ миссъ Шлей. Лэди Гольмъ улыбнулась, видя со стороны Лео Ульфорда и американки обдуманнѣйшій планъ мелкой мести по отношенію къ ней и ея мужу. Она взглянула на Фрица, — онъ, повидимому, отнесся къ вошедшей парочкѣ не съ такимъ равнодушіемъ, какъ его жена, а былъ сильно взволнованъ; относительно него, повидимому, ихъ месть удалась. Онъ не могъ скрыть вспыхнувшего въ немъ чувства ревности и обиды. Не будучи въ состояніи продолжать начатый разговоръ съ какой-то дамой, онъ замолкъ и сталъ смотрѣть въ упоръ на Лео и миссъ Шлей съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ. Потомъ онъ направился къ американкѣ съ явнымъ желаніемъ заговорить съ ней и, вѣроятно, излить на нее все свое раздраженіе, но ему не удалось подойти къ ней, — Лео Ульфордъ не отходилъ отъ нея, и она нѣжно улыбалась ему изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ. Маленькая старушка сидѣла подлѣ нихъ, съ комично-важнымъ видомъ расправляя свое поношенное черное полковое платье.

Въ залѣ вдругъ стало тихо. Приѣхали наконецъ принцессы, и вся зала поднялась, привѣтствуя ихъ. Когда онѣ сѣли, раздался шорохъ платьевъ; публика усѣлась, и можно было начать концертъ. Пיאнистъ быстро подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, нѣжно державшей въ рукахъ скрипку, и, подавъ ей руку, прошелъ съ нею за ширмы, въ концертную залу. Черезъ минуту раздались звуки дуэта.

Въ артистической, конечно, никто не слушалъ музыку, и всѣ стали разговаривать, понизивъ голосъ. Миссъ Шлей продолжала стоять посреди комнаты рядомъ съ Лео Ульфордомъ. Фрицъ прислонился къ стѣнѣ и не отводилъ отъ нея глазъ. Миссъ Шлей взглянула на него, сдѣлала удивленный видъ и слегка кивнула ему. Онъ сдѣлалъ-было шагъ по направленію къ ней, но она стала усиленно шептаться съ Ульфордомъ, и онъ отступилъ назадъ. Лэди Гольмъ ясно видѣла, что Фрицъ играетъ глупую и смѣшную роль, и замѣтила, что нѣсколько паръ глазъ съ улыбкой слѣдятъ за нимъ, явно издѣваясь надъ его глупостью. Но ей это было все равно. Его поведеніе не нарушало ея страннаго настроенія, еще сильнѣе охватившаго ее при звукахъ скрипки.

Когда окончился дуэтъ и на эстраду прошелъ теноръ съ фатовскимъ, уже немолодымъ, обрюзгимъ лицомъ, къ лэди

Гольмъ медленно, но рѣшительно подошла миссъ Шлей; взявъ стулъ, она сѣла подлѣ нея.

— Какъ я рада васъ видѣть!—протянула она.—Я весь сезонъ мечтала о томъ, чтобы услышать ваше пѣніе.

— Вы очень любезны.

— Это не любезность, а фактъ. М-ръ Ульфордъ, подойдите сюда и дайте мнѣ мой букетъ.

Ульфорду ничего не оставалось, какъ исполнить ея требованіе; онъ подошелъ и взглянулъ на лэди Гольмъ съ напускнымъ равнодушіемъ. Но видъ у него былъ такой, точно его только-что опять прибили. Лэди Гольмъ, не обращая вниманія на Лео, стала слушать пѣніе, но миссъ Шлей вовсе не намѣревалась оставить ее въ покоѣ. Она обратилась къ Лео Ульфорду:

— Да садьте же подлѣ насъ, м-ръ Ульфордъ!—сказала она.—Я не могу видѣть, какъ вы стоите все время; меня это раздражаетъ.

Обернувшись къ лэди Гольмъ, она продолжала:

— М-ръ Ульфордъ чрезвычайно любезенъ и милъ. Онъ пріѣхалъ изъ деревни только для того, чтобы сопровождать меня и маму на сегодняшній концертъ. Мама прямо въ восторгѣ отъ него.

Лео мялъ букетъ въ рукахъ. Ему было видимо не по себѣ; онъ изрѣдка поглядывалъ на лорда Гольма, у котораго былъ чрезвычайно глупый видъ. Дерзость американки превзошла всѣ его ожиданія.

— Какое странное лицо у вашего мужа,—здоровъ ли онъ?—спросила миссъ Шлей.

— Совершенно здоровъ,—спокойно отвѣтила лэди Гольмъ.

Ее почему-то совершенно не сердило, не возмущало и вообще не трогало явное желаніе миссъ Шлей говорить ей непріятности. Она поняла, что Фрицъ, вѣроятно, устроилъ ей сцену за ея имитациі, что миссъ Шлей взбѣшена этимъ и теперь рѣшила, при содѣйствіи Лео Ульфорда, отмстить обоимъ. Своей дружбой съ Лео и своимъ фамиллярнымъ обращеніемъ съ нимъ она думала возбудить ревность и мужа, и жены. Относительно лорда Гольма ея цѣль вполнѣ удалась, но лэди Гольмъ была искренно равнодушна къ вульгарной выходкѣ американки. Миссъ Шлей была совершенно озадачена; да и сама лэди Гольмъ не понимала своего настроенія, своей внезапной отрѣшенности отъ мелочей жизни, отъ чувствъ и страстей, волновавшихъ всѣхъ вокругъ нея. Ей дѣйствительно казалось, что бѣлый ангелъ, таящійся въ ней, расправилъ наконецъ крылья и несетъ ее въ высь. Миссъ

Шлей, Лео Ульфордъ, даже Фрицъ, едва сдерживавшій гнѣвъ и ревность при видѣ американки и Ульфорда, — всѣ они казались ей въ эту минуту безконечно далекими.

Когда теноръ вончилъ свой нумеръ, лэди Гольмъ поднялась, пошла ему навстрѣчу, поздравила его съ успѣхомъ и подошла къ Фрицу.

— Пойди въ залу, — ласково сказала она ему. — Тамъ тебѣ будетъ интересно, а здѣсь ты только мѣшаешь. Я бы хотѣла, чтобы ты былъ въ залѣ, когда я буду пѣть.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ, — я иду. Ты права, — мнѣ лучше уйти. А ты, пожалуйста, затми ее собой; ты можешь это сдѣлать и она заслуживаетъ наказанія.

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ изъ артистической. У лэди Гольмъ осталось послѣ его ухода неприятное чувство. Ей хотѣлось хорошо спѣть, но не для того, чтобы наказать миссъ Шлей за ея вину передъ Фрицемъ. Ей было противно служить орудіемъ въ рукахъ Фрица. Она сѣла на диванъ въ углу артистической, и стала слушать пѣніе, доносившееся изъ залы. Пѣла ея хорошая знакомая, обладавшая пріятнымъ контраalto. Ее смѣнилъ французскій актеръ, и до лэди Гольмъ стали доноситься несмолкаемые взрывы хохота. Публика оживилась, — и лэди Гольмъ казалось, что все уже подготовлено къ ея пѣнію, что она сумѣетъ зачаровать всѣхъ своимъ пѣніемъ. Зачѣмъ только Фрицъ поднялъ вопросъ о соперничествѣ между нею и миссъ Шлей? Это все портило. При охватившемъ ее настроеніи всякая мысль о мести или вообще житейскомъ торжествѣ была ей нестерпима. Ей хотѣлось бы пѣть до миссъ Шлей, — этимъ устранялось всякое намѣреніе съ ея стороны затмить американку во мнѣніи публики.

И какъ бы въ отвѣтъ на ея желаніе, къ ней подошла миссъ Шлей съ просьбой пѣть до нея, въ виду того, что два нумера декламации подъ-рядъ утомительны для публики. Лэди Гольмъ тотчасъ же изъявила согласіе и замѣтила, какъ ея готовность изумила американку. Очевидно, у миссъ Шлей были недобрыя намѣренія относительно нея, и ее только удивляло, что намѣченная ею жертва добровольно шла въ западню. Лэди Гольмъ ясно понимала американку, но ея намѣренія были ей теперь безразличны. Во всякомъ случаѣ ее никто не сможетъ обвинить въ желаніи затмить миссъ Шлей, выступивъ послѣ нея.

Выйдя на эстраду, лэди Гольмъ окинула быстрымъ взглядомъ переполненную залу и сразу увидѣла всѣхъ, кого знала. Впереди всѣхъ сидѣли двѣ принцессы; онѣ привѣтливо улыбнулись и кивнули головой лэди Гольмъ въ отвѣтъ на ея по-

клонъ; въ рядахъ за ними она увидѣла своихъ знакомыхъ: лэди Кардингтонъ сидѣла съ грустнымъ и странно возбужденнымъ лицомъ рядомъ съ сэромъ Дональдомъ, м-съ Вольфштейнъ рядомъ съ м-ромъ Ликокомъ, затѣмъ м-ръ Брэй, лэди Манби, которая смѣялась, шепча что-то на ухо толстому старому господину въ фескѣ. За ихъ спиной сидѣлъ Фрицъ; онъ поднялся при появленіи жены на эстрадѣ, и въ его взглядѣ, устремленномъ на нее, лэди Гольмъ ясно прочла тѣ же слова: „накажи ее“! А въ послѣднемъ ряду она увидала испугавшее ее лицо Руперта Кэри, страшно обрюзгшее отъ губящаго его порока. Только глаза его горѣли яркимъ пламенемъ отчаянія. Душа его, отражавшаяся въ горящихъ глазахъ, точно молила освободить ее изъ мрачной, грязной тюрьмы. Лэди Гольмъ начала съ французской пѣсни о человѣкѣ, который вель подвижническую жизнь въ пустынѣ, чтобы стать достойнымъ любимой женщины. Лэди Гольмъ чувствовала, что переживаетъ настроеніе пѣсни всей душой. Она даже не думала о впечатлѣніи, которое производитъ на публику, но вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно чувствовала присутствіе всѣхъ, кого знала: Фрица, лэди Кардингтонъ, сэра Дональда и даже несчастнаго, ужаснаго Руперта Кэри. Къ этому примѣшивалось, однако, странное чувство равнодушія, отдаленности отъ всѣхъ. Она жила какъ бы двумя жизнями—жизнью лэди Гольмъ и еще другого существа. Кто оно, она не спрашивала себя, но у нея было чувство, точно въ ней въ эту минуту вырвался на свободу узникъ, долго бывший въ заточеніи. Какъ только она кончила пѣть и раздались бурные аплодисменты, въ ней зашевелилось горькое чувство. Вернулось сознаніе дѣйствительности, и ей особенно печально было глядѣть на Фрица. Вѣдь изъ любви къ ней никто не уходилъ молиться и поститься въ пустыню, чтобы искать тамъ отвѣта на вѣчный вопросъ, томящій женскую душу.

Піанистъ перебралъ ноты, и раздались звуки нѣжной, мелодичной прелюдіи,—лэди Гольмъ стала пѣть итальянскую пѣсню, которая заставила рыдать лэди Кардингтонъ.

Впослѣдствіи она часто вспоминала о томъ, что пѣла именно эту пѣсню въ этотъ знаменательный день, думая о ней, какъ о мостицѣ, перекинутомъ черезъ бездну, раздѣляющую одну судьбу отъ другой. Ей казалось, что когда она переходила черезъ мостицъ, т.-е. когда пѣла итальянскую пѣсню, она точно имѣла слабое представленіе о томъ, чтд—по ту сторону бездны. Она не различала ея очертаній, но знала, что начинается непохожее на все прежнее. Можетъ быть, она ошибалась; можетъ быть, ей только казалось, что она угадала нѣчто въ дѣйствительности

скрытое отъ нея. Несомнѣнно только, что она произвела необычайное впечатлѣніе на слушателей. Многие, услыжавъ потомъ о несчастіи, постигшемъ ее такъ скоро послѣ ея пѣнія, были страшно потрясены. Имъ казалось, что когда она пѣла, у нихъ было предчувствіе страшной, надвигающейся судьбы, что имъ слышался голосъ, шептавшій: „слушайте, это поетъ голосъ грядущаго“! Многие въ Лондонѣ говорили на слѣдующій день: мы чувствовали въ ея пѣніи, что должно случиться нѣчто необычайное съ ней.

Лэди Гольмъ сама точно чувствовала, что это—ея лебединая пѣснь, что она достигла высшаго для себя совершенства, и рваться выше было бы вызовомъ судьбѣ. Она видѣла подтвержденіе этого въ полныхъ слезъ глазахъ лэди Кардингтонъ, въ помолодѣвшемъ взорѣ сэра Дональда и въ глазахъ несчастнаго Руперта Кэри. Когда она пѣла слова припѣва „*Tutto al mondo è vano—nè l'amore ogni dolcezza*“, она вдругъ поняла вполне, чѣмъ любовь всегда была и всегда будетъ для міра. Вся душа ея прониклась любовью, все ея существо точно засвѣтилось внутреннимъ сіяніемъ, освѣтившимъ для нея окружающую ее темноту. И ей становилось страшно отъ сознанія, что только въ ней одной свѣтъ, что вокругъ—прежняя ложь. Вотъ Фрицъ. Онъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, и не чувствуетъ ея новой правды,—онъ только радуется ея успѣху, надѣясь, что онъ ослабитъ торжество женщины, обидѣвшей его.

Нѣтъ, не въ немъ воплощена правда, которую она нашла. Она смотрѣла прямо въ устремленные на нее взгляды, взглянула на сэра Дональда, когда пѣла: „*Dice: Tutto al mondo è vano*“, взглянула на Руперта Кэри и продолжала: „*Nè l'amore ogni dolcezza*“. Въ эту минуту пугавшая ее маска уродливой плоти исчезла—она видѣла только пламенные глаза Руперта.

Сойдя съ эстрады, лэди Гольмъ тотчасъ же послала за своимъ автомобильнымъ плащомъ. Пока за нимъ ходили, ей пришлось выйти два раза раскланиваться. Миссъ Шлей, у которой былъ очень разсерженный видъ, сказала:

— Вѣдь вы не уйдете до моего нумера, надѣюсь?

— Я пройду въ концертную залу,—оттуда слышите и видите,—отвѣтила лэди Гольмъ.

Миссъ Шлей недовѣрчиво взглянула на нее, но отвѣчать было некогда. Она слѣшила на эстраду. Когда она исчезла за ширмой, лэди Гольмъ завернулась въ плащъ, спустила вуаль и быстро направилась къ выходу.

Ей хотѣлось прежде всего быть наединѣ съ самой собой.

Спустившись по лѣстницѣ, она послала лакея отыскать ея моторъ. Когда онъ подъѣхалъ, она сказала chauffeur'у:

— Отвезите меня скорѣе домой; потомъ вы вернетесь за лордомъ Гольмомъ.

Моторъ быстро отъѣхалъ, и лэди Гольмъ увидѣла, что на улицахъ было совсѣмъ мокро.

— Развѣ шель дождь?—спросила она.

— Очень сильный, милэди.

XVI.

На слѣдующій день въ газетахъ было подробное описаніе концерта въ „Manchester House“. И въ нихъ же было описаніе несчастія съ автомобилемъ, приключившагося въ тотъ же день вблизи Гайдъ-Парка.

На мокрой отъ дождя мостовой новый моторъ лорда Гольма, отвозившій лэди Гольмъ домой очень быстрымъ ходомъ, поскользнулся и опрокинулся, волоча за собой лэди Гольмъ. Въ то время какъ она лежала на землѣ, на моторъ налетѣла коляска.

Всѣ ея друзья и знакомые, также какъ и посторонніе прочли каждый въ своей газетѣ за утреннимъ чаемъ о томъ, какъ она прекрасно пѣла на концертѣ, и прочли также слѣдующія слова въ концѣ описанія катастрофы:

„Намъ сообщаютъ, что лэди Гольмъ получила, къ несчастію, серьезныя поврежденія въ лицѣ. Мы не знаемъ еще подробностей, но, по нашимъ свѣдѣніямъ, признана необходимость безотлагательной операціи, которая будетъ произведена сегодня знаменитымъ хирургомъ м-ромъ Бернардомъ Криспиномъ. Лэди Гольмъ очень страдаетъ, и опасаются, что она останется изуродованной на всю жизнь“.

Переворотъ, котораго жаждала лэди Гольмъ, совершился. Одно изъ ея существованій—жизнь сирены—кончилось.

XVII.

Въ теплый, но пасмурный день, въ концѣ сентября того же года, къ пароходной станціи въ Комо подъѣхала въ наемной коляскѣ дама, лицо которой было плотно закрыто вуалью. Она была одна, но за нею слѣдовала вторая коляска, нагруженная большимъ количествомъ багажа; въ ней сидѣла итальянка гор-

ничная. Выйдя изъ коляски, дама остановилась, видимо чего-то ища. У пристани стояло много лодокъ; подлѣ одной изъ нихъ, довольно большой, коричневой съ позолотой, стояли два итальянскихъ мальчика въ матросскихъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на женщину подъ вуалью, подошелъ къ ней и спросилъ по-итальянски:

— Вы синьора, которую ждуть въ „Casa Felice“?

— Да.

— Вотъ ваша лодка, синьора,—сказалъ онъ, снимая учтивымъ жестомъ свою круглую шапку. Онъ провелъ ее къ лодкѣ, и черезъ нѣсколько минутъ она съ двумя мальчиками медленно скользила въ позолоченной лодкѣ по спокойному озеру. Горничная поѣхала съ багажемъ въ другой, черной гондолѣ. День былъ сѣрый и таинственный—какъ закутанное вуалью лицо одинокой дамы. Природа была такая же безмолвная, какъ она, и два гребца склонились къ весламъ съ задумчивыми, печальными лицами. Новая „падрона“ нѣсколько пугала ихъ своимъ мрачнымъ видомъ. Они медленно подвигались по направленію къ „Casa Felice“. Другихъ лодокъ почти совсѣмъ не было на озерѣ. Пароходъ уже давно отплылъ въ Белладжіо, а черная гондола съ багажемъ осталась далеко позади.

Лэди Гольмъ стала изъ-подъ вуали разсматривать двухъ молоденькихъ итальянцевъ, поглядывавшихъ на нее съ выраженіемъ нескрываемаго любопытства. Неужели все, что она теперь переживала, не было сномъ? Со времени несчастія, навсегда измѣнившаго ея жизнь, она впервые испытывала такое состояніе пустоты и страшнаго одиночества. Мѣра страданій еще не переполнилась,—на нее надвинулась новая мука. Она откинулась на подушки, и у нея было одно только желаніе—опуститься глубоко, глубоко, на самое дно водяной бездны.

Вдругъ раздались тихіе звуки пѣнія. Одинъ изъ молодыхъ гребцовъ пѣлъ—сначала въ полголоса, потомъ все громче и громче—очевидно, для того, чтобы разсѣять овладѣвшую имъ грусть. Лэди Гольмъ стала различать слова, услышала сначала слово „carissima“, а затѣмъ „amore“. Это было для нея еще одной ядовитой стрѣлой. Ей было невыносимо слушать теперь пѣсни объ южной, страстной любви, но она не остановила пѣніе мальчика. Онъ пѣлъ теперь полнымъ голосомъ, какъ бы для того, чтобы разсѣять мракъ, окутавшій природу, звуками торжествующей любви. Но вдругъ онъ какъ бы самъ изумился жуткому противорѣчію между своей цвѣтущей молодостью и молча-

ливой фигурой, сидѣвшей противъ него. Онъ оборвалъ пѣсню и спросилъ:

— Можеть быть, синьора не любитъ музыки?

Лэди Гольмъ хотѣла отвѣтить, но не могла. Она и мальчикъ съ блестящими глазами жили въ разныхъ мірахъ. Онъ этого не зналъ, но для нея это было ясно. И одинъ міръ не можеть говорить съ другимъ черезъ бездну пространства. Она ничего не сказала; мальчикъ переглянулся со своимъ товарищемъ, и они продолжали молча грести. Когда прекратились звуки, лэди Гольмъ опять погрузилась въ хаосъ безконечнаго одиночества: ей казалось, что она въ пустынѣ вѣчности, гдѣ не отведено мѣста человѣку.

Вскорѣ мальчикъ, который пѣлъ, сдѣлалъ движеніе правымъ весломъ, направляя лодку къ берегу, и лэди Гольмъ увидѣла на берегу большой домъ. Онъ стоялъ совершенно отдѣльно, и на далекое разстояніе отъ него не видно было другого жилища. Плоскій желтый фасадъ высился надъ водой, а за домомъ на крутомъ холмѣ раскинулась роща густыхъ деревьевъ. Подробностей съ озера нельзя было различить. Получалось только общее впечатлѣніе, — скорѣе грустное.

— Ессо „Casa Felice“, signora! — сказалъ одинъ изъ гребцовъ, указывая на домъ смуглой рукой. — Она сдѣлала усиліе надъ собой и произнесла нѣсколько словъ. Ободренный этимъ, мальчикъ сталъ ей рассказывать о красотѣ дома; она старалась его слушать, но не могла. Слишкомъ страннымъ казалось ей, что она теперь здѣсь одна, подъ густой вуалью, пріѣхала осенью въ пустынный домъ — только для того, чтобы скрыться отъ всѣхъ взглядовъ. Неужели она сдѣлалась одной изъ тѣхъ одинокихъ женщинъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ нѣсколько презрительнымъ сожалѣніемъ?

Лодка подѣхала къ берегу, и лэди Гольмъ могла яснѣе разглядѣть домъ. Онъ былъ большой и по срединѣ фасада была терраса съ круглыми арками и тонкими колоннами. Терраса раздѣляла домъ на-двое. Видла состояла такимъ образомъ изъ двухъ квадратныхъ зданій, соединенныхъ между собой. Надъ домомъ высился холмъ, а на немъ росли высокіе кипарисы; изъ-за дома доносился громкій шумъ водопада. Лэди Гольмъ чувствовала, что ея отчаяніе растетъ въ этой обстановкѣ.

Лодка остановилась у старой каменной лѣстницы. Одинъ изъ мальчиковъ вышелъ, позвонилъ у воротъ, и тотчасъ же слуга итальянецъ открылъ большую желѣзную рѣшетку въ каменной нишѣ; за рѣшеткой лѣстница вела дальше вверхъ между стѣ-

нами, обросшими мхомъ. Мальчикъ подошелъ къ лэди Гольмъ, чтобы помочь ей выйти изъ лодки. Ей трудно было очнуться отъ забытья; члены ея отказывались повиноваться ей, вся она погрузилась въ пустынную вѣчность. Но мальчикъ протянулъ ей руку, она поднялась и послѣдовала за нимъ. Слуга провелъ ее по лѣстницѣ въ садъ, раскинутый высоко надъ озеромъ. Слѣва была дверь въ домъ. Она на минуту остановилась, глядя на равнину сѣрой неподвижной воды. Затѣмъ, тронувъ рукой вуаль, какъ бы для того, чтобы еще плотнѣе прикрыть имъ лицо, она немедленно вошла въ домъ.

XVIII

Лэди Гольмъ поѣхала въ „Casa Felice“ съ отчаянія. Когда оказалось, что лицо ея страшно изуродовано—навсегда, первой ея мыслью было самоубійство. Но на это она не рѣшилась. Жизнь превратилась для нея въ сплошной ужасъ, но у себя въ Лондонѣ, въ обстановкѣ, напоминавшей ей прежнее счастье, она не могла убить себя. Послѣ операции, когда доктора рѣшили, что ничѣмъ больше ей нельзя помочь, она пережила острый кризисъ отчаянія; запершись у себя въ комнатѣ, она рвала на себѣ одежду, лежала на полу цѣлыя сутки безъ сна и пищи. Но животный инстинктъ побѣдилъ; она наконецъ заснула и проснулась обезсиленная, но спокойная. Она рѣшила бросить вызовъ врачамъ. Они вѣдь не знаютъ, на что способна женщина, чтобы вернуть утраченную красоту. Лэди Гольмъ стала обращаться ко всѣмъ специалистамъ, ко всѣмъ шарлатанамъ, объявляющимъ о своихъ чудодѣйственныхъ средствахъ въ газетахъ.

Къ дому на Кадоганъ-Скверѣ потянулась цѣлая вереница разныхъ темныхъ личностей—женщинъ и мужчинъ разныхъ національностей. Но они ничего не могли подѣлать. Наконецъ призванъ былъ американскій специалистъ, прославившійся тѣмъ, что превратилъ какую-то шестидесятилѣтнюю старуху, бывшую красавицу, въ женщину лѣтъ тридцати-шести съ виду. На него лэди Гольмъ возложила послѣднюю надежду. Онъ долго просидѣлъ въ ея комнатѣ, и когда онъ вышелъ, у него были слезы на глазахъ. Лакей съ удивленіемъ взглянулъ на его взволнованное лицо, провожая его къ выходу, и онъ сказалъ, объясняя свои слезы:

— Бѣдная, ей ничѣмъ нельзя помочь.

— Неужели?—воскликнулъ слуга,—это былъ тотъ, котораго лэди Гольмъ послала передать ключъ Лео Ульфорду.

— Положеніе безнадежное. Тяжело сказать женщинѣ, что она всегда будетъ ужасать всѣхъ своимъ видомъ. А вѣдь, судя по лѣвой сторонѣ ея лица, она, вѣроятно, была прежде хороша собой,—прибавилъ онъ, уходя.

Вотъ чѣмъ стала лэди Гольмъ. Она должна была приучить себя къ мысли, что на нее непріятно смотрѣть. За все это время она не видѣла Фрица. Онъ просилъ, чтобы она его пустила къ себѣ, даже настаивалъ на этомъ, но пока у нея оставалась надежда вернуть свою утраченную красоту, она не хотѣла, чтобы онъ видѣлъ ее изуродованной. Она холодѣла при мысли о его первомъ взглядѣ на ея лицо. Но послѣ ухода американца она поняла, что больше ждать нечего, что если она хочетъ когда-либо показаться Фрицу, лучше сдѣлать это сейчасъ же. Повязки съ лица были сняты. Она подошла къ зеркалу и, стиснувъ зубы, сжавъ руки, рѣшительно взглянула на себя.

Она не узнала своего лица. Предъ ней стояла страшная, чужая женщина. Паденіе изъ автомобиля и хирургическое леченіе совершенно измѣнили ея черты. Ея тонкій носъ сдѣлался теперь грубымъ, безформеннымъ. Глубокій шрамъ навсегда искавилъ ротъ, придавъ ему странное, насмѣшливое выраженіе. Вся правая сторона лица была вздута и опустилась къ подбородку. Къ тому же она была теперь совершенно багроваго цвѣта отъ обжога, который получила лэди Гольмъ, упавъ подъ моторъ. Шрамъ со временемъ, быть можетъ, поблѣднѣетъ. Но лицо навсегда останется уродливымъ и смѣшнымъ; при первомъ взглядѣ на нее, всякій увидитъ, что эта женщина была жертвой несчастнаго случая.

Лэди Гольмъ долго разглядывала себя въ зеркало сухими, воспаленными глазами. Потомъ она подошла къ туалету и стала медленно покрывать лицо разными косметиками, пока не сдѣлалась похожа на женщину, гуляющую по Риджентъ-Стриту. Лицо ея превратилось въ страшную маску, не скрывавшую, однако, изуродованности чертъ. Отъ употребленія косметики она почувствовала острую боль. Правая сторона лица вздулась. Она выглядѣла страшной старухой подъ пудрой и румянами. И сразу видно было, что подъ всѣмъ этимъ скрывается ужасное уродство. Боль въ лицѣ все усиливалась, становилась невыносимой, и лэди Гольмъ стала смывать краски, чуть не плача отъ боли. Покончивъ съ этимъ, она позвонила. Горничная постучалась въ дверь; лэди Гольмъ спросила, дома ли ея мужъ, и получивъ

утвердительный отвѣтъ, послала дѣвушку сказать ему, что ждетъ его у себя.

Дѣвушка ушла, и лэди Гольмъ сѣла на кушетку подлѣ постели. Она вся дрожала, какъ преступница, которая должна предстать передъ глазами судьи. Чтобы совладать съ своими нервами, она взяла подушку и вѣриво сжала ее въ рукахъ. Въ это время повернулась ручка двери.

— Не входи!—рѣзко вскрикнула она.

Но дверь открылась, и на порогѣ показался ей мужъ. Она быстро повернула къ нему лѣвую, неповрежденную сторону лица.

— Ви!—воскликнулъ онъ.—Бѣдная моя! — Онъ быстро направился къ ней, но она остановила его и попросила запереть дверь. Онъ повиновался, но она все еще сидѣла, отвернувшись отъ него.

— Ты знаешь,—спросила она рѣзкимъ голосомъ,—знаешь, что я сильно измѣнилась послѣ несчастья?

— Знаю, мнѣ говорили доктора. Но я не вижу особенной перемѣны.

— Да, съ той стороны, которую ты видишь, нѣтъ перемѣны,—сказала она снова, вся задрожавъ.

— Ну, да я полагаю, что не такъ ужъ это страшно...

— Очень страшно. Стой и не двигайся. Скажи, Фрицъ, ты меня любишь?

— Конечно, дорогая. Вѣдь ты знаешь...

Вдругъ она встала и съ отчаянной рѣшимостью взглянула ему прямо въ лицо.

— Ты меня любишь, Фрицъ?—повторила она.

Наступило мертвое молчаніе, длившееся безъконечно долго. Наконецъ, его прервалъ отчаянный женскій голосъ:

— Фрицъ, Фрицъ!.. Вѣдь это не моя вина... не моя вина!

— Господи!—медленно проговорилъ лордъ Гольмъ.—Докторъ не... Подожди минуточку!..

Дверь открылась и закрылась. Онъ ушелъ. Лэди Гольмъ упала на кушетку, повторяя сквозь рыданія:

— Это не моя вина, Фрицъ, не моя вина!

И, произнося эти слова, она знала, что между нею и Фрицемъ Гольмомъ все кончено.

Съ этого дня у нея осталось одно только желаніе—смерть. Сезонъ кончился, Лондонъ опустѣлъ, и она рѣшилась уѣхать, исчезнуть. Фрица она больше не звала къ себѣ, да онъ и не настаивалъ на томъ, чтобы видѣться съ нею. Она понимала, что ему было страшно глядѣть на нее. Ей не хотѣлось никого ви-

дѣть. Вначалѣ приходило множество знакомыхъ освѣдомляться о ней, но теперь почти всѣ уже уѣхали. Только сэръ Дональдъ ежедневно приходилъ узнавать о ея здоровьи. Разъ ей принесли записку. Она была отъ Фрица, который писалъ, что здоровье его нѣсколько расклеилось, и что докторъ совѣтуетъ ему съѣздить въ Гомбургъ. Но онъ хотѣлъ раньше узнать, каковы ея планы. Не собирается ли она поѣхать къ своему отцу, или же, можетъ быть, поѣдетъ съ нимъ въ Гомбургъ? Прочтя эти послѣднія слова, она громко разсмѣялась. Она послала за „New-York Herald“ и просмотрѣла извѣстія изъ Гомбурга. Въ списокѣ ново-прибывшихъ гостей она прочла имя миссъ Пимпернель Шлей. Въ тотъ же вечеръ она написала мужу:

„Не заботься обо мнѣ. Поѣзжай въ Гомбургъ. Мнѣ нуженъ покой. Я желаю остаться одна. Я, можетъ быть, уѣду куда-нибудь въ Швейцарію съ моей дѣвушкой. Объ отъѣздѣ своемъ сообщу. Прощай.—Виола Гольмъ“.

На слѣдующій день лордъ Гольмъ уѣхалъ изъ Англіи. Она осталась одна съ прислугой. Два дня спустя, она впервые выѣхала гулять, закутавшись въ густую вуаль. Вернувшись домой, она застала у подѣзда сэра Дональда. У него былъ еще болѣе осунувшійся видъ, чѣмъ прежде, и онъ казался очень старымъ. Лэди Гольмъ предпочла бы избѣжать встрѣчи съ нимъ, — послѣ свиданія съ мужемъ ей казалось ужаснымъ видаться съ кѣмъ бы то ни было. Но онъ подошелъ къ ея коляскѣ. Лица ея не было видно, но онъ все-таки узналъ ее и поздоровался дрожащимъ голосомъ. Она увидѣла, что онъ очень взволнованъ, и поблагодарила его за то, что онъ такъ часто освѣдомлялся о ея здоровьи.

— Но почему вы еще въ Лондонѣ?—спросила она.

— Потому что вы въ Лондонѣ,—отвѣтилъ онъ.

Она хотѣла попрощаться съ нимъ у подѣзда, но онъ удержалъ ея руку въ своей и попросилъ позволенія зайти.

— Хорошо,—сказала она,—войдите.

Когда они вошли въ гостиную, она не подняла вуали съ лица, и заговорила, стоя, не прося его сѣсть.

— Сэръ Дональдъ, — сказала она, — я знаю, что вы были ко мнѣ привязаны... были; теперь вѣдь я не могу больше нравиться.

— Если даже и произошла перемѣна...—началъ онъ.

— Я знаю, вы скажете, что перемѣна не касается существеннаго. Но вы ошибаетесь. Измѣнилось то, за что меня любили. Эта перемѣна уничтожила любовь моего мужа.

— Моей любви она не можетъ измѣнить,—спокойно сказала сэръ Дональдъ.

— Нѣтъ, можетъ... особенно вашу, потому что вы—поклонникъ красоты. Я попрощаюсь съ вами, не показывая вамъ моего лица. Помните меня такой, какою я была.

— Чтò вы хотите сказать?.. Вы такъ говорите, точно собираетесь уйти отъ людей.

— Васъ это удивляетъ?.. Вы не видѣли меня! Я должна уѣхать,—продолжала она. — Я уѣду куда-нибудь далеко, чтобы быть совсѣмъ одной, подумать о томъ, какъ жить дальше, если, вообще, жизнь еще возможна для меня.

— Господи, чѣмъ бы мнѣ помочь вамъ?—проговорилъ сэръ Дональдъ съ глазами, полными слезъ. Послушайте, — сказала она — Вы хотите уѣхать, быть одной? Такъ не поселитесь ли вы въ „Casa Felice“?

— Ахъ, да, „Casa Felice“!—повторила она съ горькимъ смѣхомъ,—вѣдь я должна была поѣхать окрестить ее.

— Ну, да чтò объ этомъ вспоминать! Хотите поѣхать туда?

— А вы?

— Я не поѣду. Въ домъ все готово. Прислуга нанята. Вамъ будетъ вполне удобно... за вами будетъ хорошій уходъ. Позвольте мнѣ сдѣлать это для васъ. Вы тамъ найдете красоту-покой. А я... я тоже буду на озерѣ, недалеко оттуда.

— Я должна быть одна,—сказала она усталымъ голосомъ.

— Вы и будете однѣ. Я не приѣду, пока вы не пришлете за мной.

— Я никогда ни за кѣмъ не пошлю.

Она сразу не дала ему окончательнаго отвѣта, но черезъ три дня приняла его предложеніе. И теперь она очутилась одна въ „Casa Felice“. Она даже не привезла съ собой свою горничную, французевку, а наняла итальянку. Она рѣшила уединиться среди людей, не знавшихъ ее какъ красивую женщину.

XIX.

Лэди Гольмъ запомнила навсегда первый вечеръ, проведенный въ „Casa Felice“. Только тутъ, вдали отъ привычной домашней обстановки, вдали отъ города, гдѣ у нея было множество друзей и знакомыхъ, гдѣ она нѣкогда царила, она узнала, чтò такое одиночество. Въ „Casa Felice“ она, къ тому же, не только поняла, но и живо почувствовала, что она не только

перестала быть красивой женщиной, но и сдѣлалась ужаснымъ уродомъ, отъ котораго всѣ отворачиваются. Итальянская прислуга, окружавшая ее, сразу открыла ей правду относительно ея теперешней внѣшности. Итальянцы низшихъ классовъ чрезвычайно экспансивны и не умѣютъ скрывать своихъ впечатлѣній, такъ что лэди Гольмъ не могла не замѣтить, какъ ихъ испугалъ ея видъ. Она рѣшила сразу начать новую жизнь, перестать скрывать свое лицо, какъ она скрывала его въ Лондонѣ отъ всѣхъ, даже отъ прислуги. Пройдя къ себѣ въ спальню, она сняла шляпу и вуаль и, не взглянувъ въ зеркало, спустилась внизъ. Въ передней она увидала лакея и сейчасъ же замѣтила, какъ онъ былъ потрясенъ, взглянувъ ей въ лицо.

— Принесите мнѣ, пожалуйста, чай на террасу, — сказала она, твердо глядя на него, и прошла на террасу черезъ открытую дверь. Тамъ она застала мальчика, который пѣлъ въ лодкѣ; онъ теперь поливалъ горшки съ геранью. Мальчикъ съ любопытствомъ поднялъ на нее глаза и снялъ шапку. Но, взглянувъ на нее, онъ на минуту стоялъ, раскрывъ ротъ отъ изумленія, и въ глазахъ его появилось выраженіе безжалостнаго отвращенія. Оно тотчасъ же исчезло; онъ улыбнулся и сталъ говорить о цвѣтахъ. Но для лэди Гольмъ это былъ достаточный урокъ. Она теперь знала, что такое она представляетъ собой для молодости, истинatively любящей красоту.

Она сѣла въ бамбуковое кресло и стала смотрѣть на озеро. Лакей принесъ чай и поставилъ подлѣ нея, но она не замѣтила ни прихода его, ни ухода. За ней слышенъ былъ глухой шумъ водопада, передъ нею разстилалась сѣрая поверхность озера. Такъ вотъ какъ началась ея новая, одинокая жизнь! Она еще болѣе страдала теперь оттого, что никогда до того не жила внутренней жизнью, а всегда была въ зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Она привыкла къ шумной, веселой жизни, къ постоянному общенію съ людьми, которые восторгались ею, ея красотой. Она жила для свѣта и преклонялась передъ внѣшней красотой, какъ и другіе.

А теперь красота была отнята у нея. Безъ всякаго предупрежденія судьба бросила ее на дно бездны, и все стало ненужнымъ, бесполезнымъ. Къ чему ей теперь ея молодость? Думая о всемъ, что она утратила, лэди Гольмъ стала безудержно плакать, сидя на террасѣ и глядя на озеро, разстилавшееся передъ нею. Передъ нею проходили образы прошлаго: утраченная любовь мужа, миссъ Шлей, ихъ мелкое соперничество, любовь Рунерта Кэри, ухаживанія Лео Ульфорда, странная, пламенная

привязанность его отца—зима, склонявшаяся къ ногамъ весны. Вся панорама ея прежней жизни оживала въ ея памяти, и слезы текли по ея лицу.

А Робинъ Пирсъ? При воспоминаніи о немъ, что-то въ ней оживилось. Онъ написалъ ей нѣсколько писемъ со времени ея несчастія, и въ нихъ нѣжно и пламенно говорилъ о своей любви, обращенной на ея сущность, на ея скрытую душу. Онъ писалъ, что ея несчастіе еще болѣе привязало его къ ней, что онъ вѣдь, какъ она сама знала, почти дерзновенно призывалъ нѣчто подобное для освобожденія въ ней ея истинной сущности. Она читала его письма безъ всякаго волненія, вполне увѣренная, что Робинъ обманываетъ себя, не зная, что онъ, въ сущности, такой же, какъ всѣ. Но теперь ее охватило такое безграничное отчаяніе, что она искала хоть какого-нибудь, самаго слабаго утѣшенія—и ухватилась за руку, которая протянулась къ ней изъ Рима. Она встала, прошла въ спальню, взяла изъ саквояжа письма Робина и, вернувшись на террасу, стала перечитывать ихъ, ища въ нихъ утѣшенія.

Она не чувствовала любви къ Робину. Да и вообще было бы смѣшно, еслибы она теперь стала думать о любви. Съ такимъ лицомъ, какъ у нея,—не любить. Но, читая эти пламенные, романтичныя письма, она стала спрашивать себя съ волненіемъ: нѣтъ ли правды въ словахъ Робина? Можетъ быть, онъ не похожъ на другихъ, можетъ быть онъ способенъ къ любви, побѣждающей даже физическое уродство? Она чувствовала себя ничѣмъ не связанной съ Фрицемъ. Человѣка, съ ужасомъ убѣжавшаго отъ нея, она не могла уже считать своимъ мужемъ. Относительно него у нея не было никакого долга; всѣ общественныя и нравственныя обязательства, съ которыми должна считаться всякая женщина изъ общества, исчезли для нея. Она уже не принадлежала обществу. вмѣстѣ съ утраченной красотой, съ нея спали всѣ жизненныя обязанности. Она стремилась къ свободѣ—теперь она свободна. Никому не было дѣла до нея и ея жизни.

Робинъ продолжалъ говорить ей о своей любви и послѣ несчастія. Она же ясно чувствовала, что не сможетъ жить, если не будетъ человѣка, которому она дорога. „Если то, что онъ пишетъ, правда,—я останусь въ живыхъ; если же неправда...“, думала она и взглянула черезъ каменные перила террасы на сѣрую воду озера. Надвигались сумерки.

Поздно вечеромъ, когда она сидѣла въ большой гостиной, глядя пустымъ взоромъ въ пространство, лакей принесъ ей те-

леграмму. Она открыла и прочла: „Сэръ Дональдъ сообщилъ мнѣ, что вы въ „Casa Felice“. Приѣзжаю завтра изъ Рима.— Робинъ“.

— Отвѣта не будетъ, — сказала она лакею.

Онъ пріѣдетъ завтра! Страшное чувство одиночества исчезло. Есть человѣкъ, который ѣдетъ теперь къ ней, который хочетъ ее видѣть... Видѣть! Она содрогнулась. Но она взяла себя въ руки, рѣшивъ не бояться, а довѣряться Робину. Онъ былъ не такой, какъ всѣ. Въ немъ всегда было что-то особое, романтическая любовь къ тайному, скрытому. Если онъ сможетъ любить ее попрежнему, — ея будущее не такъ ужасно. Имъ даже не нужно будетъ постоянно видаться. Ей только нужно было знать, что кто-нибудь на свѣтѣ можетъ любить ее, несмотря на случившееся. И если она сохранить его привязанность, — она сможетъ продолжать жить — это она теперь ясно чувствовала.

Завтрашній день все рѣшить. Всю ночь она не могла заснуть отъ волненія, и когда стало разсвѣтать, она сдѣлала нѣчто, чего уже давно не дѣлала. Она встала съ постели, опустилась на колѣни и стала горячо молиться Тому, Кто такъ жестоко испыталъ ее, о томъ, чтобы Онъ былъ милосердъ, когда пріѣдетъ Робинъ. Утромъ она одѣлась въ простое темное платье и гладко зачесала волосы — они еще оставались прекрасными. Потомъ она спустилась въ садъ надъ озеромъ; гуляя между стѣнами, обросшими вьющимися розами, и среди пышныхъ южныхъ цвѣтовъ, наполнявшихъ садъ, она старалась проникнуться надеждой. Она повторяла самой себѣ всѣ доводы, обыкновенно приводимые Робинномъ въ защиту ея внутренней, духовной красоты. Вѣдь она осталась той же, съ прежней душой, съ прежнимъ голосомъ, выражавшимъ ея душу, — измѣнилась только частица ея прекрасной внѣшности — развѣ это уже такъ важно? Не напрасно ли приходитъ въ такое отчаяніе? Она рѣшила приободриться и встрѣтить Робина безъ страха, чтобы не вызвать въ немъ презрѣнія своимъ малодушіемъ, не заразить его своимъ ужасомъ передъ самой собой. Она поэтому старалась укрѣпить въ себѣ надежду на силу его чувства. Если Робинъ любилъ ангела, то онъ могъ продолжать любить его, — ангелъ остался въ ней невредимъ, если онъ когда-нибудь былъ въ ней. Она прислонилась къ стѣнѣ и опять стала молиться, въ то время какъ розы касались ея измѣнившася лица.

Ей показалось, что духъ ея окрѣпъ, что она менѣе боится встрѣчи съ Робинномъ. Она еще не ощущала радости въ душѣ, но уже не была такъ безгранично несчастна, какъ наканунѣ.

Послѣ утренняго чая она снова вышла въ садъ. По мѣрѣ приближенія времени, когда могъ пріѣхать Робинъ, она снова начала волноваться. Она опять стала думать о самоубійствѣ и чувствовала, что ея жизнь и смерть—въ рукахъ человѣка, котораго она, однако, еще не любила. Ей нужно было коснуться чьей-либо руки среди мрака, надвинувшагося на нее,—и если ей не протянуть эту руку, она навсегда упадетъ на дно бездны. Прислонившись къ стѣнѣ, она стала глядѣть на озеро. Она увидѣла, какъ пароходъ причалилъ къ противоположному берегу. Римскій поѣздъ прибылъ. Но Робинъ навѣрное пріѣдетъ пароходомъ—и не раньше чѣмъ черезъ часъ. Она отошла отъ стѣны и стала ходить по саду, нервно сжимая руки. Теперь она почти хотѣла, чтобы онъ не пріѣзжалъ. Она вспоминала всю исторію своихъ отношеній съ Робинотъ, его любовь къ ней и послѣ ея замужества, его твердую увѣренность, что Фрицъ не понимаетъ ея души, что онъ одинъ знаетъ и любитъ ее. Фрицъ любилъ въ ней только ея красоту, но она любила Фрица, несмотря на это. А Робина она не любила. Но она чувствовала, что если онъ будетъ вѣренъ своему идеальному чувству, она сможетъ полюбить его. Если бы только онъ продолжалъ любить ее—и послѣ того, какъ увидитъ ее!

Она услышала плескъ весель, и кровь бросилась ей въ лицо. Она быстро побѣжала дѣмой. Утромъ она рѣшила, что встрѣтитъ Робина съ открытымъ лицомъ, при солнечномъ свѣтѣ,—чтобы онъ сразу все узналъ. Но теперь на нее напалъ страхъ, и она быстро побѣжала къ себѣ въ комнату, вынула шляпу съ густой вуалью, надѣла ее и надвинула вплотную вуаль на лицо. Послышался стукъ въ дверь. Ей пришли сказать, что въ гостиной ее ждутъ. Ей отъ страха сдѣлалось дурно. Она выпила нѣсколько жгучихъ капель о-де-колона и, надвинувъ вуаль, спустилась въ гостиную. Тамъ, у окна, стоялъ Робинъ. У него былъ возбужденный видъ, очень молодившій его. Когда она вошла въ комнату, лицо его просіяло; но, увидавъ, что она подъ вуалью, онъ нахмурился.

— Вы не довѣрите мнѣ,—сказалъ онъ, даже не здороваясь съ ней.

Она подошла къ нему и протянула руку.

— Робинъ,—сказала она,—я боюсь!

— Дорогая моя!—взволнованно проговорилъ онъ, сразу покоренный ея голосомъ. Онъ взялъ ея обѣ руки въ свои—и въ его горячемъ пожатіи чувствовалась безграничная любовь. Ей сдѣ-

лалось радостно,—точно ихъ руки были душами, которыя хотѣли слиться воедино.

— Теперь вы мнѣ вѣрите?—спросилъ онъ.

Она высвободила руки, и сейчасъ же ее снова охватили сомнѣнія.

— Пойдемъ въ садъ,—сказала она и повела его на дорожку вдоль стѣны сада.

— Я тутъ смотрѣла на озеро, поджидая васъ. Но когда ваша лодка приблизилась, я убѣжала—мнѣ страшно!

— Страшно меня, Віола?—спросилъ онъ и засмѣялся.—Поднимите вуаль!

— Нѣтъ, нѣтъ,—я раньше должна сказать вамъ, что... мое... Робинъ, я теперь некрасива.—Голосъ ея дрожалъ.

— Вы это говорите нарочно,—возразилъ онъ.—Я не вѣрю.

— Нѣтъ, Робинъ,—сказала она съ полнымъ отчаяніемъ.— Повѣрьте. Это правда—полная правда. Когда Фрицъ увидалъ меня,—онъ испугался, не могъ со мной говорить. Онъ только взглянулъ,—взглянулъ и сказалъ...

Она не могла продолжать. Голосъ ей измѣнилъ и слезы хлынули у нея изъ глазъ. Онъ взялъ ея руку и сказалъ, крѣпко сжимая ее въ своей:

— Не передавайте мнѣ его словъ. Чтò мнѣ за дѣло до него? Вѣдь вы знаете, что я почти желалъ этого. Неужели вы не понимаете, что можно любить въ женщинѣ что-то скрытое, мистическое,—любить это больше, чѣмъ красоту ея лица?

— Это правда, Робинъ?

По звуку ея голоса онъ понялъ, что можетъ говорить безъ опасенія о пылкости своихъ чувствъ.

— Сядемте,—сказалъ онъ.

Они сѣли на старую каменную скамейку въ концѣ сада, подъ тѣнью двухъ высокихъ кипарисовъ. Черезъ отверстіе въ каменной стѣнѣ открывался видъ на озеро.

— Послушайте, Віола,—сказалъ Робинъ,—большинство мужчинъ любить въ женщинѣ ея осязательную красоту, удовлетворяющую ихъ чувственность. Но мнѣ дорога въ васъ духовная красота, истинное пламя вашей души. И теперь оно обнаружится, освободится изъ темницы. Теперь вы увидите, кто васъ истинно любилъ,— тотъ ли, кто любилъ вашу оболочку, или тотъ, кто зналъ и полюбилъ вашу душу, вашу истинную сущность, не связанную съ вашей плотью,—то, чтò сказывалось въ вашемъ пѣніи. Если вы хотите знать, кто человѣкъ, истинно любящій васъ, поднимите вуаль.

Она съ минуту сидѣла, не двигаясь, и эта минута казалась ей нескончаемо длинной. Потомъ она поднесла руки къ лицу, отвязала вуаль и спустила ее на колѣни. Онъ взглянулъ на нее, и наступило молчаніе. Они слышали жужжаніе пчелъ среди розъ на стѣнѣ. Она повернулась къ нему всѣмъ лицомъ, но глаза держала опущенными на вуаль, лежавшую на колѣняхъ у нея, и стала считать черныя мушки на вуали; по мѣрѣ того, какъ возрастало число сосчитавныхъ мушекъ, все ей тѣло холодѣло.

— Пятнадцать, — шестнадцать, — семнадцать, шептала она, стараясь сосредоточить все вниманіе на этомъ механическомъ занятіи, — восемнадцать, — девятнадцать, — двадцать...

На лбу у нея выступило нѣсколько капель пота. Молчаніе все еще длилось. Она знала, что Робинъ продолжаетъ смотрѣть ей въ лицо.

— Двадцать-одинъ — двадцать-два...

— Віола!

Онъ наконецъ заговорилъ, и звукъ его голоса былъ совершенно необычайный, какъ бы подернутый; въ немъ слышалось отчаяніе и какъ бы признаніе своей вины.

— Чтѣ? — спросила она, продолжая разсматривать мушки на вуали.

— Теперь вы знаете, кто человѣкъ, который любитъ васъ.

Въ голосѣ его звучала какая-то отчаянная рѣшимость.

— Я этотъ человѣкъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ.

Она наконецъ подняла глаза. Лицо его было красное и какое-то виноватое. Онъ взглянулъ ей прямо въ глаза, но взглядъ его былъ блуждающій. Онъ крѣпко стиснулъ колѣни руками. Когда она взглянула на него, онъ сталъ улыбаться.

— Віола, — сказалъ онъ, — Віола! — Онъ разнялъ стиснутыя руки и протянулъ ихъ ей. Но она сидѣла не двигаясь.

— Бѣдный Робинъ! — сказала она.

— Бѣдный — почему? — Онъ продолжалъ глядѣть ей прямо въ лицо.

— Бѣдный Робинъ, — это не ваша вина! Вы не виноваты, что вся ваша теорія была только вымышленной, — сплетеніемъ красивыхъ словъ. Вы бы хотѣли быть такимъ, какимъ думали, что будете, — но вы не въ силахъ.

— Вы ошибаетесь, Віола, вы ошибаетесь!

— Нѣтъ, Робинъ. Та женщина, которую вы прежде во мнѣ любили, — та женщина поняла правду.

Онъ ничего не отвѣтилъ; поднялся, подошелъ къ низкой стѣнѣ сада и, положивъ на нее руки, спряталъ въ нихъ лицо.

На глазахъ у него были слезы. Въ эту минуту онъ больше страдалъ, чѣмъ она. Душа его разрывалась отъ мучительнаго сознанія тяжелой утраты, невольной вины и стыда. Какъ страшно, что онъ не смогъ быть такимъ, какимъ хотѣлъ и надѣялся быть! Онъ хотѣлъ утѣшить ее, но только вонзилъ ножъ въ ея сердце. Онъ хотѣлъ окружить ее любовью—искренно хотѣлъ—и еще болѣе ярко показалъ ей, до чего она одинока. И какъ много онъ самъ потерялъ,—сколько долготѣнныхъ мечтаній разсѣялось какъ дымъ въ эту минуту! Онъ былъ еще гораздо болѣе одинокъ теперь, чѣмъ она.

— Бѣдный Робинъ!

Она подошла къ нему, и въ голосѣ ея звучала материнская нота; она говорила съ нимъ нѣжно, какъ съ ребенкомъ, который боится темноты. И въ эту минуту онъ ясно понялъ, что не любить блага ангела, какимъ она теперь стояла передъ нимъ. Она же подумала, что она только несчастная женщина, а вовсе не ангель.

XX.

Робинъ уѣхалъ. Уѣхалъ онъ, продолжая утверждать, что лэди Гольмъ ошибается. Въ его увѣреніяхъ сказывалось не только рыцарское чувство, но и самообманъ человѣка, которому трудно отрѣшиться отъ взлелѣянной имъ мечты. Послѣ перваго момента разочарованія онъ сталъ повторять страстные рѣчи, соответствовавшія его прежнимъ словамъ. Можетъ быть, онъ особенно настойчиво говорилъ о своихъ неизмѣнившихся чувствахъ, съ цѣлью убѣдить себя, а не ее, но и то и другое ему одинаково не удалось. Когда онъ очутился на гладкой поверхности сѣрыхъ водъ, онъ почувствовалъ смѣшанное чувство печали—и облегченія. Онъ готовъ былъ плакать надъ собой, надъ всѣмъ человѣчествомъ съ его слабостями, но былъ счастливъ, что кончилось тягостное, напряженное состояніе. Онъ чувствовалъ, что Віола вполне его понимаетъ, что она видитъ, какъ онъ борется самъ съ собой, точно попавшая въ сѣть птица, и до чего эта борьба—напрасна. Онъ чувствовалъ ея превосходство, видѣлъ, что онъ не ошибся, приписывая ей въ дни ея могущества высокую духовную силу. И то, что онъ, несмотря на это, разлюбилъ ее, было тѣмъ ужаснѣе. Онъ вспомнилъ разговоръ съ Рупертомъ Кэри у себя, когда онъ вернулся вмѣстѣ съ сэромъ Дональдомъ съ обѣда у Гольмовъ. Онъ утверждалъ, что въ любимомъ существѣ любятъ не скорлупу, а внутреннее содержаніе, а Кэри

сказалъ, что если скорлупа очень красива и потомъ вдругъ сломаётся, то это сильно мѣняетъ чувство.— „Не мое“,—возразилъ тогда Робинъ, а Кэри спокойно добавилъ: „Думаю, что и ваше“. Робинъ хорошо помнилъ, что послѣ ухода Кэри онъ удивлялся, до чего люди не вѣрятъ, когда имъ говорятъ правду про себя. А между тѣмъ въ тотъ вечеръ правъ былъ Кэри, а не Робинъ. Неужели же онъ любилъ въ Віолѣ только оболочку? Онъ никакъ не могъ этого допустить. Ему казалось, что и теперь онъ еще любить Віолу, но какъ исчезнувшую, умершую женщину. Та женщина, которая теперь въ „Casa Felice“—не Віола. А между тѣмъ это была она. Когда она говорила съ нимъ, прежде чѣмъ онъ увидалъ ее, сердце его горячо забилося, но когда опустилась вуаль, въ немъ застыла кровь отъ ужаса. Могущество плоти ужасало его: неужели она побѣждаетъ духъ? Онъ съ трепетомъ вспоминалъ о глазахъ Віолы,—пугавшихъ его теперь, какъ глаза жестокаго властителя пугаютъ раба. Но они не смогли подчинить себѣ его волю—въ первый разъ его плоть возстала противъ голоса духа, и отчаяніе наполнило его душу.

Віола долго стояла у стѣны сада, слѣдя за лодкой, увозившей Робина. Наконецъ лодка совершенно исчезла изъ виду. Она продолжала стоять. Наступилъ вечеръ. Ей даже не было грустно,—она чувствовала только страшную пустоту, отрѣшенность отъ всего живого. У нея не было горькаго чувства къ Робину, и порывъ жалости къ нему, когда она поняла его чувства, былъ искренній. Онъ не виноватъ, что не смогъ облегчить ея участь—онъ такой же рабъ, какъ всѣ люди. У нея не осталось надежды, — но не было и страха. Жизнь остановилась въ ней—она даже не подумала о томъ, навсегда ли уѣхалъ Робинъ, или еще вернется.

Когда слуга пришелъ звать ее къ обѣду, она отказалась и попросила, чтобы ей подали лодку,—ей хотѣлось повататься по озеру. Черезъ нѣсколько минутъ ей доложили, что лодка подана; она накинула плащъ и спустилась по темнымъ каменнымъ ступенямъ между обросшихъ мхомъ стѣнъ къ желѣзной рѣшеткѣ. Лодка стояла у самой лѣстницы. Она сѣла въ нее, и Паоло,—мальчикъ, который взволновалъ ее своимъ пѣніемъ,—сѣлъ на весла.

— Куда, синьора, желаете ѣхать?

— Куда угодно, на середину озера.

Онъ отчалилъ, и вскорѣ смолкъ шумъ водопада за „Casa Felice“, исчезъ изъ вида таинственно-тихой фасадъ виллы. Слышался только всплескъ веселъ, звонъ колокольчиковъ живѣнны

къ рыбацкимъ сѣтямъ, и мелькали на берегахъ далекіе огоньки окрестныхъ деревушекъ. Очутившись далеко отъ земли, лэди Гольмъ стала яснѣе сознавать свое теперешнее положеніе въ жизни. Она казалась себѣ жалкой, ничтожной женщиной—какой-то нищенкой въ лохмотьяхъ. Со всѣхъ сторонъ на озерѣ слышались звуки колокольчиковъ. Вода была полна настойчивыхъ, тихихъ голосковъ. Такъ и прежняя жизнь ея полна была несмолкающихъ звуковъ,—а теперь они вдругъ всё стихли, и она прислушивалась, сама не зная—къ чему. Быть можетъ, къ какому-то далекому громкому голосу?

„Что мнѣ теперь дѣлать? Что мнѣ дѣлать“?

Она оглянулась вокругъ себя,—вокругъ была только широкая водяная равнина съ ея скрытыми безднами. Тутъ она яснѣе, чѣмъ за все время до того, поняла, что ея жизнь кончена, и стала опредѣленно думать о самоубійствѣ. Когда повончить съ собой? Лучше всего въ эту же ночь,—потомъ, быть можетъ, у нея не хватить силы воли. Нужно повончить сразу, не думая,—мысли опасны и пагубны.

Она заговорила съ Паоло, стала его спрашивать объ его семьѣ, о томъ, пойдетъ ли онъ въ солдаты, любитъ ли онъ какую-нибудь дѣвушку. Онъ охотно отвѣчалъ ей, и она заставляла себя внимательно его слушать. Онъ развертывалъ передъ ней всё радости своей юной жизни, полной надеждъ на будущее,—и ей становилось еще болѣе горько отъ сознанія контраста между ея безнадежностью и счастливой жизнью мальчика.

— Поверните обратно домой!—сказала она.

На обратномъ пути мальчикъ сталъ пѣть. Эта радостная пѣснь жгла ее какъ раскаленное желѣзо,—и ея рѣшеніе еще болѣе укрѣпилось. Когда снова показался блѣдный фасадъ „Casa Felice“ на фонѣ окружающей темноты, она спросила мальчика:

— Куда вы помѣщаете лодку на ночь?

— Развѣ синьора не видѣла? Подъ домомъ. Тамъ очень глубоко. Тамъ можно плавать мипуть пять, не выплывая въ открытое озеро.

— Я бы хотѣла видѣть это мѣсто. Не можемъ ли мы пристать прямо туда теперь?

— Конечно. Тамъ есть лѣстница, ведущая на террасу мимо водопада. Я направлю туда лодку.

Онъ снова запѣлъ, но вдругъ остановился, оглянулся и сталъ прислушиваться.

— Тутъ есть гдѣ-то вблизи лодка,—сказалъ онъ,—у самага дома.

— Откуда вы знаете?

— Я услышалъ движеніе весель. Человѣкъ въ лодкѣ не гребъ, но какъ только я запѣлъ, онъ взялся за весла. Когда я пересталъ пѣть, онъ пересталъ грести.

— Но вы не видѣли сами лодки?

Онъ взглянулъ на нее съ таинственнымъ выраженіемъ лица.

— Нѣтъ, эта лодка не освѣщена,—можетъ быть, это контрабандисты.

Онъ повернулъ голову назадъ и свистнулъ особеннымъ образомъ. Отвѣта не послѣдовало. Тогда онъ наклонился почти къ самой линіи воды и сталъ вслушиваться.

— Лодка остановилась, — сказалъ онъ. — Она подлѣ насъ. Это не рыбацкая лодка—въ этотъ часъ рыбаки не выѣзжаютъ.

У него былъ очень возбужденный и таинственный видъ, который на нѣсколько минутъ развелъ лэди Гольмъ. Ее стала занимать лодка, и тотъ или тѣ, которые сидѣли въ ней.

— Такъ, по-вашему, это контрабандисты?—тихо спросила она.

— Навѣрное. Вѣдь я ихъ знаю. Я самъ былъ контрабандистомъ—прошлой зимой. Насъ разъ настигли карабиньеры и убили моего товарища, мальчика шестнадцати лѣтъ.

Лэди Гольмъ вздрогнула.

— Продолжайте грести!—сказала она. — Эта лодка навѣрное уже проѣхала.

— Нѣтъ, синьора. Она подлѣ насъ и весла вынуты изъ воды.—Онъ сказалъ это такъ увѣренно, точно видѣлъ лодку, затѣмъ неохотно погрузилъ весла въ озеро и сталъ грести по направленію къ дому, продолжая вглядываться въ темноту съ глубокимъ вниманіемъ.

Когда они подѣхали къ дому, Паоло повернулъ направо, и лэди Гольмъ увидѣла темное отверстіе въ солидномъ каменномъ фундаментѣ виллы. Лодка проѣхала туда, и огонекъ у носа блѣдно освѣтилъ густую тьму, среди которой странно и жутко звучали всплески весель и доносившійся сердитый шумъ водопада. Лодка подѣхала къ верхней ступени лѣстницы и слегка ударила о желѣзный кругъ, вбитый въ каменную стѣну.

— Здѣсь вы привязываете лодку на ночь?—спросила лэди Гольмъ, поднимаясь съ мѣста.

— Si, signora.

Стоя на ступенькѣ у самого края темной воды, она смотрѣла, какъ онъ ловко привязывалъ лодку къ кольцу крѣпкимъ узломъ. Она внимательно слѣдила за быстрыми движеніями его рукъ.

— Какъ хорошо вы привязали! А отвязать ее трудно?

— Ничуть, синьора.

— Покажите, какъ вы это дѣлаете. Вы сдѣлали такой крѣпкій узелъ, что, по-моему, трудно его развязать.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, пораженный какимъ-то страннымъ отгѣнкомъ въ ея голосѣ. Чтобы успокоить его, она улыбнулась.

— Мнѣ интересно смотрѣть, какъ вы все это дѣлаете, — пояснила она. — Вы такой ловкій.

Онъ вспыхнулъ отъ ея похвалы, и сейчасъ же развязалъ узелъ, показывая, какъ это дѣлается; потомъ онъ опять завязалъ его, снялъ фонарь, выскочилъ изъ лодки и освѣтилъ ей дорогу по лѣстницѣ, ведущей къ тяжелой деревянной двери. Черезъ минуту она уже была на террасѣ подлѣ водопада. Холодные брызги воды обдавали ей лицо. Онъ захлопнулъ дверь, но не заперъ ее на ключъ.

— Я запру на ключъ прежде чѣмъ идти спать, — пояснилъ онъ, указывая на ключъ, торчавшій въ двери.

— До свиданія, Паоло.

— До свиданія, синьора.

Онъ снялъ шляпу, быстро ушелъ и вскорѣ исчезъ между кипарисами. Оставшись одна на террасѣ, Біола подошла къ периламъ и взглянула внизъ на озеро. Она не видѣла никакой лодки на водѣ. Вынувъ часы, она поднесла ихъ близко къ глазамъ. Было половина девятого. „Когда итальянская прислуга идетъ спать?“ — подумала она.

Явился слуга и спросилъ, не закусить ли она хоть теперь. Видя, что онъ въ отчаяніи оттого, что она не обѣдала, она прошла въ столовую и сдѣлала видъ, что ѣсть. Было десять часовъ, когда она поднялась изъ-за стола и направилась на террасу.

— Скажите моей горничной и всей прислугѣ, что они могутъ идти спать, — сказала она лакею. — Я, можетъ быть, еще долго не лягу. Въ такомъ случаѣ я сама закрою дверь на террасу.

— Слушаюсь, синьора.

Выйдя на террасу, она увидѣла мельбающую внизу красную искру. Это былъ Паоло, курившій сигару.

— Чтѣ вы здѣсь дѣлаете? — спросила она.

— Я все насчетъ лодки; она вѣдь не уѣхала. Я въ этомъ увѣренъ. Ужъ не сѣсть ли мнѣ въ лодку и...

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро прервала она его. — Чтѣ намъ за дѣло до нея? Подите поужинать.

— Я уже ужиналъ, синьора.

— Въ такомъ случаѣ, выкурите свою сигару и идите спать. Въ ваши годы нужно много спать,—прибавила она съ улыбкой.

— Мнѣ довольно четырехъ часовъ, синьора.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы должны рано ложиться.

Она увидѣла странное выраженіе на его лицѣ. Онъ взглянулъ на озеро, потомъ на нее съ лукавствомъ, которое могло показаться дерзкимъ, не будь въ немъ чего-то истинно дѣтскаго.

— Хорошо, я пойду спать, синьора,—сказалъ онъ и опять взглянулъ на нее съ изумленнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Она отвернулась съ тяжелымъ чувствомъ, отлично понимая, какое подозрѣніе мелькнуло у него и что онъ при этомъ подумалъ: „Ma per questa signora... non è possibile!“—навѣрное сказалъ онъ себѣ. И опять выраженіе жгучихъ глазъ мальчика было укоромъ для лэди Гольмъ: „Жизнь для тебя кончена, брось ее!“—читала она въ его взглядѣ. И она поняла, что до этой минуты она еще внутренне колебалась. Но теперь рѣшимость ея была твердой. Выпивъ кофе, она велѣла убрать чашку и вышла изъ столовой.

— Я прямо пройду къ себѣ въ спальню,—сказала она.— Оставьте мнѣ свѣчку въ передней.

Огни исчезли въ окнахъ дома; полный мракъ и тишина окутали оба дома съ двухъ сторонъ террасы. Раздался мягкій шумъ шаговъ. Это былъ Паоло, который пошелъ запираеть дверь въ лодочный сарай. Лэди Гольмъ рѣзко повернулась на стулѣ и стала слѣдить за нимъ. Онъ наклонился, крѣпко повернулъ ключъ въ замкъ и вынулъ его. Она раскрыла ротъ, чтобы что-то крикнуть ему, но, замѣтивъ, что онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ смотритъ на ключъ, а потомъ на нее, она ничего не сказала. Онъ снова всунулъ ключъ въ дверь и ушелъ съ насмѣшливой улыбкой на губахъ.

Лэди Гольмъ продолжала сидѣть, закутавшись въ бѣлый плащъ. Она коснулась рукой изуродованной части лица, какъ бы нащупывая ея уродство. Отнявъ руку, она стала ходить по террасѣ вдоль самыхъ перилъ.

Она подумала о Фрицѣ. Что онъ почувствуетъ, когда узнаетъ? Конечно, онъ будетъ на минуту потрясенъ и будетъ страдать, вспоминая прошлое, свою любовь къ ней, когда она была прекрасной. Ей захотѣлось теперь увидать его, хотя любовь ея къ нему уже умерла. Но осталась нѣжность—такая же, какую она чувствовала, когда перевязывала ему рану послѣ сцены съ Лео Ульфордомъ. Потомъ она стала думать объ итальянской пѣснѣ,

которая такъ растрогала лэди Кардингтонъ. Теперь она ясно представляла себѣ, что за любовь женщина можетъ легко пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Теперь ей казалось, что женщина, отдѣленная отъ всего міра, но имѣющая взаимнѣ всего другого любовь, истинно счастлива. Она припомнила, что въ „Casa Felice“ жили нѣкогда двое любящихъ, и она съ болью думала о томъ, какое блаженство они испытывали среди тишины и одиночества, ставшаго для нея источникомъ столькихъ страданій. Все, что для нихъ было прекрасно, было для нея мучительно. Ей пора исчезнуть. Съ твердой рѣшимостью она плотнѣе закуталась въ плащъ, подошла къ периламъ и стала глядѣть на воду. Она задумалась о прошломъ, и вся ея жизнь показалась ей какой-то безцвѣтной. Ей казалось, что она никогда ничѣмъ не наслаждалась, что вся ея жизнь состояла изъ какихъ-то отрывковъ. Ничего полнаго, глубокаго она не извѣдала. Ее вдругъ охватило безумное желаніе прожить хотя бы одну недѣлю, одинъ день, или хотя бы одинъ часъ, истинной глубокой жизнью—теперь, когда глаза ея открылись. Ей было страшно, что она не извѣдала въ жизни экстаза, т.-е. того, что единственно цѣнно въ жизни, не извѣдала тогда, когда имѣла на это право своей красотой,—и поняла это теперь, когда стала уродомъ, и когда радости жизни навсегда исчезли для нея.

Она быстро отошла отъ перилъ, подошла къ двери у водопада, открыла ее и спустилась внизъ. Было очень темно, и она шла ощупью. Тамъ, внизу, она увидѣла лодку на темной водѣ и ошупала кольцо на стѣнѣ; веревка намочла, и она съ трудомъ развязала узелъ. Тогда она сѣла въ лодку. Глаза ея уже свѣклись съ темнотой, и она увидѣла арку, открывавшую выходъ въ озеро. Она нашла весла, укрѣпила ихъ въ уключинахъ и стала медленно грести. Лодка толкнулась о стѣну. Тогда она поднялась и, протянувъ руку къ каменной стѣнѣ, оттолкнула лодку. Отъ быстрого движенія лодки лэди Гольмъ чуть не упала въ воду, и едва успѣла быстрымъ движеніемъ сѣсть на мѣсто. Она сильно перепугалась. Черезъ минуту она сама спрашивала себя, почему она не хотѣла упасть въ воду? Но подлѣ дома было слишкомъ темно,—ей хотѣлось видѣть звѣзды надъ собой—тогда будетъ легче. Она сама не знала, зачѣмъ ей нужны звѣзды, зачѣмъ ей нужно что-нибудь теперь. Лодка выплыла на поверхность воды. Была блѣдная осенняя ночь; легкій туманъ носился надъ водой, были видны огоньки деревень, и среди грустной тишины доносился звукъ колокольчика. Віола медленно выѣхала на середину озера. Ей сдѣлалось страшно; она чувствовала при-

существо чьего-то тайнаго въ природѣ; ей казалось, что какой-то духъ слѣдитъ за ней и за всѣмъ окружающимъ. Она стала грести скорѣе. Вдругъ ей показалось, что за ней кто-то ѣдетъ. Домъ скрылся изъ виду, берегъ исчезъ въ темнотѣ. Она остановилась, затѣмъ опять стала грести, и опять ей показалось, что за ней ѣдутъ. Она наклонилась къ водѣ по примѣру Паоло и на этотъ разъ ясно разслышала плескъ весель. На нее напалъ паническій страхъ; она была увѣрена, что это была та же лодка, которую замѣтилъ Паоло. Но кто бы могъ быть въ этой лодкѣ? Она никого не знала на озерѣ, — а это не могъ быть Робинъ.

Звукъ весель становился все болѣе отчетливымъ, и ея страхъ все возрасталъ. Она стала усиленно грести къ серединѣ озера.
— Віола! — раздался голосъ изъ темноты. — Віола!..

Она остановилась, вся дрожа. Кто могъ ее звать здѣсь по имени? Послышался приближающійся шумъ весель, потомъ показалась черная тѣнь приближающейся лодки. Она сидѣла совершенно спокойно, держа руки на веслахъ. Лодка приблизилась, и она увидѣла человѣка, который гребъ стоя, какъ итальянскіе лодочники. Когда лодка совершенно приблизилась, она увидѣла передъ собой Руперта Кэри.

XXI.

Она сидѣла, не говоря ни слова. Ей казалось, что она опять стоитъ на концертной эстрадѣ и поетъ итальянскую пѣсню. Тогда лицо Кэри, — искаженное его порокомъ, какъ ея лицо несчастнымъ случаемъ, — какъ бы исчезло для нея. Она видѣла только его глаза. И теперь она тоже видѣла только его глаза. Онъ стоялъ въ блѣдномъ свѣтѣ, съ веслами въ рукахъ, и глядѣлъ на нее.

— Вы услышали, какъ я звалъ? — спросилъ онъ наконецъ почти грубо.

Она бивнула головой. — Какъ вы... — начала она и остановилась.

— Я былъ здѣсь, когда вы пріѣхали. Я слышалъ, какъ вашъ мальчикъ пѣлъ, — я былъ въ тѣни роуци.

— Зачѣмъ?

Она смотрѣла въ глаза Кэри и не видѣла по его взгляду, что онъ въ первый разъ смотритъ на ея измѣнившееся лицо. Она не думала о томъ, что у нея теперь другое лицо. Выраженіе глазъ Кэри было такое, что она могла это забыть.

— Вы мнѣ нужны,—сказалъ онъ, и, отпустивъ весла, сѣлъ на маленькую скамеечку. Ихъ лодки касались одна другой.

— Я знаю, что не имѣю права говорить съ вами, ѣхать за вами. Но я всегда былъ грубымъ эгоистомъ, и не могу измѣниться.

— Но что вамъ нужно отъ меня?

Вдругъ она все вспомнила, быстро поднесла руки къ лицу и тотчасъ же опустила ихъ. Не все ли это равно теперь? Онъ будетъ послѣднимъ человѣкомъ, увидавшимъ ее. И вспомнивъ, что случилось съ нею, она увидѣла и то, во что онъ превратился. Ужасъ его жизни отпечатлѣлся въ его искажившихся, обрюзгшихъ отъ злоупотребленія виномъ чертахъ лица. Она это увидѣла, и на минуту обрадовалась неожиданной встрѣчѣ товарища по несчастію. Пусть онъ глядитъ на нее—и она на него смотреть.

— Что вамъ нужно отъ меня?—спросила она.

— Мнѣ нуженъ спаситель,—сказалъ онъ, глядя на нее и говоря безъ всякой нѣжности.

— Спаситель?—Ей показалось, что онъ говоритъ о чемъ-то, касающемся религіи.

— Вы думаете, что я могу вамъ сказать что-нибудь о Спасителѣ?—спросила она, и горько засмѣялась.—Взгляните на меня. Развѣ вы не видите, что со мной случилось? Можетъ быть, и мнѣ нуженъ Спаситель.

Она точно разсердилась на него за то, что онъ не замѣчаетъ случившейся съ ней перемѣны.

— Я о васъ не думаю,—сказалъ онъ съ намѣренной рѣзкостью.—Я забочусь только о себѣ, какъ всякій мужчина, когда онъ приходитъ къ женщинѣ.

— Или уходитъ отъ нея,—прибавила она, вспомнивъ Робина и Фрица.—Вы знаете, что Робинъ Пирсъ былъ здѣсь сегодня?—спросила она.

— Да, я видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ.

— Откуда вы видѣли?—Откуда вы теперь?

— Съ того берега,—сказалъ онъ, указывая на огоньки, мелькавшіе вдаль.—Я долженъ былъ жить у сэра Дональда въ „Casa Felice“, а теперь я съ нимъ живу тамъ; онъ боленъ, и нужно, чтобы кто-нибудь былъ подлѣ него.

— Сэръ Дональдъ боится меня теперь,—сказала она, пристально глядя на Руперта.—Я сказала ему, чтобы онъ сохранилъ память обо мнѣ такой, какою я была. А вы почему не поступили точно такъ же?—спросила она съ внезапнымъ приливомъ гнѣва.—Еслибы вы не пріѣхали сегодня, мой прежній обрѣзъ сохранился бы у васъ навсегда.

Она вспомнила, какъ безумно онъ ее любилъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Лучше бы онъ помнилъ ее такой, какою она была.

— Я ненавижу васъ за то, что вы пріѣхали,—сказала она, едва дыша.

— Мнѣ все равно, я долженъ былъ обратиться къ вамъ. Мнѣ нужно, чтобы меня спасли, вытянули изъ бездны. Дайте мнѣ руку, Віола,—я тогда, быть можетъ, повѣрю въ благость Божію.

Она чувствовала, что задыхается. Ее охватила какая-то отрадная теплота, оживившая ее, какъ прикосновеніе теплой руки къ холодной.

— О чемъ вы говорите?—тихо спросила она.—Какое безуміе—говорить мнѣ все это именно въ сегодняшнюю ночь!

— Именно въ сегодняшнюю ночь это и должно было быть сказано.

Вдругъ она рѣшилась сказать ему все. Онъ чувствовалъ себя погибшимъ, какъ и она, и они могутъ откровенно говорить другъ съ другомъ.

— Я вамъ скажу, почему ваши слова безумны именно сегодня,—спокойнымъ голосомъ сказала она.—Я выѣхала въ озеро, чтобы больше не вернуться.

Онъ, не отводя глазъ, глядѣлъ на нее, но ничего не говорилъ. Она свѣсила руку съ лодки и коснулась пальцами воды.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Вы не должны этого дѣлать.

— Нѣтъ, я это сдѣлаю. Я скрою свое лицо въ водѣ.

— Протяните мнѣ сначала руку, Віола. Никто другой не можетъ мнѣ помочь.

— И вы это говорите, видя мое лицо?—Въ голосѣ ея было глубокое изумленіе.

— Именно глядя на васъ,—отвѣтилъ онъ,—я знаю, что гдѣ-то высоко надъ бездной сіяютъ звѣзды.

— Вамъ это кажется, когда вы смотрите на меня—теперь? Но вы слѣпы,—сказала она.

— Можетъ быть, другіе слѣпы,—сказалъ онъ.

Совершенно инстинктивно она поднесла руку къ лицу, коснулась его, и оно не показалось ей уродливымъ. Съ минуту ей казалось, что красота ея воскресла.

— Но чтѣ вы видите?—спросила она:—здѣсь такъ темно.

— Не слишкомъ темно, чтобы увидеть руку помощи, если мнѣ ее протянуть.—Онъ протянулъ свою руку и взялъ ея правую руку.—Вотъ эта рука помощи,—прибавилъ онъ.

Она почувствовала любовь въ его пожатіи, хотя лицо ея не было прикрыто вуалью. Это казалось страннымъ, почти невозможнымъ, но несомнѣнно въ его пожатіи сказывалась любовь.

— Что же теперь будетъ, Віола?

— Не знаю,—прошептала она.—Еслибы вы увидѣли меня завтра, при солнечномъ свѣтѣ, вы бы поняли себя.

— Я завтра приѣду при солнечномъ свѣтѣ.

— Не приходите, меня не будетъ.

— Я приду.

— Спокойной ночи,—сказала она, чувствуя страшное волненіе. Она сама не знала, охватилъ ли ее ужасъ, или радость. Вся ея душа загорѣлась бурными, противорѣчивыми чувствами. Она была въ одно и то же время и царицей, сидящей на тронѣ, и женщиной, валяющейся въ пыли.

— Спокойной ночи, спокойной ночи,—бессознательно твердила она, стараясь высвободить свою руку.

— Віола,—сказалъ онъ,—если вы убьете себя, то вы убьете и меня. Вѣдь вы не посмѣете это сдѣлать.—Онъ продолжалъ держать ея руку въ своей и говорилъ властно. Если вы скроете свое лицо въ водѣ, я никогда больше не увижу звѣздъ надъ бездной.

— Что же мнѣ дѣлать? Это не моя вина, не моя вина.

— Это будетъ вашей виной. Это будетъ вашимъ преступленіемъ.

— Ваша рука меня съ ума сводитъ,—проговорила она.

Онъ отпустилъ ее, и она медленно стала грести по направленію къ „Casa Felice“. Точно какое-то чудо свершилось для нея, когда къ ней, добровольно шедшей на гибель, обратилась за помощью другая страждущая душа.

Онъ ѣхалъ рядомъ съ ней. Она совершенно, какъ въ забытьи, причалила къ лѣстницѣ, подъ сводомъ взбѣжала по ступенькамъ и очутилась на террасѣ. Она остановилась подъ брызгами водопада, потомъ быстро подошла къ периламъ. Его лодка была внизу, и онъ смотрѣлъ наверхъ.

— Убѣжайте!—сказала она, сама не зная, что говорить.— Все это выше моихъ силъ.

Онъ сказалъ ей нѣчто странное въ отвѣтъ:

— Если вы войдете въ домъ, откроете окно и снова споете мнѣ итальянскую пѣсню—я уѣду. Но я завтра опять вернусь и коснусь спасительной руки, и послѣ-завтра также, и каждый день.

— Пѣть?—сказала она...—Сегодня же?

— Войдите въ домъ. Откройте окно. Я васъ услышу.

Онъ сказалъ это властнымъ голосомъ, и она безпрекословно повиновалась ему, открыла окно и подошла къ роялю. Сначала она безпомощно водила рукой по клавишамъ, но постепенно пальцы ея нашли звуки прелюдіи, и она вспомнила слова. А смыслъ словъ и музыки озарился въ ея душѣ, и въ пѣснѣ ея вылилась глубокая душа женщины, которой дано спасти чужую душу. Когда она кончила, она снова подошла къ периламъ. Онъ попрежнему стоялъ въ лодкѣ и глядѣлъ вверхъ.

— Когда вы поете, я вижу звѣзды наверху. Вы это понимаете?

— Я ничего не понимаю,—проговорила она.—Но я постараюсь понять.

Она сказала это едва слышнымъ голосомъ, но онъ видимо понялъ ее, сразу погрузилъ весла въ воду, и снова лодка скрылась въ темнотѣ... Она еще долго глядѣла въ тихую даль, изъ которой доносились слабые звуки рыбацкихъ волокольчиковъ, и повторяла какъ изумленное дитя:

— Есть Богъ, есть милосердный Богъ!

Глубокой осенью этого года внезапно умеръ сэръ Дональдъ Ульфордъ, завѣщавъ свою итальянскую виллу, „Casa Felice“, лэди Гольмъ. Этотъ посмертный даръ казался довольно страннымъ, и о немъ много говорили въ лондонскихъ гостиныхъ и будуарахъ. Но еще больше толковъ вызывали дальнѣйшія свѣдѣнія о лэди Гольмъ.

Сначала стали доходить слухи, что Рупертъ Кэри, опозорившій себя своимъ нетрезвымъ видомъ на балу у Аркедей, былъ постояннымъ посѣтителемъ „Casa Felice“, и вскорѣ стало извѣстно, что онъ поселился вмѣстѣ съ лэди Гольмъ въ ея виллѣ, и что лордъ Гольмъ началъ процессъ о разводѣ. Это дало поводъ къ нескончаемому злословію со стороны свѣтскихъ дамъ. По общему мнѣнію, скандальность поведенія лэди Гольмъ усугублялась ея уродствомъ. Будь она попрежнему хороша, ей бы простилось многое. Но въ обществѣ ходили ужасающіе слухи о послѣдствіяхъ катастрофы, и лэди Гольмъ становилась какимъ-то легендарнымъ существомъ. Говорили, что бѣдный лордъ Гольмъ чуть съ ума не сошелъ, увидѣвъ ее въ первый разъ послѣ операціи. И теперь всѣ находили, что, очутившись въ такомъ несчастномъ положеніи, лэди Гольмъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сохранить свое достоинство и скромно удалиться отъ мірской

суеты, среди которой она уже не могла рассчитывать на успѣхъ. А между тѣмъ оказалось, что она дѣйствительно удалась отъ свѣта, но не одна, а съ другомъ сердца. Это вызвало благородное возмущеніе женщины, жизнь которыхъ проходила среди постояннаго нарушенія заповѣдей Господнихъ.

Однажды, за чаемъ въ одномъ свѣтскомъ домѣ, одна дама стала особенно горячо осуждать лэди Гольмъ.

— Это, прежде всего, уродливо и смѣшно,—сказала она.— Женщина съ изуродованнымъ лицомъ и человѣкъ, который, во всякомъ случаѣ, былъ, если теперь онъ даже и исправился, настоящимъ пьяницей,—можно ли представить себѣ нѣчто болѣе противное?

Лэди Кардингтонъ, находившаяся въ числѣ гостей, вдругъ вся вспыхнула.

— Вѣдь мы ничего о нихъ не знаемъ,—сказала она, возвысивъ голосъ.

— Однако, лордъ Гольмъ началъ...—стала возражать дама, осуждавшая лэди Гольмъ.

— Онъ началъ дѣло о разводѣ, я знаю; по всей вѣроятности, даже онъ выиграетъ его. Но мои симпатіи не на его сторонѣ. Онъ оставилъ жену именно тогда, когда она болѣе всего въ немъ нуждалась.

— Но что же онъ могъ сдѣлать для нея?

— Онъ могъ продолжать любить ее,—сказала лэди Кардингтонъ, и ея обыкновенно блѣдное лицо ярко разгорѣлось. Наступило общее молчаніе. Тогда лэди Кардингтонъ прибавила, поднимаясь съ мѣста:—Что бы ни произошло, я преклоняюсь передъ м-ромъ Кэри, и могу только пожелать, чтобы на свѣтѣ было побольше такихъ людей, какъ онъ.

Она вышла, крайне изумивъ всѣхъ присутствовавшихъ. Она сохранила молодость и горячность сердца, несмотря на свой горькій жизненный опытъ, и поняла чутъемъ то, что было недоступно ограниченному воображенію и мелкимъ чувствамъ свѣтскихъ кумушевъ.

Въ эту зиму въ Италиі, вдали отъ Лондона, разыгрывалась прекрасная драма человѣческой жизни, не терявшая своей красоты оттого, что оба ея участника потерпѣли жестока преслѣдованія судьбы и превратились, въ глазахъ многихъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, въ паріевъ,—Рупертъ Кэри по своей винѣ, лэди Гольмъ—какъ жертва катастрофы.

Задолго до того, на балу у Аркелей, лэди Гольмъ сказала Робину Пирсу, что Рупертъ Кэри могъ бы, еслибы обстоятель-

ства этому благопріятствовали, совершить нѣчто очень большое. Случай далъ ему теперь возможность совершить величайшій подвигъ, доступный человѣческимъ силамъ,—вернуть отчаявшуюся душу на путь надежды, воскресить въ ней вѣру въ любовь. Чтобы достичь своей цѣли, Рупертъ Кэри избралъ очень странный путь. Онъ палъ къ ногамъ женщины, которую хотѣлъ спасти, и сталъ просить у нея помощи. Женщинѣ, рѣшившей убить себя, онъ сказалъ: „Научи меня жить“!

Этотъ своеобразный способъ дѣйствія оказался единственно вѣрнымъ. Слова, которыя онъ говорилъ ночью, на озерѣ, не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Но его взглядъ и отношеніе къ лэди Гольмъ на слѣдующій день, при солнечномъ свѣтѣ, имѣли рѣшающее вліяніе. Віола дѣйствительно повѣрила, что она одна можетъ спасти его отъ поработившей его страсти къ вину, поднять его изъ глубины пропасти, откуда онъ не могъ видѣть звѣздъ. Она долго не вѣрила. Лордъ Гольмъ и Робинъ Пирсъ внушили ей ужасъ передъ жизнью и передъ собой. Она долго боялась и Руперта Кэри. Но въ его глазахъ было всегда одно и то же выраженіе. Они никогда не видѣли, глядя на нее, искаженныхъ чертъ лица, а всегда видѣли только бѣлаго ангела. Его душа, свѣтящаяся въ его глазахъ, рвалась къ ангелу, молила его о защитѣ. И мольбы его были такъ настойчивы, что бѣлый ангелъ—во всякой женщинѣ онъ скрытъ въ глубинѣ души—высвободился изъ плѣна.

Въ драмѣ, разыгравшейся въ ту зиму въ Италіи, были и страшные моменты. Одинокая вилла была свидѣтельницей многихъ тяжелыхъ сценъ. Любовь Віолы къ Руперту очень медленно созрѣвала, и Рупертъ тоже не смогъ сразу подняться изъ пропасти къ яркому звѣздному небу. Послѣ смерти сэра Дональда, онъ попросилъ позволенія жить въ другой половинѣ виллы, отдѣленной террасой отъ помѣщенія лэди Гольмъ. Они знали, что это возбудитъ толки, но душа ихъ была охвачена отчаяніемъ, и голоса міра не долетали до ихъ уединенія. Она позволила ему поселиться рядомъ съ ней, и такъ они прожили въ братской дружбѣ до весны. Но и тогда еще не наступила идиллія. Рупертъ Кэри старался исправиться, но Віолѣ пришлось еще много выстрадать изъ-за него. Сердце ея научилось смиренію. Съ утра-той внѣшней красоты, съ сознаниемъ, что исчезла могущественная внѣшняя сила, родилось настойчивое желаніе развить въ себѣ внутреннюю силу, которая побѣждаетъ, быть можетъ, не такъ легко, но зато удерживаетъ свои побѣды навсегда. Душа Віолы крѣпла, выростала, и пришло время, когда не только бѣ-

мый ангель, таившійся въ женщинѣ, но и все ея существо сдѣлалось способнымъ на полный подвигъ любви и терпѣнія.

Лордъ Гольмъ началъ процессъ о разводѣ. Никто не опровергалъ его требованій, и разводъ состоялся. Короткое время спустя, Віола Гольмъ стала Віолой Кэри.

Когда Робинъ Пирсъ узналъ объ этомъ въ Римѣ, онъ глубоко задумался. Даже теперь, послѣ всего, что произошло, онъ чувствовалъ боль, похожую на чувство ревности. Ему хотѣлось невозможнаго, хотѣлось, чтобы у него была натура его друга, чтобы вмѣсто словъ онъ былъ способенъ на поступки. Однако, въ прошломъ, онъ нѣсколько разъ защищалъ Віолу отъ нападокъ Кэри. Но онъ защищалъ и не любилъ, а Кэри судилъ и любилъ.

Кэри судилъ и любилъ, но онъ говорилъ, что не вѣрить въ Бога. Робину хотѣлось узнать, вѣрить ли онъ теперь.

Робинъ былъ въ Римѣ, и не могъ слышать разговора между Кэри и Віолой вскорѣ послѣ того, какъ они обвѣнчались. Они сидѣли на террасѣ и смотрѣли на озеро.

— Ты помнишь „Тунисскую танцовщицу“ Робина?—спросилъ Рупертъ.

— Женщину съ вѣромъ?

— Да. Она представляется теперь моему взору безъ вѣра. Съ вѣромъ она—обольстительная сирена, но безъ него...

— Что же она безъ него?

— Женщина во всемъ обаяніи вѣчно женственнаго. Во сколько это прекраснѣе обаянія сирены!

Вокругъ нихъ царилъ полная тишина, нарушаемая только шумомъ водопада среди кипарисовъ. Віола заговорила мягкимъ голосомъ:

— Ты показалъ ей, чѣмъ она можетъ быть безъ вѣра. Ты совершилъ великое благодѣяніе.

— А знаешь ли, что ты сдѣлала для меня?

— Я?

— Да. Ты указала мнѣ на звѣзды и на то, что есть душа за звѣздами...

— Нѣтъ, не я.

Опять наступило молчаніе. Затѣмъ Рупертъ сказалъ:

— Да... благодареніе Богу,—не ты.

Съ англ. Э. В.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

1843—1860 гг.

Окончаніе.

XV *).

„И мнѣ драгоцѣнны, да еще какъ драгоцѣнны минуты шестидесятихъ годовъ, со всѣми призматическими надеждами, въ большей части несбывшимися или переначенными пыльною дѣйствительностью жизни“¹.

Изъ письма Н. И. Костомарова, отъ 6-го янв. 1881-го года.

1859—60-й годъ былъ наиболѣе счастливымъ, наиболѣе исполненнымъ содержанія годомъ моей жизни. Все, что посѣляли въ мою душу такіе люди, какъ отецъ мой, т-те Левель, Старовъ, Шевченко, Щербина, Кулибинъ,—начало быстро всходить и созрѣвать; я столько переживала впечатлѣній, что, въ моемъ воспоминаніи, этотъ годъ кажется равнымъ половинѣ всей жизни.

Подъ наплывомъ откровеній, которыя такъ и зарождались передо мной, я, со свойственной мнѣ страстностью, отдалась потоку окружавшей меня, ключомъ бывшей жизни. Съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ стала я слѣдить за каждымъ словомъ моего учителя Бауера, вводившаго въ преподаваніе исторіи географію, археологію и искусство! Какой чудный и глубокий

*) См. выше: апрѣль, стр. 763.

смысль приобрѣла исторія, когда любимымъ героемъ ея сдѣлался для меня не витязь или король, а *человѣчество!* Всѣ отрасли науки о природѣ и чловѣкѣ начали цѣпляться другъ за друга, образуя нѣчто цѣлое и гармоничное, и широкій, широкій, всеохватывающій горизонтъ развѣртывался передъ моими очарованными глазами!..

Бываютъ счастливые періоды въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, когда дурныя сѣмена въ ихъ душахъ какъ будто гложутъ, а добрыя восходятъ и пышно расцвѣтаютъ. Такимъ періодомъ было время такъ называемыхъ „шестидесятыхъ годовъ“. Къ моему великому счастью, расцвѣтъ моей юности совпалъ съ расцвѣтомъ всей русской жизни.

Будущій историкъ этого времени долженъ быть большимъ художникомъ, чтобы прочувствовать и передать, въ достаточно яркихъ краскахъ, то незабвенное время, одно воспоминаніе о которомъ заставляетъ радостно биться сердца, время полное юныхъ и свѣтлыхъ иллюзій, время подъема духа, бодрости, энтузіазма,—передать и ту поражающую быстроту, съ которой совершалось это движеніе. Хотя всѣ благія перемены въ понятіяхъ и были предуготованы прежними годами развитія, но онѣ выяснились и вступили въ сознаніе большинства людей вдругъ. Жившіе въ то время помнятъ, какъ, на примѣръ, до 59-го года, лучшія матери не кормили сами своихъ дѣтей, лучшіе люди признавали дѣятельность женщины только въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, и какъ внезапно взглядъ на подобныя вещи переменялся.

Самое большое счастье для насъ, людей „шестидесятыхъ годовъ“, заключалось въ нашей увѣренности: у насъ не было мучительныхъ сомнѣній и колебаній. Теперь критика затемняетъ вѣру, рефлексія отнимаетъ бодрость и жизнерадостность; теперь и старые, и молодые часто спрашиваютъ себя: гдѣ истина? гдѣ благо? въ чемъ спасеніе? Такіе вопросы были чужды намъ. Мы знали—чего хотѣли. Все было намъ ясно: освобожденіе крестьянъ, реформа суда, свобода слова, только дайте намъ это,—тамъ уже сами собою пойдутъ дальнѣйшія логическія послѣдствія, и Россія вступить въ новую эру, пойдетъ рука объ руку съ остальнымъ міромъ по пути развитія и счастья чловѣчества. И мы видѣли, что наши пламенные желанія осуществляются, наши мечты переходятъ въ дѣйствительность. Нервы наши были натянуты, духъ приподнятъ, мы чувствовали себя участниками въ общемъ великомъ дѣлѣ, мы ощущали какъ бы опьяненіе творчества... Еслибъ всѣ мечты наши дѣйствительно осуществились, то и тогда можно

бы было смотрѣть съ завистью на „шестидесятые годы“, ибо наиболѣе *счастливые* періоды цивилизаціи — не тѣ, въ которыхъ что-нибудь хорошее достигнуто и практикуется, а тѣ, когда это хорошее создается. Счастье для человѣка — не въ покоѣ, а въ движеніи, въ дѣяніи.

Какъ нѣчто органически связанное съ стремленіями того времени, какъ очагъ, около котораго сплотилась молодежь, явился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Этотъ человѣкъ, пострадавшій за тѣ идеи, которыя теперь торжествовали и въ торжествѣ своемъ возносили его, казался намъ залогомъ, что теперь не будетъ болѣе недоразумѣній, всѣ силы родины пойдутъ вмѣстѣ на общее дѣло. И вотъ, не только этотъ опальный недавно человѣкъ, при общемъ восторгѣ, восходитъ на каеедру, но за нимъ растворяются двери университета для другого опального до сихъ поръ существа — для женщины!

Я рвалась раздѣлить участь тѣхъ нѣсколькихъ женщинъ — сестеръ Конради, Богдановой и др., — которыя рѣшились вступить въ университетъ и пошли на первую лекцію Костомарова, но мать не пустила меня и поѣхала сначала одна. Я провела часы ея отсутствія въ большомъ волненіи и бунтовала: „Во что бы то ни стало буду на лекціяхъ! Пойду одна, пойду противъ мамы!“ — говорила я себѣ, въ душѣ чувствуя, что рѣшительно ничего „противъ мамы“ не подѣлаю... Къ моей радости, она вернулась очень довольная, и на третей, кажется, лекціи, я уже присутствовала. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я вступала въ университетъ, какъ все въ немъ, чуть ли не самыя стѣны, внушало мнѣ чувство благоговѣнія, какъ скоро стало близкимъ и роднымъ, этого теперь никто не пойметъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.

Студенты были очень любезны съ дамами. Въ большой, биткомъ набитой актовомъ залѣ, гдѣ вскорѣ началъ читать Костомаровъ, такъ какъ аудиторіи не вмѣщали слушателей, намъ всегда сохраняли лучшія мѣста. Съ незнакомыми раньше молодыми людьми мы встрѣчались какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца, вся зала гудѣла, какъ пчелиный рой, но входилъ профессоръ... Небольшого роста, держась немного сутуловато, привычнымъ жестомъ поправляя очки, разговаривая съ окружающими, онъ поспѣшно пробирался къ каеедрѣ. Онъ восходилъ на нее, и полная тишина водворилась въ огромной залѣ. Всѣ взоры устремлялись на того, кого молодежь чтитъ не только какъ профессора, но и какъ человѣка. По лицу Костомарова было видно, что то, что онъ будетъ сейчасъ дѣлать, для него

не шутка, не ремесло, а дѣло его жизни, суть его души, и какая-то искра пробѣгала между нимъ и нами.

Говорилъ Костомаровъ стоя, часто облакачиваясь на каеэдру. Кое-какія замѣтки и справки лежали передъ нимъ, но онъ не прибѣгалъ къ ихъ помощи, даже цитируя тексты. Онъ всегда порицалъ профессоровъ, читавшихъ по писанному: „Какъ я буду требовать отъ студентовъ, чтобы они знали, что я преподаю, если я самъ не знаю!“—говорилъ онъ по этому поводу. Костомаровъ не читалъ, не преподавалъ, а просто, какъ въ гостиной, бесѣдовалъ, доказывая свой взглядъ; онъ изяснялъ слушателямъ генезисъ этого взгляда, проводилъ его по пути, по которому шелъ самъ, распутывая только передъ ними заплетавшія этотъ путь препятствія. Вамъ казалось, что онъ самъ, вотъ сейчасъ, здѣсь передъ вами, убѣдился въ томъ, что говоритъ, убѣдился безповоротно, не могъ не убѣдиться, какъ не можете не убѣдиться въ томъ же и вы. Онъ не давалъ готовыхъ выводовъ, онъ изслѣдовалъ съ вами,—и выводы сами слагались въ вашемъ умѣ и являлись какъ бы вашими собственными. Логично и полно жизни, талантливо и колоритно было его изложеніе: цѣлыя картины давно минувшаго съ яркостью проходили передъ вашими глазами; онъ говорилъ о людяхъ, жившихъ столѣтія тому назадъ, какъ о своихъ близкихъ знакомыхъ, онъ становился на точку зрѣнія ихъ времени, говорилъ ихъ языкомъ, восстанавливалъ связь между ними и вами. Я думаю, что сердечное и любовное изученіе современнаго русскаго народа помогало Костомарову такъ жизненно чувствовать его прошлое. Весь бытъ, всю жизнь народа развѣтывалъ онъ передъ вами съ ея смѣхомъ и съ ея трагизмомъ, онъ заставлялъ васъ и смѣяться, и грустить, и волноваться... Молодые души на лекціяхъ Костомарова разгорались восторженной любовью къ людямъ, къ добру, къ истинѣ... Человека, съумѣвшаго возбудить эти чувства, выносили на рукахъ, при громѣ рукоплесканій, отъ котораго дрожали стекла! А онъ посреди этихъ овацій оставался простъ, скромнень, требователенъ къ себѣ,—только чувствовалось, что онъ счастливъ.

Добродушные и шаловливые бѣсы изъ Четій-Миней блестяли въ устахъ Костомарова народнымъ юморомъ; онъ такимъ серьезнымъ тономъ, какъ о дѣйствительности, рассказывалъ объ ихъ похожденияхъ, такія придавалъ интонаціи своему голосу, когда говорилъ отъ ихъ лица, что гомерическій хохотъ стоялъ въ аудиторіи. Никогда не забуду, между прочимъ, разсказа, какъ святой отецъ спрашивалъ кающагося и жаждавшаго искупительной жертвы,

князя: „Можешь ли ты провести пятнадцать лѣтъ въ постѣ и молитвѣ въ храмѣ Господнемъ?“ — „Не могу!“ — отвѣчалъ князь. — „Ну, хоть три года?“ — „Не могу!“ — „Ну, хоть три мѣсяца?“ — „Не могу.“ — „Ну, хоть три дня?“ — „Не могу!“ Надо было слышать оттѣнки голоса рассказчика, передававшіе угнетенное состояніе князя и удивленіе отца его духовнаго, чтобы понять весь комизмъ и всю характерность подобныхъ вводныхъ эпизодовъ. По этому поводу на Костомарова былъ сдѣланъ доносъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ употребляетъ слово „легенды“, говоря о дѣяніяхъ святыхъ, что онъ богохульствуетъ, выводя святыхъ отцовъ на посмѣяніе...

Я, однако, увидѣла Костомарова въ первый разъ не на каедрѣ, но въ обстановкѣ, тоже какъ нельзя болѣе подходящей къ нему, — среди фоліантовъ и рукописей Публичной Библиотеки. Какъ только Костомаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мы, само собой разумѣется, захотѣли познакомиться съ нимъ; это оказалось не такъ-то легко: Н. И. наотрѣзъ отказался знакомиться съ „графами“. „Ну, да ничего, — сказала Шевченко, — пусть себѣ фордыбачить, а мы его поймемъ. Пойдемте-ка въ Публичную Библиотеку, онъ тамъ каждый день занимается, тамъ я васъ съ нимъ и познакомлю, — небось самъ тогда къ вамъ запросится“. Такъ и было сдѣлано. Съ первой минуты, какъ я увидѣла Костомарова и услышала его голосъ, мнѣ показалось, что я съ нимъ уже давно знакома; на отца и мать онъ сдѣлалъ такое же впечатлѣніе; вѣроятно и мы ему сразу понравились, потому что съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ, съ рѣдкими исключеніями, каждый день. Почти всегда послѣ его лекцій (которыя, вогда только могъ, посѣщалъ и отецъ мой) мы вмѣстѣ отправлялись къ намъ.

Увлеченная университетомъ и Костомаровымъ, я забросила даже живопись. Мѣшало мнѣ и возбуждало назойливую досаду усилившееся ухаживаніе за мной. Въ моемъ дневникѣ проглядываетъ раздраженіе по этому поводу. Еслибъ мои поклонники, съ ихъ ревностью другъ къ другу, могли себѣ представить, какъ далека я была отъ нихъ всѣхъ, они избавили бы себя отъ бесплодной траты времени. Одинъ изъ нихъ еще, пожалуй, имѣлъ право дѣлать себѣ какія-нибудь иллюзіи, такъ какъ я усиленно „развивала“ его. Я требовала, чтобы онъ ходилъ на лекціи Костомарова, а онъ, не понимая характера моего увлеченія, ревновалъ меня къ нему и упирался. „Поймите, — говорила я, — что я хочу, чтобы вы бывали на лекціяхъ не для того, чтобы вы изучали русскую исторію, но чтобы вы раздѣлили со мной и со

всѣми то радостное чувство, которое мы тамъ всѣ испытываемъ, когда видимъ, что наша Россія развивается, стремится къ знанію“...

„— Эка невидаль,—перебивалъ онъ,—что тамъ тридцать-восемь дамъ было! Я бы такъ всѣхъ этихъ госпожъ выгналъ оттуда: сидятъ, учатся, а пользы отъ нихъ нѣтъ...

„— Значить, имъ надо еще больше учиться. Если теперь есть такіе люди, какъ Костомаровъ, то черезъ нѣсколько времени ихъ будетъ больше. А вотъ что больно,—что есть еще такіе, какъ вы, которые не хотятъ идти впередъ, не хотятъ расширять свой взглядъ, не хотятъ пополнять недостатковъ своего образованія.

„— Ахъ, вы поэтъ! составили себѣ какой-то идеалъ, и вотъ дай вамъ такихъ людей. И терзайтесь всю жизнь, что люди не ангелы, и плачьте! Поплачьте вотъ, что у Байрона нравственность была плоха!

„— Что же вы за эгоистъ, что не жалѣете, что есть зло на землѣ? Вамъ, можетъ быть, все равно—освободить нашихъ крестьянъ или нѣтъ?!

„— Ахъ, ты мой Господи! да развѣ я ихъ крѣпостными сдѣлалъ?

„— Это и не логично, и бездушно, что вы говорите.

„— Чѣмъ имъ моя жалость поможетъ? Что, я ихъ освобожу одинъ, что-ли?

„— Если всѣ такъ будутъ говорить,—кто же будетъ дѣлать? Христось тоже одинъ былъ.

„— Э, все это не стоитъ одного свѣтлаго дня для работы!

„— Значить, цѣль вашей жизни—одна живопись?

„— Конечно цѣль моей жизни живопись.

„— А я такъ полагала, что это одно изъ средствъ, а цѣль жизни гораздо выше...

„— Что же мнѣ дѣлать, если я не такъ понимаю вещи, какъ вы?

„— Уйти вонъ!“

Такими дерзостями съ моей стороны часто кончались наши пререканія. За приведеннымъ разговоромъ ¹⁾, въ моемъ дневникѣ значатся слѣдующія слова: „Ужъ сколько я старалась развивать его—и все напрасно! И подѣломъ мнѣ! Лучше спорить съ умнымъ, чѣмъ учить безумнаго, какъ говоритъ Даниилъ Заточникъ“. Да приметъ во вниманіе снисходительный читатель, что мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда писались эти строки. Если

¹⁾ Всѣ разговоры, приводимые мною, выписаны изъ моего дневника того времени.

я полубезсознательно еще сохраняла нѣкоторое чувство въ глубинѣ души своей, то это было къ К. Я иногда видѣла его во снѣ плачущимъ и, проснувшись, бывала грустна весь день.

Но все казалось мнѣ ничтожнымъ передъ тѣмъ интересомъ, тѣмъ содержаніемъ, которые внесъ въ нашу жизнь Костомаровъ.

Его многостороннее образованіе, его удивительная скромность, правдивость, теплота его отношенія къ людямъ, чуткость и отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, живописность его рѣчи, способность переходить отъ серьезныхъ научныхъ разговоровъ къ дѣтской веселости, все въ немъ возбуждало во мнѣ чувство горячаго восхищенія. И не во мнѣ одной: отецъ мой глубоко цѣнилъ Костомарова, наши друзья не меньше меня восторгались имъ, — „свѣтлая личность“, „чистая душа“ — называли они его. Шевченко, Щербина, Сѣверцевъ, Благовѣщенскій, котораго Щербина называлъ „Marquis de l'Annonciation“ (его внѣшній видъ и мягкія манеры дѣйствительно напоминали марезиза), Кулишъ, который тогда былъ, или казался, большимъ поклонникомъ Костомарова, Сухомлиновъ, Лазаревскіе и многіе другіе чаще прежняго собирались у насъ.

Костомаровъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ прекрасныхъ людей, которые считаютъ свои достоинства, свои благородные поступки чѣмъ-то совсѣмъ простымъ, естественнымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы, и поступаютъ хорошо, потому что иначе поступить не могутъ. Костомаровъ смотрѣлъ на міръ спокойно, и ясно, какъ всѣ, кто созерцаетъ его съ нѣкоторой высоты ¹⁾.

Правда, правдивость, не уступающая ни передъ чѣмъ, была и свойствомъ его натуры, и настоящимъ культомъ, доведеннымъ Николаемъ Ивановичемъ въ частной жизни до крайности. Къ сожалѣнію, я не могу придать гласности извѣстныхъ мнѣ необыкновенно благородныхъ и характерныхъ для него случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ опасенія, чтобы какъ-нибудь не покривить душой. У него была, если можно такъ выразиться, излишняя щепетильность правдивости. Николай Ивановичъ говорилъ иногда въ глаза не совсѣмъ пріятныя истины и удивлялся, какъ могутъ обижаться за правду или огорчаться ею; самъ онъ былъ въ этомъ послѣдователенъ — никогда не обижался на откровенное порицаніе и, если оно было справедливо, сейчасъ же соглашался. Онъ говорилъ, что правда всегда хороша, всегда полезна. Очень неохотно соглашаясь, что

¹⁾ Все, что я говорю о Костомаровѣ, было моимъ мнѣніемъ того времени, но 35-ть лѣтъ близкаго знакомства съ Н. И. не измѣнили, а утвердили эту оцѣнку его.

бываютъ случаи, когда слѣдуетъ не высказывать истину, а промолчать, онъ отвергалъ, чтобы ложь могла быть „во спасеніе“: „съ этимъ правиломъ, говорилъ онъ, можно Богъ знаетъ куда зайти“.

Въ одномъ разговорѣ со мной онъ сказалъ: „Нельзя, принадлежа къ какой-нибудь религіи, брать изъ нея одно, оставляя другое. Надо брать все или ничего. Если вы сами создали себѣ свою вѣру, то называйте ее какъ-нибудь иначе, а не христіанской. Вы не должны ходить въ православную церковь, не должны идти въ общество, къ которому вы не принадлежите, съ которымъ у васъ нѣтъ общаго интереса“.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ, — отвѣчала я, — я иду въ церковь, чтобы молиться Богу, въ Котораго я вѣрую.

„А въ какого бога вы вѣруете?“

— Какъ въ какого? Въ Того же, въ Котораго и вы вѣруете, и всѣ въ церкви.

„Нѣтъ, вы въ другого вѣруете. Пошли ли бы вы молиться въ магометанскую мечеть?“

— Отчего же не пойти? Богъ одинъ.

„Ну, нѣтъ. У нихъ свой богъ, не тотъ, что у насъ“.

— И лютеранину, можетъ быть, по вашему, нельзя ходить въ православную церковь?

„Да зачѣмъ ему? Для любопытства только! Вотъ, раскольники и логичнѣе, и благороднѣе поступаютъ. Они хотя и немного православнѣе васъ, — вставилъ онъ, улыбаясь, — но никогда ни одинъ не поидетъ въ нашу церковь. Я вѣдь не осуждаю ваши взгляды, мнѣ только противна всякая неискренность. Зачѣмъ дѣлать что-нибудь для проформы, зачѣмъ ходить въ церковь, когда вы не вѣрите тому, чему учить эта церковь! Молитесь у себя въ комнатѣ“.

Къ нападеамъ печати Н. И. относился въ высшей степени добродушно. Мы иногда ужасно волновались по поводу нѣкоторыхъ возмутительныхъ инсинуацій и упрекали его, что онъ принимаетъ ихъ слишкомъ равнодушно. „Какъ вы несправедливы! — отвѣчалъ онъ. — Какъ же это такъ? Вы всегда стоите за свободу, а тутъ вдругъ хотите лишить человѣка права высказывать свое мнѣніе? Какъ это можетъ сердить, когда человѣкъ высказываетъ свое убѣжденіе?“

Противъ такъ часто раздававшихся обвиненій Костомарова въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ говорилъ, улыбаясь: „Чѣмъ же я виноватъ, если я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что есть въ источникахъ, то

я знаю, а чего нѣтъ, того не знаю; я такъ и говорю: этого я не знаю, этого нѣтъ въ источникахъ,—что же я тутъ могу подѣлать“?!

Костомаровъ никогда не искалъ популярности и обо всѣхъ чествованіяхъ и оваціяхъ, достававшихся ему на долю, говорилъ всегда только шутя. Когда мы дразнили его тѣми дамами, которыя дѣйствительно сильно уваживали за нимъ, онъ говорилъ, смѣясь: „Для прекраснаго пола я готовъ на все!“—„Однако, еслибы вамъ „прекрасный полъ“ приказалъ читать лекцію три часа подъ-рядъ, вы бы навѣрное отвѣтили, какъ вашъ князь: не могу“.—„Я? Да я читалъ бы три часа, стоя на одной ножкѣ, еслибы мнѣ „прекрасный полъ“ приказалъ“!

Бывало, идешь съ Н. И. по улицѣ или въ фойѣ театра,—только и слышишь: „Это Костомаровъ!“—„Смотрите, вотъ идетъ Костомаровъ!“—но онъ, всегда занятый какою-нибудь мыслью или разговоромъ, и не замѣчалъ этого.

Я никогда не встрѣчала кого-нибудь, кто бы такъ спорилъ, какъ Костомаровъ. Въ спорѣ онъ связывался весь: видно было, что въ немъ дѣйствуетъ не выработанная или индифферентная сдержанность, а глубоко развитое уваженіе къ человѣческой личности, внутреннее убѣжденіе въ правѣ каждаго, кто бы онъ ни былъ, имѣть свое собственное мнѣніе и высказывать его. Н. И. выслушивалъ каждаго, даже того, кто стоялъ неизмѣримо ниже его по уму и знанію, выслушивалъ до конца, стараясь въ словахъ противника отыскивать не слабыя стороны, къ которымъ можно бы придратъся, но какой-нибудь проблескъ истины; когда онъ возражалъ, онъ не пропускалъ ни одного изъ самыхъ ничтожныхъ доводовъ противника безъ отвѣта; ему не переспорить кого-нибудь хотѣлось, а именно чего-нибудь добиться, и ничто не казалось ему пустякомъ, что могло повести къ разъясненію истины.

Ни одинъ разговоръ съ Костомаровымъ не проходилъ безслѣдно, всегда можно было чему-нибудь научиться, всегда оставалось—о чемъ подумать и призадуматься. Разказы Н. И. дышали необыкновенной прелестью: отличаясь художественною яркостью, они были какъ-то непосредственно просты. У Костомарова было много юмора, но другого оттѣнка, чѣмъ у Щербины. „Тотъ *колмошка* ¹⁾—говорилъ про послѣдняго Сѣверцевъ,—а въ юморѣ Костомарова больше народнаго духа, да и направлень онъ не на отдѣльныхъ личностей, а больше на среду

¹⁾ *Колмошка*—маленькая рыба съ очень короткими плавниками на спинѣ.

или эпоху". Если Н. И. острялъ надъ кѣмъ-нибудь, то надъ самимъ собой, и острялъ очень мило. Передать эти споры и рассказы у меня не хватаетъ таланта. Вообще, мнѣ кажется, разговора нельзя передать письменно во всемъ его значеніи. Въ разговорѣ всегда бывають неоконченныя фразы, понимать которыя помогаютъ звуки, оттѣнки голоса, мимика, жесты; бывають быстрые переходы, чуть намѣченные, какъ бы бросаемыя и на лету подхваченныя мысли... Всѣ эти повторенія, отрывочныя возгласы, маленькія словечки, кидаемыя тамъ и сямъ, придающія столько жизни рѣчи, пропадаютъ совершенно, когда являются чернымъ на бѣломъ. Можетъ быть, литературныя формы и приблизятся когда-нибудь къ свободѣ разговорной рѣчи, но живое слово останется выше всего, и счастливъ тотъ, кто слышалъ въ жизни столько хорошей живой рѣчи, какъ я.

XVI.

Не надо „дѣлать добро“, надо *быть* добрымъ.

Торо.

Несмотря на только-что высказанное мною, я хочу привести здѣсь хоть два-три рассказа Костомарова о себѣ, какъ я записала ихъ содержаніе въ то время, потому что, помимо художественности, которую я не могу передать, они характеризуютъ Н. И. въ его дѣтствѣ и молодости.

„Лѣтъ мнѣ было десять — одиннадцать, — говорилъ онъ, — я былъ въ пансіонѣ въ Москвѣ. Начитался я Вальтеръ-Скотта, да и задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устраивать турниры. Сооружу бумажный панцырь и шлемъ, и выхожу на поединокъ. Тутъ у меня и герольды трубятъ, и перчатку бросаютъ... Былъ у меня товарищъ одинъ, казакъ... Ахъ, еслибы мнѣ пришлось его теперь увидѣть! Мы бы вспомнили, какъ мы съ нимъ на поединокъ выходили и какъ онъ меня тузилъ. Дюжій, широкоплечій, сильный былъ малый. Только я, бывало, приготовлюсь по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ занести копьё, онъ выхватитъ его, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота!.. Кто меня только не билъ!.. И всегда я самъ задиралъ: всплыву, подскочу... и всегда-то меня побьютъ! Но я нивогда не жаловался, за то меня все-таки товарищи любили“.

Въ воронежской гимназіи Костомаровъ одному преподавателю на площадное ругательство отвѣтилъ: „Ты самъ“ Другой

учитель-малороссъ, у котораго жилъ Н. И., вернувшись изъ гимназiи, гдѣ узналъ о случившемся, началъ на него кричать: „Что это ты надѣлалъ? А? Вотъ я тебя! Давайте розги!“

„Я выпрыгнулъ изъ окна,—продолжалъ свой разсказъ Костомаровъ,—и убѣжалъ. „Ловите его!“—кричитъ. Я сталъ посреди двора и говорю: „Вы меня не поймаете. Только, если вы хотите съѣчь, такъ я въ рѣчку брошусь, а съѣчь себя не дамъ“. „Ну,—говоритъ учитель,—Николай Ивановичъ, вернитесь, придите, я не буду, не буду.“—„Нѣтъ, говорю, дайте честное слово, а иначе не приду.“—„Даю, даю. Честное слово!“ И сдержалъ его. „Ну, говоритъ, а теперь разсказывай“. Я ему все разсказалъ, какъ было, и онъ потомъ вѣриво за меня стоялъ. Научилъ онъ меня также снести директору голову сахара. Я съ торжествомъ понесъ и, въ простотѣ сердца, втесался со своей головой сахара, да прямо въ гостиную директора, да еще при гостяхъ! Какъ онъ началъ меня пушить: „Мнѣ взятку! Какъ ты смѣлъ, негодный мальчишка?.. Вонъ, сію минуту!..“ Не знаю, какъ я и на улицу выскочилъ! Думаю: пропалъ я совсѣмъ. А за мной горничная бѣжитъ: „Вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца носятъ“.

Слушатели смѣялись. „Чѣмъ же, однако, кончилось?“—спросилъ кто-то. „Когда я пришелъ послѣ этого въ классы, директоръ сказалъ: „Тебя бы слѣдовало исключить, ну, да ты хорошо учишься, оставайся“.

„Было это въ Харьковѣ,—разсказывалъ другой разъ Н. И.,—влюбился я въ одну дѣвушку, она же предпочла мнѣ другого. Я позабылъ и думать о ней, какъ вдругъ узнаю, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ у меня товарищъ П., добрый малый и большой гуляка. Разсказываю ему. „Что-жь ты, говоритъ, намѣренъ дѣлать?“—„Право, не знаю. Подлость ужасная. Надо бы заставить жениться, но какъ?“—„Неужели ты оставишь такую вещь безнаказанной?—кричитъ П.—Такъ-то ты стоишь за правду?“ Обругалъ меня и говоритъ: „Я возьмусь за это дѣло! Ты, говоритъ, будь спокоенъ: если онъ тебя убьетъ, то и ему съ мѣста не сойти“. Отправился онъ вызывать отъ моего имени того господина и самымъ спокойнымъ образомъ докладываетъ ему: „Если вы застрѣлите Костомарова, то я все равно васъ убью; если же откажетесь отъ дуэли, то мы васъ до смерти заколотимъ, вамъ смерти не миновать, лучше ужъ вы женитесь“. Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ П. совсѣмъ не зналъ этой дѣвушки, а для меня она уже давно была донной Эльвирой...

Дуэль, однако, не состоялась, мой противникъ предпочелъ донести губернатору, и я долженъ былъ выѣхать, вслѣдствіе этой исторіи, изъ Харькова“.

Николай Ивановичъ много рассказывалъ намъ изъ своей жизни въ Саратовѣ, о своемъ заключеніи въ крѣпости, очень подробно о своемъ арестѣ.

„Надо сказать къ чести Бибикова, — говорилъ Н. И., — онъ прогналъ того господина, который донесъ на насъ. Когда пришелъ приказъ о нашемъ арестѣ, генераль-губернатора не было въ Кіевѣ. Вице-губернаторъ былъ со мной очень хорошъ и прислалъ сказать мнѣ, чтобы я немедленно къ нему явился. Это было въ среду на Святой. Тутъ меня точно хотѣла спасти судьба, да не спасла... Я не написалъ одной вещи, о которой меня просилъ вице-губернаторъ, мнѣ поэтому было совѣстно идти къ нему, я рѣшилъ сначала сдѣлать эту работу и весь четвергъ просидѣлъ за ней. Видя, что я не являюсь, онъ въ пятницу утромъ снова послалъ за мной одного моего пріятеля. Не оставъ меня дома, этотъ господинъ пріѣхалъ къ моей хорошей знакомой, начальницѣ пансіона, гдѣ я давалъ прежде уроки, рассказалъ ей, въ чемъ дѣло, и поручилъ извѣстить меня. Она сейчасъ же послала звать меня къ себѣ. Въ обыкновенное время это бы меня поразило, и я бы поѣхалъ немедленно, но надо же, чтобы у меня какъ разъ было дѣло съ одной классной дамой по поводу одного мальчика, котораго я хотѣлъ выкупить; я и вообразилъ, что меня вовуть по этому дѣлу, и думаю себѣ: лучше я завтра пойду. Черезъ нѣсколько времени приходитъ опять лавей съ тѣмъ, что меня просятъ придти сію минуту по важному дѣлу. Я пошелъ, но, по дорогѣ, зашелъ къ пріятелю и засидѣлся. Прихожу къ г-жѣ *** въ десять часовъ вечера; она меня долго ждала, но должна была уѣхать. Она, однако, поручила дѣвицамъ задержать меня до ея пріѣзда, какъ бы поздно она ни вернулась. Дѣвицы передали мнѣ это, всячески занимали меня, пѣли, играли, но, наконецъ, послѣ одиннадцати часовъ, я распрощался, сказавъ, что зайду завтра. Пришелъ я домой, раздѣлся, легъ. Вдругъ стучать. Я отворяю, входитъ NN и говорить: „Я пришелъ васъ спасти: черезъ десять минутъ васъ арестуютъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь запрещеннаго? Бумагъ? Стиховъ Шевченка?“ — „Нѣтъ, говорю, ничего нѣтъ“. И вдругъ вспомнилъ, что у меня была одна рукопись, которую я еще прежде видѣлъ, что надо ее истребить, и уже разорвалъ пополамъ, да потомъ забылъ въ карманѣ. Я досталъ ее и хотѣлъ сжечь. „Постойте, что это такое?“ — сказалъ NN. — „Это то, что я вамъ

читаль. Да куда же вы это берете? Дайте, я сожгу". Онъ положилъ рукопись себѣ въ карманъ и сказалъ: „Вотъ вамъ рука моя, что никто ничего не узнаеть, вы только меня не выдайте". Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились жандармы. Зная, что у меня ничего не нашли, я былъ совершенно спокоенъ, и въ кабинетѣ вице-губернатора, куда меня привели, я закурилъ себѣ сигару. Сейчасъ же, въ томъ же кабинетѣ, стали меня допрашивать. „Вы давали Гулаку такую-то рукопись, писанную вами на цвѣтной бумагѣ?" — „Никогда не писалъ и не давалъ". — „Гулакъ донесъ на васъ". — Я зналъ, что Гулакъ неспособенъ это сдѣлать, и что они могли только догадываться объ этой рукописи, и потому рѣшился упорствовать. „Если не писали, то видѣли эту рукопись?" — „И не писалъ, и никогда не видалъ". „Дайте честное слово". Что было дѣлать! Говорю: „Честное слово". — „А еслибъ принести Евангеліе и позвать священника, вы бы поклонились?" — „Зовите попа!" — восклицаю я. Передо мной кладутъ рукопись, писанную моею рукою и только-что взятую у меня NN!!

„Въ тюремномъ замкѣ не было мѣста, — меня отправили на ночь въ какой-то острогъ или часть. Вотъ мерзость тамъ была: ни кровати, ни стула, грязь такая, что ступить нельзя, насѣкомыхъ пропасть! Тутъ у меня были ужасныя минуты, въ особенности когда вошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и началъ говорить: „Ну, что, какъ вамъ здѣсь нравится? Я слышалъ, что завтра былъ назначенъ день вашей свадьбы. Конечно, здѣсь не такъ весело проводить ночь, какъ съ молодой женой! Хе... Хе!..“

— Неужели вы не ударили сго? — сказалъ отецъ мой. — Я бы не вытерпѣлъ.

— Нѣтъ, не ударилъ. Къ чему?!

Мы всѣ были потрясены этимъ разговоромъ. Я какъ бы почувствовала ужасную горечь разочарованія въ человѣкѣ, насчетъ котораго онъ былъ спокоенъ, котораго считаль другомъ, но тяжелѣе всего была мнѣ мысль о страданіи, испытанномъ Николаемъ Ивановичемъ, когда, въ борьбѣ за свою жизнь и счастье, онъ, такой правдивый, рѣшился солгать — и это оказалось напраснымъ!.. Не вспоминая ли эти страшныя минуты, Н. И. такъ горячо нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „*Что бы изъ этого ни вышло, какія бы послѣдствія это ни имѣло для него, человекъ всегда долженъ говорить правду*".

Позднѣе вечеромъ разговоръ вернулся къ той же темѣ.

„У Дуппельта была привычка подтрунивать и говорить мяг-

кимъ голосомъ, называя всѣхъ „мой добрый другъ“. На всѣ мои оправданія, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, мой добрый другъ, вы меня, стараго воробья, не понимаете. Это все поэзія, мой добрый другъ, а вы у меня въ крѣпости все-таки посидите“.

„Черезъ годъ меня выпустили изъ крѣпости и привезли въ третье-отдѣленіе. Я тутъ еще какую штуку удралъ: меня привели и оставили въ комнатѣ одного. Я вижу — окна открыты, солнце свѣтитъ, двери открыты, жандармовъ нѣтъ... Я взялъ шапку и вышелъ на улицу; мало того, что вышелъ, — такъ обрадовался, что вырвался на волю, что отправился себѣ гулять на Невскій и купилъ какую-то зрительную трубу, не знаю ужъ, зачѣмъ. Прихожу назадъ, жандармскій офицеръ — въ ужасѣ: „Что вы сдѣлали! Намъ теперь достанется!“ — „Вы мнѣ не сказали, что нельзя выходить, почему же я зналъ“. — „Конечно, это мы сами виноваты“. И тотчасъ же солдатъ поставили. Меня продержали въ этой комнатѣ четырнадцать дней, но все-таки окно было открыто и все-таки не подъ желѣзными замками. Наконецъ, мнѣ сказали, чтобы я написалъ, въ какомъ городѣ я желаю жить, это предоставлено моему выбору. Я написалъ, что желаю въ Крымъ, чтобы лечиться морскими ваннами. Отвѣтъ пришелъ, что въ Крымъ нельзя, тамъ поэзіи слишкомъ много. Такъ и стояло въ бумагѣ, что „*поэзии слишкомъ много*“. Были предоставлены на выборъ только нѣсколько городовъ, изъ которыхъ я выбралъ Саратовъ. Сейчасъ же меня и отправили“... „Дорогой вотъ какой былъ случай, — продолжалъ Н. И.: — мы съ жандармскимъ офицеромъ были немного навеселѣ; онъ легъ отдохнуть, а я воспользовался этимъ и, выйдя на улицу, началъ рассказывать какому-то торговцу о бывшемъ величій Новгорода, и совсѣмъ увлекся, какъ вдругъ кто-то меня за руку! Смотрю: жандармскій офицеръ. „Это вы, говорить, что дѣлаете? Да я васъ сейчасъ обратно въ третье-отдѣленіе сезу!“ Однако, эту угрозу не исполнилъ, а когда пріѣхали въ Саратовъ, онъ, объявивъ мнѣ, что я свободенъ, прибавилъ: „Теперь можете при мнѣ говорить, что вамъ угодно“.

О своей бывшей невѣстѣ Н. И. упомянулъ только одинъ разъ. Это было весной; мы возвращались въ коляскѣ съ Острововъ; пахнувшая тепломъ сѣверная весна, только-что слышанныя пѣсни соловьевъ, таинственный полусвѣтъ петербургской ночи, все это привело насъ въ мягкое, меланхолическое настроеніе, и я рѣшилась сдѣлать вопросъ, давно бывший у меня на умѣ.

— Вы видѣли потомъ когда-нибудь вашу невѣсту?

„— Никогда. Я слышалъ, что она вышла замужъ, но не знаю, за кого, и не знаю, жива ли она.

— Какъ она могла выйти за другого!—воскликнула я съ негодованіемъ.

„— Она не виновата. Обстоятельства заставили. Она терпѣла, сколько только могла. Эта была ангель, а не дѣвушка...

— Она была хорошенькая? Талантливая?

„— Хорошенькая. Восхитительные глаза. Необыкновенно талантливая, умная дѣвушка... Чудная была дѣвушка...

— Она, я увѣрена, все время любила васъ, а вы?

„— И я все время любилъ ее“.

Мы молчали до самаго дома. Я видѣла на лицѣ Н. И. частое подергиваніе верхней губы (этотъ тикъ сдѣлался у него въ крѣпости и являлся при всякомъ душевномъ волненіи), и я никогда болѣе не заговаривала объ этомъ предметѣ. Мнѣ особенно нравилось, если Н. И. приходилъ къ намъ, когда мы были одни. Въмѣсто того, чтобы во всё уши слушать научные разговоры, я тогда сама вступала въ бесѣду съ нимъ и спрашивала обо многихъ, интересовавшихъ меня, вопросахъ жизни. Часто вспоминаю я, выхваченныя изъ разныхъ разговоровъ, слова его, сдѣлавшія на меня сильное впечатлѣніе.

По поводу смерти Я. И. Ростовцева, мамѣ моя осуждала его за декабристовъ и не считала достаточнымъ искупленіемъ его дѣятельность по крестьянскому вопросу, но прибавила: „Впрочемъ, *de mortuis aut nihil, aut bene*“. Н. И. возразилъ: „По моему, только послѣ смерти и наступаетъ время суда; *при жизни* не слѣдуетъ дурно говорить о человѣкѣ, потому что онъ можетъ еще исправиться“. Послѣ только-что вышедшаго „Наканунъ“, Н. И. воскликнулъ: „Я бы никогда не поступилъ, какъ Инсаровъ. Какъ рѣшиться подвергать опасностямъ дѣвушку! Я бы уѣхалъ, пропалъ такъ, чтобы она не узнала, гдѣ я, и пускай бы она обвиняла меня“.

„— Никогда не испытывалъ я большаго наслажденія, — сказалъ разъ Н. И., — какъ когда я объяснялъ мужикамъ солнечную систему“.

— Почему всё великіе люди несчастны? — спросила я какъ-то.

„— Оттого, вѣроятно, — отвѣчалъ онъ, — что ихъ требованія высоки, они стремятся къ лучшему, имъ труднѣе переносить мелочи жизни... Они не удовлетворяются земной жизнью“... Много разъ говорилъ Костомаровъ, что „истинный ученый непременно долженъ быть и поэтомъ. Ученый *не-поэтъ* можетъ принести

пользу, какъ собиратель матеріала,—только поэтъ можетъ быть творцомъ и въ наукѣ“.

По временамъ Н. И. рассказывалъ мнѣ съ сестрой о жизни древнихъ народовъ, и, подъ вліяніемъ этихъ рассказовъ, памятники искусства, народная поэзія, сказки пріобрѣтали въ моихъ глазахъ иное значеніе, чѣмъ прежде; я поняла, что исторія, это—сказаніе о душѣ народа, и что изъ знанія прошедшаго можно создавать будущее или, по крайней мѣрѣ, воздѣйствовать на него.

Костомаровъ такъ умѣлъ поставить себя наравнѣ съ людьми менѣе его развитыми, что я скоро привыкла обращаться съ нимъ совсѣмъ запросто: упрекала его за недостатки, которые находила въ немъ, спорила съ нимъ. Онъ или серьезно оправдывался, разъясняя мнѣ, чего я не понимала, или, съ любовной улыбкой, объявлялъ себя побѣжденнымъ внезапными нелогичностями или шутками, которыми я выворачивалась, когда не находила больше доводовъ. Я дошла до того, что при Н. И. стала давать волю находившему на меня настроенію недовольства собой: „Я сама не знаю, чего хочу,—жаловалась я:—и наукой хотѣла бы заниматься, и искусствомъ, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлаю. Иногда мнѣ кажется, что искусство не удовлетворитъ меня, а иногда—что я рождена быть художникомъ... Когда я вижу дивную картину природы, мнѣ хотѣлось бы пересоздать ее, чтобъ она осталась вѣчною; такъ бы хотѣлось уловить, остановить жизнь, втиснуть ее въ раму съ тѣмъ же движеніемъ, но чтобъ оно не прошло... Хочется эту красоту взять, втянуть, вдохнуть, впитать въ себя... Я не знаю, не умѣю сказать... Никогда, никогда искусству не сдѣлать этого, а между тѣмъ отчего же такъ хочется попробовать?.. И вдругъ у меня являются другія фантазіи, напримѣръ воскресныя школы, это тоже такъ хорошо!.. И всякія еще разныя фантазіи... И все это меня такъ ужасно мучаетъ!“

„— Это—избытокъ жизни,—отвѣчалъ Н. И.—Когда этого больше не будетъ, какъ вы будете жалѣть объ этомъ тревожномъ времени, какъ прекрасно оно вамъ покажется! И я это въ молодости перечувствовала, также хотѣлъ упиться природой, любилъ ее *до страданія*. Потомъ, когда это время пережито, пріятно и грустно бываетъ вспоминать о немъ“...

Я сознавала, что мученія и радости мои—еще дѣтскія, незрѣлыя, и меня трогало, что Н. И. не свысока смотрѣлъ на нихъ, а принималъ въ нихъ живое участіе; мысль, что онъ въ моло-

дости пережилъ то, что и я чувствовала, приближала меня къ нему.

Иногда Н. И. присоединялся къ нашимъ играмъ и болтовнѣ. Разъ, вечеромъ, мы засадили его и Сѣверцева играть въ карты, въ „короли“, ловили Костомарова въ разсѣянности, выдумывали ему самыя неудобноисполнимыя наказанія, остряли напропалую, а онъ смѣялся своимъ заразительнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ. Одинъ вечеръ мы просидѣли съ нимъ и моею сестрой втроемъ, сочиняя балетъ „Искушеніе св. Исаакія“, гдѣ на сценѣ должны были являться бѣсы, „въ видѣ женъ, зѣло испещренныхъ“, придумывали декорации, костюмы, выбирали изъ разныхъ оперъ подходящую музыку.

Съ разрабатываемою въ данное время въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. такъ сживался, что дѣйствующія лица этой эпохи дѣлались для него какъ бы живыми существами, и онъ часто, шутя, воображалъ ихъ въ современной жизни; рассказывая о какомъ-нибудь удѣльномъ князѣ, онъ вдругъ, перебивая себя, спрашивалъ: „А какъ вы думаете, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ его сдѣлали директоромъ банка или инспекторомъ Смольнаго монастыря?“—Это опять давало поводъ къ остроумамъ и смѣху.

Въ эту зиму была очередь бѣсовъ; эти шаловливыя созданья сдѣлались у насъ очень популярными. Я высказывала симпатію къ нѣкоему бѣсу Зефеусу, котораго специальность была „творить пакости мнхамъ“, а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ. Сѣверцевъ говорилъ, что я сама и есть этотъ бѣсъ; я отклоняла такую честь, но признавала Зефеуса моимъ другомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сотворилъ Н. И. „пакость“ тѣмъ, что, возбудивъ театральную дирекцію отиѣнить представленіе „Донъ-Жуана“ Моцарта, на которое у Костомарова былъ билетъ, доставилъ мнѣ удовольствіе провести неожиданно этотъ вечеръ съ Н. И. Я, дѣйствительно, проявила нѣкоторое сходство съ бѣсомъ, когда, въ концѣ вечера, вдругъ сказала:—А что, если все-таки давали сегодня „Донъ-Жуана“?

— Ну, это была бы архипакость!—съ жаромъ воскликнулъ Н. И.—Какъ! у меня билетъ въ карманѣ, а я „Don-Giovanpi“ пропустилъ!.. Знаете что? Если мнѣ завтра скажутъ, что сегодня шелъ „Донъ-Жуанъ“, я захвораю! Ей-Богу, захвораю!—Онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что можно было подумать, что это серьезно.

Мы очень часто бывали въ театрахъ и концертахъ съ Н. И. Въ „Жизнь за царя“ мы должны были ѣздить при особой об-

становѣ: мы должны были брать литературную ложу, въ антрактахъ пить венгерское и танцевать мазурку. Всѣ впечатлѣнія спектаклей и мелкихъ событій ежедневной жизни передавались на древнерусскомъ языкѣ, и вездѣ играли роль бѣсы. Напримѣръ: „Во едину изъ средь, — рассказывалъ, входя, Костомаровъ, — приде ко мнѣ бѣсъ лукавый, во образѣ знаемаго моего Н., и глагола: „Хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги“. Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, подохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесяти седмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рекохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?“ И отречесе, и рече: „не вѣмъ, что глаголеши“. И азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже придохъ искусити мя. И абіе приде бѣсъ, во образѣ знаемаго моего, и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имати?“ Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси“. И отвѣща, глагола: „во истину есмь бѣсъ Зефеусъ, ненавидай добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоя ради, придохъ пакости ти творити“.

Николай Ивановичъ давно обѣщаль намъ показать, какъ дѣлаютъ настоящіе вареники. Вотъ, однажды, прямо изъ университета, онъ отправился въ кухню, подпоясался передникомъ, сталъ на табуретку, прочелъ намъ комическую лекцію о происхожденіи и значеніи варениковъ и приступилъ къ дѣлу, — но о дальнѣйшемъ приходится привести его собственныя слова, въ которыхъ онъ позже, за столомъ, передалъ это событіе: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И, взявъ муки гречневыя, сотвори брашно и, вложивъ въ оное творогу и посыпавъ солю, ввергну въ окропъ. И восхѣдоша домочадцы и присные его за трапезу, и подану сущу яству сему, и — никто же не може ясти!.. И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидай добра и рода человѣческаго, соврати его. *И отгиде посрамленъ!*“ — Удивительный, иронически-добродушный отгѣнокъ голоса придавалъ онъ всѣмъ этимъ анекдотамъ.

Въ этотъ счастливый годъ общественная жизнь широко развернулась: конца не было лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ, литературно-музыкальнымъ вечерамъ; мы съ Н. И. ихъ усердно посѣщали. Изъ литераторовъ лучше всѣхъ читали Тургеневъ, Писемскій и А. Потѣхинъ. Общее мнѣніе было, что Некрасовъ плохо читаетъ, на меня же онъ произвелъ сильное впечатлѣніе;

у него былъ очень сильный, слабый органъ, но онъ читалъ съ глубокимъ чувствомъ, съ тоской въ голосъ.

Между прочимъ, и нашъ другъ Сѣверцевъ прочелъ въ университетѣ двѣ лекціи о теоріи Ламарка; онъ тогда былъ противъ этой теоріи, впоследствии же сдѣлался дарвинистомъ и ѣздилъ въ Англію нарочно, чтобы повидаться съ Дарвиномъ. Лекціи были интересны, полны эрудиціи, но слишкомъ растянуты, такъ что крайне утомили слушателей; Сѣверцевъ лучше говорилъ въ обыкновенное время, безъ приготовленія. Въ пользу общества литературы давались очень интересные спектакли съ участіемъ нашихъ литераторовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала я увидѣть Писемскаго въ роли городничаго, но разочаровалась; впрочемъ, послѣ Щепкина могъ ли кто нравиться въ этой роли! ¹⁾ Превосходно сыграна была роль Осипа студентомъ Ловягинимъ; г-жа Кони была неподражаема городничихой. Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Курочкинъ вышли на сцену въ видѣ купцовъ съ головами сахара и кульками, — Тургеневъ былъ особенно типиченъ, — и вся публика, повстававъ съ мѣстъ, загремѣла рукоплесканіями и долго не могла успокоиться. Въ этихъ спектакляхъ я видѣла Вѣру Самойлову, по мужу Мичурину, въ „Провинціалкѣ“ и сценѣ Татьяны съ Онѣгинимъ. Это была великая артистка, тонкій художникъ: глубокое пониманіе драматическихъ моментовъ, безъ малѣйшей утрировки, показывало рѣдкій художественный тактъ; ея грація, изящныя манеры, необыкновенное благородство игры просто плѣняли. Я негодовала, что она, по желанію мужа, покинула сцену.

Наслаждались мы гастрольями Шумскаго. Щепкинъ пріѣзжалъ и непрерывно бывалъ у насъ. Щепкинъ одинаково хорошо и игралъ, и читалъ. Разсказъ охотника и монологъ „Скупого Рыцаря“ были выше всего, что мнѣ удалось слышать въ жизни. Этотъ маленький, толстенькій человекъ, безъ всякаго грима, преобразался, уносилъ васъ въ глубь среднихъ вѣковъ, заставлялъ негодовать и сострадать. Я видѣла не такъ давно Росси въ этой роли, и онъ казался мальчишкой передъ Щепкинымъ.

Костомаровъ у насъ часто читалъ — очень хорошо и своеобразно — драматическія и бытовыя вещи: такъ же, какъ въ своихъ разсказахъ, онъ каждому лицу придавалъ свой особенный, характеризующій его оттѣнокъ; въ общемъ казалось, что онъ не читаетъ, а разсказываетъ. Восхитительно читалъ онъ сцену въ вормѣ изъ „Бориса Годунова“.

¹⁾ Въ роли Подколесина Писемскій былъ превосходенъ.

XVII.

Il est donné à beaucoup d'hommes d'enrichir la science de faits nouveaux, à quelques-uns d'y créer des théories nouvelles, à un bien petit nombre d'y introduire un esprit nouveau.

Isidore Geoffroy Saint-Hilaire.

Между нашими знакомыми былъ одинъ молодой литераторъ Тихменевъ; оказалось, Костомаровъ зналъ его въ Саратовѣ и часто магнетизировалъ его. Н. И. очень увлекался магнетизмомъ и говорилъ, что онъ будетъ со временемъ разработанъ, принесетъ много пользы наукѣ и, можетъ быть, откроетъ намъ многія тайны. Костомарову захотѣлось возобновить сеансы; они устроились у насъ и продолжались почти всю зиму.

Когда „магнетизмъ“ былъ переименованъ въ „гипнотизмъ“ и признанъ наукой, вся таинственность его пропала и проявленія его стали казаться дѣломъ простымъ, но въ то время я въ мои годы сеансы эти сильно возбуждали мое воображеніе.

Усыплялъ Костомаровъ большею частью магнетическими пассами, иногда освѣщеннымъ зеркаломъ; одинъ разъ Тихменевъ впалъ въ гипнотическій сонъ самъ собой; чтобы разбудить, Костомаровъ тоже дѣлалъ нѣкоторые пассы и дулъ въ лицо, но былъ случай, когда онъ никакими усиліями не могъ разбудить своего пациента, наконецъ спросилъ его: „Что сдѣлать, чтобы разбудить тебя?“ — „Положить ключъ въ руку“, — отвѣчалъ Тихменевъ; когда это было исполнено, онъ тотчасъ же проснулся.

Слабый и тщедушный, Тихменевъ въ гипнотическомъ снѣ помахивалъ гири, которыя не могъ поднять во время бдѣнія; его можно было колоть булавкой безъ всякаго реагированія съ его стороны; съ нимъ дѣлалось состояніе каталепсиса; онъ доходилъ почти до ясновидѣнія: одинъ разъ разобралъ, хотя и съ большимъ трудомъ, нѣсколько словъ изъ положенной ему подъ голову книги; другой разъ сказалъ, что не съ той стороны открываютъ часы, которыхъ онъ не могъ видѣть. Удивительно хорошо удавалось внушеніе на разстояніи. Костомаровъ находился въ четвертой комнатѣ, отдѣленный отъ своего пациента тремя запертыми дверями, и ни разу не случилось, чтобы Тихменевъ не исполнилъ внушаемаго, хотя бывали вещи довольно сложныя. Обыкновенно часть присутствующихъ, находившаяся съ Костомаровымъ, выдумывала, что требовалось исполнить, а часть, остав-

шаяся съ пациентомъ, потомъ рассказывала, что послѣдній въ это время дѣлалъ. Во все время сеанса Тихменевъ, казалось, видѣлъ только одного Костомарова или того, съ кѣмъ онъ его приводилъ въ сопривосновеніе. Разъ магнитизеръ заставилъ его рассказать сцену убійства его, Костомарова, отца; съ Тихменевымъ при этомъ сдѣлались судороги и корчи; конечно, Костомаровъ ничего подобнаго больше не повторялъ, но страшные образы стали являться загнипнотизированному сами собой; тогда Костомаровъ тотчасъ же будилъ его. Иногда усыпленный качался, стоя, не сгибая ни одного члена, или падалъ, не сгибая колѣнъ, во весь ростъ, но, проснувшись, не чувствовалъ никакой боли. Я съ ужасомъ описывала всѣ подробности сеансовъ въ моемъ дневникѣ: „Какое страшное впечатлѣніе,—писала я, между прочимъ,—когда видишь передъ собой человѣка, стоящаго безъ движенія, въ томъ положеніи, въ которомъ засталъ его сонъ, и какъ вдругъ эта безжизненная статуя начинаетъ машинально двигаться по волѣ другого человѣка!“.—„Мнѣ бываетъ страшно, особенно когда Тихменевъ видитъ меня, какъ вчера, когда Костомаровъ заставилъ меня что-то спросить у него, и онъ потомъ все слѣдилъ за мной глазами. Я, наконецъ, убѣжала“. Магнитическіе сеансы меня, сначала, сильно занимали, но скоро я начала сердиться на нихъ, такъ какъ они отвлекали Костомарова отъ тѣхъ бесѣдъ, которыя были высшимъ наслажденіемъ для меня.

Новый годъ встрѣчали у насъ. Гостей почти никого не было, и мы особенно уютно и пріятно провели время. Помню, что Шевченко, какъ мы называли, „немножео подкутиль“; тогда онъ бывалъ очень оживленъ и непременно начиналъ какой-нибудь споръ съ Н. И. Я приходила въ восторгъ отъ этихъ споровъ: безконечное спокойствіе одного и горячность другого составляли контрастъ въ высшей степени комичный. Шевченко вскакивалъ, бѣгалъ по комнатамъ, а Костомаровъ совершенно сповоино говорилъ: „Нѣтъ, ты постой! Скажи, откуда ты это берешь? Изъ какихъ источниковъ? Ты, Тарась, чепуху несешь, а я тебѣ говорю вещи, доказанныя въ тѣхъ же книгахъ, изъ которыхъ ты только и могъ черпать“.—„Да Боже-жъ мій милый! Що мені зъ твоихъ источниковъ!.. Брешешь ты, та и годі!“

Такіе близкіе были они люди, что про нихъ именно можно было сказать: милые бранятся, только тѣшатся. Разъ какъ-то рассказывалъ намъ Тарась Григорьевичъ: „Прихожу я вчера къ Костомарову, онъ мнѣ самъ отворяетъ: „Чортъ, говоритъ, тебя принеси мнѣ мѣшать заниматься!“—„Да мнѣ, отвѣчаю, пожалуй,

тебя и не надо. Я и не къ тебѣ пришелъ совсѣмъ. Къ твоему Хомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, мнѣ до тебя и дѣла нѣтъ“. И что же? Послѣ такой встрѣчи, мы съ нимъ просидѣли до ночи: я уходить хочу, а онъ не пускаетъ“.

Этотъ Тома былъ давнишній слуга Н. И., обожалъ его и ходилъ за нимъ, какъ нянька; мы его величали и вѣрнымъ Личардо, и Лепорелло, хотя толстый и добродушный хохоль такъ же мало походилъ на юрзаго испанца, какъ его хозяинъ на донъ-Жуана.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. И. помѣстился въ гостинницѣ, рядомъ съ Публичной Библиотекой. Близость ресторана была неудобна, и мы много разъ ѣздили съ Н. И. искать ему квартиру, но онъ не рѣшался переѣхать дальше отъ Библиотеки и разстаться со своей „гусарской квартирой“, какъ мы ее называли. Больше всего раздражалъ Костомарова органъ, постоянно гудѣвшій у него за стѣной. Иногда поздно вечеромъ прилеталъ онъ къ намъ съ возгласомъ: „Не могу, не могу больше!“

— „La donna è mobile“?

„— Съ утра жарятъ!“

Какіе хорошіе, веселые вечера проводили мы въ этой достопамятной „гусарской квартирѣ“!

А наши путешествія въ кондитерскую Mezzapelli на Морской! Туда непременно брали съ собой „Тобиньку“, тоже получившаго свою порцію шоколада и бисквита. Тоби былъ мой не совсѣмъ чистокровный кингъ-чарльсъ, нашъ съ Н. И. большой пріятель. Костомаровъ не очень-то любилъ собакъ, но Тоби былъ, въ его глазахъ, созданьемъ особеннымъ въ животномъ мірѣ, обладающимъ чуть-чуть что не человѣческимъ умомъ. Эта симпатія была вполне взаимной: Тоби чуялъ приближеніе Н. И. и задолго до его звонка уже сидѣлъ и пицалъ отъ радости у входной двери.

Заходили мы къ Н. И. и въ Публичную Библиотеку; онъ показывалъ намъ интересныя книги и рукописи, объясненія его стояли цѣлыхъ лекцій. Въ Библиотеку въ то время ходила дѣвушка, одѣтая въ ситцевое платье и головной платокъ; она каждый день занималась тамъ чтеніемъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ книгъ. „Она разъ меня испугала, — рассказывалъ Н. И., — подералась такъ тихо и попросила чернилъ. Она застѣнчиво объяснила, что самоучкой выучилась языкамъ, да не на что купить книгъ, а у нея страсть заниматься, вотъ она и ходитъ въ Библиотеку. Меня заинтересовало. Я спросилъ сторожа, кто она такая? „Да это моя дочь, — отвѣчалъ онъ: — она

ходить только въ свободное время, а то она матери стирать помогаетъ; и ваше бѣлье стираетъ“.

По поводу этой дѣвушки, Н. И. передалъ исторію одного погибшаго таланта. Деревенскій мальчикъ пасъ стадо и рисовалъ углемъ на стѣнѣ мельницы; помѣщикъ, увидя это, отдалъ его въ ученіе къ маляру. Выростая, мальчикъ сталъ показывать удивительную способность къ математикѣ и любовь къ естествознанію. Н. И. давалъ ему книги и, уѣзжая изъ тѣхъ мѣстъ, подарилъ курсъ математики, астрономіи и нѣсколько другихъ вещей. Когда Костомаровъ возвратился, молодой мужикъ зналъ всѣ эти книги наизусть. Знакомый Н. И. математикъ проэкзаменовалъ его: онъ рѣшалъ самыя трудныя задачи. Онъ просилъ выучить его французскому языку, говоря: „Я вижу, что на этомъ языкѣ больше ученыхъ книгъ есть, русскихъ очень мало. Я бы сталъ больше работать и могъ бы покупать книги“. Костомаровъ хотѣлъ выкупить парня на волю, но помѣщикъ запросилъ слишкомъ дорого. Н. И. сталъ устраивать подписку, а въ это время помѣщикъ взялъ да женилъ математика насильно на какой-то дурѣ! Такъ онъ и пропалъ.

Тяжело ложились на мою душу такіе рассказы, а ихъ тогда приходилось часто слышать. „Зачѣмъ же всеблагій и всемогущій Богъ допускаетъ такія несправедливости?“ — съ негодованіемъ думала я... Сейчасъ же, однако, приходила благая, упонительная мысль о скоромъ освобожденіи: „Скоро всѣ они будутъ людьми, и отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть ихъ судьба“. Разное шипѣніе крѣпостниковъ въ комитетахъ по временамъ смущало насъ, а когда, послѣ смерти Ростовцева, его мѣсто занялъ Панинъ, отецъ мой воскликнулъ: „Ну, теперь все пропало!“ — Надо сказать, что этотъ страхъ относился преимущественно къ формамъ, какія приметъ эмансипація, а не къ самому освобожденію, которое, мы твердо были увѣрены, ничто уже не могло задержать.

По поводу теоріи Костомарова о происхожденіи варяговъ, шли въ обществѣ и въ литературѣ большіе споры. Главнымъ противникомъ Костомарова въ этомъ вопросѣ былъ М. П. Погодинъ. Между ними завязалась переписка, и Погодинъ предложилъ публичный диспутъ. Чернышевскій одинъ совѣтовалъ не принимать этого вызова, но всѣ другіе говорили, что отказъ Погодинъ приметъ за трусость,—всѣ толкали Костомарова на это. Теперь мнѣ кажется нѣсколько комичнымъ этотъ диспутъ, но не такимъ былъ онъ для насъ,—мы относились къ нему серьезно и страстно. Намъ, собственно, не было никакого дѣла

до варяговъ: теорія происхожденія ихъ изъ Жмуди была намъ близка отчасти по патриотическому чувству, но, главнымъ образомъ, какъ представительница направленія молодого, стремящагося къ свободѣ и движенію впередъ въ наукѣ, въ противоположность косности и рутинѣ, и Жмудь стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ!

Насталъ съ волненіемъ ожидаемый нами день 19-го февраля. Большая зала университета была битомъ набита: сидѣли по двое на одномъ стулѣ (мы сидѣли—мать, отецъ и я—на двухъ), сидѣли на колѣняхъ другъ у друга, на окнахъ, на полу; гдѣ, казалось, нельзя и яблоку упасть, тамъ еще помѣщались люди. Жара была такая, что въ банѣ показалось бы прохладно. Еще жарче было у насъ, молодежи, въ груди... Надъ трепетной и пылающей толпой возвышались посреди залы другъ противъ друга двѣ каеэдры... Погодинъ началъ фразами благодарности къ публикѣ, почтившей и пр. Ему поаплодировали, онъ поблагодарилъ и за это, и приступилъ къ разбору статьи Костомарова „О началѣ Руси“, напечатанной, какъ онъ выразился, „въ какомъ-то петербургскомъ журналѣ“. Начало не предвѣщало ничего хорошаго, и его небрежный тонъ покорибилъ публику; чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ это чувство оскорбленія дѣлалось сильнѣе: онъ велъ пренія въ шуточномъ тонѣ, стараясь сдѣлать Костомарова смѣшнымъ, а себя оградить отъ этого ироніей.

Мы ждали чего-нибудь серьезнаго; мы въ душѣ боялись Погодина, думая, что онъ приготовилъ какія-нибудь новыя, вѣскія доказательства,—вмѣсто того являлось какое-то издѣвательство, которое возымѣло на слушателей обратное ожидаемому Погодинымъ дѣйствіе; даже приверженцы норманнской теоріи были недовольны имъ, публика же явно чувствовала болѣе симпатіи къ простой и благородной манерѣ держать себя Костомарова. Разъ согласившись на этотъ диспутъ, онъ отнесся къ нему серьезно. Когда Костомаровъ всталъ, раздался такой аплодисментъ, такой крикъ, что долго не могли его прекратить; тщетно раздавалось: „довольно! по мѣстамъ!“—все гудѣло и ревѣло. Наконецъ Костомаровъ могъ начать говорить. Его, вступительная рѣчь была коротка, ясна, безъ всякихъ фразъ. Дальнѣйшія пренія, къ сожалѣнію, часто прерывались шумными заявленіями сочувствія или порицанія публики. Погодинъ начиналъ все болѣе горячиться; Костомаровъ, по своему обыкновенію, спокойно выслушивалъ, отвѣчалъ довольно ѣдко, но избѣгалъ затрогивать личность, какъ иногда не совсѣмъ красиво дѣлалъ Погодинъ.

Михаилъ Петровичъ подъ-конецъ усталъ и уже совсѣмъ шутя сказалъ: „Уступите мнѣ хоть то, что норманны были каплей вина въ славянскомъ стаканѣ; она все-таки, какъ ни мала, а весь стаканъ окраситъ“. — „Капля вина не окраситъ славянское море“, — отвѣчалъ Костомаровъ. — „Уступите же хоть эту каплю, у меня гомеопатическія требованія“. — „Я не вѣрю въ гомеопатію“, — отвѣчалъ Н. И., улыбаясь, и прибавилъ болѣе серьезно, но съ нѣкоторой ироніей: „Однако, гдѣ же ваша тяжелая артиллерія, которую вы обѣщались сегодня выдвинуть противъ меня? Я готовъ выдержать ея атаку“. Погодинъ, вмѣсто отвѣта, началъ говорить о своихъ двадцатилѣтнихъ трудахъ и о томъ, что надо внушать молодому поколѣнію уваженіе къ авторитетамъ. Въ залѣ загудѣло негодование, но Костомаровъ спойно отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ *уважать* авторитеты, но только бездарность *поклоняется* имъ. Я привыкъ вполне уважать вашу двадцатилѣтнюю научную дѣятельность, но я презиралъ бы себя, да и вы имѣли бы право не уважать меня, еслибы я, убоясь вашего авторитета, не сталъ бы стараться открывать новые пути въ наукѣ“. Тутъ я думала, что зала рухнетъ отъ рукоплесканій.

Кончили споръ, какъ большинство споровъ, тѣмъ, что всякій остался при своемъ: Погодинъ сказалъ, что не можетъ отступить отъ своего мнѣнія, потому что это было бы неискренно, а Костомаровъ — что не выступитъ изъ Жмуди, пока ему не представятъ болѣе убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ. Сквозь страшный шумъ, поднятый публикой, слышенъ былъ возгласъ Погодина: „Да здравствуетъ Русь, отъ кого бы она ни происходила!“ — Соперники, сойдя съ каедръ, облобызались; обоихъ вынесли на рукахъ, но сочувствіе публики было явно на сторонѣ Костомарова, и молодежь торжествовала его побѣду.

Какъ студенты любили и понимали Костомарова — показываетъ то обстоятельство, что они, до диспута, уговорились-было освятить Погодина, но потомъ рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это было бы неприятно Николаю Ивановичу. Своимъ стараніемъ быть безпристрастными студенты хотѣли доказать преданность своему профессору, и, демонстративно апплодируя Погодину, они заглядывали въ лицо Костомарову, желая увидѣть, доволенъ ли онъ ими. На лекціи передъ диспутомъ, я выразила опасенія, что Погодинъ сдѣлалъ какое-нибудь новое открытіе и внезапно представитъ его. „Такъ что же? — отвѣчали студенты, — тѣмъ лучше для науки. Костомаровъ первый будетъ радъ этому“.

Послѣ диспута, Н. И. поѣхалъ къ намъ. Собрались наши

и его друзья, пили шампанское за его здоровье, произносили рѣчи, Сѣверцевъ прочелъ посвященное ему стихотвореніе. Костомаровъ былъ что-то мраченъ и неразговорчивъ. „Отчего вы не сочувствуете сочувствію?“—спросила мамѣ.—„Какъ это?“—„Не радуется сочувствію публики“.—„Это было бы не совсѣмъ скромно съ моей стороны, да и публика можетъ быть пристрастной“.

На другой день всѣ опять у насъ обѣдали, и Сѣверцевъ прочелъ написанную имъ статью о вчерашнемъ диспутѣ, гдѣ онъ сравнивалъ его съ знаменитымъ диспутомъ Кювье съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Статья всѣмъ очень понравилась.—Знаете, что пришло мнѣ въ голову?—сказалъ Н. И., обращаясь ко мнѣ.

— Что?

— Умереть.

— Почему?

— Потому что отъ меня слишкомъ многого ожидаютъ. Я могу обмануть возлагаемыя на меня слишкомъ большія надежды, не буду въ силахъ довершить то, что началъ...

— Вы дали большой толчокъ наукѣ,—сказалъ Сѣверцевъ,—довольно и этого. Вы открыли широкую дорогу исторіи, какъ Жоффруа Сентъ-Илеръ—зоологій. Прежде думали, что наука дальше предѣловъ, поставленныхъ Кювье, идти не можетъ, что въ ней уже все знаютъ, а Сентъ-Илеръ доказалъ, что еще очень мало въ ней открыто; вотъ такъ и вы.

Подъ конецъ вечера Н. И. разошелся и рассказывалъ, какъ приверженцы норманнской теоріи даже названіе одного воеводы „Волчій хвостъ“ производятъ отъ норманнскихъ словъ.

Съ диспутомъ не кончился споръ, напротивъ,—страсти разгорѣлись и пошла полемика въ журналахъ. Изъ нашихъ знакомыхъ были тоже противники Костомарова: это была компанія Глинокъ, Греча и проч. Имъ тоже было мало дѣла до варяговъ, но они съ беззубою ненавистью навидывались на все свѣжее и молодое. По-годинѣ вникавъ не могъ успокоиться и продолжалъ громить и заирать Костомарова, какъ печатно, такъ и въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ онъ жаловался, что диспутъ плохо подѣйствовалъ на его здоровье: „Говорятъ,—писалъ онъ,—о какой-то вашей побѣдѣ надо мной, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи: моей теоріи слѣдуютъ люди степенные, а вашей—только *вилляющіе хвостомъ*“. Костомаровъ вышелъ тутъ изъ своего серьезно сдержаннаго тона и отвѣтилъ: „Очень сожалѣю, что вамъ не поздоровилось, но что же дѣлать, Михайлъ Петровичъ, кто идетъ на дуэль—долженъ быть приготовленъ къ тому, что можетъ быть раненъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Погодинъ писалъ: „Я думалъ, что вы не согласитесь, а вы сказали:—я готовъ на дуэль. Не могъ же я тогда сказать, что это была только шутка съ моей стороны“. Погодинъ написалъ въ „Русской Бесѣдѣ“ статью въ такомъ же тонѣ. Чернышевскій, въ очень рѣзкой статьѣ, разгромилъ Погодина. Появились мелкія статейки приверженцевъ норманнской теоріи. Костомаровъ отвѣчалъ, но это ему надоѣло, онъ напечаталъ длинную и для него довольно рѣзкую статью, гдѣ, между прочимъ, выразился, что слишкомъ уважалъ г-на Погодина, чтобы допустить мысль, чтобъ онъ рѣшился шутить надъ наукою и публикой, да еще въ стѣнахъ университета. Онъ заключилъ словами: „я навсегда кончаю свой споръ съ г-номъ Погодинымъ и больше отвѣчать ему не буду“. Н. И. былъ недоволенъ, что далъ себя втянуть въ полемику, но онъ не могъ допустить, чтобы въ публикѣ подумали, что онъ отказывается отъ своей теоріи, — это слишкомъ было важно для него. За то онъ былъ очень доволенъ, когда рѣшилъ, какъ онъ выражался, предоставить свою защиту его друзьямъ, „благороднымъ рыцарямъ Свистопляски“.

23-го марта была послѣдняя лекція Костомарова въ этомъ году. Онъ сначала хотѣлъ посвятить ее обзору прочитаннаго въ семестръ, но рѣшилъ, что это будетъ „недобросовѣстно: точно студенты сами не знаютъ, чтѣ я читалъ“, и разорвалъ приготовленный конспектъ. Въ этотъ день мнѣ, знавшей, что мы надолго уѣзжаемъ за границу, очень взгрустнулось. Я думала, чтѣ, можетъ быть, никогда не увижу болѣе моихъ милыхъ аудиторій, товарищей, съ которыми насъ соединяла общность взглядовъ и сочувствій, не услышу лекцій, наполнявшихъ меня восторгомъ, что я навсегда прощаюсь со всей этой молодой, живой жизнью. „Мало ли чтѣ можетъ случиться въ два года!“—думалось мнѣ. Мое предчувствіе не обмануло меня, и многое измѣнилось къ худшему въ эти два года!..

XVIII.

Sublime on the towers of my skiey bowers
Lightning my pilot sits;
In a cavern under is fettered the Thunder
It struggles and howls at fits.

Shelley.

Свѣтлый праздникъ опять всѣ друзья встрѣчали у насъ, засидѣлись до утра и пошли встрѣчать восходъ солнца на набережную. Николай Ивановичъ сказалъ, прощаясь, что онъ никогда

не встрѣчалъ такъ весело праздникъ, и это намъ было очень пріятно слышать.

Тотъ фактъ, что насъ постоянно видѣли вмѣстѣ съ Костомаровымъ, не могъ обойтись безъ сплетенъ,—такъ ужъ люди созданы. Въ городѣ распространился слухъ, что я—невѣста Костомарова. Это доходило до меня съ разныхъ сторонъ, но съ М. у меня былъ горячій разговоръ по этому поводу.

— Знаете ли вы объ этихъ толкахъ?—сказалъ мнѣ М.—Недавно въ театрѣ князь Л. узналъ Костомарова, потому что онъ былъ въ вашей ложѣ, и спрашивалъ меня: „Правда ли, что дочь графа выходитъ замужъ за Костомарова?“ Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не слыхалъ, а онъ: „Полноте, весь Петербургъ объ этомъ говорить“.

— Я слыхала,—отвѣчала я,—но мнѣ это рѣшительно все равно. Чтò людямъ за дѣло, выхожу я замужъ или нѣтъ? И мнѣ чтò за дѣло до того, чтò люди говорятъ? Развѣ только можно пожалѣть общество, которое думаетъ, что молодая дѣвушка не можетъ интересоваться талантомъ, взглядами, характеромъ человѣка, не можетъ принимать его безъ цѣли выйти за него замужъ, а просто изъ сочувствія, изъ дружбы къ нему.

— Происходить это оттого, — продолжалъ М.,—что вы въ университетѣ обращаетесь съ Костомаровымъ, какъ дома; этого нельзя: гдѣ столько народу, надо быть осторожной.

— Ну, ужъ извините! Чтòбъ я изъ за глупыхъ сплетенъ измѣнила свое обращеніе съ человѣкомъ! Чтòбъ я была съ Н. И. иначе при людяхъ, чтѣмъ дома!! Да чтò же онъ обо мнѣ подумаетъ? Что я неискренна, что я стыжусь или боюсь его дружбы?.. Мнѣ не для чего скрывать мои чувства. Я такъ глубоко люблю и уважаю Костомарова, такъ цѣню,—прямо, горжусь его дружбой, — что готова кричать это не только на весь Петербургъ, но и на весь міръ!

— Чтò же хорошаго! Послѣ скажутъ, что васъ Костомаровъ бросилъ.

— Такъ что жъ такое?.. Впрочемъ, о такихъ глупостяхъ не стоить говорить.

Не знаю, слыхалъ ли Костомаровъ объ этой сплетнѣ, но онъ и виду не показалъ, и наши отношенія ничуть не измѣнились.

Къ пріѣзду матушки Н. И., онъ нанялъ хорошую квартиру на Васильевскомъ Островѣ.

Татьяна Петровна обожала своего сына, служила ему, ходила сама на рынокъ, сбивала сама масло, на которомъ имъ готовили (Н. И. былъ крайне прихотливъ насчетъ свѣжести продуктовъ), всячески ублажала и баловала его, готова была все на свѣтѣ

сдѣлать для его благополучія, но не во всемъ она его понимала и, на видъ утупая ему, умѣла часто сдѣлать по-своему, ибо и благополучіе его понимала иногда *по-своему*. Со мной Татьяна Петровна была всегда очень ласкова, и я старалась платить ей благодарностью и вниманіемъ.

Н. И. признавался мнѣ, что онъ былъ, особенно въ ранней молодости, крайне вспыльчивъ.—До того я былъ горячъ,—говорилъ онъ, что своего Лепорелло нѣсколько разъ прогонялъ: чтобы его сію минуту не было! И съ матушкой безпрестанно ссорился: наговорю, наговорю, а потомъ самъ не радъ, да не вернешь.

— И Лепорелло на васъ не сердился?

— Нѣтъ, онъ вѣдь меня съ дѣтства знаетъ.

— Изъ-за чего же вы съ мамашей ссорились?

— Мы съ ней иногда въ убѣжденіяхъ расходились. Разъ она мнѣ обѣщала двухъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ отпустить на волю. Я приготовилъ отпускную и прихожу къ ней, чтобы она подписала, а она чего-то закапризничала, такъ я такъ разсердился, что всѣ окна перебилъ!.. Видите, до чего я доходилъ!.. А вѣдь, въ сущности, я былъ правъ!

— Да, но я думаю, что ваша матушка также отпустила бы своихъ дѣвушекъ, еслибъ вы и не перебили стекло, — отвѣтила я, смѣясь.

Весной я заболѣла лихорадкой; мнѣ обрѣзали мои тяжелыя косы, долго лечили меня гомеопатіей, что совсѣмъ изнурило меня, и наконецъ рѣшили везти въ Финляндію, такъ что мы уѣхали нѣсколько раньше, чѣмъ предполагали. Мещерскій поѣхалъ проводить насъ; Костомаровъ обѣщался часто навѣщать. Въ Выборгѣ сейчасъ позвали нашего старичка-доктора Гольциуса; онъ закатилъ мнѣ большой приемъ хины: я пролежала безъ сознанія двадцать-четыре часа, а потомъ выздоровѣла.

Первые дни еще оставалась сильная нервность и тревожище выступали разные вопросы и сомнѣнія, мучившіе меня по временамъ: „...Я не могу оторваться отъ Него,—писала я въ своемъ дневникѣ;—если я останусь безъ защиты, безъ опоры чего-нибудь высшаго, я упаду, какъ камушекъ, ничѣмъ не поддерживаемый въ воздухѣ“. Это состояніе продолжалось не долго: черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Н. И., я воспрянула духомъ, и у насъ сложилась прелестная жизнь.

Мы катались на лодкѣ, верхомъ и въ экипажахъ; вечеромъ занимались музыкой: одна наша гостя играла любимыя оперы Н. И., „Донъ-Жуана“ и „Жизнь за Царя“, а мы съ сестрой—въ четыре руки—сонаты Моцарта и „Аделаиду“ Бетховена, которая

тоже нравилась Н. И. Самъ онъ, тридцать лѣтъ не игравъ на фортепiano, выучилъ наизусть „La, si darem la mano“, и такъ это его заинтересовало, что онъ во всякое время игралъ это. Идемъ мы завтракать мимо фортепiano, — нельзя не остановиться и не сыграть „La si darem“! „Да когда же вы придете? — раздается голосъ мамы, — все простыло“. — „Давайте, сыграемте это въ четыре руки“, — предлагаетъ Н. И., не обращая вниманія на призывъ. — „Ничего не выйдетъ, потому что вы не считаете“, рѣшаю я, и только потому, что нѣтъ другого рояля, мы благополучно достигаемъ балкона, гдѣ насъ ожидаетъ, по выраженію Н. И., „божественная простоваша“.

Не менѣе увлекался Н. И. англійскимъ языкомъ; мы читали съ нимъ Шекспира, Маколея, и то, что я не могла перевести, искали въ лексиконахъ и комментаріяхъ. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ насъ засталъ дождь, когда мы возвращались съ прогулки. Всѣ наши ушли скорѣе домой, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалогомъ и равнодушны ко всему другому. Онъ употребилъ невѣрное выраженіе — я остановлюсь; я скажу что-нибудь ему непонятное — онъ остановится, бьетъ себя въ голову и хочетъ вспомнить значеніе какого-нибудь слова; я начинаю объяснять, и мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождь льетъ на насъ, какъ изъ ведра.

Я часто болтала вздоръ, а Н. И. любовался тѣмъ, что я еще въ нѣкоторыхъ вещахъ такой ребенокъ. „Я никогда не выйду замуж“, — говорила я. — „Какъ смѣшно это слушать!“ — восклицалъ онъ со своей ласковой улыбкой.

Чаще всего мы говорили и спорили о природѣ и объ искусствѣ.

— Посмотрите на эту ёлочку, — говорилъ Н. И.: — какая она пряменькая, зелененькая! Развѣ она вамъ не нравится?

— Нисколько, она совсѣмъ не живописна.

— То-то и бѣда, что вы смотрите на все съ художнической точки зрѣнія; вамъ то нравится, что годится для картины; такъ на природу нельзя смотрѣть, — это слишкомъ односторонне.

— Да, мнѣ дѣйствительно нравится въ природѣ то, что просится на холстъ. Впрочемъ, и то, что, помимо этого, въ самой природѣ картинно, красиво, гармонично...

— Гумбольдтъ говорить, что истинная любовь къ природѣ восхищается каждымъ ея листикомъ. Я схожусь въ этомъ съ Гумбольдтомъ. Вотъ этотъ клочокъ природы, — прибавилъ онъ, указывая на кочку съ травой, для меня лучше всякихъ картинъ.

— Вы тоже смотрите односторонне, когда вамъ больше нра-

вятся тѣ мѣста, гдѣ есть историческія воспоминанія. • Этому ужъ я совсѣмъ не понимаю: историческія воспоминанія, по-моему, одно, а природа — другое.

— Природа кажется лучше, когда къ ней привязываются воспоминанія. Одно другое дополняетъ.

— Природѣ не надо дополненій. Когда я смотрю на природу, я забываю все, кромѣ настоящей минуты и того блаженства, которое я испытываю.

— Самая прекрасная природа получаетъ особенное обаяніе, когда тутъ вѣетъ прошлымъ...

— Ну да, — горячилась я, — вамъ надо колокольни, могилы, святыхъ отцовъ! Мертвечину!..

— И природа мертва безъ людей.

— А мы вамъ развѣ не любимъ? — теряя всякую логику, восклицала я: — развѣ мы, живые, не лучше вашихъ мертвыхъ?..

— Послѣ этого, я побѣжденъ! — говорилъ Н. И., смѣясь.

Особенно часто и горячо защищала я пейзажную живопись, которую Костомаровъ считалъ самой низшей степенью искусства и допускалъ только какъ слабое воспоминаніе о природѣ. Онъ, какъ очень многіе, возставалъ противъ выбора сюжетовъ въ пейзажѣ, и находилъ, что если написать первый попавшійся кусочекъ травы *отрно*, то это будетъ прекрасная картина. Я тогда обладала слишкомъ малыми знаніями въ искусствѣ, и мои взгляды были еще слишкомъ мало обоснованы для того, чтобы я могла убѣдить Н. И., и это было мнѣ досадно... Онъ срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ, начиналъ объяснять мнѣ физиологію и метаморфозъ растений, говорилъ, увлекался самъ и увлекалъ меня. Вечеръ иногда заставлялъ насъ въ такихъ бесѣдахъ; зажигались звѣзды, и онъ объяснялъ мнѣ ихъ теченія, называлъ созвѣздія, говорилъ о гармоніи, о безпредѣльности міроздавія, объ обитаемости міровъ... Я въ восторгѣ заслушивалась. Я лучше понимала и еще больше любила природу, послѣ новыхъ познаній, которыми онъ надѣлялъ меня и которыя такъ ярко освѣщали своей поэтической рѣчью.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили настоящей языческой праздникъ. Массу финновъ и русскихъ рабочихъ столяровъ мы угощали, а они пѣли свои національныя пѣсни. Одинъ молодой мужикъ потѣшалъ насъ сказками и присказками; это былъ бойкій, веселый парень; онъ былъ грамотный, но беззавѣтно вѣрилъ въ лѣшихъ, водяныхъ, „фараоновъ“, въ чудодѣйственную силу цвѣта папоротника: „надо его поджидать, — рассказывалъ онъ, — надо подъ папоротникъ бѣленькій платочекъ подостлать; тутъ представленія

всякія будутъ, бѣсовскія... и кому тотъ цвѣтъ дастся, тотъ можетъ все дѣлать, можетъ клады сквозь землю видѣть. У насъ на селѣ есть такой человѣкъ". Николай Ивановичъ предложилъ древнерусское гаданіе: переводить коня черезъ колоду. Я, сестра и всѣ наши дѣвушки украсили себя вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ и кленовыхъ листьевъ, лошадь всю обвили гирляндами, и я перевела ее черезъ бревно: если конь переступалъ правой ногой, это значило, что задуманное желаніе исполнится въ этомъ году.

— Ну, Максимъ, теперь твоя очередь, — сказала я веселому парню.

— Да что мнѣ гадать? Я ужъ свое счастье знаю: вотъ Аннушка не хочетъ за меня идти, — сказалъ онъ, лукаво поглядывая на некрасивую чухонку, которая застыдилась и скрылась за дверью дома.

— Ты развѣ женился бы на чухонкѣ? — спросила мамъ.

— По мнѣ, ваше сіятельство, пусть хошь и дура, да хорошенька.

— Развѣ Аннушка хорошенькая?

— Для меня, значить, годится. Не по хорошу миль, а по милу хорошъ.

— Въ Торжкѣ у васъ какія красавицы есть, — сказалъ кто-то.

— Онѣ есть-то есть, да мы-то тамъ не бываемъ, все здѣсь околачиваемся. Вотъ, отпрошусь на праздникъ, на два дня, такъ, можетъ, и женюсь. — Онъ лихо вскочилъ на лошадь и, весело покрикивая, перескочилъ черезъ бревно.

Разложили большой костеръ, и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ него. Далеко за полночь горѣли въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки, называемыя въ Финляндіи „коками“, и раздавались пѣсни.

У насъ только-что былъ отстроенъ флигель, гдѣ была большая зала; въ ней мы устраивали балы для крестьянъ. Чухны, всегда такіе флегматичные, танцуютъ живо и любятъ танцовать. При звукахъ трехъ скрипокъ танцовали польки, искалѣченныя кадрили, но больше всего — свой народный, довольно странный танецъ: люди, стоя другъ противъ друга, трясутся и топчутся на одномъ мѣстѣ; мужчины при этомъ иногда выдѣлываютъ па, вродѣ присядки, женщины же только быстро переступаютъ съ пятокъ на пальцы и изрѣдка вздрагиваютъ плечами. Не только мы съ сестрой, но и Николай Ивановичъ, и отецъ мой принимали участіе въ танцахъ. Финны не конфузились насъ, а очень гордились, что господамъ съ ними такъ весело.

Наибольшее впечатлѣніе въ это лѣто произвела на меня одна поѣздка на Иматру. Мы цѣлый день просидѣли около водопада; Н. И. объяснялъ мнѣ многія физическія явленія, совѣтовалъ прочесть физическую географію лэди Соммервилъ и другія книги.

— Знаете ли, что на меня наиболѣе поэтически дѣйствуетъ въ Иматрѣ?—сказалъ онъ послѣ того, какъ мы нѣсколько времени любовались молча:—это мысль, что эти волны все такъ же однообразно бѣгутъ, можетъ быть, съ начала міра, вѣками проходятъ одна за другой, на томъ же мѣстѣ пѣнятся и рассыпаются и, одна за другой, исчезаютъ. Пройдутъ еще вѣка, и онѣ все будутъ течь и пропадать для поддержки одной вѣчной идеи, идеи гармоническаго цѣлаго. Посмотрите на деревья: эти листья опадутъ, сгниютъ, это дерево засохнетъ, а деревья продолжаютъ расти на землѣ...

— Еслибъ вы знали,—воскликнула я,—какъ я часто думаю, что бессмертіе,—это, можетъ быть, и значить, что мы умремъ, а масса людей будетъ жить!.. Мы какъ будто тѣло этой бессмертной души природы... Это только очень обидно для нашей личности, для нашего эгоизма.

Поздно вечеромъ разыгралась сильная гроза и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ залѣ со стеклянными стѣнами, выстроенной надъ самымъ водопадомъ и служившей столовой и буфетомъ. Въ моемъ ужасѣ, перешедшемъ скоро въ чистый восторгъ, я не могла оторваться отъ великолѣпнаго зрѣлища. Молнія сначала дрожала и блестя вдали, но гроза стала быстро находить: надъ горизонтомъ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы то зеленаго, то краснаго свѣта; за секунду бѣлыя, легкія облака, вдругъ черными силуэтами вырѣзывались на освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался, метался; постоянный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ раскатамъ грома; бѣлая пѣна вздымалась и огненными брызгами разсыпалась кругомъ. Была минута какого-то страшнаго безмолвія, и гроза разразилась почти надъ нами, освѣщая нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— А вамъ не страшно?—спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я ужасно боялась, даже пряталась подъ подушки, но сегодня это слишкомъ хорошо. Еслибъ меня и убило за это, я

не отошла бы теперь отъ огня!.. Я никогда больше не буду бояться: всякая гроза мнѣ будетъ напоминать эту чудную ночь!

Когда гроза начала успокаиваться, мы уложили мою заплаканную сестру на диванъ, и она уснула, а мы сидѣли около нея и тихо разговаривали; я все жалѣла, что эта дивная гроза проходить. Къ утру только мы могли выйти изъ стекляннаго павильона.

На другой день я въ чемъ-то упрекала мамѣ при Костомаровѣ и говорила рѣзко. Мы пошли съ нимъ въ садъ, долго шли, молча, по аллеѣ; потомъ Н. И. сказалъ:

— Зачѣмъ вы хандрите?

— Съ чего вы взяли, что я хандрю?

— А что вы наговорили графинѣ?.. Такой матери съ огнемъ не найти.

— Я знаю. Я это только такъ... Я сама не понимаю, что со мной дѣлается иногда...

— Вы раздражены, вы недовольны, вы чего-то желаете, это — избытокъ жизни.

Мамѣ подошла къ намъ, но мы продолжали разговоръ.

— Мнѣ всегда чего-то недостаетъ, — говорила я, — особенно когда въ природѣ такъ тихо, какъ теперь, мнѣ все что-то неполно; чего-то, правда, хочется, но я сама не знаю, чего...

— Вы будете любить, и тогда природа покажется полнѣе. Этого-то вамъ и недостаетъ, этого-то вамъ и хочется.

Я молчала.

— Вы будете сильно любить, — повторилъ онъ грустно. — Вчера я видѣлъ, какой въ васъ запасъ поэзій, — слышомъ много: это будетъ источникъ страданія.

Мы опять нѣсколько времени всѣ шли молча, и, неожиданно для меня, онъ сказалъ:

— Пишите стихи, Ек. Ѡ., а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь, — берегитесь этого!.. Пишите стихи.

Я привожу этотъ разговоръ, потому что мнѣ часто приходилось вспоминать его въ послѣдующей жизни моей.

XIX.

Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ.

Пушкинъ.

Подходило время нашего отъѣзда за границу. Мнѣ совѣмъ не хотѣлось ѣхать. Хотя я знала, что много тамъ будетъ для меня интереснаго, но какъ было покинуть то новое и будто

давно родное, съ чѣмъ я сжилась за этотъ годъ! Какъ уйти отъ этой кипящей, веселой и содержательной жизни! Всѣ мои просьбы остаться разбились о безапелляціонное рѣшеніе матери. Между ея различными доводами было и то, что рѣчь шла о назначеніи меня фрейлиной, а мамѣ отклоняла это, говоря всюду, что она бы хотѣла ѣхать за границу, чтобъ окончить мое образованіе,— и теперь уже неловко оставаться.

Разставаніе съ нашей финляндской прислугой было трогательно: они плакали, точно хоронили насъ. Особенно убивалась одна старуха Элли, нищая, которую мы подобрали и пріютили у себя, безгранично любившая мою сестру. „Ольга такъ внимательна къ ней,—нахожу я въ своемъ дневникѣ:—когда мы едемъ, она посадить Элли возлѣ себя, закутаетъ ей ноги; всѣ чужны удивляются, какъ она мило ухаживаетъ за старухой“. Моя сестра была всѣми любима, у нея былъ даръ привлекать людей.

У насъ долгое время жилъ дворникомъ нѣкій Германъ, морякъ по призванію, какъ почти всѣ финны; въ свободное время онъ занимался рыбной ловлей. Мамѣ не боялась отпускать насъ съ нимъ, и я, еще ребенкомъ, сроднилась съ моремъ и волнами. Иногда къ Герману приходилъ его пріятель, охотникъ Матвій. Я, маленькая, любила этого человѣка и живо помню его. Онъ имѣлъ довольно дикій видъ и никогда не разставался со своимъ ружьемъ. Загорѣлый, со всклооченными волосами и бородой, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, онъ напоминалъ Куперовскихъ траппистовъ. При видѣ меня, лицо его преобразалось, онъ сажалъ меня на колѣни, глаза свѣтились ласково, голосъ звучалъ мягко,—и онъ начиналъ длинные рассказы о жизни въ лѣсу, о нравахъ птицъ. По-русски онъ говорилъ безъ всякаго акцента, выражался какъ человѣкъ интеллигентный, но, кажется, только со мной и говорилъ по-русски. Онъ, вѣроятно, былъ бѣглецъ и скрывался; по словамъ Германа, онъ былъ прежде офицеромъ, и за что-то разжалованъ.

У меня былъ привязчивый характеръ, и мнѣ было тяжело разставаться какъ со всѣми этими людьми, такъ и съ любимой природой, и съ моими двумя собаками. „Тоби“, мой любимецъ, долженъ былъ оставаться у Костомарова до нашего возвращенія.

Надо было устроить еще кое-какія дѣла въ Петербургѣ, поэтому мы остановились въ гостинницѣ, откуда я тотчасъ же сбѣжала къ тѣтѣ, въ свѣтлую квартирку, нанятую для нея на Островѣ, съ видомъ на Невку и Петровскій паркъ. Я не могла себѣ представить, какъ я буду обходиться безъ тѣти за грани-

пей, и, напослѣдокъ, безконечно наслаждалась ея близостью: такъ мнѣ сладко и уютно у нея было! Посѣщали насъ Шевченко, который былъ очень друженъ съ тѣтей, Костомаровъ, К. и другіе. Скоро и наши изъ скучной гостиницы перебрались къ тѣтѣ, и мы провели тамъ нѣсколько счастливыхъ дней, окруженные нашими друзьями, цѣлой толпой провожавшими насъ, когда мы, 19-го августа, наконецъ, выѣхали за границу.

Николай Ивановичъ поѣхалъ съ нами до Пскова. Его желаніе выпить съ нами шампанскаго на Довмонтовой стѣнѣ исполнилось. Мы сидѣли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ стоять вѣчевой колоколь. Подъ нами лежала площадь, гдѣ собиралось вѣче; за нею—городъ съ рѣчкой Псковой, за нами—соборъ св. Троицы. Солнце свѣтило, колокола гудѣли торжественно и мелодично. Вспоминали мы, какъ тутъ, когда-то, сходилса народъ, чтобы судить и рядить, и еще мертвѣе казалась намъ пустота современнаго городишка...

Мысль о скорой разлукѣ придавала этимъ послѣднимъ минутамъ, проводимымъ вмѣстѣ, отгѣнокъ грусти...

Е. Юнге.

Москва, 4-го декабря 1903 г.

МАРКИЗЪ-ФИЛОСОФЪ

— „Monsieur de Migurac“ ou le „Marquis-philosophe“, par *André Lichtenberger*.
Paris, 1905.

Предисловіе. — Мы могли бы привести нѣсколько причинъ — философскаго и иного характера, — по которымъ мы предлагаемъ читателю жизнеописаніе Луи-Лиурга, маркиза де-Мигюракъ, дворянина изъ Перигора. Ограничимся, однако, упоминаніемъ о Жиль-Блазѣ, меланхолическомъ сирѣ де-Сигоньякѣ, не говоря уже о знаменитомъ Донъ-Кихотѣ Ламанчскомъ, удивительныя походы которыхъ не перестаютъ восхищать собою не только простыхъ смертныхъ, но и мудрецовъ. Конечно, нашъ герой не претендуетъ на подобную славу, но, тѣмъ не менѣе, исторія его жизни и характера представляетъ много поучительнаго. Не будемъ приводить перечня источниковъ, по которымъ составленъ нашъ трудъ; главнѣйшій изъ нихъ: мемуары аббата Лорана-Кипріана-Эспозита Жуанѡ, состоявшаго при особѣ маркиза съ первыхъ дней его дѣтства. Онъ скончался въ преклонномъ возрастѣ и былъ послѣднимъ обитателемъ замка де-Мигюракъ; разрушенными каменными стѣнами этого замка замощена не одна дорога въ окрестностяхъ Перигѡ. Безъ сомнѣнія, самъ маркизъ не пожелалъ бы себѣ лучшаго исторіографа.

I.

Г-нъ де-Мигюракъ впервые увидѣлъ свѣтъ въ среду 28-го іюля 1741 года, въ замкѣ Мигюракъ, находящемся въ Гвиеннѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города Перигѡ. Наканунѣ послѣ обѣда, въ столовой замка, убранной въ стилѣ Людовика XIII,

передъ самымъ отходомъ ко сну, маркиза Олимпія-Марія-Евгенія де-Мигюракъ, рожденная де-Грансалъ, почувствовала первыя боли, предвѣщавшія близкое появленіе на свѣтъ ея ребенка. Она немедленно послала за дѣвицею Аглаей Пероннѳ, повивальною бабкою, славившеюся въ Перигѳ, которая въ теченіе двухъ недѣль гостила въ замкѣ, съ большимъ терпѣніемъ ожидая того часа, когда ей придется выказать свои таланты. Дѣвица Пероннѳ, дорожившая сномъ почти столько же, сколько хорошей ѣдою, явилась заспанною, но ей пришлось убѣдиться, что маркиза не понапрасну потревожила ее. При видѣ маркиза — взволнованнаго, съ кривонадѣтымъ парикомъ и чулками, образовавшими сборки на икрахъ, она съ достоинствомъ проговорила:

— Завтра утромъ, ваше сіятельство, я буду имѣть честь представить вамъ маркиза де-Мигюракъ.

Затѣмъ она попросила его удалиться, считая присутствіе мужчины неумѣстнымъ при такихъ обстоятельствахъ.

Онъ повиновался въ сильномъ смятеніи. Рожденіе ребенка послѣ десятилѣтняго бесплоднаго супружества казалось ему чѣмъ-то невѣроятнымъ, между тѣмъ какъ маркиза приняла свою беременность съ глубокимъ, спокойнымъ чувствомъ удовлетворенія, считая ее естественнымъ послѣдствіемъ своихъ долгихъ молитвъ и приношеній св. Радегундѣ. Въ глубинѣ души маркизъ Анри предпочелъ бы имѣть дочь; онъ не скрылъ отъ маркизы этого желанія, весьма удивительнаго для дворянина, еще не имѣвшаго наслѣдника своего имени, и благородная дама выразила ему изумленіе, къ которому примѣшивалось нѣкоторое неодобреніе.

Часы ожиданія были мучительны для маркиза; однажды до слуха его долетѣлъ страшный крикъ, явственно прозвучавшій въ тишинѣ лѣтней ночи. Ему хотѣлось бѣжать на помощь, но робкій по природѣ, удрученный сознаніемъ своего безсилія, онъ только распахнулъ окно и, глядя на звѣздное небо, пожалѣлъ о томъ, что не можетъ молиться. Страшась катастрофы, чувствуя себя безконечно слабымъ и одинокимъ, онъ опустилса въ кресло, страстно желая конца.

Стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Къ стыду своему, онъ замѣтилъ, что онъ спитъ, а на дворѣ уже свѣтаетъ; беззвучнымъ голосомъ онъ приказалъ: „Войдите!“ — Маркизъ глядѣлъ отуманенными глазами на бѣлый чепецъ и косынку m-lle Серафины, камеристки, заранѣе убѣжденный, что она является вѣстницею несчастія, и крайне изумился, когда она обычнымъ своимъ голосомъ объявила, что маркиза проситъ къ себѣ своего супруга.

Первое, что бросилось въ глаза маркизу, было нѣчто красное, безформенное, обернутое бѣлымъ, неистово ревущее и копошащееся на рукахъ у дѣвицы Пероннѣ, взиравшей на него съ довольною улыбкою. И въ то же время онъ услышалъ ослабѣвшій, но ясный и твердый голосъ маркизы:

— Надѣюсь, маркизъ, что вы съ радостью привѣтствуете сына, котораго я общала вамъ?

Она была блѣдна и измучена, но, покоясь на бѣлосвѣжныхъ простыняхъ и подушкахъ, подъ покрываломъ изъ лiонскаго шолка, сохраняла присущую ей величавость, и маркизъ съ необычнымъ жаромъ поцѣловалъ ея бѣлую руку.

Дѣвица Пероннѣ торжественно поднесла ему ребенка. Маркизъ съ замѣшательствомъ склонился надъ краснымъ комочкомъ, но когда ему пришло въ голову, что это живое существо—его сынъ, который современемъ станетъ человѣкомъ, онъ невольно прослезился, между тѣмъ какъ маркиза глядѣла на него съ горделивою и почти снисходительною улыбкой.

Новорожденнаго наименовали Луи, по желанiю матери, хотѣвшей, чтобы онъ носилъ одно имя съ славнѣйшимъ изъ королей Францiи, и—Ликургомъ, по настоянiю отца, желавшаго, чтобы онъ назывался такъ же, какъ мудрѣйшiй изъ законодателей, философъ, открывшiй человѣчеству законы природы и равенства. Къ этимъ именамъ былъ присоединенъ титулъ виконта д'Обтортъ и крещенiе отпраздновано съ большою пышностью.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшiя рожденiе Луи-Ликурга. Прибавимъ къ этому, что вѣсь новорожденнаго, размѣры ногъ его и рукъ, не оставляли желать ничего лучшаго, а крикъ его давалъ самое выгодное понятiе о силѣ его легкихъ. Такъ какъ онъ родился подъ созвѣздiемъ Льва, влiяющимъ на развитiе измѣнчивости и подвижности характера и чрезмѣрной пылости страстей, дѣвица Пероннѣ, не чуждая знакомства съ астрологiей, посовѣтовала повѣсить ему на шею рубинъ, умѣряющiй дурное влiянiе этого созвѣздiя. Совѣтъ ея былъ исполненъ, и лишь на двадцать-второмъ году жизни, когда обстоятельства принудили Луи-Ликурга разстаться съ этимъ талисманомъ, онъ узналъ, что ювелиръ обманулъ довѣрчивость его родителей, продавъ имъ фальшивый рубинъ. Итакъ, пагубное влiянiе звѣздъ не было устранено, и, быть можетъ, именно потому жизненный путь Луи-Ликурга оказался такимъ бурнымъ.

II.

Если не принимать въ расчетъ болтовню кормилицы — смуглой, полногрудой Магеллоны, считавшей своего „Лулу“ самымъ удивительнымъ ребенкомъ въ мірѣ, то можно сказать, что раннее дѣтство нашего героя не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Благоразуміе маркизы было такъ велико, что даже материнскія иллюзіи, растущія какъ трава въ степи, не находили мѣста въ ея сердцѣ. Зато маркизъ относился къ сыну съ такимъ обожаніемъ, такъ тревожился по поводу его малѣйшаго нездоровья, что въ замкѣ говаривали полу-шутя, будто бы въ лицѣ своей матери ребенокъ имѣетъ отца, а въ лицѣ отца — мать. Юный виконтъ быстро развивался физически и умственно, и тутъ же въ немъ обварились инстинкты, заслуживающіе вниманія психолога. Отчаянный ревъ его свидѣтельствовалъ не только о силѣ его аппетита, но и о безудержности страстей: если Магеллонѣ почему-либо случалось замѣшкаться, онъ съ яростью отталкивалъ и даже царапалъ ея грудь, — что несомнѣнно свидѣтельствовало объ оскорбленной гордости. Однажды онъ разбилъ въ дребезги обожаемую имъ вуклу — только потому, что ему дали ее въ то время, какъ онъ просилъ совсѣмъ другого. Пожелавъ имѣть ленту съ шеи m-lle Серафины, онъ, получивъ ее въ свое владѣніе, черезъ нѣсколько минутъ, презрительно отбросилъ ее и даже запачкалъ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Изъ всѣхъ желаній его дѣтства лишь одно не угасало въ немъ: стремленіе поймать солнечный лучъ, не дававшійся ему въ руки, — и опять-таки изъ этого можно было заключить, что ему предстоитъ всю жизнь гоняться за химерой и презирать все, что достижимо. По отношенію къ людямъ Луи-Ликургъ не былъ постояннымъ; сама Магеллона подвергалась по временамъ его немилости, и на долю маркизы не всегда выпадалъ любезный приѣмъ; единственнымъ исключеніемъ являлся его отецъ, котораго онъ почти всегда встрѣчалъ радостнымъ лепетомъ, между тѣмъ какъ тотъ молча созерцалъ его. Нельзя не отмѣтить и силы воли его: будучи пятнадцати-мѣсячнымъ ребенкомъ, онъ до крови уколоса булавою, но молчалъ, зная, что у него ее отнять; Магеллона, увидѣвъ кровь на его платицѣ, силою должна была взять у него обожаемую, но предательскую драгоцѣнность, которую онъ сжималъ въ окровавленномъ кулачѣ.

Шести лѣтъ отъ роду Луи-Ликургъ былъ красивымъ ребенкомъ. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ правильное лицо, темные

волосы, матовую кожу и алыи ротъ, губы котораго были значительно пухлѣе, чѣмъ у нея; отъ отца — тонкость линий, синіе глаза и нѣжную улыбку. Прямой и сильный для своего возраста, онъ твердо держался на маленькихъ ножкахъ, отъ него вѣяло здоровьемъ и въ смѣломъ взглядѣ чувствовался прямой и отважный духъ. Онъ безъ удержу бѣгалъ по парку, а запыхавшаяся, но гордая Магеллона слѣдовала за нимъ по пятамъ. До сихъ поръ маркиза, вѣрная традиціямъ знатныхъ домовъ, предоставляла его всецѣло попеченіямъ кормилицы и m-lle Серафины, а маркизъ, поглощенный стараніями привести въ порядокъ помѣстье, полуразоренное его отцомъ, занятый чтеніемъ и философскими размышленіями, не рѣшался высказать ей своего желанія, чтобы она занялась воспитаніемъ ихъ ребенка. Луи-Ливургъ зналъ всего нѣсколько молитвъ и азбуку, но онъ превосходно усвоилъ простонародное нарѣчіе, голова его была полна волшебныхъ сказокъ и мечтаній; онъ жилъ въ мірѣ химеръ, и вѣчно ускользала изъ-подъ надзора своихъ воспитательницъ, постоянно находившихъ его гдѣ-нибудь въ паркѣ, съ непокрытою головою, въ разорванномъ платьѣ и съ ногами въ лужѣ. Къ этой же эпохѣ относится его покушеніе на самоубійство, произведшее переломъ въ его жизни. Будучи уличенъ въ томъ, что онъ не только выпустилъ на свободу пару откормленныхъ куръ, но даже больно укусилъ m-lle Серафину, онъ предсталъ передъ лицомъ маркизы въ растерзанномъ нарядѣ, растрепанный, но съ отважнымъ и даже вызывающимъ видомъ. Нахмуривъ прекрасныя брови, она прочитала ему правоученіе, закончившееся словами:

— Сынъ мой, вы—не дворянинъ, и если вы будете продолжать такъ же вести себя, я сомнѣваюсь, чтобы вы когда-нибудь стали дворяниномъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пронзительныя крики огласили замокъ: юный виконтъ, попытавшійся заколоться перочиннымъ ножомъ, лежалъ, обливаясь кровью, на рукахъ Магеллоны: онъ желалъ освободить свою мать отъ недостойнаго сына.

Результатомъ этого происшествія былъ разговоръ супруговъ, послѣ котораго дальнѣйшее воспитаніе Луи-Ливурга перешло въ руки мужчинъ. Къ особѣ его былъ приставленъ честный молодой малый, по имени Жилль; старику Пьеру-Антуану, старшему конюшиму, служившему когда-то подъ знаменами маршала де-Виллара, было поручено обучать его верховой ѣздѣ и искусству владѣть оружіемъ. Умственное образованіе юнаго виконта принялъ на себя приглашенный для этой цѣли новый замковый ка-

пелланъ, аббатъ Жуанд, недавно кончившій курсъ семинаріи, богатый знаніями, но не презрѣннымъ металломъ, человекъ кроткій и благовоспитанный.

Полный усердія, аббатъ готовъ былъ, помимо литературы и латыни, ввести въ свою программу греческій и новѣйшіе языки, математику, химию, астрономію, анатомію, даже философію, но не надо думать, чтобы подобная гора познаній могла нагромождаться въ головѣ Луи-Ликурга, не отличавшагося усидчивымъ прилежаніемъ; характеръ учителя былъ уступчивый, и, въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, онъ не особенно настаивалъ на томъ, чтобы сдѣлать изъ Луи-Ликурга великаго ученаго (какимъ онъ и самъ не былъ въ дѣйствительности). Это ясно обнаруживается въ его „Мемуарахъ“.

Однажды онъ приказалъ виконту выучить наизусть отрывокъ изъ „Pro Archia poeta“; на слѣдующій день, узнавъ, что юный дворянинъ, вмѣсто того, чтобы выполнить задачу, бился съ мальчишками на кулачкахъ, аббатъ схватилъ-было линейку, намѣреваясь дать ему по пальцамъ. Но Луи-Ликургъ, ловкій и увертливый, выхватилъ у него линейку, разломилъ ее пополамъ и, бросивъ куски въ лицо аббату, очутился въ одинъ прыжокъ за дверью, которую заперъ на ключъ. Первымъ движеніемъ аббата было позвать на помощь и пожаловаться маркизѣ, которая, изъ уваженія къ духовному лицу, жестоко бы наказала провинившагося. Однако, по нижеизложеннымъ причинамъ, онъ этого не сдѣлалъ.

„Во-первыхъ, — пишетъ онъ, — мнѣ казалось неумѣстнымъ подвергать суровому наказанію молодого дворянина, обладающаго добрымъ сердцемъ, но легкомысленнаго и раздражительнаго, который могъ бы лишь сильнѣе ожесточиться послѣ подобной кары. Во-вторыхъ, маркиза, узнавъ о случившемся, не преминула бы укорить меня въ безхарактерности, и даже, быть можетъ, замѣнила бы меня другимъ наставникомъ. Итакъ, по зрѣломъ размышленіи, я никого не позвалъ, но сѣлъ у окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и обождать, покада юному шалуни угодно будетъ освободить меня изъ заточенія“.

Эти размышленія проливаютъ свѣтъ на отношенія аббата Жуанд и его ученика. Временами, ему удавалось, однако, при помощи своей уступчивости, добиться отъ Луи-Ликурга нѣкотораго прилежанія, и тогда онъ радовался, видя его богато одареннымъ памятью и умомъ. Къ урокамъ Пьера-Антуана виконтъ относился, наоборотъ, восторженно, и глаза его сверкали радостью, онъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнія, когда, по окончаніи

занятій съ аббатомъ, онъ приказывалъ сѣдлатъ себѣ лошадь. Въ сопровожденіи Пьера, даже одинъ, онъ вихремъ носился по полямъ и лѣсамъ за зайцемъ, козулею или лисою, иногда—безъ всякой цѣли, опьяненный вѣтромъ и просторомъ... Онъ сильно пристрастился къ фехтованію и, будучи самъ немного выше ростомъ, чѣмъ его рапира, дѣлалъ выпады, парировалъ, отскакивалъ по итальянской методѣ — такъ что любо было посмотрѣть.

Въ то же время онъ изучалъ, подъ руководствомъ самой маркизы, придворныя манеры. Каждый послѣ-обѣда онъ являлся къ матери, воссѣдавшей въ креслѣ съ прямою спинкою, цѣловалъ ея руку и выслушивалъ отъ нея рассказы о придворныхъ обычаяхъ и нравахъ, объ обязанностяхъ людей знатнаго происхожденія. Иногда, забывая о его молодости, она передавала ему многое изъ видѣннаго ею: свои наблюденія, надежды и мечты.

Маркиза не скрывала нѣкотораго разочарованія. Надвигавшееся разореніе заставило молодую чету въ первые же годы ихъ брака покинуть блестящій Парижъ и запереться у себя въ деревнѣ.

Вернувшись въ Мигюракъ, красавица-маркиза, втайнѣ сожалѣвшая о веселой жизни, для которой она была предназначена, безукоризненно исполняла свои обязанности жены и владѣлицы замка, но еслибы ея набожность и чувство долга позволили ей это—она презирала бы своего супруга съ его чувствами и понятіями, столь чуждыми людямъ знатнаго происхожденія, съ его мѣщанскими добродѣтелями и недостатками,—дворянина, не имѣвшаго ни долговъ, ни любовницъ.

Маркиза обучала своего сына не только поклонамъ, свѣтскому этикету, танцамъ и пѣнію, но старалась привить ему свѣтскія понятія, искореняя въ немъ грубыя наклонности и плебейскіе вкусы. Граціозный по природѣ, стройный и хорошо сложенный, онъ легко усваивалъ модныя ухищренія, и будь маркиза почувствительнѣе, она умилилась бы до слезъ, видя, какъ онъ закругляетъ локоть и отставляетъ ногу подъ жидкіе звуки старинныхъ клавикордъ. Рассказы матери о „королѣ-солнцѣ“, о граціи регента, о роскоши герцогини Бурбонской, о балетѣ, объ итальянцахъ—находили въ немъ внимательнаго слушателя. Онъ ловилъ ея слова, губы его раскрывались, глаза блестѣли, и маркиза де-Мигюракъ ощущала приливъ тайной гордости: она дважды будетъ матерью своему сыну, матерью не только по плоти, но и по духу.

Обыкновенно, послѣ этихъ разговоровъ, мальчикъ отпра-

лялся въ отцу, въ его рабочій кабинетъ; маркизъ, при видѣ его, откидываясь на спинку кресла, и по его рано состарившемуся, худому лицу съ яснымъ взглядомъ скользила добрая улыбка. Какъ ни увлекался Луи-Ливургъ материнскими принципами, но одинъ взглядъ отца глубже водновалъ его, чѣмъ всѣ рѣчи маркизы, и нѣчто, таившееся въ глубинѣ его души, откликалось на него.

Маркизъ съ сыномъ предпринимали прогулки по окрестностямъ, и маркизъ старался открыть мальчику свѣтъ истины, къ которому онъ стремился самъ. Пребываніе въ обществѣ и при дворѣ породило въ немъ грусть и негодованіе, вызванныя паденіемъ нравовъ. Ему уяснилось изъ соприкосновенія съ природою и спокойствіемъ жизни въ деревнѣ, что цивилизація развратила умы и, вслѣдствіе сдѣланныхъ ошибокъ, сдѣлала человечество несчастнымъ. Онъ обращалъ вниманіе мальчика на желтѣющую рожь и побѣги винограда, на рыжихъ быковъ, папущихъ землю, на лазурь небесъ и шумъ воды,—пріучая его любить природу. Онъ указывалъ ему также на темныя дачуги крестьянъ, на лохмотья ихъ одежды, и толковалъ о вѣковой несправедливости, раздѣляющей людей, которые отъ рожденія равны между собою, на притѣснителей и притѣсняемыхъ, на господъ и рабовъ. Они вдвоемъ обдумывали планы идеальнаго общественнаго строя, при которомъ возрожденное человечество соединилось бы въ братство любви и равенства. Эти мечты волновали мальчика не менѣе, чѣмъ—въ прежнее время—волшебницы и духи, не оставляя его даже и во снѣ, когда онъ засыпалъ, наконецъ, въ своей постелькѣ, за висейнымъ пологомъ.

Какъ укладывались въ умъ Луи-Ливурга всѣ эти противорѣчивыя наставленія—вотъ что трудно понять. Случалось, напримеръ, что, по окончаніи проповѣди, въ которой, при помощи текстовъ изъ св. Писанія, аббатъ доказывалъ ему необходимость прощать обиды, маркиза убѣждала его въ томъ, что чувство чести предписываетъ намъ смывать оскорбленія кровью. Старый Пьеръ-Антуанъ обучалъ его мѣткому удару, и тутъ же маркизъ считалъ долгомъ выяснитъ ему все, что заключается относительнаго и даже смѣшнаго въ такъ-называемыхъ понятіяхъ о чести.

Характеръ человѣка яснѣе всего выражается въ его манерѣ веселиться; мирныя забавы, несмотря на старанія аббата пріохотить къ нимъ своего питомца, оказались тому не по вкусу; впрочемъ, Луи-Ливургъ чаще посѣщалъ бы замокъ ближайшей ихъ сосѣдки, баронессы де-Пертюизд, еслибы она поощряла его къ этому; но робкая по природѣ дама отчасти страшилась не-

обузданности его характера, отдавая, однако, должное благородству души его. Луи-Ликургу было лѣтъ десять, когда, узнавъ, что подруга его, дѣвица Алина де-Пертюизо, серьезно заболѣла горломъ; онъ пожелалъ, во что бы то ни стало, быть допущеннымъ къ ней, и когда ему было въ томъ отказано, онъ неизвѣстно какимъ образомъ пробрался къ ней въ спальню, гдѣ гувернантка ея, Гертруда, застала его обливающимъ слезами ручьи его маленькой пріятельницы. Помимо состраданія, тутъ играли нѣкоторую роль и угрызения совѣсти: онъ вспомнилъ, что, нѣскольکو дней тому назадъ, онъ убѣдилъ ее влѣзть съ ногами въ воду для ловли лягушекъ.

Около того же времени, когда на дѣтей, гулявшихъ въ паркѣ, внезапно кинулась корова, и всѣ разбѣжались, Луи-Ликургъ съ крикомъ бросился ей на встрѣчу, махая шляпою. Сбѣжавшіеся люди ожидали найти его разорваннымъ въ куски, но онъ оказался преспокойно сидящимъ подъ брюхомъ у коровы, которую собирался подоить въ свою шляпу. Въ другой разъ, чтобы избавиться отъ наказанія своего пріятеля-поваренка изъ замка Пертюизо, онъ, переодѣвшись въ его платье и вымазавъ сажею лицо, стончески принялъ порцію порки; но когда поваръ вздумалъ угостить его пощечиною, онъ съ такою яростью схватилъ его за горло, что тотъ едва устоялъ на ногахъ отъ толчка и ужаса. Дозволивъ ему поцѣловать свою руку, Луи-Ликургъ отправился на поиски поваренка, чтобы обмѣняться съ нимъ платьемъ, и, заставъ того за ошипываньемъ выпавшихъ изъ гнѣзда перепеловъ, жестоко отколотилъ его.

Но не эти подвиги повлекли за собою его изгнаніе изъ замка Пертюизо; его мятежный духъ постоянно стремился къ приключеніямъ, отъ которыхъ страдалъ, порою, не онъ одинъ. Однажды благородныя дамы, вздумавшія прогуляться по аллеѣ, ведущей къ пруду, и покормить бисевитами лебедей, услышали за деревьями жалобныя вопли. Подойдя ближе, онѣ увидѣли изъ-за вѣтвей Луи-Ликурга, Шарля де-Пертюизо и Ксавьё де-Буаредонъ съ засученными рукавами и разстегнутыми камзолами: каждый изъ нихъ вонзалъ себѣ въ тѣло перочинный ножъ, между тѣмъ какъ юная дѣвица Алина, съ блистающими глазами и съ розою въ рукѣ, готовилась поднести ее побѣдителю. При первой же царапивъ глаза Ксавьё наполнились слезами и рука Шарля дрогнула, но Луи-Ликургъ, не моргнувъ, всадилъ ножъ на добрый дюймъ въ свою мускулистую руку. Такова была затѣянная по его инициативѣ игра въ „юныхъ спартанцевъ“.

Въ другой разъ, послѣ проповѣди прибывшаго изъ Перигѣ

епископа, когда знатное общество расположилось на террасѣ замка для завтрака, оно съ изумленіемъ увидѣло появившуюся на дорогѣ толпу юныхъ бродягъ—босоногихъ и въ однѣхъ рубашкахъ. Компанія эта оказалась цвѣтомъ мѣстнаго дворянства; но такъ какъ, при послѣдовавшемъ затѣмъ допросѣ, всѣ они лишь хныкали и отмалчивались, Луи-Ликургъ смѣло выступилъ впередъ и объяснилъ, что, встрѣтивъ толпу дрожавшихъ отъ холода цыганскихъ ребятишекъ, они, слѣдуя примѣру св. Мартина, отдали имъ свое платье, приобрѣтя, взамѣнъ, царствіе небесное.

Маркиза собиралась наказать виновнаго, но епископъ убѣдилъ ее, что всему виною его краснорѣчіе. Когда, при этомъ, было обнаружено отсутствіе Эдма де-Шастильякъ, Луи-Ликургъ не безъ смущенія сознался, что, въ виду отказа этого послѣдняго пожертвовать своими панталонами, его привязали къ стволу каштановаго дерева, гдѣ его, дѣйствительно, и нашли полузамерзшимъ отъ холода.

Но каплею, переполнившю чашу терпѣнія мѣстной знати, явилась дуэль Луи-Ликурга съ барономъ де-Мардѣ, похитившимъ у него половину персика, подареннаго ему Алиною де-Пертюзид. Проходившіе мимо дакен обезоружили дуэлянтовъ и передали ихъ на руки ихъ перепуганныхъ наставниковъ.

Съ этого дня Луи-Ликургу пришлось довольствоваться обществомъ деревенскихъ ребятишекъ; хотя онъ сразу приобрѣлъ среди нихъ громадный авторитетъ, сближеніе ихъ состоялось, несмотря на неудовольствіе маркизы, на основаніяхъ полного равенства, и юный виконтъ не разъ возвращался домой съ синяками на тѣлѣ и съ подбитымъ глазомъ. И тутъ его великодушіе и стремительность зачастую оказывали ему плохую услугу. Однажды онъ обкормилъ дѣвочку, не желавшую ѣсть чернаго хлѣба, вареньемъ, и когда она заболѣла, онъ, чтобы наказать себя, слѣлъ двойную его порцію, едва не отправившую его на тотъ свѣтъ.

Какъ ни необузданны были его поступки, маркизъ чувствовалъ въ нихъ прирожденное благородство его души и старался, насколько было возможно, умѣрить пылкость чувствъ своего сына, пробудить въ немъ сознаніе его собственнаго разума—вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ руководителей. Быть можетъ, это и удалось бы ему современемъ, но когда мальчику пошелъ двѣнадцатый годъ, маркизъ Анри скончался.

III.

Маркизу Анри де-Мигюракъ пришлось много поработать на своемъ вѣку; наслѣдовавъ послѣ отца полу-разрушенный замокъ

и обремененное долгами помѣстье, онъ, благодаря своимъ стараніямъ, успѣлъ возстановить замокъ изъ развалинъ, расплатиться съ кредиторами и кое-какъ устроить дѣла, увеличивъ цѣнность имѣнія. Единственнымъ отдыхомъ и развлеченіемъ его были книги, выписываемыя имъ изъ Голландіи и Англіи, испещренные на поляхъ замѣтками, сдѣланными его рукою, и неоднократно имъ перечитываемыя. Передъ ужиномъ онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ природою, и его единственнымъ спутникомъ въ этихъ прогулкахъ былъ Луи-Ливургъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ и схватилъ смертельную лихорадку, отъ которой ему уже не суждено было оправиться; по настоянію маркизы, онъ согласился позвать врача, зная заранѣе, что это будетъ бесполезно; уступая ея слезнымъ мольбамъ, онъ допустилъ къ себѣ и духовника, хотя считалъ это не менѣе бесполезнымъ.

Увидѣвъ измѣнившееся, безкровное лицо отца, къ которому его не впускали цѣлую недѣлю, мальчикъ былъ такъ пораженъ, что задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Сынъ мой,—заговорилъ умирающій,—садитесь и не прерывайте меня. Я не звалъ васъ къ себѣ, слѣдую похвальному примѣру животныхъ, удаляющихся въ свои норы для того, чтобы умереть спокойно, не огорчая своихъ близкихъ видомъ своихъ страданій. Но смерть моя близка, и я испытываю непреодолимое желаніе васъ видѣть; не успѣвъ научить васъ жить, я, быть можетъ, научу васъ умереть...

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, между тѣмъ какъ Луи-Ливургъ едва удерживался отъ рыданій. Маркизь продолжалъ:

— Я согласился причаститься для того, чтобы не огорчать вашу мать; для нея послужить утѣшеніемъ мысль о томъ, что страшные чертенята не станутъ поджаривать меня на адскомъ огнѣ. По причинѣ вашего нѣжнаго возраста, я предоставилъ самой природѣ запечатлѣть въ вашемъ умѣ великія истины, и не касался въ нашихъ бесѣдахъ философскихъ и религиозныхъ вопросовъ. Но вы, быть можетъ, угадали, что я не раздѣляю вѣрованій вашей матери и аббата Жуанд? Не стану ихъ оспаривать, но еслибы, противъ ожиданія, мнѣ пришлось отдать отчетъ Богу въ моихъ дѣлахъ, мнѣ это не было бы трудно, такъ какъ я никому не сдѣлалъ зла. Притомъ, я—таковъ, какимъ Онъ меня создалъ, и потому Онъ не можетъ претендовать на меня. Говорю вамъ это лишь для того, чтобы церемонія, при которой вы будете присутствовать, не произвела черезчуръ сильнаго впечатлѣнія на вашъ юный умъ. Я не желалъ огорчать вашу мать, бывшую для меня безупречною, достойною полного уваженія

женою, а совершение этого обряда дастъ мнѣ возможность спокойно умереть.

Дѣйствительно, маркизъ исповѣдался и причастился съ подобающимъ уваженіемъ къ обряду, и напутствовавшій его аббатъ Жуанд упомянулъ въ своихъ „Мемуарахъ“, что немногіе изъ католиковъ сподобились такой христіанской кончины, какъ этотъ атеистъ.

Противъ ожиданія, маркизъ Анри прожилъ еще два дня; онъ простился со слугами и роздалъ имъ на память разныя вещицы; аббату онъ вручилъ дорогую табакерку; трогательно благодарилъ маркизу за ея покорность судьбѣ и сообщилъ ей разныя дѣловыя подробности. Но больше всего онъ говорилъ съ сыномъ, заклиная его не поддаваться страстямъ, обуздывать въ себѣ гордость, смотрѣть на ближняго, какъ на равнаго себѣ. Быть можетъ, именно этимъ послѣднимъ часамъ отца Луи-Ливурга былъ обязанъ всѣмъ, что сохранилось въ немъ лучшаго; сѣмена добра, хотя и поздно, но дали ростки въ душѣ его.

Кончина маркиза была мирная; заходящее солнце бросало въ комнату свой прощальный лучъ, и глаза умирающаго свѣтились вдохновеніемъ. Въ открытое окно струился теплый осенній воздухъ, и слова маркиза падали—тихія и кроткія, какъ осенніе листья. Мальчикъ не сводилъ глазъ съ отца. Вдругъ въ лицѣ маркиза произошла странная перемена, и рука его, лежавшая на головѣ сына, отяжелѣла. Онъ былъ мертвъ.

Похороны маркиза совершились съ большою торжественностью, въ присутствіи всей мѣстной знати. Всѣ восхищались мужествомъ маркизы и были тронуты полнымъ достоинства поведеніемъ и осанкою Луи-Ливурга, шедшаго во главѣ процессіи, стройнаго и изящнаго въ своемъ траурномъ костюмѣ. Онъ не плакалъ, и лишь по окончаніи службы, когда гробъ былъ опущенъ въ семейный склепъ и церемоніймейстеръ почтительно сказалъ ему: „Встаньте, маркизъ де-Мигюракъ!“—онъ разразился отчаянными рыданіями, и его съ трудомъ удалось оторвать отъ могилы.

Со смертью маркиза Анри, задача аббата Жуанд очень упростилась. Молодой маркизъ удѣлялъ еще меньше времени научнымъ занятіямъ, и все болѣе стремился освободиться изъ-подъ опеки матери, чѣмъ маркиза втайнѣ была довольна, радуясь, что ея воспитаніе принесло плоды. Для очищенія совѣсти, аббатъ пытался иногда, за обѣдомъ, освѣжить въ памяти ученика и въ своей собственной какою-нибудь цитату изъ „Георгикъ“ или изъ Сенеки, а затѣмъ, успокоившись, предавался своему обычному

препровожденію времени,—такъ-что m-lle Серафимъ постоянно приходилось разставлять его сутаны. Онъ прогуливался по саду и огороду, грѣлся на солнышкѣ, болтая съ домашними, и привѣтствовалъ своего питомца движеніемъ пухлой руки, когда тотъ мчался по двору со сворою собакъ, ловко и увѣренно сидя въ сѣдлѣ.

Луи-Ликургъ одинаково хорошо умѣлъ укротить непокорнаго коня, затравить оленя, поцѣловать руку дамъ и протанцовать менуэтъ. Съ годами, онъ снова сталъ появляться въ кругу знати, и скоро сумѣлъ изгладить прежнія непріятныя воспоминанія: всѣ дамы, на десять миль кругомъ, были отъ него безъ ума. Даже старая герцогиня де-Брантильё, знававшая въ свое время регента, каждый разъ умиленно улыбалась, лорнируя „маленькаго маркиза“. Его наперерывъ приглашали на всѣ охоты и празднества въ окрестностяхъ, что требовало большихъ расходовъ по конюшнѣ и увеличивало счетъ портныхъ. Но маркиза не протестовала противъ такихъ тратъ, сопряженныхъ съ его именемъ и положеніемъ. Если же, пороку, ей и хотѣлось бы затянуть шнурокъ отъ кошелька, могла ли она устоять противъ очарованія маленькаго маркиза, когда онъ, въ распитомъ камзолѣ, завитой и надушенный, сидя одинъ въ фамильномъ экипажѣ, съ улыбкою приподнималъ свою треуголку и посылалъ ей поцѣлуй кончиками тонкихъ пальцевъ, на которыя ниспадали дорогія кружева?

Тутъ намъ приходится коснуться нѣсколько щекотливой темы, лишь слегка затронутой аббатомъ Жуанодъ: рѣчь идетъ о раннихъ любовныхъ похожденияхъ маркиза. Вѣроятно, аббатъ поступаетъ такъ изъ уваженія къ нравственности: съ другой же стороны, подобное поведеніе молодого аристократа не представляло, съ точки зрѣнія высшаго общества, ничего предосудительнаго, и біографъ предпочитаетъ умалчивать о томъ, чему онъ—хотя послѣднее было бы, конечно, похвальнѣе—не сумѣлъ помѣшать. Кромѣ того, аббатъ Жуанодъ весьма слабо интересовался отношеніями половъ, давшими матеріалъ для столькихъ романовъ и воспоминаній. Обладая темпераментомъ каплуна—его любимое жаркое,—аббатъ не любилъ распространяться о любовныхъ дѣлахъ, которыми самъ никогда не занимался.

Какъ бы то ни было,—сосѣдніе поселяне привыкли захлопывать дверь передъ носомъ Луи-Ликурга; онъ никогда не позволилъ бы себѣ малѣйшаго насилія, но не было ни женщины, ни дѣвушки, способной устоять противъ маркиза при первой же его улыбкѣ. Ему пришлось имѣть дѣло съ нѣсколькими невѣждами, не понимавшими, насколько мелко и грубо всякое проявленіе

ревности со стороны мужа. Однажды дровосѣкъ едва не проломилъ ему черепъ табуретомъ, но, противъ ожиданія двухъ докторовъ, онъ оправился, что оказалось очень счастливо для обвиняемаго, котораго собирались повѣсать. Луи-Ликургъ, узнавъ объ этомъ, соскочилъ съ постели и съ головою въ повязкѣ помчался въ Перигё, чтобы подкупить судью, — что удалось ему безъ особеннаго труда.

Маркиза хотя и радовалась, что сынъ не пошелъ по стопамъ отца, принуждена была спроводить одну за другой всѣхъ своихъ камеристокъ, обладавшихъ благообразною наружностью, и замѣнить ихъ боролатыми дуэньями, смущавшими самого аббата Жуаню. Но не слѣдуетъ думать, что Луи-Ликургъ ограничивался простолюдинками; противъ него не могли устоять и герцогини, и равнѣ, чѣмъ ему понадобился цирюльникъ, онъ уже могъ составить цѣлый списокъ своихъ побѣдъ. Наивное выраженіе его взгляда и полу-дѣтскій видъ — сразу очаровывали и обезоруживали всякое недобѣріе; привлекательность обращенія смягчала женскія сердца, а пылъ юности — разрушалъ послѣднія преграды. Такимъ образомъ, изъ „маленькаго“ онъ скоро превратился въ „обольстительнаго маркиза“.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что среди самыхъ своихъ пылкихъ юношескихъ увлеченій маркизъ забывалъ наставленія отца. Раза два, когда матери не хотѣлось допустить его до какого-то рискованнаго поступка, она упомянула имя покойнаго; Луи-Ликургъ измѣнился въ лицѣ, но повиновался. Смутное чувство ревности не позволяло ей, однако, часто прибѣгать къ этому средству. Воспоминаніямъ объ отцѣ слѣдуетъ приписать и овладѣвавшіе имъ по временамъ порывы раскаянья, смущавшіе его близкихъ: онъ съ рыданіями катался по землѣ, заливался слезами, и послѣ такихъ припадковъ погружался обыкновенно въ чтеніе любимыхъ книгъ покойнаго, но послѣ нѣсколькихъ дней прилежанія необузданность темперамента брала свое, и онъ снова возвращался къ обычнымъ своимъ забавамъ.

Однажды аббатъ, явившись въ девяти часамъ въ классную, засталъ тамъ, въ величайшему своему удивленію, маркиза, холодно сказавшаго ему:

— Позвольте сказать вамъ, г. аббатъ, что отецъ мой поручилъ вамъ мое образованіе. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ услугъ, въ которыхъ весьма нуждаюсь.

Аббатъ былъ пораженъ. Сквозь зелень деревьевъ можно было наблюдать игру солнечныхъ лучей; утро дышало божественною свѣжестью и птицы радостно щебетали. Аббатъ не выдержалъ,

извинился въ томъ, что застигнуть подобною просьбою врасплохъ, и попросилъ маркиза отложить занятія до завтра. Но тотъ очень рѣшительно подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, положилъ ключъ въ карманъ и сказалъ аббату, смотрѣвшему на него во всѣ глаза:

— Прошу васъ приступить къ занятіямъ, г. аббатъ. Ваша ссылка на необходимость подготовиться—вызвана исключительно вашею скромностью. Еслибы это дѣйствительно было такъ—моей матери пришлось бы довѣрить мое воспитаніе другому лицу.

И въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль цвѣтущаго мая мѣсяца аббату пришлось удовлетворять ненасытную любознательность своего питомца; на пятнадцатый день онъ тщетно ждалъ его: Луи-Ливургъ, увлеченный прелестями прѣзжей комедіантки, три noci не ночевалъ въ замкѣ. Пороку, наоборотъ, онъ неожиданно отказывался самъ отъ того, чего такъ долго и упорно добивался; такимъ образомъ онъ, вспомнивъ объ отцовскихъ завѣтахъ, сбѣжалъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго ухаживанья, отъ г-жи де-Болье какъ разъ въ то время, когда она собиралась вознаградить его за постоянство. По той же причинѣ ему случалось иногда высказывать, въ разговорахъ о политикѣ и религіи, сужденія, болѣе умѣстныя въ писаніяхъ какого-нибудь сочинителя, чѣмъ въ устахъ дворянина.

Къ восемнадцати годамъ онъ былъ самымъ блестящимъ аристократомъ всей провинціи, и на другой день послѣ праздника, даннаго матерью по случаю дня его рожденія, онъ имѣлъ съ нею разговоръ, которому посвящена слѣдующая глава.

IV.

Луи-Ливургъ, преслѣдуемый во снѣ прелестными женскими образами и картинами бывшаго праздника, пробудился очень поздно на своей освѣщенной балдахиномъ постели, служившей нѣсколькимъ поколѣніямъ. Заспаннымъ голосомъ онъ позвалъ слугу, и принялся, потягиваясь и зѣвая, за свой туалетъ. Холодная вода и видъ солнца—освѣжили его, и онъ съ аппетитомъ доканчивалъ шokolадъ, когда ему доложили, что маркиза желаетъ видѣть его „по важному дѣлу“.

Маркизъ зѣвнулъ и пожалѣлъ о томъ, что всталъ, но долгъ не позволялъ ему медлить; выйдя въ залу, онъ сразу увидалъ, что предстоящій разговоръ обѣщаетъ быть долгимъ и неприятнымъ.

Маркиза, вся въ черномъ, возсѣдала—прямая и величавая—

въ креслѣ прошлаго столѣтія передъ столомъ, заваленнымъ всякаго рода счетами, записями и документами. Противъ нея стояло пустое кресло. Рядомъ съ маркизою сидѣлъ съ покорнымъ видомъ, сложивъ руки на животѣ, аббатъ Жуанѳ.

Луи-Ливургомъ овладѣло желаніе убѣжать, но онъ поцѣловалъ руку матери, дружески кивнулъ аббату и попытался пошутить надъ торжественностью собранія. Маркиза, не удостоивая его отвѣтомъ, указала ему на кресло, проговоривъ повелительнымъ тономъ:

— Сынъ мой, съ тѣхъ поръ какъ вы достигли возмужалости, я неоднократно просила васъ ознакомиться съ положеніемъ нашихъ дѣлъ, но вы, ссылаясь на вашу неопытность и довѣріе ко мнѣ, каждый разъ отъ этого уклонялись.

Луи-Ливургъ попытался вновь подтвердить свои слова и податься съ мѣста, но маркиза твердо продолжала:

— Теперь, когда вамъ исполнилось восемнадцать лѣтъ, я погрѣшила бы противъ материнскаго долга, оставивъ васъ въ дальнѣйшемъ невѣдѣніи. Потрудитесь внимательно выслушать отчетъ, который прочтетъ вамъ аббатъ Жуанѳ.

Монотоннымъ голосомъ аббатъ прочелъ бумагу, заключавшую перечень земель, сумму арендной платы и капитала, положеннаго на храненіе въ Бордо. Луи-Ливургъ выслушалъ его, подавляя зѣвоту и пощипывая кружево маншета, причемъ взглядъ его переходилъ отъ кончика одной изъ его тупель вишневаго цвѣта на другую.

По окончаніи чтенія, онъ поспѣшилъ заявить, что все обстоитъ прекрасно.

— Хорошо, — сказала маркиза, — теперь, аббатъ, будьте такъ добры, прочтите статью расходовъ. Она значительно превышаетъ статью доходовъ, какъ вы увидите.

Луи-Ливургъ и это одобрилъ. Развѣ не такъ поступаютъ всѣ люди знатнаго происхожденія?

— Разумѣется, — отозвалась маркиза; — поэтому, когда, не взирая на мои предупрежденія, вы отказались сократить расходы, я не насилвала вашей воли. Но теперь чтѳ рассчитываете вы дѣлать?

Маркизъ призадумался. Ну, чтѳ же? Онъ откажется отъ англійской коляски, которую собирался выписать, и отъ новой своры, предлагаемой г. де-Жаларюкъ по дешевой цѣнѣ. На это маркиза отвѣтила, что не входитъ въ новыя издержки—еще не значитъ сократить расходы.

Луи-Ликургъ нахмурился-было, но затѣмъ его лицо прояснилось.

— Для чего же существуютъ ростовщики, маркиза? За львинный процентъ они охотно дадутъ намъ денегъ.

Маркиза пожала плечами.

— Изъ какого другого источника могла я черпать суммы для удовлетворенія вашихъ прихотей? Знайте, что ваши владѣнія на три четверти ихъ стоимости заложены, и что въ Бордо и въ Перигѣ не найдется заимодавца, который бы ссудилъ вамъ сотню эю.

— Почему бы намъ не жить въ долгъ? Прилично ли платить за все наличными, какъ это дѣлаютъ буржуа? Я выдамъ поставщикамъ росписку, и они съ удовольствіемъ подождутъ уплаты года два-три, приписавъ, разумѣется, за это время много лишняго къ моимъ счетамъ.

— Сынъ мой,—возразила маркиза,—знайте, что кромѣ поземельнаго долга, у васъ имѣется неотложныхъ долговъ на сорокъ тысячъ эю, и поставщики, удостоенные вашимъ довѣріемъ, не только не собираются оказывать вамъ кредитъ, но намѣрены преслѣдовать васъ судомъ.

Маркизъ съ изумленіемъ глядѣлъ на мать. Ему не пришло въ голову спросить ее: почему она не предупредила его ранѣе? Но солнце вдругъ показалось ему менѣе яркимъ, а черное платье маркизы—еще чернѣе. Онъ горестно вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ, намъ остается покориться судьбѣ и жить съ самою строгою бережливостью.

— Какъ, сынъ мой?—насмѣшливо воскликнула маркиза:—неужели вы умѣете только гнуть спину передъ бѣдою, и позволите затемниться блеску вашего дома, съ трудомъ восстановленному вашимъ отцомъ?

При имени отца лицо юноши вспыхнуло, и онъ воскликнулъ:

— Укажите мнѣ врага, съ которымъ я могъ бы сразиться, и я не посрамлю нашъ родъ, но умъ мой теряется въ соображеніяхъ... я не вижу иного исхода, кромѣ смерти...

Маркиза внутренно порадовалась, и когда юный маркизъ схватился обѣими руками за голову, позабывъ о своей прическѣ, она, кинувъ взглядъ въ сторону аббата, продолжала смягченнымъ тономъ:

— Дѣло не въ битвѣ, не въ смерти, я сказала бы даже—наоборотъ... Спасеніе—вблизи. Вамъ стѣдуетъ лишь протянуть къ нему руку.

— Въ чемъ же оно?—проговорилъ взволнованный маркизъ.

— Въ бракѣ.

Молодой человекъ задумался, — это предложеніе показалось ему невѣроятнымъ, но послѣ нѣкотораго размышленія онъ проговорилъ:

— Не скрою отъ васъ, маркиза, что я сильно изумленъ. Моя юность позволяла мнѣ надѣяться, что вы не потребуете отъ меня такъ рано подобной жертвы. Не знаю, способенъ ли я наложить на себя узы, крайне тяжелыя для меня, о чемъ извѣстно г. аббату. Предчувствую, что пылкость моихъ чувствъ едва ли дозволитъ мнѣ сохранить должную вѣрность той, которая будетъ носить мое имя.

— Сынъ мой, — сказала маркиза, — подобныя колебанія дѣлаютъ вамъ честь, и я огорчилась бы, если бы ихъ не было. Но позвольте мнѣ напомнить вамъ, что люди знатнаго рода вступаютъ въ бракъ ранѣе простыхъ людей, для того, чтобы оставить, въ случаѣ преждевременной кончины, наследника имени. Наконецъ, мнѣ достаточно извѣстно благородство вашей души, и я знаю, что, поклявшись въ вѣрности будущей маркизѣ де-Мигюракъ, вы пожелаете сдержать вашу клятву. Если же впоследствии воля ваша ослабѣетъ, и голосъ плоти окажется сильнѣе, это будетъ случайностью — весьма прискорбною, конечно, но — увы! — слишкомъ обычной въ высшемъ кругу! Она не сможетъ затронуть вашу честь, если только вы покаетесь въ ней и получите отпущеніе грѣховъ. Не такъ ли, аббатъ? — обратилась она въ толстяку.

Аббатъ Жуанъ какъ-то неопредѣленно качнулъ головою; припадокъ кашля помѣшалъ ему яснѣе выразить свое мнѣніе. Маркиза, удовольствовавшись этимъ, обернулась къ сыну, продолжавшему молчать.

— Въ концѣ концовъ, я не желаю принуждать васъ, сынъ мой. Быть можетъ, вы сами найдете какой-нибудь другой исходъ изъ затрудненій?

Тѣмъ временемъ, маркизъ, еще не побѣдивъ своего нежеланія, уже перечислялъ мысленно знакомыхъ ему благородныхъ дѣвицъ, соображая: которая изъ нихъ была бы самою подходящею маркизою? Мысль его остановилась на подругѣ его дѣтства — Алинѣ де-Пертюизо; сразу повеселѣвъ, онъ объявилъ, что, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ согласенъ съ доводами матери, и что Алина де-Пертюизо...

Но маркиза прервала его. У прекрасно воспитанной дѣвицы де-Пертюизо имѣется приданое всего въ пятьдесятъ тысячъ, которое пойдетъ на уплату неотложныхъ долговъ. На какія же деньги выкупить помѣстье и продолжать достойный образъ жизни?

Луи-Ликуржъ не настаивалъ. Маркиза, произведя смотръ всѣмъ

наличнымъ невѣстамъ, забрала ихъ съ болѣею строгостью, чѣмъ королевскій вербовщикъ—солдатъ. Когда она остановилась, чтобы перевести духъ, маркизъ проговорилъ со смѣсько ироніи и любопытства:

— Въ какую же дверь вы прикажете мнѣ постучаться? Если вы отвергли столькихъ невѣстокъ, то вѣроятно у васъ уже есть на примѣтѣ своя?

Г-жа де-Мигюракъ сосредоточилась, опустила глаза, подняла ихъ и, глядя поверхъ головы сына на раму зеркала, проговорила твердо:

— Матрѣ Мориссо, сборщикъ пошлинъ въ Бордо, бывший въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вашимъ отцомъ, обладаетъ состояніемъ, которое, по самымъ скромнымъ расчетамъ, равняется двумъ милліонамъ. У него есть дочь, которую онъ желалъ бы выдать за...

Молодой человѣкъ такъ подскочилъ на брелѣ, что дерево затрещало и у засыпавшаго уже аббата вырвался крикъ ужаса.

— Неужели вы желаете, чтобы Мигюракъ вступилъ въ бракъ съ дочерью какого-то обирала?

Маркиза небрежно играла кружевомъ своего платья; она дала сыну излить его негодованіе, а затѣмъ въ мягкой, врадливой рѣчи согласилась съ тѣмъ, что неравный бракъ, конечно, нежелателенъ, хотя и самъ король Франціи раздѣлилъ однажды ложе съ дочерью флорентинскаго ювелира. Но вопросъ сводился вотъ къ чему: лучше ли для древняго дома угаснуть навсегда, или допустить, чтобы блескъ его возродился, при помощи плейбейской крови? Безъ сомнѣнія, будь маркизъ Анри въ живыхъ, онъ, считавшій всѣхъ людей равными, отнесся бы одобрително къ подобному плану. Въ заключеніе маркиза извинилась за свою разсѣянность: она позабыла сказать, что торговецъ лошадьми получилъ отъ суда въ Бордо исполнительный листъ, по которому онъ черезъ три мѣсяца имѣетъ право назначить къ продажѣ замокъ и конюшни, если счетъ его останется неуплаченнымъ.

Напрасно Луи-Ливургъ пробовалъ протестовать и возмущаться. Наконецъ, глубоко вздохнувъ, онъ спросилъ маркизу: видѣла ли она молодую дѣвушку?

Г-жа де-Мигюракъ достала осыпанный алмазами медальонъ и подала его сыну, который, несмотря на досаду, не безъ удовольствія взглянулъ на хорошенькое, съ привлекательнымъ выраженіемъ, личико. Видя, что лицо его смягчилось, маркиза торжественно сказала:

— Дѣвица Изабелла Мориссо получила прекрасное образованіе

въ монастырѣ благородныхъ дамъ *Sœur de Marie*. Я еще не сказала вамъ, что ея приданое равняется тремъстамъ тысячъ эку, и кромѣ того, цѣня столь блестящій бракъ, мѣтръ Мориссо обѣщаетъ уплатить всѣ текущія ваши долги и выкупить земли.

Луи-Ликургъ посмотрѣлъ на аббата, на мать свою, на медальонъ и потомъ— снова на аббата.

— Что вы скажете объ этомъ, г. Жуанъ?

Аббатъ энергично задвигалъ шеей, и можно было думать, что онъ скажетъ нѣчто важное, но упорный припадокъ кашля прервалъ его на полусловѣ. Окинувъ его строгимъ взглядомъ, маркиза обратилась къ сыну.

— Васъ удивитъ одно обстоятельство. Эта дѣвица, на которую вы обратили вниманіе во время танцевъ у г-жи де-Блиньи, безъ ума отъ вашего лица и осанки. Ей семнадцать лѣтъ.

Луи-Ликургъ молчалъ. Изъ окна видѣлась роскошная зелень парка, лѣвое крыло замка, синее небо и праздничное солнце. Ему показалось ужаснымъ отречься отъ столькихъ благъ. Снова взглянувъ на портретъ дѣвицы Мориссо, онъ подумалъ, что будь она женою другого, онъ сталъ бы добиваться ея милостей; не глупо ли отказываться отъ нея только потому, что она вмѣстѣ съ любовью дастъ ему и крупное состояніе? И заключеніе его мыслей—очень сбивчивыхъ и смутныхъ—было таково:

— Хорошо, я повидаюсь съ нею.

Два мѣсяца спустя, въ кафедральномъ соборѣ города Бордо самъ архіепископъ благословилъ бракъ Луи-Ликурга, маркиза де-Мигюракъ, съ дѣвичествою Изабеллою Мориссо. Большая толпа народа, среди которой выдѣлялась вся мѣстная знать, тѣснилась въ храмѣ, желая принести поздравленіе новобрачнымъ, и зѣваки наперерывъ восхищались ихъ набожностью, граціей и великолѣпіемъ.

V.

На другой день послѣ свадьбы, г. де-Мигюракъ вынужденъ былъ отдать должное проникательности своей матери и сознаться, что она не обманула его относительно достоинствъ его жены. На радостяхъ по случаю такого блестящаго брака, мѣтръ Мориссо выказалъ большую щедрость, и не только уплатилъ долги зятя, какъ тотъ выразилъ на это желаніе—не торгуясь, чисто по-королевски, но кромѣ того подарилъ молодымъ на первое обзаведеніе шкатулку съ двадцатью тысячами эку.

Согласно ожиданіямъ маркизы, бракъ съ богатою наслѣд-

ницей придалъ ихъ дому новый блескъ. Молодой маркизъ не только могъ пріобрѣсти свору г. де-Жаларюкъ и выписать изъ Парижа экипажъ, но и вся обстановка его измѣнилась. Наряду съ устарѣвшею мебелью появились шкапчики Буля, лакированные, съ мѣдными инкрустаціями коммоды Мартэна, толстенькіе амурь, трюмо, эстампы, дорогія бездѣлушки. Старинное серебро пополнилось вещами удивительной работы; въ конюшняхъ заржали кровные кони, штатъ прислуги былъ удвоенъ; яркія пунцовыя ливреи съ галунами—привлекали почтительное вниманіе черни, возбуждая зависть обидѣвшей знати. Съ трехъ часовъ дня и до поздней ночи къ замку безостановочно подкатывали экипажи съ благородными дамами и кавалерами: обѣды, охоты, всевозможные балы—слѣдовали одинъ за другимъ, и зачастую свѣчи гасли лишь на разсвѣтѣ. Золото мэтра Мориссо лилось по-царски, но источникъ его еще не изсякъ, и добрякъ чувствовалъ себя вознагражденнымъ съ лихвою, сидя рядомъ съ потомками древнѣйшихъ фамилій, которымъ отецъ его служилъ, стоя за ихъ стуломъ во время подобныхъ празднествъ.

Что касается до молодой маркизы, то со стороны ея мужа было бы дурнымъ вкусомъ отрицать ея привлекательность и умѣнье, съ которымъ она исполняла обязанности хозяйки дома.

Дѣвица Изабелла Мориссо была въ расцвѣтѣ своихъ семнадцати лѣтъ не только бѣла, румяна, съ прекрасными глазами, въ которыхъ сіяло счастье и свѣтилась нѣжная скромность, присутствующая ея возрасту, но, будучи воспитана въ самомъ аристократическомъ заведеніи Бордо, она естественнымъ образомъ усвоила манеры знатной дамы, и пріобрѣла болѣе величавый видъ, чѣмъ большинство мѣстныхъ благородныхъ дѣвицъ, откармливаемыхъ какъ индюшки. Конечно, руки ея не были малы до смѣшного, и умъ ея, хотя весьма развитой, не былъ равенъ уму Скудери или Севинье, но въ мірѣ нѣтъ совершенства; зато любовь и уваженіе ея къ маркизу—были безграничны. Перваго свиданія съ нимъ было достаточно для того, чтобы она безумно полюбила обольстительнаго маркиза; она уже видала немало молодыхъ дворянъ, облизывавшихся на ея приданое, какъ котъ на сало; ея первоначальное пылкое желаніе сдѣлаться женою юнаго красавца, порожденное отчасти тщеславіемъ, вскорѣ перешло въ страстную любовь. Будучи любезнымъ по природѣ, г. де-Мигюракъ, не довольствуясь тѣмъ, что далъ ей свое имя, постоянно относился къ ней съ учтивостью и деликатностью, завоевавши сердце молодой женщины.

Польщенный обожаніемъ, выражавшимся въ ея взорахъ

ности. Ихъ свиданія только огорчали маркиза, чувствительная душа котораго не выносила картины принимаемыхъ имъ страданій. Съ другой стороны, видя, что она недостаточно цѣнитъ его деликатность, онъ естественнымъ образомъ пересталъ стѣсняться; чтобы не видѣть ея печальныхъ глазъ, онъ пріучился пить и возвращался въ замокъ лишь тогда, когда уже не бывалъ въ состояніи различать человѣческихъ лицъ. Но поутру, когда, проспавшись, онъ являлся къ маркизѣ, чтобы поцѣловать ея руку, онъ находилъ ее такою измученною, съ провалившимися, потухшими глазами, что сердце его разрывалось отъ угрызения совѣсти, и онъ желалъ одного: поскорѣе ухватить и искать забвенія въ новыхъ забавахъ.

Такимъ образомъ, согласно завѣренію аббата Жуанѡ, чувствительность Луи-Ликурга, вмѣсто того, чтобы сблизить—лишь сильнѣе разъединяла супруговъ; воспоминаніе о маркизѣ мѣшало ея супругу беззаботно предаваться удовольствіямъ, и его собутельники подшучивали надъ его мрачностью, не уступавшею вліянію виновныхъ паровъ. Дѣвчѣ легкаго поведенія боялись его почти настолько же, насколько онъ цѣнилъ его щедрость. Иногда въ разгаръ вакханаліи онъ вскакивалъ съ проклятіями, опрокидывая столъ съ посудой, расталкивалъ пирующихъ, угрожая шпагою всякому, кто бы вздумалъ его остановить, и, вскочивъ въ сѣдло, мчался опрометью къ замку. Сердце маркиза изошло бы кровью отъ горя и радости, еслибы она увидѣла его рыдающимъ на колѣняхъ передъ освѣщеннымъ окномъ, за которымъ плакала она сама, но чувство какой-то роковой утонченной стыдливости мѣшало ему постучаться въ это окно.

Какъ бы то ни было, продолжая обращаться съ полнымъ уваженіемъ съ тою, которая носила его имя, Луи-Ликургъ предался такому разгулу, что не только маркиза Олимпія, но и скромный аббатъ Жуанѡ, сочли должнымъ выразить ему неодобреніе. Аббату онъ посоветовалъ служить обѣдни, но въ бесѣдѣ съ маркизою онъ вошелъ въ неописанную ярость, сыпалъ проклятіями, какъ язычникъ, разбивалъ венеціанскій и саксонскій фарфоръ, громко крича, что все это—дѣло рукъ ея. Онъ такъ неистовствовалъ, что послѣ ихъ свиданія она часа два просидѣла на мѣстѣ, не раскрывая рта. Что касается молодой маркизы—на нее жалъ было смотрѣть: до того она худѣла и блѣднѣла, все болѣе уходя въ дѣла благотворительности, въ которыхъ ей помогалъ добросердечный аббатъ Жуанѡ. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, она послѣдовала бы примѣру большинства дамъ: или отплатила бы ударомъ за ударъ, избравъ себѣ возлюб-

леннаго, или, быть можетъ, мужъ окончательно вернулся бы къ ней, но неожиданное обстоятельство, случившееся года черезъ три послѣ ихъ свадьбы, повлекло за собою важныя перемѣны, устранивъ обѣ эти возможности.

Однажды маркизу вздумалось задать всей окрестной знати достойный его имени пиръ. Хотѣлось ли ему повеселиться, или отвлечь маркизу отъ горестныхъ мыслей? Желалъ ли онъ предстать въ полномъ блескѣ передъ г-жею де-Солеттъ, пикантною блондинкою съ живыми глазами и многообъщающею улыбкою, предметомъ его усиленныхъ ухаживаній? Какъ бы то ни было, но въ продолженіе цѣлой недѣли обойщивы изъ Бордо украшали обширные покои замка, садовники посыпали пескомъ аллеи, а на кухню въ громадномъ количествѣ доставлялись припасы и лабомаства.

Въ назначенный день отлакированныя заново кареты доставили къ парадному, ярко освѣщенному подъѣзду цвѣтъ мѣстной знати; разряженные въ бархатъ, атласъ и кружева, сіяющіе драгоценностями, гости поднялись по обтянутой краснымъ дамъ лѣстницѣ, между двумя рядами лакеевъ въ красныхъ съ золотомъ камзолахъ и бѣлыхъ лосинахъ. Наверху ихъ привѣтствовали съ изысканною любезностью маркизъ—очень стройный, въ пунцовомъ камзолѣ и жилетѣ изъ свѣтло-сѣраго атласа, шитомъ краснымъ полкомъ и золотомъ, и маркиза, воздушную красоту которой отбѣняло бѣлое атласное платье, вышитое розами на золотыхъ стебляхъ; низко вырѣзанный корсажъ открывалъ ея нѣжныя плечи, а саксонскія кружева драпировали руки до локтей.

Послѣ изумительнаго угощенія, на которомъ фигурировали паштеты изъ Страсбурга и Перигё, пуляреи изъ Ренна, бекасы изъ Домба и колоссальный тортъ *à la frangirape*, звуки гармоническаго оркестра, составленнаго изъ скрипокъ, гобоевъ и клавирина, пригласили гостей прослѣдовать въ танцевальную залу, гдѣ маркизъ предложилъ г-жѣ де-Солеттъ руку для менуэта, причемъ его визави были маркиза и герцогъ де-Ревиньи. Очень блѣдная, г-жа де-Мигюракъ, тѣмъ не менѣе, улыбалась, хотя ея женское чутье, а также репутація и дерзкій видъ ея соперницы, ясно говорили ей, кто была царица праздника.

Затѣмъ танцы сдѣлались общими; веселость хорошаго тона царица въ салонахъ, многочисленныя зеркала которыхъ до безконечности отражали въ себѣ танцующія пары.

Испуганнымъ и робкимъ взоромъ Изабелла противъ воли искала маркиза, но въ водоворотѣ пестрой толпы она не могла услѣдить за нимъ. Горькая тоска овладѣла ею среди разгара

празднества; она побоялась лишиться чувствъ отъ волненія и жары и принялась искать въ своемъ ридикюлѣ флаконъ цѣлебныхъ капель, но камеристка забыла его положить. Маркиза вспомнила, что оставила его въ своей комнатѣ; никого не безпокоя, она безшумно выскользнула изъ залы и поднялась по лѣстницѣ, надѣясь среди прохлады и тишины придти въ себя.

Подойдя къ спальнѣ, она съ изумленіемъ замѣтила лучъ свѣта и, отворивъ дверь, замерла на мѣстѣ при видѣ представившагося ей зрѣлища. Оправляя пѣскоро прическу и платье, передъ нею убѣгала женщина, въ которой она узнала г-жу де-Солеттъ, между тѣмъ какъ красный и сконфуженный маркизъ смотрѣлъ на нее, стараясь сохранить присутствіе духа. Наконецъ, онъ заговорилъ съ нею вѣжливо и ласково, какъ говорить съ малолѣтними:

— Позвольте предложить вамъ руку, маркиза, и вѣрьте...

Но она не слушала его. Невольнымъ движеніемъ она указала на бѣлую съ багдахиномъ изъ голубого дамѣ кровать, украшенную гирляндами и амурами, свидѣтелями ихъ молодой любви, и промолвила очень тихо, упавшимъ голосомъ и съ выраженіемъ безконечной тоски:

— О, Луи, Луи... Чувство чести и человѣколюбія...

Но тутъ силы оставили ее, она безъ чувствъ упала на полъ.

Маркизъ бросился къ ней, поднялъ ее и положилъ на бержерку. Взволнованный, онъ провелъ рукою по лбу и замѣтилъ ея исхудалыя щеки и запекшіяся губы. И вдругъ онъ прошепталъ: •

— Я негодѣй!

Подбѣжавъ къ двери, онъ крикнулъ:

— Эй, кто-нибудь! Маркизъ дурно!

И онъ, какъ безумный, выбѣжалъ въ коридоръ.

Узнавъ о нездоровьи маркизы, гости потребовали, чтобы имъ подали кареты, но напрасно желали они проститься съ хозяиномъ; маркиза Олимпія извинилась за него, выставивъ предлогомъ его исключительную любовь къ женѣ, не позволяющую ему покинуть ее.

Послѣ шумнаго разѣзда, сопровождаемаго криками кучеровъ, ржаніемъ лошадей, звяканьемъ сбруи, рѣшетчатыхъ воротъ затворились, свѣчи погасли и въ замкѣ водворилась тишина.

Тѣмъ временемъ Луи-Ливургъ съ потрясенною душою блуждалъ по глухимъ аллеямъ парка, по зарослямъ и оврагамъ, гдѣ репейникъ рвалъ его платье. Онъ останавливался, хватался обѣими руками за голову и раздражался рыданіями. Слова его жены

напомнили ему предсмертные завѣты маркиза Анри; предъ нимъ сразу словно разорвалась какая-то завѣса, и онъ увидѣлъ себя обезпеченнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Не только онъ преступилъ волю отца и не сдержалъ своей клятвы, но нарушилъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, и худшею его виною была измѣна невинному и благородному существу: онъ воспользовался ея состояніемъ, обрекъ ея слезамъ и поруганію, и наконецъ нанесъ ей худшее оскорбленіе въ томъ мѣстѣ, которое должно было бы почитаться имъ священнымъ.

Сидя съ непокрытою головою и растрепавшимися волосами на копѣ сѣна и не замѣчая ночной росы, маркизъ былъ весь погруженъ въ свою скорбь. Виновный въ подобномъ оскорбленіи, онъ не могъ болѣе показаться на глаза маркизѣ и принимать ея милости; — это было бы гнусно. Итакъ, онъ вернулся къ себѣ, переодѣлся въ дорожный костюмъ изъ толстаго коричневаго сукна, уложилъ въ мѣшокъ нѣсколько смѣннъ бѣлья, туалетный приборъ, кошелекъ наполовину полный, двѣ-три драгоценности, оставшіяся ему послѣ отца, а также—пистолетъ. Затѣмъ, сѣвъ за столъ, онъ написалъ твердымъ почеркомъ:

„Маркиза!

„Ужась, наполняющій грудь мою при мысли объ оскорбленіяхъ, мною вамъ нанесенныхъ,—такъ великъ, что для выраженія его у меня недостаетъ словъ. Вся моя кровь не можетъ искупить пролитыхъ вами по моей милости слезъ. Для подобнаго грѣха не можетъ быть ни раскаянія, ни прощенія. Святая и благородная женщина, такъ какъ Провидѣніе поздно открыло мнѣ глаза, я хочу совершить единственное доступное мнѣ искупленіе, освободивъ васъ отъ лицезрѣнія недостойнаго предмета. Когда вы прочтете это послѣднее „прости“, я навсегда покину замокъ, унося съ собою неизгладимое воспоминаніе о вашихъ добродѣтеляхъ и стыдъ за то, что я не сумѣлъ ихъ оцѣнить. Будучи палачомъ вашей нѣжной души, я воспрещаю себѣ испрашивать у васъ прощенія; будучи расточителемъ вашего имущества, котораго я не могу возвратить вамъ, я, по крайней мѣрѣ, не доволю себѣ воспользоваться остатками его. Все, что я имѣю—такова моя воля—принадлежитъ вамъ. Вамъ, маркиза де-Мигюракъ, я вручаю честь моего имени. Пусть судьба ниспослетъ вамъ другого, болѣе достойнаго васъ возлюбленнаго. Пусть шпага нѣмецкаго улана поскорѣе отниметъ жизнь у этого сердца, не смогшаго подняться на равную съ вашимъ высоту, но въ которомъ сохранится навѣки ваше имя, имя добродѣтели и красоты.—Вашъ недостойный слуга Луи-Ливургъ“.

Перечитавъ письмо и найдя его безупречнымъ со стороны стили, маркизъ ощутилъ облегченіе. Онъ запечаталъ его печатью съ гербомъ маркизовъ де-Мигюракъ, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, безшумно отворилъ тяжелую входную дверь и прошелъ на конюшню. Тамъ онъ выбралъ сильнаго коня темно-рыжей масти, собственноручно осѣдлалъ его, приторочилъ свой мѣшокъ и, вскочивъ въ сѣдло, выѣхалъ на аллею. У воротъ онъ оглянулся, обвелъ прощальнымъ взоромъ зеленый куполъ симметрично подстриженныхъ деревьевъ, башни замка, цвѣтущій садъ, отдаленныя строенія фермъ... Все это уже озарялось первымъ сіяніемъ зари, и звѣзды гасли въ нѣжной лазури небесъ.

Осенніе листья трепетали отъ предутренняго вѣтерка, птицы пробуждались въ гнѣздахъ. Луи-Ливургъ отеръ слезу, послалъ рукою поцѣлуй и сказалъ:

— Природа, уроковъ твоихъ я не сумѣлъ понять, — даруй успокоеніе той, кого я не сумѣлъ любить.

Затѣмъ, давъ шпоры коню, онъ рысью поѣхалъ по дорогѣ, ведущей въ Пуатье, и черезъ какую-нибудь милю морщины на его лбу изгладились. Онъ выпрямился въ сѣдлѣ, и копыта воня отбивали тактъ гривуазной пѣсенки, которую онъ напѣвалъ. Онъ вспомнилъ г-жу де-Солеттъ за клавиномъ; сдѣлавъ объѣздъ, онъ могъ бы проститься съ нею. Но воспоминаніе о его гнусностяхъ заставило его съ ужасомъ отказаться отъ такой мысли, несомѣстной съ искупленіемъ.

Онъ достигъ вершины склона близъ деревушки Кастельмаронъ, въ двухъ миляхъ отъ Мигюрака. Обернувшись, онъ могъ еще различить громаду отцовскаго замка, исчезнувшую среди деревьевъ. Маркизъ привѣтствовалъ ее широкимъ движеніемъ руки и, пришпоривъ воня, помчался подъ гору.

VI.

Г. де-Мигюракъ любилъ рассказывать впослѣдствіи, что три недѣли, которыя онъ провелъ въ дорогѣ, отправляясь въ Парижъ, были одними изъ наиболѣе интересныхъ въ его жизни. Освобожденный отъ угрызений совѣсти громадностью принесенной имъ жертвы и изгнаніемъ, на которое онъ добровольно обрекъ себя; чуждый всякихъ заботъ, онъ радостно отдавался новымъ впечатлѣніямъ. Хотя жизнь его была уже богата событіями, не слѣдуетъ забывать, что ему пошелъ всего двадцать-первый годъ и онъ еще ни разу не выѣзжалъ изъ своей провинціи. Онъ не за-

мѣчалъ, насколько жестки были постели и жаркое въ гостиницахъ и мало аппетитны служанки, заигрываніями которыхъ онъ не пренебрегалъ: пороку онъ готовъ былъ смотрѣть на все это какъ на вѣчто, связанное съ его искупленіемъ. Не станемъ подробно описывать его приключенія. Успѣвъ намовнуть подъ дождемъ и поджариться на солнцѣ, переночевавъ въ двухъ дюжинахъ гостинницъ, испытавъ на себѣ алчность хозяевъ и любезность служанокъ, едва не попавъ въ лапы разбойниковъ, двоихъ изъ которыхъ онъ уложилъ на мѣстѣ, маркизъ де-Мигюракъ — загорѣлый, въ полинявшемъ костюмѣ, но съ прежнимъ надменнымъ видомъ—въѣхалъ въ Парижъ на своемъ конѣ темно-рыжей масти. Былъ теплый ноябрьскій вечеръ; съ мутно-свинцоваго неба падалъ мелкій дождь на грязную землю, на которой образовалась масса темныхъ лужъ.

Слѣдуя совѣту какой-то дѣвицы изъ Орлеана, маркизъ продолжалъ цѣлою сѣтью зловонныхъ переулковъ къ улицѣ Trousses-Vache, гдѣ въ кривомъ зданіи, именуемомъ гостинницею „Цвѣтущаго Кролика“, ему отвели за одно эю комнату, съ слуховымъ окномъ и соломеннымъ матрацемъ; продовольствіе входило въ тотъ же счетъ.

Полный любовательности, маркизъ посвятилъ первые дни на ознакомленіе со столицею, превзошедшею его ожиданія.

Соборъ Парижской Богоматери, Лувръ, бульвары, моргъ, гдѣ выставляютъ утопленниковъ, извѣстество экипажей, великолѣпіе аристократическихъ отелей, блескъ нарядовъ, красота женщинъ, громадность города и дѣятельная жизнь, кипѣвшая въ немъ,—все повергало его въ восторгъ.

Несмотря на нежеланіе прослыть провинціаломъ, онъ останавливался иногда, пораженный новизною зрѣлища, и обращался съ какою-нибудь любезностью къ женщинѣ, къ великому удовольствію зѣваекъ и неудовольствію мужей, приводя въ смущеніе тѣхъ и другихъ однимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ.

Къ концу мѣсяца г. де-Мигюракъ замѣтилъ однако, что его кошелекъ пустѣеть, хотя онъ уже продалъ одну изъ драгоценностей отца. Тогда онъ вспомнилъ то, о чемъ забылъ на поворотѣ дороги близъ деревушки Кастельмаронъ, а именно—о своемъ намѣреніи поступить на службу короля. Итакъ, онъ приказалъ мальчишкѣ хорошенько почистить его платье и коня, и на слѣдующій же день, несмотря на сильный холодъ, онъ отправился въ Версаль, чтобы представиться монарху и изложить ему свою просьбу.

Онъ былъ немало пораженъ оживленіемъ, царившимъ на

дорогѣ. Его поминутно обгоняли или встрѣчались ему пѣшеходы, всадники, собственные и почтовые кареты, уносившія въ Версаль пеструю толпу придворныхъ, просителей и любопытныхъ.

Торжественное великолѣпіе Версаля, ширина аллея, обиліе солдатъ во всевозможныхъ мундирахъ, съѣздъ экипажей—поразили его, и вся видѣнная имъ до сихъ поръ роскошь—показалась ему жалкою.

Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшительно направился въ воротамъ дворца и собирался вѣхаться въ нихъ, когда колоссальнаго роста раззолоченный швейцарецъ заградилъ ему путь, спросивъ его: что ему нужно, и не думаетъ ли онъ, что во дворецъ входятъ такъ же, какъ на мельницу?

Хотя кровь бросилась ему въ лицо, г. де-Мигюравъ учтиво отвѣтилъ, что желаетъ видѣть короля. Швейцарецъ, усмѣхнувшись при видѣ его носа, покраснѣвшаго съ холоду, запыленнаго костюма и коня, видѣ котораго, говоря по правдѣ, былъ неблистателенъ, грубо отвѣтилъ, что онъ долженъ сперва подать прошеніе на имя его величества, и притомъ — позаботиться о рекомендательной припискѣ, такъ какъ ежедневно выбрасываются въ корзину четыреста или пятьсотъ подобныхъ прошеній.

Дерзость грубіяна была такова, что маркизъ едва не задохнулся отъ гнѣва, и еслибы ему не пришла на память мысль объ искупленіи, онъ вѣроятно рѣшился бы на какой-нибудь отчаянный поступокъ. Теперь же онъ ограничился тѣмъ, что глубоко вздохнулъ и смѣрилъ его съ головы до ногъ такимъ взглядомъ, что тотъ попытался и положилъ руку на эфесъ шпаги, болтавшейся у него сбоку.

Маркизъ часто повторялъ впоследствии, что съ этого дня онъ позналъ всю зловредность неограниченной власти и преступность политическаго режима, при которомъ монархъ живетъ вдаль отъ своихъ подданныхъ, подъ охраною опьяненныхъ успѣхомъ избранниковъ, удаляющихъ отъ него любовь народную и не допускающихъ его до ознакомленія съ народными нуждами. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что величіе королевскаго престожа произвело на него въ тотъ же день большое впечатлѣніе. Привязавъ свою лошадь, онъ замѣтилъ боковой входъ, у котораго толпилась масса народа, и узнавъ, что всѣ они желаютъ посмотреть на обѣдъ короля, онъ принялся такъ энергично дѣйствовать локтями, что скоро оказался въ первомъ ряду зрителей. Такимъ образомъ онъ могъ разглядѣть Людовика XV лицомъ въ лицу. Король сидѣлъ одинъ за столомъ, убраннымъ серебромъ, великолѣпіе котораго превосходило все, что можно было себѣ

представить. Нарядъ его не отличался особенною роскошью, но лицо было чисто королевское — съ красивыми, правильными чертами. Знатные дворяне, со шпагою на боку, подносили ему блюда. Когда, по окончаніи обѣда, онъ всталъ изъ-за стола, его спокойный взглядъ остановился на молчаливой толпѣ, и хотя въ это время семилѣтняя война уже навлекла на Францію много бѣдствій и успѣла возбудить неудовольствіе, выходъ короля сопровождался восторженнымъ шопотомъ.

У чувствительнаго маркиза навернулись слезы на глазахъ, и онъ сказалъ себѣ, что можно отдать жизнь за этого монарха, такъ хорошо умѣющаго обѣдать; любопытно, однако, насколько успѣлъ остыть впослѣдствіи его энтузіазмъ, если въ брошюрѣ подъ названіемъ „Безуміе Геліогабала безъ маски“ онъ сравниваетъ Людовика XV съ гнуснѣйшими деспотами.

Г. де-Мигюракъ вернулся изъ Версаля съ чувствомъ глубокаго разочарованія. Хотя древность рода давала ему право разѣзжаться въ королевскихъ каретахъ и у отца его имѣлись связи при дворѣ, гордость не позволяла ему явиться къ кому-нибудь въ столь жалкомъ видѣ. Не обращаясь ни къ кому за рекомендаціей, онъ десятками посылалъ прошенія на имя короля, дофина, маркизы Помпадуръ, герцога Ришельё, маркиза де-Контадъ, принца де-Субизъ, и цѣлый мѣсяцъ очень удивлялся, ни отъ кого не получая отвѣта. Требованія его уменьшались: сначала онъ просилъ полкъ, затѣмъ — роту, и наконецъ уже просто — назначенія его корнетомъ или прапорщикомъ. Продавъ постепенно все свое имущество — отъ коня до фальшиваго рубина, терпя голодъ и холодъ, онъ пришелъ, въ концѣ концовъ, къ убѣжденію, что ему остается или вернуться въ Мигюракъ, или покончить съ собою, и, предпочитая послѣднее, онъ сытно поужиналъ на послѣднее эку, хорошо выспался, а поутру, прельщенный весеннимъ днемъ, рѣшилъ предпринять послѣднюю прогулку вдоль Сены, съ тѣмъ, чтобы утопиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода осязается чище. Близъ Отѣйля онъ созерцалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ прозрачную рѣку, и, пославъ мысленно послѣдній привѣтъ женѣ, матери, аббату и всѣмъ дѣвицамъ, украсившимъ его жизненный путь, онъ воскликнулъ, припоминая кончину отца:

— Природа, прими мой послѣдній вздохъ и мое тѣло!

Но такъ какъ маркизъ не былъ убѣжденнымъ атеистомъ, онъ прочелъ „Ave“ и „Pater“, покаялся въ грѣхахъ, и затѣмъ, перекрестившись, кинулся въ рѣку.

Какъ только въ ухахъ у него зашумѣла вода, дыханіе пре-

сбѣлосъ, а ноги воснулись дна рѣки, онъ могучимъ усиленіемъ снова выплылъ на поверхность и съ наслажденіемъ вдохнулъ воздухъ, но тутъ же, вспомнивъ о своемъ рѣшеніи, опять собрался нырнуть, какъ вдругъ до него долетѣли чьи-то крики. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ молодую, стройную женщину въ бѣломъ передникѣ, отчаянно махавшую руками.

— Спасите, ради Бога, спасите его!

Она указывала на что-то черное, барахтавшееся въ водѣ. Маркизь подумалъ, что хотя онъ и собрался умереть, но было бы неучтиво отказать молодой женщинѣ въ ея просьбѣ; подплывъ къ собачкѣ, онъ ухватилъ ее одною рукою за шиворотъ и, выйдя на берегъ, предсталъ предъ незнакомкою, смотрѣвшею на него какъ на тритона.

— Сударыня, — проговорилъ онъ, — вотъ ваша собачка. Со-вѣтую вамъ лучше смотрѣть за нею.

Затѣмъ, поклонившись, онъ снова направился къ рѣкѣ, но она проницательно закричала:

— Ради всего святого, милостивый государь, что вы хотите сдѣлать?

Молодая женщина, казавшаяся субреткою изъ хорошаго дома, схватила его за руку. Онъ учтиво отвѣтилъ, что намѣренъ утопиться, что ему очень холодно и онъ не можетъ терять времени, но тутъ отъ вліянія ли солнца или проглоченной воды, оттого ли что съ прошлаго вечера онъ ничего не ѣлъ, голова у него закружилась, и онъ растянулся ничкомъ на землѣ.

Когда маркизь пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ бѣлыя и розовыя облака въ лазурномъ небѣ, весьма легко одѣтыхъ нимфъ, толстыхъ амуровъ верхомъ на бабочкахъ, направлявшихъ свои стрѣлы въ полногрудыхъ нимфъ. Быть можетъ, онъ счелъ бы себя перенесеннымъ въ рай богини Цитеры, еслибы не увидѣлъ по одну сторону богатой кровати безобразнаго человѣка, въ которомъ сразу узналъ доктора, а по другую — свою незнакомку, тревожно склонившуюся надъ нимъ. Рука ея лежала на подушкѣ, и маркизь воснулъ ея губами. Она вскрикнула, а у доктора свалились съ носа очки.

— Какъ я рада, что вы живы, сударь! — воскликнула она и прибавила: — Сударыня, пожалуйста взглянуть на нашего утопленника!

Вошла молодая красавица въ газовомъ, сильно декольтированномъ платьѣ, при видѣ которой маркизь едва не лишился чувствъ вторично. Она держала на рукахъ собачку, лаемъ выражавшую ему свою признательность, и, прижимая ее къ себѣ, проговорила съ плѣнительною улыбкою:

— Какъ мнѣ благодарить васъ, милостивый государь, за то, что вы спасли отъ смерти это сокровище?

— Сударыня, — отвѣтила маркизъ, — такъ какъ я не могу надѣяться занять мѣсто этого животнаго, я попрошу васъ дать мнѣ пообѣдать.

Черезъ нѣсколько времени, переодѣтый и отдохнувшій маркизъ рассказывалъ свои похождения очаровательной хозяйкѣ, оказавшейся mademoiselle Хлорисою, оперною танцовщицей. Судьбѣ угодно было, чтобы у нея былъ другъ—любезный шестидесятилѣтній г. де-Монтрѣйлъ, снаряжавшій въ данную минуту полкъ. М-ле Хлориса, которой онъ ни въ чемъ не могъ отказать, горячо рекомендовала ему нашего героя, и недѣлю спустя послѣ попытки на самоубійство, маркизъ покидалъ гостепримный домъ съ патентомъ корнета въ карманѣ и съ пятьюстами экю—подаркомъ г. де-Монтрѣйлъ сыну его стараго пріятеля. Кромѣ этого, на пальцѣ правой руки маркиза красовался бриллиантовый перстень—даръ m-ле Хлорисы, а лѣваѣ его рука украсилась колецкомъ съ жемчужиной, полученнымъ на память отъ m-ле Миретты, ея камеристки. Впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что однимъ изъ доказательствъ въ пользу неисповѣдимой благодати Провидѣнія онъ считаетъ свою попытку на самоубійство, окончившуюся спасеніемъ собачки m-ле Хлорисы и поступленіемъ его на службу короля.

Полкъ, въ который маркизъ де-Мигюракъ поступилъ корнетомъ, былъ отправленъ на Рейнъ съ тѣмъ, чтобы воевать подъ знаменами герцога де-Субизъ противъ ганноверской арміи. Маркизъ, покидая Парижъ, жаждалъ славы и сраженій; онъ не сомнѣвался, что черезъ нѣсколько недѣль онъ получитъ, въ ожиданіи маршальскаго жезла, эполеты лейтенанта.

Война рисовалась ему не только въ видѣ священной обороны государства, но и въ видѣ благородной военной „игры“ между двумя въ равной мѣрѣ благородными и славными противниками: чѣмъ-то вродѣ поединка, послѣ котораго примирившіеся враги пьютъ за здоровье другъ друга.

Поведеніе и рѣчи офицеровъ еще болѣе утверждали его въ этомъ мнѣніи; во время движенія войскъ по Вестфаліи они только и дѣлали, что вутили и развлекались съ женщинами, а по прибытіи въ мѣсту стоянки положеніе мало измѣнилось. Въ этой избранной средѣ г. де-Мигюракъ скоро утратилъ остатки своего провинціализма и сдѣлался образцовымъ офицеромъ, проводящимъ ночи за игрою въ ландскнехтъ, щепетильнымъ въ вопросахъ чести, умѣющимъ ловко занимать деньги въ долгъ безъ

отдачи, ухаживать за нѣмками и колотить склонныхъ къ подозрительности мужей. Тутъ впервые маркизу стало ясно, до какой степени служба королю—дворянское дѣло: онъ могъ дать полный просторъ зарождавшимся въ немъ съ шестнадцати лѣтъ аристократическимъ влеченіямъ, среди которыхъ игра, женщины и вино занимали первенствующее мѣсто.

Къ сожалѣнію, сраженія далеко не оправдали своей репутаціи въ глазахъ маркиза; о рукопашныхъ схваткахъ не было и помину. Послѣ форсированныхъ маршей, обходовъ и отступленій приходилось стоять въ жидкой грязи подъ артиллерійскимъ огнемъ противника и отстрѣливаться отъ него. Единственнымъ занятіемъ офицеровъ было шутить и слѣдить другъ за другомъ: не моргнетъ ли кто-нибудь изъ нихъ или не склонить ли голову при видѣ летящаго ядра? Маркизь скоро видѣлся тѣмъ изумительнымъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ, сидя на ящикѣ, чистилъ ногти или сдувалъ соринки съ своего рукава. Онъ волновался лишь въ ту минуту, когда близъ него падалъ, обливаясь кровью, человекъ; ему вспоминались слова отца о братствѣ между людьми, и онъ приказывалъ скорѣе перенести раненаго въ лазаретъ. За такое челоуѣколюбіе онъ подвергался сначала насмѣшкамъ товарищей, но, въ виду малой склонности его къ долготерпѣнію и острой шпаги, его скоро оставили въ покоѣ.

Но дни сраженій были рѣдки, и за ними часто слѣдовало очищеніе позицій, именуемое „стратегическимъ отступленіемъ“, когда войска бѣжали въ безпорядкѣ, бросая раненыхъ, палатки и обозы. Хотя германскіе принцы и считались нашими союзниками, но неудачи французовъ преисполняли ихъ радостью, и жители насмѣшливо глядѣли на отступающихъ. Офицеры, исполнившіе свой долгъ, мирились съ неуспѣхомъ.

Въ этой однообразной и не принесшей славы войнѣ маркизу однажды удалось отличиться. Желая перейти въ наступленіе, герцогъ де-Субизъ выслалъ кавалерію на рекогносцировку, продолжавшуюся нѣсколько дней. Убѣдившись, что непріятель отступилъ, офицеры собрались вечеромъ на свою обычную попойку. Въ самый разгаръ ея, одному изъ нихъ, бывшему менѣе пьянымъ, чѣмъ остальные, почудился звонъ оружія, но онъ не обратилъ на это вниманія и предложилъ выпить за здоровье дамъ, какъ вдругъ дверь распахнулась, блеснулъ рядъ мушкетеровъ, и въ комнату ворвались прусскіе гренадеры, вѣжливо предложившіе французамъ сдаться. Тѣ съ проклятіями повскакали съ мѣстъ, сразу отрезвленные, но силы были слишкомъ неравны, и полковникъ собирался уже, съ сокрушеннымъ сердцемъ, отдать свою

шпагу, когда за окнами раздалась пальба; нападающіе бѣжали, и часть ихъ попалась въ плѣнъ въ французскимъ солдатамъ, причемъ во главѣ освободителей оказался г. де-Мигюракъ. Два часа тому назадъ его оставили мертвецки-пьянымъ на его квартирѣ; несмотря на хмель, онъ услышалъ приближеніе непріятеля и, выскочивъ, въ чемъ былъ, изъ окна, поднялъ тревогу. Онъ принималъ выраженія признательности, дрожа отъ холода, такъ какъ держалъ одной рукою шпагу, а другую — придерживалъ рубашку, въ которую тщетно пытался закутаться.

За этотъ подвигъ онъ удостоился производства въ лейтенанты. Наконецъ, настала минута, когда, послѣ пятидесяти-двухъ, сраженій, нѣсколькихъ сотенъ тысячъ убитыхъ, умершихъ въ канавкахъ и навѣки искалѣченныхъ людей, ста-восьмидесяти пущенныхъ во дну кораблей, громадной совершенно разоренной территоріи, послѣ военныхъ расходовъ въ двѣсти милліоновъ эку, — европейскіе монархи нашли національную честь удовлетворенной и заключили между собою миръ. Г. де-Мигюракъ пришлось выйти въ отставку съ пенсіей въ сто эку, и, за неимѣніемъ другихъ ресурсовъ, онъ поступилъ на службу къ турецкому султану.

VII.

Тутъ мы приближаемся къ самому бурному періоду жизни г. де-Мигюракъ, но, въ сожалѣнію подробности его мало выяснены біографами маркиза. Самъ онъ говаривалъ съ очаровательнымъ чистосердечіемъ, что хотя эти годы во многомъ способствовали развитію въ немъ философской мысли, но они были также и большимъ испытаніемъ для его нравственности, въ чемъ онъ видѣлъ еще новое доказательство того, что такъ называемая цивилизація ведетъ людей къ поступкамъ, извиняемымъ обстоятельствами, но несомнѣннымъ съ требованіями строгой морали.

О немъ рассказывали, что онъ чуть ли не принялъ магометанство и вѣроятно попалъ бы въ большіе савонники при султанскомъ дворѣ, если бы не романъ его съ султаншею, окончившійся заключеніемъ маркиза въ тюрьму, откуда влюбившаяся въ него жена тюремщика помогла ему бѣжать. Изъ Турціи ему удалось пробраться въ Россію, во дворъ Екатерины, гдѣ тоже онъ едва не нашелъ свое счастье, но, впавъ въ немилость у царицы, принужденъ былъ бѣжать въ Варшаву. Тамъ, при помощи брилліантовъ, которые онъ счелъ лишнимъ возвратитъ высокой дарительницѣ, ему удалось сначала сыграть видную роль въ обществѣ, поразивъ варшавянъ своею щедростію, но когда рес-

сурсы и кредитъ его истощились, онъ предусмотрительно бѣжалъ въ Германію. Тамъ въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ онъ велъ не особенно широкую жизнь, поддерживая свое существованіе преимущественно игрою. Германскія похищенія маркиза завершили его романомъ съ дочерью ландграфа, которая однажды ночью явилась въ нему, захвативъ шкатулку со своими драгоценностями. Бѣглецовъ арестовали по дорогѣ въ Швейцарію, дѣвицу отослали въ монастырь, а маркиза посадили въ тюрьму, по обвиненію его въ похищеніи—не чести ландграфскаго дома, но исключительно—коронныхъ его брилліантовъ.

Въ первое время, подобно всѣмъ дѣятельнымъ людямъ, г. де-Мигюракъ думалъ лишь о томъ, какъ бы ему вырваться на свободу, и изыскивалъ въ своемъ воображеніи всѣ существующія для этого и освященныя традиціями средства. Онъ поочередно пытался подкупить тюремщика, жену его, дочь, перепилить рѣшетки, приподнять половицы, установить сообщеніе съ другими узниками, и результатомъ этихъ стараній было—переведеніе его въ сырую, мрачную, предназначенную для людей низкаго происхожденія, каморку. Онъ вошелъ въ ярость, переломалъ всю мебель, отказывался отъ пищи, грозя уморить себя голодомъ, и такъ исхудалъ и пожелтѣлъ, что тюремщики, опасаясь, какъ бы онъ дѣйствительно не умеръ, — водворили его въ прежней комнатѣ. Онъ поправился однако, но, чувствуя себя во власти мелакаго тирана, быть можетъ дѣйствительно умеръ бы съ тоски, — болѣзнь значительно укротила его необузданный характеръ, — если бы дѣвица Лисбета, бѣлокурая дочь смотрителя тюрьмы, не добилась нѣкоторыхъ смягченій участи благороднаго кавалера.

Первымъ изъ нихъ была подаренная ею маркизу клѣтка съ канарейками, и нельзя себѣ представить, съ какою радостью былъ принятъ этотъ даръ. Маркизь по цѣлымъ часамъ любовался тѣмъ, какъ птички перепрыгивали съ жердочки на жердочку, кормилъ ихъ, слушалъ ихъ пѣніе, и это зрѣлище поддерживало въ немъ инстинктъ жизни. Вторымъ приношеніемъ Лисбеты была связка книгъ, принадлежавшихъ когда-то узнику, виновному въ распространеніи во владѣніяхъ ландграфа вредныхъ идей. За послѣдніе годы г. де-Мигюракъ отвыкъ отъ чтенія; поэтому, занявшись сперва канарейками, онъ дня два не прикоснулся къ книгамъ. На третій день онъ небрежно взглянулъ на ихъ заглавія: это были творенія Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Дидро, Гельвеція и другихъ, менѣе славныхъ мыслителей. Растроганный маркизь узналъ среди нихъ сочиненія, читанныя когда-то его отцомъ, какъ-то: „Диалоги“, два-три трактата аббата де-Сенъ-Пьера и президента Монтескьѣ.

Сначала онъ лѣниво развернулъ ихъ и уже на предисловіи сталъ зѣвать. Но въ первый же вечеръ его охватила такая любознательность, что за двѣ недѣли онъ прочелъ всю свою бібліотеку, ожидая съ книгою въ рукахъ солнечнаго восхода, такъ какъ съ тѣхъ поръ какъ онъ пытался поджечь свой соломенный—ему уже не давали огня. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, въ немъ совершалось перерожденіе. Излагаемыя философіи ученія пробуждали въ немъ полузабытые отклики чего-то лучшаго, развѣтывали передъ нимъ невѣдомыя перспективы. Жизнь, люди, онъ самъ—представали ему, прозрѣвшему впервые, въ новомъ свѣтѣ; потрясенный волненіемъ и радостью, онъ походилъ на слѣпца, только-что увидѣвшаго свѣтъ.

Тюремщикъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что лицо узника прояснилось и расцвѣло. На пятнадцатый день г. де-Мигюракъ заерылъ 28-й и послѣдній томъ своей бібліотеки въ ту самую минуту, какъ солнце закатывалось во всемъ своемъ пурпурномъ великолѣпіи, озаряя лучами каморку. И еще разъ обновивъ въ памяти полученный имъ нравственный урокъ, маркизъ почувствовалъ, какъ грудь его расширилась и обильныя слезы, внезапно хлынувшія изъ глазъ его, потекли у него по щекамъ. Но въ этихъ слезахъ не было горячи: такъ плакалъ Моисей на рубежѣ земли обѣтованной. Маркизъ опустилсѣ на колѣни передъ рѣшетчатымъ окномъ, за которымъ небо уже блѣднѣло, простеръ къ нему руки и воскликнулъ:

— Высшее Существо, Природа, Иегова—какимъ бы именемъ Тебя ни называли—благословляю Тебя за то, что здѣсь, въ темницѣ, Ты открылъ мнѣ цѣль и смыслъ жизни! Прими мою клятву: посвятить остатокъ дней моихъ насажденію добродѣтели и труду на пользу всего человѣчества!—Въ теченіе этой безсонной, но блаженной ночи, г. де-Мигюракъ не уставалъ мечтать о великихъ, непознанныхъ имъ, истинахъ, и, сопоставляя ихъ со своими поступками, кааялся въ грѣхахъ, но не огорчался ими, зная, что они являются плодомъ несовершеннаго воспитанія, отнынѣ же онъ сторицею искупить содѣянное имъ зло. Несмотря на нихъ, онъ чувствовалъ, что въ душѣ онъ не измѣнялъ принципу добродѣтели. Самый его арестъ, возмутительный съ точки зрѣнія правъ человѣка, уже не приводилъ его въ гнѣвъ. Христосъ умеръ на крестѣ, Ромулъ былъ убитъ, Ликургъ—изгнанъ. Почему же и Луи-Ливургу не томиться въ оковахъ?

Съ франц. О. Ч.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ
„ДОНЪ-КИХОТА“

СЕРВАНТЕСА

1605—1905.

Въ послѣднее время Испанія усердно готовилась къ великому торжеству,—къ ея торжеству долженъ былъ применуть весь образованный міръ: 5, 6, 7 мая (нов. ст.) въ Мадридѣ и другихъ большихъ городахъ Испаніи предстояло отпраздновать въ рядѣ публичныхъ чтеній, театральныхъ зрѣлищъ и различныхъ манифестацій—трехсотлѣтіе со времени появленія въ свѣтъ безсмертнаго произведенія Сервантеса—„Донъ-Кихоть“¹⁾). Въ печати этотъ романъ явился къ началу 1605 г., но онъ былъ законченъ авторомъ еще въ послѣдней четверти 1604 г., когда въ литературныхъ кругахъ Мадрида его уже прочли въ рукописи, что, между прочимъ, явствуетъ изъ отзыва о немъ Лопе-де-Веги въ 1604 г. Съ самыхъ первыхъ дней своего появленія „Донъ-Кихоть“ привлекъ на себя общее вниманіе и сдѣлался предметомъ величайшихъ похвалъ и—порицаній. Критики „Донъ-Кихота“ появились вмѣстѣ съ этимъ романомъ, и за триста лѣтъ накопилась теперь громадная литература предмета, едва ли еще полно перечисленная въ монументальномъ библиографическомъ трудѣ извѣст-

¹⁾ Въ Мадридѣ, въ засѣданіи академіи, рѣчь, посвященную „Донъ-Кихоту“, долженъ былъ произнести знаменитый романистъ Хуанъ Валера; въ университетѣ—извѣстный критикъ и историкъ литературы Менендесъ и Пелайо; въ театрѣ въ эти дни должны были ставиться исключительно произведенія Сервантеса.

наго „сервантиста“ Леопольда Ріуса (800 слишкомъ страницъ убористаго шрифта). Приурочивая нашъ очеркъ къ трехсотлѣтію изданія „Донъ-Кихота“, мы имѣемъ въ виду не только общечеловѣческое значеніе этого гениальнаго произведенія Сервантеса, но и точки соприкосновенія его съ русскою литературой. Переводы и передѣлки „Донъ-Кихота“ на русскій языкъ весьма многочисленны; довольно богата этюдами и статьями и литература этого романа. Но, къ крайнему сожалѣнію, всѣ русскіе переводы любимаго дѣтища Сервантеса страдаютъ существенными недостатками ¹⁾, а критическія статьи и этюды о Сервантесѣ и „Донъ-Кихотѣ“ должны быть признаны или поверхностными, или устарѣлыми. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ считаться съ наличностью факта, что „Донъ-Кихотъ“—одна изъ любимѣйшихъ нашими читателями книгъ—наравнѣ съ „Потеряннымъ Раемъ“ Милтона. Попытаемся представить характеристику романа Сервантеса согласно съ положеніемъ современной критической разработки вопроса. Намъ будетъ по преимуществу интересоваться все касающееся историко-литературнаго значенія романа Сервантеса, воспроизведеніе имъ социальной картины быта Испаніи XVI-го, XVII-го вв., и объективная оцѣнка той роли, которая выпала на долю „Донъ-Кихота“.

I.

Безчисленное количество этюдовъ о Сервантесѣ вообще и о „Донъ-Кихотѣ“ въ частности ни въ какомъ случаѣ никого не должно смущать; внутреннее достоинство этой громадной литературы далеко не соответствуетъ ея объему, и подавляющее большинство этюдовъ о „Донъ-Кихотѣ“ можетъ служить лишь наглядной иллюстраціей непростительныхъ заблужденій критики. Это замѣчаніе въ особенности относится къ испанскому отдѣлу. Литературная критика въ Испаніи—одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ столь богатой культуры этой страны, и приходится лишь удивляться, что до настоящаго времени преобладаютъ въ испанской критикѣ *эстетическое* и *символически-философское* направленія.

Слабыя стороны эстетической критики не требуютъ комментаріевъ. Это направленіе давно сдано въ архивъ и замѣнено историческимъ и философскимъ методами. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, второе направленіе—*символически-философское*—долго и упорно господствовало при изученіи и объясненіи „Донъ-Кихота“.

¹⁾ О нихъ см. гл. V моей книги „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса и библиографію въ концѣ книги. О послѣднемъ русскому переводѣ „Донъ-Кихота“ Марка Басанина см. мой отрицательный отзывъ въ журналѣ „Миръ Божій“ (1904, II).

Нельзя не считать этого факта въ высокой степени страннымъ. Ясное и строго реальное произведеніе, затрогивающее правдиво и рельефно цѣлый рядъ жизненныхъ отношеній, было осуждено произволомъ критики на роль безжизненной символической схемы, а главные его герои, въ лицѣ ламанчскаго рыцаря и его оруженосца, взятые Сервантесомъ изъ родственной ему жизненной среды, оказались, по произволу критиковъ, носителями исключаящихъ другъ друга принциповъ, безцвѣтными и книжными формулами. Въ русской литературѣ яркими примѣрами символизма являются статьи Корелина; его не чужды и Тургеневъ въ известной статьѣ о *Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ*; въ нѣмецкой литературѣ насадителемъ своеобразнаго символизма можетъ считаться Гейне; въ испанской—среди сонма символистовъ пальму первенства стяжалъ известный сервантистъ Бенхумеа. Не вдаваясь въ изложение и разборъ символическихъ теорій о „Донъ-Кихотѣ“, мы, исходя изъ данныхъ исторической критики, считаемъ это направленіе беспочвеннымъ и обращаемся къ уясненію происхожденія и значенія этого романа на основаніи историко-литературныхъ фактовъ.

Какъ ни странно, но до сихъ поръ мы не обладаемъ критическимъ текстомъ „Донъ-Кихота“. Изданіе испанской академіи, считающееся классическимъ, въ сущности основано на недоразумѣніи: оно не воспользовалось *первымъ* изданіемъ знаменитаго романа. Послѣдующія изданія повторяютъ ошибку академіи. Эта ошибка была разоблачена въ послѣднее время известнымъ англійскимъ сервантистомъ Фицморисомъ Келли, предложившимъ перепечатку перваго изданія въ 1898 г. Но и изданіе Фицмориса Келли не удовлетворяетъ критику. Въ прошломъ, 1904 году барселонскій профессоръ Кортехонъ предложилъ многотомное критическое изданіе „Донъ-Кихота“, но до настоящаго времени намъ известны лишь отдѣльные его выпуски. Впрочемъ, отличія текстовъ различныхъ изданій „Донъ-Кихота“ мало отражаются на существенныхъ элементахъ его содержанія, которое можетъ считаться установившимся въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ со времени перваго и втораго изданій Рабмеа (1605 г.).

Не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для всѣхъ безпристрастныхъ читателей, что Сервантесъ, приступая къ составленію „Донъ-Кихота“, имѣлъ въ виду весьма простую и опредѣленную цѣль: разрушеніе авторитета рыцарскихъ книгъ; чтеніе ихъ и подражаніе имъ приводили къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Самъ Сервантесъ, въ прологѣ къ первой главѣ „Донъ-Кихота“, заявляетъ: „Такъ какъ ваше сочиненіе имѣетъ цѣлью разрушить авторитетъ и господство рыцарскихъ книгъ среди образованныхъ и необразованныхъ, то незначѣтъ вмѣшивать изреченія философовъ, совѣтовъ Св. Писанія, выдумокъ поэтовъ,

рѣчей риторовъ“. Въ другомъ мѣстѣ (конецъ II-й части) Сервантесъ замѣчаетъ: „У меня не было иного желанія, какъ предать посмѣянiю живыхъ людей и нелѣпныя рыцарскія исторiи, которыя, будучи нынѣ поражены на смерть исторiей моего настоящаго Донъ-Кихота, стали уже прихрамывать и скоро, навѣрное, совсѣмъ упадутъ. Даже врагъ Сервантеса, Авеллянеда, авторъ такъ называемой ложной второй части „Донъ-Кихота“, не отрицаетъ, что единственной цѣлью Сервантеса было—уничтоженiе пагубной привычки чтенiя рыцарскихъ книгъ, столь распространенной у бездѣятельныхъ людей“.

Столь ясныя и опредѣленныя заявленiя Сервантеса, автора въ высокой степени искренняго, должны быть исходной точкой для литературной критики. Сама по себѣ задача осмѣянiя рыцарскихъ романовъ была весьма серьезной и отвѣтственной задачей. Достаточно вспомнить тѣ формы протестовъ въ литературѣ и жизни, которыми изобилвала культурная жизнь Испанiи XVI и XVII вв. (подробности во II-й гл. моей книги: „Донъ-Кихоть Сервантеса“). И рыцарскія книги, и пережитки рыцарскихъ феодальныхъ нравовъ, были весьма серьезнымъ общественнымъ бѣдствiемъ, и ревнители народнаго благополучiя относились отрицательно къ чудовищнымъ произведенiямъ вымысла, влiявшимъ на жизненныя отношенiя въ самомъ ихъ корнѣ. Задача дискредитировать и пародировать рыцарскiй романъ была сама по себѣ весьма почтенна, и еслибы Сервантесъ достигъ лишь этой цѣли—его заслуга предъ литературой и обществомъ была бы весьма велика. Однако, кромѣ этой почтенной, такъ сказать „злободневной“ цѣли, Сервантесъ, благодаря своему великому генiю, достигъ и другой, болѣе высокой: онъ сдѣлалъ свое произведенiе вѣчнымъ достоянiемъ всего культурнаго человѣчества и, перешагнувъ грань временнаго и случайнаго, помѣстилъ свой романъ въ область неизблемаго и вѣчнаго.

Тайна успѣха романа Сервантеса едва ли можетъ быть когда-либо вполне разгадана. Да это и не необходимо: оставаясь загадкой, „Гамлетъ“ не перестаетъ до сихъ поръ насъ привлекать. Мы сведемъ нашу роль, роль литературнаго критика, къ уясненiю прежде всего тѣхъ литературныхъ влiянiй, въ сферѣ которыхъ возникъ безсмертный романъ Сервантеса.

Сервантесъ былъ типичнѣйшимъ испанцемъ своего времени, съ усугубленiемъ въ немъ благородныхъ чертъ этой наци. Это былъ обѣднѣвшiй гidalго, воинъ, неудачный чиновникъ, писатель, стяжавшiй себѣ лишь „Донъ-Кихотомъ“ непримѣрную популярность. Онъ получилъ образованiе въ классической школѣ и усвоилъ поддлеттантски нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ. Наблюдательный и остроумный, Сервантесъ какъ бы тяготился школьной ученостью,

предпочитая свѣжую прелесть поэтического творчества книжнымъ воспоминаніямъ.

Какъ извѣстно, Сервантесъ испытывалъ свои творческія писательскія силы на многочисленныхъ поприщахъ. Это былъ драматическій писатель, поэтъ эклогъ и идиллій, сонетовъ и кансонъ, рассказчикъ новеллъ, авторъ длиннѣйшей и скучной повѣсти приключеній въ стилѣ греческихъ романовъ („Геліодоръ“) и, наконецъ, авторъ „Донъ-Кихота“. Сервантесу не удалось стяжать пальму первенства ни въ одномъ изъ перечисленныхъ родовъ творчества, но зато онъ превзошелъ самого себя и своихъ современниковъ въ безсмертномъ романѣ. Это былъ продуктъ уже зрѣлаго творчества, подготовительныя стадіи котораго были давно пройдены. По основному своему замыслу пародія на рыцарскія книги—„Донъ-Кихотъ“ является первымъ романомъ, въ широкомъ значеніи этого слова, новаго времени и долженъ быть отнесенъ къ повѣствовательно-эпическому роду произведеній художественнаго творчества. Не трудно опредѣлить, подъ какими вліяніями находился творческій геній Сервантеса во время созданія этого романа.

Главные роды повѣствовательной литературы Испаніи въ эпоху Сервантеса были слѣдующіе: рыцарскій романъ, повѣсти греческаго происхожденія, новеллы итальянскаго происхожденія (Боккаччо и его послѣдователи), итальянскій рыцарскій эпосъ (Вембо, Пульчи, Аріосто) и, наконецъ, плутовская реальная новелла (*novela picaresca*). Очевидно, греческіе романы отношенія къ „Донъ-Кихоту“ не могутъ имѣть; итальянскимъ новелламъ Сервантесъ подражалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ *novelas esemplares*; нашему разсмотрѣнію предстоитъ опредѣленіе, насколько сказались вліянія прочихъ категорій повѣствовательной литературы на „Донъ-Кихотъ“.

Что касается рыцарскихъ книгъ, то ихъ вліяніе должно было сказаться на „Донъ-Кихотѣ“ отрицательнымъ образомъ. Вспомнимъ нѣкоторыя основныя черты характера ламанчскаго героя. Донъ-Кихотъ сошелъ съ ума, благодаря чтенію нелѣпныхъ рыцарскихъ книгъ. Онъ задался цѣлью воскресить на своемъ примѣрѣ странствующее рыцарство. Фантазія должна у него стать дѣйствительностью. Въмѣсто того, чтобы заставить своего героя довести до абсурда подвиги какаго-либо популярнаго рыцаря, Сервантесъ предпочитаетъ болѣе художественный пріемъ. Его герой усвоилъ общія положенія странствующаго рыцарства; проникнутый идеями, когда-то одушевлявшими лучшихъ представителей этого класса, онъ выступаетъ на борьбу во имя этихъ идей, причемъ содержаніе подвиговъ предполагается совершенно новое—старой остается лишь форма этихъ подвиговъ. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ Сервантесъ противопоставляетъ ре-

лизмъ бытовыхъ условій, среди которыхъ вращается ламанчскій рыцарь, его внутреннему, полному иллюзій міру. Отсюда — контрастъ комическаго и подчасъ даже трагическаго характера.

Задумавъ пародію на рыцарскія книги, Сервантесъ въ началѣ своего романа замѣтно имъ подражаетъ, въ особенности же знаменитому „Амадису Гальскому“. Это подтверждается обильными совпаденіями частныхъ образовъ и стилиа обоихъ романовъ (см. II гл. упомянутого моего сочиненія). Но чѣмъ дальше подвигается повѣствованіе Сервантеса, тѣмъ рѣже становятся совпаденія „Донъ-Кихота“ съ „Амадисомъ“ и другими рыцарскими книгами, тѣмъ оригинальнѣе и самостоятельнѣе становится Сервантесъ. Очевидно, сюжетъ „Донъ-Кихота“ переросъ первоначально поставленную его авторомъ мѣру, увлекая поэтическое творчество на свободный и непроторевный путь; пародія стала широкой картиной быта и нравовъ, объединенной неподобной психологической антитезой рыцаря и его оруженосца.

Сказанное относительно вліянія рыцарскихъ книгъ на „Донъ-Кихота“ можетъ быть въ значительной степени примѣнено и къ вопросу о вліяніи итальянской эпической поэзіи, особенно Аріосто, на творчество Сервантеса. Аріосто былъ любимымъ поэтомъ автора „Донъ-Кихота“ и оказывалъ на него многостороннее вліяніе. Сервантесъ не щадитъ похвалъ автору „Неистоваго Роланда“; онъ называетъ его „христіанскимъ поэтомъ“, „божественнымъ“; на основаніи одного мотива изъ Аріосто написана новелла Сервантеса „Безразсудно любопытный“, а въ комедіи „Дворецъ ревности“ парафразируются отдѣльныя мѣста поэмы Аріосто.

Въ одномъ изъ стихотвореній, до сихъ поръ загадочныхъ, предшествующихъ прологу къ „Донъ-Кихоту“, Сервантесъ устами таинственной Ургинды пародируетъ начало поэмы Аріосто, намекая при этомъ, что ея чтеніе повело за собою упомишательство ламанчскаго рыцаря. Нѣкоторыя частныя сближенія и совпаденія могутъ быть сдѣланы безъ натяжекъ между „Неистовымъ Роландомъ“ и „Донъ-Кихотомъ“ (гл. I, IX, XXI и др.). Во второй части „Донъ-Кихота“ объ Аріосто нигдѣ нѣтъ рѣчи. Но, помимо частныхъ сближеній, возможны сближенія и болѣе общаго характера. Въ планѣ „Неистоваго Роланда“ и „Донъ-Кихота“ есть много аналогичнаго: капризное, своенравное отношеніе къ сюжету, стремленіе къ вставному, не вяжущемуся съ основой эпизоду, та же своеобразная иронія у обоихъ авторовъ. Оба они, въ сущности, отнеслись къ своимъ сюжетамъ серьезно и придали ему, независимо отъ своего желанія, даже трагическій характеръ. Первоначально Сервантесъ увлекся идеей подражанія въ планѣ и приемахъ Аріосто, а впоследствии, вдохновляемый

своимъ оригинальнымъ поэтическимъ инстинктомъ, пошелъ по собственному пути. Сервантесъ былъ усерднымъ поклонникомъ Аріосто; иногда онъ невольно поддавался чарующему вліянію великаго поэта. Это вліяніе сказалося не только во внѣшнемъ распредѣленіи нѣкоторыхъ частей романа, не только въ міровой ироніи, царящей различнымъ образомъ у Сервантеса и Аріосто, но, въ особенности, въ прославленіи рыцарства, вмѣсто предполагаемаго сначала его униженія. И у Аріосто, и у Сервантеса положительные идеалы сводились къ рыцарскимъ. Эти поэты, взявшіеся за осмѣяніе съ различныхъ сторонъ рыцарства, кончили апофеозомъ тѣхъ положительныхъ началъ, которыя въ лучшую пору рыцарства давали ему тонъ и содержаніе. Рыцарскій идеалъ расширяется у Сервантеса до общечеловѣческаго. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія данныхъ относительно вліянія Аріосто на Сервантеса мы приходимъ къ выводу, что вліяніе манеры и эпизода „Неистоваго Роланда“ на „Донъ-Кихота“ можетъ быть указано лишь въ 1-ой гл. „Донъ Кихота“; гораздо убѣдительнѣе—аналогія стиля и замысла обоихъ произведеній и положительныхъ идеаловъ ихъ авторовъ.

Реалистическая новелла, плутовской романъ (*novela picaresca*) включаетъ много составныхъ элементовъ, аналогичныхъ съ имѣющимися въ „Донъ-Кихотъ“. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ вліяніемъ литературной манеры, а съ господствомъ извѣстной школы или, вѣрнѣе, міросозерцанія, къ которому применилъ Сервантесъ. Авторъ „Донъ-Кихота“ былъ и до появленія этого романа приверженцемъ реалистическаго направленія и далъ блестящій образецъ „*novela picaresca*“ въ своей повѣсти „Ринковерь и Кортадилло“.

Реализмъ въ литературѣ и искусствѣ прочно обосновался въ XVI ст. во всей Европѣ; къ половинѣ XVI вѣка относится и происхожденіе реально-бытового романа въ Испаніи; къ концу ея—буржуазная трагедія въ Англии, къ началу XVII—эмпирическая философія Бэкона. Въ Испаніи существовалъ цѣлый рядъ условий, благоприятныхъ для развитія плутовской повѣсти. Безчисленныя смѣлыя экспедиціи въ Америку значительно видоизмѣнили социальныя отношенія. Авантюристы нерѣдко становились богачами, иногда меценатами, чаще — плодили паразитовъ. Плутовство становилось выгодной профессіей; плуты всякаго рода (*Picaros, Ganapanes*) составляли особыя корпораціи, имѣли свои уставы и свой обиходный языкъ. Съ ними считались, какъ съ социальной группой. Появилась литература, посвященная описанію быта этого своеобразнаго класса людей, литература по необходимости строго реальная. Описанія продѣлокъ мошенниковъ дали толчокъ пониманію и изображенію жизни въ ея неприглядной наготѣ, что въ художественномъ отношеніи было весьма эффектно и,

какъ всякая правда, поучительно. Прототипомъ воровской повѣсти была исторія „Лазарилльо изъ Торлиса“. Сервантесу она была извѣстна, какъ и приключенія *Гусмана де-Альфуриче* и многихъ другихъ, но онъ самъ былъ неподобнымъ мастеромъ въ области плутовской новеллы въ своей *примѣрной* повѣсти „Ринконеръ и Кортадилло“; отдѣльные эпизоды „Донъ-Кихота“ могли быть заимствованы Сервантесомъ у воровской новеллы, но стиль ея и міросозерцаніе были усвоены авторомъ „Донъ-Кихота“ вполне самостоятельно.

Мы указали на главныя литературныя вліянія школъ и писателей на „Донъ-Кихота“. Выводъ для Сервантеса получился весьма положительный: разнообразныя вліянія не отразились на оригинальности автора, который сумѣлъ намъ дать единственное и своеобразное произведеніе, достоинства котораго стануть намъ яснѣе при разсмотрѣніи его въ сферѣ условій времени и мѣста.

II.

Форма романа Сервантеса—излюбленная форма романовъ съ приключеніями. Такъ сочинялись любовныя повѣсти греческаго происхожденія, „плутовская“ новелла, эпическія поэмы въ стилѣ Аріосто и рыцарскіе романы. Герой романа Сервантеса, подобно безконечному числу своихъ предшественниковъ, отправляется странствовать въ поискахъ за приключеніями. Такого рода пріемъ предоставлялъ полную свободу писателю сообщать свои наблюденія, какую въ настоящее время даетъ форма дневника. Идея странствованія рыцаря въ сопровожденіи оруженосца не представляетъ собою ничего оригинальнаго. Задуманныя въ видѣ пародіи, эти странствованія оказались предлогомъ для Сервантеса высказывать устами рыцаря и оруженосца свои излюбленныя мысли и мечты. На автобіографическое значеніе „Донъ-Кихота“ указываетъ и самъ Сервантесъ. „Книга эта,—говоритъ онъ о „Донъ-Кихотѣ“,—есть важное дѣло моей жизни. Для меня одного родился Донъ-Кихотъ, какъ и я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я—писать. *Мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и одну душу*“.

При такой постановкѣ вопроса совершенно отпадаетъ элементъ пародіи въ романѣ; мы должны считаться съ нимъ, какъ съ сознательнымъ актомъ дѣятельности гениальнаго писателя и превосходнаго человѣка. „Донъ-Кихотъ“ настолько богатъ содержаніемъ, что число точекъ отправленія отъ него и къ нему можетъ быть увеличено до неопредѣленныхъ по количеству цифръ. Мы попытаемся уяснить наиболѣе важныя стороны романа: исторически-бытовой матеріалъ, въ немъ заключающійся, и основныя идеи міросозерцанія автора.

Вспомнимъ, что говорилось въ началѣ статьи о Сервантесѣ: это былъ типичный испанецъ своего времени, со всѣми его достоинствами и слабыми сторонами. Символисты ошибочно сдѣлали автора „Донъ-Кихота“ пророкомъ будущаго: такимъ не былъ Сервантесъ; его роль скромнѣе, но не менѣе важна: онъ былъ неподобнымъ живописцемъ настоящаго. Не возвышаясь въ идейномъ смыслѣ надъ уровнемъ современниковъ, Сервантесъ отличался глубокой добротой и разумной гуманностью. Трезво и ясно смотрѣлъ онъ на жизнь, когда приступалъ къ сочиненію „Донъ-Кихота“, вполне отрѣшившись отъ чувства какой-либо нетерпимости. Поэтому-то его сужденія имѣютъ особенный вѣсъ суждений зрѣлаго и умудреннаго опыта челоуѣка. Всѣ изслѣдователи историческаго направленія, занимавшіеся „Донъ-Кихотомъ“, единогласно признаютъ, что эта книга заключаетъ необыкновенно правдивый, а потому особенно цѣнный, культурно-историческій матеріалъ. Этотъ матеріалъ освѣщенъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ автора; въ основѣ этого міросозерцанія лежитъ оптимизмъ, безъ котораго немислимо прогрессивное движеніе челоуѣчества. „Всегда судьба,—говоритъ Сервантесъ устами рыцаря,—оставляетъ открытою среди бѣдствій дверь для облегченія ихъ“... „Гдѣ закрывается одна дверь—открывается другая“... „Знай, Санчо, что одинъ челоуѣкъ не стодитъ больше своего ближняго, если не дѣлаетъ больше его; всѣ бури, разразившіяся надъ нами, суть признаки скорого проясненія атмосферы и того, что дѣла пойдутъ хорошо, такъ какъ ни зло, ни добро не вѣчны; отсюда слѣдуетъ, что послѣ продолжительнаго бѣдствія приближается удача“.

Столь же возвышенны воззрѣнія Сервантеса - Донъ-Кихота на личную свободу челоуѣка: „Свобода, Санчо, это—драгоценное благо, дарованное небомъ челоуѣку. Ничто не сравнится съ нею: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земныхъ, ни скрытыя въ глубинѣ морской. За свободу и честь челоуѣкъ долженъ жертвовать жизнью, потому что рабство составляетъ величайшее земное бѣдствіе“.

Преданность королю и монархіи настолько велика у Сервантеса, что только пылкая фантазія нѣкоторыхъ критиковъ могла навязать ему республиканскія и даже революціонныя идеи. Не менѣе велика его преданность и католической церкви; здѣсь, однако, онъ не отождествляетъ религіи со служителями алтаря. Извѣстна блестящая тирада Донъ-Кихота по адресу духовныхъ лицъ, способныхъ „втираться въ чужіе дома и властвовать надъ ихъ хозяевами“.

Представитель средняго сельскаго типа священниковъ нашелъ блестящее выраженіе у Сервантеса въ лицѣ пріятели ламанчскаго рыцаря, Пэро Пэресо. Всѣмъ извѣстенъ этотъ уравновѣшенный, добрый и благоразумный челоуѣкъ, искренно преданный интересамъ

паствы, чуждый корыстолюбія и честолюбія. Сервантесъ не идеализируетъ его; тѣмъ симпатичнѣе представляется читателю добрый и безхитростный священникъ.

Свѣтскія сословія представлены въ романѣ Сервантеса въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Во главѣ ихъ стоитъ знаменитая герцогская чета. Все, что мы о ней читаемъ, въ высокой степени безотрадно. Самый страстный сатирикъ не могъ бы нарисовать болѣе мрачной картины аристократическаго быта. Сервантесъ изображаетъ лишь то, что ему удалось наблюдать.

Жестокія и безвкусныя шутки герцоговъ надъ Донъ-Кихотомъ свидѣтельствуютъ о черствомъ сердцѣ и недалекомъ умѣ инициаторовъ. Ихъ опѣнки недоступны и возвышенный образъ мыслей ламанчскаго рыцаря, и высокой практической умъ его слуги. Безжалостно попираютъ знатные хозяева элементарныя права своихъ гостей—и это не вызываетъ никакого протеста. Они прекрасно понимаютъ свои привилегіи и эксплуатируютъ ихъ.

Гораздо выше стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ среднее дворянское сословіе. Лучшимъ его представителемъ является въ „Донъ-Кихотѣ“ рыцарь *зеленаго плаща*, Діего де-Миранда. Это — помощикъ средняго достатка, охотникъ, хлѣбосоль, не любящій пересудовъ и злословія, жалостливый къ бѣднымъ, миротворецъ, прѣкрасный семьянинъ и католикъ (ср. собственную его характеристику въ „Донъ-Кихотѣ“).

Ступеню ниже стоятъ гидальго вродѣ Донъ-Кихота. У нихъ сохранилось старое оружіе, убогое жилище и небольшая земельная рента, которой едва хватаетъ на существенныя надобности. Къ нимъ подходитъ знаменитая характеристика, которой начинается 1-я глава I ч. „Донъ-Кихота“. Изъ другихъ социальныхъ группъ обращаютъ на себя вниманіе выводимые Сервантесомъ представители богатаго крестьянскаго сословія. Оба они лишены чувствъ жалости и снисхожденія, жестоки и знаютъ цѣну своему достатку. Вообще, всѣ представители сельскаго сословія у Сервантеса лишены всякой чувствительности, хитрые, расчетливые и себѣ на умѣ.

Низшій слой независимыхъ сельскихъ жителей имѣетъ въ „Донъ-Кихотѣ“ великодушныхъ представителей въ лицѣ Санчо-Пансы и жены его Тересы. Съ Санчо-Пансой мы встрѣтимся ниже. Что касается Тересы, то это—достойная супруга Санчо: набожная, благоразумная, умѣряющая порывы Санчо, любящая дѣтей и заботящаяся о томъ, какъ ихъ направить; она твердо усвоила положеніе, что мужъ—глава, и готова подчиниться его волѣ. Санчо она любитъ безъ тѣни сентиментальности и знаетъ ему цѣну.

Общественныя группы Испаніи XVI столѣтія представлены съ большой полнотой въ романѣ Сервантеса. Мы знакомимся по роману

съ положеніемъ театра до балаганныхъ, маріонеточныхъ представленій включительно. Мы видимъ мавровъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ и фанатичными католиками; видимъ дуэниъ, сдѣлавшихся безсмертными, благодаря дуэниѣ Родригесъ; видимъ міръ трактирщиковъ, погонщиковъ, пастуховъ, разбойниковъ и различные подонки общества—отъ каторжниковъ до распутныхъ дѣвокъ включительно. Мы становимся свидѣтелями безпомощности всеильной бюрократіи, направляемой властной рукой сильнаго духомъ Филиппа II; читаемъ безотрадные отзывы о злоупотребленіяхъ чиновниковъ всякаго ранга, о послѣдствіяхъ завоевательной политики, обезсильвшей цвѣтущую націю и поглотившей всё ея сбереженія. Читая романъ Сервантеса, мы постигаемъ лучше, нежели изъ всякихъ историческихъ трактатовъ, что могущество испанской монархіи зиждется на весьма шаткихъ основаніяхъ, и что нація сохранить впоследствии свою независимость лишь благодаря счастливымъ вѣншимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ окажется цѣнный, безусловно правдивый, культурно-бытовой матеріалъ, превосходящій своей яркостью и объективностью всякія записки, мемуары и историческіе трактаты.

Главный интересъ, болѣе вѣншній, впрочемъ, нежели внутренній, состоитъ въ особенностяхъ двухъ главныхъ героевъ романа и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса дали поводъ къ безчисленнымъ теоріямъ. Исключая всякія предвѣтныя идеи, попытаемся представить краткую характеристику этихъ типовъ на основаніи лишь текста романа.

Въ характерѣ ламанческаго рыцаря нѣтъ той цѣльности, которая бы допускала символическое толкованіе. Безумецъ по преимуществу въ первыхъ главахъ романа, Донъ-Кихотъ развивается и растетъ на нашихъ глазахъ, отвлекаемый по временамъ на путь прежняго безумія, но и проявляющій все чаще и чаще благородныя качества своей души и зрѣлый, полный опыта умъ. Изрѣдка можно упрекнуть ламанческаго рыцаря даже въ малодушіи и трусости, дѣлающихъ необоснованными всякія общія положенія о непоколебимой неустрашимости рыцаря. Не можетъ быть и рѣчи о цѣльности и прямолинейности характера Донъ-Кихота, такъ какъ такой разносторонній и умный чловѣкъ, какъ гидальго Сервантеса, не можетъ поддаваться однообразному толкованію.

Если въ ламанскомъ рыцарѣ нельзя видѣть исключительно идеалиста, защитника старыхъ, отжившихъ идеаловъ, утопическихъ началъ жизни, то и изъ Санчо-Пансы нельзя дѣлать антипода его господину, представителя исключительно буржуазнаго отношенія къ жизни. Санчо вовсе не контрастъ Донъ-Кихоту, и сходенъ со своимъ хозяиномъ во многомъ. Съ нимъ произошелъ тотъ же процессъ, что съ его

господиномъ: задуманный въ роли шута (gracioso), онъ, развиваясь и совершенствуясь на нашихъ глазахъ, дѣлается мудрецомъ, оставаясь добрымъ и честнымъ человекомъ. Какъ ни увлекательна была идея рѣзкаго контраста между рыцаремъ и оруженосцемъ, Сервантесъ уклонился отъ него, такъ какъ это повело бы за собою умаленіе художественнаго образа.

Душа Санчо переживаетъ на глазахъ читателей „Донъ-Кихота“ болѣе сложную исторію, нежели душа его господина. Онъ возбуждаетъ много недоумѣній, которыя самъ успѣваетъ разрѣшить. Въ немъ очень развиты инстинкты самосохраненія, даже трусость—и онъ подвергаетъ себя явнымъ опасностямъ. Онъ вполне нормаленъ, а рыцарь его—безумецъ,—и нормальный Санчо слѣдуетъ за сумасшедшимъ. Санчо крайне корыстолюбивъ и жаденъ—и рядомъ съ этимъ проявляетъ замѣчательную безпечность и беззаботность. Санчо очень довѣрчивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скептикъ. Такихъ антитезъ можно привести много. Постараемся разобраться въ нихъ.

Не слѣдуетъ забывать ни на минуту, что Сервантесъ изобразилъ рыцаря и оруженосца *во времени*, а не *въ пространство*, какъ кажется многимъ критикамъ. Оба героя живутъ сложной и продолжительной душевной жизнью—отсюда понятно и разнообразіе ихъ психики въ различные моменты.

На первыхъ страницахъ романа Санчо кажется не въ мѣру наивнымъ и довѣрчивымъ. Послѣ побѣды надъ бискайцемъ онъ окончательно увѣровалъ въ своего господина. При этомъ онъ весьма толковый и находчивый малый. Впослѣдствіи (XV гл.) Санчо начнетъ относиться скептически къ своему господину. Тѣмъ не менѣе, онъ слѣдуетъ за нимъ: его влекутъ любознательность, праздность и довольно развитое воображеніе. Какъ истый испанецъ, Санчо весьма чувствителенъ къ цвѣтамъ краснорѣчія Донъ-Кихота. Мало-по-малу Санчо начинаетъ усваивать міросозерцаніе Донъ-Кихота и даже его стиль. Корыстные побужденія отступаютъ на задній планъ. Оказывается, что въ глубинѣ души Санчо лежитъ искренняя привязанность къ своему хозяину. Онъ даетъ блестящую характеристику своихъ отношеній къ Донъ-Кихоту „У него голубиное сердце,—говоритъ Санчо о Донъ-Кихотѣ;—никому онъ зла не сдѣлаетъ, а всѣмъ только добро, и никакой въ немъ хитрости нѣтъ. За эту-то доброту я и люблю его пуще зѣницы ока, и не могу его бросить, сколько бы онъ ни сумасбродствовалъ“. Какъ Донъ-Кихотъ, такъ и Санчо-Панса представляетъ собою сложный характеръ, точнѣе *эволюцію* характеровъ, и къ нимъ непримѣнимы никакія эффектные символическія теоріи. Господинъ и слуга озарены свѣтомъ сердечной доброты, и эта доброта, гуманность и привязчивость связываютъ ихъ крѣпче, чѣмъ контрасты ха-

рактора, корыстные побужденія и расчеты. Слѣдуетъ отказаться отъ блестящихъ характеристикъ, вродѣ Гейне или Тургенева, основанныхъ на контрастѣ идеализма и реализма. Интимная связь Донъ-Кихота и Санчо объясняется не привлекательной силой энтузіазма, а добротой и человѣчностью, свойственными рыцарю и оруженосцу.

III.

Вопросъ о прототипахъ героевъ Сервантеса весьма интриговать испанскую критику, которая и добилась нѣкоторыхъ реальныхъ результатовъ. Въ нашихъ глазахъ этотъ вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія. Былъ ли Донъ-Кихотъ списанъ съ дяди жены Сервантеса, Кихады, или это былъ гидалго изъ Аргамасиллы Пачеко—для насъ, въ сущности, безразлично. Конечно, Сервантесъ видѣлъ когда-нибудь подобіе Донъ-Кихота и Санчо въ окружающей средѣ, но для него эти лица были лишь поэтическимъ мотивомъ. Творчество поэта создало совершенно новыя, оригинальныя комбинаціи. Значеніе литературнаго произведенія опредѣляется не только суммой новыхъ творческихъ данныхъ, внесенныхъ авторомъ, но также количествомъ и качествомъ новыхъ матеріаловъ, но и суммой тѣхъ усилій человѣческой мысли, которая потрачена на его пониманіе, суммой тѣхъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, которыя оно возбуждаетъ, суммой энтузіазма, имъ вызываемаго. И въ этомъ отношеніи заслуга „Донъ-Кихота“ Сервантеса неоцѣнима. Читая этотъ безсмертный романъ, человѣчество многихъ поколѣній восторгалось, утѣшалось, развлекалось, воодушевлялось лучшими чувствами гуманности и состраданія. Въ этомъ отношеніи исторія критики, т.-е. отношенія читателя къ „Донъ-Кихоту“, въ высокой степени поучительна: она наглядно показываетъ намъ, сколько высокихъ мыслей и благородныхъ чувствъ внушилъ человѣчеству этотъ романъ. Конечно, эта критика была субъективна, но тѣмъ не менѣе она возвышала и очищала читателей.

Л. Ю. Шепелевичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905.

Упраздненіе Особого Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.— Историческая параллель.— Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса.— Оригинальная децентрализація.— Новые проекты организаціи народнаго представительства.— Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голозовъ политической надеждой? — Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 30-го марта, упразднено учрежденное 22-го января 1902-го года особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, съ передачей производившихся въ немъ дѣлъ подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному особому совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія. Задачи новаго совѣщанія указаны въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ того же 30-го марта, на имя члена государственнаго совѣта И. Л. Горемыкина. „Именнымъ указомъ 12-го декабря минувшаго года“—читаемъ мы въ этомъ рескриптѣ,—„Мною было объявлено, что во главѣ заботъ Моихъ о благоденствіи россійской державы Я полагаю мысль о наилучшемъ устройствѣ многочисленнѣйшаго въ Россіи крестьянскаго сословія. Предпринятые еще ранѣе того, согласно повелѣнію Моему, подготовительныя по этому предмету труды указали, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ имперіи хозяйственное положеніе сего сословія въ значительной степени поколеблено. Признавая необходимымъ незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія, Я нахожу полезнымъ, чтобы, независимо отъ разрабатываемыхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобразованій въ области крестьянскаго управленія, особое вниманіе обращено было на непосредственное упроченіе земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія. Въ сихъ видахъ надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуще-

ствленію намѣчаемой задачи, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. При предстоящихъ по сему вопросу работахъ должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ связи съ симъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вышшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности. Находя, что успѣшное выполненіе предуказанной задачи возможно лишь при объединеніи всѣхъ относящихся къ этому предмету работъ, нынѣ разрозненныхъ между отдѣльными мѣстами и вѣдомствами, въ одномъ учрежденіи, Я призналъ за благо образовать, для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, особое совѣщаніе изъ лицъ, по непосредственному избранію Моему. Въмѣстѣ съ тѣмъ, цѣня пріобрѣтенныя долговременною государственною службою обширныя познанія и опытность въ крестьянскомъ дѣлѣ, Я поручаю вамъ предсѣдательствованіе въ упомянутомъ совѣщаніи, отъ испытаннаго усердія вашего ожидая, что возлагаемая на васъ важная задача будетъ выполнена согласно Моимъ предуказаніямъ и въ возможно непродолжительномъ времени⁴.

Въ исторіи нашего высшаго государственнаго управленія мы знаемъ только одинъ фактъ, аналогичный съ судьбою особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: это—закрытіе, въ 1885 г., такъ называемой Кажановской комиссіи, учрежденной, за три года передъ тѣмъ, для преобразованія мѣстнаго управленія и самоуправленія. Ей также не было дано окончить возложенную на нее работу, продолжателемъ которой—въ совершенно иномъ, отчасти даже противоположномъ направленіи—явилось министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ гр. Д. А. Толстого. До извѣстной степени комиссія сама навлекла на себя свою участь; она слишкомъ долго ходила вокругъ и около своей задачи, ограничиваясь неопредѣленными „намѣтками“, слишкомъ торопливо, затѣмъ, приступила къ ихъ обсужденію и сама ввела въ свою среду тѣ элементы, которые всего больше способствовали ея крушенію¹⁾. Лидеръ меньшинства комиссіи, А. Д. Пазухинъ, перешелъ, вслѣдъ за ея закрытіемъ, въ канцелярію гр. Д. А. Толстого и сталъ если не авторомъ, то вдохно-

¹⁾ См. „Внутреннее Обзорѣніе“ въ № 5 „Вѣстника Европа“ за 1885 г.

вителемъ положенія о земскихъ начальникахъ... Само собою разумѣется, что въ такомъ оборотѣ дѣла большую роль сыграли и обстоятельства, не зависѣвшія отъ комиссіи. Она была образована въ моментъ борьбы между двумя теченіями—умѣренно-преобразовательнымъ и ярко-ретрограднымъ,—а закрыта въ моментъ побѣды послѣдняго. Съ этой точки зрѣнія ей можно было вѣнчать въ вину только медленность, помѣшавшую ей воспользоваться сравнительно благоприятными условіями.

Около трехъ лѣтъ продолжались и занятія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; но его задача была обширнѣе той, для рѣшенія которой была учреждена Кахановская комиссія, да и результаты, имъ достигнутые, значительно больше. Совѣщаніе призвало къ жизни мѣстные сельско-хозяйственные комитеты, дѣятельность которыхъ положила начало движенію, непрерывно разрастающемуся, съ тѣхъ поръ, и въ ширь, и въ глубь. Время, употребленное на сводку и группировку высказаннаго комитетами, не было потрачено напрасно: фоліанты, обнародованные совѣщаніемъ, представляютъ собою не мертвую вереницу фактовъ, собранныхъ и обработанныхъ обычнымъ канцелярскимъ путемъ, а подлинныя голоса живыхъ людей, идущіе со всѣхъ концовъ государства. Въ нашей земледѣльческой странѣ эти голоса прежде всего и больше всего должны были коснуться положенія крестьянской массы—положенія не только матеріальнаго, но и правового. Прислушиваясь къ нимъ, совѣщаніе не могло замкнуться въ узкую сферу техническихъ вопросовъ и потому, что происходившій въ то же время пересмотръ законодательства о крестьянахъ принялъ направленіе прямо противоположное тому, на которое указывала дѣйствительность. Губернскія совѣщанія, созданныя при В. К. Плеве, настолько же—за немногими исключеніями—расходились съ большинствомъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, насколько труды редакціонной комиссіи, переданныя на разсмотрѣніе совѣщаній, шли въ разрѣзъ съ элементарными требованіями гражданской свободы. Въ сторону, неблагоприятную для защитниковъ неравенства, склонились, повидимому, и политическіе вѣсы, когда состоялся Высочайшій указъ 12-го декабря прошлаго года, провозгласившій цѣлью преобразовательной работы „объединеніе законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи“ и возведеніе крестьянъ на степень „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“. Изученіе важнѣйшихъ вопросовъ устроенія крестьянской жизни, и раньше уже предпринятое особымъ совѣщаніемъ, было прямо предоставлено ему указомъ 12-го декабря, съ ссылкою, притомъ, на отзывы мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Оставаясь на этой почвѣ, особое совѣщаніе уста-

новило, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, рядъ положеній, обнимающихъ собою почти всю юридическую сторону крестьянскаго вопроса. Компетенція сословно-крестьянскихъ союзовъ ограничена кругомъ дѣлъ, вытекающихъ изъ права крестьянской общины на надѣльную землю; всѣ остальные дѣла, теперь приуроченныя къ сельскимъ обществамъ и къ волостямъ, признаны подлежащими вѣдѣнію предрѣшенныхъ указомъ 12-го декабря мелкихъ земскихъ организацій и другихъ общесословныхъ установленій. Всѣ гражданскія правоотношенія, не касающіяся надѣльнаго имущества, предположено подчинить дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ. Въ отношеніи уголовной отвѣтственности признано нужнымъ уравнивать крестьянъ съ лицами прочихъ сословій. Волостной судъ признанъ подлежащимъ упраздненію и замѣнѣ судомъ общимъ для всѣхъ сословій, свѣдущимъ въ технику судебного дѣла, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ судебного строя. Не успѣли получить окончательную формулировку мнѣнія совѣщанія по вопросамъ объ общинномъ и семейномъ владѣніи и о выходѣ изъ крестьянскихъ обществъ.

Большая часть положеній, выработанныхъ совѣщаніемъ, должна перейти, какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта 30-го марта, на рассмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Это возбуждаетъ ликования реакціонной печати, спѣшащей, какъ и всегда, нанести послѣдній ударъ падшему врагу. Подготовленный двумя статьями, посвященными извѣстной запискѣ С. Ю. Витте, этотъ ударъ разражается со всею силой въ статьѣ самого г. Spectator'a, эффектно озглавленной: „Черный передѣлъ“. „Злополучному“ сельскохозяйственному совѣщанію приписывается здѣсь инициатива „настоящаго революціоннаго движенія“, выразившаяся въ поощреніи, *по сознательно допущенному недоразумѣнію*, „безпредѣльной либеральной болтовни“ мѣстныхъ совѣщаній. Отъ указа и рескрипта 30-го марта ожидается конецъ опасеніямъ „истинно-русскихъ людей“, ожидается „освобожденіе“ всѣхъ коренныхъ вопросовъ русской жизни „отъ тлетворнаго вліянія таинственной силы, на которую возлагаютъ свои упованія какъ внутренніе, такъ и внѣшніе враги Россіи“. Не преувеличены ли, однако, всѣ эти надежды, не преждевременно ли торжество сторонниковъ застоя и регресса? Гдѣ основанія утверждать, что обратная передача одной части крестьянскаго вопроса въ министерство внутреннихъ дѣлъ—и до тѣхъ поръ, впрочемъ, не вовсе устраненное отъ участія въ этой работѣ—знаменуетъ собою сохраненіе обособленности и неполноправности крестьянъ? Неотмѣненнымъ остается указъ 12-го декабря, неизмѣнна, слѣдовательно, намѣченная имъ цѣль—объединеніе законодательства о крестьянахъ съ общими законами имперіи. Съ этой цѣлью рѣшительно несовмѣстно переустройство крестьянскаго

строю на началахъ, принятыхъ редакціонною комиссіею В. К. Плеве. Крестьяне, имѣющіе свое особое управленіе, свой особый судъ, свои уголовные и гражданскіе законы, не имѣютъ ничего общаго съ „полноправными, свободными сельскими обывателями“, которыхъ, согласно съ завѣтомъ Александра II-го, призываетъ къ жизни указъ 12-го декабря. Софизмы реакціонной печати о *правахъ*, которыми теперь, благодаря своей сословной замкнутости, пользуются крестьяне—софизмы тысячу разъ опровергнутые и повторяемые, говоря словами ихъ авторовъ, лишь „по сознательному недоразумѣнію“,—не могутъ затемнить той простой истины, что дальнѣйшее существованіе этихъ мнимыхъ правъ мыслимо лишь при законодательномъ *разъединеніи* сословій, т.-е. при условіи прямо противоположномъ указу 12-го декабря.

Закрѣпленіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—не единственный источникъ торжествующаго чувства, наполняющаго сердца нашихъ „охранителей“; его усиливаетъ учрежденіе новаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина. Въ рескриптѣ 30-го марта усматривается осужденіе „чернаго передѣла“, проповѣдуемаго, будто бы, въ московскихъ аристократическихъ кружкахъ и ожидаемаго въ петербургскомъ официальномъ мірѣ. Доказательствомъ „проповѣди“ служить „сообщеніе“ о чтеніи проф. Мануилова, давно уже опровергнутое лекторомъ; доказательствомъ „ожиданія“—одна изъ тѣхъ бесѣдъ съ безыменными сановниками, которые такъ часто украшаютъ собою страницы „Гражданина“. Смѣшеніемъ понятій, отождествленіемъ разнородныхъ теченій имѣлось въ виду создать искусственную темноту, подъ покровомъ которой легче возбуждать подозрѣнія и опасенія. Едва-ли, однако, этотъ расчетъ достигнетъ цѣли: слишкомъ велика разница между „чернымъ передѣломъ“, т.-е. отобраніемъ частновладѣльческихъ земель, для раздачи сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ крестьянамъ—и системой аграрныхъ мѣропріятій, составляющихъ какъ бы продолженіе великой реформы 1861-го года. Скажемъ болѣе: мѣропріятія послѣдняго рода, тщательно обдуманная, осторожно проведенная, считающіяся съ приобретенными правами—лучшая гарантія противъ попытокъ насильственнаго захвата, обнимаемыхъ терминомъ: *черный передѣлъ*. Высочайшій рескриптъ 30-го марта осуждаетъ *посягательства* на частное землевладѣніе, т.-е. противозаконныя, преступныя нарушенія охраняемаго закономъ права. Съ такими нарушеніями не имѣетъ ничего общаго закономѣрное вмѣшательство государства въ область аграрныхъ отношеній, на тѣхъ, напримѣръ, началахъ, какія намѣчены недавно происходившимъ въ Москвѣ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей ¹⁾.

¹⁾ См. № 58 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Кромѣ содѣйствія переселенію и расселенію, реформы крестьянскаго банка и пересмотра межсего законодательства, въ составъ программы, принятой совѣщаніемъ, входятъ еще слѣдующіе пункты: 1) улучшение экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзковъ, въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій. 2) Признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ земель и части удѣльныхъ; увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплуатация его въ интересахъ трудящагося населенія. 3) Упорядоченіе условій аренды, путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендные отношенія. 4) Образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій, согласно вышеуказаннымъ началамъ. „Посягательствомъ“ на частное землевладѣніе не можетъ быть названа ни одна изъ мѣръ, рекомендуемыхъ земскимъ совѣщаніемъ. Весьма вѣроятно, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ придется обратиться и совѣщанію, во главѣ котораго поставленъ И. Л. Горемыкинъ. Безъ регулированія арендныхъ отношеній едва ли можно будетъ предоставить крестьянамъ „удобнѣйшіе, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способы пользованія отведенными имъ надѣльными землями“; безъ увеличенія государственнаго земельного фонда едва ли возможно будетъ достигнуть „упроченія земельного строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія“. Возлагать слишкомъ большія надежды на переселеніе рискованно уже потому, что запасъ годныхъ для него свободныхъ земель, по собраннымъ въ послѣднее время (въ особенности А. А. Кауфманомъ) даннымъ, далеко не такъ великъ, какъ предполагалось еще недавно. Что касается до покупки земли съ помощью крестьянскаго банка, то она не всегда подъ силу именно тѣмъ, кто всего больше страдаетъ отъ малоземелья.

3-го апрѣля состоялся Высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора, заставляющій ожидать скорого введенія въ Сибирь земскихъ учрежденій—*земскихъ* не только по имени, какъ созданныхъ, два года тому назадъ, для западныхъ губерній, но и на самомъ дѣлѣ. Великій рельсовый путь, связавшій Сибирь съ Европейскою Россіей, произвелъ, по словамъ рескрипта, „глубокія измѣненія въ строѣ мѣстной гражданской жизни. Усиленный притокъ переселенцевъ, привлекаемыхъ неисчерпаемыми природными богатствами страны, явился мощнымъ двигателемъ развитія ея производительныхъ силъ. Вновь возникшія бытовыя условія выдвинули на очередь рядъ весьма важныхъ задачъ, рѣшеніе коихъ не можетъ быть достигнуто безъ уча-

стія представителей населенія. Назрѣвшимся потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ". Завѣдываніе это, въ предѣлахъ иркутскаго военнаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ тобольской и томской рѣшено образовать „на плодотворныхъ началахъ общественной самостоятельности, обеспечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно нарастающихъ запросовъ жизни, въ соотвѣтствіи съ предназначеніями, указанными во 2-мъ пунктѣ указа правительствующему сенату отъ 12 декабря 1904 года". Никогда еще, кажется, въ официальномъ актѣ не признавались такъ рѣшительно и опредѣленно преимущества мѣстнаго самоуправленія передъ старой бюрократической системой; никогда не подчеркивалось такъ ярко великое значеніе общественной самостоятельности. Ссылка на пунктъ 2-ой указа 12-го декабря удостоверяетъ, что въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, земству будетъ предоставлено, вмѣстѣ съ „необходимую самостоятельностью“, „широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства“, и что къ участію въ немъ будутъ призваны всѣ части „заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія". Разъ что земство вводится въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ Сибирь, нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе новаго земскаго положенія будетъ распространено и на всѣ сѣверныя, западныя и восточныя окраины Европейской Россіи, и на Закавказье, давно нуждающееся въ немъ, и даже—съ нѣкоторыми, быть можетъ, отступленіями отъ общаго типа—на области, входящія въ составъ генералъ-губернаторствъ туркестанскаго и степного. Кавказу и Закавказью земскія учрежденія прямо обѣщаны въ телеграммѣ новаго намѣстника кавказскаго, графа Воронцова-Дашкова, посланной на имя временно управляющаго этимъ краемъ. „По указаніямъ, даннымъ мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ“,—читаемъ мы въ этой телеграммѣ,—„мною будутъ собраны совѣщанія представителей населенія. Сюда должны войти выборные отъ дворянства, городовъ и сельскихъ общинъ, а также духовенства православнаго, армяно-грегоріанскаго и магометанскаго. Совѣщанію предложено будетъ высказаться о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя неотложно необходимо принять для прекращенія всѣхъ разбоевъ, грабежей и беспорядковъ, выяснить, насколько ощущается потребность въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго въ краѣ судебнаго устройства, и обсудить возможность и цѣлесообразное спокойное прижѣненіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ". Особенно сильно можетъ способствовать успокоенію кавказскаго края извѣстіе о предстоящемъ пересмотрѣ рѣшенія, въ силу котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приняты были въ казенное управленіе всѣ имущества армянской церкви. Неудовольствіемъ, вызваннымъ этою мѣрою, объясняется значительная

часть безпорядковъ, происходившихъ, въ послѣднее время, въ Елизаветполь, Карсѣ и другихъ мѣстностяхъ Закавказья.

Въ то самое время, когда на дальнихъ окраинахъ Россіи дѣлаются первые шаги къ децентрализаціи—децентрализаціи въ истинномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, обращающейся къ самодѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ и знаменующей собою близкій конецъ чисто-бюрократическаго режима—реакціонная печать выступаетъ съ проповѣдью децентрализаціи совсѣмъ другого рода, направленной къ обостренію произвола. „Выдающийся“—по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“—„представитель военнаго вѣдомства“, имя котораго остается неизвѣстнымъ, предлагаетъ раздѣлить Россію на округа, по нѣскольку губерній въ каждомъ, и во главѣ округа поставить временнаго генераль-губернатора, облеченнаго чрезвычайною властью, какъ военною, такъ и гражданскою. Неудачу прежнихъ попытокъ этого рода авторъ проекта объясняетъ недостаточностью полномочій, которыя были предоставляемы генераль-губернаторамъ, а также тѣмъ, что генераль-губернаторы были введены не повсемѣстно. Восторженно одобряя основную мысль проекта и ни отъ кого, кромѣ либераловъ, не ожидая противъ нея возраженій, московская газета идетъ еще дальше: она рекомендуетъ созданіе центральной власти, которая объединяла бы дѣйствія всѣхъ генераль-губернаторовъ. Такою властью не можетъ быть министръ внутреннихъ дѣлъ, у котораго слишкомъ много другихъ обязанностей: необходимо особое лицо, „прямою и единственною обязанностью“ котораго было бы „внести единство въ дѣйствія всѣхъ генераль-губернаторовъ и поддерживать въ нихъ должную энергію“. Надъ „провинціальными диктатурами“ была бы поставлена, такимъ образомъ, диктатура всероссійская, и поставлена надолго: въ генераль-губернаторствахъ московская газета видитъ учрежденіе не временное, а постоянное, нормальное, обусловливаемое обширностью Россіи. Въ видѣ примѣра тому, что можетъ сдѣлать „полномочный слуга государя“, приводится дѣятельность кн. Воронцова—въ Новороссіи и на Кавказѣ, гр. Муравьева—въ Сибири, Кауфмана—въ Туркестанѣ.

Большаго безсилія мысли, чѣмъ выразившееся въ только-что изложенномъ прожектѣ, нельзя себѣ и представить. Мнимо-спасительное средство было испытано много разъ—и всегда оказывалось нигуда негоднымъ. Ничего хорошаго не внесли въ нашъ административный строй постоянныя генераль-губернаторства время Александръ I и Николая I-го; не остановили распространенія смуты временныя генераль-губернаторства конца царствованія Александра II-го. На одного

генераль-губернатора, успѣвшаго хоть что-нибудь сдѣлать для управляемой имъ области, сколько приходилось такихъ, которые только тормазили движеніе дѣлъ и затрудняли борьбу съ злоупотребленіями! Припомнимъ, напримѣръ, чѣмъ былъ генераль-губернаторъ Западной Сибири для тобольскаго губернатора Арцимовича, генераль-губернаторъ бѣлорусскаго края—для витебскаго губернатора Жиркевича; припомнимъ длинную вереницу лицъ, бесполезно или съ явнымъ вредомъ для края занимавшихъ генераль-губернаторскій постъ въ Вильнѣ, Киевѣ, Ригѣ, Оренбургѣ, Иркутскѣ; припомнимъ, какъ часто политика преемника шла прямо въ разрѣзъ съ политикой предшественника, все перевертывая вверхъ дномъ, уничтожая всякую послѣдовательность въ примѣненіи закона (Головинъ и кн. Суворовъ въ остзейскомъ краѣ, Анненковъ, Безакъ и кн. Дондуковъ-Корсаковъ въ юго-западныхъ губерніяхъ); припомнимъ, какую печальную роль сыграли лучшіе наши полководцы—Гурко и Тотлебенъ,—очутясь, въ 1879 г., временными генераль-губернаторами въ Петербургѣ и Одессѣ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣятельность генераль-губернатора—если не считать завоеваній, сдѣланныхъ оружіемъ,—не оставляла никакихъ прочныхъ слѣдовъ: послѣ гр. Муравьева не измѣнилась къ лучшему система управленія восточною Сибирью, послѣ кн. Воронцова—система управленія Кавказомъ... Если несостоятельна мысль „выдающагося представителя военнаго вѣдомства“, то какъ назвать дальнѣйшее развитіе ея „Московскими Вѣдомостями“? Центральная диетатура была испробована у насъ лишь однажды, при гр. Лорисъ-Меликовѣ; но это была диетатура только кажущаяся, стремившаяся сдѣлать себя ненужной и перейти какъ можно скорѣе къ нормальному управленію. При постоянныхъ генераль-губернаторахъ и диетаторѣ, поставленный надъ ними, былъ бы постояннымъ—а что такое постоянный диетаторъ, разъ что къ нему непримѣнима вилка, данная Руэру въ послѣдніе годы второй имперіи? Не что иное, какъ министръ полиціи, окончательно освобожденный отъ обязанности сообразоваться съ закономъ; а способствовалъ ли министръ полиціи, гдѣ и когда бы то ни было, умиротворенію взволнованной страны, водворенію настоящаго,—т. е. внутренняго, а не внѣшняго—порядка?.. Отдадимъ справедливость „выдающемуся представителю военнаго вѣдомства“: онъ не забываетъ о Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля, хотя и отодвигаетъ осуществленіе его въ неопредѣленную даль будущаго. Но какое же мѣсто остается для этого государственнаго акта при господствѣ диетатуръ, центральной и провинціальныхъ? Во что обращается возвѣщенное Высочайшимъ рескриптомъ народное представительство, при дѣйствіи чрезвычайныхъ, неограниченныхъ, безсрочныхъ полномочій?..

Главнымъ интересомъ дня остается вопросъ о составѣ собранія, имѣющаго быть созваннымъ на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Въ газетахъ продолжаютъ появляться цѣлыя проекты организациі избирательнаго права; продолжается и полемика о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ избирательныхъ системъ. Отмѣтимъ, прежде всего, интересную брошюру Г. А. Евреинова: „Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство“—интересную въ особенности потому, что большая ея часть представляетъ собою буквальное воспроизведеніе записки, поданной авторомъ (занимавшимъ тогда постъ оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената), въ апрѣлѣ 1881 г., министру юстиціи. Съ замѣчательною ясностью и силой указаны здѣсь тѣ слабыя стороны нашего государственнаго строя, которыя, обостряясь все больше и больше, привели къ тяжелому кризису, теперь переживаемому Россіей. „Ничѣмъ не стѣсняемая администрація наша“—писалъ Г. А. Евреиновъ четверть вѣка тому назадъ—„съ совершеннымъ пренебреженіемъ относится къ основнымъ законамъ имперіи и, въ явное ихъ нарушеніе, пользуется возможностью непосредственно испрашивать Высочайшія повелѣнія по такимъ предметамъ, которые требуютъ законодательнаго разрѣшенія... Народъ русскій служитъ до сего времени только предметомъ, надъ которымъ проявляется дѣятельность правительства, а въ самой этой дѣятельности никакого участія не принимаетъ... Исполнителями благихъ предначертаній Царя-Освободителя явились косныя учрежденія чиновно-канцелярскаго строя... Отличительныя черты дѣятельности этихъ учреждений—застой въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей, произвольная власть, слабость и распущенность ея представителей и поразительная неумѣлость нѣкоторыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ... Общество не довѣряетъ правительству, правительство не довѣряетъ обществу; на почвѣ этого разлада выросло социальное движеніе, и въ немъ причина, что социальное движеніе не вызвало отпора въ самомъ обществѣ“... Читая эти строки, можно подумать, что онѣ написаны вчера или сегодня. Картина, нарисованная въ 1881 г., во многомъ остается вѣрною до сихъ поръ: нужно только значительно сгустить наложенныя на нее краски. Это и дѣлаетъ авторъ, напоминая, въ концѣ брошюры, что послѣдніе двадцать-четыре года были временемъ „рѣшительной и беспощадной реакціи“, характеризуемой „безграничнымъ своеволіемъ исполнительной власти, ясно выраженнымъ атавизмомъ крѣпостничества во вліятельномъ меньшинствѣ служилаго и помѣстнаго дворянства, и одностороннимъ, въ самомъ основаніи своемъ невѣрнымъ представленіемъ о русской національной самобытности, противопологаемой всей

западной культурѣ“... Въ своей запискѣ Г. А. Евреиновъ, отвергая модную тогда мысль о приглашеніи земскихъ представителей въ государственный совѣтъ на правахъ экспертовъ, по нѣкоторымъ лишь отдѣльнымъ вопросамъ, высказывался за созданіе земскаго представительства, какъ постоянного законодательнаго учрежденія—и вмѣстѣ съ тѣмъ за неприкосновенность самодержавія, какъ основы нашего государственнаго строя. Въ настоящее время устройство „государственной земской думы“ намѣчается авторомъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Всѣхъ членовъ думы должно быть не болѣе 500. Болѣе крупные города (на первое время—въ лицѣ городскихъ думъ, съ привлеченіемъ къ нимъ квартиронанимателей) выбираютъ 136 представителей, изъ которыхъ 87 приходятся на Европейскую Россію, 19 на Царство Польское, 12 на Кавказъ, 8 на Сибирь, 16 на Среднюю Азію ¹⁾. Остальныя 364 полномочія распределяются между губерніями соотвѣтственно ихъ населенію. Въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ городскихъ поселеніяхъ, не пользующихся самостоятельнымъ представительствомъ, избирательное право предоставляется владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, въ томъ числѣ и сельскимъ обществамъ, а также плательщикамъ промысловаго налога извѣстнаго размѣра. Система выборовъ трехстепенная: городскія управленія и сельскіе избирательные участки выбираютъ уѣздныхъ избирателей, уѣздные—губернскихъ, избирающихъ положенное на губернію число представителей въ государственную земскую думу. Представители должны умѣть говорить, читать и писать по-русски. Прочность и независимость выборнаго представительства Г. А. Евреиновъ признаетъ необходимымъ обезпечить слѣдующими гарантіями: 1) Всѣ законопроекты и государственная роспись доходовъ и расходовъ восходятъ на утвержденіе верховной власти не иначе, какъ по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи въ государственной земской думѣ. 2) Законопроектъ, отвергнутый большинствомъ думы, возвращается предложившему его министру. 3) Народные представители безответственны за выраженные ими въ думѣ политическія мнѣнія. Порядокъ засѣданій и полномочія предсѣдателя опредѣляются издаваемымъ въ законодательномъ порядкѣ регламентомъ. 4) Засѣданія думы публичны. 5) Думѣ должно быть предоставлено право законодательной инициативы, выражающейся въ формѣ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ по предметамъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Эти гарантіи—прибавляетъ Г. А. Евреиновъ—„совершенно совмѣстимы съ прерогативами самодержавія русскихъ государей“.

¹⁾ Участіе Финляндіи въ государственной думѣ Г. А. Евреиновъ признаетъ несоотвѣтствующимъ отношенію великаго княжества къ имперіи.

Изъ числа проектовъ, появляющихся въ газетахъ, всего ближе подходитъ къ извѣстнымъ намъ уже схемамъ гг. Н. З. и Кузьмина-Караваева предложеніе председателя нижегородской земской управы А. А. Савельева. Имѣя въ виду съ одной стороны неотложную необходимость преобразованія, съ другой—невозможность ввести сразу, безъ обширной подготовительной работы, прямую, всенародную, равную для всѣхъ выборную систему, А. А. Савельевъ признаетъ наиболѣе правильнымъ воспользоваться, на первый разъ, существующими земскими учреждениями. Въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній должны быть введены, съ этою цѣлю, свободно выбранные (а не назначенные губернаторомъ) гласные отъ крестьянъ, а также выборные отъ фабрично-заводскаго населенія и отъ крупныхъ (не городскихъ) промышленныхъ центровъ, въ составъ губернскихъ собраній—представители отъ городскихъ думъ и биржевыхъ обществъ. Гораздо сложнѣе проектъ г. Романовскаго-Романько, напечатанный въ № 10448 „Новаго Времени“. Авторъ предлагаетъ раздѣлить все населеніе имперіи на четыре группы, отнеся къ первой—проживающихъ въ усадьбахъ или имѣніяхъ дворянъ-землевладѣльцевъ и состоящихъ или состоявшихъ на государственной или земской службѣ, ко второй—разныя категоріи лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ (въѣ усадьбъ или имѣній) и въ городахъ, населеніе которыхъ не превышаетъ одной тысячи человекъ, къ третьей—проживающихъ въѣ городовъ крестьянъ, мѣщанъ и инородцевъ, къ четвертой—населеніе болѣе крупныхъ городовъ. Система выборовъ — отчасти двухъ-, отчасти трехъ-степенная. Первая группа выбираетъ 98 представителей, вторая — также 98, третья—792, четвертая—190. Общее число представителей—1.178. Уже одна эта цифра, невозможно высокая, говоритъ противъ проекта, вообще отличающагося ненужною и ничѣмъ не оправдываемою сложностью. Однородные элементы (напр. личные землевладѣльцы) разединяются, разнородные (напр. землевладѣльцы, торговцы, лица свободныхъ профессій) соединяются въ одну группу. Сословное начало отчасти игнорируется, отчасти выдвигается на сцену. Еще болѣе серьезный недостатокъ проекта мы видимъ въ томъ, что онъ вовсе не пользуется существующими общественными учреждениями. Столь же мало удовлетворителенъ проектъ неизвѣстнаго автора, содержаніе котораго изложено вкратцѣ въ петербургской корреспонденціи берлинской гезеты „Tägliche Rundschau“ ¹⁾, болѣе подробно—въ еврейской газетѣ „Газманъ“, откуда оно заимствовано „Кіевскими Откликами“ и „Сыномъ Отечества“ (№ 35). Предполагается созданіе двухъ учреждений: *Государственнаго Совѣщанія*, какъ верхней, и *Государ-*

¹⁾ См. № 91 „Русскихъ Вѣдомостей“.

стѣннаго Собранія, какъ нижней палаты. Верхняя палата должна состоять изъ 120 членовъ: 60 по выбору дворянства европейскихъ губерній (безъ Финляндіи и Царства Польскаго) и 60 по назначенію. Въ нижнюю палату избираются 643 депутата, а именно 364—отъ центральныхъ губерній, 72—отъ девяти западныхъ, 15—отъ трехъ прибалтійскихъ губерній, 50—отъ Привислянскаго края, 32—отъ Финляндіи, 30—отъ Кавказа, 30—отъ Сибири, 15—отъ азіатскаго края. Сверхъ того восемь большихъ городовъ (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Рига и Лодзь) выбираютъ 20 депутатовъ, православное духовенство—10, духовенство остальныхъ исповѣданій (католическое, протестантское, армянское, магометанское и еврейское)—5. Государственное Собраніе изъ своей среды назначаетъ *Исполнительный Комитетъ*, который долженъ готовить работы Собранія, передавать его постановленія правительству, вести сношенія съ Верхней палатой. *Выборы* въ Государственное Собраніе двойкаго рода: для земскихъ губерній предлагается установить избраніе въ каждой губерніи по три депутата отъ земскаго (губернскаго?) собранія, по два отъ дворянскаго собранія, по одному отъ купечества и отъ городского населенія и три отъ крестьянства. Въ неземскихъ губерніяхъ предполагается система косвенныхъ выборовъ отъ городскихъ и крестьянскихъ обществъ, въ родѣ прусской. Въ сѣверо-западномъ краѣ дворяне и крестьяне выбираютъ по три, города и купечество — по одному представителю. Депутаты отъ Финляндіи назначаются финляндскимъ сеймомъ. Представители большихъ городовъ выбираются городскими думами. Сибирь посылаетъ отъ каждой губерніи двухъ представителей городовъ и по одному отъ купечества и отъ крестьянства. Право быть выбраннымъ въ представители имѣетъ каждый русско-подданный, достигшій 25-ти лѣтъ и не лишенный правъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Государственное Собраніе засѣдаетъ два раза въ годъ по два мѣсяца (февраль—мартъ и октябрь—ноябрь).—Оставляя, пока мѣсть, въ сторонѣ тѣ части проекта, которыя касаются верхней палаты и исполнительнаго комитета нижней палаты, ограничимся указаніемъ на сословный характеръ рекомендуемой имъ выборной системы и на широкое мѣсто, отводимое дворянскому, а отчасти и купеческому элементу. Въ земскихъ губерніяхъ, за немногими исключеніями, большинство въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ принадлежитъ дворянамъ: дворянскою, такимъ образомъ, могла бы явиться цѣлая половина представительства этихъ губерній. Въ городскихъ думахъ преобладаетъ купечество, которое въ весьма многихъ случаяхъ было бы представлено вдвойнѣ: своими собственными избранниками и избранниками городскихъ думъ. Ультра-сословной тенденціей внушено и то правило проекта, въ силу котораго представителями отъ крестьянъ

могутъ быть исключительно крестьяне, и притомъ лишь тѣ, которые имѣютъ право участія въ волостныхъ сходахъ. Для представительства свободныхъ профессій и фабрично-заводскихъ рабочихъ система проекта вовсе не оставляетъ мѣста. Воплотить примѣнно къ ней, поэтому, все то, что было сказано нами, мѣсяць тому назадъ, о проектѣ барона П. Л. Корфа.

За немедленное введеніе всеобщей и прямой подачи голосовъ продолжаютъ высказываться, одни за другими, общества, собранія, союзы. Подробную мотивировку этого тезиса даютъ доклады инженера И. В. Чернышева (въ соединенномъ собраніи общества горныхъ инженеровъ и союза инженеровъ) и В. А. Мякотина (въ собраніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ). Указавъ на крайнюю неравномѣрность и несправедливость дѣйствующаго у насъ земскаго и городского представительства, И. В. Чернышевъ выводитъ отсюда, что нынѣшнимъ земствамъ и городскимъ думамъ нельзя предоставить право выбора депутатовъ отъ всего народа. Избирательной единицей при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ долженъ быть уѣздъ. Если въ уѣздѣ меньше 50 тыс. жителей, онъ соединяется для выборовъ съ другимъ уѣздомъ. Если въ уѣздѣ болѣе 150 тыс. жителей, онъ выбираетъ двухъ депутатовъ, если болѣе 250 тыс.—трехъ, и такъ далѣе, прибавляя по одному депутату на каждыя сто тысячь человекъ. На каждую тысячу избирателей, по расчету г. Чернышева, придется 800 крестьянъ, 17 дворянъ, 5 духовныхъ, 110 лицъ городскихъ сословій и 50 инородцевъ. „Всякое ограниченіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права“ — такъ закончилъ свой докладъ г. Чернышевъ — „ведетъ къ тому, что представительство интересовъ народа подмѣняется представительствомъ его меньшей части. Каждымъ такимъ ограниченіемъ центръ тяжести политической власти перемѣщается въ сторону имущихъ классовъ; интересы народнаго блага и культурнаго развитія ввѣряются не заботамъ всего общества, а заботамъ меньшинства, выдѣленнаго по механическому признаку обладанія собственностью. Наоборотъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права способствуетъ передачѣ судьбы народа въ его собственныя руки“. — Значительная часть доклада В. А. Мякотина посвящена возраженіямъ на докладъ В. Д. Кузьмина-Караваева ¹⁾. Основная мысль послѣдняго — необходимость *немедленнаго* производства выборовъ; между тѣмъ, осуществленіе измѣненій, вносимыхъ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ составъ земскихъ собраній, требуетъ времени и представляетъ значительныя трудности. То же самое слѣдуетъ сказать и объ организациіи проектируемой имъ избирательной

¹⁾ См. „Внутреннее Обзорѣніе“ въ предыдущей книжкѣ нашего журнала.

группы рабочихъ. Привести къ желанной цѣли всѣ эти нововведенія, при нынѣ существующихъ условіяхъ, не могутъ: общественные классы, о которыхъ заботится В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, неизбежно будутъ обойдены. „Авторы проектов“ — продолжаетъ В. А. Мякотинъ, не различая В. Д. Кузьмина-Караваева отъ барона П. Л. Корфа, — „исходить изъ предположенія, что въ Россіи есть сила, которая одушевлена намѣреніемъ немедленно преобразовать русскую жизнь. Эту силу можно было увидѣть единственно въ рескриптѣ 18-го февраля“. До сихъ поръ, однако, не сдѣлано попытки осуществить намѣченное въ рескриптѣ. „Это значитъ, что въ немъ нѣтъ реального содержанія; онъ не знаменуетъ собою поворота въ дѣйствительной жизни. Не здѣсь родятся тѣ силы, которыя толкаютъ русскую жизнь къ преобразованіямъ и должны передать дѣло народа въ руки самого народа. Если русское общество получило за послѣднее время возможность говорить и думать, — не громко, но хотъ вполголоса, — то лишь потому, что измѣнился характеръ народной жизни, и изъ народа вышли силы, выступившія въ открытую борьбу за новыя начала жизни, за права личности и гражданства. Благодаря борьбѣ передъ русской интеллигенціей выдвинулся вопросъ: гдѣ путь для завоеванія новыхъ условій жизни“? Что такимъ путемъ не можетъ быть содѣйствіе существующему государственному механизму — это В. А. Мякотинъ выводитъ, между прочимъ, изъ того, что вопросы политическіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ социальными, требующими безотлагательнаго превращенія прежней жизни въ новую. „Собираясь съ реальной обстановкой, русская интеллигенція должна опредѣлить свое отношеніе къ дѣйствительности. Пролагать ли ей мосты къ осуществленію частичныхъ преобразованій, къ передачѣ власти въ руки группъ, которыя постараются обезпечить свои интересы, или направить свои силы на поддержаніе тѣхъ боевыхъ лозунговъ, на которыхъ могутъ объединиться живыя силы страны? Рѣшеніе вопроса можетъ быть только одно: она не можетъ идти на уступки и должна требовать созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ“. Условіями, необходимыми для успѣха выборовъ, В. А. Мякотинъ считаетъ свободу слова устнаго и печатнаго, свободу собраній и союзовъ, неприкосновенность личности и жилища. Въ двухстепенности выборовъ онъ усматриваетъ компромиссъ, а вступить на путь компромисса — значитъ разорвать связь съ народомъ.

Посмотримъ, прежде всего, совмѣстимы ли системы, которыя мы, для краткости, обозначимъ общимъ именемъ *переходныхъ* ¹⁾, съ без-

¹⁾ Къ такимъ системамъ мы относимъ, напримѣръ, проекты г.г. Кузьмина-Караваева, Н. З. Савельева, принимаемые нами съ тѣми или другими оговорками.

отлагательнымъ производствомъ выборовъ. Допустимъ, что къ губернскому земскому собранію рѣшено будетъ присоединить—согласно съ мыслью, выраженной нами въ апрѣльскомъ обзорѣ—крестьянъ, избранныхъ волостными сходами, а также выборщиковъ отъ той части сельскаго и городскаго населенія, которая не представлена теперь ни въ земствѣ, ни въ городскихъ думахъ. Много ли нужно было бы времени, чтобы составить въ уѣздахъ списки осѣдлыхъ жителей, не владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, въ городахъ—списки квартиронанимателей? Во всякомъ случаѣ не больше того, которое понадобилось бы для составленія списковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ всеобщей подачи голосовъ. Еще скорѣе могли бы быть созваны волостные сходы. Избранные на сходахъ и другихъ собраніяхъ выборщики могли бы немедленно войти въ составъ губернскаго земскаго собранія и вмѣстѣ съ нимъ приступить къ избранію представителей. Примыкая къ организаціи давно существующей, обладающей широкимъ опытомъ, новые ея члены безъ труда ориентировались бы въ чуждой имъ до тѣхъ поръ средѣ, быстро ознакомились бы и съ главными теченіями, и съ лицами, ихъ представляющими, и получили бы возможность подать голосъ сознательно и обдуманно, не подчиняясь ни запугиванью, ни обѣщаніямъ, ни случайнымъ, внѣшнимъ вліяніямъ. Наоборотъ, при всеобщей и прямой подачѣ голосовъ избиратели, предоставленные самимъ себѣ, не скоро могли бы дать себѣ ясный отчетъ въ своей задачѣ, столкнуться между собою, остановиться на одномъ изъ одинаково имъ незнакомыхъ кандидатовъ. Даже при самой широкой, искусной, безпрепятственной избирательной агитаціи потребовались бы мѣсяцы, если не годы, чтобы приготовить выборы, соотвѣтствующіе важности момента. Нѣсколько иначе обстояло бы дѣло при двухстепенной подачѣ голосовъ—но и при ней выборщики, раньше не знавшіе другъ друга и ничѣмъ не связанные между собою, встрѣтили бы на своемъ пути гораздо больше трудностей и сомнѣній, чѣмъ выборщики, вошедшіе въ составъ губернскаго земскаго собранія. Для первыхъ политическихъ выборовъ нужна прочная точка опоры, нужна, говоря фигурально, стѣна, къ которой они бы могли прислониться—и вотъ, такой точкой опоры, такой стѣной является въ нашихъ глазахъ губернское земство. Пройдетъ критическая минута—исчезнетъ и необходимость поддержки: но отказаться отъ нея *теперь*, значило бы пуститься, закрывъ глаза, въ область неопредѣленнаго и непредвидѣннаго, оставить на карту, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ, ближайшее будущее Россіи. Повторяемъ еще разъ: мы говоримъ только о *первыхъ* выборахъ, о *временномъ* избирательномъ порядкѣ: *постоянный* избирательный законъ долженъ быть выработанъ будущимъ народнымъ представительствомъ.

Что политическіе вопросы, въ настоящее время, тѣсно связаны съ социальными, что въ массѣ народа пробудились потребности, игнорировать которыя было бы и неразумно, и опасно, что центр тяжести политической жизни не долженъ быть искусственно перемѣщенъ въ сторону имущихъ классовъ—это и въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: но въ разрѣзъ съ этимъ не идетъ защищаемая нами система. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что къ губернскому земскому собранію присоединились бы свободно выбранные уполномоченные крестьянъ, по одному отъ каждой волости: большинство вездѣ оказалось бы на сторонѣ крестьянъ ¹⁾, даже если не считать представителей „третьяго элемента“, солидарнаго, за рѣдкими исключениями, съ крестьянской массой. Мало вѣроятнень, впрочемъ, былъ бы и антагонизмъ между крестьянами и земцами. Наше земство много разъ обнаруживало способность возвышаться надъ классовыми интересами. Не углубляясь въ исторію, ограничимся напоминаніемъ о программѣ московскаго земскаго совѣщанія, приведенной нами выше: она прямо ставитъ на очередь аграрныя реформы. Нѣтъ основанія утверждать, что собраніе, обязанное своимъ происхожденіемъ всеобщей и прямой подачѣ голосовъ, создало бы для этихъ реформъ болѣе благоприятную почву, чѣмъ собраніе, избранное въ предлагаемомъ нами порядкѣ. Для перваго давленіе сверху, почти неизбежное въ переходную эпоху, было бы болѣе опасно, чѣмъ для втораго, сильнаго традиціями и дисциплиной. Сюрпризы, при дѣйствіи всеобщаго и прямого избирательнаго права, могли бы получиться у насъ еще болѣе поразительные, чѣмъ во Франціи, во времена второй республики и второй имперіи, да и въ Германіи, въ 1848—49 г. Тѣхъ различныхъ видовъ свободы, которые справедливо признаются необходимымъ условіемъ нормальной предвыборной борьбы и правильныхъ выборовъ, Россія еще лишена; когда они сдѣлаются ея достояніемъ—сказать трудно. Нельзя, поэтому, не считаться съ вопросомъ, при какомъ избирательномъ порядкѣ особенно опасно ихъ отсутствіе; нельзя забывать дѣйствительность, среди которой мы живемъ и измѣненіе которой виднѣется только въ туманѣ будущаго. Реальной почвой для перемѣны остается, до сихъ поръ, рескриптъ 18-го февраля. Глубоко сожалѣя о медленности его осуществленія, мы все-таки думаемъ, что онъ долженъ перейти въ жизнь—и подъ этимъ угломъ смотримъ на избирательные проекты. Насъ не пугаетъ страшное слово *компромиссъ*—не пугаетъ потому, что компромиссы часто отыскиваютъ путь для дальнѣйшаго движенія, являются пер-

¹⁾ Въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, напримѣръ, членовъ около 70, а волостей въ с.-петербургской губерніи—126.

вымъ шагомъ къ достиженію желанной цѣли. Разрывъ съ народомъ знаменуютъ собою только тѣ изъ нихъ, которыми приносятся въ жертву наиболѣе существенныя народныя блага, а не тѣ, которые не идутъ дальше отсрочки окончательнаго рѣшенія. Главное, къ чему теперь слѣдуетъ стремиться—это созывъ народнаго представительства, которое отразило бы въ себѣ, хотя бы съ приблизительною точностью, господствующія теченія минуты... Закончимъ прекрасными словами кн. С. Н. Трубецкого, сказанными имъ недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 96): „всѣ, кому дорога безопасность отечества, мало того—личная безопасность, должны сознать, что надо дѣйствовать *сейчасъ*, что *болѣе медлить нельзя*, что одними посулами, безъ рѣшительнаго шага въ смыслѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній и законныхъ требованій общества,—шага достаточно смѣлаго и энергичнаго, чтобы завоевать общее довѣріе и признаніе,—нельзя будетъ избѣжать новыхъ неисчислимыхъ жертвъ и гибельныхъ катастрофъ... Общество не можетъ, не должно оставаться безучастнымъ въ минуту, когда Россія въ опасности. Прежній строй осужденъ безвозвратно нашими вышними пораженіями и собственнымъ распаденіемъ. Его обличилъ страшный судъ исторіи, его осудила Россія, и верховная власть скрѣпила этотъ приговоръ. Но онъ еще ничѣмъ не замѣненъ, и первый камень новаго порядка все еще не заложенъ. Старый порядокъ быстро и неудержимо распадается у всѣхъ на глазахъ, и на мѣсто его водворяется анархія, которая надвигается на насъ сверху и снизу, принимая грозные размѣры... Можно радоваться крушенію стараго режима, его банкротству, но полному крушенію порядка въ странѣ радоваться нельзя; а между тѣмъ оно совершается явно и быстро, и судорожныя реакціонныя мѣры, являющіяся лишь признакомъ растерянности и внутренняго безсилія, могутъ только ускорить такое крушеніе. Нужна созидательная дѣятельность, и среди общаго разложенія начала новаго порядка должны быть заложены безъ промедленія, не на словахъ, а на дѣлѣ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905 г.

Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими. — Вильгельм II, какъ „ограниченный“ правитель. — Мароккскій вопросъ и неожиданно новая его постановка. — Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ. — Внутреннія дѣла во Франціи.

Наши западные сосѣди издавна даютъ намъ поучительные примѣры и образцы государственнаго благоустройства, которымъ мы упорно почему-то не желаемъ слѣдовать, — а между тѣмъ насъ еще обвиняютъ въ подражательности. Нѣтъ у насъ такого „государственнаго человека“, бюрократа или просто чиновника, который не зналъ бы, по крайней мѣрѣ изъ газетъ, о положеніи и ходѣ политическихъ дѣлъ въ Германіи; многіе изъ вліятельныхъ нашихъ правительственныхъ дѣятелей чуть ли не ежегодно бывають за границей и имѣють полную возможность присматриваться къ образцовымъ нѣмецкимъ порядкамъ, и однако они не видятъ и не замѣчаютъ того, что происходитъ вокругъ, или намѣренно закрываютъ глаза на окружающую жизнь въ Европѣ, чтобы избѣгнуть соответственныхъ практическихъ выводовъ относительно своей собственной печальной дѣятельности въ отечествѣ. Склонность къ подражанію иностранцамъ, приписываемая нашему образованному обществу, и въ томъ числѣ и высшему чиновничеству, давала себя чувствовать до сихъ поръ только въ области внѣшняго комфорта и роскоши, но почти совсѣмъ не распространялась на политическія учрежденія и понятія, которыя дѣйствительно могли бы принести огромную пользу Россіи. Въ этомъ отношеніи наша правящая бюрократія обнаруживала необыкновенную самобытность, доходившую иногда до чисто-китайской исключительности. Оттого у насъ понинѣ процвѣтають учрежденія и порядки, какихъ нѣтъ нигдѣ въ культурномъ мірѣ; у насъ существуютъ фантастическія должности съ колоссальными денежными окладами, въ нѣсколько разъ превышающими жалованье перваго сановника Германіи — имперскаго канцлера; у насъ въ Петербургѣ находится обширный и чрезвычайно дорого обходящійся казнѣ штатъ намѣстничества для областей, занятыхъ японскими войсками, хотя это намѣстничество съ самаго начала оказалось только лишнимъ и даже вреднымъ тормазомъ для охраны русскихъ интересовъ на Дальнемъ Востоцѣ; въ числѣ нашихъ высшихъ государственныхъ установленій имѣются такія, самое мѣсто-пребываніе которыхъ неизвѣстно даже почтамту, или такія, которыя

тщетно предлагаютъ себя упразднить за ненадобностью; наконецъ, у насъ существуютъ многочисленныя—даже слишкомъ многочисленныя—власти съ широкими полномочіями, но эти власти дѣйствуютъ такъ, какъ будто главная задача ихъ заключается въ доказательствѣ взаимнаго между ними разлада и соперничества, въ возбужденіи постоянныхъ внутреннихъ неурядицъ и волцений, въ поддержаніи неопредѣленной тревоги и общаго недовольства въ странѣ. Въ то же время, имѣя много лишнихъ и крайне дорого оплачиваемыхъ учреждений и властей, мы не видимъ у себя тѣхъ общепринятыхъ въ Европѣ условий прочнаго законнаго порядка и мирнаго прогрессивнаго развитія, которыя придаютъ такой жизнерадостный характеръ всему строю общественнаго и политическаго быта западно-европейскихъ народовъ. Намъ приходится безплодно завидовать, напримѣръ, Германіи, когда мы наблюдаемъ ея открытую, доступную для всей націи, политическую жизнь, и когда мы слѣдимъ за ея расчетливою, строго обдуманною и всѣми свободно обсуждаемою внѣшнею и внутреннею политикою. Всевозможные споры, разногласія и конфликты происходятъ и тамъ, въ сферѣ текущихъ, болѣе или менѣе жгучихъ вопросовъ; но какъ легко и свободно разрѣшаются они при всестороннемъ публичною обсужденіи въ парламентахъ и въ печати!

Мы въ свое время говорили о забастовкѣ каменноугольныхъ рабочихъ въ Вестфалии, въ бассейнѣ рѣки Руръ; болѣе двухсотъ тысячъ семействъ трудящагося населенія участвовало въ этой стачкѣ и сознательно подвергалось тяжкимъ матеріальнымъ лишеніямъ ради защиты своихъ правъ отъ произвола хозяевъ-капиталистовъ, и все это обошлось безъ всякаго активнаго вмѣшательства военныхъ и полицейскихъ силъ, безъ серьезныхъ столкновеній и беспорядковъ, безъ раздражающихъ призывовъ къ властямъ, при полной свободѣ многочисленныхъ сходокъ и смѣлыхъ публичныхъ рѣчей. Партія социаль-демократовъ употребила тогда все свое вліяніе на то, чтобы способствовать скорѣйшему мирному окончанію стачки и добиться удовлетворенія наиболѣе существенныхъ требованій рабочихъ; правительство, съ своей стороны, не замедлило выработать и внести въ прусскую палату депутатовъ законопроектъ, которымъ устраиваются злоупотребленія, подавшія поводъ къ забастовкѣ. Представители государственной власти не пытались отдѣлаться отъ рабочаго движенія общими успокоительными фразами и голословными увѣреніями о своемъ непрестанномъ попеченіи о благѣ рабочаго класса, а тотчасъ же принялись за дѣло и предложили рабочимъ нѣчто вполне реальное, при дѣятельномъ сочувствіи общественнаго мнѣнія. Бебель съ гордостью могъ заявить въ имперскомъ сеймѣ, что стачка вестфальскихъ каменноугольныхъ рабочихъ была проведена въ образцовомъ порядкѣ и блистательно дока-

зала способность рабочихъ къ самообладанію и выдержкѣ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она вновь подтвердила благотворность партійной социаль-демократической организаціи и привела къ важному практическому результату, побудивъ правительство внести законопроектъ для защиты интересовъ горнорабочихъ.

Въ Пруссіи нѣтъ принципиальнаго антагонизма между властью и обществомъ; правительство не претендуетъ тамъ на исключительную охрану своихъ особыхъ правъ и полномочій въ ущербъ народной массѣ; оно является лишь исполнительнымъ органомъ и вѣрнымъ слугою того же государства, которому одинаково служить и о благѣ котораго хлопочутъ всѣ оппозиціонныя партіи, не исключая и самыхъ крайнихъ. Прусскіе министры не выставляютъ своихъ противниковъ „внутренними врагами“, къ которымъ слѣдовало бы примѣнить крутыя карательныя мѣры; они не думаютъ стѣснять въ чемъ-либо оппозицію, а напротивъ, внимательно прислушиваются къ ея указаніямъ, добросовѣстно отвѣчаютъ на ея критику и нисколько не обижаются ея нападками, зная хорошо, что правительство существуетъ для пользы государства, а не наоборотъ; такъ же точно и оппозиція не имѣетъ основанія смотрѣть на министровъ какъ на охравителей безпрепятственнаго хищничества и произвола, или какъ на корыстныхъ враговъ свободнаго публичнаго контроля въ государственныхъ дѣлахъ. Самъ Вильгельмъ II, при своемъ огромномъ личномъ престижѣ, не считаетъ для себя обиднымъ сообразоваться съ ясно выраженными желаніями народа и съ состоявшимися парламентскими рѣшеніями, хотя бы и несогласными съ его собственными взглядами и даже съ его положительной волей,—ибо для него отечество и нація все-таки выше и важнѣ всякихъ личныхъ притязаній. Выполняя высокія обязанности своего сана, онъ не можетъ расходиться съ мнѣніями и интересами страны, которую онъ представляетъ собою въ глазахъ другихъ народовъ и государствъ, и его политическія дѣйствія и заявленія, особенно по внѣшней политикѣ, всегда носятъ на себѣ печать сознательныхъ актовъ подлиннаго національнаго патриотизма. Будучи отъ природы предприимчивымъ и рѣшительнымъ, онъ ни разу еще не дѣлалъ такого шага или упущенія, съ которымъ связана была бы опасность войны для Германіи; онъ не поддавался сомнительнымъ закулиснымъ вліяніямъ, когда дѣло шло о высшихъ интересахъ родины; онъ не допускалъ и не поощрялъ чьихъ бы то ни было тайнственныхъ плановъ, не соблазнялся политикою приключеній, говорилъ нерѣдко въ воинственномъ тонѣ, но съ настойчивою послѣдовательностью поддерживалъ прочный международный миръ и успѣшно содѣйствовалъ его сохраненію при самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, пользуясь, однако, всякимъ подходящимъ случаемъ

для доставленія германскому народу возможныхъ политическихъ и матеріальныхъ выгодъ. Вспомнимъ, какъ Вильгельмъ II сумѣлъ въ одно и то же время продолжать традиціи тройственнаго союза и положить начало довѣрчивымъ отношеніямъ съ Франціею, какъ онъ твердо соблюдалъ старинную дружбу съ Россіею и подготовилъ сближеніе съ Турціею для устройства германскихъ дѣлъ въ Малой Азіи, и съ какимъ искусствомъ онъ лавировалъ въ своихъ отношеніяхъ съ Англіею, съ которою Германія пыталась соперничать въ разныхъ частяхъ свѣта. Будучи прежде всего реальнымъ политикомъ, чуждымъ сентиментальности, онъ постоянно стремился достигать своихъ цѣлей съ наименьшими затратами и безъ всякаго риска. Связанный не только конституціею и народнымъ представительствомъ, но и предписаніями здраваго смысла и патріотической цѣлесообразности, Вильгельмъ II является несомнѣнно наиболѣе независимымъ и активнымъ правителемъ въ Европѣ: очевидно, ни конституція, ни парламентъ не мѣшаютъ ему играть руководящую роль для пользы Германіи, хотя, быть можетъ, и не позволяютъ ему доходить до увлеченій и погрѣшностей, способныхъ причинить вредъ государству. Его умѣнье извлекать реальныя выгоды изъ каждой крупной перемены въ международномъ положеніи выразилось блестящимъ образомъ въ недавнемъ инцидентѣ съ Марокко.

Годъ тому назадъ, Франція заключила съ Англіею соглашеніе относительно цѣлага ряда спорныхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ обѣ державы, и между прочимъ также относительно Марокко. Франція дѣлала англичанамъ важныя уступки въ Египтѣ и получила за это отъ Англіи признаніе политическаго первенства французовъ въ Марокко; къ этой сдѣлкѣ присоединилась затѣмъ Испанія, имѣвшая издавна близкія связи съ мароккескими владѣніями и питавшая даже честолюбивую надежду подчинить эти богатыя земли своему господству. Согласіе Англіи и Испаніи казалось французскому правительству вполне достаточнымъ для постепеннаго установленія протектората Франціи надъ Марокко; французы выговорили себѣ право взять въ свои руки введеніе различныхъ реформъ въ странѣ и готовились уже приступить къ осуществленію задуманной программы, при добровольномъ или вынужденномъ содѣйствіи мароккескаго султана. Французы не сомнѣвались, что подъ ихъ заботливой и просвѣщенной опекою Марокко превратится въ такую же полу-самостоятельную колонію, какъ Тунисъ; торговыя же интересы постороннихъ державъ, какъ напр. Германіи, охранялись бы либеральною политикою „открытыхъ дверей“. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ, былъ почему-то увѣренъ, что договоръ 8-го апрѣля 1904 года составляетъ прочный международный актъ, не подлежащій никакому спору, и что онъ

обеспечиваетъ Франціи фактическое господство надъ Марокко; такого же взгляда держались, вѣроятно, и англичане, какъ участники сдѣлки. Франція и Англія были безусловно правы въ своихъ предположеніяхъ, пока франко-русскій союзъ оставался реальною, авторитетно-могущею и даже какъ бы подавляющею силою: никто не сталъ бы открыто выступать противъ великой державы, находившейся въ союзѣ съ Россіею до ея пораженій на Дальнемъ Востокѣ. Германія очень дорожила дружбою съ могущественною Россійскою имперіею и старательно избѣгала дѣлать ей какія-либо неприятности или затрудненія; она соблюдала прежнюю осторожность и послѣ цѣлаго ряда нашихъ военныхъ неудачъ, пока онѣ не имѣли еще окончательнаго характера и могли еще завершиться, внезапнымъ разгромомъ японскихъ армій; но мудденская катастрофа рѣшительно склонила вѣсы въ пользу Японіи и надолго подорвала репутацію и положеніе Россіи, какъ первоклассной военной державы. Обезсиленная страшною и безнадежною войною въ Манчжуріи и на Тихомъ океанѣ, обнаруживъ полную несостоятельность и бессиліе всего своего устарѣлаго государственнаго строя, Россія надолго лишилась возможности поднимать свой голосъ въ дѣлахъ Европы и фактически потеряла значеніе полезной активной союзницы для Франціи. Вильгельмъ II тотчасъ же далъ это почувствовать французамъ и притомъ въ самой неожиданной для нихъ формѣ: въ программу своей прогулки по Средиземному морю онъ включилъ посѣщеніе Танжера въ Марокко, съ цѣлью подтвердить равноправность всѣхъ иностранныхъ націй въ этой странѣ.

При первомъ извѣстіи о планѣ германскаго императора завязалась горячая полемика между французскими, нѣмецкими и англійскими газетами относительно истиннаго смысла и обязательной силы соглашенія 8-го апрѣля прошлаго года. Французы утверждали, что нѣмцы не имѣютъ теперь повода жаловаться на договоръ, противъ котораго они не возражали въ свое время, тѣмъ болѣе, что въ торговыхъ дѣлахъ они ничѣмъ не стѣснены и будутъ также впредь пользоваться равноправностью. Нѣмецкіе публицисты доказывали, что англо-французская сдѣлка для нихъ совершенно необязательна, такъ какъ официальный текстъ ея даже не былъ сообщенъ германскому правительству; нѣмцы не желаютъ ставить свои крупныя мароккскіе интересы въ зависимость отъ доброй воли Франціи и предпочитаютъ вступить въ непосредственныя сношенія съ мѣстнымъ султаномъ. Что касается англичанъ, то они испытывали нѣкоторую неловкость при такомъ отрицаніи всякой цѣнности правъ, уступленныхъ ими французамъ, и признавали своимъ нравственнымъ долгомъ защищать силу соглашенія, отвергаемаго нѣмцами, хотя не имѣли для этого другихъ аргументовъ, кромѣ указаній на коварство и неисправимую враждеб-

ность германской дипломатіи. Въ имперскомъ сеймѣ, 29-го марта (нов. ст.), предводитель социаль-демократической партіи, Бебель, всегда стоявшій за открытую неприязнь къ Россіи, высказалъ мнѣніе, что правительство должно было протестовать противъ мароккской сдѣлки тотчасъ послѣ ея подписанія и обнародованія, и что по истеченіи года не слѣдуетъ затѣвать изъ-за этого конфликтъ съ такими державами, какъ Англія и Франція. Отвѣчая на этотъ упрекъ, канцлеръ графъ Бюловъ напомнилъ ему, что „языкъ и способъ дѣйствій дипломатіи мѣняются вмѣстѣ съ переменною обстоятельствомъ“, и что „основная тенденція германской политики нисколько не измѣнилась“. По словамъ канцлера, измѣнившіяся обстоятельства касаются поведения французовъ, предложившихъ мароккскому султану цѣлую систему официальной опеки надъ его страной, причемъ равноправность другихъ націй была бы слишкомъ явно нарушена; но эти французскія предположенія были всеѣмъ извѣстны еще съ апрѣля прошлаго года и часто обсуждались до послѣднихъ мѣсяцевъ, не встрѣчая замѣтной оппозиціи со стороны нѣмцевъ,—и только послѣ Мукдена они становятся вдругъ предметомъ громкаго формальнаго спора.

Германскій императоръ посѣтилъ Танжеръ 31 марта (н. ст.), гдѣ былъ торжественно встрѣченъ прибывшимъ изъ Феца представителемъ и родственникомъ султана, и, въ отвѣтъ на его привѣтствіе, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Я принимаю большое участіе въ благосостояніи и процвѣтаніи мароккской имперіи. Я пріѣхалъ къ султану, какъ къ независимому государю, и надѣюсь, что подъ его владычествомъ свободное Марокко будетъ открыто мирному соперничеству всѣхъ націй безъ монополій и изъятій“. Въ германскомъ посольствѣ Вильгельмъ II вторично обмѣнялся привѣтствіями съ представителемъ султана, причемъ вновь подчеркнул свою увѣренность въ сохраненіи полной равноправности всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ торговля и промышленныя дѣла въ Марокко. „Мой визитъ въ Танжеръ—объяснилъ онъ далѣе—имѣлъ цѣлью настоять на томъ, чтобы нѣмецкіе интересы въ Марокко были вполне защищены. Относительно лучшихъ способовъ для достиженія этого результата я думаю войти въ соглашеніе съ султаномъ, котораго я признаю свободнымъ и самостоятельнымъ владѣтелемъ. При предполагаемыхъ реформахъ необходима большая осторожность, и нужно считаться съ религіозными чувствами мароккснаго населенія, чтобы не давать повода къ беспорядкамъ“. Слова эти были произнесены въ то самое время, когда французскій дипломатъ, Сэнъ-Ренэ-Талльяндѣ, велъ еще переговоры съ султаномъ въ Фецѣ по вопросу о реформахъ, осуществленіе которыхъ требовало бы настойчивыхъ и продолжительныхъ усилій со стороны Франціи.

Французская официозная пресса дѣлаетъ видъ, что неожиданное словесное внимательство Германіи можетъ только затруднить, но не уничтожить успѣхъ французскаго дѣла въ Марокко; министр Делькассе также старался придать заявленіямъ Вильгельма II совершенно невинный смыслъ, не затрогивающій, будто бы, сущности французскаго плана; такъ какъ Франція не думала ни ограничивать права другихъ націй, ни умалять номинальную власть мароккескаго султана, а имѣла только въ виду дѣйствовать для пользы всѣхъ европейскихъ государствъ, ради общихъ интересовъ торговли и цивилизаціи. Но эти и подобныя имъ разсужденія не измѣняли и не ослабляли самаго факта, истинный характеръ котораго рѣзко подчеркивался въ комментаріяхъ нѣмецкой печати. Можно сказать, что германскій императоръ своими простыми словами разрушилъ всѣ предполагаемыя мароккскія пріобрѣтенія Франціи и обратилъ въ ничто все реальное содержаніе англо-французской сдѣлки относительно Марокко. Если Германія признаетъ мароккескаго султана вполне самостоятельнымъ государемъ и желаетъ вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, то этимъ она дѣлаетъ невозможнымъ устройство специальной французской опеки надъ его государствомъ; она заранѣе возстаетъ противъ всякаго притязанія на подобную опеку и беретъ султана какъ бы подъ свою защиту, причѣмъ можетъ вполне разсчитывать на сочувствіе и содѣйствіе всего туземнаго мусульманскаго населенія. И вмѣстѣ съ тѣмъ Германія остается безусловно на почвѣ мирныхъ международныхъ чувствъ и отношеній; она прямо не задѣваетъ Франціи, о которой вовсе не упоминается въ заявленіяхъ Вильгельма II, а официально Марокко дѣйствительно продолжаетъ быть независимымъ государствомъ, съ которымъ никому не возбраняется вступать въ непосредственныя политическія связи. Германія только игнорируетъ англо-французскій договоръ, считая его какъ бы несуществующимъ, и это можетъ она дѣлать потому, что текстъ его не былъ официально доведенъ до ея свѣдѣнія. Франція не станетъ воевать для подтвержденія своихъ замысловъ относительно Марокко; объ активномъ заступничествѣ Англіи не могло бы быть и рѣчи, ибо она только косвенно заинтересована во французскомъ предпріятіи,—и такимъ образомъ весь мароккскій вопросъ возвращается въ то положеніе, въ какомъ онъ находился до появленія первыхъ плановъ раздѣла или захвата страны „мирными“ представителями европейской культуры. Объявивъ Марокко самостоятельнымъ государствомъ, Германія, конечно, не избавляетъ его отъ нашествія и пораженія со стороны иноземныхъ націй, но, по крайней мѣрѣ, ставитъ сильную преграду водворенію владычества какой-нибудь одной державы, а это само по себѣ есть уже крупный успѣхъ германской политики.

Въ данномъ случаѣ успѣхъ достигнуть поразительно легкимъ и дешевымъ способомъ, и тѣмъ сильнѣе былъ ударъ, нанесенный этимъ „шахматнымъ ходомъ“ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ. Вѣрный сторонникъ и защитникъ русскаго союза, привыкшій имѣть дѣло съ неизмѣнно дружественною и предупредительною германскою дипломатіею, онъ былъ до того пораженъ коварнымъ поступкомъ Вильгельма II, что обнаружилъ даже растерянность, несвойственную вообще дипломатамъ по профессіи, и не сразу могъ ориентироваться въ новомъ политическомъ положеніи, созданномъ мароккскимъ инцидентомъ; авторитетъ его, какъ министра, казался уничтоженнымъ, и вопросъ объ его отставкѣ возникъ самъ собою. Однако практическія неудобства, связанныя съ переимѣною министра иностранныхъ дѣлъ въ такое трудное время, какъ настоящее, побудили министра-президента Рувьё и президента республики Лубэ сохранить Делькассэ въ составѣ кабинета, — но неудача въ мароккскомъ вопросѣ, быть можетъ, послужитъ полезнымъ урокомъ не для одного Делькассэ...

Особое положеніе Россіи, поглощенной внѣшними и внутренними неудачами, начинаетъ все сильнѣе сказываться въ общей международной политикѣ Европы. Русская дипломатія продолжаетъ дѣйствовать въ разныхъ центрахъ политической жизни, пользуясь прежними наружными знаками почета или авторитета; но вліяніе ея слабѣетъ съ каждымъ днемъ, и ее какъ будто перестаютъ принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ существующихъ международныхъ отношеній и интересовъ. Первый публичный опытъ въ такомъ родѣ сдѣланъ былъ Вильгельмомъ II, и результатъ превзошелъ ожиданія: Франція опять очутилась лицомъ къ лицу съ Германіею и должна была вновь почувствовать необходимость сговориться съ нею непосредственно для избѣжанія неприятныхъ конфликтовъ, отъ которыхъ уже не гарантируетъ ее считавшійся недавно столь могущественнымъ и надежнымъ русскій союзъ. Хотя этотъ опытъ касался прежде всего Франціи, но онъ имѣетъ бесспорное значеніе и для насъ: съ одной стороны, цѣнность союза сильно упала въ глазахъ французовъ, и онъ грозитъ совершенно потерять свою популярность въ массѣ французскаго общества, насколько можно судить по разсужденіямъ и отзывамъ многихъ умѣренныхъ парижскихъ газетъ; съ другой стороны, этотъ же опытъ, доказавшій устраненіе или временное исчезновеніе Россіи съ горизонта европейской политики, можетъ вызвать прямыя попытки воспользоваться благоприятными обстоятельствами для устройства какихъ-либо враждебныхъ намъ политическихъ комбинацій, и противъ такой возможности мы остаемся совершенно бессильными. Испытавъ

свою силу на Марокко, Германія могла бы приняться за разрѣшеніе турецкаго или балканскаго вопроса, причѣмъ ей не трудно было бы войти въ сдѣлку съ Австро-Венгріею и Англіею,—и участь ближняго Востока разрѣшилась бы безъ участія Россіи, или при вынужденномъ согласіи ея на рѣшеніе, придуманное для пользы другихъ. Въ мароккскомъ вопросѣ нѣмцы сыграли еще хорошую, даже симпатичную роль, хотя и безъ соотвѣтственнаго намѣренія: они все-таки помѣшали примѣненію къ Марокко того политическаго мародерства, которое предполагаетъ полное безправіе цѣлыхъ человѣческихъ расъ и народностей подъ предлогомъ отсутствія у нихъ европейской культуры и цивилизаціи. Но въ другихъ случаяхъ Германія дѣйствуетъ иначе, и она не будетъ стѣсняться налагать свою руку на чужія земли и племена, подобно тому, какъ это практикуется англичанами, французами и нашими отечественными предпринимателями.

Втянувшись всецѣло въ отчаянную борьбу на Дальнемъ Востокѣ, мы рискуемъ не только разорить наши народныя массы, но и потерять очень многое въ Европѣ и притомъ несравненно болѣе важное для насъ, чѣмъ всякія азіатскія и тихоокеанскія мечтанія. Объ этомъ не думаютъ люди, самозванно толкующіе отъ имени народа и предлагающіе посылать его на убой для доказательства своихъ непреклонныхъ патріотическихъ чувствъ. Сидя у себя дома въ полной безопасности, наши составители воинственныхъ программъ не спрашиваютъ мнѣнія тѣхъ, которымъ приходится нести на себѣ всѣ бѣдствія войны, и жизненный вопросъ для цѣлаго народа и государства рѣшается безъ вѣдома и участія самого народа, какъ будто многомилліонная русскія нація олицетворяется лишь горстью безцеремонныхъ канцелярскихъ дѣятелей и публицистовъ, промышляющихъ патріотизмомъ. Многіе надѣются еще спасти или возстановить престижъ официальной Россіи при помощи дальнѣйшаго безконечнаго кровопролитія; но то органическое безсиліе, которое раскрыла война предъ цѣлымъ міромъ, не можетъ быть обратно спрятано, и тотъ мертвенный государственный механизмъ, въ которомъ совмѣщаются разнообразнѣйшія „законныя“ формы хищничества, произвола, повальнаго карьеризма, искусственнаго возвышенія и поощренія бездарностей, — разоблачилъ себя во всей своей ужасающей наготѣ, такъ что вернуть прошлыя, столь пагубныя для насъ иллюзіи уже невысказано. Поздно говорить о престижѣ,—надо думать о спасеніи Россіи для предстоящей ей новой широкой и свободной жизни.

Французская палата депутатовъ съ большою энергіею занимается теперь обсужденіемъ законопроекта, внесеннаго еще въ на-

чалъ февраля министерствомъ Рувье, по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Крупная реформа, которая часто возбуждалась въ видѣ угрозы противъ клерикаловъ, была уже въ сущности подготовлена дѣятельностью кабинета Комба и выработана его преемниками въ томъ же стилѣ и направленіи, какъ и извѣстные законы о духовныхъ конгрегаціяхъ. Первоначальный текстъ, отличавшійся уже слишкомъ рѣзкою формулировкой основныхъ антиклерикальныхъ взглядовъ, подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ разсматривавшей его парламентской комиссіи, но и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ возбуждаетъ сильные протесты въ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ слояхъ французскаго общества. Сущность закона сводится къ тому, что изъ государственнаго бюджета исключается сѣмѣта на содержаніе духовныхъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій и на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей населенія, а всѣ расходы по этому предмету будутъ производиться особыми вѣроисповѣдными ассоціаціями, организованными надлежащимъ образомъ взаимнѣ существующихъ церковныхъ общинъ, консисторій и епархій; этимъ новымъ ассоціаціямъ должны быть переданы всѣ мѣстные церковныя имущества и капиталы, кромѣ лишь пожертвованныхъ государствомъ и подлежащихъ возврату въ казну. Для перехода имущества въ распоряженіе новыхъ вѣроисповѣдныхъ союзовъ назначается годичный срокъ со времени изданія закона; всѣмъ духовнымъ лицамъ, получающимъ теперь жалованье отъ государства, назначается пенсія, пожизненная или срочная, смотря по продолжительности ихъ прежней службы. Вѣроисповѣдныя союзы подчиняются законамъ, декретамъ и правиламъ, установленнымъ для духовныхъ конгрегацій. Свобода совѣсти и религіи обеспечивается всѣмъ вообще гражданамъ, и государство не вмѣшивается въ религіозныя дѣла, насколько они не затрагиваютъ интересовъ общественнаго порядка и спокойствія.

Общія основы законопроекта послужили темою множества оппозиціонныхъ рѣчей, отчасти вполне основательныхъ и убѣдительныхъ, но совершенно безплодныхъ и напрасныхъ съ точки зрѣнія республиканскаго большинства. Учрежденіе вѣроисповѣдныхъ союзовъ, ихъ организація и способы дѣйствія, будутъ во многомъ зависѣть отъ администраціи, которая, какъ извѣстно, при республикѣ сохраняетъ почти тѣ же обширныя полномочія, какъ и при предшествующихъ режимахъ. Во Франціи считается наиболѣе важнымъ чтобы власть находилась въ хорошихъ и популярныхъ рукахъ, и если это условіе соблюдено, то значительный просторъ правительственнаго усмотрѣнія признается достоинствомъ, а не недостаткомъ. Такъ какъ въ настоящее время господствуютъ передовыя республиканскія группы, то, по ихъ мнѣнію, обширныя полномочія администраціи являются чрезвычайно выгод-

ными и желательными для блага и процвѣтанія истинной прогрессивной республики. Оттого, при всей политической свободѣ французовъ, у нихъ нѣтъ того твердаго владычества законности и права, какое свойственно общественному быту англичанъ. Новый законопроектъ удовлетворяетъ лишь тѣ республиканскія партіи, которыя смотрятъ на религію какъ на орудіе клерикализма; для огромнаго же большинства вѣрующихъ католиковъ онъ неизбѣжно будетъ источникомъ хроническаго недовольства и раздраженія, если правительственная практика не смягчитъ нѣкоторыхъ одностороннихъ особенностей закона.

При республикѣ также бываютъ волненія рабочихъ, и эти волненія иногда вызываютъ вмѣшательство военной силы; а гдѣ войска стоятъ противъ волнуемой толпы, тамъ возможны случайныя столкновения, при которыхъ ружья сами собою начинаютъ стрѣлять. Въ Лиможѣ, въ началѣ апрѣля, объявлена была стачка двадцати тысячъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ фарфоровыхъ издѣлій; поводъ былъ довольно незначительный—отказъ одного изъ хозяевъ уволить мастера, возбудившаго противъ себя неудовольствіе рабочихъ. Раздраженіе между рабочими постепенно усиливалось и наконецъ приняло такой характеръ, что полиція оказалась совершенно безсильною; рабочіе врываются въ мастерскія наиболѣе ненавистныхъ хозяевъ, разоряли и истребляли имущество, сожгли въ одномъ мѣстѣ автомобиль, бросались бить фабрикантовъ и ихъ заступниковъ, и всѣ успокоительныя рѣчи и увѣщанія мѣстнаго мэра, социалиста-депутата, не приводили ни къ чему. Мэръ-социалистъ, хотя и сторонникъ справедливыхъ требованій рабочаго класса, вынужденъ былъ на этотъ разъ заявить префекту, что онъ лично не можетъ справиться съ беспорядками, и потому передаетъ свою власть администраціи; тѣмъ не менѣе, онъ до конца возставалъ противъ призыва войскъ и вступилъ по этому поводу въ сношенія по телефону съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Этьенномъ. Войска были, однако, вызваны по необходимости, такъ какъ рабочіе дѣйствовали очень круто и стали готовиться къ серьезному нападенію на отдѣльныя фабричныя зданія; военные отряды по возможности охраняли порядокъ, старались разогнать особенно возбужденныхъ рабочихъ, но нигдѣ не прибѣгали къ оружію; только на третій или четвертый день произошелъ несчастный случай въ городскомъ саду, гдѣ нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ подверглось систематической бомбардировкѣ камнями; въ заключеніе солдаты не выдержали и дали залпъ, причѣмъ двое рабочихъ убито и нѣсколько человекъ ранено.

Это печальное происшествіе не имѣетъ само по себѣ никакого политическаго значенія; оно свидѣтельствуетъ только о ненормальномъ состояніи рабочихъ и о крайне напряженныхъ отношеніяхъ ихъ съ капиталистами даже въ такой богатой и притомъ республиканской странѣ, какъ Франція. Національный темпераментъ придаетъ страстный отбѣнокъ самымъ ничтожнымъ спорамъ, а въѣзовая вражда между хозяевами и рабочими представляетъ благодарную почву для сильнѣйшихъ волненій и взрывовъ, даже при отсутствіи серьезныхъ непосредственныхъ поводовъ къ неудовольствію. До сихъ поръ французская республика очень мало сдѣлала для разрѣшенія экономическихъ проблемъ, связанныхъ съ рабочимъ вопросомъ, и это зависитъ, конечно, не отъ нежеланія правительства, а отъ фактическаго владычества богатой и зажиточной буржуазіи во Франціи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО КОНСТИТУЦІОННЫХЪ ВОПРОСОВЪ О НАРОДОВЛАСТИИ И СВОБОДѢ.

Въ VII-й книжкѣ „Научнаго Слова“ за истекшій годъ кн. Е. Н. Трубецкой помѣстилъ рецензію на мою книгу: „Идея народовластиа и французская революція“. Полемика между авторомъ и рецензентомъ обыкновенно представляетъ интересъ лишь для нихъ однихъ и весьма часто затягивается безъ пользы для дѣла. Но на этотъ разъ вопросы, которымъ посвящена моя книга и которыхъ коснулся при ея разборѣ кн. Трубецкой, неожиданно выступили изъ сферы отвлеченныхъ теорій на страницы современной печати, въ виду чего я и счелъ нелишнимъ вернуться къ этому разбору моей книги со стороны почтеннаго профессора университета св. Владиміра.

Въ отзывѣ рецензента о моей книгѣ приведено немало лестныхъ для ея автора замѣчаній. „Не говоря уже“—такъ заключаетъ рецензентъ—„о тѣхъ научныхъ ея качествахъ, которыя дѣлаютъ книгу интересною для историка, она представляетъ собою чтеніе поучительное и занимательное для всякаго образованнаго человѣка, который умѣетъ и хочетъ понимать уроки исторіи“. Но въ то же время рецензентъ находитъ въ книгѣ „погрѣшности“, „пробѣлы“¹⁾, „анахронизмъ“, „ошибочное указаніе и цѣлый рядъ неточностей“. Если имѣть въ виду, что разборъ коснулся только одного отдѣла, политическихъ теорій—Монтескье и Руссо,—то можно подумать, что рядъ погрѣшностей удлинился бы до безконечности, если бы такому же разбору подверглась вся книга. Такое количество погрѣшностей въ книгѣ, за которой признаются „научныя качества“, должно вызывать недоумѣніе не у одного только автора. Самымъ правдоподобнымъ объясненіемъ указаннаго противорѣчія въ отзывахъ рецензента я считаю предположеніе, что, пробѣгая быстро объемистую книгу, рецензентъ не всегда достаточно могъ вникать въ мысль автора и основанія, побуждавшія его употребить то или другое выраженіе. А между тѣмъ отчетливое представленіе о смыслѣ, вложенномъ авторомъ въ его

¹⁾ „Пробѣлы“ состоятъ, по словамъ рецензіи, въ томъ, что авторъ въ своей книгѣ не касается монархомаховъ XVI в.; но вѣдь книга касается лишь политическихъ представленій и стремленій XVIII вѣка. Несмотря, однако, на это, рецензентъ, указавъ на стр. 40 на этотъ „пробѣлъ“, на слѣдующей возводитъ его уже во множественное число: „каковы бы ни были, однако, *пробѣлы* разбираемаго труда, будемъ благодарны уважаемому автору и за то, что онъ намъ далъ“.

слова, есть необходимое условие справедливой критики. „Je ne sais pas l'art d'être clair pour qui ne veut pas être attentif“,—сказалъ Руссо („Я не обладаю искусствомъ быть яснымъ для того, кто не желаетъ быть внимательнымъ“). И если такой стилистъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать такую оговорку, то другимъ тѣмъ болѣе дозволено привести ее въ свою защиту. Приведенныя слова Руссо могутъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ для автора, а потому они возлагаютъ большую отвѣтственность на рецензентовъ. Ибо авторъ, при всемъ желаніи, не можетъ быть одинаково ясенъ для всѣхъ читателей; рецензентъ же обязанъ быть вдвойнѣ внимателенъ—изъ чувства справедливости къ автору и изъ собственнаго интереса, такъ какъ, при недостаткѣ вниманія, анахронизмы, погрѣшности и неточности могутъ охватиться и на его сторонѣ.

Обратимся прежде всего къ вопросу о времени возникновенія парламентскаго правленія въ Англіи и объ отношеніи Монтескье къ англійской конституціи. Въ моей книгѣ я указываю на то, что хотя Монтескье признавалъ англійскую конституцію нормальной и типической организаціей для обезпеченія политической свободы, но въ своемъ изображеніи этой организаціи онъ до извѣстной степени уклонился отъ своего образца. Въ особенности это относится къ главному принципу Монтескье—необходимости для политической свободы *раздѣленія* правительственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, и предоставленія этихъ властей *отдѣльнымъ* органамъ, народному представительству изъ двухъ палатъ, королю и назначаемымъ имъ министрамъ и, въ-третьихъ, присяжнымъ засѣдателямъ (jury). Этотъ принципъ раздѣленія властей Монтескье нашелъ уже у Локка, сочиненіе котораго, написанное для оправданія революціи 1688 года, вышло въ 1689 году. На самомъ дѣлѣ въ XVII в. принципъ раздѣленія властей находилъ себѣ въ Англіи *полное примѣненіе*. Короли управляли страной, не считая нужнымъ брать изъ парламента ни членовъ своего „тайнаго совѣта“, ни членовъ своего кабинетнаго совѣта, т.-е. министерства. „Cabinet Council“—въ отличіе отъ „тайнаго государственнаго совѣта“—появляется впервые при Карлѣ I. При Карлѣ II, вслѣдствіе крайней непопулярности правленія министра Дэнби, является первая попытка привлечь къ управленію страной (къ исполнительной власти, по терминологіи Монтескье) вліятельныхъ членовъ нижней палаты, чтобы съ ихъ помощью заручиться поддержкой парламента. По совѣту сэра Уильяма Темпля, король составилъ въ 1679 г. новый „тайный совѣтъ“ изъ тридцати лицъ, наполовину изъ сановниковъ короны и придворныхъ чиновъ, наполовину же изъ вожаковъ обѣихъ партій—торіевъ и виговъ—въ парламента. Но парла-

ментъ отнесся очень недовѣрчиво къ этой мѣрѣ, которая не имѣла желаннаго успѣха, и король продолжалъ управлять, не соображаясь съ одобреніемъ парламента. Съ своей стороны, „нижняя палата, — какъ говоритъ историкъ „парламентскаго управления въ Англіи“, — предпочитала быть совершенно самостоятельнымъ учрежденіемъ, съ привилегіей безпрепятственно и безъ ограниченій критиковать политику короля и бороться противъ нея. Король же былъ намѣренъ отстоять свой личный авторитетъ и не желалъ подвергать отвѣтственности своихъ министровъ за исполненіе своихъ приказаній“.

Лишь позднѣе, а именно шесть лѣтъ ¹⁾ спустя послѣ того какъ Локкъ въ своемъ сочиненіи возвелъ въ принципъ разграниченіе органовъ исполнительной и законодательной власти—король Вильгельмъ Орацскій, иноземецъ на престолѣ, получившій его вслѣдствіе революціи 1688 года, рѣшился сдѣлать опытъ—„замѣнить личное руководство государственнымъ дѣлами правленіемъ партіи и передать главныя государственныя должности вожакамъ виговъ, въ то время сильнѣйшей партіи въ нижней палатѣ. По совѣту Сѣндерланда, король удалилъ изъ министерства торійскихъ членовъ и организовалъ новое изъ однихъ виговъ, члены котораго, солидарные между собою, были также въ полномъ согласіи съ господствовавшими среди большинства въ нижней палатѣ политическими воззрѣніями. Когда это осуществилось, „служители короны“, министры, пользовались въ парламентѣ двойнымъ преимуществомъ—были официальными представителями правительства и признанными вожаками сильнѣйшей партіи въ палатѣ народныхъ представителей. Это „первое парламентское министерство“ Англіи можно считать началомъ перехода правительственной (исполнительной) власти къ законодательному органу—къ парламенту. Этому переходу, выстѣ съ возрастающимъ вліяніемъ парламента, чрезвычайно содѣйствовало воцареніе въ Англіи, въ 1714 г., ганноверской династіи въ лицѣ Георга I, потомка—черезъ свою мать, Софью—перваго Стюарта. И Вильгельмъ III былъ иноземецъ, но онъ былъ мужемъ старшей дочери Іакова II,—а главное, онъ былъ, по отзыву одного изъ глубокихъ знатоковъ англійской исторіи, *великимъ* королемъ. „По сравненію съ нимъ, — говоритъ Галламъ, — государственные люди, окружавшіе его престолъ, Сѣндерландъ, Годолфинъ, Шрюсбернъ, даже Сомерсетъ и Монтэгю, утратили всякое значеніе. Онъ былъ даже слишкомъ великъ не для своего времени, но для положенія англійскаго короля послѣ ре-

¹⁾ См. у Маколея (Hist. of Engl., IX, 147), гдѣ выяснено историческое значеніе нововведенія, состоявшаго въ томъ, что король Вильгельмъ въ 1695 г. вручилъ (in-trusted) правительство (government), за исключеніемъ войны и дипломатіи, членамъ парламента—тому, что стали называть съ тѣхъ поръ министерствомъ, и съ этого года начинается „эра министерствъ“.

волюціи ¹⁾. Въ противоположность къ этому сопернику и побѣдителю Людовика XIV, не знавшій даже по-англійски ганноверскій курфюрстъ Георгъ I и выросшій въ Ганноверѣ его сынъ Георгъ II не могли пріобрѣсти въ Англіи ни авторитета, ни популярности, и поэтому должны были искать опоры у парламентскаго большинства и его вожаковъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я могу обратиться къ предмету разногласія между мною и рецензентомъ. Объясняя отступленія Монтескье, подготавливавшего свое сочиненіе въ дни Георговъ, отъ современной ему англійской конституціи, я хотѣлъ указать на то, что Англія въ это время уже перестала быть классической страной раздѣленія властей, за каковую ее выдаетъ авторъ „Духа законовъ“, и по этому поводу замѣтилъ, что въ дни Монтескье „король Англіи уже не обладалъ исполнительною властью“, имѣя при этомъ въ виду ту самостоятельность и ту раздѣльность исполнительной власти, какая существовала раньше и какую, слѣдуя Локку, разумѣлъ Монтескье. Тутъ же мною было указано на другое несоотвѣтствіе между отвлеченной схемой Монтескье и англійской дѣйствительностью—существованіе въ Англіи *правящую* аристократическаго класса, который господствовалъ въ нижней палатѣ, составлялъ верхнюю палату и въ то же время, „посредствомъ парламентскаго большинства, опредѣлялъ и составъ министерства“, и этимъ смягчалъ и ступшевывалъ противоположность между исполнительной и законодательною властью, объединяя ихъ. Выдѣливъ изъ общей связи приведенныя въ кавычкахъ слова и придавая имъ слишкомъ узкій и буквальный смыслъ, мой рецензентъ возражаетъ противъ нихъ и указываетъ, что „первый въ исторіи Англіи выходъ въ отставку премьеръ-министра (Роберта Вальполя), обусловленный неблагоприятнымъ вотумомъ парламента, послѣдовалъ въ 1742 г., т.-е. какъ разъ въ годъ появленія трактата Монтескье о духѣ законовъ. Рецензентъ ссылается тутъ же на сочиненіе Тодда: „The parliamentary Government in England“. Но что же мы находимъ у Тодда? Вальполь былъ два раза первымъ лордомъ казначейства: съ 1715 по 1717 гг. и затѣмъ съ 1721 по 1742 гг. „Подъ его администраціей,—говоритъ Тоддъ ²⁾,—управленіе страны впервые велось подъ непосредственнымъ вліяніемъ господствовавшихъ въ парламентѣ возрѣвній. Онъ былъ первымъ премьеромъ, засѣдавшимъ въ палатѣ общинъ, и онъ умѣлъ, благодаря своей необыкновенной способности какъ вожакъ парламента, распо-

¹⁾ Hallam, The Const. History of England, III, 148.

²⁾ У насъ подъ рукою нѣмецкій переводъ Тодда—Ассмана, II, 101.

лагать это могущественное собраніе въ пользу своихъ мѣръ, безъ всякаго ущерба все болѣе и болѣе возрастающему вліянію парламента. Онъ же первый ввелъ между служителями короны (министрами) въ парламентѣ цѣлесообразную субординацію при поддержкѣ правительственной политики—и вообще во время его управленія начали выступать во многихъ второстепенныхъ пунктахъ черты нашей нынѣшней политической системы“.

Въ другомъ еще мѣстѣ Тоддъ отзываясь очень опредѣленно о тѣсной зависимости этого королевскаго премьера и главы исполнительной власти отъ парламента: „такимъ образомъ, какъ конецъ, такъ и начало политической карьеры Вальпола должны быть всецѣло приписаны все болѣе и болѣе возрастающему вліянію палаты общинъ“—вліянію на управление страны..

Это ли не ясно? Можно ли въ виду этого оспаривать, что въ дни Монтескье, въ эпоху составленія „Духа законовъ“, т. е. въ правленіе Вальпола, въ Англии уже не было того принципиальнаго раздѣленія властей—исполнительной и законодательной, какое мы находимъ у Локка и какое проповѣдуетъ Монтескье? Почему же мой рецензентъ оспариваетъ слова, что „во время Монтескье король уже не обладалъ исполнительной властью“?

Я отиѣчалъ въ моей книгѣ отступленія Монтескье отъ англійской современности не для осужденія его. Теоретики мало склонны принимать во вниманіе дѣйствительность, особенно когда она противорѣчитъ ихъ теоріи. Монтескье былъ приверженецъ теоріи раздѣленія властей; онъ желалъ свести королевскую власть Франціи и министерскій въ ней произволъ на степень исполнительнаго органа другой власти. А кромѣ того, совершавшуря въ его время перемѣну въ Англии не такъ легко было замѣтить. Политическая эволюція совершалась постепенно. Въ самой Англии еще послѣ Монтескье теоретики поддерживали фикцію, что король—глава исполнительной власти. Даже въ наши дни, какъ учить Тоддъ, „въ Англии государь по теоріи въ правѣ избирать въ качествѣ правительственнаго органа, кого желаетъ, на практикѣ же принуждается духомъ конституціи составлять свое министерство изъ людей, которые въ состояніи править согласно съ законодательнымъ органомъ, особенно съ нижней палатой. „До сихъ поръ,—говоритъ Тоддъ,—нужно при отставкѣ министерства и назначеніи другого исходить изъ предположенія, что государь дѣйствовалъ помимо чьего-либо совѣта, на дѣлѣ же новое министерство отиѣчаетъ передъ парламентомъ за обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе въ должность, а также за отставку его предшественниковъ“.

Заканчивая этотъ вопросъ, я долженъ отиѣтить одинъ недосмотръ

моего рецензента. Опираясь на вышеизложенныя соображенія, я назвалъ изображеніе монархіи въ Англіи у Монтескье—анахронизмомъ, разумѣя, что оно соответствовало лишь прежнему положенію ея, измѣнившемуся на глазахъ Монтескье. А рецензентъ того мнѣнія, что „виновникомъ анахронизма является не Монтескье, а профессоръ Герье“. На самомъ же дѣлѣ неоспоримымъ виновникомъ анахронизма, въ точномъ смыслѣ этого слова, является самъ рецензентъ. Отстаивая независимость исполнительной власти короля, въ дни Монтескье, по отношенію къ назначенію и отставкѣ министровъ, профессоръ Трубецкой приводитъ въ доказательство то, что первый въ исторіи Англіи выходъ въ отставку премьеръ-министра, обусловленный неблагоприятнымъ вотумомъ парламента, вослѣдовалъ „въ 1742 г., т.-е. какъ-разъ въ годъ появленія трактата Монтескье *О духѣ законовъ*“. Еслибы это было важно, то можно было бы сказать, что когда Монтескье писалъ „Духъ законовъ“, онъ не могъ принять во вниманіе этотъ крупный фактъ отставки Роберта Вальполя и сдѣлать изъ него надлежащій выводъ, т.-е. что прерогатива короля по отношенію къ парламенту измѣнилась въ ущербъ раздѣленія властей. Конечно, и это обстоятельство еще не служило бы доказательствомъ анахронизма со стороны автора разбираемой книги, такъ какъ утвержденіе, что король Георгъ II уже не пользовался прежней самостоятельностью англійскихъ королей,—доказывается не отставкой только Вальполя, а всѣмъ двадцатилѣтнимъ управленіемъ Англіи этимъ вожакомъ парламента. Но рецензентъ не можетъ привести въ свою пользу даже этого мнимаго соображенія, такъ какъ оно основано на хронологической ошибкѣ съ его стороны, ибо „Духъ законовъ“ вышелъ не въ годъ отставки Вальполя, а *шесть лѣтъ* позднѣе—не въ 1742 г., а въ 1748. А что это ошибка, а не опечатка въ статьѣ рецензента, доказывается его словами, что отставка Вальполя вослѣдовала въ 1742 г., т.-е. *какъ-разъ въ годъ появленія трактата* Монтескье о „Духѣ законовъ“.

Подобное же нерасположеніе рецензента войти въ мысль разбираемаго имъ автора обнаруживается и въ другомъ его возраженіи, касающемся политической теоріи Монтескье. Эта теорія содѣйствовала въ двухъ отношеніяхъ приниженію монархическаго принципа во Франціи—во-первыхъ, ученіемъ о раздѣленіи властей, въ которомъ монархіи было отведено второстепенное мѣсто, и ученіемъ о классификаціи государствъ. Въ этой классификаціи Монтескье признаетъ только *три* типа государствъ: республику, подразумѣвая подъ этимъ какъ демократію, такъ и аристократію, деспотію и монархію; разумѣя подъ этимъ феодальную монархію, на подобіе тогдашней французской, въ которой сословія дворянства и духовенства, а также судебно-административныя корпораціи (парламенты) сохраняли, въ видѣ привилегій,

извѣстную самостоятельность, почему Монтескье видѣлъ въ нихъ „посредствующія власти“. Въ виду этого, въ книгѣ сказано: „Монтескье знаетъ только два вида монархій: современную ему феодальную монархію съ посредствующими властями, т.-е. съ привилегированными сословіями и корпораціями, и затѣмъ—азіатскія деспотіи съ ихъ гаремами и вивирями. Монархіи иного типа для Монтескье неизвѣстны, хотя онъ и жилъ въ вѣкѣ просвѣщеннаго абсолютизма, провозгласившаго, въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей, принципъ, что „монархъ—первый служитель своего государства“. По этому поводу рецензентъ заявляетъ: „Профессоръ Герье какъ будто забылъ о томъ, что, кромѣ указанныхъ здѣсь двухъ типовъ монархій, Монтескье прекрасно знаетъ еще и третій—конституціонную монархію Англии, послужившей образцомъ для его конституціонной теоріи“. Рецензентъ считаетъ нужнымъ убѣдить меня или своихъ читателей въ знакомствѣ Монтескье съ Англійей цитатою изъ Монтескье въ переводѣ, а для болѣе убѣдительности—еще и въ оригиналѣ. Чтò долженъ подумать читатель „Научнаго Слова“ объ историкѣ, который пишетъ о Монтескье и не вѣдаетъ, что Монтескье зналъ о существованіи англійскаго королевства?

Мало того, рецензентъ еще прибавляетъ: „Упущеніе профессора Герье тутъ представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что въ его книгѣ, двумя страницами ниже приведеннаго текста, довольно обстоятельно обсуждается вопросъ объ отношеніи теоріи раздѣленія властей Монтескье къ англійской конституціи“.

Итакъ, упрекнуть автора, что онъ „какъ будто забылъ“ о знакомствѣ Монтескье съ конституціонной монархіей Англии, рецензентъ его караетъ за это „упущеніе“ тѣмъ строже, что самъ авторъ „довольно обстоятельно обсуждаетъ взглядъ Монтескье на англійскую конституцію“. Но что-нибудь одно: если авторъ самъ обсуждаетъ взглядъ Монтескье на англійскую конституцію, то ему нельзя приписывать, что онъ „забылъ“ или „какъ будто забылъ“ о знакомствѣ Монтескье съ англійской монархіей.

Дѣло въ томъ, что рецензентъ невнимательно отнесся къ словамъ автора: „Монтескье знаетъ только два вида монархій“, и вслѣдствіе этого сдѣлалъ изъ слова „знаетъ“ всякіе на воздухѣ выводы. А между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ перечисленіи государственныхъ формъ, или въ классификаціи государствъ по ихъ образу правленія, Монтескье упоминаетъ только о *двухъ видахъ* единодержавія—о монархіи, ограниченной „совладѣтельствомъ“ сословій и привилегированныхъ корпорацій, и о деспотіи. Въ своей классификаціи государствъ Монтескье не упоминаетъ ни о просвѣтительномъ абсолютизмѣ, хотя онъ качественно представляетъ противоположность

изображенной у Монтескье деспотіи,—ни о конституціонной монархіи. Не касаясь здѣсь вопроса объ отношеніи Монтескье къ просвѣтительному абсолютизму, мы поставимъ вопросъ, почему же Монтескье не помѣстилъ въ число монархій—конституціонной монархіи, образчикъ которой онъ видѣлъ въ современной ему Англии? Вероятно, потому, что онъ ее уже не причислялъ къ монархіямъ! На самомъ дѣлѣ, сводя короля въ конституціонномъ государствѣ къ положенію главы *исполнительной* власти съ правомъ лишь *вето* по отношенію къ постановленіямъ законодательной власти (народнаго представительства), Монтескье имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, основаніе не признавать такой образъ правленія за монархію, оставляя открытымъ вопросъ, какъ согласовать существованіе такой формы правленія съ его классификаціей,—отнести ли ее къ сложнымъ формамъ (*mixtes*—у Руссо), неогвореннымъ въ его классификаціи, или отождествить ее съ *республикой*?

Какъ бы то ни было, взглядъ Монтескье на роль монарха въ конституціонномъ государствѣ имѣлъ капитальную важность и громадное вліяніе не только на судьбу Франціи, но и на конституціонную теорію вообще. Главной гарантіей политической свободы въ монархическихъ государствахъ стали считать, и въ теоріи, и на практикѣ, превращеніе *правительственной* власти въ *исполнительную*, т.-е. подчиненіе монархіи *другой* власти, т.-е. власти большинства народныхъ представителей или случайной группировки партій въ парламентѣ. Принципъ ослабленія исполнительной власти былъ еще далѣе развитъ Мабли, который въ этомъ вопросѣ былъ продолжателемъ Монтескье и предлагалъ друзьямъ свободы брать въ образецъ не Англию, гдѣ предоставленная королю власть ему казалась еще слишкомъ опасной для свободы, а тогдашнюю Швецію, по конституціи которой сейму предоставлялось право—въ случаѣ несогласія короля подписать постановленіе сейма—приложить къ этому постановленію „грифъ“ (подпись) короля¹⁾. Согласно съ этимъ взглядомъ, было составлено во Франціи первое учредительное собраніе 1789 года, которое было весьма недолговѣчно, такъ какъ оно основывалось на принципѣ: „*pour supprimer le despotisme, on supprime le gouvernement*“ (Taine, „La Révol.“, t. I, p. 251).

Несмотря на эту неудачу, по Европѣ распространилась французская конституціонная теорія, которой, въ свое время, Тьеръ далъ такое мѣткое опредѣленіе въ словахъ: „*le roi règne, mais ne gouverne pas*“. Съ этой точки зрѣнія казалось, что тѣмъ меньше власти и вліянія будетъ предоставлено королю, тѣмъ лучше этимъ обезпечится въ

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ за 1887 г., янв., стр. 124, моя статья: „Политическія теоріи аббата Мабли“.

странѣ свобода. Лишь постепенно стало проникать въ сознание истинныхъ друзей свободы убѣжденіе, что не вездѣ эта теорія выдерживаетъ критику и не повсюду она приложима. Стали отличать отъ *парламентарной* формы правленія, гдѣ парламентъ и законодательствуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ править страной, — монархію, гдѣ правительство не утрачиваетъ своей самостоятельности и предъ лицомъ народнаго представительства. Пригѣромъ такой конституціонной монархіи могутъ служить Пруссія и другія нѣмецкія государства, а также и германская имперія, которая была бы немислима въ формахъ англійскаго или иного парламентаризма, вслѣдствіе характера рейхстага, состоящаго изъ четырехъ почти равныхъ по числу голосовъ партій, но крайне расходящихся по своимъ политическимъ взглядамъ и цѣлямъ: консервативной, клерикальной, либеральной (разбившейся на три фракціи) и социалистической. При такомъ составѣ не могло бы быть въ странѣ постояннаго, руководящаго большинства, и самое единство государства подверглось бы вопросу, особенно при существованіи двухъ враждебныхъ этому единству могущественныхъ парламентскихъ партій. А къ чему бы привелъ парламентаризмъ составленную изъ враждующихъ между собою національностей австрійскую имперію, еслибы въ ея конституціи не былъ предусмотрѣнъ, въ видѣ спасительнаго клапана, знаменитый § 14-й!

Послѣ Монтескье ревнителемъ свободы выступилъ съ своей политической теоріей Руссо, ревнитель непосредственнаго народовластія. Подвести подъ общія формулы мнѣнія и убѣжденія Руссо весьма затруднительно, вслѣдствіе различія литературныхъ приемовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и различія въ настроеніи, подъ влияніемъ котораго онъ писалъ. То онъ обсуждаетъ вопросы политики права, какъ рационалистъ чистой воды, то онъ имѣетъ въ виду конкретную дѣйствительность... Наряду съ утопіями встрѣчаемъ у него здравые и глубокіе взгляды, и нерѣдко онъ самъ „съ великодушной непослѣдовательностью опровергаетъ собственную свою доктрину“ ¹⁾. Даже въ одномъ и томъ же сочиненіи онъ говоритъ на разные голоса, напр. въ „Общественномъ договорѣ“. Именно объ этомъ сочиненіи, котораго мы коснемся на слѣдующихъ страницахъ, онъ отзываясь съ нерѣдимымъ у него добродушнымъ скептицизмомъ по отношенію къ самому себѣ: „кто хвастается тѣмъ, что понимаетъ *общественный договоръ* весь, какъ онъ есть (tout entier), тотъ догадливѣе меня (plus habiles que moi)“.

¹⁾ Chuquet, „J. J. Rousseau“, p. 123, 107.

При такихъ условіяхъ, рецензентъ моей книги, касающейся политической теоріи Руссо, долженъ относиться особенно внимательно къ своему предмету, чтобы вѣрно понять мысль разбираемаго имъ автора и не приписывать ему мыслей, основанныхъ на недоразумѣніяхъ самого рецензента. Этимъ именно и грѣшитъ рецензія кн. Трубецкой, что ему, однако, не помѣшало отнестись къ страницамъ разбираемой имъ книги, касавшимся Руссо, весьма строго. По его словамъ, ему здѣсь „пришлось отмѣтить дѣлйй рядъ неточностей“. Этотъ рядъ мнимыхъ *неточностей* сводится къ тремъ заключеніямъ. Кн. Трубецкой, во-первыхъ, заявляетъ, что авторъ книги „какъ будто (опять—какъ будто) не замѣчаетъ рѣзкихъ различій въ пониманіи общественнаго договора между Руссо и его предшественниками“. Чѣмъ же, однако, мотивировано это замѣчаніе? На 192 стр. разбираемой имъ книги излагается рационалистическая теорія о *государствѣ*, исходящая изъ представленія объ общественномъ договорѣ; изложеніе это заканчивалось словами: „Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, рационалистическая теорія о государствѣ, господствовавшая въ XVIII вѣкѣ и получившая самое рѣзкое и догматическое выраженіе свое въ сочиненіи Руссо—Общественный договоръ“. Изъ этого видно, что авторъ не имѣлъ въ данномъ случаѣ никакого повода распространяться о различіи во взглядѣ на общественный договоръ между Руссо и другими теоретиками, ему предшествовавшими. Автору надлежало лишь указать на преемственную связь между ними, связь, нисколько не исключавшую различія даже по существеннымъ пунктамъ. Самъ Гирке, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи особенно подчеркнул тотъ смыслъ, который Руссо придалъ общественному договору, призналъ „ученіе Руссо о народовластіи (въ которое входитъ и ученіе объ общественномъ договорѣ) завершеніемъ продолжительной эволюціи“¹⁾.

Какъ произвольны и съ какими натяжками придуманы возраженія рецензента, показываетъ и слѣдующій примѣръ. На стр. 50, рецензентъ замѣчаетъ: „комментируя ученіе Руссо о правительственной власти, какъ о простомъ порученіи, делегаціи народа, профессоръ Герье замѣчаетъ: „Ту же мысль по отношенію къ монархіи вѣришь, но не менѣе сильно выразилъ абсолютный монархъ XVIII вѣка, Фридрихъ II прусскій, сказавъ: *le souverain n'est que le premier serviteur de ses états*“. На самомъ дѣлѣ въ приведенныхъ словахъ великаго короля выразилось пониманіе суверенитета не только не тождественное, но даже прямо противоположное тому, которое мы находимъ у Руссо“. И по этому поводу профессоръ кн. Трубецкой начинаетъ развивать

¹⁾ „So erscheint Rousseau's Volkssouverenitätslehre als der Abschluss einer langen Entwicklung“. Gierke, Althusius, 201.

различіе между взглядами женевскаго гражданина и прусскаго короля на положеніе и власть государя—и на этомъ основаніи даетъ свое заключеніе *о безусловно ошибочномъ пониманіи авторомъ идеи суверенитета у Руссо.*

Если бы какой-нибудь историкъ на самомъ дѣлѣ считалъ *тождественными* государственныя теоріи Руссо и Фридриха Великаго, то ему, конечно, пришлось бы рекомендовать прослушать курсъ государственнаго права у профессора Е. Н. Трубецкова. Но хотя Фридрихъ II и раздѣлялъ рационалистическій взглядъ на государство и признавалъ общественный договоръ—*le pacte social*, никакой историкъ не смѣшаетъ представителя принципа „*tout pour le peuple*“ съ проповѣдникомъ противоположнаго принципа „*tout par le peuple*“. Внимательное отношеніе къ тексту разбираемой книги предохранило бы рецензента отъ подобнаго замѣчанія. Въ книгѣ указано, что, по ученію Руссо, правительственныя лица не что иное какъ должностныя лица (*simples officiers*), исполняющія *порученіе*, возложенное на нихъ народомъ. По этому поводу было сказано, что эта формула Руссо сама по себѣ не заключаетъ ничего анархическаго, и въ подтвержденіе этого соображенія было приведено, что ту же мысль по отношенію къ монархамъ выразилъ вѣрнѣе, но не менѣе сильно, даже великій абсолютный монархъ XVIII вѣка Фридрихъ II прусскій, сказавъ: „*le souverain n'est que le premier serviteur de ses états*“. „Но,—сказано далѣе,—рядомъ съ формулой Руссо стоитъ у него выводъ, неизбежно ведущій къ *анархii*. Правительственныя лица, которымъ вручена исполнительная власть (*les dépositaires de la puissance exécutive*), — говоритъ Руссо,—не господа народа, и потому народъ можетъ ихъ назначить и смѣстить, когда ему угодно. Это уже несогласно ни съ какою разумною теоріей; при такихъ принципахъ не можетъ существовать никакой цивилизованный народъ“. Въ этихъ-то словахъ рецензентъ усмотрѣлъ признаніе тождественности политическихъ воззрѣній Руссо и Фридриха Великаго, тогда какъ именно изъ приведенныхъ словъ явствуетъ полное различіе взглядовъ женевскаго республиканца и прусскаго короля. Называя себя служителемъ государства, Фридрихъ Великій, конечно, не разумѣлъ, что онъ можетъ быть въ любое время смѣщенъ прусскимъ народомъ.

Столь же мало основательно другое возраженіе рецензента. Онъ находитъ (стр. 56), что также неточно и то, что проф. Герье говорить объ отношеніи Руссо къ теоріи раздѣленія властей у Монтескье. Извѣстно,—продолжаетъ рецензентъ,—что „Руссо глумился надъ теоріей раздѣленія суверенитета; онъ сравниваетъ ея сторонниковъ съ японскими фокусниками, которые разсѣкаютъ ребенка на части на глазахъ зрителей, подбрасываютъ разсѣченные члены кверху и въ

заключеніе ловять въ свои объятія ребенка живого и невредимаго. По словамъ проф. Герье, эта шутка надъ Монтескье была неумѣстна со стороны Руссо, такъ какъ онъ самъ дѣлаетъ то же, въ чемъ упрекаетъ Монтескье. Въ основаніи его собственной политической теоріи снова является дѣленіе, хотя и въ иномъ смыслѣ".—Тутъ уважаемый рецензентъ упустилъ изъ виду, что Руссо возражаетъ вовсе не противъ раздѣленія власти ¹⁾, а противъ раздѣленія *верховенства* между различными органами".

Это возраженіе чрезвычайно типично. Рецензентъ приписываетъ автору утвержденіе, котораго тотъ не высказывалъ, и затѣмъ доказываетъ неистинность этого утвержденія. Устремивъ все свое вниманіе на выраженіе автора: „Руссо дѣлаетъ то же самое, въ чемъ упрекаетъ Монтескье“, рецензентъ счѣлалъ сообщить своимъ читателямъ, что авторъ глубоко ошибается. Изложивъ взгляды вышеозначенныхъ писателей на верховную власть, рецензентъ кончаетъ словами: „Ясно дѣло, что воззрѣнія обоихъ публицистовъ въ данномъ случаѣ не тождественны, а діаметрально противоположны“.

Доказывать это было совершенно излишне, такъ какъ на приведенной рецензентомъ изъ разбираемой книги страницѣ проводится та же мысль, и нужно не мало смѣлости, чтобы приписать какому-нибудь автору иной взглядъ на это, т.-е. мнѣніе, что воззрѣнія Монтескье и Руссо *тождественны*. Слова: „Руссо дѣлаетъ то же самое, что и Монтескье“, не значатъ: *думаетъ* такъ же, какъ и Монтескье; они даже не значатъ: *дѣлитъ* власть такъ же, какъ и Монтескье, ибо они сопровождаются оговоркой, что Руссо производитъ дѣленіе *въ иномъ смыслѣ*. Слова „дѣлаетъ то же самое“ значатъ, что Руссо совершаетъ то, въ чемъ онъ упрекаетъ Монтескье.

Послѣдній раздѣлялъ верховную власть между тремя органами. Руссо осуждаетъ это и всякое подобное дѣленіе власти, обвиняя „политиковъ въ томъ, что они, расчленивъ общественное тѣло (*démembre le corps social*), посредствомъ *фокуса* (Руссо называетъ его презрительно *ярмарочнымъ*) собираютъ во-едино его части, неизвѣстно какъ“. Руссо хочетъ сказать, что подобное дѣленіе есть нѣчто мнимое, есть *политическая иллюзія*; и еслибы оно было совершено, то общественное тѣло не могло бы существовать. Съ своей стороны Руссо признаетъ верховную власть не за правительствомъ, въ составъ котораго входитъ у Монтескье и народное представительство, а непосредственно за народомъ, и объявляетъ эту власть *недѣлимую*. Прави-

¹⁾ Однако, мнѣніе, что Руссо отвергаетъ и осуждаетъ самое раздѣленіе властей высказано весьма опредѣленно публицистомъ, авторитетъ котораго кн. Трубецкой ставитъ особенно высоко: „Unbedingt verwirft Rousseau den Gedanken der Gewaltentheilung“. Gierke, Althusius, p. 202 и 220.

тельственную же власть, въ которую входятъ у Руссо и власть издавать законы частнаго характера, и право объявленія войны и заключенія мира, онъ предоставляетъ на годичный срокъ уполномоченному верховнымъ народомъ въ его совокупности правительству. Но не представляетъ ли такое распредѣленіе ролей и власти такое же мнимое дѣленіе, такой же обманъ воображенія, какъ тотъ, въ которомъ онъ обвиняетъ Монтескье? Жизнеспособно ли такое политическое построеніе? Руссо самъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, сказавъ, что осуществленіе его схемы возможно только въ малыхъ государствахъ, подобныхъ Женевѣ, т.-е. въ самостоятельныхъ городскихъ общинахъ, а не въ государствахъ.

Отыскивая настойчиво неточности въ текстѣ автора, рецензентъ надалъ поводъ къ важному недоразумѣнію. Объясняя различіе между Руссо и его предшественниками во взглядѣ на общественный договоръ, рецензентъ говорить: „съ точки зрѣнія предшествующихъ теоретиковъ путемъ общественнаго договора можетъ быть создана любая форма государственнаго устройства; народъ можетъ создать у себя по своему усмотрѣнію монархію или республику, установить образъ правленія чистый или смѣшанный; по Гуго Гроцію народъ можетъ перевести на власть всѣ свои права или часть своихъ правъ, отдать себя въ рабство правительству или сохранить за собою контроль надъ нимъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія Руссо о созданіи путемъ общественнаго договора *любой* формы государственнаго устройства не можетъ быть и рѣчи; по его ученію, путемъ общественнаго договора можетъ создаться только непосредственная демократія, непосредственное народное самоуправленіе“. Что разумѣть подъ этими словами кн. Трубецкой — не ясно; но для читателя они могутъ имѣть лишь одинъ смыслъ: а именно, что съ точки зрѣнія своего „Общественнаго договора“ Руссо допускалъ существованіе лишь однѣхъ республикъ и притомъ съ демократическимъ правительствомъ. Но это было бы капитальной ошибкой. Приведенными выше словами затмѣивается одна изъ самыхъ характерныхъ сторонъ теоріи Руссо. По его теоріи, *верховная* власть признается безусловно за народомъ, т.-е. за совокупностью взрослыхъ гражданъ мужского пола; она неотчуждаема, т.-е. не можетъ быть перенесена на какое-либо лицо или учрежденіе; но въ то же время Руссо допускаетъ, что *верховный* народъ (*le souverain*) можетъ поручить правительственную власть (*le gouvernement*) по своему усмотрѣнію одному или нѣсколькимъ лицамъ, т.-е., другими словами, можетъ установить у себя монархическое или аристократическое правительство, доколѣ ему заблагоразсудится.

Въ подтвержденіе того, что Руссо считалъ совмѣстимымъ съ народнымъ верховенствомъ не только „непосредственную демократію,

непосредственное народное самоуправленіе“, но также и монархическое, какъ и аристократическое правленіе, напомнимъ, что вся третья книга „Общественнаго договора“ посвящена этому предмету. Въ 3-ей главѣ этой книги Руссо говоритъ: „Верховный владыка (le souverain, т.-е. народъ) можетъ, во-первыхъ, поручить правительство (commettre le dépôt du gouvernement) всему народу или бôльшей части народа, такъ, что число гражданъ-правителей (magistrats) будетъ значительнѣе числа простыхъ гражданъ. Такую форму правительства называть *демократіей*. Или же онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ небольшого числа, такъ что будетъ больше простыхъ гражданъ, чѣмъ правителей; такая форма называется аристократіей. Наконецъ, онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ единого правителя (magistrat), отъ котораго всѣ прочіе будутъ получать свои полномочія. Эта третья форма—самая обычная; она называется *монархіей* или королевскимъ правительствомъ“.

Конечно, Руссо при этомъ разумѣлъ не монархію *proprío jure* или „Божіей милостью“, а монархію по волѣ народа, получающую свои полномочія отъ народа. Въ этомъ смыслѣ Руссо пишетъ въ примѣчаніи къ 6-ой главѣ II книги: „Подъ словомъ республика я не разумѣю аристократію или демократію (какъ это дѣлалъ Монтескье), но вообще всякое правительство, руководящееся общею волею, составляющей законъ. Чтобы быть законнымъ, нужно, чтобы правительство не смѣшивалось (se confonde) съ верховнымъ владыкою (souverain), но чтобы оно было его служителемъ (ministre); тогда и самая монархія будетъ республикой“.

Не лишнею, кажется, будетъ здѣсь и ссылка на дѣльную книгу Эсмена, хорошо извѣстную русской публикѣ, такъ какъ первый томъ этого сочиненія — въ Солдатенковскомъ изданіи—давно весь распроданъ.

Упомянувъ объ ученіи „школы естественнаго права“ о народномъ суверенитетѣ, въ особенности о Гроціѣ и Вольфѣ, „пытавшихся его согласовать (mettre d'accord) съ монархическимъ правительствомъ своего времени“, Эсменъ продолжаетъ: „И другія попытки согласованія были сдѣланы или осуществлены между народнымъ суверенитетомъ и монархической формой. И прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Руссо не видѣлъ въ нихъ логической несовмѣстимости; но это объясняется свойственными ему представленіями о суверенитетѣ. Онъ отождествлялъ его съ законодательной властью, а съ другой стороны представлялъ себѣ законодательную власть лишь непосредственно осуществляемою совокупностью націи“ и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Esmein. Eléments, стр. 191 фр. ориг.

Такимъ образомъ, утвержденіе кн. Трубецкого, что съ точки зрѣнія Руссо путемъ общественнаго договора можетъ создаваться только *непосредственное народное самоуправленіе*—не точно и противорѣчитъ категорическимъ заявленіямъ Руссо, допускавшимъ возможность сочетанія монархическаго правительства съ народнымъ суверенитетомъ. Дѣло только въ томъ, что Руссо въ этомъ отношеніи впадалъ въ полнѣйшую иллюзію. По ученію Руссо всякое правительство есть только *провизорное, временное правительство, существованіе котораго ежегодно подвергается вопросу, такъ какъ самодержавный народъ долженъ ежегодно принимать рѣшеніе, оставить ли въ силѣ прежнюю форму правительства и сохранить ли на мѣстахъ прежній личный составъ правительства. Но возможна ли при такихъ условіяхъ монархія? Мыслима ли на самомъ дѣлѣ монархія, которая не будетъ знать, доживетъ ли она до слѣдующаго года?* Эсменъ говоритъ, что принципъ народнаго суверенитета, безъ сомнѣнія, логически несовмѣстимъ съ абсолютной и наслѣдственной монархіей. Къ этому надо прибавить, что даже конституціонная монархія несовмѣстима съ тѣмъ толкованіемъ народовластиа, которое ему даетъ Руссо, и съ тѣмъ практическимъ осуществленіемъ его, какое онъ предлагаетъ. Государственный порядокъ Руссо есть періодическій плебисцитъ, т.-е., на самомъ дѣлѣ, хроническое революціонное состояніе.

Обратимся теперь къ послѣднему нашему замѣчанію. Рецензентъ пишетъ: „Еслибы профессоръ Герье принялъ во вниманіе вышедшую въ 1880 г. книгу *Гирке* и цитированную уже книгу *Гайманна*, то онъ избѣжалъ бы многихъ неточностей, между прочимъ—безусловно ошибочнаго пониманія идеи суверенитета у Руссо“. Выше были уже приведены мною недоразумѣнія со стороны рецензента, на которыхъ онъ основываетъ этотъ „безусловно ошибочный“ приговоръ. Теперь коснемся книги Гайманна, вышедшей въ 1898 г., т.-е. *послѣ того*, какъ были написаны перепечатанныя въ книгѣ „Идея народовластиа“ статьи автора о Руссо. Представляетъ ли книга Гайманна какія-нибудь данныя, которыя должны бы были побудить автора измѣнить свои сужденія о Руссо? Гайманнъ, какъ и Липманнъ, авторъ книги *Философія права Руссо*, вышедшей въ томъ же году, поставили себѣ цѣлью реабилитировать этого писателя какъ *мыслителя*. Съ этою цѣлью Гайманнъ полемизируетъ противъ критики Руссо, которая всегда указывала и вѣроятно и впредь будетъ указывать на несовмѣстимость теоріи Руссо съ эмпирически данными условіями соціальной жизни. Гайманнъ вполне признаетъ *нежелательныя* послѣдствія (*leidige Konsequenzen*), которыя представляетъ теорія Руссо, но онъ,

тѣмъ не менѣе, отстаиваетъ эту теорію противъ общей критики и раздѣляетъ точку зрѣнія Руссо. Ясное сознаніе *условной примѣнимости* ученія Руссо не служило для него доказательствомъ его ошибочности. Всеобщая обязательность (*Algemeingültigkeit*), которую Руссо приписываетъ своему „Общественному договору“, основана не на его безусловной примѣнимости. Въ глазахъ Гайманна теорія Руссо не утрачиваетъ своего значенія, несмотря на то, что она въ противорѣчій не только съ условиями соціальной жизни, но и съ нравственной природою человѣка, которая представляла нашему философу много затрудненій, и „обсужденіе возможности осуществленія людьми вообще максимы Руссо объ общей волѣ повлекло бы за собою смерть этой философіи“. При такой точкѣ зрѣнія, Гайманнъ, конечно, считаетъ нужнымъ „совершенно оставить въ сторонѣ историческое вліяніе теоріи Руссо на политическую и духовную жизнь современниковъ и потомковъ“.

Но именно изображеніе и оцѣнка этого историческаго вліянія и составляетъ задачу разбираемой кн. Трубецкимъ книги. Въ задачу ея автора поэтому не могло входить изложеніе взгляда на ученіе Руссо, высказаннаго почти 140 лѣтъ послѣ „Общественнаго договора“, независимо отъ того, правиленъ ли онъ, или нѣтъ. Оцѣнка этого взгляда не имѣла никакого отношенія къ изображенію вліянія Руссо на политическія идеи и страсти французскаго общества въ XVIII вѣкѣ. На такое различіе цѣлей историка и философа права указываетъ и Липманнъ. Упоминая о превращеніи „Общественнаго договора“ въ орудіе политической агитаціи, Липманнъ говоритъ, что „рѣшеніе вопроса, насколько Руссо и его ученіе подлежатъ за это отвѣтственности, можетъ быть предоставлено историкамъ“. Отвѣтственность эта громадна, ибо нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго контраста между тѣмъ, чего желалъ Руссо, и тѣмъ, чему онъ научалъ. Это въ особенности проявляется по отношенію къ двумъ главнымъ идеямъ, изъ которыхъ исходитъ Руссо и которыя онъ желаетъ примирить—народовластія и свободы, но которыя такъ часто находятся у него въ непримиримомъ противорѣчій.

Представленіе Руссо о „суверенномъ народѣ“ чрезвычайно идеально. Идеализмъ этотъ особенно выражается въ его опредѣленіи *общей воли*—*volonté générale*. Эта воля обусловлена у Руссо совершеннымъ отсутствіемъ партій въ народѣ, слѣдовательно отсутствіемъ различія интересовъ и убѣжденій въ обществѣ. Самъ Руссо признаетъ, однако, наличность существеннаго разногласія между идеей и дѣйствительностью, и наряду съ общей волей ставитъ *волю всѣхъ*—разумѣя подъ этимъ волю отдѣльныхъ лицъ, направленную не на общій интересъ, а на частный. Руссо потратилъ много ухищреній своего ума, чтобы научить тому,

как превращать эту *волю всѣхъ* въ общую волю. Но придуманный имъ способъ мало кого удовлетворилъ, и одинъ изъ его апологетовъ справедливо назвалъ это средство—*мистическимъ*. Но и самъ Руссо— вопреки своей вѣрѣ въ суверенный народъ—высоко восхваляетъ мудрыхъ законодателей. Приводя эти разсужденія, Липманнъ восклицаетъ: „Надо сказать, что нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго контраста: съ одной стороны, утверждение, что серьезныя столкновенія между общимъ благомъ и интересомъ отдѣльныхъ лицъ устранены (силлогизмами), съ другой—грустное (*resignierte*) признаніе, что существующая въ тезисѣ гармонія въ дѣйствительности сокрушается о тотъ фактъ, что люди въ своихъ рѣшеніяхъ предоставляютъ лишь мало мѣста разуму, но зато тѣмъ большее вліяніе даютъ страстямъ“¹⁾.

Но историкъ XVIII вѣка не можетъ не отмѣтить, что Руссо нерѣдко самъ забывалъ объ этомъ и слишкомъ часто подавалъ другимъ поводъ смѣшивать народъ въ идеѣ съ *толпой*.

Мечтая объ идеальной волѣ державнаго народа, Руссо въ то же время давалъ поводъ всякой толпѣ видѣть въ себѣ самой *верховный народъ*. Такъ, желая формулировать безусловную зависимость правительства отъ народа, Руссо заявилъ, что когда собранъ суверенный народъ, правительство должно перестать функционировать (*est suspendu*), ибо тамъ, гдѣ находится налицо дающій полномочіе, не можетъ быть уполномоченнаго—*où se trouve le représenté, il n'y a plus de représentant*²⁾ (С. S. III, 14). Сколько разъ во имя этихъ афоризмовъ угодливые ораторы взывали къ самоуправству толпы, какъ тотъ якобинецъ, который воодушевлялъ членовъ своего клуба словами: „вы цари и болѣе, чѣмъ цари; развѣ вы не чувствуете, что въ вашихъ жилахъ бьется верховная власть (*sovereigneté*)?“⁴⁾—Руссо, однако, прекрасно зналъ, что суверенитетъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, не можетъ служить гарантіей свободы. Никто не противопоставлялъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ свободу—анархію. Признавая условіемъ свободы гражданскую добродѣтель, самоотреченіе, моральный подвигъ, побѣду надъ страстями, Руссо отзывается съ насмѣшкой о тѣхъ, кто „держаютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія, и, исполненные всѣми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы обрѣсти свободу, достаточно быть бунтарями. Гордая и святая свобода! еслибы эти жалкіе люди могли тебя понимать, еслибы они знали, какую цѣнну тебя приобрѣтаютъ и сохраняютъ! еслибы они чувствовали, насколько твои законы болѣе суровы, чѣмъ ярмо

¹⁾ Liepmann, 191.

²⁾ Согласно съ этимъ, Руссо говоритъ въ сочиненіи „О прав. польскомъ“: „Какъ скоро законодательная власть (весь народъ) заговоритъ, всякая власть должна замолкнуть, ея голосъ есть Божій голосъ на землѣ“.

тирановъ! — ихъ слабыя души, рабы страстей, которыя надо заглушать, страшились бы тебя во стократъ больше, чѣмъ они боятся рабства; они бѣжали бы отъ тебя съ ужасомъ, какъ отъ бремени, грозящаго ихъ сокрушить“.

Ярмо, которое Руссо налагалъ подь именемъ свободы на гражданъ своего государства, было дѣйствительно тяжело. Власть его сувереннаго народа была безгранична, нераздѣльна, не обставлена никакими гарантіями въ пользу личности; она распространялась даже на религіозныя убѣжденія, навязывая всякому „гражданскую религію“ и грозя за отступничество отъ нея смертной казнью. Мало того, Руссо не только отождествлялъ такой порядокъ вещей съ свободою, но самое принужденіе подчиниться такому порядку вещей, всякое насиліе съ этой цѣлью онъ называлъ освобожденіемъ. „Кто, — говоритъ онъ, — откажется повиноваться общей волѣ, будетъ принужденъ къ этому всѣмъ общественнымъ тѣломъ, и это значить лишь, что его *принудятъ быть свободнымъ* — on le forcera d'être libre (C. S. I, 7)“!

Какъ же объяснить все это? — Руссо былъ мечтателемъ. Реальный міръ болѣзненно сжималъ его, и онъ спасался отъ него въ утопіяхъ, сотканныхъ изъ отвлеченныхъ силлогизмовъ и воображенія. „Моя бѣдная голова (ma mauvaise tête), — сказалъ онъ о себѣ, — не можетъ покориться дѣйствительности. Она не умѣетъ украшать ее, она хочетъ созидать! Реальные предметы отражаются въ ней, какъ они есть; украшать она можетъ лишь предметы воображаемые“. — Въ воображаемомъ государствѣ у Руссо насиліе, идеализируемое фантазіей, перестаетъ казаться насиліемъ; а такъ какъ свобода опредѣляется согласіемъ съ общей волей, то принужденіе къ этому согласію магически представляется *освобожденіемъ*. Но какимъ образомъ на самомъ дѣлѣ производилось такое принужденіе къ свободѣ, и къ какимъ послѣдствіямъ оно приводило, это можно усмотрѣть не изъ философскихъ комментаріевъ къ Руссо, а изъ намятныхъ уроковъ исторіи...

Москва.

В. ГЕРЬЕ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905.

I.

-- Николай Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга девятнадцатая. Спб. 1905.

Настоящій томъ почтеннаго труда г. Барсукова, подобно предыдущимъ, заключаетъ въ себѣ любопытное собраніе историческихъ документовъ и литературныхъ мнѣній. Онъ посвященъ изложенію событийъ первыхъ лѣтъ 60-хъ годовъ, событийъ, создававшихъ историческую обстановку для личности и трудовъ М. П. Погодина. Эта обстановка создается авторомъ изъ полумеханическаго сдѣлания различныхъ сужденій о фактахъ, еще почти незатронутыхъ работой историческаго анализа, и потому трудъ автора, далеко выходя изъ рамокъ узко-біографическаго повѣствованія, является по характеру освѣщенія эпохи нѣсколько одностороннимъ и неполнымъ, въ особенности тамъ, гдѣ характеристика общественныхъ теченій требовала бы изученій философско-соціологическаго характера и справокъ съ источниками, напечатанными за границей и еще выдерживающими у насъ карантинъ цензурнаго запрета. Но и то, что даетъ г. Барсуковъ въ своей книгѣ въ необработанномъ видѣ, проникнуто живѣйшимъ интересомъ, въ которомъ найдутъ себѣ удовлетвореніе и историческая любознательность, и общественные запросы современнаго читателя.

Такъ, въ высшей степени любопытно слѣдить, въ какую форму отливалась, въ одну изъ самыхъ знаменательныхъ эпохъ нашей исторіи, борьба общественныхъ теченій, и какимъ образомъ возникало на этой почвѣ волненіе умовъ, нарушавшее мирное отправление функцийъ правительственной власти. Изъ вопросовъ, волновавшихъ собою

общество и правительство въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, вопросъ о дворянствѣ игралъ весьма существенную роль. Лишеніе дарового крестьянскаго труда ставило дворянство въ затруднительное матеріальное положеніе, выйти изъ котораго можно было только путемъ продолжительной и упорной внутренней работы, которая была далеко не по плечу большей части этого сословія. Правительство требовало отъ дворянства высокаго пониманія его новыхъ гражданственныхъ обязанностей, ссылалось на необходимость помощи съ его стороны и не безъ основанія указывало на возможность утраты со стороны дворянства нравственнаго вліянія на рѣшеніе общественныхъ задачъ, если дворянство окажется не на высотѣ призванія. Отношеніе дворянства, конечно, не могло быть единодушнымъ по отношенію къ правительственнымъ запросамъ, но несомнѣнно одно, что само же правительство, своимъ неудачнымъ *Положеніемъ 19-го февраля* и рядомъ непослѣдовательныхъ и явно реакціонныхъ мѣропріятій, помѣшало лучшей части дворянства помочь разрубить гордіевъ узелъ и облегчить русской жизни путь культурнаго и нормально-прогрессивнаго развитія.

Среди матеріаловъ, относящихся къ дворянскому вопросу, своеобразное положеніе занимаетъ переписка И. С. Тургенева съ Герценомъ и Огаревымъ по поводу такъ называемаго лондонскаго адреса, выражавшаго недовольство дворянъ формой освобожденія крестьянъ. Герценъ и Огаревъ принимали участіе въ этомъ адресѣ и думали привлечь къ нему Тургенева, но послѣдній подвергъ адресъ суровой критикѣ и явился горячимъ защитникомъ Положенія. Въ адресѣ говорилось между прочимъ: „Вслѣдствіе запутанности *Положенія о крестьянахъ*, дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство, вмѣсто пособія дворянству, послѣщило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита, и черезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможной. Помѣщичьи земли остаются необработанными“. Цѣль Герцена была ясна: показать, что, благодаря неудовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ *Положенію* и неудачнымъ мѣропріятіямъ правительства, дворянство оказывается разореннымъ вдвойнѣ, и что, такимъ образомъ, правительство по преимуществу являлось виновникомъ взаимной необезпеченности дворянъ и крестьянъ, увеличивая тягости казны, арміи и чиновниковъ. Ставъ вопросомъ такимъ образомъ, Герценъ и Огаревъ едва ли по существу

являлись „союзниками“ крѣпостниковъ, т.-е. людей недовольныхъ самымъ фактомъ освобожденія крестьянъ, какъ думаетъ г. Барсуковъ, высказывая весьма рискованное положеніе, что въ данномъ случаѣ Герценъ и Огаревъ руководились принципомъ: цѣль оправдываетъ средства, — и соединялись съ людьми, съ которыми въ сущности у нихъ ничего не было общаго.

Друзья преслѣдовали здѣсь опредѣленную задачу — обнаружить несостоятельность правительственной системы, слѣдствіемъ которой являлось, между прочимъ, излишнее разореніе дворянства, но никакъ не выражали скорби по поводу отчужденія дарового крестьянскаго труда. Тургеневъ, однако, иначе понялъ основную мысль адреса, и современныя намъ событія, стоящія въ связи съ аграрными волненіями крестьянъ, убѣдительно доказываютъ это. Ставъ на формальную точку зрѣнія, что съ *Положенія* начинается новая эра въ Россіи, Тургеневъ писалъ: „Во-первыхъ, я полагаю, что взять *Положеніе* исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія—и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, съязъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, собственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ—если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но „Земля приняла *Положеніе*; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о *Положеніи* и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ вмѣсто оброка на выкупъ. Нападать при такихъ обстоятельствахъ на *Положеніе*, какъ источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость земскаго собора, это значить.... окончательно порвать связь съ народомъ“.

А. И. Кошелевъ такъ изображалъ современное положеніе: „крестьянское дѣло идетъ лучше, чѣмъ можно было ожидать, но скверно по причинѣ общей правительственной неурядицы. Земской полиціи нѣтъ. Посредниковъ какъ бы и не бывало, и губернаторы рады, что съ войсками не нужно выступать, а потому пишутъ: все обстоитъ благополучно. Теперь развивается у насъ великое зло: помѣщики находятся въ невозможности обрабатывать свои поля вольнымъ трудомъ, ибо рабочіе страшно дороги и сверхъ того невыносимо своевольны; а потому помѣщики бросаютъ свои имѣнія, земли отдають въ наемъ и уѣзжаютъ или за границу, или въ города. Знаете, никогда не было такъ пусто въ деревняхъ, какъ теперь. Дворяне въ страшномъ угнетеніи отъ крестьянъ, которые хотятъ работаютъ, а не хотятъ, такъ никто ихъ къ тому не принуждаетъ. Платать—прекрасно, а не платать, такъ тому и быть. Еще милосерды крестьяне; хотя скверно, но

работаютъ; хотя не срочно, но еще выплачиваютъ. Разсчитывать ни на что нельзя; непрерывная азартная игра“. Характерно, что въ то же время Аксаковъ предлагалъ дворянству „торжественно предъ лицомъ всей Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія“, а Катковъ выражалъ мысль о желательности „уничтожить всё сословныя перегородки и выборы отъ отдѣльныхъ сословіи замѣнить выборами отъ всего земства“...

Реакціонное направленіе правительства тяжело отражалось и на положеніи университетской науки. Вотъ что повѣствуетъ г. Барсуковъ о двухъ-трехъ событіяхъ университетской жизни послѣ 20 декабря 1861 г., т.-е. послѣ закрытія петербургскаго университета. У нѣкоторыхъ студентовъ явилась мысль устроить *вольный университетъ*, который и удалось открыть при содѣйствіи нѣсколькихъ профессоровъ, согласившихся читать лекціи, и городского головы Погребова, предоставившаго помѣщеніе въ городской думѣ. Первымъ былъ Костомаровъ, открывшій свой курсъ; за нимъ послѣдовали и другіе профессора: М. М. Стасюлевичъ, В. Д. Спасовичъ, Б. И. Утинъ, К. Д. Кавелинъ; представилъ программу своихъ лекцій и А. Н. Пыпинъ, но въ ней, въ курсѣ о старинной русской литературѣ, значился вопросъ о *ложныхъ книгахъ*. Просвѣщенный министръ народнаго просвѣщенія (Головнинъ) не рѣшился собственной властью утвердить программу, гдѣ шла рѣчь о такомъ страшномъ предметѣ, какъ *ложныя книги*, и отнесся къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода; оберъ-прокуроръ представилъ программу на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, и послѣдній обнаружилъ въ отзывѣ своемъ такую бездну премудрости и глубокомыслія, которое заслуживаетъ упоминанія. Давъ въ достаточной степени туманное и сбивчивое объясненіе тому, что слѣдуетъ понимать подъ ложными или отреченными книгами, святѣйшій синодъ не рѣшился дать согласіе на чтеніе Пыпинымъ лекцій по его программѣ: Въ „сужденіи объ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ“ — такъ мотивировалъ свой уклончивый отвѣтъ святѣйшій синодъ — „ученому изыскателю нужно много труда, тонкой разборчивости и осторожности, дабы общимъ осужденіемъ лжи не оскорбить истины, потому что между ложными понятіями и повѣствованіями въ сочиненіяхъ сихъ заключается многое, что не противорѣчитъ каноническимъ книгамъ св. писанія, церковной исторіи и здравой логики“. Программа не объясняетъ, что разумѣть Пыпинъ подъ новозавѣтными апокрифами и *нашими* апокрифами, и какія легенды о Спасителѣ, Богородицѣ, Святыхъ и мученикахъ, предполагаетъ онъ ввести въ свои лекціи“. Въ то же время великій князь Михаилъ Николаевичъ не изволилъ допустить полковника Лаврова къ чтенію публичнаго курса по исторіи философіи, а министръ народнаго просвѣщенія

—Н. Г. Чернышевскаго къ чтенію лекцій по политической экономіи. Остальные профессора открыли публичные лекціи, но не надолго: онѣ прекратились въ связи съ инцидентомъ проф. Павлова. Проф. Павловъ былъ высланъ въ Ветлугу за свою рѣчь на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ, по свидѣтельству сына протоіерея Базарова, онъ сказалъ, между прочимъ: „не прельщайтесь блестящею мишурою побѣдъ и триумфовъ. Наше отечество находится въ самомъ жалкомъ положеніи.... Манифестъ 19 февраля раздѣлилъ наше настоящее отъ прошлаго бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезѣ, и каждый попятный шагъ можетъ низвергнуть ихъ стремглавъ въ эту страшную пропасть, каждый попятный шагъ можетъ навлечь на отечество наше ужасное несчастіе. Единственное средство избѣгнуть этого — сближеніе съ народомъ. Наше молодое поколѣніе должно пожертвовать для достиженія этой цѣли тѣми незначительными преимуществами, какими оно пользуется нынѣ. Имѣя уши слышати да слышать“.

О положеніи дѣлъ внутри государства г. Барсуковъ приводитъ любопытный и, конечно, отмѣченный извѣстнымъ угломъ зрѣнія, отзывъ директора департамента полиціи, гр. Д. Н. Толстого. „Дѣла внутренней политики были день ото дня хуже. Подъ влияніемъ чиновничьей партіи (?), возникала другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи, вполне зажигательныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящимъ, и полиція не открывала виновныхъ. Сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться предпринять, напримѣръ, изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да если бы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда и кому провезены они чрезъ таможеню?“

Почтенный государственный дѣятель не усматривалъ (и въ то время, вѣроятно, искренно) внутренней связи между распространеніями прокламацій и реакціонной двусмысленной политикой правительства. Такого проникновенія въ глубину явленій отъ него и нельзя было требовать, когда люди даже истинно просвѣщенные не были въ состояніи оцѣнить по достоинству борьбу общественныхъ теченій, и проф. Никитенко, напримѣръ, никакъ не могъ понять, чего хотятъ „всѣ эти ультра-прогрессисты“. Онъ стоялъ за „постепенныя реформы“ и бла-

годушно полагалъ, что онѣ наступать сами собой, что „разумное движеніе впередъ“ возможно безъ ограниченія произвола и можетъ совершиться безъ жертвъ и борьбы. Въ дневникѣ своемъ онъ записалъ характерный разговоръ съ однимъ радикаломъ:

— „Надо все разрушить: бей направо и налево“.

— Для чего же?

— „Разумѣется, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго“.

— Но кто же построить на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— „Сама жизнь“.

— Хорошо, но, во-первыхъ, кто же намъ далъ право *насильственно* вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями; васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во-вторыхъ, гдѣ гарантія, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто?“

Никитенко не предполагалъ только обратнаго вопроса: кто далъ право кому бы то ни было насильственно задерживать людей въ ихъ исканіи путей къ лучшему? Пресвященный Порфирій, въ мысляхъ котораго часто обращается г. Барсуковъ, отвѣтилъ бы, вѣроятно: Промысль Божій... съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался предметомъ монопольнаго пользованія власти.

А изъ массы прокламацій нѣкоторыя мѣтили очень далеко. Вотъ что рассказываетъ объ одной изъ нихъ г. Барсуковъ: „Между массою прокламацій, въ то время распространяемыхъ, особенное вниманіе обратила на себя разбрасываемая въ Москвѣ и Петербургѣ прокламація, подъ заглавіемъ: „Молодая Россія“. Въ ней требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ признать несущестующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить права собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Въ прокламаціи упомянуть и издатель „Коловола“, какъ родоначальникъ, какъ великій политическій умъ, впервые провозгласившій на русскомъ языкѣ теорію *кровавыхъ реформъ*; но авторы прокламаціи находятъ, что Герценъ отсталъ, сдѣлался слишкомъ мягокъ и сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, которые не хотятъ кровавыхъ реформъ.“

Замѣчательно, что Герценъ, прочитавъ эту прокламацію, отнесся къ авторамъ ея „съ словомъ нѣжности“. Въ „Молодой Россіи“ увидѣлъ онъ „пріятную смѣсь“ Шиллера съ Бабефомъ. „Вы насъ считаете отсталыми“,—говоритъ онъ,—„мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ“. Герценъ „отечески журить“ „Молодую Россію“

только за двѣ ошибки,—во-первыхъ, что она одѣта не по-русски, а болѣе по-французски, во-вторыхъ, что она появилась некстати, тѣмъ болѣе, что вскорѣ случились пожары“.

Въ этихъ пожарахъ, вызвавшихъ сильное волненіе, обвиняли представителей революціоннаго движенія и даже молодежь, но люди, высказывавшіе подобныя мнѣнія, встрѣчали возраженія, которыя ставили ихъ въ положеніе клеветниковъ. „Сказанное слово серебро, а умолченное—золото“,—писалъ по этому поводу Коворовъ С. И. Погодиной. Въ этой поговоркѣ надобно въ особенности руководствоваться въ дѣлѣ обвиненія (тяжкаго и ужаснаго) молодежи и не спѣшить съ печатнымъ заявленіемъ опредѣлительныхъ подозрѣній, пока дѣло не выяснилось какъ $2 \times 2 = 4$ “. Очевидно, приемы огульнаго обвиненія молодежи пользовались и въ то время извѣстнымъ успѣхомъ.

Г. Барсуковъ даетъ такъ много матеріала въ своихъ книгахъ, что нѣтъ возможности указать ихъ содержаніе въ маленькой замѣткѣ. Мы ограничились лишь нѣкоторыми выдержками изъ нея, представляющими любопытныя параллели въ тому, что совершается на глазахъ общества въ настоящее время. Кромѣ нихъ, въ настоящей книгѣ много въ высшей степени цѣнныхъ данныхъ относительно Герцена, Тургенева и различныхъ общественныхъ настроеній. Если при этомъ картина получилась неполная, то было бы несправедливо возлагать отвѣтственность за эту неполноту только на г. Барсукова: въ смыслѣ матеріала онъ далъ болѣе, нежели обѣщалъ, для окончательнаго же историческаго сужденія объ этой эпохѣ еще не наступило время.

II.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. I-й томъ, I вып. Спб. 1905.

Мы такъ небогаты художественными изданіями историческаго характера, что всякая попытка пойти навстрѣчу несомнѣнно существующей потребности въ этомъ направленіи заслуживаетъ самаго глубокаго сочувствія и вниманія. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ трудъ Великаго Князя Николая Михайловича, что въ немъ стали доступны широкимъ кругамъ общества произведенія, соединившія въ себѣ изысканность историческаго интереса съ возможнымъ совершенствомъ художественнаго выполненія. „Появленіе настоящаго изданія вызвано желаніемъ дать Сборникъ снимковъ съ портретовъ и миниатюръ, писанныхъ масляными красками, пастелью и акварельныхъ, съ дѣлю ознакомить по возможности интересующихся этимъ съ бога-

тѣмъ иконографическимъ матеріаломъ, разбѣяннымъ по многочисленнымъ собраніямъ, нерѣдко мало доступнымъ.

„Преимущество, естественно, будетъ отдаваться оригиналамъ извѣстныхъ мастеровъ, но новый типъ, возрастъ болѣе соответствующій избранной эпохѣ и другія соображенія могутъ склонить выборъ въ иныхъ случаяхъ въ пользу второстепенныхъ и неизвѣстныхъ оригиналовъ; войдутъ сюда также изображенія, интересныя въ историческомъ отношеніи, но мало удовлетворительныя художественно, если издателю не будетъ извѣстно другого, лучшаго оригинала данного лица. Кромѣ того, появится извѣстное число портретовъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, въ надеждѣ, что путемъ опубликованія нѣкоторые изъ нихъ опредѣлятся и пополнятъ свѣдѣнія исторической иконографіи. Къ изображеніямъ мужей нерѣдко будутъ присоединены портреты женъ, къ знаменитымъ отцамъ менѣе извѣстныя дѣти, и наоборотъ“.

Издатель не устанавливаетъ системы въ расположеніи портретовъ. Онъ смотритъ на свой трудъ, какъ на подготовительную работу для будущаго словаря портретовъ; для удобства же пользованія снабжаетъ свое изданіе алфавитными указателями. Каждое изображеніе сопровождается краткой біографіей данного лица на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Особую важность придаетъ изданію то обстоятельство, что его матеріалами послужили оригиналы, мало извѣстные во многихъ случаяхъ, иногда же и вовсе неизвѣстные: это — портреты и миниатюры, находящіяся въ дворцахъ, музеяхъ, галлерейхъ и, преимущественно, составляющіе частную собственность. Какъ сказано въ предисловіи, въ настоящее время въ распоряженіи издателя уже имѣется свыше двухъ тысячъ снимковъ, и число это быстро увеличивается. Ежегодно предполагается выпускать одинъ томъ, состоящій изъ 4 выпусковъ и 100 таблицъ, исполненныхъ наполовину гелиографіею, наполовину фототипіею.

Въ первомъ выпускѣ, въ числѣ прочихъ, находимъ портреты съ оригиналовъ Монье (имп. Александръ I-й, имп. Елисавета Алексѣевна), Митуаръ (гр. М. А. Румянцева), Рокотова (кн. Г. Г. Орловъ), Левицкаго (кн. Е. Н. Орлова), Варнека (гр. А. С. Строгановъ), Боровиковскаго (кн. С. Н. Долгорукій), Е. А. Архарова (кн. Е. А. Суворова), Дау (гр. М. П. Руманцевъ), Лебрень (кн. Т. В. Юсупова), Кипренскаго (гр. Ф. В. Ростопчинъ), Роллена (гр. Н. И. Панинъ). Въ числѣ миниатюръ находимъ рядъ изображеній съ очень рѣдкихъ оригиналовъ.

Въ художественномъ отношеніи изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго; исполняемое экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, оно и по цѣнѣ не представляется дорогимъ (50 руб.

за каждые 4 вып.). Единственный и существенный недостаток его — блѣдныя и шаблонныя біографіи, даже извѣстныхъ лицъ. Очевидно, имъ удѣлялось второстепенное вниманіе, о чемъ приходится только пожалѣть.

III.

— Стасовъ В. В. (составилъ). Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка. Съ четырьмя фототипіями. Изданіе „Посредника“. М. 1904.

Появленіе книги В. В. Стасова важно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего она является данью глубокаго уваженія и признательности замѣчательной личности Ге, какъ художника и человѣка, оригинальной, самобытной, проникнутой горячимъ порывомъ подчинить искусство служенію высшимъ запросамъ жизни и духа. Біографія такого дѣятеля сама по себѣ любопытна и поучительна, по отношенію же къ Ге, возбуждавшему столько противорѣчивыхъ отзыовъ и сужденій, она и необходима именно теперь, пока живы люди, знавшіе покойнаго художника и, стало быть, имѣющіе возможность дополнить или, можетъ быть, видоизмѣнить, черты, приданныя его образу біографомъ, задавшимся цѣлью не только разсказать по правдѣ, по совѣсти жизнеописаніе Ге, но и защитить его отъ несправедливыхъ и легкомысленныхъ порицаній и насмѣшекъ. Наконецъ, созданіе біографическаго очерка о дѣятелѣ, столь разнообразно освѣщенномъ историко-біографическимъ матеріаломъ, было дѣломъ весьма значительнаго труда, какъ это можно судить по словамъ біографа, но труда благодарнаго, искушавшагося сознаниемъ, что изъ груди неразборчивыхъ рукописей, оставленныхъ покойнымъ Ге, выступалъ онъ самъ со всей полнотой своей натуры, характера всей своей дѣятельности и жизни. Эта жизнь, по образному выраженію автора — „одна сплошная рукопись, писанная худою спутанною каллиграфіей. На каждомъ шагѣ — неразборчивыя черты и неразборчивыя фразы, на каждомъ шагѣ — закорючки, усики и разводы, недописки и переписки, обманывающія и смущающія глазъ, заводящія въ какіе-то смутные корридоры, откуда, кажется, какъ будто бы и выхода нѣтъ. Но пусть вашъ глазъ попривыкнетъ и къ разводамъ, и къ усикамъ, и къ недопискамъ, и къ темнымъ корридорамъ, пусть у васъ только горитъ внутри жажда узнанія, свѣтлое желаніе разобрать и уразумѣть, и скоро каракульки и непонятныя черты передъ вами исчезнутъ, и вы поймете эту сложную натуру, полную совершенствъ, но и недочетовъ, блестящихъ качествъ, но и достойныхъ всякаго сожалѣнія несовершенствъ, всегда полную жара душевнаго, стремленія къ истинѣ и глубокимъ источникамъ жизни“.

Помимо рукописей самого Ге, въ рукахъ В. В. Стасова былъ обширный біографическій матеріалъ, образовавшійся изъ воспоминаній ближайшихъ родственниковъ, друзей и товарищей по гимназій, университету, академіи художествъ, по заграничной жизни и т. д., множество писемъ самаго разнообразнаго характера (между прочимъ— переписка съ Л. Н. Толстымъ), наконецъ, множество печатныхъ статей біографическихъ и критическихъ,—все это ставило автора въ весьма благоприятное положеніе и обезпечивало за его работой всѣ права на фактическую достовѣрность.

Съ большимъ интересомъ читается исторія художественнаго и умственнаго развитія Ге въ юности и позже, въ зрѣломъ возрастѣ. Весьма знаменателенъ тотъ выводъ, который г. Стасовъ дѣлаетъ на основаніи изученій фактовъ академическаго періода жизни Н. Н. Ге. Біографъ опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые пытались доказать, будто занятіе художествомъ было для Ге чѣмъ-то чужимъ, постороннимъ, навѣяннмъ извнѣ, выбраннымъ по капризу и насильно проводимымъ. Напротивъ, живопись была истиннымъ и органическимъ призваніемъ Ге. Художникъ рисуется біографу человекомъ сильно впечатлительнымъ ко всему великому, поэтическому, справедливому и художественному. Но, разсматривая натуру Ге, надо всегда различать—говорить г. Стасовъ—его сердце и его голову: „Сердце и голова у него не всегда сходились и иногда бывали у него въ довольно значительномъ разладѣ. По сердцу своему это былъ человекъ необыкновенно любящій, мягкій, кроткій: незлобивость его и симпатизированіе другимъ, чуть ли не всѣмъ на свѣтѣ, съ кѣмъ ему только приходилось быть въ соприкосновеніи, простиралась такъ далеко, что иногда трудно даже себѣ представить. Но въ то же самое время умъ, разсудокъ работаютъ въ немъ тоже съ великою силою и мощью. Онъ не только не слѣпъ, не близорукъ, но обладаетъ острымъ зрѣніемъ и чутьемъ, очень хорошо видитъ и понимаетъ, что около него происходитъ, да только никогда не хочетъ, по необычному добродушію своему, свести виѣстѣ одніи цифры съ другими и произвести „вычитаніе“ меньшаго изъ большаго. Отъ этого итогъ выходитъ у него очень симпатичный и добрый, но не вполне вѣрный“.

Характерно было заявленіе Ге въ началѣ 60-тыхъ годовъ о томъ, что борьба не есть дѣло художника. Художникъ по преимуществу мирный человекъ, его главная забота — сохранить то, что ему дороже всего — его идеалъ. „Все, что можетъ сдѣлать, это уйти“. Проживъ долго за границей и вернувшись въ Петербургъ, онъ не могъ пристать къ новому молодому движенію русскихъ художниковъ, которое создалось въ его отсутствіе, притомъ же политическія воззрѣнія для него, какъ художника, „стали ниже его задачи“, по собственнымъ

словамъ Ге. Это создало для Ге особое положеніе среди художниковъ, уже принимавшихъ участіе въ общемъ освободительномъ движеніи 60-тыхъ годовъ. В. В. Стасовъ посвящаетъ прекрасныя строки роли въ этомъ движеніи, въ его соотношеніяхъ съ искусствомъ, Писарева и Чернышевскаго, которые никакъ не могли повліять на Ге въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ Чернышевскій, такъ и Писаревъ—старался всего болѣе разрушить старинныя указы и приказы по части истинной „красоты“, по части того, что можно и чего нельзя въ искусствѣ, и развѣять ихъ, какъ негодную пыль, на всѣ четыре стороны. Но было ли при этомъ затронуто и нарушено само искусство, настоящее правдивое, вѣчное, навсегда человѣку необходимое? Никогда. Оно стало только свободно, независимо и самостоятельно, какъ никогда прежде. При всемъ этомъ, однимъ изъ главныхъ упрековъ Писарева прежнему искусству (при всей талантливости и значительности многихъ изъ его лучшихъ представителей) было то, что искусство слишкомъ часто готово было превращаться въ „лакея роскоши“. Художникъ подчинялся всѣмъ требованіямъ роскоши такъ рабобѣдно, что „соглашался уродовать въ угоду свои картины, соглашался разставлять группы по ранжиру—не отказывался ни отъ единого заказа, каковъ бы онъ ни былъ, — словомъ, весьма охотно проституировалъ свою творческую мысль“. Неужели говорить все это—значило не любить, не понимать, гнать искусство? Какое безуміе! Напротивъ, во всѣхъ этихъ горячихъ словахъ и стремленіяхъ лежала такая любовь къ искусству, такая преданность ему, такое страстное желаніе ему успѣха, роста, славы и счастья, какого не было у большинства тѣхъ, что ходятъ по галереямъ съ отуманенной головой и съ перепорченными глазами и причмокиваютъ на картины и на „красоты“, словно леденцы таютъ у нихъ подъ языкомъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, и Писаревъ, какъ и Чернышевскій, не могъ оказать никакого вреднаго вліянія на Ге. Они оба только добру учили, они только старались разбудить русскихъ людей и отворотить ихъ отъ безцѣльнаго, безыдейнаго, пустого, ничтожнаго, виртуознаго искусства. Они пробовали показать, вдали на горизонтѣ, занимающую зарю истинной правды и свѣта. Они желали, въ большинствѣ случаевъ, того самаго, чего желать и Ге. Не „самое неблагоприятное“ было ихъ время для искусства, а напротивъ, самое благоприятное, самое благодатное“.

Ге взялъ изъ этого ученія его общечеловѣческую сторону и съ этой точки зрѣнія подвергъ анализу значеніе своей художественной дѣятельности. Это и послужило основаніемъ извѣстнаго переворота въ душѣ Ге въ концѣ 70-тыхъ годовъ и сближенію его съ Л. Н. Толстымъ. Страницы, посвященныя этому сближенію—однѣ изъ самыхъ

интересныхъ въ книгѣ г. Стасова, въ особенности благодаря выдержкамъ изъ переписки. Толстой съ живымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ плана серіи евангельскихъ картинъ, которую Ге поставилъ своею художественною цѣлью всей остальной жизни. „Надо дѣлать и выражать то, — писалъ Толстой художнику, по обмѣновенію весь высказываясь въ каждой строчкѣ своего письма, — что созрѣло въ душѣ. Никто вѣдь никогда этого не выразитъ, кромѣ васъ. Я жду всей серіи евангельскихъ картинъ. Слышалъ о той, которая въ Петербургѣ, отъ Прянишникова. По словамъ В. М., очень хороша, говорили. Вотъ поняли же и они. А простецы-то и подавно. Да не въ томъ дѣло, какъ вы знаете, чтобы NN хвалили, а чтобы чувствовать, что говоришь нѣчто новое, и важное, и нужное людямъ. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого, — какъ вы, надѣюсь, теперь работаете, — то это слишкомъ большое счастье на землѣ. Даже совѣстно передъ другими“...

Въ заключительной главѣ В. В. Стасовъ рассказываетъ исторію своихъ личныхъ отношеній къ Ге, сложившуюся въ одно цѣльное впечатлѣніе, — „при тысячѣ несовершенствъ и недочетовъ, можетъ быть и крупныхъ, Ге все-таки былъ человекъ и художникъ необыкновенный, своеобразный и самостоятельный, который многое такое сдѣлалъ, что никому другому не сдѣлать, да о чемъ другіе, пожалуй, никогда и не задумываются. Съ него этого довольно“.

IV.

— Знн. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1906.

Многое изъ того, что напечатано въ этой книгѣ, уже знакомо читателямъ „Вѣстника Европы“, но то, что было въ отдѣльныхъ очеркахъ лишь отраженіемъ частныхъ явленій западно-европейской литературы, пріобрѣтаетъ въ общемъ соединеніи извѣстную цѣльность и даетъ возможность судить не только объ изслѣдуемыхъ литературныхъ произведеніяхъ, но и о міросозерцаніи автора, о принципахъ его художественной оцѣнки и литературныхъ вкусахъ. Въ этомъ отношеніи книга г-жи Венгеровой проникнута опредѣленностью содержанія и единствомъ колорита; сосредоточиваясь по преимуществу лишь на такихъ явленіяхъ, которыя не заставляютъ автора становиться во враждебное или оппонирующее положеніе, г-жа Венгерова не старается скрыть своего сочувствія основнымъ тенденціямъ разбираемыхъ писателей, а иногда настолько сливается съ ними, что является какъ бы убѣжденной проповѣдницей ихъ идей.

Въ живыхъ и талантливыхъ очеркахъ проходить передъ читателемъ Метерлинкъ, Эмиль Золя, Анатоль Франсъ, Эмиль Берхартъ, Джонъ Рёскинъ, Генрихъ Сенкевичъ и др. Г-жа Венгерова не беретъ на себя задачи объективнаго историко-литературнаго изысканія: она разсматриваетъ писателя въ немъ самомъ, внѣ связи съ литературными направленіями и предшественниками по генеалогіи типовъ и способамъ художественной реализаціи идей. Г-жу Венгерову интересуеетъ другая сторона—соотношеніе внутренняго міра писателя къ тому, что является, по мнѣнію автора, высшими проблемами духовнаго существованія человѣчества, другими словами—философская цѣнность его произведеній. Въ этомъ отношеніи г-жа Венгерова стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую едва ли не точнѣ всего можно опредѣлить, какъ особый видъ мистической метафизики, не очень высокой по взмаху метафизическаго подъема и слишкомъ достаточно прозрачной и ясной, чтобы сойти за чистую мистику. Въ своихъ требованіяхъ г-жа Венгерова поднимается надъ узкимъ реализмомъ и мелочностью стремленій бытовой обыденщины, дающей иногда исчерпывающее содержаніе художественному замыслу, но поднимается не настолько, чтобы земля исчезла у нея изъ вида со всѣми большими и маленькими скорбями и радостями своихъ обитателей. Она цѣнитъ, по крайней мѣрѣ, считаетъ „убѣдительно“ реализмъ романовъ Золя и видитъ въ нихъ „страстную, озлобленную“ проповѣдь противъ существующей дѣйствительности,—но въ гораздо большей степени предпочитаетъ ту способность изображать внѣшній міръ, которая служитъ отличительной чертой, напр., Роденбаха. Г-жа Венгерова такъ формулируетъ идущую сюда основную мысль этого писателя: „Воздѣйствіе предметовъ внѣшняго міра на внутреннюю жизнь души—одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ Роденбаха. Онъ часто повторяетъ слѣдующую мысль: между неодушевленнымъ міромъ и человѣческой душой существуютъ незримыя нити, и часто поступки и чувства можно объяснить только видомъ какого-нибудь предмета, заставляющаго вдругъ прорваться наружу то, что долго спало въ душѣ. Жизнь людей кажется поэту сплетеніемъ видимаго и невидимаго; все въ жизни загадочно лишь потому, что человѣкъ считаетъ себя чѣмъ-то обособленнымъ въ бытіи и не понимаетъ своей связи съ тѣмъ, что исходитъ не отъ него, а отъ окружающаго его міра“. Еще опредѣленнѣе высказывается г-жа Венгерова въ своей статьѣ о Метерлинкѣ, какъ человѣкѣ и художникѣ. Заканчивая разборъ его „Монны Ванны“, явившейся однимъ изъ поворотныхъ моментовъ въ развитіи этого писателя, г-жа Венгерова говоритъ: „Онъ освѣщаетъ свѣтомъ мистическаго познанія реальную дѣйствительность послѣ того, какъ показалъ дѣйствіе инстинктивнаго мистическаго прозрѣнія въ скрытой жизни души.

„Такова эволюція, свершенная Метерлинкомъ въ его творчествѣ, и придающая большую цѣльность, зрѣлость и углубленность его произведеніямъ. Въ томъ, что имъ написано до сихъ поръ (авторъ писалъ это до появленія послѣднихъ произведеній Метерлинка и его разсужденія о драмѣ въ сборникѣ „Le double jardin“), онъ является мистикомъ, соответствующимъ современному міросозерцанію, т.-е. не отчужденнымъ отъ жизни, не погруженнымъ въ отвлеченное отъ дѣйствительности созерцаніе, а провозглашающимъ мистическую правду, какъ единственно вѣрную руководящую нить для человѣка въ его жизненныхъ переживаніяхъ и нравственныхъ обязанностяхъ“.

Конечно, читатели, предъявляющіе требованіе извѣстной точности къ терминамъ, входящимъ въ составъ философскихъ опредѣленій, замѣтятъ, что между понятіями мистики Метерлинка и „современнаго міросозерцанія“, со всѣми послѣдующими опредѣленіями, существуетъ какое-то недоразумѣніе, неустранимое даже предположеніемъ, что мистика, дѣйствительно, является характернымъ признакомъ современнаго міросозерцанія. По терминологіи г-жи Венгеровой выходитъ, что это міросозерцаніе, съ одной стороны, не отчуждено отъ жизни и не погружено въ отвлеченное отъ дѣйствительности созерцаніе, а съ другой—провозглашаетъ „мистическую правду“, въ которой нѣтъ правильно руководящей нити для человѣческой жизни. Разобраться въ этомъ противорѣчii возможно лишь при непремѣнномъ условіи—точно опредѣлить природу понятій, выражаемыхъ, по мысли автора, такими общими терминами, какъ „дѣйствительность“ и „современное міросозерцаніе“. Иногда стремленіе приурочить даннаго писателя къ опредѣленному философскому теченію приводитъ г-жу Венгерову къ рискованнымъ обобщеніямъ, не всегда, къ тому же, и необходимымъ, и даже могущимъ установить ложный взглядъ на писателя. Отмѣчая въ современной французской литературѣ страстныхъ искателей новизны, разрушающихъ устарѣвшія формы, авторъ говоритъ: „Наряду съ этой стихійностью отдѣльныхъ одинокихъ умовъ, во Франціи есть другая несокрушимая сила—культурность. Она заключается въ развитіи и сохраненіи здороваго наслѣдія прошлыхъ вѣковъ, въ мирной эволюціи, противоположной разрушительнымъ стремленіямъ стихійности. Часто это сводится къ повторенію устарѣлыхъ шаблоновъ, къ риторству, лишенному содержанія—но есть отдѣльные случаи, когда культурная сила равна (?) стихійной, когда въ традиціонныя формы вкладывается столько свѣжести и непосредственности таланта, что получается въ результатъ и нѣчто современное, и воплощающее въ себѣ цѣлые вѣка культуры“.

Представить себѣ нѣчто современное безъ воплощенія цѣлыхъ

вѣковъ культуры довольно затруднительно, и потому подведеніе Анатоля Франса подъ типъ людей, совмѣщающихъ въ себѣ эти мнимыя противоположности, совсѣмъ не создаетъ ему исключительнаго положенія. Грѣшитъ неточностью и утвержденіе автора, что этотъ писатель наиболѣе искусно изъ числа своихъ современниковъ „сочетаетъ эстетизмъ съ національными традиціями“, какъ будто эстетизмъ и національныя традиціи въ данномъ случаѣ не совпадаютъ, что сама г-жа Венгерова совершенно справедливо и поясняетъ: „Вслѣдствіе этого оригинальность его мыслей, предпочтеніе чувствъ теоріямъ, оцѣнка поступковъ и явленій мѣриломъ красоты—все это кажется уже не чѣмъ-то случайнымъ, не литературной модой, подобной нѣкоторымъ новѣйшимъ ухищреніямъ стила, а результатомъ долгаго культурнаго процесса, воплощеніемъ въ искусствѣ философскихъ выводовъ цѣлой эпохи“. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что „литературная мода“ со всѣми ея ухищреніями стила, въ связи съ культурно-національными традиціями, не заключаетъ въ себѣ признаковъ „эстетизма“, т.-е. не служитъ источникомъ произведеній истиннаго искусства. Этотъ выводъ имѣетъ особое значеніе въ наше время.

Но все это не такъ существенно для оцѣнки очерковъ г-жи Венгеровой. Если читатель откажется отъ мысли видѣть въ нихъ элементы цѣльнаго и стройнаго философскаго міросозерцанія, а посмотритъ на очерки какъ на вдумчивые и безпритязательные отчеты о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ современной европейской литературѣ, онъ найдетъ въ нихъ много интереснаго, изложеннаго въ свойственной автору привлекательной формѣ, сразу устанавливающей между читателемъ и художникомъ сочувственную среду, которая значительно облегчаетъ знакомство. И здѣсь нѣкоторые изъ очерковъ покажутся, можетъ быть, недостаточно полными (Золѣ, Сенкевичъ), но большинство будетъ прочтено съ неостывающимъ вниманіемъ. Въ этомъ—залогъ несомнѣннаго и вполне заслуженнаго успѣха книги.

V.

— Нижегородскій сборникъ. Изданіе товарищества „Знаніе“. Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ распоряженіе Общества взаимопомощи учащихся Нижегородской губерніи на устройство общежитія для учительскихъ дѣтей. Спб. 1906.

Благотворительная цѣль изданія говоритъ сама за себя: устройство общежитія для учительскихъ дѣтей—такое дѣло, которое не можетъ не вызвать сочувствія со стороны интеллигентнаго читателя, знающаго неприглядныя условія семейнаго учительскаго быта и не-

завидную судьбу учительскихъ дѣтей. Неудивительно поэтому, что желаніе придти на помощь обществу взаимопомощи учащихся нижегородской губерніи объединило на страницахъ сборника довольно многочисленный кругъ писателей, весьма разнообразныхъ вообще и по характеру своего дарованія, и по степени популярности.

При своей симпатичной благотворительной цѣли, „Сборникъ“ будетъ, вѣроятно, принятъ сочувственно читателями. Наряду съ произведеніями вялыми и скучными въ немъ есть немало такого, что остановить на себѣ вниманіе публики. Къ числу такихъ произведеній относится, напр., простая, безпритязательная статья—замѣтка П. Д. Боборыкина—„Учитель“. Почтенный писатель дѣлится своими воспоминаніями о томъ, чѣмъ былъ „учитель“ дѣтъ 50 слишкомъ назадъ. На недавнемъ московскомъ съѣздѣ г. Боборыкинъ увидѣлъ воочию, какъ впервые сознательно и убѣжденно заявила свое право на существованіе, сильная своей нравственной и общественной солидарностью, цѣлая армія народныхъ учителей и учительницъ. Прежде ничего подобнаго не было, и самое слово „учитель“ звучало какъ нѣчто подневольное, унижительное. И точно, учителя были неудовлетворительны и въ народной школѣ, и въ гимназій, и позже въ университетѣ, хотя тамъ уже создался образъ идеальнаго учителя подъ вліяніемъ рассказовъ о Грановскомъ и плеяды блестящихъ профессоровъ. Этотъ образъ никогда не замиралъ въ душѣ, но полвѣка назадъ онъ былъ только мечтой. „И гдѣ же я, въ послѣднее десятилѣтіе, находилъ того „учителя“, къ которому, полвѣка назадъ, вотще стремилась наша юная душа?

„Слово „учитель“ надо брать здѣсь собирательно. Оно являлось передо мною всего чаще въ образѣ „учительницы“ народной школы. Въ классы мужчинъ-преподавателей попадалъ я меньше. Къ тому времени сложилась уже собирательная личность духовнаго руководителя нашей народной массы. Женщина заняла въ ней одинаково-доблестное мѣсто съ своимъ собратомъ и внесла въ свое дѣло столько любви, выдержки, гражданскаго мужества, безкорыстнаго служенія идеѣ.

„Въ какую школу я ни попадалъ: бѣдную деревенскую, или прекрасно обставленную фабричную, или въ городскую—ездѣ я находилъ нѣчто такое, что безусловно отсутствовало въ наше время“. Это „нѣчто“—способность къ высокому подвигу самоотреченія, любви и преданности дѣлу, которому служатъ учительницы при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ своего существованія. Любопытно съ наблюденіемъ П. Д. Боборыкина относительно типа учителя сопоставить статью г-жи Дубовской „Народная школа во Франціи“, гдѣ инныя политическія, общественныя и экономическія условія французской

жизни создавали и учительскій типъ особаго рода; характерная черта этого типа та, что въ этихъ условіяхъ французъ-учитель не видитъ въ дѣлѣ обученія народа какого-то подвига, требующаго особеннаго напряженія альтруистическихъ чувствъ; преподаваніе скорѣй для него является службой, какъ и всякая иная дѣятельность. Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ народному образованію, назовемъ работы гг. Жбанкова—„О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ начальныхъ школахъ“ и Мировича—„Новая попытка соціально-воспитательной реформы во Франціи“.

Что касается беллетристическихъ произведеній, то они менѣе блестящи, чѣмъ имена ихъ авторовъ. Иное отрывочно, можетъ быть, писано наспѣхъ, иное несовсѣмъ кстати извлечено изъ заброшенной тетради. Последнее приходится, къ сожалѣнію, сказать относительно г. Максима Горькаго, давшаго въ одномъ изъ сборниковъ „Знанія“ такую неподражаемо-превосходную вещь, какъ рассказъ „Въ тюрьмѣ“. Здѣсь его вещи далеко не изъ лучшихъ, а его рассказъ „Вода и ея значеніе въ природѣ и жизни человѣка“ рѣшительно не слѣдовало бы перепечатывать изъ старыхъ провинціальныхъ газетъ; то же приходится сказать и объ его рассказѣ „Часы“. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ни свойственнаго г. Горькому сильнаго порыва, ни обаятельнаго поэтическаго воодушевленія, ни, тѣмъ болѣе, философской глубины. Интереснѣе его воспоминанія о Чеховѣ, но и они холодны и блѣдны.

Зато съ обычной теплотой и мягкостью поэтической грусти передаетъ свои впечатлѣнія В. Г. Короленко при посѣщеніи богатаго воспоминаніями арзамасскаго кладбища „Божьяго городка“. Бытовой правдой проникнуть интереснѣй рассказъ г. С. Гусева-Оренбургскаго „Разговоръ“. Кромѣ этихъ произведеній находимъ въ сборникѣ рассказы г.г. Тимковскаго, Телешева, Пустынниковой, Куприна, Елеонскаго, Л. Андреева. Дѣятельности В. Г. Короленко и его произведеніямъ посвящены очерки гг. Ч. Вѣтринскаго и С. Протопова.

Изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ столь разнообразно составленномъ сборникѣ, приведемъ стихотвореніе г-жи Галиной:

Свѣтаетъ. Но кругомъ пока еще темно.
И только вдалекѣ полоска тучъ алѣетъ:
Тамъ ночь своимъ крыломъ уже закрыть не смѣетъ
Зари блестящее окно...
Задумчивая тѣнь, блѣднѣя, исчезаетъ,
За ней спѣшать толпой предутренніе сны,—
Восходить новый день надъ царствомъ тишины...
Свѣтаетъ...

Изъ научныхъ статей нельзя не отмѣтить статьи г. С. Плато-

нова о протопопѣ Саввѣ Ефимьевѣ, игравшемъ видную роль въ нижегородскомъ ополченіи 1611—12 гг.—Евг. Л.

VI.

— Русскій музей Императора Александра III. Живопись и скульптура. Составилъ баронъ П. Врангель. Два тома. Изданіе музея Императора Александра III. Спб. 1904.

Это изданіе представляетъ собой художественный каталогъ произведеній живописи и скульптуры, находящихся въ художественномъ отдѣлѣ Русскаго музея Императора Александра III. Онъ заключаетъ въ себѣ огромное количество (свыше 600) снимковъ въ текстѣ, обстоятельныя фактическія свѣдѣнія о картинахъ и біографическія и историческія данныя о художникахъ и лицахъ и событіяхъ, изображенныхъ на картинахъ. Первый томъ открывается прекрасно разработанной статьей бар. Врангеля о Михайловскомъ дворцѣ, занимаемомъ нынѣ музеемъ. Эта статья явилась важнымъ введеніемъ къ описанію сокровищъ музея, такъ какъ и самъ дворецъ представляетъ собой (или, по крайней мѣрѣ, представлялъ) рѣдкое художественное сокровище, блестящій памятникъ знаменитаго Росси. „По удачному мѣстоположенію, величавому фасаду и удивительной гармоніи пропорцій, Михайловскій дворецъ, наравнѣ съ Елагинимъ, является, по справедливой оцѣнкѣ автора, однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ воспоминаній Александровской эпохи. Дворецъ этотъ, нѣсколько изысканный сваружи, благодаря новѣйшимъ перестройкамъ, во внутреннемъ своемъ убранствѣ, будучи приспособленъ къ задачамъ картинной галлерей, не могъ сохранить во всей полнотѣ той изысканной прелести и единства, отпечатокъ котораго былъ виденъ на каждомъ предметѣ. Штофная мебель и рѣзныя двери работы лучшихъ нашихъ мастеровъ—Бобкова, Тура и Баумана, лѣпныя украшенія Пименова, Демута, обои Царскосельской мануфактуры и живопись Скотти, Виги, Медичи, все это, въ своей совокупности, представляло, по отзыву современниковъ,—чудо декоративнаго искусства“.

Такъ было въ прежнія времена, о которыхъ сохранялось не мало историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ различными владѣльцами дворца. Здѣсь давались роскошныя балы великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, устраивались концерты, роскошь соединялась съ изобрѣтательностью воображенія и изяществомъ вкуса. Это великолѣпіе баронъ М. А. Корфъ принималъ за высшій расцвѣтъ наукъ и искусствъ въ Россіи и писалъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ по поводу

посѣщенія одного изъ такихъ баловъ: „Sommes-nous encore des barbares à vos yeux?“—спросили бы мы у Кюстина и у другихъ чужеземныхъ нашихъ порицателей, еслибы они прогулялись съ нами по этимъ цвѣтущимъ заламъ—цвѣтущимъ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, потому что тутъ былъ цѣлая роща деревьевъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтами и всякою зеленью, во всей могучей растительности юга, и, вмѣстѣ, живой цвѣтникъ прелестнѣйшихъ женщинъ нашего двора и высшаго общества, еще болѣе очаровательныхъ подъ тѣми фантастическими, маскарадными и балетными костюмами, въ которыхъ онѣ намъ предстали“.

Время великой княгини Елены Павловны пробуждаетъ другія и болѣе славныя воспоминанія. Дворъ ея становится центромъ умственной жизни столичнаго общества, о чемъ составитель, кстати, могъ бы сказать нѣсколько подробнѣе. Литераторы, музыканты, художники становятся желанными гостями при Екатеринѣ Михайловнѣ; здѣсь игралъ и дирижировалъ Рубинштейнъ, организовались благотворительные спектакли и базары. О великолѣпнн убранства можно судить по двумъ изображеніямъ, напечатаннымъ въ текстѣ статьи.

Времена перемѣнчивы. Прошло нѣсколько лѣтъ, великолѣпныя мебели и люстры разбрелись въ разныя стороны, не миновавъ и рыночныхъ рукъ; вывезли бронзу, предметы роскоши и уюта, и дивное произведеніе Росси поручили приспособить подъ руководствомъ архитектора Свиньина для устройства тамъ музея. Эту задачу г. Свиньинъ, замѣтивъ отъ себя, выполнилъ весьма внимательно. Прежній дворецъ сталъ народнымъ художественнымъ университетомъ, взявъ на себя задачу представить въ подлинныхъ образцахъ послѣдовательные моменты въ развитіи русскаго искусства. Нельзя не порадоваться отъ души такому превращенію и не привѣтствовать картинную галерею русскаго музея какъ цѣнное національное приобрѣтеніе на поприщѣ культурнаго и художественнаго развитія.

Какъ сказано въ той же статьѣ, по проекту Свиньина воздвигается, на мѣстѣ праваго флигеля дворца, новое зданіе для будущаго этнографическаго отдѣла. Надо надѣяться, что строители его постараются найти благопріятный выходъ изъ труднаго положенія и отыщутъ способъ удовлетворить требованіямъ новаго учрежденія, не нарушая исторически-художественныхъ традицій. Нѣкоторые заграничные музеи удачно разрѣшили эту задачу, требующую, чтобы условія строгой научности подобныхъ учреждений являлись, по возможности, въ сочетаніи съ художественной формой, въ особенности освященной чувствомъ національной гордости.

Въ художественномъ отношеніи каталогъ изданъ превосходно: отличная бумага, отчетливые отпечатки и шрифтъ. Вообще, это пре-

красный трудъ, которымъ можетъ гордиться музей; его значеніе можно наглядно представить себѣ, если принять во вниманіе, что подобнаго изданія не имѣетъ, напримѣръ, ни Императорскій Эрмитажъ, ни Кушелевская галлерей Академіи художествъ. Изъ недостатковъ этого изданія отмѣтимъ неудачную обложку, нѣсколько модернизованныхъ заставки (особенно съ видомъ главнаго зданія музея) и рядъ незначительныхъ промаховъ редакціоннаго свойства въ текстѣ. Все это, конечно, мелочь сравнительно съ общимъ достоинствомъ изданія. Въ началѣ его помещенъ портретъ-гелиография императора Александра III, а въ концѣ—указатель (общее расположеніе матеріала — по алфавиту художниковъ).—W.

VII.

— Кустарное дѣло въ Россіи. Составилъ князь Ф. С. Голицынъ. Томъ I (часть первая). Историческій ходъ развитія кустарнаго дѣла въ Россіи. Дѣятельность правительства, земствъ и частныхъ лицъ. С.-Пб. 1904.

Россія находится наканунѣ коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя поставятъ на совершенно новое основаніе нѣкоторыя отрасли государственной дѣятельности. Одной изъ этихъ отраслей является область экономическихъ мѣропріятій, въ частности—мѣропріятій по воспособленію нашей кустарной промышленности. Въ виду этого, представлялось бы вполне своевременнымъ подведеніе итоговъ тому, что сдѣлано въ этой области во время бюрократическаго управленія государствомъ, и какія средства воздѣйствія на экономическую жизнь старый режимъ передалъ новому. Названное въ заголовкѣ настоящей замѣтки официальное изданіе можетъ быть разсматриваемо именно какъ итогъ мѣропріятій правительства въ одной области, подлежащей его вѣдѣнію. Печаленъ — нужно признаться — этотъ итогъ! Чуть не на каждой страницѣ изданія министерство земледѣлія, устами кн. Голицына, указываетъ на вопиющее противорѣчіе между задачами, требующими участія министерства, и ничтожностью средствъ, отпускавшихся въ распоряженіе послѣдняго. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ исключительномъ вѣдѣніи котораго находятся кустарные промыслы, и само было болѣе чѣмъ скромно въ требованіи на это дѣло государственныхъ кредитовъ. Въ 1888 г. оно просило отпускать на мѣры воспособленія кустарной промышленности всего російскаго государства меньшую, пожалуй, сумму, чѣмъ тратило на ремонтъ помещенія того департамента, въ которомъ составлялась соотвѣтствующая смѣта. Это была сумма въ 35 тыс. руб. въ годъ. Черезъ три года его требованія поднялись до

60 тыс. руб. въ годъ, въ 1895 г. составляли 100 тыс. руб., а послѣ тринадцатилѣтней дѣятельности въ области развитія народнаго труда министерство земледѣлія нашло возможнымъ ограничиться требованіемъ по этой важной статьѣ его дѣятельности кредита въ 160 тыс. руб. въ годъ. Несмотря на то, что приведенныя суммы затратъ на поддержаніе многочисленныхъ отраслей промышленности, обнимающей миллионы работающихъ, напоминаютъ игру въ воспособленіе, а не серьезную заботу о серьезномъ дѣлѣ—полученіе соответствующихъ кредитовъ достигалось лишь путемъ продолжительной полемики съ различными вѣдомствами, находившими и эти суммы чрезмѣрными или мало обоснованными. Во главѣ несогласныхъ стояло министерство финансовъ, само расточавшее народныя средства на поддержаніе капиталистической промышленности и на расширеніе административныхъ учреждений своего вѣдомства, а на требованіе кредита для помощи кустарнымъ промысламъ, въ суммѣ какихъ-нибудь 100 тыс. руб., возражавшее, что „министерство земледѣлія по отношенію къ названной отрасли народной производительности задается такими широкими задачами, осуществленіе конхъ можетъ быть сопряжено съ крупными затратами для казны“ (стр. 46). Неудивительно, если, при такомъ отношеніи къ предмету обѣихъ сторонъ, дѣятельность министерства земледѣлія, въ лучшемъ случаѣ, можетъ считаться только развѣдками, а не дѣйствительной борьбой съ неурядицами въ области кустарной промышленности, и что такая борьба можетъ быть начата лишь новымъ правительствомъ, опирающимся на народное представительство.

Разсматриваемый нами трудъ кн. Голицына—не первое официальное изданіе, посвященное вопросамъ о мѣрахъ помощи кустарной промышленности. Въ разное время министерствомъ земледѣлія были изданы составленныя В. Н. Пономаревымъ обзоры дѣятельности правительства и земствъ на пользу кустарной промышленности, и эти изданія служили даже матеріалами для труда кн. Голицына. Изданная первая часть I-го тома этого труда касается лишь дѣятельности правительства и составлена въ нѣкоторыхъ частяхъ настолько кратко, что не исключаетъ необходимости обращенія къ предшествующему изданію министерства земледѣлія: „Обзоръ дѣятельности правительства на пользу кустарной промышленности въ 1888—1902 гг.“. Слѣдующіе выпуски перваго тома будутъ посвящены дѣятельности въ этой же области земствъ и частныхъ лицъ. Что составитъ содержаніе втораго тома—намъ неизвѣстно, такъ какъ предисловія въ изданіи не имѣется, а терминъ „кустарное дѣло“—слишкомъ неопредѣленный, чтобы служить основаніемъ для заключеній. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не пожелать скорѣйшаго выпуска слѣдующихъ частей изданія и

болѣе подробнаго въ нихъ изложенія принятыхъ земствами мѣръ и достигнутыхъ ими результатовъ въ области кустарной промышленности.

VIII.

— Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства за 1865—1899 гг. Выпускъ I. Херсонъ, 1904.

Названное изданіе херсонскаго губернскаго земства, какъ и „Кустарное дѣло“ кн. Голицына, есть подведеніе итоговъ прошлой дѣятельности учрежденія. Но какъ различенъ характеръ и содержаніе и самой дѣятельности, и ея исторіи—апатичнаго министерства земледѣлія съ одной стороны и одного изъ наиболѣе живыхъ нашихъ земствъ—съ другой! Они сходны нѣсколько между собой развѣ въ томъ отношеніи, что обоимъ приходилось бороться съ препонами, поставляемыми другими учрежденіями. Но тогда какъ въ одномъ случаѣ это были легкія схватки равныхъ и единомыслящихъ, и министерство земледѣлія, въ концѣ концовъ, получало то, чего требовало, а если его средства воспособленія кустарнымъ промысламъ ничтожны до смѣшного, то вида въ этомъ лежитъ прежде всего на немъ самомъ,—въ другомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой столкновеніе двухъ исключających другъ друга принциповъ: бюрократическаго самовластія и общественной самодѣятельности. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, херсонское земство переживало различныя вѣянія.

Въ рѣчи при открытіи перваго экстреннаго губернскаго земскаго собранія губернаторъ высказалъ, „что многочисленныя учрежденія, завѣдывавшія до 1865 г. дѣлами земскаго хозяйства, были признаны правительствомъ по самому существу своему неспособными удовлетворять предъявляемыя къ нимъ требованія со стороны мѣстной жизни. Для живого земскаго дѣла необходима была наличность общественной инициативы и дружная работа живыхъ общественныхъ силъ... Въ заключеніе, губернаторъ пожелалъ, чтобы земство и администрація херсонской губерніи „шли рука объ руку къ одной нераздѣльной цѣли“ (стр. 41). Но какъ только земство попыталось идти по своему разумѣнію къ этой „цѣли“,—за этимъ послѣдовалъ, „при соприкосновеніи съ мѣстными властями, цѣлый рядъ недоразумѣній и пререканій“; и спустя полгода послѣ рѣчи губернатора, вице-губернаторъ Карновичъ, открывая первое очередное губернское земское собраніе, нашелъ въ себѣ только слова для упрековъ. „Милостивые государи,—сказалъ онъ,—не могу пройти молчаніемъ, что нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій входили въ разсмотрѣніе дѣлъ, выходя-

щихъ изъ круга дѣйствій, предоставленныхъ имъ Положеніемъ, и этимъ удалились отъ обсужденія вопросовъ, прямо касающихся интересовъ земства, что, по моему мнѣнію, можетъ только повредить земскому дѣлу“. Черезъ мѣсяць внушеніе земству нашель нужнымъ сдѣлать новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ Коцебу. Въ письмѣ къ губернскому предводителю дворянства онъ формулируетъ прегрѣшенія первыхъ земскихъ собраній, обсуждавшихъ такіе предметы, „которые не имѣютъ никакого отношенія къ хозяйственнымъ нуждамъ земства..., составлявшихъ постановленія, превышающія власть земскихъ учреждений... и заявлявшихъ мнѣнія какъ будто съ одной только цѣлью ослабить значеніе губернской власти“. „Признавая необходимымъ останавливать въ-время могущія произойти столкновения и недоразумѣнія административной власти и земства“, генераль-губернаторъ проситъ предводителя дворянства заявить въ той или другой формѣ представителямъ земства, „что имъ необходимо сообразоваться съ видами правительства и что дѣйствія ихъ, несогласныя съ Положеніемъ о земскихъ учрежденияхъ, будутъ свидѣтельствовать о томъ, что они не оправдываютъ довѣрія избравшаго ихъ общества, которое несетъ нравственную и матеріальную отвѣтственность за своихъ повѣренныхъ, и дадутъ поводъ къ предположенію, что само общество для сихъ вновь дарованныхъ ему учреждений еще не созрѣло“ (стр. 97).

Наибольшее число столкновеній земства и администраціи происходило изъ-за подводной повинности. Полиція привыкла къ тому, чтобы пользоваться обывательскими лошадьми произвольно и безконтрольно; земство стремилось защитить населеніе отъ этого произвола. Это вызвало „особенное неудовольствіе полиціи“, которая стремилась, поэтому, къ прямому противодѣйствію въ принимаемыхъ управоу мѣрахъ какъ по разработкѣ вопроса о подводной повинности, такъ и при исполненіи оной“, а „херсонское губернское правленіе не только оставляло безъ послѣдствій жалобы земства на незаконныя дѣйствія полиціи, но въ одной официальной бумагѣ сдѣлало даже наставленіе полиціи, какъ обходить законъ“ (стр. 91). Губернская администрація и другими способами проявляла враждебное отношеніе къ земству; послѣднее приносило жалобы министру внутреннихъ дѣлъ и въ сенатъ на разные органы администраціи и на протесты губернатора относительно земскихъ постановленій, число коихъ (протестовъ) въ одинъ лишь первый годъ дѣятельности земскихъ учреждений херсонской губерніи немного не достигаетъ двухъ десятковъ. Эти обострившіяся отношенія земства и мѣстной администраціи вызвали со стороны министра внутреннихъ дѣлъ предложеніе начальнику края войти въ обсужденіе возникшихъ недоразумѣній, и черезъ годъ послѣ выше цитированнаго письма генераль-губернатора къ губернскому предво-

дителю дворянства, губернская земская управа получила отъ него непосредственно аналогичное внушеніе. Сообщивъ управѣ, что онъ предписалъ полицейскимъ управленіямъ „не изыскивать случаевъ къ спорамъ съ земскими учрежденіями... а, напротивъ, содѣйствовать имъ, такъ какъ главная цѣль тѣхъ и другихъ одна и та же—благосостояніе общества“, генераль-губернаторъ и земскимъ управамъ счелъ нужнымъ заявить, что земскія учрежденія „увлеклись борьбою съ администраціей въ дѣлѣ о земскихъ почтахъ до того, что лишали полицейскія управленія средствъ исполнять свои обязанности, преслѣдовать преступленія, охранять безопасность и спокойствіе общества, а стало быть впадали въ своею увлеченіи въ дѣйствія, клонящіяся ко вреду общества и земства, блюсти интересы котораго они призваны“ (стр. 99). Въ отвѣтъ на всѣ подобныя обвиненія херсонскія земства постановили ходатайствовать о назначеніи для разслѣдованія дѣятельности херсонскаго земства сенатской ревизіи. Ходатайство это было оставлено безъ послѣдствій; да въ ревизіи не представлялось, затѣмъ, и надобности, такъ какъ, съ переменною губернатора, при начальникахъ херсонской губерніи Старынкевичѣ (съ 1868 по 1872 гг.), Абазѣ (1872—1874 гг.) и бывшемъ херсонскомъ же земскомъ дѣятелѣ, А. С. Эрдели (1874—1889 гг.), между земствомъ и администраціей установились возможно мирныя отношенія, а сами губернаторы официально высказывали полное свое уваженіе къ дѣятельности земства.

Борьба земства и администраціи началась опять послѣ преобразованія земства въ 1890 г., когда администрація стремилась обратитъ земство въ подчиненное себѣ и единое по духу учрежденіе. Въ теченіе 1897—1899 гг. губернское земство обжаловало въ сенатъ 18 опредѣленій губернскаго присутствія объ отмінѣ постановленій земскихъ собраній, и изъ этихъ жалобъ только три разрѣшены были не въ пользу земства.

То изданіе, изъ котораго мы извлекли это описаніе отношеній между земствомъ и администраціей, составляетъ лишь первый выпускъ исторіи херсонскаго губернскаго земства. Въ составленіи его принимали участіе г-жа Терешкевичъ и г. Рудневъ. Первой принадлежит большое вступленіе, заключающее изложеніе исторіи заселенія края, статистическія данныя о землевладѣніи въ херсонской губерніи, вопросы общей организаціи земства и его отношенія къ правительственнымъ учрежденіямъ. Второй далъ очерки земскихъ финансовъ и земскихъ повинностей. Остальные вопросы земскаго хозяйства будутъ рассмотрѣны въ слѣдующихъ выпускахъ.

Но и по выходѣ всего изданія мы будемъ имѣть далеко не полную исторію земскаго дѣла въ херсонской губерніи, потому что въ исключительномъ вѣдѣніи губернскаго земства находятся немногія и, при-

томъ, менѣе интересныя отрасли земскаго хозяйства. Центръ же тяжести послѣдняго лежитъ въ дѣятельности уѣздныхъ земствъ. Будемъ надѣяться, что, послѣ исторіи губернскаго земства, херсонское земство предприметъ трудъ и по составленію очерковъ дѣятельности земствъ уѣздныхъ.

IX.

— В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Потребленіе вина. Участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ организаціи виноторговли. Спб.: 1904. Ц. 1 р.

Казенная винная монополія начала вводиться у насъ въ 1895 г. и, постепенно распространяясь съ одного района на другой, охватила въ 1901 г. всю Европейскую Россію. Монополія преслѣдовала двойную цѣль: увеличеніе доходовъ казны путемъ обращенія въ ея пользу прибылей виноторговцевъ и измѣненіе характера потребленія вина русскимъ народомъ,—потребленія крайне неравномѣрнаго, сопровождающагося разгуломъ и пьянствомъ, вредно отражающимися и на самихъ пьющихъ, и на лицахъ, ихъ окружающихъ. Общество идетъ далѣе въ своихъ ожиданіяхъ и надѣется, что изыатіе торговли виномъ изъ рукъ частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ развитіи пьянства, послужитъ къ измѣненію не только характера потребленія алкоголя, но и количества вина, потребляемаго однимъ человекомъ. Авторъ изслѣдованія, названнаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки, и задался цѣлью изученія вопроса о томъ, отразилось ли введеніе монополіи и какимъ именно образомъ на народномъ потребленіи алкоголя и какую роль въ произведеніи того или другого эффекта играла данная организація казенной продажи вина. Для достиженія своей цѣли г. Норовъ прежде всего обратился къ литературѣ по данному вопросу, но кромѣ простыхъ, хотя и многочисленныхъ заявленій мѣстныхъ жителей и основанныхъ на этихъ заявленіяхъ заключеній о развитіи уличнаго пьянства и нѣсколькихъ недостаточно обоснованныхъ и не всегда безпристрастныхъ попытокъ статистическаго подтвержденія мысли о такомъ или иномъ влияніи винной монополіи преимущественно на благосостояніе населенія—онъ не нашелъ здѣсь ничего, что послужило бы исходной точкой для дальнѣйшихъ изысканій. Автору пришлось поэтому начать изслѣдованіе вопроса съ самаго начала, а первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть использование обширнаго матеріала объ осуществленіи винной монополіи и о расходахъ вина въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ,—матеріала, заключающагося въ ежегодныхъ подробныхъ отчетахъ учрежденія,

вѣдающаго казенную продажу питей, очень рѣдко извлекавшіеся оттуда для немногихъ работъ по данному предмету.

Г. Нороузъ не излагаетъ общаго плана своей работы, а въ настоящемъ, первомъ выпускѣ ея пытается освѣтить статистически вопросъ о потребленіи вина до и послѣ введенія винной монополіи, въ зависимости отъ промышленнаго характера мѣстности, этнографическаго состава потребителей, экономической обеспеченности населенія и т. п.—насколько достиженіе этой цѣли дозволяется свойствами официального матеріала, находящагося въ его распоряженіи. Десятка полтора страницъ авторъ отводитъ затѣмъ вопросу о томъ, какъ поставлено теперь въ вѣдомствѣ министерства финансовъ участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и на какихъ началахъ должно быть построено это участіе для того, чтобы благая цѣль монополіи получила желательное осуществленіе.

Среднее потребленіе вина въ Россіи нѣсколько превышаетъ $\frac{1}{2}$ ведра въ 40⁰/₁₀₀ на одну душу въ годъ. Считая въ семьѣ 6 душъ и полагая, что изъ нихъ пьютъ двое, авторъ выводитъ, что на каждого пьющаго приходится въ среднемъ 825 рюмокъ средней величины въ годъ. При совершенно равномерномъ распредѣленіи потребленія въ теченіе года, это составило бы $2\frac{1}{2}$ рюмки въ день. Есть, конечно, лица, употребляющія вино именно такимъ образомъ; но наше крестьянство въ массѣ отличается совершенно другимъ характеромъ потребленія. Крестьянинъ пьетъ при случаяхъ, преимущественно въ праздники. Считая такихъ пивныхъ дней—70 въ году, окажется, что въ одинъ день выпивки крестьянинъ потребляетъ 12 рюмокъ. А если принять во вниманіе, что главное потребленіе въ деревняхъ вина падаетъ на нѣкоторые праздники и моменты жизни крестьянина, вродѣ свадьбы, то нужно будетъ признать, что крестьянинъ потребляетъ вино такимъ образомъ, что оно приноситъ наибольшій вредъ и ему самому, и лицамъ, его окружающимъ. Онъ пьетъ его большими количествами заразъ, сильно пьянѣетъ и въ пьяномъ видѣ совершаетъ всякія безобразія. Недаромъ, изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ въ 1885—94 гг. казанскимъ окружнымъ судомъ уголовныхъ дѣлъ 43⁰/₁₀₀ приходится на преступленія алкоголиковъ. Въ торгово-промышленныхъ районахъ, какъ извѣстно, потребленіе вина больше, нежели въ земледѣльческихъ. На западной окраинѣ Россіи и въ мѣстностяхъ съ татарскимъ населеніемъ вино расходуется въ меньшихъ количествахъ, нежели въ русскихъ губерніяхъ. Особенно невелико потребленіе вина (0,2—0,3 ведра въ годъ) въ непромышленныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго, затѣмъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ этихъ же районахъ потребленіе вина характеризуется и болѣею равномерностью въ теченіе года.

Что касается монополіи, то отъ нея ожидается прежде всего сокращеніе потребленія вина вслѣдствіе того обстоятельства, что при

этомъ очень уменьшается число мѣстъ продажи вина, ограничивается время торговли виномъ и ослабляется интересъ торговца къ привлеченію покупателей. У насъ, однако, по утвержденію г. Норова, такого послѣдствія введенія казенной продажи вина не замѣчается. Потребленіе вина (по расчету на душу населенія) во всѣхъ районахъ, гдѣ послѣдовательно вводилась монополія, въ первые годы повысилось, и только въ 1901 г., т.-е. на четвертый—пятый годъ, наблюдается рѣшительное сокращеніе потребленія во всѣхъ районахъ, кромѣ восточнаго, гдѣ казенная продажа вина введена еще въ 1895 г. Это утвержденіе автора подлежитъ, однако, важному ограниченію. На второй, третій и слѣдующіе годы по введеніи казенной продажи вина, потребленіе послѣдняго дѣйствительно возрастаетъ, но въ первый годъ оно, въ большинствѣ случаевъ, рѣзко сокращается. Такъ, въ юго-западномъ районѣ потребленіе вина въ годъ введенія казенной продажи его съ 0,66 ведра упало до 0,47 ведра на душу, въ сѣверо-западномъ районѣ—съ 0,47 до 0,36 ведра, въ привислянскомъ—съ 0,46 до 0,40 ведра на душу, и ни въ одномъ изъ этихъ районовъ несмотря на послѣдующее возрастаніе потребленія, оно не достигло того уровня, на какомъ находилось при свободной продажѣ вина. Въ сѣверномъ районѣ, въ который входитъ и петербургская губернія, введеніе казенной продажи питей почти не отразилось на ихъ потребленіи, а въ районѣ восточномъ потребленіе вина значительно увеличилось.

Потребленіе вина во всей имперіи и въ монопольныхъ ея районахъ уменьшилось, какъ сказано выше, въ 1901 г. Въ монопольныхъ районахъ оно стало уменьшаться, какъ показываетъ авторъ, съ ноября мѣсяца 1900 г.—момента, когда продажная цѣна казеннаго вина съ 7 рублей за ведро поднялась до 7 руб. 60 коп. и когда было ограничено время торговли виномъ. Этими послѣдними обстоятельствами г. Норовъ и объясняетъ фактъ сокращенія потребленія вина. Эта связь явленій (которой, кстати сказать, не придаетъ столь большого значенія отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ) не можетъ быть, къ сожалѣнію, проверена данными о не-монопольныхъ губерніяхъ, потому что для нихъ не имѣется свѣдѣній о расходѣ вина по мѣсяцамъ. Что же касается заключеній автора о вліяніи винной монополіи на движеніе народнаго потребленія вина вообще, то при оцѣнкѣ его положеній о ростѣ потребленія вина въ первые годы по введеніи монополіи (исключая начальнаго года, котораго, какъ мы видѣли, г. Норовъ не сравниваетъ съ ему предшествующимъ) и сокращеніи въ концѣ 1900 г. и въ 1901 г.,—не слѣдуетъ упускать изъ виду, что періодъ середины до конца истекшаго десятилѣтія былъ временемъ цвѣтущаго состоянія нашей промышленности, а затѣмъ послѣдняя начала испытывать серьезный кризисъ.

Другимъ благоприятнымъ послѣдствіемъ пониженія цѣнъ на вино г. Норовъ считаетъ констатируемое статистикой измѣненіе потребленія питей въ пользу болѣе слабыхъ напитковъ. Но на казенную продажу авторъ зато возводитъ обвиненіе, что, введя въ мелочную продажу спирты, она способствовала развитію потребленія населеніемъ этого болѣе крѣпкаго и потому болѣе вреднаго изъ питей. Вводя казенную продажу вина, министерство финансовъ имѣло между прочимъ въ виду достиженіе большей равномѣрности и развитіе домашняго потребленія водки. Согласно расчетамъ г. Норова, потребленіе вина по мѣсяцамъ сдѣлалось, дѣйствительно, нѣсколько болѣе равномѣрнымъ; что же касается развитія домашняго потребленія—такое замѣчается лишь съ 1901 г., и это явленіе авторъ ставитъ въ связь съ ограниченіемъ времени торговли виномъ, введеннымъ съ конца 1900 г. „Чѣмъ меньше времени открыты питейныя заведенія, тѣмъ, конечно, больше вина будетъ выпиваться дома, а не въ трактирахъ или на улицахъ передъ казенными лавками“. Достиженію цѣлей развитія домашняго потребленія вина и сокращенію пьянства противодѣйствуетъ, однако, широкое распространеніе въ монопольныхъ губерніяхъ тайной продажи вина, которая, по мнѣнію г. Норова, не встрѣчаетъ такого противодѣйствія, какого она заслуживаетъ, потому что контролеры, замѣнившіе прежнихъ надсмотрщиковъ, принадлежатъ къ лицамъ съ высшимъ образованіемъ, стѣсняются прибѣгать для обнаруженія нарушеній къ сыску и выслѣживанію,—что судебныя власти снисходительно относятся къ нарушителямъ и что то же слѣдуетъ сказать о многихъ чинахъ акцизнаго надзора, полагающихъ, что хотя тайные торговцы и нарушаютъ законъ, зато они продаютъ казенное вино и увеличиваютъ такимъ образомъ доходы монополіи. Развитію тайной торговли виномъ содѣйствуетъ, по мнѣнію г. Норова, и „изъ рукъ вонъ плохо“ организованная питейная торговля при монополіи. Подробности этой организаціи на мѣстахъ зависѣли отъ личнаго усмотрѣнія ближайшаго начальства, которое далеко не всегда сообразовалось съ привычками и потребностями населенія. „Мы рѣшили игнорировать вѣками воспитанныя народныя привычки, рассчитывали циркулярами произвести ломку народныхъ устоевъ, а жизнь показала, что она сильнѣе чиновничьихъ ухищреній“. Для постановки дѣла винной монополіи на практическое основаніе, при которомъ она можетъ принести наибольшую пользу, слѣдуетъ привлечь къ активному участию въ организаціи питейной торговли и въ борьбѣ съ пьянствомъ мѣстныя общественныя силы вообще и муниципальныя учрежденія въ частности. Таково окончательное заключеніе автора.—В. В.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

- Авиновъ, Н. Н.*—Графъ М. А. Корфъ и земская реформа. М. 904.
Бальмонтъ, К.—Литургія красоты. Стихійные гимны. М. 905. Ц. 2 р.
Бузескулъ, В.—Профессоръ М. М. Лунинъ, „харьковскій Грановскій“. Къ 100-лѣтію Харьк. Университета. Спб. 905.
Белтеревъ, В.—Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. 1-й. Спб. 905.
Вильде, Н.—Стихи. Тифл. 903. Ц. 1 р.
Владиміровъ, Л. Е.—Правовое творчество. Вступительная лекція. М. 903.
Евреиновъ, Г. А.—Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство. Спб. 905. Ц. 60 к.
Зеленинъ, Д.—Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи. Спб. 905.
 — Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. Вят. 904.
Картевъ, Н.—Учебная книга Исторіи среднихъ вѣковъ. Спб. 905. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.
Кесторовскій, П. А.—Бессарабскіе русины. Истор.-этногр. очеркъ. Варш. 905. Ц. 1 р.
Колобаевъ, В. П.—Забастовка и заработная плата. Харьк. 905. Ц. 10 к.
Ковальскій, М.—Старая и новая Японія. М. 904. Ц. 35 к.
Клочковъ, М.—Земскіе соборы въ старину. Спб. 905. Ц. 15 к.
Кунцевичъ, Г. З.—Истерія о Казанскомъ царствѣ, или Казанскій гѣтописецъ. Спб. 905.
Латто, Д. Е.—Общественное управленіе минусинскихъ инородцевъ. Томскъ, 904.
Манаситъ, И.—Коренное недоразумѣніе въ вопросѣ объ охтенскомъ мостѣ. Съ приложеніемъ. Спб. 905.
Малиновскій, І.—Университетъ въ сочиненіяхъ Чехова. Томскъ, 904. Цѣна 25 коп.
 — Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Томскъ, 905. Ц. 75 к.
Павловъ, проф. А. П.—Реформа среднего образованія. М. 905. Ц. 25 к.
Пестржецкій, Д.—О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ. Спб. 905.
Потебня, А. А.—Изъ записокъ по теоріи словесности. Харьк. 905. Цѣна 4 р. 30 к.
Рачинскій, Н. И., проф.—Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 40 к.
Русскій.—Думы и Пѣсни. М. 905.
Соловьева, П. (Allegro).—Иней. Рисунки и стихи. Спб. 905.
Сер... Сир...—Ночныя бабочки. Разказы и очерки. М. 905. Ц. 50 к.
С—вичій, Б. В.—О свободѣ воли. Психо-соціологическій этюдъ. Спб. 905.
Страдомскій, Н. Ф.—Города и Земство. Къ вопросу объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній. Кіевъ, 905.
Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. III. Ученіе о теплотѣ. Изд. 2-е. Съ 228 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Ц. 5 р.
Чиревъ, проф. С. И.—Проекты преобразованія нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 905. Ц. 20 к.

Шараповъ, Сергій.—Опытъ русской политической программы: I. Самодержавіе и самоуправленіе. II. Сущность бюрократіама (переписка С. Шарапова съ кн. В. Мещерскія). М. 905.

Штукенбергъ, А. — Кораллы и мшанки нижняго отдѣла среднерусскаго каменноугольнаго известняка. Съ 9 табл. Спб. 905. Труды Геологическаго Комитета, вып. 14.

Шукимъ, П. И., собр. и изд.—Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года. Ч. IX. М. 905. (Напечатано 200 экземпляровъ).

Эйлесъ, В.—Критика феодализма. Брянскъ, 905. Ц. 85 к.

Эндрусъ, В.—Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 г.г. и до нашихъ дней. Съ англ. Е. А. Гурвиль. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Melnikow, Nicolas.—Der russisch-japonische Krieg und Solowjew's „Kurze Erzählung über den Antichristen“. Berl. 905. Pr. Mk. 1.60.

Mollen, В.—Le Mexique hier et aujourd'hui. 1876—1904. Mexico, 904.

Voïnow, I. E. — La question Macédonienne et les Réformes en Turquie. Par. 905.

— Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ, 904.

— Браткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1901—2 годъ. Херс. 905.

— Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонеккой губерніи. Иллюстр. изданіе. Петров. 905.

— Отчетъ о дѣятельности общества Взаимнаго вспоможенія при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ за 1904 г. IX-ый годъ. М. 905.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1902 годъ. Спб. 904.

— Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ и т. п. Харьк. 905. Ц. 1 р. 30 к.

— Памяти проф. И. Н. Милосшевскаго. Сборникъ рѣчей, некрологовъ и т. д. Харьк. 905. Ц. 50 к.

— „Проблемы психологін“. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. 1, п. р. О. Гольдвесскаго, В. Потемнина и И. Холчева.

— Программы домашняго чтенія на 1-ый годъ систематическаго курса. Изд. 7-ое. М. 905. Ц. 35 к.

— Русскій Музей имп. Александра III. Живопись и Скульптура. Т. I: А—Н; т. II: О—Ф. Спб. 904.

— Сборникъ: На сибирскія темы. П. р. М. Соболева. Спб. 905.

— Современная Библіотека: 1) Брунъ, Японская конституція. Ц. 10 к. 2) Вандервельдъ, Э., Экономическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ. Ц. 10 к. 3) Кольверъ, Р., Мировое хозяйство въ началу XX вѣка. Ц. 10 к. 4) Шлезингеръ, Женщина въ началу XX вѣка. Ц. 20 к. 5) Келлесъ-Брауъ, Соціологія въ началу XX в. 6) Блашко, Проституція начала XX вѣка. 7) Зиммель, Контъ и современная эстетика. Ц. 10 к. 8) Цигенъ, Мозгъ и душа. Ц. 10 к. 9) Вилландъ, Новеллы. Ц. 10 к. М. 904.

— Статистическія данныя за 1903—04 г. о дѣтяхъ, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою. М. 905.

— Четвертый годъ дѣятельности Спб. Комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи „Маякъ“. Спб. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Léon Frapié. La Maternelle. Стр. 305. Paris, 1904. (Librairie Universelle).

Во Франціи развится особый родъ литературы,—мемуаровъ, составленіемъ которыхъ занимаются самые талантливые писатели. Цѣль этихъ мемуаровъ въ большинствѣ случаевъ обличительная; они направлены на изображеніе отрицательныхъ сторонъ современной дѣйствительности и рисуютъ буржуазную Францію въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Для большей убѣдительности, они ведутся отъ имени заинтересованныхъ лицъ, непосредственныхъ жертвъ обличаемаго зла. Искусство автора заключается въ умѣнїи слѣться съ лицомъ, отъ имени котораго онъ пишетъ, такъ чтобы получалась иллюзія дѣйствительныхъ автобіографическихъ записокъ. Многимъ это удается. Во главѣ этихъ новѣйшихъ „поддѣльвателей“ стоитъ Анатоль Франсъ съ его неподражаемыми воссозданіями XVIII-го вѣка, также какъ современной дѣйствительности, съ его старинными аббатами и современными профессорами. Литературной поддѣлкой являются и нѣкоторыя произведенія эстета Пьера Люиса—его пѣсни греческой куртизанки Билитисъ, изданныя съ ученымъ предисловіемъ, которое даже ввело въ заблужденіе какого-то нѣмецкаго профессора. Но задача Люиса была чисто художественная, между тѣмъ какъ большинство другихъ поддѣльныхъ мемуаровъ преслѣдуетъ общественныя цѣли; таково, на примѣръ, имѣвшій большой успѣхъ „Дневникъ горничной“ (*Le journal d'une femme de chambre*) Октава Мирбо; въ немъ безнадёжное мѣщанство зажиточныхъ французскихъ семей ярко выступаетъ въ откровенныхъ описаніяхъ горничной, надѣленной насмѣшливымъ и наблюдательнымъ умомъ парижскаго престоноародья. Переодѣвшись въ костюмъ субретки, Октавъ Мирбо слишкомъ уменъ, въ особенности же слишкомъ склоненъ къ философскимъ выводамъ для своего костюма; но бытовая сторона жизни горничной, ея столкновеній съ уродствомъ интимной жизни своихъ господъ, воссоздана такъ искусно, что получается полная иллюзія. Въ горничную Мирбо читатель вѣрять такъ же, какъ онъ вѣрять въ героя другого изъ новѣйшихъ обличительныхъ романовъ,—въ сумасшедшаго, дневникъ котораго при-

водится въ „Вражьей силѣ“ (Force Ennemie) Но. Реальная дѣйствительность, жизнь въ психіатрической больницѣ, искусно переплетена въ этомъ романѣ съ бредомъ, за которымъ таится своя философская правда, такъ что психология безумца, его внутреннія и внѣшнія переживанія, вѣдутся чѣмъ-то вполне, возможнымъ и дѣйствительнымъ.

Такое же впечатлѣніе подлинности получается отъ новой книги Леона Фрапѣ „La Maternelle“. Это—вторая книга (послѣ „Вражьей силы“), получившая премію академіи Гонкурровъ, и по своему обличительному характеру напоминаетъ романъ Но. Видимо, академія Гонкурровъ преслѣдуетъ общественныя цѣли, останавливаясь всегда въ своемъ выборѣ на произведеніяхъ не чисто литературныхъ, а задѣвающихъ вопросы объ устройствѣ общественной жизни. Въ „Вражьей силѣ“ рѣчь шла о неудовлетворительности психіатрическихъ лечебницъ; въ „Maternelle“ описывается дѣтскій пріютъ и положеніе служебнаго и учебнаго персонала. Книга написана отъ лица школьной служанки, въ обязанность которой входитъ забота объ опрятности школы и дѣтей. Служанка эта, впрочемъ, очень оригинальная. Она прошла университетскій курсъ, имѣетъ дипломъ *licenciée ès lettres* и привыкла къ умственному труду. Она занималась науками не изъ практическихъ цѣлей, а по внутреннему тяготѣнію къ нимъ,—но насталъ моментъ, когда пришлось искать практическаго примѣненія своихъ знаній. Отецъ дѣвушки разорился и умеръ, любовь жениха „не пережила потери приданаго дѣвушки“, и она очутилась круглой сиротой на попеченіи дяди, стараго военнаго, который прежде возмущался ея эмансипаціей, ея университетскимъ дипломомъ. Теперь онъ же старается воспользоваться своими связями, чтобы добыть племянницѣ какое-нибудь преподавательское мѣсто. Но тутъ-то и начинаются мытарства. Всѣ соотвѣтствующія мѣста заняты, а для мѣста простой городской учительницы нуженъ цензъ болѣе низкій, такъ называемый *brevet supérieur*. Ждать полгода до срока экзаменовъ молодая дѣвушка не имѣетъ возможности, и потому ищетъ другого занятія. Оказывается свободнымъ мѣсто служанки въ дневномъ пріютѣ для дѣтей, въ такъ называемой *école maternelle*, и послѣ долгихъ стараній, тщательно скрывъ свою образованность, молодая дѣвушка съ университетскимъ дипломомъ достигаетъ своей цѣли. Она поступаетъ въ пріютъ и получаетъ синій передникъ и половую щетку—атрибуты своихъ новыхъ обязанностей.

Уже эта біографія дѣвушки, отъ имени которой ведутся записки о пріютѣ, указываетъ на сатирическія намѣренія автора. Онъ рисуетъ ненормальное положеніе дѣвушки въ французскомъ обществѣ: замужество связано съ вопросомъ о приданомъ, а всякая профессиональная дѣятельность затруднена огромной конкуренціей, такъ

что дѣвушка съ ученымъ дипломомъ можетъ очутиться въ роли черно-рабочей.

Для героини повѣсти Леона Фрапэ, превращеніе въ служанку Розу пріобрѣтаетъ особый интересъ, давая ей матеріалъ для изученія чрезвычайно интересныхъ и существенныхъ для общественной жизни вопросовъ: о школѣ, о воспитаніи дѣтей рабочаго класса, о тѣхъ влияніяхъ, среди которыхъ готовятся къ жизни мальчики и дѣвочки въ бѣдныхъ парижскихъ кварталахъ. Это и составляетъ главный интересъ книги. Личная жизнь героини сплетается съ ея наблюденіями и отражаетъ тоже простую житейскую правду, захватывающую откровенностью грустныхъ признаній. Роза тоскуетъ о личномъ счастьи, почти недостижимомъ для бѣдной дѣвушки, живущей тяжелымъ самостоятельнымъ трудомъ, и въ ея то нѣжномъ, то нервно-возбужденномъ уходѣ за дѣтьми ясно чувствуется и для нея самой истиннѣе неудовлетвореннаго материнства. Но личное счастье въ концѣ концовъ входитъ въ ея жизнь. Среди записей о школьныхъ дѣлахъ она упоминаетъ объ инспекторѣ, который часто является въ школу. Онъ сначала относится къ Розѣ недоброжелательно, такъ какъ на ея мѣсто онъ прочелъ какую-то свою знакомую, но постепенно примиряется съ нею, присматривается къ ней, сразу чувствуя что-то необычайное въ новой служанкѣ. Она тоже заинтересована имъ, и когда тайна обнаруживается, Роза становится невѣстой инспектора; она оставляетъ свои школьныя занятія съ тяжелымъ сознаніемъ непроизводительности потраченнаго ею на школу труда. Психологія Розы, подробности ея жизни въ школѣ и дома, въ своей одинокой комнатѣ, изображены въ книгѣ Фрапэ съ большою убѣдительною, — иллюзія получается полная, именно благодаря психологической разработкѣ отношеній Розы къ ея школьнымъ обязанностямъ и къ дѣтямъ, за которыми она наблюдаетъ не холодно, а со сложнымъ чувствомъ жалости и зависти.

Въ „*Maternelle*“ описываются несомнѣнные благодѣянія такого рода школы, избавляющей матерей отъ заботъ о дѣтяхъ въ рабочіе часы. Но на ряду съ свѣтлыми сторонами школы—или вѣрнѣе пріюта, такъ какъ въ „*Maternelle*“ дѣти поступаютъ до школьнаго возраста, отъ двухъ лѣтъ до семи,—авторъ указываетъ на неудовлетворительность педагогическихъ приемовъ, практикуемыхъ учительницами и воспитательницами. Главная цѣль книги заключается въ наглядномъ противопоставленіи условій школьнаго воспитанія и того, что нужно собраннымъ въ школѣ дѣтямъ. Первые впечатлѣнія новой служанки—скорѣя благоприятны: ее поражаетъ упорядоченность занятій, власть, достигаемая нѣсколькими женщинами—директрисой и ея двумя помощницами—надъ цѣлой толпой маленькихъ дѣтей. Въ описаніяхъ

школьнаго дня, въ которомъ каждая четверть часа имѣетъ свое назначеніе, отражается дѣйствительно особаго рода практичность, являющаяся результатомъ большой внѣшней культурности. Эта черта особенно должна броситься въ глаза русскимъ читателямъ. Трудно себѣ представить въ другой, менѣе культурной странѣ, такую регламентацію работы даже простой служанки, каковою дѣлается Роза. Она беретъ на себя всю черную работу, уборку школы, и физическій уходъ за дѣтьми, но все это такъ интеллигентно распредѣлено и такъ сведено къ опредѣленному исполненію опредѣленныхъ обязанностей, что всякая унижительность черной работы исчезаетъ.

Служанкой въ школѣ не помыкають, она не зависитъ отъ командованія директрисы и помощницъ, а работаетъ рядомъ съ ними, сознательно и самостоятельно дѣлая свое дѣло. Получается согласное функционированіе живого культурнаго учрежденія безъ тѣни произвола. Въ такихъ условіяхъ образованная дѣвушка можетъ взять на себя черную работу, не чувствуя ни малѣйшаго униженія. Съ этой стороны устройство пріята—образцовое. Отношеніе къ дѣтямъ тоже прекрасное. Авторъ книги изучаетъ идеальную въ своемъ родѣ школу, направляя свою критику, такимъ образомъ, не противъ случайныхъ уклоненій отъ принципа учрежденія, а противъ коренныхъ недостатковъ. Школа, описываемая въ книгѣ Фрашѣ, представлена директрисой, дѣйствительно любящей дѣтей; ея двѣ помощницы тоже владутъ всѣ свои силы и все свое педагогическое знаніе и умѣніе на добросовѣстное исполненіе долга. Если же при этихъ благоприятныхъ условіяхъ школа, въ которой дѣти бѣдняковъ получаютъ свои первыя понятія о жизни и первое воспитаніе, вызываетъ печальныя размышленія, то дѣло—въ коренномъ несоотвѣтствіи педагогическихъ правилъ и запросовъ жизни. Школѣ, съ ея строгой и спокойной дисциплиной, авторъ „*Maternele*“ противопоставляетъ толпу дѣтей, на которую направлены заботы школьнаго персонала. Когда Роза впервые присутствуетъ при началѣ занятій, ее поражаетъ жалкій видъ дѣтей уже въ этомъ возрастѣ отъ двухъ лѣтъ до семи. Всѣ они составляютъ какъ бы обособленную расу, утомленную, нищенскую, болѣзненную. На всѣхъ дѣтяхъ лежатъ отпечатокъ переутомленности ихъ родителей и неизгладимая печать нищеты, которая кажется какъ бы заразительной болѣзью, передающейся отъ одного поколѣнія къ другому. Главная цѣль школы—дисциплинировать эту толпу. Нужно, чтобы сто-двѣсти дѣтей превратились въ школьничковъ, въ группу, управляемую своими законами. Торжество школы—въ томъ, что это достигается,—конечно, самыми разнообразными средствами: и добротой, и строгостью, и безпрестаннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же приказаній, и очень сложной системой наказаній и поощреній. Роза съ удивленіемъ наблю-

дает за быстрым развитием школьного духа дисциплины, видеть, как двухлѣтняя малютка слушается сигнала. Она видит, до чего открыта всякимъ вліяніямъ душа ребенка, и это ее наполняетъ ужасомъ передъ отвѣтственной ролью школы: „Мое впечатлѣніе все болѣе и болѣе опредѣляется, — говоритъ она:—въ этихъ дѣтскихъ душахъ нѣтъ ничего установившагося — ни добраго, ни дурного; все возможно для нихъ... Но, въ такомъ случаѣ, какъ велика отвѣтственность! Дѣти поступаютъ сюда съ двухъ лѣтъ, и большинство изъ нихъ попадаетъ изъ яслей, гдѣ они росли съ самаго рожденія. Общество очень предусмотрительно и великодушно беретъ на себя это обязательство. Человѣчество множится—вотъ его созданія. Воспитывая эти новыя поколѣнія, общество трудится для себя“.

Роза подробно описываетъ школьные уроки, также какъ игры и занятія въ свободное время. Она показываетъ, какъ школа развиваетъ равенство, какъ столкновенія различныхъ характеровъ приводятъ къ взаимному уравновѣшенію, говоритъ съ похвалою о разныхъ педагогическихъ приемахъ, о томъ, напримѣръ, какъ опытная воспитательница умѣетъ сразу превратить толпу ссорящихся, капризныхъ и нервно разстроенныхъ отъ нищеты, отъ холода и лишеній дѣтей—въ стройный хоръ, поющій веселую пѣсню. Это уже несомнѣнное торжество педагогическаго искусства, но для Розы, т.-е. для автора, который говоритъ отъ ея имени, еще большой вопросъ въ томъ, полезно ли для дѣтей это торжество школьнаго духа? Она говоритъ о школьныхъ типахъ, утверждая, что тамъ, гдѣ собрано шестьдесятъ дѣтей или болѣе, непременно выдѣляются нѣсколько опредѣленныхъ типовъ; остальные же группируются около нихъ, представляя тѣ же особенности только въ менѣе яркомъ видѣ. Въ своей школѣ она наблюдаетъ нѣсколько чисто парижскихъ типовъ: Бонвало—несомнѣнный будущій „*rale vous*“, съ подозрительнымъ лицомъ, со старческимъ выраженіемъ злобѣщихъ чертъ и наглыхъ глазъ, съ постоянной злой усмѣшкой на губахъ. Это лицо, навѣрное, въ будущемъ попадетъ на страницы иллюстрированныхъ журналовъ, какъ портретъ убійцы или жертвы убійства. И ему учительница среднего класса, педагогичка, кончившая „*Ecole Normale*“, читаетъ курсъ морали. Другой, Жилонъ,—хитрый интриганъ, науськивающийъ дѣтей другъ на друга, абединъ, хвастливый и глупый—будущій мелкій чиновникъ, злоупотребляющій своею минимальною властью. Среди дѣвочекъ Роза тоже видитъ нѣсколько ясно опредѣлившихся типовъ: одна изъ ученицъ—будущая смиренная и покорная труженица, въ другой—заранѣе чувствуется прирожденная, неисправимая порочность. Она рисуетъ еще нѣсколько другихъ типовъ, показываетъ, какъ инстинкты дѣтей обнаруживаются въ школьной жизни, и задается вопросомъ, что можетъ

сдѣлать для нихъ школа? И тутъ ей открывается коренной недостатокъ школы: въ школѣ можно проповѣдывать только коллективные правила нравственности, между тѣмъ какъ психологія каждаго отдѣльнаго ребенка требуетъ совершенно особаго отношенія. Чѣмъ больше Роза наблюдаетъ за дѣтьми, освоившись съ характеромъ и особенностями каждаго изъ нихъ, тѣмъ болѣе выясняется для нея условность школьнаго воспитанія. Она начинаетъ думать, что благодѣянія школы—только теоретическія и кажущіяся, и что все преподаваніе основано на величайшей ошибкѣ.

Оно не принимаетъ во вниманіе реальной дѣйствительности и основывается на условныхъ понятіяхъ. Такъ, напр., директриса и учительницы постоянно повторяютъ дѣтямъ въ присутствіи Розы обычные правила о послушаніи родителямъ и слѣдованіи ихъ примѣру. А служанка Роза знаетъ этихъ родителей, видитъ и разговариваетъ съ матерями, когда онѣ приходятъ за своими дѣтьми, знаетъ, что дѣти сопровождаютъ ихъ часто въ кабаки, присутствуютъ при домашнихъ дракахъ, видятъ всю беспорядочность неправильныхъ семей, смѣняющихся друзей своихъ матерей. А въ школѣ имъ говорятъ о какихъ-то выдуманныхъ мудрыхъ родителяхъ, примѣру которыхъ имъ предлагаютъ слѣдовать. Дѣти не могутъ не видѣть полного несоотвѣтствія между преподаваемой имъ въ школѣ моралью и своей дѣйствительной домашней обстановкой—и потому, уже съ самаго ранняго возраста, пропитываются ложью. Розу приводитъ въ ужасъ эта ложь, идущая прямо въ разрѣзъ съ задачами школы. Школьная мораль, которая совершенно не считается съ дѣйствительностью, учить также дѣтей, что главное—это аккуратность. Нужно, чтобы въ домѣ все было на своемъ мѣстѣ. Для того, чтобы преподавать имъ эту истину, учительница рассказываетъ цѣлую исторію про благонаправную Лизу, у которой всѣ предметы въ ея хорошенеккой маленькой комнаткѣ, всѣ игрушки, всѣ ленточки и переднички на мѣстѣ,—такъ что, отпра-вляясь въ школу, она все находитъ подъ рукой. И это говорится въ назиданіе дѣвочкѣ, мать которой—швея, которой платятъ по 30 сантимовъ за сотню пришитыхъ къ рубашкамъ ленточекъ. Отводя къ ней ея дѣвочку, — швея не могла за ней придти, боясь оторваться отъ работы, — Роза попадаетъ въ нищенскую обстановку. Какой провѣей должна была звучать поучительная сказка для дѣвочки, привывшей къ виду труженицы-матери! Роза убѣждается въ пагубности всего условнаго—особенно въ воспитаніи дѣтей. Педагогическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы преподавать дѣтямъ мораль по поводу разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ,—но она не имѣетъ въ виду разницы между самими дѣтьми и невозможности примѣнять одни и тѣ же правила ко всѣмъ дѣтямъ.

Другую большую ошибку школьного воспитания Роза видит въ преподаваніи пассивныхъ добродѣтелей. Въмѣсто того, чтобы воспитывать въ дѣтяхъ энергію, ихъ учать смиренію, говорятъ имъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ честолюбія, любовзательности. Въ книгѣ приводятся два дѣтскихъ разсказа, очень характерныхъ по своей условной и искусственной морали. Какovy слѣдствія такого систематическаго убиванія личности въ маленькихъ дѣтяхъ? Роза сводитъ свои наблюденія за годъ надъ дѣтьми, которыхъ она считаетъ наиболѣе типичными для ихъ возраста. „Я замѣчаю,—говоритъ она,—въ нихъ большую податливость, дисциплинировку, механичность; группы дѣтей въ большомъ порядкѣ направляются къ завтраку или гулять на дворъ. Величольные уроки о пагубности живости, безудержности и шумливости, повидимому, принесли плоды... Уже не въ томъ ли главная цѣль школы, чтобы сдѣлать нравственную и физическую убогость болѣе смиренной, вѣжливой, примиренной? Это очень удобно съ извѣстной точки зрѣнія... Но вѣдь я думала, что слѣдуетъ развивать, поднимать духъ, вооружать для жизни этихъ обездоленныхъ дѣтей, а не приучать ихъ къ однообразной, приниженной жизни“...

Въ этомъ—главный упрекъ, который авторъ „*Maternelle*“ дѣлаетъ школѣ. Она слишкомъ рутинна и не ведетъ впередъ; она подгоняетъ новыхъ поколѣнія подъ нравственные принципы старыхъ, и не отходить отъ самыхъ условныхъ педагогическихъ принциповъ. Авторъ книги считаетъ это виной школы передъ обществомъ. Онъ отмѣчаетъ, до чего податливы дѣти вліянію въ этотъ нѣжный возрастъ, и говоритъ, что теперешними педагогическими принципами достигаются только отрицательные результаты. Всѣ врожденные инстинкты остаются въ силѣ, вліяніе домашней обстановки остается нетронутымъ, потому что уроки, которые внушаютъ дѣтямъ, совершенно условны и ничего общаго съ дѣйствительной жизнью не имѣютъ. А то, чего школа дѣйствительно достигаетъ, т.-е. дисциплинированія дѣтской воли, подлаживаніе личныхъ желаній подъ общій уровень, приводитъ скорѣе къ нежелательнымъ результатамъ.

Эти разсужденія приобрѣтаютъ большую убѣдительность тѣмъ, что высказываются не теоретически, а въ связи съ очень живымъ и яснымъ изображеніемъ школьной жизни и чувствъ наблюдающей за школой дѣвушки. Большая любовь къ дѣтямъ, къ развивающемуся человечеству, жажда направить его на путь истины, искренній протестъ противъ условности и лжи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣтское воспитаніе, придаютъ большой интересъ книгѣ Франсѣ. Въ литературномъ отношеніи она очень интересна, прекрасно передаетъ весь міръ дѣтскихъ интересовъ, также какъ и жизнь въ рабочихъ кварта-

лахъ, грубый, но живописный въ своей откровенности языкъ рабочихъ, и всю атмосферу рабочаго квартала.

II.

Anatole France. Sur la Pierre Blanche. Стр. 320. Paris, 1905, C. Lévy, édit.

Новая книга Анатоля Франса написана въ манерѣ его прежнихъ философскихъ бесѣдъ, въ которыхъ вымыселъ переплетается съ изложениемъ фактовъ дѣйствительной жизни, разсужденія объ историческомъ прошломъ человѣчества—съ мыслями о текущихъ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Книга носитъ заглавіе „На бѣломъ камнѣ“. — „Ты точно спалъ на бѣломъ камнѣ среди міра сновидѣній“,—гласитъ эпиграфъ къ книгѣ, и съ тѣми же словами обращается одно изъ выведенныхъ въ діалогахъ лицъ къ другому, разсказавшему приснившееся ему видѣніе будущаго человѣчества. Вся книга—рядъ гаданій о будущемъ, написанныхъ со свойственной Франсу скептической улыбкой философа, для котораго всѣ мысли, всѣ вѣрованія равноцѣнны, поскольку въ нихъ проявляется искреннее душевное переживаніе. Самый замыселъ книги проникнуть тонкой ироніей,—предсказанія древнихъ римлянъ относительно возможныхъ судебъ міра противопоставляются гаданіямъ современныхъ людей о скрытомъ для насъ будущемъ. Два параллельныхъ разсказа о римскомъ проконсулѣ Галіонѣ и его проприціаніяхъ и о современномъ парижанинѣ, провидящемъ „европейскіе соединенные штаты“ въ грядущихъ вѣкахъ, составляютъ содержаніе книги Франса, изобилующей тонкими и глубокими наблюденіями надъ психологіей мѣняющихся человѣческихъ міросозерцаній. Какъ и въ предыдущихъ своихъ книгахъ того же рода, Анатоль Франсъ создаетъ удачныя рамки для сопоставленія различныхъ міросозерцаній. Новая книга его—не новѣсть, а рядъ бесѣдъ между нѣсколькими людьми. Они собрались въ мѣстѣ, располагающемъ къ бесѣдамъ о судьбахъ міра: въ Римѣ, на раскопкахъ форума. У руководителя раскопками, Джакомо Бони, сходятся часто нѣсколько друзей французовъ; они слѣдятъ за его работами, выслушиваютъ его археологическія объясненія и толкуютъ о прошломъ Рима, то на самомъ форумѣ, то въ домикѣ Бони, построенномъ подлѣ самаго входа на форумъ—на краю огромнаго рва, вырытаго на мѣстѣ скотопритоннаго рынка и углубленнаго до площади древняго форума. Разсуждая о смыслѣ римской исторіи, собесѣдники отмѣчаютъ практичность римлянъ, одинаково сказывавшуюся въ ихъ политикѣ и въ ихъ утилитарной религіи.

Речь заходит затѣмъ о различіи расъ, составлявшихъ населеніе римскихъ земель, и одинъ изъ собесѣдниковъ доказываетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ того различія расъ, которое люди искусственно стараются установить. Существуютъ только разновидности одной и той же націи, вполне способные слиться и жить въ союзѣ. Люди только изъ гордости, злобы и жадности выдумали различіе расъ. Въ 1871 году Франція пострадала изъ-за мнимыхъ правъ германской расы, — а германской расы нѣтъ. Антисемиты возбуждаютъ гнѣвъ христіанскихъ народовъ противъ еврейской націи — а таковой вовсе нѣтъ...

Эту нивелирующую теорію Анатоля Франса проводятъ въ историческихъ разсказахъ и бесѣдахъ, составляющихъ содержаніе его книги. Для знающихъ Франса теорія эта не представляетъ ничего новаго. Уже въ своей „Современной Исторіи“ онъ доказывалъ, устами своего любимаго героя, профессора Бержера, что нѣтъ различія между исторіей древняго Египта и современнаго Парижа, что народныя движенія, слѣпыя поступки черни, фанатизмъ толпы такъ же управляли событіями при одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ династій, какъ управляютъ ими при третьей французской республикѣ. Теперь, въ бесѣдахъ „На бѣломъ камнѣ“, онъ идетъ дальше, и объединяетъ взгляды на будущее римскаго патриція и современнаго мечтателя о социалистическомъ государственномъ строѣ. Заблужденія римлянина намъ ясны, — но Франсъ блестяще доказываетъ, что онъ не такъ заблуждался, какъ кажется, и что всѣ неожиданности исторіи — въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣмъ предшествующимъ. Въ каждомъ историческомъ моментѣ уже заключенъ слѣдующій его моментъ, и это сказывается даже въ ошибочномъ представленіи данной эпохи о томъ, что желательно и что возможно въ грядущемъ.

Первый разсказъ, или первое гаданіе о будущихъ судьбахъ міра въ книгѣ Анатоля Франса относится къ эпохѣ зарожденія христіанства. Сопоставленіе мыслей и чувствъ язычниковъ съ міросозерцаніемъ первыхъ христіанъ всегда интересовало Анатоля Франса. Лучшіе изъ его прежнихъ разсказовъ написаны именно на эту тему сліянности языческаго и христіанскаго начала, какъ, напр., его „Святой Сатиръ“ или „Тамса“ — исторія грѣшной язычницы, превзошедшей своей добродѣтелью святаго отшельника. Теперь Франсъ возвращается къ той же темѣ, оригинальнымъ образомъ противопоставляя римскаго проконсула въ Коринѣ съ апостоломъ Павломъ. Они не бесѣдуютъ другъ съ другомъ, но присутствіе апостола Павла становится нагляднымъ опроверженіемъ мудрствованій проконсула. Авторъ доказываетъ, однако, что противорѣчіе двухъ міровъ, представленныхъ апостоломъ и проконсуломъ — только кажущееся. Разсказъ ведется отъ

имени одного изъ членовъ пріятельскаго кружка, собравшагося въ Римѣ у директора раскопокъ. Онъ читаетъ свой рассказъ подъ заглавіемъ „Галіонъ“, составленный на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ изъ „Дѣяній апостоловъ“ и дополненный его собственными психологическими догадками и философскими выводами. Въ „Дѣяніяхъ апостоловъ“ говорится о томъ, что во время проконсульства въ Ахейѣ Галіона евреи возмущались противъ апостола Павла за то, что онъ смущаетъ людей, ида противъ закона. Они обратились съ жалобой на него къ Галіону, но проконсулъ не пожелалъ вмѣшиваться въ споры о словахъ и ученіяхъ: онъ сказалъ, что не видитъ тутъ никакого злодѣянія и несправедливости, и предоставляетъ спорящимъ рѣшать дѣло самимъ. По выходѣ изъ залы суда, приверженцы апостола стали бить начальника синагоги. Галіонъ предоставилъ имъ дѣйствовать безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны.

Этотъ эпизодъ, рассказанный въ „Дѣяніяхъ апостоловъ“, служитъ Анатолю Франсу матеріаломъ для философствованій о судьбѣ міра. Онъ рассказываетъ біографію Галіона, сына Сенеки ритора. Галіонъ—просвѣщенный и гуманный римлянинъ, не допускающій никакихъ жестокостей, мудро управляющій греческой провинціей. Онъ преклоняется передъ остатками эллинской культуры, не нарушаетъ независимости городовъ, относится съ уваженіемъ къ греческому населенію, справедливо судитъ и правитъ еврейскимъ и сирійскимъ населеніемъ своей провинціи. Въ рассказѣ описывается его резиденція въ Коринѣѣ, его роскошный домъ съ великолѣпными садами, украшенными статуями и фонтанами, съ гимнастическими залами, купальнями, бібліотеками и алтарями богамъ. Центръ разсказа составляетъ бесѣда въ этой прекрасной обстановкѣ между проконсуломъ и его братомъ Аннеемъ Мелой, тоже историческимъ лицомъ, отцомъ поэта Лукана. Къ нимъ присоединяются два молодыхъ просвѣщенныхъ римлянина, Луцій Кассій и Маркъ Лолий, а также греческій философъ Аполлодоръ. Они говорятъ о прошломъ Греціи и о благодѣяніяхъ, которыя Римъ оказываетъ человѣчеству, распространяя всюду миръ, избавляя моря и земли отъ грабителей, водворяя всюду справедливость. Главный защитникъ Рима и его могущества—самъ Галіонъ, и его поддерживаетъ его братъ, менѣе заинтересованный политической властью Рима, но преклоняющійся передъ обаяніемъ, которое имена Рима и Цезаря имѣютъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ имперіи. Всѣ собесѣдники сходятся на похвалахъ Риму, причемъ гражданскія добродѣтели и нравственное совершенство ставятъ выше духовнаго творчества, предпочитая истинныхъ гражданъ истиннымъ художникамъ. Въ разсужденіяхъ проконсула и его брата сказывается стоическая философія Се-

неки, а двое молодых римлянъ, тоже воспитанныхъ въ этомъ духѣ, жалуютъ о древнихъ римскихъ добродѣтеляхъ, исчезающихъ среди измѣненности современной имъ эпохи. Галіонъ утѣшаетъ ихъ надеждами на воцареніе молодого Нерона, ученика его брата, Сенеки. Онъ говоритъ, что по всѣмъ видимостямъ Неронъ будетъ справедливымъ и просвѣщеннымъ властителемъ, съ душой, открытой для жалости къ людямъ, и съ умомъ, открытымъ для знаній и искусства. Онъ предвидитъ начало счастливыхъ временъ для человѣчества и, вступивъ на путь пророчествъ, предсказываетъ вѣчность Риму,—а это означаетъ для него наступленіе вѣчнаго мира на землѣ. Кончатся навсегда войны,—предсказываетъ онъ,—и люди будутъ стремиться не къ побѣдѣ другъ надъ другомъ, а къ побѣдѣ надъ собой, будутъ направлять всѣ свои силы на внутреннее совершенствованіе. Отъ будущности Рима разговоръ переходитъ къ вопросу о богатѣ, и трезвый государственникъ Галіонъ отстанываетъ желѣзный законъ необходимости, лежащій въ основѣ божественнаго начала. Его позитивный и практический взглядъ на религію вызываетъ возраженіе грека Аполлодора, который вѣритъ въ одухотворенность хаоса, вѣчное движеніе котораго порождаетъ міръ. Галіонъ не опровергаетъ Аполлодора, считая своимъ главнымъ достоинствомъ полную терпимость относительно разнообразныхъ вѣрованій. Пусть образуются какія угодно секты, пусть люди поклоняются Юпитеру подъ какими угодно именами, потому что стоить провозгласить правоту единого названія Юпитера, чтобы кровь залила всю землю. Нужно,—говоритъ искушенный въ государственныхъ дѣлахъ римлянинъ,—основывать общественный строй на свободѣ мнѣній, а не на требованіи отъ всѣхъ единой вѣры. Этотъ трезвый индифферентизмъ вызываетъ у присутствующихъ молодыхъ римлянъ опасеніе за судьбу родины: только въ строгомъ соблюденіи римскихъ религіозныхъ традицій они видятъ источникъ могущества Рима и твердости его добродѣтелей. Всѣ они соглашаются на томъ, что религія важна своей этической стороной и что только добродѣтель бессмертна. Вопросъ о безсмертіи ведетъ къ разсужденію о природѣ боговъ, и грекъ Аполлодоръ отрицаетъ вѣчность власти боговъ надъ міромъ, приводя въ доказательство смѣну поколѣній боговъ. Царство Юпитера должно окончиться, какъ царство Сатурна. Галіонъ согласенъ съ грекомъ и, опять переходя на путь пророчествъ, утверждаетъ, что можетъ назвать преемника Юпитера. Онъ не успѣваетъ закончить своего прорицанія, потому что его зовутъ въ судъ рѣшать дѣло, съ которымъ пришли къ нему два еврея изъ низшаго класса. Дѣло, какъ докладываетъ судейскій служитель, очень мелкое: спорить начальникъ синагоги съ человѣкомъ изъ Тарса, ко-

торый проповѣдуетъ каждую субботу въ синагогѣ противъ еврейскаго закона. Чтобы прекратить его зловредныя проповѣди, начальникъ синагоги и обращается къ проконсулу. Дѣло нусташное, и друзья Галіона совѣтуютъ ему не отдавать своего времени на разрѣшеніе мелкихъ ссоръ среди мѣстнаго населенія. Но Галіонъ добросовѣстенъ въ исполненіи своего долга, и рѣшаетъ идти въ судъ. Онъ дѣлаетъ это еще потому, что считаетъ своей обязанностью наблюдать за еврейскимъ населеніемъ Коринѳа, боясь, что отъ нихъ произойдетъ еще много зла въ будущемъ для Рима.

Онъ говоритъ съ презрѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой-то тревогой о сектахъ, возникшихъ среди этого нищенскаго населенія не только въ Коринѳѣ, но и въ бѣдныхъ кварталахъ Рима, о послѣдователяхъ нѣкоего Христа, и о томъ, что они распространяютъ свою ересь въ ущербъ римскому вліянію. Галіонъ говоритъ о принципахъ юдаизма, о поклоненіи единому Богу, и видитъ опасность ихъ вѣры въ томъ, что она исключаетъ всѣ другія. Собравшіеся въ саду Галіона язычники всѣ одинаково встаютъ противъ ереси единаго Бога, какъ совершенно несомѣстимой со всѣмъ складомъ ихъ жизни и съ ихъ практической религіей, придумавшей охрану для всѣхъ функций общественной и частной жизни. Молодые римляне жалуются въ особенности на забвеніе древнихъ римскихъ добродѣтелей, связанныхъ съ религіозными обрядами, и выражаютъ опасеніе о возможности покоренія Рима ересью единобожія. Галіонъ уходитъ въ судъ, а брать его и друзья, направляясь вслѣдъ за нимъ, проходятъ по шумному форуму, наталкиваются на циника-философа, который выпрашиваетъ у нихъ деньги и осыпаетъ ихъ бранью, и разсуждаютъ о будущемъ мірѣ, о возможности исчезновенія стараго, о грядущемъ обновленіи вселенной. Они гуляютъ подъ портикомъ, ожидая Галіона; дѣло, изъ-за котораго его позвали въ судъ, недостаточно интересно для нихъ, чтобы они пошли его слушать. Галіонъ возвращается и разсказываетъ о спорѣ между начальникомъ синагоги Состеномъ и какимъ-то уродливымъ выходцемъ изъ Тарса, Павломъ; о томъ, какъ онъ отказался ихъ судить, предоставивъ имъ рѣшать свой споръ кулаками. Галіонъ съ презрѣніемъ говоритъ объ этихъ людяхъ, которыхъ онъ судилъ, не потому, что они бѣдны и слабы, а потому, что они грубы, и что боги, видимо, никогда не посѣщали этихъ жалкихъ вырожденцевъ. Галіонъ говоритъ о вѣрованіяхъ Павла, о прославляемомъ имъ Богѣ, который будетъ царить надъ жалкими рабами, и слушателямъ кажется смѣшнымъ уродливый Павелъ, основывающій религію рабовъ. Возвращаясь къ прежнему предмету своихъ пророчествъ, Галіонъ, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ апостола Павла, возвѣщаетъ

Риму, что наступит царство Геркулеса, который очистит землю от злых и положит начало царству добродѣтели, античной простоты, невинности и мира.

Анатоль Франсъ рассказывает исторію близорукаго и ложнаго пророчества для того, чтобы показать, что въ ложныхъ сужденіяхъ Галіона было много правды. Галіонъ имѣлъ основаніе видѣть въ Неронѣ императора-философа, какимъ онъ обѣщаль быть въ юности. Затѣмъ, онъ не такъ ошибался, говоря о вѣчности Рима, потому что вліяніе Рима дѣйствительно живо до сихъ поръ, въ особенности въ государственной жизни латинскихъ расъ. Въ своей философіи онъ старается соединить догматы стоицизма съ національной религіей, и, разсуждая о природѣ боговъ, старается, главнымъ образомъ, остаться добрымъ гражданиномъ. Разсужденія его не свидѣтельствуютъ о широкомъ захватѣ мысли, но и многіе современные профессора, читающіе курсы философіи и богословія, не ушли дальше его въ своихъ столь же утилитарныхъ разсужденіяхъ. Умственная близорукость Галіона выступаетъ особенно рельефно въ виду того, что, разсуждая о будущей религіи міра, онъ какъ-разъ прошелъ мимо единственнаго человѣка, который могъ бы отереть ему грядущую истину. Но и апостоль Павелъ, предсказывавшій непосредственный конецъ міра, былъ также не правъ, какъ Галіонъ, пророчествующій въ то же самое время о вѣчности римской имперіи. Еслибы Галіонъ, вмѣсто того, чтобы предсказывать царство Геркулеса, повѣрилъ словамъ апостола, онъ бы все-таки не узналъ грядущаго, потому что и Римъ, и другія столицы христіанскаго міра не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ христіанскимъ строемъ общества, какого жаждалъ апостоль. И Галіонъ былъ по своему правъ. Онъ предчувствовалъ конецъ языческаго міра, и назвалъ новаго Бога, взявъ его изъ родственнаго ему греко-латинскаго Олимпа. Все дѣло въ томъ, что измѣнившемуся духу времени нужна была новая религія, что философія рабовъ, философія отреченія смѣнила греческую религію радости, — и нуженъ былъ богъ рабовъ, богъ страдающихъ. Предсказывая будущее такимъ, какимъ оно рисовалось его умирающему языческому духу, Галіонъ шелъ въ разрѣзъ съ фактами, не видѣлъ уже родившагося новаго міра, но въ его ложныхъ предвидѣніяхъ отразился все-таки духъ истины: всегда, своей правдой, какъ и своими заблужденіями, люди служатъ неизбѣжнымъ законамъ исторической истины.

Параллельно этому разсказу изъ древняго міра, въ книгѣ Анатоля Франса есть другой философскій разсказъ о грядущей исторіи современнаго человѣчества, объ осуществленіи социалистическаго идеала. Эта картина будущаго рисуется одному изъ членовъ римскаго кружка

во снѣ, и онъ рассказываетъ о своемъ сновидѣніи друзьямъ. Соціалистическая утопія рассказана имъ съ нѣкоторой ироніей, и наряду съ благодѣяніями будущаго строя отмѣчена слишкомъ механическая урегулированность жизни, мѣшающая ей разнообразію. Въ грядущихъ „европейскихъ соединенныхъ штатахъ“ всѣ свободны и всѣ работаютъ; вмѣсто денегъ выдаются квитанціи на определенное количество рабочаго времени, техника достигаетъ величайшихъ предѣловъ, удобства жизни безвѣчны, женщины одѣты по-мужски и смѣются надъ институтомъ брака; все очень удобно, есть много красивыхъ предметовъ, всѣ умны и разсудительны, но рассказчикъ счастливъ, когда просыпается отъ своихъ видѣній и возвращается къ дѣйствительности. Всякое время имѣетъ свои идеалы, и мы не можемъ приобщиться къ радостямъ грядущаго человѣчества, какъ не могли римляне понять радости христіанскаго міра. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1905.

Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде.—Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія.—Различныя толкованія указа 18-го февраля.—Подвиги газетныхъ „добровольцевъ“.—Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—Р. С. Письмо въ Редакцію г. Н. Чайковского.

По истинѣ громадевъ шагъ впередъ, сдѣланный Россіей на пути къ истинной вѣротерпимости. Положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденныя и обнародованныя 17-го апрѣля, для многихъ милліоновъ русскихъ гражданъ являются тѣмъ, чѣмъ былъ для крѣпостныхъ людей великій законодательный актъ 19-го февраля 1861-го года. Аналогію можно провести еще дальше: подобно тому, какъ паденіе крѣпостного права, устранивъ главный источникъ застоя, положило начало освобожденію всего русскаго общества,—отмѣна вѣроисповѣдныхъ стѣсненій неминуемо должна отозваться и на тѣхъ, кого они, повидимому, вовсе не касались. Ни на комъ не будетъ тяготѣть сознаніе насилія, совершаемаго надъ самими интимными сторонами душевной жизни; ничье нравственное чувство не будетъ возмущаться зрѣлищемъ принужденія, неизбѣжно порождающаго или озлобленіе, или лицемеріе; ничья духовная тѣнь не будетъ укрываться за внѣшними оградями, убажываемая отсутствіемъ открытыхъ возраженій. вмѣстѣ съ терминомъ: *расколъ*, исчезаетъ наслѣдіе цѣлыхъ вѣковъ, возводившихъ гоненіе на степень общаго правила и видоизмѣнявшихъ только его формы. Совершенно новый смыслъ пріобрѣтаетъ, въ общественной и государственной жизни, самое понятіе о православіи: до сихъ поръ оно означало совокупность вѣрованій, навсегда и безусловно обязательныхъ для всѣхъ формально принадлежащихъ къ господствующей церкви—теперь оно будетъ означать совокупность вѣрованій, исповѣдуемыхъ добровольно. Лицо, отпавшее отъ православія по достиженіи совершеннолѣтія, „признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало“: эти немногія слова знаменуютъ собою цѣлый переворотъ. Они не только кладутъ конецъ невыносимо тяжелому положенію бывшихъ униатовъ (такъ-называемыхъ „упорствующихъ“), католиковъ и лютеранъ, почему-либо зачисленныхъ православными, магометанъ, по недоразумѣнію признаваемыхъ христіанами, раскольниковъ, которымъ не посчастли-

вилось попасть въ категорію „отписныхъ“: они возвращаютъ религію ея настоящее мѣсто въ области убѣжденія и сердца. Свободно избранная и свободно сохраняемая, вѣра перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ одѣянія, надѣваемого на показъ, или *rag ordre*; церковь перестаетъ быть *instrumentum regni*, съ великой пользой для себя и безъ потери для государства, которому не шли въ прокъ ея вынужденныя услуги... Въ постановленіяхъ, относящихся къ „общимъ началамъ вѣротерпимости“, мы не находимъ отиѣны стѣсненій, которыми обставлены смѣшанные браки; но фактически эти стѣсненія теряютъ бѣльшую часть своей силы, въ виду свободы перехода изъ одного исповѣданія въ другое. Не лишено значенія, съ этой точки зрѣнія, и то правило, по которому дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, слѣдуютъ вѣрѣ родителей, перешедшихъ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое.

Осуществлены или близки къ осуществленію, благодаря положеніямъ 17-го апрѣля, почти всѣ главныя пожеланія старообрядцевъ и сектантовъ. И тѣмъ, и другимъ (за исключеніемъ послѣдователей изувѣрныхъ ученій) предоставлено право совершенія общественныхъ богомоленій); въ отношеніи къ сооруженію и ремонту молитвенныхъ домовъ они приравнены къ послѣдователямъ инославныхъ вѣроисповѣданій; отиѣнены, слѣдовательно, ограниченія, установленныя закономъ 3-го мая 1883-го года и ставившія старообрядцевъ и сектантовъ въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи (необходимость разрѣшенія сохранена только для устройства скитовъ и обителей); распечатаны *всѣ* молитвенные дома, закрытые какъ по административнымъ распоряженіямъ, такъ и по судебнымъ приговорамъ; общинамъ старообрядцевъ и сектантовъ даны права признанныхъ закономъ обществъ; духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ, присвоено наименованіе *настоятелей* и *наставниковъ*, съ исключеніемъ ихъ изъ мѣщанскаго или крестьянскаго сословія и съ освобожденіемъ отъ военной службы²⁾; этимъ духовнымъ лицамъ предоставлено свободное отправленіе духовныхъ требъ (между прочимъ, конечно, и въ войскахъ, гдѣ до сихъ жоръ старообрядцами и сектантами такъ болѣзненно чувствовалось отсутствіе духовной помощи) и веденіе метрическихъ книгъ для записи рожденій, браковъ и смертей, чѣмъ сразу покончено съ затрудненіями, возникшими при примѣненіи закона 19-го апрѣля 1874-го года. Старообрядцамъ

¹⁾ Отиѣнены, между прочимъ, печальной памяти правила 4-го іюля 1894-го года, которыми были запрещены молитвенныя собранія штундистовъ.

²⁾ Съ какими неудобствами было сопряжено до сихъ поръ не признаніе за таковыми называемыми „дже-попами“ духовнаго сана — это мы имѣли случай показать въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ общественныхъ хроникъ (см. „Вѣсти. Европѣ“ за 1904 г., № 9, стр. 440—441).

и сектантамъ разрѣшено устраивать начальныя школы и имѣть особыя кладбища.

Положеніе католиковъ и лютеранъ, какъ послѣдователей признанныхъ закономъ вѣроученій, было и до сихъ поръ значительно лучше, чѣмъ положеніе раскольниковъ и сектантовъ. Переѣзны, произведенныя въ немъ, не такъ, поэтому, глубоки и не такъ обширны, но тѣмъ не менѣе далеко не лишены существеннаго значенія. Достаточно указать на отиѣну препятствій, которыми до сихъ поръ произвольно могла быть затрудняема постройка и починка инославныхъ храмовъ, и на принятіе за правило, что преподаваніе закона Божія инославныхъ исповѣданій ведется духовными лицами этихъ исповѣданій и на природномъ языкѣ учащихся. „На почву твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ усмотрѣнія“, предполагается поставить и постройку молитвенныхъ домовъ не-христіанскихъ исповѣданій, и открытіе магометанскихъ конфессіональныхъ школъ, и порядокъ избранія магометанскаго духовенства, и освобожденіе представителей его отъ призыва на военную службу. Не забыты, наконецъ, и наши буддисты (ламаиты): относящіяся къ нимъ узаконенія будутъ пересмотрѣны, ламаитовъ воспрещено именовать въ официальныхъ актахъ язычниками и идолопоклонниками.—Для подробной разработки основныхъ началъ, установленныхъ Положеніями 17-го апрѣля, будетъ учреждено особое совѣщаніе. Въ области инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій ему будетъ предстоять довольно большой просторъ, но въ области старообрядчества и сектантства почти все существенное уже предрѣшено—и предрѣшено, къ счастью, въ духъ истинной свободы.

Кто бы могъ думать, нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ тому назадъ, что зданіе официальной церковности, стоявшее, повидимому, такъ прочно и непоколебимо, самими традиціонными охранителями его такъ скоро будетъ признано подлежащимъ перестройкѣ, очень похожей на ломку? Кто бы могъ думать, что такъ скоро окажется несостоятельною горделивая теорія, провозглашавшая *истинную* вѣротерпимость исковнымъ достоинствомъ русскаго государства и русской церкви? Ежегодно или каждые два года эта теорія находила торжественное выраженіе въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода. Рядомъ съ нею шло указаніе на опасность тѣхъ немногихъ—болѣе мнимыхъ, чѣмъ реальныхъ—льготъ, которыя были даны раскольниковъ и сектантамъ законами 19 апрѣля 1874 и 3 мая 1883 г., и на необходимость административно-полицейскихъ мѣръ, въ особенности по отношенію къ отпавшимъ отъ православія. Напрасны были мольбы страждущихъ и угнетенныхъ, напрасны протесты печати, исходившіе изъ началъ элементарной справедливости: все оставалось по старому—или

медленно, но неуклонно измѣнялось къ худшему. Казалось, не будетъ конца ночному мраку—но наступилъ разсвѣтъ, и сразу показалъ невозможность держаться старой дороги, старыхъ приемовъ. Не разъ уже намъ приходилось, въ послѣднее время, подчеркивать переѣмъ à vue въ официальныхъ сферахъ—но никогда, кажется, она не была еще такъ рѣшительна, какъ въ настоящемъ случаѣ. Она блистательно оправдываетъ взгляды, еще вчера считавшіеся предосудительными или, по меньшей мѣрѣ, равновременными; она удостовѣряетъ, что правда не была на сторонѣ силы, и что формула, имѣющая за себя только давность, настоятельно требуетъ пересмотра...

Въ концѣ минувшаго марта мѣсяца св. синодъ вошелъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ, для учрежденія патріаршества и для обсужденія переѣмъ въ церковномъ управленіи. По поводу этого доклада состоялась слѣдующая Высочайшая резолюція: „Признаю невозможность совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благоприятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“. Какое бы окончательное разрѣшеніе ни получили вопросъ о соборѣ, движеніе, поставившее его на очередь, во всякомъ случаѣ сохранить свой глубокой смыслъ. Оно показываетъ, что церкви стала въ тягость ея пассивная роль, что она не дорожитъ вышними привилегіями, прикрывающими внутреннее безсиліе. Части этихъ привилегій—остріе которыхъ было направлено противъ раскола и сектанства, противъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій—теперь, съ изданіемъ Положеній 17-го апрѣля, настала конецъ: онѣ не будутъ болѣе парализовать дѣятельность церкви, не будутъ болѣе удалять ее съ настоящей ея дороги. Для церкви, какъ для общества вѣрующихъ, важно не столько то, будетъ ли она имѣть во главѣ учрежденіе или лицо, синодъ или патріарха,—сколько независимость отъ свѣтской власти, свобода отъ функций, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи, и такое устройство церковнаго управленія, которое давало бы достаточный просторъ всѣмъ живымъ силамъ церкви. Не случайно, поэтому, стремленіе къ реформамъ внутри церкви совпало съ стремленіемъ къ реформамъ въ государствѣ. Мотивы того и другого въ значительной степени одни и тѣ же: и тамъ, и тутъ одинаково созрѣло убѣжденіе, что нельзя болѣе ни пачиться назадъ, ни

стоять на одномъ мѣстѣ. Дальнѣйшій ходъ церковнаго преобразования будетъ зависѣть отъ общаго направленія событій: точекъ соприкосновенія между обѣими областями—государственною и церковною—такъ много, что движеніе въ одной изъ нихъ не можетъ не отразиться и на другой. Это поняли наши газетные псевдо-охранители, поднявшіе тревогу при первыхъ признакахъ новой жизни въ церковномъ мірѣ ¹⁾). Имъ удалось затормозить, на время, внѣшній ходъ этой жизни—но цѣною разрыва съ прежними союзниками. Всего ярче этотъ разрывъ выразился въ двухъ письмахъ преосвященнаго Исидора, викарія нижегородской епархіи. Рѣзкій протестъ епископа противъ „Московскихъ Вѣдомостей“—какой наглядный признакъ перемѣны, совершившейся и совершающейся въ группировкѣ общественныхъ элементовъ! По прекрасному выраженію кн. Евгенія Трубецкаго ²⁾, въ нашей церковной іерархіи нашлись „продолжатели дѣла св. Филиппа“, для которыхъ „современные остатки татарщины суть *mo Velipara*“.

Въ полномъ ходу находится у насъ теперь процессъ дифференціаціи политическихъ партій. Особенно удобно наблюдать его въ земской средѣ, гдѣ онъ начался еще полгода тому назадъ, на ноябрьскомъ сѣздѣ. Всѣ резолюціи сѣзда были постановлены единогласно, кромѣ одной, наиболѣе важной: меньшинство, съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ, высказалось за земскій соборъ, какъ его понимали первые славянофилы, большинство—за организацію, близкую къ западно-европейскому образцу, т.-е. за участіе народнаго представительства въ отправленіи законодательной власти. Оставался открытымъ вопросъ, возможна ли, попрежнему, совмѣстная дѣятельность обѣихъ группъ. Непосредственнымъ поводомъ къ его разрѣшенію послужили приготовленія къ новому земскому сѣзду: нужно было опредѣлить, будетъ ли онъ созванъ въ томъ же составѣ, какъ и предыдущій, т.-е. долженъ ли онъ соединить въ себѣ всѣхъ либеральныхъ земцевъ, безъ различія отгѣнковъ. Инициативу обособленія взяли на себя представители меньшинства и ихъ единомышленники. Д. Н. Шиповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, составилъ записку, рѣшительно отдѣлявшую его отъ прежнихъ союзниковъ и сближавшую его съ губернскими предводителями дворянства—авторами записки, упомянутой нами въ апрѣльской хроникѣ. Кн. П. Н. Трубецкой (бывшій московскій губернский предводитель дворянства) отказался отъ участія въ совѣщаніи московскихъ губернскихъ гласныхъ, имѣвшемъ цѣлю

¹⁾ См. №№ 84 и 91 „Московскихъ Вѣдомостей“.

²⁾ См. № 15 „Права“.

избраніе членовъ общеземскаго съѣзда — и его примѣру послѣдовали еще девятнадцать губернскихъ гласныхъ. Одновременно со съездомъ, составляющимъ продолженіе ноябрьскаго, предложено созвать другой, земско-дворянскій. Весьма можетъ быть, что обимъ съездамъ будутъ противопоставлены, на болѣе или менѣе долгій срокъ, внѣшнія преграды: но искусственно задержать движеніе — не значить еще прекратить его или предупредить его возобновленіе. Чѣмъ скорѣе и полнѣе обрисуются всѣ существующія теченія, чѣмъ меньше препятствій встрѣтитъ образованіе партій, соответствующихъ этимъ теченіямъ, тѣмъ нормальнѣе и спокойнѣе будетъ дальѣйшій ходъ событій. Борьба неминуема: все дѣло въ томъ, чтобы сохранить за нею мирный характеръ, обеспечиваемый свободой отдѣльныхъ лицъ и коллективныхъ организацій.

Какъ мало еще распространены у насъ правильные взгляды на значеніе партій — объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Говоря о кружкѣ Д. Н. Шипова, примыкающемъ къ меньшинству ноябрьскаго съѣзда, одна изъ лучшихъ нашихъ газетъ восклицаетъ: „Меньшинство это не желаетъ уважать основного принципа народнаго представительства — подчиненія большинству“. Упускается изъ виду, прежде всего, что частное совѣщаніе, какъ ничего не рѣшающее, ограничивающееся выраженіемъ мнѣнія, не можетъ быть приравнено къ народному представительству, уполномоченному говорить и дѣйствовать отъ имени цѣлой страны. И въ средѣ народнаго представительства, далѣе, подчиненіе меньшинства большинству вовсе не равносильно отреченію отъ своего мнѣнія. Признать дѣйствительность законно поставленнаго рѣшенія — не значить еще признать его внутреннюю правильность, не значить даже отказаться отъ надежды достигнуть, современемъ, его измѣненія или отмены. Право бывшаго меньшинства ноябрьскаго съѣзда отдѣлиться отъ большинства мы считаемъ, поэтому, не подлежащимъ никакому сомнѣнію: споръ можетъ идти только о цѣлесообразности такого образа дѣйствій. Рѣшающее значеніе, въ подобныхъ случаяхъ, должна имѣть *степень важности* возникшаго разногласія — а вопросъ, по которому ноябрьскій съѣздъ не пришелъ къ единодушному заключенію, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы находимъ образъ дѣйствій Д. Н. Шипова и его товарищей, съ формальной стороны, вполнѣ корректнымъ, хотя продолжаемъ раздѣлять всецѣло мнѣніе большинства ноябрьскаго съѣзда... Обѣ земскія группы остаются, однако, во многомъ близкими одна къ другой; для обѣихъ одинаково цѣнно полное осуществленіе первыхъ пунктовъ ноябрьской земской резолюціи — осуществленіе, до котораго все еще очень далеко. Подчеркивать исключительно то, въ чемъ прежніе союзники несогласны

между собою, было бы большой тактической ошибкой. Ничто не мешало бы имъ даже сходиться въ одно собраніе, для обсужденія тѣхъ вопросовъ, по которымъ между ними нѣтъ принципиальнаго разномыслія.

Неясно для насъ, въ исторіи образованія группы Д. Н. Шипова, только одно: отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ изъ ея новыхъ членовъ — напр. кн. П. Н. Трубецкого — къ ноябрьскому земскому съѣзду, въ созывѣ и занятіяхъ котораго столь видную роль игралъ Д. Н. Шиповъ. Прекрасно отвѣтилъ князю П. Н. Трубецкому и другимъ гласнымъ, съ нимъ солидарнымъ, предсѣдатель московской губернской земской управы Ѳ. А. Головинъ. Ноябрьское земское совѣщаніе — читаемъ мы въ его письмѣ — „не присваивало себѣ названіе *общеземскаго*. Если подобное значеніе оно получило на дѣлѣ, то причиною тому послужило существо выработанныхъ имъ резолюцій, привлечшее своею жизненною правдою самыя широкіе слои русскаго общества. Совѣщаніе правильно формулировало то, что наболѣло въ душѣ каждаго мыслящаго русскаго, и въ этомъ весь секретъ успѣха ноябрьскихъ резолюцій. Открыто, ясно выраженная правильная мысль, отвѣчающая насущнѣйшимъ потребностямъ переживаемой минуты, не могла не имѣть успѣха, кто бы ее ни высказалъ — установленное ли закономъ народное представительство, или только частное совѣщаніе нѣсколькихъ десятковъ земскихъ дѣятелей, никѣмъ на то не уполномоченныхъ, движимыхъ лишь любовью къ родинѣ. Моментъ былъ тогда критическій. Волненіе общества было велико, авторитетъ правительства подорванъ. Совѣщанію предстояло заняться критикой существующаго государственнаго строя и указаніемъ мѣръ къ устроенію государства. И та, и другая работа были сдѣланы спокойно, въ сдержанной формѣ, удобопріемлемой и для правительства. Указъ 12-го декабря 1904 г., указъ и рескриптъ 18-го февраля текущаго года подтвердили правильность выраженныхъ земцами положеній и соотвѣтствіе ихъ потребностямъ государства. Такъ неужели же теперь, когда правительство поставило на очередь вопросъ объ организаціи народнаго представительства, не слѣдуетъ земцамъ попытаться намѣтить разрѣшеніе и этого вопроса? Теперь предстоитъ заниматься не критикою существующаго государственнаго строя, а созидательною работою, выработкою желательныхъ основаній народнаго представительства, — работою, которая не затрудненія должна создать для правительства, а лишь помочь ему“. Большое значеніе какъ кн. П. Н. Трубецкой, такъ и другіе гласные придаютъ отсутствію въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ крестьянъ, усматривая въ этомъ препятствіе къ обсужденію земскими дѣятелями государственныхъ вопросовъ. „Мнѣ очень симпатична“ — отвѣчаетъ на это Ѳ. А. Головинъ — „забота гг. гласныхъ объ интересахъ крестьянъ, но смѣю думать, что въ данномъ

случай эта забота является лишней. Прежде всего губернскіе гласные не являются представителями сословныхъ или классовыхъ интересовъ, а представителями всего населенія, включая и крестьянъ, доказательствомъ чего служитъ вся дѣятельность губернскихъ земствъ, направляемая по преимуществу къ удовлетворенію потребностей крестьянскаго населенія, а также и резолюціи ноябрьскаго совѣщанія земствъ. Совѣщаніе 22-го апрѣля не претендуетъ быть всенароднымъ представительнымъ собраніемъ, а лишь частнымъ совѣщаніемъ губернскихъ гласныхъ, отъ своего лишь имени высказывающихъ свои мнѣнія, не утверждая нисколько, что ихъ мнѣнія раздѣляются всѣмъ населеніемъ земскихъ губерній“...

Земскія совѣщанія — только одна изъ формъ, въ которыя выливается, въ послѣднее время, потребность въ общеніи, въ обмѣнѣ мыслей, въ совмѣстной работѣ. Вездѣ возникаютъ союзы и сѣзды, иногда не встрѣчая никакихъ препятствій, иногда вызывая рѣшительное противодѣйствіе, но почти всегда достигая своей ближайшей цѣли. Пора, давно пора пересмотрѣть устарѣвшія постановленія, регулирующія — или просто отрицающія — коллективную дѣятельность. Запрещенія, при настоящихъ условіяхъ, остаются, сплошь и рядомъ, мертвою буквой, только усиливая раздраженіе и заставляя прибѣгать къ обходу закона. Ни къ чему не ведутъ и попытки стѣснить пользованіе вновь дарованными льготами. Типичнымъ, съ этой точки зрѣнія, представляется официальное разъясненіе Высочайшаго указа 18-го февраля, разрѣшившаго учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ доводить до Высочайшаго свѣдѣнія, черезъ совѣтъ министровъ, предложенія свои по вопросамъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Устраняя толкованія, слишкомъ явно идущія въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ указа (напр. попытки ограничить основанныя на немъ земскія ходатайства рамками положенія о земскихъ учрежденіяхъ), циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обязываетъ представителей общественныхъ собраній не допускать разсмотрѣнія вопросовъ, *„по содержанию своему не соответствующихъ предудказаніямъ съ высоты Престола преобразованіямъ, а тѣмъ болѣе стремящихся подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ имперіи“*. Совмѣстное обсужденіе частными лицами видовъ и предположеній по вопросамъ, подходящимъ подъ дѣйствіе указа 18-го февраля, *„не должно быть затрудняемо, если въ такихъ собраніяхъ, по ихъ множеству или по особымъ условіямъ, сопровождающимъ ихъ занятія, не будетъ усмотрѣно опасности возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія“*. Подчеркнутыя нами слова открываютъ широкій просторъ усмотрѣнію администраціи и возста-

новляютъ, отчасти, то „средостѣніе“, противъ котораго былъ направленъ Высочайшій указъ 18-го февраля.

Гораздо дальше официальныхъ толкованій идутъ „добровольцы“, самозванно именующіе себя „монархической партіей“, а всѣхъ своихъ противниковъ соединяюще подъ общимъ именемъ *революціонеровъ*. Незаконнымъ, *воровскимъ*, антиправительственнымъ, революціоннымъ является, въ ихъ глазахъ, не только земскій, но и земско-дворянскій съѣздъ, съ его „коноводомъ“-революціонеромъ Д. Н. Шиповымъ ¹⁾. О степени политическаго развитія этихъ господъ дастъ наглядное понятіе шумъ, поднятый ими по поводу вздорнаго, категорически опровергнутаго слуха о противозаконной петиціи московскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Ходатайство объ измѣненіи существующаго образа правленія, заявленное негласно, въ бумагахъ на имя правительственнаго учрежденія, доморощенные обвинители усиленно подвѣсти подъ ст. 99 уголовнаго уложенія, опредѣляющую смертную казнь за *посятельство* на права верховной власти, т.-е. за насильственныя *дѣйствія*, клонящіяся къ ея ограниченію или уничтоженію. Имъ неизвѣстно, что въ такому ходатайству, еслибы оно существовало на самомъ дѣлѣ, нельзя было бы примѣнить даже гораздо болѣе мягкія кары, установленныя въ ст. 128 и 129 уложенія, такъ какъ онѣ назначаются за *распространеніе* сочиненій, порицающихъ основныя законы имперіи, а распространеніемъ подача бумаги въ присутственное мѣсто почитаться не можетъ... А вотъ образецъ „добрыхъ чувствъ“, питаемыхъ добровольцами. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась подписанная десятью лицами телеграмма изъ Читы, слѣдующаго содержанія: „Покидая Байкаль, мы племъ прощальный привѣтъ нашей горячо любимой родинѣ; богѣя ея горемъ, скорбя ея скорбями, и здѣсь ни на минуту не забываемъ ея, живемъ ея жизнью и, съ твердой вѣрой въ свѣтлое будущее, въ скорое, радостное свиданье съ друзьями и товарищами, углубляемся въ глухія и мрачныя горы Забайкалья“. Что можетъ быть невиннѣе, безобиднѣе этой телеграммы? А между тѣмъ, вотъ какую замѣтку она вызвала со стороны одного изъ „наблюдателей“, подвизающихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: „считаю своимъ долгомъ заявить, что всѣ подписавшіе эту телеграмму—*преступники, осужденные 8 августа прошлаго года якутскимъ окружнымъ судомъ на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ*, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, по дѣлу о вооруженномъ возстаніи, сопровождавшемся устройствомъ баррикадъ, убійствомъ двухъ

¹⁾ См. № 98 „Московскихъ Вѣдомостей“.

солдаты и всяческими противоправительственными манифестациями... Я не говорю уже объ авторахъ телеграммы, — съ нихъ и взятки гладки: это преступники, лишенные всѣхъ правъ (увы! за исключеніемъ одного: кощунственно глумиться надъ лучшими чувствами лучшихъ русскихъ людей). Но что сказать о русскомъ органѣ печати, оказывающемъ благосклонное содѣйствіе этимъ гнуснымъ продѣлкамъ надъ флагомъ патріотизма“?... Что сказать — спросимъ и мы — о только-что приведенной замѣткѣ и о внушившей ее разновидности патріотизма?...

На страницахъ реакціонныхъ газетъ часто появляются письма, подписанныя крестьянами—письма, приближающіяся, въ большей или меньшей степени, къ неизмѣнному, излюбленному шаблону. Одно изъ такихъ писемъ было прислано въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, тремя крестьянами, отъ имени ростовинской волости (московскаго уѣзда). Противъ этого письма выступили съ горячимъ протестомъ *семьдесятъ пять* крестьянъ той же волости ¹⁾. Въ заявленіи ихъ односельцевъ ихъ поразило недовѣріе къ интеллигенціи, въ работу и честность которой они твердо вѣрятъ. „Мы знаемъ“—продолжаютъ авторы письма,—„что жизнь безъ интеллигенціи была бы невозможна, какъ жизнь безъ насущнаго хлѣба. Кто же работаетъ въ земствѣ, полезномъ для насъ учрежденіи? Кто работаетъ тамъ, на войнѣ, облегчая страданія десяткамъ тысячъ нашихъ братьевъ? Кто у насъ работаетъ въ земскихъ больницахъ и школахъ, какъ не интеллигенція? Мы всѣ жадно ждемъ, когда будутъ осуществлены Высочайше возвышенныя реформы, когда, наконецъ, всей истинной интеллигенціи будетъ открытъ полный доступъ къ намъ. Мы также слышали, что на съѣздахъ и собраніяхъ указываются всѣ недостатки нашей русской жизни, а ихъ такъ много, много. У насъ есть начальныя земскія школы, но ихъ программа стала мала, и мы, при всемъ нашемъ горячемъ желаніи дать дальнѣйшее образованіе дѣтямъ, не можемъ этого. Недостаточность и неудобство земельного надѣла чувствительно сказываются на нашемъ благосостояніи: недостаточность объясняется простотомъ народа при старомъ скромномъ надѣлѣ, а неудобство—тѣмъ, что мы, напримѣръ, живя въ 50-ти саженьяхъ отъ рѣки, безъ спроса окружающихъ частныхъ владѣльцевъ не можемъ пользоваться водою. А сколько сыплется на насъ разныхъ оскорбленій! Но всѣхъ тяжелыхъ страданій нашихъ перечислить въ семь писемъ невозможно, да они и такъ многимъ извѣстны. Что особенно возмутительно въ письмѣ тронхъ нашихъ сосѣдей—это то, что они написали его отъ лица всей

¹⁾ См. № 102 „Русскихъ Вѣдомостей“.

волости, тогда какъ мы, окружающіе ихъ, ничего не знали объ этомъ до появленія въ газетѣ. Они не извѣстили даже нашихъ старостъ и выборныхъ сходчиковъ. Спрашивается, какъ же эти господа „противо-жидовствующіе“, не спросясь брода, сунулись въ воду? Еще до насъ дошелъ слухъ, что на Пасхѣ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства г. Базилювскаго будетъ созвана коммиссія для обсужденія о благоустройствѣ нашего быта. Изъ крестьянъ туда назначенъ, какъ мы слышали, между прочимъ, и Семенъ Горбачевъ (одинъ изъ трехъ корреспондентовъ „Московскихъ Вѣдомостей“), котораго мы своимъ представителемъ не считаемъ. Чтò же можетъ сказать о нашемъ печальномъ положеніи крестьянннъ, который самозванно написалъ о насъ такую нелѣпость въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Когда же, наконецъ, насъ будутъ считать за людей, имѣющихъ право на жизнь, равную съ другими?“... Комментаріи излишни...

Наше внутреннее обозрѣніе, по случаю приближенія праздниковъ, было уже сдано въ печать, когда обнародованъ былъ Именной Высочайшій указъ, данный 10-го апрѣля правительствующему сенату.

„Въ текущемъ году“—гласить указъ,—„въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ возникли безпорядки, сопровождающіеся разгромомъ и грабежомъ преступными скопищами крестьянъ владѣльческихъ усадебъ, торговопромышленныхъ заведеній и движимаго имущества.

„Такое злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и сохраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣванія общественной жизни.

„Въ цѣляхъ вѣдшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности, Мы повелѣваемъ:

„1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашаемыхъ въ коммиссію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ.

„2) Возложить на означенны въ п. 1-мъ комиссіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изыятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи.

„3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ преподать упомянутымъ временнымъ комиссіямъ подробныя указанія о порядкѣ ихъ дѣйствій, а также командировать особо назначенныхъ для сего министромъ лицъ, для руководства дѣйствіями сихъ комиссій.

„4) Поручить министру внутреннихъ дѣлъ выработать и, по сношеніи съ министрами юстиціи и финансовъ и государственнымъ контролеромъ, внести на Наше утвержденіе, чрезъ комитетъ министровъ, проектъ правилъ о порядкѣ осуществленія шѣры, указанной въ п. 2, и возмѣщенія убытковъ потерпѣвшимъ, а также объ оказаніи вспоможенія выдачей ссудъ изъ казны тѣмъ изъ потерпѣвшихъ владѣльцевъ, кои оказались бы не въ состояніи собственными средствами немедленно возстановить свои усадьбы или приобрести необходимый для веденія въ нихъ хозяйства инвентарь“.

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого указа въ повременной печати ¹⁾ были отмѣчены важныя сомнѣнія, возбуждаемыя его текстомъ. На кого, въ самомъ дѣлѣ, должна пасть отвѣтственность, устанавливаемая указомъ: лично ли на крестьянъ, участвовавшихъ въ грабежахъ и разгромахъ, или на сельскія и селенныя общества, къ которымъ принадлежать эти крестьяне? Буквальный смыслъ пун. 2-го говоритъ скорѣе въ пользу перваго предположенія: участвовать въ совершеніи преступленій сельскія и селенныя общества, какъ юридическія лица, не могутъ, и слѣдовательно слово *участвовавшихъ* должно быть относимо къ виновнымъ членамъ обществъ. Къ другому заключенію ведетъ заглавіе, подъ которымъ указъ 10-го апрѣля напечатанъ въ собраніи узаконеній: „Объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне которыхъ принимали участіе въ происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпорядкахъ“. Мы склонны думать, однако, что въ заглавіе указа могла вкратѣсь ошибка и что онъ направленъ только противъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ погромахъ. Основанія, утверждающія насъ въ этой мысли, слѣдующія. Когда, три года тому назадъ, послѣ аграрныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ губерніяхъ полтавской

¹⁾ См. № 10456 „Новаго Времени“.

и харьковской, признано было нужнымъ привлечь къ ответственности цѣлыя сельскія общества, это было высказано ясно и точно; ответственность, по указу 11-го мая 1902 г., была возложена „не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своими преступными попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ“. Подчеркнутыя нами слова удостовѣряютъ, что къ ответственности были привлечены не всѣ сельскія общества, къ составу которыхъ принадлежали виновные въ безпорядкахъ, а только тѣ, которыми было допущено „преступное попустительство“. Другими словами, въ основаніе ответственности положено было непринятіе со стороны общества мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ: нужно было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установить съ одной стороны возможность такихъ мѣръ, съ другой—ихъ отсутствіе. Въ указѣ 10-го апрѣля постановленіе о попустительствѣ не повторено. Распространительное толкованіе указа повлекло бы за собою ответственность и для такихъ обществъ, члены которыхъ—быть можетъ весьма немногіе—примкнули къ толпѣ гримъ безъ вѣдома своихъ однообщественниковъ или при условіяхъ, исключавшихъ возможность противодѣйствія ихъ замыслу. „Неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной ответственности“ должны быть, по буквальному смыслу указа 10-го апрѣля, виновные въ посягательствахъ на чужое имущество; между тѣмъ, общества виновными быть не могутъ. Съ большой юридической натяжкой можно говорить развѣ о виновности ихъ въ попустительствѣ—но въ указѣ 10-го апрѣля, какъ уже сказано выше, попустительство не упомянуто вовсе... Нѣкоторое сдерживающее вліяніе на своихъ членовъ могутъ, пожалуй, имѣть сельскія общества, какъ административныя единицы, но отнюдь не селенныя, какъ единицы чисто хозяйственныя, лишеныя всякой принудительной власти; между тѣмъ, въ указѣ 10-го апрѣля селенныя общества поставлены наряду съ сельскими. Высканіе убытковъ обращено на все безъ изыятія движимое и недвижимое имущество *всѣхъ членовъ* сельскихъ и селенныхъ обществъ, а не на имущество *обществъ*. Отсюда явствуетъ, что даже при распространительномъ толкованіи указа 10-го апрѣля надѣльная земля, въ мѣстностяхъ общиннаго землевладѣнія, взысканію подлежать не можетъ, такъ какъ она принадлежитъ селенному обществу (общинѣ), а не отдѣльнымъ его членамъ. Какъ бы, впрочемъ, ни былъ истолкованъ указъ 10-го апрѣля, едва ли можно предположить, что имъ отменяются законы о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и о неприкосновенности извѣстнаго минимума крестьянской движимости. Во что обратились бы селенія, у которыхъ сразу была бы продана

вся надѣльная земля и вся *безъ изытія* движимость—это нетрудно себѣ представить...

Есть еще одинъ вопросъ, возбуждаемый, но не разрѣшаемый указомъ 10-го апрѣля. Примѣнимъ ли этотъ указъ только къ безпорядкамъ, могущимъ произойти послѣ его обнародованія, или онъ распространяется и на безпорядки, происшедшіе раньше и послужившіе поводомъ къ его изданію? Этотъ вопросъ можетъ показаться празднымъ, въ виду основного правила, по которому никакой законъ не имѣетъ и не долженъ имѣть обратной силы. Невольно, однако, приходитъ на память, что указъ 11-го мая 1902-го года установилъ отвѣтственность сельскихъ обществъ за событія, совершившіяся въ мартѣ и апрѣлѣ. Допущенное въ одномъ случаѣ, обратное дѣйствіе закона перестаетъ быть невѣроятнымъ и въ другомъ, аналогичномъ. Разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса слѣдуетъ искать, поэтому, не въ общихъ началахъ права, а въ текстѣ даннаго постановленія. Вполнѣ яснымъ его назвать нельзя. Изъ словъ: „въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки“, а также изъ заглавія, даннаго указу, можно вывести заключеніе, что рѣчь идетъ о прошедшемъ времени; но выраженіе „учреждать по мѣрѣ надобности“ указываетъ скорѣе на будущее, особенно если сопоставить его съ тѣмъ мѣстомъ указа, гдѣ говорится о развитіи „убѣжденія въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные *будутъ* неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности“. Къ будущему, только къ будущему—относятъ указъ 10-го апрѣля даже „Московскія Вѣдомости“ (№ 101).

Къ отступленіямъ отъ общаго порядка, несомнѣнно создаваемымъ указомъ 10-го апрѣля, относится учрежденіе особыхъ комиссій, съ задачами отчасти слѣдственными („выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ“), отчасти судебными („исчисленіе размѣра убытковъ“), но съ введеніемъ въ ихъ составъ такихъ элементовъ, которымъ совершенно чужды слѣдственно-судебныя функціи (предсѣдатели земскихъ управъ, земскіе гласные). По справедливому замѣчанію „Новаго Времени“, все это можетъ поставить комиссіи въ крайне щекотливое положеніе и даже послужить серьезнымъ препятствіемъ къ ихъ образованію въ предположенномъ составѣ... Какое бы ни было, впрочемъ, дано толкованіе указу 10-го апрѣля, какъ бы ни было ограничено или расширено его дѣйствіе, во всякомъ случаѣ онъ остается несогласнымъ съ принципомъ охраненія полной силы закона, провозглашеннымъ въ указѣ 12-го декабря 1904-го года. Теченія, выразившіяся въ обоихъ указахъ, прямо противоположны между собою. Ссылкою на чрезвычайныя обстоятельства, неизбежно приводящія къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, это противорѣчіе устранено быть

не можетъ: приостановка дѣйствія законовъ понятна только *во время* беспорядковъ, а не послѣ ихъ прекращенія—да и во время беспорядковъ она не должна переходить за границу *необходимой* обороны. Съ этой точки зрѣнія мы всегда возставали противъ экзекуцій, такъ часто слѣдовавшихъ за беспорядками въ сельскихъ мѣстностяхъ, а иногда и въ городскихъ: мы старались доказать, что самое производство экзекуцій возможно только послѣ водворенія порядка, когда ничто не мѣшаетъ *легальному* преслѣдованію и наказанію виновныхъ. Мнѣ же чѣмъ когда-либо это основное начало подлежить оспариванію теперь, въ виду указа 12-го декабря и разъясняющихъ его положеній комитета министровъ. Мы не хотимъ, поэтому, вѣрить слухамъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, пущенныхъ, будто бы, въ ходъ при усмиреніи недавнихъ крестьянскихъ волненій (между прочимъ—въ сѣвскомъ уѣздѣ орловской губерніи)—не хотимъ вѣрить имъ тѣмъ болѣе, что въ другихъ губерніяхъ (напр. въ витебской), при аналогичныхъ условіяхъ, возстановить спокойствіе удалось не выходя изъ предѣловъ закона. Всегда возмутительныя и безнравственныя, грубѣйшія формы административной расправы были бы теперь, въ добавокъ, общепасны; нельзя ожидать, чтобы онѣ прошли безслѣдно среди пробудившагося общества и пробуждающагося народа.

Post-scriptum.—Въ началѣ апрѣля мы получили отъ г. Н. Чайковского, изъ Англій, слѣдующее письмо, съ просьбой помѣстить это письмо въ ближайшей книгѣ журнала:

„М. Г. Въ № 9 „Вѣстника Европы“, за 1904 г., появилась статья г. А. Фаресова: „Одинъ изъ семидесятниковъ“, на которую, къ сожалѣнію, мое вниманіе было обращено только теперь. Въ этой статьѣ авторъ—желая какъ будто возстановить „горькую историческую правду“ о русскомъ интеллигентномъ обществѣ—разсказываетъ то, что ничего съ „правдой“ общаго не имѣетъ—и о самомъ „богочеловѣчествѣ“, и о Маликовѣ, основателѣ его, и обо мнѣ, какъ участникѣ этого религиозно-утопическаго теченія 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Всякій, конечно, воленъ писать о фактахъ прошлаго, какъ онъ ихъ знаетъ, но приписывать не только мертвымъ, но и живымъ людямъ, не нуждающимся еще ни въ „дружбѣ“, ни въ литературномъ „заступѣ“ г. Фаресова, вещи, которыя ему нужны для драматическаго интереса его беллетристическихъ произведеній—это черезчуръ развязно и непозволительно. Въ своемъ стремленіи сказать по адресу утопическаго прошлаго нашего движенія что-нибудь пикантно-карикатурное онъ беретъ, напр., излагать ученіе *богочеловѣчества*, даже не понимая его основной идеи и смѣшивая его съ христіанствомъ, кото-

рому оно прямо-таки противопологалось и по своему этическому содержанию, и по отношенію къ положительному, опытному знанію, — и дѣлаетъ это явобы словами самого Маликова, которыхъ тотъ говорить никогда не могъ. Или, дальше, мнѣ приписывается такая тоска по родинѣ, что я былъ бы радъ получить разрѣшеніе вернуться въ Россію изъ невольнаго заграничнаго далека хотя бы „въ самый скромный уголокъ Россіи“, и что мое желаніе было передано вліятельному покровителю Маликова (кстати сказать—извѣстному клерикалу и ретрограду), и тотъ обѣщаль это уладить. Лично я считаю нужнымъ заявить, что никогда за все время своей заграничной жизни, съ 1874 г. по сей день, ни прямо, ни косвенно ни къ какимъ вліятельнымъ сановникамъ не прибѣгалъ, а тѣмъ болѣе ради разрѣшенія вернуться „хотя бы въ самый скромный уголокъ Россіи“. Не мало тамъ и другихъ курьезовъ.

„Теперь не такое время, чтобы тратить его на историческія воспоминанія, но я надѣюсь въ будущемъ вернуться къ этому сюжету и восстановить дѣйствительность этого теченія, какъ она сохранилась въ моей памяти.

„Позвольте, М. Г., надѣяться на помѣщеніе этихъ строкъ на страницахъ Вашего журнала“.

О П Е Ч А Т К А .

Въ мартовской книгѣ, на стр. 161, стр. 20 сл., напечатано: *силемо*; слѣдуетъ: *стимильно*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1905 г.

(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первомъ числѣ каждого мѣсяца, 12 выговъ въ году
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:		По полугодію:		По четвертямъ года:			
	Въ Россіи	За границей	Въ Россіи	За границей	Въ Россіи	Заграницей	Въ Россіи	Заграницей
Вѣсть доставлять въ Конторѣ журналовъ	15 р. 50 к.	17 р. 75 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	10 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ доставкой	17 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границу, съ доставкой почтой, соекомъ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примечаніе. — Платить разсрочкой годовой подписки на журналъ, подписывая на годъ: въ январѣ и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, июлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣлахъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Полск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20.

ВЪ СІБІРѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Ослаблева, Крестьянск., 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ П. Е. Кубасинова, на Моховой, и въ Конторѣ П. Починковой, съ Петербургск. линиямъ.

ВЪ ОДЕЛѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образъ“, Рингельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Варбачевскаго.

Примечаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ той или другой степени, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ указанием *Безопаснаго* на мѣстѣ почтоваго учрежденія, или (№) *допускаемой* почты журналовъ, если есть такое учрежденіе въ мѣстѣ мѣстоожительства подписчика. — 2) *Пересылочный адресъ* долженъ быть означенъ Конторѣ журнала одновременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ терминъ *безопасная* переводится въ иностранномъ, означиваясь 1 руб. и иностранное, переводя въ русскій, — 3) *Жалобы* на некоррѣктность доставки доставляемыхъ подписчикамъ въ Россію экземпляровъ, если подписка была сдѣлана въ заграничномъ мѣстѣ, и, наконецъ, означенныя въ Почтоваго Департаментѣ, не могутъ такъ же получены сълужающей почтой журналовъ. — 4) *Платить* на будущіе журналы подписчики Конторѣ только тѣмъ же иностраннымъ или русскимъ, или иностраннымъ, которымъ прилагать въ подписной суммѣ 11 коп. почтовыми марками.

Издателю и отвѣтственному редактору М. М. Стасюлевичу.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Digitized by Google

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

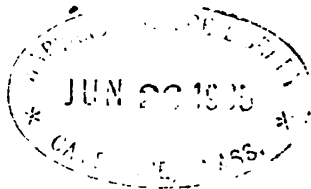
ЛІТЕРАТУРЫ.

Сороковой годъ. — книга 6.

ЮНЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

- I.—МОЙ ДНЕВНИКЪ НА ВОЙНѢ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ. — III. 12 сентября — 7 ноября. — М. А. Галактикина
- II.—ПЯТИДЕСЯТЛЕТІЕ АМУРСКОГО БРАЯ. — 1854—1904 г.г. — V. Обработка архивнаго провинціалнаго и торговаго. — VI. Путя путешествія. — VII. Школа и учебно-санитарная работа. — VIII. Работы. — IX. Инородцы. — X. Оздоровленіе. — Оманчанин. — П. Надина
- III.—ВЪ ПРИБЛИЖИТЕЛЬНОЕ ПОЧТ. — Въ посылку въ Подольск. — Евг. Лещинско
- IV.—ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ПРАВОПИСЦА СТОЛЪ, Л. А. Рунсберга. — См. книга П. Лебедевъ
- V.—ОБРАТНОЕ ПРАВО ВЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ и въ ея владѣніяхъ на государственнахъ. — И. Осипова
- VI.—МЪДНЫЙ БУНТЪ. — Изъ 1662 года. — Историческій рассказъ. — Виктора Овчольскаго
- VII.—ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ. — Романы. — Планкен. Пош. von W. Hegeler. — I. — Съ прим. В. В.
- VIII.—КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССИИ, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“. — В. Ф. Тотоміана
- IX.—МАРКВЪ-ФИЛОСОФЪ. — Monsieur de Mirgus ou le Marquis-philosophe, par A. Liechtenberger. — VIII-XII. — Омонпане. — Съ прим. Ф. Ч.
- X.—О СОВРЕМЕННОМЪ КРИЗИСѢ. — Л. З. Слонимскаго
- XI.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Переписка съ думою въ отношеніи политико-экономическаго населенія Западнаго края. — Упрощеніе земледѣлія и государственнаго землевладѣнія. — Слѣдованіе по аграрнымъ вопросамъ. — Меліе М. М. Ковалевскаго о правахъ выборовъ и обограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессора Плавинскій и докладчикъ податъ гласныхъ. — Певеласе чрезвычайнаго губернскаго земское собраніе и совѣщаніе горькаго Пузырина. — Страница провинціална
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отъицъ Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ. — Разсужденія политика Гедке. — Подружбѣ иностранной печати при еябѣ русскихъ книгъ. — Патриотическія фантазіи и ихъ необходимость. — Печальна судьба багрянскаго ордера. — Вопросъ объ ответственности вполнѣ и будущимъ мирѣ.
- XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Сочиненія Н. С. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что Далеко?“, 2) Статьи по крестьянскому вопросу. — II. Сборникъ товарищества „Вѣсти“ за 1904 г., кн. IV и V. — III. Сочиненія Чичина Валехина. — IV. „Дума Дюна“, японскіе рисунки, поэзіи и т. д. Перев. и р. Н. П. Азбелова. — V. Вар. П. В. Дрицка, Материалы по исторіи русскаго театра. — Евг. Л. — VI. К. Д. Максимовъ, Губернскія общественныя управленія изъ книгъ помещика бѣднѣи. — VII. Ф. И. Карома, Историческія труды и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I. — VIII. В. Зомбарта, Современный цивилизмъ, ч. II, перек. и р. М. Курявскаго. — В. В. — IX. Въ вопросу объ организаціи украинскаго труда въ Россіи и „Безработица въ Германіи и борьба борьбы съ нею“. — А. К. — Новая книга и брошюра.
- XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama. — II. Muriel Hart, La Conquête de Jersusalem, rom. — В. В.
- XV.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО. — Письмо въ Редацію. — Кн. Дн. Дружбного-Скользянскаго.
- XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Провозвѣщенія оивала и цѣлѣи. — Основаніи причина многихъ современныхъ противорѣчій. — Кто останется и кто уйдетъ? — Указъ 17-го апрѣля и революціонная мечта. — Католическія и рускія. — Проглашеніи о вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. — Б. П. Луковъ т.
- XVII.—ИЗМѢНЕНІЯ. — I. Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о древнихъ имени М. И. Мухоморова. — II. Отъ Общества естественнаго студентахъ вѣи университета съ Владивостока
- XVIII.—ВНЕШНОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сборникъ трактовокъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартена, т. XIV: Трактаты съ Франціей 1807—20 г.г. — Калло, П. Л., Современная морская война. — Журналъ Л. Правительствѣ и податѣ вѣсти въ государственнахъ зам. Карома. — Крестьянскія страды, т. I. Сборникъ статей — Въ виду слова Сборникъ I. Статей, стихотвореній и вѣстекъ.
- XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. — I-IV, I-XII.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙЦЪ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

III *).

12 сентября—7 ноября.

12 сентября, вторник. — Со вчерашняго дня — опять холодъ и почти непрерывный дождь. Вчера Великій Князь очень былъ недоволенъ, получивъ телеграмму Зотова (въ отвѣтъ на свой запросъ: въ какомъ положеніи наши фортификаціонныя работы), что работы по укрѣпленію нашихъ позицій еще далеки отъ окончанія. Онъ немедленно самъ составилъ и послалъ Зотову слѣдующую телеграмму:

„Крайне удивленъ, что до сихъ поръ не исполнены мои приказанія и указанія объ укрѣпленіи позицій. Если что приказано, то должно быть исполнено во что бы то ни стало. Стыдно намъ, что румынскія работы подвигаются, а у насъ — ничего; употребите всѣ усилія, чтобы мои приказанія исполнялись. Если турки сдѣлаютъ вылазку, вы должны отбить ихъ безусловно. Я сильно

*) См. выше: май, 5 стр.

увѣренъ, что вы это исполните такъ же чисто, какъ то исполнили у Наслѣдника, подъ Чаиркюемъ, бригада 32-й дивизіи, бригада 26-й дивизіи и невскій полкъ подъ начальствомъ Татищева“.

На совѣщаніи Государя съ Великимъ Княземъ окончательно рѣшено остаться на зиму въ Болгаріи, отнюдь не отводя войскъ на зимнія квартиры, за Дунай.

Но, въ связи съ этимъ вполне цѣлесообразнымъ и мужественнымъ рѣшеніемъ, возникло и удостоилось нисколько не заслуживавшее вниманія, совершенно фантастическое предположеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Болгаріи отъ Систова до Тырнова, съ вѣтвями вправо и влѣво, до мѣстъ расположенія плевнинскаго и рущукскаго отрядовъ.

Эта идея пущена въ обращеніе извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ Самуиломъ Поляковымъ, пріѣхавшимъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ главную квартиру изъ Румыніи, гдѣ онъ велъ переговоры о постройкѣ желѣзной дороги отъ Фратешти до Зимницы. Это послѣднее необходимо и вполне исполнимо: объ этомъ слѣдовало подумать и распорядиться еще въ концѣ іюня, и тогда эта небольшая вѣтвь могла бы быть даже окончена въ осени. Но тогда, въ надеждѣ на быстрое окончаніе кампаніи, объ этомъ не думали, а теперь задумали постройку, которая можетъ быть *начата* развѣ только по окончаніи кампаніи. Несбыточные проекты Полякова благосклонно выслушиваются, а о замощеніи дороги въ зимницкой переправѣ и систовскаго подъема не думаютъ.

Должно быть, Поляковъ заручился какими-нибудь вѣскими рекомендаціями и въ Петербургѣ, и здѣсь. По крайней мѣрѣ, я не могу объяснить себѣ иначе тѣхъ серьезныхъ переговоровъ, которые завязаны съ нимъ по явно недостаточному предпріятію. Переговоры эти возложены на Левицкаго. Всѣ эти послѣдніе дни онъ былъ погруженъ въ расчеты времени и стоимости постройки то вмѣстѣ съ Поляковымъ, то одинъ. Я все думалъ, что рѣчь идетъ о вѣтви Фратешти—Зимница. Но когда я, сегодня узналъ, что предположена стройка на театрѣ войны, то спросилъ Левицкаго, когда же, по его расчету, эта желѣзная дорога будетъ готова? — „Поляковъ говоритъ, что если проектъ будетъ утвержденъ немедленно, то—къ концу декабря“. — И вы вѣрите этому? По моему, не раньше какъ черезъ годъ, а до тѣхъ поръ мы войну кончимъ. За чтѣ бросать на вѣтеръ казенные милліоны? — „Такъ приказано“. — Зачѣмъ же вы взяли вести переговоры по спеціальному дѣлу, въ которомъ вы ничего не понимаете? — „Великій Князь мнѣ поручилъ, и я долженъ

исполнить". — А я бы, на вашемъ мѣстѣ, наотрѣвъ отказался. Причина очень уважительная: полное незнакомство съ дѣломъ". — „Я никогда не отказывался отъ исполненія того, что приказано: это—не въ моихъ правилахъ". — Скажите, говорю: а у васъ есть какой-нибудь документъ, доказывающій, что это дѣло затѣяли не вы, а по приказанію свыше?— „Нѣтъ, это все, пока, на словахъ". — А какъ вы полагаете, кого вся Россія сдѣлаетъ отвѣтчикомъ, если эта нелѣпая концессія будетъ дана Полякову? Неужели вамъ мало той тяжелой отвѣтственности, которая лежитъ на васъ по должности, что вы берете еще на себя и эту? Вѣдь какъ только это предпріятіе будетъ разрѣшено и получить огласку—по всей Россіи пойдетъ вопль негодованія. И все цѣликомъ обрушится на васъ. Вѣдь Поляковъ возьмется за что угодно: онъ ничѣмъ не рискуетъ и никакой отвѣтственности не подлежитъ. Возьметъ миллионный задатокъ, начнетъ строить и будетъ доить казну. Обязательство окончить постройку къ условленному сроку ничего не стоитъ. Всегда найдутся уважительныя причины, по которымъ оно будетъ признано неисполнимымъ, а оформить уважительность непреодолимыхъ препятствій не будетъ стоить никакого труда. Но вѣдь по существу сразу видно, что вся эта затѣя—нахальное покушеніе воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы ограбить казну. Предложеніе Полякова и разбирать не стоитъ: прогнать его немедленно—и дѣлу конецъ".

Во время этого спора Левицкій сперва сердился, а подь-конецъ задумался. Но не прошло и часу, пришелъ Поляковъ, и снова началась у нихъ „дѣловая" бесѣда. И не только о болгарскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но еще о какихъ-то переносныхъ складныхъ баракахъ на двѣсти тысячъ человѣкъ, стоимостью всего на шесть миллионъ рублей.

Слушая поневолѣ эти разговоры, я, наконецъ, задумался о томъ, кто же изъ насъ съ ума сошелъ: я или тѣ, кто можетъ серьезно и горячо разсуждать о дѣлѣ явно-неосуществимомъ.

Левицкій вѣдь не одинъ вѣрить въ возможность постройки желѣзной дороги въ два, три мѣсяца. Поляковъ, со свойственною всѣмъ дѣльцамъ ловкостью, уже сумѣлъ составить себѣ партію и въ Бухарестѣ, и у насъ. Его поддерживаютъ и прославляютъ его практическій умъ Раухъ, походный атаманъ Фокинъ, адъютантъ Великаго Князя Поповъ, состоящій при Непокойчицкомъ полковникъ Золотаревъ (служившій въ министерствѣ путей сообщенія при графѣ Бобринскомъ), помощникъ коменданта главной квартиры Поливановъ и многіе другіе. Пущена въ ходъ (конечно, со словъ самого Полякова) молва, что они готовы сдѣлать

для арміи все, что угодно, даже въ убытокъ себѣ, въ надеждѣ на баронскій титулъ (Владиміръ на шеѣ у него уже есть). И этой выдумѣ охотно вѣрятъ. Ему устроили даже приглашеніе завтракать и обѣдать за столомъ Великаго Князя.

А Поляковъ и барономъ будетъ, и миллионы изъ казны вытянетъ и всѣхъ своихъ сочувственниковъ обратитъ въ своихъ покорнѣйшихъ слугъ. Только дай ему волю да припусти къ концессіи.

Чуя во мнѣ принципиальнаго врага, онъ настойчиво старается со мною сблизиться, усиленно раскланивается и ласково заговариваетъ при каждой встрѣчѣ, но я ограничиваюсь холодно-вѣжливыми, односложными отвѣтами.

14 сентября, среда.—Сегодня третій день холодъ и дождь: грязь ужасная. Многіе простудились и хворають. Я совершенно здоровъ, но забну, ничего теплаго у меня нѣтъ.

Сегодня, по приказанію Великаго Князя, изгналъ изъ арміи корреспондента газеты „Standart“ Фредерива Бойля, рекомендованнаго англійскимъ гувернеромъ августѣйшихъ дѣтей, Митчюномъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Вчера Государь получилъ изъ Лондона отъ графа Шувалова письмо съ приложеніемъ нумера газеты „Standart“, въ которомъ напечатана корреспонденція Бойля изъ Порадима отъ 12 (24) августа. Во-первыхъ, онъ рассказываетъ расположеніе нашихъ войскъ и укрѣпленій, а во-вторыхъ, съ ехиднымъ злорадствомъ отзывается о нашей арміи. Между прочимъ, говоритъ, что „прошли безвозвратно тѣ времена, когда армія готова была умереть за царя: теперь въ средѣ ея—болѣзни, недостатки, неудовольствіе и ропотъ. Какъ бы я смѣялся, еслибъ меня самого не трепала лихорадка!“...

Государь, прочитавъ корреспонденцію, прислалъ ее къ Великому Князю, который тотчасъ послалъ за Нелидовымъ и мною и приказалъ мнѣ немедленно изгнать Бойля изъ арміи съ возможно большимъ скандаломъ и огласкою. Это было вчера вечеромъ. Такъ какъ Бойль очень кстати только-что вчера вернулся изъ-подъ Плевны въ главную квартиру, то я немедленно послалъ его разыскивать, но, конечно, его ночью не нашли, а сегодня утромъ помощникъ коменданта, полковникъ Поливановъ, привелъ его ко мнѣ. Вотъ, вкратцѣ, нашъ разговоръ (по-французски):—Великому Князю угодно знать, ваша ли это статья?—Бойль сразу сконфузился. „Кажется, моя. Да, моя“.— Не кажется ли вамъ, что вотъ это мѣсто (отчеркнутое синимъ карандашомъ)

составляетъ нарушеніе того обязательства, которое вы на себя приняли подъ честнымъ словомъ? — „Позвольте мнѣ прочесть“. Прочитавши, отвѣчаетъ: „Но вѣдь это статья отъ 12 (24) августа, а съ тѣхъ поръ прошло много времени, и поэтому“... Перебиваю:—Объ этомъ позвольте судить намъ. Надѣюсь, вы и сами признаете, что это наше право.—„О, да, конечно!“—Хорошо: теперь, не кажется ли вамъ, что въ этихъ строкахъ (показываю другое отчеркнутое мѣсто) очень откровенно высказывается крайнее недоброжелательство (*une malveillance la plus prononcée*) къ нашей арміи?—Бойль совершенно сконфуженъ и, заикаясь, сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ литераторъ, и у него иногда можетъ сорваться съ пера что-нибудь лишнее, но онъ можетъ заглянуть, что у него не было дурного намѣренія. На это я отвѣтилъ:—Государь и Великій Князь читали вашу статью и оскорблены тѣмъ тономъ, которымъ вы говорите о нашей арміи. А такъ какъ вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушили честное слово (не упоминать ничего о расположеніи нашихъ войскъ и увѣрженій), то Великій Князь приказалъ мнѣ предложить вамъ немедленно удалиться какъ изъ арміи, такъ и изъ Румыніи.—„Какъ! я не могу остаться даже въ Румыніи!“ — Нѣтъ, не можете. Великій Князь приказалъ полковнику Липояно проводить васъ отсюда до Бухареста, а тамошнія власти распорядятся проводить васъ до австрійской границы. Посему покорнѣйше прошу васъ сейчасъ же возвратитъ мнѣ знаки вашего корреспондентскаго званія (нарукавную повязку и фотографію, засвидѣтельствованную моею подписью и казенною печатью), и, затѣмъ, удалиться съ полковникомъ Поливановымъ, который проводить васъ къ полковнику Липояно.—„Но, надѣюсь, вы позволите мнѣ увѣдомить объ этомъ мою газету?“—Объ этомъ не беспокойтесь: мы немедленно сами телеграфируемъ въ Лондонъ о вашемъ удаленіи.—„Позвольте мнѣ хотя нѣсколько времени, чтобы собраться: вѣдь у меня экипажъ, лошади, прислуга“. — Необходимое время вамъ будетъ дано, но вы сами понимаете, что этотъ срывъ не можетъ быть великъ.—„О, да, я это понимаю“. — Слѣдовательно, вы сами мѣшкать не будете.—Заторопившись, Бойль снялъ съ себя повязку и, вмѣстѣ со своею фотографіей, положилъ на столъ. „Прошу васъ, по крайней мѣрѣ, доложить Великому Князю, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Вы, конечно, понимаете, какъ мнѣ все это неприятно!“ — О, да, я очень хорошо понимаю; мнѣ самому крайне неприятно разставаться съ вами такимъ образомъ. А Великому Князю я доложу, что вы не имѣли дурныхъ намѣреній. Прощайте, желаю вамъ добраго здоровья.

Въ два часа дня Липояно увезъ Бойля.

Великій Князь остался очень доволенъ, поѣхалъ къ Государю завтракать; по возвращеніи сейчасъ послалъ за мною и еще разъ поблагодарилъ, сказавъ, что Государь очень доволенъ тою манерою, которою я выпроводилъ Бойля. Затѣмъ, приказалъ составить слѣдующія три телеграммы:

1) Петербургъ, министру внутреннихъ дѣлъ: „Предложите объявить во всѣхъ газетахъ, что корреспондентъ английской газеты „Стандартъ“, Фредерикъ Бойль, по моему приказанію высланъ изъ арміи и изъ Румыніи за корреспонденцію отъ 24 августа, изъ Порадима, въ которой онъ, нарушивъ данное имъ честное слово, сообщилъ о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій. Кромя того, относится съ злорадной ненавистью къ нашей арміи, пренебрегая оказаннымъ ему гостепримствомъ“.

2) Londres, ambassadeur Russe.

„Communiquez rédaction „Standart“: son correspondant Boyle, à cause de sa correspondance de Poradim 24 Août, est expulsé de Bulgarie et Roumanie. Aucun autre correspondant de ce journal ne peut être admis“.

3) Poradim, prince Charles de Roumanie:

„J'ai expulsé correspondant de „Standart“ Frédéric Boyle à cause de sa correspondance du 24 Août de Poradim. Je l'envoie aujourd'hui à Bucarest avec Lipoyano. Je te prie d'ordonner de défendre à Boyle le séjour à Roumanie et le faire expédier jusqu'à la frontière“.

Подписавъ и отправивъ эти телеграммы, Великій Князь, сверхъ того, приказалъ мнѣ напечатать весь мой разговоръ съ Бойлемъ въ „Летучемъ Листѣ“.

Еще одинъ газетный скандалъ: въ полученномъ вчера номерѣ газеты „Русскія Вѣдомости“ я нашелъ перепечатку корреспонденціи „Times“ о разговорѣ корреспондента этой и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ газетъ съ старикомъ-Криденеромъ. Между прочимъ, тамъ напечатано, что Криденеръ „дрожащимъ голосомъ“ просилъ четырехъ корреспондентовъ „быть истолкователемъ его образа дѣйствій подъ Плевною 18-го іюля, такъ какъ всѣ напечатанныя до сихъ поръ описанія этого сраженія, а равно и многіе его сослуживцы—несправедливы къ нему. Генералъ показывалъ намъ копии съ полученныхъ имъ приказовъ. Это произвело на насъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что прежде генералъ Криденеръ не очень-то жаловалъ корреспондентовъ и неохотно допускалъ ихъ. Теперь старый ветеранъ, сознавая могущество печати, преклонился передъ ея представителями и самъ просилъ

ихъ оказать ему услугу“. Затѣмъ слѣдуетъ совершенно извращенное описаніе сраженія 18-го іюля, записанное со словъ Криденера и противорѣчащее его же собственному донесенію.

Я прочелъ сперва эту корреспонденцію Непокойчицеому, который только покачалъ своею сѣдою головою и велѣлъ мнѣ самому доложить Великому Князю. Когда я прочелъ, онъ возмутился и ввѣлъ у меня нумеръ газеты, сказавъ, что покажетъ Государю.

Скоро ожидается Тотлебенъ. Когда онъ прибудетъ, мы опять уѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ подѣ Плевну для осмотра позицій и рѣшенія подробностей дальнѣйшихъ дѣйствій.

Пятница, 16 сентября.—Вчера и сегодня холодно: всего 1° тепла, но по крайней мѣрѣ не льетъ. На Шипѣвъ морозъ и снѣгъ.

Вчера прибыли: Цесаревичъ съ Ванновскимъ и Тотлебенъ. Сегодня у Государя былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: 1) Цесаревичу вступить въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, сдавъ рущукскій отрядъ генераль-адъютанту князю Дондукову-Корсакову, а великому князю Владимиру Александровичу сдать 12-й корпусъ Ванновскому и принять свою 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; 2) по прибытіи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуть ее между 20—25 сентября вмѣстѣ съ 3-ею (которая уже пришла) и съ гвардейскою стрѣлковою бригадою на лѣвый берегъ Вида, для прегражденія сообщеній плевнинскаго укрѣпленнаго лагеря съ Софіей; 3) туда же направить и 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, ожидаемую къ 5 октября. 2-я гвардейская кавалерійская дивизія уже прибыла и завтра представляется на царскій смотръ.

Великій князь Николай Николаевичъ Младшій произведенъ сегодня въ полковники.

Отовсюду приходитъ довольно странный слухъ, будто бы турки такъ утомлены войной, что ожидаютъ только первой *своей* неудачи, чтобы предложить мирные переговоры. Слуху этому многіе весьма охотно вѣрятъ. Струковъ, ѣздившій провѣтриться и разсѣяться въ Бухарестъ, привезъ оттуда слухъ еще болѣе странный: будто бы Османа-пашу можно подкупить, чтобы сдать Плевну. Приѣзжали якобы въ Бухарестъ два константинопольскихъ банкира и рассказывали, что денежныя дѣла Османа очень плохи, а самъ онъ прежде всего жуиръ и большими деньгами его соблазнить можно. Несмотря на крайнюю сомнительность этого свѣдѣнія, оно сегодня было предметомъ серьезнаго

Бухарестъ существуетъ цѣлое англійское секретное бюро, состоящее въ вѣдѣніи тайнаго корреспондента газеты „Daily Telegraph“, Кингстона, которое занимается собираніемъ свѣдѣній о нашей арміи и сообщаетъ ихъ, черезъ турецкаго посланника въ Вѣнѣ, въ Константинополь. Онъ, Тэвисъ, предлагаетъ слѣдующій планъ: пусть его формально изгонятъ изъ нашей арміи, подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ сообщены свѣдѣнія о его прежней службѣ въ турецкой арміи и о теперешнихъ его связяхъ съ нею; а онъ тогда вернется въ Бухарестъ, явится къ Кингстону въ качествѣ оскорбленнаго человѣка и попроситъ у него рекомендательное письмо къ великому визирю Эдхему-пашѣ, съ цѣлью допущенія его корреспондентомъ въ турецкую армію. Стоитъ ему только попасть туда, — онъ уже сумѣетъ устроить регулярную передачу намъ, кружнымъ путемъ, самоважнѣйшихъ извѣстій. Когда я спросилъ, на какихъ же условіяхъ онъ желалъ бы намъ служить — Тэвисъ съ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ удовольствуется умѣренною суммою на разѣзды и расходы и проситъ только, по окончаніи кампаніи, если услуги его будутъ небезполезны, — дать ему орденъ на шею.

Когда я доложилъ о предложеніяхъ этого авантюриста, Великій Князь, по совѣщаніи съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ, рѣшилъ не отвергать его въ принципѣ, тѣмъ болѣе, что мы сами ничѣмъ не рискуемъ въ томъ случаѣ, если онъ окажется предателемъ: только — что пріѣхавъ сюда, онъ ничего еще не знаетъ и ничего важнаго о насъ сообщить туркамъ не можетъ. Поэтому Великій Князь поручилъ мнѣ вступить съ Тэвисомъ въ подробные переговоры, но съ соблюденіемъ осторожности и тайны.

Послѣ-завтра Великій Князь съ Тотлебеномъ и Непокойчицкимъ ѣдутъ подъ Плевну. Сопровождать ихъ назначены: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, Скобелевъ-отецъ, Нелидовъ, драгоманъ Маѣевъ, я, адъютанты Великаго Князя — Ласковскій, Поновъ и Андреевъ, сынъ Непокойчицкаго и два ординарца Великаго Князя. Левицкаго оставляютъ здѣсь, подъ предлогомъ; будто бы присутствіе его необходимо въ штабѣ. Онъ очень этимъ смущенъ.

17 сентября, суббота. — Ночью былъ морозъ, но зато къ утру погода, наконецъ, смиловалась: воздухъ чистъ, небо ярко-голубое, солнце ярко сіяетъ и блещетъ на Балканскихъ предгорьяхъ (ясно видныхъ отсюда) покрытыхъ со вчерашняго дня снѣгомъ. Днемъ стало совсѣмъ тепло: 18°.

Сегодня Государь произвелъ смотръ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Сегодня же былъ у меня возвратившійся изъ Бухареста М. Д. Скобелевъ 2-й ¹⁾ со своимъ неизмѣннымъ сподвижникомъ Куропаткинѣмъ: ѣдетъ подъ Плевну принимать 16-ю пѣхотную дивизію, начальникомъ коей назначенъ. Куропаткинъ, въ чинѣ капитана, назначенъ исправляющимъ должность начальника его штаба.

Вышли награды корреспондентамъ: Россоловскому, Иванову, Каррику и Форбсу—Станислава 3-й ст. съ мечами; Давиугауэру и Марсэ,—какъ отставнымъ офицерамъ прусской службы—Анны 3-й ст. съ мечами. Представили еще одного: корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Максимова, который былъ раненъ.

Американскаго „генерала“ Тэвиса отправилъ сегодня въ Бухарестъ. Оттуда онъ обѣщалъ прислать подробныя свѣдѣнія объ англійскомъ развѣдочномъ бюро Кингстона, а затѣмъ отправится въ Константинополь.

Сегодня же велѣно выдать 4.000 франковъ корреспонденту „Wiener-Tagblatt“ Лужешу,—по совѣту нашего военнаго агента въ Вѣнѣ Фельдмана. Газета эта расходуется въ 40.000 экз. ежедневно, и поѣтому Фельдманъ находитъ полезнымъ расположить въ нашу пользу ея корреспондента. Деньги эти назначаются ему въ пособіе на покупку экипажа и лошадей.

Такимъ образомъ, у насъ завелись уже двѣ „рептиліи“.

18 сентября, воскресенье.—Сегодня утромъ поѣхали въ трехъ коляскахъ подъ Плевну: въ первой Великій Князь съ Непокойчицкиѣмъ, во второй—великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ адъютантомъ отца, Андреевымъ; въ третьей—я съ сыномъ Непокойчицаго. Прочія лица, назначенныя сопровождать Великаго Князя, уѣхали еще вчера. На полдорогѣ, у Булгарени, позавтракали на травѣ холодною говядиною съ хлѣбомъ и запии виномъ. Около 4-хъ часовъ дня прибыли подъ Плевну. Палатки наши уже были разбиты за старую осадною батареею, которая перенесена немного лѣвѣе. Еслибы турки знали, что здѣсь устроился на бивакѣ главнокомандующій, то могли бы засыпать насъ гранатами изъ своихъ дальнобойныхъ пушекъ. Князь Карлъ, Тотлебенъ ²⁾ и все высшее начальство встрѣчало.

¹⁾ После тяжкихъ августовскихъ дней, онъ ѣздилъ туда на нѣсколько дней отдохнуть. 1-го сентября, онъ, князь Имеретинскій и Драгомировъ были произведены въ генералъ-лейтенанты.

²⁾ Онъ выѣхалъ со своимъ адъютантомъ Шильдеромъ отдѣльно и прибылъ часа за два раньше насъ.

Тотчасъ по прибытіи, Великій Князь распекъ начальника штаба 4-го корпуса, приказавъ ему передать Зотову (который былъ тутъ же) свое неудовольствіе за его небрежное и невѣжливое отношеніе къ князю Карлу. Во-первыхъ, Зотовъ со своимъ штабомъ жилъ и живетъ отдѣльно отъ князя: князь въ Порадимѣ, а Зотовъ сперва въ Згалевице, а теперь на бивакѣ, въ двухъ верстахъ позади нашего. Во-вторыхъ, Зотовъ не только не установилъ никакихъ правильныхъ сношеній съ княземъ, но послѣдніе семь дней даже не былъ у него ни разу.

Затѣмъ, Великій Князь сдѣлалъ выговоръ барону Криденеру, за его газетную полемику и несправедливое сваливанье всей вины за неудачу 18 іюля на князя Шаховского. Но, должно быть, распечка была мягкая (гнѣвъ Великаго Князя давно прошелъ), потому что Криденеръ и сегодня, и въ послѣдующіе дни все заговаривалъ съ Великимъ Княземъ, и тотъ съ нимъ разговаривалъ безъ всякой сухости, хотя и безъ свойственной ему сердечности.

Князь Карлъ и всѣ старшія начальствующія лица были приглашены Великимъ Княземъ къ обѣду, который былъ поданъ подъ открытымъ небомъ въ 7¹/₂ час. вечера, т.-е. уже въ совершенной темнотѣ. Обѣдъ былъ какъ всегда, т.-е. сперва водка и закуска (сыръ, сардинки, омары, колбаса), потомъ: супъ изъ баранины, жареная баранина съ картофелемъ, компотъ изъ консервовъ и кофе.

День былъ чудный, теплый, но вечеръ—очень холодный и сырой.

Послѣ обѣда, въ видѣ развлечения, опрашивали плѣнныхъ и бѣглыхъ турокъ. Всѣ они показывали одно и то же: больныхъ много, продовольствія мало, сапоги и одежда износились, теплой одежды и обуви вовсе нѣтъ. И дѣйствительно, всѣ они были босы и оборваны.

Около 9¹/₂ час. вечера, напившись чаю, всѣ разбрелись спать.

19 сентября, понедельник. — Холодное утро. Встали въ 7 час. Въ 9 час. Великій Князь съ сыномъ, княземъ Карломъ, Непокойицимъ, Тотлебенемъ, барономъ Криденеромъ, Зотовымъ и свитою отправился объѣзжать позиціи и батареи 4-го и 9-го корпусовъ. Объѣхали все, побывали даже въ нѣкоторыхъ передовыхъ траншеяхъ, конечно, спѣшившись. На нѣсколькихъ батареяхъ останавливались и разглядывали турецкія укрѣпленія и заколдованное мѣсто—Плевну, которая была видна очень ясно, особенно съ крайней лѣвофланговой батареей, вооруженной ту-

рецами дальнѣйшими стальными орудіями, отбитыми при взятіи Никополя. Разсматривали въ бинокль и самихъ турокъ, гнѣвно бродившихъ небольшими бучками около своихъ укрѣпленій. Наши позиціи теперь настолько пододвинуты въ турецкимъ, что непріятельскія пули далеко перелетаютъ черезъ головы. Но турки не стрѣляли, несмотря на то, что громадная конная сила и конвой должны были бросаться имъ въ глаза, тѣмъ болѣе, что мы двигались и останавливались сплошною толпою, вовсе не срываясь. Чѣмъ это объяснить — не знаю, но замѣтилъ, что Великому Князю такое невниманіе не понравилось. Ему видимо хотѣлось вызвать огонь турокъ. На одной изъ батарей онъ даже усѣлся на гребень бруствера и собралъ всѣхъ вокругъ себя, а на докладъ батарейнаго командира, что батарея находится въ сферѣ ружейнаго огня — отвѣчалъ, что теперь стрѣльбы нѣтъ.

Объядъ, въ сущности безрезультатный, продолжался почти до 3-хъ часовъ дня. Адъютантъ Тотлебена Шильдеръ говорилъ мнѣ, что его принципаль считаетъ какъ сегодняшнюю, такъ и предстоящія поѣздки только прогулками верхомъ, а настоящую развѣдку начнетъ производить уже по отъѣздѣ Великаго Князя.

Великій Князь объявилъ, что Тотлебенъ будетъ „помощникомъ“ князя Карла, номинальнаго начальника всего западнаго отряда. Начальникомъ штаба — князь Имеретинскій. Гурко — начальникомъ всей кавалеріи западнаго отряда, вмѣсто Крылова (начальника 4-й кавалерійской дивизіи), который разговариваетъ о военныхъ дѣйствіяхъ очень умно, но до сихъ поръ ничего еще не предпринималъ и кавалерія подъ его начальствомъ ничего не дѣлаетъ, а о непріятелѣ ничего не знаетъ. Зотовъ возвратится къ своей должности командира 4-го корпуса.

Сегодня утромъ онъ (Зотовъ) послалъ въ Плевну своего ординарца, маріупольскаго гусарскаго полка юнкера Татищева ¹⁾, съ письмомъ къ Осману-пашѣ: приметъ ли онъ парламента отъ Великаго Князя. Татищева, ѣхавшаго съ бѣлымъ флагомъ и трубачомъ, остановили на сторожевыхъ постахъ и дальше не пустили. Начальникъ сторожевой цѣпи взялъ у него письмо и приказалъ подождать. Часа черезъ два привезли отвѣтное письмо Османа-паши, которое Татищевъ представилъ Зотову, а Зотовъ — Великому Князю. Вотъ оно:

„Quartier général de Plewna.

„(19 Sept.) 1 Oct. 1877.

¹⁾ Пошелъ въ юнкера передъ самую войну изъ секретарей нашего посольства въ Вѣнѣ. Впоследствии — видный публицистъ и писатель.

„Général.

„Au reçu de votre honorée lettre, j'ai l'honneur de porter à votre connaissance, qu'une tente sera dressée le (21 Sept.) 3 Oct. du mois courant sur la route entre Plewna et Griwitza, à l'endroit où la présente lettre sera remise, dans le but de recevoir le parlementaire annoncé.

„Comme cependant dans votre mission il n'est pas indiqué, dans quel but le parlementaire en question sera dépêché, j'aurai l'honneur d'envoyer à sa rencontre un officier pour savoir, quel sujet sera débattu, et ce n'est qu'alors que je pourrai donner une réponse décisive. Veuillez agréer, Général, l'assurance de ma haute considération.

„Osman - Pacha, Commandant-en-chef de l'armée Impériale Ottomane de Plewna.

„Général Zotoff, Chef d'Etat-Major du corps d'Occident de l'armée Impériale, etc, etc, etc“.

20 сентября, вторник. — Всю ночь и утро шелъ дождь. Въ 9 час. утра опять отправились объѣзжать позиціи. Прежде всего остановились на второй осадной батарее и тамъ сошли съ коней. Увидавъ въ бинокль, что около одного укрѣпленія копошится и работаетъ много турокъ, Великій Князь приказалъ открыть по нимъ огонь, за дѣйствіемъ котораго и наблюдалъ около $\frac{1}{2}$ часа. Сдѣлано было тридцать выстрѣловъ (въ переводѣ на деньги — истрачено около 4.000 руб.), но турки работъ не превратили и на огонь не отвѣчали.

Поѣхали дальше по линіи нашихъ укрѣпленій, мимо деревни Гривицы, столько разъ залитой русскою кровью и послѣдній разъ сильно пострадавшей отъ турецкаго огня 30-го августа, хотя тамъ былъ тогда только перевязочный пунктъ. Теперь вся деревня имѣетъ мирный видъ: всѣ дома заняты офицерами, а улицы загромождены повозками, хотя турки могли бы и теперь засыпать Гривицу снарядами, еслибы захотѣли.

За Гривицей начался участокъ румынскихъ войскъ. Совѣстно было смотрѣть, насколько у нихъ больше порядка, чѣмъ у насъ. Бивачныя мѣста выбраны тщательно и устроены красиво и аккуратно; ружья и солдатскія вещи разставлены и разложены систематически; палатки и землянки расположены правильными, выровненными линіями и рядами; между баталіонами и полками — уставные интервалы. Внутренняя отдѣлка землянокъ — на отличку. Вездѣ чисто, порядливо и изящно. Даже для лошадей на конювьяхъ устроены соломенные навѣсы; этого у насъ и для царскихъ лошадей нѣтъ.

Войска встрѣчали Великаго Князя не толпою, какъ наши, а въ колоннахъ впереди своихъ землянокъ и палатокъ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ. Пошли мы посмотрѣть румынскія укрѣпленія—еще стыднѣе стало. Ко всѣмъ батареямъ и траншеямъ для стрѣлковъ—прорыты углубленные ходы, отлично прикрытые траверсами отъ непріятельскихъ взоровъ и выстрѣловъ. Всѣ земляныя сооруженія щегольски отдѣланы, точно игрушечныя. Пройдя въ самую передовую траншею, я, будучи близорукъ, отлично видѣлъ безъ бинокля ближайшій турецкій редутъ: такъ близко подошли румыны траншеями къ туркамъ. Великій Князь приказалъ открыть огонь съ батареи: наблюдая за паденіемъ гранаты, я ясно видѣлъ, какъ одна изъ нихъ шлепнулась въ упомянутый редутъ и внутри его разорвалась. Но турки и тутъ не отвѣчали, такъ что у меня даже явилось подозрѣніе: не брошенъ ли ими этотъ редутъ совсѣмъ?

По осмотрѣ румынскихъ позицій, князь Карлъ пригласилъ Великаго Князя и насъ всѣхъ завтракать въ штабъ своей арміи (самъ онъ живетъ попрежнему въ Порадимѣ), въ дер. Врбицу. Тамъ Великаго Князя встрѣтилъ почетный караулъ со знаменемъ; музыка играла нашъ народный гимнъ. Завтракъ состоялся въ особо-приготовленной палаткѣ; за столомъ насъ всѣхъ разсадили строго по чинамъ.

Послѣ завтрака князь Карлъ, подойдя ко мнѣ, лично вручилъ командорскій крестъ вновь учрежденнаго имъ ордена—„Румынской звѣзды“, съ мечами. Когда я благодарилъ его, прибавивъ въ заключеніе:—*Je ne m'y attendais jamais, que j'aurai l'honneur de recevoir une décoration Roumaine*, — князь очень скромно отвѣтилъ: „*Et moi, — je ne songeais jamais, que je pourrai distribuer des décorations*“.

Изъ румынскаго штаба мы уже поѣхали на свой бивакъ въ коляскахъ. Проѣзжая по гривицкому шоссе, Великій Князь замѣтилъ позади него бивакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, остановился и велѣлъ подвести всю бригаду къ шоссе. Около 20-ти минутъ наши четыре коляски ждали на шоссе, пока добѣжали до насъ офицеры и солдаты, окружившіе коляску Великаго Князя густою толпою. Онъ своимъ звонкимъ голосомъ задумевно поблагодарилъ эту храбрую и многострадальную бригаду за всѣ ея тяжкіе подвиги и труды. Восторженнымъ „ура“ отвѣчали архангелогородцы и вологодцы. Непостижимо, что турки не соблазнились открыть огонь даже по этой двухтысячной толпѣ, ступившей на возвышенномъ шоссе, которое должно быть видно съ турецкихъ позицій какъ на ладони.

Въ 4-мъ часу вернулись на свой бивакъ, и я сейчасъ же засѣлъ за работу, ибо мнѣ, кромѣ моихъ постоянныхъ занятій, приходится еще здѣсь исправлять обязанности Левицкаго, оставленнаго въ Горномъ-Студнѣ.

Поздно вечеромъ вдругъ началась усиленная ружейная перестрѣлка на правомъ флангѣ, продолжавшаяся около сорока минутъ. Всѣ мы вышли изъ палатокъ и стали усиленно всматриваться въ непроглядный мракъ, но, конечно, ничего не видѣли, кромѣ безпрестанно сверкавшихъ съ обѣихъ сторонъ огоньковъ. Когда перестрѣлка затихла — пошли спать. На другой день узнали, что перестрѣлка была начата румынами, которымъ въ темнотѣ померещилось, что турки къ нимъ подкрадываются.

21 сентября, среда. — День сѣрый, теплый и тихій: вечеромъ крупный, настойчивый дождь. Гурко прѣехалъ, и Тотлебенъ, взявъ съ собою его и князя Имеретинскаго, немедленно отправился производить рекогносцировку на лѣвый берегъ Вида. Мы остались на бивакѣ: цѣлый день, по указаніямъ Непокойчицкаго, я составлялъ и разсылалъ во всѣ стороны телеграммы. Дѣлъ накопилась масса. Отъ Дрентельна (командующій войсками въ тылу арміи) изъ Бухареста получена телеграмма, что турки сосредоточили въ Силистріи значительныя силы и собираются сдѣлать оттуда диверсію на лѣвый берегъ Дуная, угрожая нашему тылу и сообщеніямъ. Въ виду полного правдоподобія такого извѣстія, Дрентельну предоставлено задержать въ Румыніи идущія походомъ 24-ю пѣхотную и 1-ю кавалер. дивизіи, впредь до разъясненія обстоятельствъ. Начальнику ниже-дунайскаго отряда Циммерману предписано произвести къ сторонѣ Силистріи угрожающую демонстрацію.

Сегодня, въ 11 час. утра, нашъ драгоманъ Магѣвъ съ бѣлымъ флагомъ, въ сопровожденіи юнкера Татицева и шести рослыхъ красавцевъ гвардейскихъ казаковъ, отправился къ туркамъ для переговоровъ. На условленномъ мѣстѣ (на гривицкомъ шоссе) его уже ожидалъ полковникъ генеральнаго штаба Тевфикъ-бей съ адъютантомъ, еще двумя офицерами и четырьмя нижними чинами. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій на турецкомъ языкѣ и во вкусъ восточной вѣжливости ¹⁾, Тевфикъ-бей спросилъ Магѣва: „Вамъ извѣстно содержаніе письма Османа-паши?“ — Да, содержаніе этого письма мнѣ извѣстно отъ Великаго Князя. — „А что,

¹⁾ Весь нижеприведенный разговоръ записанъ мною въ полевую записную книжку тотчасъ по возвращеніи Магѣва, съ его словъ, совершенно такъ, какъ онъ докладывалъ Великому Князю.

вы прибыли вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, или только сегодня? — Нѣтъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. И онъ приказалъ мнѣ переговорить съ самимъ Османомъ-пашой, а потому, — извините — при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я прошу позволенія видѣться и говорить съ самимъ пашой. — „Будьте добры сами написать пашѣ, потому что онъ приказалъ мнѣ говорить съ вами“.

Макѣевъ написалъ Осману записку по-турецки, и адъютантъ поскакалъ съ нею въ Плевну. Не болѣе какъ черезъ полчаса пріѣхалъ съ письменнымъ отвѣтомъ уже другой адъютантъ, Ахметъ-бей, старый константинопольскій знакомый Макѣева. Османъ-паша отвѣчалъ (въ третьемъ лицѣ), что очень извиняется, по нездоровью самъ пріѣхать не можетъ, а проситъ передать все, что нужно, Тевфикъ-бею.

Такимъ образомъ, о затаенной цѣли переговоровъ не могло быть и рѣчи, и пришлось ограничиться разговорами объ уборкѣ тѣлъ убитыхъ.

Макѣевъ началъ съ выраженія соболѣзнованія о нездоровьи Османа-паши, пожалѣлъ, что лишень вслѣдствіе этого удовольствія и чести видѣть его и просилъ пожелать скорѣйшаго и полнаго восстановленія здоровья, а также выразить надежду, что онъ будетъ имѣть удовольствіе его видѣть и бесѣдовать съ нимъ когда-нибудь въ другой разъ. Затѣмъ выступилъ съ предложеніемъ объ уборкѣ тѣлъ, обусловливая это санитарною необходимостью для обѣихъ сторонъ.

Тевфикъ-бей возразилъ, что допустить нашихъ до уборки труповъ — значитъ предоставить намъ осматривать вблизи всѣ турецкія укрѣпленія, — а это невозможно.

На это Макѣевъ отвѣтилъ, что уборкою будутъ заниматься не офицеры и солдаты, а врачи и санитары.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ отшѣнно тонко и умно:

— Я не дипломатъ, — сказалъ онъ, — буду говорить вполне откровенно. Мнѣ странно, что вы поднимаете этотъ вопросъ теперь, а не три недѣли тому назадъ, когда это было бы понятнѣе. Невольно является сомнѣніе, почему это? Ваши мертвыя тѣла гораздо ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, чѣмъ къ вашимъ: если мы допустимъ васъ до уборки, то, значитъ, позволимъ вамъ вблизи разглядывать и наши укрѣпленія, и все, что у насъ дѣлается. Скажите по совѣсти: развѣ вы позволили бы это на нашемъ мѣстѣ? Вы налегаете на санитарныя соображенія, и я вполне вамъ сочувствую. Но по этимъ соображеніямъ нѣтъ надобности непременно убирать свои трупы. Я вамъ лучше вотъ что предложу, и не только на этотъ разъ, но и на будущее

время: условимся назначать дни и часы для уборки и погребенія тѣлъ, прекращая на это время огонь. И пусть обѣ стороны убираютъ и хоронятъ тѣла въ своемъ районѣ, и своихъ и чужихъ. А мы съ удовольствіемъ готовы даже хоронить вашихъ убитыхъ по обряду вашей вѣры: намъ стоить только послать для этого болгарскихъ священниковъ.

Макѣвъ:—Я вполне одобряю ваше предложеніе, но самъ не могу изъявить согласія, а долженъ доложить Великому Князю.

Тевфикъ-бей:—Мы подождемъ отвѣта. Дайте только знать, и мы примемъ парламентаря опять съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ принимаемъ теперь васъ. Извините меня за нескромный вопросъ. Вы стрѣляете по городу. Конечно, это ваше право, но я вамъ заявляю, что у насъ въ городѣ войскъ нѣтъ (они всѣ стоятъ лагерями), а только одни больные и раненые, да жители—болгары съ семействами. Общаго госпиталя, который мы могли бы обозначить бѣлымъ флагомъ съ красною луною, у насъ нѣтъ: больные и раненые размѣщены по 10—20 человекъ во всѣхъ почти домахъ. Такъ что вы вредите только больнымъ и раненымъ да оставшимся въ городѣ болгарамъ, а не нашимъ войскамъ.

Макѣвъ:—На это я ничего вамъ отвѣтить не могу, потому что не знаю. Я вѣдь не военный. Думаю только, что если стрѣляютъ по городу, то не безъ причины.

Тевфикъ-бей:—Конечно не безъ причины, я тоже такъ думаю.

Затѣмъ Макѣвъ спросилъ, отчего не приняли румынскаго парламентаря, котораго посылалъ князь Карль.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ тономъ притворнаго удивленія: „Какіе румыны? мы такихъ не знаемъ. Слышали, что къ вамъ зачѣмъ-то пристроились молдаване и валахи, но намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Мы съ вами воюемъ и отъ васъ всегда примемъ всякаго, кого бы вы намъ ни прислали. Мы даже приняли вашего чауша (т.-е. унтеръ-офицера), котораго вы къ намъ третьяго дня прислали (т.-е. юнкера Татицева, который былъ и теперь тутъ же). И на будущее время примемъ всякаго съ удовольствіемъ, но только отъ васъ.

Затѣмъ пошли частные разговоры. Между прочимъ, Тевфикъ-бей спросилъ: „Не холодно ли вамъ?“—Макѣвъ отвѣчалъ, что мы именно отъ холодовъ и ожили: тяжело было въ жару, а холодъ намъ привыченъ и пріятенъ. Тогда Тевфикъ-бей сознался, что они наоборотъ: страдаютъ отъ холода. Затѣмъ спросилъ: „Какъ у васъ насчетъ ѣды?“—Макѣвъ отвѣчалъ, что ѣды вволю, а что тѣ, кто состоятъ при Великомъ Князѣ, каждый день у него

обѣдаютъ. „А много ли у него обѣдаетъ?“ — Да иногда до двухсотъ человекъ. — „Вотъ какъ! Ну, у насъ этого нѣтъ: Османъ-паша приглашаетъ къ своему столу ежедневно только по два человека по очереди“.

Во время этого разговора Макѣва угощали кофе, шерботомъ и папиросами. Послѣднiя были, однако, настолько плохи, что Макѣвъ предложилъ Тевфиву и другимъ двумъ офицерамъ свои, которыя они и выкурили съ большимъ удовольствiемъ. Нашихъ лейбъ-казаковъ угощали турецкiе солдаты: галетами, медомъ и табакомъ. Очень удивлялись ихъ красотѣ и росту и любовались ихъ лошадьми. Одинъ турецкiй солдатъ полюбпытствовалъ, кто они: черкесы или казаки?

Около 3-хъ час. дня Макѣвъ вернулся и въ моемъ присутствiи доложилъ Великому Князю весь вышеприведенный разговоръ. Такимъ образомъ секретная цѣль его миссиi обратилась въ мыльный пузырь. Сегодня посланы Государю слѣдующiя телеграммы (составленныя самимъ Великимъ Княземъ).

1) Далъ знать генералу Дрентельну, что оставляю въ его распоряженiи, пока не объяснится дѣло, 24 пѣхотн. и 1 кавал. дивизиi. Здѣсь все тихо. Радецкiй доноситъ, что и у него тихо, и что разѣзды, посланные по всѣмъ горнымъ тропамъ между Шипкою, Хайнкюемъ и Еленою, нигдѣ непрiятеля не встрѣчали. Шаховской доноситъ, что на османъ-базарской дорогѣ спокойно, движенiй никакихъ не видать. 26-я дивизиa подвинулась до Водицы и Ковачицы. Движенiе Мехмета-Али въ Руцуку, о которомъ доноситъ Наслѣдникъ, еще недостаточно объясняетъ его намѣренiя.

2) Сейчасъ нашимъ выстрѣломъ взорванъ большой пороховой погребокъ въ турецкомъ редутѣ. Турки сегодня открывали изрѣдка огонь. Крыловъ доноситъ, что 19-го турки выходили на фуражировку въ Долный Этрополь; у насъ было при этомъ хорошее дѣло Червоzubова. Три полка Крылова стоятъ на софiйскомъ шоссе, никакихъ транспортовъ съ 10 числа не проходило. Тотлебенъ еще не вернулся съ рекогносцировки.

22 сентября, четвергъ. — Всю ночь и все утро шелъ дождь. Въ 10 часовъ утра собрались къ Великому Князю на совѣщанiе. Князь Карлъ, Неповойчицкiй, Тотлебенъ и Гурко. Къ завтраку совѣщанiе кончилось. Окончательно рѣшено: гвардiю привести подъ Плевну; князю Имеретинскому немедленно сформировать новый штабъ западнаго отряда; Гурко вступить въ командованiе всею кавалерiею его; вопросъ о командованiи гвардейскимъ кор-

пусомъ и 1-ю гвард. пѣх. дивизію—какъ благоугодно будетъ Государю.

23 сентября, пятница.—Выѣхали въ 10 часовъ утра изъ-подъ Плевны, завтракали у князя Карла въ Порадинѣ. Тамъ Великому Князю попался на глаза маленькій тринадцатилѣтній казачекъ, котораго отецъ-вдовецъ взялъ съ собой съ Дона въ походъ. Дорогой онъ какъ-то отсталъ отъ своего полка, назначеннаго въ рущукскій отрядъ, и пристроился къ другому донскому же полку, шедшему подъ Плевну. Полкъ этотъ его приютилъ, одѣлъ по своей формѣ и сообщилъ его полку, что мальчикъ живъ и здоровъ, но получилъ отвѣтъ, что отецъ его уже убитъ. Такимъ образомъ мальчикъ оказался круглымъ сиротою. Великій Князь сейчасъ же взялъ его къ себѣ, велѣлъ сѣсть на козлы своей коляски и намѣренъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать его въ Петербургъ и помѣстить на свой счетъ въ какую-нибудь школу. При разспросахъ обнаружилось, что его уже хотѣлъ взять къ себѣ одинъ изъ флигель-адъютантовъ князя Карла, но мальчикъ отказался: предпочелъ остаться въ приютившемъ его полку.

Ѣхали очень долго: лошади нѣсколько разъ останавливались; прибыли въ Горный-Студень только къ 5-ти часамъ утра 24 сентября.

24 сентября, суббота.—Цѣлый день дождь и невыносимый холодъ. Въ вибиткѣ нашей всего 4° тепла, а къ вечеру—только 2°.

Государь рѣшилъ оставить Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Владимира Александровича на своихъ мѣстахъ. Кто будетъ командовать гвардейскимъ корпусомъ—еще неизвѣстно.

Холодъ и дождь: 3° тепла въ вибиткѣ. Писать, какъ мнѣ приходится, цѣлый день—очень трудно. Ничѣмъ согрѣться не могу. Каково же бѣднымъ войскамъ, особенно на Шапкѣ! Теплой одежды ни у кого нѣтъ. Вчера 1-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ Горнаго-Студня подъ Плевну.

26 сентября, понедельник.—Сегодня теплѣе: въ вибиткѣ 6° тепла.

Прибыли въ главную квартиру въ качествѣ любознательныхъ знатныхъ иностранцевъ: принцъ Арнульфъ Баварскій и находившійся все время (неизвѣстно—зачѣмъ) при румынскихъ войскахъ испанскій принцъ-претендентъ Донъ-Кярольсъ. Оба были

приглашены сегодня Великимъ Княземъ къ обѣду. Принцъ Арнульфъ просится на Шипцу. Пріѣхалъ также присланный Тотлебенемъ для переговоровъ князь Имеретинскій.

27 сентября, вторникъ.—По просьбѣ Тотлебена, переданной княземъ Имеретинскимъ, разрѣшено: 1) оставить всѣ армейскія войска на своихъ мѣстахъ, такъ какъ они уже освоились со своими участками позиціи и построили на нихъ землянки: всякое передвиженіе будетъ стѣснительно для нихъ и вредно для дѣла ¹⁾, 2) гвардію ²⁾ перевести за р. Видъ, на софійское шоссе, поручивъ общее командованіе ею Гурко, который опять проситъ себѣ Наглевскаго въ начальники штаба; 3) Скобелева съ 16-ю пѣх. дивизіею поставить на плевно-ловчинское шоссе.

Сегодня пріѣхалъ съ Шипки начальникъ штаба Радецкаго, генераль-маіоръ Дмитревскій. Положеніе незавидное: теплой одежды нѣтъ, шаровары въ лохмотьяхъ, сапоги разлѣзлись. Землянокъ на скалахъ строить нельзя: попытки были, но привели лишь къ тому, что нѣсколько землянокъ обрушились и заживо похоронили одного офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ. Всѣ мерзнутъ и почти поголовно хвораютъ: совсѣмъ здоровые—рѣдкость. Къ числу этихъ исключеній принадлежитъ, къ счастью, самъ Радецкій, хотя и живетъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и весь отрядъ. Шипка наполовину держится обаяніемъ его личности. Перестрѣлки и потери убитыми и ранеными—каждый день. Передышки никому нѣтъ. Безъ полушубковъ и подкрѣпленій, говоритъ Дмитревскій, долго держаться нельзя: придется бросить Шипцу, за невозможностью тамъ существовать.

Столь энергичное представленіе подѣйствовало: приказано доставить полушубки и сапоги какъ можно скорѣе во что бы то ни стало (до сихъ поръ объ этомъ шла лишь заурядная „переписка“), а генераль-адъютанту Гершельману съ тремя полками его 24-й пѣхотной дивизіи приказано идти изъ Калараша на

¹⁾ По словамъ князя Имеретинскаго оказалось, что на совѣщаніи 22 сентября (см. выше) Великій Князь далъ слѣдующія указанія относительно распределенія войскъ: по прибытіи гвардіи подъ Плевну, поставить ее на мѣста, занятыя нынѣ 4-мъ корпусомъ, 2-ю пѣхотную дивизіею и 3-ю стрѣлковую бригадою, переведа эти войска на лѣвый берегъ Вида и возложивъ общее начальство надъ ними—на Зотова, командованіе всею пѣхотою за р. Видомъ—на Скобелева, а всею кавалеріею—на Гурко. Это было бы не только напрасное, но и прямо вредное передвиженіе войскъ на глазахъ и подъ огнемъ турокъ.

²⁾ Насчетъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, однако, ничего не рѣшено окончательно. Даже и относительно 2-й гвард. кавал. дивизіи есть какія-то колебанія.

Шипку, оставивъ для наблюденія за Силистріей омскій пѣхотный полкъ съ двумя батареями.

Получено извѣстіе, что вмѣсто Мехмета-Али назначенъ главнокомандующимъ Сулейманъ-паша.

Получилъ и доложилъ Великому Князю письмо отъ „генерала“ Кароля Тэвиса изъ Бухареста. Сообщаетъ, что бухарестское развѣдочное англо-турецкое бюро Кингстона аккуратно получаетъ и передаетъ въ Лондонъ и Константинополь свѣдѣнія о нашей арміи, получаемыя имъ отъ состоящихъ при императорской главной квартирѣ: военнаго агента полковника Уэллеса и флигель-адъютанта англійской королевы полковника Бекера, пріѣхавшаго съ мѣсяць тому назадъ. Тэвисъ пишетъ, что Бекеръ присланъ совсѣмъ не какъ флигель-адъютантъ, а какъ директоръ „Intelligence-Department“, т. е. — того штабнаго отдѣленія, которое собираетъ свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ.

Великій Князь рѣшилъ послать въ Бухарестъ самаго молчаливаго адъютанта своего, капитана Попова (онъ называетъ его „Ваша мрачность“) къ Дрентельну. Сущность порученія—въ томъ, чтобы сперва тайно условиться съ Тэвисомъ насчетъ поѣздки его въ Константинополь и прислать оттуда свѣдѣній, передать ему деньги, а затѣмъ—съ возможно большою огласкою выслать Тэвиса изъ Румыніи, какъ подозрительную личность. А затѣмъ учредить наблюденіе за Кингстономъ, постараться его уличить, произвести обыскъ и выслать тоже, но уже въ серъезъ.

Я забылъ упомянуть, что на дняхъ Великій Князь мнѣ сказалъ, что графъ Адлербергъ и Д. А. Милютинъ выражали ему неудовольствіе: отчего читающей публикѣ ничего не сообщается о Государѣ, какъ будто его и нѣтъ при арміи.

Я объяснилъ Великому Князю, что, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, не допускается упоминать ни о чемъ, касающемся Государя и членовъ императорской фамиліи, безъ предварительнаго разрѣшенія министра императорскаго двора. Поэтому, если кто-либо изъ газетныхъ корреспондентовъ напишетъ что-либо о Государѣ, то такую корреспонденцію въ Петербургѣ задержать и пришлеть обратно сюда, на усмотрѣніе графа Адлерберга.

Такимъ образомъ, пройдетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ такая корреспонденція попадетъ въ печать, утративъ, такимъ образомъ, значительную часть своего интереса. Если графу Адлербергу угодно устранить эти преповы, то сдѣлать это весьма легко: стоитъ только избрать подходящаго корреспондента, допускать его прямо въ себѣ для личнаго доклада и дѣлать раз-

рѣшительныя надписи на корреспонденціяхъ, сообщивъ объ этомъ для свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ; если же нужно ускорить напечатаніе какой-либо корреспонденціи, то посылать ее съ курьеромъ.

Великій Князь вполнѣ одобрилъ это предложеніе и спросилъ только, кого я рекомендую? Я указалъ на Немировича-Данченко, какъ на писателя неутомимаго, вездѣ бывающаго, отлично и быстро пишущаго и притомъ уже завоевавшаго себѣ симпатіи массы читающей публики. Великій Князь и съ этимъ согласился, а вчера приказалъ мнѣ отправить Немировича къ графу Адлербергу и Милютину. Вчера онъ у нихъ былъ, вернулся въ восторгѣ отъ любезнаго приѣма обоихъ министровъ, а сегодня уже понесъ графу Адлербергу цѣлыхъ двѣ корреспонденціи на просмотръ. Графъ прочелъ, одобрилъ, немедленно сдѣлалъ разрѣшительныя надписи и весьма любезно пригласилъ приходить хоть каждый день, не стѣсняясь.

30 сентября, пятница.—Больше двухъ недѣль солнца не видали, а съ 22-го—холодъ, вѣтеръ почти непрерывный дождь и невылазная грязь. На Дунаѣ все время буря. Переправа в дороги—въ ужаснѣйшемъ состояніи.

1 октября, суббота.—Наконецъ-то выглянуло солнце. Но холодно. Ужасно трудно писать цѣлыми днями въ такомъ холодѣ. Сегодня, наконецъ, изобрѣли средство хоть ненадолго согрѣвать свою кибитку: вырыли яму и жжемъ въ ней дрова, курурузные стебли, что придется,—открывая для тяги тундюкъ (отверстіе въ куполѣ кибитки).

2 октября, воскресенье.—Погода, наконецъ, вызвѣрилась. Сегодня чудный день. Приѣхалъ графъ Шуваловъ. 2-я гвард пѣхотн. дивизія подходитъ: къ 8-му должна подтянуться сюда вся.

Великій Князь очень разсердился, получивъ сегодня письмо Гурко, что кавалерія западнаго отряда найдена имъ въ весьма незавидномъ состояніи. Ему такъ это неприятно, что онъ посылаетъ Струкова провѣрить.

4 октября, вторникъ.—Прекрасная погода держится, но по ночамъ очень холодно.

Приѣхалъ вчера Гурко отъ Тотлебена: заявляетъ, что ему для полнаго обложенія Плевны необходима по крайней мѣрѣ еще одна дивизія. Великій Князь окончательно согласился дать Тотлебену 2-ю гвард. пѣхотную и 2-ю гвард. кавалер. дивизіи.

Въ гвардейскомъ корпусѣ—большой переполохъ: ужасно обижаются, что почти весь корпусъ поступаетъ подъ начальство Гурко, назначеннаго командующимъ „войсками гвардіи и кавалеріи“ западнаго отряда. Особенно негодуешь корпусный штабъ, чинамъ котораго кажется особенно обиднымъ подчиненіе вчерашнему своему товарищу, Наглевскому, такъ быстро выдвинувшемуся благодаря забалканскому походу. Въ императорской главной квартирѣ большинство также очень ропщеть, что Гурко такъ выдвигаютъ: тамъ особенно подчеркиваютъ, что всѣ начальники гвардейскихъ дивизій и начальники штаба гвардейскаго корпуса—старше его въ чинѣ. Одинъ изъ генераль-адъютантовъ (Салтыковъ) говорилъ мнѣ, что если ужъ признаютъ за Гурко такія исключительныя военныя дарованія, то слѣдовало бы сперва прозвести его въ полные генералы, а потомъ уже подчинять ему старшихъ въ чинѣ; что подобныя назначенія не только оскорбительны, но ровняютъ дисциплину.

Графъ Шуваловъ, наоборотъ, во всеуслышаніе говоритъ, что съ радостью подчиняется Гурко, какъ уже заявившему себя энергическимъ и способнымъ начальникомъ отдѣльнаго отряда. Сегодня я слышалъ это отъ него самого. А между тѣмъ графъ Шуваловъ и въ чинѣ, и по служебному положенію (уже около восьми лѣтъ начальникъ штаба округа) гораздо старше всѣхъ. Каталей (начальникъ 3-й гвард. пѣх. дивизіи) тоже никакихъ претензій не изъявляетъ.

До Государя, очевидно, дошли всѣ эти разговоры, потому что онъ сегодня рѣшилъ и объявилъ: графъ Воронцовъ-Дашковъ командируется въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича, начальникомъ всей кавалеріи руцукскаго отряда. Этимъ способомъ устраняется крайне-щекотливое подчиненіе его только-что произведенному въ генералы Наглевскому; послѣдній же фактически дѣлается временнымъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, обрабатываемаго такимъ образомъ въ „штабъ войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда“.

Гурко лично подтвердилъ Великому Князю и притомъ со свойственною ему рѣзкостью, что состояніе кавалеріи западнаго отряда крайне неудовлетворительное; не скрылъ, что задѣтъ командировкою Струкова (онъ съ нимъ разъѣхался, ѣдучи сюда) для повѣрки его заявленія. Доложилъ Великому Князю, что интендантская часть во всемъ западномъ отрядѣ ниже всякой критики: ни хлѣба, ни сухарей нѣтъ, подвозъ пріостановился изъ-за распутицы, ѣдятъ кукурузу.

Отъ Гурко же узналъ, что Тотлебенъ, ежедневно объѣзжая

позиціи, обратилъ вниманіе на безтолковую и потому безрезультатную стрѣльбу нашихъ батарей: каждая изъ нихъ выбирала себѣ цѣль сама и такимъ образомъ огонь напрасно разсѣивался по всей линіи. Тотлебенъ приказалъ производить сосредоточенную стрѣльбу по его личнымъ указаніямъ. Для цѣлой группы батарей назначается цѣлью какое-нибудь одно укрѣпленіе, которое, по заранѣе условленному сигналу, разомъ засыпается цѣлою массою гранатъ. При этомъ назначается заранѣе же, сколько выстрѣловъ должна сдѣлать каждая батарея. Затѣмъ сосредоточенный огонь переводится на другое, заранѣе намѣченное укрѣпленіе.

По словамъ Гурко, впечатлѣніе первыхъ трехъ такихъ залповъ было поразительное. Съ лѣваго берега Вида, гдѣ стоитъ наша кавалерія и откуда вся Плевна и весь турецкій укрѣпленный лагерь какъ на ладони, ясно былъ виденъ страшный переполохъ, вызванный этимъ сюрпризомъ: вся турецкая армія стала въ ружье. На второй и на третій день—то же самое.

5 октября, среда.—Прошли подъ Плевну полки д.-гв. гренадерскій, павловскій и финляндскій. Д.-гв. московскій еще не дошелъ: идетъ позади всѣхъ.

7 октября, пятница.—Ночью былъ морозъ, но день—чудный. Румынамъ удалось сегодня вечеромъ взять съ налету ближайшій къ нимъ турецкій редутъ, о чемъ князь Карлъ поспѣшилъ съ восторгомъ телеграфировать. Но черезъ нѣсколько минутъ подошли турки и вытѣснили румынъ.

8 октября, суббота.—Сегодня Великій Князь объявилъ, что 10-го ѣдемъ подъ Плевну: зачѣмъ—не знаю. Лучше было бы предоставить Тотлебену распорядиться тамъ самостоятельно. Но это едва ли случится: подвижная натура Великаго Князя не выноситъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ и терпѣливаго ожиданія. Думаю, что мы и не вернемся изъ-подъ Плевны до тѣхъ поръ, пока этотъ узелъ не развяжется. Не сомнѣваюсь также, что и Государь переѣдетъ со всею своею главною квартирою вслѣдъ за Великимъ Княземъ.

Государь приказалъ направить 3-ю гренадерскую дивизію Наслѣднику на подкрѣпленіе.

Къ вечеру морозъ, но день былъ чудный.

10 октября, понедельник.—Сегодня утромъ мы уже были готовы къ отъѣзду, какъ Великій Князь получилъ просьбу Тот-

лебена повременить до завтра. На 12-е октября назначена атака редутовъ, построенныхъ турками на софійскомъ шоссе, у деревень Горный-Дубнякъ и Телишь. Это будетъ первый дебютъ гвардіи. Погода держится дивная, но по ночамъ морозы.

11 октября, вторникъ. — Выѣхали рано утромъ изъ Горнаго-Студня: Великій Князь съ Непокойчицкимъ въ коляскѣ, мы — верхомъ. Большая часть свиты Великаго Князя отправлена была впередъ еще 9-го октября. Ночевали въ д. Раденицѣ. Погода была чудная.

12 октября, среда. — Великій Князь съ Непокойчицкимъ уѣхали еще вчера впередъ. Мы, кучка верховыхъ, выѣхали около 9 час. утра и, прибывъ на старое бивачное мѣсто (у осадной батареи), никого тамъ не застали. Великій Князь съ Непокойчицкимъ съ раннего утра уѣхалъ въ д. Медованъ, на берегъ р. Вида, чтобы слѣдить оттуда за атакою гвардіи на Горный-Дубнякъ, а главную квартиру приказалъ отправить въ д. Боготъ. Отправились туда. По дорогѣ заѣхали къ князю Имеретинскому въ д. Тученицу, у него закусили и выпили чаю ¹⁾. Это оказалось очень кстати, ибо, по прибытіи въ Боготъ, мы ждали возвращенія Великаго Князя, а слѣдовательно и обѣда — до 9 час. вечера. Великій Князь ѣздилъ въ Медованъ: ничего оттуда не было видно и никакихъ извѣстій онъ оттуда не получилъ.

13 октября. — Около 3-хъ час. утра, меня разбудилъ дежурный ординарецъ: Великій Князь требуетъ. Оказалось, что получено извѣстіе о взятіи Горнаго-Дубняка. Великій Князь приказалъ мнѣ составить депешу и объявилъ, что въ 7 час. утра ѣдетъ туда самъ, чтобы осмотрѣть взятую позицію и поблагодарить войска.

Выѣхали мы, впрочемъ, часомъ позже, такъ какъ Великій Князь замѣшался съ дѣлами. Великій Князь съ Непокойчицкимъ — въ коляскѣ, которую конвоировали верхами: Левицкій, я, Струковъ, генеральнаго штаба полковникъ Бахъ и капитанъ Уссаковскій. Сзади слѣдовали еще двѣ великовняжескихъ коляски, въ которыхъ сидѣли докторъ Обермиллеръ со своимъ помощникомъ Березкинымъ, адъютанты Великаго Князя Скалонъ и Андреевъ и еще два ординарца его.

¹⁾ Князь Карлъ съ Тотлебенонъ и штабомъ переѣхали въ Тученицу только сегодня, очистивъ д. Порадишъ для Государя и императорской главной квартиры.

Мы ѣхали черезъ деревни Ральево, Лени-Бркачъ и Чириково. Въ послѣднемъ мѣстечкѣ, живописно расположенномъ на берегу р. Вида, нашли перевязочный пунктъ гвардіи, охраняемый частью лейбъ-гвардіи московскаго полка. Здѣсь Великій Князь обошелъ раненныхъ, а я записалъ фамилію раненныхъ офицеровъ. Поѣхали дальше, осмотрѣли поле сраженія, усѣянное неубранными еще тѣлами убитыхъ; Великій Князь объѣхалъ и поблагодарилъ войска. Я спѣшно записывалъ фамиліи убитыхъ и раненныхъ офицеровъ и приблизительныя свѣдѣнія о числѣ убитыхъ и раненныхъ нижнихъ чиновъ каждаго полка. Насчиталъ 28 убитыхъ, 104 раненныхъ и 23 контуженныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ—около 900 убитыхъ и около 2.400 раненныхъ. Въ этотъ счетъ вошли и потери лейбъ-гвардіи егерскаго полка, отдѣльная атака котораго на телишскій редутъ (туда мы не ѣздили) была отбита. Наибольше пострадали полки лейбъ-гвардіи егерскій (26 оф. и 935 нижн. чиновъ), гренадерскій (29 офиц. и 842 нижн. чина), павловскій 19 офиц. и 724 нижн. чиновъ) и московскій (18 офиц. и 693 нижн. чина), въ особенности принимая во вниманіе, что лейбъ-гвардіи московскій полкъ участвовалъ въ бою только въ 3-хъ-баталіонномъ составѣ.

По общему отзыву подъ свѣжими впечатлѣніями боя, героемъ дня былъ командующій лейбъ-гвардіи гренад. полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, за которымъ всѣ единогласно признавали честь взятія турецкаго редута, такъ упорно сопротивлявшагося. Офицеры 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ восторгомъ отзывались также о храбрости и самоотверженіи командовавшаго дивизіей генераль-адъютанта графа Шувалова. Разказовъ о подвигахъ было много: запомнить ихъ не было возможности, тѣмъ болѣе, что я былъ совершенно поглощенъ приведеніемъ въ извѣстность нашихъ потерь. Этимъ никто, кромѣ меня, не интересовался, никто даже не поручалъ мнѣ собирать эти свѣдѣнія: я взялъ это на себя добровольно.

Къ 5-ти час. дня кончился объѣздъ. Великій Князь простился съ Гурко и другими начальствующими лицами, и мы пустились въ обратный путь. Около 6-ти час. вечера остановились въ Чириковѣ отдохнуть и закусить: съ 7-ми час. утра никто изъ насъ ничего не ѣлъ.

Обратно ѣхали на нашихъ измученныхъ лошадяхъ (ничего не ѣвшихъ съ ночи) шагомъ и вернулись въ Боготъ только къ 2-мъ час. ночи. Ночь была холодная и сырая, но, къ счастью, лунная и ясная. Сдѣлавъ около 100 верстъ верхомъ, почти не слѣзая съ коня въ продолженіе 17-ти часовъ сряду, я чувствовалъ изрядную усталость.

14 октября.—Сегодня переѣхалъ въ Порадимъ Государь съ главною квартирою.

Вчера, во время нашего отсутствія, получена телеграмма отъ Наслѣдника, что 12 октября убитъ на развѣдѣ князь Сергій Максимиліановичъ, пулею въ лобъ. При немъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Зандеръ. Для сопровожденія тѣла въ Петербургъ назначенъ адъютантъ Непокойчицкаго, лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистръ Максимовичъ.

Вчера вечеромъ скончался смертельно раненый подъ Горнымъ-Дубнякомъ командиръ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, генераль-маіоръ Лавровъ, недавно бывший начальникомъ штаба 2-й л.-гв. пѣх. дивизіи. Тяжело-раненные бригадные командиры этой дивизіи, свиты его величества генераль-маіоры баронъ Зедделеръ и Розенбахъ, привезены сюда и помѣщены въ особую кибитку, почти рядомъ съ кибиткою Великаго Князя. Сегодня навѣщаль ихъ: состояніе здоровья обоихъ внушаетъ большія опасенія.

17 октября. — Въ 5 час. утра за мной прислалъ Великій Князь. Пока я одѣвался, за мной зашелъ самъ Непокойчицкій и объявилъ, что Телишъ взятъ. Мы вмѣстѣ пошли къ Великому Князю, у котораго и была составлена мною слѣдующая телеграмма:

„Вчера, 16 октября, войска гвардіи, подъ начальствомъ генерала Гурько, окружили турецкую укрѣпленную позицію у Телиша на софійскомъ шоссе и начали обстрѣливать ее изъ 72 орудій. Послѣ двухчасового бомбардированія, гарнизонъ Телиша, состоявшій изъ 7-ми таборовъ съ 3-мя орудіями, подъ начальствомъ Ливы-Измаиль-Хаки-паши, сдался и положилъ оружіе. Изъ состава гарнизона бѣжало не болѣе 300 чел. Остальные, въ томъ числѣ самъ паша и болѣе 100 офицеровъ, пока находятся въ релутѣ у Горнаго-Дубняка, но будутъ отпущены на свободу. Паша и нѣкоторые офицеры предпочли, впрочемъ, остаться въ плѣну.

Во взятіи Телиша участвовали: 1-я бригада 2-й гв. пѣх. дивизіи, 1-я бригада 3-й гв. пѣх. дивизіи, 2-я гвард. кавалер. дивизіи, кавказская казачья бригада, 2, 4 и 5 батареи л.-гвар. 1 артилл. бригады, 1, 2 и 5 батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллер. бригады, 2, 3, 5 и донская гвардейскія конныя батареи. Наша потеря: во всей пѣхотѣ 1 убитый и 16 раненыхъ; л.-гвар. въ уланскомъ полку, который атаковалъ пѣхоту—6 офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ; въ остальныхъ частяхъ потери еще неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ ничтожны.

Согласно полученнымъ въ теченіе дня дополнительнымъ донесеніямъ были посланы еще слѣдующія телеграммы:

„Мои уланы при Телишѣ сперва изрубали 150 конныхъ башибузукъ и черкесовъ, пытавшихся уйти, а затѣмъ атаковали пѣхоту. При этомъ ранены: штабсъ-ротмистры Сафоновъ и Яфимовичъ и корнетъ Жандръ штыками, корнету Ухину прострѣлена пулею верхняя губа. Нижнихъ чиновъ убито и ранено до 50-ти, большею частью штыками.

„Въ томъ же сраженіи легко раненъ командующій л.-гвард. гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцъ Альбертъ Савсенъ-Альтенбургскій: пуля пробила серебряный порсигаръ и оковтузила ногу; онъ остался въ строю.

„Всего сдѣлось 7 таборовъ съ 3-мя орудіями. Генералъ Гурко хотѣлъ отпустить безоружныхъ на свободу, но они сами предпочли остаться военно-плѣнными. Паша Измаиль-Хаки и четыре иностранца, три англичанина и одинъ французъ—привезены сюда. Изъ англичанъ одинъ полковникъ турецкой службы, а двое—доктора, которые оставлены при турецкихъ раненыхъ плѣнныхъ, но сами считаются плѣнными не будутъ, какъ служащіе дѣлу человеколюбія. Французъ былъ волонтеромъ“.

Плѣнныхъ докторовъ-англичанъ Великій Князь пригласилъ даже къ своему завтраку сегодня.

Вечеромъ получено извѣстіе, что изъ Плевны вышло около 2.000 подводъ съ безоружными стариками, женщинами и дѣтьми, но ихъ прогнали обратно Османъ-паша надѣялся уменьшить число бесполезныхъ ртовъ.

18 октября.—Плѣнный паша Измаиль-Хаки оказался знакомымъ Артамонова: ужасно обрадовался, увидавъ его, бросился ему на шею и долго болталъ съ нимъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Радостно сообщилъ ему, что и другой его знакомый, Тевфикъ-бей, въ Плевнѣ, въ родѣ начальника штаба при Османъ-пашѣ. Вообще, кажется, паша очень доволенъ, что попалъ въ плѣнъ. Вчера, какъ только его привезли, сейчасъ же накормили обѣдомъ: онъ очень оживленно и весело болталъ съ нашимъ драгоманомъ Макѣевымъ.

Цѣлый день идетъ сегодня опросъ плѣнныхъ. Попался и одинъ турецкій офицеръ, бѣжавшій изъ Плевны: онъ показываетъ, что тамъ очень бѣдствуютъ и что нашъ огонь наноситъ войскамъ и жителямъ большой вредъ. Изъ снарядовъ такой недостатокъ, что батарейнымъ командирамъ запрещено подъ страхомъ смерти стрѣлять безъ приказанія. Османъ воспретилъ,

также подь страхомъ смерти, всякія наступательныя дѣйствія безъ особаго приказанія. Но о сдачѣ и слышать не хочетъ.

Завтра утромъ отправляемся на берегъ р. Вида, въ д. Медованъ. Серьезной цѣли эта поѣздка не имѣеть.

19 октября. — Поѣздка въ Медованъ отмѣнена: всю ночь шелъ дождь, и дороги испортились.

Сегодня вернулся изъ Бухареста великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Весьма опасаясь, чтобы наше здѣсь присутствіе не повредило успѣху дѣла обложенія Плевны. Между Великимъ Княземъ и Тотлебенемъ уже возникла серьезная размолвка. Великій Князь и прежде дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія прямо отъ себя, посылая свои приказанія частнымъ начальникамъ помимо Тотлебена и даже не увѣдомляя его. Послѣ перваго же такого случая Тотлебенъ написалъ Непокойчицкому весьма серьезное письмо, прося доложить Великому Князю, чтобы онъ отдавалъ приказанія не иначе, какъ черезъ него. Великій Князь очень разсердился, но воздержаться отъ прямой передачи приказаній исполнителямъ все-таки не могъ. Вчера Великій Князь послалъ прямо отъ себя приказаніе начальнику ловчинскаго отряда генералу Карцову, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ, по тому же дѣлу, другое приказаніе отъ Тотлебена. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, прислалъ сегодня кн. Имеретинскаго доложить Великому Князю, что если такой порядокъ будетъ продолжаться, то онъ, Тотлебенъ, поѣдетъ прямо въ Государю и попроситъ уволить его отъ командованія.

Надо надѣяться, что Великій Князь, какъ онъ ни сердитъ на Тотлебена, поостережется довести до разрыва. Если Тотлебенъ уйдетъ, то вся Россія завинитъ въ этомъ Великаго Князя. Впрочемъ, Государь навѣрное приметъ сторону Тотлебена: правота его слишкомъ очевидна.

Вечеромъ. — Слава Богу, столкновение между Великимъ Княземъ и Тотлебенемъ улажено Непокойчицкимъ. Великій Князь сознался, что погорячился. Но уступилъ не вполне. Рѣшено изъять изъ вѣдѣнія Тотлебена войска, расположенныя за р. Видомъ и находящіяся подъ начальствомъ Гурко, который будетъ получать приказанія непосредственно отъ Великаго Князя. Тотлебену же непосредственно подчиняются всѣ войска по сю сторону Вида, за исключеніемъ 2-й бригады 3-й гвард. пѣх. дивизіи, стоящей у д. Трнина: эта бригада подчиняется Гурко.

Такимъ образомъ, Гурко фактически обращается въ командира гвардейскаго корпуса.

20 октября. — Сегодня, около 9 часовъ утра, мы отправились на рекогносцировку въ деревню Медованъ (20 верстъ отъ Богота). Что имѣлъ въ виду Великій Князь — не знаю. Цѣль опредѣлилась уже тогда, когда мы подъѣзжали къ Медовану. Пришло неожиданное извѣстіе о занятіи Дольнаго-Дубняка нашими войсками, безъ выстрѣла. Великій Князь тотчасъ же сѣлъ верхомъ, и мы поѣхали въ Дольный-Дубнякъ. Въ Медованѣ встрѣтили Тотлебена: Великій Князь пригласилъ его присоединиться къ нему. Поѣхали вдоль линіи кавалерійскихъ сторожевыхъ постовъ. Доѣхавъ до Дольнаго-Дубняка (деревня была совершенно пуста, даже собакъ не было), повернули по шоссе къ Плевнѣ, затѣмъ свернули влѣво. Великій Князь объѣхалъ передовыя войска и, наконецъ, вѣхалъ на передовую румынскую батарею, между Этрополемъ и Плевною. Турки не стрѣляли, несмотря на то, что не могли не видѣть столпленія свиты на батарее, тѣмъ болѣе, что за нею стоялъ цѣлый эскадронъ лейбъ-казаковъ съ развѣвающимися бѣлымъ значеомъ главнокомандующаго. Повидимому, Великаго Князя раздосадовало такое невниманіе непріятеля, потому что онъ приказалъ батарее открыть огонь. Прошло полчаса — турки не отвѣчаютъ. Великій Князь сошелъ съ батареи, сѣлъ верхомъ, и мы тронулись въ обратный путь. Тогда только турецкая батарея дала по насъ два выстрѣла, но оба снаряда не долетѣли.

Обратно ѣхали вдоль сторожевой цѣпи лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Командиръ донскаго казачьяго полка, стоявшаго по близости, нашелъ нужнымъ предостеречь Великаго Князя, что онъ ѣдетъ въ сферѣ турецкаго ружейнаго огня, что непріятельская цѣпь очень близко и ежеминутно можетъ отереть огонь. Великій Князь отвѣчалъ: „Турки въ меня не стрѣляютъ“ — и продолжалъ ѣхать вдоль цѣпи.

Подъѣзжая къ рѣкѣ Виду, увидѣли начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генерала Катаlea, только что переправившагося на правый берегъ съ лейбъ-гвардіи литовскимъ и австрійскимъ полками. Оба полка стояли фронтомъ къ западу, а правымъ флангомъ къ своей цѣпи, слѣдовательно и къ непріятелю: Это было оставлено безъ вниманія: Великій Князь не замѣтилъ, увлекшись бесѣдою съ Гурко и Каталеемъ. Между тѣмъ, когда мы еще ѣхали къ Дольному-Дубняку, Великій Князь очень разсердился, увидавъ, что сторожевыя посты кievскаго гу-

сарскаго полка стоять уступами *позади* нашей пѣхоты на софійскомъ шоссе. Когда онъ спросилъ командира полка, почему онъ не выдвинулъ сторожевую цѣпь впередъ, тотъ отвѣтилъ, что не получилъ приказанія. Тогда Великій Князь таѣ всплилъ, что закричалъ на него: „Если я еще разъ замѣчу, что ты въ подобныхъ случаяхъ ждешь приказанія, то выгоню тебя изъ арміи, несмотря на твои флигель-адъютантскіе вензеля“.

Въ Медованѣ отдохнули, закусили и, около 6-ти часовъ вечера, поѣхали домой. Ночь была совершенно темная, но тихая и, сравнительно, довольно теплая. Дорога — грязная. Въ ночной темнотѣ коляска Великаго Князя опрокинулась, и онъ, вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ, вывалился въ грязь, но никто изъ нихъ не ушибся. Мы едва не проѣхали мимо Богота, не замѣтивъ его въ темнотѣ; но Великій Князь, обладающій изумительною памятью мѣстности, въ-время обратилъ вниманіе, что дорога незнакомая. Около 9-ти часовъ вечера мы были дома.

Только-что сѣли обѣдать, какъ Великій Князь позвалъ меня къ себѣ и, прочитавъ вслухъ списокъ утвержденныхъ Государемъ наградъ, поздравилъ меня съ золотымъ оружіемъ.

Во время сегодняшняго обѣзда слышалъ очень много любопытнаго изъ разговоровъ между Великимъ Княземъ и Гурко. Записываю, чтó успѣлъ запомнить.

1) Великій Князь хотѣлъ слить штабъ гвардейскаго корпуса со штабомъ всего отряда Гурко, назначивъ Наглевскаго общимъ начальникомъ этого своднаго штаба. Онъ сносился съ Наслѣдникомъ, который, однако, не согласился съ этимъ предположеніемъ. Вслѣдствіе этого, Великій Князь велѣлъ вытребовать изъ штаба рушукскаго отряда Гудиму-Левковича для исправленія должности начальника штаба гвардейскаго корпуса.

2) 29 октября былъ пойманъ татаринъ, шедшій отъ Шефкетъ-паши изъ Орханіи къ Османъ-пашѣ въ Плевну съ увѣдомленіемъ, что онъ, Шефкетъ-паша, не можетъ придти къ нему на подкрѣпленіе, и собирается отступать. Татаринъ этотъ, однако, обѣжалъ: всѣ 6 человекъ конвойныхъ при немъ заснули.

3) Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, отступивъ послѣ неудачной атаки Телиша, 12-го октября, съ потерей болѣе 1.100 человекъ убитыхъ и раненыхъ, успѣлъ подобрать не болѣе 300 человекъ. По взятіи Телиша, 16-го октября, всѣ оставленные на полѣ сраженія лейбъ-егеря были найдены страшно изуродованными. Взятые въ Телишѣ въ плѣвъ англичапе сами сознались, что турки истязали и грабили нашихъ раненыхъ.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что и наши солдатики тоже

не безъ грѣха. 14-го октября, когда мы объѣзжали поле сраженія подъ Горнымъ-Дубнякомъ, я самъ видѣлъ массу турецкихъ труповъ безъ поясовъ: они были, конечно, сняты нашими изъ-за денегъ, которыя всегда прячутся турками въ поясахъ. Турецкое оружіе и лошади убитыхъ тоже исчезли безслѣдно, очевидно—были разобраны по рукамъ. А между тѣмъ, нашими ружьями, тесаками, сумками и ранцами было усѣяно все поле, и никто ихъ не позаботился прибрать. Видѣлъ я также у одного жандармскаго офицера рѣдкую старинную венгерскую саблю, купленную имъ у какого-то измайловскаго солдата за три рубля. Послѣ сраженія наши гвардейцы, движимые духомъ разрушенія, сожгли превосходные турецкіе бараки, въ которыхъ могли бы жить сами; сожгли также огромные запасы сѣна и собирались сжечь самую деревню, но были остановлены.

При взятіи Телиша, 16 октября, порядку было гораздо больше. Все отобранное у турокъ оружіе и три милліона патроновъ поступили на вооруженіе нашихъ стрѣлковъ.

4) Какъ извѣстно, Дольный-Дубнякъ турки очистили сами, въ ночь съ 19 на 20 октября. Наша кавалерія этого и не замѣтила. Еслибы не была пододвинута съ вечера 19 октября пѣхота (имѣлось въ виду обложить Дольный-Дубнякъ 20-го и взять его бомбардированіемъ, по примѣру Телиша), то неизвѣстно, когда бы мы узнали объ отступленіи турокъ.

Вообще, дѣйствія вашей кавалеріи за рѣкой Видомъ подъ начальствомъ генерала Крылова—ниже всякой критики. Только Гурко, вступивъ въ командованіе, сурово ее подтанулъ, но все-таки онъ и теперь очень ея недоволенъ.

Крыловъ успѣшилъ убраться съ театра войны. Черезъ своего бывшаго подчиненнаго, адъютанта Великаго Князя, Скалона (Крыловъ былъ прежде командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка), онъ устроилъ себѣ отчисленіе отъ должности начальника дивизіи, но съ сохраненіемъ содержанія и съ назначеніемъ въ распоряженіе Великаго Князя „по звачію генераль-инспектора кавалеріи“. Въ силу такого назначенія, онъ безотлагательно уѣхалъ въ Петербургъ. По этому поводу кто-то успѣлъ пустить въ ходъ слѣдующую острогу:

„Наши войска вокругъ Плевны—Ноевъ ковчегъ, носящійся по волѣ случая въ ожиданіи паденія Плевны. У Ноя-Тотлебена три сына: Симъ—Гурко, Хамъ—З. . . . и Іафетъ—Криденеръ. Въ ковчегѣ есть чистыя животныя—контролеры, и нечистыя—интенданты. Крыловъ—первый голубь, выпущенный Ноемъ, но онъ не возвратится“.

Кстати. На Тотлебена войска смотрять съ благоговѣніемъ. Всякій солдатъ понимаетъ, что это генераль настоящій, мастеръ своего дѣла. Держить онъ себя превосходно: съ солдатомъ — привѣтливъ и заботливъ; съ генералами и офицерами — деликатенъ и обходителенъ, но строго-требователенъ.

Примѣръ. Командиръ 4-го корпуса Зотовъ, получивъ отъ Тотлебена приказаніе, сталъ излагать ему свои соображенія и возраженія. Тотлебенъ слушалъ минутъ пять, затѣмъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: „Ваше превосходительство, время не терпитъ. Я васъ прошу сейчасъ же исполнить мое приказаніе, а затѣмъ изложить ваши соображенія письменно и представить мнѣ: я прочту ихъ потомъ“.

Другой примѣръ. М. Д. Скобелевъ принялъ на дняхъ прямое приказаніе Великаго Князя, нѣсколько расходившееся съ приказаніями, уже отданными Тотлебеню раньше; исполнилъ и донесъ Тотлебену рапортомъ. Тотлебенъ отвѣтилъ слѣдующимъ предписаніемъ: „Прошу ваше превосходительство на будущее время помнить, что никто изъ моихъ подчиненныхъ не имѣетъ права получать прямыхъ приказаній ни отъ кого, кромѣ меня. Поставляя вамъ на этотъ разъ это обстоятельство на видъ, предупреждаю, что повтореніе сочту нарушеніемъ порядка службы“.

Начальника 30-й пѣхотной дивизіи, Шнитникова, Тотлебенъ лично распекъ за то, что на его участіи батарея была прикрыта казачью пѣхотой вмѣсто стрѣлковой.

Несмотря на строгость, Тотлебена очень цѣнятъ и уважаютъ. Сожалѣютъ даже, что власть его ограничена присутствіемъ Великаго Князя. Всѣ убѣждены, что только Тотлебенъ можетъ справиться съ Плевной и довести Османа до сдачи. Даже Гурко, плохо переносящій чью-либо власть надъ собою, самъ говорилъ мнѣ сегодня, что никогда еще такого авторитетнаго и опытнаго начальника не видалъ; что одинъ Тотлебенъ умѣетъ внушить всѣмъ подчиненнымъ столь необходимое убѣжденіе, что онъ больше всѣхъ знаетъ и лучше всѣхъ все сдумѣетъ сдѣлать.

Чрезвычайно прискорбно, что возможность столкновеній между Великимъ Княземъ и Тотлебеню всегда остается вѣроятною. Великій Князь думаетъ, что руководить столь трудною операціею, какъ обложеніе Плевны — дѣло совсѣмъ простое. У него нѣтъ навыка всесторонне обдумывать сложныя военныя дѣйствія и дѣлать общія распоряженія съ надлежащимъ расчетомъ времени и въ связи съ дѣйствіями на другихъ фронтахъ. Приказанія его внезапны, отрывочны, безъ корней въ прошедшемъ и безъ ясныхъ расчетовъ на будущее. Убѣждать его въ необходи-

мости тщательной примѣрки прежде чѣмъ отрѣзать—напрасный трудъ: это слишкомъ несогласно съ его природными свойствами. Боже сохрани, если случится новая неудача подъ Плевною: на него обрушится всею тяжестью единодушное негодованіе всей Россіи. Тотлебена никто винить не будетъ.

Меня, искренно его любящаго и безкорыстно преданнаго ему человѣка, все это очень смущаетъ и заботитъ. Лучше бы намъ оставаться въ Горномъ-Студнѣ и не мѣшать Тотлебену самостоятельно распоряжаться здѣсь.

Одно наше присутствіе здѣсь—уже помѣха. Напримѣръ, 19 октября, Государь сообщилъ, что пріѣдетъ изъ Порадима въ Боготъ къ завтраку и желаетъ видѣть Тотлебена. Тотъ долженъ былъ бросить производившуюся имъ рекогносцировку турецкихъ позицій и спѣшно прискакалъ. Между тѣмъ, Государь отказалъ свой пріѣздъ по причинѣ дождя. Тотлебенъ дѣла не кончилъ, а въ Боготъ пріѣхалъ напрасно.

21 октября.—Пріѣзжали являться великіе князя Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ—по случаю пожалованія георгіевскихъ крестовъ. Оба остались къ завтраку.

Получено донесеніе о взятіи укрѣпленій Тетевеня отрядомъ генерала Карцова. Государь сообщилъ, что желаетъ посѣтить войска гвардіи, за рѣкой Видомъ, и назначаетъ для сего 23 октября. Вслѣдствіе этого, Великій Князь рѣшилъ ѣхать завтра впередъ, переночевать въ Медованѣ и тамъ ожидать Государя. Мнѣ приказалъ ѣхать съ нимъ.

22 октября.—Государь пріѣзжалъ сегодня утромъ. Великій Князь представлялъ ему всѣхъ чиновъ своей свиты, получившихъ награды, въ томъ числѣ и меня.

У меня слегка разстроился желудокъ. Великій Князь, за завтракомъ, тотчасъ замѣтилъ перемѣну въ лицѣ и отсутствіе аппетита и, спросивъ о причинѣ, приказалъ мнѣ оставаться дома, ласково связавъ при этомъ, что ему мое здоровье дорого. Непокойчицкій былъ очень доволенъ этимъ и приказалъ мнѣ принимать всѣ приходящія на его имя депеши и дѣлать надлежащія по содержанию ихъ распоряженія.

Около двухъ часовъ дня Великій Князь съ Непокойчицимъ, Левицимъ и нѣсколькими адъютантами и ординарцами уѣхалъ въ Медованъ.

Погода вчера и сегодня—отвратительная: холодъ, дождь, невылазная грязь.

23 октября. — Мокро, холодно и грязно. Вчера и сегодня цѣлый день провелъ въ составленіи общихъ реляцій о ходѣ военныхъ дѣйствій.

— Государь со свитою отправился сегодня за рѣку Видъ смотрѣть войска Гурко.

24 октября, понедельник. — Къ часу пополудни прибылъ Государь со свитой и Тотлебенемъ и остался у насъ завтракать. Великій Князь отсталъ отъ него, остановившись у деревни Тринины (по сю сторону рѣки Вида) для осмотра участка позиціи, занятаго отрядами генераль-маіора фонъ-Бремзена (2-я бригада 3-й гвард. пѣх. дивизіи), впереди Тринины, и М. Д. Скобелева, на плевно-ловчинскомъ шоссе. Его предупреждали, что оба участка обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ, но онъ опять отвѣтилъ, что въ него турки не стрѣляютъ, и осмотрѣлъ позиціи Бремзена и Скобелева. И дѣйствительно, съ турецкой стороны опять не было огня. Во время завтрака Государь, получивъ шифрованные депеши, удостоилъ подозвать меня и приказалъ ихъ расшифровать. Я немедленно это исполнилъ и, представивъ Государю расшифрованный текстъ, рѣшился спросить (завтракъ подошелъ къ концу и уже подали кофе), не благоугодно ли будетъ Его Величеству прослушать только-что полученную подробную реляцію о взятіи Тетевеня. Государь тотчасъ же заинтересовался и приказалъ мнѣ ее принести и прочесть во всеуслышаніе.

По окончаніи чтенія, Государь милостиво поблагодарилъ и уѣхалъ въ Порадимъ, а Тотлебенъ—къ себѣ, въ Тученицу.

Часа черезъ два послѣ его отъѣзда, вернулся Великій Князь и тотчасъ же послалъ за мной. Прежде всего спросилъ о состояніи моего здоровья, затѣмъ подробно разспросилъ о пребываніи у насъ Государя и, выразивъ полное удовольствіе, велѣлъ принести и прочесть вслухъ ту же реляцію о взятіи Тетевеня.

25 октября. — Сегодня чудная погода: небо безоблачное, солнце такъ и сіяетъ, воздухъ необыкновенно легкій и 15° въ тѣни.

Разсказывали мнѣ сегодня подробности о румынскихъ дѣйствіяхъ 7 октября, когда они сперва, будто бы, взяли, а потомъ отдали турецкій редутъ. По свѣдѣніямъ штаба Тотлебена, дѣло было такъ. Добѣжавъ до рва редута, румыны въ немъ засѣли на цѣлый часъ. Офицеры напрасно старались ихъ заставить

идти на приступъ, а когда одинъ изъ нихъ застрѣлилъ самаго непослушнаго изъ револьвера, то остальные солдаты тутъ же закололи не только его, но и еще двухъ офицеровъ, а затѣмъ бросились бѣжать, понеся, конечно, при этомъ большія потери отъ турецкаго огня.

Вотъ это безконечное сидѣнье во рву и подало румынскому начальству поводъ думать, что редутъ взять. Поторопились сообщить князю Карлу, а тотъ поспѣшилъ телеграфировать Великому Князю о взятіи редута. Затѣмъ, когда дѣло выяснилось, не оставалось ничего другого, какъ телеграфировать, что турки взяли редутъ обратно.

Рядомъ съ участкомъ румынскихъ войскъ — участокъ 9-го корпуса, барона Криденера. Онъ уже давно заявилъ, что вмѣстѣ съ румынами дѣйствовать не будетъ. Будучи беззащитными хвастунами, они разблаговѣстили по всей Европѣ (которая, изъ недоброжелательства къ намъ, охотно имъ повѣрила), что не наши, а румынскія войска взяли 30 августа гривицкій редутъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ они отстали, и только небольшая часть баталіона маіора Попеско ворвалась въ редутъ вмѣстѣ съ нашими войсками. Государь, по личной просьбѣ князя Карла, подарилъ румынамъ взятія нашими войсками пушки и одно знамя: теперь румыны хвастаютъ, что они взяли эти трофеи сами.

Пріѣхалъ отъ Гурко Пузыревскій: привезъ планъ наступленія къ Орханіи и далѣе, къ Софіи. Великій Князь его немедленно выслушалъ и, выразивъ полное сочувствіе, рѣшилъ ѣхать завтра съ этимъ планомъ къ Государю.

26 октября. — Чудная погода. Великій Князь съ Непокойчицкимъ, взявъ съ собою и Пузыревскаго, ѣздилъ къ Государю, который одобрилъ планъ наступленія отряда Гурко на Софію. Рѣшено оставить для обложенія Плевны съ лѣваго берега Вида 3-ю гвардейскую, 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи, а остальные войска гвардіи (1-ю и 2-ю гвард. пѣхотную дивизіи, гвардейскую стрѣлковую бригаду, лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ и 2-ю гвард. кавал. дивизію) съ 2-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи и кавказскою казачьею бригадою, подъ общимъ начальствомъ Гурко, двинуть черезъ Радомирцы къ Орханіи. Движеніе должно начаться 1-го ноября. Всѣ приказанія о передвиженіи войскъ уже посланы сегодня. Непокойчицкій устранилъ Левицкаго отъ распоряженій по этому плану, очевидно вслѣдствіе обнаруженнаго имъ несочувствія: Левицкій считаетъ этотъ планъ рискованнымъ, и вчера высказалъ это Непокойчицкому и Великому Князю. От-

части онъ правъ: во-первыхъ, мы опять остаемся безъ резерва; во-вторыхъ, опять избираемъ предметомъ дѣйствій не непріятельскую армію, а стратегически важные пункты; въ-третьихъ, предпринимаетъ походъ въ самую распутицу, не обезпечивъ подвоза. Если терпимъ нужду въ продовольствіи, стоя на мѣстѣ, то какой же шансъ получать его во-время, удалившись еще болѣе въ глубь страны? Левицкій говоритъ, что самъ Государь, послѣ третьей Плевны, упрекалъ насъ за то, что дѣйствуемъ всегда безъ резерва, а принятіе плана Гурко есть букввальное повтореніе прежняго. Если туркамъ вздумается перейти въ серьезное наступленіе противъ рущукскаго или шишкинскаго отрядовъ— намъ нечѣмъ ихъ поддерѣпить.

Все это небезосновательно, но, тѣмъ не менѣе, планъ сомнительнень. Безъ риска никогда и ни въ чемъ нѣтъ крупнаго выигрыша. А намъ нельзя тянуть кампанію; если не добьемся рѣшительнаго результата до весны — непременно вмѣшается Англія, къ ней сейчасъ же примажется Австрія—и начнется европейская война.

Мы же, по совѣсти говоря, къ такой войнѣ совсѣмъ не готовы: ни средствъ, ни войскъ, ни умѣнья, ни достаточно подготовленныхъ людей.

Трудно себѣ представить, до чего у насъ невѣрна оцѣнка личностей. Совсѣмъ нѣтъ умѣнья ни подбирать подходящихъ людей къ мѣстамъ, ни распознавать способности. Назначенія дѣлаются совсѣмъ зря, а иногда явно несообразныя. На дняхъ, кавалерійскому полковнику дали гѣхотный полкъ, а ротмистру—стрѣловый баталіонъ, съ переименованіемъ въ подполковники. Оба назначенія состоялись только потому, что они флигель-адъютанты; кто попалъ въ свиту—считается уже на все способнымъ. Того же взгляда держится и Великій Князь: своихъ адъютантовъ и ординарцевъ (въ числѣ которыхъ есть совсѣмъ неопытные юнцы) онъ считаетъ способными на все. Даетъ имъ серьезнѣйшія порученія, съ которыми не всякій офицеръ генеральнаго штаба справится. Между тѣмъ, офицеры генеральнаго штаба сплошь и рядомъ сидятъ безъ дѣла или за перепискою. Донесеніямъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ довѣряетъ больше, чѣмъ начальникамъ отрядовъ. Такъ было съ самаго начала кампаніи, такъ продолжается и теперь. Было бы совсѣмъ напраснымъ трудомъ доказывать ему, что это—невозможный порядокъ вещей.

27 октября.—Опять чудная погода. Государь поѣхалъ объ-

взять румынскія позиціи. Великій Князь послалъ Левицкаго сопровождать. Вернулся Левицкій въ восторгѣ отъ ласковаго обращенія Государя.

29 октября. — Вчерашняя канонада означала ваятіе Скобелевымъ перваго гребня такъ называемыхъ „Зеленыхъ горъ“. Въ 11 час. вечера турки пытались вытѣснить нашихъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. За ночь взятая позиція была укрѣплена; и когда сегодня, около 7 час. вечера, турки вторично ее атаковали, то были опять отброшены. Наша потеря: 2 убитыхъ и 3 раненыхъ офицера и до 150 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Нынче же ночью впереди Тринны сооруженъ отрядомъ Бремзена большой редутъ на такъ называемой „Волинской горѣ“. Къ утру окончено вооруженіе редута.

Вечеромъ Великій Князь пригласилъ меня къ чаю. За чаемъ, по его приказанію, я составилъ и послалъ (за подписью Непокочидцаго) телеграммы: 1) Гурко въ Дольный-Дубнякъ—чтобы немедленно выслалъ съ лѣваго берега Вида всѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ и сообщилъ объ этомъ всѣмъ частнымъ начальникамъ къ исполненію; не допускать также и англійскаго полковника Гавелока, не взирая на имѣющееся у него Высочайшее разрѣшеніе развѣзжать по нашимъ позиціямъ. 2) Князю Имеретинскому въ Тученицу: „Прикажете слѣдить за англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ, не позволять ему осматривать наши позиціи и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать его на лѣвый берегъ Вида. Пусть живетъ въ Тученицѣ или Боготѣ. Если выберетъ Тученицу, прикажете за нимъ слѣдить“. 3) Генералу Карцову въ Ловчу: „иностранныхъ корреспондентовъ и особенно англійскаго полковника Гавелока дальше Ловчи не пускайте и прикажете слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не переходилъ на лѣвый берегъ Вида“.

По отправленіи этихъ телеграммъ, была получена телеграмма Гурко о взятіи вчера (28 октября) города Врацы кавалерійскимъ отрядомъ генераль-маіора Леонова. Тотчасъ же копія съ этой телеграммы была послана Государю и затѣмъ въ Петербургъ и прочія мѣста, какъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ, какъ мы подъ Плевною, установился такой порядокъ: каждое получаемое съ театра войны извѣстіе сообщается прежде всего Государю, а затѣмъ по телеграфу: въ Царское-Село—Императрицѣ, въ Петербургъ—начальнику главнаго штаба; въ Москву—Каткову; въ Одессу—градоначальнику; въ Бухарестъ—начальнику тыла арміи

генералъ-адъютанту Дрентельну и нашему генеральному консулу и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ: рущукскаго—Наслѣднику Цесаревичу; шипкинскаго—Радецкому; тырновскаго—князю Шаховскому; плевнинскаго—Тотлебену; нижнедунайскаго—Циммерману. Болѣе важныя извѣстія посылаются еще великому князю Михаилу Николаевичу на Кавказъ.

Взятіе Врацы одною кавалеріею — добрый знакъ: очевидно, турецкія войска деморализованы. Въ Плевнѣ тоже не важно: по показаніямъ перебѣжчиковъ, тамъ еще двѣ недѣли тому назадъ давали по 1½ фунта хлѣба и около 1 фунта мяса на человѣка, а теперь даютъ хлѣба $\frac{3}{4}$ фунта и по двѣ кукурузы, а дача мяса прекращена. Такъ какъ теперь всякій подвозъ въ Плевну превращенъ, то тамъ скоро долженъ наступить голодъ, и, слѣдовательно, вопросъ сдачи Плевны есть лишь вопросъ времени. Только бы намъ хватило терпѣнія выждать, да не надѣлать какихъ-нибудь крупныхъ промаховъ.

30 октября.—Вчера между Гурко и Скобелевымъ происходилъ эффектный, хотя и напрасный турниръ. Гурко пріѣхалъ къ Скобелеву на позицію переговорить. Скобелевъ, разговаривая съ нимъ на ходу, сталъ какъ бы нечаянно подниматься на брустверъ. Гурко, разумѣется, не отсталъ. Оба, стоя на гребнѣ бруствера, продолжали разговоръ и разглядывали турецкую позицію. Разумѣется, турки открыли по нимъ огонь. Тогда никто не захотѣлъ первымъ сойти съ бруствера и оба стали прохаживаться, продолжая разговоръ. Нѣсколько гранатъ перелетѣло; наконецъ, одна врылась въ брустверъ почти у ихъ ногъ, но, по счастью, не разорвалась, а только осыпала обонихъ генераловъ землей. И послѣ этого они продолжали еще стоять на брустверѣ нѣкоторое время, пока, наконецъ, не надумали спуститься одновременно.

Скобелевъ съ Куропаткинымъ переселились теперь на самую передовую позицію: въ траншеѣ живутъ, обѣдаютъ и спятъ. Скобелевскій поваръ уже былъ раненъ на своей „кухнѣ“, во время приготовления пищи.

Передъ обѣдомъ Великій Князь ѣздилъ на радишевскую батарею.

Сегодня за обѣдомъ всѣ напали на начальника полевого телеграфа, генералъ-маіора Штала: сперва за неисправность телеграфа вообще, а потомъ—за нелѣпный тарифъ. Въ Порадимѣ двѣ станціи: русская и румынская. Румынская беретъ за депешу въ Петербургъ 6 франковъ, а русская — 9. Румыны

примѣняютъ румынскій, а мы—турскій тарифъ. Первые говорятъ: „гдѣ мы, тамъ и Румынія“, а мы, настоящіе завоеватели, считаемъ себя въ Турціи. Вслѣдствіе этого, всѣ частныя депеши посылаются всѣми, не исключая лицъ государевой свиты, черезъ румынскую станцію. Почти невѣроятная несообразность.

Великій Князь все время прислушивался къ этому спору и смѣялся. Шталь довольно неискусно отбивался и наконецъ имѣлъ неосторожность сказать: „Я, какъ истинный сынъ своего отечества, долженъ стараться принести ему пользу“. На этомъ словѣ его поймалъ присяжный острякъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Коссинскій (инспекторъ госпиталей арміи): „Постойте. Вы—дитѣ своего отечества? Такъ я вамъ вотъ что разкажу: Однажды прѣѣзжаетъ императоръ Николай I въ нѣкій губернский городъ. Въ числѣ представляющихся — нѣкто Романовъ, бросающійся въ глаза своимъ безобразіемъ.— „Какъ фамилія?“ — Романовъ, ваше императорское величество. — „Родственникъ мнѣ?“ — Точно такъ, ваше императорское величество.— „Какимъ образомъ?“ — Ваше императорское величество отецъ отечества, а я его сынъ.— „Въ семьѣ не безъ урода!“ — замѣтилъ Николай Павловичъ.

Общій хохотъ закончилъ споръ.

Поощренный Коссинскій тотчасъ же разсказалъ уже современному анекдотъ о томъ, какъ объясняютъ себѣ наши солдаты румынское союзничество. „Только-что мы къ Балканамъ подошли,—стала эта румынская Карла нашего царя просить, чтобъ его въ короли произвелъ. А нашъ царь и говоритъ:—Произвести тебя я могу, только ты мнѣ сперва мужество свое яви: вотъ эту самую Плевну возьми.—Я бы,—говоритъ Карла,—радъ стараться для вашего величества, да войсковъ у меня мало.—Ну,—говоритъ царь,—этого у меня сколько угодно. Ты себя чѣмъ можешь оправдай.—Съ тѣхъ поръ и сталъ румынская Карла подъ Плевной стараться, чтобъ черезъ есто въ короли произойти“.

По приказанію Великаго Князя, Нелидовъ заготовилъ письмо Осману-пашѣ съ предложеніемъ сдаться. Завтра его пошлютъ.

31 октября.—Утромъ получена телеграмма Радецаго, что вчера, въ 11 час. утра, турки открыли усиленный огонь, а въ 4 часа дня, по сигналу, атаковали гору св. Николая, но были отбиты залпами иркутскаго и енисейскаго полковъ. Наши потеряли 9 убитыми и 74 ранеными (въ томъ числѣ 2 офицера).

Нынче ночью румыны заняли безъ потерь высоту противъ

Опанецкой горы (на лѣвомъ берегу Вида) и устраиваютъ тамъ новую батарею.

Сегодня Левицкій прочелъ Великому Князю и Неповойчицкому составленную имъ записку, возражающую противъ движенія Гурко къ Орханіи и далѣе. Суть записки въ томъ, что движеніе это преждевременно и опасно: надо обождать паденія Плевны. Великій Князь выслушалъ и сказалъ, что переговорить лично съ Гурко.

Артамоновъ и Маѣвъ (драгоманъ) повезли около 3-хъ час. дня Осману-пашѣ письмо Великаго Князя, составленное Нелидовымъ, излагая ему безвыходность его положенія и прося принять увѣреніе въ томъ, что онъ не остановится ни передъ какими усиліями и жертвами, чтобы взять Плевну. — Великій Князь предлагаетъ Осману, во избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія, сдаться на капитуляцію. Оговариваетъ при этомъ, что въ уваженіе къ блистательной храбрости Османа и его арміи—условія капитуляціи будутъ для него почетны.

Великій Князь надѣялся, что Артамонова и Маѣва допустятъ къ самому Осману-пашѣ. Однако, не допустили, а остановили на шоссе не доѣзжая Гривицы, приняли письмо и вѣжливо попросили тутъ же подождать отвѣта до слѣдующаго дня. Такъ они тамъ и заночевали.

Никто серьезно не надѣется на согласіе Османа. Самое письмо писано больше для деморализаціи его свиты, въ надеждѣ, что они будутъ болтать и слухъ о содержаніи письма помаленьку распространится въ массѣ защитниковъ Плевны. Дезертиры говорятъ, что разговоры о сдачѣ уже начались въ Плевнѣ и что двое пашей, будто бы, весьма не прочь капитулировать, но самъ Османъ-паша—ни за что не хочетъ.

1 ноября, вторникъ. — Вчера пріѣхалъ съ Кавказа въ императорскую главную квартиру, а сегодня былъ у насъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, съ Георгіемъ на шеѣ. Если вѣрить молвѣ, то весь планъ новой, побѣдоносной кампаніи на Кавказъ принадлежитъ ему, и онъ же направлялъ своими совѣтами первыя распоряженія въ исполненію этого плана: за это и награжденъ прямо Георгіемъ 3-й степени, по представленію Великаго Князя Михаила Николаевича. Зачѣмъ Обручевъ пріѣхалъ сюда и надолго ли—не знаю. Заходилъ сегодня къ намъ, былъ очень милъ, много и съ интересомъ спрашивалъ, но уклонялся отъ всякихъ отвѣтовъ на наши вопросы, отзываясь, что вѣроятно скоро вернется въ Петербургъ читать лекціи въ академіи. Вели-

кій Князь принялъ его очень любезно, хотя терпѣть его не можетъ и не скрываетъ—за что. Когда, въ 1863 году, былъ объявленъ походъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, то Обручевъ сложилъ съ себя званіе начальника штаба этой дивизіи, открыто заявивъ, что не желаетъ участвовать въ братоубійственной войнѣ, и перешелъ въ главный штабъ, на должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета.

Хотя съ тѣхъ поръ много воды утекло и Обручевъ давно уже бросилъ свой ярый либерализмъ ¹⁾, но Великій Князь ни простить, ни забыть этого не можетъ. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ эту исторію, о которой я, будучи въ 1863 году молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, и не подозревалъ.

Отъ насъ Обручевъ уѣхалъ къ Тотлебену въ Тученицу.

Государь пріѣзжалъ сегодня къ завтраку. Передъ завтракомъ Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, приказавъ принести съ собою реляцію о взятіи Брацы. Войдя, я увидѣлъ Государя, сидѣвшаго рядомъ съ Великимъ Княземъ за столомъ. Государь милостиво отвѣтилъ на мой поклонъ и, продолжая разговоръ съ Великимъ Княземъ, при мнѣ началъ рассказывать ему, что получилъ отъ Швейница (германскаго посла при нашемъ дворѣ) письмо: Порта просила князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополѣ) исходатайствовать посредничество Германіи для начала мирныхъ переговоровъ, но Рейссъ отвѣтилъ, что если Порта серьезно желаетъ мира, то можетъ послать уполномоченнаго прямо въ императорскую главную квартиру, тѣмъ болѣе, что она находится на турецкой территоріи. Къ этому разсказу Государь прибавилъ, что онъ телеграммою поблагодарилъ императора Вильгельма за такой отвѣтъ его посла.

Затѣмъ Государь обратился ко мнѣ и приказалъ пригласить военнаго министра и Непокойчицкаго и вернуться вмѣстѣ съ ними. Исполнивъ это, я по знаку Государя началъ чтеніе реляціи вслухъ, сопровождая чтеніе объясненіями насчетъ относительнаго расположенія пунктовъ, о которыхъ упоминалось въ реляціи. Должно быть, выходило ясно, потому что Государь, слушая съ очевиднымъ вниманіемъ, ни разу меня не остановилъ и даже не взглянулъ на лежавшую передъ нимъ карту.

По окончаніи чтенія, я представилъ Государю присланный мнѣ корреспондентомъ „Новаго Времени“ и фотографомъ-люби-

¹⁾ Еще раньше, въ 1858 или 1859 году, Обручевъ редактировалъ „Военный Сборникъ“ вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ, а печатался этотъ официальный журналъ—въ типографіи Юсафата Огризко, впоследствии казеннаго.

телемъ, А. Д. Ивановымъ, двѣ фотографіи: портретъ раненаго Драгомирова и группу плѣнныхъ турокъ: наши съ его штабомъ, окруженныхъ нашимъ конвоемъ. Государь съ большимъ интересомъ разсмотрѣлъ обѣ фотографіи, а затѣмъ всталъ и направился съ Великимъ Княземъ, Милютинимъ и Неповойчицкимъ въ шатеръ къ завтраку, а за ними и я.

Послѣ завтрака, Государь съ Великимъ Княземъ поѣхалъ на встрѣчу 2-й гренадерской дивизіи, которая около двухъ часовъ дня должна пройти по плевно-ловчинскому шоссе, направляясь на лѣвый берегъ Вида.

9 час. вечера.—Артамоновъ и Макѣевъ вернулись часа три тому назадъ и привезли отвѣтное письмо Османа-паши. Его самого не видали: ихъ не пустили дальше сторожевой цѣпи. И вчера, и сегодня, они имѣли разговоръ съ однимъ и тѣмъ же офицеромъ 1-го турецкаго гвардейскаго полка, будучи при этомъ предметами любопытства массы турецкихъ солдатъ. Вчера офицеръ началъ съ того, что попросилъ ихъ подождать; затѣмъ, вернувшись, пригласилъ пріѣхать за отвѣтомъ сегодня въ два часа дня. Артамоновъ и Макѣевъ переночевали въ д. Гривидѣ, такъ какъ возвращаться въ Боготъ было слишкомъ далеко. Когда они подѣхали къ турецкимъ аванпостамъ сегодня, то были встрѣчены сперва очень враждебно. Но когда Макѣевъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, турецкіе часовые послали за офицеромъ, а сами взяли ружья на изготовку. Немного погодя, пріѣхалъ уже знакомый имъ офицеръ, привезъ Артамоновскую сумку (которая, такимъ образомъ, побывала у Османа) и въ ней отвѣтное письмо Османа-паши. При этомъ очень любезно передалъ поклоны: Великому Князю и Макѣеву—отъ самого Османа, а Артамонову—отъ его стараго знакомаго, начальника штаба Тевфикъ-бей.

Въ письмѣ своемъ Османъ-паша очень благодаритъ Великаго Князя за вниманіе, но не находитъ, чтобы его положеніе вынуждало его воспользоваться сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Ему, Осману, извѣстно, что онъ окруженъ, но ничего особеннаго онъ въ этомъ не видитъ. Онъ и помыслить не можетъ предлагать своей храброй арміи капитулировать, а намѣренъ, какъ подобаешь честному солдату, отстаивать до послѣдней капли крови свою позицію, честь своей арміи и интересы своей родины.

Превосходный отвѣтъ! На согласіе капитулировать все равно никто серьезно не надѣялся. Теперь, получивъ энергическій и полный достоинства отказъ, мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ убаюкивать себя легкомысленными надеждами на скорое и легкое

овладѣніе Плевною. Намъ нужны терпѣніе, вниманіе и настойчивая послѣдовательность въ стремленіи къ цѣли: тогда и Плевна будетъ наша. Это лишь вопросъ времени.

2 ноября. — Сегодня Великій Князь поѣхалъ на свиданіе съ Гурко. Я его не сопровождалъ: надо кончать спѣшную работу по составленію подробныхъ реляцій о дѣйствіяхъ Скобелева 30-го и 31-го августа для отправки въ главный штабъ.

Къ обѣду Великій Князь вернулся. Результатъ: Гурко двинется впередъ пока только до Орханли и, по овладѣніи этимъ пунктомъ, постарается занять горные проходы, а дальше не пойдетъ, пока не будетъ взята Плевна. Подъ начальство Гурко поступаютъ гвардейская стрѣлковая бригада, 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя и 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія остается подъ Плевною, а 2-я гренадерская дивизія замѣнитъ 1-ю гвардейскую. Общее начальство надъ всѣми войсками, облагающими Плевну, возлагается на Тотлебена, который предполагаетъ переѣхать изъ Тученицы въ Медованъ, чтобы быть ближе къ войскамъ, блокирующимъ Плевну съ лѣваго берега Вида.

Рѣшеніе не зарываться черезчуръ впередъ прежде паденія Плевны — весьма благоразумно. Война — тотъ же штосъ: если везетъ — можно ставить вабанкъ хоть нѣсколько разъ подрядъ; если нѣтъ — необходимо ограничиваться простыми ставками. Насильно счастья не возьмешь: оно дается въ руки само, и то лишь тому, кто умѣетъ его ловить. А неудачникамъ надо умѣть терпѣть и выжидать.

Тѣмъ болѣе теперь, когда положеніе защитниковъ Плевны ухудшается съ каждымъ днемъ. По показаніямъ бѣглыхъ болгаръ, число которыхъ доходитъ теперь до 100—150 въ день, и турецкихъ дезертировъ (ежедневно человекъ 10—15), духъ войскъ въ Плевнѣ заколебался. Офицеры, будто бы, успокаиваютъ солдатъ надеждою на скорое прибытіе подкрѣпленій, съ помощью которыхъ армія будетъ пробиваться. Можетъ быть, это и вадоръ, но на всякій случай войска наши предупреждены.

Одинъ изъ турецкихъ дезертировъ принесъ съ собой и показалъ суточную дачу хлѣба въ Плевнѣ: небольшой хлѣбецъ въ $\frac{3}{4}$ ф. вѣсомъ. Мяса уже давно не получаютъ.

Вполнѣ надежныхъ данныхъ для сужденія, на сколько времени арміи Османа хватить продовольствія — все-таки нѣтъ. Предполагаемъ, что не болѣе, какъ на мѣсяцъ.

Сегодня узналъ интересную прелюдію къ предложенію Осману-

пашѣ сдачи. Уже нѣсколько дней тому назадъ въ нему послали сына Садык-паши (Чайковскаго) съ однимъ плѣннымъ турецкимъ офицеромъ, Риза-беемъ, чрезвычайно интеллигентнымъ человекомъ. Имъ обоимъ, особенно же послѣднему, было поручено: разузнать, что дѣлается въ Плевнѣ, по возможности подготовить умы къ сдачѣ и затѣмъ вернуться. При этомъ имѣли еще неосторожность намекнуть Риза-беемъ на денежное вознагражденіе. Онъ какъ будто поддакъ на соблазнъ, но искренно или нѣтъ — неизвѣстно. Фактъ тотъ, что когда оба подѣхали къ турецкимъ аванпостамъ, то Риза-беемъ пропустили, а Чайковскому велѣли обождать на нашихъ аванпостахъ. Онъ прождалъ напрасно нѣсколько дней: его такъ и не пригласили. А Риза-бей не вернулся изъ Плевны и по сей часъ.

Этого Риза-беемъ допрашивалъ самъ Великій Князь. Отправка его — дѣло очень неосторожное. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Риза-бей проѣхалъ къ туркамъ, обозрѣвъ по пути значительную часть расположенія нашихъ войскъ. Но еще легкомысленнѣе было посылать Артамонова и Макѣева съ предложеніемъ сдачи, не дождавшись возвращенія Риза-беемъ. Оконфузили мы себя.

Погода послѣдніе 4—5 дней пасмурная, холодная и туманная, но безъ дождя. Листопадъ почти окончился.

3 ноября. — Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что сильно работаетъ въ пользу мира. Полагаетъ, что если покончимъ съ Плевной и возьмемъ въ плѣнъ Османа, то турки запросятъ мира сами. Немудрено. Только согласны ли мы будемъ на этомъ помириться.

Нынѣче ночью опять былъ наступательный бой у Скобелева на „Зеленыхъ горахъ“. Тотлебенъ очень разсердился и объявилъ ему, что если онъ сдѣлаетъ хотя еще одинъ шагъ впередъ, то будетъ отданъ подъ судъ за ослушаніе.

Хуже всего то, что Скобелевъ сильно контуженъ въ поясницу и теперь лежитъ. Смерть его была бы всероссійскимъ бѣдствіемъ, ибо сомнѣнія нѣтъ, что онъ уже сдѣлался народнымъ героемъ. Тѣмъ ужаснѣе, что онъ рискуетъ своею жизнью безъ всякой надобности, только для того, чтобы разговоры о немъ не умолкали ни на одинъ день. Хотя онъ и говоритъ, что зеленогорскія перестрѣлки служатъ ему средствомъ для боевого крещенія массы людей, поступившихъ на укомплектованіе его дивизіи и еще не бывавшихъ въ огнѣ, но едва ли эта цѣль серьезно заслуживаетъ ежедневныхъ (и немалыхъ) жертвъ. Прежде у него 5 баталіоновъ стояли въ боевой линіи, а 16 — въ резервѣ, те-

перъ же—наоборотъ. А между тѣмъ отъ занятія Зеленыхъ горъ ни мы ничего не выиграли, ни турки ничего не проиграли.

Разъ рѣшено ограничиваться блокадою, гораздо благоразумнѣе и послѣдовательнѣе было бы беречь жизнь и силы людей, чтобы они были свѣжи, когда потребуется особое напряженіе. Вмѣсто этого—утомляемъ самихъ себя больше, чѣмъ турокъ.

Дѣла ихъ, впрочемъ, не особенно хороши: держатся, очевидно, только желѣзною энергіею Османа. Ежедневно бѣгающіе теперь изъ Плевны болгары согласно показываютъ, что продовольствія для войскъ хватить не больше, какъ на мѣсяць, а корма для лошадей и скота — дней на десять. Говорятъ также, что турецкіе солдаты часто убѣгаютъ съ позицій въ городъ, откуда ихъ выгоняютъ палками офицеры. Подтверждаютъ, что якобы офицеры успокаиваютъ солдатъ обѣщаніемъ, что въ эту же пятницу (т.-е. завтра, 4-го ноября) подойдутъ подкрѣпленія, съ помощью коихъ будутъ пробиваться.

Вчера отрядъ Гурко двинулся въ походъ. Въ добрый часъ!

Государь пріѣзжалъ сегодня самъ къ Великому Князю узнавать, что именно происходило ночью у Скобелева на позиціи.

4 ноября. — Сегодня въ восемь часовъ утра Великій Князь ѣздилъ въ Брестовацъ, такъ какъ было получено извѣстіе, что Скобелевъ вторично раненъ. Оказалось, что это та же контузія, но очень сильная. Великій Князь сгоряча даже телеграфировалъ Государю въ Порадимъ, на что и былъ полученъ отъ его величества слѣдующій отвѣтъ: „Крайне сожалѣю о ранѣ молодца Скобелева. Дай Богъ, чтобы онъ могъ скорѣе поправиться и продолжать командовать. Отправляюсь отсюда въ половинѣ перваго часа прямо къ реду“.

Вслѣдствіе этой телеграммы, Великій Князь, вернувшись отъ Скобелева, почти немедленно отправился на радишевскій редутъ, куда собирався прибыть Государь для наблюденія за обстрѣливаніемъ Плевны. Я поѣхалъ съ нимъ. Но, по прибытіи къ реду, Великій Князь почувствовалъ дурноту и долженъ былъ вернуться, не дождавшись Государя. По возвращеніи, его сильно стошнило, онъ ослабѣлъ и долженъ былъ лечь въ постель. Это все послѣдствія тяжелой вишневской болѣзни (тимпанитъ).

5 ноября. — Великому Князю лучше, но онъ еще долженъ сегодня отлежаться. Государь спрашивалъ по телеграфу о здоровьи его и Скобелева.

Сегодня въ кабинетѣ Неповойчицаго (самъ онъ, съ наступ-

лѣвѣмъ холодовъ, перешель на житье въ болгарскую хижину) устроена походная церковь, и вечеромъ въ ней первый разъ была всенощная.

6 ноября, воскресенье. — Великолѣпный день: тихо, тепло, солнце сіяетъ на безоблачномъ небѣ. Вечеръ тоже дивный, хотя и морозный: ярко горятъ звѣзды и луна. У насъ въ кибиткѣ въ ноци цѣлыхъ 8° тепла.

Сегодня вечеромъ получено радостное извѣстіе о взятіи Карса, тотчасъ же сообщенное по телеграфу всѣмъ начальникамъ отрядовъ. Государь телеграфировалъ Великому Князю: „По случаю взятія Карса, намѣренъ отслужить здѣсь, послѣ-завтра, благодарственный молебень. Да поможетъ намъ Богъ покончить скорѣе съ Плевной. Съ особымъ удовольствіемъ прочелъ я донесеніе Леонова ¹⁾. Это не то, что дѣйствія Лашкарева“.

Къ ноци пришла еще вторая телеграмма отъ Государя:

„Я буду завтра въ половинѣ перваго къ молебну у тученицкаго редута, послѣ чего заѣду тебя навѣстить. Прикажи конвою моему и лошадямъ ожидать меня у редута. Радуюсь, что тебѣ лучше“.

7 ноября. — Чудное, морозное, солнечное утро, бодрящій воздухъ.

Великій Князь, чувствуя себя лучше, поѣхалъ на молебствіе въ Высочайшемъ присутствіи. Я былъ тоже. Присутствующихъ масса. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ было торжественно отслужено благодарственное молебствіе. Затѣмъ, завтракъ на травѣ, или, вѣрнѣе, на мѣстѣ, гдѣ она была. Вечеромъ на всѣхъ позиціяхъ играла музыка, была иллюминація и кое-гдѣ даже фейерверки. На Скобелевской позиціи, по его мысли, былъ выставленъ въ траншеѣ огромный освѣщенный транспарантъ съ турецкою надписью: „Карсъ взятъ“. Когда турки высунулись посмотреть, по нимъ дали залпъ. Началась перестрѣлка минутъ на двадцать. Это было около 11 часовъ вечера.

М. Гавенкампфъ.

¹⁾ Командующаго 2-ю гвард. кавал. дивизіей.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ АМУРСКАГО КРАЯ

1854—1904 гг.

Окончаніе.

V *).

Обработывающая промышленность и торговля.

Изъ обработывающей промышленности первымъ на Амурѣ появилось винокурение; большая часть области не имѣла еще своего хлѣба, а открыть винокуренный заводъ уже разрѣшили. За сбытъ этого продукта опасаться нечего было. Потребность въ спиртѣ все больше и больше росла, выкурка спирта все увеличивалась. Періодъ пріисковой горячки вызвалъ такой спросъ на спиртъ, что мѣстнаго спирта не хватало. Потребленіе спирта въ край дошло въ 1900 году до 17.000.000 градусовъ, а всѣ заводы (числомъ три) могли выпустить лишь 11.000.000 градусовъ. Недостающее количество пополнялось спиртомъ, привозимымъ изъ Забайкалья, иркутской губерніи, а главнымъ образомъ— моремъ изъ Европейской Россіи. Къ 1904 году заводы мѣстные уже могли выкуривать свыше 20.000.000 градусовъ. Съ занятіемъ нами Манчжуріи спросъ на спиртъ возросъ непомерно. И

*) См. выше: май, 166 стр.

еслибы приамурскимъ заводчикамъ разрѣшили ввозить туда спиртъ со сложеніемъ акциза ¹⁾, то винокурение въ Приамурьѣ дошло бы до значительныхъ размѣровъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ возникло на Амурѣ мукомольное дѣло, которое въ послѣдніе годы сильно разрослось. Помимо обыкновеннаго размолу, вырабатывалась крупчатка. Количество мельницъ и ихъ производительность увеличились; явилась возможность замѣнить дорогую привозную крупчатку мѣстной. Къ 1903 году въ Амурской области мельницы могли вырабатывать свыше 2¹/₂ милліоновъ пудовъ крупчатки, да въ Приморской области около милліона пудовъ. Желѣзодѣлательная и чугуно-плавильная промышленность находится лишь въ зачаточномъ состояніи, такъ какъ пока и желѣзо, и чугунъ привозятся, а не добываются на мѣстѣ. Такъ, напр., одинъ чугуно-литейный заводъ вблизи Благовѣщенска долгое время существовалъ запасами старыхъ пушечныхъ ядеръ изъ Николаевского арсенала. Правда, ядра продавались дешево, но ихъ надо было возить по рѣкѣ за 1.800 верстъ.

Стремленіе развить и другія отрасли обрабатывающей промышленности имѣется, но пока все идетъ въ малыхъ размѣрахъ и въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Существуютъ въ краѣ мыловаренные, кожевенные, пивоваренные, стеклянные заводы. Усиленная застройка городовъ и казенныя сооруженія вызвали возникновеніе лѣсопилокъ съ обработкой дерева, кирпичедѣлательныхъ и известкообжигательныхъ заводовъ. Очевидно, не настало еще время, благопріятное для развитія этого рода промышленности, да и капиталы все время отвлекались на предпріятія болѣе прибыльныя, не требующія приложенія особыхъ техническихъ знаній и усиленной энергіи.

Торговля въ Приамурьи пошла съ первыхъ же дней довольно успѣшно. Почти все время спросъ потребителей не успѣвалъ удовлетворяться торговцами. Дорогая доставка товаровъ, медленные обороты капитала—все съ лихвою оплачивалось потребителями. Барыши купцовъ достигали баснословныхъ размѣровъ, и торговныя предпріятія все шире и шире разрастались.

Въ прежнее время большинство купцовъ разъ въ годъ выѣзжало въ г. Верхнеудинскъ на ярмарку, гдѣ и закупался весь годовой запасъ для Амура. Одинъ, два коммерсанта, можетъ быть,

¹⁾ Ввозъ спирта въ Манчурію изъ Европейской Россіи былъ свободенъ отъ акциза, а амурскому спирту не была дана такая льгота, что сильно огорчало мѣстныхъ заводчиковъ.

добирались до Иркутска. Иностранныя фирмы тоже посылали свои товары на Амуръ моремъ—и все раскупалось на расхватъ по высокой цѣнѣ.

Золотопромышленное дѣло вызвало большое расширеніе торговыхъ предприятий, такъ какъ почти всѣ приисковыя заготовки производились у мѣстныхъ торговцевъ, и руководители приисковаго дѣла предпочитали переплачивать въ три-дорога мѣстнымъ торговымъ фирмамъ, чѣмъ самимъ выписывать изъ первыхъ рукъ. Хорошіе заработки приисковыхъ рабочихъ обильной струей переливались въ карманы мѣстныхъ торговцевъ.

Удовлетвореніе правительственныхъ нуждъ въ видѣ поставокъ и подрядовъ тоже упрочилось за мѣстными коммерсантами. Словомъ, торговля въ краѣ считалась самымъ прибыльнымъ дѣломъ, и всякій, сколотившій хоть небольшой капиталаецъ, спѣшилъ открыть торговое предпріятіе. Никто не беспокоился, что товаръ залежится. Вся забота была направлена лишь къ тому, чтобы поскорѣе получить транспортъ съ товаромъ, такъ какъ потребители съ бою брали, не справляясь ни съ цѣнами, ни съ качествомъ покупки. Улучшились пути сообщенія съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, понизились морскіе фрахты, разрослось пароходство по Амуру, и товары подешевѣли, но барыши купцовъ все еще оставались огромны.

Слава объ амурскомъ рынкѣ, о непритязательности тамошнихъ потребителей, благодаря чему можно сваливать туда все бракованное, всякую залежь,—открыла широкій кредитъ амурцамъ въ Европейской Россіи, особенно у московскихъ фабрикантовъ.

Установившееся желѣзнодорожное черезъ Сибирь сообщеніе измѣнило порядокъ закупки амурскими купцами товаровъ. Не только крупныя фирмы, но едва оперившіеся торговцы сами уже покатали въ Москву, Варшаву, Лодзь и даже Гамбургъ съ цѣлью завязать непосредственныя торговыя сношенія. На амурскаго купца въ Москвѣ смотрѣли какъ на желаннаго покупателя, а Варваринское подворье считало амурца съ пимами ¹⁾ на ногахъ и съ малахаемъ ²⁾ на головѣ за самаго прибыльнаго и щедраго постояльца. Сразу установился такой порядокъ. Амурець набираетъ мануфактуры, галантерейнаго, моднаго (заднимъ числомъ) товара, готоваго платья на сотни тысячъ рублей подъ векселя срокомъ на 12 мѣсяцевъ. Цѣны, разумѣется, ставятся

¹⁾ Валенки.

²⁾ Мѣховой головной уборъ.

хорошія, да за кредитъ начисляетъ москвичъ 12⁰/₀, но амурецъ сговорчивъ, и весельные блявы безпрекословно украшаются его званіемъ, именемъ и фамиліей.

Совершивъ покупку, амурецъ переходитъ въ руки транспортныхъ предпріятій. Транспортные агенты таскаютъ его по трактирамъ, просвѣщаютъ „Яромъ“ и „Омономъ“, а амурецъ ломается и выторговываетъ себѣ болѣе выгодныя условія. Наконецъ, онъ выбралъ себѣ, скажемъ, компанію „Надежда“, и заключается сдѣлка. Транспортная контора обязуется доставить грузъ на Амуръ по такой-то цѣнѣ и за своей отвѣтственностью. Купецъ не только не вноситъ конторѣ причитающагося за доставку и страховку грузовъ платежа, но еще самъ получаетъ отъ конторы ссуду подъ этотъ грузъ, въ размѣрѣ 60⁰/₀ покупной цѣны. Какъ фрахтъ, такъ и ссуда, уплачивается купцомъ на мѣстѣ полученія груза. За выдачу такой ссуды и отсрочку платежа по провозу транспортная контора насчитываетъ 11⁰/₀—12⁰/₀ годовыхъ. Такимъ образомъ, полученный въ кредитъ товаръ поступаетъ обезпеченіемъ новаго кредита у транспортныхъ конторъ.

Получивъ крупную ссуду подъ сданный къ отправкѣ грузъ, амурецъ покупаетъ уже за наличныя деньги такіе товары, которые подъ векселя, особенно долгосрочные, не продаются. Обезпечивъ себя на чужія деньги самымъ разнообразнымъ товаромъ, амурецъ страхиваетъ съ себя весь чадъ Яромъ, Омоновъ и другихъ зланныхъ мѣстъ первопрестольной, выпарится въ Сандуновскихъ баняхъ и съ сибирскимъ экспрессомъ катитъ на родину.

Московскій фабрикантъ и транспортная контора потирали руки, что ловко остригли простоватаго таежника, а этотъ простакъ ухмылялся про себя, такъ какъ твердо зналъ, что амурскій потребитель не только оплатитъ всѣ наложенные проценты, но еще перепадетъ немалая толика и въ карманъ простака.

Западные фабриканты и фирмы сначала черезъ своихъ агентовъ ловили тоже амурца, пріѣхавшаго въ Москву, а затѣмъ наводнили все Приамурье своими комми-вожерами и на вышеописанныхъ условіяхъ сбывали всю свою залежь. Гамбургъ же получалъ за проданные амурскому купцу товары денежки русскихъ транспортныхъ конторъ. Прибывшій на мѣсто грузъ выкупался по мѣрѣ надобности и выпускался въ продажу.

Съ мѣстными агентами транспортныхъ конторъ купцы жили дружно, „за всяко просто“, какъ говорятъ здѣсь. Случалось, что денегъ на уплату наложеннаго платежа не имѣется, а то-

варъ—нужный, сезонный. Тогда привозили въ амбаръ несезонный въ видѣ залога, а сезонный выпускался въ магазинъ.

Такъ и шло торговое дѣло безъ сучья и задоринки—потребитель выручалъ, своими богами сглаживалъ всѣ шероховатости.

Но затихла золотопромышленность, спросъ уменьшился, въ магазинахъ накопились залежи. Русскія предпріятія въ Манчжуріи отвлекли туда и людей и деньги,—и такое искусственное положеніе торговыхъ предпріятій дрогнуло. Пришлось кредиторамъ сначала давать отсрочку по векселямъ, затѣмъ пошли протесты, аукціонныя продажи неоплаченныхъ и невостребованныхъ грузовъ и т. п. Пошатнувшіяся фирмы наносили жестокіе удары болѣе устойчивымъ, такъ какъ онѣ устраивали „дешевки“—распродажи съ уступкой до 50%. Распродавъ же товары дешевой, переносили свою дѣятельность въ Манчжурію, гдѣ открылся широкій просторъ для быстрой и легкой наживы. Пока же московскіе и лодзинскіе коммерсанты и фабриканты успѣвали получить исполнительные листы, магазины уже пустовали. Трѣтько разбитые ящики и груды разной укупорки были предоставлены въ распоряженіе судебного пристава.

Кумовство мѣстныхъ транспортныхъ агентовъ съ грузополучателями тоже не обошлось безъ краховъ. Пріѣхавшій какъ-то ревизоръ изъ правленія одного изъ транспортныхъ предпріятій обнаружилъ на складѣ невыкупленныхъ товаровъ 115 ящиковъ папиросныхъ гильзъ, положенныхъ туда въ обезпеченіе выпущенныхъ безъ оплаты наложеннаго платежа въ такомъ же количествѣ мѣсть съ мануфактурнымъ товаромъ и готовымъ платьемъ. И это не единственный случай. А сколько почти безнадежныхъ, дорого стоящихъ и годами ведущихся исковъ пришлось возбудить легкомысленнымъ кредиторамъ! Притомъ, полученные отъ амурца векселя большею частью учитывались въ банкахъ, кредиторы платили за учетъ, а съ наступленіемъ сроковъ пришлось имъ самимъ выкупать эти векселя и посылать въ протесту. Заманчивые барыши оказались жестокимъ обманомъ. Такъ рушились скороспѣлыя, раздутыя легкимъ кредитомъ торговыя предпріятія; дѣла же у жизнеспособныхъ фирмъ пошли ровнѣе, и торговля стала устойчивѣе. Вяѣшнихъ сношеній съ сосѣдними странами амурскій торговецъ почти не имѣлъ; онъ ограничивался лишь удовлетвореніемъ внутренней потребности края. И если въ послѣдніе годы направились излишки товаровъ въ Манчжурію, то только въ пункты расположенія русскихъ войскъ, да въ районъ постройки манчжурской желѣзной дороги.

Какъ только русскій гарнизонъ оставлялъ занятый пунктъ, торговецъ складывалъ тотчасъ же свои товары и уходилъ вслѣдъ за войсками на другое мѣсто.

Страховыя общества, сильно разившія преждевременно, сблизившія высокими ставками, свои операціи въ Манчжуріи, неоднократно вводили въ грѣхъ русскаго торговца. Въѣсто затруднительной и дорого стоющей перевозки товаровъ, торговецъ предпочиталъ сжечь магазины, получить страховую премію, а на новомъ мѣстѣ открывалъ торговлю со свѣжими товарами.

Словомъ, торговецъ нигдѣ не терялся. Ни закрытіе порто-франко, ни даже военныя осложненія не поколебали его благополучія. Тяжелое положеніе амурскаго обывателя въ 1904 году послужило къ обильному наполненію кармановъ амурскаго торговца. Потребовалось даже виѣшательство властей къ обузданію разыгравшагося купческаго аппетита.

VI.

Пути сообщенія.

Главная артерія Приамурья, распредѣлявшая движеніе, жизнь, возникавшія предпріятія—это рѣка Амуръ и его притоки. Не только въ первые годы, но и до настоящаго времени это единственные возможные пути сообщеній. Потому-то все и стремилось сосредоточиться вблизи этихъ естественныхъ путей. Немного въ сторону—и уже человекъ попадалъ въ большое затрудненіе, встрѣчалъ сильное препятствіе для своей дѣятельности, для своихъ занятій. Благодаря отсутствію дорогъ вглубь страны, какъ мы видѣли уже выше, край остается до сихъ поръ полудикимъ, а естественныя его богатства—до сихъ поръ почти неиспользованными.

Прежде всего, разумѣется, взялись за улучшеніе водныхъ путей. Появились вначалѣ на Амурѣ казенные пароходы для надобностей правительственныхъ, а отчасти и для удовлетворенія частныхъ нуждъ по перевозкѣ грузовъ и пассажировъ. Пароходы были построены по проектамъ и соображеніямъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ условіями мѣстнаго плаванія и съ характеромъ мѣстныхъ рѣкъ. Названія пароходамъ были даны тоже причудливыя: „Волкъ“, „Медвѣдь“, „Собака“ и т. п. Пароходы обошлись дорого, а управленіе пароходствомъ—еще дороже. Частной инициативы пока было мало. Появилось

два-три незначительныхъ частныхъ парохода, показались даже пароходикъ американскаго типа съ однимъ колесомъ за кормой.

Казенные пароходы оказались мало пригодны и мало способны къ движенію, особенно вверхъ по рѣкѣ, а частные брали за доставку грузовъ и перевозку пассажировъ чудовищныя цѣны. Провозъ пуда груза отъ Николаевска до Срѣтенска (3.000 верстъ) стоилъ въ первое время до 15 руб., а пассажира—150—200 руб. Передвиженіе совершалось медленно и съ разными приключеніями. Наконецъ, многолѣтнія неудачи казеннаго пароходства вынудили правительство обратиться къ частнымъ предпринимателямъ. Рѣшили выдавать денежную субсидію, возложивъ на частное пароходство обязательные рейсы, перевозку почтъ, казенныхъ грузовъ.

Предприниматели нашлись въ лицѣ столичныхъ капиталистовъ: Бенардаки; Абаза и др. Учредилось товарищество амурскаго пароходства, уставъ котораго 18 сентября 1871 г. былъ утвержденъ законодательнымъ порядкомъ. Правительство заключило съ товариществомъ договоръ на двадцать лѣтъ, по которому товарищество обязуется держать не менѣе 12-ти пароходовъ и содержать срочные рейсы по Амуру между Срѣтенскомъ и Николаевскомъ два раза въ мѣсяцъ, по р. Усури—отъ Хабаровска до поста № 4 вблизи оз. Ханка каждые 7 дней, и отъ оз. Ханка до с. Камень-Рыболовъ—каждые 15 дней. Казенные пароходы съ баржами товарищество обязуется принять отъ морского вѣдомства по расцѣнкѣ, произведенной этимъ вѣдомствомъ совместно съ представителями товарищества. Почта должна перевозиться бесплатно, казенные грузы—отъ Срѣтенска до Николаевска—по 50 коп., а обратно—по 1 рублю съ пуда; нижнихъ чиновъ, переселенцевъ и арестантскія партіи—съ платою по 0,3 коп. съ человѣка и версты. Пассажирскій тарифъ не долженъ превышать въ первомъ классѣ 3 коп., во второмъ— $1\frac{3}{4}$ коп. и въ третьемъ $\frac{1}{2}$ коп. съ версты; частный грузъ—не выше $\frac{1}{10}$ коп. съ пуда и версты.

За выполненіе перечисленныхъ операцій товарищество получаетъ отъ правительства субсидію въ видѣ порейсовой платы въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ по 2 р. 15 коп. за каждую пройденную пароходомъ версту. По прошествіи десяти лѣтъ, порейсовая плата уменьшается ежегодно на 5%, такъ что къ концу договорнаго срока должна равняться лишь 1 руб. 7 коп. за версту.

Въ 1872 году товарищество амурскаго пароходства открыло свои дѣйствія и сразу потерпѣло неудачу. Принятыя имъ ка-

зенные пароходы меньше всего могли удовлетворять требованіямъ коммерческаго предпріятія. Только казенные ресурсы могутъ выдержать эксплуатацію подобныхъ неуклюжихъ желѣзныхъ ящиковъ. Къ тому же морское судно, на которомъ шли въ разобранномъ видѣ заказанные товариществомъ пароходы, потерпѣло аварію, кажется, въ Татарскомъ проливѣ. Пришлось работать казенными „утюгами“ (такъ называли амурцы эти пароходы) и съ грѣхомъ пополамъ, неся убытки, выполнять лишь срочные почтовые рейсы. Въ навигацію 1872 года частные грузы остались недоставленными, что тяжело отразилось какъ на населеніи края, такъ и на торговомъ классѣ. Помимо общихъ неблагопріятныхъ условий и внутренней распорядокъ въ дѣлахъ товарищества, правленіе котораго находилось въ Петербургѣ, мало способствовало благосостоянію и развитію возникшаго пароходства, несмотря на монополію и отсутствіе конкуренціи. Съ годами появились у товарищества болѣе пригодныя для мѣстнаго плаванія суда, а казенные были обращены въ баржи ¹⁾. Увеличилось количество частныхъ грузовъ и пассажировъ,—но прошло 20 лѣтъ, и товарищество почти разорилось.

Въ выполненіи принятыхъ на себя по отношенію казны обязательствъ, товарищество настолько стало неисправно, что потребовалось замѣнить его кѣмъ-либо другимъ. Другихъ же частныхъ пароходовъ на Амурѣ не было. Плавали-было два, три парохода купца Лукина, но товарищество купило ихъ у него, обязавъ Лукина не имѣть пароходовъ въ теченіе извѣстнаго срока. Къ началу девяностыхъ годовъ появился на Амурѣ энергичный и предпріимчивый человекъ, нѣкто Н. П. Макѣевъ. Бывшій блестящій офицеръ, угодившій на каторгу за убійство своего командира, а затѣмъ возстановленный въ своихъ прежнихъ правахъ, Макѣевъ былъ еще полонъ выпучихъ силъ и стремился приложить свою энергію къ какому-либо крупному предпріятію въ новомъ краю.

Печальное положеніе товарищества внушило Макѣеву мысль создать новое пароходное дѣло и выхватить у товарищества правительственную субсидію и прочія его привилегіи. Не имѣя собственныхъ средствъ (или очень незначительныхъ), онъ началъ искать капиталистовъ. Удалось ему склонить къ задуманному предпріятію извѣстнаго въ то время сибирскаго миллионера А. М. Сибирякова и владивостокскаго капиталиста М. Г. Ше-

¹⁾ На Николаевскомъ рейдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли корпуса бывшихъ: Медвѣды, Волка, Собаки и др., но они теперь носятъ названіе номеровъ и употребляются какъ баржи для перегрузки съ морскихъ судовъ на рѣчнѣя.

велева. Образовалось товарищество: „Сибиряковъ-Шевелевъ“, которое и предложило свои услуги правительству по содержанию срочныхъ рейсовъ по рѣкамъ амурскаго бассейна.

29-го мая 1892 года этимъ товариществомъ былъ заключенъ контрактъ съ департаментомъ торговли и мануфактуръ на 15 лѣтъ, считая съ 1894 года, причемъ черезъ каждые пять лѣтъ условія договора могутъ измѣняться по усмотрѣнiю приамурскаго генералъ-губернатора и съ согласія товарищества. Въ промежутокъ между заключенiемъ этого контракта и открытiемъ дѣйствiя вновь возникшаго пароходнаго предпрiятiя произошли событiя, измѣнившiя первоначальное положенiе дѣлъ. Хотя за А. М. Сибиряковымъ и М. Г. Шевелевымъ установилось мнѣнiе, какъ о неисчерпаемыхъ источникахъ презрѣннаго металла, но въ это время ни тотъ, ни другой не могъ, или не желалъ, вложить въ пароходное дѣло крупные капиталы, и затѣянное дѣло стало расклеиваться. Но Макѣевъ не могъ такъ легко отказаться отъ своего замысла и бросился искать капиталовъ въ другихъ мѣстахъ.хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, къ величайшему огорченiю товарищества амурскаго пароходства, не желавшаго выпустить изъ своихъ рукъ казенную субсидiю, а тѣмъ болѣе имѣть новаго конкурента.

27-го декабря 1893 года, Высочайше утвержденъ уставъ „Акционернаго амурскаго общества пароходства и торговли“, въ составъ акционеровъ котораго вошли А. М. Сибиряковъ и Н. П. Макѣевъ, а М. Г. Шевелевъ отъ участiя совсѣмъ отказался. Правленiе общества основалось въ Москвѣ, а Н. П. Макѣевъ былъ назначенъ директоромъ-распорядителемъ пароходства на мѣстѣ.

Въ навигацiю 1894 года амурское общество открыло свое почтово-пассажирское движенiе, принявъ на себя обязательства передъ правительствомъ по контракту, заключенному съ Сибиряковымъ и компанiей 29-го мая 1892 года, а спустя пять лѣтъ, 15-го марта 1898 года, оно замѣнило этотъ контрактъ новымъ договоромъ, срокомъ на 11 лѣтъ, т.-е. по 1908 годъ включительно.

Условiя этого договора таковы:

Съ 1898 года по 1902 годъ включительно срочное почтово-пассажирское сообщенiе должно быть производимо по рр. Шилкѣ и Амуру ¹⁾ (3.055 версты) черезъ каждые пять дней, а всего въ навигацiю—по тридцати рейсовъ съ каждаго конечнаго пункта, равныхъ 183.330 верстамъ. Число пароходовъ должно быть не

¹⁾ Обязательные рейсы по р. Уссурй и оз. Ханка отгѣнены, въ виду проведенiя уссурйской желѣзной дороги.

менѣ семи и не болѣе девяти съ соотвѣтственной осадкой въ нижнемъ, среднемъ и верхнемъ теченіи рѣки. Общество обязуется перевозить бесплатно вурьеровъ, фельдъегерей и всякаго рода корреспонденцію: простую, страховую, денежную и посылки. Офицеровъ и гражданскихъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, ѣдущихъ по казенной или частной надобностямъ, перевозить на 50⁰/₁₀₀ ниже установленной для пассажировъ платы. За перевозку нижнихъ чиновъ, переселенцевъ и арестантовъ взимать плату въ половинномъ размѣрѣ пассажирскаго тарифа по III классу. Казенные и принадлежащіе переселенцамъ грузы оплачиваются внизъ по теченію не свыше 0,017 коп., а вверхъ по теченію—не свыше 0,035 коп. съ пуда и версты. Перевозка громоздкихъ предметовъ, лошадей, рогатаго скота, артиллеріи также имѣетъ свою установленную, пониженную противъ частныхъ грузовъ плату. Пассажирскій тарифъ не долженъ превышать: для I класса—2¹/₂ коп., II—1¹/₂ коп. и III—¹/₂ коп. съ версты. За частные грузы, перевозимые на разстояніе менѣе 100 верстъ—не болѣе ¹/₁₀ коп., а свыше 100 верстъ—не болѣе ¹/₃₀ коп. съ пуда и версты, причеъ за транзитные по всему протяженію грузы отъ Срѣтенска до Николаевска фрахтъ не долженъ превышать 75 коп., а въ обратномъ направленіи—1 руб. 50 коп. съ пуда. Общество получаетъ отъ правительства за каждую пройденную версту 1 р. 37 к., или 250.000 р. въ годъ.

На такихъ началахъ возникло новое пароходное предпріятіе, и сразу установилась непримиримая вражда между „товариществомъ“ амурскаго пароходства и амурскимъ привилегированнымъ „обществомъ“, которая продолжается и доселѣ на почвѣ конкуренціи—по перевозкѣ грузовъ. Насколько хватило у Маѣева энергіи и умѣнья организовать почти безъ капитала пароходное дѣло, настолько онъ оказался неудачнымъ администраторомъ и неуживчивымъ человѣкомъ по отношенію къ правленію общества. Военныя дѣйствія между директоромъ-распорядителемъ и правленіемъ общества открылись чуть ли не съ первыхъ дней. Недостатокъ оборотнаго капитала, постройка судовъ въ кредитъ, платежъ высокихъ процентовъ, неудачный заказъ въ Англіи четырехъ пароходовъ для верхней дистанціи, а главное—сплошная неурядица по управленію, полный разладъ Маѣева съ правленіемъ довели дѣла общества до прекращенія платежей, до торговой несостоятельности въ теченіе первыхъ же пяти лѣтъ.

Товарищество амурскаго пароходства вело свои дѣла также далеко не блестяще, а потому передать ему снова казенныя

обязательства не было основаній. Въ силу необходимости, ради правительственныхъ интересовъ, пришлось поддержать погибающее предпріятіе, и надъ дѣлами амурскаго общества въ 1899 году учреждена была администрація, съ перенесеніемъ правленія изъ Москвы въ Петербургъ. Инициаторъ же и основатель дѣла Н. П. Макѣевъ, перенесшій свою борьбу съ правленіемъ въ судебныя учрежденія, разорился на судебную волокиту и, возвращаясь зимой изъ Петербурга, простудился дорогой, кое-какъ добрался до Благовѣщенска, гдѣ и умеръ, оставивъ многочисленную семью въ полной нищетѣ, а настроенные имъ дома—земельному банку, на удовлетвореніе полученной оттуда ссуды.

Десятилетіе было оживленнымъ періодомъ на Амурѣ. Существовавшее пароходство не успѣвало удовлетворять нужды грузоотправителей. Помимо высокаго фрахта, приходилось платить немалый куртажъ пароходнымъ агентамъ, чтобы отправить свой грузъ не въ очередь или чтобы отправленный грузъ не зазимовалъ въ дорогѣ. Для Амура, который въ навигацію долженъ запастись всѣмъ необходимымъ на круглый годъ, всякая задержка или несвоевременная доставка грузовъ вызывала критическое положеніе. Казалось бы, при такихъ условіяхъ пароходное дѣло должно было процвѣтать, но на дѣлѣ выходило иначе. Богатѣли агенты, наживались командиры, получающіе тысячные оклады, широко и шумно жили директора, а предпріятіе концовъ съ концами не сводило. Недостатокъ, неисправность и дороговизна перевозочныхъ средствъ вынудили золото-промышленныя компаніи завести свои пароходы, а за ними пошли и другіе предприниматели, особенно купцы-молокане. Предпочтеніе отдали пароходу американскаго типа, задне-колеснику съ деревяннымъ корпусомъ. Машины выписывались изъ Америки или Германіи, а корпусъ строили на мѣстѣ. Такой пароходъ съ грузоподъемностью 12—20 тысячъ пудовъ обходился 60—80 тысячъ рублей и могъ быть сооруженъ за одну зиму. Первое время такой пароходъ окупался за одну навигацію, а къ 1900 году въ водахъ амурскаго бассейна уже насчитывали свыше ста разнаго типа пароходовъ. Теперь ужъ не грузоотправитель снималъ шапку передъ пароходчикомъ, а пароходовладѣлецъ бѣгалъ и ухаживалъ за нимъ.

Главная работа была—доставка транзитныхъ грузовъ снизу вверхъ. Сверху же внизъ пароходы шли пустыми. Внутреннее движеніе по рѣкамъ Зеѣ, Селенгѣ, а съ 1900 года по Сунгари также ограничивалось большею частью перевозкой въ одинъ конецъ. Заполучить транзитные чайные грузы изъ Николаевска

или Хабаровска до Срѣтенска—значило обезпечить себѣ навигацію. Конкуренція сбила фрахтъ до невозможнаго. Грузовъ не хватало на всѣхъ, и въ послѣдніе годы отъ Николаевска до Срѣтенска везли за 60 коп. и ниже пудъ. Какой ироніей отзывался пунетъ правительственнаго договора съ „Амурскимъ обществомъ пароходства“, воспрещавшій взимать за частные грузы отъ Николаевска до Срѣтенска свыше 1 р. 50 коп.!

Итакъ, чайные грузы были главнымъ источникомъ дохода для амурскаго пароходства. И на этотъ источникъ въ 1903 году было сдѣлано нападеніе со стороны китайско-восточной желѣзной дороги, которая предложила чаоторговцамъ взять на себя доставку чая изъ Ханькоу черезъ г. Дальній до чайныхъ рынковъ Европейской Россіи за болѣе дешевую плату. Помимо сильнаго сокращенія срока перевозки, названная дорога принимала на себя обезпеченіе чаевъ пошлиной, освобождая владѣльцевъ груза отъ взноса залоговъ.

Амурскому пароходству угрожалъ неизбѣжный крахъ, но, къ его счастью, затѣя „Манчжурки“¹⁾ на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско; дорога обнаружила полную свою неспособность и неподготовленность къ исправной перевозкѣ, и часть чаевъ пошла по прежнему пути, черезъ Амуръ. Если въ послѣдніе годы было тяжело субсидированному и обезпеченному казенными грузами пароходству, то что сказать о частныхъ пароходовладѣльцахъ? У многихъ дрова не окупались, болѣе предприимчивые возили съ р. Сунгари контрабанду, а то еще проще—ликвидировали дѣло пожаромъ. Страховали пароходъ выше его стоимости, и въ одинъ прекрасный день онъ благополучно сторалъ. Но страховымъ обществамъ не понравились такіе приемы страхователей, и въ послѣдніе два года всѣ общества прекратили вовсе приемъ на страхъ амурскихъ судовъ. Такія ликвидации, благодаря амурскимъ нравамъ, сходили съ рукъ благополучно. Только въ 1903 году до суда дошло дѣло бр. Косицыныхъ по обвиненію въ поджогѣ парохода и груза, застрахованнаго за 300 тысячъ рублей. Сколько характерныхъ пожаровъ произошло на моихъ глазахъ, но ни разу виноватыхъ обнаружено не было! Помню, горѣло, какъ свѣчка, воинское присутствіе въ Забайкальѣ, гдѣ только-что полковникъ Кононовичъ²⁾ закончилъ ревизію, обнаруживъ массу злоупотребленій. Не только онъ не успѣлъ спасти собранныхъ имъ матеріаловъ,

¹⁾ Такъ называется здѣсь китайско-восточная желѣзная дорога.

²⁾ Впоследствии губернаторъ о. Сахалина.

но самъ едва не сгорѣлъ. Какой грандіозный костеръ представляли собой горящіе вазенные амбары на Карѣ! Море огня яростно бушевало, длинные огненные языки высоко прорывались ночную темноту. Грандіозное зарево далеко освѣщало путь мчавшейся тройкѣ, которая везла въ это время на Кару для ревизіи этихъ амбаровъ высшее начальство.

Помню также пожаръ въ Благовѣщенскѣй главной конторы товарищества амурскаго пароходства, а также пожаръ въ Харбинѣ паровой конторы китайско-восточной желѣзной дороги. Масса публики, веселой, какъ будто на уличномъ праздникѣ. Хохоть, остроумныя замѣчанія такъ и сыплются. Настроеніе у всѣхъ игривое, какъ будто передъ глазами происходитъ не несчастіе, а что-то невинное, шаловливое, напоминающее ауто-да-фе, учиненное школьниками надъ латинскими и греческими учебниками послѣ окончательныхъ экзаменовъ.

Возвращаюсь къ плаванію по Амуру. Въ послѣднее десятилѣтіе было еще два специальныхъ пароходныхъ предпріятія. Строилась забайкальская желѣзная дорога и производились изысканія для проведенія амурской желѣзной дороги отъ Срѣтенска до Хабаровска. Для подвозки строительныхъ матеріаловъ на строящуюся и предполагаемую дорогу министерство путей сообщенія выстроило съ десятокъ *специальныхъ* рѣчныхъ пароходовъ. Когда постройка забайкальской дороги окончилась, а проведеніе амурской было отложено, то этимъ пароходамъ дѣлать стало нечего. Ихъ и разсвали кое-куда. Часть отдали телеграфнымъ чинамъ для развѣзда по ремонту вѣчно портящейся линіи, часть перешла въ учрежденное на Амурѣ управленіе водными путями ¹⁾, а часть стоитъ на привязи у берега, какъ наглядное напоминаніе потомству, какихъ пароходовъ не слѣдуетъ строить на Амурѣ.

Второе специальное пароходство учредила китайско-восточная желѣзная дорога для подвозки съ рѣки Уссури на рѣку Сунгари до Харбина строительныхъ матеріаловъ, машинныхъ частей, паровозовъ и т. п., прибывавшихъ моремъ во Владивостокъ, откуда по уссурійской желѣзной дорогѣ они доставлялись на ст. Иманъ или Хабаровскъ. Пароходы эти также закончили свою дѣятельность якорной стоянкой у береговъ. Въ такомъ состояніи было пароходное дѣло къ концу 1903 года. Предполагавшееся ранѣе проведеніе рельсоваго пути отъ Срѣтенска до Хабаров-

¹⁾ Развозятъ керосинъ для перевальныхъ фонарей, иногда—чиновъ рѣчного надзора.

ска, еслибы оно осуществилось, имѣло бы громадное значеніе для края. Установилось бы постоянное непрерывное сообщеніе съ вышнимъ міромъ; теперь же—пять мѣсяцевъ пароходнаго, два мѣсяца вьючнаго и пять—на лошадяхъ зимняго пути. Дорога эта, пройдя во многихъ мѣстахъ вдали отъ Амура, прорѣзала бы массу удобныхъ для заселенія мѣстъ, которыя въ настоящее время остаются, за бездорожьемъ, нетронутыми культурой. Да вообще, нужно ли доказывать неотложность проложенія рельсоваго пути въ странѣ культурно-способной, щедро одаренной естественными богатствами? Въ этомъ никто и не сомнѣвался, но погоня за поисками теплаго моря измѣнила первоначальный планъ. Не понравилась синица въ рукахъ, захотѣлось журавля въ небѣ. Надоѣли неудачи на Амурѣ, пошли искать счастья на землѣ Дракона.

Съ проведеніемъ манчжурской желѣзной дороги и уссурійская потеряла свое значеніе, кромѣ перегона въ 100 верстѣ отъ Владивостока до Никольска-Уссурійскаго. А 616 верстѣ пути отъ ст. Кетрицево до Хабаровска обратились, по мѣстному выраженію, въ „генеральскій тупикъ“.

Что можно сказать о грунтовыхъ сообщеніяхъ въ Приамурьѣ? Если я скажу, что таковыхъ не существуетъ, право, не будетъ это преувеличеніемъ. Помимо тѣхъ дорогъ, проведеніемъ и содержаніемъ которыхъ завѣдуютъ строительныя отдѣленія областей, проводились и проводятся дороги специальными средствами и особо назначенными строителями. Такъ, напр., проводилась грунтовая почтовая дорога Владивостокъ-Раздольное, протяженіемъ 60 верстѣ. На эту дорогу ассигновали 100 тысячъ рублей и поручили постройку военному инженеру. Черезъ два года работы было донесено, что ассигнованной суммы, въ виду непредвидѣнныхъ затрудненій, не хватило, а потому требуется еще 100 тысячъ рублей. Это было до учрежденія приамурскаго генераль-губернаторства, и высшее строительно-дорожное учрежденіе находилось въ Иркутскѣ. Изъ Иркутска командировали осмотрѣть дорожныя работы инженера барона Розена.

Вотъ что писалъ въ своемъ докладѣ, между прочимъ, баронъ Розенъ: „...По проложенной дорогѣ мы могли проѣхать лишь семь верстѣ отъ Владивостока, и то только верхомъ. Дальнѣйшее направленіе дороги было обозначено вѣхами... Деревянный мостъ на первой рѣчкѣ рѣшили подвергнуть испытанію, воспользовавшись проходившей мимо батареей, но командиръ батареи, осмотрѣвъ мостъ, не рѣшился пустить по мосту орудія, и перешелъ рѣчку вбродъ, повыше моста...“

Мнѣ какъ-то пришлось имѣть дѣло съ отчетностью по этой постройкѣ. Остался въ памяти эпизодъ съ рабочими быками. Лошади въ то время были недоступной роскошью, и для работъ употребляли быковъ манчжурскихъ или корейскихъ. Ради сохраненія казенныхъ интересовъ, говорилось въ отчетности, весной покупали быковъ (300—400 руб. быкъ), которые, несмотря на обильный кормъ, были недолговѣчны и падали отъ изнуренія на непосильныхъ работахъ. Съ приостановленіемъ работъ на зимнее время, уцѣлѣвшихъ быковъ продавали по 15—20 рублей за голову, чтобы не кормить зимой, а весной снова покупали. Казенный быкъ очень прожорливъ, а кормъ въ тѣ времена былъ непомерно дорогъ, такъ что разница между покупной и продажной цѣной на быка давала, по увѣренію строителей, чистый барышъ казнѣ. И, пожалуй, они правы. Если недавно газеты удивлялись прожорливости вѣчныхъ одровъ въ Петербургѣ, то легко себѣ представить аппетитъ манчжурскаго или корейскаго быка, попавшаго прямо съ подножнаго корма на казенный культурный столъ. Но дорога была нужна, новое ассигнованіе послѣдовало, и дорога была закончена, хотя Владивостокъ не разъ оставался отрѣзаннымъ на недѣлю-другую отъ Раздольнаго. Большой вопросъ этого грунтового пути прекратился лишь съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда намѣреніе о проведеніи амурскаго рельсоваго пути было отложено, вздумали провести колесный путь вдоль Амура отъ Хабаровска до ст. Михайло-Семеновской. Путь этотъ, говорилось въ проектѣ, долженъ быть типа желѣзнодорожныхъ времянокъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ если будетъ рѣшено приступить въ будущемъ къ постройкѣ рельсоваго пути, эта времянка могла бы быть использованной.

Постройкой этой дороги завѣдывалъ амурскій вице-губернаторъ С. Т. Т—нъ, служившій много лѣтъ на островѣ Сахалинѣ, по образованію юристъ (лицейскій). Проживаетъ онъ за 600 верстъ отъ мѣста работъ, въ городѣ Благовѣщенскѣ.

Рабочіе на этой дорогѣ—ссылно-каторжные съ острова Сахалина, а ближайшіе руководители и исполнители работъ—тюремные надзиратели. Къ 1902 году участокъ этотъ, протяженіемъ 250 верстъ, былъ законченъ и обошелся, при даровой рабочей силѣ, въ 250 тыс. рублей. Въ началѣ 1902 года, по зимнему еще пути, я проѣхалъ по этому участку вмѣстѣ съ Т—нымъ. Возвышенное полотно дороги, ровное какъ столъ, покрытое снѣгомъ, ретивые казенные кони, новенькія, чистенькія почтовые станціи, торжественныя встрѣчи на станціяхъ арестант-

скими командами, дѣлавшими намъ, вмѣсто ружей, лопатами „на-карауль“—все это производило недурное впечатлѣніе, еслибы не одно обстоятельство, на которое я обратилъ вниманіе моего спутника.

Несмотря на морозъ не менѣе двадцати градусовъ, арестанты были одѣты въ суконные халаты далеко не послѣдняго срока. Даже наши ямщики, весело покрикивавшіе на лихихъ коней, были въ такомъ же легкомъ одѣяніи; мы же съ Т—нымъ имѣли на себѣ мѣховыя куртки, сверху—хорошія дохи, а ноги были укрыты волчьимъ одѣяломъ.

— Чтѣ съ ними подѣлаете?—сказалъ мнѣ Т—нъ.—И полушубки есть, а ни за что не хотятъ надѣвать.

— У тебя есть полушубокъ?—спросилъ онъ нашего ямщика.

— Точно такъ, есть, ваше—ство,—отвѣчаетъ ямщикъ, весь посинѣвшій отъ мороза.

— Почему же ты не надѣлъ его? Вѣдь ты простудишься.

— Никакъ нѣтъ, ваше—ство. Мы привычны... Въ полушубкѣ неспособно,—отвѣчалъ ямщикъ-арестантъ.

— Вотъ, подите съ ними!—развелъ руками Т—нъ.—У нихъ особая психологія.

Какая такая психологія заставляла ваторжнаго предпочитать дырявый халатъ полушубку, такъ и осталось для меня загадкой.

Вскорѣ послѣ этого дорога была принята почтовымъ вѣдомствомъ и открыта для всеобщаго пользованія. Въ іюнѣ и іюлѣ того же года, пробираясь въ Благовѣщенскъ изъ Владивостока, я пожелалъ проѣхать по этой дорогѣ, но полученныя мной въ Хабаровскѣ свѣдѣнія о снесенныхъ тамъ мостахъ, размытыхъ насыпяхъ охладили мое желаніе, и я предпочелъ отправиться на пароходѣ.

Таковы дороги спеціальныя; проселочныя же, вглубь отъ воднаго или желѣзнодорожнаго пути, всецѣло находятся въ распоряженіи, какъ я уже сказалъ, областного начальства, проводятся на средства земскихъ сборовъ, къ которымъ иногда прибавляютъ особыя ассигнованія. Такъ, напр., въ 1902 году былъ открытъ кредитъ приморскому губернатору въ размѣрѣ 45 тыс. рублей на проведеніе грунтовыхъ дорогъ въ одномъ изъ переселенческихъ районовъ.

Главное вниманіе при проведеніи этихъ дорогъ обращалось на возможно большую дешевизну. Проекты составлялись строительными отдѣленіями, постройка производилась раздробительнымъ подряднымъ способомъ. Въ виду незначительнаго комплекта техническихъ завѣдываніе и надзоръ за производимыми работами воз-

лагаются на полицейскихъ приставовъ. Дороги пролагались, какъ Богъ на душу положитъ подрядчику, и отъ Всевышняго зависѣла также проѣзжеспособность построенной дороги. И такія дороги обходились, въ среднемъ, отъ 200 до 700 рублей за версту. Принятая у подрядчика дорога (въ рѣдкихъ случаяхъ—техникомъ) поддерживала, затѣмъ, свою „непроѣздность“ натуральною повинностью крестьянъ или казаковъ. Многолѣтній опытъ натуральной дорожной повинности показалъ давно ея полную не состоятельность, бесполезную тяготу для придорожнаго населенія. Вспомнимъ великій сибирскій трактъ Томскъ—Иркутскъ. Кто самъ не испыталъ прелести тогдашняго путешествія, тотъ, навѣрное, читалъ объ этомъ.

Трактъ этотъ, ремонтируемый натуральною повинностью, круглый годъ находился въ такомъ состояннн, что у притрактоваго населенія создался особый промыселъ—извлекать экипажи лѣтомъ изъ грязи, зимой—изъ снѣжныхъ сугробовъ. Въ опредѣленныхъ мѣстахъ партнн крестьянъ ожидали путешественниковъ со стягами, веревками, запасными оглоблями и т. п. приспособленіями ¹⁾. Но такое состояннн бывшаго сибирскаго тракта, по сравненію съ грунтовыми дорогами, особенно Приморской области, болѣе заселенной, можно считать довольно своснымъ. Тамъ, хоть съ препятствіями и затрудненіями, все-таки, бывало, проберешься, а приморскія дороги двѣ-трети года остаются совсѣмъ непроѣзжими.

При такихъ условіяхъ даже богатѣйшіе для земледѣлія участки, удаленные отъ рѣки или линнн желѣзной дороги, считались негодными или невозможными для заселенія. Колонизаціонная ёмкость края уменьшалась, и начали поговаривать, что свободныхъ земель уже нѣтъ, и что надо искать ихъ у сосѣднихъ народовъ.

VII.

Школы и врачебно-санитарная помощь.

Школьное дѣло среди крестьянскаго населенія находится въ печальномъ положеннн. Помимо малочисленности школъ, и существующія кое-какъ прозябаютъ на свудныя средства. Тяжелыя условія жизни въ деревнѣ и нищенскіе оклады учительскаго пер-

¹⁾ Незадолго до проведенія сибирской желѣзной дороги ремонтъ этого тракта производился техническимъ надзоромъ на средства установленнаго „повознаго сбора“.

сонала при здѣшной дороговизнѣ не могутъ привлечь въ школьному дѣлу даже сносныхъ работниковъ. Для человѣка не только образованнаго, но просто грамотнаго, — въ здѣшнемъ краѣ широкій выборъ занятій на болѣе обеспеченныхъ мѣстахъ, чѣмъ школа. Женскій трудъ здѣсь также высоко цѣнится, да и вообще тутъ женщина имѣетъ такъ много способовъ устроить сносно свою жизнь, что полунищенское, полное неурядицъ положеніе школьной учительницы почти никого не соблазняетъ.

О школьномъ дѣлѣ въ казачьихъ поселеніяхъ, гдѣ станичный атаманъ — полный распорядитель школы и вершитель судьбы учителя, и говорить нечего. Тамъ — абсолютная тьма. На хабаровскомъ IV съѣздѣ въ августѣ 1903 года предсѣдатель войскового управленія Н. Сотниковъ пытался отрицать пагубное вліяніе станичныхъ атамановъ на школьное дѣло.

— Вы насъ не убѣдите, — возразилъ ему генераль-губернаторъ Д. И. Суботичъ, — у васъ станичный атаманъ — большая власть надъ учителемъ, больше, чѣмъ генераль-губернаторъ ¹⁾.

Въ городахъ учебное и школьное дѣло обстоитъ лучше, но чувствуется съ каждымъ годомъ недостаточность учебныхъ заведеній и неудовлетворительность духовныхъ потребностей населенія. Словомъ, народное образованіе въ здѣшнемъ краѣ находится въ той же рубрикѣ правительственныхъ заботъ, какъ и въ Европейской Россіи, гдѣ ему отводится послѣдняя очередь въ удовлетвореніи нуждъ государства.

Въ 1900 году Владивостокъ украсился высшимъ учебнымъ заведеніемъ — Восточнымъ институтомъ, но преслѣдуемая этимъ институтомъ узко-спеціальная цѣль имѣютъ мало общаго съ просвѣщеніемъ края. Врачебно-санитарное дѣло обстоитъ не лучше просвѣдательнаго. Въ городахъ живетъ немало врачей, изъ которыхъ большая часть — должностныя лица или военные врачи, но во внѣ-городскомъ районѣ врачебная помощь ничтожна и совершенно безсилна. Такъ, напр., въ нивольско-уссурійскомъ участкѣ приморской области съ населеніемъ въ 50 тыс. человѣкъ имѣется два врача, четыре фельдшера и ни одной больницы. Система разъѣдно-стаціонарная. Радиусъ этого участка равняется двумъ-стамъ верстамъ.

Какую помощь могутъ оказать эти шесть врачебныхъ работниковъ, принимая во вниманіе скудость медицинскихъ средствъ

¹⁾ Труды IV хабаровскаго съѣзда: „Общее засѣданіе 16 августа 1903 г.“, стр. 18—19.

и описанные выше пути сообщенія? Только эпидеміи даютъ возможность многимъ деревнямъ видѣть иногда врача.

Въ Амурской области на заселенной крестьянами территоріи имѣется три врачебныхъ участка съ тремя врачами, шестью фельдшерами и одной центральной лечебницей на десять кроватей. Кромѣ этого, на фельдшерскихъ пунктахъ имѣются по три кровати на каждомъ. Районъ каждого врача имѣетъ радиусъ до ста верстъ въ среднемъ. На этихъ врачахъ, кромѣ того, лежатъ и другія обязанности: поѣздки на эпидеміи, санитарный надзоръ, судебно-медицинскія функціи—и отдаленныя деревни годами не видятъ врача.

Больничное дѣло въ городахъ неважно. Въ Николаевскѣ больница помѣщается въ старомъ, гниломъ, ветхомъ зданіи, совсѣмъ непригодномъ для леченія. Въ Хабаровскѣ нѣсколько лучше обставлена больница, но тѣсна, и по одному коридору расположены помѣщенія для заразныхъ и душевно-больныхъ. Во Владивостокѣ—больница на тридцать коекъ общихъ и павильонъ на восемнадцать заразныхъ больныхъ. Въ Никольскѣ-Уссурийскомъ—жалкая больничка на десять кроватей, и только въ Благовѣщенскѣ, съ населеніемъ въ сорокъ тысячъ человекъ, имѣется разныхъ лечебныхъ учреждений на семьдесятъ-пять кроватей. А между тѣмъ плохое санитарное состояніе населенныхъ пунктовъ и городовъ вызываетъ частыя эпидеміи. Сосѣдняя Манчурія и наплывъ китайцевъ-рабочихъ способствуютъ занесенію въ край чумы, холеры, отъ инородцевъ заносится оспа. И большая часть населенія остается безъ всякой медицинской помощи.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1902 году заразныхъ больныхъ было: въ Приморской области 7.037 человекъ, а въ Амурской—1.572 человекъ. Но это только случаи зарегистрированные, а сколько остаются совершенно неизвѣстными врачебному надзору?

Положеніе душевно-больныхъ совсѣмъ печально,—ни одного спеціального для нихъ заведенія не имѣется въ краѣ. Количество душевно-больныхъ велико, и въ 1901 году съѣздъ врачей призналъ неотложнымъ дѣломъ устроить спеціальную лечебницу въ Хабаровскѣ, хотя бы на сто кроватей. Но ходатайство было министерствомъ отклонено. Душевно-больныхъ приходится отправлять въ Томскъ, самое ближнее. Кого нельзя туда отправить, помѣщаютъ на частныхъ квартирахъ, а буйныхъ больныхъ содержатъ въ тюрьмахъ. Что же дѣлается съ душевно-больными въ деревняхъ, благодаря темнотѣ и невѣжеству крестьянъ? Сажаніе на цѣпь больного—обычное дѣло.

Низовья Амура и сѣверные округа Приморской области поражены проказой. Вблизи Николаевска устроена лепрозорія на тридцать-два человѣка, и въ сорока верстахъ отъ города Петро-завловска, на Камчаткѣ,—вторая лепрозорія на шесть человѣкъ. Специальныхъ врачей для завѣдыванія этими лепрозоріями не имѣется. На содержаніе этихъ учрежденій отпускаются гроши, и надзоръ за ними возложенъ на уѣздныхъ врачей. Я не упоминаю здѣсь о лечебныхъ учрежденіяхъ гораздо лучше обставленныхъ, имѣющихъ достаточный врачебный персоналъ и большія медицинскія средства, принадлежащія военному, морскому и желѣзнодорожному вѣдомствамъ. Не упоминаю также о принско-выхъ врачахъ и больницахъ, о переселенческихъ пунктахъ. Всѣ эти учрежденія едва успѣваютъ выполнять возложенныя на нихъ спеціальныя функціи и не могутъ придти на помощь остальному населенію, особенно внѣ городовъ. Въ край до сихъ поръ вѣтъ ни одной фельдшерской, ни одной повивальной школы. Даже городскія больницы не имѣютъ гинекологическихъ отдѣленій. Внѣ-городское же населеніе лишено акушерской помощи, и въ минуту серьезной опасности до сихъ поръ прибѣгаетъ къ изголовью хомута или открытію царскихъ вратъ въ церкви.

VIII.

Рабочіе.

Ни казачье населеніе, ни крестьяне не могли выдѣлить отъ себя излишка рабочей силы на нужды городовъ, правительственныхъ сооружений и рядъ возникшихъ частныхъ предпріятій. Наоборотъ, деревня сама нуждалась періодически въ посторонней рабочей силѣ, и вопросъ, гдѣ ее взять, для деревни былъ не менѣе жгучъ, чѣмъ и для городовъ. Въ первыя времена пришлось пользоваться воинскими командами, затѣмъ—ссылно-каторжными для удовлетворенія лишь вазенныхъ нуждъ ¹⁾. Но, съ увеличеніемъ мѣстныхъ гарнизоновъ, солдаты стали отпускать и на частныя работы. Оставивъ команды, необходимыя для несенія карауловъ и другой гарнизонной службы, цѣлыя батальоны уходили на частныя работы. Во время полевыхъ работъ отпускались, по очереди, на извѣстный срокъ, партіи нижнихъ чиновъ въ земледѣльческіе районы. Такой порядокъ продолжался долгое

¹⁾ Часть уссурійской желѣзной дороги строиласьсылно-каторжными съ острова Сахалина.

время, и баталіоны накопили солидные капиталы, благодаря установленнымъ отчисленіямъ изъ заработанныхъ нижними чинами денегъ. Благосостояніе солдатъ сильно поднялось. Помимо улучшения казеннаго содержанія, каждый солдатъ имѣлъ свободныя деньги. Кто вопилъ, чтобы послѣ службы не явиться домой съ пустыми руками, а кто услаждалъ свое незатѣйливое житіе доступными развлеченіями, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Даже когда появились вольные рабочіе, солдатъ можно было еще встрѣчать цѣлыми командами на работахъ по нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ.

Воинскія команды не могли удовлетворить потребностей все шире и шире развивающейся жизни въ край, и пришлось пользоваться рабочими желтой расы. Корейцы и китайцы все болѣе и болѣе проникали въ край, привлеченные заработками. Плотники, каменщики и чернорабочіе требовались какъ для частныхъ построекъ, такъ и для правительственныхъ сооружений. Даже для домашнихъ надобностей пришлось пользоваться китайцами и корейцами, такъ какъ русской прислуги не было, а женской и мечтать было нечего. Откуда было взять женскую рабочую силу? Было незначительное количество солдатскихъ женъ, да неокрѣпшіи еще новосель въ первый годъ своего поселенія отпускалъ дочерей, рѣдко жену въ городъ на заработки. Не только ради домашнихъ услугъ, но для болѣе легкаго и прибыльнаго заработка трудно было привлечь женщинъ. Семейный, служилый людъ привозилъ иногда съ собой изъ Европейской Россіи женскую прислугу. Проходило два, три мѣсяца, и привезенная вами нянька, горничная или кухарка бросала службу и переходила на положеніе полноправной хозяйки вашего же сослуживца или хорошаго знакомаго.

Лѣтъ восемь тому назадъ во Владивостокѣ, уже кипѣвшемъ жизнью, въ великосвѣтскомъ кафе-шантанѣ солдатскія жены пѣли и плясали подъ бубенъ какаго-то армянина сомнительной репутаціи. И „калинка“ (такъ назывался шантанъ) было единственное мѣсто, гдѣ сливки владивостокскаго общества могли удовлетворять свои эстетическія потребности. При такихъ условіяхъ обязанности горничной, няньки или кухарки и пришлось возложить, главнымъ образомъ, на китайца, въ рѣдкихъ случаяхъ японца. Нянька же японка была доступна лишь состоятельнымъ лицамъ.

Русскій рабочій началъ появляться въ значительномъ количествѣ только съ открытіемъ золотого промысла. Главный контингентъ такихъ рабочихъ дала Западная Сибирь, томская и

тобольская губерніи. Затѣмъ двинулись на Амуръ, особенно въ голодные годы, крестьяне вятской и пермской губерніи. Сектанты изъ Забайкальской области, такъ называемые „семейскіе“, привлекали золотопромышленниковъ своимъ тѣлосложеніемъ, вѣрностью, работоспособностью, а главное—трезвостью. И одна изъ крупныхъ компаній много лѣтъ производила наемну „семейскихъ“ въ Забайкальѣ. На свой счетъ компанія доставляла отътуда рабочихъ на пріиски, а на зиму возвращала ихъ обратно. Несмотря на тяжелыя условія пріисковыхъ работъ, тажежныя лишенія, 16-ти-часовой въ лѣтнее время, почти всегда въ водѣ, рабочей день, народъ издалека стремился сюда, такъ какъ заработки были хороши, и не одну сотню рублей можно было вынести изъ тайги за операцію въ 6—7 мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы пріиски требовали весной до 10.000 рабочихъ, двѣ трети которыхъ осенью вывозились обратно, такъ какъ для зимнихъ работъ удовлетворялись ограниченнымъ числомъ, да и для большинства рабочихъ зимній заработокъ имѣлъ мало привлекательнаго. Вышедшій осенью съ пріисковъ рабочей или отправлялся на родину за свой счетъ ¹⁾, или оставался на зиму въ городѣхъ, подыскавъ себѣ какое-либо занятіе, или же уходилъ въ деревню на молотбу хлѣба, а весной снова нанимался на пріиски.

Почти каждый пришедшій издали рабочей преслѣдовалъ одну цѣль: заработать столько, чтобы вернуться домой съ запасомъ денегъ, достаточнымъ для приведенія въ порядокъ своего расшитаннаго хозяйства. Осѣдать на Амуръ онъ и не думалъ. Но разныя неудачи, а особенно разившееся безшабашное прожитіе жизни послѣ выхода съ пріисковъ въ жилое мѣсто, гдѣ всегда уже подготовлены разные притоны для „пріискателя“, задерживали иногда на Амурѣ рабочаго надолго. Шальная, разнузданная жизнь затягивала его все сильнѣе и сильнѣе, родина и повинутая семья постепенно забывались, и такой рабочей обращался въ извѣстный уже въ литературѣ типъ „пріискателя“ или—какъ ихъ здѣсь называютъ—„Иванѣ“. Эти „Иванѣ“ стали верховодами, носителями пріисковыхъ традицій. Они устанавливали свой порядокъ, вносили свои уставы въ пріисковую казарму, создали свою пріисковую этику. Въ столкновеніяхъ съ пріисковымъ начальствомъ „Иванѣ“ играли главную роль, и рѣшенію ихъ подчинялась вся команда. Съ „Иванѣми“ пріисковому управленію приходилось считаться и идти на уступки, такъ

¹⁾ Пріисковныя управленія обязаны были доставлять рабочаго лишь до жилого мѣста.

какъ замѣнить, особенно лѣтомъ, недовольныхъ рабочихъ другими было невозможно.

Такимъ образомъ образовавшійся классъ постоянныхъ принсковыхъ рабочихъ уже совершенно былъ оторванъ отъ земли, отъ своего первобытнаго состоянія, и на Амурѣ народился принсковый пролетарій, или, по-мѣстному „прискатель“.

Увеличивавшійся съ годами наплывъ рабочихъ на прински понижалъ спросъ. Принсковыя управленія при наемѣ отдавали предпочтеніе новоприбывающимъ, а изъ старыхъ брали по особому выбору ¹⁾. И „прискатель“, не попавшій въ наемку, шелъ самостоятельно въ одиночку или артелью на „вольное стараніе“, болѣе же забубенныя головы выбирали профессію спиртоносовъ.

Тайга наводнялась лѣтомъ такимъ бездомнымъ, бродячимъ элементомъ. Иногда этой шатающейся публикѣ удавалось напастъ на богатые россыпи, до того времени никому неизвѣстныя, а иногда лежація про запасъ занятія золотопромышленниками площади вдали отъ управленія тайкомъ ковырялись этими „вольными старателями“. Принсковыя управленія, при помощи горной полиціи, травили „вольныхъ старателей“, какъ волковъ, но просторная тайга дѣлала травлю мало достигающей успѣха.

Пока въ рабочихъ былъ недостатокъ, такъ что едва хватало ихъ на крупныя предпріятія, мелкіе золотопромышленники пользовались рабочими китайцами и корейцами. Большинство мелкихъ принсковъ разрабатывалось „старательскимъ“ способомъ, в желтолицей работникъ былъ для этого болѣе пригоденъ. Онъ довольствовался малымъ и принималъ такія условія, на которыхъ не согласился бы самый захудалый русскій рабочій. Кромѣ того, желтолицей рабочій стоялъ внѣ горно-полицейскихъ законовъ. Предприниматель не обязывался ничѣмъ передъ этимъ безответнымъ, беззащитнымъ рабочимъ. Ни жилищъ, ни доставки его на принскъ, ни вывоза обратно, ни медицинской помощи предприниматель не обязанъ былъ доставлять этимъ горемыкамъ. Китаецъ или кореецъ шелъ самъ на мѣсто работъ сотни верстъ,

¹⁾ На принскахъ завели особныя книги, которыя рабочіе называли „погаными“. Въ эти книги заносились, по заявленію смотрителей работъ, слабосильные, лѣтныя, а главное—безпокойные, склонные къ протесту, къ неповиновенію. И рабочій, записанный въ эту книгу, второй разъ на принскъ не попадалъ. Иногда принсковыя управленія обмѣнивались между собой списками опороченныхъ рабочихъ, и послѣднимъ былъ закрытъ доступъ на прински крупныхъ компаній. Какого-либо контроля надъ правильностью занесенія рабочаго въ „поганую“ книгу не существовало. Низшій агентъ принсковой администраціи единолично рѣшалъ участь рабочаго.

везъ на себѣ провизію и инструментъ, купленный за свой счетъ. Придя на мѣсто, онъ строилъ шалаши, землянки, шатры, рылъ канавы, отводилъ воду, вскрывалъ „торфа“¹⁾ и производилъ другія подготовительныя работы, все за свой счетъ. И только добравшись до золотоноснаго пласта, получалъ не свыше 2 руб. 50 коп. за каждый намытый имъ золотникъ золота.

Провизію, инструменты такой рабочей покупалъ изъ пріисковаго амбара по цѣнамъ, установленнымъ золотопромышленникомъ. Но чѣмъ особенно былъ привлекателенъ такой рабочей—это удобствомъ расчета съ нимъ. Никакого протеста не могло быть со стороны желтолицыхъ ни на обвѣсъ при приемѣ золота, ни при подсчетѣ рабочихъ книжекъ. Недовольный расчетомъ просто изгонялся съ пріисковъ—иди, куда хочешь, безъ дороги, безъ провизіи. Но нужда на родинѣ гнала, особенно китайскаго пролетарія, на заработки, и въ послѣднее время начали раздаваться голоса, что желтая раса создала конкуренцію русскому рабочему. Начали принимать разныя мѣры къ огражденію русскаго рабочаго и установили даже предѣльный процентъ допущенія на пріиски желтолицыхъ рабочихъ. Но золотопромышленники недовольны такимъ ограниченіемъ и постоянно ходатайствуютъ объ отмѣнѣ ихъ.

Такъ обстоитъ рабочей вопросъ въ самомъ крупномъ предпріятіи—золотомъ промыслѣ. Въ остальныхъ предпріятіяхъ русскихъ рабочихъ еще очень мало, и китайцы являются почти единственными работниками.

Всякаго рода сооруженія и постройки, какъ частныя, такъ и казенныя, исключительно производятся китайскими рабочими, при помощи китайскихъ подрядчиковъ. Въ портовыхъ, крѣпостныхъ работахъ копошатся десятки тысячъ китайцевъ. Матросы на частныхъ судахъ, кочегары, сторожа, работники по домашнему хозяйству, на полевыхъ работахъ, на пристаняхъ и гаваняхъ—всюду китайцы. Солдатамъ, наконецъ, запретили частныя работы, а русскаго рабочаго еще очень мало. Въ 1900 году, особенно послѣ грустныхъ мѣропріятій, принятыхъ генераломъ Грибскимъ по отношенію къ мирнымъ китайцамъ въ г. Благовѣщенскѣ, край очутился въ критическомъ положеніи. Охваченное паникой, китайское населеніе бросало работы и бѣжало на родину. Изъ Владивостока ежедневно пароходы увозили тысячи рабочихъ въ Чифу, и никакими успокоеніями, увѣреніями нельзя было остановить это бѣгство. Постройки остались недовершен-

¹⁾ Такъ называютъ въ просторѣціи пустыне, не содержащія золота слон.

ными, предприятия лишились работниковъ, жители остались безъ прислуги, поля во-время неубранными.

Особенно плохо пришлось амурскимъ казачьимъ поселеніямъ. Большая часть взрослого населенія ушла на военные дѣйствія, а оставшіеся дома, по недоразумѣнію и невѣжеству своему, перебили и перетопили своихъ рабочихъ китайцевъ. Настала полевая страда—а работать некому. Только „военная добыча“ впослѣдствіи вознаградила потери казаковъ.

Но особенно велика и до сихъ поръ нужда въ ремесленникахъ и мастеровыхъ рабочихъ. Людей съ техническими знаніями, даже низшими—полный недостатокъ. И плохой вочегарь замѣняетъ здѣсь машиниста, а мало-мало сносный слесарь—механика. Въ городахъ почти исключительно ремесленники—японцы, немного китайцы.

Такой недостатокъ рабочихъ рукъ вызвалъ въ край широкую потребность въ земледѣльческихъ орудіяхъ. Безпошлинный ввозъ германскихъ и американскихъ земледѣльческихъ машинъ, льготныя условія, установленныя торговыми фирмами для пріобрѣтенія этихъ машинъ крестьянами, способствовали сильному ихъ распространенію, особенно въ Амурской области. Плуги, сѣнокосилки, жатвенныя машины, вѣялки, молотилки съ коннымъ приводомъ, а у севтантовъ и паровыя—имѣются почти въ каждомъ дворѣ.

Торговныя фирмы отпускали въ кредитъ земледѣльческія орудія весной, а осенью производили расчетъ за нихъ. Невысокая цѣна, прочность и приспособленность этихъ орудій къ мѣстнымъ условіямъ явились убѣдительными доводами для сельскаго населенія въ необходимости и цѣлесообразности пріобрѣтать таковыя. Здѣсь и въ поминѣ не было того недовѣрчиваго отношенія крестьянъ къ земледѣльческимъ орудіямъ, какое наблюдалось въ остальной Сибири, гдѣ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ занималась администрація. Тамъ въ казенныхъ складахъ ржавѣли годами плуги, молотилки, вѣялки и косилки, крестьянинъ же пахалъ доморощенной сохой, молотилъ дѣдовскимъ цѣпомъ, вѣялъ лопатой, косилъ „литовой“, а „всевыносящая, многострадальная мать“, не разгибаясь, проходила ниву съ серпомъ.

IX.

Инородцы.

По всему пространству Приморской и Амурской областей, большею частью вдали от населенных пунктов, разбросаны самыя разнообразныя инородческія племена. Большинство изъ нихъ—мѣстные аборигены, ушедшіе вглубь тайги при появленіи въ краѣ русскихъ. Нѣкоторые, очевидно, позднѣе переселились сюда изъ Манчжуріи и изъ Якутской области. Тунгузы, ороконы, гольды, гиліи, въ сѣверныхъ округахъ чучи, коряки, ламуты и айно на Сахалинѣ, затѣмъ перешедшіе въ русское подданство корейцы—все это населеніе, по официальнымъ, далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 50.000 человекъ. Власти знаютъ объ этихъ инородцахъ лишь по получаемому съ нихъ ясачному сбору ¹⁾, процѣженному черезъ липкія руки сборщиковъ. Какъ установлена ихъ общественная, экономическая и духовная жизнь, какія нужды, какія правовыя, имущественныя отношенія этихъ инородцевъ—никто изъ администраціи до послѣднихъ лѣтъ не интересовался, и полудикіе народы были предоставлены самимъ себѣ, имъ предоставлено вести полувѣриную жизнь, самимъ защищаться отъ разнаго рода двуногихъ хищниковъ. А эти хищники, затянувъ въ кабалу инородцевъ, вели ихъ къ постепенному разоренію и вымиранію. Такъ, напр., по р. Бирѣ инородцы лабунки или удаге почти вымерли; ихъ въ настоящее время насчитываютъ лишь около 30 душъ. Большинство инородцевъ вело бродячій образъ жизни, занимаясь, главнымъ образомъ, пушнымъ и звѣроловнымъ промыслами. Соболь, бѣлка, лисица, панты ²⁾, кабарожья струя ³⁾—вся эта добыча привлекала въ тайгу алчнаго скупщика и безжалостнаго эксплуататора, превратившаго инородца въ полное порабощеніе, распатавшаго не только его благосостояніе, но и самое здоровье, при помощи спирта, опиума и сифилиса ⁴⁾.

¹⁾ Сборъ этотъ производился на основаніи законоположенія 1832 г., которое давно нуждается въ существенномъ измѣненіи.

²⁾ Весенніе рога изюбрай—королевскаго оленя. Содержимое этихъ роговъ высоко цѣнится китайцами, какъ цѣлебное средство.

³⁾ У кабарги содержимое желѣзъ—тоже дорогое цѣлебное средство.

⁴⁾ Большинство кулаковъ состоитъ изъ китайцевъ-торговцевъ, захватившихъ цѣлыя инородческія районы, гдѣ распоряжаются самовластно и безнаказанно. Цѣлыя племена находятся у нихъ въ полномъ рабствѣ.

Таковы, впрочемъ, на всемъ земномъ шарѣ первые дары культуры и цивилизаціи, которые щедро несли и несутъ европейскіе народы дикарямъ не только азіатскаго материка.

Высокая цѣнность пушнины и другихъ предметовъ добычи звѣроваго промысла, благодаря хищнымъ скучивкамъ, принесла, какъ я уже сказалъ, инородцамъ только бѣдствія, а потому этотъ родъ занятій становился для нихъ съ годами все менѣе и менѣе привлекательнымъ, расширеніе же заселенной русскими площади привело инородцевъ мѣстами къ сближенію съ крестьянами и казаками. Начала появляться у инородца потребность осѣсть на опредѣленномъ мѣстѣ, построить хоть какую-нибудь лачугу. И если такой инородецъ все-таки большую часть года проводилъ еще въ тайгѣ, то семья его уже жила на одномъ мѣстѣ. Склонность къ сельскому хозяйству, къ огородничеству также стала уже проявляться у многихъ племенъ, особенно вблизи городовъ. Въ желѣзнодорожномъ районѣ инородцы начали заниматься рубкой и сплавомъ лѣса, словомъ, отъ кочующей и бродячей жизни инородецъ всѣми силами стремится перейти къ жизни осѣдлой, жизни болѣе культурной.

Но аборигенъ здѣшняго края для перехода своего на осѣдлое положеніе встрѣчаетъ сильное препятствіе — какъ вы думаете, въ чемъ? Онъ не имѣетъ земли, на которой могъ бы осѣсть!

Инородецъ — *коренной хозяинъ* обширнаго амурскаго края — не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни клочка земли! Занявъ амурскій край, русскіе отвели землю крестьянамъ, казакамъ, частнымъ владѣльцамъ; всѣ же оставшіяся свободными земли поступили въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія, а инородцы попали въ рубрику живыхъ существъ, вродѣ соболя, бѣлки, лисицы, о надѣленіи которыхъ землей какъ-то никому не пришло въ голову. И только въ послѣднее время, въ силу состоявшагося законоположенія, рѣшено надѣлять землей инородцевъ, проявляющихъ склонность и желаніе заняться земледѣліемъ.

Инородцы, проживающіе вблизи рѣкъ и морскихъ береговъ, главный промыселъ которыхъ рыболовство, очутились также въ оригинальномъ положеніи. Рыболовные участки, искони имъ принадлежавшіе, отошли въ вѣдѣніе казны. Участки эти поступаютъ въ аренду рыбопромышленникамъ, которые тоже не замедлили эксплуатировать туземцевъ. И въ мѣстахъ крупнаго рыбнаго богатства, откуда японцы при помощи фиктивнаго русскаго арендатора вывозятъ на милліоны рублей добычи, инородцы зачастую

голодаютъ. Морозъ подиралъ по кожѣ, когда приходилось выслушивать рассказы бывшаго исправника одного изъ сѣверныхъ округовъ области о голодовкахъ въ Гижигѣ и на Камчаткѣ въ 1879 или 1883 годахъ.

Много я видѣлъ инородцевъ въ Сибири, присмотрѣлся къ ихъ жалкому существованію, привыкъ къ увѣреніямъ, что инородецъ—тварь, у которой вмѣсто души паръ. Но болѣе жалкихъ, болѣе обездоленныхъ людей, чѣмъ гиліевы, живущіе въ низовьяхъ Амура, я не встрѣчалъ ни разу.

Когда старикъ-гиліекъ, рассказывавшій мнѣ про свое житіе, закончилъ словами: „гиліекъ—что? гиліекъ не человѣкъ, гиліекъ—собака!“—я почувствовалъ боль, какъ отъ удара хлыстомъ. Въ этихъ словахъ я чувствовалъ пощечину себѣ, какъ представителю культурнаго народа, который сповойно могъ допустить человѣческое существо, себѣ подобное, до такого обиднаго, жалкаго прозябанія и самоуниженія. И этотъ жалкій гиліекъ, влачащій одинаковое со своей полудикой собакой существованіе, служитъ источникомъ обогащенія разныхъ коммерсантовъ. За бутылку плохой водки, два-три фунта махорки онъ отдаетъ скупщику наполненную рыбой лодку.

При такихъ условіяхъ гиліекъ никогда не выходитъ изъ долга скупщику; работая изо всѣхъ силъ, не можетъ онъ обезпечить себѣ самое скудное пропитаніе, и вѣрнымъ путемъ идетъ къ постепенному вымиранію.

Чтобы не подумали, что я сгущаю краски, приведу нѣсколько отзывовъ правительственныхъ лицъ о положеніи инородцевъ,—отзывовъ, данныхъ ими на послѣднемъ кабаровскомъ сѣздѣ.

Все количество камчатскихъ соболей въ 1891 году было приобрѣтено за 433 мѣста кирпичнаго чая, а при переводѣ на дѣйствительную стоимость этого послѣдняго съ доставкой—за 6¹/₂ тыс. рублей, тогда какъ, по средней оцѣнкѣ соболя въ 40 рублей, должно получиться при продажѣ 73.480 рублей.

Въ 1888 году инородцы охотскаго уѣзда купили у торговцевъ 50 мѣстъ кирпичнаго чая, 50 пуд. сахару, 70 пуд. табаку ¹⁾, заплативъ за это 59.600 бѣлокъ. Все названное количество товаровъ, съ доставкой и 30—50⁰/₀ прибыли для торговцевъ, стоило 3.562 руб., а указанное количество бѣлки, считая по 30 коп. за штуку—17.780 руб.

Такъ говорить г. Слюнинъ ²⁾, командированный въ охотско-камчатскій край министерствомъ финансовъ. Далѣе, онъ сооб-

¹⁾ Махорка, главнымъ образомъ.

²⁾ Труды IV кабаровскаго сѣзда 1903 года. Докладъ Н. Слюнина.

щаетъ, что у инородцевъ съ р. Облузовины купили какъ-то право улова рыбы за 20 кульковъ плохой муки (максимумъ 70 рублей). Цѣны на все, привозимое туда купцами, неизменно высоки, даже мука второго сорта продается 6—7 рублей за пудъ. Такія условія обмѣна ниводятъ годовой бюджетъ казначала отъ продажи пушнины до 8 рублей на человѣка.

„У гилея есть рыба, но нѣтъ у него ни бочекъ, ни соли,—говорить въ своемъ докладѣ врестыянскій начальникъ г. Шрамковъ — и вотъ поневолѣ ему приходится сбывать рыбу кулакамъ... Расплата производится товаромъ, и въ результатѣ у гилея остается ровно столько, что онъ съ трудомъ можетъ дотянуть до весны, несмотря на свои ограниченныя потребности. Весной же начинается мыканье по засольщикамъ (тѣмъ же кулакамъ) и заборъ товаровъ подъ будущій уловъ. Цѣны назначаются невозможныя: такъ, напр., куль крупчатка ¹⁾ въ продажѣ 3 руб., у засольщика—5 руб.“

„Цѣны соболя,—говорить горный исправникъ Р. Ивановъ,—устанавливаются самопроизвольно купцами-якутами: всѣ тунгусы съ давнихъ поръ находятся въ кабалѣ у якутскихъ купцовъ и обязаны непременно весь промыселъ сдавать имъ... Для того, чтобы тунгусъ не могъ умереть съ голоду и тѣмъ лишиться купца своего рода средства существованія — якутъ кулакъ даетъ ему хлѣба, соли, спичекъ и необходимыхъ предметовъ для охоты“.

Описывая далѣе, какъ опаиваютъ эти кулаки тунгусовъ, чтобы или выпить у пьянаго за безцѣнокъ пушнину, или узнать у должника, не скрылъ ли онъ часть своей добычи, г. Ивановъ рисуетъ бытовую картину: „якутъ-купецъ, вродѣ нѣкоего Божидомова ²⁾, украшеннаго русскими медалями, волочить тунгуса въ мѣсту сокрытія соболей и, несмотря на горячіе протесты жены, плачъ дѣтей, отбираетъ ихъ...“ Эти якуты, вродѣ вышеупомянутаго Божидомова—истинные бичи тунгусовъ. По словамъ Р. Иванова, у этихъ кулаковъ пудъ простой муки 3 руб., патронъ ружейный—25 коп. штука, и все въ такомъ же родѣ.

Интересны свѣдѣнія, собранныя въ стѣзду чиновникомъ П. Т. Быковымъ объ инородцахъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ докладѣ о дѣятельности кулаковъ, торгашей русскихъ и китайскихъ.

„Гольды должны китайцамъ и русскимъ 8.100 руб. день-

¹⁾ Крупчатка здѣсь замѣняетъ ржаной хлѣбъ. Куль—1 п. 15 ф.

²⁾ Извѣстный кулакъ-скупщикъ, пользующійся расположеніемъ мѣстной администраціи, награжденный за какія-то заслуги медалями.

гами и 2.100 соболей, что въ общей сложности, составить, полагая по 20 руб. за соболя, 42.000 руб. а всего 50.100 руб., т.-е. на каждую семью приходится около 200 руб. ¹⁾.

Цѣны, установленныя этими кулаками для гольцовъ на Амурѣ, по словамъ П. Быкова, таковы: ханшину ²⁾ 2 бутылки—1 соболя (20 руб.); буда (просо)—отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. пудъ; мука до 3 руб. 50 коп.; табакъ — 6—12 руб. пудъ; соль отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. пудъ. По р. Бивину и Отою для орочей еще дороже цѣны: пудъ табаку—6 соболей, пудъ соли—3 соболя, 3 сажени бязи ³⁾—1 соболя, ружье фитильное—6 соболей, 20 патроновъ берданочныхъ—соболя, берданка—6—8 соболей, кулевъ мушкетерскій—соболя, и т. п.

„Вышеприведенныя мѣновыя цифры китайскихъ и русскихъ торговцевъ ясно указываютъ на самое беззастѣнчивое обирание инородца китайскими и русскими кулаками“, — говоритъ далѣе г. Быковъ, и добавляетъ, что эти кулаки деморализующимъ образомъ дѣйствуютъ на натуру дикаря, приучая его пить ханшину, курить табакъ, а китайскіе торговцы научили, кромѣ того, курить опиумъ и за долгъ отнимаютъ у инородца его жену, дѣтей.

До чего безнаказанно распоряжаются съ инородцами китайскіе торгаша и скупщики пушнины, приведу сообщенія, доложенныя на хабаровскомъ съѣздѣ чиновникомъ земледельческой партіи, Г. П. Михайловымъ, собравшимъ за три года своихъ таежныхъ скитавій много свѣдѣній о гольдахъ и ороचनाхъ.

„Обнимая всѣ стороны жизни инородца,—говоритъ г. Михайловъ въ своемъ докладѣ,—закабаленность инородцевъ китайцами по формѣ своей сильно напоминаетъ собой крѣпостное право... Всѣ темныя стороны крѣпостного права нанли себѣ мѣсто и въ отношеніяхъ между гольдами и ороचनाми съ одной стороны и китайцами—съ другой. Если инородецъ чѣмъ-либо не угодилъ своему кредитору-китайцу, послѣдній подвергаетъ своего должника тѣлесному наказанію, а иногда и смертной казни“ ⁴⁾.

Далѣе г. Михайловъ называетъ главныхъ скупщиковъ — ки-

¹⁾ Этотъ долгъ—неоплатный. Если часть и погасится, то сейчасъ же новая сдѣлка съ излишкомъ доволнитъ старый долгъ, изъ котораго инородецъ никогда не можетъ выбраться, да и кулаку нѣтъ расчета выпустить изъ своихъ рукъ этого должника.

²⁾ Спиртный напитокъ китайскій очень низкаго качества, въ жиломъ мѣстѣ стоитъ 20 коп. бутылка.

³⁾ Грубая бумажная ткань.

⁴⁾ Надо помнить, что все это происходитъ на русской территоріи, надъ инородцами—русскими подданными.

тайцевъ Су-ан-зина и Ли-чин-фу, которые не только заколачивали на смерть палками провинившихся передъ ними ороchonъ, но и предавали ихъ смертной казни. Такъ, въ 1900 году, Су-ан-зинъ приказалъ подвѣсить за руки ороचना и колотить его палками. Ороचना послѣ этой операціи сняли мертвымъ. А вѣтаецъ Ли-чин-фу, въ 1901 году, казнилъ двухъ ороchonъ за то, что они добыли мало соболей, а ихъ женъ продалъ другимъ.

„Причины полного подчиненія гольдовъ и ороchonъ кѣтайцамъ кроются въ индифферентизмъ, который проявила и доселѣ проявляетъ русская власть къ быту инородцевъ,—объясняетъ г. Михайловъ. — Изъ русскихъ властей никто никакого касательства къ ороचनाмъ не имѣетъ, никто не посѣщаетъ ихъ въ мѣстахъ ихъ жительства... А если иногда инородцы и выѣзжаютъ въ русскія населенныя мѣста,—добавляетъ въ другомъ мѣстѣ г. Михайловъ,—то по многимъ причинамъ стараются держаться возможно дальше отъ русской полицейской власти“.

Чтобы покончить съ выписками собранныхъ свѣдѣній о положеніи инородцевъ, я приведу въ заключеніе отзывъ купца В. Ефимова, хорошаго знатока амурской тайги и скупщика пушнина. Вотъ что онъ сообщилъ, между прочимъ, на хабаровскомъ съѣздѣ:

„У каждаго кѣтайца-купца есть свои закабаленные ороchonы—неоплатные должники; такого кѣтайца-купца ороchonы называютъ джянъ-гуй, т.-е. хозяинъ. Когда ороchonъ приноситъ джянъ-гую пушнину, то не вправѣ назначить цѣну своему товару, а долженъ довольствоваться тѣмъ, что назначать ему джянъ-гуй; продать же какому-либо постороннему купцу рѣдкій ороchonъ рѣшается и только подъ самымъ строгимъ секретомъ. Боже сохрани, узнаетъ джянъ-гуй: несчастный ороchonъ подвергается звѣрской кѣтайской расправѣ, т.-е. бамбукамъ. Кромѣ того, какой еще страшный бичъ истребленія почти цѣлыхъ семействъ виситъ надъ бѣдными ороचनाми! Это—опіумъ“.

И на IV-мъ хабаровскомъ съѣздѣ, гдѣ 75% членовъ составляла мѣстная бюрократія, всѣ единодушно пришли къ заключенію, что надо безотлагательно принять рядъ мѣръ къ огражденію инородческихъ интересовъ, и что пора перестать считать этихъ горемыкъ лишь этнографическимъ терминномъ. Давно пора!—скажемъ и мы.

И этотъ безправный, беззащитный инородецъ платитъ русскому правительству отъ 17-ти-лѣтняго до 47-ми-лѣтняго возраста 2 р. 30 к. ясачнаго сбора, а нѣкоторые изъ нихъ числятся по миссіонерскимъ спискамъ православными христіанами.

Помимо перечисленныхъ инородцевъ, въ край переселились, какъ я уже говорилъ, выходцы изъ Кореи. Плохо зная пограничную линію, корейцы селились на русской территоріи, захватывали незанятая нивы земли. Когда это открылось, то мѣстная власть принимала болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры къ изгнанію этихъ иностранныхъ, самовольныхъ колонистовъ.

Но, изгнанные съ одного мѣста, корейцы появлялись на другомъ, строили снова жилища, разрабатывали поля и огороды. Долго такъ тянулась эта борьба; наконецъ, рѣшено было закончить съ „корейскимъ вопросомъ“. Корейцамъ была поставлена дилемма: срѣзать на головѣ шишку ¹⁾, принять православіе и русское подданство—тогда они получаютъ земельный надѣлъ,—или, въ противномъ случаѣ убраться вонъ за предѣлы государства.

Принявшіе первое условіе получили землю. Отказавшіеся отъ православія и русскаго подданства были силою прогнаны, жилища ихъ сожгли, пашни и огороды уничтожили. Но, принявъ православіе и русское подданство, кореецъ остался тѣмъ и другимъ лишь на бумагѣ. Пожелаетъ кореецъ вернуться къ себѣ на родину, онъ уходитъ свободно, а на его мѣсто подъ его фамиліей и съ его паспортомъ поселяется другой кореецъ, пришедшій искать счастья на чужбинѣ. Такъ и идетъ постоянный обмѣнъ, и администрація безсильна противодѣйствовать этому.

Корейцы сами смотрятъ на свое пребываніе въ чужомъ краю какъ на временное. Живутъ, пока достигнутъ нѣкотораго благосостоянія, а затѣмъ уходятъ на родину, уступая свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотъ почему корейскія селенія такъ и остаются жалкими, неблагоустроенными, какими-то временными этапами. Корейцы сохранили свою одежду, свои обычаи, домашнее устройство, языкъ и, смѣло скажу, свою религію. На соблюденіе церковныхъ обрядовъ кореецъ смотритъ не болѣе, какъ на одинъ изъ родовъ повинностей, возложенныхъ на него русскимъ подданствомъ.

Я бывалъ не разъ въ крупномъ корейскомъ селеніи, находящемся въ Амурской области. Только православная церковь говорить вамъ, что это селеніе на русской территоріи, а не находится гдѣ-нибудь въ странѣ „Утренняго Спокойствія“. Жалкія, грязныя жилища, домообзаводство, одежда, окружающія селеніе поля—все говорить, что этому жилому пункту болѣе подходитъ

¹⁾ Корейцы-мужчины носятъ длинныя волосы, которые собираютъ на теменн и закручиваютъ въ шишку.

наименованіе вродѣ Цза-чюнь или Хоань-чжю, чѣмъ данное ему „Благословенное“.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ о манчжурскомъ населеніи, китайскихъ подданныхъ, оставленныхъ по айгунскому договору въ завейскомъ районѣ на лѣвомъ (русскомъ) берегу Амура ¹⁾.

Здѣсь было до десяти деревень и нѣсколько отдѣльных хуторовъ (по мѣстному — займокъ) съ манчжурскимъ населеніемъ до 20.000 человекъ. Уцѣлѣвшія роскошныя рощи, богатая пастбища, съ высокой культурой поля — всегда служили предметомъ зависти для сосѣднихъ крестьянъ, а особенно казаковъ. Населеніе это занималось исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, было въ вѣдѣніи китайскаго правительства, подчиняясь русскимъ законамъ лишь какъ всѣ иностранно-подданные. Жило это населеніе зажиточно, тихо и смиренно. Событія 1900 года и начавшійся погромъ въ г. Благовѣщенскѣ китайцевъ напугали завейскихъ манчжуръ. Они послѣшно оставляли насиженные вѣками земли, брали съ собой болѣе цѣнное имущество и переплывали на другую сторону Амура. Недостатокъ лодокъ сильно тормазилъ и затыгивалъ эту переправу. Примѣръ же благовѣщенцевъ заразилъ крестьянъ и казаковъ. Деревни манчжурскія были ими сожжены, рогатый скотъ и лошади угнаны къ себѣ, а часть жителей, не успѣвшихъ перебраться за Амуръ, была перебита. Когда все затихло, манчжурамъ возвратиться не позволили, и ихъ земли передали казачьему населенію.

Х.

Заключеніе.

Вотъ каковы результаты полувѣковой нашей колонизаторской дѣятельности въ амурскомъ краѣ.

За пятьдесятъ лѣтъ мы добились лишь того, что на пространствѣ 570.000 квадрат. верстъ поселилось 350.000 человекъ, въ томъ числѣ 50.000 мѣстныхъ инородцевъ.

На всемъ этомъ пространствѣ имѣется лишь три сколько-нибудь устроенныхъ города и пять чухлыхъ городишекъ, съ населеніемъ въ общей сложности не болѣе 100.000 человекъ, считая войско и пришлое китайское населеніе. Колонія эта не

¹⁾ См. выше, въ майской книгѣ „Вѣстника Европы“, стр. 178.

только до сихъ поръ не можетъ прокормить себя, но лежитъ бременемъ на государственномъ бюджетѣ, въ размѣрѣ свыше 20 милліоновъ рублей въ годъ, не считая экстраординарныхъ затратъ на военныя потребности.

Въ чемъ же дѣло? Какія же причины тому, что вмѣсто цвѣтущей колоніи, вмѣсто могучаго, жизнеспособнаго оплота нашего на Дальнемъ Востоке, до сихъ поръ существуетъ лишь географическая пустота? Неужели потеряна всякая надежда использовать несмѣтныя естественныя богатства края и остается лишь забросить недоведенную до конца колонизацію его?

Пусть болѣе компетентные люди дадутъ отвѣты на всѣ эти вопросы. Я же буду продолжать описаніе совершившихся событій.

Вполнѣ законченное изысканіе по проведенію амурскаго рельсоваго пути, стоимостью 70.000 за версту, оставляется безъ осуществленія, а проводится черезъ Манчурію стоящій въ два съ половиной раза дороже новый путь. Многомилліонныя заработки, вмѣсто кармановъ русскаго населенія, переходятъ къ китайскому ¹⁾. Первоклассная крѣпость и лучшая тихоокеанская бухта—Владивостокъ, поглотившая многіе милліоны на свое оборудованіе, отходяла на второй планъ, и созидалась новая крѣпость и военный портъ на арендованной землѣ—Портъ-Артуръ. Прибавили еще два-три десятка милліоновъ на сооруженіе международнаго торговаго порта—города Дальняго.

Возникъ даже проектъ направить русскіхъ переселенцевъ въ районъ манчжурской дороги. Въ 1902 году были уже командированы въ нѣкоторыя мѣста межевыя партіи для опредѣленія переселенческихъ участковъ.

Неистощимыя, почти нетронутыя богатства амурскаго края перестали интересовать нашихъ капиталистовъ, и они направились на поиски золота, каменнаго угля въ Манчурію, а за лѣснымъ промысломъ—въ Корею, на р. Ялу.

Такой поворотъ дѣлъ на Дальнемъ Востоке обезкуражилъ амурцевъ. На его еще не окрѣпшемъ благосостояніи сильно стали отражаться новыя событія. Закрытіе въ Приамурьѣ портофранко и конкуренція манчжурской дороги вызвали торгово-промышленный кризисъ.

И амурцы подняли вопль. Ходатайство за ходатайствомъ полетѣли къ сильнымъ міра сего. Сооруженія въ Талиенванскомъ заливѣ инженера Сахарова и широкіе коммерческіе планы К. П.

¹⁾ Сотни тысячъ китайцевъ въ теченіе восьми лѣтъ работали на китайско-восточной желѣзной дорогѣ.

Лазарева наводили трепеть на весь промышленный міръ амурскаго края.

Назначенный на постъ приамурскаго генераль-губернатора Д. И. Суботичъ рѣшилъ обсудить нужды края, созвавъ для этой цѣли всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

На бывшихъ при покойномъ генераль-губернаторѣ, баронѣ Корфѣ, съѣздахъ участвовали лишь начальствующія лица, да немногіе, по особому приглашенію, коммерсанты. Д. И. Суботичъ же пригласилъ на съѣздъ всѣхъ желающихъ высказаться о нуждахъ края безъ различія званія, состоянія и рода занятій каждаго.

Горячо принялись за подготовку матеріаловъ для предстоящаго съѣзда. Закипѣла повсюду работа, заговорила мѣстная печать на всѣ лады, смотря по тому, какими ресурсами существовала та или другая газета. Но произошло вдругъ неожиданное событіе: учрежденіе намѣстничества и оставленіе генераль-губернаторскаго поста Суботичемъ. Сразу наступило охлажденіе. И хотя съѣздъ все-таки состоялся въ г. Хабаровскѣ, но прошелъ вяло, торопливо; много членовъ явилось на съѣздъ неподготовленными, безъ необходимыхъ данныхъ, да и время, назначенное для съѣзда, было неподходяще: августъ мѣсяць—самая горячая пора для многихъ предпріятій, когда хозяину или его уполномоченному трудно оторваться, рискованно оставить безъ своего наблюденія дѣло. А потому изъ 150 лицъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ, было 106 чиновниковъ разнаго вѣдомства и начальствующихъ лицъ, городскихъ головъ — 4, частныхъ же обывателей лишь 40 человекъ, исключительно торгово-промышленнаго люда.

Большинство вопросовъ обсуждалось съ точки зрѣнія защиты интересовъ того или другого промышленнаго предпріятія, но немало вниманія было удѣлено и на разсмотрѣніе общихъ нуждъ въ интересахъ всего населенія въ краѣ. По вопросамъ: переселенческому, сельско-хозяйственному, школьному, врачебно-санитарному—члены съѣзда также поработали достаточно. Въ виду выяснившихся отрицательныхъ сторонъ по послѣднимъ вопросамъ, большинство участниковъ съѣзда высказалось за желательность и неотложность введенія въ краѣ земскихъ установленій.

Даже такіе члены, какъ золотопромышленникъ П. А. Биршертъ, амурскій старожилъ и крестьянскій начальникъ В., прослужившій нѣсколько лѣтъ въ окружной полиціи, внесли на разсмотрѣніе съѣзда докладныя записки о необходимости введенія земскихъ учрежденій.

„Двигателями народнаго благосостоянія, — говоритъ П. А. Бир-

шертъ ¹⁾,—признаются пути сообщенія, медицинская помощь и народное образованіе. Въ большей части общества и печати утвердилось убѣжденіе, что тремя вышеназванными функціями руководить земство настолько успѣшно, что не-земскія губерніи не могутъ даже идти съ ними въ сравненіе“.

„Наша насущная, жизненные потребности, — докладывалъ, между прочимъ, крестьянскій начальникъ В. ²⁾, — можетъ развиваться быстро и сообразно мѣстнымъ нуждамъ только земство“.

Такъ закончился для амурскаго края 1903 годъ. Свѣттики брюзжали, не придавая большого значенія съѣзду, а оптимисты были исполнены радостныхъ надеждъ.

Многіе видѣли уже чудныя сновидѣнія. Они видѣли цвѣтущую страну. Въмѣсто жалкихъ съ мазанками деревень широко разбросаны большія села съ красивыми домами, образцовыми школами и идеальными больницами. По обѣ стороны шоссеиныхъ дорогъ тянутся тучныя пастбища, чудныя нивы. Города украсились высокими домами. Водопроводъ, электрическое освѣщеніе, электрическіе трамваи, телефоны — перестали быть мечтой населенія. Цѣлыя роши фабричныхъ и заводскихъ трубъ, многочисленныя суда въ морскихъ гаваняхъ и на рѣчныхъ пристаняхъ, а главное, давно желанная амурская желѣзная дорога! .

Но упоеннаго этимъ сновидѣніемъ амурца грубо разбудилъ громъ пушекъ и торпедъ подь Портъ-Артуромъ и вернулъ его къ печальной дѣйствительности.

1904-й годъ, несмотря на то, что ни одна вражеская нога не ступила на территорію амурскаго края, явился для амурцевъ годомъ тяжелымъ, полнымъ лишеній, остановившимъ всякую дѣятельность и даже самую жизнь населенія.

Блокада морского побережья прекратила доставку всего необходимаго для края, а единственный западный рельсовый путь не свободенъ для перевозки частныхъ грузовъ.

И пятидесятилѣтняя годовщина нашей дальневосточной окраины ознаменовалась полнымъ безсиліемъ колоніи не только оказать поддержку государству въ борьбѣ съ непріателемъ, но и прокормить себя самою.

Неудачные эксперименты бюрократіи по устройству амурской колоніи надобѣли ей; явились снова, какъ я уже сказала, Поярковы, Хабаровы, съ жаждой новизны, широкаго простора дѣятельности, съ увѣреніемъ, что только чужое привлекательно. Имъ

¹⁾ Труды IV хабаровскаго съѣзда. Докладъ г. Биршера.

²⁾ Тамъ же. Докладъ земскаго начальника В.

повѣрили, и сотни миллионовъ трудовыхъ денегъ, въ ущербъ всему государству, пошли на предпріятія въ Манчжуріи и на берегахъ Желтаго моря. Въ теченіе восьми лѣтъ шла бюрократическая вакханалія въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ, закончившаяся небывалымъ кровавымъ пожаромъ, потрясшимъ до основанія все русское государство, которому предстоитъ на долгіе годы тяжелая работа загладить легкомысленные эксперименты и авантюры самовластныхъ распорядителей. Туренченъ, Вафангоу, Лаоянъ, Портъ-Артуръ и, наконецъ, кровавая бойня въ окрестностяхъ Мукдена—это историческій экзаменъ, на которомъ съ такимъ трескомъ провалился нашъ бюрократическій строй.

И горячіе потоки русской крови на чужбинѣ, цѣлыя рѣки слезъ и безконечное горе на родинѣ—таковъ единственный результатъ нашихъ поисковъ призрачнаго „теплага моря“ на Дальнемъ Востоѣ.

П. Надинъ.

ВЪ ЗВѢЗДНУЮ НОЧЬ

Изъ повѣдки въ Польшѣ.

I.

Часа два утомленныя лошади шли шагомъ, несмотря на понуканія ямщика. Онъ давно уже сдѣлали законный перегонъ, а жилья все еще не было видно. Пристяжная выражала явное недовольство, безъ толку махала хвостомъ, поминутно оглядывалась назадъ и, похрапывая, трясла головою. Бубенцы лѣниво вздрагивали, колеса глубоко уходили въ рыхлыя колеи проселочной дороги. На землю спускалась безлунная ночь; тянуло туманной свѣжестью и смолою. Слѣва чернѣлъ перелѣсокъ; справа и впередъ, сколько видитъ глазъ, лежала пасѣва, съ темными пятнами пней, опрокинутого изъ земли бурелома и кустарника. Кое-гдѣ одинокіе обрубленные стволы простирали къ небу свои послѣднія сиротливыя вѣтви. Все кругомъ было полно неясныхъ, но жизненныхъ звуковъ и шопотовъ: трещали кузнечики, откуда-то издали доносилось переливчатое и стонущее воркованіе голубки, посвистывали кулички.

Я полною грудью нилъ вечернюю прохладу, прислушиваясь къ ласковому шопоту ночи, уже раскинувшейся по небу звѣзднымъ шатромъ, и, признаюсь, мало думалъ о томъ, куда ѣхалъ. Но возница мой, бравый парень, косая, что называется, сажень въ плечахъ, былъ видимо смущенъ. Онъ безпокойно оглядывался по сторонамъ, смотрѣлъ на небо и нетерпѣливо покрививалъ на лошадей.

— Вѣдь вотъ, поди-жъ ты!—воскликнулъ онъ вдругъ, по-

вертываясь ко мнѣ:—сказывали на станціи: поѣзжай, молю, по тракту, будетъ тебѣ направо дорога, лѣсомъ, никуда не сворачивай... тутъ тебѣ и Жмуркѣ будутъ...

— Можетъ, и будутъ еще,—попробовалъ я утѣшить его.

— Н-нѣтъ, гдѣ тамъ... сказывали, и пятнадцать верстъ не будетъ, а мы, поди, добрыхъ тридцать отмаяли... Чтѣ-жъ теперь — назадъ, аль прямо поѣдемъ?

Я не отвѣчалъ. Помолчавъ съ минуту, ямщикъ отчаянно повелъ возжами и закурлыкалъ себѣ подъ-носъ какую-то унылую пѣсню. Мнѣ было такъ хорошо, что рѣшительно не хотѣлось ни о чемъ думать, особенно о дорогѣ въ Жмуркѣ. Звѣзды съ такой безкорыстной лаской смотрѣли на меня, ихъ мерцающій свѣтъ лился прямо въ душу и будилъ въ ней цѣлыя вереницы воспоминаній; они шевелились, сыпались, какъ бѣлые цвѣты вишня отъ дуновенья вѣтра. Обрывки ничего не значащихъ фразъ, какіе-то звуки и пѣсни, лица, не игравшія особенной роли въ моей жизни, но почему-то въ воспоминаніи ставшія трогательно-милыми и дорогими, и просто безформенные образы чего-то прекраснаго, но навсегда утраченнаго и потому безконечно-грустнаго — все это теплой волной залило душу и охватило умъ томной и жуткой мечтательностью. А бубенцы продолжали вздрагивать монотонно и одиноко, поскрипывала телѣга на осяхъ, и лошади, казалось, еще медленнѣе плелись по дорогѣ.

Такъ прошло полчаса. Не отдавая себѣ отчета, я видѣлъ, какъ дорога свернула въ сторону, и сумрачная стѣна молодого лѣса отодвинулась и стала еще непроницаемѣй. Свѣжій вѣтерокъ подулъ мнѣ въ лицо. Въ воздухѣ почувялась близость воды, и черезъ нѣсколько минутъ тарантасъ загрохоталъ по дурно-пригнаннымъ бревнамъ проселочнаго мостика. Справа и слѣва свернула вода темнымъ блескомъ, купы камыша и аира шелестѣли надъ ней; мглистая лента осоки и мелкаго лозняка шла по берегамъ, указывая, что это не болотце, а проточный ручей. „Какова вода? Чтѣ, еслибы напиться?“ — подумалъ я, и въ ту же минуту, словно отгадавъ мою мысль, ямщикъ потянулъ возжи, и лошади моментально стали.

— Водицы бы... испить малость,—произнесъ онъ, соскакивая съ козелъ и проводя по спинѣ одной изъ лошадей.—Эхъ, горячи, сердечныя, а то попойлъ бы,—добавилъ онъ, оправляя сбрую.—Тоже скотина, вѣдь, не покорми, не попой, такъ и везти не захочеть...

Минуту спустя, его грузные шаги замерли гдѣ-то внизу. Съ трудомъ ворочая отекишими членами, я сошелъ съ телѣги, до-

сталъ дорожный ставанъ и вошелъ въ кусты по слѣдамъ ямщика. Теплая сырость охватила меня и сказалась легкою дрожью. Осторожно пробираясь по сырому, вязнущему песку, я, наконецъ, спустился къ ручью. Вотъ онъ, таинственный, дремлющій, обвитый туманными сказками ночи. Вода еле слышно плещетъ и шепчется съ кустами, а подъ мостомъ странно булькаетъ, словно всхлипываетъ и вмѣстѣ лепечетъ что-то наивное и пустое. Провесся вѣтерокъ, и тихій шопотъ перешелъ къ ближнимъ и дальнимъ кустамъ, они затрепетали листьями, задрожали и тѣмъ же трепетомъ отдались въ темной опушкѣ лѣса.

Мы напились. Вода была холодная и жесткая на вкусъ. Ямщикъ долго не могъ утолить жажды и все кривалъ отъ удовольствія, вытирая усы рукавомъ армяка. Потомъ взглянулъ на небо, оглядѣлся по сторонамъ, прислушался и произнесъ, безнадёжно махнувъ рукой:

— Ну, и проклятыя-жъ мѣста, чтобъ имъ...

— Почему-жъ проклятыя?—улыбнулся я.

— А то что-жъ! Ыдешь, ѣдешь, а куда—не знаешь... Ни тебѣ деревни, ни тебѣ што... И дорога такая, что не обознаешься, къ какому бѣсу она приведетъ тебя... Тьфу!..

— Да самъ-то ты развѣ не здѣшній?

— То-то, баринъ, и оно, что не здѣшніе мы, а то нешто завезъ бы я тебя въ такую колдобину!.. Тверской я, тверской, значить, губерніи и уѣзда, а здѣсь недавно, съ мѣсяць будетъ, не болѣ... совсѣмъ эфтихъ мѣстовъ не знаю...

— И тамъ въ ямщикахъ ты служилъ?

— Въ ямщикахъ... тоже и въ вучерахъ... вругомъ на сотни версты въ-какъ, каждое дерево зналъ...

— Зачѣмъ же ушелъ ты сюда?

Парень сдѣлалъ движеніе, потупился и не сразу отвѣтилъ:

— Такъ... заминка вышла...

Я посмотрѣлъ на его богатырскія плечи и ростъ и какъ-то сразу заинтересовался судьбой этого неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Воображеніе живо заиграло при мысли о томъ, какого рода могла произойти у этого богатыря-ямщика „заминка“, изъ-за которой онъ повинулъ насиженный уголь въ родимой землѣ. Ужъ не разыгралась ли эта „заминка“ гдѣ-нибудь на глухой дорогѣ, можетъ быть на такой же опушкѣ или у мостика, какъ тотъ, подъ которымъ такъ наивно-насмѣшливо булькаетъ вода, пробираясь по камешкамъ?.. И была такая же темная ночь, такъ же шумѣли деревья, то же звѣздное небо вѣяло царственной думой

на землю, и отъ ея безстрастія тревожно становилось въ душѣ у путника, думавшаго о завтрашнемъ днѣ.

— Тебя какъ зовутъ?—спросилъ я, поднимаясь съ нимъ на гору.

— Зовутъ-то? Зовутъ Павломъ, Павелъ Осиповъ... такъ, значить, въ пачпортѣ прописано, а ямщики Павлухой больше зовутъ: Павлуха, да и все тутъ...

Коренной ласково заржалъ при нашемъ приближеніи и потянулся своей умной мордой къ ямщику. Тотъ слегка толкнулъ его въ шею и выправилъ изъ-подъ узды чолку и гриву.

— Знато устамши... Сейчасъ поѣдемъ, аль постоять дадимъ?—обратился онъ ко мнѣ.—Потомъ попить, значить, тогда валяй снова, куды ни на есть пріѣдемъ...

— Мнѣ не къ спѣху. Пускай отдохнутъ...

Счастливая мысль мелькнула у меня въ головѣ: отчего не провести здѣсь всю ночь подъ открытымъ небомъ? Спѣшить некуда, а отдохнуть было бы хорошо послѣ тряской телѣги и надоѣдливаго бряцанья бубенчиковъ.

— Послушай, Павлуха, — обратился я къ нему:—давай-ка, заночуемъ здѣсь. Ты какъ объ этомъ думаешь? За ночь лошади отдохнуть, а завтра, дастъ Богъ, доберемся до какого-нибудь жилья...

Павлуха подумалъ.

— Ну, что-жъ, какъ вамъ, значить, угодно... Я—ничего... А что лошади отдохнуть, это точно... какъ на этакихъ поѣдешь? Староста бы только бучить не сталъ...

— За промедленіе?

— Извѣстно: гдѣ, молъ, пронадалъ!.. Ну, да ладно; скажу, чтобъ другой разъ не посылалъ, старый хрѣнь, новаго человѣка въ такую глушину... Мало-ль у него парней? Кирюшку могъ послать, не то Ефима...

И обернувшись къ лошадямъ, одобрительно произнесъ:

— Эй вы, маленькія, отдыхать будемъ, баринъ на водочку поднесетъ!.. Но-о, трогай малость, тро-огай, Васька, вотъ такъ!..

Телѣга заскрипѣла и тронулась, звякнули бубенцы. Павелъ отвелъ ее въ сторону, выпрягъ лошадей я, проводивъ ихъ нѣсколько минутъ по дорогѣ, спустился съ ними въ ручью и совершенно ушелъ въ темноту ночи.

Полчаса спустя, мы съ Павломъ сидѣли у пылающаго костра и утоляли голодъ краюхой хлѣба, предусмотрительно захваченной ямщикомъ. Въ бумажкѣ оказалась у него грубая сѣрая соль; ее приходилось растирать между пальцевъ, прежде чѣмъ посы-

пать на хлѣбъ, но въ соединеніи съ голодомъ она служила чудеснѣйшей приправой нашей незатѣйливой трапезы. Павелъ ѣлъ медленно и вдумчиво; осторожно ломая хлѣбъ на куски, онъ всякій разъ подставлялъ руку, чтобы не уронить ни крошки на землю и не нанести, такимъ образомъ, оскорбленія „божьему дару“. Пламя ударило ему прямо въ лицо и еще рѣзче, чѣмъ днемъ, отбѣяло красиво очерченныя линіи носа и рта, молодцевіе черныя усы и большіе ласковые глаза. Они были устремлены на огонь, смотрѣли самоувѣренно и смѣло, но въ выраженіи ихъ я подмѣтилъ, — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, — много затаеннаго страданія и грусти. Во всей его фигурѣ было что-то властное и въ то же время привлекательное. Мнѣ захотѣлось поговорить съ нимъ, расспросить о его прежней жизни, узнать, какъ онъ смотритъ на міръ и людей. Вначалѣ разговоръ шелъ туго, отвѣты были кратки, иногда уклончивы. Только когда я спросилъ его о „заминкѣ“, приведшей его сюда, въ эту полѣсскую глушь, онъ быстро взглянулъ на меня, повелъ бровями и вдругъ оживился, словно принялъ какое-то быстрое и для самого себя неожиданное рѣшеніе.

— Чтò жь, хошь — расскажу, и то — никому не рассказывалъ. Завтра доведу до мѣста... ежели медвѣди по дорогѣ не съѣдятъ, тутъ — ихнее царство, — улыбнулся онъ, — доведу, только ты меня и видѣлъ, не попрекнешь, небось. А только не повѣришь, баринъ, пра-слово, не повѣришь, какъ скажу тебѣ, какой случай со мной приключился...

II.

Павлуха привсталъ, сбросилъ съ себя армякъ и выдѣлился свѣтлымъ пятномъ своей ситцевой рубахи изъ окружающей темноты, послушалъ лошадей, — онѣ мирно жевали вблизи и позванивали желѣзными путами, — и началъ...

— Вѣдь вотъ, думалъ, — никому не расскажу, а теперь самъ захотѣлъ. И знаешь, баринъ, почему? Потому — думалъ я объ этомъ объ самомъ въ тую, понимаешь, минуту, какъ ты спросилъ меня... про заминку мою... Ну, думаю, судьба, значить... отъ судьбы не уйдешь. Ну, слушай... начать бы только... Не знаю, будетъ ли антресъ какой твоей милости, а только точно, случай совсѣмъ особенный, не часто его сустрѣнешь промежь людей. И слава Богу, что не часто... Н-да, вотъ видишь ли, какъ былъ я помоложе, вотъ какъ ты, къ примѣру связать...

былъ я тово... очень до бабъ и дѣвокъ ловкой, таковой, что бѣда... ха-ха-ха!..

Онъ видимо старался подбодрить себя и настроить на игривый тонъ, но игривости не было: смѣхъ выходилъ искусственнымъ. Неловкость длилась недолго; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ онъ сразу сталъ рассказывать просто и задумчиво, такъ, какъ слова сами лились изъ души. Онъ продолжалъ:

— Теперь-то я уходился, а прежде былъ я парень, прямо скажу тебѣ, хоть куда: ласы точить, на гармошкѣ играть—никому со мной не тягаться. Вокругъ ни одной, повѣришь ли, бабы не было, которой бы головы не скрутилъ... Эхъ, да что! трихнешь, бывало, кудрями, притопнешь—всѣ онѣ тутъ—бери любую... Любая жъ дѣвка и замужъ пошла-бъ, даромъ, что я безъ рода, безъ племени... н-да, вѣрно тебѣ говорю... А мнѣ что, думаю себѣ, безо времени бабу заводить? Это завсегда дѣло обдѣлать можно, не уйдетъ; знакомыя дѣвки повыйдутъ, новыя подростутъ, еще занятѣй, этого товара на весь вѣкъ станетъ... Потому—что для человѣка суть важнѣе всего? на холостомъ, то-ись, положеніи?.. На холостомъ положеніи для человѣка важнѣй всего то, чтобъ онъ свое отгулялъ, отцвѣлъ свое, можно сказать, вотъ какъ ржаной колосъ свое отцвѣтаетъ передъ наливаемъ. Ну... я и гулялъ, знатно гулялъ, баринъ, и не одинъ, а цѣлымъ обществомъ, и все у насъ первые парни на селѣ; писарь, и тотъ нами не гнушался, компанію водилъ, а нашто гордой былъ: только держись, какъ закричать, бывало... Вотъ, разъ, заговорили мы, ребята, о дѣвкахъ да о бабахъ, а онъ, писарь этотъ самый, мнѣ и говорить:

— Это что, моля, куражиться надъ тѣми, что сами на шею вѣшаются, сами своей охотой идутъ,—про тѣхъ и слава такая... Нѣтъ, говорить, ты Лукерью, садовникову бабу, облести, ее въ свою, то-ись, вѣру обороти; тогда, говорить, мы и увидимъ, каковъ таковъ ты Павелъ Осиповъ есть...

Зло меня взяло.

— И оборочу!—говорю.

— Обороти!

— Ну, да ладно... цыгни еще!..

А надо тебѣ сказать, баринъ, что Лукерья эта—ейный мужъ въ огородникахъ у купца Соколова состоялъ... богатѣющій купецъ, дровами торговалъ, я въ тое время у нѣво-жъ конюхомъ служилъ—такъ Лукерья эта, сказываю тебѣ, была, точно, совсѣмъ особая, ровно бы земчугъ промежду бабъ: слова лишняго

не скажетъ, не то чтобы, тамъ, съ сосѣдками лахтать съ утра до ночи—не поглядить въ сторону, а кто про мужа худое что сказать вздумалъ бы, глаза тому выпарапать готова... статейная баба была...

Павель задумчиво опустилъ глаза и помолчалъ. Казалось, онъ и вспоминалъ, и колебался въ то же время, рассказывать ли дальше, беречь ли еще, быть можетъ, не зажившія раны передъ незнакомымъ и совершенно чужимъ ему человѣкомъ. Предчувствіе чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго возбуждало во мнѣ жутко-участливое любопытство къ прошлому этого богатыря, который готовился раскрыть передо мной душу, высказать то, что, очевидно, тяжелымъ бременемъ лежало въ груди, передуманное и выстраданное тысячу разъ... Звѣздная ночь и нашъ сиротливый костеръ, задорно борющийся съ набѣгавшими отовсюду тѣнями и призраками, стрекотанье кузнечиковъ и таинственные шорохи въ листьѣ и травѣ—все усиливало взаимную чуткость и создавало настроеніе, одинаково понятное и возвышенное, даже поэтическое... Костеръ трещалъ, клубы бѣлаго дыма поднимались и исчезали во мракѣ; ночныя бабочки вились и то-и-дѣло попадали въ огонь; раза два надъ самымъ востромъ, совсѣмъ низко, пролетѣла летучая мышь...

Павель тряхнулъ головой и заговорилъ рѣшительнѣе и ровнѣе, но въ голосѣ его долго сквозили совѣстливыя нотки, и глаза не могли оторваться отъ огня.

— Э, да что! началъ сказывать, такъ ужъ буду сказывать до конца,—безъ конца и пѣсня не красна, люди говорятъ... Да и то, завтра доведу я тебя, а тамъ обоихъ насъ—поминай какъ звали... у тебя—новые ящики, у меня—новые господа... оно и призабудется, какъ мы съ тобой среди поля ночью промежду себя толковали... Ужъ ты не взыщи, человѣкъ я неученый, такъ сказывать и буду... Ну, такъ вотъ, оборочу, говорю, Лукерью въ свою вѣру, да и все. Тутъ-то и зачалъ я на Лукерью поглядывать, да подумывать, какимъ, значить, манеромъ эту самую модель подпустить... И ничего не было-бъ, кабы не судьба, потому не таковская баба, да случай подошелъ, прямо случай. Какъ на грѣхъ, мужа ейнаго, Трофимыча, то-есть, хозяина возьми да и угони въ городъ на цѣлый мѣсяцъ. Съ неохотой ѣхалъ старый, словно и взаправду чуялъ недоброе,—ну, да съ противъ хозяйскаго приказу развѣ пойдешь?

Я его и въ городъ-то отвозилъ. Везу, а онъ мнѣ и говорить:

— И какъ мнѣ, Павлуха, ѣхать не хочется, страсти!

— Такъ почто-жъ ѣхалъ?—спрашиваю.

— Да послалъ Иродъ-то... ужъ я отпрашивался, такъ куды тамъ! Знать ничего не хочу, никому, говорить, нѣтъ моей вѣры, окромѣ тебя... А чую я, будетъ бѣда, можетъ и не вернуться мнѣ изъ города-то, али дома што сполыхнется...

Повѣришь ли, баринъ, чуть не плачетъ старый... А мнѣ его не только-что не жалко, а еще и радъ я... Лафа, думаю .. держись только...

Вернулся я. Думалъ, думалъ, да и давай вокругъ Лукерья показывать, да вотъ, ровно бы по рыбу, крючки такіе-сякіе закидывать: то такъ, то этакъ, слово сважешь такое, пѣсню споешь, на всѣ манеры,—ни-ни! и ухомъ моя Лукерья не ведеть, ровно бы и не въ ея сторону... А ребята смѣются:

— Куды тебѣ, говорятъ, сопливому, за этакой бабой угодяться! тоже чего захотѣлъ!

— Погодите, говорю, не весной кормы считаютъ, не зимой по ягоды идутъ...

А самъ призадумался. Ужли-жъ не судьба? думаю себѣ, и не передъ ребятами, передъ собой стыдно. Э, нѣтъ, говорю, шалишь, не уйдешь отъ меня—и самъ не знаю ужъ какъ, а только разомъ меня осѣнило: нѣтъ, думаю, такъ ее не возьмешь, штукарствомъ-то, не изъ такихъ... этимъ ее, ровно бы коня пустымъ кошелемъ, не подманишь. Не то попробуемъ. Подъѣхалъ я въ ней съ другой стороны, овечкой прикинулся, смиренность на себя напустилъ, голову повѣсилъ и скучной такой передъ ней хожу. Глядѣла она, глядѣла на меня, сперва все молчала, а послѣ и говорить:

— Чего это ты, Павлуха, потемнѣлъ, чтой-то не веселъ ходишь? Не варомъ ли изъ господской кухни тебя облили? Не дѣвки ли, молъ, тебя разлюбили?

— Эхъ, говорю, Лукерья Ивановна, не дѣвки меня разлюбили, не варомъ облили, а самъ себѣ я постылъ сталъ... и все тутъ мнѣ постыло...

— Чтò такъ?—спрашиваетъ.

— Да чтò, говорю, чтò за жисть моя такая: ни у меня отца, ни у меня матери, одинъ я на свѣтѣ сиротинушка, не съ кѣмъ ни горемъ, ни радостью подѣлиться. Уйду, говорю, въ степи привольныя, не то — въ морскія пристани, только меня и видѣли...

Поглядѣла она на меня, жалѣючи этакъ, за руку взяла...

— Эхъ ты, горемычный, горемычный, говорить, и точно, приласкать-то тебя некому.

А я и пуще тоску напустилъ, сижу, словно Богъ по мою смерть послалъ.

— Оженился-бъ, можь, ты, свою семью завелъ...

— Нѣтъ, говорю, про это полно, Лукерья Ивановна, не судьба: кого не люблю—не возьму, а кого люблю—та меня не любить...

— А ты, говорить, не печалься, ласковостью ее больше бери; ласковостью, говорить, хоть кого возьмешь...

— А!.. не догадывалась, стало быть, о комъ рѣчь шла, — замѣтилъ я, глубоко заинтересованный ходомъ его разсказа.

— Не догадывалась, чистая была душа... — отвѣтилъ Павлуха, переводя на меня свой открытый взглядъ, въ которомъ и тѣни не было прежняго смущенія. Костеръ догоралъ, превращался въ вучу рдѣющихъ углей. Тѣни сдвинулись ближе. Мириады звѣздъ, большихъ и малыхъ, мерцающихъ и неподвижныхъ, еще ниже спустились и словно застыли, собираясь слушать задушевный разсказъ ямщика.

— Не догадывалась, точно, что ее самое, значить, и мѣтилъ... А было дѣло весной, въ самую тую пору, какъ весь садъ, словно одинъ кустъ, цвѣтеть. И приходилъ я въ ней больше по вечерамъ, какъ работа по конюшнѣ отойдетъ. Зайдешь это съ палисадника, что за господскимъ садомъ, она и выйдетъ на крыльцо, сядетъ, я—подлѣ, и пойдутъ у насъ тихія да долгія рѣчи... И впрямь скажу тебѣ, душевно такъ было... А прѣту этого самаго—бѣлымъ-бѣло, духъ такой сладостный, изъ сада соловейко щелкаетъ... Разомгль я, и впервой тутъ подумалъ, что безъ нея мнѣ не жить...

— И ходилъ я этакъ не день, не два, а съ недѣлю можетъ, а то и болѣе,—продолжалъ Павлуха.—И самъ не знаю, что со мной сталося: гляжу на нее—оторваться не могу, вѣкъ бы сидѣлъ съ нею этакъ по хорошему, все бы говорилъ да говорилъ... Себя, надо сказать, позабылъ я въ эти дни, все объ ней думалъ, и таково мнѣ обидно за нее стало. Что, думаю, вѣкъ свой со старымъ масть, молодая да красивая? И неладно, правду сказать, про старика-то ейнаго подумалъ: вѣдь вотъ, заѣдаетъ, можь, старый хрычъ, ейную молодость, а самъ, небось, чего-чего не видѣлъ на своемъ вѣку! Одну жену скоронилъ, теперь другой жить не даетъ, старый вотъ... Недаромъ промежь народу такая слава объ ѣмъ была: Трофимычъ, можь, до бабъ прежде—ухъ! ласунъ былъ... старики сказывали...

Павелъ остановился.

— А костеръ-то нашъ совсѣмъ тово... выгорѣлъ...

И онъ бросилъ лежавшую возлѣ вѣтку на тлѣющіе угли. Она принялась не сразу, долго трещала, наконецъ ярво вспых-

нула, и опять, на минуту, тѣни побѣжали отъ костра, и звѣзды внезапно поднялись отъ земли...

— Я еще разведу, — добавилъ онъ, дѣлая движеніе, чтобы встать.

Я остановилъ его.

— Не надо, такъ лучше...

Снова окутала насъ темнота, но она больше шла къ охватившему насъ общему чувству грусти о томъ, что—свое у каждаго—было и, казалось, ушло навсегда. Я слушалъ моего рассказчика внимательно, чутко прислушиваясь къ каждому его слову, и въ то же время, совершенно безсознательно, въ моей душѣ вспыхивали и перегарали былыя впечатлѣнія, неопредѣленные, тоскующія, но все еще жгучія, какъ эти послѣдніе угольки догоравшаго костра. И они не только не заслоняли во мнѣ интереса къ разсказу, но усиливали его, вызывали и во мнѣ то согрѣвающее и ласковое настроеніе, которое сообщаетъ бесѣдѣ сердечный и безконечно-искренній характеръ. Въ такія минуты, по народному выраженію, просится душа на распашку... Павелъ инстинктивно угадывалъ мое сочувствіе его разсказу и оживлялся все болѣе и болѣе. Онъ говорилъ легко и просто, нѣсколько приподнято, словно отдаваясь вполнѣ вдохновенію, поднявшему его высоко-высоко, откуда видна была съ непостижимой ясностью вся его прежняя жизнь.

— Да, баринъ, такое времячко это было, какого, скажу тебѣ, никогда уже не будетъ... Ни въ жисть... Не въ бабѣ сила—мало-ль ихъ, бабъ-то, на свѣтѣ, а... такъ ужъ... и сказать не умѣю, какъ все это удивительно было... Темная ночь, вотъ какъ сейчасъ, къ примѣру сказать, крылечко это самое, тихо все да легко таково кругомъ, и въ тебѣ тихость да легкость, ровно и кручины никогда не зналъ, ровно бы самъ по своей волѣ, своей охотой, живу, и нѣтъ меня вольнѣй и счастливѣй на всемъ, то-исъ, свѣтѣ... э, да нешто все это можно разсказать, не видавши!.. И вотъ, сидимъ мы разъ съ ней, съ Лукерьей, такимъ манеромъ, разговоры ведемъ, — вдругъ дождь, какъ изъ ведра, большой такой, съ грозой, съ молоньей, такъ и льетъ, такъ и льетъ... Вскочили мы. Хотѣлъ я къ себѣ чѣмъ скорѣй бѣжать, а тутъ она, она сама, какъ на грѣхъ, за руку удержала.

— Пережди, говорить, куды побѣгишь въ потоцу такую!.. ишь, какъ льетъ!.. Пожди, утихнетъ скоро...

И ласково этакъ говорить... Тутъ впервой и въ избу меня пустила... Иду я за ней и вспоминаю, какъ, намнясь, парни

меня дразнили, что, молъ, значить, не баба во мнѣ, а я къ бабѣ въ лапы попалъ... И озлился-жъ я тогда: „Ежели мнѣ, говорю, еще кто этакое скажетъ, тому, говорю, морду назадъ сворочу, какъ пить дамъ... слышали? говорю, и другимъ то же скажите, чтобъ никому не повадно было!“ Страху нагналъ—страсти! Пущай, думаю...

Вошли мы въ избу. Луверья огонь принесла. Съли за столъ, молчимъ, думаемъ... И заробѣлъ я тутъ... руки, вѣришь ли, трясутся: нѣтъ, думаю себѣ, не осмѣлюсь, ни почему не осмѣлюсь. Такъ и уйду, думаю, оно и лучше... даже обрадовался, вѣришь ли... А потомъ...—голосъ Павлухи понизился, въ немъ послышались снова глухія совѣстливыя ноты—ни въ что какъ оно сталося... и посейчасъ не могу сказать... Глянулъ я на нее, и, понимаешь, словно меня обухомъ кто по головѣ гвозданулъ... въ очахъ круги пошли, ничего, окромя ее, не вижу... Бѣжать бы, думаю, ой, бѣжать безъ оглядки—бѣда будетъ!.. а у самого ноги нейдутъ, руки не поднимаются... И сидитъ она, моя касатка, жалостная такая да тихая, да на меня этакъ голубкой поглядываетъ... Вижу я—подаваться стала на мою лестъ, растаяла...

Послѣдвія слова я едва слышалъ: такъ тихо были произнесены они; наконецъ, голосъ моего невидимаго рассказчика дрогнулъ и оборвался. Тяжело дыша, Павлуха потянулся къ лежавшей возлѣ кучѣ хвороста и сталъ съ трескомъ разламывать и разрывать на куски отдѣльныя хворостинки, машинально складывая ихъ возлѣ костра. Огня совсѣмъ не было, только два-три уголька тлѣли, по временамъ вздуваемые вѣтромъ. Въ стѣнѣ позванивали и фыркали кони.

Звѣзды начали блѣднѣть, но внизу, на землѣ, было еще непроглядно темно. Становилось свѣжо. Я завернулся плотнѣе въ пальто и подвинулся къ костру: пріятная теплота, съ запахомъ гари, пахнула въ лицо.

Прошло нѣсколько минутъ. Павлуха овладѣлъ собой и неожиданно обратился ко мнѣ:

— Не заснулъ, баринъ?

— Нѣтъ, я слушаю тебя...

— А то, можетъ, хошь спать? Я сѣнца изъ телѣги привесу... подъ голову, то-ись...

— Нѣтъ, не хочу. Рассказывай, если есть охота...

— То-ись, такая охота, что самъ диву даюсь. Къ попу на исповѣдь не съ такой охотой шелъ. Хочу рассказать, да и все тутъ. Никому не сказывалъ, тебѣ первому, ей-ей, подошло такъ ужъ, значить... потому все вотъ какъ теперь вижу... гдѣ ты,

примѣрно, тутъ окно, тутъ дверь, все какъ есть помню... Ну, стало быть, вижу я, баба сама не своя—рукой этакъ щѣчку подперла, вотъ-вотъ заплачетъ, думаю... Подошелъ я къ ней, обнялъ... Она—ничего, и головы не отнимаетъ...

— Эхъ, говорю, Луверья Ивановна, и вы, можно сказать, словно бы сиротиночка или былинка въ чистомъ полѣ... Нешто, говорю, старый-то душу вашу угадать можетъ, какъ вы, то-есть, чувствовать должны!..

Поглядѣла она на меня, помолчала чуточку.

— Нѣтъ, говоритъ, Павлуха, не трожь мово старика, мужъ, моль, онъ мнѣ, жалко мнѣ его... онъ хорошій...

— Хорошій-то, хорошій, а вспомните, говорю, какъ онъ допрежь того былъ!.. Да и вамъ, говорю, не двѣ жисти жить, а одну, да и та скоро минѣтся... И какъ мнѣ васъ жалко, Луверья Ивановна, сказать невозможно... такъ, говорю, жалко, что... Ну, словомъ сказать... тутъ-то все и рѣшилось... какъ есть, безъ утайки все тебѣ сказываю... Какъ поглядитъ она на меня, какъ поглядитъ—этакъ никогда не глядѣла—въ самую, вѣришь ли, душу,—такъ во мнѣ все и перевернуло... какъ кинется мнѣ на шею да заплачетъ, горько такъ заплачетъ, да зацѣлуешь, а сама все стонетъ:

— Не губи, ой, не губи, родимый...

Эхъ, поминать больно!.. А вкругомъ, какъ сейчасъ помню, дождь хлещетъ, громъ, молонья, такъ и сѣкѣтъ... Такая буря разразилась—страсть!.. Тогда еще мельницу, что по дорогѣ въ Демьянкино, молоньей подпалило... Опосля не разъ я думалъ про это—знакъ Божій...

III.

Павлуха съ трудомъ перевелъ духъ, но не остановился. Теперь его и остановить было трудно. Онъ рассказывалъ уже не мнѣ, случайному собесѣднику, а самому себѣ, своей разгорѣвшейся душѣ, да томной ночи съ ясными звѣздами, да еще чуткому вѣтру, уносившему далеко-далеко его страстную рѣчь...

Онъ продолжалъ:

— Опамятовались мы, да уже поздно—не поправишь... И никакой это во мнѣ радости нѣту... Гляжу на Луверью—молчитъ та, ни слезъ, ничего, сурьезная такая... Подходить ко мнѣ.

— Что-жь, моль, сидишь, красавчикъ! Сотворили дѣло, вмѣстѣ и отдѣлываться надоть... Знай же, моль, что не зада-

ромъ я законъ христіанскій ломала... Съ мужемъ я честной жила, а такой не останусь... Пойду за тобой, куда глаза глядятъ...

Сижу я, молчу, и страшно мнѣ стало, и дивлюсь я: откуда, думаю, такое въ бабѣ берется. А она опять:—Неча молчать, говорить, не отмолчишься,—не гулящая я тебѣ далась...

А глаза у ней такіе большіе да страшные стали, горять, такъ искрами и сыплютъ...

— Завтра же, говоритъ, бери меня, куда хошь увози, не то—и тебя, и себя убью!.. Вижу—правду говорить баба...

Тутъ только впервой мнѣ вдомѣкъ стало, что не всё бабы на одинъ фасонъ... Одначе, раздумывать было нечего.

— Ладно, самъ я сору нанесъ, самъ я вымету... Собирайся, говорю, Лукерья, завтра пойдемъ, авось и не помремъ съ голоду.

А самъ надумалъ думу. Чуть свѣтъ скочилъ на коня, да и махнулъ въ экономію, къ князю. До него верстъ пятнадцать всего... Безъ утайки, думаю, все доложу ему. Онъ этиа дѣла понимаетъ: самъ два раза разводился, да и по всёмъ усадьбамъ евоинныя дѣвки живутъ... Еще и то, думаю,—онъ съ нашимъ-то на ножахъ, безпримѣнно приметъ... Да ты, можетъ, знаешь его, а?

— Нѣтъ, не знаю...—поспѣшно отвѣтилъ я, боясь, чтобы рассказчикъ мой не отвлекся въ сторону, но тутъ же спохватился:

— А какъ его зовутъ, князя-то твоего?

— Бѣльскій князь... генералъ... Маленькій такой да черный... въ Питерѣ и посейчасъ служить, его всё знаютъ... Чудной. Пріѣхалъ я въ Беззаботное—усадьба его такъ прозывается, поставилъ коня, подошелъ къ крылечку, дожидаясь... У него это ничево, можно... Ждалъ, ждалъ, гляжу—выходитъ. Я къ нему, шапку долой...

— Что вужво?—спрашиваетъ.

— Такъ, молъ, и такъ, докладываю, дозвоьте, говорю, ваше сіятельство, при конюшнѣ состоять.

Оглядѣлъ онъ меня съ ногъ до головы.

— Допрежь того гдѣ служилъ?

— У купца Соколова, говорю, Матвѣя Сергѣевича, при верховой конюшнѣ старшимъ былъ...

— Что-жь, говоритъ, пропился, или за воровство прогоняютъ?—и строго такъ говорить.

— Никакъ нѣтъ, говорю. Они и посейчасъ мною вотъ какъ довольны, да какъ я, говорю, у ихняго огородника жену увелъ, такъ мнѣ, говорю, ваше сіятельство, у ихъ больше никакъ состоять нельзя... Такъ прямо и говорю...

Какъ услышалъ онъ это, князь-то, подобрѣлъ весь, засмѣялся. Тенуль меня этакъ пальцемъ и спрашиваетъ:

— Что-жъ, красивая? Признавайся-ка...

— Для насъ, хороша, говорю, а вашей милости, можетъ, и не пондравится...

— Ну, ладно, говорить. Только смотри у меня...

Тутъ онъ меня и опредѣлилъ. Зажили мы съ Луберьей, какъ мужъ съ женой, а сами все боимся: ну, какъ Трофимычъ, супругъ-то ейный, воротится да насъ за этакія дѣла, какъ слѣдуютъ, и убагостворить. Какъ-никакъ живемъ, я должность свою справляю, она—по хозяйству, что надо, въ избѣ да въ огородѣ... А въ избѣ чисто у насъ было, вѣришь ли, прибрано да выметено, точно въ рай вступишь, бывало: чистый убрусъ, лампадка подъ иконой... самоварчикъ, чайничекъ—все свое, сама въ городъ ѣздила, Трофимычина-то вотъ на эстолько не взяла... И жили мы съ ней, то-ись, душа въ душу, лучше и жить нельзя. И чтобы ее пальцемъ тронуть или, въ примѣру сказать, обругать—ни-ни! да и не на чемъ было... А ужъ какъ была ласкова ко мнѣ, просто даже удивительно! Сосѣди—и тѣ сперва повосились, а послѣ, какъ увидѣли нашу жизнь, уважать стали, даромъ, что не по закону жили... Самъ князь, вѣришь ли, шелъ разъ мимо, увидалъ меня да и говоритъ:

— Ну-ка, Павлуха, показывай свою избу, у тебя тамъ, сказываютъ, баба скусная, а? Показывай, показывай. .

Обробѣлъ я, да и было отъ чего: князя къ себѣ въ избу вести! Мало-ль тамъ чтò инымъ часомъ бываетъ, извѣстно, не барскія хоромы... Одначе, разговаривать нечего, веду. Входитъ въ избу—чисто да ладно все, слава-те Господи... Луберья, какъ увидѣла князя, пуще моего обробѣла, покраснѣлась вся и стить ни жива, ни мертва, даже поклониться забыла... А князь—ничего, подошелъ, взялъ этакъ за подбородокъ, повернулъ къ свѣту и говоритъ:

— Ничего, добрая молодка, ей-богу, добрая... Да ты, говорить, Павлуха, видно, малый не промахъ... молодецъ, говорить.

Кланяемся, молчимъ. Что-жъ тутъ говорить будешь!

— У тебя, говорить, и по конюшнѣ все въ аккуратѣ... Ежели, говорить, и дальше такъ же служить будешь, съ Рождества старшимъ сдѣлаю.

— Радъ стараться, говорю, ваше сиятельство, ужъ вы, говорю, насъ своей милостью не оставьте. .

Съ тѣмъ и ушелъ. Я-то, признаться, боялся одно время, какъ бы еще не пришелъ уже для Луберьи для одной, потому

пондравилась она ему, по всему видно... да нѣтъ, ничего, Богъ миловаль... Вотъ, живемъ мы такъ мѣсяць, только приходитъ къ намъ тетка Лукерьяна, Настасья, такъ, старушка... на селѣ Захарьинѣ жила, у сосѣднихъ господъ побиралась... Поглядѣла, поохала... „Охъ, вы, мои молодые, охъ, вы, мои болѣзные!“... тѣфу! провались ты,—не люблю такихъ бабъ... а послѣ и говорить:

— А Трофимычъ-то объявился—и ничего, словно бы и не очевидно, сказываютъ, печалится.

Поотлегло у меня отъ сердца, да не надолго. Слышу, шепчутся бабы, Настасья въ огородъ зоветъ:

— Пойдемъ, молъ, Лукерьюшка, поговорить мало чего съ тобой надо...

Ну, пошли сплѣтками языки чесать, брехней глотку тѣшить... бабья фабрика, думаю. Пошелъ къ лошадямъ и забылъ объ этомъ вовсе: мало ль что бабы промежду собой говорить могутъ? Вечеромъ прихожу домой. Гляжу—Лукерья моя сама не своя, темнѣй темнаго ходить. Награяла, проклятая! думаю себѣ про Настасью.

Сѣли ужинать.

— Что ты? спрашиваю: тетка, что-ль, голову надуряла?

— А ты, знай, ѣшь, говорить, коли на столъ поставлено, а меня спрашивать нечего... не твоего, молъ, ума это дѣло...

Ишь ты! думаю себѣ: никогда еще она такъ со мной не говорила. Ладно, что-то дальше будетъ, поглядимъ да увидимъ...

И запасмурилася моя Лукерья съ той поры. Ничего не открываетъ, а такая все скучная, скучная ходить. Стало и мнѣ не по себѣ. Вѣрно, думаю, старикъ, что ни есть, про насъ надумалъ: что жъ бы это такое было?

И говорю разъ Лукерѣ:

— Слышь, говорю, Лукерья, а что какъ придетъ твой Илья Трофимычъ да насъ и прихлопнетъ?

Стиснула зубы, отвернулася...

— И подѣломъ! говорить: одинъ конецъ лучше...

Ровно бы ужалила она меня этими словами—до того и жалко ее, и самому за себя досадно стало.

— Что ты, говорю, Богъ съ тобой! съ ума спятила, что-ли! Погляди на людей: другіе-то одна слава только, что по закону живутъ, а то все на сторонѣ путаются... Ужли-жъ это ладно?.. По мнѣ, говорю, ужъ лучше на чистоту...

— Такъ-то оно такъ,—она мнѣ на это,—а только... и окромя тово грѣхъ межъ нами затесался, смертный грѣхъ...

— Ну, что еще за грѣхъ?—спрашиваю. Не томи, Бога для...

— Нѣтъ, что ужъ, говорить, лучше не сказывать...

А ужъ чего не захочеть сказать—ни по чемъ не скажеть, характерная баба была, н-да... И сталь я съ ея словъ задумчивый такой, и не столько про грѣхъ про этотъ самый думаю, сколько бѣды боюсь, а тоска щемить: что-нибудь да будетъ...

Живемъ. О Трофимычѣ никакихъ вѣстей сначала. Потомъ слышимъ, люди говорить, что съ Трофимычемъ диво дивное сотворилось: все, что ни есть, продалъ старикъ, расчетъ получилъ и пошелъ вивѣсть куда... Стали мы думать, что бы это такое было, думаемъ; а придумать не можемъ. Мерзевали такъ, что въ судъ или по начальству, да нѣтъ, Лукерья говорить—на него не похоже... Потомъ уже кто-то сказалъ, что Трофимычъ по святымъ мѣстамъ грѣхи замаливать пошелъ, къ угодникамъ въ пѣстыни... Говорили, что и ума рѣшился старикъ, разное говорили...

Свѣжій вѣтерокъ пронесся отъ ручья и пахнулъ туманомъ. Край неба поблѣднѣлъ на востокъ. Павлуха остановился и глубоко вздохнулъ.

— Свѣтать скоро начнетъ, — замѣтилъ онъ, подвинувшись ближе къ костру.—Ночь проговорили, а все еще не кончилъ я тебѣ... Да и кончатъ ли? усталъ, чай, слушать, баринъ?..

— Нѣтъ, пожалуйста, если ты самъ не усталъ рассказывать, продолжай...

— Намъ отъ этого устать нельзя, а поговорить въ иной часъ ихъ-какъ хочется, а не съ кѣмъ... Ну, да ладно, все доскажу тебѣ, все до конца... Самъ хочу, оттого что говорить съ тобой легко, все ты понять можешь лучше нашего брата...

Я невольно улыбнулся и перевелъ разговоръ на Лукерью. Я боялся, чтобы настроеніе не ушло отъ рассказчика вмѣстѣ съ таявшей темнотой, и перебилъ его:

— А что же Лукерья-то?

— Лукерья... веладно съ ней приключилось... затяжелѣла она, вотъ что... Пришло время родить по веснѣ, а она возьми да и пропади изъ дому... И то всю зиму туча тучей ходила, все, бывало, молчить да въ землю глядеть... Хватились ее, искали, искали — нѣтъ Лукерьи, да и только... на другой день къ вечеру въ березнякѣ нашли... тамъ и родила... мертвенькаго... Принесли это ее въ избу, положили на постель, а она, голубонька, только трепещется, ровно бы рыба безъ воды, и помирать собралась. Я туды, сюды, а она поманила меня этакъ ручкой и говоритъ:

— Ничего мнѣ не надоть, Павлуха, потому смерть моя пришла... Слушай, говорить, Павлуха...

Выслать я бабъ, подхожу къ ней.

— Что, говорю, сердечная... не печалься, васаточка, авось либо полѣгчаеть...

Она только усмѣхнулась, да жалостно такъ, а я стою тутъ, и плавать мнѣ хочется, какъ дурному дитяти, и тяжело мнѣ за нее, душа горитъ, на ея муки гляючи. Усмѣхнулась она:

— Нѣтъ, ужъ не полѣгчаеть... а пойди ты, говорить, къ Трофимычу, гдѣ ни на есть его сыщи... все расскажи... скажи, какъ я мучилась, пуцай онъ простить... согрѣшила я, окаянная...

Больше говорить не могла, въ себѣ забылась, только все про грѣхъ поминала. Одинъ только разъ опаматовалась передъ тѣмъ, какъ Богу душу отдать.

— Павлуха, говорить, упроси... охъ, грѣхъ мой!

— Богъ простить,—говорю,—да и какой-такой грѣхъ у тебя особенной?

— Онъ, молъ, сважеть, старикъ-то...

Съ тѣмъ и померла. Тамъ и скоронили ее на владбищѣ, нагъво отъ церкви. Крестъ вырубил... А какъ хоронили ее — ничего сказать не могу. И по сейчасъ помню только — день былъ такой ясный да солнечный, и листочки на берегахъ такіе свѣженькіе да зелененькіе были, промежъ ихъ воробыи гнѣздо вили... теперь смѣшно даже: это, вотъ, запомнилъ, а какъ ночь отпѣвалъ да бабы навзрыдъ голосили, и какъ Лукерья въ домовинѣ лежала — этого, хоть убей, не помню, словно бы и не было вовсе. Сказывали послѣ, что безчувственной я, какъ пень при дорогѣ, сдѣлался: дуракъ дуравомъ ходилъ, усмѣхался даже... Въ скорости-то я опомнился и ужъ въ такую тоску вошелъ, что, вотъ-те крестъ, руки на себя наложить хотѣлъ... и наложить бы, да зарокъ далъ — свидѣться съ Трофимычемъ, отпросить покойницу...

А тутъ еще какъ на грѣхъ опять эта Настасья пришла да начала жалобиться... „Ахъ, да охъ! такіе вы сикіе, миленькой ты мой, да бѣдненькой, и пошто тебя Божинова поваралъ!“ ... и пошла, и пошла... „А покойница-то, не отмоленая, говорить, не отпорошеная, мучится, молъ, теперь ейная душенька, за грѣхъ, за большой грѣхъ смертный, и свой это у ней грѣхъ, говорить, и не свой“...

Силъ моихъ больше не стало терпѣть, заперъ я двери на крючокъ, подхожу къ ней:

— Слушай, говорю, Настасья, полно причитывать. Говори,

что за грѣхъ такой на Лукерью лежитъ. Все, какъ есть, говори, не выйдешь отсюда, не скажамши...

Заголосила она, руки заломала, не хотѣла говорить, да я пригрозилъ:

— Живую не выпущу, коли не скажешь... неча душу мочалить, молчанку на себя напущать!.. Извела Лукерью, напустила порчу, теперь меня извести хочешь? Подохнешь сама прежде, подавишься на мнѣ, говорю...

Видитъ она—въ сурьезъ дѣло стало, обтерла слезы.

— Убьешь ты меня, какъ скажу...

— Что ты, дура, на что я тебя убивать стану? Чѣмъ ты мнѣ попричинилась?

А самъ чую бѣду, еле и свѣтъ-то въ очахъ вижу. И зло меня тутъ на нее взяло.

— Сказывай, старая, не то и впрямь убью, говорю...

— Ну, говорить, слушай же, коли ты такой несговорчивый, слушай, буду сказывать тебѣ все по порядку...

И ужъ рассказала жъ она мнѣ, такое рассказала, что лучше бъ мнѣ и на свѣтъ не родиться, ей-ей... Когда бъ самъ своими ушами не слышалъ, ни за что бъ не вѣрилъ... ни-ни! И сказала-то не сразу, начала издалека, съ подходу, лисья была душа. „Вотъ, говорить, Павлуха, людямъ ты жалился: безъ роду ты, молъ, безъ племени... Оно точно, и нѣтъ это у тебя отца-матери, а и какъ будто есть, выходить... а лучше-бъ и не было вовсе“...

Притихъ я, слушаю, къ чему, значить, старая, приведетъ? И страшно мнѣ, и злобно на нее: чего, думаю, какъ возъ на гору тянетъ. Стиснулъ зубы, молчу.

— Я, говорить, къ тому, что Трофимыча-то ты обидѣлъ, Павлуха, и больно обидѣлъ... а кто изъ васъ двухъ больше виноватъ, одинъ Господь Богъ вѣдаетъ... Съ Трофимычемъ-то мы вмѣстѣ росли, все-то про него я вѣдаю... Какъ былъ онъ молодымъ, тожъ въ Соколовѣ на службѣ служилъ, а была это не Соколовка, а Княжая, потому князя прежде ею владѣли, Соколовъ-то ее послѣ уже отступилъ, и мы всѣ княжие были. Старой-то князь Трофимыча и къ огородамъ приставилъ... И былъ онъ женатой, на той, на первой женѣ, и дѣти были, да послѣ померли... Померли, вишь ты, сразу, въ одну вѣсну померли... И баба въ скорости туды-жъ отправилась... И была тамъ у садовника, у нѣмца, дочка въ дѣвкахъ... и женихъ у ней былъ... красивый такой, изъ города прѣзжалъ... да онъ, видно, не нравился ей... Тутъ-то, говорить, и подольстился онъ въ ней,

Трофимычъ-то, къ дѣвкѣ этой, прости, говоритъ, его, Господи! А она возьми да и роди мальчѣночка. И какъ сталоь это, нѣмецъ, ейный отецъ—у! строгой былъ—прогналъ ее отъ себя, а дитя въ деревню отдалъ... да... Трофимыча не тронули, потому—не сказала она, отъ ково... на прикащиккаго сына думали... никто и не узналъ... да..

Павлуха говорилъ отрывисто, тяжело дыша, глухимъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась глубокая скорбь... Вздволнованный, я слушалъ, не шевелясь, не произнося ни звука, предчувствуя необыкновенную, роковую развязку.

— И пошла она, говоритъ, садовникова-то дочка, въ городъ... да тамъ, сказывали, и давай гулять... извѣстно, опороченная—кто приметъ?.. Послѣ того... много спустя... ходилъ къ ней Трофимычъ, да не нашель уже... сгинула, аль уѣхала—Богъ ее знаетъ... Мальчѣночка-то и выросъ у добрыхъ людей... Ты, говоритъ, это, Павлуха...

Невольная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ—такъ много скрытаго страданія заключали въ себѣ эти трагическія слова. Я испыталъ мгновенное желаніе подойти, утѣшить, выразить мое сочувствіе, участіе этому гиганту-страдальцу, но изъ устъ моихъ не вырвалось ни одного звука,—ни одного подходящаго слова не могла подсказать мнѣ моя подавленная душа. Я остался неподвиженъ.

Павлуха откинулся на траву и замолчалъ. Разсказъ оборвался.

IV.

Послѣднія звѣзды, улыбаясь, умирали на небѣ. Разгоралась заря. Ночной мракъ сизой дымкой снимался съ пасѣки, открывая глазу необъятную даль, съ черными пнями, кучами хвороста и одинокими обгорѣлыми стволами. Вчерашнія чудовища превращались въ мирные кусты, явнякъ и березу, живописно толпившіеся у ручья и каймой бѣжавшіе за дорогой. Слѣва и позади чернѣлъ перелѣсокъ. Раза два стукнулъ дятель; хлопая крыльями, дикая утка грузно опустилась надъ ручьемъ; чиликнула овсянка.

Вдали раздалось конское ржаніе. Павлуха вскочилъ и осмотрѣлся. Крупы лошадей чернѣли у самаго ручья, сотняхъ въ двухъ шаговъ отъ насъ.

— Вишь, куды ихъ чортъ понесъ!—угрюмо пробормоталъ онъ, поднимаясь съ земли.—Пойти, прыгнать...

И натянувъ армякъ, онъ направился медленной, развалистой походкой по росистой травѣ, шелестѣвшей подъ его ногами, внизъ по уклону, къ тому мѣсту, гдѣ ручей дѣлалъ крутой поворотъ и образовывалъ нѣчто въ родѣ маленькаго пруда, поросшаго высокими тростникомъ и айромъ. Черезъ нѣсколько минутъ слышалось звучное шлепанье по водѣ и неуклюжий топотъ спутанныхъ коней, звонившихъ своими кандалами и храпѣвшихъ. Подогнавъ ихъ къ дорогѣ, Павелъ подошелъ во мѣѣ и сталъ набивать трубку табакомъ. Лицо его было задумчиво и урюмо.

Я все еще былъ подъ впечатлѣніемъ его разказа, и мнѣ не хотѣлось говорить о чемъ-либо другомъ...

— Павлуха,—обратился я къ нему,—спасибо тебѣ за разсказъ твой... я... я, видишь ли... Я хотѣлъ сказать: „сочувствую“, „понимаю“, что-нибудь въ этомъ родѣ, но все это не шло сюда и не выражало того, что я чувствовалъ... Я неловко замаялся и умолкъ.

Ямщикъ затянулся махоркой и слегка улыбнулся.

— Не на чемъ, баринъ... тебѣ спасибо, что не побрезговалъ съ нашимъ братомъ про нашу мужицкую долю толковать... Вотъ время-то и прошло...

— А что же, съ Трофимычемъ удалось тебѣ свидѣться послѣ?

— Съ Трофимычемъ? Какъ сказать, баринъ... видѣть-то я видѣлъ его, можетъ, двѣ минутки какія, а только... разговор у насъ никакого не вышло...

— Отчего?

— А такъ, да и нельзя было...

— Расскажи.

— Да вотъ какъ, значить, отошелъ я отъ князя—потому съ того самаго разу шибко зашибать я сталъ,—то-есть, какъ зашибать—небу только жарко становилось,—какъ отошелъ, говорю, такъ перво-на-перво въ земскую почту опредѣлился. Служу, господъ развожу. Везу я разъ чиновника изъ губерніи, мордастаго такого, изъ себя толстаго, и прїѣзжаемъ мы къ Перевинскимъ плотамъ, гдѣ, знаешь, перевозъ... на паромѣ... Перевезли насъ на ту сторону, а тамъ народъ, мужики, бабы... ярмонка по близости была... Гляжу—промежду народу—Трофимычъ...

— Да что ты!..

— Вѣрно! Самъ сначала не вѣрилъ, потомъ гляжу — онъ, онъ самый... постарѣлъ, сгорбился... а меня узналъ; спервоначалу отвернулся, а потомъ ничего... бокомъ такъ поглядываетъ на меня, что я, то-ись, какъ съ имъ обойдусь...

Выѣхалъ я на дорогу, поставилъ коней, говорю чиновнику: — Ваше благородіе, дозвольте, говорю, на минутку сбѣгать, земляка повидать...

И скорѣй туды, внизъ, къ парому. А тамъ уже народъ на паромѣ, и Трофимычъ съ ими. Я на паромѣ да къ нему. „Трофимычъ!“ говорю, „Трофимычъ!“ — и больше ничего и выговорить не могу: духъ спѣрло. Поглядѣлъ онъ на меня, а послѣ какъ кинется мнѣ на шею да заплачетъ, старикъ, да не то что — заплачетъ, а и смѣется, и плачетъ въ одно время... чудной такой сталъ... губы трясутся, самъ, видно, и хочетъ говорить, да, ровно бы я, не знаетъ, что сказать... А тутъ народъ кругомъ насъ, кто жалобится, кто рогочетъ, на насъ глядячи... Вѣришь ли, баринъ, и мнѣ плавать хотѣлось, ей-ей, и — чуточку еще — я-бъ ревмя ревелъ, вотъ какъ послѣдняя, сважемъ, баба, потому вся моя душа изорвалась, наболѣла... Да плавать-то неколи было, — слышу, чалки отвязываютъ, паромщикъ сходить велить, увезти грозится... Поглядѣлъ я на-послѣдн на Трофимыча, обнялъ его... „Прощай, говорю, Трофимычъ!“ хотѣлъ сказать: „батъка“, да не осмѣлился... — „Прощай, Павлуха! Дай Богъ тебѣ“ ... — да и не договорилъ, заплакалъ старикъ, а тутъ паромъ отчалили, едва я на берегъ соскочилъ... Бѣгу къ тарантасу, а тамъ чиновникъ злится, что дожидаться его милость заставилъ... И ужъ ругалъ же онъ меня, не приведи Богъ. И воръ-то я, и собака, и кабацкая, молъ, у меня душа, и чего только не было. Я все молчалъ да оглянуться боялся, потому ежелибъ только я оглянулся на него, то, вѣришь ли, баринъ, убилъ бы его, какъ пить дать, убилъ бы... такое имѣлъ я сердце противъ него тогда...

— Такъ ты ни слова и не сказалъ Трофимычу о Лукерѣ? — остановилъ я Павлуху.

Онъ потупился, и прежняя мягкая нотка зазвучала въ его отвѣтѣ.

— Не сказалъ, баринъ... да я такъ смеаю, что и говорить-то нечего было... Да и что говорить? Простилъ, вѣдь, старикъ, по немъ видѣлъ, простилъ ее, жену свою невѣрную... а можетъ, и меня простилъ... — добавилъ онъ, съ неопредѣленной улыбкой, опуская глаза въ землю. — А и не простилъ, такъ все равно: за себя, гдѣ хошь, отвѣчать буду, да...

И круто повернувшись на мѣстѣ, онъ пошелъ въ сторону дороги, гдѣ стоялъ тарантасъ. Я кривнулъ ему, чтобы онъ принесъ воды, но уже не дождался его возвращенія. Усталость и бессонная ночь оказали свое дѣйствіе, и минуту спустя я спалъ врѣпшимъ сномъ.

V.

Когда я проснулся, солнце въ полномъ блескѣ поднималось въ вышину. Надъ моей головой плавно кружилъ ястребъ, и радостная пѣсня жаворонка падала золотистыми трелями; жужжали пчелы, суетились стрекозы и, какъ вчера, но громче и веселѣе, ворковали голуби. Пасѣка была сплошь покрыта густой травой, въ которой мелькали цвѣтныя головки клевера, лепестки дикаго горошка и гвоздики. Все было ярко и весело; все было безлюдно и вмѣстѣ оживленно. Безоблачный горизонтъ сузилъ рѣдкій июньскій день, знойный, но не душный, одинъ изъ тѣхъ дней, когда душа вся отдается покою и нѣгѣ, когда самомалѣйшее стремленіе тягостно, желанія усыплены, и умъ дремлетъ, но за него неустанно думаетъ сердце, и разсыпается мириадами грезъ, ласковыхъ, прозрачныхъ, какъ эти солнечные лучи въ безпредѣльной синевѣ воздушнаго океана...

Воздухъ былъ полонъ многозвучной музыкой природы, стройной и гармоничной, въ которой такъ неподражаемо сочетались въ одномъ общемъ аккордѣ жизни и всплески ручья, и трескъ кузнечика, и жалобный пискъ малиновки, трепещущей въ желѣзныхъ когтяхъ кобчика. И въ то же время всѣ эти звуки такъ успокаивали и баюкали, что душа ни на минуту не разставалась съ ощущеніемъ могучей, невозмутимой тишины. Ничто человѣческое или чуждое не нарушало ее, не было слышно ни бубенчиковъ, ни вчерашняго лягга желѣзныхъ путей... Никого вокругъ, ни души...

— А гдѣ же Павлуха и лошади?—вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ.

Я вскочилъ на ноги и оглядѣлся. Прежняя тишь и безлюдье; ни тарантаса, ни кучера, ни лошадей. Чтò такое? куда они дѣвались? Я сталъ прислушиваться, и легкая тревога закралась мнѣ въ душу; нехорошее подозрѣніе уже было готово овладѣть мыслями. Попрежнему ворковали голуби, попрежнему неслась съ вышины пѣсня жаворонка, пчелы и кузнечики нагоняли дремоту.

Въ безповойствѣ я еще разъ оглядѣлся, и снова ничего не увидѣлъ. Вчерашній костеръ печально чернѣлъ грудой пепла и углей, кругомъ была выжжена и примята высокая, сочная трава.

— Надо пойти и поискать,—рѣшилъ я, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ явственный звукъ бубенчиковъ донесся до меня изъ кустовъ-по ту сторону дороги. Раздался и замеръ... потомъ

еще и еще. И громко разсмѣялся своей подозрительности и радостно зашагалъ навстрѣчу этимъ привѣтливымъ звукамъ. Да, конечно: Павлуха отвелъ лошадей въ тѣнь,—вонъ и задокъ телеги торчитъ изъ-за угла... Какъ я сразу не догадался!

Вотъ и лошади; онѣ были уже запрожжены и нетерпѣливо отмахивались отъ мухъ и слѣпней; а вотъ и Павлуха, посасывая свою трубочку, лежитъ на травѣ. Онъ сосредоточенъ и спокоенъ; на красивомъ лицѣ его не замѣтно слѣдовъ вчерашняго волненія и печали.

— Что, баринъ, поспалъ малость?—произнесъ онъ, вставая.

— Да, братъ, хорошо... А ты?

— Мы еще успѣемъ, намъ што... А я дорогу насмотрѣлъ, куды намъ ѣхать... да, смотрѣвши, вамъ вотъ ягодокъ насбиралъ.

Я былъ въ высшей степени тронуть этимъ вниманіемъ суроваго и неуклюжаго съ виду ямщика, и мнѣ стало стыдно за недавнія подозрѣнія на его счетъ.

— А ты славный, Павлуха!—не могъ не сказать я ему въ догонку, когда онъ, передавши мнѣ кузовокъ, сталъ быстро хлопотать около лошадей.

— Какая наша слава, баринъ!—отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь и поправляя черезсѣдельный ремень на спинѣ у коренного. Мы—ямщики, наше дѣло господъ до мѣста довести, себя оправдать, значить... Въ томъ вся и слава наша. Сейчас поѣдемъ, аль пообождемъ?

— Ъдемъ, Павлуха, пера.

Снова зачиркали колеса по колеямъ, и пошли мелькать направо и налево одинокія березы, черныя пни и корчи. Пасѣвъ, казалось, не было конца; зеленое царство было разрушено основательно, и не одна сотня топоровъ прошла по многовѣковымъ дубамъ и соснамъ въ угоду барышнической мощнѣ. Солнце поднималось выше и выше. Начинало не на шутку припекаеть.

Перекидываясь незначительными фразами, часа черезъ два, запыленные и усталые, добрались мы до Жмурковъ и сердечно распростались съ Павлухой.

— Можетъ, и свидимся, какъ назадъ поѣдешь,—сказалъ онъ мнѣ, прощаясь;—тогда чего-чего расскажу тебѣ, баринъ; у меня этого добра про запасъ много осталось. Такое со мной бывало, такое, что ну!..

И махнулъ рукой.

— Потому, оно точно, человекъ я, ежели на меня посмотрѣть, прямо удивительный... н-да. Прощай, баринъ...

И сдѣлавъ этотъ неожиданный выводъ, онъ вскочилъ на облучокъ, стегнулъ лошадей и исчезъ въ облакѣ пыли.

VI.

Еще разъ увидѣлъ я Павлуху, и скоро: въ тотъ же день вечеромъ. Я повидалъ Жмурки и Ыхаль, уже съ другимъ ящичкомъ, въ другую деревню, лежавшую верстахъ въ семи-восьми отъ этой. На краю села высился новенькій домъ, съ крыльцомъ и пѣтушками. Вокругъ него толпилась группа народу. По доносившимся пьянымъ и сильнымъ голосамъ, по безсвязному серишу гармоникъ я сразу догадался, что это былъ деревенскій кабакъ, въ которомъ пирь шелъ на славу. Проѣзжая мимо, я сразу узналъ въ пестрой толпѣ Павлуху,—на цѣлую голову былъ онъ выше невзрачной компаніи окружавшихъ его молѣщивовъ. Всѣ были пьяны, но Павлуха, казалось, былъ пьянѣе всѣхъ. Всклоченный, съ разорванной на груди рубахой, онъ сидѣлъ на ступенькахъ крыльца и выкрикивалъ какую-то дикую пѣсню. Другой парень, совсѣмъ еще молодой, изображалъ аккомпаниатора на гармоникѣ и при этомъ извлекалъ изъ своего несчастнаго инструмента душу раздирающіе звуки. Кажется, только и былъ одинъ трезвый человѣкъ изъ всего „общества“, это—еврей-шинкарь, выглядывавшій изъ окна; еще, впрочемъ, маленькая дѣвочка, лѣтъ этакъ восьми-деяти, которая тащила, съ горькими слезами, какого-то „тятюку“ за рукавъ, безпрестанно повторяя:—„бо мамка влече“...

Картина была слишкомъ тяжелая, и я отвернулся... Въ особенноти мнѣ было досадно и больно за Павла. Къ его симпатичному образу мнѣ не хотѣлось добавлять этой послѣдней, ненужной и темной черты. Какъ нарочно, ящичекъ, точно любясь, убавилъ рысь и поѣхалъ чуть не шагомъ.

— Вѣдь вотъ, пропадаетъ человѣкъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь,—и совсѣмъ, надо быть, пропадетъ. Дѣловой человѣкъ...

— Какія жъ за нимъ дѣла водятся?

— Разныя... Недаромъ въ острогѣ сидѣлъ, да судъ не осудилъ, потому, говорятъ, свидѣтелей не было, а Павлуха, извѣстно, не дуракъ тоже, чтобы самому въ петлю лѣзть... А какіе тамъ свидѣтели: темная ночка да сосна, подъ которой тѣло нашли—вотъ и свидѣтели всѣ. Опять же и съ жидомъ-шинкаремъ... тоже дѣло было... не то покалѣчилъ, не то и вовсе убилъ...

— Что же, изъ-за денегъ, что-ли?

— Ну, нѣтъ, за тѣмъ... Ему деньги—что! деньги ему—плѣое дѣло. Сколько ни дай—все спустить: самъ пьетъ и угощать любить, это точно... Нѣтъ, не за деньги онъ, а такъ, не

понадравится кто ему, или супротивъ его слово какое скажетъ, когда онъ выпимши, тутъ бѣда: хоть сѣдокъ, хоть кто—никого не пощадить... Потому и на мѣстахъ не долго живетъ: поживетъ, поживетъ, да какъ обознаетъ начальство, такъ и спроваживаютъ: „ступай, откуда пришелъ, намъ, молъ, такихъ не надобно“. Да и наши дороги не по немъ,—на нихъ, говорить, не разъѣдешься... Ему бы на хорошую, на большую дорогу, на Владимірку, тамъ до самой Сибири есть гдѣ разгуляться—разъѣхаться... Давно пора, чтобъ ему завтрашняго дня не дождать...

— Да тебѣ-то что сдѣлалъ дурного?..

— А побить грозился—вотъ что. Кабы онъ еще какъ водится,—ну, мало ли что бываетъ,—а то, вѣдь, либо тебѣ голову отшибетъ, либо на вѣкъ руки или ноги лишитъ... дешево не уйдешь отъ него... Вотъ я и имѣю злобу на него, потому—какъ прѣдетъ онъ къ намъ—нѣтъ мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя...

— Чѣмъ же ты разозлил его?

— Да такъ... долго рассказывать... да, почитай, ничего и не было... Эй, вы! пошевеливайся!—прикрикнулъ онъ вдругъ на лошадей, свистнулъ и тряхнулъ возжами.

Лошади прибавили ходу; сильнѣй задрезжала телѣга, подпрыгивая по неровной дорогѣ, звончѣй и чаще залились бубенцы. Мнѣ было грустно и какъ-то тоскливо-обидно, обидно на Павла, на себя, на противнаго рыжаго ямщика. И тѣни не было того возвышенно-искренняго, напоеннаго сочувствіемъ настроенія, какъ вчера, хотя такъ же таинственно шептались деревья, такъ же поскрипывали старыя сосны и свѣтляки мерцали въ травѣ. Все было то же; но другая душа билась въ человѣкѣ, сидѣвшемъ предо мной, и въ этой душѣ я не находилъ угаданныхъ струнъ. Ей ничего не говорила эта безтрепетная, уповательно-ласковая ночь, съ такой любовью протянувшаяся звѣздною сѣткою надъ грѣшной землей; ее не манили на хорошую, откровенную рѣчь лучезарныя звѣзды... Иныя изъ нихъ были такъ яри, что, чудилось, онѣ вотъ-вотъ прорвутся сквозь прихотливый узоръ безконечнаго свода и упадутъ на землю... иныя и падали, сверкая огнистой чертой. Я слѣдилъ за ними, смотрѣлъ на утонувшую въ звѣздахъ ленту млечнаго пути, думалъ о Павлухѣ и его судьбѣ... И все мнѣ казалось, что этотъ небесный путь вовсе не такъ ужъ далеко отъ того змѣвиднаго, затерявшагося въ дикой глуши проселка, по второму уныло плелась одинокая почтовая телѣга...

Евг. Ляцкий.

ИЗЪ
„РАЗСКАЗОВЪ ПРАПОРЩИКА СТОЛЯ“

И. Л. РУНЕБЕРГА.

БРАТЬ ТУЧИ.

Въ чащѣ лѣса хижина ютилась,
Въ сторонѣ отъ той большой дороги,
По которой шли войска на битву;
И враги туда не проникали,
И тропа, вѣсь лѣсной труппой,
Не была никѣмъ чужимъ открыта.
Только воронъ съ карканьемъ зловѣщимъ,
Только цапля, причесъ въ хвойной чащѣ,
Только волкъ съ добычею кровавой,
Пробѣгая по глухимъ оврагамъ,
Вѣсть сюда несли о битвахъ грозныхъ...

Здѣсь, въ коморѣ, за столомъ убогимъ,
Молча подвѣчеръ сидѣлъ хозяинъ,
Отдыхая отъ дневной работы,
Въ тихой думѣ голову склонивши,
Опершись рукой на столъ дощатый...
Хмурый взоръ его блуждалъ тревожно,
Ничего кругомъ не замѣчая.
Тутъ же сынъ его сидѣлъ пріемный,

Тутъ же дочь его была родная;
 Но старикъ вниманьемъ не дарилъ ихъ.
 И рука съ рукой, въ глубокой думѣ,
 Близко, близко прислонясь другъ къ другу,
 Въ сторонѣ они сидѣли оба...

Наконецъ старикъ прервалъ молчанье.
 Про себя, но все-жъ довольно ясно,
 Словно думамъ тайнымъ отвѣчая,
 Онъ запѣлъ... Неслось за словомъ слово...

„Королемъ лѣсовъ зовутъ медвѣдя,
 Красятъ лѣсъ раскидистыя сосны;
 Въ чемъ же, въ чемъ цѣль жизни человѣка?
 Кто игру судьбы предугадаетъ?..
 Въ зимній вечеръ въ хижину лѣсную
 Ты, дитя, пришелъ искать приюта—
 Непогодой загнанная пташка;
 Изъ-подъ шапки видся свѣтлый локонъ,
 Таялъ снѣгъ на обуви дырявой,
 Изъ-подъ куртки рваной грудь сквозила.
 Кто онъ былъ—пришельца не спросили,
 Не имѣлъ онъ ни родныхъ, ни крова;
 Зимній вихрь примчалъ его случайно,
 Былъ онъ братомъ тучѣ многоснѣжной...
 Занесенъ сюда какъ снѣгъ налипшій
 На ногахъ прохожаго усталыхъ...
 Но тотъ снѣгъ на утро не растаялъ,
 Тучи братъ—онъ не умчался съ тучей—
 Мальчикъ выросъ юношею сильнымъ.
 Первый годъ онъ ничего не дѣлалъ;
 На второй рубилъ дрова прилежно,
 А на третій—ужь сразилъ медвѣдя,
 Что сквозъ чащу подобрался къ стаду.
 Гдѣ-жъ теперь его отвага, удалъ,
 О которой шли въ лѣсахъ рассказы?
 Чтѣ отцу приемному онъ скажетъ?...“

Сумрачно, сидитъ старикъ въ кожорѣхъ,
 О войнѣ онъ думаетъ, о битвахъ...
 Спасена ли родина—не знаетъ;
 Крикъ орлиный, карканье воронье
 Ничего ему не открываютъ;

Въ глушь лѣсную не доходятъ вѣсти,
А отважный юноша теряетъ
День за днемъ, лишь о любви мечтая...

Словно вѣтеръ пробѣжалъ по чащѣ,
Въ тишинѣ вечерней, молчаливой,
Дуновеньемъ острымъ и холоднымъ
Гладь лѣсного озера волнуетъ—
Въ часъ, когда не дрогнетъ листъ заснувшій
И цвѣты молчатъ въ травѣ прибрежной,
Отражаясь въ глубинѣ озерной—
Такъ, суровой рѣчью уязвленный,
Чутко вздрогнулъ юноша... смутился,
Въ сердцѣ съ болью скрылъ упрекъ отповскій...
Вечеръ весь онъ просидѣлъ съ невѣстой,
На покой ушелъ онъ и, казалось,
Раньше всѣхъ заснулъ въ своей коморѣ.
Но едва заря зажглась на небѣ,
Прежде чѣмъ всѣ въ домѣ пробудились,
Онъ ушелъ изъ-подъ родимой кровли.

День насталъ и солнце засіяло,—
Но въ лѣсномъ жилищѣ только двое,
Только двое за столомъ сидѣли
Въ комнатѣ уютной за обѣдомъ,
Третьяго не видно было съ ними.
Не грустилъ еще старикъ-хозяинъ,
Дочь его не проливала слезы,
Но пропасть для нихъ покой воскресный,
Праздникъ свѣтлый былъ уже не праздникъ...
И потомъ, когда ревѣла буря,
Ключья тучъ пересыпая градомъ,
Ласково сказала старикъ, вздыхая:
„Дочь моя, недалеко до селенья;
На пути ручьи, холмы, овраги,
Нѣтъ мостовъ, все залито водою...
Кто пошелъ туда на ранней зорькѣ,
Тотъ навѣрно къ ночи лишь вернется“...
Такъ онъ молвилъ; но, въ себѣ замкнувшись,
Какъ цвѣтокъ, что въ сумракѣ вечернемъ
Лепестки пугливо закрываетъ,
Дочь его молчала въ грустной думѣ.

Но недолго такъ она сидѣла;
 Какъ листокъ засохнувшій—съ зарею
 Блещетъ свѣжей капелькой росистой—
 Такъ въ очахъ ея свергнули слезы;
 Голову склонивъ, она запѣла:
 „Если сердце отвѣчаетъ сердцу,
 Все вокругъ становится имъ чуждо—
 Небо, солнце, родина, родные...
 Миръ для нихъ особый возникаетъ,
 Очи ихъ иное видятъ небо!
 Каждый вздохъ взаимный имъ дороже,
 Чѣмъ слова родныхъ, знакомыхъ, близкихъ...
 Неземная власть въ любви таятся
 И ея оковы неразрывны...
 Для влюбленныхъ нѣтъ пучины моря,
 Нѣтъ вершинъ и горъ неодолимыхъ...
 Онъ вернется, онъ вернется раньше,
 Хоть его и ждешь ты поздней ночью“ ...

И старикъ сперва ея не понялъ,
 Но потомъ, тревожась и тоскуя,
 За ушедшимъ въ поиски онъ вышелъ.
 Онъ оставилъ домикъ свой и тихо
 По тропѣ лѣсной побрелъ навстрѣчу.
 Лишь къ полудню севозъ лѣсныхъ дебри
 До жилья ближайшаго дошелъ онъ.

Но печальна, какъ лѣсная чаша,
 Молніей спаленная,—лежала
 Передъ нимъ сосѣдняя усадьба.
 Надъ младенцемъ, спящимъ въ колыбели,
 Одинокой онъ нашелъ хозяйку.

Словно птица въ трепетномъ испугѣ,
 Услыхавъ внезапно гулкой выстрѣлъ,
 Крыльями взмахнетъ и встрепенется—
 Такъ хозяйка, задрожавъ, вскочила,
 Чуть лишь дверью стукнулъ онъ; но вскорѣ
 Успокоилась, узнавъ сосѣда,
 Подошла и протянула руку,
 Проливая горестныя слезы.
 „Ты пришелъ?“—воскликнула.—„Спасибо!
 И еще за то тебѣ спасибо,

Что прислалъ къ намъ юношу на помощь,
 Къ намъ, въ обитель ужаса и горя.
 Сядь, отецъ мой, отдохни немного...
 Все тебѣ повѣдаю я, слушай...

„Знаешь ты, война ужъ долго длится.
 Грабятъ край и наши, и чужіе;
 Пощаженъ лишь тотъ, кто безоруженъ.
 Нашъ отрядъ—мужья, отцы и братья—
 Двинулся на-дняхъ врагамъ навстрѣчу,
 Весь приходъ—всѣ села и деревни...
 Только счастье нашимъ измѣнило,
 Разметало ихъ, какъ листья бурей,
 И немногіе спаслись отъ смерти.
 И враги нахлынули потокомъ,
 Избивая слабыхъ, безоружныхъ,
 Въ гнѣвѣ не щадя ни женъ, ни старцевъ.
 И сюда пришли они съ зарею;
 Чуть въ селеніи колоколъ ударилъ—
 Разразилась ярость ихъ повсюду...
 Нѣтъ, всего я рассказать не въ силахъ!
 Мужъ былъ брошенъ связанный на землю,
 Кровь текла, неистовство царило...
 Помощи мы даже и не ждали...
 Билась я въ рукахъ врага жестокихъ
 Какъ добыча, схваченная звѣремъ.
 И тогда явился вдругъ „Братъ тучи“,
 Ринулся онъ смѣло къ намъ на помощь—
 И его злодѣи устрашились...
 И теперь сижу я—одинока—
 Посреди ограбленной усадьбы...
 Жду теперь я съ радостью, съ тревогой
 Юношу-спасителя и мужа,
 Но они не скоро возвратятся,
 Далеко они враговъ прогнали“...

И поспѣшно выслушавъ хозяйку,
 Всталъ старикъ, дрожа отъ нетерпѣнья;
 Влекъ его невольно страхъ и ужась.
 Не внимая просьбамъ, увѣщаньямъ,
 Дальше онъ отправился—къ селеню.

За деревья ужъ спускалось солнце,
Какъ пришелъ онъ къ домику пастора,
Полный то надеждою, то страхомъ.
Дворъ широкій пусть былъ и безлюдень,
Словно дикій островъ въ морѣ льдистомъ.
Одного лишь стараго знакоца
Онъ увидѣлъ: у стѣны высокой
Прислонясь, сидѣлъ старикъ-причетникъ.

Тотъ, шаги услышавъ, обернулся
И, признавши друга дней давнишнихъ,
Поднялся, хотъ кровь текла изъ раны.
„Нѣтъ, не все еще для насъ пропало!
Молодежь приходитъ къ намъ на смѣну,
Мужество и доблесть не изсякли.
Нынче здѣсь свершенъ великій подвигъ,
О которомъ внуки нашихъ внуковъ
Сохранять еще живую память.
Дикимъ волкомъ, алчущимъ лишь крови,
Врагъ пришелъ, побѣдой охьяненный,
Приноса съ собою смерть и гибель...
О, чего, чего тутъ не случилось!
Врагъ вполне насытился злодѣйствомъ,
Всѣ границы перешла свирѣпость,
Было все разграблено, разбито.
Нашъ пасторъ, нашъ благородный старецъ,
Былъ привязанъ къ двумъ конямъ горячимъ,
Чтобъ влачиться за толпою дикой.
Были скручены худыя руки
И волосъ серебряныя пряди
Падали на пыль и грязь дороги;
И безпомощенъ онъ поднIALъ къ небу
Скорбный взоръ, какъ смотрять въ тьму ночную,
Ожидая проблеска дневного.
Богъ услышалъ! Помощь подоспѣла!
Онъ—взрощенный въ темной чащѣ лѣса,
Онъ—братъ тучи—молніею грянулъ—
И злодѣевъ, словно вихрь, рассѣялъ...
Я ужъ старъ и въ тягость всѣмъ на свѣтѣ
У другихъ изъ милости живу я,
Я какъ стволъ вконецъ грозой разбитый,
Но еще хочу я жить, чтобъ видѣть,

Какъ сюда герой вернется юный,
Отразивъ врага въ кровавой схваткѣ“.

Пораженный вѣстью, задыхаясь,
Поспѣшилъ старикъ опять какъ прежде...
Ужъ съ зарей вечерней добѣжалъ онъ
До села до самаго, до церкви.
Все село въ золѣ, въ обломкахъ черныхъ
Передъ нимъ лежало; словно тучей,
Черной тучей небеса покрыло...
Только церковь на холмѣ сосѣднемъ
Посреди развалинъ возвышалась,
Свѣтъ луны игралъ на ней и скорбно
Озарялъ кругомъ опустошенье.

И на мѣстѣ схватки между труповъ
Сталъ блуждать старикъ, нища кого-то.
Смерть кругомъ царилъ полновластно
И ни вздохъ, ни стонъ не раздавались.
На краю сожженного селенья,
Гдѣ вилась пустынная дорога,
Тамъ, вдали, лежалъ боецъ отважный.
Былъ онъ раненъ, истекалъ онъ кровью,
Но отвагой взоръ его свѣтился,
Яркимъ пламенемъ горѣли щеки,
И улыбкой старика онъ встрѣтилъ.
„Слава Богу!“ — молвилъ онъ. — „Спокойно
Я умру теперь отъ ранъ кровавыхъ,
Одержавши надъ врагомъ побѣду.
Слава, слава нашему герою,
И тебѣ — отцу героя — слава!
Онъ одинъ всѣхъ доблестивѣй и выше!
Нашъ отрядъ передъ врагомъ смѣшался,
Какъ овецъ испуганное стадо;
Впереди грозилъ позоръ и гибель!
Ни вождей и ни бойцовъ не стало,
Воцарился страхъ неодолимый...
И тогда онъ вышелъ къ намъ изъ чащи —
И призвалъ смущенныхъ къ новой битвѣ
Мощный голосъ юнаго героя!
И отвага насъ воспламенила,
И за нимъ мы бросились послушно,
И ряды враговъ мы разорвали,

Словно буря, что тростникъ ломаетъ.
 Тамъ враги, вокругъ родимой церкви,
 Полегли какъ спѣлые колосья,
 Срѣзанные острыми серпами.
 Тамъ, вонъ тамъ—кровавый путь героя,
 За которымъ я слѣдилъ очами,
 Раненый, поверженный на землю!“
 Такъ сказавъ, онъ испустилъ дыханье...

Между тѣмъ и день совсѣмъ померкнулъ,
 Яркій мѣсяцъ—это солнце ночи—
 Освѣщаль дорогу въ дальней церкви.
 И, войдя въ ворота за ограду,
 Увидалъ старикъ толпу большую,
 Что стояла молча на кладбищѣ.
 И никто его не встрѣтилъ взглядомъ,
 И никто ему не молвилъ слова,
 И никто не двинулся навстрѣчу.
 Въ ихъ кружокъ вошелъ старикъ—и видитъ:
 Юноша лежитъ въ кровавыхъ ранахъ,
 Юноша—кого искалъ онъ—мертвый!
 Межъ враговъ сраженныхъ выдѣляясь,
 Мощью тѣла, облитого кровью,
 Онъ лежалъ какъ дубъ, грозой разбитый...

И безъ словъ, до боли стиснувъ руки,
 Блѣденъ, нѣмъ, стоялъ старикъ надъ тѣломъ,
 Словно грозной молніей сраженный.
 Наконецъ, онъ молвилъ въ скорби тяжелой:
 „Ты погибъ, погибли всѣ надежды,
 Словно градомъ сгубленная нива...
 Ничего мнѣ въ мѣръ не осталось!
 Мой защитникъ, жизнь моя и сила,
 Горе мнѣ: тебя я вижу трупомъ!
 Ты мнѣ былъ на радость посланъ небомъ,
 И теперь лежишь ты бездыханенъ!“
 И едва прервался голосъ старца,
 Какъ явилась дочь его родная,
 Молвила, вступая въ кругъ печальный:
 „Я его любила; всѣхъ на свѣтѣ
 Былъ онъ мнѣ дороже и милѣе.
 Но вдвойнѣ онъ дорогъ мнѣ сегодня—

Бездыханный, кровью обгаренный...
 Жизнь—ничто въ сравненіи съ любовью,
 А любовь—ничто предъ славной смертью!“
 Такъ сказала—и безъ слезъ, безъ жалобъ
 Подошла къ убитому герою,
 Наклонилась и платкомъ закрыла
 Лицъ его израненный, холодный.
 Скорбно, мрачно войны стояли,
 Словно лѣсъ, не дрогнувшій вѣтвями;
 Жены ихъ стояли тоже молча,
 Удручаясь зрѣлищемъ печальнымъ.
 И невѣста юноши сказала:
 „Принесите мнѣ воды скорбе!
 Я омою кровь съ лица героя,
 Я оправлю кудри золотыя,
 Въ очи я взгляну ему, прощаясь.
 Полюбуйтесь на него еще разъ,
 На него, героя, „Брата тучи“,
 Что насъ спасъ своею славной смертью!“

И старикъ, услышавъ голосъ тихій
 Дочери, склонившейся надъ тѣломъ,
 Отвѣчалъ съ неизреченной скорбью:
 „Горе, горе, дочь моя родная!
 Вся любовь и вся твоя надежда,
 Твой защитникъ, братъ, супругъ любимый—
 Все съ прекраснымъ юношей исчезло...
 И ничто, ничто не возвратится!“

Всѣ кругомъ рыдали вмѣстѣ съ ними;
 Не было холодныхъ, безучастныхъ...
 Но невѣста слезы осушила,
 За руку взяла она героя:
 „Смолени, скорбь, надъ этимъ юнымъ тѣломъ!
 Дорогая память, будь священна!
 Родина тебя, герой, оплачетъ
 Свѣжею росой, кристально-чистой,
 Полной мира, тишины, покоя,
 Блещущей предутренней зарею!“

Со швед. В. Леведивъ.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ВЪ

ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

И ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЕЯ ГОСУДАРСТВАХЪ

I.

Вопросъ объ избирательномъ правѣ является рѣшительно однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣ спорныхъ въ области государственной, если можно такъ выразиться, техники. Обусловливая составъ парламентовъ, избирательное право служить могучимъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ лицъ или слоевъ общества, которые имѣютъ возможность имъ пользоваться. Понятно, что чѣмъ шире избирательное право, чѣмъ больше, другими словами, кругъ избирателей, тѣмъ болѣе избираемый парламентъ будетъ находиться въ соприкосновеніи и зависимости отъ широкихъ массъ населенія. Въ такихъ случаяхъ, когда всѣ граждане государства, достигшіе опредѣленнаго возраста и ни въ чемъ не нарушившіе законовъ своей страны, пользуются правомъ голоса на выборахъ въ парламентъ, настроеніе и дѣятельность законодательнаго собранія должны соответствовать численному отношенію разныхъ партій среди самого народа. Распредѣленіе политическихъ партій,—т.-е. численность ихъ членовъ,—въ парламентѣ должно такимъ образомъ, при неограниченномъ никакими сословными или имущественными привилегіями избирательномъ правѣ, вполне соответствовать численному отношенію приверженцевъ этихъ пар-

тѣхъ программъ среди избирателей. Такое широкое, дѣйствительно всеобщее, избирательное право дало бы возможность осуществить идеалъ Мирабо, по мѣткому выраженію котораго „составъ законодательнаго собранія долженъ быть для народовъ тѣмъ же, чѣмъ является географическая карта для поверхности страны“. По смыслу этого великолѣпнаго изреченія, парламентъ долженъ съ такой же точностью отражать въ своемъ составѣ всѣ отгѣнки политической мысли въ данномъ государствѣ, съ какой географическій атласъ передаетъ неровность почвы, изгибы рѣкъ и т. д.

Напротивъ, чѣмъ ограниченнѣе избирательное право, чѣмъ уже кругъ лицъ, допускаемыхъ имъ въ качествѣ полноправныхъ избирателей, тѣмъ менѣе будетъ избираемый на такихъ основаніяхъ парламентъ отражать настроеніе и желаніе всего народа, а будетъ лишь выразителемъ политическихъ взглядовъ привилегированнаго класса, по какимъ-либо причинамъ захватившаго въ свои руки право оказывать вліяніе на ходъ государственнаго законодательства.

Естественно, поэтому, что избирательное право должно было всегда служить предметомъ ожесточенной борьбы между широкими массами населенія и привилегированными сословіями. Первые, сознавая, что безъ всеобщей и равной подачи голосовъ онѣ фактически становятся *quantité négligeable* въ государствѣ, постоянно требуютъ все большаго расширенія избирательнаго права и низведенія необходимыхъ ограниченій до возможнаго минимума. Привилегированные же классы, чувствуя, что при установленіи такого избирательнаго права, которое предоставляло бы всякому гражданину, независимо отъ какихъ бы то ни было преимуществъ сословнаго, имущественнаго или другаго какого-нибудь характера, одинаковыя политическія права, должно неминуемо подорвать ихъ господствующее положеніе и низвести ихъ на степень, которую они занимаютъ по своей численности въ данномъ государствѣ, — конечно, эти классы стараются сохранить выгоды занимаемаго ими положенія и всячески препятствуютъ расширенію избирательныхъ правъ непривилегированныхъ сословій. Мотивируютъ они свои требованія о сохраненіи обезпечивающихъ ихъ господство законовъ главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что гражданинъ какой-нибудь страны не есть просто ариметическая единица, которой должны быть присущи одинаковыя права. Гражданинъ долженъ, по ихъ аргументаціи, быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія его важности для государства, т.-е. во вниманіе должно приниматься прежде всего положеніе, занимаемое имъ

въ государственномъ организмѣ сообразно его имущественному, сословному или образовательному цензу. Демократическія же партіи, требующія неограниченнаго равнаго избирательнаго права для всѣхъ, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что разъ всѣ граждане имѣютъ одинаковыя обязанности по отношенію къ государству, особенно по отбыванію воинской повинности, они вправѣ требовать и одинаковыхъ для всѣхъ политическихъ правъ. Если же высшіе классы занимаютъ въ государствѣ болѣе выгодное положеніе, благодаря своему имуществу или образованію, то государство не должно придавать имъ еще болѣшую силу, создавая избирательное право исключительно въ ихъ интересахъ.

Къ борьбѣ между этими обоими взглядами и сводится въ сущности борьба изъ-за избирательнаго права. Въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ, напр. Франціи и Англіи, восторжествовала въ концѣ концовъ демократическая, народная точка зрѣнія, и всеобщее равное избирательное право является въ нихъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго строя. Мы при этомъ, конечно, оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько справедлива и соотвѣтствуетъ своему названію система всеобщей и равной подачи голосовъ, если она лишаетъ права голоса женщинъ, не вводитъ представительства меньшинства по пропорціональной системѣ и т. д. Эти недочеты всеобщаго избирательнаго права еще сравнительно мало проникли въ сознаніе народа; поэтому еще немало времени потребуется, по всей вѣроятности, пока въ существующія теперь избирательныя системы будутъ внесены соотвѣтствующія поправки.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Германіи. Вслѣдствіе того, что эта страна носитъ двойственный характеръ, являясь, съ одной стороны, объединенной имперіей, а съ другой — союзомъ во многихъ отношеніяхъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга государствъ, — въ ней культурный и политическій уровень объединеннаго цѣлаго нѣсколько не соотвѣтствуетъ государственному строю отдѣльныхъ частей, отчасти опережая какую-нибудь отдѣльную изъ нихъ, отчасти оставаясь позади. Отражается это и на вопросѣ объ избирательномъ правѣ, который теперь на очереди во всѣхъ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Для общеперскаго парламента, такъ-называемаго рейхстага, принята система всеобщаго и равнаго избирательнаго права, для выборовъ же въ парламенты отдѣльныхъ государствъ, такъ-называемые ландтаги, избирательное право ограничено во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе и система выборовъ въ рейхстагъ отнюдь не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней слѣдуетъ

предъявлять какъ въ системѣ, носящей названіе всеобщей и равной подачи голосовъ, какъ мы это ниже докажемъ. Гораздо ниже еще избирательныя права въ ландтаги, особенно въ Пруссіи и Саксоніи.

И вотъ, теперь въ Германіи вопросъ объ избирательномъ правѣ находится въ слѣдующемъ положеніи: демократическія партіи стремятся къ улучшенію избирательнаго права въ рейхстагъ и расширенію этого права и на ландтаги. Реакціонныя же партіи упорно придерживаются своихъ привилегій и не только всячески затрудняютъ осуществленіе избирательной реформы въ отдѣльныхъ ландтагахъ, но и дѣлаютъ всевозможныя попытки, явныя и тайныя, замѣнить систему всеобщей и равной подачи голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ какой-нибудь другой системой, направленной противъ широкихъ массъ населенія. Постараемся дать въ общихъ чертахъ изложеніе борьбы между демократическимъ и реакціоннымъ лагерями какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ландтагахъ.

Когда въ 1867 году собрался сѣверо-германскій союзъ, служившій базисомъ для объединенной Германіи, Бисмаркъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы выборы въ союзный парламентъ были всеобщіе и прямые (безъ посредства специально избираемыхъ для этой цѣли делегатовъ, такъ-называемыхъ *Wahlmänner*, какъ это дѣлается на выборахъ въ ландтаги), на основаніи закона, принятаго франкфуртскимъ парламентомъ 12-го февраля 1849 г. Бисмарка подозрѣвать въ какихъ бы то ни было демократическихъ тенденціяхъ, конечно, нельзя, и если онъ все-таки предложилъ систему всеобщей, равной и прямой подачи голосовъ, то онъ это сдѣлалъ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Онъ зналъ, что при объединеніи Германіи ему придется преодолѣть немало препятствій. Между тѣмъ либеральныя партіи, мечтавшія объ объединеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ требовали и демократическаго избирательнаго закона, и, можетъ быть, охладѣли бы къ идеѣ объединенія подъ гегемоніей Пруссіи, еслибы единство Германіи должно было быть куплено цѣной реакціонной избирательной системы. Бисмаркъ рѣшился потому удовлетворить въ этомъ отношеніи либераловъ, которые вслѣдствіе того даже въ настроенныхъ враждебно противъ Пруссіи южно-германскихъ государствахъ доставили многихъ сторонниковъ преобладанія Пруссіи во вновь созданномъ союзѣ.

Кромѣ того, Бисмаркъ еще находился подъ свѣжимъ впе-

чтлѣніемъ только-что пережитаго знаменитаго „конфликта“ съ прусскимъ ландтагомъ. На этомъ примѣрѣ онъ убѣдился, что и палата, избираемая на основаніи чрезвычайно неблагоприятнаго для широкихъ массъ населенія избирательнаго права, можетъ причинить правительству немало непріятностей.

Въ этомъ отношеніи очень характерна рѣчь, произнесенная имъ 28-го марта 1867 г. въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, и въ которой онъ мотивировалъ необходимость всеобщаго избирательнаго права. „Законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ,—сказалъ онъ,—достался намъ въ наслѣдство отъ эпохи движенія въ пользу объединенія. За него высказался франкфуртскій парламентъ, въ 1863 году мы его требовали, вопреки желаніямъ Австріи, и я долженъ заявить: я, по крайней мѣрѣ, *лучшаго* закона не знаю“. Чѣмъ можно было бы замѣнить всеобщее избирательное право?—спрашиваетъ онъ дальше,—неужели прусской трехрядной системой? Тотъ, кто имѣлъ возможность изучать вблизи послѣдствія, къ которымъ приводитъ эта система, и сочетанія партій, благодаря ей происходящія, тотъ не можетъ не сказать, заявилъ Бисмаркъ, „что болѣе безсмысленной и жалкой (ein widersinnigeres und elenderes System) системы не было изобрѣтено ни въ одномъ государствѣ. Еслибъ авторъ прусскаго избирательнаго закона могъ себѣ представить всѣ его трагическія послѣдствія, онъ бы его, конечно, никогда не выдумалъ“. „Впрочемъ,—говоритъ Бисмаркъ въ концѣ своей рѣчи,—въ общемъ, при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ и вліяніяхъ, всѣ избирательные законы даютъ одни и тѣ же результаты“.

Предложеніе Бисмарка почти не вызвало противорѣчій, и только депутатъ фонъ-Зибель высказался противъ предлагаемаго избирательнаго права на томъ основаніи, что,—какъ показывается, по его мнѣнію, исторія,—всеобщая, прямая и равная подача голосовъ всегда являлась началомъ гибели парламентаризма. Большинство высказалось за правительственное предложеніе, и всеобщее избирательное право было принято для парламента сѣверо-германскаго союза, а затѣмъ, по объединеніи Германіи, и для обще-имперскаго рейхстага на основаніи регламента, опубликованнаго союзнымъ совѣтомъ 31-го мая 1869 г., и затѣмъ дополненнаго при присоединеніи Эльзаса-Лотарингіи и Гельго-ланды. Сообразно переписи 1867 г., вся Германія раздѣлена на 397 избирательныхъ округовъ, считая по 100.000 жителей на округъ. Избирателемъ можетъ быть всякій нѣмецкій гражданинъ старше 25 лѣтъ, не находящійся подъ опекой, не объявлен-

ный несостоятельнымъ должникомъ, не получающій пособія изъ благотворительныхъ учрежденій и не лишенный правъ за каки-нибудь преступленія. Кромѣ того, отъ подачи голосовъ на выборахъ должны воздерживаться лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ. Эта мѣра объясняется принципомъ, что армія должна находиться совершенно въ сторонѣ отъ партійной политической борьбы.

Система эта въ общемъ удовлетворяла бы всѣмъ демократическимъ требованіямъ, еслибы не содержала одного пункта, который до извѣстной степени совершенно парализуетъ всеобщую подачу голосовъ, именно сохраненіе размѣровъ и числа округовъ соотвѣтственно переписи 1867 г. Съ тѣхъ поръ народонаселеніе Германіи увеличилось на 18 милліоновъ и составляетъ, по переписи 1-го декабря 1900 г., 56.367.178 жителей. Въ то время, какъ во Франціи, напр., увеличеніе народонаселенія влечетъ за собою и соотвѣтствующее увеличеніе числа депутатовъ парламента, въ Германіи съ этимъ фактомъ совершенно не считаются. Это бы еще не было большой бѣдой, еслибы увеличеніе народонаселенія въ Германіи произошло равномерно, т.-е. одинаково выросли бы какъ сельскіе, такъ и городскіе избирательные округа. Тогда бы все дѣло свелось къ тому, что одинъ депутатъ приходится не на 100.000 жителей, а приблизительно на 142.000, что еще не являлось бы очевидной несправедливостью.

На самомъ же дѣлѣ увеличеніе народонаселенія происходило въ Германіи далеко не равномерно. За тридцать лѣтъ, истекшихъ со времени объединенія въ одну имперію, Германія изъ страны по преимуществу земледѣльской превратилась въ типичную страну съ обрабатывающей промышленностью. Вслѣдствіе этого, сильно выросли города, становясь крупными фабричными центрами и притягивая необходимыя рабочія руки изъ деревень, населеніе которыхъ, слѣдовательно, уменьшалось относительно, а во многихъ случаяхъ и абсолютно. На политической же географіи Германіи, т.-е. на распредѣленіи избирательныхъ округовъ, этотъ ростъ населенія города въ ущербъ деревни нисколько не отразился, и округи остаются до сихъ поръ безъ измѣненія, такъ что теперь насчитывается 74 округа съ населеніемъ мѣньшимъ, чѣмъ 100.000 жителей, а 36 округовъ—съ населеніемъ большимъ, чѣмъ 200.000. Особенно бросается въ глаза неравномѣрность величины округовъ, если сопоставить десять самыхъ густонаселенныхъ округовъ съ десятью самыми малолюдными, какъ это и дѣлаемъ въ слѣдующей таблицѣ (латинскія цифры при названіи городовъ обозначаютъ нумерацію даннаго округа,

напр. Берлинъ VI = шестой берлинскій избирательный округъ и т. д.).

10 самыхъ большихъ округовъ:

Берлинъ VI	= 696.608	жителей.
Тельтовъ-Бестовъ-Сторковъ	= 699.444	"
Бохумъ	= 566.813	"
Берлинъ IV.	= 464.583	"
Гамбургъ III	= 448.614	"
Лейпцигъ-Ландъ	= 421.749	"
Мюнхенъ II	= 421.102	"
Дортмундъ	= 406.434	"
Эссенъ	= 402.941	"
Дунсбургъ	= 389.835	"

Въ среднемъ на одинъ изъ этихъ самыхъ крупныхъ округовъ приходится . 490.812 жителей.

10 наименьшихъ округовъ:

Шаумбургъ-Липпе	= 43.132	жителя.
Вальдекъ	= 57.918	"
Левенбергъ	= 60.355	"
Рапполтсвейлеръ	= 61.064	"
Геввейлеръ	= 61.344	"
Дейчъ-Кроне	= 63.908	"
Зигмарингенъ	= 66.780	"
Кобургъ	= 66.814	"
Остъ-Пригницъ	= 67.362	"
Рейссъ (старшая линія)	= 68.396	"

Въ среднемъ на каждый изъ этихъ наименьшихъ округовъ приходится . . . 61.702 жителя.

Несправедливость сохраненія устарѣлаго распредѣленія округовъ вполне ясно вытекаетъ изъ только-что приведенныхъ цифръ и едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Еслибы и теперь каждые 100.000 жителей посылали по одному депутату въ рейхстагъ, какъ это первоначально требовалось конституціей, округъ Берлинъ VI долженъ былъ бы выбирать 7 депутатовъ вмѣсто одного. Такъ какъ въ среднемъ на четырехъ жителей приходится по одному избирателю, то изъ приведенной нами таблицы вытекаетъ, что голосъ одного избирателя въ Шаумбургъ-Липпе имѣетъ такое же значеніе на выборахъ, какъ голоса 15-ти избирателей въ округѣ Берлинъ VI.

Демократическія партіи уже неоднократно вносили въ рейхстагъ предложенія о перераспредѣленіи округовъ сообразно перемѣнамъ, происшедшимъ въ составѣ народонаселенія. Однако, консервативныя партіи и центръ объ этой реформѣ и слышать

не хотять. Дѣло въ томъ, что еслибы округа были раздѣлены равномерно, то искусственный перевѣсъ малонаселенныхъ сельскихъ округовъ надъ густонаселенными городскими исчезъ бы, и въ рейхстагѣ рѣшающими партіями стали бы тѣ, которыя и теперь являются представителями городскихъ жителей. Эти партіи, которыя составляютъ лѣвую рейхстага, теперь обречены на беспомощную оппозицію, такъ какъ въ общей сложности всѣ группы лѣвой являются меньшинствомъ, въ то время какъ консервативныя партіи, а въ значительной степени и центръ, вербуютъ своихъ приверженцевъ среди жителей сельскихъ округовъ, занимающихся по преимуществу земледѣліемъ. Благодаря тому, что устарѣлое раздѣленіе на избирательные округа въ Германіи сохранилось еще и донныѣ, консерваторы и аграріи разныхъ отѣнковъ могутъ составлять большинство въ рейхстагѣ, могутъ предписывать правительству экономическую политику, преслѣдующую исключительно интересы аграріевъ въ ущербъ интересамъ всей страны, и вообще играть въ законодательствѣ роль, отнюдь не соотвѣтствующую ни ихъ дѣйствительному численному отношенію во всему остальному населенію, ни ихъ важности для общегерманскаго народнаго хозяйства. Справедливое распредѣленіе округовъ было бы одной изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ для уничтоженія господства консерваторовъ и аграріевъ, господства, котораго нельзя не назвать неестественнымъ, принимая во вниманіе весь складъ экономической и культурной жизни Германіи. Понятно, поэтому, почему консервативныя партіи такъ цѣпко держатся за это раздѣленіе округовъ, несправедливость котораго очевидна для всякаго. Оно—одно изъ условій ихъ могущества и совершенно устраняетъ во многихъ отношеніяхъ столь опасное для ихъ преобладанія всеобщее избирательное право.

Есть еще важный вопросъ, который демократическими партіями считается однимъ изъ главныхъ недостатковъ существующаго избирательнаго права для рейхстага, но, тѣмъ не менѣе, упорно обходится консервативными партіями, даже частью національ-либеральной партіей. Это — вопросъ о „діѣтахъ“, т. е. о жалованьи для депутатовъ рейхстага. По § 32 конституція, депутаты рейхстага никакого вознагражденія не получаютъ, между тѣмъ какъ членамъ отдѣльныхъ ландтаговъ выдается опредѣленный окладъ. Бисмаркъ, а за нимъ и вся консервативная партія, утверждалъ, что отсутствіе жалованья для депутатовъ будетъ служить гарантіей противъ появленія въ рейхстагѣ людей, занимающихся политикой ради заработка. На самомъ дѣлѣ этой мѣрой консерваторы хотѣли предупредить избраніе представителей

соціально-демократической партіи, полагая, что, при отсутствіи дѣтъ, свои кандидатуры выставлять только люди, матеріально настолько обеспеченные; что они въ состояніи заниматься политическими дѣлами безъ ущерба для своихъ личныхъ дѣлъ, т.-е. принадлежащіе къ сословіямъ, съ соціально-демократіей обыкновенно ничего общаго не имѣющимъ. Отсутствие вознагражденія для депутатовъ рейхстага является, какъ и открыто высказываются консервативные ораторы и органы печати, необходимой поправкой всеобщаго избирательнаго права, до извѣстной степени парализующей возможныя, благодаря ему, злоупотребленія.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и правительство, повидимому, приходитъ мало-по-малу къ заключенію о необходимости введенія дѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ печать все чаще и чаще проникаютъ извѣстія о томъ, что правительство готово согласиться на удовлетвореніе этого неоднократно выраженного требованія большинства рейхстага. Да и было бы странно, еслибы оно не пришло къ такому рѣшенію. Сдѣлать появленіе депутатовъ соціально-демократической партіи невозможнымъ благодаря отсутствію жалованья не удалось по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что эта партія, какъ и свободомыслящая народная партія, вознаграждаетъ своихъ депутатовъ изъ средствъ партійной кассы. Единственный результатъ, къ которому привело отсутствіе дѣтъ, тотъ, что въ рейхстагѣ почти никогда не бываетъ налицо достаточнаго числа членовъ; многіе депутаты пріѣзжаютъ только въ экстренныхъ случаяхъ, когда для исхода голосованія необходимъ голосъ каждаго члена, и вожди партіи срочными телеграммами сзываютъ своихъ сторонниковъ, которые и появляются не для того, чтобы принять участіе въ дебатахъ, а лишь для подачи голоса, послѣ чего они немедленно возвращаются къ себѣ домой. Значитъ, въ то время, когда соціально-демократическіе депутаты чрезвычайно добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, такъ какъ ихъ партія даетъ имъ возможность оставлять во время сессіи свои личные дѣла и всецѣло предаться работамъ рейхстага, большей части депутатовъ консервативныхъ партій, центра и т. д., почти никогда нѣтъ въ рейхстагѣ, такъ какъ они не могутъ отвлекаться отъ своихъ личныхъ занятій. Поэтому есть очень много вѣроятностей въ пользу мнѣнія, что правительство въ скоромъ времени согласится на назначеніе дѣтъ, несмотря на противодѣйствіе консерваторовъ.

Но въ то время, когда всѣ усилія демократическихъ партій направлены къ устраненію недостатковъ существующаго всеобщаго избирательнаго права съ тѣмъ, чтобы принятая для

германскаго рейхстага система выборовъ дѣйствительно соотвѣтствовала своему названію, реакціонныя партіи, напротивъ, всячески стараются не только мѣшать улучшенію уже существующаго права, но даже еще ухудшить его или замѣнить чѣмъ-нибудь вродѣ избирательнаго права для прусскаго ландтага. Главнымъ аргументомъ въ пользу необходимости ограниченія всеобщей и равной подачи голосовъ является для нихъ ростъ какъ голосовъ, поданныхъ на выборахъ за социаль-демократическую партію, такъ и числа депутатовъ ея въ рейхстагѣ. Разъ въ рейхстагѣ, благодаря всеобщей и равной подачѣ голосовъ, съ каждой сессіей увеличивается число депутатовъ крайней лѣвой, разъ, слѣдовательно, „антигосударственные элементы“, каковыми являются, съ точки зрѣнія консервативныхъ партій, приверженцы социаль-демократической фракціи, пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на законодательство, то прямымъ долгомъ правительства должно быть лишеніе „враговъ порядка“ ихъ могучаго орудія, т.-е. уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права.

Дѣйствительно, число приверженцевъ социаль-демократической партіи какъ среди избирателей, такъ и въ рейхстагѣ, сильно возросло, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы выборовъ въ рейхстагъ:	Число избирателей:	Число поданныхъ голосовъ:	Число голосовъ, поданныхъ за социаль-демократическую партію:	Число депутатовъ социаль-демократической партіи:
1871	7.656.273	3.884.803	113.048	2
1874	8.523.446	5.190.254	350.861	9
1877	8.943.028	5.401.021	493.258	12
1878	9.124.311	5.760.947	437.158	9
1881	9.090.381	5.097.760	311.961	12
1884	9.383.074	5.662.957	549.990	24
1887	9.769.802	7.540.938	763.128	11
1890	10.145.877	7.228.542	1.427.298	35
1893	10.628.292	7.673.973	1.786.738	44
1898	11.441.094	7.752.693	2.107.076	57
1903	12.531.210	9.533.826	3.010.771	81

Итакъ, въ то время, когда число избирателей увеличилось меньше чѣмъ вдвое, число социаль-демократическихъ голосовъ возросло почти въ 30 разъ, и въ такой же почти пропорціи увеличилась и сила ихъ партіи въ рейхстагѣ. Особенно ошеломилъ противниковъ всеобщей подачи голосовъ исходъ выборовъ 1903 г. Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, число социаль-демократическихъ избирателей увеличилось сразу на

900.000 человекъ—явленіе, почти небывалое въ исторіи парламентаризма! Еще болѣе поражаетъ побѣда социаль-демократіи, если принять во вниманіе, напр., тотъ фактъ, что изъ 23 избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлено саксонское королевство, этой партіи досталось не меньше 22-хъ, и только одинъ округъ остался въ рукахъ ея противниковъ!

Убѣжденные, что „государство—это мы“, консервативныя партіи все энергичнѣе начинаютъ нападать на всеобщее избирательное право. Ихъ почти открыто поддерживаетъ національ-либеральная партія, которая хотя официально и заявляетъ, что никогда не допуститъ ухудшенія избирательнаго права, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ далеко ему не такъ предана. Это ясно доказываетъ поведеніе національ-либераловъ при обсужденіи проектовъ реформы избирательнаго права въ отдѣльныхъ ландтагахъ, какъ мы увидимъ ниже, но и относительно рейхстага изъ ихъ рядовъ раздаются все болѣе и болѣе подозрительные голоса. Вообще про національ-либеральную партію можно сказать, что если часть ея, особенно такъ называемые „молодые либералы“ (Jungliberale), и осталась вѣрна традиціямъ либерализма, большинство ея приверженцевъ съ дѣйствительнымъ свободомысліемъ ничего, кромѣ имени, общаго не имѣетъ. Ограничимся приведеніемъ наиболѣе характерныхъ мнѣній политиковъ и печати консервативныхъ и національ-либеральной партій относительно всеобщаго избирательнаго права.

Въ прусской палатѣ господъ членъ консервативной фракціи графъ Мирбахъ заявилъ 28-го марта 1895 г.: „Во всѣхъ сельскихъ округахъ населеніе съ восторгомъ привѣтствовало бы тотъ день, когда имперское правительство рѣшилось бы назначить новые выборы въ рейхстагъ на основаніи новаго избирательнаго права. День этотъ долженъ наступить какъ можно скорѣе! Задача трудная, но Александръ Македонскій тоже стоялъ передъ трудной задачей и все-таки разрѣшилъ ее“. Въ этомъ указаніи на исторію съ Гордіевымъ узломъ слѣдуетъ усмотрѣть совѣтъ прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ и къ оружію. Почти то же самое сказалъ тамъ же 30-го марта 1895 г. глава такъ называемой свободно-консервативной партіи, графъ Франкенбергъ: „Я надѣюсь, что скоро будетъ созванъ новый рейхстагъ, который долженъ будетъ обсудить новое избирательное право, такъ какъ при нынѣ дѣйствующемъ мы долѣе существовать не можемъ“. Въ такомъ же духѣ высказывались и разные другіе представители консервативной и свободно-консервативной фракцій: баронъ

Штуммъ, баронъ Цедлицъ, графъ Пфейль, фонъ-Кардорфъ, графъ Лимбургъ-Стирумъ и т. д.

Органъ національ-либеральной партіи, „Nationalzeitung“, пишетъ 19-го мая 1895 г.: „Вырожденіе парламентовъ объясняется прежде всего расширеніемъ избирательнаго права. Всеобщая подача голосовъ ведетъ все въ большему одичанію въ политикѣ. Разлагающему и разрушающему вліянію всеобщаго избирательнаго права должно быть противопоставлено сильное правительство“.

Особенно усилились нападки на всеобщее избирательное право во время борьбы изъ-за таможеннаго тарифа въ 1902 г. и послѣ послѣднихъ выборовъ въ 1903 г. При обсужденіи тарифа, консервативный депутатъ фонъ-Брекеръ заявилъ въ рейхстагѣ, что „соціал-демократы должны быть не субъектомъ законодательства, а объектомъ его“, т.-е., другими словами, предложилъ лишить приверженцевъ крайней лѣвой права голоса и исключить ихъ представителей изъ рейхстага. За нѣсколько дней до послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, органъ саксонской консервативной партіи „Vaterland“ писалъ: „Еслибы можно было предположить, что всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ сдѣлаетъ легковѣрный народъ жертвой всякихъ соблазнительныхъ теорій, что лучшія части населенія все больше будутъ, благодаря ей, лишены возможности принимать активное участіе въ законодательствѣ, едва ли этотъ зажигательный факель былъ бы положенъ въ основу нашего государственнаго строя“. Этотъ самый органъ сильно нападалъ послѣ выборовъ на саксонское правительство за то, что оно, напуганное результатами выборовъ въ рейхстагъ, рѣшилось предложить лучшую избирательную систему для саксонскаго ландтага, надѣясь этимъ путемъ вновь привлечь на свою сторону озлобленные трудящіеся классы. По мнѣнію же „Vaterland“, правительство должно не расширять политическія права въ Саксоніи, а напротивъ, приложить всѣ свои старанія въ союзномъ совѣтѣ (Bundesrath), чтобы избирательное право въ рейхстагѣ было ограничено. Консервативный журналъ „Grenzboten“, обсуждая результаты выборовъ, говоритъ: „Равенство, достигаемое всеобщимъ избирательнымъ правомъ и низводящее населеніе къ безформенной массѣ, противорѣчитъ духу нѣмецкаго народа“. Другой консервативный журналъ, „Reichsbote“, говоритъ: „Разъ нельзя сомнѣваться во вредныхъ послѣдствіяхъ всеобщаго избирательнаго права, то прямой долгъ убѣжденныхъ въ этомъ открыто высказать свое мнѣніе и стараться его реформировать“. „Reichsbote“ отрицаетъ при этомъ, что онъ хочетъ лишить трудящіеся

классы ихъ политическихъ правъ, но увѣряетъ, что желаетъ лишь такой избирательной системы, которая не позволила бы революціоннымъ элементамъ захватить власть въ свои руки. Подобныя же мысли высказывались на засѣданіяхъ 11-го и 13-го мая 1904 г. въ прусской палатѣ господъ фонъ-Мирбахомъ и фонъ-Мантейфелемъ.

Вскорѣ послѣ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ обнаружилось, что представители разныхъ реакціонныхъ лагерей объединились для того, чтобы вызвать агитацію противъ всеобщаго избирательнаго права. Веденіе агитаціи въ пользу замѣны этого права множественнымъ вотумомъ (Pluralrecht), который доставилъ бы высшимъ классамъ преобладающее вліяніе благодаря имущественному цензу и т. д., было поручено нѣкому д-ру Гизебрехту. Между лицами, подписавшими воззваніе, есть депутаты, принадлежащіе къ свободно-консервативной партіи, и цѣлый рядъ крупныхъ фабрикантовъ и негоціантовъ, очень близко стоящихъ къ національ-либеральной партіи. Не желая себя скомпрометтировать, національ-либеральныя газеты поспѣшили заявить, что партія не можетъ отвѣчать за каждаго отдѣльнаго члена. „Всеобщая подача голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ,—пишетъ „Nationalliberale Correspondenz“,—пустила такіе глубокіе корни въ жизни и политическихъ условіяхъ германскаго народа, что болѣе или менѣе радикальныя измѣненія этой системы немислимы безъ глубокихъ потрясеній нашего социальнаго и политическаго строя. Даже консерваторы примирились уже съ ней, а о національной партіи и говорить нечего“.

Приведенныхъ нами отрывковъ достаточно для того, чтобы доказать, что консерваторы нисколько не примирились съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. А что и у національ-либераловъ совѣсть не чиста въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что ихъ партія не выразила порицанія одному изъ своихъ членовъ, депутату Земмлеру, открыто требовавшему нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограниченія избирательнаго права въ рейхстагъ. Еще недавно депутатъ этой же партіи въ прусскомъ ландтагѣ, фабрикантъ Менъ, заявилъ, что онъ—противъ всеобщей подачи голосовъ, а затѣмъ повторилъ это, въ концѣ апрѣля 1904 г., въ статьѣ въ „Hamburger Correspondent“. Въ этой статьѣ онъ говоритъ, что даже ничего не имѣетъ противъ насильственнаго государственнаго переворота для подавленія „красной (т.-е. социаль-демократической) или черной (т.-е. клерикальной) интернаціональной партіи“, но что онъ надѣется, что нѣмецкая буржуазія еще настолько сильна, что ей удастся законнымъ путемъ

отмѣнить всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосовъ. Въ кругахъ фабрикантовъ и промышленниковъ, ремесленниковъ и сельскихъ хозяевъ, чиновниковъ и ученыхъ, говоритъ Менкль, очень мало убѣжденныхъ сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права, и если это не высказывается открыто, то только потому, что одинъ стѣсняется другого и не рѣшается отстаивать свои убѣжденія.

Изъ всего изложеннаго ясно, что всеобщее избирательное право вовсе не такъ прочно уже укоренилось, какъ это можно было бы полагать. Враги его только ждутъ подходящаго момента, появленія представителя сильнаго правительства, того, что называется въ Германіи „der starke Mann“, чтобы уничтожить или ограничить это ненавистное имъ право. Демократическія партіи, слѣдовательно, должны быть постоянно на сторожѣ, такъ какъ борьба можетъ при первомъ же удобномъ случаѣ загорѣться. Къ консерваторамъ и свободнымъ консерваторамъ пристанетъ въ такомъ случаѣ большинство національ-либераловъ и, пожалуй, немало депутатовъ центра, такъ что отстоять эту необходимую предпосылку парламентскаго строя будетъ задачей не изъ легкихъ.

Переходя къ изложенію вопроса объ избирательномъ правѣ въ отдѣльныхъ ландтагахъ, намъ придется прежде всего остановиться на Пруссіи, какъ самомъ крупномъ по народонаселенію и вліянію государствѣ германской имперіи. Мы уже выше привели отзывъ Бисмарка о прусскомъ избирательномъ правѣ и можемъ только сказать, что лучше его охарактеризовать нельзя было: — такой бессмысленной избирательной системы, вѣроятно, дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ, несмотря на то, что еще недавно прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Гаммерштейнъ, заявилъ въ ландтагѣ, что „ни одна избирательная система не отражаетъ такъ вѣрно настроенія всего общества, какъ трехрядная система (Dreiklassensystem)“. Изъ нижеслѣдующихъ строкъ станетъ ясно, кто былъ болѣе правъ въ своей оцѣнкѣ прусскаго избирательнаго права, Бисмаркъ или Гаммерштейнъ.

Выборы въ прусскій ландтагъ производятся на основаніи „временнаго“ избирательнаго закона 30-го мая 1849 г., замѣниваго законъ 8-го апрѣля 1848 г., по которому всякій прусскій гражданинъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, допускался, безъ всякихъ ограниченій, къ подачѣ голоса. Реакціонное министерство Бранденбургъ-Мантейфеля отмѣнило этотъ законъ, санкціонировавшій всеобщее избирательное право, и замѣнило его,

30-го мая 1849 г., трехразрядной системой, по которой избиратели раздѣляются на три разряда сообразно уплачиваемымъ ими налогамъ такимъ образомъ, что каждый разрядъ соотвѣтствуетъ $\frac{1}{3}$ всей суммы вносимыхъ налоговъ. Въ первый разрядъ или классъ попадаютъ, слѣдовательно, наиболѣе богатые избиратели, во второй—менѣе богатые, а въ третій—остальные плательщики, вмѣстѣ съ тѣми гражданами, которые не вносятъ никакихъ прямыхъ налоговъ. Выборы—не прямые, а косвенные, т. е. избиратели (Urwähler) выбираютъ выборныхъ посредниковъ (Wahlmänner), а эти послѣдніе уже въ свою очередь выбираютъ депутатовъ. На 250 избирателей приходится одинъ выборный посредникъ. Каждый разрядъ избирателей назначаетъ равное число посредниковъ, совершенно независимо отъ числа избирателей, изъ которыхъ онъ состоитъ. Такъ какъ при этихъ выборахъ подача голосовъ происходитъ открыто, а не тайно, то избирательные округа раздѣлены, для облегченія контроля, на участки (Urwählerbezirke), которые должны содержать не меньше 750 и не больше 1.749 избирателей. Выборные посредники избираютъ депутатовъ опять-таки открытой, а не тайной подачей голосовъ.

Этотъ законъ до сихъ поръ остался безъ существенныхъ измѣненій. Только законъ 18-го сентября 1893 г., оказавшійся необходимымъ вслѣдствіе введенія въ Пруссіи прогрессивнаго подоходнаго налога, по которому доходы ниже 900 марокъ въ годъ освобождены отъ обложенія, внесъ нѣкоторые видоизмѣненія въ технику выборовъ. Такъ какъ огромное большинство рабочихъ и крестьянъ получаетъ въ годъ меньше 900 марокъ доходу и было бы лишено, слѣдовательно, возможности вотировать, то, по закону 1893 г., всѣ лица, освобожденные отъ взноса подоходнаго налога, внесены въ списки избирателей третьяго разряда, причемъ за ними считается фиктивный взносъ въ три марки. Этотъ фиктивный налогъ даетъ бѣднѣйшему классу населенія право подавать свой голосъ на выборахъ, но мы сейчасъ же увидимъ дальше, что это право для него опять-таки сводится къ фикціи, какъ и налогъ, которымъ онъ, будто бы, обложенъ. Кроме того, законъ 1893 г. постановилъ, что раздѣленіе избирателей по имущественному цензу должно производиться не по цѣлому округу, а по каждому избирательному участку (Urwahlbezirk) отдѣльно. Общее число депутатовъ прусскаго ландтага—433, выбираемыхъ въ округахъ, раздѣленіе которыхъ установлено на основаніи прусской переписи 1858 г.

Можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одной статьи этого изби-

рательнаго закона, которая не говорила бы о его полной несообразности. Приводимъ прежде всего таблицу, изъ которой явствуетъ, до какой степени велика количественная разница между числомъ избирателей въ трехъ разрядахъ. Проценты избирателей въ нихъ были слѣдующіе:

Годъ	1849	1855	1858	1861	1862	1863	1866	1867	1888	1893	1898
I разр.	4,72	5,02	4,80	4,73	4,65	4,46	4,20	4,28	3,62	3,52	3,26
II разр.	12,59	13,86	13,42	13,49	13,36	12,78	12,34	12,18	10,82	12,06	11,36
III разр.	82,69	81,09	81,78	81,77	81,63	82,76	83,45	83,54	85,56	84,42	84,38

Такъ какъ каждый разрядъ избирателей выбираетъ одинаковое число выборныхъ посредниковъ, то, слѣдовательно, политическое вліяніе избирателей прямо пропорціонально ихъ богатству, и если еще Лассаль могъ сказать, что въ 1849 г. въ Пруссіи 153.808 очень богатыхъ людей были политически такъ же сильны, какъ 2.691.950 крестьянъ, рабочихъ и т. д., то и теперь можно повторить его слова, пожалуй еще съ большимъ правомъ, потому что, какъ видно изъ приведенной нами таблицы, процентное отношеніе первыхъ двухъ разрядовъ къ общей массѣ избирателей не растетъ, а напротивъ, падаетъ: въ 1849 г. первые два разряда составляли вмѣстѣ 17,31% всѣхъ избирателей, въ 1898 г.—только 14,62%. Располагая вмѣстѣ $\frac{2}{3}$ избираемыхъ посредниковъ, первые два разряда всегда составляютъ большинство противъ третьяго разряда, такъ что фактически избирательное право широкихъ массъ населенія какъ будто совсѣмъ не существуетъ, такъ какъ онѣ постоянно остаются въ меньшинствѣ и не въ состояніи провести своихъ кандидатовъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что на послѣднихъ выборахъ, въ ноябрѣ 1903 г., въ прусскій ландтагъ не попалъ ни одинъ депутатъ социаль-демократической партіи, несмотря на то, что всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ той же самой Пруссіи было подано при выборахъ въ рейхстагъ 1.649.998 голосовъ въ пользу этой партіи и избрано 32 представителя ея.

Но не только социаль-демократамъ не удается проникнуть въ ландтагъ благодаря трехразрядной системѣ, но и буржуазнымъ партіямъ лѣвой приходится пребывать въ меньшинствѣ. Въ нынѣ засѣдающемъ ландтагѣ консервативная партія насчитываетъ 148 членовъ, свободно-консервативная 55, центръ 97, національ-либеральная—79, свободомыслящая народная партія 24, свободомыслящій союзъ—9, поляки—13, а остальные члены принадлежатъ уже къ совсѣмъ мелкимъ фракціямъ. Такъ какъ для абсолютнаго большинства въ ландтагѣ требуется 217 голосовъ,

а объ консервативныя группы располагають 203-мя, то понятно, какую огромную роль они должны играть въ ландтагѣ, не говоря уже о томъ, что въ союзѣ съ центромъ, съ которымъ они во многихъ вопросахъ солидарны, они составляютъ прямо подавляющую силу. Приблизительно такимъ же было и распределение партій въ законодательныхъ періодахъ ландтага, предшествовавшихъ нынѣшнему.

Еслибы въ Пруссіи дѣйствовало такое же избирательное право для ландтага, какъ въ Германіи для рейхстага, то, взявъ въ основаніе данныя относительно результатовъ выборовъ въ рейхстагъ и голосовъ, поданныхъ при этомъ въ Пруссіи въ пользу разныхъ партій, легко вычислить, какъ существенно отличался бы тогда составъ ландтага отъ нынѣшняго. Мы даемъ результатъ этого вычисленія, помѣщая въ скобкахъ для сравненія цифры, которыми на самомъ дѣлѣ располагають партіи въ прусскомъ ландтагѣ. Консервативная партія располагала бы при всеобщемъ избирательномъ правѣ въ прусскомъ ландтагѣ 58 голосами (теперь 148), свободно-консервативная—23 (55), центръ 87 (97), свободомыслящая народная партія—29 (24), свободомыслящій союзъ—12 (9), національ-либеральная партія—50 (79), социаль-демократическая партія—133 (0); остальные мѣста достались бы меньшимъ партіямъ. Понятно, поэтому, почему консервативныя партіи и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ трехразрядной системы, такъ какъ эта отмѣна была бы равносильна совершенной потерѣ ими власти, которой они располагають теперь.

Нерѣдки случаи, когда первый разрядъ избирателей въ какомъ-нибудь избирательномъ участкѣ состоитъ всего изъ одного избирателя, которому приходится въ такомъ случаѣ либо избрать самого себя въ качествѣ выборнаго посредника, либо назначить кого-нибудь другого. Въ одномъ Берлинѣ при выборахъ въ 1893 г. такихъ случаевъ было 39; точно также были они и при послѣднихъ выборахъ въ ноябрѣ 1903 г., напр. въ 30-мъ и 34-мъ *Urwahlbezirk*'ахъ и т. д. Эти случаи служатъ матеріаломъ для анекдота, который при каждомъ выборахъ въ ландтагъ обходитъ всю нѣмецкую печать. Въ бюро, гдѣ происходятъ выборы, является *единственный* избиратель перваго разряда. Правительственный комиссаръ обращается къ нему съ вопросомъ, кого онъ выбираетъ въ посредники. „Самого себя“, отвѣчаетъ избиратель. „Принимаете вы выборъ?“ спрашиваетъ его комиссаръ по установленному регламенту. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ избиратель. „Кого же избираете вы теперь?“ спрашиваетъ комиссаръ. „Самого себя“, повторяетъ избиратель. „Принимаете вы выборъ?“

спрашиваетъ опять комиссаръ. „Нѣтъ“, возражаетъ избиратель. Исторія опять повторяется, пока избиратель не заявляетъ торжественно: „Тронутый довѣріемъ моихъ согражданъ, я принимаю выборъ и объявляю себя выборнымъ посредникомъ“.

Анекдотъ этотъ чрезвычайно характеренъ для иллюстраціи несправедливости раздѣленія избирателей на три разряда съ одинаковыми правами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что весьма нерѣдки случаи, когда одинъ избиратель выбираетъ не одного, а двухъ посредниковъ. Сторонники трехразрядной системы, впрочемъ, нисколько не смущаются этими несообразностями, и консервативный депутатъ, графъ Лимбургъ-Стирумъ, спокойно заявилъ въ засѣданіи ландтага 14-го января 1893 г.: „Я долженъ сказать, что я считаю съ своей точки зрѣнія совершенно правильнымъ, если мнѣ, при занимаемомъ мною положеніи въ моемъ помѣстьи, приходится одному назначать двухъ посредниковъ. Я это высказываю отерпыто и спокойно, такъ какъ это соотвѣтствуетъ моему соціальному и имущественному положенію, и я всегда думаю стоять на этой точкѣ зрѣнія“.

Къ несправедливостямъ трехразрядной системы присоединяется еще, какъ и въ рейхстагѣ, устарѣлое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, не мѣнявшееся съ 1858 г., несмотря на приростъ населенія въ 60⁰/₀, и на сильное передвиженіе жителей изъ сельскихъ округовъ въ городскіе. По вычисленію Рихтера, Берлинъ посылалъ бы (если взять за основаніе перепись 1890 г.) при равномерномъ раздѣленіи округовъ не 9 депутатовъ въ ландтагъ, а 23, Бреславль—5 вмѣсто 3-хъ, Кельнъ—4 вмѣсто 2-хъ, Магдебургъ—3 вмѣсто 2-хъ, весь Regierungsbezirk (соотвѣтствующая, приблизительно, нашимъ губерніямъ административная единица) Дюссельдофъ—не 21, а 29 депутатовъ и т. д.

Свободомыслящіе депутаты Вимеръ и Бартъ внесли въ іюнь 1902 г. въ ландтагъ предложеніе о болѣе справедливомъ распредѣленіи округовъ. При преніяхъ по этому поводу Вимеръ доказалъ (6-го іюня 1902 г.), что 10 городскихъ, самыхъ густонаселенныхъ округовъ ландтага, съ 820.000 жителей, посылаютъ въ ландтагъ 20 депутатовъ, въ то время какъ 55 малонаселенныхъ, главнымъ образомъ сельскихъ округовъ, съ такимъ же населеніемъ, выбираютъ 90 депутатовъ. Бартъ на этомъ же засѣданіи доказалъ, что *всѣ* округа, посылающіе въ ландтагъ 140 консерваторовъ, платятъ меньше налоговъ, чѣмъ одинъ городъ Берлинъ, выбирающій всего 9 депутатовъ.

Предложеніе Вимера и Барта встрѣтило, какъ и можно было ожидать, сильный отпоръ со стороны центра и консерваторовъ.

Депутатъ центра Фриценъ заявилъ, что уравненіе округовъ на основаніи послѣдней переписи дало бы городамъ незаслуженный перевѣсъ надъ сельскими округами. Ораторъ же свободно-консервативной фракціи фонъ-Цедлицъ ограничился заявленіемъ, что для такого предложенія было бы слишкомъ много чести, еслибы его еще стали обсуждать,—достаточно будетъ, если оно будетъ отклонено безъ дальнѣйшихъ преній.

Къ наиболѣе курьезнымъ послѣдствіямъ трехразрядной системы приводитъ постановленіе закона 1893 г., по которому раздѣленіе избирателей на разряды по имущественному цензу производится не по всему избирательному округу, а самостоятельно въ каждомъ отдѣльномъ избирательномъ участкѣ. При послѣднихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ, въ ноябрѣ 1903 г., Берлинъ, напр., былъ въ общемъ раздѣленъ на 1.291 избирательный участокъ. Вслѣдствіе этого оказалось, что въ кварталахъ, населенныхъ крупными богачами, лицо, вносящее около 10.000 марокъ налоговъ въ годъ, попадало во II или даже III разрядъ; въ тѣхъ же частяхъ города, гдѣ живутъ преимущественно рабочіе и т. д., лица, платящіе всего десятки марокъ налоговъ въ годъ, оказывались избирателями I разряда. Напр., въ тридцатомъ берлинскомъ *Urwahlbezirk*'ѣ первый разрядъ состоялъ всего изъ *одного* избирателя, уплатившаго въ этомъ году 216.274 марки налоговъ, второй разрядъ—изъ лицъ, внесшихъ не меньше 18.623 марокъ. Слѣдовательно, избиратель, вносящій 18.500 марокъ налоговъ въ годъ, уже долженъ былъ въ этомъ участкѣ вотировать въ III-мъ разрядѣ. Аналогичны были и условія въ 32-мъ участкѣ, гдѣ низшая норма для избирателей I-го разряда составляла 150.277 марокъ, для избирателей II-го разряда—11.291 марку; въ 40-мъ, гдѣ I разрядъ состоялъ изъ плательщиковъ, вносящихъ не меньше 118.144 марокъ, второй—изъ лицъ, вносящихъ не меньше 8.788.20 марокъ, и т. д. Зато въ 236-мъ въ I разрядъ попадали уже избиратели, платящіе всего 94 марки, въ 370-мъ участкѣ—такіе, которые платили всего 72 марки, въ 1241-мъ—уже при 32, а въ 1287-мъ—даже уже при 18-ти маркахъ. До такой равномерности, дѣйствительно, не совсѣмъ легко додуматься.

Особенно бросалась въ глаза нецѣльность этого раздѣленія въ 41-мъ берлинскомъ участкѣ, въ которомъ расположено большинство министерствъ. Въ немъ въ III разрядъ попали всѣ избиратели, платящіе меньше 12.393 мар. налоговъ ежегодно. Такимъ образомъ оказалось, что имперскій канцлеръ графъ Бюловъ, статсъ-секретари Посадовскій и Рихтгофенъ, прусскіе министры юсти-

ціи, путей сообщенія, министр двора, начальникъ гражданскаго кабинета императора Вильгельма, очутились избирателями третьяго разряда и подавали голосъ вмѣстѣ со своими вучерами и швейцарами министерствъ, въ то время, когда первый классъ избирателей этого участка состоялъ изъ трехъ денежныхъ тузовъ! Подобные казусы повторились и во многихъ провинціальныхъ городахъ, въ Магдебургѣ, Ганноверѣ и т. д. Особенно характеренъ случай въ Альтонѣ, гдѣ начальникъ городской полиціи подавалъ голосъ въ III-мъ классѣ, а содержатель дома терпимости— въ I-мъ!

Несмотря на всѣ эти вопіющія несообразности прусскаго избирательнаго права, консерваторы, какъ мы видѣли, и не думаютъ отказываться отъ столь выгодной для нихъ трехразрядной системы. Національ-либералы тоже далеко не энергично требуютъ введенія всеобщей подачи голосовъ. По крайней мѣрѣ, въ своемъ воззваніи къ избирателямъ передъ послѣдними выборами они даже не упоминаютъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, а только говорятъ о *реформѣ въ современномъ духѣ трехразрядной системы, особенно о болѣе справедливомъ распредѣленіи округовъ и уничтоженіи раздѣленія избирателей на разряды по отдѣльнымъ участкамъ*. Очевидно, что и они вовсе не хотятъ полнаго уничтоженія трехразрядной системы.

При такомъ положеніи дѣлъ казалось бы, что свободомыслящія партіи должны были пользоваться каждымъ орудіемъ для борьбы съ могущественными реакціонными партіями, чтобы такимъ образомъ хоть постепенно подрывать господство консерваторовъ. Такимъ средствомъ былъ бы на послѣднихъ выборахъ въ ландтагъ союзъ между свободомыслящими и социаль-демократами. По вычисленіямъ разныхъ газетъ, при солидарномъ дѣйствіи этихъ группъ можно было бы отвоевать около 30—40 избирательныхъ округовъ у реакціонеровъ разныхъ названій. Свободомыслящій Бартъ и нѣкоторые его единомышленники сильно агитировали за союзъ съ социаль-демократами, но дѣло разстроилось изъ-за упорства Евгенія Рихтера, главы свободомыслящей народнои партіи, который ни за что не захотѣлъ допустить, чтобы въ нѣкоторыхъ округахъ социаль-демократы попали въ рейхстагъ благодаря поддержкѣ свободомыслящихъ. Рихтеръ въ послѣдніе годы энергично отстаиваетъ свою теорію о томъ, что задача свободомыслящихъ состоитъ въ веденіи войны на „два фронта“, т. е. въ одновременной борьбѣ съ консерваторами и социаль-демократами. Благодаря этой тактикѣ, онъ повсюду оказывается сидящимъ межъ двухъ стульевъ, и партія, во главѣ которой онъ стоитъ,

благодаря этой борьбѣ на два фронта, таетъ съ каждымъ новыми выборами. Такъ было и на этотъ разъ. Соціалъ-демократы такъ-таки и не попали въ ландтагъ, но свободомыслящіе не только не приобрѣли новыхъ мандатовъ, но даже потеряли нѣсколько округовъ, такъ что этимъ они, если не прямо, то косвенно, еще усилили реакціонныя партіи. Вообще, вся тактика стараго вождя свободомыслящихъ въ послѣднее время доказываетъ, что онъ совершенно утратилъ способность понимать новыя теченія среди оппозиціонныхъ партій. Его тактика становится все болѣе и болѣе доктринерской, и онъ, не замѣчая и не желая этого, на каждомъ шагѣ оказываетъ реакціоннымъ партіямъ прямо неоцѣнимыя услуги.

Какъ бы то ни было, но и среди консерваторовъ начинаютъ понимать, что несообразности трехъразрядной системы уже до такой степени очевидны, что ее дальше въ этомъ видѣ оставлять нельзя. И вотъ появляются предложенія, состоящія, въ сущности, въ томъ, чтобы придумать такія „реформы“, которыя бы нисколько не мѣняли положенія дѣлъ по существу, но все-таки показали бы, что консервативныя партіи вовсе не прочь отъ уступокъ. Къ этимъ предложеніямъ слѣдуетъ отнести и проектъ множественнаго вотума, съ которымъ выступилъ проф. Дельбрюкъ, умѣренный консерваторъ, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Preussische Jahrbücher“. Его предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ.

Каждый гражданинъ имѣетъ на выборахъ *одинъ* голосъ. Отбывшій воинскую повинность въ рядахъ арміи получаетъ *одинъ прибавочный* голосъ. Получившій образованіе, дающее право на службу вольноопредѣляющимся, получаетъ еще одинъ прибавочный голосъ. Дипломъ высшаго учебнаго заведенія тоже даетъ прибавочный голосъ. Кромѣ того, известная сумма уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ даетъ прибавочный голосъ по слѣдующей таблицѣ:

получ. доходъ въ 3.000— 4.500 м. (60—104 м. подох. пал.) имѣетъ 1 приб. голосъ.
„ „ 4.500— 7.000 „ (104—176 „ „ „) „ 2 „ „
„ „ „ 7.000— 9.500 „ (176—296 „ „ „) „ 3 „ „
„ „ „ 9.500—14.500 „ (296—420 „ „ „) „ 4 „ „
„ „ „ 14.500—19.500 „ (420—570 „ „ „) „ 5 „ „

и т. д. до 20-ти и даже больше прибавочныхъ голосовъ.

Нечего и говорить о томъ, что подобная „реформа“ нисколько не уменьшила бы политическихъ привилегій богатой части населенія, а скорѣе даже увеличила бы ее вліяніе.

Другое предложеніе внесено (очевидно, по внушенію прави-

тельства) свободно-консервативной партией въ ландтагъ и состоитъ въ требованіи раздѣленія слишкомъ большихъ избирательныхъ округовъ и соотвѣтствующаго увеличенія числа депутатовъ. Къ этому предложенію три либеральныя партіи: національ-либеральная, свободомыслящая народная и свободомыслящій союзъ, внесли дополнительное предложеніе, въ которомъ требуются слѣдующія три улучшенія. Во-первыхъ, увеличеніе числа округовъ сообразно возросшему населенію и соотвѣтствующее увеличеніе числа депутатовъ. Во-вторыхъ, предлагается раздѣлить впредь избирателей не на три равныя части по цифрѣ уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ, а по слѣдующей схемѣ: I классъ будетъ набираться изъ вносящихъ $\frac{5}{12}$ всѣхъ налоговъ, II — изъ вносящихъ $\frac{4}{12}$, а III — изъ платящихъ $\frac{3}{12}$. Результатомъ этого улучшенія было бы передвиженіе части избирателей II-го класса въ I-й, а III-го во II-й, но въ общемъ эти измѣненія едва ли будутъ особенно значительны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что правительство уже предложило это раздѣленіе въ 1891 г., но оно тогда было отклонено палатой господъ. Въ-третьихъ, предлагается раздѣлять избирателей на разряды не по участкамъ, а по цѣлымъ округамъ.

Свободомыслящіе, поддерживающіе это предложеніе, заявили, что они ограничиваются этими улучшеніями лишь потому, что на большія трудно рассчитывать при теперешнемъ составѣ ландтага. Тѣмъ не менѣе, нельзя не считать этого шага съ ихъ стороны большой тактической ошибкой. Либералы должны добиваться полной отмены трехразрядной системы и постоянно указывать населенію на необходимость введенія всеобщаго равнаго избирательнаго права, но никоимъ образомъ не принимать участія въ частичныхъ улучшеніяхъ, которыя въ сущности оставляютъ въ силѣ всѣ темныя стороны трехразрядной системы. Своимъ участіемъ въ частичныхъ реформахъ они становятся до известной степени виновниками дальнѣйшаго существованія прусской избирательной системы и этимъ доказываютъ, что либералы въ сущности тоже не желаютъ всеобщаго избирательнаго права, боясь при немъ потерять, какъ въ рейхстагѣ, всякое вліяніе и играть тогда и въ ландтагѣ только роль буфера между крайней лѣвой и крайней правой — социаль-демократами съ одной стороны и аграріями разныхъ оттѣнковъ — съ другой. Относительно національ-либераловъ справедливость этого мнѣнія едва ли подлежитъ сомнѣнію, но свободомыслящіе совершенно напрасно увлеклись погоней за непосредственнымъ малымъ улучшеніемъ, не замѣтивъ, что они совершаютъ принципиальную

ошибку, не дожидаясь момента, когда можно будет совершенно отмѣнить трехразрядную систему. Особенно странно, что къ этому предложенію присталъ и свободомыслящій союзъ, часть котораго, группа Барта, въ послѣдніе годы проводила замѣчательно выдержанную политику въ духѣ либерализма, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Изъ прочихъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, намъ придется еще нѣсколько подробнѣе остановиться на Саксоніи, Баваріи и Баденѣ, такъ какъ и въ нихъ въ послѣднее время ведется ожесточенная борьба изъ-за расширенія избирательнаго права.

Въ Саксоніи до 1896 г. выборы производились на основаніи закона 3-го декабря 1868 г., предоставлявшаго право голоса всякому саксонскому гражданину, вносившему 3 маркы налоговъ ежегодно. Онъ, слѣдовательно, былъ очень далеко отъ идеала всеобщаго избирательнаго права, и въ 1890 г., напр., изъ 500.000 саксонскихъ гражданъ, достигшихъ предписываемаго закономъ возраста, 150.000, благодаря цензу, были устранены отъ подачи голосовъ. Тѣмъ не менѣе, реакціонныя партіи были недовольны этимъ закономъ, такъ какъ, несмотря на цензъ, въ саксонскомъ ландтагѣ все-таки оказалось въ 1895 году 14 депутатовъ социаль-демократической партіи. Хотя послѣдніе, при общемъ числѣ депутатовъ (82), составляли лишенное вліянія меньшинство, консерваторы все-таки говорили о „диктатурѣ массъ“ и т. д., и, воспользовавшись случаемъ, когда социаль-демократическіе депутаты внесли предложеніе о введеніи всеобщей и равной подачи голосовъ, безъ всякаго ценза, консервативныя партіи, поддерживаемыя — что очень характерно — и *національ-либералами*, по крайней мѣрѣ большинствомъ этой партіи, провели избирательный законъ 28-го марта 1896 г., по которому избиратели раздѣляются на три разряда по имущественному цензу, и выборы не прямыя, а косвенныя, т.-е. черезъ посредниковъ.

Законъ этотъ, какъ видитъ читатель, очень напоминаетъ прусскій, хотя и надо ему отдать справедливость, что онъ во многихъ отношеніяхъ не впадаетъ въ крайности прусской системы. Въ I разрядъ избирателей попадаютъ всѣ тѣ, которые вносятъ 300 марокъ налоговъ ежегодно, II разрядъ состоитъ изъ избирателей, платящихъ не меньше 38 мар. въ годъ, а въ III разрядъ вотируютъ всѣ остальные избиратели. Раздѣленіе на разряды производится по округамъ, а не по отдѣльнымъ избирательнымъ участкамъ. Въ первомъ разрядѣ должны быть, по

меньшей мѣрѣ, 5 избирателей, а если въ немъ столько нѣтъ, то онъ пополняется избирателями изъ II разряда. Очевидно, что эта система безспорно лучше прусской, такъ какъ при ней въ I и II разряды попадаютъ уже такіе плательщики, которые въ Пруссіи затерялись бы въ третьемъ.

Тѣмъ не менѣе, трехразрядная система и тутъ дала тотъ результатъ, что избиратели I и II разрядовъ всегда побѣждаютъ III разрядъ, такъ что въ саксонскомъ ландтагѣ теперь нѣтъ ни одного социаль-демократа, хотя въ рейхстагѣ Саксонія на послѣднихъ выборахъ послала почти исключительно представителей этой партіи (22 изъ 23 депутатовъ), которые приходятся на долю саксонскаго королевства въ рейхстагѣ). Курьезнѣе всего то, что благодаря закону 1896 г. потеряли значеніе и національ-либералы, способствовавшіе консерваторамъ при ухудшеніи избирательнаго права. Вотъ, напр., составъ ландтага, избраннаго на послѣднихъ выборахъ въ Саксоніи (въ октябрѣ 1903 г.): 55 консерваторовъ, 22 національ-либерала, 3 антисемита, 1 либераль, 1 свободомыслящій. Очевидно, что консерваторы являются безраздѣльно господствующей партіей, такъ какъ располагаютъ $\frac{2}{3}$ членовъ всего ландтага. Сообразно этому, законодательство Саксоніи и носитъ чисто-аграрный, враждебный торговлѣ и индустріи характеръ, несмотря на то, что въ Саксоніи обрабатывающая промышленность сильно преобладаетъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, какъ это видно и изъ переписи 1895 г., по которой въ Саксоніи торговлей и фабричнымъ производствомъ занималось 2.700.000 человекъ, а земледѣліемъ — только 565,000, или около 20% всего населенія. Ясно, что если въ этомъ королевствѣ аграріи являются господами положенія, то только вслѣдствіе трехразрядной системы, давшей меньшинству огромный перевѣсъ надъ большинствомъ (по послѣдней переписи оказывается, что въ Саксоніи избиратели I разряда составляютъ — 5%, II — 20%, а III — 75% всего числа избирателей). Къ этому еще присоединяется, какъ и въ Пруссіи, несправедливое распредѣленіе округовъ, дающее сельскимъ округамъ огромное преимущество. Число сельскихъ округовъ составляетъ 45 при населеніи (по переписи 1900 г.) въ 2.110.552 ч., городскихъ же округовъ не больше 37, хотя въ нихъ населеніе не меньше, а именно 2.091,664 ч. Точно также неравномѣрна и величина избирательныхъ округовъ. Напр., городъ Хемницъ состоитъ изъ двухъ округовъ и посылаетъ двухъ депутатовъ въ ландтагъ при населеніи въ 206.913 жителей, т. е. на каждаго депутата приходится въ этомъ городѣ по 103.456 жит. Между тѣмъ 5-й

сельскій округъ насчитываетъ всего 29.512 жителей, 4-й—27.952, 17-й—26.429 и т. д.

Понятно, что такой порядокъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія среди всѣхъ слоевъ населенія Саксоніи. Даже крупные промышленники стали требовать реформы, — напр., коммерціи совѣтникъ Фогель, въ запискѣ, представленной имъ торговой палатѣ въ Хемницѣ въ началѣ 1903 года. Помимо указаній на неравномѣрное распредѣленіе округовъ при выборахъ во вторую палату, онъ особенно подробно останавливается на составѣ первой палаты ландтага, въ которой сельское хозяйство имѣетъ очень много представителей. Торговля же и промышленность въ ней не располагаютъ ни однимъ представителемъ ихъ интересовъ, несмотря на то, что Саксонія теперь является страной фабричной раг excellence.

Особенно рѣзко выразился, однако, протестъ широкихъ массъ населенія противъ сокращенія ихъ политическихъ правъ въ выборахъ 1903 г. въ рейхстагъ, на которыхъ, какъ мы уже указали выше, прошли почти исключительно социаль-демократы. Саксонское правительство, на этомъ примѣрѣ убѣдившись, что оно возстановило противъ себя огромное большинство населенія, сейчасъ же послѣ выборовъ въ рейхстагъ заявило, что избирательный законъ 1896 г. имѣлъ „вовсе нежелательное послѣдствіе, а именно уменьшеніе вліянія избирателей III разряда до такой степени, которая совсѣмъ не соотвѣтствуетъ принципамъ справедливости“. Потому, — продолжало оно въ своемъ сообщеніи, — оно, сообщая съ нѣкоторыми членами ландтага, намѣрено обсудить проектъ реформы избирательнаго закона 1896 г.

Совмѣстное обсужденіе проекта реформы съ членами ландтага, крайне реакціоннаго по своему составу, уже не предвѣщало ничего хорошаго. И дѣйствительно, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заявленія, правительство представило ландтагу меморандумъ, въ которомъ оно излагало свой проектъ, всѣ искренніе сторонники избирательной реформы сразу же заявили, что его осуществленіе ничѣмъ не улучшитъ фактически теперешняго положенія.

Проектъ сохраняетъ выборы по разрядамъ для 48 депутатовъ, съ той разницей противъ существующей системы, что выборы должны впредь происходить въ каждомъ разрядѣ отдѣльно, а не сообща. Слѣдствіемъ этого нововведенія было бы то, что I и II разряды не могли бы, какъ теперь, соединиться противъ III, такъ что трудящіяся массы населенія могли бы провести 16 депутатовъ своей партіи, но уже никакъ не больше, ибо

проникнуть во II и I классы ихъ представителямъ, конечно, нельзя будетъ. Саксонское королевство было бы тогда раздѣлено на 16 округовъ, въ которыхъ каждый разрядъ выбиралъ бы отдѣльно представителей.

Кромѣ этихъ 48 депутатовъ, еще 35 должны были по проекту выбираться сословными и цеховыми организаціями слѣдующимъ образомъ: 15 депутатовъ—сельскими хозяевами, 10—торгово-промышленными палатами, 10—ремесленниками и мелкими торговцами. Надо еще прибавить, что 15 голосовъ, которые проектъ реформы давалъ сельскому хозяйству, достались бы исключительно крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ какъ къ выборамъ допускались бы только тѣ сельскіе хозяева, которые имѣютъ право голоса при выборахъ въ земледѣльческій совѣтъ (Landesculturrath), т.-е. земельная собственность которыхъ платитъ не меньше 120 налоговыхъ единицъ.

Въ результатѣ и получилось бы,—еслибъ проектъ былъ принятъ ландтагомъ,—почти такое же несоотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію преобладаніе аграріевъ, какъ и теперь. 15 представителей давали бы имъ прямо выборы въ сословныхъ организаціяхъ; къ тому же они, какъ и теперь, проводили бы своихъ депутатовъ въ I и II разрядахъ остальныхъ округовъ. Единственное измѣненіе было бы внесено въ томъ отношеніи, что въ ландтагъ засѣдали бы 16 социаль-демократическихъ депутатовъ. Но и они, оставаясь всегда въ меньшинствѣ, не могли бы вліять на ходъ законодательства. Слѣдуетъ еще указать на то, что, въ случаѣ принятія правительственнаго проекта, 219.000 избирателей, которые подавали бы голосъ на выборахъ въ сословныхъ и профессиональныхъ организаціяхъ, пользовались бы двойнымъ голосомъ, такъ какъ они должны были бы еще принимать участіе и въ выборахъ остальныхъ 48-ми депутатовъ.

Консерваторы нашли, однако, что и этотъ проектъ реформы слишкомъ демократиченъ, и послѣ долгихъ преній отклонили его, поручивъ правительству собрать матеріалъ для реформы избирательнаго права на основаніи множественнаго вотума (Pluralrecht), на который они въ принципѣ согласны, такъ какъ видятъ въ немъ „гарантію противъ наводненія ландтага антигосударственными элементами“. Консервативные ораторы высказались за введеніе цѣлыхъ и дробныхъ голосовъ ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$). Прибавочные голоса должны даваться сообразно извѣстной суммѣ уплачиваемыхъ налоговъ, отбыванію воинской повинности въ рядахъ арміи, законченному образованію, числу дѣтей, числу занимаемыхъ рабочихъ и т. д. Такимъ образомъ, всѣ 656.645 избирателей

саксонскаго ландтага имѣли бы право голоса, но на самомъ дѣлѣ, при такой системѣ, голосъ рабочаго или мелкаго ремесленника будетъ имѣть не больше значенія, чѣмъ теперь.

Особенно любопытно поведеніе саксонскихъ національ-либераловъ при обсужденіи реформы. Мы уже раньше указали на то, что они способствовали консерваторамъ провести законъ 1896 г. Теперь, когда правительство выступило со своимъ проектомъ реформы, представители національ-либеральной партіи для Саксоніи (Landesverein) заявили, что они сторонники прямыхъ и тайныхъ выборовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленія избирателей либо по имущественному цензу, либо по системѣ какого-нибудь множественнаго вотума, либо по комбинаціи обѣихъ системъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они хотятъ реформы и первой палаты ландтага въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней нашли себѣ мѣсто и представители торговли и индустріи. Другими словами, національ-либералы желаютъ, чтобы господство аграріевъ уступило мѣсто господству крупныхъ промышленниковъ. И по мнѣнію ихъ ораторовъ, которое открыто высказывалось ими при преніяхъ по поводу проекта реформы, задача избирательнаго права состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы помѣшать „массамъ“ захватить власть въ свои руки. Для приличія „массамъ“ слѣдуетъ предоставить извѣстное число представителей, но онѣ никогда не должны стать рѣшающей партіей. Надо отдать національ-либераламъ справедливость, что между представителями ихъ партіи въ Landesverein'ѣ были и такіе, которые требовали, по крайней мѣрѣ, восстановленія стараго избирательнаго закона 1868 г., если уже нельзя теперь добиться всеобщаго избирательнаго права. „Государство, — говорили они, — не акціонерное общество, въ которомъ акціонеры имѣютъ вліяніе, соответствующее ихъ владамъ, а семья, равномѣрно обнимающая всѣхъ своихъ членовъ и оказывающая тѣмъ, которые больше нуждаются въ покровительствѣ, болѣе сильную поддержку, чѣмъ тѣмъ членамъ, которые наиболѣе приспособлены къ борьбѣ за существованіе“. Это мнѣніе, однако, осталось въ меньшинствѣ.

При такомъ поведеніи національ-либеральной партіи нельзя не придти къ заключенію, что она въ сущности ничѣмъ не отличается отъ консервативныхъ партій, и что для огромнаго большинства ея приверженцевъ либеральныя традиціи являются лишь непріятной обузой, отъ которой они готовы при первомъ же удобномъ случаѣ отказаться.

Если въ Саксоніи и Пруссіи національ-либералы относятся только индифферентно къ движению въ пользу расширенія избирательнаго права и не способствуютъ съ своей стороны осуществленію проектовъ реформы, то гораздо хуже поступаютъ они въ Баваріи, гдѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, благодаря ихъ оппозиціи, было отвергнуто ландтагомъ правительственное предложеніе объ улучшеніи избирательнаго права.

Надо замѣтить, что въ Баваріи, какъ и вообще въ государствахъ южной Германіи, избирательное право въ ландтагъ и теперь уже гораздо шире прусской и саксонской системъ. Въ баварскомъ королевствѣ выборы въ ландтагъ производятся на основаніи закона 26-го марта 1881 г., внесшаго только несущественныя измѣненія въ избирательное право, дѣйствовавшее еще съ сороковыхъ годовъ, посредствомъ всеобщей и тайной подачи голосовъ. Главное отличие отъ избирательнаго права въ рейхстагъ состоитъ въ томъ, что выборы не прямые, а косвенные, т.-е. производятся черезъ посредниковъ. Раздѣленія же избирателей на разряды по имущественному цензу ни въ Баваріи, ни въ другихъ государствахъ южной Германіи (Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ) нѣтъ. Помимо выборныхъ посредниковъ, другимъ важнымъ недостаткомъ баварскаго избирательнаго права является устарѣлость раздѣленія избирательныхъ округовъ, произведеннаго на основаніи переписи 1875 г., когда народонаселеніе Баваріи составляло всего около 5.000.000. По переписи же 1900 г., въ Баваріи насчитывается уже 6.176.057 жителей. Городскіе округа и здѣсь, какъ повсюду въ Германіи, выросли гораздо больше, нежели сельскіе, такъ что ни распределение округовъ, ни число депутатовъ (159), не соответствуютъ уже дѣйствительной плотности народонаселенія.

Лучше всего видна разница между результатами голосованія по избирательному праву для рейхстага и по баварскому избирательному праву для ландтага на слѣдующемъ сопоставленіи. Еслибы баварскій ландтагъ соответствовалъ по своей группировкѣ численному отношенію голосовъ, поданныхъ въ Баваріи во время выборовъ 1903 г. въ рейхстагъ въ пользу разныхъ партій, то онъ состоялъ бы изъ 2-хъ консерваторовъ, 22-хъ либераловъ, 70-ти депутатовъ центра, 34-хъ социаль-демократовъ и 24-хъ представителей крестьянскаго союза и болѣе мелкихъ группъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ состоитъ изъ 5-ти консерваторовъ, 44-хъ либераловъ, 83-хъ депутатовъ центра, 11-ти социаль-демократовъ, 1-го демократа и 15-ти депутатовъ крестьянскаго союза и безпартійныхъ. Изъ этого сравненія слѣдуетъ,

что, несмотря на свои преимущества передъ прусской и саксонской системами, баварское избирательное право все-таки не такъ отражаетъ настроеніе народа, какъ всеобщая подача голосовъ по избирательному праву для рейхстага.

Баварское правительство еще въ семидесятыхъ годахъ вносило нѣсколько разъ законопроекты о введеніи прямыхъ выборовъ, но въ первый разъ предложеніе не обсуждалось изъ-за франко-прусской войны; во второй разъ предложеніе было взято правительствомъ обратно послѣ того, какъ оно встрѣтило сильное сопротивленіе въ палатѣ. Вслѣдствіе предложенія объ улучшеніи избирательнаго права, внесеннаго, 29-го сентября 1899 г., въ ландтагъ депутатомъ социаль-демократической партіи Сегицеиъ, правительство вновь занялось этимъ вопросомъ. Въ маѣ 1902 г. представители разныхъ фракцій ландтага сошлись въ вопросѣ о принципахъ, которые должны были лечь въ основу правительственнаго законопроекта, а въ сентябрѣ 1903 г. правительство и представило ландтагу разработанный проектъ.

По этому проекту округа вновь должны быть распределены на основаніи переписи 1900 г. такимъ образомъ, чтобы, въ среднемъ, на 38.000 жителей приходилось по одному депутату. Для сельскихъ округовъ бралась какъ норма цифра въ 32.000 жителей, для городскихъ — 44.000. Объяснялось это предоставленіе преимущества деревенскимъ округамъ надъ городскими тѣмъ, что въ послѣднихъ, вслѣдствіе большаго, чѣмъ въ сельскихъ округахъ, числа иностранцевъ, т.-е. не-баварскихъ нѣмцевъ, гарнизоновъ и т. д., необходимо брать высшую норму, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. Выѣстъ съ этимъ предлагалось увеличить число депутатовъ съ 159 до 163.

По предложенію правительства, на выборахъ въ какомъ-нибудь округѣ, въ которомъ выставлено разными партіями нѣсколько кандидатовъ, сразу долженъ былъ считаться избраннымъ кандидатъ, получившій относительное большинство голосовъ, если оно не меньше $\frac{1}{2}$ всѣхъ избирателей даннаго округа. При перебаллотировкахъ избраннымъ всегда считается кандидатъ, получившій относительное большинство.

Законопроектъ содержалъ и кое-какія ухудшенія существующаго избирательнаго права, напримѣръ повышеніе возраста зрѣлости для подачи голосовъ съ 21-го года до 25-ти лѣтъ и т. д., но зато предоставленіе прямыхъ выборовъ является такимъ шагомъ впередъ, что даже социаль-демократическая партія рѣшилась поддерживать пока законопроектъ, а по его вступленіи въ законную силу—требовать уже дальнѣйшихъ улучшеній.

Либералы же рѣшительно отказались согласиться на правительственное предложеніе.

Мотивировали они свой отказ тѣмъ, что предлагаемое распределеніе избирательныхъ округовъ, предоставляя деревенскимъ округамъ большое преимущество передъ городскими, будто бы произведено исключительно въ интересахъ партіи центра, которому оно доставило бы большинство въ ландтагъ. Кроме того, они хотѣли, чтобы для избранія депутата требовалось не относительное, а абсолютное большинство голосовъ. На самомъ же дѣлѣ ими руководили совсѣмъ другого рода соображенія. Число приверженцевъ національ-либеральной партіи постоянно идетъ на убыль. Въ 1881 г. число выборныхъ посредниковъ, подавшихъ за нихъ голоса, составляло 40,5% всего числа посредниковъ, въ 1893 г.—уже только 36,1%, а въ 1899 г.—всего лишь 22,1%. Повятно, что, при введеніи непосредственной подачи голосовъ, число сторонниковъ ихъ партіи еще уменьшится, и ихъ два главныхъ врага—центръ и социаль-демократическая партія—будутъ продолжать усиливаться на ихъ счетъ. Поэтому они воспользовались несправедливымъ, по ихъ мнѣнію, распределеніемъ округовъ (на требованіе абсолютнаго большинства согласился потомъ и центръ, такъ что этотъ камень преткновенія былъ устраненъ), какъ удобнымъ предлогомъ, чтобы помѣшать осуществленію столь опасной для нихъ реформы. Провалить реформу для нихъ оказалось возможнымъ, хотя они и составляютъ меньшинство въ ландтагъ, потому, что ихъ поддерживалъ крестьянскій союзъ, требовавшій, напротивъ, еще большихъ привилегій для сельскихъ округовъ. Между тѣмъ, для измѣненія избирательнаго права, какъ и всякаго измѣненія конституціи вообще, необходимы $\frac{2}{3}$ числа голосовъ всѣхъ депутатовъ ландтага, а столькими голосами поддерживавшія проектъ партія—центръ и социаль-демократія—не располагали. Проектъ и былъ, поэтому, отклоненъ.

Что либералы отклонили реформу только изъ боязни утратить часть своихъ округовъ, а отнюдь не потому, что она, будто бы, имѣетъ въ виду только интересы центра, видно изъ того простаго соображенія, что центръ уже и теперь располагаетъ большинствомъ въ ландтагъ, а именно 83 депутатами изъ 159. Отклоненіе реформы либералами, слѣдовательно, нисколько не устраняетъ опасности господства клерикаловъ, а оставляетъ лишь въ силѣ худшее избирательное право, которое безъ ихъ сопротивленія было бы замѣнено лучшимъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что либералы

на предстоящих выборах (въ 1905 г.) въ ландтагъ жестоко поплатятся за свою тактику. Ихъ отношеніе къ избирательной реформѣ лучше всего доказываетъ, что они готовы нарушить даже такое основное требованіе всякой либеральной программы, какъ возможно большее расширеніе избирательнаго права, тамъ, гдѣ это расширеніе можетъ нанести ущербъ силѣ и вліянію ихъ партій. Любопытно, что для того, чтобы предотвратить это пораженіе на будущихъ выборахъ, они, послѣ того, какъ сами провалили избирательную реформу, вдругъ выступили съ требованіемъ еще болѣе радикальной системы выборовъ, именно пропорціональной, хотя и отлично знаютъ, что о принятіи этой системы въ Баваріи не можетъ теперь быть и рѣчи. Этотъ уже слишкомъ прозрачный маневръ, конечно, мало поправилъ ихъ шансы успѣха въ начинавшейся тогда предвыборной агитаціи.

Въ великомъ герцогствѣ баденскомъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прошла реформа избирательнаго права, которое и раньше было тамъ всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ, но не прямымъ, а косвеннымъ. Число депутатовъ второй палаты ландтага достигало 63, группировавшихся въ нѣнѣшній законодательный періодъ слѣдующимъ образомъ: 23 депутата центра, 25—національ-либераловъ, 6—демократовъ, 6—соціал-демократовъ, 2—свободомыслящихъ и 1—антисемитъ. Когда всѣ партіи сошлись на требованіи введенія прямыхъ выборовъ, правительство внесло соотвѣтствующій проектъ, который предлагалъ, между прочимъ, увеличеніе числа депутатовъ, сообразно приросту населенія, съ 63 до 70. Нѣкоторыя частности правительственнаго проекта не встрѣтили одобренія большинства ландтага, но главнымъ камнемъ преткновенія на пути къ осуществленію реформы являлся вопросъ о бюджетныхъ правахъ первой палаты. Правительство только въ томъ случаѣ готово было согласиться на введеніе прямыхъ выборовъ, если будетъ принятъ слѣдующій (61-ый) пунктъ законопроекта: „Если относительно нѣкоторыхъ статей бюджета заключенія второй камеры расходятся съ рѣшеніями первой, и правительству не удастся добиться соглашенія между обѣими палатами, то вызвавшія несогласіе статьи не вносятся въ бюджетъ, пока не будетъ достигнуто между обѣими камерами единогласія. Правительство имѣетъ право требовать, чтобы обѣ палаты собрались для совмѣстнаго баллотированія спорныхъ вопросовъ“. Члены второй камеры полагали, что при широкомъ вліяніи, которымъ пользуется правительство въ первой

камерѣ, оно всегда можетъ побудить ее не согласиться на измѣненія, которыя вторая камера внесетъ въ какія-нибудь статьи бюджета, если эти измѣненія почему-либо будутъ неприятны правительству. А такъ какъ правительство, по этому параграфу, имѣетъ *право* требовать, чтобы обѣ палаты сообща вотировали въ случаяхъ, вызвавшихъ разногласіе, но не *обязано* этого дѣлать, то оно и не потребуетъ совмѣстнаго вотума, если это для него будетъ по какимъ-либо соображеніямъ неудобно. Такимъ образомъ, при помощи этого параграфа правительство могло бы иногда совершенно устранить бюджетныя права второй камеры. Надо еще прибавить, что противъ расширенія бюджетныхъ правъ первой камеры насчетъ второй высказывались и опытные юристы. Напримѣръ, проф. Шмидтъ во Фрейбургѣ говорилъ по этому поводу, что первая камера должна въ своихъ же интересахъ отказаться отъ уравнинія ея правъ въ этомъ отношеніи со второй, такъ какъ члены ея, назначаемые, но не избираемые, не находятся въ такой тѣсной связи съ плательщиками налоговъ всѣхъ сословій, какъ депутаты второй камеры, избираемые послѣдними. Послѣ долгихъ препирательствъ между обѣими палатами, проектъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ принятъ согласно требованіямъ второй палаты ландтага.

Въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ правительство также внесло проектъ о замѣнѣ косвенныхъ выборовъ прямыми, но онъ былъ отклоненъ въ 1903 г., благодаря сопротивленію аграріевъ. Теперь ландтагъ обсуждаетъ вновь проектъ реформы, и можно полагать, что онъ скоро получитъ законодательную санкцію.

Въ вюртембергскомъ королевствѣ вторая камера состоитъ изъ 70-ти депутатовъ, выбираемыхъ на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, и 23-хъ представителей рыцарства и духовенства. Уже въ 1897 г., обсуждался проектъ, внесенный правительствомъ, объ удаленіи этихъ привилегированныхъ представителей изъ второй палаты, но въ ней тогда не оказалось необходимыхъ для измѣненія конституціи двухъ третей голосовъ въ пользу этого проекта. Вопросъ, однако, не сданъ окончательно въ архивъ и будетъ опять обсуждаться, лишь только окажется подходящій моментъ для проведенія реформы ¹⁾.

¹⁾ Статья уже была написана, когда вюртембергское правительство объявило въ тронной рѣчи (4-го ноября 1904 г.), что оно внесетъ проектъ, по которому всѣ депутаты второй камеры должны быть избираемы на основаніи всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ. Оно хотѣло также предложить умаленіе прерогативъ первой камеры, т. е. палаты господъ.

Итакъ, можно резюмировать содержаніе нашего очерка о положеніи вопроса объ избирательномъ правѣ въ Германіи и отдѣльныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, такимъ образомъ, что и избирательное право, при выборахъ въ рейхстагъ, хотя и носитъ названіе всеобщаго и равнаго, на самомъ дѣлѣ страдаетъ весьма крупными недостатками. Еще больше удалено отъ всеобщаго избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ, причемъ худшимъ слѣдуетъ считать это право въ Пруссіи. Менѣе несправедливымъ по формѣ, хотя и столь же несоотвѣтствующимъ дѣйствительной группировкѣ политическихъ партій по своимъ послѣдствіямъ, является саксонское, а гораздо лучше уже избирательныя системы въ государствахъ южной Германіи, которыя, вѣроятно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ничѣмъ не будутъ отличаться отъ системы подачи голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ. Что касается Пруссіи и Саксоніи, то относительно ихъ очень трудно предсказать, когда въ нихъ трехразрядная система уступитъ мѣсто болѣе широкому избирательному праву.

Въ своей книгѣ, посвященной разбору трехразрядной системы въ Пруссіи, Ястровъ (Jastrow, „Das Dreiklassensystem“, Berlin, 1894, p. 125 ff.) приходитъ къ заключенію, что реформы прусской избирательной системы можно добиться лишь тогда, если удастся провести въ общенперскомъ рейхстагѣ обязательное для всѣхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи постановленіе, которое заставило бы ихъ ввести у себя всеобщее и равное избирательное право. Едва ли, однако, это предложеніе осуществимо. Во-первыхъ, рейхстагъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждаго отдѣльнаго государства, а къ такимъ относится и вопросъ объ избирательномъ правѣ. Во-вторыхъ, при нынѣшнемъ составѣ рейхстага съ подавляющимъ реакціоннымъ большинствомъ слѣдуетъ скорѣе ожидать ухудшенія избирательнаго права въ рейхстагъ, нежели улучшенія системы подачи голосовъ при выборахъ въ ландтаги.

Во всякомъ случаѣ, въ недочетахъ существующаго избирательнаго права какъ въ рейхстагъ, такъ и въ ландтаги, слѣдуетъ искать одну изъ главныхъ причинъ тѣхъ анахронизмовъ въ политической жизни Германіи, которые такъ не вяжутся съ ея высокимъ культурнымъ уровнемъ въ другихъ отношеніяхъ,—напр., господства аграріевъ въ парламентахъ, реакціоннаго характера имперской политики, въ особенности прусской, и т. д. Германія еще не успѣла достаточно сжиться съ парламентскимъ строемъ для того, чтобы цѣнить всю важность фундамента, на которомъ

онъ зиждется, т.-е. понимать все значеніе возможно широкаго избирательнаго права.

Исслѣдованіе вопроса объ избирательномъ правѣ въ Германіи показало намъ и еще одну интересную черту политической жизни этой имперіи—именно, вырожденіе либеральной партіи. Мы видѣли, что правое крыло буржуазной демократіи, такъ называемая національ-либеральная партія, по своему отношенію къ вопросу объ избирательной реформѣ, въ сущности мало чѣмъ отличается отъ консервативныхъ партій. Лѣвое же его крыло, такъ называемые свободомыслящіе, численно настолько слабо, что съ нимъ уже никто не считается, какъ съ реальной политической силой. Поэтому, напр., въ Германіи союзъ между крайней лѣвой и буржуазными либералами, подобный знаменитому „блоку“ во французскомъ парламентѣ, совершенно невозможенъ теперь въ рейхстагѣ, такъ какъ крайняя лѣвая отъ такого союза ничего бы не выиграла. Либералы представляютъ въ Германіи количественно слишкомъ ничтожную группу, чтобы изъ-за союза съ ними крайняя лѣвая рѣшилась въ чемъ бы то ни было отступить отъ своей программы. А между тѣмъ объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта количественная и качественная слабость буржуазной демократіи является одной изъ причинъ нынѣшней беззащитной вакханаліи господства „юннеровъ“ и „капланократіи“ въ „странѣ поэтовъ и мыслителей“, какъ когда-то гордо называла себя, и не безъ основанія, родина Гёте и Канта.

И. Осиповъ.

Мюнхенъ.

МѢДНЫЙ БУНТЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Іюль 1662 года.

I.

Въ густо заросшемъ орѣшникомъ оврагѣ подѣ Воробьевыми-горами, близѣ Москвы, было прохладно и сыровато даже въ лѣтній полдень. Солнечные лучи еле пробивались сквозѣ густую переплетенную листву, и земля долго хранила въ себѣ дождевую влагу.

Изъ оврага, сквозѣ вѣтви и тонкіе стволы молодыхъ деревьевъ, далеко видѣлись башенки и вышки Кремля, стройно тянулася къ небу Ивановскій столпъ, огнями пылали и переливались главы соборныя, сверкали слюдяныя оконца, пестрѣли затѣйливыя теремныя крыши, выглядывавшія изъ зелени садовъ. И все это было какъ кисеи заморской затянута голубой прозрачной дымкой. Подѣ ногами широкою, голубою же лентой извивалась рѣка, отражая и высокіе, обрывистые берега Воробьевыхъ-горъ, и осоку на низменномъ противоположномъ берегу.

Въ оврагѣ молча сидѣли какіе-то люди. Ихъ было здѣсь семь-восемь человекъ; всѣ—бѣдно одѣтые, въ рваныхъ кафтанникахъ, однорядкахъ, грязныхъ рубахахъ. Одинъ только рейтаръ-барабанщикъ съ перевязью черезъ плечо выдѣлялся среди нихъ, хотя и его мундиръ былъ далеко не изъ новыхъ.

Только-что окончился оживленный споръ, какъ всегда—никого не убѣдившій ни въ чемъ, но заставившій всѣхъ горячиться и окончившійся тѣмъ, что одинъ изъ спорившихъ злобно проговорилъ:

— А ну васъ въ дьяволу! Ото всего отрекаюсь, воли такъ. Зря было намъ и глотки драть.

Напоминаніе о томъ, что спорщики позабыли осторожность и возвысили голоса, невольно заставило всѣхъ помолчать. Гдѣ-то, невдалекѣ, въ кустахъ, запищали и завозились птицы, вѣтки закачались надъ головами сидѣвшихъ—и снова все стихло.

— Что-жъ приумоляли, братцы? Такъ-ли, сякъ-ли—дѣло вершить надобно-тъ,—степенно заговорилъ пожилой уже человѣкъ, одѣтый опрятнѣе другихъ и по виду напоминавшій мелкаго торговца.

Онъ, повидимому, высказалъ мысль, беспокоившую всѣхъ собравшихся, но никто не отозвался на его призывъ. Да и чѣмъ отозваться было? Всѣ знали, что рѣшать надо, что тянуть нельзя больше, но какъ рѣшать?..

— Обѣтъ мы, знать, молчальный дали. Али Пахомъ сомутилъ всѣхъ, нечистаго помянулъ? — бойко спросилъ блѣдный и худой человѣкъ, окидывая взглядомъ товарищей. — Може, и впрямь—пождать еще, потерпѣть? Седьмой-то шкуры не сымали еще,—должно, скоро доберутся.—Насмѣшка явно звучала въ голосѣ оратора.

— Ну, ну... Шкуры-то себѣ приберегай, не зубоскаль зря. Ишь, шустерь больно, калуцкій купецъ, краснобай! Не покупателя мы, чай...

— Нонѣ въ землѣ русской не стало покупателей,—заговорилъ „купецъ“.—И хлѣбъ-отъ Богъ посылаетъ, какъ встарь родился, а глянь-ка? И у помѣщиковъ, и у вотчинниковъ, и у пахотныхъ людей скирды да одонья не молоченныя отъ прошлыхъ лѣтъ стоятъ; торговые люди палаты свои прожили, про черныхъ людишекъ—и молвить нечего. Ровно мухи въ осень валяются съ голодухи... Одни и побогатѣли денежные мастера, что деньги тѣ воровскія бьютъ...

— Знамо, пока самъ въ Коломенскомъ, оно и краше-бъ, да все, мнится, маху какъ не дать бы.

— День ли, два ли пождать—для чего не пождать, да толку будетъ ли что?..

Блѣдный человѣкъ вострепнулся: не въ первый разъ слышалъ онъ эти осторожныя рѣчи, и боялся ихъ пуще огня.

— А по мнѣ, не для-чего ждаты! — бойко прервалъ онъ

степенныя рѣчи.—Лежачимъ быть—мохомъ обрости, сказываютъ. Съ самой, почитай, Пасхи вѣсти пущены по Москвѣ; быть, молъ, гилю ¹⁾ супротивъ воровъ да измѣнниковъ государевыхъ—всѣ ждутъ, всѣ шепчутся. Подметные листы своимъ чередомъ кладутся... Вотъ, Ивашко сказываетъ: ратные-де люди роптать починаютъ; чего-для тянемъ, молъ...

— Это онъ, Василій-то, правду истинную молвилъ, роптать починаютъ-де, — апатично подтвердилъ барабанщикъ. — По мнѣ хоть сей-же часъ. Палки въ руки—всѣ Кадаши ²⁾ подниму.

И снова примолкли всѣ. Надо было рѣшиться на что-то великое, серьезное и опасное, и, видимо, все духу не хватало, все боязно было, не забыли-ль чего, не кончилась бы худомъ вся затѣя. А затѣя была не малая: вывести измѣну изъ земли русской, челомъ царю бить, чтобъ головами измѣнниковъ выдавалъ.

Россія переживала тяжкое время. Народъ быстро разорился, цѣны на все поднимались, мѣдныя копейки—фальшивыя и настоящія—наводняли Русь, и цѣна ихъ упала въ двѣнадцать разъ ниже серебряныхъ. А серебряныхъ денегъ почти не было въ народѣ: сборщики требовали платежа податей серебромъ, купцы тоже хотѣли серебряныхъ денегъ за свои товары, а сами норовили платить мѣдью. Серебро уходило въ сундуки царской казны, въ боярскія и купеческія кисы—народу оставались однѣ „воровскія деньги“—мѣдныя копейки, дешевѣвшія съ каждымъ днемъ.

Окольничій Ртищевъ, придумавшій эти проклятыя деньги, да бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій—начальникъ двора монетнаго—богатѣли зато съ каждымъ днемъ: серебряныя рѣки непрерывно текли въ ихъ громадныя подвалы. Носились слухи, будто они на сторонѣ воровски чеканятъ мѣдныя копейки изъ своей мѣди и пускаютъ ихъ въ народъ, вымѣнивая на серебро.

Сборы пятинной деньги на содержаніе рейтаръ—новаго иноземнаго войска—ложились тяжкимъ бременемъ на всѣхъ неимущихъ, всѣхъ разоренныхъ уже „воровскими“ деньгами.

И темныя массы волновались; туманные, но тревожные толки носились по Москвѣ; всѣ были на-сторожѣ, всѣ чего-то ждали...

„Калудцкій купецъ“ вдругъ нервно ударилъ себя кулаками по колѣнку и трихнулъ головой.

— Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, братцы! Сидѣть да молчать—

¹⁾ Такъ назывались въ XVII вѣкѣ народныя движенія.

²⁾ Кадашевская слобода въ Москвѣ—мѣсто квартирнаго расположенія рейтарскихъ полковъ.

съ голодухи сгинешь, а у насъ и такъ животы подводитъ. Не дѣвки, чать, не жениховъ ждемъ. Надобно день выбрать, да и съ Богомъ. И какъ на чемъ положимъ тутъ—тому и быть, безъ увертки.

Молодой еще, задорный голосъ говорившаго звенѣлъ и настойчиво, и твердо. Всѣ слушали со вниманіемъ, незамѣтно заражаясь его рѣшимостью. Онъ говорилъ долго и непрерывно, не давая возражать, не давая раздумывать.

— Нонче вторникъ у насъ. Двухъ дѣнь хватить оповѣстить, кого надобно, листы разбросать, а въ пятницу—съ Богомъ. Въ пятницу дочка у царя именинница—Марья Алексѣевна, ради нея, глядишь, и самъ подобрѣе будетъ. И пало мнѣ на умъ: зачинать намъ—пока обѣдни не отойдутъ. Какъ двинуть богомольцы изъ церквей—народу тьма пойдетъ.

— Ой, зря торопишь, Василій!—степенно вставилъ слово одинъ изъ слушавшихъ.

— Прозѣваешь—и воду хлебаешь, Кузьма Лукичъ. Вонъ она, Москва-то рѣва-матушка, подъ низомъ бѣжить, похлебай-ка... а мы во щамъ привыши,—шутливо откликнулся ораторъ.

Нѣкоторые разсмѣялись, но тотчасъ же и смолкли: не до шутокъ было.

— Такъ въ пятницу, братцы?—добивался своего говорунъ. — Листъ расклеютъ гдѣ на столбѣ подъ Китай-городомъ, кремлевскихъ чтобъ молещичиковъ перенять. Я у Троицы, на Срѣтенкѣ, людей собираю, насчетъ пятинной деньги ¹⁾, молю, лясъ поточить. Иваша у съзжей—подъ барабанъ своихъ...

— Ишь, какъ по-писаному рѣжетъ!—завистливо сказалъ кто-то.

— Писано—не писано, а думушекъ безъ числа удумано-таки.

— Чтò же, въ пятницу, такъ и въ пятницу. День она тяжелый, пятница, да ужъ ну! Знамо, чего и ждать... Оно и бояновато, да пятиться некуда,—заговорили разомъ нѣсколько человекъ еще не вполне увѣренно.

— Такъ по рукамъ что ль? А?—выкрикивалъ ораторъ. — Только стоять по совѣсти, въ-какъ, не жалѣючи живота. Оробѣемъ воли, да крику боярскаго спугаемся—все прахомъ пойдетъ... да еще и на дыбахъ нависимъ,—добавилъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.

При напомниманіи о дыбѣ всѣмъ стало какъ-то не по себѣ, но отступать некуда было, и безмолвно дѣло рѣшилось. Никто

¹⁾ Особый сборъ, установленный для покрытія расходовъ на содержаніе рейтаръ.

не возразилъ „краснобаю“, но никто и не высказалъ громко и увѣренно своего согласія, а всѣ почувствовали, поняли, что дѣло рѣшалось... Всѣ, въ сущности, съ нетерпѣніемъ ожидали этого рѣшенія; всѣмъ казалось, что съ рѣшеніемъ и гора съ плечъ свалится, но на дѣлѣ не такъ вышло: гора съ плечъ не валилась. Всякій думалъ о своей роли въ задуманномъ дѣлѣ великомъ и о томъ, какъ бы животъ свой оберечь и дѣла не нарушить. Одинъ краснобай-Василій казался беззаботнымъ и пытался шутить съ товарищами. Но и въ его шуткахъ было что-то нервное, неспокойное.

Цѣль совѣщанія была достигнута, и личные, свои житейскіе интересы каждаго изъ заговорщиковъ стали выплывать наружу. Когда не стало больше поглотившей всѣхъ мысли объ общемъ дѣлѣ,—всѣ почему-то заторопились по домамъ, будто боялись, что вотъ-вотъ раздвинутся кусты и выглянутъ сыщики.

— Дай, Боже! дѣло до края довести!—сказалъ самый старшій изъ собесѣдниковъ и перекрестился на горѣвшія главы кремлевскихъ соборовъ.

— Дай, Боже, дай, Боже!—повторили за нимъ другіе и стали расходиться, выбираясь изъ оврага, кто наверхъ—на горы, кто внизъ—къ рѣкѣ.

Краснобай-Василій пошелъ вѣрхоиъ, черезъ Калужскую слободу, на Крымскій-бродъ. Ему приходилось идти почти черезъ всю Москву—въ Напрудное, что за Срѣтенкой. Онъ былъ доволенъ сегодняшнимъ совѣщаніемъ, доволенъ собою, своимъ дѣломъ. Его, пожалуй меньше, чѣмъ всякаго другаго, тревожила мысль о возможности неудачи, о томъ, что всѣ затѣи могутъ придти къ докончанью въ застѣнкѣ или на плахѣ. Да такіа мысли ему едва-ли и въ голову приходили. Послѣ бѣды—Василій захватило волной какой-то и повесло. И такимъ сильнымъ, гордымъ и храбрымъ чувствовалъ онъ себя теперь, такъ полна стала его жизнь—будто переродился онъ. Правда, въ его воодушевленіи было что-то нервное, болѣзненное, похожее на запой, на одурманиваніе самого себя, но это могли бы примѣтить только чьи-нибудь чужіе глаза, а не самъ онъ.

Передъ самымъ Рождествоиъ надъ Васиіемъ стрясался бѣда: сначала умеръ отъ какой-то лихой болѣсти ребенокъ—двухлѣтній мальчикъ, а за нимъ, черезъ нѣсколько дней,—и жена. Горе пришло Васиіа: онъ забросилъ свою лавку, какъ потерянный бродилъ по калужскимъ улицамъ, стараясь подольше не возвращаться къ себѣ—въ свою избу, которая стояла неприбранная, осиротѣлая, съ тѣхъ поръ какъ вынесли изъ нея два гроба.

Заглядывалъ Василій на кружечные дворы, пробовалъ пить, но иной разъ и вино не брало его, а во хмелю все мерещился голосъ жены и переливистый смѣхъ сынишки. Ходилъ онъ и къ самому протопопу соборному, и къ знахаркамъ—никто не могъ и не умѣлъ помочь ему, никто не зналъ, что ему слѣдовало сдѣлать надъ собой.

— Да возьми ты въ толкъ, отецъ,—съ тоской говорилъ онъ протопопу:—постыло мнѣ все стало, мысли идутъ недобрый, нечистый дукавыя слова шепчетъ денно и noctно... Куда дѣваться мнѣ?..

— Испушеніе отъ Господа Бога ниспосылаемо намъ многогрѣшнымъ бываетъ,—безучастнымъ, наставительнымъ голосомъ отвѣчалъ протопопъ.—Ежели мірская жизнь постыла тебѣ—Богу послужи, въ обитель святую иди, смиряйся...

Но въ словахъ протопопа Василій не чуялъ живого участія къ себѣ, и они звучали для него такъ же глухо, какъ будто онъ со стороны слышалъ ихъ, какъ будто не съ нимъ говорилъ протопопъ, а съ кѣмъ-то другимъ, съ чужимъ человѣкомъ.

И онъ не зналъ, что ему дѣлать, куда идти, чѣмъ жить. Одно зналъ онъ—и это было вѣрнѣе вѣрнаго,—что попржнему жить нельзя больше, не въ моготу, что надо сдѣлать что-нибудь надъ собой, затѣять такое дѣло, которое заставило бы забыть, разогнало бы думы, но такого дѣла онъ не видалъ вокругъ.

Оборванный, голодный, нищій бродяжка помогъ Василию такъ, какъ не могли помочь ни товарищи-кушцы, ни протопопъ, ни знахарки. У кружечнаго двора встрѣтилъ его Василій, разговорился, повѣдалъ ему кручину свою неисходную и разговорилъ его гуляка бездомовный.

Василій жилъ тою же жизнью, какою жили всѣ мелкіе и крупныя купцы калужскіе, его товарищи и сосѣди по гостинному двору. Сидѣлъ въ лавкѣ; продавалъ, покупалъ; вѣчно клялся и божился покупателямъ даже безъ особой нужды, обманывалъ ихъ постоянно и настойчиво копилъ деньги, упорно мечтая о томъ, какъ онъ разбогатѣетъ, переберется въ московскій гостинный дворъ, въ богатые купцы выйдетъ, ѣсть и пить будетъ на серебрѣ, какъ воевода какою-нибудь. И не столько самого его манило богатство, сколько хотѣлось ему видѣть въ холѣ и почетѣ жену съ наследникомъ. Чужое горе, чужая нужда не трогали его сердца; и не потому, чтобы онъ былъ скупъ, а просто потому, что и времени не было разводить руками на чужія горести, да и деньги проклятыя какъ-то незамѣтно полюбились ему. По цѣлымъ днямъ звенѣли онѣ въ его лавкѣ, зве-

вѣли у сосѣдей... Ихъ звонъ возвѣщалъ безбѣдную, счастливую жизнь, и мудро было не заслушаться его...

Гуляка бездомовный будто двери Василию распахнулъ на свѣтъ Божій, будто изъ подвала какого темнаго вывелъ его на улицу. Василій увидалъ вокругъ себя цѣлое море человѣческихъ мученій; увидалъ, сколько приходилось терпѣть и выносить тѣмъ самымъ сермяжнымъ покупателямъ, которыхъ онъ, купецъ, все хотѣлъ обмануть и прижать, передъ которыми онъ такъ лицемерно жалобился на дороговъ, на стѣсненья въ торговыхъ дѣлахъ, на „воровскія деньги“; изъ дыравыхъ нищенскихъ сумъ онъ норовилъ выманить лишній грошъ.

И вся прошлая его жизнь показалась ему такой нечестною, „не божескою“, что даже жутко и стыдно стало за самого себя, а тутъ еще вкрадчивый голосъ пробужденной совѣсти сталъ напештывать, что Богъ поваралъ его за такую жизнь, что самъ онъ—никто другой—виновникъ двухъ смертей, унесшихъ съ собою въ могилу весь смыслъ его жизни.

Съ недѣлю жилъ гуляка въ Васильевой избѣ, и за эту недѣлю вовсе другимъ человѣкомъ сталъ валужскій купецъ. „Нельзя такъ жить,—думалось ему и днемъ, и ночью, спросонокъ:—Мамону продался, ожесточился... Господи, помилуй!.. Да Богъ съ ней, съ жизнью такой, и съ деньгами; съ ѣдою сытной, избой теплой... Уйти, бросить все!“ Онъ не зналъ еще, куда пойдетъ и зачѣмъ, но рѣшенье покинуть родной городъ созрѣло очень быстро. Сначала какъ будто и жаль было: столько лѣтъ бился, деньги копилъ—и въ одночасье бросить все, по новому начать жить!.. Но желанье уйти на новыя мѣста, забыться, заморить себя на работѣ—одолѣло. Лавка съ избой была продана, кубышка, зарытая на дворѣ, опорожнена; часть денегъ пошла на поминъ, другую онъ взялъ съ собою.

Василій очутился въ Бѣлокаменной, отыскалъ ушедшаго туда раньше своего новаго друга и совѣтника. Москва была для валужскаго купца какимъ-то новымъ царствомъ,—такъ много невиданнаго и страннаго пришлось встрѣтить ему. Тамъ, въ Калугѣ, жили покойнѣе, смиреннѣе, тамъ и въ кабакахъ не слышано было такихъ дерзкихъ рѣчей, какія здѣсь велись на улицахъ. Василія поразила не роскошь московской жизни, не пышность царскихъ и боярскихъ выѣздовъ, не многолюдство даже. Его поразило то, что вокругъ постоянно били только несчастные люди, только мученики и страдальцы. Всѣ были недовольны, всѣмъ худо жилось, всѣ бились, какъ рыба объ ледъ, и ничего не могли подѣлать. Не было правды въ Москвѣ! Конечно, ея не было и

въ Калугѣ, но тамъ Василій не такъ замѣчалъ это, тамъ не было такого скопленія жалобщиковъ, какъ въ стольномъ городѣ, у царскихъ теремовъ, въ горницахъ приказовъ.

И когда Василій повялъ это—ему стало жутко.

Время шло; деньги скоро были прожиты, тѣмъ болѣе потому, что Василій охотно ссужалъ ихъ взаимъ новымъ знакомцамъ. Пришлось искать работы, а ея не было... И сама жизнь незамѣтно стала натравливать Василю на богатыхъ и сытыхъ, жирѣвшихъ со дня на день. Дороговизна жизненныхъ припасовъ обострила разницу между богатыми и нищими: одни лопались съ жиру, другіе—съ голода, и недовольство росло не у одного Василю. Гдѣ-то на самомъ днѣ московской пышной и разгульной жизни копошились какіе-то кроты, рылись въ землѣ, и только нелѣпные слухи да подметныя письма обнаруживали ихъ...

Василій сдѣлался однимъ изъ этихъ „кротовъ“. Московскій воздухъ, которымъ дышалъ онъ, московорѣцкая вода, которую онъ пилъ, московскій хлѣбъ, московское пиво—все было отравлено недовольствомъ и отравляло его.

У недовольныхъ и голодныхъ не было вожака: они не выбирали его, не искали и не ждали. Не было кремня, но трутъ тлѣлся, и ѣдкій, щекочущій дымокъ подбирался даже въ златоверхимъ теремамъ царскимъ, щекоталъ въ боярскихъ поздрахъ, какъ поганое зелье табачное... Но въ Замоскворѣчьи—по слободамъ жили рейтары, по Москвѣ—стрѣльцы; они могли затупить всякіе пожары, и подозрительный дымокъ почти не нарушалъ боярскаго покоя.

II.

Уже подъ вечеръ добрался Василій до своего шалапа въ Напрудномъ, на огородахъ купца Сѣдельникова.

Когда всѣ запасы Василю истощились, онъ послѣ долгихъ поисковъ нанялся въ сторожа, взявъ даже грошевую плату, прельщенный возможностью не разставаться съ новымъ своимъ пріятелемъ, который тайкомъ и жилъ у него въ шалашѣ.

Пробираясь между зеленѣвшихъ капустныхъ грядъ, Василій услышалъ тихое пѣніе пріятеля. Онъ любилъ пѣть по вечерамъ какія-то чужія, не-русскія пѣсни—жалобныя и протяжныя. Въ этихъ пѣсняхъ было что-то родное и для Василю: вспоминалась ему давно умершая мать, смутно вспоминались ея пѣсни—такія же протяжныя и заунывныя и тоже какъ будто не-русскія.

Этотъ пріятель былъ странный человѣкъ. Настоящаго имени

своего онъ не открылъ Василю, какъ ни былъ съ нимъ друженъ; мало рассказывалъ про себя, про прежнюю свою жизнь. Разъ какъ-то обмолвился онъ про литовскую сторону, да и то скоро замолкъ и перевелъ разговоръ на другое. Сначала все это очень занимало Василю; онъ всячески старался разговориться съ пріятелемъ по душамъ; довѣдаться, откуда онъ по-литовски говорить и писать даже выучился, но потомъ, видя полную безуспѣшность своихъ попытокъ, примирился. Пріятель назвалъ себя Павломъ, а больше ничего не хотѣлъ говорить про себя.

Много странностей было въ Павлѣ. Иной разъ, безъ видимой причины, онъ заводилъ вдругъ рѣчи про то, что хорошо бы бросить все затѣянное имъ дѣло, раздобыться гдѣ-нибудь чеканомъ, мѣдью и бить фальшивыя копейки.

— Погляди-ка, Милославскіе съ Шоринимъ деньжищъ сколько нажили на воровскихъ-то копейкахъ! Сундуки ломаются... Чтò цари—подѣлались, знатъ никого не знаютъ, самого дьявола не боятся, пьютъ да ѣдятъ себѣ вдосталь. А чѣмъ бы я хуже противъ ихъ былъ? Анъ, я, вишь, бездомовникъ, шатушій, а они—баре великіе... Мнѣ пинки да тычки, а имъ посулы всякіе, да поклоны поясные...

Дивился Василий на такія рѣчи—ушамъ не вѣрилъ, а Павелъ сидитъ себѣ на соломѣ и ухмыляется еще. А то другія рѣчи поведетъ и еще пуще тоску нагонитъ ими.

— Копошимся мы, ровно муравьи на муравейникѣ разоренномъ, письма по городу раскидываемъ, языками зубы колотимъ... А на чтò?.. Нѣшто люди того стоютъ?.. Поманить, скажемъ, царь, да и не царь—просто бояринъ, аль дворянинъ думный: всѣ бѣды свои забудетъ человекъ, опрометью, со всѣхъ ногъ кинется на зовъ... Для этакихъ-то мы съ тобой, дурни, животовъ не шадимъ, не спимъ, не ѣдимъ—все думушки думаемъ, какъ бы свѣтъ такъ повернуть, чтобъ жилось въ немъ легче. Правду хотимъ вызволить, да, ау, брать!.. Рожки да ножи отъ правды-то остались—собачья снѣдь, а говяды-то бояре поѣли и насъ не позвали... Невдомѣкъ, должно, было, аль недосужно...

И Павелъ смѣялся тихимъ, шипящимъ смѣхомъ, отъ котораго жутко становилось на огородахъ.

— Ну, какъ тебя Богъ носить?—привѣтствовалъ Василий Павелъ, сидѣвшій возлѣ шалаша и давню уже примѣтившій пробиравшагося домой друга.

— Порѣшили... Какъ ты сказывалъ, такъ все и вышло.

— Да ну? Ишь, откуда и прыть взялась!

— Порѣшили!—и Василий рассказалъ весь ходъ совѣщанія

на Воробьевыхъ-горахъ. Павелъ слушалъ молча и ничего не сказалъ, когда Васидій умоляетъ.

Солнце скрылось за деревьями; разомъ стало прохладнѣе и тише. Вдалекѣ, въ бархатистой дали зажегся одинокій огонекъ. Запоздалая птица, тяжело шумя крыльями, пролетѣла надъ огородомъ; откуда-то донесся обрывокъ пѣсни—веселой и пьяной...

На яркомъ вечернемъ небѣ будто рисованныя вырѣзались пазухи теремныя крыши, островочныя вышки съ кокошниками и затѣйливыя флюгарки коломенскаго дворца.

Ужъ отужинали во дворцѣ, но спать не ложились еще— послѣ знойнаго дня всѣмъ хотѣлось вволю надышаться вечернею прохладой. Царь сидѣлъ у распахнутаго окна и слушалъ мѣрное, пѣвучее чтеніе монаха по толстой книгѣ съ громадными застѣжками. Притихла и царица, и бояре ближніе, слушая наивную повѣсть о чьихъ-то бѣдахъ и страданіяхъ. Залетѣвшій въ горницу шмель гудѣлъ и бился на потолокъ; ночная бабочка виляла у зажженной свѣчи, пригибая въ разныя стороны ея острый, желтый огонекъ.

Почти на другомъ концѣ дворца, въ горницѣ тестя царскаго, Илья Данилыча Милославскаго, тоже свѣтился огонекъ и слышались тихіе голоса, но окошко было притворено: видно, чужихъ ушей опасались. За столомъ, покрытымъ дорогою камкой, сидѣло всего трое: хозяинъ горницы, московскій гость Шоринъ, да бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, воеводствовавшій на Москвѣ, за отсутствіемъ царя.

— Знамо, коли бы довѣдаться, и спать можно съ легкимъ духомъ,—задумчиво говорилъ Куракинъ.—Да не могли сыщени мои прознать толкомъ, въ какой день и часъ тому гилю быть...

— Все одно, хошь и знай—не обережешься. Гилю быть надлежитъ все одно, какъ нарыву. Нарываетъ, нарываетъ и лопнетъ, а какъ лопнѣтъ—всей болѣсти конецъ,—важно отозвался Илья Данилычъ, наливая въ тяжелые стаканы дорогого царскаго вина.—Много заботъ намъ Ртищевъ Петръ Михайлычъ сотворилъ съ затѣй своей, съ копейками мѣдными, а не будь ихъ—и того бы горше привелось. Гдѣ его, серебра-то, сыскать?.. Какъ воспрещенье вышло торговать гостямъ аглицкимъ—какъ отрѣзало...

Куракинъ молча, но выразительно поглядѣлъ на Милославскаго, какъ бы удивляясь его рѣчамъ, потомъ на Шорина.

— Сыскать бы анаему того, что листы строчить да раскидываетъ,—со вздохомъ сказалъ онъ.—Кажись, изъ своей бы мощны награду даль...

— Тебѣ что, Ѳеодоръ Ѳеодорычъ, у тебя деньжищъ-то куры не клюютъ, а я бы и копеечки ртищевской пожалѣлъ за писца этого.

— Какъ такъ?

— Да такъ ужъ... Намъ, брать, неча бояться, — ласково похлопывая по плечу Куракина, говорилъ Милославскій. — Хоть-бы и вся Москва гилемъ пошла, и то — отдышемся. Памятно, чай, какъ на Морозова поднялись — было, а что вышло? Укокошили Плещеева, Траханиота, да Чистого — только и всего. Ужъ коли мы царя не сдержимъ — кому-жъ и сдержатъ его? Чай, за насъ онъ станетъ, не за черный народъ. Что ему въ народъ-то?.. А безъ насъ — какъ безъ рукъ, не токма что царствомъ, а и селомъ однимъ не управитъ ему безъ насъ, безъ думныхъ-то людей... Людишекъ подлыхъ не жалѣтъ стать — лѣсовъ муромскихъ на висѣлицы не станетъ что-ль, аль дубовъ на плахи?..

Милославскій говорилъ съ такою увѣренностью, что невольно ободрился и Куракинъ.

— Отдышаться-то, Илья Данилычъ, вѣрно ты молвилъ — отдышемся, а все бы гилю избыть краше.

— Супротивъ сего кто говорить... А може съ гилемъ-то и складнѣе станетъ еще: буйновъ да голи кабацкой на Москвѣ поубавится, дышать вольготнѣе будетъ.

— Охъ, слушаю я васъ, бояре честные, а самого оторопь беретъ, — вмѣшался давно ужъ молчавшій Шоринъ. — Вамъ что, у васъ заступа великая, а мнѣ каково? Пятинной деньги не подарятъ черные люди...

— Какъ прослышишь что, въ Кремль бѣги, къ Ѳеодоръ-Ѳеодорычу. У него тамъ, какъ у самого Христа за пазухой.

— А товары, деньги?..

— Схорони до времени, коли такъ ужъ бѣжно... А по мнѣ — зря полошится вы. Мало рейтаръ на Москвѣ что-ль? Переловить горлановъ, пугнуть, чтобъ свѣту не взвидѣли — и гилю конецъ.

— Такъ-то оно такъ, а все подъ Богомъ ходимъ. Сказано: „ни вѣсте ни дня, ни часа“...

Долго еще шла бесѣда въ горницѣ у Милославскаго. Наконецъ, Куракинъ съ Шоринимъ уѣхали, сопровождаемые „на случай“ нѣсколькими стрѣльцами.

Илья Данилычъ съ облегченіемъ вздохнулъ, подошелъ къ окошку и раскрылъ его. Теперь ему нечего было опасаться до-сужихъ ушей — мыслей не подслушаешь.

Не показывая гостямъ вида, что его тревожатъ московскіе слухи, Милославскій притворялся. Онъ зналъ, что его имя не разъ будетъ названо гилевщиками; зналъ, сколько завистниковъ у него среди бояръ, готовыхъ всѣмъ воспользоваться, чтобы поколебать его вліяніе и власть. Правда, ему—царскому тестю—нечего было особенно бояться наговоровъ боярскихъ, да и сама опала не страшна ему была бы теперь, когда въ подвалахъ было свалено столько серебра,—но все-таки московскія затѣи раздражали его. Уѣзжая съ царемъ въ Коломенское, онъ громко твердилъ о необходимости отдохнуть за лѣтнимъ временемъ, силъ въ зимѣ набраться. Говорилъ онъ это не безъ нѣкоторыхъ соврѣнныхъ мыслей и причинъ и вдругъ—московскія волненія, подметныя письма, толки о гилѣ...

Бояринъ призадумался, обвиняемый ночью прохладой.

Огонекъ въ царской опочивальнѣ погасъ. „Тишайшему“ грезились тѣ праведники, о которыхъ читалъ монахъ; онъ переживалъ ихъ мученія и гоненія отъ нечестивыхъ язычниковъ; стоналъ и плакалъ во снѣ, просыпался въ холодномъ поту... Но въ переднемъ углу, у божницы, мирно горѣли лампы и тѣни колебались и ходили по потолку и стѣнамъ. Успокоенный, Алексѣй Михайловичъ снова засыпалъ...

III.

Душно; дышать нечѣмъ на пыльныхъ московскихъ улицахъ... Собаки—и тѣ въ тѣнь попрыгались.

Въ Ордынской слободѣ, за сѣвжей избой, собралось человекъ десять рейтаръ и среди нихъ барабанщикъ—Ивашка Савостьяновъ. Не боятся солдаты зоркаго глаза начальническаго: въ этакую жару, да послѣ обѣда еще, одно у всѣхъ на умѣ: вздремнуть часокъ. Да на случай у нихъ и уговоръ съ караульнымъ, что у избы стоять—подавать голосъ, коль завидитъ кого. Ивашка шопотомъ рассказываетъ про вчерашнее совѣщаніе на Воробьевѣ, и слушаютъ всѣ внимательно, слова не проронять.

— И приговорили, стало быть, чтобы въ пятницу въ обѣдню начинать, и чтобы всѣхъ охочихъ за правду стоять повѣстить... Да... А листъ, стало быть, подъ Китаемъ-городомъ навѣсать и честь учнуть всенародно, а какъ учтутъ—такъ идтить, молъ, съ листомъ тѣмъ къ самому, въ Коломенское, всѣмъ, какъ одинъ. Да...

— Замѣсто имениннаго пирога, выходить?..

— Да, а стоять всѣмъ мѣромъ на-крѣпко... Д-а-а...

— Заладила сорока: „да-а“, „да-а!“—передразнилъ кто-то рассказчика. — Чего тамъ „да-а“? Знамо, коли не стоять, въ раздробь идти—костей не соберешь...

— Жуткое-жъ дѣло завели! — боязливо проговорилъ одинъ изъ рейтаръ, поживаясь, будто отъ холода. — А маеоръ-то нашъ? Онъ что?

— Не маеорово дѣло это. Ему какая печаль? Чай, скоро полковникомъ станетъ: ему нужда царскую руку тянуть, изъ сторону держать... Маеоръ въ сторонѣ.

Рейтары, какъ и всѣ въ Москвѣ, знали о готовящемся гилѣ и сами готовы были идти объ руку съ гилевщиками: воровскія деньги не по душѣ были и имъ, какъ и всему бѣдному люду; а ихъ стѣсняла „дороговъ“.

Несмотря на томительный звонъ и духоту на Сѣдельниковскихъ огородахъ, въ убогомъ шалашѣ—кипѣла работа.

На большомъ обручѣ отъ какого-то пня Павелъ мастерилъ подметныя письма. Старое перо гнусаво поскрипывало и одна за другой лѣпились въ строки кривыя, хвостатыя буквы. Плохо писали разведенныя квасомъ чернила, плоха была и грязноватая, побурѣвшая бумага, но Павелъ мало беспокоился объ этомъ. Онъ улыбался иногда самъ себя, покачивая головой, закрывая глаза и прижимая руку съ перомъ къ губамъ, выдумывая новую фразу, новое обвиненіе противъ измѣнниковъ земли русской.

Павелъ писалъ красиво и скоро. Немало подметныхъ писемъ его работы хранилось уже въ Спсскомъ приказѣ; и старые, опытные дѣяки дивились красотѣ почерка и правильности письма.

— Экій дѣякъ бы славный вышелъ!—говорили они.—И латыню какъ писать, ровно вѣмчинъ. Поди-жъ ты, вотъ: золотой человекъ, а пропадаетъ, да еще дѣлами экими промышляетъ...

Городская жизнь шла своимъ чередомъ. Миновало время послѣобѣденнаго сна—ожили улицы.

Подъ Новинками изъ двора во дворъ шатался странникъ какой-то: запыленный, загорѣлый, съ сумой на спинѣ и длиннымъ посохомъ съ крестомъ въ корявыхъ рукахъ.

— Приспѣли тяжкія времена; ой, тяжкія!—причиталъ онъ чередъ любопытствующими слушателями.—Паства Господня сиротствуетъ; святыни московскія великія обездолены; отреченъ пастыръ великій... Приспѣлъ часъ нарощенья антихростова; нечестивые слуги его, яко львы рыкай, по землѣ рыскаютъ

христіанской, и мнози соблазнилися о немъ. Горе, горе! На монастырѣ у Алексія-угодника письмены сокровенныя на камене явились и вѣщаютъ годину бѣдствій неизрекомыхъ. Гладъ и трусъ за плечыи; дѣти восплачутъ о хлѣбѣ у отцовъ своихъ и не выплачутъ... И отъ того трусу, и гладу, и дороговѣ бѣзмѣрной великое множество душъ человѣческихъ погинетъ и запрудятся усопшими всѣ рѣки и всѣ озера, и отравятся всѣ воды земныя. И небеса огненными слезами восплачутъ, и гласъ трубный прослышится до нѣдръ земельных!..

Эти подчасъ несвязныя, но всегда грозныя пророчанія встрѣчала могильная, зловѣщая тишина среди слушателей, въ которой чувалось что-то напряженное, въ которой крылась, казалось, какая-то бѣда неминуемая, незримая еще, и тѣмъ болѣе ужасная. Непонятныя, полныя таинственныхъ намековъ, почти безумныя рѣчи странника были, однако, всѣмъ понятны, всѣ предчувствовали что-то.

Странникъ ввалъ всѣхъ, кто вѣруетъ въ истиннаго Бога, кто не хочетъ послужить антихристу и аггеламъ его—на бѣдѣ у деньгѣ пятинной у Троицы-въ-Листахъ, въ пятницу, въ обѣднѣ.

Какой-то человѣкъ въ лазоревомъ кафтанѣ, по виду—дьякъ, остановилъ-было странника, но тотъ вырвался и юркнулъ въ толпу, которая съ грозно-молчаливымъ видомъ заслонила его собою... Дьякъ выругался, постоялъ немного, потомъ, махнувъ рукою, ушелъ,—а странникъ продолжалъ переходить изъ двора во дворъ съ повѣстью объ аггелахъ антихристовыхъ и нечестивыхъ мѣдныхъ копейкахъ, запечатанныхъ его—антихристовой—печатью...

Еслибъ Куракинскіе сыщики захотѣли и могли разомъ заглянуть во всѣ дворы московскіе—не въ роскошныя терема, не въ каменные хоромы и палаты, а въ бѣдныя избушки, въ огородныя и иныя шалаши, подъ мосты и заборы, въ овраги и ямы,—они перепугались бы на смерть, увидавъ, какіе корни пустили подметныя письма, какія продерзостныя рѣчи передавали шопотомъ другъ другу и старыя, и молодыя...

Но сыщики, воспользовавшись лѣтнимъ временемъ и отсутствіемъ царя, мирно отдыхали. Изрѣдка, по вечерамъ, заходили они на кружечные дворы, прислушивались къ разговорамъ и—все напрасно. Дерзновенныя рѣчи коли и слышались, таѣ отъ пьяныхъ...

Покончивъ свое писанье и засунувъ въ уголъ чернильницу съ перомъ, Павелъ аккуратно сложилъ исписанные листки, сунулъ ихъ за пазуху, осторожно выглянулъ изъ шалаша и вышелъ.

По выцвѣтшему и пожелтѣвшему на горизонтѣ небу будто литыя изъ серебра лѣниво тянулись облака. Павелъ неторопливо шелъ по дорогѣ между огородовъ. Прохожіе попадались навстрѣчу не часто, да онъ и не привлекалъ вниманія. Бѣдноты да голи много было на Москвѣ, особливо въ нонѣшнія тяжкія времена. Павелъ думалъ о чемъ-то, и лицо его часто мѣнялось: то мрачнѣло, то веселѣло.

По мѣрѣ приближенія къ городу улицы оживали, а за Срѣтенскими воротами стало и вовсе людно и шумно. Павелъ стоворился встрѣтиться съ Василюмъ на Красной площади у Николаевскихъ воротъ. Когда онъ подходилъ къ воротамъ, Василій былъ тамъ уже; они тихо поговорили о чемъ-то и разошлись: Василій—въ Кремль, а Павелъ пошелъ внизъ по Тверской, въ Ямскія слободы.

Въ Кремлѣ было непривычно пустынно и тихо по причинѣ отсутствія царя. У теремовъ не толпились просители, не кричали стрѣльцы, разгоняя праздную толпу зѣвакъ.

Солнце склонялось на покой, когда Василій вышелъ изъ Земляного города и добрался до слободскихъ избушекъ. Въ тайной корчмѣ у тетки Соломонины сходились по вечерамъ разные люди. Просторная изба нерѣдко еле вмѣщала гостей, и не бывало еще случая, чтобы воровскіе глаза сыщиковъ подглядѣли поздній огонекъ сквозъ ставни. Да сыщики рѣдко и заглядывали въ эту довольно пустынную еще часть города.

Василій съ Павломъ давно уже странствовали по вечерамъ изъ корчмы въ корчму, повсюду вербуя сторонниковъ. Бывшій купецъ калужскій осторожно постучалъ въ ставень, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ мѣстными обычаями и порядками; его впустила сама толстая Соломонида, грубо проворчавъ, по привычѣ, какое-то привѣтствіе. Соломонида знала, что когда-нибудь да наврочутъ ее царскіе сыщики, но тайная торговля была такъ прибыльна, что корысть брала верхъ надъ опасностью.

Василій оглядѣлся и присѣлъ съ краю большого стола, за которымъ сидѣло уже нѣсколько человѣкъ гостей, попивавшихъ пиво, брагу, а иные—и меды изъ глиняныхъ кружекъ. Разговоры велись въ полголоса, почти шопотомъ; буйствовавшихъ и кричавшихъ пьяницъ немедленно выпроваживали куда-то дюжіе сыновья „цѣловальницы“, такъ какъ крикуны могли привлечь вниманіе прохожихъ.

— Слухъ ходитъ, ровно въ пятницу, у Троицы-въ-Листахъ, про пятинную, слышь, бесѣда будетъ, — говорилъ одинъ изъ гостей.

— Чужалъ и я про то, да вѣры не даю... Пронюхаютъ, разгонятъ, еще въ бѣду попадешь.

— А что-жь? Бѣдъ-то, говорится, семь, а отвѣтъ—одинъ.

— Взять-то съ насъ что? — нервнымъ голосомъ вмѣшался въ бесѣду Василій.—Крови человѣчьей и такъ вдосталь льется, а достатки наши—у кого и были, такъ сплыли давно. Серебру новѣ возврату къ намъ не стало; серебро къ серебру и тянетъ, а мы и съ мѣдью живемъ. Пухнемъ, маленечко, съ голоду, да бояре сказываютъ—въ пухлости красы больше.

Василій старался говорить шутками, но никто не смѣялся—такую злобой и ожесточеніемъ дышала его рѣчь, такъ грозенъ былъ его почти свистящій шопотъ. Гости поглядѣли на него внимательнѣе: иные боязливо, другіе—и этихъ было больше—съ явнымъ сочувствіемъ.

— Дурни мы—вотъ что!—продолжалъ Василій, невольно припоминая слова и обороты рѣчи своего „учителя“. — Бояре надъ нами верховодятъ, а мы ровно псы—руки имъ лижемъ, да хвостами виляемъ... Глядѣть мерзко! Съ голоду пухнемъ, а все виляемъ. Словно куры, ждемъ, авось—поманятъ, авось—крупицы, либо овсеца посыплотъ, да еще и „цыпъ-цыпъ“ сважутъ... Тьфу!

Гости молча прислушивались къ шопоту незнакомаго имъ человѣка, не первый разъ уже навѣщавшаго, однако, „теткивъ кабакъ“, какъ звалась у москвичей Соломонидина корчма.

— А что тутъ дѣлать-то? — тоскливо спросилъ одинъ изъ гостей, ни къ кому, собственно, не обращаясь.

— Что дѣлать? — подхватилъ Василій. — Не хвостами жъ вилять, да на Милославскую стряпуху облизываться... Эхъ, братцы роденькіе, нѣшто въ боярахъ сила?—внезапно перешелъ онъ на другой тонъ, задумчивый и вкрадчивый.—Нѣшто на боярскихъ шапкахъ земля стоитъ русская?.. Нами стоитъ она, други сердечные; нами—худородными людишками. Пойди мы сей же часъ, да сважи: „не хотимъ пятинной денъги платить, не хотимъ копеекъ мѣдныхъ, воровскихъ“...

— Прытокъ гораздо... Пойди-ка, сунься. Чего захотѣлъ!

— Одинъ не сунусъ, знамо. А коли всѣмъ міромъ?.. Коли ото всей земли русской челобитьемъ?

И Василій оглянулъ своихъ слушателей. Ничего нельзя было прочесть на ихъ угрюмыхъ, землистыхъ лицахъ.

— Что-жь молчите-то? Богъ-то Батюшка за кого станетъ: не за бояръ же? Не за разорителей нашихъ, Милославскихъ да Ртищева? Али за вупцовъ? За Шорина станетъ, за паука, что

кровь со всей земли сосеть, ровно аспидъ окаянный?.. Слыхали, чай, что въ листахъ-то писано и про кого, про чьи вины великія, про чьи измѣны?..

— Слыхали про листы-те. Кто-жь его вѣдаетъ—може, и брешутъ... А и не брешутъ, такъ все одно ни къ чему,—по-слышались голоса.

— А будь онъ прокляты, деньги тѣ анаемскія!—болѣзненно отозвался испитой парень, молча сидѣвшій въ углу и вслушивавшійся. Это восклицаніе вырвалось у него, повидимому, невольно. Онъ приостановился, какъ-то растерянно оглянулся, помедлил немного, перекрестился на образъ и внезапно упалъ на колѣни, на грязный полъ корчмы.

— Убейте меня, православные! Убейте анаему, хриstopродавца! Дѣлалъ, вѣдь, я, окаянный, деньги тѣ воровскія—въ подвалахъ у Шорина, на Сѣтуни, дѣлалъ... Чеканомъ билъ...

Это неожиданное признаніе всѣхъ ошеломило-было, но не надолго. Гости задвигались и грозно насунулись на ваявшася. Соломовидины сыновья были ужъ тутъ какъ тутъ и стали-между говорившимъ и гостями.

— Тише, ай забыли, гдѣ вы?... Ай, по плахѣ сосучились?—говорили они, боясь, какъ бы не поднялось кривовъ.

Ихъ сторону взялъ и Василій.

— Упаси Боже, братцы, тронуть его!—убѣдительнымъ голосомъ виѣшался онъ.—Кается человѣкъ, душу жагаетъ облегчить, а вы хватать его... Пусть кается, не уйдетъ—все одно... Казнить успѣемъ.

Не сразу согласились гости слушать исповѣдь парня, у многихъ руки чесались тутъ же прикончить предателя, но благо-разуміе все-таки одержало верхъ, да и Соломовидины богатыри не дали бы тронуть бѣднягу.

Парень рассказалъ исторію, въ которой по тѣмъ временамъ не было ничего необыкновеннаго. Съ появленіемъ мѣдныхъ копеекъ на Руси десятками тысячъ народились фальшиво-монетчики. Иные работали въ одиночку, иные съ пріятелями, а были и такіе предприимчивые люди, которые устраивали цѣлыя монетные дворы потайные. На одномъ изъ такихъ дворовъ и работалъ—съ голодухи—парень, да совѣсть его вѣзрила, бѣжалъ и прятался по Москвѣ, гдѣ день, гдѣ ночь.

Василій мигомъ сообразилъ и оцѣнилъ значеніе таковаго живого свидѣтеля противъ всѣмъ ненавистнаго Шорина—откушница пятинной денги,—и когда парень съ рыданіями кончилъ свою исповѣдь, Василій снова заговорилъ, не давая высказаться другимъ.

— Мало имъ, что землю въ конецъ разорили, лиходѣи. Хотятъ всю Русь-матушку панамъ польскимъ продать, латынь завести поганую. Понаѣдутъ дьяволы усастье на Москву, какъ въ лихолѣтье было; церкви святыя припечатаютъ, учнутъ въ вѣру свою жидовскую дѣтей нашихъ силкомъ крестить...

— Троеперстники, окаянцы!—проворчалъ кто-то.

— Мнѣ что? Я — бобыль-человѣкъ, сиротинна. „Одна голова — не бѣдна“, молвится. Робятокъ мнѣ жалче всего. Загубить ихъ душеньки ангельскія...

Когда Василій собрался уходить, отдавъ собесѣдникамъ одинъ изъ писанныхъ Павломъ листовъ, почти всѣ были на его сторонѣ и обѣщали придти въ пятницу на совѣтъ о пятинной деньгѣ...

Василій, подъ руководствомъ Павла, весь ушелъ въ новое для него и интересное дѣло. Сторонниковъ искать не приходилось — они были повсюду, — надо было только масла въ огонь подливать, раздувать тлѣвшій уже огонекъ.

Сыскное дѣло въ ту эпоху было плохо еще организовано, и бояре больше всего полагались на военную силу и особенно на вновь сформированные по иноземнымъ образцамъ коинные рейтарскіе полки. Съ тайными замыслами они не могли бороться, но и открытаго сопротивленія не боялись, по опыту зная, какъ легко подавлять народныя волненія.

Надѣялся на военную силу и московскій воевода князь Курякинъ, вызывавшій къ себѣ рейтарскихъ начальныхъ людей и наказывавшій имъ пуще глаза беречь свои полки отъ гилевщиковъ. На всякій случай, караулы въ Кремлѣ были усилены, а у рогатокъ строже опрашивали запоздалыхъ путниковъ.

Но „кроты“ умѣли обходить рогатки и караулы, если не подъ землей, такъ черезъ заборы и сады.

IV.

Насталъ, наконецъ, роковой день 25-го іюля 1662 года. По обычаю, рано утромъ завзвонили къ обѣднямъ въ церквахъ московскихъ и надъ просыпавшимся городомъ долго гудѣлъ и переливался нестройный шумъ этихъ призывныхъ голосовъ.

— Ну, дружище, приспѣлъ часъ нашъ!—торжественно сказалъ Павелъ своему сожителю. — Кажись, ничего не забыли, про все уговорились. Листъ наклею я на Лубянской площади, у Гребенской Божьей Матери; туда и иди съ народомъ... Поцѣлуемся,

братъ. Можетъ, и не свидимся больше... а можетъ, и на дыбахъ рядкомъ повиснемъ.

У Василя сердце сжалось при этихъ словахъ, и онъ съ упрямомъ взглянулъ на пріятеля.

— Али страшно стало? — насмѣшливо спросилъ тотъ, разгадавъ взглядъ Василя. — А жить не страшно? Съ голодухи помирать легче нѣшто?.. Не повдно еще — оставайся на огородахъ, коли страхъ забираетъ. Сторожи добро вупецкое — награду какую получишь, можетъ, за вѣрность... Коли кривдѣ присягалъ, ей и служи...

— Чтѣ ты, Христось надъ тобой! — испуганно воселикнулъ Василій. — Да развѣ я хотѣ словомъ... Нѣшто не добромъ шель за тобой, не своей волею?

— Шутки шучу я, не смекнулъ! — грубовато прервалъ его Павелъ. — Попомни, чтѣ молвлю тебѣ напоследокъ: одна дыба, братъ, у насъ на Руси волку можетъ дать человѣку. Замучать тебя, сдохнешь — и вольный станешь; а повуда живешь — все въ холопахъ ходишь... Да не во времени ласы точить-то... Прощай...

Павелъ молча и слегка дрожащими руками обнялъ товарища, молча поцѣловались они. Жутко стало Василю отъ поцѣлуя этого — будто не съ живымъ человѣкомъ цѣловался онъ, а съ покойникомъ прощался. Какое-то неясное предчувствіе защемило сердце, онъ — самъ еще толкомъ не зная почему — хотѣлъ кривнуть Павлу: „вернись, вернись!“ — но постыдился и не кривнулъ ничего, только долго и печально смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ подружился съ этимъ чуднымъ человѣкомъ, полюбилъ его всею душою, какъ брата. И ему казалось — неотвязно, неотступно, что Павлу не жить больше, что послѣдній разъ видѣлись они сегодня...

На лужайкѣ у церкви Троицы-въ-Листахъ собралось немало народу, по большей части бѣдно одѣтаго, въ рваныхъ рубахахъ, кафтанашвахъ въ накидеу, босикомъ. Бесѣда о пятинной деньгѣ шла вначалѣ чинно: одинъ говорилъ, остальные слушали, изрѣдка вставляя свои замѣчанія, но скоро заговорило разомъ нѣсколько человѣкъ, и шумъ усилился.

— Животовъ рѣшить насъ хотять! — визгливо выкрикивалъ чей-то голосъ, упрямо повторяя одну и ту же фразу.

— Окладчики посулы берутъ не по чести, лиходѣйничаютъ... Мѣдныя-те деньги вѣд какъ обнизались... Дороговъ стала, помирай хотѣ... Допрежъ человѣку мочно было алтынцымъ хлѣбомъ сыту быти, а нонѣ и на двадцать алтынъ съшь — такъ не дѣсыта. Жди, когда съ товару-то харчеваго цѣны сбудуть! До

царя идти, что-ль? Съ Милославскими, да съ Шоринными не сговорить... Челобитье, челобитье подавать!—гудѣло вокругъ.

Василій былъ здѣсь—въ толпѣ, возбужденный, почти не помнящій себя. Онъ пробовалъ говорить, но голосъ его часто обрывался и дрожалъ. Да говорунуовъ и безъ него много нашлось.

— На кой лядъ „ретары“ намъ! провались они, дармоѣды! Самимъ скоро жрать нечего ставеть, а на ихъ кормы пятину неси. Допрежь не важивалось того на Руси! Скудѣть серебромъ земля; бояре деньги собирають, да въ посуды льютъ...

— Айда, братцы, въ Кремль, къ воеводѣ!..

— Пожди, чего „айда“, а челобитье гдѣ? Слушайте его, дурня пѣтаго: Куракинъ-то—другъ намъ что-ль? *Самому* челобитье подать надобно, изъ рукъ въ руки...

— Стойте, братцы, стойте!—задыхаясь, вопилъ Василій какъ могъ громче, и съ ужасомъ сознавалъ, что его не слушаютъ, а, можетъ быть, и не слышать...

— Ляхамъ землю продають нашу, христіанскую! Бусурманить насъ хотять...

Толпа все росла и колыкалась изъ стороны въ сторону. Иногда крики стихали, и гулъ разговоровъ казался гуломъ морского прибоя. Подскакавшій-было въ толпѣ конный разѣздъ рейтаръ былъ встрѣченъ такъ неласково, что блюстителямъ порядка ничего не оставалось, какъ скакать въ Кремль, къ воеводѣ. Изъ оконъ сосѣднихъ домовъ выглядывали встревоженные лица женщинъ и дѣтей, кто-то плакалъ. Возбужденіе возрастало. Изъ церквей выходили привлеченные шумомъ богомольцы. Замѣшавшіеся въ толпѣ боярскіе холопы кричали и волновались пуще всѣхъ, хотя пятинной деньги имъ и не приходилось платить.

Василій поблѣднѣлъ. Какой-то новый, не винный хмель ударилъ ему въ голову и оыянилъ такъ, что онъ еле могъ на ногахъ держаться. Горло схватывали спазмы, внутри все тряслось и горѣло.

— Шорина надо!—хрипло выкрикнулъ онъ.—Сборщица пятиннаго на осину...

Сосѣди подивились на это искаженное злобой, почти нечеловѣческое лицо, и сами озлобились почему-то, будто ихъ разила болѣзненная злоба Василя.

И какъ шкваль пронеслась по этому взбаломученному морю принесенная прохожими съ Лубянки вѣсть, что подъ Китаемъ-городомъ народъ собирается у столба, а на столбѣ—письмо про измѣну Милославскихъ и Шорина.—„Павелъ, Павелъ навлеилъ!“—пронеслось въ мутившихся мысляхъ Василя, и онъ почти первымъ сталъ продирается изъ самой гущи толпы въ улицѣ.

— На Лубянку, на Лубянку, письмо честь! Вали!—заревѣло вокругъ, и толпа ринулась вверхъ по Срѣтенкѣ. Тучи пыли гнались за бѣжавшими, лаяли и видались собаки; какой-то вершникъ, захваченный людскимъ потокомъ, отчаянно бранился и поднималъ на дыбы своего жеребца.

— Свѣдомо намъ, кто деньги воровскія бьетъ... Тестюшка царскій жирѣетъ, что ни день... Съ Польши листы пришли и про Ртищева. Всю Русь-матушку по міру хотять пустить грабителей...

Изъ Кремля несся навстрѣчу бѣжавшимъ праздничный, безстрастный гулъ колоколовъ.

— Ишь, шальные, право, шальные!—сердито ворчала старушка съ клюкою въ рукѣ, когда мимо нея неслись любопытствующіе москвичи.—Паренекъ, а паренекъ!—ухватила она за полу одного изъ бѣжавшихъ.—По что люди бѣгутъ такъ?.. Ась?

— Да слышь, бабушка, листъ на Лубянкѣ про мѣдныя деньги расклеенъ.

— Листъ?.. Ой, грѣхъ какой?.. Поди-ка, листъ... А про что въ ѣмъ писано-то?..

Но паренекъ, вырвавшись отъ старухи, былъ уже далеко. Старуха покачала головой, но и сама побрела къ Кремлю, постукивая клюкой по высохшей землѣ.

Около столба въ рѣшеткѣ Гребенской церкви собралось ужъ видимо-невидимо народу. Въ самомъ дѣлѣ, на столбѣ бѣлѣлся исписанный лоскутокъ бумаги.

— „Измѣнники... Илья Давилычъ... Милославскій“,—не безъ труда читалъ по складамъ обдерганный подъячій, тараща подслѣповатые глаза.—Слышь, братцы, царевъ тестъ въ первую голову...—„Да окольный Теодоръ Михайловъ сынъ Ртищевъ“...

— Недаромъ и въ прочихъ листахъ его поминали!—кричали слушатели.

— „Да Иванъ Михайлычъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ“,—протяжно выкрикивалъ подъячій.

— А ну, читай, читай!

— Да все тутъ; ничего не писано больше.

— Врешь, приказная душа! Забоился, знать... Кто грамотъ, братцы, смыслить? Сызнова начинай...

И новый грамотей, еще болѣе запинаясь и вглядываясь въ буквы, принялся за чтеніе. Слушатели въ заднихъ рядахъ протискивались поближе къ столбу, переругиваясь и толкаясь.

— Снять бы листъ-ать, да въ Коломенское... Сунься, поди: спину-то расчешутъ. Отключку деньгамъ мѣднымъ пуцай даютъ.

Буде! завалили подвалы; до-сыта, до-пьяна крови христіанской налопались... Чего-для Матюшенинъ въ листѣ не писанъ — таковъ же воръ!..

И жилистые кулаки, яро освѣщенные солнцемъ, какъ ба-
рашки на морѣ, злобно выдвигались надъ толпой и трепетали
въ воздухѣ.

— Грабить дворы ихъ, треклятыхъ! Дворы грабить... гра-
бить! — неслись зловѣщіе, надрывающіеся крики. — Буде имъ лю-
товать-то, кровь-то нашу пить...

Пожаръ разгарался: безъ огнива, самъ собою вспыхнулъ
тлѣвшій трутъ. Какая-то ужасающая, сокрушительная волна
злой ненависти поднималась въ груди каждаго изъ „гилев-
щиковъ“, и не было силъ, не было и мысли даже противиться
ей — этой колоссальной, всеобщей волнѣ, затоплявшей разумъ и
высоко поднимавшей на своемъ гребнѣ все горе людское, всѣ
гоненія и обиды боярскія, всю московскую приказную неправду...

V.

Еще за обѣдней въ Успенскій соборъ проникла вѣсть, что
въ городѣ неблагополучно, и всѣхъ смутила: и молящихся, и ду-
ховенство, и пѣвчихъ. Какъ-то сразу тревожно стало въ соборѣ;
дрогнулъ голосъ у дьякона, тревожныя нотки звякнули въ пере-
лвахъ хора, и сами безстрастные ливы святыхъ, казалось, гля-
дѣли не то съ упрекомъ, не то съ испугомъ...

Федоръ Федоровичъ Куракинъ — какъ воевода — обезпокоился
пуще всѣхъ, но уйти ему изъ собора было невозможно и не-
безопасно даже. Сегодня царевна именинница; уйдешь — значить,
здравія ей не желаешь; а не уйти — тоже страшно: кто его знаетъ,
что по городу дѣлается...

Смутились и товарищи Куракина по воеводству: князь Ве-
лико-Гагинъ, Чоглоковъ — окольникій. Приключится что недоброе
— и имъ быть въ отвѣтъ, и ихъ не помилуютъ. Стоять они,
крестятся, поклоны бьютъ, а мысли у всѣхъ далеко отсюда...

Выручилъ всѣхъ поблѣвшій отъ страха дьякъ, пришедшій
докладывать, что прибѣжали изъ Земскаго приказу Семень Ларио-
новъ да сотникъ Пашка Григорьевъ съ государевымъ великимъ
дѣломъ. Появленію дьяка, хоть онъ и недобрую вѣсть принесъ,
всѣ обрадовались, особенно князь Куракинъ. Съ трудомъ про-
тискиваясь среди молящихся, выбрались они изъ собора, и ихъ
уходъ во время службы произвелъ немалое смятеніе.

У соборныхъ вратъ стояли Ларионовъ и Пашка — встревоженные, растерянные.

— Чтѣ, чтѣ стряслось? Сказывайте!

— Письмо... о дву-столбцахъ, вѣсломъ приклеено на столбѣ, — еле выговорилъ Пашка.

— Въ Золотую иди! — дрожащимъ голосомъ приказалъ Куравинъ. — И ты, Семень...

Въ Золотой палатѣ Пашка рассказалъ, чтѣ увидалъ на Лубянской площади.

— Коня бери, съ Семеномъ, вотъ, скачите, привозите письмо! — неуверенно приказалъ воевода. — Да Башмавовъ, дьякъ, пушай съ тобой скачетъ... Духомъ чтобы... Эка напасть! Сказывалъ, вѣдь, Ильѣ Данилычу, упреждалъ — и въ толкѣ не взялъ... Боже милосердный!

— Того-бы... Ѳеодоръ Ѳеодорычъ... Солдаты звать, отѣплять Кремль, — посоветовалъ Чоглоковъ, какъ-то странно, виновато ухмыляясь.

— Пожди, пожди — не разомъ. Перво-на-перво: царя повѣщать ли? День-то вѣтъ не такой — именинный день.

— По мнѣ: не повѣщать, — сказалъ Гагинъ. — Уймутся, може, какъ письмо симутъ...

— Чтѣ ты, чтѣ ты! — замахалъ руками воевода. — Гдѣ уняться... Чтѣ ты!..

Старый князь потерялся, какъ малый ребенокъ; будто не говорили про „гиль“ ежедневно, будто на него свалилась неожиданная, негаданная бѣда.

— Поповъ съ крестомъ въ нимъ выслать? — спрашивалъ онъ у товарищей. — Эко горе, Никона-то нѣтъ, патриарха...

Не успѣлъ еще Куравинъ и съ мыслями собраться, какъ въ палату вошелъ встревоженный полковникъ рейтарскій — Агѣй Шепелевъ.

— Прикажи, князь, съ полкомъ на Коломенское идти... Гиль учинился... худа бы не было какова государю... Да съ собой взять дозволю головъ стрѣлцкихъ, да Матвѣева Артамонъ-Сергѣича...

— Постой... Въ головѣ замутилось все, — вотъ бѣду послалъ Господь!

— Да время дорого, Ѳеодоръ Ѳеодорычъ...

— Самъ знаю, что дорого, да какъ пустить тебя, а здѣсь-то?.. Разбой-то кому унимать, гилевщиковъ ловить? О, Боже милосердный! И царя сомутишь: обѣденъ не дашь достоять.

— Какъ пустить, — подхватилъ князь Гагинъ, перетрусившій, казалось, больше всѣхъ. — Безъ царскаго указа не мочно...

— Ахъ, ты, Боже мой!—волновался Шепелевъ.— Нѣшто время указу ждать?.. Воля твоя, князь, а я отъ себя дошло въ Коломенское, Воейкова хоть, а доложить — боярина Стрѣшнева...

И Шепелевъ, недовольный медлительностью воеводы, вышелъ.

Пока Куравинъ съ товарищами совѣщался, какъ быть, Ларіоновъ съ Башмаковымъ и Пашкой Григорьевымъ примчались на залитую народомъ Лубянскую площадь. „Гилевщичи“ неохотно разступались передъ всадниками, но съ криками и ругательствами они добрались все-таки до столба, и Башмаковъ сорвалъ-было листъ.

— Стой, стой! Чего-для рвешь? Къ измѣнникамъ, чай, повезете, государя вѣдь нѣтъ на Москвѣ... Письмо всему міру надобно. Назадъ подавай, слышь...

— Православные, не дайте дѣлу загинуть! — вопилъ ражій дѣтина въ стрѣлцкомъ кафтанѣ. — Отвезутъ они письмо Ильѣ Данилычу, все дѣло изойдетъ... Держите ихъ...

Въ мгновенье стѣснили гонцовъ, и волей-неволей они должны были остановить лошадей.

— Чтѣ дѣлаете, чтѣ дѣлаете?—грозно кричалъ Ларіоновъ.

— А ты чтѣ дѣлаешь?.. Самъ, видно, измѣнникъ. Чай, серебра-те полны подвалы засыпаны. Пашка, дьяволовъ сынъ, доносчикъ, бери письмо! Бери!

Напуганный криками, Пашка выхватилъ письмо у Башмакова, и толпа отхлынула съ нимъ къ Лубянкѣ. Уничтожить листъ, какъ рассчитывалъ Куравинъ, не удалось, и, пожалуй, еще хуже вышло: листъ понесли по городу. Больше всѣхъ волновавшійся стрѣлецъ велъ Пашку за шиворотъ.

— Къ Θεодосію иди... Сызнова честь надобно!

У церкви Θεодосія стрѣлецъ, влѣзши на лавку, снова громко прочелъ письмо. Иные чуть не въ пятый разъ выслушивали его несложное содержаніе и все-таки волновались.

— Постоятъ надобно за дѣло правое, други! Ой, какъ постоятъ! Слыхано ли дѣло народъ христіанскій попамъ польскимъ продавать, безбожникамъ, латынщичкамъ мерзкимъ...

Снова тянулись вверхъ надъ ревущою толпою кулаки, дубины и даже нѣсколько бердышей.

Съ Лубянки пошли къ Земскому привазу и снова читали письмо. Толпа все прибывала и гомонъ не ослабѣвалъ. Были и новые сторонники „гилевщичковъ“, но больше просто любопытные, охотники до невиданныхъ зрѣлищъ. Всѣ рвались куда-то, толкались, давили другъ друга, и къ крикамъ ненависти скоро примѣшались и другіе крики—притиснутыхъ въ толпѣ людей.

У Земскаго приказа въ толпу замѣшались прибѣжавшіе изъ замоскворѣцкихъ слободъ рейтары, иные даже съ мушкетами. Барабанщикъ Ивашка Савостьяновъ, видно, не дремалъ. Какъ отзвонили къ евангелію въ церквахъ, онъ ударилъ въ барабанъ— и поднялась суматоха. Рейтары сбѣгались, не слушая старшихъ, и нестройными толпами повалили къ Кремлю.

— Посчитаемъ денежки въ Гостиномъ! Поглядимъ, кто серебро-то грабить, мѣдъ-то супротивъ серебра обнижаетъ!— кричали они на ходу.

Буря разыгрывалась не на шутку... Попавшій въ теченіе купецъ былъ осыпанъ градомъ язвительныхъ шутокъ и получилъ нѣсколько кулачныхъ ударовъ. Василія толпа носила за собою, какъ и многихъ другихъ. Въ горлѣ у него пересохло отъ жары; иногда ему казалось, будто онъ теряетъ сознание и вотъ-вотъ грохнется, но, притиснутый со всѣхъ сторонъ, онъ не могъ упасть, и отдышался кое-какъ стоя... Руководить толпой, какъ мечтали они съ Павломъ, было, разумѣется, невозможно. Они могли подбрасывать щепки въ занимавшійся костеръ, но не управлять огнемъ. Немолчный крикъ лишилъ Василія всякой возможности говорить, и онъ былъ теперь всецѣло во власти толпы. Но его желанія не шли въ разрѣзъ съ волею всей этой мятущейся и своими же криками одурманивающей себя фанатической толпы.

— Къ царю съ челобитной! Въ Коломенское! Въ Коломенское!—загудѣло и завывло вокругъ, какъ налетѣвшій ураганъ.

Письмо находилось въ рукахъ у „казеннаго“ человѣка—десятскаго Лучки Житкаго, которому приказалъ взять письмо Пашка Григорьевъ. Овруженный толпою, Лучка, снявъ шапку и положивъ въ нее порванный уже и захватанный лоскутокъ бумаги, торжественно выступалъ по срединѣ.

Улицы опустѣли,—будто татары награнули, какъ встарь, или Грозный царь гулялъ по городу со своей опричиной. Иные даже и ставни у домовъ закрыли, но изнутри, изъ горницъ, въ каждую щель смотрѣли чьи-нибудь глаза. Никто не рѣшался попадаться „гилевщикамъ“ на дорогѣ. Проходя мимо боярскихъ хоромъ, толпа изрыгала проклятія, изрѣдка летѣли и камни.

— Мало при самозванцихъ нажились, проклятые!—кричали отовсюду.—Поганымъ латынщикамъ землю русскую продать замыслили. Воровскія деньги пустили. Печатью антихристовой припечатали...

VI.

Солнце такъ и рвется въ оконца коломенской церкви. Переливаются и горятъ лучи его на ризахъ иконъ, на парчевыхъ кафтанахъ и самоцвѣтныхъ камняхъ. Идетъ обѣдня. Истоиво крестится царь въ тяжеломъ выходномъ нарядѣ; гудитъ и грохочетъ бась дьякона; какъ стеклышки звенять голоса пѣвчихъ. Именинница тоже усердно молится рядомъ съ матерью, окруженная нянюшками и мамушками.

Въ столовой палатѣ дворца, во второмъ этажѣ, кипитъ работа; кипитъ она въ кухнѣ и около кухни.

Истоиво крестится царь, но что-то мѣшаетъ ему молиться. Сны ли ночные—тяжелые все снились такіе—тревожатъ его, другія ли думы какія, но не идутъ на умъ слова молитвъ. Разобъгаются мысли, привязываются къ солнечнымъ зайчикамъ, къ жирному лицу дьяконскому—за все цѣпляются... Не можетъ молиться царь и сердитъ его немощь эта, а въ церкви все душевное становится—отъ свѣчъ и отъ ладана, а тяжелый парчевой кафтанъ давитъ будто каменный...

Искушаетъ лукавый царя: Иконъ ему вспоминается, соборы церковные, стадо овецъ духовныхъ безъ пастыря, служба церковная безъ благолѣпія, безъ патріарха. Невольно вглядывается онъ на сиротствующее мѣсто патріаршее въ церкви, и стыдно ему за мысли свои суетныя становится, усерднѣе крестится онъ, а когда складываются пальцы—невольно дуперстіе вспоминается.

Вонъ Милославскіе стоятъ, Хованскій, Ртищевъ, Стрѣшневъ... Почитай вся дума боярская въ соборѣ здѣсь. Куракина нѣтъ только—на Москвѣ онъ, у Успенья, чай, стоитъ...

И при воспоминаньи о Москвѣ царь припоминаетъ и тревожныя вѣсти про „гилю“, что будто готовится; про то, что мѣдныя копейки въ цѣнѣ обнижаются; что надо, по совѣсти—надо отличку имъ сдѣлать, что и впрямь разоренье отъ нихъ идетъ.

И подъ наплывомъ этихъ невеселыхъ думъ сама-собою горбится спина царя, еще тяжелѣе гнететъ выходной нарядъ. Выпрямляется „тишайшій“ и мимовольно падаетъ взоръ его въ распахнутое окно, на московскую дорогу...

Попритчилось что-ли?.. Чернѣетъ, будто народъ идетъ... Нѣтъ, не попритчилось—и впрямь идутъ! Дрожитъ рука у царя, безповойные огоньки пробѣгаютъ, ерадучись, въ глазахъ.

— Илья Давылычъ! — слышитъ вдругъ Милославскій тихій толосъ царя.—Глянь-ка въ окошко!

Зашумѣли, задвигались по церевви, остановилась служба, женщины заметались, заплакала напугавшаяся именинница.

— Гилевщики идутъ! — разнеслась по Коломенскому страшная вѣсть.

Царица съ отцомъ, царевичи, царевны, Ртищевъ — попрятались въ хоромахъ, у дверей стали бояре, головы стрѣлцкіе. Опустѣла церковь. Стрѣшяевъ съ думными боярами и дворянами — блѣдные — какъ на смерть пошли на встрѣчу. Смутился было и „тишайшій“, скорбная тѣнь промчалась по лицу, и оно на мгновенье стало суровымъ.

Служба возобновилась и пошла было своимъ чередомъ, но „гилевщики“ скоро добрались до церевви и не хотѣли слушать боярскихъ рѣчей. Алексѣй Михайловичъ понялъ, что безъ его присутствія дѣло не кончится, съ тоской взглянулъ на образа, перекрестился и, взявъ посохъ, вышелъ изъ церевви.

„Гилевщики“, красные отъ волненія и быстрого хода, стояли вокругъ церевви. Лучка Житкій все держалъ письмо на шапкѣ. Двери распахнулись: на паперть вышли рынды, стрѣльцы, нѣкоторые бояре и, наконецъ, самъ царь.

— Здравъ буди, царь-батюшка, на многія лѣта! — закричали изъ толпы.

— По что пришли? — какъ могъ спокойнѣе спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Съ челобитьемъ великимъ. Изволь, государь великій, письмо передъ миромъ вычестъ! — бойко проговорилъ одинъ изъ „гилевщиковъ“, взявъ у Лучки шапку съ письмомъ и поднося ее государю. — Повели измѣнниковъ предъ себя привести.

„Тишайшій“ неторопливо взялъ листъ и заглянулъ въ него, сощуривъ глаза.

— Ладно-ста. Идите по домамъ съ миромъ, — ласково проговорилъ онъ, складывая листъ. — Отойдетъ обѣдня, тотъ же часъ въ Москву буду. И въ томъ дѣлѣ сысъзъ учиню и указъ...

Толпа всколыхнулась.

— Знаемъ мы посулы эти! Не въ первѣй. Не обманешь! — зароптали „гилевщики“. — Великую тщету и погибель чинять Милославскіе бояре!

Стоявшіе у паперти — и въ ихъ числѣ Василій, — боясь, какъ бы не ушелъ царь, дерзко схватили его за самоцѣпныя, дорогія запоны, за кафтанъ.

— А вѣрить чему, что по слову учинишь своему? — послы-

шался настойчивый крикъ.— Вѣрить чему, что слова не нарушишь? Чему вѣрить?—отдавалось по толпѣ, какъ эхо по лѣсу.

Вздрогнувъ „тишайшій“, краска обѣжала съ лица: ему и обидно было слушать крики эти, и жутко какъ-то становилось.

— Богомъ клянусь на томъ!—крикнувъ онъ въ толпу.

Но толпа не успокоилась. Слишкомъ хорошо знали москвичи, какъ трудно бороться съ боярами, какъ трудно добиться правды, хоть и вѣрили въ государеву готовность защитить ихъ.

— Рукобיתе дай! Не погнушайся. Твой, вѣдь, мы. Руку дай на словѣ своемъ...

И эту уступку пришлось сдѣлать „тишайшему“.

— Давай руку!—тихо сказалъ онъ Василю, стоявшему почти рядомъ съ нимъ.

Василій трепетно повиновался и почти съ ужасомъ ощутилъ въ своей грязной рукѣ нѣжную и мягкую руку царя. Сердце такъ застучало, какъ барабанъ...

— Даемъ на словѣ нашемъ руку, какъ предъ Богомъ!— торжественно возгласилъ государь.

— Спасибо-ста! Вѣримъ, что не порушишь слова... Не загубишь насъ, хутородныхъ... Вѣримъ!—отозвались въ толпѣ.

— По домамъ, по домамъ, дѣти!—радостно закричалъ „тишайшій“, довольный, что дѣло улаживается.— Дайте обѣдню достоять, да имениннику проздравить.

— Проздравляемъ и мы тебя, государь великій... Дай, Боже, много лѣтъ здравствовать!

Царь отвѣсилъ поклонъ народу и, круто повернувшись, ушелъ, за нимъ—бояре, стрѣльцы, рынды.

Василій стоялъ, какъ ошпаренный. Ему казалось, что правая рука его горитъ огнемъ, что этимъ неожиданнымъ и нежеланнымъ привосновеніемъ къ царской рукѣ онъ продалъ себя боярамъ, что не смѣетъ теперь идти супротивъ царской воли...

Толпа стояла еще нѣкоторое время, видимо не зная, что дѣлать дальше. Никто не предполагалъ, чтобы дѣло кончилось такъ скоро; всѣмъ казалось, что царь будетъ „увливать“, выгораживать бояръ.

— Выпустили, воровы... Гдѣ онъ листъ-то? Растаяли отъ рѣчей царскихъ, ровно меду напились. Нѣ по-что и идти было!—ворчали недовольные.

— Что-жь, братцы, айда на Бѣлокаменную! Поспѣемъ дойти, покуда обѣдни идутъ—царя встрѣнемъ... Коли руку на словѣ далъ,—стало, не порушить,—слышались другіе голоса.

Но разумье недолго продолжалось—дѣлать въ Коломен-

скомъ нечего было больше. Толпа отхлынула отъ дворца и повернула назадъ. Ни одинъ изъ стрѣльцовъ не тронулъ ея. Вскорѣ „гилевщиковъ“ перегналъ на конѣ бояринъ Хованскій, начальникъ Сысѣннаго приказа.

— Посыланъ царемъ и государемъ всея Руси на Москву передъ собою! — прокричалъ онъ, пролетая мимо.

Эта вѣсть вызвала шумныя одобренія толпы, повѣрившей уже въ свою побѣду.

VII.

Съ уходомъ „гилевщиковъ“ въ Коломенское шумъ въ Москвѣ не прекратился. Въ Гостиномъ дворѣ буйствовали полупьяные рейтары Шепелевскаго полка. Они вривались въ лавки и гнали оттуда купцовъ съ приказчиками.

— Въ Коломенское идите, царю челомъ бить на измѣнниковъ! — кричали они. — Да всѣ, всѣ идите!.. Кто не пойдетъ своею волей — побивать будемъ!

Перепуганные купцы повиновались, запирали лавки и шли къ толпѣ.

Народъ окружилъ каменныя палаты Шорина и, какъ бы не рѣшаясь войти во дворъ, кричалъ и грозился.

— Чего тутъ! Ворота высаживай, а ну! — прокричалъ изо всей силы Павелъ и кинулся въ ворота.

Какъ ни вѣрны онъ были, но выдержать натиска не могли и рухнули во дворъ, увлекая за собою и людей изъ первыхъ рядовъ. На нихъ повалились вторые ряды, и въ мгновенье нѣсколько человекъ были раздавлены на смерть. „Гилевщики“ ворвались въ Шоринскія хоромы, но хозяина не могли найти... Онъ еще въ ночь укрылся въ Кремлѣ у князя Черкасскаго, а его холопы частью разбѣжались, частью сами были въ толпѣ и руководили поисками.

— Бей ему все, кровопійцѣ, круши, рѣжь! — захлебываясь, кричалъ Павелъ и первымъ швырнулъ въ окно какой-то рѣзной поставецъ.

Толпа озвѣрѣла. Добрались до подваловъ: денегъ въ нихъ не нашлось, но бочекъ съ ромашею, медами и ренскимъ было немало...

Вдругъ на дворѣ раздался пронзительный крикъ: на сѣновалѣ нашли пятнадцатилѣтняго сынишку Шорина и потащили его куда-то.

— Стой, стой, дьяволы!—заревѣлъ Павелъ, кидаясь къ мальчику.—Куда тянете? Стой, говорятъ!

— Ты что за указчикъ взялся? Сунься вотъ!..

— Дурачье вы, вороны безхвостыя!.. Мальченку въ Коломенское тянуть надобно: пуцай за отцовы вѣны винится. Куда, змѣнешь, тятю дѣвять? Ай отъѣхалъ?..

Мальчикъ озирался, какъ затравленный заяцъ, и не могъ ничего отвѣчать. Да онъ едва ли и понималъ, о чемъ его спрашивали.

— На Литву убѣгъ тятюка-то? Ась?..—допытывался Павелъ, сжимая плечи мальчика.

— На Литву!—безсмысленно повторилъ онъ.

— А, измѣнникъ проклятый, паукъ-кровопійца! — загудѣлъ вокругъ.

— Стойте, черти... Что жъ, тятюка-то, грамоты, чай, повезъ какія?.. А, повезъ?—допытывался Павелъ все тѣмъ же внушающимъ тономъ.

— Повезъ...—такъ же безсмысленно повторилъ дрожавшій купеческій сыночекъ.

— Что?—торжествующе кричалъ Павелъ.—А вы бить его хотѣли, послуха-то, свидѣтеля-то! Да мы съ нимъ-то измѣнниковъ какъ къ стѣнѣ припремъ—не пикнуть.

Изъ палаты доносился трескъ и звонъ, пьяные крики и пѣсни. Больше всѣхъ бушевали и безобразничали Шоринскіе холопы, знавшіе, гдѣ и что хранится. Казалось, они вымещали на барскомъ добрѣ всю свою злобу на хозяина, всѣ униженія, всѣ муки, какія привелось имъ претерпѣть. Отъ нихъ не отставали рейтары.

Какая-то таинственная и ужасная притягательная сила была во всемъ происходившемъ на московскихъ улицахъ. Нельзя было оставаться равнодушнымъ, пройти спокойно мимо... Никто не жалѣлъ гибнущаго боярскаго и купеческаго добра, не многіе хотѣли и присвоить его себѣ, но всѣмъ неудержимо хотѣлось чисто физической работы, хотѣлось бить, ломать, разрушать все, спазмы давили горла и выдавливали изъ нихъ дикіе, отчаянные крики звѣриной радости...

Темныя, разрушительныя силы, казалось, овладѣли москвичами. Такъ наболѣвшійся и изстрадавшійся человѣкъ, до послѣдней минуты терпѣвшій мученья въ надеждѣ на скорый конецъ ихъ, и вдругъ замѣтившій, что надежды этой нѣтъ болѣе, да и не было, и что онъ все время самъ себя обманывалъ,—внезапно становится звѣремъ, ему хочется все ломать, все уви-

чтожать вокругъ, лишь найти бы выходъ своей злобѣ, лишь забыться бы и пережить ужасную минуту полнаго отчаянiя... И чѣмъ дольше тянулись эти годы мученiй и испытанiй—тѣмъ ожесточеннѣе порывы злобы при пробужденiи, въ моментъ утраты послѣдней надежды...

Князь Хованскiй подсказалъ къ дому Шорина и закричалъ что-то, но его никто не слушалъ.

— Эй, бросьте, братцы!—кричалъ онъ.—Царь-батюшка спосылалъ меня сказать вамъ, что самъ нонче на Москву идетъ—сыскъ да управу чинить...

— Ты, бояринъ, человекъ добрый, намъ до тебя дѣла нѣтути!—кричали изъ толпы.—И службы твоей царю супротивъ короля польскаго немало. Пускай намъ царь головой измѣнниковъ выдастъ, что въ листахъ писаны...

— Да, вѣдь, безъ сыску нельзя жъ того.

— А насъ и безъ сыску можно? Насъ и на дыбу, и на плаху. Уходи, бояринъ, добромъ уходи... Поведемъ Шорина въ Коломенское, змѣнное отродье...

Хованскiй, убѣдившись въ бесполезности дальнѣйшихъ переговоровъ и встревоженный настроенiемъ толпы, поспазалъ обратно. За нимъ повалили и „гилевщичи“ съ Василиемъ Шориннымъ, который еле ногами ворочалъ отъ страха.

Въ Варварскихъ воротахъ толпа столкнулась съ какимъ-то мужикомъ, везшимъ въ телѣгѣ мѣшки съ мукою.

— Стой! Посадимъ купецкое отродье на телѣгу—не дотянетъ, гляди. Сомлѣлъ весь...

Какъ ни бранился мужикъ, мѣшки выбросили, и владѣльцу муки пришлось вести въ Коломенское сына откупщика. Толпа шла быстро. Среди разноцвѣтныхъ рубахъ все чаще мелькали рейтарскiе мундиры. Шли не одни простые солдаты, а и подпрапорщичи, даже—поручики. Москву какъ вихремъ вынесло на серпуховскую дорогу. Сторожа у заставы попытались было задержать „челобитчиковъ“, но ихъ никто и не слушалъ.

Почти слѣдомъ за толпой къ Серпуховской заставѣ подошла полурота слѣшенныхъ рейтаръ и расположилась на стоянку, выставивъ караулы. То же произошло и у другихъ заставъ: Куракинъ рѣшилъ запереть Москву.

Верстахъ въ четырехъ отъ Коломенскаго „гилевщичи“ встрѣтили возвращавшихся оттуда товарищей.

— Сынишку Шорина съ извѣтомъ про отца ведемъ! По что въспять идете?

— Рукобитье съ царемъ было. Чтобъ выдалъ измѣнниковъ. Слѣдомъ за нами ѣдетъ въ Москву. Вотъ онъ и рукобитчикъ!..

Павель вырвался изъ толпы и побѣжалъ къ Василю.

— Ты, ты?—задыхаясь, прохрипѣлъ онъ, хватая товарища за рукавъ рубахи.

Василій вдрогнулъ, но промолчалъ.

— Своихъ... себя самого царю продалъ! Купчишка поганый! Миръ продалъ, грошевая душа!—шипѣлъ Павель и самъ весь затрясся отъ охватившей его злобы.

Что-то больно ударило въ сердце Василю и защемило. На щекахъ заигралъ румянецъ, будто Павель не говорилъ, а билъ его по щекамъ.

— Самъ схватилъ... Не бѣжать было,—растерянно сказалъ онъ, невольно хватаясь за сердце.

— „Самъ схватилъ“! А будь ты проклять, анаема!—и Павель грубо толкнулъ Василя.

— Не давайте вѣры, православные, рукобитью! Сызнова пойдемъ—пускай Шоринова сына рѣчей слушаетъ... На то и рукобитье дадено, чтобъ воложита шла, а тѣмъ часомъ измѣнники изъ Москвы сбѣгутъ. Не вѣрете рукобитью!

Въ толпѣ заметались, завертѣлись. Многие изъ довольныхъ оборотомъ дѣла поняли, что слышомъ скоро сдались, что рукобитье—не порука въ правдѣ, что они невольно поддались обаянію царскаго величія, забывъ, что вокругъ „тишайшаго“ тучей стоятъ бояре и приказные, которые сумѣютъ повернуть рукобитье въ ту сторону, какая имъ нужна.

— Знамо, сбѣгутъ! Зря согласье давали на рукобитье. Нешто мы выбирали, кому бить-то? Може, сыщикъ кавой... Прихвостень боярскій!

Василій увидалъ вокругъ себя озлобленных, враждебныхъ лица и потерялся совершенно. Все происходившее было такимъ страннымъ и нелѣпнымъ, какъ тяжелый сонъ какой-то, кошмаръ. На него грозно надвигались, хватали за рукава, за плечи, дергали во всѣ стороны. Онъ не разбиралъ уже словъ, какія кричали со всѣхъ сторонъ... И разомъ все стало понятнымъ ему. Пропасть какая-то раскрылась подъ ногами. Онъ понялъ, что „гилевщики“ считаютъ его самого за измѣнника. Больно и обидно было сознавать это, но боль продолжалась мгновение и смѣнилась злобой. И „гилевщики“, и Павель стали ему вдругъ ненавистны: убилъ бы ихъ всѣхъ, кажется...

— Чего горланите!—задыхаясь отъ сердечной боли, крикнулъ

онъ, отбиваясь отъ наступающихъ.—Не я рукобитье выдумалъ! Сами орали...

— Ты вотъ какъ! Такъ-то поговариваешь?..

Толпа метнулась на Василія и прикрыла его. Смѣшались въ звѣриный потрясающій ревъ ея крики. Отчаянный вопль прорѣзалъ-было этотъ ревъ и потонулъ въ немъ... Стоявшіе въ заднихъ рядахъ напирали на переднихъ и кричали, чтобы шли скорѣе. Задвигалась телѣга съ Шоринымъ, и всѣ повернули въ Коломенское. На дорогѣ остался обезображенный до неузнаваемости трупъ. Мухи вились уже надъ нимъ въ пыльномъ воздухѣ...

Конные рейтары съ бояриномъ Стрѣшневымъ обогнали толпу, почуявшую уже кровь.

— Бей боярина, измѣнника! Бей!..

VIII.

Царь стоялъ у обѣдни въ опустѣвшей церкви, а бояре хлопотали, созывая стрѣлцкіе полки для охраны дворца. Царица съ дѣтьми, Милославскіе, Ртищевъ и Матюшкинъ не смѣли выйти изъ дальней горницы и сидѣли какъ на иголкахъ. Даже самъ Илья Данилычъ, еще недавно такъ увѣренно заявлявшій Куракину и Шорину, что имъ нечего бояться,—теперь казался напуганнымъ и все поглядывалъ въ оконце на московскую дорогу: не идутъ ли на выручку полки рейтарскіе, не послышится ли барабанный рокоть... По дорогѣ кучками и въ одиночку шли съ Москвы и на Москву разные люди, но рейтаръ и видно не было...

Наконецъ, обѣдня отошла и царь прошелъ въ столовую палату, гдѣ собрались уже бояре. Царь вошелъ смутный, встревоженный. Брови вздрагивали и глаза безпокойно бѣгали по сторонамъ.

— Ну, Ѳеодоръ Михайлычъ, да и ты, Илья Данилычъ, довели-таки!—желчно сказалъ онъ Ртищеву и Милославскому.—Дѣлать-то теперъ что будемъ?.. Кровь лить сызнова? Измѣнниковъ что-ль наказывать? Супротивъ совѣсти идти?..

Онъ сурово повачалъ головой, оглядывая кучку разряженныхъ по праздничному бояръ. Бояре молчали, не зная, что отвѣчать. Они видѣли волненіе царя, понимали его и начинали бояться чего-то. Иной разъ и съ „тишайшимъ“ бывало, что онъ шелъ наперекоръ всей думѣ боярской и ея мнѣнію. И тогда—въ такіи минуты—его ничѣмъ нельзя было остановить. Въ дверяхъ застыли холопы, недоумѣнно поглядывая то на царя, то на столы, накрытые къ обѣду.

— Одинъ я про все въ отвѣтъ. Одинъ! Чтò ни случись— все на меня. Чтò-жъ молчите, думные люди?.. Аль разумъ отшибло?.. Хороши совѣтчики!.. Чтò я съ народомъ-то подѣлаю теперь, безъ патріарха? Какъ уговаривать стану?

„Тишайшій“ говорилъ нервно, съ какою-то обидой въ голосъ, будто жалуясь. Онъ рѣдко сердился, но и у него бывали минуты такого раздраженія, когда онъ, не задумываясь, однимъ взмахомъ руки сотнями подписывалъ смертныя приговоры. Слово отчаяніе какое-то овладѣвало имъ при мысли, что вотъ онъ— великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, исконный доброжелатель своему народу—и безсиленъ управиться со зломъ, которое стелется откуда-то по всей землѣ, наперекоръ всему, всѣмъ заботамъ и думамъ. И нѣтъ иного средства вырвать это зло, кромѣ крови, цѣлыхъ кровавыхъ рѣкъ... Въ такія минуты имъ словно овладѣвалъ *кто-то*—безпощадный, кровожадный, вовсе недоступный гласу разума.

Смутно сознавалъ Алексѣй Михайловичъ, что этотъ *кто-то* близко около него стоитъ и теперь; старался сдержатъ себя, не дать *ему* воли; пытался молиться въ душѣ, чтобы *онъ* отошелъ, исчезъ, „яко дымъ отъ лица огня“.

Милославскій, превзмогая робость, прокашлялся и выступилъ впередъ.

— Прости мнѣ, скудоумному, государь великій,—сказалъ онъ несмѣло.—Не слѣдъ тебѣ, царю боговѣнчанному, Москву оставлять въ этое лихое время. Словомъ царскимъ милостивымъ надлежитъ утушатъ пожаръ сей...

— Все мнѣ! Все я долженъ!—раздражительно воскликнулъ царь.—Приказалъ вамъ лучшихъ людей допросить, размыслить, дабы дороговъ новѣшнюю умалить и общество-бъ христіанское безъ умаленія видѣть—ничего не подѣлали... Алчбы своей несытой и той не умѣрили,—добавилъ онъ, искоса взглядывая на тестя, потупившаго глаза при встрѣчѣ съ острымъ какъ игла взоромъ царя.—Вы грѣшите, а я въ отвѣтъ становлюсь за васъ предъ міромъ и предъ Богомъ... А коли васъ пошлю въ Москву... „гиль“ унимать?..

— Воля твоя, государь, всемилостивѣйшій!—униженно кланяясь, отвѣтилъ Милославскій.—Коли недовольство имѣешь вѣрною службою нашей и повелишь выдать насъ на муки—твоя на то воля... Дозволь только съ дочушкой любезной попроситься,—еще тише добавилъ онъ, очень рассчитывая на это упоминаніе о своей дочери-царицѣ.

И Милославскій не ошибся.

— Довольно!—крикнулъ царь и задумался.

Лицо его замѣтно омрачилось. Между бровей легли складки; ноздри задрожали.

— На Москву ѣду! Коня подать!—рѣшительно сказалъ онъ и пошелъ проститься съ женой и дѣтьми.

Царица—испуганная на смерть, дрожащая, блѣдная—вышла за „тишайшимъ“ въ столовую палату.

— Тяготы великія, возложенныя на ны Всевышнимъ, со смиреніемъ приемлемъ!—важно сказалъ царь кланявшимся ему въ поясъ боярамъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя и сильнымъ, и мудрымъ, когда вспомнилъ о своемъ санѣ...

Но царю не привелось уѣхать.

Когда онъ вышелъ на крыльцо, чтобы сѣсть на коня,—„гилевщани“ прихлынули уже ко дворцу. При видѣ несмѣтной, мятущейся толпы, лицо Алексѣя Михайловича передернулось и стало такимъ же суровымъ, какъ за минуту до того, при разговорахъ съ боярами.

— Сына измѣнникова изымали! Повели выслушать! Вотъ онъ, гляди!

Къ царю подвели трепещущаго Шорина. „Тишайшій“ пристально поглядѣлъ на него, и ему почему-то жаль стало этого мальчика, и злоба поднялась на эту буйную, жестокую толпу.

— Ну, сказывай!—сердито сказалъ онъ, нервно опираясь на груди и стукнувъ посохомъ.

— Не робѣй, паренекъ. Худа не будетъ тебѣ. Сказывай, куда отецъ-то отѣхалъ? Да ну! Чего захныкалъ?..

Сбиваясь и путаясь, стараясь припомнить, о чемъ твердили ему по дорогѣ въ Коломенское, мальчикъ началъ рассказывать про отца, какъ отѣхалъ онъ на Литву съ листами отъ бояръ московскихъ. Всѣ впились въ лицо Алексѣя Михайловича, будто хотѣли угадать, чтѣ онъ скажетъ, чтѣ сдѣлаетъ. По лицу царя видно было, что рассказъ Шорина достигалъ цѣли: лицо „тишайшаго“ становилось все суровѣе, углы губъ подергивались, глаза искоса окидывали взоромъ толпу, переминавшуюся съ ноги на ногу и тихо перешептывавшуюся.

Едва кончилъ говорить мальчикъ, какъ Павелъ закричалъ первымъ, а за нимъ подхватили и другіе.

— Головами выдай измѣнниковъ, государь! Выдай измѣнниковъ! Измѣнниковъ...

Царь гнѣвно застучалъ въ крыльцо своимъ посохомъ. Солнечные лучи брызнули и загорѣлись цвѣтными огнями на драгоценныхъ камняхъ его наряда.

— Я государь и царь вашъ и всея Руси! — сказалъ онъ нервнымъ, крикливымъ голосомъ, все больше раздражаясь. — Мое дѣло сыскать и вѣны разыскивать, кому по смыслу учинится. По домамъ ступайте. Сказано: не оставлю дѣла сего. Въ томъ сама царица съ дѣтьми моими порука... Чего-жъ вамъ?

Толпа всколыхнулась во второй разъ. Ненавидимые люди ускользали отъ нея, прятались за царскую спину, за царицу.

— Не дай погнѣуть намъ занапрасну! Не дай! — понесли неистовые, раздраженные крики. — Чего-для измѣнниковъ хорошишь? Добромъ отдавай ихъ! Не то сами возьмемъ. Своимъ обычаемъ...

Толпа надвигалась на крыльцо — взволнованная, ожесточившаяся; иные махали палками, сыпались ругательства, даже угрозы.

— Давай Милославскаго да Ртицева! Стрѣшнева Семку! Время измѣнниковъ побить...

— Сами возьмемъ... Краше добромъ выдавай! — кричалъ Павелъ, выброшенный толпою впередъ.

Шоринъ прижался къ периламъ крыльца и озирался съ ужасомъ. Царь колебался мгновенье, будто не зная еще, на что рѣшиться...

И вдругъ „тишайшій“ крикнулъ, и губы его задрожали:

— Бей ихъ, бей!

Стрѣлецкій голова взмахнулъ чекменемъ, и какой-то гилевщикъ тяжело рухнулъ на ступени крыльца, звонко стукнувшись о нихъ головою. Стрѣлцкіе и рейтарскіе полки, ждавшіе приказа, двинулись на гилевщиковъ со всѣхъ сторонъ.

Началось беспорядочное ужасное бѣгство. Убитые и задавленные преграждали путь; иныхъ хватали и вязали; иные толпились въ Москвѣ-рѣкѣ...

„Гиль“ окончился. Пойманныхъ преступниковъ отвезли въ Угрѣшскій монастырь — и начался сыскъ. Главнаго заводчика не нашли; Павелъ успѣлъ скрыться, да его никто и не зналъ; болѣе ста человекъ были жестоко наказаны.

Черезъ годъ — 11 іюня 1663 года — мѣднымъ деньгамъ дана была отлычка. Закрылись дворы „денежнаго мѣднаго дѣла“ въ Бѣлокаменной, во Псковѣ и Новгородѣ.

Викторъ Никольскій.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

— *Flammen*. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905 (E. Fleischl et Co).

I.

Когда приватъ-доцентъ философіи, Генрихъ Грабаусъ, вошелъ въ главную аудиторію университета, всѣ скамейки были уже вплотную заняты слушателями. Лѣтній семестръ закончился, и лекціи, которыя теперь читалъ Грабаусъ о классическомъ періодѣ нѣмецкой литературы, составляли каникулярный курсъ. Среди слушателей поэтому мало было студентовъ. Аудиторія состояла изъ представителей всевозможныхъ сословій—изъ богатыхъ рентьеровъ, офицеровъ, народныхъ учителей, даже нѣсколькихъ мастеровыхъ. Но больше всего было женщинъ.

Грабаусъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ высокой, нѣсколько неуклюжей юношеской фигурой, съ выразительнымъ, хотя не особенно красивымъ лицомъ, съ русыми, откинутыми назадъ волосами, высокимъ строгимъ и яснымъ лбомъ, изъ-подъ котораго выглядывали живые, нервно искрящіеся глаза; они часто мѣняли цвѣтъ, то свѣтлѣли, то темнѣли, иногда искрились огнемъ, иногда потухали, и тогда въ тихомъ задумчивомъ взглядѣ какъ будто отражались какіе-то далекіе, чуждые міры. Носъ у Грабауса былъ тонкій и острый, и подъ усами пепельнаго цвѣта обрисовывались мягкія линіи рта.

Грабаусъ снялъ шляпу съ широкими полями, повѣсилъ ее

на гвоздь, вошелъ на каеэдру и только-что хотѣлъ начать читать, какъ замѣтилъ въ пустой чернильницѣ, вставленной въ каеэдру, букетикъ фіалокъ, очень свѣжій и благоуханный. Очевидно, его туда положили передъ самой лекціей. Онъ невольно протянулъ руку къ цвѣтамъ, но, опомнившись, быстро отдернулъ ее... Раскрывъ свои записки, онъ началъ лекцію:

„Милостивые государи и милостивыя государыни, мы сегодня приступаемъ къ „Фаусту“ Гёте. Послѣ того, какъ я ввелъ васъ въ міръ, изобилующій сокровищами, указалъ вамъ на его красоты и глубины, на его созидательную мощь и этическій паеосъ, я уподобляюсь теперь тому сторожу закоддованнаго замка, который показалъ и освѣтилъ всѣ сокровища замка своему спутнику, снабженному волшебной лампой: онъ показалъ ему залы, наполненныя металлами, залы, гдѣ сверкалъ хрусталь, залы, полныя драгоценныхъ камней. Но передъ входомъ въ послѣднюю залу онъ велѣлъ ему затушить лампу и сказалъ, отрывая дверь: „Пади ницъ и дивись!“

— Милостивые государи и милостивыя государыни, то художественное произведеніе, къ которому мы теперь подходимъ, возвышается надъ всей художественной литературой своего времени, какъ гора, стоящая обособленно отъ цѣпи другихъ горъ. Такія горы образуютъ самостоятельную группу. Своимъ широкимъ и мощнымъ подножьемъ они поднимаются вверхъ изъ солнечныхъ долинъ, изобиліе земныхъ красотъ опоясываетъ ихъ середину, но вершина ихъ высится въ ясномъ зѣирѣ, въ надземной дали. Такъ и „Фаустъ“ стоитъ одиноко въ своемъ титаническомъ величіи. Его нельзя сравнить ни съ чѣмъ въ современной ему литературѣ. Цѣлое столѣтіе питалось имъ, онъ переведенъ на языки всѣхъ народовъ. И каждый разъ, когда приводятся слова изъ него, сердце бьется сильнѣе и чувствуется притокъ волшебной жизненной силы, какъ въ волнѣ воздуха, несущейся съ альпійскихъ высотъ. Разныя сословія, разнообразнѣйшія міровоззрѣнія пытались сдѣлать Фауста представителемъ именно своей истины. Но слишкомъ всеобъемлющій для каждаго въ отдѣльности, онъ является по существу выразителемъ всего современнаго человѣчества, освободившагося отъ средневѣковыхъ узъ, ставшаго самобытнымъ, но все-же не забывшаго наслѣдія минувшихъ временъ. Такъ, стоя по срединѣ между двумя различными эпохами, онъ включаетъ въ себя обѣ, сливая философію минувшаго съ философіей будущаго. Созданіе поэта, жизнь котораго была богаче и полнѣе чьей бы то ни было другой жизни въ мірѣ, Фаустъ включаетъ въ себя пол-

ноту бытія. Взвѣря на образъ Фауста, каждый узнаетъ въ немъ свои черты и свои ощущенія, только усиленные до безконечности. Но наиболѣе мощно звучитъ въ этой пѣснѣ о человѣчествѣ безудержность юности, старающей отъ избытка своихъ силъ. Ближе всего намъ Фаустъ-титанъ, Фаустъ-сверх-человѣкъ. Онъ живетъ въ душѣ каждого образованнаго культурнаго чело-вѣка нашихъ дней. Его любятъ, ему поклоняются, относительно него спорятъ, но онъ всегда остается неисчерпаемымъ. Да, милостивые государи и милостивыя государыни, цѣлая армія ученыхъ, болѣе вооруженныхъ знаніями, чѣмъ я, силилась вѣ-стить Фауста, его величіе, его красоту и глубину въ свои книги и дать ему цѣльное толкованіе. Но всѣ старанія были тщетны. Вы повѣрите поѣтому, что мнѣ болѣе всего хотѣлось бы ска-зать вамъ: „Падите ницъ и дивитесь. И дайте мнѣ часть ницъ вѣстѣ съ вами—и молчать“.

Въ зеленовато-золотистомъ полумракѣ липъ, простиравшихъ свои широкія вѣтви почти вплотную къ большимъ открытымъ окнамъ, щебетали и заливались разнообразныя птицы; съ пло-щадки доносился шумъ дѣтскихъ голосовъ, стулъ эвипажей и глухіе удары молотомъ каменщиковъ, чинившихъ мостовую. И несмотря на всѣ эти звуки, въ аудиторіи царилъ полная ти-шина. Слушатели сидѣли, не шевелясь. Напряженное вниманіе, съ которымъ они слѣдили за словами лектора, придавало всѣмъ этимъ столь различнымъ, молодымъ и старымъ, добродушно само-довольнымъ и мечтательнымъ лицамъ что-то общее и очень ха-рактерное. Каждая искорка духовнаго огня, таившаяся въ ду-шахъ слушателей, проявлялась въ этотъ часъ, придавая лицамъ отпечатокъ новой, затаенной до того, но пробудившейся теперь жизни. Больше всего измѣнилось лицо самаго лектора. Безпечное добродушіе смѣнилось выраженіемъ глубокой сосредоточенности. Въ эту минуту, когда онъ глядѣлъ прямо въ глаза каждому слу-шателю, онъ казался постарѣвшимъ на цѣлыя годы, и на чер-тахъ его отражалась затаенная тоска, душевное страданіе, скры-ваемое отъ людскихъ взоровъ.

„Хотя я пронивнуть сознаніемъ моего безсилія,—продолжалъ онъ,—хотя я знаю, что всѣми своими толкованіями не болѣе помогу вамъ заглянуть въ суть этого великаго произведенія, чѣмъ разбитый въ призмѣ лучъ солнца можетъ объяснить составъ солнца, все-же я попытаюсь изложить свои взгляды на „Фауста“ . Но прежде чѣмъ перейти къ самой поэмѣ, я постараюсь обри-совать душевное состояніе его творца, юнаго, пылкаго генія, въ моментъ возникновенія „Фауста“ ...

Когда на часахъ пробило шесть, слушателямъ показалось, что чья-то невидимая рука передвинула стрѣлку скорѣе чѣмъ слѣдовало. Они еще сидѣли, затаивъ дыханіе, когда лекторъ уже кончилъ чтеніе. Онъ сталъ спускаться съ кафедръ, и тогда аудиторія ожила, поднялся шумъ и топотъ, и въ глухому стуку сапогъ на двойныхъ подошвахъ примѣшивалось суетливое, быстрое приптываніе дамскихъ каблучковъ. Захлопывая рукопись, въ которую онъ лишь изрѣдка заглядывалъ во время чтенія, Грабаусъ ловкимъ движеніемъ положилъ между первыми листами поднесенный ему букетикъ фіалокъ. Послѣ того онъ вышелъ изъ аудиторіи, сопровождаемый шумомъ расходящейся толпы слушателей. На узкой улицѣ было очень оживленно въ этотъ прекрасный осенній день. Провинціальная толпа высыпала гулять. На тротуарахъ тѣснились офицеры, гремя саблями, женщины съ большими корзинами, гимназисты въ пестрыхъ шапочкахъ, съ дерзкими, уже какъ у студентовъ, лицами и группы хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Грабаусъ съ минутою постоялъ въ нерѣшительности. Онъ общалъ женѣ зайти за нею изъ университета и вмѣстѣ пойти гулять. Но эта перспектива не особенно ему улыбалась, и онъ рѣшилъ пойти гулять одинъ. У него было радостно на душѣ въ эту минуту. Какъ бы ни была безотраднa его мелкая, будничная жизнь, эти лекціи, въ которыя онъ могъ вложить все, чѣмъ полны были его душа и его умъ, вселяли въ него каждый разъ бодрость и энергію. Все, что онъ пробуждалъ въ своихъ слушателяхъ, вдвое сильнѣе кипѣло въ немъ самомъ; онъ чувствовалъ себя перенесеннымъ за предѣлы дѣйствительности, въ круговоротъ той мощной, безудержной и радостной эпохи, которую онъ воссоздавалъ передъ слушателями. Это время не казалось уже далекимъ прошлымъ, — ему представлялось, напротивъ того, что оно можетъ стать его близкимъ будущимъ, что онъ сможетъ порвать тысячи нитей, связывающихъ его съ дѣйствительностью, что у него появятся друзья — какъ ростки на весенней почкѣ, — что составитъ кружокъ восторженныхъ единомышленниковъ, и тогда все смутное въ его душѣ кристаллизуется и проявитъ себя. Давно уже онъ не чувствовалъ такого прилива силъ и надеждъ, какъ теперь, и былъ истинно счастливъ.

Вдругъ, собирався перейти рыночную площадь, Грабаусъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ рынка парочку, стоявшую передъ торговой фрутами: оба, и мужъ и жена, были маленькіе и толстые, оба были въ плащахъ, придававшихъ имъ еще болѣе безформенный видъ. Панталоны мужа и юбки жены были такъ

коротки, что обнажали до верху стоптанные сапоги на резинкахъ. Мужъ носилъ на широкомъ носу темные очки, бросавшіе синеватую тѣнь на его блѣдное, рыхлое лицо. Черная круглая борода доходила бы до глазъ, если бы часть щекъ не была выбрита. Въ одной рукѣ онъ держалъ допотопный зонтикъ, а другой схватился за большую пуговицу на плащѣ жены и теребилъ ее во всѣ стороны, безъ умолку что-то объясняя женѣ. Она все время кивала головой, можетъ быть въ знакъ согласія съ словами мужа, но, можетъ быть, только для того, чтобы показать ему, что слушаетъ его. Въ то же самое время она ѣла грушу и корчила при этомъ лицо въ кислую гримасу. Этимъ она, очевидно, давала понять, что груши далеко не такъ хороши, какъ утверждала торговка. На лицѣ толстой торговки, стоявшей у своихъ корзинокъ, отражалось изумленіе, смѣшанное съ гнѣвомъ. Она ничего не говорила, но по тому, какъ она пожимала плечами и переглядывалась съ торговками направо и налево, можно было догадаться объ ея отношеніи къ забавной и безцеремонной четѣ.

При видѣ смѣшной парочки Грабаусъ испуганно остановился, съ намѣреніемъ повернуться и скорѣе уйти въ другую сторону. Но толстая маленькая дама уже замѣтила его. Она бросила на землю остатокъ груши, тряхнула головой въ знакъ того, что покупка не можетъ состояться, и указала мужу на Грабауса. Последнему пришлось волей-неволей подойти ближе и выразить привѣтливой улыбкой свое удовольствіе по поводу неожиданной встрѣчи. Профессоръ—его фамилія была Вульманъ—поклонился молодому коллегѣ и сказалъ:

— Вы собираетесь погулять? Въ такомъ случаѣ я присоединяюсь къ вамъ. Мнѣ, встати, нужно было спросить васъ кое-о-чемъ.

Распроцавшись съ профессоршей, они продолжали путь вдвоемъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Грабаусъ сказалъ:

— Я долженъ вамъ признаться, что я еще не читалъ вашей статьи.

Профессоръ остановился и схватилъ своего спутника за пуговицу,—онъ всегда это дѣлалъ, точно боясь, что слушатель убѣжитъ отъ него.

— Не прочли? Ну, это ничего. Не думайте, что я собирался говорить съ вами именно о моей статьѣ. Къ тому же ее нельзя просто прочесть: она требуетъ изученія. Когда приметесь за нее—увидите, какъ трудно ее раскусить. Да, не одинъ изъ нашихъ дорогихъ коллегъ обломаетъ себѣ объ нее свои

гнилые зубы. Но расскажите мнѣ лучше, что вы подѣлываете? Заняты какой-нибудь опредѣленной работой? Напали на что-нибудь интересное?

— Кое-что намѣчается, — отвѣтил Грабаусъ, котораго раздражало это выспрашиваніе.

— Кое-что? Надѣюсь, что-нибудь вполне опредѣленное. Расскажите же. Я въ последнее время очень мало васъ вижу. Почему вы не показывааетесь? Вы знаете вѣдь, что я къ вамъ хорошо отношусь.

— Я въ этомъ увѣренъ, господинъ профессоръ.

— Такъ не нужно этого забывать. Я желаю вамъ только добра. Я интересуюсь лишь очень немногими; большинство, вѣдь, *homines minimantur, non sunt*. Я до нѣкоторой степени надѣюсь, — онъ остановился и, подойдя совсѣмъ близко къ своему собесѣднику, пристально взглянулъ ему въ лицо, — что вы когда-нибудь сдѣлаетесь моимъ преемникомъ.

Грабаусъ чувствовалъ, что ему нужно что-нибудь на это отвѣтить, но даже самое неопредѣленное выраженіе радости по поводу словъ профессора было бы съ его стороны ложью, и онъ не рѣшался на нее. Онъ только молча кивнулъ головой.

— Но почему вы такъ замыкаетесь въ себя? — продолжалъ профессоръ. — Если вы не успѣли прочесть мою статью — она у васъ уже цѣлую недѣлю, — то, очевидно, вы заняты были чтеніемъ какого-нибудь болѣе значительнаго произведенія? Что же это было?

„Если бы я ему сказалъ, что читалъ „Notre Coeur“ Мопассана, какъ бы этотъ крокъ вытаращилъ на меня глаза!“ — подумалъ Грабаусъ. Но ему не пришлось ничего отвѣтить, потому что въ ту же минуту профессоръ толкнулъ его въ бокъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Посмотрите, посмотрите, вы увидите сейчасъ нѣчто весьма интересное.

Навстрѣчу имъ шелъ человекъ внушительной наружности; несмотря на широкополую шляпу и широкій гавелекъ, въ осанкѣ его было нѣчто военное. Это былъ тайный совѣтникъ Тейкманъ, директоръ бактериологическаго института при университетѣ. Еще недавно онъ былъ простымъ штабнымъ врачомъ, но открылъ цѣлебную сыворотку и сдѣлался всемірной извѣстностью. Эксплоатация его открытія давала ему ежегодно цѣлое состояніе. Рядомъ съ нимъ шла его жена, молодая, красивая женщина изъ лучшаго общества.

При видѣ ихъ Вульманъ взялъ зонтикъ подъ мышку и за-

сунуль руки какъ можно глубже въ карманы сюртука. Съ неподвижнымъ лицомъ и съ такимъ взглядомъ, точно желалъ бы наслатъ на нихъ обоихъ чуму, онъ пошелъ имъ навстрѣчу. И только когда онъ увидалъ, что Тейхманъ приподнимаетъ шляпу, онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но, едва успѣвъ пройти нѣсколько шаговъ дальше, онъ схватилъ Грабауса за пуговицу и сказалъ потрясающимъ шопотомъ, какимъ говорятъ только на сценѣ:

— Вы видѣли, вы видѣли? Онъ первый намъ поклонился.

— Простите, господинъ профессоръ...

— Онъ первый мнѣ поклонился. Этотъ фактъ я желаю твердо установить. Хотя онъ шелъ съ дамой и долженъ былъ ждать моего поклона, онъ все-таки...

— Но, господинъ профессоръ...

— Онъ первый приподнял шляпу. Что изъ того, что правительство не постыдилось дать ему здѣсь каеэдру наперекоръ факультету? Самъ онъ все-таки увѣренъ въ своей ничтожности. Этакій лавочникъ! Дѣлать изъ науки аферу! Неучъ, фельдшеръ, Богъ вѣсть откуда взявшійся! Ему хотѣлось бы, чтобы мы простили ему его грязные миліоны. Поэтому онъ и пресмыкается передъ нами. Поэтому...

— Простите, господинъ профессоръ...

— Что? Развѣ это неправда? Вѣдь вы же сами были свидѣтелями. Развѣ вы не видѣли? Мы были еще въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, какъ онъ успѣшилъ снять шляпу.

— Да, но потому, что я ему первый поклонился.

— Вы? Вы первый поклонились этому человѣку?

— Конечно. Я его хорошо знаю, и я моложе его. Къ тому же...

Вульманъ передвинулъ очки съ носа на лобъ и поглядѣлъ на своего спутника прищуренными глазами. Послѣ послѣднихъ словъ Грабауса онъ надвинулъ шляпу на лобъ и быстро пошелъ впередъ. На минуту Грабаусъ остановился въ изумленіи и потомъ только ускорилъ шагъ, чтобы нагнать профессора.

Они шли нѣсколько времени молча, пока, наконецъ, Вульманъ снова не заговорилъ; для большей убѣдительности онъ пристукивалъ зонтикомъ о мостовую.

— Если бы и васъ не было со мной, онъ бы все-таки первый поклонился,—сказалъ онъ.—Нравственно, во всякомъ случаѣ, онъ униженъ, а не я.

Онъ опять быстро помчался впередъ и, наконецъ, въ концѣ улицы предложилъ повернуть обратно. Въ эту минуту имъ навстрѣчу вышла изъ боковой улицы веселая компанія молодыхъ

дѣвушка и молодыхъ людей, повидимому собравшихся на вечернюю прогулку. Они всѣ восторженно привѣтствовали Грабауса.

— Это еще кто такіе?—пробормоталъ Вульманъ.—Странные у васъ знакомые.

— Это слушатели моего каникулярнаго курса.

— Ну, ужъ этотъ каникулярный курсъ! Къ чему его за-тѣяли? И какъ это вы согласились читать?

— Эти лекціи, господинъ профессоръ, доставляютъ мнѣ глубокое наслажденіе. Я давно уже не переживалъ такихъ счастливыхъ часовъ,—часовъ, когда мнѣ кажется, что я дѣйствительно передаю слушателямъ живое содержаніе моихъ мыслей.

— Ну, а что же составляетъ содержаніе вашихъ лекцій во время семестра? Мнѣ было бы очень интересно знать.

— Объ этомъ я давно хотѣлъ съ вами поговорить,—отвѣтилъ Грабаусъ.—Когда я пріѣхалъ сюда, то прочелъ, если вы, можетъ быть, припомните, во второмъ семестрѣ курсъ о міросозерцаніи Шиллера. Слушателей у меня было столько, что не хватало мѣстъ въ аудиторіи. Но факультетъ далъ мнѣ понять, что выборъ мною подобныхъ темъ нежелателенъ.

— Да и дѣйствительно,—какое дѣло вамъ, философу, до поэта Шиллера?

— Ну, вотъ я и сталъ выбирать темы, болѣе отвѣчающія желаніямъ факультета.

— И болѣе полезныя для васъ самихъ.

— Можетъ быть. Но чтобы выразить все, что гѣснилось у меня въ душѣ, я началъ писать. Тогда мнѣ тоже заявили, что въ моихъ же собственныхъ интересахъ лучше прекратить всякую литературную дѣятельность.

— Неужели же вы думали, что появленіе вашего имени во всевозможныхъ ничтожныхъ, мнимо-научныхъ изданіяхъ производило хорошее впечатлѣніе? Этимъ вы могли добиться популярности въ большой публикѣ, но серьезности вашей ученой дѣятельности это не доказывало.

— Я бросилъ писать, сосредоточился на моей специальности и держался въ сторонѣ отъ всего другого. Но такъ какъ вы хорошо относитесь ко мнѣ, господинъ профессоръ, то я могу вамъ признаться, что я часто прихожу въ полное отчаяніе. Меня одолеваетъ мысли, и я чувствую потребность дѣлиться ими, претворять идеи въ воплощенное живое слово. А между тѣмъ, я фактически отрѣзанъ отъ всякаго общенія съ молодежью, на которую мнѣ именно и хочется болѣе всего вліять. Мнѣ зажали ротъ. Не знаю, понимаете ли вы, до чего я страдаю.

— Милый Грабаусъ, запрещеніе факультета принесетъ вамъ только пользу. Въ васъ все еще бродитъ и кипитъ, какъ во всякомъ человѣкѣ вашихъ лѣтъ. Но неужели вы думаете, что ваши теперешнія мысли уже настоящія, истинныя? Ничуть. Нужно, чтобы все улеглось, осѣло. Нужно пройти черезъ химическій процессъ разложенія. А уже то, что останется—этого будетъ весьма немного — можетъ быть и будетъ чѣмъ-нибудь заслуживающимъ вниманія.

— Продѣлать химическій процессъ разложенія!—съ горечью повторилъ Грабаусъ.—Другими словами, это значитъ покрѣпиться плѣсенью.

— Назвать это можно какъ угодно! — отвѣтилъ Вульманъ, тонъ котораго становился все болѣе и болѣе любовнымъ.—Я бы предпочелъ, однако, назвать это проясненіемъ. Хаосъ возрѣвній долженъ проясниться и создать нѣсколько вполне опредѣленныхъ, ясныхъ понятій. Только съ этихъ понятій и начинается наука.

— А по-моему понятія заключаются уже въ представленіяхъ, —довольно рѣзко возразилъ Грабаусъ.

— Вы думаете, что вашъ мозгъ иначе устроенъ, чѣмъ у другихъ? Нѣтъ, другъ мой, вы только еще очень молоды. Вамъ сколько лѣтъ? Недавно исполнилось тридцать? Такъ будьте довольны, что вамъ даютъ возможность еще учиться кое-чему. Учить всегда еще успѣете. Вообще, слѣдовало бы начинать учить только съ сѣдыми волосами.

— И мертвымъ сердцемъ?

— Конечно. Что общаго между сердцемъ и наукой? Наука сердца—ее вы сохраните для слушательницъ вашего канвулярнаго курса.

— А все-же, господинъ профессоръ, ни одна творческая мысль не создалась безъ участія сердца.

— Вотъ какъ?!

— И если вы съ этимъ не согласны, то это доказываетъ...

— Ну, что это доказываетъ?

— Доказываетъ, что вашего дарованія хватаетъ для изслѣдованія чужихъ мыслей, но что у васъ нѣтъ ни одной собственной, оригинальной мысли.

— Что?

Держа зонтикъ горизонтально подъ мышкой, сложивъ руки на животѣ, маленький, толстый профессоръ глядѣлъ съ открытымъ ртомъ на своего спутника, который былъ на голову выше его.

— Простите меня за отвѣченность, господинъ профессоръ, —пробормоталъ Грабаусъ.

— Таъ воть какво ваше уваженіе ко мнѣ! — крикнулъ профессоръ и порывисто схватилъ его за пуговицу, но тотчасъ же отпустилъ, или не считая нужнымъ его удерживать, или же чтобы показать, какъ велико его отвращеніе. — Таъ говорить со мной человѣкъ, который представился факультету, какъ мой ученикъ? Сегодня, по крайней мѣрѣ, вы откровенны—за это и я отвѣчу вамъ столь же откровенно. Даю вамъ честное слово, что пока я живъ, пока мое слово имѣетъ хотя малѣйшій вѣсъ у факультета, до тѣхъ поръ для васъ не очистится здѣсь кафедра. Поняли? Прощайте.

Съ этими словами онъ убѣжалъ, и Грабаусъ поглядѣлъ ему вслѣдъ удивленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Но потомъ онъ вздохнулъ полной грудью. Все-таки сцена съ профессоромъ облегчила его душу.

Когда Грабаусъ вернулся домой, онъ тихо прошелъ мимо дѣтской, изъ которой доносился голосъ его жены, и прошелъ къ себѣ въ комнату. Ему хотѣлось быть одному.

Онъ былъ въ очень странномъ, двойственномъ настроеніи. Теперь, вспоминая весь разговоръ съ Вульманомъ, онъ чувствовалъ, что его рѣзкая отвѣдь была въ высшей степени неумѣстной. „Безсмысленный поступокъ!“ — подумалъ онъ. Но его внутреннее чувство ясно понимало смыслъ и необходимость этого поступка, хотя не могло привести ясныхъ доводовъ. „Что я выигралъ?“ — спрашивалъ одинъ голосъ. — „Но что ты потерялъ?“ — возражалъ другой. — По крайней мѣрѣ, теперь все ясно и нужно только обдумать, что будетъ дальше.

Пять лѣтъ тому назадъ, молодой докторъ философіи, Генрихъ Грабаусъ, явился къ ординарному профессору Вульману, у котораго онъ слушалъ нѣсколько семестровъ, съ просьбой помочь ему получить доцентуру. Вульманъ не былъ первымъ профессоромъ, къ которому обращался Грабаусъ. Онъ сначала пробовалъ счастья въ другихъ большихъ университетахъ. Съ наивной увѣренностью человѣка, движимаго силой своихъ убѣжденій, онъ шелъ къ разнымъ знаменитымъ профессорамъ, убѣжденный, что его встрѣтятъ какъ друга и собрата въ борьбѣ. Но встрѣча была самая непривѣтливая. Къ нему всюду относились какъ къ пассажиру, нагруженному багажемъ, который садится ночью въ переполненное купе. Тотъ фактъ, что въ своихъ трудахъ, — въ особенности въ главномъ своемъ произведеніи „Происхожденіе философіи“, — онъ пытался дать многому новую оцѣнку, очевидно, вызывалъ недовѣріе къ нему. Когда Грабаусъ явился къ Вуль-

ману, онъ уже былъ болѣе опытенъ и сдержанъ. Вначалѣ они ладили, причѣмъ каждый слышалъ въ словахъ другого только то, что хотѣлъ. Но скоро начались несогласія, создаваемые кореннымъ различіемъ ихъ натуръ. Ученая репутація Вульмана создана была, главнымъ образомъ, его трудами по исторіи философіи. Онъ обладалъ громадной эрудиціей, зналъ свой предметъ до мельчайшихъ подробностей и закоулковъ, но былъ при этомъ полной бездарностью, лишенной всякаго творческаго таланта. Искусство его заключалось въ умѣнии прослѣживать развитіе идей, начиная отъ ихъ египетскихъ, ассирійскихъ и индійскихъ источниковъ и въ самыхъ темныхъ и едва замѣтныхъ ихъ проявленіяхъ въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи. Но никогда этому труженнику, работавшему на подобіе крота въ темотѣ, не сіялъ свѣточъ самобытной мысли; онъ даже никогда внутренно не переживалъ чужой мысли, дѣлая ее тѣмъ самымъ своею, и сердце его не знало того радостнаго внутренняго успокоенія, которое составляетъ лучшую награду всякаго философа. Мучимый, какъ всѣ ограниченные, несвободные люди, жаждой внѣшнихъ почестей и отличій, которыя возвысили бы его въ его собственныхъ глазахъ, онъ былъ мелкимъ интриганомъ и тираномъ. Съ профессорами другихъ факультетовъ онъ былъ въ ссорѣ, обвиняя ихъ въ томъ, что они нарочно не даютъ ему хода, а къ своимъ непосредственнымъ коллегамъ и бывшимъ ученикамъ относился деспотически. Это положеніе папы, диктующаго законы, онъ захотѣлъ занять и относительно Грабауса. Но когда онъ увидѣлъ, что молодой лекторъ идетъ собственными путями, онъ сталъ его обуздывать подъ маской доброжелательства. Въ концѣ концовъ, весь факультетъ ополчился противъ молодого ученаго, которому оставалось или подчиниться, или совершенно отказаться отъ дальнѣйшей профессорской карьеры. Пять лѣтъ онъ подчинялся и подавлялъ въ себѣ притокъ живыхъ силъ, дѣлая это терпѣливо, какъ человѣкъ, который чувствуетъ свой внутренній ростъ и знаетъ, что его время придетъ. Но жажда его становилась все болѣе пламенной, все настойчивѣе хотѣлось ему быть самимъ собой. И вдругъ сегодня онъ однимъ неосторожнымъ словомъ уничтожилъ плоды долгаго ожиданія. Но тѣмъ больше онъ обдумывалъ свой поступокъ, тѣмъ менѣе онъ раскаявался въ немъ. Ему уже было странно не то, что онъ, наконецъ, порвалъ съ Вульманомъ, а то, что онъ такъ долго подчинялся его гнету. Но что теперь предпринять? Самыя разнообразныя картины будущаго возникали въ его воображеніи.

Не долго, однако, длились его одинокія размышленія. Дверь

съ шумомъ раскрылась и въ комнату вошла его жена. Она, очевидно, не предполагала, что онъ здѣсь, и была крайне удивлена, увидавъ его.

— Какъ, ты вернулся? А я сижу и поджидаю тебя. Вѣдь ты обѣщаль зайти за мной,—сказала она съ легкимъ уворомъ. — Неужели ты гулялъ одинъ?

— Не сердись, дорогая. Я былъ сегодня такъ взволнованъ, что мнѣ хотѣлось остаться одному.

— Какъ это мило! А обо мнѣ ты не подумалъ. Противный папочка! Папа злой, папа злой, моя крошка! — прибавила она, обращаясь къ четырехлѣтней толстой дѣвочкѣ, которая прибѣжала вслѣдъ за нею вмѣстѣ со своимъ младшимъ братцемъ.

— Такъ ты гулялъ одинъ? Держу пари, что въ тебѣ опять приставала какая-нибудь слушательница съ разспросами и разговорами. Поэтому ты вѣрно и забылъ про меня,—жена въ такихъ случаяхъ лишняя.

— Богъ съ тобой! Ничего подобнаго не было! — возразилъ Грабаусъ.

— Я увѣрена, что ты прочелъ еще одну лекцію съ глазу на глазъ.

Ревнивые мужья часто мучатъ своихъ женъ бурными сценами,—женская ревность проявляется болѣею частью въ непрерывныхъ мелкихъ уколахъ. Констанція Грабаусъ принадлежала къ числу женщинъ, ревность которыхъ не знаетъ предѣловъ. При всей своей природной трезвости и холодности, она становилась совершенно невмѣняемой въ своемъ страхѣ потерять мужа. По всякому, самому невинному поводу и часто даже безъ всякаго основанія она принималась мучить его намеками. Самому безразличному разговору она придавала тогда оборотъ, ведущій къ этой цѣли. Грабаусъ мирился съ этой слабостью своей жены, какъ съ неизбежнымъ слѣдствіемъ ея любви и преданности ему. Но съ годами онъ все больше и больше страдалъ отъ ея намековъ и придировокъ, какъ отъ ноющей зубной боли, которая можетъ своей длительностью болѣе измучить, чѣмъ самая страшная, но быстро проходящая боль. Онъ тщательно избѣгалъ поэтому говорить съ женой о другихъ женщинахъ.

Крошка, названная при крещеніи Елизаветой, но отъликаяшаяся на всевозможныя имена, кромѣ этого, — сдѣлала тѣмъ временемъ нападеніе на столъ. Она чувствовала особое влеченіе ко всему, связанному съ писаніемъ, и въ особенности любила рукописи своего отца. Теперь она схватила вучку разрозненныхъ листовъ и теребила ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхомъ.

— Ахъ, крошка, ты мнѣ всю эстетику считаешь. Подейди къ папѣ! Сядь-ко мнѣ на колѣни!

Дѣвочка послушалась и почувствовала себя наверху блаженства, когда отецъ далъ ей листокъ чистой бумаги и позволилъ водить карандашемъ по немъ.

— Не сердись же, дорогая,—обратился Грабаусъ къ женѣ. —Если хочешь, мы пойдемъ гулять послѣ ужина.

— Послѣ ужина? Въ темнотѣ? Нѣтъ, къ вечеру я слишкомъ устаю, чтобы еще ходить. Отложимъ на завтра. А все-таки, съ твоей стороны была гадость не зайти за мной. Правда, папа гадкій? Гадкій?

Дѣвочка серьезно поглядѣла на отца и нахмурила лобъ. Но мальчикъ прибѣжалъ съ другой стороны комнаты и тоже вмѣшался въ судъ надъ отцомъ.

— Нѣтъ, папа холошій! Папа-пай, папа-пай! — закричалъ онъ, картавя и протягивая руки отцу.

Родители разсмѣялись.

— Ахъ, ты, дерзкій мальчишка!—воскликнула мать и взяла на руки маленькаго сына. — Уже начинается ваша противная мужская солидарность.

— Ты, кажется, начинаешь ревновать и сына?

— Ревновать?—презрительно сказала Констанція. —Еслибы я была ревнива...

— Ну, знаешь ли...

— У меня не было бы спокойнаго часа. Вотъ, напримѣръ, то, что получено сегодня... Впрочемъ, нѣтъ, это—сюрпризъ. Объ этомъ ты только завтра узнаешь.

— Что такое случилось?

— Сегодня я не скажу. Ты долженъ быть наказанъ.

— Ну, скажи, дорогая! Ты вѣдь знаешь, что мы, мужчины, страшно любопытны. Впрочемъ...

Онъ не кончилъ начатой фразы, но жена его уже обезпечилась.

— Что значить „впрочемъ“? У тебя тоже какой-нибудь сюрпризъ для меня? Что-нибудь неприятное? Скажи!

— Нѣтъ, ничего.

— Тебѣ вернули твою статью? Или Вульманъ сказалъ что-нибудь? Есть надежда на повышение?

— Ничего новаго нѣтъ. Мы потомъ потолкуемъ. Сначала скажи о твоёмъ сюрпризѣ.

Констанція вынула изъ кармана письмо.

— Вотъ, прочти,—только не слишкомъ зазнавайся. Да, еслибы я была ревнива... Ревнивая жена давно бы сожгла такое письмо.

Не слушая ея, Грабаусъ сталъ читать письмо. Оно было отъ молодой или, вѣрнѣе, уже немолодой дѣвушки, которая благодарила его за его лекціи, оказавшія на нее благотворное вліяніе. Письмо было очень восторженное, и все-таки писавшая его сумѣла найти искреннія и въ то же время тонкія, умныя слова для изображенія своего прежняго безотраднато, одинокаго существованія и своего повышеннаго, радостнаго настроенія теперь: она почувствовала, что изъ низменной, затхлои, будничной жизни вознеслась въ свободную атмосферу великаго идейнаго міра.— „Теперь я знаю,— писала она,— и это меня такъ же радуетъ, какъ еслибы я обрѣла подъ старость семейный очагъ, — что стоить раскрыть сердце, чтобы не чувствовать одиночества въ жизни. У меня такое чувство, точно вы меня ввели въ кругъ людей, которые безконечно выше и умнѣе меня, но все-же относятся ко мнѣ съ довѣріемъ, какъ къ старому другу, и дѣлятся со мною сокровеннѣйшимъ содержаніемъ своей души. За это—за то, что вы пробудили новую, богатую жизнь въ моей усталой, одинокой душѣ—я глубоко васъ благодарю“.

Письмо тронуло и обрадовало Грабауса. Когда онъ кончилъ его читать и подвѣлъ глаза на жену, онъ встрѣтилъ ея напряженный, безпокойный взглядъ, обращенный на него.

- Прекрасное письмо, не правда ли?—спросила она.
- Прекрасное и чрезвычайно искреннее!—отвѣтилъ онъ.
- Я бы только хотѣла знать, кто женщина, писавшая его.
- Зачѣмъ? Можетъ быть, при знакомствѣ она бы разочаровала меня. А такъ остается полный просторъ воображенію.
- Только не воображай себѣ ея, пожалуйста, слишкомъ красивой.

— Увы! красивыя женщины не пишутъ такихъ писемъ!—сказалъ онъ съ легкой насмѣшкой.

Вошла дѣвушка и сообщила, что ванна для дѣтей уже готова. Констанція, которая всегда сама купала слонихъ дѣтей, поднялась, чтобы уйти, но еще остановилась въ дверяхъ.

- А твой сюрпризъ?—спросила она.
- Объ этомъ я скажу тебѣ потомъ.
- Навѣрное ничего неприятнаго?
- Навѣрное. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе я чувствую, что то, что случилось, даже хорошо.

Оставшись наединѣ, Грабаусъ взялъ еще разъ письмо въ руки. Имъ овладѣло прекрасное, бодрое настроеніе. Изъ сада вливался потокъ золотисто-багрянаго предвечернаго свѣта, разбитаго вѣтвями яблонь; мягкій, теплый свѣтъ падалъ на длин-

ный рядъ портретовъ Шекспира, Гёте, Шиллера, Канта и другихъ умершихъ, но вѣчно живыхъ мыслителей и поэтовъ, которые глядѣли на него въ этотъ таинственный предвечерній часъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ обыкновенно.

„Нечего падать духомъ, — думалъ онъ, глядя на портреты. — Я не одинокъ. Я чувствую, что всѣ они — на моей сторонѣ, и что мои слова, на вло всѣмъ профессорамъ, будутъ вліять на людей. Вѣдь я зналъ и говорилъ другимъ, что когда появляется человѣкъ съ новыми, самобытными мыслями, онъ встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ. Если я до сихъ поръ не вѣрилъ въ себя, то сегодня эта вѣра должна родиться“.

Когда Констанція вернулась, уложивъ дѣтей, было уже наврѣсто къ ужину. Но родители должны были еще раньше зайти въ дѣтскую, пожелать дѣтямъ спокойной ночи. Дѣтскія личики, развуманившіяся отъ ванны, казались особенно миловидными въ кроваткахъ, на фонѣ бѣлоснѣжныхъ подушекъ. Мальчикъ сейчасъ же залѣзъ подъ одеяло, изображая изъ себя рудокопа. Мать, всегда воевавшая съ нимъ, съ трудомъ заставила его лечь какъ слѣдуетъ. Дѣвочка же смирно лежала съ куклой въ рукахъ, стараясь не сдвинуть платочекъ, который ей изъ предосторожности положили подъ мокрые волосы. Она прочла длинную, обстоятельную вечернюю молитву, въ которой препоручала милости Господней себя, брата, папу, маму, куклу и канарейку. Послѣ того отецъ и мать еще разъ поцѣловали дѣтей и пошли къ столу.

Къ ужину подали вареный картофель. Констанція не безъ особой гордости подняла крышку съ блестящей никелевой кастрюльки, и мужъ ея, тоже не безъ основанія, пришелъ въ восторгъ при видѣ толстаго, крупнаго картофеля. Прелесть этого блюда заключалась въ томъ, что картофель былъ собственный, посаженный самимъ Грабаусомъ.

Полгода тому назадъ, молодой приватъ-доцентъ, которому докторъ велѣлъ заняться физическимъ трудомъ на свѣжемъ воздухѣ, вышелъ рано утромъ въ садъ съ лопатой въ рукахъ, чтобы копать землю. Онъ взялся за дѣло очень неумѣло. Когда, послѣ цѣлаго часа работы, онъ оглянулъ обработанный имъ кусокъ земли, онъ пришелъ въ уныніе: ямы и бугры производили такое впечатлѣніе, точно здѣсь хозяйничали взапуски куры и кроты. Но ему пришелъ на помощь его сосѣдъ, отставной почтальонъ. Онъ черезъ заборъ крикнулъ ему, какъ держать лопату и равномерно переворачивать глыбы земли. Такъ Грабаусъ мало-по-малу овладѣлъ старымъ, какъ міръ, искусствомъ земледѣльчества. И

постепенно имъ овладѣло новое, никогда до того не извѣданное, отрадное чувство: тѣло его дымилось отъ работы въ потъ лица, а голова становилась все болѣе свободной и свѣжей. Приготовивъ почву, онъ закопалъ нѣсколько картофелинъ въ землю, убѣжденный, однако, что изъ этого ничего не выйдетъ. Но какова была его радость, когда въ маѣ появились зеленые ростки. И когда, нѣсколько дней тому назадъ, онъ отправился съ женой собирать картофель, онъ былъ не менѣе взволнованъ, чѣмъ еслибы пошелъ въ полночь откапывать кладъ. Неужели тамъ, въ землѣ, дѣйствительно есть плоды? Онъ сталъ копать—и нашелъ расположенныя по нѣскольку вмѣстѣ картофелины; изъ одной уродилось то восемь, то десять, то двѣнадцать. Никогда онъ такъ ясно и убѣдительно не ощущалъ тайны плодородія земли, какъ при этомъ видѣ. Ему хотѣлось кого-то благодарить, но онъ не зналъ—кого? Охваченный смутными отрадными чувствами, въ которыхъ его разумъ не могъ разобраться, онъ стоялъ на когѣняхъ, продолжая выкапывать все новыя и новыя сокровища изъ прогрѣтой солнцемъ земли, и былъ счастливъ въ сознаніи, что и онъ—тоже частица вѣчной, непостижимой и благой силы жизни. Сегодня этотъ картофель былъ поданъ къ ужину. Онъ сѣлъ за столъ въ веселомъ настроеніи и сказалъ женѣ:

— Ну, Констанція, теперь мнѣ не страшно за будущее. Если ничто другое не удастся,—я сдѣлаюсь землепашцемъ.

Жена его занялась чисткой картофеля. Половина ужина прошла среди смѣха и шутокъ, когда она вдругъ вспомнила, что онъ хотѣлъ ей что-то рассказать.

Подъ вліяніемъ веселаго настроенія, Грабаусъ рассказалъ въ смѣшномъ видѣ объ ужасѣ, охватившемъ его, когда онъ увидалъ Вульмана съ женой на рынкѣ; о томъ, какъ профессоръ пришелъ въ бѣшенство при встрѣчѣ съ Тейхманомъ, и какъ въ концѣ концовъ произошла крупная ссора между нимъ и Вульманомъ. Но когда Грабаусъ дошелъ до этого пункта, въ его передачѣ особенно рельефно выступило то, что его самого почти безсознательно поразило болѣе всего. Не то ему было непріятно, что онъ своею необдуманностью сдѣлалъ Вульмана своимъ врагомъ и повредилъ себѣ,—съ этимъ онъ сразу примирился,—но его возмутило отношеніе Вульмана къ его необдуманнѣйшимъ словамъ. Злобная месть за недобрительный отзывъ,—на это могли быть способна только мелкая, низменная душа. Грабаусъ зналъ всѣ причуды своего учителя, но все-же до сихъ поръ идеализировалъ его, и первое разочарованіе доставило ему истинное страданіе.

Но среди разсказа Грабаусъ увидѣлъ, что жена его отложила вилку и ножъ и стала глядѣть въ пространство, подперши голову руками.

— Что съ тобой, родная?—испуганно спросилъ онъ.—Надѣюсь, ты не относишься ко всему этому трагически.—Изъ-за такихъ пустяковъ нечего терять аппетитъ. — Съ этими словами онъ взялъ ея тарелку, чтобы положить ей еще картофеля.

— Оставь!—мрачно сказала она.—У меня пропалъ аппетитъ.

— Что за глупости!—Ну, улыбнись скорѣй!

— Оставь, пожалуйста, шутки!—рѣзко отвѣтила она.—Скажи мнѣ лучше, что съ нами станется?

— Ну, свѣтъ клиномъ не сошелся. Изъ-за того, что мелкозавистливый профессоръ обозлился на меня, я не желаю отчаиваться въ моемъ будущемъ. Это было бы слишкомъ глупо.

Но жена не слушала его возраженій и мрачно качала головой.

— Я всегда это предчувствовала. Какъ можно позволить себѣ такую неосторожность! Теперь ты такъ и останешься навсегда приватъ-доцентомъ. И вотъ еще увидишь, что у тебя отнимутъ стипендію. Господи, Господи, что съ нами тогда станется?

— Ты такъ говоришь, точно у насъ уже наступила черная нужда.

— Доживемъ и до этого, вотъ увидишь, если ты и дальше будешь такъ вести себя.

— Послушай, милая! Развѣ наши обстоятельства не сложились прямо-таки блистательно, послѣ того какъ мы поженились, имѣя всего триста марокъ капитала? Намъ всѣ пророчили нищету, а у меня въ первый же годъ было столько лекцій, что этимъ однимъ мы могли бы безбѣдно жить.

— Но теперь этихъ лекцій у тебя нѣтъ.

— Я отъ нихъ отказался только въ угоду факультету—все для того, чтобы сохранить ореолъ ученаго, для котораго не существуетъ большая публика. Но теперь всѣ эти соображенія лишнія,—я свободенъ, могу писать и читать лекціи, сколько мнѣ угодно.

— Да, но все это такъ неопредѣленно. Лекціи могутъ состояться или не состояться.

— А развѣ нѣтъ другихъ университетовъ? Я могу попытать счастье въ другомъ мѣстѣ.

— Да ты нигдѣ не уживешься. Если ты способенъ на такую глупость... Ну, можно ли такъ вредить самому себѣ!

— Милая Констанція,—сказалъ Грабаусъ неожиданно рѣзкимъ тономъ,—перестань говорить въ такомъ тонѣ. Это не достойно моей жены. Ты, конечно, можешь сказать: „ты велъ себя какъ осель“, но бываютъ случаи, когда порядочный человѣкъ долженъ вести себя какъ осель. Я, въ сущности, думалъ, что ты пожмешь мнѣ руку и скажешь: „Это было глупо съ твоей стороны, но красиво. Я поступила бы точно такъ же“.

— Этого недоставало! Ты бы хотѣлъ, чтобы я похвалила тебя?

— Неужели же ты предпочла бы, чтобы я промолчалъ?

— Конечно. Ты сомнѣваешься?

Онъ не могъ удержаться отъ испуганнаго возгласа и вскопчилъ съ мѣста. Выходя изъ комнаты, онъ услышалъ, какъ жена крикнула ему вслѣдъ:

— Ты бы хоть салфетку сложилъ раньше!

Она позвонила, и когда явилась служанка, она спокойнымъ, обычнымъ тономъ велѣла ей зажечь лампу у барина.

Грабаусъ сѣлъ въ кресло и крѣпко сжалъ руки на груди, точно стараясь усмирить свое взволнованно бьющееся сердце. Какъ все это неожиданно произошло! Но, можетъ быть, она дѣйствовала также необдуманно—въ припадкѣ раздраженія,—какъ онъ за нѣсколько часовъ до того. Она образумится и снова станетъ благородной, преданной женой, какой была всегда... Взглядъ Грабауса обратился на изображеніе св. Варвары, висѣвшее надъ нижней полкой. Въ эту минуту на лицо ея падалъ яркій свѣтъ лампы. Картину эту онъ купилъ, когда былъ женихомъ, найдя въ побѣдныхъ, благородныхъ чертахъ святой сходство съ своею невѣстой. Теперь онъ опять взглянулъ на картину, и на него нахлынули воспоминанія о годахъ нѣжной любви къ Констанціи. Но въ то же время его охватывалъ какой-то смутный страхъ, какіе-то обрывки тяжелыхъ впечатлѣній въ прошломъ.

Жена его вошла въ комнату еще болѣе лѣнливой поступью, чѣмъ обыкновенно, слегка спустила свѣтъ въ лампѣ и сѣла противъ мужа въ кресло.

— Какъ это невоспитанно такъ убѣгать изъ-за стола!—спокойно сказала она.

— Прости!

Онъ улыбнулся и заговорилъ шутливымъ тономъ, но, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, на лицѣ его появилось выраженіе страха.

— Видишь, дорогая,—началъ онъ,—я вовсе не фантазеръ, и знаю, также какъ и ты, что въ жизни нужны компромиссы,

что бессмысленно выпаливать правду въ лицо каждому. Когда нужно, я способенъ на условную ложь. Но въ данномъ случаѣ столкновение было все равно неизбежно. Еслибы не произошелъ случайно разговоръ на улицѣ, я бы самъ пошелъ объясняться съ Вульманомъ. Когда дѣло касается самаго важнаго для меня въ жизни, я не могу лгать,—это было бы безчестно, было бы преступленіемъ противъ себя. Вѣдь ты должна же это понять.

Она взглянула на него, увидѣла, съ какимъ напряженіемъ онъ ждетъ ея отвѣта, потомъ устало и равнодушно подняла голову и сказала спокойнымъ тономъ:

— Все это прекрасно, но, въ концѣ концовъ, это—фразы. А я и твои дѣти—дѣйствительность. Твой долгъ прежде всего—позаботиться о насъ.

— Развѣ я до сихъ поръ не исполнялъ этого долга?

— Нѣтъ. Ты всегда говорилъ: „я, мои идеи, мое мировоззрѣніе, моя честь“. А каково намъ при этомъ живется—тебѣ было совершенно безразлично.

— Это не вѣрно—ты глубоко несправедлива во мнѣ.

— Ничуть. Я только говорю правду. Конечно, мы не голодали—этого еще только недоставало. Но какъ мы живемъ? Ты, конечно, не замѣчаешь, какъ я стѣсняю себя во всемъ и какъ трудно обходиться ста-пятидесятью марками на ховяйство. Тебѣ все равно, что бы ты ни надѣлъ на себя. А мнѣ—нѣтъ. Я хочу, наконецъ, начать жить. Когда ты сдѣлался моимъ женихомъ, ты говорилъ, что черезъ два года будешь профессоромъ. А съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, а ты все еще приватъ-доцентъ и ничего не имѣешь кромѣ стипендіи. А Вильгельми, который тогда просилъ моей руки, теперь служить въ министерствѣ и получаетъ большое жалованье. И мужья другихъ моихъ подругъ тоже всѣ на государственной службѣ. Только у насъ нѣтъ ничего опредѣленнаго.

— Констанція, не можетъ быть, чтобы ты все это дѣйствительно думала! Чѣмъ я огорчилъ тебя, что ты мнѣ говоришь такія вещи?

— Почему мнѣ не сказать тебѣ правду?—продолжала она лѣнивымъ, нѣсколько плаксивымъ, неумолимымъ голосомъ.—Я тоже хочу не жить въ туманѣ. Пять лѣтъ я довольствовалась одними обѣщаніями—теперь мнѣ это надоѣло. Должно же это, наконецъ, кончиться. Ты долженъ образумиться, понять, въ чемъ цѣль твоей жизни, и постараться устроиться, создать себѣ твердое положеніе. Вѣдь твои книги ничего не даютъ. Ихъ ни одинъ человекъ не прочтетъ.

— А какъ ты о нихъ говорила, когда мы были женихомъ и невѣстой!

— Ну, да, я терпѣливо слушала, когда ты читалъ мнѣ вслухъ цѣлыми часами. Понимать я ничего не понимала—теперь я могу тебѣ въ этомъ совнаться. Такія книги—не для женщинъ. Но всѣ вы, философы, таковы: стоить похвалить васъ, чтобы показаться необыкновенно умнымъ, понимающимъ человекомъ.

У него навернулись слезы на глаза. Губы его дрожали, и онъ дѣлалъ судорожныя усилія, чтобы не разрыдаться.

— Констанція, Констанція, ты сама себя глубоко унижаешь! Вспомни, чѣмъ ты была! Не оскорбляй себя—взгляни на свой портретъ!

Онъ взялъ ее за руку и указалъ ей на картину, изображавшую святую Варвару. Теперь, въ темнотѣ, ее трудно было разглядѣть, но она стояла передъ его духовнымъ взоромъ, и онъ ясно видѣлъ ее.

— Это вѣчное сравненіе мнѣ надоѣло!—возразила Констанція, съ досадой выдергивая руку изъ руки мужа.—Что мнѣ за дѣло до этой картины? Вѣдь это не я.

— Я любилъ эту картину.

— А женился все-таки на мнѣ.

Онъ опустилъ голову, и его озарила яркая, какъ молнія, мысль: „Значить, я обмануть!“

— Не уклоняйся въ сторону,—продолжала она.—Это тоже одна изъ твоихъ дурныхъ привычекъ: ты всегда заговариваешь о другомъ и отдѣлываешься обѣщаніями. Но на этотъ разъ тебѣ это не удастся. Ты долженъ серьезно постараться увѣрнить свое положеніе. Самое лучшее—еслибы ты еще сегодня сходилъ къ Вульману и...

Онъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ беззвучнымъ голосомъ:

— Прости, я больше не въ силахъ...

— Куда ты идешь?

Но онъ уже вышелъ изъ комнаты, ничего не отвѣтивъ. Онъ прошелъ въ садъ, въ бесѣдку, обитую плющомъ. Уткнувшись въ уголъ, онъ сѣлъ, скрестивъ руки на груди. Имъ овладѣло непреборимое чувство страха; ему казалось, что земля ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, и что ему нечѣмъ дышать. Онъ обманулся не только въ женѣ, но и во всѣхъ, о комъ онъ думалъ, когда работалъ. Ему казалось въ эту минуту, что вся жизнь сказала ему устами жены: „Намъ не нужно того, что ты можешь намъ дать. Намъ нужно нѣчто совсѣмъ иное“—и съ этими словами бросила ему подъ ноги всѣ его дары.

Онъ никогда не наслаждался своею молодостью и никогда не глядѣлъ вокругъ себя трезвымъ, спокойнымъ взоромъ. Именно въ годы развитія, когда складывался его внутренній міръ, эта странная отчужденность отъ дѣйствительности сказывалась въ немъ особенно сильно. У него были знакомые, но не было ни одного друга. Чтобы обрѣсти друга, ему нужно было бы встрѣтить человѣка равнаго себѣ, или который сталъ бы безвольнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Всегда выходило само собой, что онъ царилъ въ кругу, въ который попадалъ, и вносилъ въ жизнь всѣхъ другихъ свое духовное содержаніе. Но люди, съ которыми онъ встрѣчался, были всѣ двойственные; у нихъ было твердое сознание своей выгоды и необходимости добиваться ея—и кромѣ того была робкая, маленькая душа, возвышающаяся надъ обычной оцѣнкой вещей. Онъ ихъ привлекалъ своей внутренней свободой и просвѣтленностью, и они чувствовали себя въ его присутствіи болѣе независимыми и свѣтлыми, но вскорѣ внутренняя тяжесть ихъ оттягивала внизъ. Онъ имъ тогда надоѣдалъ, и они отступались отъ него, оставляя его въ его одиночествѣ. Онъ это едва замѣчалъ. Онъ принималъ людей, приходившихъ къ нему, съ большой радостью, но не сердился, когда они уходили. Только познакомившись съ своей будущей женой, онъ серьезно привязался къ ней. Всѣ года, въ теченіе которыхъ она держала его подъ своимъ обаяніемъ своей спокойной и по всѣмъ видимостямъ неустанной и глубокой привязанностью, онъ жилъ только для нея. Она была для него возлюбленной, другомъ, публикой. И такъ силенъ и проченъ былъ этотъ самообманъ, что и послѣ брака ея возрастающее равнодушіе и тупость не могли его разрушить. Эту иллюзію можно было разбить только насильственно,—и это его жена сдѣлала теперь, сама того не подозревая.

Грабаусъ долго сидѣлъ, какъ оглушенный, въ темной бесѣдкѣ. Такъ же, какъ послѣ тяжкаго паденія, не рѣшаешься двинуть ни однимъ членомъ, такъ и онъ не могъ остановиться и сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли въ хаосѣ, охватившемъ его. Наконецъ, онъ всталъ и вернулся въ домъ черезъ садъ. У него явилась инстинктивная потребность движенія, точно оно могло разрядить тяжелую атмосферу его скорби. Онъ зажегъ свѣчку въ передней, чтобы взять шляпу и палку, и въ это время изъ двери, ведущей въ спальню, появилась его жена. Она была уже на половину раздѣта; ея тонкіе, жирные волосы были заплетены въ косу.

— Вотъ ты, наконецъ! Иди ко мнѣ!

— Я еще пойду пройтись,—отвѣтилъ онъ.

Она сдѣлала презрительную гримасу.

— Иди. Но, по моему, это очень некрасиво. Когда тебя припереть къ стѣнѣ, ты стараешься выскользнуть. Гораздо честнѣе было бы дать прямой отвѣтъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, Грабаусъ остановился и подумалъ: „Еслибы у меня было какое-нибудь украшеніе, которое я считалъ бы золотымъ, и оно оказалось бы простой жестью, я бы просто выбросилъ его за окно. Съ другомъ, въ которомъ разочаровываешься, можно разойтись. Но съ женой моей я связанъ на всю жизнь“.

Бываютъ слова, которыя сто разъ слышишь и самъ произносишь, не придавая имъ особаго значенія. Но вдругъ наступаетъ часъ, когда вся тяжесть ихъ содержанія какъ бы освобождается отъ своей шелухи и давитъ насъ. „До конца жизни“... эти слова показались ему черной бездной, поглотившей его. „Если у меня снова явится потребность высказаться,—подумалъ онъ,—то я долженъ буду обратиться къ ней. Она—мать моихъ дѣтей. Мы вмѣстѣ ложимся спать, вмѣстѣ встаемъ. У нея есть права на меня. Она и я—вѣчто цѣлое. Но кто она? Чужой человѣкъ, съ которымъ меня уже ничто не связываетъ. И несмотря на это—до конца жизни вмѣстѣ!“

Когда онъ, наконецъ, вернулся домой, у него было чувство, точно онъ шелъ по безконечно длинной, темной дорогѣ—шелъ по ней въ оковахъ, съ цѣпью на шеѣ; и чѣмъ сильнѣе онъ теребилъ эту цѣпь, чтобы сорвать, тѣмъ ярче она охватывала его шею. Чувство, что эта дорога и есть его будущее,—не покидало его всю ночь.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Грабаусъ и его жена не мирились, храня въ душѣ злобу другъ на друга. Грабаусъ внутренне изумлялся, что жена его ничуть не чувствовала себя неправой, а напротивъ того, относилась къ нему какъ къ закоренѣлому преступнику, и всячески давала ему понять, что онъ долженъ покаяться передъ нею.

И дѣйствительно, одно очень пустяжное обстоятельство совершенно измѣнило его настроеніе относительно жены. Онъ какъ-то утромъ пошелъ заниматься въ столовую, потому что въ кабинетѣ мыли окна. Дѣти играли въ саду, и онъ могъ работать безъ помѣхи. Переставъ на минуту читать, онъ опустилъ книгу на колѣни и сталъ смотрѣть на улицу. Тамъ, у подъѣзда ихъ дома, стояла его жена и торговалась съ фруктошникомъ. Они, повидимому, никакъ не могли сойтись относительно цѣны мѣшка яблокъ. Продавецъ, худой какъ скелетъ, одѣтый въ лох-

мотья какъ нищій, горячо убѣждалъ Констанцію, высчитывалъ что-то на пальцахъ, протягивалъ для большей убѣдительности руки, ударялъ себя по колѣну и жестикулировалъ съ необузданностью итальянца. Вся эта сцена длилась минутъ десять. Каждую минуту Грабаусъ думалъ, что этому наступитъ конецъ, что его жена сдастся на убѣжденія торговца. Но она оставалась непреклонной; наконецъ взбѣшенный торговецъ бросилъ съ отчаяніемъ свой внуть на возъ, стащилъ мѣшокъ и съ озлобленнымъ видомъ потащилъ свою ношу въ домъ. Констанція подняла глаза къ окну, у котораго сидѣлъ ея мужъ, и въ первый разъ за нѣсколько послѣднихъ дней улыбнулась ему.

Грабаусъ взволнованно захлопнулъ книгу и подумалъ: „Какъ бы я поступилъ на ея мѣстѣ? Очевидно, я бы не только заплатилъ столько, сколько онъ запросилъ, но еще подарилъ бы несчастному человѣку какой-нибудь старый сюртукъ. А между тѣмъ у него есть кусокъ земли и однихъ налоговъ онъ платитъ больше, чѣмъ я. Благодарствуя ему, я поступилъ бы глупо и непрактично... А между тѣмъ я требую, чтобы моя жена, отличная хозяйка и мать, которая прекрасно воспитываетъ дѣтей, съ утра до вечера хлопочетъ, трудится для нашего блага, чтобы она смотрѣла на міръ моими глазами, хотя это такъ же мало соответствуетъ ея натурѣ, какъ ея взгляды—моей. Не я обмануть, а напротивъ того, быть можетъ, именно я хотѣлъ ее обмануть, отнять у нея ея индивидуальную сущность, навязать ей мысли и чувства, которыхъ у нея нѣтъ. А если даже я обманулся, то виновата не она, а я. Какъ глупо съ моей стороны сердиться на кого-либо, кромѣ себя самого!“

Когда имъ овладѣли эти мысли, онъ все еще, однако, не могъ преодолѣть горькаго ощущенія разочарованія и пустоты. Но въ то же время въ немъ пробуждались новыя чувства. И думая о будущемъ, онъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы отнынѣ идти одному по намѣченному имъ пути.

Послѣ тупого малодушія послѣднихъ дней, на него сразу нахлынула масса новыхъ мыслей и плановъ. Передъ обѣдомъ онъ еще пошелъ къ женѣ, которая раскладывала яблоки на чердакѣ, и объявилъ ей, что рѣшилъ на слѣдующей недѣлѣ поѣхать въ Берлинъ и повидаться тамъ съ господиномъ Вальбольдомъ, который былъ университетскимъ товарищемъ отца Грабауса и благоволилъ къ молодому ученому. Жена спокойно выслушала мужа, продолжая старательно обтирать яблоко за яблокомъ, и сказала:

— Наконецъ-то ты образумился! Какъ много времени тебѣ

на это понадобилось! Обратиться въ Вальбольду дѣйствительно—самое лучшее. Я сейчасъ же о немъ подумала.

— Вотъ какъ!

— Слишкомъ понятно, что ты долженъ обратиться именно къ нему. Но вамъ, философамъ, нужно три дня на размышленіе, прежде чѣмъ вы додумаетесь до того, что для женщины ясно сразу. Послушай!—кривнула она вслѣдъ уходящему мужу:— когда будешь въ Берлинѣ, ты непременно долженъ будешь купить кое-что у Вертгейма. Сестрамъ я бы не хотѣла этого поручать—онѣ при такихъ случаяхъ всегда соблюдаютъ свои интересы.

Матовые бѣлые колпаки электрическихъ фонарей въ сивомъ туманѣ, послѣдній золотистый отблескъ солнца на коричневыхъ листьяхъ, которые, кружась, медленно падали то тутъ, то тамъ на землю, потокъ людей и экипажей по широкой площади и внизъ по безконечно длинной улицѣ, сверканіе оживленныхъ взглядовъ, блескъ шлепа, искусственныхъ цвѣтовъ, суета, шумъ, звонъ и грохотъ—и все это смягченное, какъ бы расплывающееся въ мягкихъ осеннихъ сумеркахъ—таково было первое впечатлѣніе Грабауса отъ Берлина, когда онъ пріѣхалъ туда послѣ долгаго отсутствія. На всемъ лежалъ отпечатокъ праздничной торжественности; городъ точно воскресалъ послѣ лѣтней спячки для оживленной зимней жизни. Грабаусъ былъ самъ въ повышенномъ настроеніи и чувствовалъ себя болѣе легкимъ и бодрымъ. Увѣренность и энергія, съ которой тысячи людей стремились каждый къ своей цѣли, заразили и его. Бурность движеній толпы увлекла и его, легкомысліе ея заразило его; онъ былъ опьяненъ этимъ буйнымъ приливомъ, въ которомъ согласно звучали миллионы волнъ, провозглашая всѣ одно и то же: жизнь, жизнь! До чего здѣсь все было по иному, чѣмъ когда онъ ходилъ въ Іенѣ ночью по заснувшимъ улицамъ, мимо темныхъ домовъ, и шаги его гулко отдавались въ тишинѣ!

Ему почти захотѣлось наслаждаться въ одиночествѣ этимъ вечеромъ, и онъ бы не жалѣлъ, еслибы не засталъ дома своего друга, живописца Фрица Гебгарда, котораго онъ собрался пойти навѣстить. Поднявшись на четвертый этажъ большого дома на Потсдамской улицѣ, онъ позвонилъ нѣсколько разъ, но безуспѣшно. Никто ему не отворялъ, и онъ уже повернулся, чтобы уйти. Въ эту минуту Фрицъ Гебгардъ, слегка пріотерывъ дверь, выглянулъ изъ нея.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ не особенно любезно.

— Какъ, ты меня не узнаешь?

— Что это? ты? Какъ ты попалъ въ Берлинъ?.. Вотъ сюрпризъ. Здравствуй, здравствуй!

Художникъ вѣжливо потрясъ ему обѣ руки. Затѣмъ послѣдовали распросы и отвѣты о здоровьи, о женѣ и дѣтяхъ, о томъ, что дѣлается въ искусствѣ и въ наукѣ. При этомъ оба они продолжали стоять у дверей. Грабаусъ наконецъ сказалъ:

— Послушай, если мое общество тебѣ не слишкомъ неприятно, ты бы могъ просить меня зайти.

— Гм, видишь ли, у меня въ гостяхъ дама.

— Ахъ, вотъ какъ! Въ сущности, я долженъ былъ бы догадаться объ этомъ.

— Ты можешь зайти. Только, пожалуйста, не рассказывай потомъ никому.

— За кого ты меня принимаешь?!

Слѣдуя за своимъ другомъ по узкому корридору, Грабаусъ остановилъ его еще разъ, тронувъ за рукавъ.

— Скажи—это не замужняя женщина? Мнѣ было бы неприятно.

— По моему, будь это барышня, было бы еще неприятнѣе. Но не безпокойся,—она не замужняя.

Они вошли въ мастерскую, освѣщенную электрической лампой. Въ углу, у чайнаго столика сидѣла спиной къ вошедшимъ молодая женщина подъ густой вуалью. Застегивая перчатку на одной рукѣ, она не отводила глазъ отъ своего собственнаго портрета, стоявшаго на мольбертѣ посреди комнаты. Прежде чѣмъ Гебгардъ успѣлъ представить ей своего друга, она поднялась нѣсколько послѣшно, но съ полной непринужденностью увѣренной въ себя свѣтской женщины и сказала:

— Я очень сожалѣю, господинъ Гебгардъ, что должна спать, но меня ждетъ вучерь, чтобы отвезти меня еще въ одно мѣсто. Портретъ мнѣ очень нравится, и я непременно передамъ баронессѣ.

— Брось это, Магги!—перебилъ ее художникъ со смѣхомъ:—это мой лучший другъ и къ тому же абсолютно порядочный человѣкъ.

— Господинъ Гебгардъ!..—прервала его Магги слегка удивленнымъ голосомъ, но безъ внутренняго протеста.

— Знаешь, дорогая, это ему принадлежать всѣ носовые платки съ мѣткой Г. Г. у меня въ комодѣ. Они у меня шесть лѣтъ, а онъ ни разу не потребовалъ, чтобы я ихъ вернулъ. Это одно доказываетъ тебѣ, какіе мы пріатели. Позволь тебѣ пред-

ставить: Генрихъ Грабаусъ, профессоръ философіи. Магги Тёнъ, артистка „Нѣмецкаго театра“.

На красивомъ лицѣ Магги Тёнъ отразились въ такомъ очаровательномъ сочетаніи чувства смущенности, растерянности, подчиненія смѣлости ея друга, что Грабаусъ пришелъ въ истинный восторгъ. Принявъ ее за свѣтскую даму, онъ отвѣсилъ ей почтительный поклонъ, но, увидавъ передъ собой красивую, милую молодую дѣвушку, онъ ей привѣтливо улыбнулся. А узнавъ, что она актриса, онъ съ особымъ любопытствомъ поглядѣлъ на нее, точно прозрѣвая въ ней какую-то тайну.

Узнавъ, что Грабаусъ—другъ художника, Магги перемѣнила свою сдержанность и свой внушительный видъ на граціозную предупредительность. Она сняла вуаль и перчатки, налила гостю чаю и стала подчивать его бисквитами. Сама она закурила папирску. Потомъ она спросила Грабауса, надолго ли онъ въ Берлинѣ. Онъ отвѣтилъ, что пріѣхалъ всего на нѣсколько дней по дѣлу, и Магги стала убѣждать его въ необходимости воспользоваться случаемъ и насладиться берлинскими увеселеніями, театрами и концертами.

Ихъ непринужденную бесѣду прервалъ Гебгардъ, обратившись къ своему другу:—Какіе у тебя планы на сегодняшній вечеръ?—спросилъ онъ.

— Пока никакихъ. Если ты свободенъ...

— Къ сожалѣнію, я занятъ—у меня засѣданіе комитета, на которомъ я обязательно долженъ быть. А послѣ засѣданія...

Магги закусила губы и сказала:

— Такъ ты непременно хочешь поѣхать туда?

— Я не могу не поѣхать. Долгъ...

— Долгъ любви,—насмѣшливо прибавила она.—Тебя вѣдь привлекаетъ туда только красавица госпожа Платенъ.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ онъ, нахмуривъ лобъ.—Я иду туда, чтобы сдержать обѣщаніе. Минѣ нельзя не бывать въ обществѣ: какъ же я иначе буду получать заказы?

— Не вѣрьте ему,—обратилась Магги къ Грабаусу.—Это только предлогъ. Онъ просто влюбленъ, влюбленъ какъ гимназистъ въ бессердечную, гордую женщину. Не понимаю, чѣмъ она можетъ нравиться. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала изъ своего провинціального гвѣзда, всѣ здѣсь ей стали поклоняться. Но попробуйте поговорить съ ней—букла, глупая кукла! Я ее видѣла на одномъ благотворительномъ базарѣ. Изъ чванства она ни разу не двинула головой,—боялась, что спадетъ

ея корона о семи зубцахъ. А между тѣмъ она даже не знатнаго рода.

— Извини, пожалуйста,—сказалъ Гебгардъ не безъ важности,—она урожденная фонъ-Гелленъ.

— Она продавала шампанское съ такимъ видомъ, точно она Матерь Божія, осѣняющая всѣхъ своимъ благословеніемъ. Развѣ можно разливать шампанское съ такимъ лицомъ? Подумай, дорогой, къ чему тебѣ эта женщина? Она, все равно, не полюбитъ тебя. Ахъ, мужчины, что вы за народъ!

— Хорошо сказано, браво!—сказалъ Гебгардъ.—Я бы на твоёмъ мѣстѣ, для подкрѣпленія своихъ словъ, еще разбилъ бы чашку. Мы, мужчины, всѣ вмѣстѣ взятые, никуда не годимся. Самое лучшее—всѣхъ насъ перерѣзать сразу; или лучше перерѣзать всѣхъ женщинъ, такъ чтобы только ты одна осталась въ живыхъ и у твоихъ ногъ было бы сто тысячъ мужчинъ.

— Не шути. Вѣдь фактъ, что ты въ нее влюбленъ и возмутительно невнимателенъ ко мнѣ.

— Ну, а что, если я тебѣ скажу, что госпожа Платенъ не будетъ сегодня на засѣданіи? И если я обѣщаю захватить за тобой въ театръ?

— Вотъ за это спасибо. Какой ты милый! А вы?—спросила она, обращаясь къ Грабаусу.—Не хотите ли побѣхать со мной сегодня въ театръ? У насъ идетъ „Геро и Леандръ“, и я играю Ганту.

— Какая счастливая мысль!—подхватилъ весело Гебгардъ.—А потомъ мы всѣ вмѣстѣ поужинаемъ у Магги, чѣмъ Богъ послалъ. Это будетъ очаровательно.

— Вы согласны?—спросила Магги Грабауса, мило улыбаясь ему.

— Конечно, съ удовольствіемъ, если я только не...

— Пожалуйста, безъ церемоній. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если пойдете со мной въ театръ. Когда я знаю, что въ залѣ есть кто-нибудь изъ знакомыхъ, я играю съ гораздо большимъ подъемомъ. А ему вы доставите особенно большое удовольствіе, если потомъ придете ужинать съ нами. Однако мнѣ пора,—сказала она, съ ужасомъ взглянувъ на свои маленькіе часики.—Я только быстро еще почищу платье и сейчасъ вернусь.

Она прошла въ маленькую комнату художника, и какъ только она исчезла, Гебгардъ взялъ своего друга за руку.

— Послушай,—сказалъ онъ,—я никакъ не смогу вернуться изъ засѣданія раньше двѣнадцати. Не изъ-за госпожи Платенъ—

ея тамъ дѣйствительно не будетъ. Но, словомъ, я не смогу. Если я скажу объ этомъ Магги, она будетъ внѣ себя отъ ревности. Я ее дѣйствительно люблю; она очаровательна, добра, мила, обаятельна, но ревнива. Такъ ужъ будь добръ, — утѣшь ее, будь съ ней милъ, скажи ей нѣсколько любезностей, — она и не замѣтитъ, какъ пройдетъ время до моего прихода.

Грабаусъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ ужасомъ. — Да, но какъ же?... — проговорилъ онъ.

— Поговори съ ней о театрѣ. Она вѣдь не уродина — ты съ ней премило проболтаешь часокъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ время до моего прихода. Я тебѣ даже завидую. Счастливецъ! Тебѣ будетъ весело, а я — торчи на этомъ дурацкомъ за сѣданіи! Если бы хоть пріѣхала туда красавица Платенъ... да, этимъ способомъ достигаются поразительные эффекты, но, къ сожалѣнію, эта манера очень непрочная, — продолжалъ онъ, не мѣняя тона, когда Магги вернулась въ комнату.

— О чемъ это ты? — спросила она.

— О живописи масляными красками и пастелью, милая. Пастелью можно достигнуть поразительныхъ эффектовъ, но она быстро стирается. А масляныя краски гораздо прочнѣе — это ихъ огромное преимущество.

— Да, — сказала Магги. — Пастель и масляныя краски — это какъ любовь мужчинъ и женщинъ.

— Очень тонкое сравненіе. Магги, ты опять устроила себѣ блестящій сценическій уходъ. Ну, а теперь торопитесь.

Грабаусъ сѣлъ съ прелестной актрисой въ коляску и повезъ ее въ театръ. По дорогѣ она стала выпрашивать его о Гебгардѣ. Грабаусу пришлось рассказать о томъ, что они въ швелѣ сидѣли рядомъ на одной и той же скамьѣ, о всевозможныхъ шалостяхъ Фрица въ гимназическое время. Она спросила также, сколько у Фрица было романовъ въ то время, но Грабаусъ сказалъ, что объ этомъ онъ не имѣетъ понятія.

— Ахъ! — вздохнула Магги: — если считать только тѣхъ, о которыхъ я знаю, уже получится большой списокъ. А о сколькихъ я не имѣю понятія!

Пріѣхавъ въ театръ, Магги быстро побѣжала за билетомъ для Грабауса, замѣтила нумеръ его мѣста и ушла за кулисы. Было еще рано, и у Грабауса осталось нѣсколько времени для того, чтобы подумать наединѣ. Дома жена его навѣрное укладывала теперь спать дѣтей, и крошка навѣрное особенно тепло помянула объ отсутствующемъ отцѣ въ своей молитвѣ. А завтра онъ долженъ будетъ рано встать, надѣть фракъ и бѣлый галс-

тухъ и отправиться къ управляющему департаментомъ народнаго просвѣщенія. Пріятная перспектива! Но теперь ему не хотѣлось думать ни о завтрашнемъ днѣ, ни о своей семьѣ,—точно все это было отдѣлено цѣлой пропастью отъ сегодняшняго вечера, точно все это было нереально и неправдоподобно,—между тѣмъ какъ та очаровательная дѣвушка, которая черезъ нѣсколько минутъ появится передъ нимъ на сценѣ—дѣйствительная жизнь. Она представилась его духовному взору, и онъ залюбовался нѣжными линиями ея фигуры, ея мягкими, темными глазами, тонвостью ея руки. „Фрицъ, положительно, сумасшедшій человѣкъ, если онъ ея пренебрегаетъ. Холодный, безчувственный варваръ!—Конечно, я постараюсь ее утѣшить, посоветую ей порвать съ нимъ, забыть его и—что же далѣе—и влюбиться въ меня? Да что я съ ума сошелъ?“ Онъ взглянулъ наверхъ, и ему показалось, что люстра завертѣлась и свѣтъ отдѣльныхъ лампочекъ сливается. У него кружилась голова. Въ эту минуту раздался звонокъ; онъ взялъ афишку и, читая имена актеровъ, сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать начала представленія.

Занавѣсъ поднялся. И когда уха его коснулись первые стихи драмы, казавшіеся прозрачной свѣжей струей воздуха, пронизанной лазурью и золотистымъ сіяніемъ солнца, онъ почувствовалъ какое-то торжественное спокойствіе. Прошелъ чувственный угаръ, отуманившій его, исчезъ изъ его памяти суетливый, шумный городъ, безчисленные лица, запечатлѣвшіяся въ его памяти на ходу, забыты были художникъ и его молодая подруга. Передъ его глазами стояла только юная жрица, Геро—молодое земное и въ то же время столь неземное созданіе, обаятельная въ своей дѣвической красотѣ и непрístupная въ своей чистотѣ; въ ея груди жили всѣ желанія ея рода—но поваясь во снѣ, какъ птички въ тихомъ гнѣздышѣ. Только ее онъ видѣлъ передъ собой, и ему казалось, что она говоритъ: „Войди въ мое святилище болѣе высокой и болѣе чистой жизни“. И при первомъ появленіи на сценѣ Магги въ образѣ безпечно-веселой Іанты, онъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Передъ величественной красотой Геро исчезала ея миловидность. Но потомъ она снова покорила его, передавая все волшебное обаяніе безпечно-шаловливой юности, дѣвичьяго смѣха и дѣвичьяго любопытства, лѣсного воздуха и солнечнаго сіянія. Она способствовала своей веселостью и граціей общему впечатлѣнію отъ прекраснаго, возвышающаго душу зрѣлища.

Онъ ждалъ ее у артистическаго подъѣзда. Закутавъ лицо густой вуалью для защиты отъ рѣзкаго ночного воздуха, она взяла его подъ руку и они вмѣстѣ сѣли въ коляску. Они стали

говорить о пьесѣ. Магги хотѣлось знать, какъ ему понравились каждый актеръ и каждая актриса въ отдѣльности. Но онъ былъ слишкомъ увлеченъ самой драмой и кромѣ того привыкъ къ очень плохимъ постановкамъ пьесъ въ провинціи, и потому вынесъ только общее впечатлѣніе прекраснаго ансамбля, не помня подробностей.

Доѣхавъ до дому, Магги быстро поднялась на лѣстницу вмѣстѣ съ Грабаусомъ, говоря:

— Надѣюсь, что Фрицъ уже пришелъ. Горе ему, если онъ заставитъ себя ждать.

— Что за бѣда, если онъ немножко запоздаетъ? Вѣдь можетъ же его что-нибудь задержать.

— Вадоръ. Если его нѣтъ, то это потому, что онъ не топится придти. Въ прежнее время онъ всегда являлся въ-время.

Дверь имъ отворила старая служанка съ темнымъ, лоснящимся лицомъ, похожая на старую цыганку.

— Господинъ Гебгардъ уже пришелъ?

— Нѣтъ, его еще нѣтъ.

Магги топнула ногой отъ гнѣва. Стоя теперь съ поблѣднѣвшими щеками, съ потемнѣвшими глазами и нахмуреннымъ лбомъ подъ бѣловатымъ газовымъ свѣтомъ, она казалась совсѣмъ другою, чѣмъ прежде.

— Такъ-таки не пришелъ. Скорѣе, Гуша, приготовь намъ что-нибудь къ ужину. Насъ будетъ трое. Господинъ Гебгардъ сейчасъ придетъ.

— Ну, это еще неизвѣстно,—возразила служанка, недоброжелательно оглядывая новаго гостя. — Сегодня онъ навѣрное больше не придетъ. Онъ веселится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Не раздражай меня хоть ты! Поди сварить яйца. Пока они сварятся, онъ уже будетъ здѣсь.

— Напрасно вы, барышня, такъ ужъ твердо говорите. Я этому не вѣрю,—скептически проворчала старуха.

— Какъ она меня бѣситъ своимъ пессимизмомъ!—сказала Магги, входя съ Грабаусомъ въ гостиную.—Она можетъ заставить ненавидѣть весь міръ. И больше всего меня бѣситъ то, что она всегда оказывается правой. Все, что она предсказываетъ, сбывается.

Магги отодвинула въ сторону табуретъ, стоявшій подлѣ дивана и заваленный книгами и переписанными ролями, и попросила гостя сѣсть. Сама она пошла переодѣться. Комната была не очень большая. На полу, обитомъ сѣровато-зеленымъ сукномъ, стояла бѣлая лакированная мебель. Нѣсколько лампъ въ видѣ

трилистниковъ, освѣщали комнату мягкимъ свѣтомъ. За диваномъ стояла высокая лампа подъ краснымъ абажуромъ, придавая общему освѣщенію болѣе теплый тонъ. Грабаусъ сталъ перелистывать книги, но Магги очень быстро вернулась въ гостиную.

— Его все еще нѣтъ, — сказала она съ укоромъ, застегивая послѣдній крючокъ на своемъ свободномъ, падавшемъ крупными складками платьѣ. — Не возмутительно это?

— Господи! — всякому человѣку случается опоздать.

Магги сѣла на одинъ изъ маленькихъ пуфовъ воалѣ дивана.

— Зачѣмъ вы его стараетесь оправдать? Почему не быть искреннимъ и не сказать, что онъ поступаетъ со мной отвратительно?

— Если онъ дѣйствительно по своей винѣ запоздалъ, то это, конечно, отвратительно.

— А вы на его мѣстѣ тоже такъ поступали бы?

— Я бы — на его мѣстѣ — былъ, кажется, очень аккуратенъ.

— Какой вы милый! Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что вы — человѣкъ, умѣющій держать слово. Но какъ это нехорошо съ моей стороны, — сказала она вдругъ совершенно другимъ голосомъ, — что я все жалуясь на его отсутствіе, вмѣсто того чтобы радоваться тому, что вы у меня.

Она пододвинула ящикъ съ папирсами и дала ему огня, приглашая закурить.

— Давайте поговоримъ и забудемъ о всѣхъ печаляхъ... Вотъ видите, это моя новая роль — Эдриты въ „Горе тому, кто лжетъ“, Гримальперца. Я очень радуюсь этой роли. Я постараюсь быть въ ней какъ можно болѣе естественной, веселой, чистосердечной, оставаясь при этомъ хитрой дѣвушкой, которую любовь сдѣлала осторожной и коварной. Первые акты я уже выучила. Послушайте, какъ я ихъ читаю. Давайте мнѣ реплики.

Она передала ему роль, и онъ сталъ подавать ей конечныя слова репликъ. Она прочла стихи своей роли въ совершенно новой для него манерѣ, которая ему очень понравилась.

Чтеніе было прервано внезапнымъ появленіемъ старой служанки, остановившейся въ дверяхъ.

— Ужинъ готовъ, барышня, — и яйца тоже сварились. А господинъ Гебгардъ пришелъ?

— Нѣтъ, — вѣдь ты сама видишь. — Этакая злоба! Она очень привязана ко мнѣ, но не можетъ побѣдить свою природную злость. Пойдемте закусить. У меня-то никакого аппетита нѣтъ. Я такъ надѣялась на то, что онъ придетъ. А теперь уже скоро двѣнадцать часовъ.

— Онъ еще придетъ.

— Да, подь утро—уоставшій до смерти, зѣвающій, разочарованный... Какія мы, женщины, несчастныя существа! Вотъ и бѣдная Геро сколько выстрадала изъ-за своей любви, а между тѣмъ Леандръ былъ ей вѣренъ. И затѣмъ она нужна, эта злополучная любовь? Почему мы, женщины, не можемъ обойтись безъ нея? Почему мужчины такъ вѣроломны? При каждой новой встрѣчѣ съ человѣкомъ, который мнѣ нравится, я невольно думаю: на сколько времени хватить его любви? Я поэтому боюсь влюбляться—а между тѣмъ я не могу жить безъ любви.

— Но вѣдь есть же у васъ болѣе захватывающіе интересы—напримѣръ, ваше искусство?

— Нѣтъ, безъ любви мое искусство мертво. Я въ первый разъ талантливо сыграла, когда первый разъ влюбилась. Любовь даетъ мнѣ силу, огонь, жизнь, все, все! Безъ любви я точно лампочка безъ масла. Я могу голодать, спать на соломѣ, но мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь стоялъ на колѣняхъ передо мной и говорилъ: „Магги, я люблю тебя“!

Голосъ ея звучалъ мягко и томно въ красномъ полумракѣ комнаты, и казалось, что она упивалась сама звуками своего голоса, произнося: „Магги, я люблю тебя!“ Она схватила его руку и, нагнувшись къ нему, прошептала:

— Скажите вы эти слова! Я хотѣла бы услышать, какъ прозвучить, когда вы своимъ голосомъ скажете: Магги, я люблю тебя!

Ему казалось, что онъ никогда не слыхалъ столь вкрадчиво звучащихъ словъ. Въ то же время на него устремились черные глаза, горячіе смутными желаніями, и онъ слышалъ учащенные удары сердца въ тяжело дышащей груди молодой женщины. Ея холодная, какъ ледъ, рука лежала въ его рукѣ, и ему хотѣлось, вмѣсто всякаго отвѣта, обнять Магги и поцѣловать въ губы. Но онъ поднялся и, положивъ ей свободную руку на плечо, сказалъ, съ трудомъ произнося слова:

— Магги... въ шутку мнѣ этого не хочется сказать. А сказать серьезно—я не смѣю.

Она съ минуту смотрѣла еще на него дикимъ и затуманеннымъ взглядомъ, потомъ вскочила и стала быстро ходить по комнатѣ. Онъ тоже поднялся и сказалъ неувѣренно-шутливымъ тономъ:

— Не слѣдуетъ играть съ огнемъ, Магги.

Но она, вся преобразившись, протянула ему руку съ милой, привѣтливой улыбкой:

— Какъ это было красиво съ вашей стороны!—сказала она восторженнымъ тономъ.—Какъ благородно! Тысячи мужчинъ на вашемъ мѣстѣ стали бы клясться мнѣ въ любви и воспользовались бы обстоятельствами. Имъ было бы безразлично обмануть при этомъ и меня, и своего друга. Но вы лучше другихъ. Благодарю васъ отъ души. Хотите быть моимъ другомъ?

Онъ пожалъ ей руку.

— Вы человекъ съ чистой, правдивой душой. Такого человека я никогда въ жизни не встрѣчала. Всѣ стремились только къ тому, чтобы обладать мною. Всѣ клялись мнѣ честью и совѣстью въ вѣрности—и всѣ нарушали клятву. Но вы не такой—и за это я вамъ такъ благодарна. Теперь мнѣ все равно, придетъ ли Фрицъ или нѣтъ,—я нашла друга. Вѣдь вы останетесь моимъ другомъ? Я не буду вамъ надоѣдать, но только буду обращаться къ вамъ иногда за совѣтами, буду рассчитывать на ваше хорошее отношеніе ко мнѣ. Вѣдь это не такъ ужъ много, не правда ли? Пойдемте къ столу—я теперь такъ довольна, точно мнѣ достался большой выигрышъ въ лотерей. Теперь у меня есть аппетитъ.

Грабаусъ едва могъ услѣдить за этимъ потокомъ словъ. Онъ еще не совсѣмъ оправился. Онъ отчасти раскисался въ своей стойкости, поставившей его въ нѣсколько смѣшное положеніе, но въ глубинѣ души онъ чувствовалъ облегченіе. Онъ точно очутился на свѣжемъ воздухѣ послѣ того какъ долго былъ въ духотѣ, и чувствовалъ себя правымъ. Магги повела его въ маленькую столовую, устроенную въ голландскомъ вкусѣ. На буфетѣ стояли дельфтскія тарелки и матовыя оловянные чашки. Столъ посреди комнаты былъ аккуратно накрытъ. Магги попросила его сѣсть, наръзала ему хлѣба, передавала ему блюда и сама навлаживала ему ѣду на тарелку.

— Теперь помолчите съ четверть часа и ѣшьте, ѣшьте, ѣшьте! Вы навѣрное страшно проголодались послѣ дороги. А для мужчины пустой желудокъ—самое ужасное, хуже, чѣмъ для женщины пустое сердце... Непремѣнно съѣшьте сардинку. Это любимая ѣда Фрица, и мы на зло ему съѣдимъ всю коробку. Когда онъ увидитъ пустую коробку изъ-подъ сардинокъ, онъ будетъ больше огорченъ, чѣмъ еслибы узналъ, что вы похитили у него меня. Господи, да чего я болтаю безъ конца!.. Кушайте, пожалуйста.

Она откинулась на спинку стула и замолчала. Для нея самой ѣда была больше забавой, и она менѣе заботилась объ утоленіи собственного аппетита, чѣмъ о томъ, чтобы ея гость ѣлъ

побольше. Когда они покончили съ ѣдой, она взяла бутылку съ виномъ и стаканъ, и они сѣли оба на прежнее мѣсто.

— Сядьте поудобнѣе,—сказала она.—Представьте себѣ, что вы дома и что я ваша жена. Какъ отрадно должно быть жить семьей! Дѣти спать. Дневной трудъ законченъ. Дождь ударяетъ въ окна. Вы, вѣроятно, очень счастливы дома?

Онъ засмѣялся и сказалъ легкимъ тономъ:

— То, что имѣешь, меньше цѣнишь, чѣмъ то, чего нѣтъ. Люди—неблагодарныя созданія.

— А что вы дѣлаете дома, когда сидите по вечерамъ съ женой?

— Иногда читаемъ вслухъ, иногда говоримъ. А что бы вы дѣлали, еслибы были моей женой, Магги?

— Я?.. Я бы строила планы на будущее—это мое самое любимое занятіе. Еслибы у меня была твердая почва подъ ногами и я имѣла бы право думать о завтрашнемъ днѣ,—я бы непремѣнно жила только будущимъ. Я бы составляла планы путешествій. Строила бы дома. Сопровождала бы мысленно моихъ дѣтей въ ожидающую ихъ жизнь. Какое счастье—имѣть передъ собой будущее!

— Почему вы такъ говорите? Развѣ передъ вами не лежитъ блестящее будущее?

— Мое будущее? Ха-ха! Знаете, гдѣ оно? Въ суфлерской будкѣ, въ госпиталѣ или—въ лучшемъ случаѣ—въ квартирѣ какого-нибудь богатаго банкира. Но тамъ я не умру,—я навѣрное умру въ нищетѣ—на улицѣ. *On revient toujours...* Я выросла на улицѣ—почему же мнѣ тамъ же и не умереть? Когда я вижу старую торговку спичками, я всегда мысленно говорю: „здравствуй, мое будущее“!

— Что за нелѣпныя фантазіи? Вы, съ вашимъ талантомъ...

— Мой талантъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что я молода и красива... Не говорите мнѣ о будущемъ. У меня нѣтъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня. Иногда я нахожу у себя старыя письма, перечитываю ихъ, вижу еще слѣды слезъ на бумагѣ. И думаю: кто тотъ, который тебя тогда такъ пламенно любилъ? И кого ты такъ сильно любила? О комъ ты плакала? Я теперь не знаю—не могу вспомнить—и даже не хочу. Я живу только минутой,—вчерашній и завтрашній день меня не интересуютъ. Я не хочу думать о томъ, что время идетъ, что я состарюсь, что у меня будутъ морщины на лицѣ, что я отяжелею, потеряю зубы—я ничего не хочу знать, ни о чемъ не хочу думать, кромѣ настоящей минуты... А какъ должно быть хорошо—тихо сидѣть и мечтать!

Она откинулась назадъ и повторила, закрывая глаза: — Да, какъ бы хорошо! Ребенкомъ я часто сидѣла на темной лѣстницѣ и все мечтала. У меня тогда ничего не было—и я всего ждала. Теперь у меня все есть, и я ничего не жду... Но зачѣмъ я обо всемъ этомъ говорю—странно! Я вѣдь ни съ кѣмъ такъ не говорила, ни съ Фрицемъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Почему это?

— Вы, я думаю, чувствуете, что я не отношусь къ вамъ только какъ къ женщинѣ—какъ другіе, что мое отношеніе безкорыстно.

— Возможно, — задумчиво отвѣтила она. — Съ другими я такая, какой они хотятъ, чтобы я была съ ними, а съ вами я такая, какая я въ дѣйствительности. Я вамъ довѣряю. Смѣшно, право!

— Чтò же въ этомъ смѣшного?

Но она, повидимому, не слышала его вопроса, а стала что-то напѣвать въ полголоса, и отъ времени до времени глядѣла на него, смѣясь и прищуривая глаза.

— Магги, вы, кажется, смѣтаетесь надо мной.

— Ничуть. Но все-таки смѣшно. Вы относитесь ко мнѣ безкорыстно—вѣроятно потому, что я вамъ не нравлюсь. Я не въ вашемъ вкусѣ. Въ этомъ и состоитъ ваше безкорыстіе.

— Нѣтъ, увѣряю васъ. Но если вы будете продолжать въ этомъ родѣ... то вѣдь я тоже не каменный!

— Вотъ какъ!—сказала она, принимая безгранично изумленный видъ.—Неужели вы не каменный?

Онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ привлечь къ себѣ, но она какъ ящерица выскользнула изъ его рукъ.

— Вотъ какъ... Пожаръ!.. Прощай, безкорыстіе!

Грабаусъ быстро поднялся, такъ ступнувъ въ волненіи рюмкой объ столъ, что она разбилась.

— Вы настоящій чертенокъ, Магги!

Сначала ей сдѣлалось весело отъ своей побѣды, но, увидавъ его мрачное лицо, она присмирѣла и стала просить его, чтобы онъ не уходилъ.

— Не сердитесь!—просила она.—Я боюсь васъ потерять. Я была бы такъ счастлива, еслибы вы хотѣли быть моимъ другомъ—именно безкорыстнымъ другомъ. Могу я на это надѣяться?

Побѣжденный искренностью ея тона, онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Она дала ему другую рюмку вмѣсто разбитой, налила ему и себѣ вина и они выпили въ знакъ примиренія. Потомъ она снова сѣла подлѣ него и между ними начался невинный, дружескій разговоръ. Она рассказывала ему о своемъ

дѣтствѣ, о началѣ своей артистической карьеры, о своихъ товарищахъ. Они мирно сидѣли другъ подлѣ друга, точно ничего не произошло между ними. Когда открылась дверь и вошелъ Фрицъ Гебгардъ, Магги вздрогнула. Она нерѣшительно пошла ему навстрѣчу, скрывая свое радостное волненіе за маской равнодушія.

— Это ты? Все-таки зашелъ, хотя такъ поздно.

— Не сердись, милая. Засѣданіе затянулось безконечно долго. Я ушелъ первый, остальные всѣ еще остались.

— И госпожа Платенъ осталась?

— Да.

— Какъ, значить, она тоже была тамъ!—вскрикнула Магги съ возмущеніемъ.

— Совершенно случайно. Я тебѣ послѣ все это расскажу. Только накорми меня сначала. Я страшно голоденъ. Какъ всегда въ аристократическихъ домахъ, намъ почти ничего не дали ѣсть,—зато сервировка была великолѣпная. Будь доброй, Магги! Дай мнѣ что-нибудь перекусить.

Онъ взялъ ее за талию и звонко поцѣловалъ ее. Весь ея гнѣвъ улетучился, и она пододвинула ему сейчасъ же тарелку и ножъ.

— Бѣдненькій!—сказала она.—Поѣшь, поддержи свои силы.

Грабаусъ и Магги тоже сѣли къ столу. Магги была теперь настолько поглощена заботами о Фрицѣ, что даже не взглянула на Грабауса.

— Друзья мои, это низко!—сказалъ художникъ, взглянувъ съ горестнымъ разочарованіемъ на пустую коробку съ сардинами.

— Я принесу тебѣ другую. У меня есть еще одна коробка,—сказала Магги и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Художникъ оперся головой на руку и мечтательно произнесъ:

— Марія-Луиза! Марія-Луиза!

— Это кто?—спросилъ Грабаусъ.

— Это госпожа Платенъ. Такой женщины ты еще никогда не видалъ. Для художника она неотразима. Какой тонъ кожи, какой цвѣтъ волосъ! И при этомъ, что за душа!

Онъ элегическимъ жестомъ налилъ себѣ вина и продолжалъ:

— Я влюбленъ. Я утопаю въ морѣ любви. А она—я для нея воздухъ. Всѣ мы—воздухъ для нея. Она насъ едва замѣчаетъ—говорить только со стариками. Марія-Луиза—одно это имя... Магги, ты ангелъ!

— Ну, и моя старуха была бы также ангеломъ, если бы принесла тебѣ сардинки.

Грабаусъ смотрѣлъ почти съ завистью, какъ Магги не замѣчала его, поглощенная заботами о своемъ возлюбленномъ. Когда пребило часъ, онъ поднялся, чтобы уйти. Гебгардъ послѣдовалъ его примѣру.

— Да, дѣйствительно, уже пора по домамъ. Магги нужно лечь спать. А то она проснитъ и опоздаетъ на репетицію.

— Развѣ и ты уже уходишь?

Она взглянула на него съ нѣмой мольбой, и когда онъ отвѣтилъ ей только тихо покачавъ головой, на рѣсницахъ ея заблистали слезы. Мужчины молча одѣлись. Старуха, которая весь вечеръ спала на кухнѣ, пришла, зѣвая, посвѣтить имъ. Грабаусъ попрощался первый. Фрицъ еще разъ поцѣловалъ свою возлюбленную.

— Прощай, Магги!—сказалъ онъ.

— Уходи, я тебя ненавижу!

На улицѣ Гебгардъ взялъ своего спутника подъ-руку и грубо вздохнулъ. Было темно и тихо, и только издали, на перекресткѣ Фридрихштрассе, они увидѣли озааренную яркимъ свѣтомъ толпу людей. Они шли нѣсколько времени молча, потомъ Грабаусъ сказалъ:

— Собственно говоря, тебѣ слѣдовало остаться.

— Ты думаешь? Но мало ли что слѣдуетъ. Въ любви и въ искусствѣ нѣтъ никакого долга. Или любишь, или не любишь—съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— А между тѣмъ, она очаровательна.

— Но меня она не чаруетъ. Да, хорошо быть счастливымъ въ любви. Любить безнадежно тоже еще ничего. Но быть предметомъ безнадежной любви,—это ужасно!

— А вѣдь ты прежде любилъ Магги?

— Какъ безумный. Въ теченіе шести недѣль она была для меня всѣмъ на свѣтѣ. Я тогда совершалъ для нея величайшія глупости, отказывался отъ всѣхъ заказовъ, ни съ кѣмъ не видался, кромѣ нея. А потомъ все сразу кончилось.

Они вошли въ кафе и отыскали себѣ столики въ углу.

— Почему это такъ бываетъ, — продолжалъ художникъ, — и въ искусствѣ, и въ любви? Все—какъ бы моментъ опьяненія, которое потомъ проходитъ. Я вижу какой-нибудь пейзажъ, какое-нибудь лицо, пораженъ имъ и думаю о немъ день и ночь, дрожу, когда вижу его. Я чувствую, что долженъ написать его—и пишу. А когда картина выходитъ такой, какой я хотѣлъ ее сдѣлать, для меня кончается привлекательность природы. Я не могу больше глядѣть на нее. Она мнѣ противна—или, въ лучшемъ

случаѣ, безразлична. Есть люди, которые всю жизнь пишутъ одни и тѣ же деревья, одну и ту же натуру. Я этого не могу. И въ любви у меня то же самое. Женщина, которая мнѣ принадлежала, теряетъ для меня всякій интересъ, всякій аромать свѣжести. Завоевывать — вотъ истинное счастье. А спокойное обладаніе — слишкомъ мѣщанская радость. Развѣ я не правъ?

— Не могу я объ этомъ судить, — довольно рѣзко отвѣтилъ Грабаусъ. — Еслибы индійцы, или малайцы, стали рассказывать мнѣ о своихъ нравахъ, мнѣ бы это не показалось болѣе чуждымъ, чѣмъ твои слова. Я не компетентный судья, но долженъ сказать, что по своему отношенію къ любви ты мнѣ кажешься дикаремъ.

— Можетъ быть, я дѣйствительно варваръ, — отвѣтилъ художникъ, засмѣявшись.

— И то, что ты говоришь о писаніи съ натуры, тоже кажется мнѣ невѣрнымъ. Вѣдь ты пишешь не только дерево, утесъ, воду, — а воздухъ, вѣчную смѣну настроеній, мѣняющихся видъ предметовъ. И человекъ тоже вѣчно мѣняется. Сдѣлай маленькое усиліе надъ собой, поди завтра къ Магги, будь съ ней добръ, и ты увидишь совершенно новую женщину. Ты можешь открыть тысячи Магги, если будешь искать. Человекъ вѣчно мѣняется!

— Да, мѣняется, — повторилъ художникъ. — И я тоже мѣняюсь: все, что мнѣ нравится сегодня, можетъ стать совершенно безразличнымъ для меня завтра. Въ моей душѣ живетъ теперь другой образъ. И если я завтра пойду къ Магги, то между мною и ею будетъ стоять другая.

— Боже мой, бѣдняжка заплачетъ себѣ всѣ глаза, если ты не вернешься!

— А все-таки, это было бы лучше всего и для нея. Такъ — я мучу ее, когда прихожу. Она чувствуетъ, что я ее больше не люблю, и огорчается. А когда она будетъ знать, что я для нея потерянь, она проплачетъ съ недѣлю, но потомъ снова откроетъ свое опустѣвшее сердечко, и впуститъ туда кого-нибудь... Она тоже, къ счастью, мѣняется, какъ и я.

Они молча шли по пустыннымъ, большимъ улицамъ. Передъ входомъ въ отель, гдѣ жилъ Грабаусъ, Гебгардъ еще остановился на минуту и сказалъ:

— Послушай, ты долженъ познакомиться съ госпожей Платень. Тогда ты все поймешь и не будешь на меня сердиться. Эту женщину нельзя не любить — нельзя не забыть изъ-за нея всѣхъ другихъ женщинъ. Хочешь познакомиться?

— Какъ это сдѣлать?

— Нѣтъ ничего легче. Послѣ завтра она будетъ у графини Борке. Ты вѣдь знаешь графиню?

— Никогда не слыхалъ о ней.

— Тамъ устраиваются особаго рода журфиксы. Графиня сама теософка, и домъ ея открытъ для всякаго рода безумцевъ. Хочешь пойти къ ней?

Грабаусъ согласился.

— Ты не будешь жалѣть о потраченномъ вечерѣ. Помимо Маріи-Луизы, ты встрѣтишь тамъ много интересныхъ людей. Значить, въ четвергъ, въ половинѣ четвертаго, я зайду за тобой. Это рѣшено?

— Рѣшено. Спокойной ночи. Но послушай!—Грабаусъ задержалъ еще на минуту своего друга, взявъ его за рукавъ.— Подумай о Магги. Она такъ очаровательна. Можетъ быть, твоя любовь еще разъ зацвѣтетъ.

Но художникъ отрицательно покачалъ головой. Когда онъ, уходя, въ послѣдній разъ кивнулъ ему, Грабаусъ слышалъ, какъ онъ шепталъ: „Марія-Луиза, Марія-Луиза!“

Грабаусъ задумчиво поднялся по лѣстницѣ. Когда онъ раздѣлся и легъ въ постель, у него было такое чувство, точно безконечное количество ощущеній тяжело давить его. Онъ потушилъ свѣтъ, и, уже засыпая, сталъ шептать въ полуснѣ:

— Марія-Луиза, Марія-Луиза! Какая странная музыка въ этомъ двойномъ имени! Марія-Луиза, Марія-Луиза!

Когда Грабаусъ вошелъ въ приемную управляющаго департаментомъ, тамъ уже было три человѣка. Комната была оклеена изящными новомодными обоями, но мебель состояла изъ потертаго кожанаго дивана, круглаго стола и старыхъ стульевъ. У камина стоялъ угрюмый господинъ съ черными волосами; отъ него сильно несло іодоформомъ. Онъ занимался своими ногтями—то откусывалъ ихъ, то подробно разглядывалъ. У окна сидѣлъ, вытянувъ ноги и съ галстухомъ, сдвинувшимся на сторону, старый господинъ; у него былъ толстый животъ, составлявшій странный контрастъ съ остальной фигурой. Животъ свидѣтельствовалъ о довольствѣ и объ изрядномъ количествѣ выпитаго вина, въ то время какъ худоба и морщинистое лицо указывали на строгую жизнь, посвященную долгу. Третій изъ ожидавшихся въ приемной людей былъ въ потертомъ сюртукѣ, въ противоположность двумъ другимъ, одѣтымъ во фракъ. У него былъ портфель въ рукахъ, и онъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Особаго

рода хвастливая непринужденность его манеръ указывала на то, что онъ чувствуетъ себя здѣсь какъ дома.

Бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ такъ наступилъ на ногу господину, сидѣвшему у окна, что тотъ испуганно вскрикнулъ.

— Извините!

— Ничего, ничего.

Старый господинъ поднялся съ большимъ усилиемъ, назвалъ свое имя и прибавилъ:

— Вы, вѣрно, тоже—педагогъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Развѣ у меня такой внушительный видъ? Я просто—журналистъ.

— Вотъ какъ! Простите, пожалуйста,—правда, что приемные часы у управляющаго отъ двѣнадцати до часу?

— Приблизительно такъ, или, вѣрнѣе, съ часа. Но иногда онъ въ это время не бываетъ дома, а прѣзжаетъ только послѣ двухъ.

— Но вѣдь это ужасно! Я здѣсь съ половины двѣнадцатаго. Такъ вы говорите, что онъ прѣзжаетъ иногда въ два?

— Что-жъ подѣлаешь! Онъ очень занятъ. Вѣдь онъ завѣдуетъ, такъ сказать, образованіемъ всей монархіи.

— Все-таки это странно. Лакей ничего не зналъ, а между тѣмъ я предупредилъ господина управляющаго о томъ, что буду.

— Предупреждать безцѣльно. Нѣсколько времени еще придется подождать.

Вскорѣ спустя, дверь опять открылась и вошелъ очень живой господинъ въ безукоризненно сшитомъ фракѣ. Онъ со всѣми поздоровался.

— Простите,—обратился опять директоръ къ журналисту.— Вы, повидимому, близко знаете управляющаго?

— Да, очень близко.

— Говорять, онъ очень рѣзкій человекъ?

— Какъ когда!.. Если ему что-нибудь не нравится, то онъ, дѣйствительно, бываетъ иногда очень неприятенъ.

— Это—пустые толки,—вмѣшался въ разговоръ живой господинъ.—Простите, но я не могу не заступиться за отсутствующаго.

Онъ сдѣлалъ короткій поклонъ, провелъ рукой по своимъ молодцоватымъ усамъ и назвалъ себя. Потомъ онъ пожалъ директору руку и сказалъ:

— Я очень радъ, что встрѣтилъ коллегу. Могу васъ увѣрить, что управляющій департаментомъ—сама любезность. Я

много разъ имѣлъ честь быть принятымъ имъ. Въ послѣдній разъ я былъ у него мѣсяць тому назадъ. Онъ меня тогда даже пригласилъ позавтракать съ нимъ.

— И вы дѣйствительно завтракали?—спросилъ журналистъ.

— Къ сожалѣнію, управляющему что-то помѣшало, и онъ самъ не могъ остаться завтракать дома.

— Ему всегда что-нибудь мѣшаетъ.

— Въ концѣ концовъ, нельзя слишкомъ многого требовать отъ него. Но грѣхъ жаловаться на его нелюбезное обхожденіе. Конечно, у такихъ важныхъ господъ масса дѣлъ, и поэтому приходится много разъ напоминать о себѣ. Необходимо настаивать—я вотъ уже въ четвертый разъ пріѣзжаю по тому же самому дѣлу.

— А я здѣсь не разъ присутствовалъ при такихъ сценахъ, что не дай Богъ! Но, помимо того, онъ достоинъ всякаго уваженія. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе яснымъ умомъ.

— И съ болѣе широкими либеральными взглядами,—прибавилъ живой господинъ.

— Ну, что касается этого, то, видите ли, онъ, прежде всего, чиновникъ. Относительно каждаго человѣка онъ спрашиваетъ себя: „годится мнѣ этотъ человѣкъ или нѣтъ?“ Никакія идеи его не интересуютъ. Онъ прежде всего хочетъ, чтобы все шло гладко въ его вѣдомствѣ.

— Тсс!..—сказалъ живой господинъ, когда дверь снова открылась и вошелъ гладко выбритый господинъ; онъ сталъ оглядываться съ хитрой и какъ бы конфузливой улыбкой, и со всѣми поворочался. Усѣвшись скромно въ углу, онъ вытеръ себѣ углы рта и продолжалъ смотрѣть съ полусмущенной и полунасмѣшливой улыбкой. Старикъ-директоръ вынулъ часы изъ жилетнаго кармана.

— Я дожидаюсь уже цѣлыхъ три часа. Это, положительно, ужасно. И хуже всего то, что совершенно забываешь, о чемъ хотѣлъ поговорить. Еще счастье, что я пришелъ первымъ.

Разговоръ замолкъ. Время вяло тянулось. Въ высокія, голыя окна видѣлось сѣрое, пасмурное небо. Грабаусъ оперся головой объ руку и разглядывалъ портретъ господина съ внушительной бѣлой бородой и множествомъ хорошо написанныхъ орденовъ.

Его неподвижные глаза, казалось, были устремлены прямо на чернильницу, стоящую на кругломъ столѣ. Подъ этимъ портретомъ, и какъ бы подъ его покровительствомъ, усѣлся каноникъ съ хитрой улыбкой. Онъ много тысячъ разъ повертѣлъ пальцемъ вокругъ пальца, отъ времени до времени до времени вытирая

кончики рта, потомъ вдругъ улыбнулся еще хитрѣе, тихонько поднялся и вышелъ изъ комнаты.

— Держу пари, что онъ проберется какими-нибудь окольными путями къ управляющему, — сказалъ сангвиническій педагогъ своему товарищу.

Грабаусъ отъ времени до времени мысленно пробовалъ излагать то, что хотѣлъ сказать управляющему въ очень сжатой формѣ. Но онъ былъ почему-то увѣренъ, что въ нужный моментъ сумѣетъ сказать что слѣдуетъ, и потому онъ пересталъ думать о начальствѣ. Мысли его были полны воспоминаній о всемъ пережитомъ наканунѣ... Ему даже вдругъ повзало, что передъ нимъ Магги, которая простираетъ къ нему руки и нѣжно говорить ему: „Скажите:—я люблю тебя“... И снова въ ухахъ его звучало имя Маріи-Луизы, вызывая разные образы. Но отъ воспоминаній о чужомъ имени, которое навсегда должно было остаться ему чужимъ, мысли Грабауса вернулись къ дѣйствительности. А дѣйствительность заключалась въ работѣ и одиночествѣ.

Наконецъ, обитая дверь въ кабинетъ начальника шумно открылась, и изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, похожій на корабельнаго плотника или методистскаго проповѣдника, съ довольно грубыми чертами лица и растущей изъ-подъ подбородка бородой. Всѣ вскочили съ мѣстъ и отвѣсили болѣе или менѣе глубокіе поклоны. Управляющій коротко всѣмъ поклонился, вышелъ на середину комнаты и, остановившись на минуту, прошелъ къ господину у камина, лицо котораго утратило свое ледяное выраженіе и озарилось выраженіемъ радости.

— Это вы, многоуважаемый профессоръ? — сказалъ управляющій. — Какъ я радъ видѣть васъ въ моемъ скромномъ жилищѣ! Чѣмъ я обязанъ этимъ удовольствіемъ? Пойдемте ко мнѣ.

Онъ всталъ и повелъ его къ двери въ свою комнату, но по дорогѣ сдѣлалъ видъ, что только-что увидѣлъ журналиста, и направился къ нему.

— Здравствуйте. Очень радъ!.. Войдите, пожалуйста, ко мнѣ, господинъ профессоръ. Я черезъ минуту къ вашимъ услугамъ.

При этомъ онъ закрылъ дверь за профессоромъ и поспѣшилъ къ журналисту.

— Очень радъ васъ видѣть, — повторилъ онъ. — Мы вѣдь можемъ сейчасъ же потолковать о нашемъ дѣлѣ.

Онъ открылъ противоположную дверь и быстро исчезъ за нею. Журналистъ послѣдовалъ за нимъ, обвинувъ остальныхъ дождавшихся торжествующимъ взглядомъ. Всѣ опять сѣли на

свои мѣста, только школьный директоръ продолжалъ стоять, совершенно растерявшись.

— Какъ же это такъ? Вѣдь я пришелъ первый. Развѣ здѣсь не соблюдается очередь?

Но никто ему не отвѣтилъ, такъ какъ каждый, повидимому, былъ занятъ только собой. На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ болѣзненно-напряженного ожиданія. Можно было бы подумать, что это—приемная зубного врача.

Прошло съ полчаса, когда изъ полуоткрытой двери кабинета высунулась голова ладея, который произнесъ не особенно громко:

— Господинъ докторъ Грабаусъ!

— Здравствуйте, наконецъ-то и вы пожаловали къ намъ! Что вы намъ скажете хорошаго?—спросилъ Вальбольдъ, поднимаясь съ кресла у письменнаго стола.

— Господинъ управляющій, я желалъ бы...

— Прежде всего, конечно, передать мнѣ поклонъ отъ вашего отца. Какъ онъ поживаетъ?

— Хорошо, благодарю васъ.

— Да, онъ мудро поступилъ, въ-время удалившись на покой, и можетъ теперь наслаждаться пріятнымъ досугомъ. Онъ все еще бодръ?

— Мы, его дѣти, поражаемся, до чего онъ еще молодъ. Конечно, не такъ, какъ вы, господинъ управляющій...

— Меня молодить гнѣвъ, милый докторъ. Иногда мнѣ кажется, что пора уйти отъ дѣлъ. Но непременно что-нибудь случается—я возмущаюсь и еще остаюсь. Но, скажите,—васъ давно не видать было. Васъ не было здѣсь года три-четыре.

— Пять лѣтъ.

— Какъ? вы уже пять лѣтъ состоите доцентомъ?

Онъ откинулъ голову назадъ и почесалъ себѣ бороду. Потомъ онъ сѣлъ у письменнаго стола, указавъ Грабаусу на кожаное кресло.

— Мнѣ недавно кто-то о васъ говорилъ,—ахъ, да, я знаю, кто это былъ. Ну, скажите, нравится вамъ въ Іенѣ? Довольны вы своей дѣятельностью?

Грабаусъ тяжело перевелъ дыханіе и отрывисто сказалъ:

— Нѣтъ!

— Какъ, вы не довольны? Однако, говорятъ, что вы имѣете большой успѣхъ. У васъ сразу было много слушателей.

— Да, вначалѣ. Но потомъ...

— Ну, расскажите, расскажите. Но объясните, пожалуйста,—вдругъ прервалъ онъ себя и сталъ тереть глаза и лобъ, ста-

раясь что-то припомнить. — Я помню, что вы приносили мнѣ книгу.

— Мое „Происхождение философіи“.

— Да, да. Скажите, какъ это случилось, — онъ наклонился и широко раскрылъ глаза, — что вы эту книгу посвятили социалистѣ?

На минуту Грабаусъ смутился, но сейчасъ же нашелся.

— Когда я ей посвящалъ книгу, она еще не была социалисткой.

— Знаете, — это могло разбить всю вашу карьеру. Но, можетъ быть, — продолжалъ онъ съ лукавой усмѣшкой, — можетъ быть, она была очень красива?

— Красива? Нѣтъ. ●

— Даже не красива? И изъ-за таковой особы вы рисковали своей карьерой? Какъ можете вы, состоя на государственной службѣ, проявлять симпатіи социалистѣ?

— Простите, господинъ управляющій, — отвѣтилъ Грабаусъ нѣсколько взволнованно. — Эта женщина стала социалисткой изъ-за отношенія правительства къ польскому населенію. Она — полька.

— Какъ — еще, въ тому же, полька? — почти взвизгнулъ начальникъ, точно ему кто-нибудь на ногу наступилъ. — Часъ отъ часу не легче! Надѣюсь, что вы не защищаете поляковъ? Что мы должны, собственно, для нихъ сдѣлать? Дать имъ польскаго короля?

— Что вы, что вы! — засмѣялся Грабаусъ. — Напротивъ того, мы должны ихъ покорить... нравственно покорить...

— Что вы подъ этимъ разумѣете? Объясните мнѣ, пожалуйста. Можетъ быть, вы дѣйствительно можете дать хорошій совѣтъ. Выскажите свое мнѣніе.

Грабаусъ, собственно, не зная, что отвѣтить, такъ какъ сказалъ фразу о нравственномъ завоеваніи Польши совершенно вскользь. Видя, что начальникъ ждетъ его отвѣта, онъ сталъ говорить, слегка заикаясь и не зная заранѣе, что скажетъ:

— Конечно, правительство много сдѣлало для Польши, но все-таки оно всегда являло полякамъ только свою желѣзную силу, было для нихъ только Германіей Мольтке и Бисмарка. Нужно теперь показать имъ духовное величіе Германіи — это я и называю нравственнымъ завоеваніемъ. Нужно, на примѣръ, основать въ Польшѣ національный университетъ... — „и сдѣлать меня тамъ профессоромъ“, подумалъ онъ про себя. Онъ надѣялся, что управляющій не разсердится на это предложеніе, сдѣланное имъ, конечно, въ шутку. Онъ взглянулъ на управляющаго, чтобы про-

честь на его лицѣ, не разсердился ли онъ. Но тотъ, повидимому, просто заснулъ, наклонивъ впередъ голову и засунувъ обѣ руки въ карманы. Прошло нѣсколько секундъ молчанія; наконецъ, управляющій вынулъ изъ кармана огромный ключъ отъ воротъ, разглядѣлъ его, снова сунулъ въ карманъ и пробормоталъ:

- Скажите, кто вамъ внушилъ эту мысль?
- Никто; она пришла мнѣ сама въ голову.
- Давно уже?
- Говоря по правдѣ, не особенно давно.
- И никто съ вами объ этомъ не говорилъ?
- Никто.

— Вотъ видите ли, господинъ докторъ, мысль ваша вовсе не глупа. Вотъ, посмотрите.

Онъ показалъ ему бумагу. Бѣгло взглянувъ на нее, Грабаусъ прочелъ только одно слово: „университетъ“.

— Все, что вы мнѣ говорите, я уже давно обдумалъ. Вы изложили мнѣ мой собственный планъ.

Онъ живнулъ головой съ нѣсколько соннымъ видомъ, но Грабаусъ чувствовалъ, что онъ на него внимательно смотритъ и точно взвѣшиваетъ, пригоденъ ли онъ ему, или нѣтъ. Вдругъ онъ спросилъ Грабауса:

— Скажите, я надѣюсь, вы не пишете въ газетахъ?

— Въ послѣднее время уже не пишу.

— И не пишете. Вообще—все, что мы теперь говорили, должно остаться между нами. Поняли?

Онъ протянулъ ему руку.

— Мы всѣ здѣсь къ вамъ очень хорошо относимся. Скажите, какъ поживаетъ старикъ Вульманъ? Неужели у него есть еще слушатели?

— Вульманъ былъ моимъ покровителемъ...

— Вы не выдадите никакой тайны, если и скажете, что никто его не слушаетъ.— Что тамъ?

Вошелъ лакей, и управляющій ему что-то тихо сказалъ. Потомъ онъ снова обратился къ Грабаусу.

— Оставайтесь завтракать со мной, милый докторъ. За завтракомъ вы мнѣ подробно изложите свои планы. А пока, присядьте, пожалуйста, здѣсь.

Онъ указалъ ему на стулъ у окна, потомъ открылъ дверь и впустилъ восторженного педагога.

Сдѣлавъ глубокой поклонъ, педагогъ началъ длинную рѣчь, изъ которой Грабаусъ только понялъ, что дѣло идетъ о новой

системѣ преподаванія исторіи. Но вдругъ онъ услышалъ отчетливый и рѣзкій голосъ управляющаго:

— Послушайте, господинъ директоръ! Вѣдь вы были у насъ только мѣсяць тому назадъ. Не кажется ли вамъ, что занятія въ вашей школѣ могутъ пострадать отъ вашихъ постоянныхъ разъѣздовъ? Намъ учить вамъ нѣтъ никакой надобности. Да, да, я все знаю. Счастливаго пути! Я вамъ пошлю кого-нибудь. Счастливаго пути!

Совершенно растерявшись, директоръ побѣжалъ не къ той двери.

— Сюда пройдите, пожалуйста, вотъ здѣсь. Прощайте, прощайте!

Выпроводивъ усерднаго педагога, Вальбольдъ подошелъ къ Грабаусу.

— Пойдемте, милый докторъ. Да,—сказалъ онъ, почесывая свою бороду, — это совершенно сходится съ моими планами. Національное воспитаніе... Шиллеръ и Гёте—въ роли колонизаторовъ... И Трейчке... Вотъ, видите ли, такой человекъ, какъ Трейчке, былъ бы мнѣ особенно нуженъ. Мы, собственно, намѣревались поставить во главѣ стараго профессора государственнаго права—человѣка съ внушительнымъ именемъ. Но и молодая сила... Послушайте, говорятъ, что вы прекрасный ораторъ. Кто это мнѣ сказалъ?

Но въ эту минуту вошелъ лакей, и управляющій обратился къ нему:

— Я сейчасъ приду.

Когда лакей еще что-то шепнулъ ему, онъ отвѣтилъ съ досадой:

— Нѣтъ, нѣтъ! Приемные часы давно кончены.

Онъ сталъ разбирать визитныя карточки на столѣ.

— Онъ даже не предупредилъ о томъ, что будетъ. Скажите, что завтра, между двѣнадцатью и двумя.—Милый докторъ, мнѣ сегодня некогда завтракать. Ахъ, да, о васъ мнѣ говорилъ Кюльветтеръ.

— Его сынъ былъ моимъ слушателемъ.

— Да, да, я знаю. Послушайте, мы еще съ вами увидимся. Поѣзжайте спокойно домой. Мы здѣсь всѣ хорошо къ вамъ относимся.

Грабаусъ уже былъ въ дверяхъ, когда Вальбольдъ еще разъ остановилъ его.

— Только никому ни слова. Поняли? Поклонитесь отцу. Прощайте.

Весь дрожа отъ волненія, но радостно возбужденный предчувствіемъ чего-то великаго въ будущемъ, шелъ Грабаусъ среди густой толпы на Фридрихштрассе. Все, что говорилъ ему Вальбольдъ, хаотически вертѣлось у него въ головѣ. Онъ еще ничего не могъ уяснить себѣ. Но развѣ Вальбольдъ не намекалъ на то, что, можетъ быть, поставить его во главѣ новаго университета? На минуточку возможность этого назначенія была несомнѣнно близка... И съ быстротой молніи то, что создалось замѣшательствомъ начальника, желавшаго быть любезнымъ съ сыномъ стараго товарища, превратилось для молодого энтузіаста въ радостную надежду, охватившую все его существо, въ золотую мечту о блестящемъ будущемъ.

„О, еслибъ я могъ стать побѣдителемъ! Выйти въ бой представителемъ великой духовной силы и совершить то, чего не могли добиться насиліе и полицейскій гнетъ. Побѣдить предрассудки, поставить высшій разумъ на мѣсто затхлыхъ традицій; превратить въ искренно преданныхъ странѣ гражданъ людей, которые чувствуютъ себя теперь только поработченными и страдаютъ изъ-за своего рабства! Боже, какая это великая задача!“

Онъ смотрѣлъ на равнодушно снующую по улицѣ толпу и чувствовалъ, какъ въ немъ крѣпнеть сила. Въ такомъ состояніи онъ бывалъ, когда говорилъ передъ толпой слушателей. И въ то время, какъ въ душѣ его поднимались другія, враждебныя мысли, онъ говорилъ себѣ: „Я все повоюю силой моего лучшаго разумѣнія, силой духа. Я чувствую, что побѣда будетъ за мной!“

Съ вѣм. З. В.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССІИ,

ПО „ТРУДАМЪ МѢСТНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ“

I.

Въ октябрѣ прошлаго года появился трудъ подъ названіемъ: „Кооперация“, составленный С. В. Бородаевскимъ и изданный министерствомъ финансовъ не для широкаго круга интересующихся даннымъ вопросомъ. Этотъ трудъ представляетъ не что иное, какъ извлеченія или сводку мнѣній по кооперации мѣстныхъ комитетовъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ виду важности „Трудовъ мѣстныхъ комитетовъ“, въ виду компетентности большинства ихъ сужденій относительно кооперативнаго движенія въ Россіи, мы познакоимъ съ ними читателей, пользуясь извлеченіями г. Бородаевского, составляющими книгу около двухсотъ страницъ большого формата.

При разсмотрѣніи современнаго состоянія кооперативнаго движенія въ Россіи, мѣстные комитеты констатируютъ прежде всего его слабое развитіе. Если не считать зачаточныхъ формъ коопераций, въ видѣ „супрягъ“ и „складчинъ“ отдѣльныхъ крестьянъ для взаимной помощи при работахъ и для совмѣстной покупки сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, то развитіе среди нашихъ крестьянъ кооперативныхъ учрежденій должно быть признано явленіемъ исключительнымъ, наблюдаемымъ лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются особенно благопріятныя для

этого условия и где за дело взялись энергичные лица из среды местной интеллигенции. Правильность такого заключения подтверждается, между прочим, сведениями по московской губернии. Там, из тринадцати уездов этой губернии кооперативные учреждения среди крестьян существуют лишь в четырех уездах, да и то в очень ограниченном числе, именно: в звенигородском уезде—одно потребительное общество; в клинском—по одному товариществу ссудо-сберегательному, потребительному и кредитному; в московском—одно ссудо-сберегательное и два кредитных товарищества; наконец, в рузском—четыре ссудо-сберегательных товарищества.

Вообще говоря,—несмотря на относительные успехи отдельных коопераций, развитие у нас кооперативных учреждений и приносимая ими польза далеко не достигают того размаха, который был бы желателен и, как высказано в одном комитете,—и первая и вторая „должны быть выражены безвечно малой величиной“ (харьковская губ.).

Более значительное применение получили у нас кооперации, преследующие цели кредита, главным образом—ссудо-сберегательные товарищества. В некоторых местах, например в бердянском уезде таврической губ., названные товарищества достигли значительной степени развития. В настоящее время здесь действуют двадцать-восемь таких товариществ и готовятся открытие еще двух новых. Нужно заметить, что крестьянское население этого уезда прекрасно сознает пользу товариществ, благодаря чему—стоит только распространиться слуху об учреждении нового товарищества, как уже являются сотни желающих записаться в члены этого учреждения. Для упомянутых ссудо-сберегательных товариществ, по отзыву как самих членов, так и бердянского отделения государственного банка, идут хорошо. Товарищества расплатились со многими долгами; образовали между собою для взаимной поддержки союз; начали устраивать так называемые „потребительские лавки“, где члены товариществ покупают на очень выгодных для себя условиях необходимые для хозяйства предметы, избегая переплат различным посредникам. Покупаемые, например, товариществами на вилейском заводе косы продаются членам по 60—70 коп. за штуку, тогда как у местных торговцев они стоят от 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. (екатеринославская губ.).

Число членов в некоторых из этих товариществ очень велико, составляя, например, в николаевском товариестве

двѣ тысячи человѣкъ, въ берестоватскомъ—до трехъ тысячъ человѣкъ и въ андреевскомъ—свыше четырехъ тысячъ человѣкъ. Обороты товариществъ сильно разрослись. Ежегодный оборотъ андреевскаго ссудо-сберегательнаго товарищества достигаетъ 600.000 руб.; обороты другихъ товариществъ нерѣдко колеблются въ предѣлахъ отъ 200.000 до 300.000 руб. (екатеринославская губ.). Однако, преобладающимъ въ „Трудахъ“ мнѣніемъ относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ является то, что эти товарищества весьма слабо удовлетворяютъ потребности населенія въ кредитѣ и, въ общемъ, функціонируютъ не такъ, какъ было бы желательно (бессарабская и вологодская губ.). Первое съ наибольшою рельефностью свидѣтельствуется, напримѣръ, тѣмъ, что общее количество употребляемыхъ на кредитованіе населенія капиталовъ этихъ товариществъ настолько ничтожно, что, въ среднемъ, на одного жителя виленской губерніи приходится такихъ капиталовъ 7 коп., на жителя гродненской губерніи—5 коп., а витебской—даже 3 коп.

Дѣятельность товариществъ также вызываетъ упреки. За весьма рѣдкими исключеніями, къ числу которыхъ принадлежать упомянутыя выше бердянскія ссудо-сберегательныя товарищества, положеніе остальныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представляется мало благоприятнымъ. Товарищества эти или замѣнились въ кругъ немногихъ лицъ, совершенно утративъ значеніе кредитныхъ учрежденій, заботящихся объ удовлетвореніи потребности въ кредитѣ крестьянъ средняго достатка (тульская губ.), или же свели свою дѣятельность къ ежегодной перепискѣ выданныхъ членамъ товарищества ссудъ (екатеринославская губ.).

Что касается положенія коопераций, преслѣдующихъ задачи сбыта и потребленія, то въ „Трудахъ“ указывается на замѣтное распространеніе за послѣдніе годы, благодаря нормальному уставу, выработанному министерствомъ земледѣлія, сельско-хозяйственныхъ товариществъ по приобрѣтенію и сбыту земледѣльческихъ продуктовъ (виленская губ.). Среди такихъ товариществъ нѣкоторыя дѣйствуютъ весьма удовлетворительно. Между прочимъ, отмѣчается успѣшная дѣятельность товарищества балтійскихъ сѣменоводовъ. Учрежденное въ 1901 году и поставившее своею цѣлью содѣйствовать сѣменной торговлѣ и раціональному воздѣлыванію сѣмянъ, это товарищество приобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ новую кліентуру, начинаетъ распространять свою дѣятельность на сосѣднія губерніи и развило свои обороты въ 1901—1902 гг. до 300.000 руб. (лифляндская губ.).

Что касается сельско-хозяйственныхъ обществъ, то, судя по

имѣющимся въ „Трудахъ“ даннымъ, дѣятельность многихъ изъ этихъ обществъ, несмотря на скудные средства, которыми они располагають, заслуживаетъ сочувствія. Одни изъ этихъ обществъ открываютъ склады улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, при чемъ орудія изъ такихъ складовъ не только продаются на наличный и въ расрочку, но и отдаются за небольшую плату на прокатъ. Другія общества производятъ опыты показательныхъ полей, съ цѣлью воздѣйствія на крестьянъ въ смыслѣ перехода отъ трехполья къ четырехполью и проч. Третьи стремятся, путемъ устройства праздниковъ древносажденія, возбудить въ крестьянахъ интересъ къ лѣсоразведенію; между прочимъ, шебекинскимъ обществомъ сельскихъ хозяевъ (курской губ.) засажено около 50 десятинъ песковъ. Четвертыя организуютъ случайные пункты для улучшенія породы скота. Пятыя совершаютъ опыты съ различными искусственными удобрениями. Нѣкоторые общества демонстрируютъ ручныя и конныя молотилки, а также сортировки сѣмянъ, устраиваютъ выставки, питомники древесныхъ породъ; производятъ непосредственно большими партіями закупку для продажи населенію косъ и серповъ; организуютъ операціи ссудъ подъ хлѣбъ: устраиваютъ зерносушилки; открываютъ учебныя мастерскія для обученія населенія ремесламъ и т. п. Иныя общества, задавшись цѣлью доставить населенію дешевый кредитъ, взяли на себя инициативу въ устройствѣ кредитныхъ товариществъ; таковы: бѣлгородское общество, курской губ., и алексѣевское; самарской губ.

Но, съ другой стороны, указывается на то, что дѣятельность многихъ обществъ, не располагающихъ нужными средствами, болѣе чѣмъ скромна, ограничиваясь нерѣдко лишь теоретическимъ обсужденіемъ разныхъ вопросовъ, которыхъ не имѣютъ даже надежды провести въ жизнь.

Отрицательною стороною дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ является также ихъ обособленность отъ крестьянъ, ихъ „до известной степени аристократичность“. Крестьяне не состоятъ членами этихъ обществъ, да и не могутъ состоятъ, такъ какъ, допустивъ даже, что они сознали бы значеніе такихъ обществъ, для нихъ было бы непосильно уплачивать пай въ 50 или 100 руб. (подольская губ.). Но этого мало; даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ крестьяне состоятъ членами (напримѣръ, въ самарской губ.), участіе ихъ въ обществахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, „весьма проблематично“ (гродненская губ.).

Наконецъ, однимъ изъ обстоятельствъ, характеризующихъ современное положеніе сельско-хозяйственныхъ обществъ, является

наблюдаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ медленность въ полученіи разрѣшеній на оборудованіе общества. Между прочимъ, въ „Трудахъ“ указывается случай неполученія разрѣшенія на устройство общества второй (!) годъ со дня возбужденія ходатайства (вятская губ.).

Что касается современнаго положенія потребительныхъ обществъ, то въ „Трудахъ“ по этому предмету имѣются весьма скудныя данныя, касающіяся—и то лишь отчасти—положенія одного изъ видовъ названныхъ обществъ, именно—сельскихъ общественныхъ лавокъ. Результаты дѣятельности этихъ лавокъ въ подольской губерніи, гдѣ онѣ возникли впервые „наканунѣ введенія казенной продажи вина“, были различны: однѣ лавки давали до 40⁰/₀ прибыли; другія, просуществовавъ короткое время, закрывались. Въ кievской губерніи, въ каневскомъ уѣздѣ, было открыто семь общественныхъ лавокъ, изъ которыхъ двѣ прекратили свою дѣятельность,—остальныя же, хотя и оказываютъ населенію услуги, не давая возможности торговцамъ произвольно увеличивать цѣны на товары, все-же не оправдали ожиданій населенія получить возможность пріобрѣтать дешевый и доброкачественный товаръ.

Относительно коопераций, преслѣдующихъ задачи совмѣстнаго производства, въ „Трудахъ“, хотя и рѣдко, также приводятся примѣры успѣшной дѣятельности подобныхъ организацій. Такъ, имѣются въ „Трудахъ“ краткія упоминанія о земледѣльческихъ артеляхъ, существующихъ въ небольшомъ количествѣ въ пермской и херсонской губерніяхъ. Практикой устройства такихъ артелей выяснено, что въ эти артели соединяются, главнымъ образомъ, хозяева, владѣющіе недостаточнымъ количествомъ земледѣльческаго инвентаря и ограничивающіеся обработкой лишь собственныхъ надѣловъ, т.-е. бѣдные, малоземельные крестьяне. Окрѣпшіе и богатые крестьяне въ артель не вступаютъ, а заводятъ свое улучшенное хозяйство. Идея артели зародилась изъ такъ называемой „супруги“, когда крестьяне, имѣющіе недостаточное количество скота, соединяются по-двое и по-трое, чтобы произвести вспашку поля и луговъ. Члены артели въ александрійскомъ уѣздѣ такъ формулируютъ выгоды артельного хозяйства въ договорѣ: крестьянское хозяйство въ артели становится сильнымъ и устойчивымъ; благодаря артелямъ, можно улучшить хозяйство пріобрѣтеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, породистаго скота, хорошихъ сѣмянъ, завести удобреніе, травосѣяніе, орошеніе и т. п.; благодаря той же артели, можно за круговую порукою занимать деньги, необходимыя для устройства и улуч-

шенія хозяйства, и, между прочимъ, имѣть кредитъ въ государственномъ банкѣ „на основаніи правилъ 1895 года о мелкомъ кредитѣ“, а также у частныхъ лицъ, такъ какъ товарищество представляетъ болѣе надежное ручательство въ уплатѣ, чѣмъ одинъ человекъ, и потому можетъ приобрести болѣе довѣрія въ себя и своей платежеспособности (харьковская губернія).

Нѣкоторые члены комитетовъ обращаютъ вниманіе на развитіе товарищеской аренды земли. При этомъ отмѣчается любопытный фактъ, свидѣтельствующій о нѣкоторомъ ростѣ въ населеніи кооперативнаго сознанія, именно—повышеніе численнаго состава такихъ товариществъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, составъ такихъ товариществъ опредѣлялся въ 5—10 душъ, теперь же онъ все чаще и чаще достигаетъ 30, 40, 70 и—въ одномъ случаѣ—даже 240 душъ (харьковская губ.). Въ вятской губерніи извѣстенъ случай веденія на арендуемой землѣ артельного хозяйства въ теченіе болѣе 10 лѣтъ. Сущность устройства артелей, ведущихъ такое хозяйство, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вся арендуемая земля дѣлится на крупныя участки. Арендаторы-крестьяне сгруппировываются въ „десятки“, съ одной или двумя лошадьми каждый. Участки земли распределяются между десятками по жребію.* Земля между отдѣльными лицами не дѣлится, а дѣлится урожай. Такой способъ хозяйства, какъ сказано выше, практикуется уже многіе годы, съ прекрасными для обѣихъ сторонъ результатами, и имѣетъ за собою еще ту выгоду, что, поощряя крестьянъ къ дружной одинъ передъ другимъ работѣ, возбуждаетъ въ ней должную энергію и „пробуждаетъ столь желательныя элементы общественности“ (вятская губ.).

Кромѣ связаннаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдается въ настоящее время, главнымъ образомъ—по отношенію къ лѣсу и сѣновосу, замѣна уравнительнаго распредѣленія общинной земли совмѣстной ея обработкою (новгородская губ.).

Есть также въ „Трудахъ“ указанія на успѣхи, достигаемые крестьянскими артелями для устройства маслодѣлень. Организациі послѣднихъ содѣйствуетъ, между прочимъ, пермское губернское земство путемъ выдачи безпроцентныхъ ссудъ на развитіе маслодѣлень. Ссудъ этихъ оказывается, однако, далеко не достаточно для удовлетворенія всей потребности артелей въ кредитѣ. Въ „Трудахъ“ есть нѣкоторыя данныя относительно внутренняго устройства этихъ артелей. Въ шадринскомъ уѣздѣ пермской губерніи дѣло ведется такъ. Нѣсколько крестьянъ, соединившись въ артель, устраиваютъ маслодѣльное заведеніе, причемъ каждый

участникъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одну корову и внести въ общее дѣло 2 рубля деньгами. Молоко сдается по вѣсу и по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Вся прибыль, полученная отъ продажи молочныхъ издѣлій, дѣлится поровну. Такимъ образомъ каждый артельщикъ имѣетъ сбытъ молока по болѣе или менѣе выгодной для него цѣнѣ и, сверхъ того, участвуетъ въ прибыляхъ предпріятія. Маслодѣльная артель способствуетъ увеличенію скота, а разъ количество послѣдняго увеличивается, возрастаетъ и получаемое отъ него удобреніе, столь необходимое въ сельскомъ хозяйствѣ.

Наконецъ, въ „Трудахъ“ комитетовъ есть указанія на существованіе во многихъ деревняхъ союзныхъ молотиловъ, соломо-рѣзовъ, а также приспособленій для обработки льна. Пока это, правда, единичные случаи, которые только въ будущемъ могутъ принять болѣе широкіе размѣры и охватить всевозможные виды труда, но самый фактъ наличности подобныхъ организацій указываетъ, что „наши крестьяне прекрасно понимаютъ работу сообща и къ ней подготовлены“ (ковенская губ.).

II.

Къ числу причинъ слабого развитія коопераций нѣкоторые комитеты относятъ отсутствіе спеціальныхъ узаконеній, облегчающихъ устройство кооперативныхъ учреждений, открытіе которыхъ въ настоящее время „обставлено массою формальностей“ (виленская губ.). Такой порядокъ устройства неблагопріятенъ для развитія коопераций: приходится нерѣдко ожидать слишкомъ много времени, чтобы получить разрѣшеніе, что не можетъ способствовать успѣху коопераций. Нужна слишкомъ большая энергія, чтобы „хлопотать и ждать цѣлыя годы“ (вятская губ.).

Не только устройство кооперативныхъ учреждений, но и ихъ дѣятельность обставлены у насъ цѣлымъ рядомъ стѣсненій, которыя не могутъ не тормазить развитія этихъ учреждений (владимірская губ.). Доказательствомъ такихъ стѣсненій для работниковъ въ области коопераций могутъ служить, между прочимъ, нѣкоторые приводимые въ „Трудахъ“ примѣры. Прежде всего указывается на тормазящее дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ требованіе, чтобы образованіе обществомъ спеціальныхъ капиталовъ, самое возникновеніе которыхъ могло бы служить лишь доказательствомъ живой дѣятельности общества, обусловливалось разрѣшеніемъ губернатора. Подобныя тре-

бования не могут содѣйствовать развитію этихъ учреждений, особенно въ средѣ сельскаго населенія. Деревня слишкомъ долго спала мертвымъ сномъ, и подвинуть ее на предпримчивость, вдохнуть въ нее смѣлую хозяйственную инициативу не легко, даже освободивъ ее отъ лишнихъ путей и стѣсненій. „Призывъ къ дѣятельности, да еще съ оговорками и ограниченіями, будетъ безсиленъ тамъ, гдѣ нужна труба архангела“ (курская губ.).

Въ частности, относительно слабого развитія сельско-хозяйственныхъ товариществъ, дѣлаются предположенія, что ихъ развитію препятствуетъ отсутствіе узаконеній о центральныхъ союзахъ. Между тѣмъ, только устройство такихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый объединялъ бы всѣ кооперативныя учрежденія, работающія въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, можетъ оказать наиболѣе благотворное вліяніе въ дѣлѣ успѣшнаго достиженія намѣченныхъ этими учрежденіями цѣлей. Такие союзы облегчаютъ, между прочимъ, снабженіе земледѣльческаго населенія доброкачественными товарами по самой доступной цѣнѣ и—что не менѣе важно—могутъ вызвать ростъ производства этихъ товаровъ въ Россіи. Только центральные союзы въ состояніи дать заводамъ и кустарямъ большіе заказы однородныхъ машинъ, орудій и другихъ издѣлій, по указаніямъ заказчиковъ. Этимъ путемъ могутъ быть достигнуты выработка и распространеніе самыхъ подходящихъ для мѣстныхъ условій сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и т. п. (виленская губ.).

Та же мысль о необходимости центральной союзной организаціи, отсутствіе которой является причиной слабого развитія кооперативныхъ учреждений, и созданіе которой способно содѣйствовать процвѣтанію послѣднихъ, проводится и въ другомъ мѣстѣ „Трудовъ“, при чемъ какъ на органъ, который могъ бы объединить всѣ кооперативныя организаціи, указывается на „Императорское московское общество сельскаго хозяйства“ (тамбовская губ.).

Нѣкоторые видятъ причину слабыхъ успѣховъ кооперативнаго дѣла въ отсутствіи у нашихъ крестьянъ сознанія полезности кооперацій, что, въ свою очередь, объясняется пребываніемъ населенія въ томъ періодѣ культуры, когда антагонизмъ и недобѣріе другъ къ другу являются преобладающимъ элементомъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, исключая тѣмъ самымъ возможность плодотворнаго ихъ единенія. Эту причину способно устранить только время (рязанская губ.).

Другіе, не отрицая того, что сознаніе полезности кооперацій постепенно уже и теперь проникаетъ въ разнообразныя слои населенія, видятъ серьезную причину слабыхъ успѣховъ коопе-

ративной идеи среди населенія въ отсутствіи „устойчиваго общенія“ (вологодская губ.), иначе говоря—глубокаго сознанія, что сила коопераціи и залогъ ея процвѣтанія заключаются въ томъ, чтобы личными интересами въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать ради интересовъ общаго дѣла. Для успѣшнаго развитія коопераціи требуется такой уровень культурнаго, политическаго и гражданскаго развитія населенія, при которомъ у каждаго изъ участниковъ коопераціи было бы ясное сознаніе, что интересъ общій долженъ преобладать надъ личнымъ. Къ сожалѣнію, большинство нашего сельскаго и городскаго населенія никакъ нельзя признать достигшимъ такого культурнаго уровня. Этимъ объясняются неудачи въ организаціи нашихъ кооперативныхъ учреждений, даже въ томъ случаѣ, когда инициативу и руководство этихъ предпріятій бралъ на себя интеллигентный классъ (екатеринославская губ.).

По взгляду нѣкоторыхъ, едвали не самую важную причиною неуспѣховъ коопераціи въ Россіи является „окутывающее народъ до настоящаго времени невѣжество“ (минская губ.). Другіе выдвигаютъ въ разсматриваемомъ отношеніи на первый планъ слабое развитіе среди нашего населенія самодѣтельности (пермская губ.), которая, какъ извѣстно, есть главное основаніе всякой коопераціи, и для развитія которой въ деревнѣ общія условія складываются все менѣе и менѣе благоприятно. Съ одной стороны, трудное положеніе сельскаго хозяйства можетъ остановить самаго предпріимчиваго отъ новыхъ начинаній, требующихъ затратъ и связанныхъ съ рискомъ; съ другой — общія условія жизни неспособны укрѣпить въ сельскомъ хозяинѣ довѣріе къ своимъ силамъ. Стѣсненіе самодѣтельности, ограниченіе инициативы, урѣзываніе сферы дѣйствія въ той области, которая почти сорокъ лѣтъ назадъ была отмежевана обывателю, — все это не можетъ поддерживать въ населеніи энергію и способствовать подъему духа. Между общественнымъ дѣломъ и хозяйственною жизнью существуетъ тѣсная органическая связь, такъ какъ „не о хлѣбѣ единомъ живъ человекъ“. И потому — пока въ общественномъ дѣлѣ беспредѣльно господствуетъ система, въ силу которой „взрослые люди разсматриваются какъ несовершеннолѣтніе“, нельзя ожидать, чтобы тѣ же люди пріучились дѣйствовать смѣло и самостоятельно въ другой сферѣ дѣятельности. „Система недоувѣрія и мелочной опеки не воспитываетъ предпріимчивыхъ людей; это — не такая школа, въ которой сельскій хозяинъ могъ бы научиться ходить на собственныхъ ногахъ. Когда деревенскому населенію, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ,

рекомендуется смѣлый полетъ, а въ качествѣ общественныхъ дѣятелей—все болѣе и болѣе подрѣзываются крылья, то получается непримиримое противорѣчіе, которое неспособно поднять энергію и пробудить инициативу“ (курская губ.). Соглашаясь съ вышесказаннымъ и подтверждая, что настоящая дѣйствительность мало способствуетъ тому, чтобы у насъ могъ развиваться вкусъ къ работѣ въ области кооперацій (харьковская губ.), нѣкоторые также полагаютъ, что для развитія кооперативныхъ учреждений наша интеллигенція не имѣла никакой подготовки въ прошломъ. Въ частности, по отношенію къ крестьянскому населенію указывается на то, что „темнота, безправность и бѣдность“ послѣдняго не могутъ создать благоприятныхъ условий для развитія среди этой части населенія кооперацій.

Весьма неблагоприятное на развитіе кооперацій вліяніе оказываютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ комитетовъ, особыя бытовыя условія нашего сельскаго сословія и обособленность его въ области гражданскаго права. И первыя, и вторыя не могутъ быть признаны обстоятельствами, благоприятными для возбужденія въ сельскомъ населеніи самостоятельности и развитія кооперацій. Насколько отрицательное вліяніе на ростъ кооперацій долженъ имѣть нынѣшній крестьянскій общественный строй, видно уже изъ того, что онъ отличается слѣдующими общезвѣстными характерными особенностями. Во-первыхъ, этотъ строй чрезвычайно мало гарантируетъ личную неприкосновенность отдѣльнаго лица, давая широкія дисциплинарныя права какъ властямъ, избираемымъ обществами, такъ равно и назначаемымъ отъ правительства. Во-вторыхъ, онъ построенъ на принципѣ полного подчиненія крестьянскаго самоуправления единоличной административной власти. Наконецъ, въ-третьихъ, въ немъ дѣйствуетъ своеобразная форма сословнаго суда, имѣющаго право руководствоваться при разрѣшеніи гражданскихъ споровъ не писаннымъ закономъ, а обычаемъ, установленнымъ безъ формальной и тщательной провѣрки его существованія; въ дѣлахъ же уголовныхъ—особымъ, не распространяющимся на другіе классы населенія уставомъ о наказаніяхъ (нижегородская губ.).

Однимъ изъ неблагоприятныхъ условий для развитія кооперацій нѣкоторые признаютъ также нашу общину, вѣрнѣе — существующій порядокъ землепользованія, такъ какъ только съ уничтоженіемъ черозполосицы можно ожидать серьезнаго развитія кооперативныхъ учреждений (витебская, кievская губ.). Однако, наряду съ этимъ другіе видятъ въ общинѣ готовый матеріалъ для вступленія массы крестьянъ на путь кооперативныхъ хозяйственныхъ отношеній (воронежская губ.).

Что касается обособленности сельскаго сословія въ области гражданскаго права, то, помимо сказаннаго, она выражается также и въ томъ, что въ настоящее время по закону „необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ имущество не подлежитъ продажѣ за частныя и даже казенныя долги“. Практическое значеніе этого закона таково, что „разъ мужикъ не платитъ, то никакимъ судомъ съ него не взыщешь“ (вятская губ.). При такомъ положеніи вещей, коопераціи—особенно кредитныя коопераціи—не могутъ существовать, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что предоставленный такимъ коопераціямъ кредитъ будетъ оправданъ (ковенская губ.).

Нѣкоторые объясняютъ слабыя успѣхи коопераціи въ Россіи недостаткомъ интеллигентныхъ руководителей. За послѣднее время стремленіе среди кустарей соединиться въ артели сказывается все чаще и чаще. Надвигающаяся фабрика все болѣе и болѣе убѣждаетъ ихъ въ невозможности работать въ одиночку. И кустари прекрасно понимаютъ, такъ сказать, теоретическое значеніе артели. Съ этимъ словомъ связывается у мужика представленіе о работѣ сообща при равноправности всѣхъ членовъ. Техническая сторона дѣла тоже не пугаетъ русскихъ рабочихъ: дѣло поставить они сумѣютъ. Но они чувствуютъ полное безсиліе организовать торговую сторону дѣла, счетоводство, отчетность, установить внутренней распорядокъ и устранить взаимное недоувѣріе и раздоры. Трудно найти необходимыя деньги, не легче найти и „управителя“. И они, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, ищутъ „варяга“, который пришелъ бы править ихъ дѣломъ. Они рады образованному интеллигентному человѣку; готовы и оплатить его трудъ. Но интеллигенція не откликается, и артели попадаютъ въ руки „аблакатовъ“, прогорѣвшихъ предпринимателей и т. п. людей, которые „въ худшемъ случаѣ прямо обворовываютъ артели, а въ лучшемъ — гнутъ свою линію“ (нижегородская губ.).

Въ частности, неудачи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыхъ, какъ извѣстно, съ 1869 по 1903 годъ было учреждено 1.872, а дѣйствуетъ всего 844, объясняются также отсутствіемъ надлежащихъ руководителей и недостаткомъ живого контроля (новгородская губ.). Послѣднее, въ свою очередь, является слѣдствіемъ слабаго участія въ такихъ кооперативныхъ организаціяхъ интеллигентныхъ лицъ.

III.

По вопросу о значении коопераций заключающіяся въ „Трудахъ“ мнѣнія отличаются сдержанностью. Въ огромномъ числѣ случаевъ нѣтъ не только преувеличенной оцѣнки той роли, которая принадлежитъ коопераціи въ области народно-хозяйственной жизни, но скорѣе проглядываютъ сомнѣнія въ важномъ для Россіи значеніи кооперативнаго дѣла и въ необходимости его развитія.

Однако, среди отдѣльныхъ сужденій, нашедшихъ мѣсто въ „Трудахъ“, есть и такія, которыя проникнуты глубокой увѣренностью въ томъ, что коопераціямъ принадлежитъ въ настоящемъ и особенно въ будущемъ важная роль въ дѣлѣ улучшенія нынѣшнихъ экономическихъ условий жизни населенія. Основаніемъ для подобныхъ взглядовъ на значеніе коопераций является свойственное послѣднимъ сотрудничество нѣсколькихъ лицъ въ видахъ достиженія общей для всѣхъ нихъ цѣли. Преимущество подобной совмѣстной работы, получаемые при этомъ условіи лучшіе результаты—являются настолько же несомнѣнными, насколько основателемъ совѣтъ: „бей кулакомъ, а не растопыривши пальцы“, или — насколько справедливо утвержденіе, что „двѣ собаки поймаютъ вмѣстѣ больше зайцевъ, чѣмъ четыре — порознь“. Вообще говоря, экономическое значеніе коопераций ясно вытекаетъ изъ перечня тѣхъ многообразныхъ задачъ, которыя съ большимъ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены хозяевами именно при условіи объединенія ихъ въ коопераціи. Среди этихъ задачъ слѣдуетъ упомянуть, между прочимъ: 1) удешевленіе для членовъ коопераций предметовъ потребленія путемъ оптовой закупки товаровъ; 2) облегченіе для нихъ возможности пользоваться доступнымъ кредитомъ; 3) организація производства на кооперативныхъ началахъ; 4) улучшеніе условій веденія хозяйства путемъ совмѣстной покупки племенного скота, производителей и проч. (минская губ.); 5) организація взаимнаго страхованія отъ пожара, градобитія, эпизоотій и т. п.; 6) облегченіе производства меліоративныхъ работъ, какъ-то: осушенія, орошенія, лѣсныхъ насажденій, совмѣстнаго содержанія специалистовъ и проч. (витебская губ.).

Помимо этого, необходимо имѣть въ виду, что соединеніе хозяевъ всевозможныхъ (по ихъ имущественному достатку) категорій въ разнаго рода союзы можетъ не только способствовать уменьшенію расходовъ по веденію хозяйства и улучшенію жизни

вообще, но и благотворно вліять на организацію самаго хозяйства, повышая его производительность. Слѣдуетъ также помнить, что, благодаря коопераціи, техническое развитіе промысла можетъ идти болѣе быстро и достигаемые имъ успѣхи могутъ оказаться болѣе значительными и прочными. Къ сказанному необходимо прибавить, что и посредничество между мелкими хозяевами и потребителями входитъ въ сферу дѣятельности разнаго рода кооперацій и союзовъ (витебская губ., тамбовская губ.), и потому— успѣшный ростъ кооперативнаго движенія имѣетъ весьма серьезное экономическое значеніе въ области народно-хозяйственной жизни и содѣйствіе его развитію представляется чрезвычайно важнымъ (полтавская губ.). Въ правильной организаціи разнообразныхъ союзовъ, основанныхъ на кооперативныхъ началахъ, заключается условіе экономическаго развитія страны не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, такъ какъ современная жизнь немислима безъ существованія обществъ и товариществъ (минская губ.), и „внѣ ассоціаціонныхъ артельныхъ формъ все наше народное хозяйство не можетъ идти впередъ“ (тамбовская губ.).

Особенно важное значеніе представляетъ собою дѣятельность нѣкоторыхъ кооперацій, — между прочимъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ — въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ земскаго самоуправления. Въ такихъ мѣстностяхъ эти общества, при условіи предоставленія имъ права самообложенія, могли бы являться органами, заботящимися, въ обширномъ смыслѣ слова, объ экономическомъ положеніи всего населенія (минская губернія).

Что касается собственно области сельскаго хозяйства, то объединеніе сельскихъ хозяевъ въ товарищества и союзы составляетъ самый вѣрный и „едва ли не единственный путь“ къ усовершенствованію техники сельскаго хозяйства, удешевленію производства, къ снабженію сельскихъ хозяевъ необходимыми для нихъ товарами наилучшаго качества и по самымъ доступнымъ цѣнамъ (виленская губ.). Вообще, въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства въ деревнѣ „первое мѣсто принадлежитъ кооперативнымъ организаціямъ, будутъ ли это союзы, артели или сельско-хозяйственные общества“ (владимірская губ.).

Важное значеніе кооперацій для сельскаго хозяйства само собою вытекаетъ изъ разнообразія тѣхъ цѣлей, которыя подобныя коопераціи могутъ преслѣдовать. Коопераціи въ деревнѣ могутъ возникать на почвѣ объединенія сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній или переработки сырыхъ матеріаловъ, равно какъ— съ цѣлью снабженія своихъ членовъ необходимыми въ хозяйствѣ орудіями и машинами (виленская губ.). Въ деревнѣ про-

падаетъ масса времени—на молотьбу цѣпами, за неимѣніемъ молотилокъ; на уборку урожая, въ виду отсутствія жатвенныхъ машинъ; на косовицу—вслѣдствіе отсутствія сѣнокосилокъ. При скудости капиталовъ въ деревнѣ неимѣніе названныхъ орудій, а также и другихъ, какъ-то: рядовыхъ сѣялокъ, сортировокъ и проч., могло бы быть устранено устройствомъ сельско-хозяйственныхъ коопераций и союзовъ (курская губ.). Значеніе послѣднихъ въ этомъ отношеніи станетъ ясно изъ нижеслѣдующаго. Въ настоящее время примѣненіе усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ фабричнаго производства крайне затрудняется, во-первыхъ, тѣмъ, что нашъ крестьянинъ не рѣшается приобрести подобное орудіе путемъ его выписыванія, примѣрно, изъ Москвы, а во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ такія орудія нѣтъ возможности скоро отремонтировать въ случаѣ порчи. При условіи образованія кооперации или хозяйственнаго союза, можно было бы помочь и той, и другой бѣдѣ. Участники такого союза, предварительно рѣшивъ, какіе типы орудій имъ наиболѣе пригодны, по возможности приобретали бы орудія у одного и того же фабриканта, который, безъ сомнѣнія, предоставилъ бы при покупкѣ орудій значительныя льготы и снабдилъ бы кушечные предметы въ широкихъ размѣрахъ запасными частями. Складъ для запасныхъ частей могъ бы быть устроенъ въ уѣздномъ городѣ или у одного изъ членовъ союза, живущаго въ наиболѣе удобномъ центральномъ пунктѣ. Фабрика дала бы запасныя части въ кредитъ и получала бы плату только за проданныя, пополняя запасъ по мѣрѣ его израсходованія (рязанская губ.).

Такъ какъ, при устройствѣ такого союза, орудія были бы на виду у крестьянина, то естественно, что онъ купитъ такое орудіе скорѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда за нимъ надо далеко ѣхать. Такимъ образомъ, союзы облегчили бы и упростили бы дѣло снабженія крестьянъ такими орудіями. Роль же союзовъ въ отношеніи устраненія затруднительности ремонта орудій, какъ одной изъ причинъ, неблагоприятно вліяющихъ на ихъ распространеніе, также совершенно ясна. Отдѣльно каждому хозяину непосильно держать дорогого мастера, знающаго въ совершенствѣ работу на сложныхъ машинахъ, ихъ свойства, ремонтъ, уходъ за ними и проч. Для нѣсколькихъ хозяевъ союза это было бы вполне доступно (рязанская губ.). Такимъ путемъ была бы повышена сельско-хозяйственная техника, низкій уровень которой въ настоящее время сильно вліяетъ на упадокъ благосостоянія населенія.

Немаловажна также роль кооперации въ дѣлѣ организаціи

сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи кооперация можетъ имѣть на улучшеніе благосостоянія крестьянъ огромное вліяніе, такъ какъ даже временное соединеніе нѣсколькихъ крестьянъ для продажи сообща партіи хлѣба, даетъ имъ лишнюю копейку на пудъ (вологодская губ.).

Значеніе коопераций въ области сельскаго хозяйства не ограничивается только-что изложеннымъ. На нихъ возлагаются серьезные надежды въ смыслѣ повышенія культуры земледѣлія въ тѣхъ районахъ нашего отечества, гдѣ преобладаетъ общинное владѣніе землею. Главнѣйшія неудобства такого владѣнія, какъ извѣстно, заключаются въ невозможности обрабатывать значительное количество земли, лежащей подъ межами; въ затруднительности доступа къ нѣкоторымъ участкамъ, окруженнымъ чужою землею; въ невозможности, при узости полосъ, поперечнаго паханья; въ принудительности способа обработки и необходимости для всѣхъ членовъ общины вести однообразный сѣвооборотъ. Всѣ эти неудобства общины и вытекающія отсюда неблагоприятныя послѣдствія для сельскаго хозяйства могли бы быть устранены при условіи развитія общины въ кооперативный союзъ, который привелъ бы къ замѣнѣ уравнительнаго распредѣленія общинной земли совмѣстной ея обработкой на артельныхъ началахъ съ дѣлежомъ продуктовъ (новгородская, харьковская губ.). Благоприятное значеніе подобной эволюціи общины въ кооперативный союзъ тѣмъ болѣе велико, что ею были бы парализованы отрицательныя стороны дробленія земли, неизбежнаго въ общинѣ и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивающагося. Это послѣднее обстоятельство является, между прочимъ, однимъ изъ важныхъ основаній для вывода о неизбежности превращенія общины въ кооперативный союзъ, подобно имѣющимся примѣрамъ однородной эволюціи мелкой земельной собственности въ жизни западной Европы.

Въ „Трудахъ“ приводятся по этому поводу данныя относительно великаго герцогства Люксембургскаго. Здѣсь землевладѣніе раздроблено до крайнихъ предѣловъ: средняя величина отдѣльнаго участка составляетъ около четверти десятины. При такомъ положеніи люксембургцы раньше сильно тревожились чрезмѣрнымъ дробленіемъ земельной собственности; но въ послѣднее время они говорятъ: „мелкое землевладѣніе насъ раньше пугало, теперь оно является нашей силой“. Объясняется это объединеніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ различные сельско-хозяйственные и экономическіе союзы, изъ которыхъ самыми важными нужно считать товарищества землевладѣльцевъ для совмѣстной обра-

ботки земли. Организація этихъ товариществъ такова. Въ общую обработку поступаютъ только полевые участки. Они соединяются сначала въ одно цѣлое, послѣ чего вся земля по выработанному плану разбивается на поля. Вслѣдствіе этого масса земли, пропадавшей ранѣе подъ межами, а также на краяхъ полей и на углахъ (гдѣ хлѣбъ вытаптывается), становится производительною, а пахота легче и удобнѣе. Товарищество покупаетъ со свѣдѣю минеральныя удобрения, машины, орудія и, если нужно, посѣвныя сѣмена. Полученный урожай обмолачивается на общественной молотилѣ и, по выдѣленіи извѣстной доли на посѣвъ и личное употребленіе членовъ, продается оптомъ. Солома, полова и другіе побочные продукты, если они не продаются, распределяются между членами такъ же, какъ и деньги отъ продажи урожая. Развѣрстка дѣлается сообразно долѣ участія каждаго въ общемъ имуществѣ. На обязанности каждаго хозяина лежить отвезти на общее поле извѣстное количество навоза и произвести ту или другую работу. Личная работа участниковъ для удобства переводится на деньги, и если одинъ изъ нихъ проработалъ меньше или больше, то работа уравнивается деньгами. Въ большинствѣ же случаевъ обработка дѣлается наемнымъ трудомъ. Хозяева по очереди исполняютъ роль надсмотрщиковъ, а остальное время занимаются въ своихъ усадьбахъ (садахъ, огородахъ, по молочному хозяйству и т. п.). Выгоды такого соединенія земель оказываются значительными; обработка земли улучшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается ея доходность. Количество живого и мертвого инвентаря и оборотнаго капитала—также сокращается, и выигрывается время при работахъ. То же, приблизительно, наблюдается и въ Вюртембергѣ.

Можно думать, что и у насъ въ Россіи общину ожидаетъ подобная же благотворная эволюція. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что тѣ отрицательныя стороны современной общины, которыя побуждаютъ нѣкоторыхъ отвергать возможность въ ея средѣ всякихъ прогрессивныхъ явленій въ области сельскаго хозяйства, представляютъ собою результатъ неправильнаго современнаго устройства нашей общины (воронежская губ.). Всякая организація, — говорится по этому поводу въ „Трудахъ“, — можетъ успѣшно дѣйствовать только въ извѣстныхъ, свойственныхъ ей по существу дѣла, границахъ, и границы эти не могутъ быть произвольно расширены безъ вреда для дѣла. Истина такого положенія, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ организацій—безспорна. Въ примѣненіи къ крестьянской земельной общинѣ—этому основному органу хозяйственнаго и

административнаго крестьянскаго самоуправленія—приведенная общая истина о предѣлахъ и границахъ, свойственныхъ каждому дѣлу, въ настоящее время вовсе не соблюдается. Общимъ Положеніемъ 1861 г. о крестьянахъ, сельское общество опредѣляется, какъ „небольшая, въ нѣсколько десятковъ дворовъ, группа крестьянъ-домохозяевъ“, имѣющихъ общую земельную собственность; члены такой группы, по мысли законодателя, должны знать другъ друга почти столь же близко, какъ и члены одной родной семьи. Триста дворовъ составляютъ, по опредѣленію Положенія, уже не сельское общество, а цѣлую волость, состоящую изъ нѣсколькихъ обществъ и представляющую собою не хозяйственную, а исключительно административную единицу крестьянскаго управленія. Съ указаннымъ небольшимъ составомъ сельскаго общества соображена и предназначенная ему закономъ дѣятельность въ области крестьянскаго самоуправления. Между тѣмъ, въ 1869 году дѣйствіе Общаго Положенія было распространено и на государственныхъ крестьянъ, но при этомъ за одно сельское общество были приняты такія села, населеніе которыхъ простиралось до тысячи, а нерѣдко и гораздо болѣе, надѣльных душъ. Ожидать успѣшной дѣятельности такихъ крестьянскихъ обществъ, въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи, значило—ожидать невозможнаго; ожиданія эти, конечно, не оправдались,—и дѣятельность такихъ обществъ вызываетъ теперь много осужденій. Очень многіе недочеты въ нашей крестьянской средѣ объясняются именно этимъ кореннымъ извращеніемъ основного органа крестьянской общественной жизни—сельскаго общества; и потому судить по существующему положенію крестьянской общины о томъ, насколько она заключаетъ въ себѣ условія, при которыхъ можетъ идти успѣшно крестьянское хозяйство вообще и кооперативная дѣятельность крестьянъ въ частности, невозможно (воронежская губ.).

Факты современной дѣйствительности свидѣтельствуютъ какъ разъ обратное. И въ настоящее время нерѣдко наблюдается кооперативная обработка земли и даже извѣстенъ случай состоявагося въ одномъ изъ сельскихъ обществъ приговора (правда, отмѣненнаго по жалобѣ меньшинства) о нераздѣльномъ пользованіи надѣльной землей съ общей обработкой и дѣлежомъ урожая по душамъ (вятская, пермская губ.).

Нельзя, однако, не замѣтить, что далеко не всѣ признаютъ возможность эволюціи общины въ кооперативный союзъ при настоящихъ условіяхъ. Приведенные выше факты ничего, будто бы, не доказываютъ. Примѣръ, въ западной Европѣ, развитія общины въ

кооперативный союз говорить лишь о полезности свободных товариществъ, но не нашей общины, „связанной по рукамъ и ногамъ“ (курская губ.). Фактъ отмѣны—въ виду протеста меньшинства—приговора о нераздѣльномъ пользованіи надѣльной землею служить доказательствомъ отсутствія въ самомъ законѣ твердыхъ основаній для эволюціи общины въ кооперативный союзъ (пермская губ.). Если присоединить къ этому трудность рассчитывать на превращеніе въ кооперативный союзъ цѣлой общины и на возможность съ ббльшей легкостью образованія артелей отдѣльныхъ хозяевъ (харьковская губ.), то придется признать, что, не возлагая чрезмѣрныхъ надеждъ на общину, какъ ячейку, изъ которой современемъ образуется кооперативная организація, необходимо подумать о томъ, чтобы облегчить для отдѣльныхъ членовъ общины образованіе кооперацій въ интересахъ сельскаго хозяйства. Между прочимъ, необходимо дать возможность отдѣльнымъ членамъ общества соединяться въ товарищества и сельско-хозяйственные союзы для веденія общаго хозяйства, установивъ, что сходъ въ силу закона обязанъ отводить землю для такихъ однообщественниковъ въ одномъ кускѣ (харьковская губ.).

IV.

Переходя къ изложению имѣющихся въ „Трудахъ“ матеріаловъ относительно общихъ мѣръ, способныхъ содѣйствовать развитію кооперацій, слѣдуетъ прежде всего коснуться соображеній, высказываемыхъ по поводу законодательныхъ постановленій, регламентирующихъ въ настоящее время кооперативную дѣятельность. По мнѣнію нѣкоторыхъ, существующія законоположенія не препятствуютъ учрежденію кооперацій, и какія бы то ни было законодательныя реформы въ этой области излишни, „такъ какъ ст. 2133 законовъ гражданскихъ предоставляетъ полную свободу въ устройству всякаго рода кооперацій“ (псковская губ.). Но другіе съ этимъ не согласны; они указываютъ на тѣ затрудненія въ области кооперативнаго дѣла, которыя проистекають отъ несовершенства нашего законодательства, и о которыхъ упоминалось выше, и настаивають на необходимости изданія благопріятнаго для кооперативнаго дѣла и общаго для всѣхъ видовъ кооперацій законоположенія, на подобіе германскаго закона 1 мая 1889 г. о товариществахъ. Изданіе такого общаго закона, устранивъ стѣсненія при устройствѣ кооперацій, очевидно несомѣстныя съ возможностью ихъ широкаго развитія, могло бы благопріятно

отразиться на ростѣ кооперативнаго дѣла. Теперь всякая самостоятельность парализуется неувѣренностью каждаго, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, что ему будетъ разрѣшено, а на что онъ не можетъ рассчитывать (новгородская губ.). Въ настоящее время всякая полезная организація возникаетъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ уставъ каждаго учрежденія необходимо представлять на утвержденіе высшихъ правительственныхъ органовъ, что не можетъ не тормозить развитія коопераций (вятская, валужская губ.).

Что касается тѣхъ принциповъ, на которыхъ долженъ быть построенъ проектируемый общій законъ о кооперативныхъ учрежденіяхъ, то большинство по этому поводу вовсе не высказывается. И лишь нѣкоторыми признается необходимымъ положить въ основу этого закона начала—1) всеословности, 2) устранения какихъ бы то ни было ограниченій для вступленія въ члены коопераций лицъ различныхъ національностей (волинская губ.), и даже 3) предоставленіе такимъ организаціямъ права обложенія населенія для полученія средствъ на мѣропріятія по сельскому хозяйству (таврическая губ.). Высказывается также пожеланіе о необходимости болѣе снисходительнаго отношенія законодателя къ кооперациямъ въ вопросѣ обложенія ихъ дѣятельности разнаго рода налогами и сборами. Такъ, одни находятъ нужнымъ освободить кооперативныя учрежденія отъ гербоваго сбора (астраханская губ.) и оплаты пошлиною заключаемыхъ ими договоровъ (полтавская губ.); другіе считаютъ справедливымъ освобожденіе такихъ учрежденій отъ почтовыхъ сборовъ (минская губ.), особенно—по обязательной для нихъ корреспонденціи, адресуемой въ тѣ учрежденія, которымъ кооперации подвѣдомственны въ порядкѣ надзора. Третьи настаиваютъ на желательности освобожденія коопераций, хотя бы на нѣсколько первыхъ лѣтъ послѣ ихъ учрежденія (херсонская губ.), отъ государственнаго промысловаго налога; наконецъ, четвертые находятъ подобный налогъ по отношенію къ разсматриваемымъ организаціямъ даже совершенно непримѣнимымъ.

Желательно, далѣе, изданіе законоположеній, благопріятныхъ для союзныхъ организацій разнаго рода коопераций, такъ какъ объединеніе послѣднихъ въ союзы для достиженія совмѣстными усиліями тѣхъ цѣлей, ради которыхъ образовывались отдѣльныя учрежденія, должно быть признано однимъ изъ условій успѣшнаго развитія и роста кооперативныхъ учрежденій. Между прочимъ, признается полезнымъ, чтобы мелкія кооперативныя учрежденія, дѣйствующія въ уѣздѣ, объединились въ уѣздные цен-

тральные союзы (курская губ.), а затѣмъ—въ губернскія подобныя же учрежденія (синдикаты), которымъ слѣдовало бы предоставить право пользоваться въ государственномъ банкѣ кредитомъ въ формѣ учета векселей, и которыя исполняли бы заказы и порученія мелкихъ союзовъ (гродненская губ.).

Съ изданіемъ проектируемыхъ выше законоположеній, масса населенія получила бы возможность работать въ области кооперацій самостоятельно, безъ необходимости постоянно просить разрѣшенія сдѣлать то или другое (новгородская губ.).

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ объ изданіи благопріятнаго для кооперацій законодательства находится также вопросъ о необходимости измѣненія существующаго нынѣ порядка устройства кооперативныхъ учреждений, въ цѣляхъ его облегченія. Въ этомъ отношеніи признается стѣснительнымъ примѣняемый нынѣ во многихъ случаяхъ порядокъ утвержденія уставовъ названныхъ учреждений центральными органами и высказывается пожеланіе о томъ, чтобы утвержденіе такихъ уставовъ было передано на мѣста, при чемъ губернаторы могли бы утверждать эти уставы своею властью (виленская, таврическая губ.). Иные полагаютъ, что утвержденіе уставовъ тѣхъ кооперацій, которыя возникаютъ при содѣйствіи земства, могло бы быть предоставлено предсѣдателямъ земскихъ управъ (харьковская губ.), а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ—управляющимъ мѣстными учрежденіями государственнаго банка (орловская, харьковская губ.).

Не всѣ, однако, находятъ удобнымъ способъ открытія кооперативныхъ учреждений путемъ разрѣшенія, получаемого отъ мѣстныхъ властей и, между прочимъ, отъ губернатора. Требованіе непременно получать такое разрѣшеніе есть безусловное стѣсненіе, на первый взглядъ не существенное, но могущее оказаться гибельнымъ для развитія мелкихъ союзовъ. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ дать свое разрѣшеніе, губернаторъ, желая предупредить возможность учрежденія—подъ видомъ кооперативнаго товарищества—какого-либо преступнаго сообщества, обыкновенно возбуждаетъ вопросъ о „благонадежности“ учредителей. Казалось бы, что послѣднее совершенно излишне, такъ какъ, съ одной стороны, проявленіе подъ видомъ коопераціи организованной пропаганды въ деревнѣ мало-вѣроятно, а съ другой—если бы оно даже и было возможно, такая пропаганда обнаружится на другой день, и нѣтъ ничего легче, какъ пресѣчь ее въ самомъ началѣ. Но если даже допустить, что вопросъ о благонадежности учредителей представляется весьма существеннымъ, нынѣшній порядокъ его выясненія долженъ быть признанъ не-

удовлетворительнымъ, ибо возможны недостаточно обоснованные отказы въ разрѣшеніи на устройство коопераціи. А между тѣмъ одинъ, другой случай неразрѣшенія мелкаго союза, предназначавшагося для дѣйствій среди сельскаго населенія—и дѣло можетъ быть убито въ самомъ началѣ. Оно и такъ идетъ не бойко: „несмотря на нормальные уставы, союзы не растутъ, какъ грибы“ (курская губ.). Въ виду всего сказаннаго, предъявленіе къ учредителямъ требованія получать на устройство кооперацій разрѣшеніе губернатора едва ли можетъ быть оправдано тѣмъ мотивомъ, что этимъ предупреждается возможность возникновенія какихъ-либо опасныхъ сообществъ. И потому, въ интересахъ развитія кооперативнаго дѣла, было бы желательно установить порядокъ, въ силу котораго для возникновенія сельскохозяйственныхъ союзовъ достаточно заявленія объ устройствѣ союза мѣстной полиціи съ сообщеніемъ ей списка учредителей и обязательствомъ представлять ежегодный отчетъ въ министерство (курская губ.).

Къ числу мѣръ, способныхъ содѣйствовать развитію кооперативныхъ учрежденій вообще, причисляется, между прочимъ, выработка для различныхъ видовъ кооперацій нормальныхъ уставовъ (астраханская, вятская губ.), причемъ къ участию въ разработкѣ такихъ нормальныхъ уставовъ полезно было бы привлечь представителей кооперативныхъ же учрежденій (гродненская губ.). Однако, нѣкоторые, не возражая противъ желательности выработки нормальныхъ уставовъ, полагаютъ, что наряду съ устройствомъ кооперативныхъ учрежденій по нормальнымъ уставамъ, необходимо также допускать устройство кооперацій по уставамъ, значительно отступающимъ отъ нормальныхъ (вятская губ.). Навонецъ, иные думаютъ, что вообще слѣдуетъ предпочесть такой порядокъ, когда каждое кооперативное учрежденіе образовывается по уставу, вполне соответствующему мѣстнымъ условіямъ, ибо, чѣмъ болѣе товарищества примѣняются къ мѣстнымъ нуждамъ, тѣмъ дѣятельность ихъ будетъ болѣе полезна и цѣлесообразна (курляндская губ.). Вотъ почему мысль о разработкѣ нормальныхъ уставовъ для отдѣльныхъ видовъ кооперацій не всегда находитъ сочувствіе. Раздаются даже голоса противъ такихъ уставовъ въ виду того, что по самому свойству дѣла нормальными уставами, въ которыхъ опредѣляются малѣйшія подробности организаціи, „нельзя исчерпать всего разнообразія практической жизни“ (лифляндская губ.).

Другіе не придаютъ серьезнаго значенія изданію нормальныхъ уставовъ по нѣсколькимъ инымъ соображеніямъ. По ихъ

мѣню, дѣло не только въ изданіи нормальныхъ уставовъ. Уставы эти имѣются и у ссудо-сберегательныхъ товариществъ, но земскіе начальники (какъ почти единогласно засвидѣтельствовано на съѣздѣ представителей этихъ товариществъ въ Москвѣ въ 1899 г.) —противъ этихъ учреждений, и дѣло въ нихъ не идетъ. Выработанная Н. В. Левитскимъ форма договоровъ для земледѣльческихъ артелей существуетъ, но тѣмъ не менѣе дѣло это не идетъ. Не пойдетъ оно и съ изданіемъ новаго закона объ артеляхъ и не пойдетъ до того времени, пока не будутъ устранены неблагоприятныя для развитія кооперацій условія въ видѣ административныхъ препятствій (уфимская губ.).

Съ цѣлью устраненія административныхъ въ развитію кооперацій препятствій, признается полезнымъ учрежденіе въ деревнѣ особаго органа, на обязанности котораго лежала бы забота о поднятіи эконоическаго благосостоянія населенія всевозможными способами, и который всецѣло и вполне самостоятельно вѣдалъ бы всѣ общественныя и хозяйственныя дѣла извѣстнаго участка. Составъ такого органа долженъ быть выборный въ виду слѣдующихъ соображеній. Все, что касается интересовъ данной группы населенія, никому не можетъ быть болѣе дорого, какъ самому населенію, и потому всѣ хозяйственно-общественныя дѣла должны находиться въ рукахъ населенія, должны вѣдаться и исполняться его выборными представителями. Вмѣшательство администраціи въ такого рода дѣла можетъ быть допустимо лишь постольку, поскольку населеніе оказывается несостоятельнымъ въ исполненіи требованій правительства (уфимская губ.). Въ этомъ направленіи необходимо идти, и теперь же должно отдѣлить власть хозяйственную отъ власти административной.

При настоящемъ же положеніи вещей, когда земскій начальникъ можетъ не только не оказывать содѣйствія земской управѣ, являющейся исполнительницей постановленій земскаго собранія, но и прямо тормазить проведеніе въ жизнь того или иного мѣропріятія земства, —дѣло организаціи сельско-хозяйственныхъ союзовъ не пойдетъ, такъ какъ оно не можетъ существовать, съ одной стороны, безъ содѣйствія земства, а съ другой—безъ содѣйствія земскаго начальника. Но еслибы Положеніе о земскихъ начальникахъ было отмѣнено или измѣнено въ указанномъ выше смыслѣ, то проведеніе въ жизнь хозяйственныхъ союзовъ явилось бы вполне возможнымъ (уфимская губ.).

Вообще, успѣшное развитіе кооперацій должно быть поставлено въ неразрывную связь съ проявленіемъ со стороны самого

населенія самодѣтельности, которую необходимо поощрять и воспитывать. Самодѣтельность въ экономической жизни не можетъ быть замѣнена самымъ разумнымъ, благожелательнымъ и безкорыстнымъ попечительствомъ (московская губ.), и безъ нея никакія кооперативныя начинанія невозможны (полтавская губ.). Къ числу мѣръ, способныхъ содѣйствовать проявленію такой самодѣтельности, должно быть прежде всего отнесено распространеніе въ народѣ свѣдѣній о преимуществахъ кооперативнаго труда и взаимопомощи. Этимъ цѣлямъ могли бы служить разнаго рода изданія, знакомящія населеніе съ успѣшными результатами дѣятельности коопераций, а также мѣры, позволяющія населенію наглядно убѣдиться въ выгодахъ кооперативныхъ организацій (воронежская губ.). Слабою ознакомленностью населенія съ вопросами кооперации и желаніемъ пособить въ этомъ отношеніи горю объясняется также проектъ устройства періодическихъ—два-три раза въ годъ—сѣздовъ землевладѣльцевъ каждаго уѣзда, для обсужденія вопросовъ сельскаго хозяйства и ознакомленія съ пользою и дѣятельностью коопераций. Такіе сѣзды могли бы содѣйствовать возникновенію послѣднихъ (кіевская губ.).

Въ цѣляхъ же возбужденія самодѣтельности населенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ представителей юго-западнаго края, было бы, между прочимъ, весьма желательно предоставленіе равноправности жителямъ этого края; по убѣжденію же другихъ—нужно полное уравненіе правъ крестьянъ съ другими сословіями. Благоотворно отражаясь на развитіи личности крестьянина, а слѣдовательно и на большемъ проявленіи съ его стороны инициативы, такое уравненіе правъ должно благодѣтельно подѣйствовать на подъемъ кооперативнаго движенія (псковская губ.). Развивая ту же мысль, иные утверждаютъ, что процвѣтаніе коопераций возможно только тогда, когда будутъ пересмотрѣны существующія законоположенія о крестьянахъ; когда будетъ ограждена личность крестьянина, и онъ станетъ хозяиномъ не только въ собственной избѣ, но и въ мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ (самарская губ.). Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что развитіе коопераций возможно лишь при учрежденіи всесословной волости и мелкой земской единицы (тамбовская губ.).

Въ тѣсной связи съ указанными мѣрами находится и необходимость повышенія уровня просвѣщенія народа. Кооперативное движеніе, столь нужное для успѣховъ земледѣлія, можетъ получить широкое развитіе только при наличности извѣстнаго уровня образованія населенія: только населеніе, способное понять значеніе общихъ интересовъ и принимать сознательное

участіе въ выполненіи общихъ дѣлъ, можетъ воспользоваться всѣми выгодами коопераций (полтавская губ.). Отсюда вытекаетъ необходимость введенія обязательнаго всеобщаго обученія, какъ одного изъ наиболее дѣйствительныхъ средствъ поднятія уровня развитія населенія (астраханская губ.).

Въ „Трудахъ комитетовъ“ огромная роль въ дѣлѣ успѣшнаго развитія коопераций вообще и возбужденія самодѣятельности населенія въ частности присвоивается нашей интеллигенціи. Только при условіи серьезныхъ съ ея стороны усилій можно достигнуть того, что народъ будетъ сознательно стремиться къ кооперативному движению. Съ этою цѣлью интеллигенція должна побуждать народъ къ самодѣятельности, указывать ему болѣе вѣрные пути для облегченія его нуждъ при помощи коопераций, а затѣмъ, когда народъ самъ убѣдится въ пользѣ послѣднихъ, облегчать ему устройство своей жизни на кооперативныхъ началахъ и являться его совѣтникомъ въ разныхъ затрудненіяхъ, которыя неизбѣжны въ такомъ трудномъ дѣлѣ (псковская губ.). Вотъ почему, въ интересахъ коопераций, нельзя не пожелать, чтобы въ среду сельскаго населенія проникло большее, нежели въ настоящее время, количество интеллигентныхъ силъ. Громадная польза различныхъ коопераций для сельскаго хозяйства будетъ понята населеніемъ только тогда, когда лица всевозможныхъ специальностей войдутъ въ крестьянскую жизнь и поднимутъ какъ предпримчивость, такъ и общій уровень культуры (тамбовская губ.). И потому—прежде чѣмъ говорить о созданіи коопераций, необходимо что-либо предпринять, чтобы дать возможность оставаться въ деревнѣ главнымъ работникамъ и руководителямъ предполагаемыхъ коопераций; чтобы дать имъ возможность жить и работать на мѣстѣ съ пользою для себя и для другихъ. Тогда союзы и общества образуются сами собою (уфимская губ.).

Среди дальнѣйшихъ мѣръ къ развитію коопераций указывается на желательность установленія тѣсной связи между кооперативными учрежденіями и земствами (орловская, самарская губ.). Такая связь могла бы прежде всего выразиться въ томъ, что земство взяло бы на себя инициативу открытія всякаго рода коопераций, являющихся однимъ изъ средствъ успѣшнаго выполненія возложенной на земства задачи улучшенія сельскаго хозяйства. Сопривасающее съ населеніемъ многочисленными путями, земство пріобрѣло значительное его довѣріе, и ему легче принять на себя организацію такого широкаго дѣла, каковымъ является кооперация (полтавская губ.). Подобная роль зем-

ства въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что другого пути нѣтъ, такъ какъ, при слабомъ развитіи грамоты среди крестьянъ отъ послѣднихъ нельзя ожидать самостоятельнаго призванія необходимости какихъ-либо культурныхъ улучшеній въ деревнѣ. Мечтать же о появленіи въ каждомъ уѣздѣ нѣсколькихъ интеллигентныхъ идейныхъ борцовъ съ вѣковой косностью было бы трудно, тѣмъ болѣе, что большинство нашихъ сельскихъ хозяевъ, за нѣкоторыми исключеніями, къ сожалѣнію, такъ плохо и неумѣло ведутъ дѣла въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ, что авторитетъ ихъ собственныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній стоитъ очень невысоко среди окружающихъ ихъ крестьянъ. Вотъ почему земству, при помощи своихъ агентовъ-агрономовъ и наиболѣе отзывчивыхъ гласныхъ, необходимо взять насажденіе сельско-хозяйственныхъ коопераций въ свои руки (владимірская губ.).

Независимо отъ изложеннаго, въ „Трудахъ“ высказываются многія соображенія относительно мѣръ, способныхъ содѣйствовать процвѣтанію коопераций. Въ ряду этихъ мѣръ прежде всего необходимо упомянуть о важномъ значеніи для кооперативнаго дѣла съѣздовъ представителей, какъ кооперативныхъ учрежденій (минская, полтавская губ.), такъ и сельскихъ хозяевъ вообще (кіевская, симбирская губ.). Первые содѣйствовали бы правильной постановкѣ дѣла въ кооперацияхъ; вторые—могли бы вызвать къ жизни новыя кооперативныя организаціи.

Къ числу мѣръ, способныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, содѣйствовать развитію коопераций, необходимо причислить превращеніе каждой волости въ отдѣльное товарищество. Членами такого товарищества должны быть всѣ мелкіе земельные собственники, вносящіе на образованіе средствъ, необходимыхъ для дѣятельности товарищества, подесятинные сборы. Руководительство на общихъ собраніяхъ такого товарищества могло бы взять на себя лицо изъ мѣстной интеллигенціи, компетентное въ области сельско-хозяйственныхъ знаній и достаточно знакомое съ мѣстными нуждами (минская губ.). Нельзя не замѣтить, что изложенная мѣра не вполне согласна съ тѣмъ принципомъ коопераций, которымъ отвергается принудительность при учрежденіи и образованіи ихъ, а также при опредѣленіи ихъ состава.

Затѣмъ, въ видахъ развитія кооперативныхъ товариществъ, нѣкоторые выражаютъ желаніе о распространеніи операций такихъ товариществъ и на лицъ, не состоящихъ членами ихъ (владимірская губ.).

Нѣкоторые комитеты указываютъ также на необходимость

установленія навболѣе согласныхъ съ интересами дѣла принциповъ, которыхъ слѣдуетъ придерживаться при рѣшеніи вопросовъ о способахъ формировавія необходимыхъ для дѣятельности коопераций средствъ. Въ этомъ отношеніи раздаются голоса противъ такого порядка формировавія этихъ средствъ, когда члены коопераций, независимо отъ степени зажиточности каждаго изъ нихъ, дѣлаютъ равные для каждаго взносы въ кассу товарищества. Признается болѣе справедливымъ такой порядокъ, когда каждый участникъ вноситъ въ кассу товарищества подесятинный сборъ, обыкновенно соотвѣтствующій его платежеспособности и степени значительности тѣхъ выгодъ, которыя получаютъ имъ отъ товарищества (минская губ.).

Наконецъ, высказываются предположенія, что развитіе коопераций находится въ зависимости отъ болѣе дѣятельнаго проявленія инициативы со стороны сельско-хозяйственныхъ обществъ, подъ руководствомъ которыхъ кооперации могли бы учреждаться и функционировать. Для достиженія сельско-хозяйственными обществами въ этомъ направленіи болѣе большихъ успѣховъ, было бы желательно устраивать особые провинціальныя сельско-хозяйственные отдѣлы (подольская губ.).

Вслѣдъ за г. Бородаевскимъ мы изложили причины слабого развитія коопераций въ Россіи, указали на значеніе кооперации и общія мѣры для развитія коопераций, передавая мнѣнія различныхъ мѣстныхъ комитетовъ въ ихъ существенной части. Мы видѣли, какъ правильно поставленъ въ „Трудахъ комитетовъ“ діагнозъ слабого развитія русскаго кооперативнаго движенія. Мы удовлетворимся этимъ и не будемъ останавливаться на различныхъ видахъ кооперации въ Россіи. Данныя комитетовъ въ этомъ отношеніи очень отрывочны, несмотря на причисленіе къ кооперации совсѣмъ не кооперативныхъ союзовъ (земскаго склада для сельско-хозяйственныхъ орудій, обществъ взаимнаго отъ огня страхованія, общества взаимнаго кредита въ Петербургѣ, рыбацкихъ дружинъ и т. д.), которыя г. Бородаевскій вслѣдъ за нѣкоторыми комитетамъ, а иногда и самостоятельно выдаетъ за истинныя кооперации.

В. Тотоміанцъ.

МАРКИЗЪ-ФИЛОСОФЪ

— Monsieur de Migurac ou le Marquis-philosophe, par *André Lichtenberger*.
Paris, 1905.

Окончаніе *).

VIII.

Сидя въ тюрьмѣ, маркизъ де-Мигюрабъ, охваченный пламеннымъ энтузіазмомъ, ощутилъ потребность излить его. Сострадательный тюремщикъ не отказалъ ему въ перьяхъ, бумагѣ и чернилахъ, и онъ успѣшилъ выразить съ ихъ помощью нависшій въ немъ чувства. Сначала рука его, непривычная къ подобному труду, плохо слушалась его, но затѣмъ вдохновеніе его одушевило самые пальцы, и онъ съ облегченіемъ принялся откладывать въ сторону груды исписанныхъ листовъ, заключавшихъ въ себѣ его размышленія.

Въ три мѣсяца онъ извелъ двѣ бутылки чернилъ, десять стопъ бумаги и исписалъ перья съ двухъ гусей. Онъ изливался безъ разбору: въ стихахъ и въ прозѣ, излагая свои мысли въ формѣ диссертаций, размышленій, философскихъ разсказовъ, посланій, аллегорій. Черезъ нѣсколько дней онъ съ большою легкостью подражалъ знаменитѣйшимъ, славившимся „элохвенціей“ энциклопедистамъ, и лишь по части орѳографіи маркизъ, какъ и подобало человѣку знатнаго происхожденія, навсегда остался слабъ. Зато въ своей „Одѣ“, посвященной Дидро, и въ своей „Похвалѣ добродѣтели“, въ своихъ „Размышленіяхъ по поводу

*) См. выше: май, стр. 292 и слѣд.

истинной природы человѣка“ — онъ высказываетъ столько же вдохновенія, сколько чувствительности. Самымъ лучшимъ произведеніемъ его считается, однако, элегія на смерть матери. Онъ узналъ о кончинѣ маркизы Олимпіи, преставившейся на шестьдесятъ-седьмомъ году отъ рожденія, еще въ Германіи, но тогда ему было не до того, чтобы оплакивать ее. Лишь здѣсь, въ тюрьмѣ у него явилась потребность почтить ея память.

Кротость маркиза, смѣнившая его прежнюю необузданность, повліяла неожиданнымъ образомъ на смигченіе его участи; тюремщику пришло на мысль: не помѣшался ли узникъ, и онъ поспѣшилъ предупредить о томъ врача — мало знакомаго съ французскимъ языкомъ нѣмца. Врачъ явился къ нашему герою какъ разъ въ ту минуту, когда тотъ, объятый вдохновеніемъ, ходилъ большими шагами по своей комнатѣ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то непонятныя слова.

На предложенные ему вопросы г. де-Мигюракъ отвѣчалъ ангельскими улыбками и восклицаніями, въ которыхъ онъ пытался выразить происшедшую въ душѣ его перемену: подойдя къ окну, онъ призывалъ небо въ свидѣтели того, насколько она искренна. Затѣмъ, весь пылая священнымъ восторгомъ, онъ двинулся-было къ врачу, прося его передать ландграфу о его чувствахъ, но испуганный толстякъ, попятившись къ двери, поспѣшно захлопнулъ ее за собою. Заглянувъ въ отверстіе, продѣланное вверху двери, докторъ увидѣлъ, какъ узникъ посылалъ ему воздушные поцѣлуи въ доказательство того, что онъ не только на него не сердится, но еще благодаритъ его за гуманное исполненіе обязанностей врача.

Окончательно убѣдившись въ безуміи заключеннаго, докторъ составилъ въ этомъ духѣ свое донесеніе, пересланное начальнику тюрьмы, который отправилъ его секретарю по иностраннымъ дѣламъ, а тотъ въ свою очередь доложилъ обо всемъ ландграфу. Послѣдній только-что выигралъ сорокъ пистолей въ ландсехтѣ и, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, рѣшилъ, что было бы неразумно держать всю жизнь на своихъ хлѣбахъ спятившаго съ ума дворянина. Поэтому онъ приказалъ, подтверждая свои слова проклятіями, препроводить его за границу маркграфства и тамъ отпустить его на всѣ четыре стороны.

Результатомъ милостиваго распоряженія было появленіе въ каморѣ заключеннаго четырехъ полицейскихъ чиновъ съ барономъ Штрумпфомъ, начальникомъ ихъ, во главѣ, оповѣстившимъ его о великой милости его свѣтлости и добавившимъ, что при первой попыткѣ вернуться сюда — онъ будетъ повѣшенъ.

Г. де-Мигюракъ, улыбаясь, поблагодарилъ суроваго тевтона и попросилъ засвидѣтельствовать ландграфу его признательность.

— Будучи несправедливо арестованъ, я могъ быть казненъ безъ суда; поэтому я благодарю его за все зло, котораго онъ не сдѣлалъ мнѣ; охотно я поблагодарилъ бы его и за добро, которое онъ непредназначенно сдѣлалъ мнѣ. Итакъ, выражая его свѣтлости признательность за свободу, возвращаемую мнѣ моему тѣлу,—свободы духа онъ не могъ лишить меня,—я шлю ему увѣреніе въ томъ, что лишь увѣренность быть заживо поджареннымъ въ другомъ мѣстѣ могла бы заставить меня переступить границу его владѣній.

Какъ ни велика была его философская покорность судьбѣ, голова маркиза закружилась при мысли о свободѣ: онъ уже раньше вдыхалъ благоуханіе полей и журчащихъ водъ, прохладу лѣсовъ, аромат пригрѣтаго солнечными лучами сѣна. Въ своемъ упоеніи онъ шагалъ по комнатѣ, не думая утирать слезъ, струившихся у него изъ глазъ. Но, замѣтивъ клѣтку съ желтенькими птичками, онъ ощутилъ укуры совѣсти.

— Какъ!—воскликнулъ онъ:—жестокій человѣкъ, ты былъ въ состояніи, ради собственной забавы, держать въ плѣну два невинныхъ существа, также имѣющихъ право на счастье?

Съ этими словами, маркизъ снялъ клѣтку съ крючка на потолкѣ, влѣзъ на табуретъ и открылъ дверцу изъ проволоки, но удивленные птички забились въ уголокъ клѣтки и не думали летѣть. Маркизъ съ грустью подумалъ о паденіи народовъ, которые настолько угнетены игомъ деспотизма, что уже не могутъ цѣнить благъ свободы. Однако самый смѣлый изъ узниковъ чиркнулъ и вскочилъ на окно. Товарищъ послѣдовалъ за нимъ, и вдругъ, распустивъ крылья, оба поднялись и скоро исчезли среди листвы каштановыхъ деревьевъ. Маркизъ закрылъ окно и сошелъ съ табурета. Чистая радость наполняла его душу.

Не былъ ли этотъ поступокъ первымъ знаменательнымъ фактомъ его обновленной жизни, цѣлью которой будетъ борьба противъ предрасудковъ и стремленіе во всеобщему благу? Онъ уже видѣлъ себя защитникомъ каждаго праваго дѣла, гонителемъ беззаконія, рыцаремъ разума и природы. Онъ заснулъ, и ему грезились чудные сны.

Онъ проснулся очень рано, и влѣзъ на табуретъ, чтобы взглянуть на небо. Неожиданное зрѣлище опечалило его: на каменномъ выступѣ окна лежали безжизненные тѣла канареекъ. Онъ вернулся умереть у своей темницы, въ которую не могли проникнуть.

Маркизь огорчился этою катастрофой, но ему некогда было останавливаться на ней. Въ восемь часовъ утра за нимъ приѣхала карета, доставившая его до границы. Тамъ онъ распростился съ своимъ конвоемъ и, получивъ отъ нихъ небольшую сумму денегъ, отправился въ Парижъ—единственный достойный его дѣятельности городъ.

IX.

Маркизь де-Мирюракъ вернулся въ Парижъ уже не такимъ, какимъ впервые приѣхалъ туда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: теперь это былъ человѣкъ, богатый опытомъ и философскими убѣжденіями, хотя и бѣдный деньгами, какъ въ быломъ. Онъ поселился въ улицѣ Pet au Diable, въ двухъ маленькихъ комнатахъ съ весьма грязнымъ входомъ. Обстановка его состояла изъ свосной кровати, двухъ стульевъ, твердаго на ножкахъ стола и двухъ сундуковъ: въ меньшемъ заключалось его имущество, въ большемъ—бумаги.

Маркизь считалъ бы себя здѣсь счастливымъ человѣкомъ, еслибы могъ удовлетворить своей потребности въ обществѣ, еще болѣе увеличившейся вслѣдствіе пребыванія его въ тюрьмѣ. Насладившись соверпаніемъ столицы, онъ сталъ мечтать о доступѣ въ общество, въ которому, очевидно, его влекли новые его вкусы,—въ общество ученыхъ и мудрыхъ людей, распространяющихъ въ мірѣ съ помощью кисти или пера культъ добра и красоты.

Доступъ къ великимъ умамъ оказался, однако, значительно легче доступа къ сильнымъ міра сего. По наведеніи справокъ, оказалось, что они имѣютъ обыкновеніе собираться ежедневно въ кафѣ подъ выѣскою „Сѣраго попугая“, гдѣ рѣшаютъ за пивомъ и оршадомъ главнѣйшіе вопросы морали и политики.

Не безъ робости переступилъ онъ порогъ этого Аполлонова логовища, въ которомъ куски грязной бумаги во многихъ окнахъ съ успѣхомъ замѣняли разбитыя стекла. Освоившись съ темнотою и облаками табачнаго дыма, маркизь разглядѣлъ цѣлое собраніе шумѣвшихъ и жестикулировавшихъ, одѣтыхъ въ черное оборванцевъ, въ которыхъ, прислушавшись къ ихъ рѣчамъ, можно было узнать литераторовъ. На воротникахъ ихъ одежда было больше пудры, чѣмъ на ихъ парикахъ, что не мѣшало имъ громко пересмѣиваться и съ презрѣніемъ поглядывать на прочіихъ посѣтителей.

Все это очаровало маркиза, и восторгу его не было конца, когда одинъ изъ нихъ — желтый, сухопарый, — поднявшись съ

мѣста, фальцетомъ продекламировалъ поэму, называвшуюся „Посланіе къ добродѣтели“. Онъ присоединился къ рукоплесканіямъ съ горячностью, обратившею на него вниманіе и вызвавшею улыбку на тонкія губы автора.

Тогда маркизъ отрекомендовался со свойственною ему граціей и попросилъ дозволенія занять мѣсто среди подобныхъ геніевъ.

Красивая наружность маркиза сразу расположила всѣхъ въ его пользу, а титулъ его втайнѣ польстилъ ихъ тщеславію. Г. Моттэ, желтый поэтъ, самъ налилъ ему стаканъ вина и произнесъ привѣтствіе; маркизъ, у котораго еще водились деньжонки, велѣлъ подать полдюжину бутылокъ, что пріятно удивило присутствующихъ и подтвердило сложившееся о немъ высокое мнѣніе.

Вино развязало языки, и маркизъ повѣдалъ все-что изъ своей жизни; уступая просьбамъ, онъ даже продекламировалъ свою элегію, и г. Моттэ, среди общихъ рукоплесканій, обнялъ дебютаанта, увѣривъ его, что онъ соединяетъ въ себѣ грацію Пирона съ глубокомысліемъ президента Монтескьё. Таково было вступленіе маркиза въ литературный кругъ, и хотя среди его товарищей не было ни Дидро, ни женевскаго гражданина, онъ, тѣмъ не менѣе, счелъ себя польщеннымъ ихъ пріемомъ.

Съ этого дня онъ повелъ приличествующій профессору образъ жизни: поздно вставалъ, проводилъ утро за писаніемъ, съѣдалъ въ какой-нибудь тавернѣ плохой обѣдъ, убивалъ часа два за перелистываніемъ новыхъ книгъ въ лавочкахъ книгопродавцевъ, прогуливался по бульвару, посѣщалъ какой-нибудь спектакль и, вернувшись домой, предавался вдохновенію, покауда не засыпалъ отъ усталости надъ бумагою.

Для того, чтобы считать себя настоящимъ литераторомъ, ему недоставало одного: появиться въ печати, но, по скромности своей, онъ не рѣшался обратиться къ издателю, да и самъ г. Моттэ совѣтовалъ ему подождать, покауда онъ не достигнетъ совершенства, что неминуемо должно было случиться черезъ нѣсколько лѣтъ. Ему не удалось, однако, выждать до тѣхъ поръ, такъ какъ его влеченіе къ литературѣ и обнищаніе—шли рука объ руку. Онъ рѣшился, наконецъ, попытать счастья у мэтра Поммелара, обладавшаго привѣтливою наружностью и привлекательною женою, хотя со времени своего погруженія въ философію маркизъ охладѣлъ къ женщинамъ. Однажды онъ отнесъ издателю три тяжеловѣсныхъ рукописи, озаглавленные: „О морали“, „Добродѣтельная куртизанка“, „Мысли космополита о

людоѣдствѣ“, которыя тотъ согласился просмотрѣть лишь по просьбѣ своей жены, но печатать ихъ отказался. Маркизъ уже собирался разочароваться, когда толстякъ вернулъ его, чтобы предложить ему работу. М-лле Клоринда, знаменитая оперная нимфа, считая себя оскорбленной Эльвиною и Аглаею—двумя не менѣе славными куртизанками, пожелала отомстить имъ при помощи памфлета; но такъ какъ, изъ пренебреженія къ наукѣ, она не научилась писать, ей приходилось обратиться къ услугамъ сочинителя.

Первымъ движеніемъ маркиза было—отказаться отъ выполненія задачи, столь мало достойной его таланта, но прекрасные глаза г-жи Поммеларъ, выразившіе разочарованіе, подняли смуту въ душѣ его, а вознагражденіе въ размѣрѣ пятидесяти экю заставило его согласиться, такъ какъ въ карманѣ у него ихъ оставалось не болѣе трехъ.

Три недѣли спустя, памфлетъ его появился подъ заглавіемъ: „Вавилонскія нимфы“ (переводъ съ ассирійскаго), и м-лле Клоринда позаботилась о его распространеніи, а м-лле Аглая, находившаяся подъ покровительствомъ полицейскаго офицера, возбудила преслѣдованіе противъ автора, книга котораго была конфискована, но продолжала продаваться тайкомъ по высокой цѣнѣ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что этотъ успѣхъ скандала порадовалъ нашего героя, и хотя за время своего десятилѣтняго пребыванія въ Парижѣ перу его не разъ пришлось изощряться въ этомъ жанрѣ, весь пылъ души своей онъ посвящалъ сочиненіямъ по части философіи и морали.

Г. де-Мигюракъ съ грустью сознается, что другія писанія его имѣли цѣлью—поддержать брэнное его существованіе. Между тѣмъ, опытность маркиза въ любовныхъ дѣлахъ, его многочисленныя походы во Франціи и за границу—давали ему обильный матеріалъ для пикантныхъ романовъ, повѣстей, діалоговъ, появлявшихся подъ различными псевдонимами и обличавшихъ въ авторѣ большое знаніе дѣла и откровенность описаній.

Двѣ изъ книгъ были сожжены, и когда его впоследствии упрекнули въ томъ, что онъ льститъ дурнымъ инстинктамъ вѣка, маркизъ отвѣтилъ брошюрою, въ которой оправдывался отъ обвиненія въ безнравственности: онъ рисовалъ пороки лишь для того, чтобы выставить его въ самомъ гнусномъ видѣ. Маркизъ писалъ:

„Если перо мое останавливалось, пороку, на грѣховныхъ описаніяхъ какъ бы съ нѣкоторымъ самоуслажденіемъ, вините въ

томъ не меня, но развращенность нашего времени. Каждый человекъ имѣеть право на существованіе, но всеобщая грѣховность дошла до того, что человекъ съ сердцемъ можетъ существовать лишь на счетъ эксплуатаціи пороковъ того общества, которое породило ихъ. Читатели, покупайте добродѣтельные книги автора-философа, и онъ не станетъ писать другихъ“.

Слѣдуетъ добавить, что когда колесо фортуны снова вознесло г. де-Мигюракъ на высоту, онъ первымъ дѣломъ приказалъ скупить, дабы предать ихъ сожженію, самыя гривуазныя изъ своихъ брошюръ, и этимъ самымъ неимоვნно поднялъ ихъ цѣну, доставивъ крупныя барыши книготорговцамъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что авторская извѣстность маркиза была исключительно скандальнаго характера; его брошюра, обличавшая владѣнія Людовика XV, въ которой онъ совѣтуетъ пригвоздить всѣхъ тирановъ въ порогамъ ихъ дворцовъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне съ лѣтучими мышами, — имѣла большой успѣхъ и едва не привела автора въ Бастилію.

При помощи многихъ добродѣтельныхъ поступковъ г. де-Мигюракъ доказалъ, что философія его не была исключительно теоретической. Чѣмъ менѣе у него было денегъ, тѣмъ щедрѣе онъ раздавалъ ихъ; чѣмъ сильнѣе былъ у него аппетитъ, тѣмъ болѣе онъ воздерживался отъ ѣды. Когда онъ женился вторично, онъ на третій день измѣнилъ обожаемой женѣ въ силу того же принципа, что мудрецъ долженъ стоять выше всѣхъ искушеній и отвергать дарованныя ему судьбою преимущества. Однажды, выпивъ болѣе чѣмъ слѣдовало, онъ покачивался, выйдя изъ таверны, но напрасно пытались друзья увести его домой: онъ съ невѣроятною энергіей уцѣпился за дерево, росшее у порога прохлятаго жилища, громовымъ голосомъ возвѣщая прохожимъ о томъ, до какой глубины паденія можетъ довести мудреца лишняя чарка вина. До поздняго часа ночи онъ неустанно доказывалъ толпѣ несовершенство человеческой природы *даже* въ философѣ.

Помимо литературныхъ круговъ, маркизъ не замедлилъ приобрести извѣстность и въ двухъ-трехъ салонахъ; президентша де-Вернь и графиня де-Понтрюакъ были польщены его присутствіемъ при ихъ туалетахъ; дамы охотно слушали за ужиномъ его стихи и развиваемыя имъ философскія теоріи; самъ Дидро, съ которымъ онъ однажды ужиналъ у г-жи де-Леспинасъ, завѣрилъ его въ своемъ уваженіи. Когда онъ появлялся въ своей скромной черной одеждѣ съ бѣлымъ жилетомъ, въ пестренкиихъ чулкахъ и туфляхъ съ серебряными пряжками, имя его переходило изъ устъ въ уста.

Въ кабакѣ „Съраго Попугая“ онъ дѣлалъ главенство съ г. Мотте, но зависть щадила его, благодаря его добродушію; въ немъ признавали умъ и чувствительность; сочинители не были оскорблены успѣхомъ маркиза, приписывая этотъ успѣхъ связямъ его въ высшемъ свѣтѣ.

Но неожиданная катастрофа еще разъ перевернула порядокъ его жизни.

Х.

Со времени отъѣзда изъ Мигюрака, маркизъ, несмотря на постоянныя перемѣны мѣста, имѣлъ извѣстія отъ своихъ домашнихъ. Маркиза-мать и маркиза Изабелла не переставали писать ему, и содержаніе писемъ было всегда одно и то же. Первая своимъ прямымъ и твердымъ почеркомъ излагала ему положеніе дѣлъ, сообщала о своемъ здоровьи и просила его извѣстить ихъ о времени его возвращенія.

Письма молодой маркизы, писанныя дрожащею рукою, были сплошною мольбой. Пусть онъ снова займетъ въ замкѣ подобающее ему мѣсто; она сумѣетъ ступешаться, если ея присутствіе невыносимо для него; она винитъ себя во всемъ и умоляетъ его дозволить ей пересылать ему хотя часть доходовъ съ имѣнія.

Эти посланія всегда очень трогали маркиза; въ теченіе своей бурной жизни онъ раза четыре удосужился написать вдовствующей маркизѣ, чтобы завѣрить ее въ своемъ уваженіи, а также написалъ пять-шесть писемъ женѣ, въ которыхъ смиренно извинялся въ своемъ отвращеніи къ супружеской жизни, просилъ прощенія за причиненныя ей страданія, восхищался благородствомъ ея чувствъ, отказывался отъ денегъ, просилъ ее забыть несчастнаго и отдать сердце болѣе достойному любви ея предмету.

Эти письма получались маркизою съ восторгомъ, за которымъ слѣдовало еще большее уныніе. Ей случалось читать въ газетахъ о г. де-Мигюракѣ и его похожденіяхъ, и она спрашивала себя: почему она была единственною женщиной, которую онъ не могъ полюбить? Нѣсколько разъ она готова была поѣхать къ нему: ей казалось, что она сумѣетъ найти слова, могущія убѣдить его; но врожденная робость не дозволила ей привести это намѣреніе въ исполненіе.

Она жила взаперти въ своемъ замкѣ; ухаживанія окрестныхъ дворянъ не трогали ее. Послѣ смерти мэтра Мориссо въ 1770 г., она сдѣлалась самою богатою женщиной во всемъ округѣ, но и

это было для нея совершенно безразлично. Она предпочитала всякому другому обществу Магелоны, вскормившей Луи-Ливурга, старика Пьера и Жилля, ему служившихъ, и аббата Жуанѳ, уроками котораго онъ такъ мало воспользовался. Ея единственнымъ удовольствіемъ была щедрая раздача милостыни отъ имени маркиза и угощеніе деревенскихъ ребятишекъ, причемъ она съ горестнымъ и сладкимъ волненіемъ узнавала порою въ личикахъ Луизѳ или Терезонъ голубые глаза, форму носа, надменный изгибъ губъ Луи-Ливурга.

Мало-по-малу, какъ растеніе, лишенное солнца, она стала увядать, особенно послѣ смерти маркизы Олимпіи. Послѣ бѣгства Луи-Ливурга, общая ихъ любовь къ нему сблизила двухъ женщинъ, и маркиза Изабелла не уставала выслушивать рассказы маркизы Олимпіи о его дѣтскихъ годахъ.

Аббатъ Жуанѳ поспѣшилъ предупредить г. де-Мигюракъ о плохомъ состояніи здоровья его супруги, но или письма его затерялись, или маркизу некогда было прочесть ихъ.

Со времени появленія въ замкѣ докторовъ, ухудшеніе пошло быстрыми шагами. Предвидя свой конецъ, маркиза съ полнымъ спокойствіемъ послала за нотаріусомъ, и съ помощію аббата составила завѣщаніе. Послѣдніе дни она бесѣдовала со слугами и поселянами, раздавая имъ, по примѣру маркиза Анри, разныя вещицы на память. Они мjali въ рукахъ свои колпаки и уходили домой съ отуманенными глазами, увѣренные, что видѣли ангела.

Приобщившись и крѣпко пожавъ руку аббату, она простилась съ домашними и попросила, чтобы ее оставили наединѣ съ Магелоной.

Старуха подала ей очень похожій миниатюрный портретъ, изображавшій Луи-Ливурга въ юности. Она устремила на него взоръ и тихо сказала:

— Разсказывай, Магелона!

И покуда старуха дрожащимъ голосомъ повторяла сотни разъ слышанные ею разсказы о дѣтствѣ Луи-Ливурга, тянувшася ручонкою къ солнечному лучу, маркиза всматривалась въ лицо возлюбленнаго, изучая его черту за чертою: эти глаза, не желавшіе ее видѣть, уста, отказывавшіяся отъ ея поцѣлуевъ...

Вдругъ старуха вскрикнула; миниатюра выскользнула изъ рукъ маркизы и разбилась. Магелона подняла ее съ полу и хотѣла подать своей госпожѣ, но руки той были холодны: она скончалась незамѣтно нѣсколько минутъ тому назадъ.

Разбитый портретъ былъ положенъ къ ней въ гробъ; похо-

роны были, согласно ея желанію, самыя скромныя; только обитатели замка и поселяне со слезами проводили ее въ семейный склепъ.

Недѣлю спустя, маркизъ, вернувшись очень поздно послѣ веселаго ужина въ „Pogheons“, происходившаго въ обществѣ дѣвицъ Ланжъ, Парра и Омфали—знаменитыхъ нимфъ коллизея, нашелъ у себя на столѣ объемистый пакетъ за нѣсколькими печатями, но такъ какъ въ головѣ у него сильно шумѣло послѣ шампанскаго, онъ распечаталъ его лишь поутру, за своимъ скромнымъ завтракомъ.

Первымъ выпало изъ пакета письмо аббата Жуанд, извѣщавшаго его о смерти маркизы, назначившей своего супруга единственнымъ наслѣдникомъ всего своего состоянія. Въ другомъ конвертѣ заключалось письмо слѣдующаго содержанія:

„Маркизъ!

„Я желаю, чтобы послѣднія проявленія угасающей жизни были посвящены вамъ, какъ была посвящена вамъ вся моя жизнь—съ той минуты, какъ я васъ узнала. Я хочу поблагодарить васъ за доставленное мнѣ счастье и испросить прощенія въ невольномъ причиненныхъ мною вамъ обидахъ. Вамъ не угодно было дозволить мнѣ жить рядомъ съ вами, потому вѣроятно, что я не была этого достойна и не могла стать на одномъ уровнѣ съ вами. Я нахожу нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что я въ точности исполнила вашу волю. Когда меня не ставеть, ничто уже не помѣшаетъ вамъ вернуться въ Мигюракъ или продолжать вести въ Парижѣ образъ жизни, болѣе соотвѣтствующій вашему имени. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мертвой въ томъ, въ чемъ, вслѣдствіе несравненной деликатности вашей души, вы отказывали мнѣ живой,—а именно—въ согласіи вступить во владѣніе моимъ имуществомъ, всегда принадлежавшимъ вамъ.

„Дозвольте мнѣ, маркизъ, поцѣловать вашу руку, такъ какъ тѣнь смерти уже омрачаетъ мои печальные глаза.

„О, почему вы не со мной! Смерть была бы такъ прекрасна! Но нѣтъ, тогда жизнь была бы такъ хороша, что у меня не достало бы силы умереть, а я должна умереть. Примите благословеніе и признательность вашей вѣрной и смиренной жены.

„Изабелла“.

Хотя маркизъ разстался съ женою двадцать лѣтъ тому назадъ, слезы полились изъ его глазъ на бумагу: вѣроятно, онъ былъ растроганъ покорностью, которою дышали эти строки, и сокрушался по поводу суровостей и капризовъ судьбы, омрачившихъ эту жизнь. Взвѣсивъ благородство души скончавшейся мар-

казы, онъ рѣшилъ, что не долженъ ей уступить въ великодушнѣи, и, облобызавъ смоченную его слезами бумагу, воскликнулъ:

— Несравненная женщина, добродѣтели которой равны ея страданіямъ, да прости мнѣ твой прахъ, если я не исполню твоего желанія! Постоянство твоей любви даруетъ мнѣ богатство; постоянство моей чести повелѣваетъ мнѣ отвергнуть его.

Среди такихъ размышленій прошли часы, и г. де-Мигюракъ, замѣтивъ наконецъ, что онъ позабылъ пообѣдать, отправился въ таверну „Сѣраго Попугая“; душа его жаждала сочувствія, которое друзья его, узнавъ о постигшей его утратѣ, не преминули выразить въ самой трогательной формѣ. Руки всѣхъ потанули къ вдовцу, и нѣкоторыя свѣтила Парнаса прижали его къ своей груди. Но когда, раскрывъ свою душу, онъ объявилъ друзьямъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ богатства, — „заворота для философа, волюбленнаго природы и поборника равенства“, получился неожиданный эффектъ.

Маркизь обвелъ собраніе взглядомъ, ожидая одобренія, и очень изумился, увидѣвъ опущенные взоры и встрѣтивъ смущенное молчаніе. Известный діалектикъ, г. Камюсъ, пробормоталъ:

— Конечно... Конечно...

Но г. Леборнъ, элегическій поэтъ, спросилъ развязно:

— Состояніе маркизы де-Мигюракъ было, кажется, значительно?

Маркизь отвѣтилъ, что оно равняется двумъ-тремъ милліонамъ экю.

Среди собранія пробѣжалъ трепеть, фігуры приняли торжественный видъ среди облаковъ табачнаго дыма, но маркизь воскликнулъ съ улыбкою:

— Счастливъ человекъ, живущій согласно законамъ природы! Онъ не нуждается въ милліонахъ.

— Конечно!.. — повторилъ г. Камюсъ еще менѣе увѣреннымъ тономъ.

Но тутъ поднялся г. Моттэ, который, поставивъ стаканъ на столъ, проговорилъ выразительно:

— Да прости мнѣ нашъ знаменитый другъ, если я держусь, въ данномъ случаѣ, другого убѣжденія, и утверждаю, наоборотъ, что онъ обязанъ принять этотъ даръ.

Въ произнесенной имъ блестящей рѣчи ораторъ неопровержимо доказалъ, что г. де-Мигюракъ не выполнилъ своихъ обязанностей относительно своей супруги, и единственнымъ искупленіемъ съ его стороны является точное исполненіе ея предсмертной воли. Отчего мудрецъ долженъ избѣгать богатства? Не

простая ли въ такомъ стремленіи трусость, боязнь не устоять передъ искушеніемъ? Наоборотъ, философъ обязанъ доказать, что онъ стоитъ выше всѣхъ соблазновъ. Не отказомъ отъ богатства, но употребленіемъ его на служеніе великимъ цѣлямъ—поддержкѣ философіи, искусствъ и ихъ адептовъ—вотъ чѣмъ можетъ доказать г. де-Мигюракъ величіе души истиннаго философа.

Громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ эту рѣчь. Маркизъ напрасно пытался защищаться; въ полночи онъ уже не находилъ никакихъ аргументовъ въ свою пользу; наконецъ, рѣшившись довѣриться случаю, онъ бросилъ на воздухъ монету въ три экю; она упала королевскимъ изображеніемъ вверху, и профиль Людовика XV указалъ ему его долгъ: онъ будетъ богачомъ.

Маркизъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ и ушамъ, еслибы могъ замѣтить обмѣнъ насмѣшливыхъ взглядовъ и замѣчаній, сопровождавшихъ его уходъ; нѣкоторые изъ сотоварищей, не обинуясь, называли его лицемѣромъ и комедіантомъ.

Первою заботою маркиза было—заказать въ память своей супруги великолѣпный, превосходящій вкусъ простыхъ смертныхъ мавзолей, съ тѣмъ, чтобы поставить его не на ея могилѣ, а на владбищѣ des Innocents. На пьедесталѣ изъ каррарскаго мрамора долженъ былъ красоваться бюстъ маркизы де-Мигюракъ, а по четыремъ сторонамъ пьедестала — трогательныя эмблемы вродѣ гирляндъ изъ розъ, сердецъ, пронизанныхъ стрѣлами, и пылающихъ факеловъ, а также медальоны съ выгравированными на нихъ стихами маркиза. Памятникъ предполагалось окружить серебряною рѣшеткою съ изображеніемъ амуровъ, геніевъ и пальмовыхъ вѣтвей, а по угламъ поставить четыре аллегорическія статуи: Любви, Добродѣтели, Философіи и Природы. Стоимость такого памятника должна была равняться ста тысячамъ ливровъ, и маркизъ, получившій нѣкоторую сумму въ счетъ наслѣдства, тотчасъ пригласилъ архитекторовъ, скульпторовъ, выписалъ мраморъ, заказалъ рѣшетку, но, къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили довести это дѣло до конца. Вниманіе маркиза не могло сосредоточиться на одномъ предметѣ, и ваятель, получившій въ уплату лишь часть денегъ, продалъ аллегорическія фигуры финансисту, причемъ, благодаря нѣкоторымъ измѣненіямъ, онѣ превратились въ изображенія Граціи, Сладострастія, Желанія и Наслажденія. Рѣшетка была доставлена и оплачена своевременно, но такъ какъ пьедесталъ оставался пустъ, то не для чего было ставить ее, и она провалялась на чердакѣ до тѣхъ поръ, повуда маркизу не понадобилось отправить ее въ закладъ,

чтобы купить для m-ле Фаншонъ, артистки итальянской оперы, чернаго гриффона, котораго она настоятельно требовала. Такимъ образомъ, мавзолей маркизы Изабеллы оказался состоящимъ изъ мраморнаго пьедестала, на которомъ даже не было вырѣзано ея имя, и въ этомъ видѣ онъ долго служилъ предметомъ изумленія для посѣтителей кладбища.

Въ нѣсколько недѣль маркизь со свойственною ему легкостью уже перешелъ на положеніе богача и устроился въ нанятомъ имъ на улицѣ Saint-Hippolyte отелѣ, убранномъ со сказочнымъ великолѣпіемъ: вестибюль былъ украшенъ мозаикой, коринтскими пилястрами, стариннымъ оружіемъ; въ салонахъ съ потолками работы Бушэ стѣны исчезали подъ произведеніями кисти Грѣза, Фрагонара, Ларжильера.

Когда выписанный маркизомъ аббатъ прибылъ въ Парижъ, г. де-Мигюракъ встрѣтилъ его разодѣтымъ въ шолкъ и серебряную парчу и съ нѣжностью обнялъ его, словно они разстались наканунѣ, а затѣмъ, показавъ ему свой дворецъ, тотчасъ же возвелъ его въ званіе главноуправляющаго. Обиліе gobelеновъ и обюссоновъ, золоченой, лакированной, инкрустированной мебели, бронзы, жирандолей, серебряныхъ издѣлій для украшения стола—причинило аббату настоящее головокруженіе. На конюшнѣ стояло двѣнадцать лошадей, въ сараяхъ—нѣсколько дорогихъ экипажей. Многочисленные, одѣтые въ пунцовый бархатъ слуги толпились въ передней; о количествѣ ихъ можно судить по тому, что не менѣе четырехъ лакеевъ служило маркизу за первымъ его завтракомъ: одинъ держалъ шоколадницу, второй взбивалъ пѣну, третій подавалъ салфетку, а на обязанности метръ-д'отеля лежало наливать шоколадъ.

Къ аббату Жуанд, поселенному въ бѣлой съ золотомъ комнатѣ, былъ приставленъ для услугъ молодой негръ, по имени Заморъ, одѣтый въ тюрбанъ съ перьями и алый атласъ; аббатъ могъ отдѣлаться отъ него лишь подъ предлогомъ страха, внушаемаго ему этою черною рожей, похожею на ликъ самого діавола.

Аббатъ не удержался, чтобы не выразить маркизу своего изумленія по поводу того, что философъ понимаетъ роскошь и комфортъ совершенно такъ же, какъ понимаетъ ихъ финансистъ, но г. де-Мигюракъ, никогда не улавливавшій ироніи, принялся излагать ему съ полнымъ простодушіемъ теорію г. Моттэ. Философъ обязанъ не накапливать, но тратить деньги, оказывая поддержку художникамъ и давая заработокъ трудящемуся люду; онъ долженъ бодрствовать надъ впавшимъ въ бѣду гениемъ, исправлять

ошибки судьбы и, сдѣлавшись сотрудникомъ Провидѣнія, вести человѣчество по пути счастья и прогресса.

Мы приблизились къ наиболѣе блестящему періоду жизни г. де-Мигюракэ, сдѣлавшагося самымъ моднымъ человѣкомъ въ Парижѣ, гдѣ уже и ранѣе онъ былъ извѣстенъ оригинальностью своихъ походовъ, очаровательною любезностью и произведеніями своего пера. И теперь онъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность, вставая очень рано для того, чтобы безъ помѣхи заниматься по утрамъ. Онъ одѣвался сообразно сюжету: въ тѣ дни, когда онъ задумывалъ простое повѣствованіе, онъ облачался въ простыя ткани; когда же вдохновеніе увлекало его къ грандіознымъ темамъ, костюмъ его состоялъ изъ великолѣпнаго бархата и яркаго шлеа; во время занятій философіей онъ предпочиталъ нѣжные, переливчатые тона, гармонирующіе съ философскими тонкостями... И занимался онъ, судя по настроенію, въ одномъ изъ трехъ кабинетовъ: голубомъ, золотистомъ или темномъ. Тамъ онъ проводилъ нѣсколько часовъ въ горнилѣ творчества, и двое секретарей едва успѣвали переписывать набѣло листы, испещренные его іероглифами. Послѣ этого онъ принималъ просителей, терпѣливо выслушивая всѣхъ и щедрою рукою раздавая пособія, но число посѣтителей такъ возросло, что вскорѣ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи своихъ секретарей, что вызвало противъ него неудовольствіе.

Особенно интересовался онъ всякаго рода изобрѣтателями и роздалъ имъ, судя по реестру, заведенному аббатомъ Жуанд, не менѣе двухъ-сотъ тысячъ эку. Аббать усиленно старался доказать ему съ помощью фактовъ, что своими щедротами онъ только потакаетъ безумнымъ фантазіямъ людей и мѣшаетъ имъ честно зарабатывать хлѣбъ. И лишь послѣ того, какъ четверо изъ его посѣтителей оказались въ домѣ умалишенныхъ, двое побончили съ собою, а трое алхимиковъ взорвали себя на воздухъ—рвеніе маркиза нѣсколько охладилось.

Послѣ своего приѣма маркизъ присутствовалъ обыкновенно при туалетѣ какой-нибудь модной красавицы; онъ говорилъ о равенствѣ, держа на колѣняхъ бонувку оперной весталки, или обличалъ пороки европейскихъ дворовъ въ кругу модныхъ франтовъ, не державшихъ прервать его.

Обѣдъ маркиза отличался большою простотою, и онъ требовалъ отъ аббата и своихъ секретарей такой умѣренности въ пищѣ, что тѣмъ зачастую приходилось дообѣдывать у себя въ комнатахъ остатками ужина. Иногда къ столу подавались роскошныя блюда, но это дѣлалось для испытанія обѣдающихъ; дабы

напомнить имъ объ алчущихъ бѣднякахъ и приучить ихъ такимъ образомъ къ воздержанію — кушанья уносились нетронутыми. Однажды младшій изъ секретарей, у котораго текли слюнки, ставивъ крылышко куропатки, принялся съ жадностью ѣсть его, но подавился костью, что дало поводъ маркизу сказать великолѣпную обличительную рѣчь на тему о социальной несправедливости, карающей бѣдняка, который съ голоду рѣшается на воровство.

Иногда маркизъ ѣздилъ кататься по Елисейскимъ-Полямъ въ аллеямъ Longchamp, и тогда его богатый костюмъ гармонировалъ съ великолѣпнымъ экипажемъ; если же онъ отправлялся гулять, то надѣвалъ простое черное платье, круглый парикъ и шляпу à la Pensylvanie. День его оканчивался блестящимъ ужиномъ, на который приглашалось избранное общество. Этимъ ужиномъ, славившимся не только роскошью, но и оригинальнымъ вкусомъ — онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своею популярностью. Стараясь облагородить грубый актъ ѣды, маркизъ устраивалъ въ промежуткахъ пиршества художественныя интермедіи; невидимая музыка, ароматныя куренія — настроивали душу на возвышенный ладъ; иногда исполнялись сочиненныя имъ же аллегорическія балеты или танцы историческаго характера. Особенный успѣхъ имѣли ужины, даваемые маркизомъ въ честь какой-нибудь добродѣтели или философскаго принципа.

На праздникъ Невинности допускались гости, одѣтые исключительно въ бѣлые цвѣта. Залъ былъ обтянутъ бѣлой шелковой матеріей и кресла задрапированы бѣлымъ бархатомъ. На столѣ, убранномъ бѣлою сиренью, розами, лиліями, цвѣтами флёръ д'оранжъ, приборы изъ слоновой кости и фаянса замѣняли серебро. Лакеи въ бѣломъ разносили „бѣлыя“ кушанья: potage à la reine, тюрбод, пюре à la crème, рисъ, телятину, сорбетъ à la neige и т. п. Въмѣсто всякихъ другихъ напитковъ подавалось молоко, а также самое свѣтлое рейнское вино и сотернъ.

Участвовавшія въ пѣніи и танцахъ дѣвушки были одѣты въ бѣлыя льняныя ткани или въ костюмы ангеловъ съ лебедиными крыльями за спиною; полупрозрачныя волны газа едва прикрывали ихъ дѣвственныя тѣла, и въ такомъ видѣ онѣ являлись воплощеніемъ райскаго блаженства.

Въ pendant къ этому ужину маркизъ далъ пиршество въ честь Сладострастія, подробностей котораго мы не будемъ касаться; скажемъ только, что стѣны зала были расписаны мнелогическими сюжетами, живыя картины были того же содержанія, и костюмы воспроизведены были съ такою точностью, что персо-

нажи, которымъ полагалось предстать обнаженными — дѣйствительно предстали въ такомъ видѣ. Аббатъ Жуанъ счелъ нужнымъ покинуть залу пиршества при четвертой перемиѣнѣ, а маркизу, вѣроятно, пришлось бы имѣть объясненіе съ правосудіемъ, если бы изъ предосторожности онъ не пригласилъ самого главнаго прокурора и одну изъ любовницъ парижскаго архіепископа.

Самымъ замѣчательнымъ изъ его пиршествъ былъ, однако, праздникъ Равенства. Когда избранное общество заняло за столомъ свои мѣста, рядомъ съ каждымъ изъ гостей оказался незанятый стулъ, а на столѣ, вмѣсто обычнаго изобилія яствъ, видѣлись одинъ лишь черный хлѣбъ, простая похлебка и вода. Маркизъ произнесъ рѣчь, въ которой, указывая на вѣковую несправедливость, пояснилъ, что безъ неустаннаго труда ихъ братьевъ-бѣдняговъ, богачамъ пришлось бы довольствоваться подобною пищею. Затѣмъ онъ воскликнулъ:

— Братья, хотя на одинъ сегодняшній вечеръ я пожелалъ возстановить поправную справедливость и порадовать ваши сердца зрѣлищемъ равенства.

При этихъ словахъ двери распахнулись, и въ залу хлынула, въ своихъ рабочихъ одеждахъ, или скорѣе лохмотьяхъ, толпа простонародья, занявшая свободныя мѣста. Такимъ образомъ, принцесса де-Крессанжъ оказалась сидящею между малымъ изъ виноторговли и калѣкою, собирающимъ милостыню у Pont des Arts, между тѣмъ какъ торговецъ съ лоткомъ, г-жа Меркюи, очутилась между принцемъ и академикомъ Тома.

Дабы разсѣять первое стѣсненіе, маркизъ съ жаромъ продолжалъ свою рѣчь, ссылаясь на авторитетъ церкви въ лицѣ аббата, и въ то же время любезно прислуживая своей сосѣдкѣ, такъ какъ съ появленіемъ новыхъ господъ появились изысканныя кушанья и вина, и въ концѣ концовъ, по приглашенію маркиза, всѣ довольно единодушно вышли за здоровье человечества.

Маркизъ открылъ балъ съ торговкою каштанами; къ тому времени исчезло всякое стѣсненіе, вино успѣшнѣе всего привело людей къ сознанію ихъ первоначальнаго равенства, — и г. де-Мигюракъ, съ влажными глазами, еле переводя духъ, былъ внѣ себя отъ восторга, видя танцующими въ парѣ супругу президента съ трубочникомъ, а визави имъ — совѣтника парламента съ селедочницей.

Вдругъ ужасающіе крики прервали веселье, — произошла катастрофа, доказавшая, что въ одномъ отношеніи аристократія стоитъ несомнѣнно выше плебея: она лучше переноситъ вино.

Опьяненный шампанскимъ, Шарло, подмастерье портного, забывъ о томъ, что возвращенное ему равенство разрѣшаетъ ему протанцовать съ госпожею де-Крессанжъ, но не болѣе того, — пожелалъ воспользоваться своими преимуществами съ той стороны, которой намъ неудобно касаться. Знатная дама принялась испускать крики, несоотвѣтственные съ опасностью, которой она подвергалась, и принцъ, супругъ ея, обнаживъ шпагу, собирался проткнуть ея нахала. Но тутъ на него набросился носильщикъ, что вызвало генеральное сраженіе.

Табуреты, канделябры, вазы, дорогіе приборы летали по столовой, превратившейся въ поле битвы, и маркизъ, принимая на себя удары обѣихъ враждующихъ сторонъ, напрасно пытался звать къ нимъ о братствѣ между людьми.

Будучи болѣе предусмотрительнымъ, аббатъ Жуанд, получивъ по головѣ двумя тарелками и салатникомъ, послалъ за патрулемъ, явившимся очень кстати для того, чтобы разнять сражающихся.

Дворяне и буржуа отдѣлялись нѣсколькими синяками и порванными платьями; что же касается до мѣньшихъ братьевъ, они окончили ночь въ караулѣ, а нѣкоторые изъ нихъ провели тамъ и слѣдующій день, будучи слишкомъ пьяны для того, чтобы вспомнить о своемъ мѣстожительствѣ.

Такъ окончился праздникъ Равенства.

XI.

Можно было бы подумать, что при такомъ образѣ жизни, мудро согласовавшемъ долгъ философа съ обязанностями свѣтской жизни, маркизъ — богатый и добродѣтельный — долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ. Однако, согласно отмѣткамъ аббата, его радостное настроеніе скоро приняло меланхолическій отбѣнокъ. Это слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ критикѣ, извращавшей всѣ поступки маркиза-философа въ десяткахъ бездарныхъ памфлетовъ. Но самое обидное было то, что среди этихъ писаекъ находились его бывшіе друзья по „Сѣрому Полу-гаю“, съ г. Моттэ во главѣ. Будучи увѣренъ въ ихъ честности, маркизъ пришелъ къ убѣжденію, что, быть можетъ, дѣйствительно гений его попалъ на ложный путь, и потому въ одинъ прекрасный день онъ поѣхалъ объясниться съ ними.

Появленіе статуи вомандора менѣе поразило бы ихъ, — когда же г. де-Мигюракъ объяснилъ, что пріѣхалъ поблагодарить ихъ за безпристрастную критику и попросить совѣта, г. Моттэ, щетно

пытавшійся укрыться за буфетомъ, пробормоталъ, что его знаменитый другъ плохо понялъ его отзывы, и поспѣшилъ ретироваться, извиняясь спѣшнымъ дѣломъ. Его примѣру послѣдовали и другіе: завѣривъ маркиза въ томъ, что талантъ его ничуть не идетъ на убыль, они покинули залу.

Маркизъ вернулся домой нѣсколько успокоенный; но каково было его горе, когда, два дня спустя, онъ прочелъ въ „Литературной газетѣ“ сатиру г. Моттэ на пастуха Алкида, разбогатѣвшаго эгоиста, желавшаго ослѣпить своихъ прежнихъ друзей роскошью своего экипажа и блескомъ ливреи. Аббатъ нашелъ его въ слезахъ надъ этою брошюрою и попытался объяснить ему, что измѣнился не талантъ его, а общественное положеніе, и прежніе друзья не прощаютъ ему того, что онъ не приглашаетъ ихъ къ себѣ. Маркизъ назвалъ его слова „клеветою на человѣческую природу“, но отравленная стрѣла сомнѣнія уже запала ему въ сердце. Онъ не могъ скрыть отъ себя, что его благія начинанія рѣдко увѣнчивались успѣхомъ, вызывая порою лишь иронію и приводя къ противоположнымъ результатамъ. Съ наступленіемъ сорокалѣтняго возраста, маркизъ все болѣе сталъ впадать въ сентиментальность и, воспылавъ внезапно страстью къ дѣвицѣ Маріи-Агнесѣ де-Виллькруа, которую впервые увидѣлъ на балѣ въ костюмѣ наяды, онъ сочетался съ нею въ 1783 г. законнымъ бракомъ.

Первые дни его брака были счастливейшими въ жизни маркиза, не устававшаго любоваться бирюзовыми глазками, жемчужными зубками и тонкой таліей молоденькой маркизы, только-что забросившей вуклы, воспѣвать ее въ стихахъ и окружать безумною роскошью. Въ сущности, характеръ ея былъ очень простъ, но все-же слишкомъ сложенъ для пониманія философа. Она была счастлива, любя своего мужа, одѣваясь въ кисею и бывая разъ въ недѣлю въ оперѣ, и не желала бы ничего лучшаго, но такъ какъ онъ сразу возвелъ ее на недосягаемый пьедесталъ богини, она сочла бы себя несчастною безъ ежедневныхъ ужиновъ съ музыкою, блестящихъ выѣздовъ, приемовъ и всѣхъ утонченностей роскоши и моды. Она попросила маркиза посвятить ее въ тайны философіи, что привело его въ полный восторгъ, и вскорѣ, съ умѣньемъ женщины приспособляться, она уже разсуждала о собственности, политической экономіи и социальномъ строѣ.

Никогда еще отель де-Мигюракъ не сіялъ такимъ блескомъ, но вскорѣ маркизу пришлось убѣдиться, что ничто не вѣчно подъ луною. Серьезный разговоръ съ аббатомъ, давно уже умо-

лывшимъ его сократить расходы въ виду неминуемаго разоренія, самымъ неприятнымъ образомъ напомнилъ ему его разговоръ съ матерью, послѣдствіемъ котораго была его женитьба на дѣвницѣ Изабеллѣ Мориссо. Заглушивъ вздохъ, онъ воскликнулъ:

— Аббатъ! прежде чѣмъ сдѣлаться бѣднымъ — я былъ богатъ, затѣмъ снова разбогатѣлъ и теперь вновь становлюсь бѣднякомъ, но я сумѣю перенести бѣдность. Мудрецъ стоитъ выше капризовъ фортуны.

— Конечно, — отвѣтилъ аббатъ Жуандъ, созерцая свой округленный животикъ, — но думаете ли вы, что маркиза де-Мигюракъ будетъ того же мнѣнія?

Маркизь смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ, поднялся съ мѣста и величественно произнесъ:

— Я сейчасъ же въ томъ удостовѣрюсь.

Онъ засталъ маркизу за туалетомъ. Передъ нею на геридонѣ изъ перламутра стояло зеркало, поддерживаемое серебрянымъ амуромъ; своимъ тонкимъ пальчикомъ она деликатно навлеивала себѣ мушки: „страстную“ — въ углу глаза, „любезную“ — по срединѣ щеки и „любопытную“ — у подбородка.

Къ заявленію супруга, сдѣланному весьма неувѣреннымъ голосомъ, она отнеслась съ испугомъ, смѣшаннымъ съ подозрѣніемъ: „не сошелъ ли онъ съ ума?“ Г. де-Мигюракъ почувствовалъ укоры совѣсти, но не въ его характерѣ было — сокрушаться о быломъ; поэтому онъ поспѣшилъ изложить родившійся въ его плодovitомъ умѣ замыселъ. Они наймутъ домикъ въ Отѣйлѣ или въ Сюренѣ, съ тѣмъ, чтобы вести тамъ мирную пастушескую жизнь, къ которой она сама когда-то стремилась. Нѣкоторые вѣрные друзья, конечно, не покинутъ ихъ. Аббатъ Жуандъ, г. де-Кадріо, напримѣръ...

— Господинъ де-Кадріо, — сказала Марія-Агнеса съ загадочной улыбкой, и ея омрачившееся было личико прояснилось.

Г. де-Кадріо былъ 24-хъ-лѣтній молодой человекъ, съ жаромъ изучавшій философію; онъ уходилъ изъ отеля де-Мигюракъ по утрамъ лишь для того, чтобы возвращаться туда каждый вечеръ. У него былъ очень бѣлый цвѣтъ лица, стройная фигура, обращеніе его отличалось смѣсью мягкости и отваги.

— Вѣроятно, съ нами будетъ и господинъ Боманэ, — продолжалъ маркизь.

— Господинъ Боманэ? — снова улыбнулась маркиза.

Г. Боманэ, былъ толстякъ лѣтъ пятидесяти, обогатившійся ажіотажемъ, принятый въ высшемъ кругу и сватавшійся когда-то за m-lle де-Вилькруа. Потерпѣвъ неудачу, онъ, тѣмъ не менѣе,

сдѣлался преданнымъ поклонникомъ маленькой маркизы и другомъ ея мужа, сочувствовавшего своему несчастному сопернику.

Маркизъ продолжалъ все съ бѣльшимъ жаромъ развивать свою мысль.

— У меня будутъ овечки,—говорила Марія-Агнеса, дѣлая бантикъ изъ своихъ розовыхъ губъ, а маркизъ, настолько увлекшійся своимъ проектомъ, что теперь онъ, пожалуй, пожалѣлъ бы, еслибы состояніе оказалось неутраченнымъ, настаивалъ на томъ, чтобы она сегодня же вечеромъ переговорила съ гг. де-Кадріо и Боманэ.

— Если вы этого желаете...—проговорила маркиза де-Мигюравъ, опуская рѣсницы.

И когда маркизъ вышелъ, поцѣловавъ съ восторгомъ ея ручку, маркиза, доставъ изъ эмальированнаго ящика послѣднюю мушку, называвшуюся „наглой“, наклеила ее себѣ сбоку почти у самаго носика.

Два мѣсяца спустя, маркизъ съ маркизою, аббатъ Жуанъ, гг. Боманэ и де-Кадріо поселились въ домикѣ въ Отѣйлѣ, стоявшемъ среди густого сада, гдѣ имѣлись боскеты, прудъ, двѣ статуи нимфъ и цвѣты. На лугу паслись хорошо вымытые и причесанные барашки, кудахтали курицы-кохинки, а въ водѣ плескались утки.

Маркиза въ корсажѣ изъ розоваго сюръ, въ голубой короткой юбкѣ, съ посохомъ, украшеннымъ лентою въ рукахъ, сама кормила это интересное стадо при помощи г. Боманэ, тоже одѣтаго пастушескомъ, между тѣмъ какъ г. де-Кадріо, принявшій на себя должность главнаго садовника, ухаживалъ за цвѣтами, собственноручно составляя букеты для маркизы. Аббатъ попрежнему сохранялъ за собою управленіе домомъ, а маркизъ, любясь этою идиллическою картиною, прославлялъ перомъ прелесть аркадской жизни—простой и добродѣтельной, что не замедлило привлечь толпу посѣтителей, всегда уѣзжавшихъ изъ Отѣйла подъ самымъ восторженнымъ впечатлѣніемъ. Но эти мирные дни, на которыхъ любить останавливаться аббатъ Жуанъ въ своихъ „Мемуарахъ“, окончились неожиданною катастрофою.

Однажды маркизъ, вернувшись изъ Парижа, куда ему пришлось съѣздить по дѣлу, встрѣтилъ г. де-Кадріо, все еще одѣтаго садовникомъ, но краснаго, растрепаннаго, съ нахмуренными бровями. Завидѣвъ маркиза, онъ издали закричалъ ему:

— Не объясните ли вы мнѣ, маркизъ, куда дѣвались маркиза и господинъ Боманэ?

Маркизь отвѣтилъ спокойно, что, вѣроятно, они уѣхали кататься; аббатъ, въ которому тоже обратились по этому поводу съ вопросомъ, глубоко вздыхалъ и отвѣчалъ уклончиво: „маркиза уѣхала съ финансистомъ въ девять часовъ утра и не сказала, когда вернется“. Несмотря на свою безпечность, маркизь ощутилъ тревогу.—Не случилось ли съ ними чего-нибудь?

Но побагровѣвшій г. де-Кадріо свирѣпо воскликнулъ:

— Случилось!.. Случилось!.. Неужели, маркизь, вы не видите, что въ...

Деликатное перо аббата Жуанд не передаетъ грубое мольеровское слово, сорвавшееся съ его устъ. Даже воспоминаніе маркиза о двухъ дюжинахъ написанныхъ имъ противъ дуэли брошюръ—не помѣшало бы пролитію человѣческой крови, еслибы аббатъ не постыжился сказать г. де-Мигюракъ, который, казалось, былъ близокъ къ сумасшествію, что маркиза оставила для него въ своемъ будуарѣ письмо. Растолковавъ надушенныхъ барашковъ, г. де-Мигюракъ ринулся туда и прочелъ это письмо. Вотъ что въ немъ заключалось:

„Маркизь!

„Обътъ, превратившійся въ пустую формальность, не можетъ связывать на всю жизнь. Я не могла остаться нечувствительной къ великимъ достоинствамъ г. Боманэ. Ваша философія настолько глубока, что вы не станете осуждать меня за то, что я рѣшила послѣдовать за этимъ щедрымъ и великодушнымъ человѣкомъ, который можетъ доставить мнѣ достойное моего рода существованіе. Съ искреннею признательностью за вашу доброту, остаюсь вашей покорнѣйшею слугою.

„Марія-Агнеса“.

Г. де-Мигюракъ читалъ и перечитывалъ эти строки, задыхаясь отъ гнѣва. Онъ машинально перевернулъ страницу и увидѣлъ сдѣланную дрожущею рукою приписку:

„Надѣюсь, вы не будете страдать изъ-за меня“.

Онъ сразу опустился въ кресло, и слезы полились изъ его глазъ; онъ ощущалъ въ сердцѣ физическую боль. Солнце заходило, и послѣдніе лучи его озаряли вещицы, украшавшія будуаръ, куда она больше не войдетъ; онъ слышалъ, какъ звенѣли колокольчиками возвращавшіеся домой барашки.

Дверь открылась, вошелъ аббатъ; онъ поглядѣлъ на своего питомца добрыми, ласковыми глазами и, сѣвъ возлѣ него, взялъ руку, которую тотъ протянулъ ему. Маркизь нѣсколько разъ пытался заговорить, но не могъ. Аббатъ отвѣчалъ и прошепталъ голосомъ, полнымъ состраданія.

— Не поужинаете ли вы немного?

За ужиномъ ни до чего не дотрогивавшійся маркизъ спросилъ, поднявъ глаза:

— Аббать, вы знали?..

Тотъ пожалъ плечами; г. де-Мигюракъ жаждалъ разспросить его, ему вспоминались разныя подробности, на которыя онъ раньше не обращалъ вниманія, но странная сдержанность останавливала его. Вдругъ онъ замѣтилъ, что г. де-Кадрио съ ними нѣтъ. Хотя онъ въ весьма грубой формѣ возвѣстилъ ему о несчастіи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ поститься.

— Г. де-Кадрио повинулъ этотъ домъ; завтра онъ пришлетъ за своими вещами,—отвѣтилъ аббать, дѣлалъ видъ, что пытается соскочить пятнышко со скатерти.

Тутъ маркизу вспомнилось необычайное волненіе, съ какимъ отнесся г. де-Кадрио къ его горю, ярость молодого человѣка, его слова...

— Аббать,—прошепталъ маркизъ,—посмотрите мнѣ въ глаза. Возможно ли, чтобы и г. де-Кадрио?..

Аббать, барабанившій пальцами по столу, глубоко вздохнулъ:

— Велико женское хитроуміе, и я солгалъ бы, утверждая, что вы одинъ пострадали отъ преступнаго дѣянія г. Боманэ.

Маркизъ откинулся со стиснутыми зубами на спинку кресла; рой отчужденныхъ мыслей кружился у него въ головѣ. То ему хотѣлось преслѣдовать бѣглецовъ, уничтожить г. Боманэ, силою водворить въ своемъ домѣ Марію-Агнесу, затѣмъ—вызвать на дуэль г. де-Кадрио. Но тутъ же его охватывалъ стыдъ за свою деспотическую ревность: вѣдь Марія-Агнеса была ребенкомъ, когда онъ женился на ней, а теперь онъ не можетъ предложить ей даже богатства. Словно во снѣ онъ услышалъ голосъ аббата, звавшего его на прогулку, поднялся было съ мѣста, но въ глазахъ у него потемнѣло, и онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Утромъ, увидѣвъ аббата у своего изголовья, онъ сказалъ съ несвойственной ему горечью:

— Удивляюсь вамъ, аббать! Сколько времени вы прожили въ моемъ домѣ, и ни разу не попытались мнѣ измѣнить.

— Милое дитя,—отвѣтилъ тотъ благодушно,—изгоните изъ вашей памяти достойное сожалѣнія, омрачившее вашу жизнь. Не думайте о лукавой и непостоянной женщинѣ...

— Вы правы,—сказалъ маркизъ,—но я не позволю осуждать г-жу де-Мигюракъ; я не имѣлъ права связывать ея цвѣтущую молодость съ заватомъ моихъ зрѣлыхъ лѣтъ. Она остается для меня благороднѣйшей изъ женщинъ.

Послѣ небольшой паузы аббатъ освѣдомился у маркиза о томъ, что онъ намѣренъ предпринять. Ликвидация его дѣлъ, порученная г. Боманэ, дала самые печальные результаты, что было рѣшено скрыть отъ маркиза; хозяйство велось на средства финансиста, отчасти—г. де-Кадрию; домъ былъ нанятъ на полгода. Маркизь быстро сообразилъ:

— Такъ какъ г. Боманэ, воспользовавшись моимъ довѣріемъ, похитилъ у меня супругу, никто не станетъ осуждать меня за то, что я воспользуюсь его домомъ, покуда не приду къ какому-нибудь рѣшенію.

И приказавъ аббату отпустить, за исключеніемъ старой кухарки, всѣхъ слугъ, онъ снова заснулъ.

Обязанности аббата по управленію домомъ значительно упростились; и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль отѣйльскіе отшельники питались баранками и кохинхинскими курами, а также—овощами и плодами изъ своего сада.

Между тѣмъ извѣстіе о несчастіи маркиза привлекло въ Отѣйлъ массу любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть, какъ онъ переноситъ его. Преобладающимъ побужденіемъ ихъ было, конечно, злорадство, но, несмотря на убѣжденіе аббата, маркизь, какъ истинный философъ, никому не отказывалъ въ приемѣ. За эти нѣсколько лѣтъ онъ, однако, сильно измѣнился: волосы его посѣдѣли, глаза утратили блескъ, но энергія его оставалась непоколебимой. Бездѣйствіе и печаль тяготили его; онъ начиналъ задыхаться въ этой атмосферѣ испорченности и коварства, и тогда-то у него созрѣлъ изумительный планъ, который, независимо отъ всего остального, могъ бы обезсмертить его имя: онъ рѣшилъ эмигрировать въ страны, еще не тронутыя отравой цивилизации и населенныя людьми, которыхъ называютъ дикарями, хотя въ первобытной невинности своей они гораздо менѣ дикари, нежели европейцы. Рѣшеніе маркиза было сообщено въ 1787 году газетою „Mercure de France“ и произвело громадное впечатлѣніе, почти равное сенсаци, вызванной дѣломъ объ ожерельѣ королевы или первымъ представленіемъ „Женитьбы Фигаро“. Его брошюра „Прощаніе философа съ развращенною Европою“ читалась нарасхватъ. Сама королева пригласила его въ Трианонъ и бесѣдовала съ нимъ болѣе получаса. Она была въ простомъ перкалевоиъ платьѣ, бѣлой косынкѣ и соломенной шляпѣ; возлѣ нея рѣзвились на лугу два ягненка, что напомнило маркизу его невѣрную Марію-Агнесу. Королева милоство дала ему поцѣловать свою руку и пожелала добраго пути. Проводы маркиза были торжественны, и нѣсколько дней спустя

онъ уже чувствовалъ себя какъ дома на фрегатѣ „La Reliance“, назначенномъ въ дальнее плаваніе въ водахъ Тихаго океана.

XII.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ ничего не было слышно о маркизѣ, и лишь весною 1792 г., совпавшею съ составленіемъ жирондистскаго министерства, съ марсельскими беспорядками и первыми неудачами французской арміи въ Бельгii—въ одной изъ бордоскихъ газетъ промелькнуло извѣстіе о возвращеніи г. де-Мигюравъ. По счастливой случайности, намъ попался въ руки морской журналъ Мариуса Корселада, командира трехмачтоваго корабля „La belle Bordelaise“, на долю котораго выпала слава возвратить Франціи одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея сыновъ. Вотъ отрывокъ изъ него, помѣченный 25-мъ ноября 1791 г., съ берега Новой Гвиней.

„Передавъ командованіе судномъ суперкаргу Жану Линудѣ изъ Поильяна, я приказалъ спустить лодку и занялъ въ ней мѣсто вмѣстѣ съ экипажемъ, состоявшимъ изъ дюжины хорошо вооруженныхъ, въ виду встрѣчи съ дикарями, людей. Послѣ полчасоваго плаванія, мы причалили къ берегу: шестеро изъ насъ остались въ лодкѣ; шестеро другихъ, подѣ моимъ начальствомъ, отправились на поиски источника.

„Вскорѣ на опушкѣ тропическаго лѣса мы наткнулись на возмутительное зрѣлище: земля была усыяна трупами дикарей, ставшихъ, вѣроятно, жертвами враждебнаго племени. Мы уже собирались вернуться къ лодкѣ, какъ вдругъ—никогда не забуду я ужаса этой минуты!—изъ глубины дѣвственнаго, населеннаго хищниками и дикарями, лѣса раздались французскія слова:

„— Господа, позвольте привѣтствовать ваше прибытіе въ эту малогостепріимную страну!

„Звукъ голоса былъ слабый, но произношеніе безукоризненное, а въ интонаціи было нѣчто, напомнившее мнѣ мою родину. Я обернулся и увидѣлъ, какъ одно изъ тѣлъ, принятыхъ нами за трупы дикарей, приподнялось и даже сдѣлало шага два мнѣ навстрѣчу. Несмотря на загаръ и наготу этого покрытаго рубцами тѣла, я узналъ въ говорившемъ соотечественника, привѣтствовавшаго насъ движеніемъ руки. Но онъ былъ такъ слабъ, что даже шатался. Я поддержалъ его; мы поспѣшили перевязать рану, полученную имъ въ плечо, и влить ему въ ротъ нѣ-

сколько капель рома. При его худобѣ и крайнемъ изнуреніи, можно было опасаться, что онъ умретъ у насъ на рукахъ. Но, подерѣвленный глоткомъ рома и кускомъ сахара, онъ обиннулъ насъ оживившимся взглядомъ, проговоривъ тономъ любезнаго хозяина:

„— Смѣю ли я спросить, господа, какою счастливою случайности обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ?“

„Я пробормоталъ, что мы пріѣхали за водою. Тогда, ничуть не стѣсненный своею наготою, онъ съ самымъ любезнымъ видомъ предложилъ проводить насъ къ источнику; выраженія его были такъ изысканны и обличали столь выдающійся умъ, что я нѣсколько разъ щипалъ себя, дабы убѣдиться, что все это я вижу не во снѣ.“

„Каково же было изумленіе, когда я узналъ, что предомною—самъ знаменитый марезизъ де-Мигюракъ, дворянинъ изъ Перигора, покинувшій Францію четыре года тому назадъ, съ тѣмъ, чтобы поселиться среди дикарей. Я замѣтилъ, что по всей вѣроятности онъ не поздравляетъ себя съ такою рѣшимостью, но тутъ лицо его омрачилось, и на мое предложеніе доставить его на родину онъ гнѣвно возразилъ:

„— Почему предполагаете вы, милостивый государь, что я измѣню добровольно принятому мною рѣшенію?“

„Я отвѣтилъ ему, что считаю своимъ христіанскимъ долгомъ увести его, хотя бы мнѣ пришлось употребить для этого насиліе. Я прибавилъ, что если дикое человѣчество оказалось недостаточно добродѣтельнымъ, люди цивилизованные собираются возродиться для добра въ духѣ его собственныхъ возрвнй, а также и ученій другихъ философовъ. Тутъ я сообщилъ ему о федераціи Соединенныхъ Штатовъ и объ освобожденіи Франціи отъ гнета тиранніи.

Онъ слушалъ меня восторженно, слезы навертывались у него на глазахъ, и когда я кончилъ, онъ проговорилъ, глубоко тронутый:

„— Другъ, не сердись на то, что я въ первую минуту отвѣтилъ отказомъ на твое великодушное предложеніе. Если мнѣ суждено узрѣть мою отчизну возрожденною и закрыть глаза при свѣтѣ восходящаго солнца свободы,—я скажу себѣ, что прожилъ не даромъ и вознесу хвалу Высшему Существо.“

„Онъ послушно сѣлъ съ нами въ лодку, и мы доставили его на корабль, гдѣ я уступилъ марезизу де-Мигюракъ каюту, служившую мнѣ гостиною, а также—часть моего платья. Въ тотъ же вечеръ мы подняли якорь“.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ капитанъ Карсе-

ладъ о встрѣчѣ своей съ маркизомъ, который совершилъ съ ними плаваніе до Бордо. Ступивъ на родную почву, онъ почувствовалъ себя, однако, больнымъ и беспомощнымъ въ этомъ городѣ, гдѣ даже имя его было забыто. Не менѣе страшнымъ казалось ему путешествіе въ Парижъ, гдѣ онъ найдетъ то же самое. И вдругъ имъ овладѣло непонятное желаніе увидѣть мѣста своего рожденія. Лишь тамъ онъ сможетъ въ тишинѣ и мирѣ снова освоиться съ жизнью, тамъ она будетъ мягче и гостепримнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Итакъ, онъ взялъ мѣсто въ дилижансѣ, поддерживавшемъ сообщеніе между Бордо и Перигѣ.

Въ концѣ марта, раннимъ утромъ, г. де-Мигюракъ вышелъ изъ дилижанса у деревни Презиньянъ. Очоченъвъ отъ холода и имѣя всего четыре су въ карманѣ, онъ рѣшилъ пройти пѣшкомъ три мили, остававшіяся ему до замка Мигюракъ.

Весеннее солнце алѣло на горизонтѣ и, прорвавъ дымку тумана, заливало блѣдными лучами чуть зеленѣющія поля, молодые побѣги ливны, среди которыхъ слышалось чирканье птицъ. Деревня почти не измѣнилась, но было мучительно—не встрѣтить ни одного знакомаго лица: и здѣсь, на родинѣ, онъ чувствовалъ себя чужимъ и одинокимъ.

Онъ вспомнилъ объ Улиссѣ, также вернувшемся послѣ тридцатилѣтняго отсутствія въ родную Итаку, но того ожидала вѣрная и нѣжная Пенелопа. Внезапно воспоминаніе о двухъ его супругахъ больно кольнуло его въ сердце—о любящей и покинутой имъ, и о той, кого онъ любилъ и второю былъ покинутъ.

Еле дыша и обливаясь потомъ, хотя кашель его еще усилился отъ рѣзкаго вѣтра, путникъ нѣсколько разъ былъ принужденъ присѣсть. Достигнувъ холма Капельмаронъ, съ котораго видѣлись кровли и башни замка, онъ вспомнилъ, какъ четверть вѣка тому назадъ онъ обернулся отсюда, чтобы бросить прощальный взглядъ на свое родовое гнѣздо, и вдругъ сердце у него словно оборвалось. Онъ съ рыданіемъ кинулся на землю, оплакивая умершихъ, себя самого, свою жизнь, то, что было, и то, что могло быть, всѣ эти года, въ теченіе которыхъ онъ пережилъ такъ много и такъ мало и сдѣлался почти старикомъ.

Отцовскій замокъ высился въ концѣ аллеи, но большинство ставней была закрыто, дворъ поросъ сорною травою, нѣкоторыя изъ большихъ деревьевъ были срублены; все дышало запустѣ-

нѣмъ. Онъ робко позвонилъ у двери, изъ которой въ то далекое утро онъ выскользнулъ, какъ бѣглець.

Послышался надтреснутый звукъ, затѣмъ шарканье ногъ, дверь заскрипѣла, полуоткрылась, и изъ нея выглянуло старческое лицо. Глухимъ голосомъ маркизъ прошепталъ:

— Магелона!

Старуха задрожала, все лицо ея сморщилось, она впилась взоромъ въ его черты:

— Лулу!

И маркизъ де-Мигорава кинулся въ объятія своей кормилицы и скрылъ на ея увидшей груди свое лицо, какъ дѣлалъ онъ полвѣка тому назадъ, охваченный дѣтскимъ страхомъ или отчаяннѣмъ послѣ тщетныхъ усилій поймать не дававшійся ему солнечный лучъ.

На призывъ старухи появился и аббатъ Жуанъ, спустившійся съ лѣстницы своею отяжелѣвшею, но еще бодрою походкой; онъ со слезами и восклицаніями обнялъ въ свою очередь блуднаго сына. Всѣ трое усѣлись въ столовой вокругъ стола; разговоръ былъ отрывистый, безсвязный, но вдругъ маркизъ поблѣднѣлъ и покачнулся на своемъ креслѣ.

— Иисусе-Марія!—воскликнула, кидаясь къ нему, служанка.— Что съ вами, г. маркизъ?

Онъ улыбался, стараясь ее успокоить.

— Ничего... Волненіе... и голова закружилась... Если бы кусочекъ дичи и глотокъ стараго вина...—Онъ не замѣтилъ тревожнаго взгляда, которымъ обмѣнялись старуха и аббатъ. Черезъ нѣсколько минутъ Магелона уже ставила передъ нимъ миску съ супомъ изъ капусты, кусочекъ вареной свинины и козьего сыра, на которые маркизъ набросился съ аппетитомъ. Подкрѣпляя силы и прислушиваясь къ безконечнымъ разговорамъ аббата и Магелоны, маркизъ машинально осматривался, и отсутствіе серебра, поломанная мебель, заплаты на рясахъ аббата и платьѣ Магелоны, и скудость угощенія—бросились ему въ глаза. Воспользовавшись паузою въ разговорѣ, онъ проговорилъ тономъ дружескаго упрека:

— Г. Жуанъ, позвольте вашему бывшему питомцу пожуричь васъ. Не поручилъ ли я вамъ управленіе дѣлами съ правомъ пользоваться домомъ и доходомъ по вашему усмотрѣнію? Между тѣмъ эта ряса—когда-то вы не пренебрегали дорогими матеріями—и это скромное угощеніе—прежде вы любили хорошо покушать—свидѣтельствуя о чрезмѣрной вашей деликатности. Не хочу васъ бранить, но мнѣ желательно, чтобы отнынѣ образъ жизни

измѣнился. Завтра же мы отпразднуемъ мое возвращеніе праздникомъ для крестьянъ, и пусть каждый получить на память по доброй серебряной монетѣ.

Старики снова обвинялись взглядомъ, не ускользнувшимъ на этотъ разъ отъ маркиза, и, замѣтивъ слезы на ихъ глазахъ, онъ воскликнулъ:

— Но что такое съ вами?

Помолчавъ, аббатъ очень осторожно, съ помощью Магелоны, дополнявшей иногда его рассказъ, сообщилъ ему о происшедшихъ съ 1789 г. событіяхъ. Ораторы изъ Бордо и Перигё вызвали своими рѣчами волненіе умовъ. Аббатъ и кормилица, пользовавшіеся ранѣе уваженіемъ со стороны крестьянъ, наталкивались теперь на враждебность и недоувѣріе, какъ только имъ случалось переступать границу парка. Аббата, при его попыткѣ получить арендную плату съ крупнаго фермера, едва не побилы камнями, а два дня спустя ворвавшаяся въ замокъ толпа вооруженныхъ крестьянъ торжественно сожгла на лугу всѣ фамиліи бумажки, контракты, записи и прочіе документы; лѣса безнаказанно вырубались, арендные деньги не вносились, слуги разбѣжались одинъ за другимъ. Они существовали продажею кое-какихъ вещей и питались овощами изъ своего огорода; время отъ времени одна изъ крестьянокъ приносила имъ курицу или кусочекъ свинины. Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разразилось новое бѣдствіе: судейскіе чины, въ сопровожденіи нѣсколькихъ проходивцевъ въ мундирахъ, явились за маркизомъ де-Мигюракъ и, учинивъ подробный допросъ аббату и Магелонѣ, объявили маркиза эмигрантомъ, а на имѣніа его наложили запрещеніе. Они забрали серебро и лучшую часть мебели. Съ тѣхъ поръ аббату постоянно угрожаютъ арестомъ. Три замка въ окрестностяхъ уже сожжены. Г-жу де Биніакъ, рожденную Алину де-Пертюизд—недавно убили. Тюрьмы Бордо и Перигё переполнены цвѣтомъ мѣстнаго дворянства.

Г. де Мигюракъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ при этихъ разсказахъ; когда онъ узналъ о томъ, что замокъ его подвергся насилію, изъ глазъ его свернула молнія.

— Маркизь,—сказалъ аббатъ,—у этихъ людей на языкѣ одни лишь слова: равенство и братство; они хотятъ воцаренія правосудія и уничтоженія несправедливыхъ привилегій.

Онъ не безъ лукавства посмотрѣлъ на своего господина, но тотъ пожалъ плечами.

— Я надѣюсь разъяснить этимъ несчастнымъ ослѣпленнымъ людемъ, какъ дурно поняли они такіа великіа слова.

Аббату и Магелонѣ съ трудомъ удалось убѣдить его отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, какъ возобновятся его силы, и дѣйствительно, слабость его была такъ велика, что въ теченіе первой недѣли онъ не настаивалъ на своемъ. Маркизь проводилъ время за чтеніемъ газетъ, сохраненныхъ аббатомъ; онъ дремалъ, бродилъ по парку, подолгу сидѣлъ у могилъ отца и маркизы Изабеллы, и словно бесѣдовалъ съ ними, погруженный въ глубокую задумчивость.

Дней черезъ десять въ замокъ явились, однако, облеченные въ подобіе мундировъ два парня, именовавшіе себя муниципальными стражами и принесшіе письменный указъ, предлагавшій маркизу де Мигюракъ прибыть въ городскую ратушу для объясненія причинъ его отсутствія. Они сыпали ругательствами и насмѣшками, повуда не вышелъ къ нимъ самъ маркизь и не приказалъ имъ такимъ повелительнымъ тономъ немедленно убраться, что, не взирая на свое нахальство, они поспѣшно удалились.

Сначала маркизь рѣшилъ послать къ чорту мэра и его приказъ, но затѣмъ онъ сообразилъ, что ему представляется случай ознакомиться съ міровоззрѣніемъ здѣшнихъ поселянъ. Въ глубинѣ стариннаго сундука нашелся парадный, шитый золотомъ востюмъ, въ который маркизь облачился ради такого торжественнаго случая. Онъ прицѣпилъ шпагу съ перламутровою рукояткою, надѣлъ пудренный парикъ, давно уже имъ заброшенный, и когда онъ предсталъ въ этомъ видѣ передъ взорами Магелоны, она всплеснула руками, воскликнуть:

— Маркизь, вы сіяете всею славою вашихъ предковъ!

— Надѣюсь, — отвѣтилъ г. де Мигюракъ.

Аббатъ робко замѣтилъ, что это великолѣпіе можетъ раздражить фанатизмъ якобинцевъ, но г. де Мигюракъ вышелъ твердыми шагами изъ дому, запретивъ слѣдовать за собою. При его проходѣ, головы любопытствующихъ высовывались изъ оконъ, дѣти съ крикомъ бѣжали за нимъ, но наружность его была столь величественна, что никто не осмѣлился оскорбить его. Онъ вошелъ съ шляпою на головѣ въ низенькую комнату, именуемую ратушею, гдѣ нашелъ троицъ людей въ блузахъ — мэра и его помощниковъ. Они были такъ поражены его видомъ, что машинально сняли колпаки и вынули изъ рта трубки; наведя лорнетъ, г. де Мигюракъ, замѣтилъ также въ углу обонихъ муниципальных стражей, жавшихся къ стѣнѣ.

— Господа, — началъ онъ, обвѣда все окружающее оживленнымъ взоромъ, — вы видите передъ собою Луи-Ликурга, маркиза

де-Мигюракъ, который послѣ того, какъ онъ посвятилъ свою жизнь философіи, пропагандируя своимъ перомъ и примѣромъ основы чистаго разума, послѣ того, какъ онъ совершилъ путешествіе къ антиподамъ въ поискахъ страны, гдѣ царили бы добро и справедливость—вернулся подъ свой наслѣдственный кровъ для того, чтобы прослыть человѣкомъ, возбуждающимъ подозрѣнія, и увидѣть дрожащими и гонимыми вѣрныхъ слугъ своихъ, гонимыми тѣми самыми людьми, которые провозгласили себя борцами за социальное возрожденіе.

Всѣ трое пытались поочередно прервать его, но онъ заграждалъ имъ уста неудержимымъ потокомъ своихъ рѣчей, воспламеняясь по мѣрѣ ихъ произнесенія; слова: свобода, гуманность, равенство—чередовались со словами: умѣренность, добро, справедливость, такъ что когда черезъ полчаса онъ остановился съ тѣмъ, чтобы перевести духъ—роли, казалось, измѣнились и можно было подумать, что это онъ отчитываетъ муниципаловъ. Наконецъ, обернувшись къ толпѣ, привлеченной перунами его краснорѣчія, онъ заключилъ громовымъ обращеніемъ:

— Братья, забудемъ прошлое. Станемъ думать лишь о грядущемъ. Солнце братства взошло, не будемъ его омрачать черною тучею раздора. Остерегайтесь завистливыхъ и себялюбивыхъ инстинктовъ. Да будутъ вашими единственными вождями разумъ и добродѣтель. Тогда вы всегда найдете меня среди васъ, и мы вмѣстѣ воскликнемъ:—Да здравствуетъ народъ! Да здравствуетъ свобода!

Порывъ энтузіазма охватилъ толпу, колпаки полетѣли на воздухъ и раздался единодушный крикъ:—Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ народъ! Да здравствуетъ маркизъ де-Мигюракъ!

Четверть часа спустя, эти же крики привлекли аббата съ Магелоной къ окну; они не вѣрили глазамъ своимъ, видя маркиза, несомаго на плечахъ деревенскими парнями, не переставшими привѣтствовать его.

Это обстоятельство оказало благоприятное вліяніе на здоровье маркиза: кашель его исчезъ, припадки лихорадки ослабѣли. Но едва силы его возстановились, какъ умъ его обратился съ удвоеннымъ жаромъ къ государственнымъ вопросамъ. Взаимная ненависть партій, опасности войны, затруднительное положеніе короля и собранія—причиняли ему безсонницу. День 20-го іюня—занятіе Тюильери—еще болѣе усилилъ его волненіе. Онъ разослалъ министрамъ рукописное воззваніе подъ заглавіемъ „Размышленія философа“, въ которомъ указывалъ имъ способы умиро-

творить народъ и предлагалъ свои услуги въ совѣтъ или на ратномъ полѣ. Революція 10-го августа, арестъ королевской фамилии и массовыя сентябрьскія убійства потрясли его до глубины души, особенно послѣ того, какъ онъ прочелъ въ газетѣ статью г. Мотта, одобрявшаго кровавыя насилія. Неужели философъ-гуманистъ могъ придти къ такимъ выводамъ? Маркизь рѣшилъ ѣхать въ Парижъ.

— Долгъ каждаго гражданина—поспѣшить на защиту отечества, долгъ философа—разорвать покровъ заблужденія и возгнать факель справедливости,—заявилъ онъ домашнимъ.

Планъ маркиза былъ очень простъ: силою письменнаго и устнаго воздѣйствія на умы онъ примирить короля съ яacobинцами, католиковъ—съ атеистами, аристократовъ—съ плебеями; вся нація возстанетъ, какъ одинъ человекъ, на внѣшняго врага, прогнать его отъ границъ и, заключивъ славный миръ, предастся культу добродѣтели.

Аббатъ и Магелона пробовали-было его отговорить, но, зная, что въ деревнѣ его репутація была уже поколеблена, снарядили его въ дорогу. Служанка собрала ему кое-какія вещи и положила ему въ карманъ послѣднія четыре золотыя монеты, еще оставшіяся въ домѣ.

Онъ нѣжно обнялъ заливавшихся слезами своихъ старыхъ друзей и сказалъ:

— Аббатъ, если я погибну въ этомъ предпріятіи, не жалѣйте обо мнѣ: оно достойнымъ образомъ вѣнчаетъ мою жизнь. Засвидѣтельствуйте передъ вашимъ Господомъ, что ничье сердце не было столь предано добродѣтели, какъ мое, и молитесь Его: да проститъ Онъ мнѣ, въ виду этого, несовершенство моихъ поступковъ.

XIII.

По прибытіи въ Парижъ, маркизь сразу убѣдился, что между веселымъ, учтивымъ господомъ, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, и тою мятежною столицею, гдѣ кипѣли теперь невѣдомыя силы и страсти,—не было ничего общаго. Въмѣсто любезныхъ, легкомысленныхъ людей, роскошныхъ экипажей, веселыхъ дамъ и щеголей-офицеровъ, по улицамъ двигалась толпа—шумная, безудержная, какъ морской прибой. Народъ осаждалъ двери собранія, тѣснился у построенныхъ подъ открытымъ небомъ эстрадъ, бѣшено свисталъ или рукоплескалъ ораторамъ. Въ воздухѣ чувствовалось вѣяніе жестокости и герцизма. Опьяненный любовью

и ненавистью, ужасомъ и надеждою, народъ стоялъ между высотою и бездною.

Маркизу не безъ труда удалось добиться напечатанія брошюры: „Воззваніе къ французамъ“, въ которой, упоминая объ оказанныхъ имъ челоѣчеству услугахъ, онъ предлагалъ всеобщую амнистію, освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, сліяніе всѣхъ партій и дружный походъ на врага, причемъ во главѣ арміи долженъ былъ стать освобожденный изъ Тампля Людовикъ XVI. Брошюра была разослана депутатамъ и разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но ни одна газета о ней не упомянула; та же участь постигла и остальные памфлеты, изданные имъ съ величайшимъ трудомъ. Министры, члены комитетовъ, выслушивали его съ плохо скрытою насмѣшкою; раза два его чуть-было не засадили въ тюрьму по подозрѣнію.

Осужденіе на смерть короля, бывшаго прежде всего *челоѣкомъ*, показалось маркизу актомъ вопіющей кровавой несправедливости, не вязавшимся съ его гуманитарными стремленіями. Вечеромъ—отчасти для того, чтобы согрѣться,—маркизъ отправился въ клубъ якобинцевъ. Въ залѣ, убранной трехцвѣтными знаменами, пивами и красными колпаками, стоялъ говоръ голосовъ, покрывавшій, несмотря на отчаянные звонки, рѣчь оратора. Лишь угроза предсѣдателя очистить залу нѣсколько усмиривъ крикуновъ; маркизъ съ подавленной тоскою слушалъ оратора, требовавшаго головы королевы, и вспоминалъ красивую женщину въ перкалевоиъ платьѣ, протягивавшую ему руку для поцѣлуя, какъ вдругъ онъ задрожалъ при появленіи на эстрадѣ болѣе желчнаго, чѣмъ когда-либо, „достойнаго патріота и гражданина Моттэ“, пожелавшаго произнести рѣчь на тему о томъ, что, помимо всякаго преступленія, титулъ короля уже есть самъ по себѣ патентъ на смертную казнь.

Изгибался по-змѣиному, то склоняясь надъ своими бумагами, то потрясая длинными руками, г. Моттэ, покончивъ съ осужденіемъ монархизма, заговорилъ, придавая своему голосу медовыи интонаціи, о великихъ мыслителяхъ и философахъ, вышедшихъ изъ нѣдръ самой тирании и первыхъ поднявшихъ противъ нея голосъ возмездія. Вращая зеленоватыи глазами, онъ воскликнулъ:

— О, ты, чье великодушное сердце противорѣчило твоему титулу, товарищъ моей юности, ты, всегда возмущавшійся проявленіями неравенства и себялюбія, ты, удалившійся въ пустыню въ поискахъ за истинною и добромъ, изгнанныи изъ нашихъ городовъ, несравненный мужъ, поэтъ, философъ, ораторъ, вся

жизнь котораго была вызовомъ предразсудкамъ, гимномъ разуму, откуда бы ты ни услышалъ эти слова, знай, что мы имѣемъ право назваться твоими учениками. Слушайте, граждане, что говоритъ въ своей дивной книгѣ „Безуміе Геліогабала“ знаменитый маркизъ де-Мигюракъ, истинный апостолъ санжюлотовъ...

И своимъ рѣзкимъ голосомъ ораторъ принялся цитировать отрывки, въ которыхъ маркизъ съ ужасомъ узнавалъ свои собственные слова, звучавшія теперь какъ-то по иному: зловѣщимъ призывомъ къ убійству и насилію.

Повинуясь непостижимой силѣ, онъ вскочилъ на скамью, воскликнувъ:

— Молчи, Іуда! Не смѣшивай въ твоихъ проклятыхъ софизмахъ слово философа съ топоромъ палача!

Прягая черезъ скамьи, сбивъ съ ногъ нѣсколькихъ человекъ, пытавшихся его остановить, г. де-Мигюракъ взбѣжалъ на трибуну, откуда удиралъ г. Моттэ, и голосъ его покрылъ говоръ толпы.

— Неужели вы откажетесь выслушать самого маркиза де-Мигюракъ, явившагося открыть вамъ свою душу?

Среди общаго изумленія и сравнительной тишины, онъ принялся громить монархизмъ, узурпацію человѣческихъ правъ, источникъ величайшихъ злоупотребленій. Слова его были покрыты рукоплесканіями, но онъ продолжалъ:—Пусть законное негодованіе народа снесетъ съ лица земли это учрежденіе—тѣмъ лучше. Но король можетъ быть виновенъ, а человекъ—нѣтъ. Строгая кара—первому, состраданіе—въ второму.

— Пусть палачъ разобьетъ корону короля Франціи, но если онъ коснется одного волоса на головѣ Людовика Капета—дѣло свободы будетъ опозорено.

Кривыя ярости раздались со всѣхъ сторонъ. Кинжалы, кулаки, пикеты поднялись съ угрозою на „аристократа“. Нѣсколько фанатиковъ, съ налившимися кровью глазами, кинулись на маркиза, пытаясь стащить его съ трибуны, но, держась съ нечеловѣческой силою за перила, онъ восклицалъ пророческимъ голосомъ:

— Граждане, тѣ, кто подстрекаетъ васъ къ убійству—враги народа, льстецы его. Цвѣтъ гражданской доблести не распцѣтаетъ на кровавой почвѣ. Обезглавивъ Людовика, вы увѣнчаете его славою, отнятою у свободы!

Послышался зловѣщій трескъ. Маркиза вмѣстѣ съ перилами стащили съ эстрады, проволокли по заламъ и лѣстницамъ, награвая пинками и ударами; но, окровавленный, избитый, онъ не переставалъ вопіять:

— Долой монархизмъ! Пошадите Людовика! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ милосердіе!

Понадобился хорошій ударъ по темені для того, чтобы заткнуть ему ротъ и заставить его растянуться во всю длину на землѣ.

Г. де-Мигюракъ долго пролежалъ безъ сознанія. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что самъ онъ сидитъ на снѣгу, а ноги его— въ лужѣ. Качавшійся надъ его головою фонарь позволилъ ему разглядѣть, что онъ весь залитъ кровью, и передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ человекъ въ сѣрой одеждѣ, въ надвинутой на глаза шляпѣ, подносящій къ его запекшимся губамъ вусочекъ льда. Г. де-Мигюракъ протянулъ ему руку, проговоривъ:

— Неизвѣстный другъ, которому я, безъ сомнѣнія, обязанъ жизнью, позвольте поблагодарить васъ за этотъ даръ, хотя онъ и недорого стѣитъ.

Незнакомецъ нѣкоторое время колебался, но затѣмъ сказалъ:

— Сейчасъ я слышалъ, какъ вы говорили съ этими людьми. Не хотите ли вы принять участіе въ спасеніи короля? Знатнѣйшіе сыны Франціи постыдно бѣжали за границу. Спасая короля, вы загладите причиненное вашими писаніями зло.

Г. де-Мигюракъ отвѣтилъ гордо и серьезно:

— Милостивый государь, я не отказываюсь ни отъ одной строчки моихъ писаній, я даже утверждаю, что король преступенъ, но моя любовь къ свободѣ не допускаетъ меня видѣть ее запятанною убійствомъ; вотъ почему, изъ преданности республикѣ, я помогу вамъ спасти гражданина Капета.

Такимъ образомъ, маркизъ, всю жизнь сражавшійся противъ предрасудковъ, въ особенности противъ монархизма, былъ завербованъ въ партію Людовика XVI. Неизвѣстный человекъ, помогшій ему подняться на ноги, сказалъ, смѣясь:

— Несмотря на странность приведенныхъ вами причинъ, принимаю ваше согласіе и думаю, что вы—самый благородный человекъ, какому мнѣ когда-либо случалось пожимать руку.

Съ этого дня къ маркизу вернулась его бывшая энергія; онъ придумывалъ всевозможные способы спасенія, и еслибы его послушали, какъ свидѣтельствуютъ о томъ въ своихъ мемуарахъ г.г. де-Крѣны и де-Буамартель, весьма возможно, что казнь Людовика XVI не состоялась бы; но слабые, безвольные аристократы проводили время въ безплодныхъ пререканіяхъ и ни на чемъ не могли остановиться.

Наканунѣ казни заговорщики снова собрались, озлобленные другъ противъ друга, пристыженные собственнымъ бездѣйствіемъ,

и тогда маркизъ предложилъ на ихъ усмотрѣнiе отчаянный планъ: онъ доказалъ, что будетъ нетрудно освободить короля на пути его къ мѣсту казни, и покуда четверо изъ нихъ скроются вмѣстѣ съ нимъ, остальные задержатъ сборовъ и дадутъ себя убить на мѣстѣ.

Это безумное предложенiе вызвало насмѣшливыя улыбки и пожиманiя плечъ. Г. де-Клюэ заявилъ отъ имени всѣхъ, что это значило бы измѣнить ихъ долгу по отношенiю къ королевскому дому, который не погибнетъ со смертью короля. Они лучше поберегутъ свою жизнь, которая можетъ пригодиться его наслѣдникамъ.

Маркизъ, кусая губы, выслушалъ эту рѣчь, а затѣмъ, вставъ съ мѣста, произнесъ:

— Господа, я присоединился къ вамъ изъ желанiя спасти неповиннаго человѣка, именуемаго вами королемъ; но съ той минуты какъ вы отказываетесь дѣйствовать, союзъ нашъ распадается. Не имѣя, какъ вы, причинъ шадить себя ради поддержки королевской власти, которой я не признаю, я возвращаю себѣ свободу дѣйствiя. Позвольте пожелать вамъ добраго здоровья.

Онъ откланялся, оставивъ общество въ смущенiи и разстройствѣ.

На слѣдующiй день, 21-го января 1793 г., газеты, передававшiя подробности казни „тирана“, сообщили, между прочимъ, что въ ту миѣуту, какъ карета заворачивала за уголъ улицы Royale, какой-то безоружный человѣкъ винулся къ ней, расталкивая толпу, и, схвативъ лошадей подъ уздцы, принялся умолять народъ о милости, заклиная его не совершать подобнаго преступленiя. Однѣ газеты называли его безумцемъ, другiя—заговорщикомъ. Какъ бы то ни было, онъ былъ отведенъ въ Консьержери и водворенъ тамъ подъ именемъ Луи-Ликурга, „бывшаго“ маркиза де-Мигюракъ.

Покуда полицiя разыскивала единомышленниковъ маркиза или, быть можетъ, совсѣмъ забыла о немъ, г. де-Мигюракъ, въ продолженiе нѣсколькихъ недѣль, вбушалъ въ тюрьмѣ невыразимо сладостный послѣ пережитыхъ имъ тревоженiй отдыхъ. Помѣщенiй не хватало, и потому ему приходилось жить вмѣстѣ съ другими заключенными. Къ счастью своему, онъ оказался въ очень хорошемъ обществѣ. Многiе изъ участниковъ его ужиновъ въ первый же день явились къ нему и сердечно его обняли. Странность жизни его дѣлала его интереснымъ для всѣхъ, а по-

сѣдняя безумная его попытка окружила его ореоломъ мученика даже въ глазахъ людей, не раздѣлявшихъ его философскихъ взглядовъ.

Когда послѣ обѣда всѣ собирались на тюремномъ дворѣ, превращавшемся въ салонъ, стараясь развлечься веселыми или серьезными разговорами, и дамы чинили свои юбки, а кавалеры штопали чулки, г-ну де-Мигюракъ предоставлялось почетное кресло, твердо стоявшее на четырехъ ножкахъ, и онъ цѣлыми часами держалъ общество подъ обаяніемъ своей рѣчи. Онъ имѣлъ необыкновенно величественный видъ въ жалкомъ люстриновомъ фракѣ, бывшемъ на немъ въ день его ареста.

Экваторіальное солнце не обезобразило его правильныхъ и благородныхъ чертъ, а нѣкоторая худоба и матовый цвѣтъ лица еще болѣе отгнѣняли ихъ тонкость. Все лицо его озарялось лучистымъ свѣтомъ темно-голубыхъ глазъ. Вокругъ высокаго, чистаго лба сѣдые волосы его вились юношескими кудрями. Никогда онъ не былъ такъ благородно красивъ, какъ теперь—на склонѣ дней своихъ, и не къ чему скрывать, что еслибы только онъ захотѣлъ, онъ могъ бы наслаждаться любовью и въ тюрьмѣ.

Согласно свидѣтельству г. де-Жаль, его товарища по заключенію, г-жа Депортъ, тюремщица, не довольствуясь тѣмъ, что снабдила его двойнымъ тюфякомъ и отпускала на его долю двойную порцію мяса, неожиданно предложила ему вмѣстѣ съ сердцемъ—возможность бѣжать. Но г. де-Мигюракъ отказался отъ свободы, потому что она была ему излишня, и отъ женщины, такъ какъ она была рыжая—то, чего онъ никогда не могъ выносить.

Еще трогательнѣе его исторія съ герцогинею де-Кабри, очаровательнымъ своевольнымъ восемнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, показавшимся кое-кому опаснымъ, такъ какъ мужъ ея былъ въ Кобленцѣ и она носила на груди портретъ Маріи-Антуанеты.

Однажды послѣ обѣда маркизъ вызвалъ у всѣхъ слезы разговоромъ о своей жестокости по отношенію къ маркизѣ Изабеллѣ и о жестокости Маріи-Агнесы къ нему самому. Когда они остались одни, г-жа де-Кабри приблизилась къ нему и, взявъ его за руку, посмотрѣла на него проникающимъ въ душу взоромъ. И онъ понялъ, что она желаетъ вознаградить его за понесенныя имъ страданія.

Несмотря на годы, сердце его дрогнуло, и, быть можетъ, онъ не устоялъ бы, еслибы въ осколкѣ зеркала, висѣвшемъ на грязной стѣнѣ, онъ не увидѣлъ розовое личико г-жи де-Кабри рядомъ со своею сѣдиною. Ему показалась безобразною старческая

любовь; онъ склонился къ ея рукѣ, и маленькая герцогиня ощутила на своихъ тонкихъ пальчикахъ поцѣлуй и слезу, нѣжно и почтительно сказавшіе ей: нѣтъ!

Какъ ни отраднo было для г. де-Мигюракѣ общее уваженіе, спокойствіе его истекало главнымъ образомъ изъ чистой совѣсти. Въ концѣ тревожнаго пути ему невыразимо отраднo было оглянуться, провѣрить себя. Всего охотнѣе онъ останавливался на свѣтлыхъ радостяхъ дѣтства, на бесѣдахъ своихъ съ отцомъ и пылкихъ мечтахъ юности, на меланхолическомъ воспоминаніи объ Изабеллѣ, на лукавой и наивной граціи Маріи-Агнесы, на всемъ, что онъ думалъ, писалъ, къ чему стремился. Все хорошее казалось такимъ далекимъ, что онъ уже не могъ о немъ сожалѣть; такимъ же далекимъ было и все дурное, и потому онъ уже не страдалъ отъ него. Онъ сдѣлалъ много ошибокъ въ жизни, но въ сущности всегда стремился къ добру и потому надѣялся на прощеніе. Перспектива близкой смерти еще болѣе укрѣпляла въ немъ эту ясность духа.

Лишь въ началѣ мая г. де-Мигюракѣ получилъ предписаніе предстать передъ трибуналомъ. Общество собралось по обыкновенію на дворѣ, съ живостью обсуждая политическія дѣла, какъ вдругъ изъ дверей показалась муниципальная стража и тюремщикъ съ бумагою въ рукѣ.

Среди поименованныхъ пяти лицъ находились г. де-Мигюракѣ и герцогиня де-Кабри.

Маленькая герцогиня поблѣднѣла, закусила губы, улыбнулась и встала. Маркизъ, игравшій въ бирюльки съ г. де-Сенармонъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головою и вѣжливо извинился предъ нимъ, что не можетъ окончить партію. Всѣ заключенные, обнаживъ головы, почтительно поклонились имъ.

Маркиза ввели послѣднимъ въ залу, убранную флагами, пиками и колпаками. Любопытные тѣснились на скамьяхъ, предназначенныхъ для публики. Въ глубинѣ, за покрытымъ клеенкою столомъ, сидѣли шесть человѣкъ; маркизъ навелъ на своихъ судей лорнетъ, но ихъ мрачныя лица, грязная одежда, нечесанные волосы и обгрызенные ногти разочаровали его. Онъ сдѣлалъ гримасу и заглянулъ въ мѣста для публики, среди которой двѣ-три женщины показались ему сносными.

Звукъ колокольчика прервалъ молчаніе. Предсѣдатель, тщедушный человѣкъ лѣтъ тридцати, отшатнулся и спросилъ маркиза: какъ его зовутъ? Маркизъ улыбнулся и отвѣтилъ съ учивой ироніей:

— Полагаю, милостивый государь, что вамъ это извѣстно.

Иначе вамъ слѣдовало бы находиться на моемъ мѣстѣ за то, что вы держали въ тюрьмѣ неизвѣстнаго вамъ человѣка.

Въ отвѣтъ на нетерпѣливое движеніе предсѣдателя, онъ отвѣтилъ снисходительно:

— Тѣмъ не менѣе, я готовъ подтвердить, что зовусь Луи— въ честь величайшаго короля Франціи, и Ливургомъ— въ честь мудрѣйшаго изъ законодателей; титулъ же маркиза де-Мигюравъ передавался въ нашемъ родѣ отъ отца къ сыну въ теченіе четырехъ-сотъ девяноста-двухъ лѣтъ.

— Вашъ возрастъ?

— Тотъ, когда человѣку подобаетъ исцѣлиться отъ житейскихъ страданій. Пятьдесятъ-два года.

— Ваше мѣстопребываніе?

— Вчера— весь міръ; сегодня—ваша тюрьма; завтра по всей вѣроятности—вѣчность.

— Ваша профессія?

— Мученикъ идеи.

— Опять?..

— Ты еще не родился, какъ я уже посвятилъ жизнь мою человѣчеству. Насталъ часъ сдержать эту клятву.

По приказанію предсѣдателя, красный и хриплый письмоводитель прогнулъ протоколъ, составленный полицейскими при арестованіи маркиза.

— Желаете ли вы сдѣлать какія-либо замѣчанія?

— Если этому человѣку придется снова читать, я желалъ бы, чтобы онъ сперва высморкался.

Въ публикѣ послышался смѣхъ. Предсѣдатель покраснѣлъ и сказалъ раздраженно:

— Пожалуйста, не уклоняйтесь. Что вы имѣете сказать по поводу протокола?

— Онъ, подобно всѣмъ человѣческимъ документамъ, представляетъ смѣсь истины и лжи.

— Желаете прослушать его вторично?

Маркизъ отклонилъ предложеніе граціознымъ жестомъ руки.

Тогда предсѣдатель приказалъ ввести свидѣтелей: троихъ жандармовъ, двухъ женщинъ и нѣсколькихъ зѣвакъ, давшихъ довольно смутныя показанія. Подсудимый порицалъ осужденіе короля и убѣждалъ народъ пощадить его. Предсѣдатель снова спросилъ маркиза: не желаетъ ли онъ сдѣлать какія-нибудь замѣчанія?

— Я уже сдѣлалъ нѣсколько довольно любопытныхъ замѣчаній по поводу свидѣтельскихъ показаній, но считаю лишнимъ сообщать ихъ вамъ.

— Итакъ, вы признаете, что желали спасти тирана отъ народнаго правосудія?

— Вотъ это, — спокойно возразилъ маркизъ, — величайшая ложь, какую вамъ когда-либо случалось изрекать, хотя ваша профессія и должна была приучить васъ къ ней.

Предсѣдатель отеръ лобъ; онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи.

— Послушайте, — заговорилъ онъ примирительно, — вѣдь вы не отрицаете фактовъ: рѣчи вашей къ народу и попытки остановить карету?

— Нѣтъ, все это въ сущности вѣрно.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ отчаянно бѣдняга, — какъ же вы противорѣчите мнѣ, когда я говорю, что вы желали спасти тирана отъ народнаго правосудія?

— Въ этомъ-то и кроется ложь, какъ я имѣлъ честь доложить вамъ. Я желалъ спасти народное правосудіе отъ кроваваго дѣянія.

Ропотъ гнѣва пробѣжалъ среди членовъ трибунала; маркизу вспомнилось, какъ въ Новой Гвинеей шавалы пожирали его глазами. Онъ зѣвнулъ и въ видѣ развлеченія сталъ пристально смотрѣть на одного изъ нихъ, покуда тотъ не потупился.

— Значить, вы считаете убійство тирана преступленіемъ?

— Я ненавижу тираннію. Желалъ бы я, чтобы мои сочиненія принесли ей больше вреда, чѣмъ ваше безуміе. Виновень король, но не Людовикъ Капетъ. Вы сдѣлали его мученикомъ.

Предсѣдатель, по знаку своихъ сотоварищей, не сталъ настаивать. Онъ только спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ сообщниковъ?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Вотъ глупый вопросъ! Неужели вы полагаете, что еслибы они были, я назвалъ бы ихъ даже подъ пыткой? Но ваша гуманность уничтожила ее, съ чѣмъ я поздравляю васъ.

— Граждане-судьи! Вы оцѣните высказанныя подсудимымъ чувства. Слово за обвинителемъ.

Преступленіе было очевидно, и покуда прокуроръ сыпалъ громами обвиненія, маркизъ смотрѣлъ изъ окна на голубое небо: подъ самымъ окномъ уже зеленѣла вѣтвь каштановаго дерева.

— Чтѣ вы имѣете сказать? — спросилъ предсѣдатель.

Маркизъ отвѣчалъ, не поворачивая головы:

— У всякаго — свое ремесло; ему даны зубы, и онъ кусается и брызжетъ слюною.

Резюмировавъ пренія, предсѣдатель постановилъ два вопрос-

ныхъ пункта: 1) Виновенъ ли Мигюракъ въ составленіи заговора противъ общественнаго порядка? 2) Пытался ли онъ привести заговоръ въ исполненіе?

Отвѣтъ по обоимъ пунктамъ получился утвердительный. Результатомъ былъ—смертный приговоръ.

Г. де-Мигюракъ молча выслушалъ приговоръ. Никакого волненія не отразилось на его лицѣ, словно рѣчь шла вовсе не о немъ.

— Вы ничего не имѣете сказать?—въ третій разъ спросилъ предсѣдатель.

— Она покрылась почками, — сказалъ маркизъ, не отрывая глазъ отъ вѣтви; затѣмъ онъ спокойно прибавилъ: — Пусть все это называется правосудіемъ, но во имя стыдливости—закройте это изображеніе!

И онъ указалъ на бюстъ Свободы, поставленный напротивъ трибунала. Затѣмъ г. де-Мигюракъ всталъ и вѣжливо поклонился чернымъ людямъ.

— А теперь, господа, я желаю какъ можно скорѣе проститься съ вами. Извиняюсь за нѣкоторыя выходки, быть можетъ, недостаточно остроумныя, которыя я здѣсь позволилъ себѣ. Но въ такихъ случаяхъ обвиняемымъ позволительна нѣкоторая свобода ума.

Съ этими словами онъ двинулся къ выходу, сопровождаемый стражею. Публика почтительно разступилась; нѣкоторыя женщины плакали.

Когда маркизъ вернулся въ тюрьму, всѣ винулись къ нему. При видѣ его улыбающагося лица, ихъ охватила надежда; онъ изыщнымъ жестомъ провелъ рукою по шеѣ и сказалъ спокойно:

— Завтра въ девять часовъ, если только слуги правительства окажутся аккуратнѣе моихъ. Но чѣмъ рѣшили участь остальныхъ?

Трое были оправданы, только г-жа де-Кабри была осуждена. Облако грусти затуманило взоръ маркиза, но пришлось отложить послѣднее прощаніе до утра, такъ какъ тюремщикъ уже звалъ его.

Оставшись одинъ, г. де-Мигюракъ прежде всего съ аппетитомъ скушалъ ужинъ, орошенный слезами г-жи Депортъ; затѣмъ онъ написалъ аббату Жуанд длинное письмо, которое тотъ свято хранилъ всю свою жизнь и цитируетъ его въ своихъ „Мемуарахъ“.

Г. де-Мигюракъ оставлялъ свое имѣніе, которое, какъ онъ надѣялся, не будетъ конфисковано, аббату съ Магелоной. Онъ выражалъ сожалѣніе, что прахъ его не будетъ покоиться въ

гробницѣ его отцовъ, но утѣшался тѣмъ, что, будучи анатомированы, мозгъ его и сердце могутъ послужить на пользу науки. Онъ испрашивалъ у аббата прощенья и поручалъ ему оправдать его память отъ всякой клеветы. Письмо заканчивалось такими словами:

„О, мой учитель! о, другъ мой! Адресуя вамъ съ береговъ Стивса это послѣднее „прости“, прошу васъ, выслушайте прощальный вопль моей совѣсти; я умираю, исполненный нѣжности къ человѣчеству, исполненный вѣры въ прогрессъ. И если хирургъ, который вскроетъ завтра мои вены—не слѣпъ, онъ прочтетъ начертанное въ глубинѣ моего сердца слово: *любовь*“.

Маркизъ спокойно проспалъ часа два и проснулся съ первыми лучами блѣдной зари. Было холодно. Рождался день, а ему предстояло умереть, и эта мысль показалась ему важною и торжественною. Онъ подумалъ о будущемъ, зачастую тревожившемъ его, и великое спокойствіе, даруемое землею—явилось для него желаннымъ; но вдругъ, вспомнивъ свое дѣтство, онъ испугался ада и чертей, грозившихъ каждому, кто не умретъ добрымъ католикомъ. Раздумывая объ этомъ, онъ сталъ одѣваться; въ карманѣ у него нашлась мелкая монета; онъ подбросилъ ее—она упала лицомъ вверхъ. Тогда онъ попросилъ принесшаго ему завтракъ тюремщика сходить за священникомъ, и когда тотъ явился,—исповѣдался и причастился. Затѣмъ онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать конца.

Безъ четверти девять—дверь тюрьмы отворилась; въ видѣ особенной милости, маркизу не связали рувъ. Во дворѣ тѣснились заключенные, мужчины стояли безъ шляпъ; г. де-Мигюракъ прошелъ среди нихъ, кланаясь направо и налево, какъ монархъ, прощающійся съ придворными. У выхода онъ зацѣпилъ ногою за порогъ и чуть-было не упалъ.

— Клянусь честью,—съ улыбкою сказалъ онъ офицеру,—это плохое предзнаменованіе,—со мною что-нибудь случится до полуночи.

Онъ взобрался по скамейкѣ на телѣжку, ожидавшую его. Тамъ уже стояли г-жа де-Кабри и духовникъ, а за ними виднѣлся черный силуэтъ палача. Видъ молодой женщины, восхитительно бѣлокурой, бѣлой и розовой въ ея головномъ уборѣ изъ батиста—заставилъ сжаться его сердце. Г-жа де-Кабри протянула ему руку и замѣтила, что онъ вздрогнулъ.

— Смерть соединяетъ насъ,—тихо проговорила она.

Телѣжка тронулась. Герцогиня чуть не упала и оперлась объ его плечо. Онъ ощутилъ теплоту ея нѣжнаго тѣла. Въ воз-

духъ вѣяло весною, солнце улыбалось въ безоблачной лазури, изъ садовъ доносились волны благоуханій.

Среди яснаго спокойствія природы, созерцая молодую женщину — нѣжный цвѣтокъ, которому предстояло быть скошеннымъ, — маркизъ почувствовалъ на минуту, что мужество его готово поколебаться. Смерть вдругъ показалась ему возмутительной. Ему представилась невыразимая прелесть жизни рядомъ съ подобною женщиной, и жизнь его, которую онъ вчера почти гордился, сразу показалась ему нелѣпою, ненужною, быть можетъ — вредною. Живи онъ иначе — онъ оставилъ бы послѣ себя дѣтей, нѣжныя воспоминанія, онъ былъ бы оплакиваемъ близкими существами! И вдругъ у него явилось безумное желаніе кривнуть возницѣ: — Стой! Назадъ! Я хочу начать сынова мою жизнь... Я что-то забылъ... Карты не такъ сданы, игра — не въ счетъ... За исключеніемъ любви, все — суета-суетъ.

Нѣжный голосъ г-жи де-Кабри шепнулъ ему:

— Что съ вами?

Опомнившись, онъ провелъ рукою по своимъ сѣдымъ волосамъ:

— Я строилъ планы будущаго.

Онъ вздохнулъ, окинувъ взоромъ шумѣвшую и оскорблявшую ихъ толпу. Вотъ человѣчество, которое онъ мечталъ видѣть свободнымъ и добрымъ. Ему вспомнились выпущенныя имъ на волю и убившіяся канарейки. Неужели онъ бесплодно прожилъ свою жизнь?

Но, поднявъ глаза, онъ увидѣлъ ясное лицо молодой женщины, и ему стало легко на душѣ. Что значила въ сущности жизнь одного человѣка? Что значилъ онъ? Любой изъ людей? Онъ поступалъ, какъ подсказывало ему сердце, и можетъ встрѣтить смерть лицомъ къ лицу.

До конца пути они оставались почти безмолвными, обмѣниваясь лишь дружескими взглядами и короткими замѣчаніями при видѣ знакомыхъ улицъ и домовъ.

Подъ синимъ куполомъ неба площадь казалась черною отъ народа. Вопль двадцатитысячной толпы привѣтствовалъ появленіе тележки. Маркизъ перемѣнилъ мѣсто, чтобы скрыть отъ глазъ герцогини дощатый помостъ.

— Не надо, — сказала она, не блѣднѣя, — я хочу видѣть.

— Это похоже на лѣстницу, — проговорилъ маркизъ.

— Ведущую на небо! — закончила герцогиня.

Маркизъ поднималъ глаза къ небу. Оно казалось такимъ прекраснымъ, что какъ-то невольно вѣрилось въ существованіе за

нимъ Бога. Отъ удовольствія онъ даже слегка прищелкнулъ языкомъ, и палачъ съ изумленіемъ взглянулъ на него, думая: не скодитъ ли онъ съ ума? Изумленіе его было такъ забавно, что на губахъ г-жи де-Кабри мелькнула улыбка.

Телѣжка остановилась. Палачъ и духовникъ сошли, за ними послѣдовалъ г. де-Мигюракъ. Отстранивъ ихъ, онъ преклонялъ колѣно и подаль руку г-жѣ де-Кабри, которая, опершись на нее, соскочила на землю съ легкостью птички. Она поблагодарила его. Г. де-Мигюракъ направился къ помосту, но она его остановила.

— Какъ въ Версали, — проговорила она, — дамы идутъ первыми.

— Если вы этого желаете.

— Благодарю. Поцѣлуйте меня.

Она быстро коснулась губами его губъ, и затѣмъ, поддерживая рукою юбку, взбѣжала по лѣстницѣ.

— Вы вернете мнѣ этотъ поцѣлуй тамъ, въ раю! — крикнула она на прощанье.

Послышался гулъ толпы, тяжелые шаги, сухой звукъ чего-то скатившагося и затѣмъ — новый нескончаемый гулъ.

Духовникъ хотѣлъ было обнять и поцѣловать маркиза.

— Ахъ, нѣтъ! — проговорилъ маркизъ.

Онъ не спѣша поднялся по лѣстницѣ, на губахъ его еще оставалось благоуханіе ея розовыхъ губъ. Какая-то свѣтлая радость наполняла благоуханіемъ его сердце, озаряла лицо его, и онъ явился передъ взорами толпы въ такомъ сіяніи красоты и спокойствія, при блескѣ майсваго солнца, что въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ. И онъ наслаждался, чувствуя вокругъ себя восхищеніе мужчинъ, любовь женщины и милосердіе Божіе.

Но палачъ спѣшилъ, онъ задѣлъ за что-то ногою и чуть-было не упалъ. Г. де-Мигюракъ поддержалъ его за руку. Сконфуженный исполнитель правосудія спросилъ его: не желаетъ ли онъ что-нибудь сказать?

Маркизъ задумался. Нѣтъ, ему нечего говорить, ему осталось только умереть. Онъ поднесъ обѣ руки къ губамъ и затѣмъ широко раскинулъ ихъ, словно посылая вселенной воздушный поцѣлуй, въ которомъ онъ желалъ объединить все живущее въ природѣ. Затѣмъ онъ покорно отдался въ распоряженіе палача. Топоръ упалъ съ рѣзкимъ стукомъ, кровь брызнула въ два ручья. Палачъ поднималъ голову за сѣдыя кудри и показывалъ ее народу, но рукоплесканій не было. Губы ея были полураскрыты улыбкою.

Такъ закончилъ свою жизнь маркизъ де-Мигюракъ; аббатъ Жуанъ заключаетъ такимъ образомъ свои „Мемуары“:

„Я не позволю себѣ высказывать никакихъ сужденій объ этомъ несравненномъ человѣкѣ. Онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу избранниковъ, которыхъ греки именовали героями, а папы причисляли къ лику святыхъ. Ни малѣйшее низкое побужденіе не запятнало души его. И тѣмъ болѣе меня повергаетъ въ изумленіе то обстоятельство, что я не могу извлечь никакого поученія изъ его жизни. Безъ сомнѣнія, Промыслу было угодно, чтобы имя маркиза де-Мигюракъ явилось примѣромъ какъ величайшихъ добродѣтелей, такъ и жесточайшихъ заблужденій его времени“.

Съ франц. О. Ч.

О СОВРЕМЕННОМЪ КРИЗИСѢ

I.

Странная двойственность замѣчается въ положеніи и настроеніи нашего общества за послѣдніе мѣсяцы...

Съ одной стороны, всѣми сознается неизбѣжность коренной реформы государственнаго строя, доказавшаго на дѣлѣ свою полную несостоятельность и приведшаго Россію къ неслыханнымъ пораженіямъ и неурядицамъ. Нѣкоторыя крупныя преобразованія уже торжественно возвѣщены или обѣщаны Верховною властью; другія еще готовятся или находятся въ стадіи предварительнаго обсужденія, и важнѣйшею изъ этихъ ожидаемыхъ реформъ слѣдуетъ, конечно, считать созваніе „достоинѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей“ для участія въ предстоящей преобразовательной работѣ.

А съ другой стороны, виновники всѣхъ обрушившихся на насъ бѣдствій, представители и защитники бюрократическаго самовластія, смѣло выступаютъ противъ всякихъ серьезныхъ нововведеній и даже противъ относящихся къ нимъ Высочайшихъ указовъ, перетолковывая послѣдніе такъ, чтобы они потеряли всякое практическое значеніе. Въ то же время, рядомъ съ официальнымъ правительствомъ, дѣйствуетъ какая-то закулисная сила, которая пытается организовать по всей странѣ явную или замаскированную охрану осужденнаго режима, прибѣгая для этого къ весьма сомнительнымъ и отчасти даже преступнымъ средствамъ, вродѣ призывовъ къ насиліямъ противъ „интел-

лигенціи“. Образовался какой-то самозванный секретный комитетъ для рѣшительнаго противодѣйствія введенію необходимыхъ реформъ, намѣченныхъ въ Высочайшихъ указахъ, и этотъ негласный комитетъ, какъ говорятъ, позволялъ, будто бы, себѣ давать конфиденціальныя инструкціи губернаторамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ,—разумеется, не безъ вѣдома и согласія центральной администраціи. Казенныя „Губернскія Вѣдомости“ печатаютъ жестокія прокламаціи и статьи въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, взываютъ къ расправѣ съ „внутренними врагами“, т.-е. съ прогрессивными элементами русскаго общества, и съ откровеннымъ цинизмомъ объявляютъ неприкосновенною старую систему безправія и произвола.

Публика не знаетъ, чему вѣрить,—официальнымъ ли заявленіямъ или отмѣняющимъ ихъ административнымъ распоряженіямъ и разъясненіямъ, — призывамъ ли свыше къ обсужденію способовъ усовершенствованія государственнаго порядка, или полуофициальнымъ воззваніямъ къ борьбѣ съ приверженцами всякихъ вообще политическихъ усовершенствованій.

Къ сожалѣнію, наше дѣйствительное положеніе зависитъ не отъ однихъ добрыхъ намѣреній и предположеній, а отъ ихъ официальныхъ исполнителей и истолкователей, и потому самыя лучшія указы могутъ легко превращаться въ мертвую букву тотчасъ послѣ ихъ обнародованія. Эта фактическая возможность игнорировать и обходить волю законодателя или пользоваться ею только какъ орудіемъ административнаго самовластія — составляетъ именно тотъ соблазнъ, ради котораго бюрократія такъ упорно борется противъ малѣйшей попытки усовершенствованія государственнаго быта. Нужно наконецъ разъ навсегда признать, что неизбежность такъ называемыхъ „исковныхъ началъ“ выгодна исключительно лишь для извѣстной партіи и ея многочисленныхъ служебныхъ органовъ, заправляющихъ дѣлами Россійской имперіи, и всегда отъ имени неограниченной государственной власти. Для этой партіи и самое самодержавіе есть не что иное, какъ ея собственное самовластіе, которое она и охраняетъ съ беспощаднымъ усердіемъ холоднаго эгоизма. „Неограниченное самодержавіе въ рукахъ этой партіи,—какъ говорилось въ одной нынѣ забытой брошюрѣ 1882 года,—есть то же самое, что всемогущество Юпитера въ рукахъ жрецовъ; жрецы всегда объявятъ атеистомъ всякаго, кто усомнится въ всемогуществѣ божіемъ, не потому, что такое сомнѣніе оскорбительно для божества, а потому что въ практикѣ жизни это всемогущество божіе есть не что иное какъ ихъ собственное всемогущество, и жертва, которую вы при-

носите божеству, — это ихъ доходъ, а не божества; но попробуйте не приносить жертвъ, — они станутъ жаловаться вовсе не на убытокъ, который они терпятъ отъ васъ, а на ваше безбожіе и вредный либерализмъ, посягающій на величіе божіе (читай: ихъ личныя выгоды)“... Въ той же брошюрѣ рассказано, какъ однажды императоръ Александръ II оборвалъ либеральные разговоры придворныхъ о конституціи: „Мнѣ лично—замѣтилъ государь— она не представила бы никакой опасности, но мнѣ жаль васъ, господа; чтѣ съ вами со всѣми тогда будетъ!“ Мысль же о томъ, что надо жалѣть и Россію, тогда еще не возникала; но никто не сомнѣвается теперь, что „господа“, пользовавшіеся тогда всѣми выгодами власти, не могли бы быть распорядителями страны и не продержались бы въ этомъ положеніи ни одного дня, еслибы было введено правильное народное представительство.

Безъ сомнѣнія, самый скромный парламентъ или земскій соборъ дѣлалъ бы невозможнымъ многолѣтнее хозяйничанье такихъ бюрократовъ, которые разоряли народъ, разстраивали государство и вели бессмысленную борьбу противъ русскаго общества въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ. При существованіи народнаго представительства у насъ не выдвигались бы впередъ люди злобные и невѣжественные, обскуранты, хищные карьеристы и интриганы, угнетавшіе русскую мысль и общественную жизнь во имя своихъ особыхъ интересовъ; государственные финансы не находились бы въ безконтрольномъ распоряженіи отдѣльных лицъ, иногда совершенно неумѣлыхъ, иногда черезчуръ предприимчивыхъ и самовластныхъ; внутренняя политика не заключалась бы въ жестокомъ преслѣдованіи всего лучшаго и идеальнаго въ русскомъ обществѣ и народѣ, въ подавленіи независимой печати, литературы, университетовъ, земскаго и городского самоуправленія, въ систематической травлѣ раскольниковъ, иновѣрцевъ и инородцевъ; беззаконіе не господствовало бы надъ странюю въ видѣ многихъ своеобразныхъ учрежденій дореформенной эпохи; международныя дѣла государства не зависѣли бы отъ завѣдомо бездарныхъ и неспособныхъ личностей, или отъ иныхъ закулисныхъ дѣятелей, и вся новѣйшая исторія Россіи могла бы быть совершенно другая. Не было бы и цѣлаго ряда мучительныхъ внутреннихъ вопросовъ и кризисовъ, созданныхъ иными своеобразными государственными „охранителями“. „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“ не назывались бы поставщиками государственныхъ людей и вдохновителями всей нашей внутренней политики, и самыя эти газеты не занимали бы привилегированнаго положенія въ нашей печати. Правящіе дѣя-

тели нашей бюрократіи безпощадно вели государство въ полному упадку, придерживаясь девиза: „après nous le déluge“. И вотъ теперь, когда настало время положить конецъ ихъ господству и привлечь ихъ къ отвѣту за прошлое, они всѣми силами борются противъ новаго реформаторскаго теченія, проникшаго и въ правительственныя сферы, и не останавливаются даже передъ прямою оппозиціею такому указу, какъ указъ 18 февраля. Все это, быть можетъ, вполнѣ естественно, но, очевидно, ненормально и вовсе недопустимо.

Скрытая и явная оппозиція правительственныхъ же органовъ противъ преобразовательныхъ намѣреній и заявленій свыше порождаетъ крайне опасную смуту въ умахъ и всеобщую неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Не должно ли, наконецъ, установить полное единство въ правительственной организаціи и дѣятельности? Если у насъ дѣйствительно пришли къ сознанію, что Россія не можетъ уже болѣе идти по прежнему пути и должна для собственнаго своего спасенія усвоить политическія формы и порядки, принятые во всемъ культурномъ мірѣ, то это должно быть сдѣлано вполнѣ откровенно и рѣшительно, безъ двусмысленныхъ колебаній, безъ недомолвокъ и заднихъ мыслей, съ яснымъ пониманіемъ отвѣтственности за всю будущность государства и за положеніе его въ ряду великихъ державъ. Для этого необходимо теперь же устранить тѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія и несообразности, которыя сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе. Въ печати и въ обществѣ идутъ толки о созывѣ народныхъ представителей, ведутся споры объ избирательныхъ системахъ, а полиція попрежнему выслѣживаетъ и запрещаетъ невинныя частныя собранія, совершаетъ ночные обыски и аресты „впредь до выясненія причинъ“, пускаетъ въ ходъ оружіе противъ мирныхъ сборищъ и вообще дѣйствуетъ такъ, какъ будто все должно остаться по старому. Указомъ 12-го декабря 1904 года предписано было освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій и подчинить ее точнымъ законамъ; вслѣдствіе этого особое официальное совѣщаніе признало необходимымъ упразднить предварительную цензуру, а между тѣмъ цензурное вѣдомство продолжаетъ преслѣдовать печать прежними предупредительно-варательными мѣрами, какъ будто не было вовсе ни указа 12-го декабря, ни особаго совѣщанія по дѣламъ печати. Тотъ же Высочайшій указъ провозгласилъ принципъ строгой законности, съ установленіемъ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ за незаконныя нарушенія частныхъ правъ и интересовъ, а на практикѣ продол-

жается въ полной силѣ примѣненіе правилъ объ усиленной охранѣ. Такая двойственность положенія не можетъ и не должна быть терпима долгое время; она исключаетъ возможность внутренняго спокойствія и порядка, поддерживаетъ постоянную тревогу въ населеніи и даетъ матеріалъ для хроническихъ волненій и конфликтовъ.

Имѣя въ виду приобщить Россію къ благамъ разумнаго политическаго и правового строя, нужно было бы прежде всего, въ интересахъ общаго успокоенія и умиротворенія, заявить опредѣленную правительственную программу, которая была бы одинаково обязательна для всѣхъ вообще органовъ и агентовъ администраціи. Нѣтъ ничего опаснѣе правительственной двойственности во время такого труднаго и сложнаго общественно-политическаго кризиса, какъ настоящій. Мѣрами строгости нельзя скрыть ни внутренняго безсилія, ни разложенія существующаго режима, ни внутренняго разлада между правящими лицами, ни отсутствія авторитета; даже съ точки зрѣнія „охранителей“, репрессивныя мѣры, направленные противъ реформаторскихъ стремленій въ обществѣ, должны считаться совершенно неумѣстными и нелогичными, когда вопросъ о коренной реформѣ государственнаго строя официально поставленъ уже на очередь.

Конечно, мысль объ этой неизбежной реформѣ противъ воли навязана нашей бюрократіи ошеломляющими событіями послѣдняго времени; но, разъ вступивъ на извѣстный путь, намѣченный неотразимою силою обстоятельствъ, не слѣдуетъ уже безплодно уклоняться въ противоположную сторону или придерживаться правилъ и приемовъ покинутаго маршрута. Можно было бы теперь же, не дожидаясь предстоящаго созыва народныхъ представителей, ввести коллегіальное министерское управление, во главѣ котораго стоялъ бы первый министръ, отвѣтственный за общую политику правительства и назначенный на этотъ постъ изъ числа „достоинѣйшихъ“ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы отмѣнить законы объ усиленной охранѣ, какъ доказавшіе на дѣлѣ свою полную непригодность и бесполезность даже съ точки зрѣнія личной охраны высшихъ представителей власти, и по тому же основанію упразднить нѣкоторыя спеціальныя учрежденія съ обширными, даже почти неограниченными полномочіями, несовмѣстными съ коренными основами правосудія и хотя бы какого-нибудь правового порядка; наконецъ, необходимо было бы устранить всѣ административныя стѣсненія свободы слова, печати и собраний, чтобы заранѣе была подготовлена почва для созвательныхъ выборовъ въ первое всероссійское представительное собраніе.

Только при такихъ условіяхъ русское общество могло бы убѣдиться въ существованіи опредѣленной и ясной правительственной программы, обещающей дѣйствительное обновленіе стараго государственнаго механизма для пользы Россіи, согласно Высочайшимъ указамъ 12-го декабря 1904 года и 18-го февраля 1905 года; — и тогда сразу прекратилась бы и та пагубная смута, которая къ бѣдствіямъ злосчастной и пагубной войны прибавляетъ еще повороче внутреннихъ неурядицъ и междоусобій, вызываемыхъ неразумнымъ усердіемъ мнимыхъ патріотовъ, „хулигановъ-охранителей“, при прямомъ или косвенномъ участіи второстепенныхъ агентовъ власти.

Однимъ изъ признаковъ благопріятнаго поворота въ нашей такъ называемой внутренней политикѣ было бы также урегулированіе крайне двусмысленнаго положенія реакціонной печати, пользующейся официальными привилегіями для пропаганды идей злобы и вражды противъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества и народа. И эта злобная пропаганда ведется, какъ будто, во имя интересовъ высшаго правительства, подъ предлогомъ заботливой ихъ защиты, а потому она получаетъ невольню официальнѣйшій характеръ, и солидарность съ нею правящей бюрократіи предполагается сама собою даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нападки реакціонной прессы направлены противъ реформъ или облегченій, предпринятыхъ самимъ правительствомъ. Выходитъ такъ, что будто сама государственная власть поощряетъ и поддерживаетъ „охранительную“ оппозицію противъ своихъ собственныхъ доброжелательныхъ рѣшеній, или, другими словами, въ составѣ правительства, какъ будто, существуетъ партія, на которую могутъ смѣло опираться органы реакціи при всякихъ перемѣнахъ правительственныхъ теченій; а этимъ заранѣе создается недовѣріе къ лучшимъ намѣреніямъ и предначертаніямъ власти. Нельзя ничего имѣть противъ враждебныхъ реакціонныхъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ на частныя средства, на собственный страхъ и рискъ отдѣльныхъ лицъ; всякія мнѣнія, хотя бы явно нелѣпныя, должны пользоваться свободою, — но невозможно мириться съ тѣмъ, чтобы органы злобной реакціи существовали на казенный или общественный счетъ. „Московскія Вѣдомости“, принадлежащія номинально московскому университету и въ этомъ качествѣ получающія крупный доходъ отъ казенныхъ объявленій, давно превратились въ орудіе борьбы противъ всякихъ улучшеній нашей общественной и государственной жизни и сдѣлались предметомъ паживы для лицъ, откровенно стремящихся водворить у насъ отжившіе порядки. Пора положить конецъ этой

аномалии и возвратить „Московскія Вѣдомости“ московскому университету, предоставивъ послѣднему придать газетѣ характеръ приличнаго университетскаго органа, свободнаго отъ увлеченій полицейскаго сыска; а тѣ публицисты, которые, подобно г. Грингмуту и его соратникамъ, чувствуютъ потребность спасать отечество своимъ патріотическимъ усердіемъ и мракобѣсіемъ, могутъ излагать свои взгляды въ печати на равныхъ правахъ съ либералами и прогрессистами, но безъ особыхъ пожертвованій со стороны казны.

II.

Всѣ эти наши „охранители“ и реакціонеры желали бы и впредь охранить всѣ выгоды своего положенія, въ качествѣ привилегированныхъ союзниковъ и фаворитовъ самовластной бюрократіи; — въ этомъ только и заключается ихъ единственная, сознательная руководящая идея, которую они тщетно думаютъ прикрыть своею мнимою безкорыстною преданностью исконнымъ началамъ русской государственности. Являясь горячими поклонниками самовластія вообще, они становятся суровыми его противниками и обличителями, когда оно почему-либо задѣваетъ ихъ интересы, и тотъ же принципъ, который громко превозносится ими въ теоріи, рѣшительно осуждается ими на практикѣ.

Напримѣръ, газета, не допускающая и мысли о правѣ публичной критики и общественнаго контроля по отношенію къ дѣятельности правительства, жестоко обрушивается на председателя комитета министровъ за его либеральные проекты, одобренные Высочайшею властью, — висколько не останавливаясь уже предъ незыблемымъ авторитетомъ этой власти. „Московскія Вѣдомости“ подробно доказываютъ теперь въ цѣломъ рядѣ статей, что главнымъ виновникомъ нашихъ современныхъ бѣдствій долженъ считаться бывший министръ финансовъ, самовластно распоряжавшійся всѣми средствами государства въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. Этотъ „всесильный министр“ далъ грандіозное развитіе тому ложному коммерческому направленію экономической политики, которое усвоено было его предѣстникомъ; онъ разорилъ сельское хозяйство и крестьянство, тратилъ сотни милліоновъ на поощреніе крупной промышленности, увлекся опасными затѣями на Дальнемъ Востокѣ и возстановилъ противъ насъ Англію, Соединенные Штаты и Японію; по его винѣ, „горы и долины Манчжуріи стали обильно орошаться золотомъ изъ государственнаго казначейства Россійской имперіи за счетъ

податныхъ средствъ русскаго народа“; онъ довелъ страну до тяжкаго кризиса и создалъ вѣдшія затрудненія, приведшія къ несчастной войнѣ.

Позвольте, однако, — спросимъ мы московскую газету, — развѣ бывшій министръ финансовъ самъ назначилъ себя министромъ и дѣйствовалъ безъ соотвѣтственныхъ Высочайшихъ указаній и повелѣній? Могъ ли онъ сдѣлаться „всесильнымъ министромъ“ иначе какъ въ силу безусловнаго къ нему довѣрія верховной власти? Вѣдъ онъ не былъ случайнымъ закулиснымъ дѣятелемъ, а получилъ свое высокое назначеніе еще въ царствованіе императора Александра III, въ эти „счастливыя годы“ и „свѣтлыя дни“, возбуждающіе, по выраженію газеты, „незабвенный свѣтлый рядъ воспоминаній“ о временахъ Каткова, графа Дмитрія Толстого и еще одного „мудраго и нелицепріятнаго совѣтника по дѣламъ церкви и государства, какого никогда до него не имѣли русскіе государи“. Предмѣстникъ бывшаго министра финансовъ, Вышнеградскій, впервые приложившій къ государству мѣрку торговой конторы или акціонерной компаніи, обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ преимущественно тѣмъ же самымъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которыя своими рѣзкими систематическими нападами успѣли свергнуть лучшаго и добросовѣстнѣйшаго изъ нашихъ министровъ финансовъ, Н. Хр. Бунге. Если теперь „Московскія Вѣдомости“ находятъ, что экономическая политика Вышнеградскаго и его преемника была пагубна для государства, то газетѣ не мѣшало бы вспомнить, что на ней же лежитъ значительная доля отвѣтственности за торжество этой политики. Многолѣтнее закулисное вліяніе „Московскихъ Вѣдомостей“, направленное къ охранѣ беззаконія и хищничества на почвѣ народнаго безправія и отупѣнія, было возможно лишь при неограниченномъ господствѣ тѣхъ бюрократическихъ основъ, которыя съ яростью защищаются теперь названною газетою, и эти же основы дѣлали бывшаго министра финансовъ „всесильнымъ“ распорядителемъ нашего государственнаго хозяйства, обезпечивъ его на многіе годы отъ властнаго общественнаго контроля. Противъ чего же протестуютъ теперь заднимъ числомъ московскіе обвинители С. Ю. Витте, какъ не противъ системы самовластиа? Очевидно, въ данномъ случаѣ они косвенно признаютъ безусловную необходимость правильнаго народнаго представительства, при которомъ разорительныя финансовыя и политическія предпріятія и увлеченія отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей были бы совершенно немислимы или пресѣкались бы въ самомъ корнѣ.

Какъ же совмѣстить съ этой запоздалой критикой недавняго прошлаго и съ ея неизбѣжными логическими выводами настойчивыя старанія удержать въ неприкосновенномъ видѣ ту систему самовластія, которая принесла столь горькіе плоды? Почему спасительныя попытки ограничить на будущее время произволь и фантазерство „всесильныхъ министровъ“ вызываютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отчаянные возгласы о „либеральномъ основаніи“, о преступныхъ крамольничествахъ и т. п.? Какимъ образомъ правительственные „устои“ и принципы, доказавшіе свою опасность въ эпоху безпрепятственной государственной дѣятельности бывшаго министра финансовъ, могутъ служить теперь фундаментомъ для образованія новой консервативной партіи, подъ ложнымъ названіемъ „монархической“? Безполезно было бы ожидать разъясненія этой путаницы отъ людей, личные интересы которыхъ требуютъ, въ одно и то же время, и непремѣннаго сохраненія самовластія, и столь же непремѣннаго исключительнаго доступа въ пользованію самовластіемъ для ближайшихъ его союзниковъ и покровителей. Невольно приходитъ на память однородная тактика прусскихъ охранителей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, выраженная въ словахъ: „...Und der König absolut, wenn er unsern Willen thut“!.. Ничто, значить, не ново подъ луной!

Такая же сѣть непримиримыхъ противорѣчій характеризуетъ программы всѣхъ партій, стремящихся обновить нашъ государственный бытъ чисто-внѣшними пристройками, безъ ущерба для исконныхъ началъ бюрократическаго полновластія. Естественно, что высшее чиновничество желаетъ сохранить за собою возможность безответственнаго управленія государствомъ и особенно драгоценное право распредѣлять казенные милліоны по своему усмотрѣнію; поэтому оно и думаетъ поставить будущее народное представительство въ самые тѣсные предѣлы, чтобы заранѣе оградить себя отъ притязаній на серьезный и постоянный парламентскій контроль въ государственныхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что значительная часть нашего дворянства, опасаясь за свои сословныя и землевладѣльческія привилегіи, отстаиваетъ неприкосновенность основъ, на которыхъ держится владычество бюрократіи, и въ то же время, въ видѣ уступки насущнымъ потребностямъ Россіи, требуетъ введенія какихъ-то робкихъ, половинчатыхъ реформъ, призванныхъ, будто бы, сблизить народъ съ властью.

Но трудно понять, чѣмъ руководствуются независимые и по видимому искренніе патріоты, пугающіе публику всякими ужасами въ случаѣ усвоенія нами культурныхъ политическихъ по-

рядковъ, приспособленныхъ къ реальнымъ условіямъ нашей жизни. Неужели можно еще серьезно вѣрить въ самобытную цѣнность безнадежной хаотической неурядицы, издавна возведенной у насъ въ систему? Что хорошаго дала намъ эта мнимая самобытность, обрекающая народныя массы на невѣжество и нищету? Какъ могутъ добросовѣстные публицисты утверждать, что публичный контроль и общественное участіе въ государственныхъ дѣлахъ противрѣчатъ правамъ и интересамъ народа или подвергаютъ опасности его будущность? Требуется значительная доля цинизма, чтобы объявлять гибельнымъ для Россіи предоставленіе ей права жить свободно, подъ охраной твердыхъ законовъ, по образцу всѣхъ другихъ благоустроенныхъ государствъ. Многие почему-то дѣлаютъ видъ, что слово „конституція“, воплотивъ безобидное и законное въ Пруссіи или въ Японіи, заключаетъ въ себѣ какой-то страшный таинственный смыслъ для нашего отечества, — хотя конституція есть лишь точное опредѣленіе особенностей даннаго государственнаго строя, каковы бы ни были внѣшнія его формы.

Въ упомянутой нами выше брошюрѣ 1882 года высказаны по этому поводу нѣкоторыя соображенія, сохраняющія силу и для настоящаго времени. „Извѣстный Мольеровскій буржуа, умирая, въ первый разъ узналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой. Я боюсь, — замѣчаетъ авторъ брошюры, — чтобы наша высшая государственная власть также не слишкомъ поздно поняла, что она всю свою жизнь управляла собственно на основаніи конституціи, т.-е. была ограничена, и вопросъ шелъ всегда только о томъ, *чѣмъ* и *какъ* она была ограничена. До сихъ поръ у насъ конституція была всегда личная: такъ, мы имѣли въ этомъ столѣтіи конституцію Аракчеевскую, Бенкендорфскую, Шуваловскую, Валуевскую, даже Тимашевскую, наконецъ Лорисъ-Меликовскую и Игнатьевскую, которая потомъ смѣнилась Толстовскою; не говорю о прочихъ болѣе мелкихъ конституціяхъ. Власть при этомъ оставалась неограниченною только въ томъ смыслѣ, что она не могла быть больше ограничена ничѣмъ, кромѣ извѣстной „клички“, а эта уступала мѣсто другой, болѣе сильной на поприщѣ интригъ и подкоповъ; но безъ той или другой клички управлять страной было нельзя, такъ какъ верховная власть никогда не можетъ управлять непосредственно. Такимъ образомъ, у насъ дѣло идетъ теперь вовсе не о введеніи конституціи, — конституцію мы всегда имѣли, имѣемъ и будемъ имѣть; конституція — это остовъ, худо ли, хорошо ли, но поддерживающій весь организмъ, со всѣми его снарядами; какъ нѣтъ человѣка безъ ко-

стей, такъ нѣтъ государственнаго тѣла безъ извѣстной конституціи. Въ силу конституціи, существующей и дѣйствующей у насъ съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ, самодержавная власть ограничена теперь, какъ и прежде, административнымъ произволомъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки, въ ущербъ какъ самой верховной власти, такъ и интересамъ народа и общества. Только ограниченная закономъ, власть могла бы быть вполне неограниченною со стороны административнаго произвола и всѣхъ партій. Но—скажутъ мнѣ—тогда нельзя будетъ назначать министромъ кого угодно; надобно будетъ принять въ соображеніе общественное мнѣніе и руководиться его указаціями, а это будетъ уже ограниченіе. Да, это будетъ ограниченіе, какое, впрочемъ, испытываетъ каждый изъ насъ, когда видитъ себя въ необходимости выходить въ дверь, а не въ окошко, что, можетъ быть, было бы прямѣе и лучше выражало бы неограниченность моей воли; но кто же изъ людей благоразумныхъ считаетъ это ограниченіемъ своей воли?!“ Между тѣмъ, вслѣдствіе постоянной боязни „страшныхъ“ словъ, вроде „кромолы“ или „конституціи“, мы издавна переживаемъ крайне трудный кризисъ. „Власть — говорится далѣе въ той же брошюрѣ — держитъ народъ и общество въ осадномъ положеніи,—это еще бываетъ на свѣтѣ, какъ явленіе временное и переходное; но вотъ чего не бываетъ: въ то же время власть сама находится въ осадномъ положеніи. Чѣмъ же можетъ кончиться такое по истинѣ чудовищное положеніе? Благоразумный человѣкъ можетъ отвѣчать только на одинъ вопросъ: какого конца нужно желать нашей современной (1882-й годъ) анархіи? Нужно, конечно, прежде всего желать, чтобы такая анархія кончилась; а анархія невозможна только тамъ, гдѣ народъ и власть, взятые вмѣстѣ, вполне самодержавны, и кромѣ взаимнаго ограниченія, не знаютъ никакого другого. У насъ же приходятъ въ трепетъ при одной мысли объ ограниченіи власти искренно любящимъ ее народомъ, и не стыдятся жестокаго ограниченія со стороны тоже „любящей“ (не спрашивайте: кого или что?) придворной клики и ея многоглаваго чербера—бюрократіи“.

Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны приведенныя строки, и мы все еще стоимъ среди того же чудовищнаго хаоса внутреннихъ противорѣчій и недоразумѣній; намъ приходится повторять и доказывать тѣ же простыя, общедоступныя истины, признанныя во всемъ культурномъ мірѣ, но упорно отрицаемыя нашими своекорыстными охранителями бюрократіи—самовластія. За эту четверть вѣка, подъ сѣнью новыхъ

западно-европейскихъ идей и учреждений, выросла изъ ничтожества новая первоклассная держава на Дальнемъ Востоку, и ей же, конституціонной Японіи, суждено было, къ стыду нашему, преподать намъ крайне чувствительные уроки разумнаго государственнаго благоустройства, свободнаго политическаго развитія, сознательнаго патриотизма и самоотверженія. А мы все еще топчемся въ старомъ болотѣ безнадежной самобытности, слышимъ попрежнему призывы къ обузданію вольнодумцевъ, предлагающихъ вывести народъ на спасительную торную дорогу, и видимъ тѣ же тревожныя усилія, съ одной стороны, дѣйствовать на общество путемъ страха, а съ другой—искать опоры и поддержки въ темныхъ силахъ народнаго невѣжества и суевѣрія. На этомъ общемъ грустномъ фонѣ нашей жизни проходятъ почти незамѣченными частичныя улучшенія и реформы, которыя въ другое время казались бы чрезвычайно важными, и страна съ тоскливымъ чувствомъ ждетъ установленія такого порядка, при которомъ подобныя реформы перестали бы быть дѣломъ случайности, навѣянной вѣшними неудачами. Мучительный кризисъ, съ обманчивыми перерывами и промежутками, тянется уже слишкомъ долго, и онъ не пройдетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится кореннымъ образомъ общій духъ и строй управленія.

III.

Двадцать-четыре года тому назадъ, 17 февраля 1881 года, императоръ Александръ II, какъ извѣстно, одобрилъ первый небольшой шагъ къ организаціи нѣкотораго подобія представительства— „привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участию въ изготовленіи центральными учреждениями законопроектвъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ Высочайшею волею подлежащими разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ преобразованій“. Рѣшено было тогда образовать „общую комиссію“ изъ свѣдущихъ лицъ и представителей разныхъ вѣдомствъ, мѣстныхъ дѣятелей по выбору отъ земствъ и городовъ и по назначенію отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы на обсужденіе этой комиссіи передавались, по Высочайшему повелѣнію, составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ. „Работы общей комиссіи— сказано было въ официальномъ докладѣ объ этомъ проектѣ— имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопро-

совъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Рассмотрѣнные общемою комиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ „подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра“. И этотъ невинный проектъ предварительнаго земско-бюрократическаго совѣщанія по законодательнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ министрами и разрѣшаемымъ государственнымъ совѣтомъ, при руководящемъ участіи тѣхъ же министровъ, — получилъ громкое названіе „конституціи“ графа Лорисъ-Меликова и выставлялся какъ посягательство на священныя историческія основы русской государственности! Предположенный актъ заключалъ въ себѣ въ дѣйствительности только очень слабую попытку ограниченія министерскаго самовластія въ области законодательнаго „творчества“, и тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ сильнѣйшую оппозицію въ лагерѣ высшей бюрократіи, издавна считавшей опаснымъ для себя даже малѣйшее и отдаленное соприкосновеніе верховной власти съ представителями земства и общественнаго мнѣнія. Былъ слухъ, что, на первыхъ порахъ по вступленіи на престолъ императора Александра III, проектъ былъ одобренъ, и на немъ сдѣлана была надпись: „онъ составленъ весьма хорошо“; но бюрократія не дремала, и руководители ея тотчасъ же вступили за неприкосновенность своего самовластія, сознательно выдавая послѣднее за синонимъ самодержавія. Наиболѣе энергичнымъ выразителемъ этого умышленнаго смѣшенія былъ тотъ самый сановникъ, котораго „Московскія Вѣдомости“ называютъ „такимъ мудрымъ и неліцепрїятнымъ совѣтникомъ по дѣламъ церкви и государства, какаго никогда до него не имѣли русскіе государи“. Этотъ „мудрый и неліцепрїятный совѣтникъ“ постарался, въ союзѣ съ Катковымъ, напугать мнимыми опасностями довѣрчиваго отношенія къ народу и къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ; онъ же написалъ текстъ манифеста, которымъ положенъ былъ конецъ всякимъ посягательствамъ на безраздѣльное владычество бюрократіи. Такимъ образомъ, интересы бюрократическаго режима одержали верхъ надъ жизненными интересами и потребностями Россіи. Предостерегающіе голоса авторитетныхъ и умѣренныхъ прогрессистовъ, какъ Кавелинъ, Градовскій и Чичеринъ, не были услышаны, и послѣ пережитой четверти вѣка мы очутились передъ тѣми же тяжелыми и грозными задачами, какія выдвинуты были жизнью въ концѣ семидесятихъ годовъ.

Покойный К. Д. Кавелинъ, въ запискѣ, поданной имъ графу Лорисъ-Меликову въ мартѣ 1881 года, доказывалъ настоятельную необходимость придать единство ходу государственныхъ дѣлъ и

„установить главныя основанія правильной, систематически-стройной организаціи высшаго, средняго и низшаго управленія государствомъ, а также правъ и обязанностей подданныхъ и должностныхъ лицъ, — взаимнѣ теперешняго безправія и анархіи“.

„Все устроено у насъ такъ, — писалъ онъ, между прочимъ, — что одни приближенные и министры имѣютъ голосъ, а всѣ остальные осуждены на безмолвіе. Такой порядокъ дѣлъ полезенъ для немногихъ, но вреденъ для государей и для страны. Для его поддержанія внушается, что престолъ окруженъ опасностями, что свобода печати произведетъ революцію, что подъ хорошими учрежденіями разумѣются конституція и ограниченіе самодержавной власти... Престолъ дѣйствительно окруженъ опасностями, но именно вслѣдствіе того, что произволъ высшей администраціи не знаетъ границъ и нѣтъ на нее никакой управы. Теперешнее беззаконіе и безурядица искусственно вызываютъ у насъ раздраженіе, ожесточеніе и, наконецъ, отчаяніе, которыя и создаютъ опасности престолу и государству. Съ водвореніемъ закона и законнаго порядка, опасности исчезнутъ, а не возродятся... Тѣ, которые пугаютъ государя призраками конституціи и свободы печати, благоразумно умалчиваютъ, что нынѣ самодержавная власть въ Россіи стѣснена и ограничена сановниками и чиновниками, которые дѣлаютъ что хотятъ... Минувшее царствованіе представляетъ горестныя доказательства тому, какъ все можетъ быть доложено государю въ превратномъ видѣ, когда единственными его совѣтниками являются министры. Честные и способные люди были оклеветаны и удалены, хищники и недобросовѣстные рекомендованы, какъ преданнѣйшіе отечеству и государю, полезные и надежныя слуги, и поставлены на видныя мѣста въ государственномъ управленіи; благотворныя законы и преобразованія были искажены въ примѣненіи и вмѣсто пользы принесли вредъ: тѣ, которые ихъ исказили, указывали, что вредъ произошелъ отъ этихъ законовъ и преобразованій, тщательно скрывая, что они были недобросовѣстно приведены въ дѣйствіе. Благодаря тому, что только одни министры имѣли голосъ у престола, государственныя имущества и доходы подверглись безпощадному и безобразному расхищенію, нарушались именемъ государя несомнѣннѣйшія права, явно попирались законы, преслѣдовались, подъ предлогомъ неблагонамѣренности, лица и изданія не только безвредныя, но даже полезныя и вполнѣ честныя, за то только, что обличали произволъ того или другого министерства, не соглашались съ его взглядами, противорѣчившими закону, указывали на злоупотребленія, которыя тѣмъ или другимъ

министерствомъ тщательно скрывались... Цѣлыя области, племена, исповѣданія и званія поочередно подпадаютъ подъ опалу по навѣту министровъ, создающихъ имъ то или другое положеніе по своему усмотрѣнію... У насъ нѣтъ ничего похожаго на государственныя учрежденія, которыя пользовались бы авторитетомъ и довѣріемъ страны и могли бы въ минуты, подобныя настоящей (1881-й годъ), выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть положенія и ограждать государство и династію отъ опасности. То, что у насъ есть, напоминаетъ скорѣе помѣщичьихъ бурмистровъ и привазиновъ и вотчинныя конторы. Благодаря отсутствію государственныхъ учрежденій, всѣ теперь потеряли голову; никто не знаетъ, что и какъ начать, и могутъ писаться такіе неудачные канцелярскіе манифесты о вступленіи на престоль, какой мы прочли 2-го марта. Надо начать съ созданія государственныхъ учрежденій“ (Собраніе сочиненій, изд. 1898 г., т. II, стр. 1069—1078).

Изъ этихъ посыловъ Кавелинъ не дѣлалъ, впрочемъ, соотвѣтственныхъ практическихъ выводовъ: подъ вліяніемъ старыхъ славянофильскихъ идей о коренномъ принципиальномъ различіи между Россіею и Европою, онъ упорно вѣрилъ въ осуществленіе у насъ такихъ политическихъ сочетаній, какихъ еще не видалъ міръ; онъ вѣрилъ въ возможность совмѣщенія самовластия съ твердою законностью и справедливостью, вѣрилъ въ торжество правды среди атмосферы лести и интригъ, надѣялся на непогрѣшимую пронизательность высшихъ представителей власти и на неизмѣнную добровольную готовность ихъ приносить въ жертву личные взгляды и слабости, симпатіи и антипатіи, ради истинныхъ интересовъ страны и народа, и высказывался поэтому противъ единственно возможныхъ дѣйствительныхъ гарантій хорошаго управленія и прочнаго правового порядка, какія выработаны историческимъ опытомъ другихъ культурныхъ государствъ. К. Д. Кавелинъ довольствовался предложеніемъ незначительныхъ полумѣръ, вродѣ включенія въ составъ государственнаго совѣта, на правахъ членовъ и въ равномъ съ ними числѣ, выборныхъ отъ губернскихъ земствъ; онъ придавалъ также большое значеніе предварительному коллегиальному одобренію министерскихъ докладовъ и праву высшихъ государственныхъ учреждений обращаться непосредственно къ государю; онъ совѣтовалъ, для проведенія нужныхъ реформъ, немедленно устроить „временный верховный распорядительный совѣтъ изъ пятнадцати или двадцати *лучшихъ людей*, какіе найдутся въ теперешнемъ составѣ высшаго государственнаго управленія“, причемъ въ совѣтъ никакъ не должны попасть „ни Шуваловы, ни Валугеы, ни Тол-

стые, ни имъ подобные, опозорившіе минувшее царствованіе, настоящіе виновники несчастій, которыя мы пережили и переживаемъ". Первыми распоряженіями этого верховнаго совѣта, по мнѣнію Кавелина, должны были быть: возможно широкая амнистія, отмѣна смертной казни и административныхъ ссылки, дарованіе печати законнаго существованія, дарованіе свободы совѣсти и религіознаго культа, отмѣна стѣсненій народнаго языка въ школѣ и въ ежедневномъ употребленіи; сверхъ того, надлежало „отмѣнить самыя вопіющія и притѣснительныя несообразности и несправедливости въ дѣйствующихъ законахъ и правительственныхъ мѣрахъ, отъ которыхъ, безъ всякой необходимости, стонетъ русская земля и которыми поддерживается общее недовольство, уныніе, недовѣріе и апатія“.

Но оцѣнка и выборъ „лучшихъ людей“, какъ и выборъ спасительныхъ и полезныхъ мѣропріятій, производится въ высшихъ сферахъ по совершенно другимъ основаніямъ и мотивамъ, чѣмъ въ той средѣ, въ которой принадлежалъ самъ Кавелинъ, и вскорѣ, какъ на зло, одинъ изъ перечисленныхъ имъ главныхъ „виновниковъ нашихъ несчастій“, графъ Дмитрій Толстой, былъ признанъ не только лучшимъ, но и необходимымъ для государства человекомъ, которому можно было довѣрять на цѣлый рядъ дальнѣйшихъ лѣтъ управленіе всѣми внутренними дѣлами Россійской имперіи; ему предоставлено было нагромождать новыя „вопіющія и притѣснительныя несообразности и несправедливости“ въ дополненіе къ прежнимъ, придуманнымъ имъ же и его единомышленниками въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. А между тѣмъ, о качествахъ его, какъ правительственнаго дѣятеля, не было уже тогда двухъ мнѣній въ образованномъ русскомъ обществѣ. Отставка его въ апрѣлѣ 1880 года была вызвана столкновеніемъ съ другими министрами изъ-за ходатайства московскихъ старообрядцевъ объ отертыи ихъ часовни, запечатанной по распоряженію Филарета при помощи мѣстной полиціи; „крестъ и евангеліе—какъ рассказываетъ одинъ изъ свѣдущихъ современниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ—валялись съ того времени въ алтарѣ, покрытые пылью, паутиною и плѣсенью, такъ что можно подумать, что это какая-нибудь болгарская церковь, запертая по распоряженію мусульманскихъ властей, и объ освобожденіи которой графъ Игнатъевъ забылъ упомянуть въ санъ-стефанскомъ договорѣ, или злодѣи-нѣмцы вычеркнули ее на берлинскомъ конгрессѣ“. Дѣло разсматривалось въ комитетѣ министровъ, и почти всѣ были „въ пользу примѣненія условій

берлинскаго трактата и къ московской старообрядческой церкви, т.-е. находили справедливымъ удовлетворить ходатайство“; непреклонными „мусульманами православія“ выступили только два сановника—графъ Толстой и лютеранинъ Посыетъ. Толстому удалось добиться отсрочки рѣшенія на неопредѣленное время; до пересмотра общаго вопроса о старообрядцахъ, а пока онъ пустилъ слухъ о подкупѣ раскольниками нѣкоторыхъ изъ его коллегъ; это предположеніе онъ высказалъ частнымъ образомъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій комитета министровъ, и результатомъ былъ конфликтъ, который пришлось уладить самому государю. Толстой былъ уволенъ, и при своемъ удаленіи онъ выказалъ свою преданность почтительнѣйшею „последнею просьбою“—сохранить за нимъ драгоцѣнное право носить мундиры обоихъ вѣдомствъ, одинаково дорогихъ его сердцу. Вся печать, не исключая и консервативной, встрѣтила его отставку единодушными заявленіями радости, посвящая убійственные „некрологи“ государственной его дѣятельности, а два года спустя, въ маѣ 1882 года, онъ опять очутился въ положеніи полномасштабнаго вершителя нашихъ судебъ. Такъ отвѣтила практика придворно-бюрократическаго режима на благодушные рецепты реформаторовъ-идеалистовъ, подобныхъ нашему добрейшему Кавелину и его запоздалымъ новѣйшимъ подражателямъ. Еслибы Кавелину суждено было прожить еще одно десятилѣтіе, онъ по всей вѣроятности окончательно убѣдился бы въ бесплодности своихъ славянофильскихъ иллюзій и съ свойственною ему искренностью отстаивалъ бы осуществленіе своего идеала—„мужицкаго царства“, не въ отвлеченныхъ формулахъ, а въ реальной дѣятельности, путемъ полноправнаго всенароднаго представительства, не смущаясь уже возможными параллелями съ западно-европейскими конституціями.

Еще болѣе умѣренъ и остороженъ въ своихъ требованіяхъ былъ Б. Н. Чичеринъ, но и онъ признавалъ тогда необходимость коренныхъ государственныхъ преобразованій. „Задача верховной власти—писалъ онъ въ докладной запискѣ, поданной графу Милютину для передачи Лорисъ-Меликову, въ мартѣ 1881 года,—состоитъ въ настоящее время въ образованіи однороднаго, вполне согласнаго между собою правительства. Оно должно состоять изъ людей одинаковыхъ убѣжденій и стремленій, или по крайней мѣрѣ согласившихся въ основаніяхъ внутренней политики. Отъ министровъ слѣдуетъ потребовать общей программы дѣйствій и, слѣдовательно, совокупнаго обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и принятія совокупныхъ мѣръ. Отдѣльныя

программы различныхъ министровъ должны быть обсуждаемы въ совѣтѣ министровъ не случайно, какъ дѣлается нынѣ, а постоянно и правильно. Государю нужно имѣть предъ собою не отдѣльныя мнѣнія министровъ, а заключенія всего своего правительства. Тогда правительство будетъ имѣть внутреннюю политику. Съ нею оно явится передъ законодательнымъ органомъ, усиленнымъ и обновленнымъ выборнымъ элементомъ, и съ его помощью выработаетъ ту прочную общественную организацію власти, которой теперь нѣтъ. Такая власть будетъ и сильна, и либеральна, ибо только крѣпкая власть можетъ быть дѣйствительно либеральна; только на разумномъ порядкѣ зиждется свобода "... Совѣты Чичерина, какъ и Кавелина, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и едва-ли удостоились вниманія даже со стороны того „мудраго и нелицепріятнаго совѣтника“, который своимъ побѣдоноснымъ влияніемъ не только помѣшалъ спасительному повороту въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, но и себѣ лично обезпечилъ прочное властное положеніе на цѣлую четверть вѣка.

Недостатокъ сознательнаго единства въ составѣ, стремленіяхъ и взглядахъ правительства, безправіе общественнаго мнѣнія, отсутствіе твердаго законнаго порядка, основаннаго на правѣ, а не на силѣ,—все это создаетъ хроническую анархію въ различныхъ областяхъ государственной и народной жизни. Покойный Ф. И. Тютчевъ говорилъ, что „Россія самодержавна уже потому, что она сама держится“;—но долго ли еще нашъ государственный корабль будетъ идти самъ собою, „безъ руля и безъ вѣтриль“, подчиняясь какимъ-то невѣдомымъ, ничѣмъ не контролируемымъ влияніямъ? Много разъ онъ „неожиданно“ натыкался на подводныя скалы, терпѣлъ болѣе или менѣе чувствительныя аваріи и кое-какъ избавлялся отъ возможнаго крушенія, благодаря разнымъ счастливымъ случайностямъ; нельзя, однако, всегда рассчитывать на судьбу и постоянно испытывать ея долготерпѣніе. Въ наше время всеобщаго прогрессивнаго движенія и лихорадочнаго международнаго соперничества опасность такого неопредѣленнаго критическаго состоянія—или кажущагося стоянія на одномъ мѣстѣ—усиливается съ каждымъ днемъ. Необходимо позаботиться, чтобы элементъ неожиданности и случайности пересталъ играть рѣшающую роль въ нашей жизни...

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905.

Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. — Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ. — Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ. — Псковское чрезвычайное губернскае земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булгина. — Странныя противорѣчія.

Седьмымъ пунктомъ Высочайшаго указа 12-го декабря 1904-го года опредѣлено произвести пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи. Первое изъ состоявшихся, на этомъ основаніи, положеній комитета министровъ Высочайше утверждено 1-го мая. Въ главной своей части оно имѣетъ характеръ полумѣры. Въ девяти западныхъ губерніяхъ свободно пріобрѣтать земельныя имущества въ собственность и пожизненное владѣніе, равно какъ и принимать ихъ въ залогъ, лица польскаго происхожденія могутъ только отъ другихъ лицъ той же категоріи. Пріобрѣтеніе, виѣ городовъ и мѣстечекъ, земельныхъ имуществъ отъ лицъ не-польскаго происхожденія разрѣшено полякамъ лишь въ видахъ уничтоженія череполосности и хозяйственнаго округленія границъ, а также для цѣлей промышленнаго свойства (въ послѣднемъ случаѣ—въ количествѣ не свыше 60 десятинъ), и притомъ не иначе какъ съ согласія администраціи. По прежнему недопустимымъ признается, слѣдовательно, *увеличеніе* размѣровъ польскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ; отмѣняются только мѣры, направленные къ его *уменьшенію*. Недостигнутою, такимъ образомъ, остается равноправность всѣхъ племенныхъ элементовъ населенія. А между тѣмъ, ихъ сближенію и примиренію она способствовала бы, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ сохраненіе, хотя бы отчасти, правоограниченій, вызванныхъ націоналистическими соображеніями. Если русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ пустило глубокіе корни,

оно не нуждается въ искусственной охранѣ; если оно виситъ на воздухѣ, его не спасутъ никакія запретительныя мѣры. Землевладелецъ по неволѣ, удерживающій за собою землю только за отсутствіемъ правоспособныхъ покупателей, ни для кого и ни для чего не можетъ служить опорой; въ балансѣ національности, къ которой онъ принадлежитъ, онъ является скорѣе отрицательной, чѣмъ положительной величиной. Ничего цѣннаго не вноситъ онъ и въ общую сумму мѣстной дѣятельности: нельзя ожидать отъ него полезной службы краю, съ которымъ онъ хотѣлъ бы, но не можетъ разстаться. Не говоримъ уже объ обходахъ закона, всегда вѣроятныхъ, когда установленный порядокъ идетъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни... Къ какимъ послѣдствіямъ ведутъ стѣсненія въ приобрѣтеніи земельной собственности—это показано съ достаточной ясностью въ мотивахъ положенія комитета министровъ. „Уменьшается притокъ серьезныхъ покупателей изъ внутреннихъ губерній имперіи, подъ влияніемъ опасенія затрудненій, неизбѣжныхъ какъ при покупкѣ, такъ и особенно въ случаѣ желанія найти потомъ приобрѣтателя на имѣніе. вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаются спекулянты, стремящіеся, путемъ дешевой покупки и затѣмъ возможно выгодной перепродажи земельныхъ имуществъ, сдѣлать прибыльную денежную операцію. Въ цѣляхъ скорѣйшей реализаціи затраченнаго на приобрѣтеніе земли капитала, крупныя и благоустроенныя имѣнія дробятся на мелкіе участки, лѣсъ вырубается, сложное хозяйство, заведенное раньше, гибнетъ. Въ Сѣверо-западномъ краѣ, по вполнѣ авторитетному свидѣтельству, сельское хозяйство падаетъ, мѣстность бѣднѣетъ, подъемъ культуры замедляется“. Съ уменьшеніемъ стѣсненій *уменьшатся* и печальные ихъ результаты—но *устранить* послѣдніе могла бы только полная отмѣна первыхъ.

Что же препятствуетъ, по мнѣнію комитета министровъ, такой отмѣнѣ? „Русское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ“—читаемъ мы въ положеніи комитета—„хотя и увеличилось, но все еще недостаточно развилось и окрѣпло. Въ случаѣ отмѣны закона 1865 г., польское общество въ скоромъ времени вновь приобрѣло бы многія изъ земельныхъ имуществъ, перешедшихъ въ русскія руки, и тѣмъ ослабились бы результаты, къ которымъ правительство столь упорно и неуклонно стремилось въ теченіе сорока лѣтъ. При томъ же, отмѣна указаннаго закона могла бы быть понята какъ измѣненіе прежней политики, которая всегда одобрялась русскимъ обществомъ, признававшимъ западныя губернія искони русскою землею; отъ сего основного начала отступать, по мнѣнію комитета, невозможно безъ ущерба для развитія и упроченія русской государственности въ этомъ краѣ“. Намъ кажется, что еслибы значительная часть имѣній, въ настоящее время находящихся въ русскихъ рукахъ, перешла, при полной свободѣ сдѣ-

локъ, въ руки поляковъ, то это доказывало бы только одно: непрочность, неустойчивость русскаго землевладѣнія, неспособность его конкурировать, безъ властной охраны, съ землевладѣніемъ польскимъ. Поддерживать то, что лишено жизненной силы—трудъ по меньшей мѣрѣ излишній. Кто продолжаетъ владѣть землею лишь вслѣдствіе отсутствія покупателей, тотъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего не предпринимаетъ для поднятія культуры, ничего полезнаго не вносить ни въ хозяйственную, ни въ политическую жизнь края. Болѣе чѣмъ сомнительно, далѣе, чтобы запретительная политика, господствовавшая до сихъ поръ въ западныхъ губерніяхъ, находила одобреніе среди широкихъ круговъ русскаго общества. За нее высказывались, правда, нѣкоторые органы печати, обладавшіе, въ этой области, монополіей свободной рѣчи—но кому же неизвѣстно, что выразителями общественнаго мнѣнія наши газетные реакціонеры не были никогда, даже въ давнопрошедшіе моменты крайняго патриотическаго возбужденія? Признавать западныя губерніи исконно русскою землею—не значитъ еще сочувствовать правоограниченіямъ, устанавливаемымъ для одной части мѣстнаго населенія. Поляки—такіе же уроженцы западныхъ губерній, такіе же граждане русскаго государства, какъ и литовцы или бѣлоруссы; послѣ сорока лѣтъ глубокаго внутренняго мира нѣтъ основанія отказывать имъ въ правахъ, которыми пользуются ихъ сосѣди. Въ Западномъ краѣ, какъ и вездѣ, опорой „русской государственности“ должна служить справедливость. Положеніе 1-го мая, даже въ его настоящемъ видѣ, является „измѣненіемъ прежней политики“—но измѣненіемъ недостаточно рѣшительнымъ, остановившимся на полдорогѣ.

Существенно важнымъ шагомъ впередъ является тотъ пунктъ положенія комитета министровъ, который допускаетъ преподаваніе польскаго и литовскаго языковъ въ начальныхъ, двухклассныхъ и городскихъ училищахъ Западнаго края, а также въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ литовской или польской народности. Изъ соображеній комитета видно, что къ школамъ грамотности и однокласснымъ начальнымъ училищамъ новое правило непримѣнимо. Намъ кажется, что примѣненіе его къ правильно организованнымъ, хотя бы и однокласснымъ начальнымъ училищамъ было бы иногда вполне возможно; устроителямъ училищъ слѣдовало бы предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу. Едва ли правильно, далѣе, приуроченіе новаго правила исключительно къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ къ литовской или польской народности принадлежитъ *большинство* учащихся. Предположимъ, что въ той или другой гимназій, при общемъ числѣ 300 учащихся, поляковъ или литовцевъ насчитывается болѣе ста:

неужели этимъ не оправдывалось бы введеніе польскаго или литовскаго языка, какъ факультативнаго предмета преподаванія?.. Большимъ пробѣломъ, наконецъ, мы считаемъ нераспространеніе новаго правила на малорусское нарѣчіе. Главное, однако, сдѣлано: поколебленъ предрасудокъ, изгонявшій изъ школы мѣстные языки, какъ нѣчто идущее въ разрѣзъ съ политикой обрусенія — осуждена, слѣдовательно, и самая политика, принесшая столько вреда и народностямъ, противъ которыхъ она была направлена, и всему государству.

На министровъ и главныхъ начальниковъ вѣдомствъ комитетъ министровъ возложилъ обязанность немедленно принять мѣры къ отмѣнѣ не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ Западномъ краѣ. Если между этими распоряженіями окажутся такія, примѣненіе которыхъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго характера, будетъ признано необходимымъ, представленія о томъ должны быть направлены въ государственный совѣтъ. Намъ кажется, что порядки, вошедшіе въ административный обиходъ помимо закона — и, слѣдовательно, вопреки закону, — подъ вліяніемъ политическихъ взглядовъ, отвергаемыхъ теперь самимъ правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставляемы въ силѣ, даже на короткое время. Съ осужденіемъ системы должно исчезнуть все ею созданное. Разставаться съ дискрѣціонною властью всегда тяжело; опасно, поэтому, оставлять открытымъ вопросъ о тѣхъ или другихъ ея проявленіяхъ. Свобода пользоваться роднымъ языкомъ принадлежитъ къ числу самыхъ драгоценныхъ правъ человѣка и гражданина. Слишкомъ долго, на окраинахъ Россіи, она считалась злоупотребленіемъ; пора возстановить ее вполне, въ ея нормальныхъ предѣлахъ и размѣрахъ. До чего доходили ея стѣсненія — на это есть указанія въ самомъ положеніи комитета министровъ. Усмотрѣніемъ администраціи воспрещалось употребленіе польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ частныхъ обществъ, ограничивалось или вовсе воспрещалось употребленіе его въ частныхъ бесѣдахъ (разъ что онѣ происходятъ въ публичномъ мѣстѣ), въ разговорахъ учениковъ между собою. Особенно вреднымъ, даже опаснымъ комитетъ признаетъ послѣдній видъ преслѣдованія. Практикующая его школа можетъ, по словамъ комитета, „возбудить ненависть учащихся, затрогивая ихъ нравственное чувство, которое подсказываетъ любить и уважать родной языкъ. Съ другой стороны, у нихъ является недовѣріе къ наставникамъ и воспитателямъ, воспрещающимъ говорить на своемъ языкѣ; мало-по-малу, дѣти ускользаютъ отъ нравственнаго воздѣйствія лицъ, призванныхъ руководить ихъ духовнымъ и моральнымъ воспитаніемъ, и подчиняются постороннимъ, иногда вреднымъ вліяніямъ“. Читая эти строки, нельзя не пожалѣть о томъ, что выраженная въ нихъ

мысль такъ поздно усвоена правительствомъ. Сколько неизгладимыхъ впечатлѣній оставила въ умахъ прежняя школьная система, сколько трудно вознаградиимаго вреда она принесла обѣимъ сторонамъ—и угнетавшей, и угнетаемой!

Большое впечатлѣніе произвелъ Высочайшій указъ 6-го мая, не столько своимъ содержаніемъ, сколько своею неожиданностью и тою формою, въ которую облечена вводимая имъ мѣра. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было учреждено въ 1894 г. въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, предполагающемъ болѣе или менѣе всестороннее обсужденіе вопроса и обезпечивающемъ если не правильное, то во всякомъ случаѣ зрѣло обдуманное его разрѣшеніе. Инымъ путемъ совершилось преобразование министерства въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, оно было сюрпризомъ даже для министерства, котораго оно непосредственно коснулось. Черезъ какія пріготовительныя стадіи прошла реформа—это остается неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, она представляетъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ перемѣну въ названіи учрежденія и въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства: она создаетъ новый видъ управленія, одною своею стороною приближающийся къ настоящему, другою—какъ бы возстановляющій прошедшее. Общее руководство дѣлами о земельномъ устройствѣ крестьянъ вѣрнется комитету по земельнымъ дѣламъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ лицо, призванное къ тому Высочайшимъ довѣріемъ, а членами состоятъ министры императорскаго двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, государственный контролеръ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ и другія лица, назначенныя Государемъ Императоромъ. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ преобразовывается въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія, служащее, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы канцеларіей комитета по земельнымъ дѣламъ. Управленіе дѣлами комитета возлагается на главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

До сихъ поръ у насъ существовали два вида главныхъ управленій: одни стоятъ или стояли на ряду съ министерствами (главное управленіе государственнаго коннозаводства, прежде—главное управленіе путей сообщенія, главное управленіе почтъ), другія входили и входятъ въ составъ министерствъ (военнаго, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ), мало чѣмъ отличаясь отъ департаментовъ. Лица, поставленныя во главѣ управленій перваго рода, назывались и называются обыкновенно главноуправляющими (или главноначальствующими); лицамъ, поставленнымъ во главѣ управленій втораго рода, присвоивается обыкновенно званіе начальника главнаго управленія. Съ этой точки зрѣнія

новое главное управленіе, начальникъ котораго названъ главноуправляющимъ, близко подходитъ къ министерствамъ, съ которыми оно сходно и многочисленностью, и разнообразіемъ предметовъ вѣдомства; но положеніе новаго главноуправляющаго существенно отлично отъ положенія министра, такъ какъ надъ нимъ стоитъ, въ качествѣ руководителя, особый комитетъ, въ которомъ онъ играетъ роль члена-дѣлопроизводителя. Технические затрудненія, возникающія изъ этой двойственности, не представляютъ общаго интереса; любопытна только попытка слить воедино два противоположные типа управленія—коллегіальный и единоличный. Новое учрежденіе—своего рода двуликій Янусъ: въ немъ соединены черты Петровской коллегіи и Александровскаго министерства, но соединены такъ, что теряются лучшія свойства той и другого. Комитетъ по земельнымъ дѣламъ отличается отъ коллегіи тѣмъ, что состоитъ не изъ однихъ только лицъ, специально призванныхъ къ завѣдыванію даннымъ дѣломъ: въ немъ участвуютъ министры, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой опредѣленный, болѣею частью весьма обширный кругъ дѣйствій и можетъ отдавать комитету лишь сравнительно малую долю своего времени. Не менѣе велико и различіе между новымъ главнымъ управленіемъ и министерствомъ: въ послѣднемъ господствуетъ одна воля, управляетъ одно отвѣтственное лицо—въ первомъ происходитъ нелегко поддающееся регламентаціи раздѣленіе власти между руководителемъ и руководимымъ. Трудно предположить, чтобы столь сложное устройство могло привести къ удовлетворительнымъ результатамъ... На первое время рядомъ съ комитетомъ и главнымъ управленіемъ будетъ существовать еще особое совѣщаніе, учрежденное Высочайшимъ указомъ 30-го марта: ему поручено составить наказъ главному управленію по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, а предсѣдателю комитета по земельнымъ дѣламъ вмѣнено въ обязанность выработать проектъ положенія объ этомъ комитетѣ. Близко соприкасающимся между собою учрежденіямъ будутъ даны, такимъ образомъ, руководящія правила, идущія изъ двухъ различныхъ источниковъ. Это увеличитъ еще больше сумму затрудненій, коренящихся въ самой организаціи комитета и главнаго управленія. Не слишкомъ ли велики, вообще, надежды, возлагаемыя на перемены чисто внѣшняго характера? Есть ли основаніе думать, что совокупными усиліями совѣщанія, комитета и главнаго управленія будетъ сдѣлано нѣчто такое, чего не могло бы достигнуть министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ? Своевременны ли административныя новообразованія, когда близка такая коренная реформа, какъ призывъ къ жизни народнаго представительства? Вниманіе къ вопросу объ органахъ, которыми должны быть

произведены преобразованія, не идетъ ли въ ущербъ вниманію, котораго требуетъ самая сущность дѣла?

Какъ сложны, какъ велики задачи, стоящія на очереди въ сферѣ землеустройства—объ этомъ даютъ наглядное понятіе занятія совѣщанія по аграрнымъ вопросамъ, происходившаго въ Москвѣ, въ концѣ апрѣля, при участіи какъ представителей науки, такъ и земскихъ дѣятелей. Доклады А. А. Мануилова и кн. Петра Дмитріевича Долгорукова раскрыли картину крестьянскаго малоземелья, составляющаго не единственную, но главную причину бѣдственнаго положенія народной массы. Коренится оно еще въ недочетахъ крестьянской реформы, въ противодѣйствіи, встрѣченномъ первоначальными предположеніями редакціонныхъ комиссій: размѣръ надѣловъ былъ значительно уменьшенъ, созданы были дѣльныя категоріи малоземельныхъ и безземельныхъ сельскихъ обывателей. Среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 43% были надѣлены землею въ количествѣ, не достигавшемъ нормы, тогда какъ между государственными крестьянами такой надѣлъ получили только 13¹/₂%. Въ общемъ средней душевой надѣлъ для всѣхъ разрядовъ крестьянъ составлялъ въ 1861 г. около пяти десятинъ. Уменьшаясь по мѣрѣ роста населенія, онъ упалъ уже къ 1880-му году до 3¹/₂ дес., а еще двадцать лѣтъ спустя приблизился къ 2¹/₂ дес. Всего тяжелѣе положеніе такъ называемыхъ „дарственниковъ“, получившихъ въ 1861 г. четвертую часть нормальнаго надѣла; у нихъ на душу приходится отъ 0,2 до 0,4 десятины. Другимъ показателемъ малоземелья служитъ недостаточность надѣловъ для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія: комиссія по оскудѣнію центра, работавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опредѣлила среднюю цифру нехватки хлѣба въ 17%, кормовыхъ средствъ—въ 41%. Чѣмъ же можетъ быть удовлетворена нужда въ землѣ? Переселеніями? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ докладъ извѣстнаго знатока переселенческаго вопроса, А. А. Кауфмана. Въ Сибири уже теперь почти исчерпанъ запасъ земли, годной для земледѣльческихъ поселеній. Въ Туркестанѣ ограничено количество воды, безъ которой тамъ невозможно земледѣліе; крайне дороги, притомъ, оросительныя работы. Свободныхъ земель въ Закавказьѣ не хватило бы и для мѣстнаго безземельнаго или малоземельнаго населенія. Казенныя (и удѣльныя) оброчныя статьи также служатъ земельнымъ фондомъ для мѣстныхъ крестьянъ. Изъ казенныхъ лѣсовъ—помимо вопроса о лѣсоохраненіи—лишь весьма немногіе соединяютъ въ себѣ условія, необходимыя для переселенія. Возможную ежегодную цифру переселенцевъ А. А. Кауфманъ опредѣляетъ въ сто тысячъ, а ежегодный

приростъ населенія достигаетъ двухъ милліоновъ... Преувеличенность надеждъ, возлагаемыхъ на крестьянскій банкъ, обнаруживаетъ докладъ М. Я. Герценштейна. Сначала дѣятельность банка стѣснялась тяжестью условій, на которыхъ выдавались ссуды; а когда эти условія были облегчены, начался непомерный ростъ цѣнъ на землю (съ 40 руб. за десятину въ 1891-мъ до 108 руб. въ 1902-мъ году), дѣлающей покупку, сплошь и рядомъ, невыгодною для крестьянъ. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка идетъ, притомъ, очень медленно: въ теченіе двадцати лѣтъ крестьяне приобрѣли этимъ путемъ около 6½ милліоновъ десятинъ. Отношеніе цифры доплатъ (102 милл. руб.) къ цифрѣ банковской ссуды (355 милл.) заставляетъ думать, что приобретателями, въ большинствѣ случаевъ, были крестьяне сравнительно зажиточные... Земельной аренды, какъ источника удовлетворенія нуждъ въ землѣ, коснулся второй докладъ А. А. Мануилова. Онъ указалъ, что во многихъ мѣстностяхъ арендная плата поглощаетъ всю чистую доходность земли; и арендаторъ уплачиваетъ собственнику не только прибыль отъ предпріятія, но и часть своей заработной платы. Существуетъ и прямо подневольная аренда: чтобы избѣжать штрафовъ за поправки и округлить свои земли, крестьяне вынуждены арендовать разные клочки частновладѣльческихъ земель, врѣзывающіеся въ ихъ надѣлы.

Безсиліе палліативовъ свидѣтельствуетъ о необходимости болѣе рѣшительныхъ мѣръ, указаніе которыхъ и составило вторую задачу совѣщанія. Всего радикальнѣе была бы такъ называемая націонализація земли, но именно вслѣдствіе того противъ нея высказались какъ докладчикъ (М. Я. Герценштейнъ), такъ и совѣщаніе. Национализація земли, какъ ее понимаетъ и предлагаетъ Генри Джорджъ, фактически равносильна конфискаціи. Собственники земли были бы лишены, безъ выкупа, дохода, которымъ они пользовались, между тѣмъ какъ собственники различныхъ видовъ капитала сохранили бы свои прежніе доходы. У насъ въ Россіи объявленіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель государственными является особенно нежелательнымъ. „При представительномъ образѣ правленія“—говоритъ М. Я. Герценштейнъ, — „въ высшей степени важно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе и для самоуправленія. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія. Площадь частновладѣльческихъ земель всѣхъ сословій въ 1900 г. равна была 100 милл. десят. На выкупъ ихъ пришлось бы затратить цѣлыя милліарды, и такая финансовая операція при теперешнихъ условіяхъ денежнаго рынка едва ли возможна. Наконецъ,

идея націонализаціи требуетъ, чтобы выкупъ распространился не только на частновладѣльческія, но и на крестьянскія земли, площадь которыхъ достигаетъ въ настоящее время 130-ти милл. дес. Крестьяне послѣ реформы 1861 г. уже свыклись съ тѣмъ, что они должны вносить платежи въ теченіе опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго земля сдѣлается ихъ собственностью, хотя бы съ извѣстными ограниченіями. Возможна ли теперь такая мѣра, какъ выкупъ государствомъ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы земли сдавались въ пользованіе тѣмъ же крестьянамъ? Въ умахъ крестьянства возникла бы большая смута, если бы попытались объявить ихъ земли государственными. Выкупъ, по мнѣнію М. Я. Герценштейна, кн. П. Д. Долгорукова и А. А. Мануилова, необходимъ, но не общій, а частный—выкупъ, прежде всего, отрѣзовъ, выгоновъ, водопоевъ, чрезполосныхъ участковъ, „являющихся поводомъ къ столкновеніямъ и источникомъ обогащенія посредниковъ и кулаковъ“, а также земель, которыми могли бы быть пополнены надѣлы дарственниковъ. Чтобы обезпечить крестьянъ настолько, насколько они были обезпечены въ 1861 г., нужно приблизительно отъ тридцати до тридцати пяти милліоновъ десятинъ, которыя и подлежали бы выкупу, съ обращеніемъ ихъ въ государственный земельный фондъ и предоставленіемъ крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе. Въ финансовомъ отношеніи выкупная операція не представила бы большихъ затрудненій, въ виду того, что значительная часть частновладѣльческихъ земель состоитъ уже въ залогѣ, и на государство могли бы быть переведены платежи кредитнымъ учрежденіямъ. „При проведеніи выкупной операціи“—говоритъ М. Я. Герценштейнъ—„должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія. Мелкія владѣнія могутъ быть изъяты изъ обязательнаго выкупа. Главнымъ критеріемъ для опредѣленія подлежащихъ выкупу земель должны быть арендные земли. Цѣны для выкупа должны устанавливаться особыми государственно-общественными мѣстными учрежденіями изъ представителей земства, землевладѣльцевъ, крестьянъ, судебного вѣдомства... Аграрные беспорядки показываютъ, что вопросъ назрѣлъ, что нужно идти ему на встрѣчу и на ряду съ политическими вопросами поставить и экономическіе, прежде всего аграрные. Каждый классъ, желающій быть впереди, долженъ показать, что онъ умѣетъ не только требовать для себя правъ, но можетъ и принести въ жертву свои интересы ради общаго блага“... Обращеніе къ выкупу должно идти рука объ руку съ пересмотромъ законодательства о земельной арендѣ. Руководствуясь примѣромъ Ирландіи, А. А. Мануиловъ рекомендуетъ

обязательное для землевладельца, въ некоторыхъ случаяхъ, возобновленіе аренднаго договора, урегулированіе чрезмѣрно высокой арендной платы и признаніе за арендаторомъ права на вознагражденіе за неиспользованную имъ часть земельныхъ улучшеній. Отъ введенія этихъ мѣръ выиграли бы и собственники, такъ какъ уменьшилась бы хищническая земельная культура.

Въ томъ же смыслѣ, какъ и докладчики, высказалось, послѣ происшедшихъ преній, и большинство совѣщанія, оговоривъ, что рядомъ съ мѣрами къ уменьшенію малоземелья должно идти разрѣшеніе другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ (объ увеличеніи производительности и поднятіи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, о формахъ землевладѣнія, объ отиѣнѣ выкупныхъ платежей и т. д.). Съ этой оговоркой программа совѣщанія отвѣчаетъ вполне назрѣвшимъ потребностямъ народа. Успѣшное ея исполненіе возможно, конечно, лишь при государственномъ устройствѣ, открывающемъ широкій просторъ для дѣятельности всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ: но именно такого устройства и ожидаетъ теперь Россія... Псевдоохранительная печать выходитъ изъ себя, обвиняя совѣщаніе въ „черномъ передѣлѣ“, называя его членовъ „политическими проходимцами“, глупцами, „бредущими по слѣдамъ французскихъ коммунаровъ“. Эта брань—лучшая похвала совѣщанію, вся вина котораго заключается въ томъ, что оно посмотрѣло прямо въ глаза дѣйствительности и, констатировавъ надвигающуюся опасность, смѣло указало путь къ ея предупрежденію. По истинѣ жалкіе аргументы, которыми „Московскія Вѣдомости“ пытаются ослабить выводы совѣщанія. „А Сибирь, а Средняя Азія, а наши сѣверныя губерніи?“—вопрошаютъ онѣ, отрицая недостатокъ свободныхъ земель, на которыя могло бы направиться переселеніе, но даже не пытаясь опровергнуть докладъ А. А. Кауфмана, въ которомъ этотъ недостатокъ доказанъ несомнѣнными цифрами и данными. Выкупъ земли отождествляется съ ея „захватомъ“, проекты выкупной операціи приравниваются къ „науськиванью“ на помѣщичьи экономіи; въ отдаленномъ будущемъ рисуется призракъ „коммуны“, составляющей, будто бы, неизбѣжный результатъ намѣчаемыхъ преобразованій. Такие полемическіе приемы доказываютъ только одно: умственное безсиліе тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ.

Въ газетахъ появились любопытныя сообщенія о взглядахъ М. М. Ковалевскаго на очередные вопросы избирательнаго права. Высказываясь, въ принципѣ, за всеобщую подачу голосовъ, М. М. Ковалевскій ограничиваетъ ее, въ примѣненіи къ Россіи, требованіемъ отъ изби-

рателей двадцатипятилѣтняго возраста, грамотности и болѣе или менѣе продолжительной ослѣдлости. Неподходящей къ условіямъ настоящей минуты кажется ему и прямая подача голосовъ. „Въ странѣ съ развитымъ политическимъ бытомъ“—сказалъ онъ въ бесѣдѣ съ парижскимъ корреспондентомъ „Руси“—„различіе между прямой и двухстепенной подачей голосовъ совершенно ступшевывается: выборщики получаютъ вполне опредѣленные полномочія и являются лишь porte-voix избирателей. Но у насъ, въ странѣ совершенно свѣжей и непривыкшей къ выборной агитаціи, выборщики составляютъ значительно болѣе самостоятельную и просвѣщенную коллегію, чѣмъ избиратели“. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ М. М. Ковалевскаго мы безусловно согласны и думаемъ, что двухстепенной системы слѣдовало бы держаться не только при первыхъ выборахъ—еслибы они были произведены всеобщей подачей голосовъ,—но и при послѣдующихъ, пока народная масса не достигла бы полной политической зрѣлости. Противники двухстепенной подачи голосовъ ссылаются, между прочимъ, на данныя избирательной статистики, повязывающія, что въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, гдѣ существуетъ эта система, участіе избирателей въ выборахъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ германской имперіи, гдѣ дѣйствуетъ прямая подача голосовъ. Мы думаемъ, что объясненіе этому факту слѣдуетъ искать не въ различіи избирательныхъ системъ, а въ различіи представительныхъ собраній. Палаты отдѣльныхъ германскихъ государствъ, не исключая даже Пруссіи, имѣютъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ германскій рейхстагъ; понятно, что меньше и интересъ, возбуждаемый выборами въ эти палаты. Весьма важно и то, что въ болѣе части германскихъ государствъ существуетъ дѣленіе избирателей на разряды, вовсе устраняющее однихъ отъ пользованія избирательнымъ правомъ, крайне суживающее роль другихъ и, слѣдовательно, уменьшающее въ широкихъ кругахъ интересъ къ выборамъ. Указываютъ, дальше, что представители, выбранные двухстепенной подачей голосовъ, не могутъ находить въ своихъ избирателяхъ той активной поддержки, того живого сочувствія, установленію которыхъ способствуютъ прямые выборы. Намъ кажется, что степень сочувствія и поддержки зависитъ не столько отъ избирательной системы, сколько отъ обстоятельствъ даннаго времени. Если народъ живетъ повышенною жизнью, если атмосфера насыщена электричествомъ, между избирателями и избираемыми устанавливается крѣпкая связь, усиливающаяся въ той же мѣрѣ, въ какой обостряется борьба, увеличивается опасность. Наоборотъ, внутренній миръ благопріятствуетъ росту индифферентизма, разобщающаго народъ и народное представительство. Во время конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ народныя

массы твердо стояли на сторонѣ послѣдней, несмотря на господство трехразрядной и двухстепенной избирательной системы—а въ исторіи третьей французской республики найдется немало эпохъ глубокаго равнодушія къ палатѣ, избранной всеобщю и прямою подачею голосовъ. У насъ въ Россіи двухстепенные выборы желательны, до поры до времени, прежде всего потому, что они гораздо больше прямыхъ обезпечиваютъ *сознательность* и *независимость* избранія. Въ сельскомъ избирательномъ округѣ, съ разбросаннымъ стотысячнымъ населеніемъ, избирателямъ, въ отдѣльности взятымъ, чрезвычайно трудно будетъ составить себѣ ясное, опредѣленное понятіе о каждомъ изъ числа кандидатовъ въ представители. Съ кѣмъ будутъ совѣтоваться крестьяне, живущіе въ глуши, у кого будутъ искать разъясненія своихъ сомнѣній, отвѣта на занимающіе ихъ вопросы? Вездѣ ли найдется удобное мѣсто для предвыборныхъ собраній, удобная обстановка для предвыборной агитаціи? Нѣтъ ли основаній опасаться, что дѣйствіе, произведенное дошедшею до деревни избирательною profession de foi или словами благополучно добравшагося до нея избирательнаго агента, будетъ изглажено стараніями властныхъ или вліятельныхъ лицъ, тяжелая рука которыхъ слишкомъ хорошо знакома сельскому населенію?.. Иное дѣло—избраніе выборщиковъ. Кандидатами на это званіе выступать, въ небольшомъ избирательномъ участкѣ, мѣстные жители, хорошо извѣстные всѣмъ и каждому и чѣмъ-нибудь, въ большинствѣ случаевъ, выдѣляющіеся изъ толпы. Однажды выбранные, они соберутся въ уѣздномъ городѣ или въ другомъ бойкомъ мѣстѣ, гдѣ, на виду у всѣхъ, не такъ-то легко будетъ помѣшать ихъ совѣщанію между собою и съ посторонними лицами—и совершенно невозможно будетъ преградить имъ доступъ къ ознакомленію съ печатью, общою и специально относящеюся къ выборамъ. Гораздо чаще, благодаря всему этому, будетъ получаться, съ перваго раза, абсолютное большинство голосовъ, устраняющее надобность въ перебаллотировкѣ, т.-е. возможность избранія лица, въ пользу котораго вотировало только меньшинство. Чтобы предупредить давленіе на выборщиковъ, достаточно избирать ихъ въ такомъ числѣ, которое затрудняло бы попытку склонить индивидуально каждаго изъ нихъ къ подачѣ голоса за кандидата, угоднаго власти.

Возвратимся къ другой сторонѣ мнѣнія, выраженнаго М. М. Ковалевскимъ—къ тѣмъ ограниченіямъ, которыми онъ предлагаетъ обставить всеобщую подачу голосовъ. Съ однимъ изъ нихъ мы никакъ не можемъ согласиться: это — требованіе грамотности отъ избирателей. Неграмотныхъ крестьянъ у насъ еще такъ много, и грамотность, доведенная до минимума (а только о такой грамотности, т.-е. объ умѣньѣ читать и писать, доказываемомъ при самыхъ выборахъ, и говорить

М. М. Ковалевскій), такъ мало свидѣтельствуесть объ умственномъ и нравственномъ развитіи, что возведеніе ея на степень избирательнаго ценза было бы и несправедливо, и безцѣльно. Когда М. М. Ковалевскому было указано, что требованіе грамотности, допустивъ къ участию въ выборахъ крестьянскую молодежь, прошедшую черезъ школу, сдѣлало бы его недоступнымъ для массы пожилыхъ крестьянъ, онъ призналъ, что избирательное право могло бы быть предоставлено, въ виду ихъ житейской опытности, всѣмъ безъ исключенія старикамъ, достигшимъ пятидесятилѣтняго возраста. Намъ кажется, что эта мѣра, нарушивъ цѣльность системы, не устранила бы ея коренной недостатка: лишенными избирательнаго права все-таки остались бы десятки тысячъ домохозяевъ, обладающихъ достаточнымъ житейскимъ опытомъ — а избирателями явились бы, въ то же время, ихъ сыновья, только-что вступающіе въ жизнь... Установленіе продолжительнаго срока осѣдлости, какъ условія для пользованія избирательнымъ правомъ, не имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, того значенія, которое придаетъ ему М. М. Ковалевскій. Онъ считаетъ его особенно необходимымъ въ виду бѣдности нашихъ народныхъ массъ и низкаго уровня гражданственности; иначе—говоритъ онъ—будетъ возможно „массовое передвиженіе избирателей изъ одной губерніи въ другую, для проведенія того или другого кандидата“. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно въ Россіи срокъ осѣдлости, съ точки зрѣнія избирательнаго права, сравнительно неваженъ. Значительная часть нашего сельскаго населенія отличается крайне малою подвижностью: уходящіе въ отхожіе промыслы нигдѣ, по общему правилу, не остаются долго; рабочихъ, не имѣющихъ постояннаго мѣста жительства и безпрестанно переходящихъ изъ одного города въ другой, съ одной фабрики на другую, не такъ много, чтобы изъ-за нихъ нужно было принимать особыя мѣры предосторожности. „Массовое передвиженіе“ съ избирательными цѣлями болѣе вѣроятно за-границей, чѣмъ въ Россіи, какъ въ виду нашихъ громаднхъ разстояній, такъ и въ виду только-что возникающей у насъ организациі партій. Чтобы предупредить его, достаточно, притомъ, и короткаго срока осѣдлости: вѣдь нельзя же предположить, что партія, задумавшая искусственное перемѣщеніе избирателей, возьметъ на себя не только издержки ихъ переѣзда, но и издержки содержанія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Шестимѣсячная осѣдлость кажется намъ, поэтому, вполне достаточною... Болѣе спорнымъ является вопросъ о возрастномъ цензѣ, но и его мы склонны разрѣшить иначе, чѣмъ предлагаетъ М. М. Ковалевскій. Гражданское совершеннолѣтіе слѣдовало бы признать и политическимъ, такъ какъ именно молодежью новый порядокъ вещей всего скорѣе можетъ быть правильно понятъ и оцѣненъ по достоинству — а наклонность ея къ

увлеченіямъ найдеть достаточный противовѣсъ въ избирателяхъ старшихъ возрастовъ... Само собою разумѣется, что все сказанное нами относится не къ первымъ выборамъ, для которыхъ, по нашему мнѣнію, желателенъ особый, временной избирательный порядокъ, а къ послѣдующимъ, когда должна вступить въ силу всеобщая подача голосовъ.

Благодаря „Русскимъ Вѣдомостямъ“, открывающимъ свои столбцы различнымъ мнѣніямъ по избирательному вопросу, широкій кругъ читателей могъ ознакомиться съ любопытной статьей казанскаго профессора В. В. Ивановскаго, реагирующей противъ повального преклоненія передъ всеобщей подачей голосовъ, какъ средствомъ немедленно достигнуть возможно-лучшихъ результатовъ. Дѣйствительность, какъ совершенно правильно замѣчаетъ В. В. Ивановскій, не оправдываетъ подобныхъ ожиданій: въ Германіи, напримѣръ, при всеобщей подачѣ голосовъ, составъ парламента неизмѣнно, въ теченіе почти сорока лѣтъ, имѣеть консервативное большинство, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ двѣнадцатилѣтнее (1878 — 1890) господство исключительныхъ законовъ, при помощи которыхъ Бисмаркъ управлялъ страной „въ ущербъ свободѣ гражданъ и въ нарушеніе всѣхъ основныхъ ихъ правъ“. Признавая, вмѣстѣ съ В. В. Ивановскимъ, что всеобщая подача голосовъ — далеко не панацея, излечивающая всѣ политическіе недуги, „Русскія Вѣдомости“ обращаютъ вниманіе на то, что „всеобщее избирательное право, гдѣ оно введено, продолжаетъ дѣйствовать въ свойственномъ ему направленіи. Во французскомъ законодательномъ собраніи имѣется уже вліятельная группа представителей большинства населенія; въ германскомъ рейхстагѣ такое представительство, олицетворявшееся вначалѣ однимъ депутатомъ, растетъ каждый разъ съ новыми выборами и нынѣ достигаетъ уже внушительной цифры. Эта система выборовъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ самой себѣ заключаетъ необходимый коррективъ: вмѣстѣ съ ростомъ сознательнаго отношенія избирателей къ своимъ правамъ расширяется кругъ дѣятельныхъ избирателей и усиливается представительство интересовъ большинства населенія“. Это совершенно вѣрно — но что же отсюда слѣдуетъ? Только одно: несостоятельность *принципальныхъ* возраженій противъ всеобщей подачи голосовъ. Главный предметъ спора — *своевременность* введенія ея въ Россіи — здѣсь не затронуть вовсе. Всеобщему избирательному праву, вездѣ, гдѣ оно прочно вошло въ государственное устройство, предшествовала болѣе или менѣе продолжительная, болѣе или менѣе свободная политическая жизнь. Попытки прямо перейти отъ безправія къ наиболѣе широкому праву всегда терпѣли крушеніе, слѣды котораго изглажива-

лись нескоро: достаточно вспомнить событія 1848-го года въ Германіи, Пруссіи, Австріи—и послѣдовавшій за ними мрачный періодъ реакціи. Наоборотъ, движеніе впередъ, когда для него имѣются благоприятныя предпосылки, совершается мирно и непрерывно. Такого движенія мы желали бы для Россіи—и именно потому не можемъ присоединиться къ нетерпѣливымъ голосамъ, не допускающимъ и мысли объ отсрочкѣ въ осуществленіи всеобщаго избирательнаго права.

Мало встрѣчающая сочувствія въ литературѣ, мысль о временномъ избирательномъ порядкѣ, примѣнимомъ только къ *первымъ* выборамъ народныхъ представителей, найдеть, быть можетъ, нѣсколько большую поддержку въ земскихъ собраніяхъ. Комиссія, выбранная происходившимъ на дняхъ псковскимъ чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, пришла къ заключенію, что ради скорѣйшаго созыва народнаго представительства можно поступиться, на первый разъ, желательнымъ расширеніемъ избирательнаго права. Первое представительное собраніе, по мнѣнію комиссіи, могло бы быть составлено изъ лицъ, избранныхъ нынѣ существующими учрежденіями. Нѣкоторые гласные стояли за немедленное примѣненіе всеобщей, прямой и равной подачи голосовъ, другіе—за расширеніе рамки земскихъ собраній и круга земскихъ избирателей; но большинство собранія согласилось съ заключеніемъ комиссіи. На случай призыва представителей отъ земства въ совѣщаніе гофмейстера Булыгина собраніе намѣтило пять лицъ (въ томъ числѣ губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя губернской управы), признавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что только такими выборными представителями можетъ быть выражено истинное мнѣніе даннаго земства; *приглашенные* въ совѣщаніе министромъ внутреннихъ дѣлъ, земскіе дѣятели могли бы говорить только отъ своего личнаго имени. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такого взгляда держится не одно псковское земство; болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ уполномочія со стороны своего собранія земскіе гласные, за немногими развѣ исключеніями, не найдутъ возможнымъ явиться въ совѣщаніе гофмейстера Булыгина. Нужно надѣяться, поэтому, что не оправдаются слухи, по которымъ членами совѣщанія должны быть исключительно лица, приглашенныя министромъ. Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ выбора уполномоченныхъ, заключается въ томъ, что этимъ нѣсколько замедлилось бы начало работъ совѣщанія; но лучше непродолжительная отсрочка—говоримъ: *непродолжительная*, потому что созывъ чрезвычайныхъ собраній и пріѣздъ выбранныхъ ими лицъ въ Петербургъ едва ли потребовали бы больше шести недѣль,—чѣмъ такой составъ совѣщанія, который не

пользовался бы довѣріемъ общества и почти неизбежно оказался бы недостаточно огражденнымъ отъ бюрократическихъ вліяній. Вопросъ, подлежащій обсужденію совѣщанія, имѣеть громадную важность: тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ будутъ въ значительной степени предопредѣлены первые шаги народнаго представительства. Предположимъ, наприимѣръ, что вѣренъ слухъ, приписывающій министерству внутреннихъ дѣлъ намѣреніе ограничить число членовъ представительнаго собранія тремя—отъ каждой болѣе населенной, двумя—отъ каждой менѣе населенной губерніи. Всѣхъ губерній и областей въ Россіи (не считая Финляндіи) 89: изъ нихъ 34 имѣють менѣе милліона жителей и могутъ считаться малонаселенными. Общее число представителей, по вышеприведенному расчету, не превышало бы 233—т.-е. далеко не соответствовало бы значенію задачи, предстоящей первому представительному собранію... Въ кругъ работъ совѣщанія войдетъ, по всей вѣроятности, не только установленіе порядка выборовъ въ представительное собраніе, но и опредѣленіе, въ главныхъ чертахъ, его функций, его роли. Неужели и по этому вопросу, столь новому въ русской государственной жизни, не будетъ выслушанъ голосъ людей, стоящихъ въ сторонѣ отъ колесъ административной машины?..

Пока не рѣшенъ вопросъ о составѣ совѣщанія, предсѣдателемъ котораго будетъ гофмейстеръ Булыгинъ, пока неизвѣстно время созыва представительнаго собранія, до тѣхъ поръ особую важность сохраняетъ указъ 18-го февраля, какъ единственное средство, съ помощью котораго земство и другія общественныя учрежденія могутъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства свои взгляды на предстоящее преобразование. Между тѣмъ, пользование этимъ средствомъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ трудно объяснимыя препятствія—трудно объяснимыя уже потому, что они возникаютъ не повсемѣстно. Въ то самое время, когда въ земскихъ собраніяхъ псковскомъ и с.-петербургскомъ свободно ставятся на очередь предложенія, основанныя на указѣ 18-го февраля, въ рязанскомъ уѣздномъ земствѣ и николаевской городской думѣ такія же предложенія признаются не подлежащими обсужденію; херсонскій губернаторъ останавливаетъ исполненіе постановленій губернскаго собранія о возбужденіи ходатайствъ, мотивированныхъ указомъ 18-го февраля. Еще болѣе поразительны вѣсти о судьбѣ аналогичныхъ ходатайствъ, предпринятыхъ сельскими обществами. Въ борзненскомъ уѣздѣ (черниговской губерніи) ходатайство конышевскаго сельскаго общества повлекло за собою арестъ его „зачинщиковъ“ и репримандъ „проглядѣвшему“ его земскому начальнику. Въ тираспольскомъ уѣздѣ (херсонской губерніи) производилось

дознаніе объ адресѣ, поданномъ крестьянами села Славяносербки; земскій начальникъ требовалъ, съ угрозами, чтобы былъ названъ составитель адреса; крестьяне отвѣчали, что свою нужду и свое горе они сами хорошо знаютъ и не нуждались въ чужой помощи для изложенія своихъ желаній. „Если можете идти противъ царской воли“— говорили они начальству,— „то жалуйтесь на насъ въ судъ“. Въ этихъ простыхъ словахъ отразился цѣлый переворотъ, совершающійся, очевидно, въ умахъ крестьянства...

Противорѣчіе между правительственными актами и административными распоряженіями замѣчается не только въ области примѣненія указа 18-го февраля. Приведемъ этому два примѣра, особенно характерные. Въ комиссіи по пересмотру положенія объ усиленной охранѣ, приступившей къ своимъ занятіямъ въ первыхъ числахъ минувшаго мая мѣсяца, подавляющее большинство категорически высказалось противъ права администраціи производить обыски и аресты, находя эту мѣру нарушающей элементарныя понятія о гражданскихъ правахъ; оно констатировало тотъ безспорный фактъ, что никто—даже въ мѣстностяхъ, гдѣ не введена усиленная охрана,—не огражденъ противъ вторженія въ его квартиру, въ любое (слѣдовало бы прибавить— преимущественно ночное) время. Отражается ли это убѣжденіе, выраженное однимъ изъ высшихъ государственныхъ установленій, на образѣ дѣйствій административныхъ органовъ? Далекое не всегда и не вездѣ; практика обысковъ и арестовъ во многихъ случаяхъ остается прежняя. Распространяется, вмѣстѣ съ тѣмъ, сфера примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ, хотя комиссія и находить, что эти правила, „являясь тѣмъ-то среднимъ между нормальнымъ порядкомъ и военнымъ положеніемъ, представляются вовсе излишними“. По справедливому замѣчанію комиссіи, „лучше ужъ, когда того требуетъ государственная безопасность, прямо объявлять мѣстность на военномъ положеніи. Это, во-первыхъ, болѣе гарантируетъ водвореніе порядка, во-вторыхъ—такое положеніе по существу не можетъ длиться; въ виду серьезности мѣры вводить ее будутъ съ большой осторожностью и въ случаяхъ дѣйствительно исключительныхъ; наконецъ, этимъ положеніемъ не будутъ пользоваться ни для административныхъ, ни для санитарныхъ, ни для иныхъ цѣлей“... Другой примѣръ: 11-го августа 1903-го года были изданы правила о борьбѣ съ эпидеміями, сводящія участіе земства въ этой борьбѣ почти исключительно къ роли кассира, хотя именно земскими учрежденіями всего больше сдѣлано и дѣлается для охраны народнаго здоровья. Очень многія земства, въ томъ числѣ и с.-петербургское, возбудили ходатайства о непри-

жѣненіи этихъ правилъ, указывая, съ одной стороны, на возможную близость холеры, съ другой—на перемѣну въ отношеніи правительства къ органамъ мѣстнаго самоуправления, выразившуюся въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря 1904-го года. Желанной цѣли земскія ходатайства, однако, не достигли: министерство внутреннихъ дѣлъ ограничилось тѣмъ, что усилило земско-врачебный элементъ въ составѣ комиссій. Къ чему это можетъ привести — показываетъ инцидентъ, происшедшій, въ началѣ мая, въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ. По словамъ петербургскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, уже на совѣщаніи 8-го апрѣля, созванномъ губернской земскою управою, обнаружилось съ полною ясностью, что правила 1903-го года не встрѣчаютъ поддержки земскаго медицинскаго персонала. Губернская администрація, заручившись содѣйствіемъ председателей уѣздныхъ земскихъ управъ, рѣшила, тѣмъ не менѣе, ввести въ дѣйствіе эти правила. Отъ приглашаемыхъ на лѣто врачей и студентовъ потребована была подписка о согласіи ихъ продолжать службу и послѣ введенія санитарно-исполнительныхъ комиссій. Нѣсколько молодыхъ людей дали такую подписку, но вскорѣ, разобравшись въ вопросѣ, вернули взятые авансы и отказались отъ предложенныхъ имъ условій; другіе врачи, возмущенные всей этою исторіей, наотрѣзъ отказались поступить на службу петербургскаго земства, хотя бы и на время и безъ подписки. Завѣдующій медико-санитарнымъ бюро, И. А. Дмитріевъ, 3-го мая заявилъ управѣ о своемъ уходѣ. Потеря эта тѣмъ болѣе чувствительна, что г. Дмитріевъ проработалъ въ петербургскомъ земствѣ свыше 20-ти лѣтъ, прекрасно зналъ губернію и организовалъ въ ней всю санитарную часть ¹⁾. Очевидно, не минутное увлеченіе, а очень серьезные мотивы вынудили его уйти изъ земства. И. А. Дмитріевъ убѣжденъ, что никакіе компромиссы не могутъ улучшить правила 1903-го года; необходима полная ихъ отмѣна. Введеніе ихъ, при господствующемъ настроеніи среди врачей, неизбѣжно поведетъ къ уходу лучшаго элемента, съ послѣдующимъ глубокимъ разстройствомъ земско-медицинскаго дѣла во всѣхъ уѣздахъ“... „Холера въ с.-петербургской губерніи“—такъ заканчивается корреспонденція—„еще не появилась, но дезорганизація уже началась“. Стоитъ ли идти на встрѣчу такому риску, чтобы настоять на осуществленіи эфемерныхъ правилъ, осуждаемыхъ всею земскою Россіей?

¹⁾ Этотъ отзывъ корреспондента о дѣятельности И. А. Дмитріева мы можемъ вполне подтвердить на основаніи собственнаго опыта.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905

Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ. — Разсужденія полковника Гедде. — Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ. — Патриотическія фантазіи и ихъ послѣдствія. — Печальная судьба балтійской эскадры. — Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мірѣ.

Нашъ германскій „другъ“, императоръ Вильгельмъ II, очень внимательно слѣдящій за событіями и отлично умѣющій извлекать пользу изъ чужого опыта, не стѣсняется публично высказывать свои сужденія даже по такимъ вопросамъ, которые принято считать болѣе или менѣе щекотливыми. Его мѣткія, откровенныя рѣчи иногда смущаютъ нѣмецкую публику, но всегда производятъ серьезное впечатлѣніе за границей и даютъ поводъ къ оживленной полемикѣ въ печати. Недавно, при обрядѣ принесенія присяги новобранцами въ Вильгельмсгавенѣ, онъ заговорилъ о военныхъ подвигахъ японцевъ, объ ихъ превосходныхъ качествахъ и достоинствахъ, которыя объясняются крѣпостью семейныхъ и національных чувствъ и создаютъ образцовую исполнительность въ арміи и флотѣ. „Однако, изъ японскихъ побѣдъ, изъ побѣдъ язычниковъ надъ христіанскимъ народомъ, — объяснялъ Вильгельмъ II новобранцамъ, — не слѣдуетъ заключать, что буддизмъ выше или лучше христіанства. Если русскіе оказываются теперь побѣжденными, то это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что христіанство очень плохо понимается и еще хуже примѣняется къ Россіи, тогда какъ японцы дѣйствительно обладаютъ многими христіанскими добродѣтелями. Добрый христіанинъ — хорошій солдатъ. Но и въ нѣмецкомъ народѣ не особенно процвѣтаетъ христіанство, и можно поэтому сомнѣваться, будутъ ли нѣмцы имѣть право, въ случаѣ войны, просить Бога о дарованіи побѣды. Когда нѣмцы потеряли истинную вѣру, отдавшись побужденіямъ высокомерія и надменности, Господь послалъ на насъ Наполеона, въ видѣ бича Вожія, подобно тому какъ нѣкогда противъ другихъ народовъ посланъ былъ Аттила съ его гуннами. Отъ насъ зависитъ позаботиться о томъ, чтобы Богъ не долженъ былъ опять подвергнуть насъ подобной карѣ“...

Само собою разумѣется, что христіанство, о которомъ говоритъ Вильгельмъ II, имѣетъ очень мало общаго съ евангеліемъ, и что религія „хорошаго солдата“ не совпадаетъ съ ученіемъ Христа; точно также суровый карающій Богъ, посылающій Аттилъ и Бонапартовъ

на грѣшные народы, соответствуетъ скорѣ ветхозавѣтнымъ и языческимъ понятіямъ, чѣмъ христіанскому идеалу. Для нуждъ арміи и флота, какъ и вообще для официальныхъ надобностей, давно уже существуетъ въ Пруссіи особое официальное христіанство, авторитетными истолкователями котораго обыкновенно выступали Гогенцоллерны. Упадокъ христіанскихъ добродѣтелей въ Россіи, на языкѣ Вильгельма II, означаетъ слабость военной организаціи, недостатокъ выдержки и дисциплины, распущенность нравовъ среди офицеровъ и беззаботность насчетъ научно-технической подготовки. Превосходство японцевъ заключается, конечно, не въ томъ, что они вѣрятъ въ Будду или проникнуты христіанскими чувствами, а въ преимуществахъ ихъ государственнаго строя, въ сознательномъ добросовѣстномъ единеніи между властью и народомъ, въ отвѣтственности правительства передъ обществомъ и свободною печатью, въ отсутствіи хищничества и злоупотребленій относительно финансовыхъ средствъ, въ національныхъ привычкахъ бережливости, разсчетливости и трудолюбія, наконецъ—въ глубокомъ всеобщемъ патріотизмѣ. Яснѣе высказался въ этомъ смыслѣ Вильгельмъ II въ Страсбургѣ, при оцѣнѣ происходившаго тамъ военнаго парада. „Русская армія—по его словамъ—потерпѣла поражение при Мукденѣ потому, что нравственныя качества ея подорваны алкоголизмомъ и распущенностью. Офицерскій корпусъ—это главное ядро арміи. Надо, чтобы этотъ корпусъ всегда былъ бодрымъ, свѣжимъ, дѣятельнымъ,—иначе страдаетъ вся армія. Молодые люди въ военной службѣ должны работать, трудиться весь день и ложиться спать рано, а не искать усыпляющихъ наслажденій. Въ Японіи офицерскій корпусъ—очень дѣльный; онъ оправдалъ всѣ надежды, и поэтому солдатъ оказался также на высотѣ своего положенія. Въ Россіи же офицерскій корпусъ оказался совершенно несоответствующимъ своему назначенію, тогда какъ русскій солдатъ держалъ себя хорошо и сражался храбро. Рассказываютъ, что въ Кіа-Чао весь запасъ шампанскаго былъ закупленъ русскими офицерами. Военный человѣкъ не долженъ пріучаться къ подобнымъ вещамъ“...

Обѣ эти рѣчи не предназначались для широкой публики и попали въ печать только по нескромности газетныхъ корреспондентовъ; поэтому и самое содержаніе сказаннаго передавалось въ газетахъ различно. Утверждали между прочимъ, что Вильгельмъ II упомянулъ о возможной задачѣ Германіи—противодѣйствовать усиленію желтой опасности, послѣ того какъ Россія доказала свою неспособность успѣшно бороться съ этой опасностью; но такое замѣчаніе противорѣчило бы нынѣшнему настроенію германскихъ правительственныхъ сферъ, расположенныхъ къ сближенію съ побѣдоносною Японією и старающихся забыть свои прежніе взгляды на „желтую опасность“.

Со времени рѣшительныхъ японскихъ побѣдъ нѣмцы перестали причислять японцевъ къ особой желтой расѣ; они смотрятъ на нихъ какъ на вполне равноправную могущественную націю, съ которою выгодно поддерживать близкія дружественныя связи, и за такую переѣну во взглядахъ трудно винить германскую дипломатію. Газеты не скрывали на этотъ разъ своего неудовольствія по поводу императорскихъ заявленій, которыя съ одной стороны должны были неприятно задѣть официальную Россію, а съ другой—могли быть ложно поняты и истолкованы общественнымъ мнѣніемъ новой первоклассной державы Дальняго Востока. Официальный органъ германскаго правительства, „Reichsanzeiger“, напечаталъ сообщеніе, которымъ приведенныя въ газетахъ слова императора объявлены „частью искаженными, частью же вполне вымышленными“; но что именно искажено, что вымышлено и что соответствуетъ истинѣ, — осталось неизвѣстнымъ, и потому опроверженіе, по своей неопредѣленности, не достигло цѣли. Официально объ рѣчи Вильгельма II считаются какъ бы несуществующими: о нихъ нельзя говорить въ имперскомъ сеймѣ, и на нихъ не могутъ ссылаться иностранныя правительства; но онѣ попрежнему подлежатъ свободному обсужденію въ печати. „Личность такого ранга, какъ германскій императоръ, — замѣчаетъ умѣренный „Berliner Tageblatt“, —должна всегда имѣть въ виду возможную нескромность газетъ и телеграфныхъ агентствъ. Намъ гораздо меньше приходилось бы бороться съ международнымъ недоверіемъ, еслибы императоръ Вильгельмъ не забывалъ, что въ наше время болтливая гласность приобрѣла значеніе почти непреодолимой силы“.

Извѣстный специалистъ по русско-японской войнѣ, полковникъ Гедде, разбираетъ тѣ отзывы „верховнаго военачальника“ по существу, такъ какъ подобныя заявленія, разъ они попали въ печать, „несомнѣнно могутъ быть обсуждаемы публично“. Полковникъ Гедде не раздѣляетъ мнѣнія императора о нравственныхъ причинахъ русскихъ неудачъ, хотя и признаетъ неразрывную связь этого мнѣнія съ „глубоко-религиознымъ личнымъ міросозерцаніемъ“, предъ которымъ онъ почтительно преклоняется. „Примѣняемое къ военному дѣлу — говоритъ Гедде,—это возрѣніе не выдерживаетъ безпристрастной исторической критики. И у насъ въ 1870 году господствовало въ обширныхъ кругахъ убѣжденіе, что своей побѣдой мы обязаны большей нравственности и религіозности нѣмцевъ и безбожію французовъ. Но въ дѣйствительности Богъ битвъ никогда не былъ заодно съ набожными людьми, если они въ то же время не были сильнѣйшими. Никто теперь не сомнѣвается, что только лучшая военная организація,

болѣе цѣлесообразная подготовка войскъ и ихъ предводителей, численный перевѣсъ, военныя дарованія Мольтке и общее національное воодушевленіе были реальными причинами тогдашнихъ нашихъ успѣховъ. Средній уровень нравственности культурныхъ европейскихъ народовъ вездѣ приблизительно одинъ и тотъ же, и крупныя вѣдшнія различія чаще всего объясняются большимъ лицемѣріемъ и скрытностью отдѣльныхъ націй. Нельзя отрицать, что развратъ и пьянство играютъ значительную роль въ жизни русскаго войска; но насъ, иностранныхъ наблюдателей, непріятно поражали не столько самыя факты, сколько грубыя и несдержанныя формы, въ какихъ они проявлялись. Японцы такъ же напивались своей „саки“, какъ русскіе своей водкой. По завоеваніи Лаояна, оттуда исчезли европейскія гетеры, но ихъ мѣсто заняли соотвѣтственныя японскія заведенія. Если въ Кіао-Чао все шампанское было скуплено русскими, то это едвали могло составить достаточное количество для офицеровъ полумилліонной русской арміи. Впрочемъ, и мы въ 1870 году далеко не пренебрегали французскимъ виномъ, и пока наши войска занимали, напримѣръ, Эперня, они не всегда сохраняли трезвость въ той мѣрѣ, какъ это было желательно. Безъ сомнѣнія, на восточно-азиатскомъ театрѣ войны русскія военныя силы оказались ниже японскихъ во многихъ отношеніяхъ, но эти недостатки зависѣли не отъ нравственныхъ причинъ. Несправедливо такъ же проводить рѣзкую границу между офицерами и солдатами, или между высшими и низшими офицерами; напротивъ, отсутствіе порядка и дисциплины замѣчалось именно въ общей массѣ войскъ, а офицеры всѣхъ ранговъ были одинаково менѣе подготовлены къ своему дѣлу, чѣмъ японскіе,—хотя неспособность болѣе бросалась въ глаза на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи. Цѣлая государственная и военная система терпитъ крушеніе на поляхъ Манчжурія, а вовсе не неумѣренность въ распутствѣ и въ злоупотребленіи спиртными напитками. Всѣ слабыя стороны военной организаціи были бы, однако, недостаточны для объясненія столь продолжительнаго послѣдовательнаго ряда неудачъ, еслибы во главѣ арміи не былъ поставленъ совершенно непригодный для такого поста человекъ; но и онъ былъ отчасти жертвой системы, лишавшей офицеровъ всякой самостоятельности и всякаго чувства отвѣтственности“...

Иностранцамъ вообще трудно судить о дѣйствительныхъ причинахъ нашихъ неудачъ, потому что они не имѣютъ яснаго представленія о характерѣ и особенностяхъ всего нашего политическаго строя. Они отыскиваютъ отдѣльные частныя недостатки тамъ, гдѣ общее положеніе дѣлъ исключаетъ возможность прочнаго успѣха. Полков-

никъ Гедке какъ будто признаеть, что „цѣлая государственная и военная система“ потерпѣла крушеніе въ Манчжуріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаеть мысль, что лучший составъ высшихъ офицеровъ и болѣе удачный выборъ главнокомандующаго могли бы доставить намъ побѣду и, слѣдовательно, спасли бы плохую систему общаго и специально-военнаго управленія. Но если личныя качества офицеровъ и командующихъ генераловъ имѣли такое рѣшительное вліяніе на ходъ войны, то чѣмъ объяснить поразительное, убійственное однообразіе нашихъ пораженій и неудачъ на Дальнемъ Востокѣ въ теченіе почти полутора года? Нельзя же предположить, что вся масса нашего офицерства состоитъ сплошь изъ бездарностей, изъ людей, преданныхъ личнымъ удовольствіямъ и неспособныхъ подняться выше обычнаго уровня. Между тѣмъ, за все это долгое и мучительное время войны не выдвинулось ни одного имени, ни одного кандидата въ полководцы, ни одного даровитаго организатора, ни одного блестящаго исполнителя стратегическихъ или иныхъ комбинацій,—хотя совершенно было множество подвиговъ, которыми умилялись наши патріотическія газеты, и которые никому не были нужны. Офицеры, какъ и солдаты, постоянно доказывали свое умѣнье умирать бесплодно, по приказанію начальства, которое, съ своей стороны, не всегда могло бы объяснить смыслъ и цѣль своихъ распоряженій. Иностранцамъ кажется, что главные вожди нашей арміи не были на высотѣ своего положенія и что дѣло у насъ не клеилось вслѣдствіе какихъ-то недостатковъ военной дисциплины и организаціи; но мы хорошо знаемъ, что военные чины извѣстнаго ранга назначаются на ту или другую должность не потому, что они обладаютъ необходимыми для этого качествами или лучше другихъ подготовлены для исполненія даннаго дѣла, а въ силу разныхъ постороннихъ соображеній, имѣющихъ иногда только случайную связь съ интересами службы. Иностранцы ошибочно предполагають, что у насъ сознательно обдумываются и взвѣшиваются всякія предпринимаемыя рѣшенія и назначенія, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя изъ этихъ рѣшеній и назначеній; мы же здѣсь хорошо знаемъ, что основанія и мотивы многихъ крупныхъ мѣръ остаются неизвѣстными даже тѣмъ, кого эти мѣры ближайшимъ образомъ касаются и на комъ лежитъ надзоръ за ихъ примѣненіемъ. У насъ не принято предварительно обсуждать тѣ или другія мѣропріятія; напротивъ, сначала дѣлается извѣстный шагъ, а потомъ предоставляется желающимъ разсуждать объ его значеніи и послѣдствіяхъ. Общія цѣли и задачи мало кого интересуютъ, ибо никто не призванъ высказываться о нихъ или принимать ихъ близко къ сердцу, а репутація вольнодумства или самостоятельнаго патріотизма несовмѣстима съ служебной карьерой. Естественное для каждаго европейца сознаніе,

что государственныя дѣла суть не только правительственныя, но и общенародныя дѣла, которыми имѣютъ право и обязанность интересоваться всѣ разумные обыватели страны,—это сознаніе рассматривается у насъ еще какъ опасная ересь или какъ одно изъ проявленій политической неблагонадежности. Мало-по-малу люди отвыкли думать объ общихъ интересахъ, и типъ пассивнаго, безразличнаго, неразсуждающаго и даже не смѣющаго рассуждать исполнителя сдѣлался преобладающимъ на всѣхъ ступеняхъ нашей гражданской и военной іерархіи. Интересы матеріальнаго расчета и личнаго честолюбія оказались единственными, доступными всеобщему признанію и поощренію; всякія другія побужденія, и тѣмъ болѣе такія, которыя имѣли своимъ источникомъ истинную преданность родинѣ, относились уже въ разрядъ подозрительныхъ и нерѣдко вызывали прямое преслѣдованіе. При подобныхъ условіяхъ война не могла идти иначе, чѣмъ она шла, и результаты не могли быть другими, чѣмъ они есть. Живое содержаніе государственности выдохлось и исчезло подъ гнетомъ мертвеннаго правительственнаго механизма; самое правительство, какъ нѣчто цѣльное и единое, превратилось въ условную фикцію. Офицеры и солдаты не видѣли въ происходившемъ ни сознательной цѣли, ни опредѣленнаго смысла; они видѣли предъ собою массу лицъ, прибывшихъ на театръ войны исключительно для полученія крупныхъ прогоновъ и окладовъ, и расточительность въ раздачѣ этихъ казенныхъ суммъ, при скудости нашихъ народныхъ средствъ, должна производить на каждаго впечатлѣніе какой-то непонятной вакханаліи. Чтò же удивительнаго въ томъ, что при безотрадной картинѣ окружающей безтолковщины люди ищутъ иногда забвенія въ пьянствѣ и развратѣ? Причины общаго недуга лежатъ именно въ томъ элементарномъ неустройствѣ государства, котораго не понимаютъ иностранцы и которое съ такою ужасною отчетливостью выступаетъ на первый планъ въ тяжелую эпоху войны.

Въ послѣдніе мѣсяцы наша лже-патріотическая печать, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ, настойчиво требовала продолженія военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ и объявляла постыдными всякіе помыслы о возможномъ мирѣ. До мукденской катастрофы мы могли еще рассчитывать на приличныя условія мирнаго компромисса съ Японіею; но „нововременскіе“ патріоты жаждали дальнѣйшаго кровопролитія и дождались печальнаго разгрома нашей арміи, послѣ чего стали возлагать всѣ свои надежды на балтійскую эскадру адмирала Рожественскаго. „Новое Время“ упорно проповѣдывало необходимость дальнѣйшей войны во чтò бы то ни стало, обвиняя сторонниковъ

мира въ недостаткѣ патриотизма; газета умышленно поддерживала въ публикѣ несбыточныя иллюзіи относительно балтійской эскадры, превозносила грозное могущество ея и съ торжествомъ указывала на тревогу японцевъ, стараясь заранѣе объяснить великое значеніе русской побѣды на морѣ, — и въ результатѣ опять получилась катастрофа, конечно, гораздо болѣе важная по послѣдствіямъ, чѣмъ мукденская. „Новое Время“ говоритъ теперь о несчастьи, о цѣломъ рядѣ несчастій; но кто же являлся вдохновителемъ и виновникомъ этихъ несчастій, кто добивался ихъ для своихъ невѣдомыхъ цѣлей и расчетовъ? Любопытно, что во все время благополучнаго плаванія балтійской эскадры до вступленія ея въ Корейскій проливъ наши „патріоты“ говорили о ней такимъ тономъ, точно предпріятіе адмирала Рожественскаго есть ихъ личное дѣло, и успѣхъ нашего флота будетъ ихъ собственнымъ успѣхомъ; когда же случилась неудача, тѣ же патріоты тотчасъ же отреклись отъ солидарности съ дѣломъ балтійской эскадры и заговорили объ ея разгромѣ, какъ о чемъ-то очень печальномъ для страны, но лишенномъ спеціальнаго значенія для нихъ самихъ. Намъ кажется, что именно неудача балтійской эскадры даетъ поводъ къ возбужденію вопроса объ отвѣтственности тѣхъ, которые настаивали на отправленіи ея въ китайско-японскія воды и неустанно доказывали возможность или вѣроятность ея побѣды надъ флотомъ адмирала Того.

Многое въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ нашего морского вѣдомства остается столь же загадочнымъ, какъ и странное, переменчивое направленіе въ политикѣ другихъ вѣдомствъ. Можетъ быть, специалисты морского дѣла понимаютъ, почему мысль о посылкѣ балтійской эскадры возникла и была осуществлена не въ самомъ началѣ войны, послѣ первыхъ серьезныхъ неудачъ нашего тихоокеанскаго флота, а восемь мѣсяцевъ спустя, когда ожидалось уже паденіе Портъ-Артура и когда нашъ тихоокеанскій флотъ пересталъ даже существовать. Съ точки зрѣнія профановъ, въ силу простого здраваго смысла, было безусловно необходимо снарядить балтійскую эскадру для подкрѣпленія портъ-артурской тотчасъ послѣ первой опустошительной минной атаки японцевъ и послѣ гибели „Варяга“ и „Корейца“; толки о посылкѣ эскадры начались ужъ слишкомъ поздно, когда трудно было надѣяться на своевременное появленіе ея около нашей „твердыни Дальняго Востока“, а въ дѣйствительности она вышла въ море черезъ два мѣсяца послѣ окончательнаго разгрома всего нашего тихоокеанскаго флота, когда не было уже никакого разумнаго основанія посылать новую русскую эскадру на вѣрную гибель. Профаны полагали, что послѣ уничтоженія портъ-артурской эскадры слѣдовало немедленно вернуть балтійскій флотъ, въ виду явной недостаточности его для борьбы съ соединенными эскадрами адмирала Того; однако, балтій-

ская эскадра продолжала путь, и только съ большимъ трудомъ морское вѣдомство дало уговорить себя организовать дополнительную эскадру, которая и отправилась вдогонку за первую, подъ начальствомъ адмирала Небогатова. Обѣ эти эскадры въ совокупности были гораздо слабѣе японскаго военнаго флота, и хотя у насъ было преимущество въ количествѣ броненосцевъ, но зато японцы имѣли подавляющій перевѣсъ въ численности быстроходныхъ бронированныхъ крейсеровъ и крайне опасныхъ для насъ минныхъ судовъ,—не говоря уже о громадныхъ преимуществахъ, представляемыхъ близостью японскихъ гаваней.

Балтійская эскадра была послана въ далекое путешествіе при самыхъ трудныхъ условіяхъ, не имѣя нигдѣ пристанища, безъ надежнаго обезпеченія необходимыми запасами угля и провіанта, среди постоянныхъ опасностей вынужденнаго нарушенія чужого нейтралитета; въ началѣ пути она возстановила противъ насъ Англію и едва не вызвала войны своею стрѣльбою въ гульскія рыбацкія суда, похожія на миноносцы; потомъ, своимъ двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ водахъ Мадагаскара она возбудила сильное неудовольствіе Японіи противъ Франціи, нарушившей, будто бы, обязанности нейтралитета въ пользу Россіи; эти пререканія еще болѣе обострились, когда наша эскадра приблизилась къ французскому Индо-Китаю и пользовалась мѣстными бухтами и гаванями для снабженія углемъ и провіантомъ; японскіе дипломаты обращались съ формальными протестами въ парижскому кабинету, а японская печать грозила французамъ разрывомъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній. Вліятельная часть лондонской журналистики, съ газетою „Times“ во главѣ, поддерживала японскія притязанія и высказывалась въ довольно рѣшительномъ тонѣ противъ Франціи, вызывая этимъ общее удивленіе и недоумѣніе. Споры вращались главнымъ образомъ около вопроса о томъ, какія правила нейтралитета обязательны для французовъ—тѣ ли, которыя издавна усвоены Франціею и были также провозглашены ею при началѣ русско-японской войны, или болѣе суровыя, соотвѣтствующія интересамъ островныхъ государствъ и неуклонно примѣняемыя Англіею; первыя предполагаютъ нѣкоторый просторъ въ пользованіи нейтральными бухтами и портами, создавая такимъ образомъ необходимыя льготы для континентальныхъ державъ, владѣющихъ флотомъ, но не располагающихъ удобными для него стоянками въ разныхъ моряхъ и океанахъ; англійскія же начала, принятія и японцами, часто навязываются другимъ націямъ въ качествѣ, будто бы, обязательныхъ принциповъ международнаго права, хотя они построены на специальныхъ преимуществахъ морскихъ или, вѣрнѣе, островныхъ державъ, вродѣ Англій и Японіи. Французское правительство, оставаясь фор-

мально на своей всегдашней точкѣ зрѣнія, дѣлало, однако, нѣкоторыя фактическія уступки противникамъ и стало принимать мѣры для удаленія русскихъ военныхъ судовъ изъ предѣловъ франко-китайскихъ водъ, чѣмъ еще болѣе затруднялась крайне сложная задача правильного снабженія нашей эскадры нужными припасами. Раздраженіе японцевъ противъ Франціи усиливалось по мѣрѣ того, какъ росла тревога, возбужденная соединеніемъ обѣихъ русскихъ эскадръ, Роже-ственскаго и Небогатова, и совмѣстнымъ движеніемъ ихъ на сѣверъ, мимо Формозы, къ Корейскому проливу. Японія переживала критическіе дни уже потому, что ея торговая связя съ Китаемъ и Европою были временно прерваны, и что можно было опасаться перерыва сношеній съ Кореею и съ японскими войсками, находящимися въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ.

Весь культурный міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ сѣлаго предпріятія, которое, по общему мнѣнію, должно было рѣшить судьбу русско-японской войны. Наше правительство щедро тратило милліоны на покупку и наемъ многочисленныхъ торговыхъ пароходовъ всѣхъ національностей для доставки угля въ разные пункты, гдѣ предполагалась остановка русской эскадры. Телеграфныя агентства ежедневно сообщали, въ какомъ мѣстѣ проходила наша эскадра, гдѣ и какимъ иностраннымъ судномъ она была встрѣчена, и даже то, что говорили наши офицеры о дальнѣйшемъ маршрутѣ при бесѣдѣ съ экипажемъ задержаннаго судна,—хотя нескромности послѣдней категоріи представляются мало вѣроятными со стороны офицеровъ въ такой страшно-тяжелый переходный моментъ. Зато о мѣстопребываніи японскаго флота сохранялось полное молчаніе; газеты ничего не могли сообщить объ адмиралѣ Того и о разговорахъ его офицеровъ, а если сообщали иногда, то только въ видѣ сомнительныхъ предположеній, догадокъ и слуховъ. Многіе были почему-то увѣрены, что Того занялъ выжидательную позицію около Формозы или у Пескадорскихъ острововъ; другіе полагали, что онъ не рѣшится вступить въ бой въ открытомъ морѣ, въ виду возможнаго риска, и предпочтетъ пропустить эскадру до Владивостока, чтобы затѣмъ запереть ее и держать въ осадѣ по примѣру Портъ-Артура. Наконецъ, наступила роковая развязка. Въ субботу, 14 мая, адмиралъ Того со всѣмъ своимъ флотомъ находился у южнаго берега Кореи, въ Мозампо; русскія суда направились двумя колоннами по восточной части Корейскаго пролива, между островомъ Цусима и Японіею. Насколько можно судить по японскимъ и лондонскимъ телеграммамъ, русскіе не ожидали здѣсь нападенія; адмиралъ Того, получивъ извѣстіе о появленіи эскадры, тотчасъ же полнымъ ходомъ двинулся къ острову Цусима, обогнулъ его съ сѣвера и атаковалъ русскихъ всѣми своими силами; когда между судами произошелъ безпорядокъ, онъ сталъ тѣснить ихъ къ востоку,

по направленію къ японскому побережью, гдѣ они подверглись многочисленнымъ и настойчивымъ миннымъ атакамъ. По краткому, но выразительному донесенію адмирала Того, японскій флотъ напалъ на русскую эскадру къ юго-востоку отъ Цусимы и разбилъ ее, потопивъ по крайней мѣрѣ четыре русскихъ судна и причинивъ другимъ сильныя поврежденія; японскія же потери, будто бы, очень незначительны; послѣ захода солнца предпринять былъ рядъ атакъ японскими миноносцами и контръ-миноносцами.

Каковы бы ни были подробности происшедшаго боя и размѣры понесенныхъ потерь, печальный исходъ его не подлежитъ сомнѣнію. Послѣдняя ставка взята японцами, и игра для насъ окончательно проиграна. Но самое ужасное—то, что пораженіе балтійской эскадры предвидѣлось всѣми заранѣе, и что при данныхъ условіяхъ оно было совершенно неизбѣжно. Чтобы имѣть нѣкоторые шансы на побѣду, наша эскадра должна была быть не слабѣе, а въ полтора раза сильнѣе японскаго флота, чтобы уравновѣсить его матеріальныя и нравственныя преимущества, зависящія отъ близости къ роднымъ берегамъ и отъ твердой увѣренности въ успѣхѣ. Посылать на Дальній Востокъ, съ такими колоссальными трудностями и затратами, эскадру, завѣдомо гораздо менѣе значительную, чѣмъ японскій флотъ, и поручать ей преодоленіе соединенныхъ японскихъ эскадръ, руководимыхъ однимъ изъ лучшихъ и опытѣйшихъ въ мірѣ адмираловъ,—это была, можно сказать, непростительная фантазія, взлелѣянная лживымъ напыщеннымъ фразерствомъ и пустословіемъ нашихъ газетныхъ патріотовъ. Газеты такъ долго говорили о великой и грозной задачѣ балтійской эскадры, что наконецъ забыли о превосходствѣ силъ японскаго флота или уничтожали это превосходство простою ссылкой на помощь Божию и на Провидѣніе. Адмиралъ Рожественскій и подчиненные ему моряки, вѣроятно, исполнили свой долгъ по мѣрѣ силъ, въ предѣлахъ человеческой возможности; но, очевидно, они никакъ не могли надѣяться на дѣйствительный успѣхъ въ предстоявшей встрѣчѣ съ несравненно сильнѣйшимъ противникомъ, а рассчитывали лишь, въ лучшемъ случаѣ, добраться до Владивостока цѣною потери нѣкоторой части своей эскадры, безъ опредѣленныхъ видовъ на будущее. Нельзя было бы держаться долго ни въ Владивостокѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, противъ настойчиваго, располагающаго огромнымъ перевѣсомъ силъ непріятеля, и рано или поздно эскадра погибла бы подобно порть-артурской. Для чего повторяются эти мучительные безнадежныя опыты, результатъ которыхъ можетъ быть безошибочно опредѣленъ заранѣе? Кому нужны эти страшныя жертвы? Кто отвѣчаетъ за нихъ передъ государствомъ и народомъ? Еще за нѣсколько дней до катастрофы

„Новое Время“ называло „позорными“ и недопустимыми какіе бы то ни было толки о мирномъ соглашеніи съ Японіею,—точно также, какъ оно съ негодованіемъ возставало противъ мысли о мирѣ передъ мукденскимъ пораженіемъ;—что же теперь предложить наши фальшивые патріоты и куда еще поведутъ они несчастную Россію? Недавно еще они смѣло говорили отъ имени русскаго народа, отъ имени „истинно русскихъ людей“, самозванно приписывая массѣ русскаго общества свои особыя мнимыя чувства, намѣренія и стремленія;—могутъ ли они теперь сложить съ себя отвѣтственность за событія, явившіяся прямыми логическими слѣдствіями всей ихъ легкомысленной, неустанной ложно-патріотической агитаціи?

Конечно, возгласы патріотическихъ газетъ не имѣли бы сами по себѣ никакого значенія, еслибы дѣйствительное общественное и народное мнѣніе играло какую-нибудь роль въ ходѣ нашихъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ. Поощряемая патріотами бюрократія брала на себя слишкомъ много и какъ азартный игрокъ ставила на карту все международное положеніе Россіи, ея финансы, ея флотъ, ея армію, всѣ внутренніе интересы народа,—лишь бы сохранить за собою право самовластно распоряжаться средствами казны и избавиться отъ попытокъ общественнаго вмѣшательства и контроля. Бюрократія проиграла не свое достоинствіе, а національное достоинствіе Россіи и русскаго народа; невольно возникаетъ вопросъ о великой нравственной отвѣтственности тѣхъ, кто толкалъ нашу политику на этотъ пагубный путь. Трудно сказать, напримѣръ, почему адмиралъ Рожественскій взялся исполнить задачу, которую не могъ считать для себя разрѣшимую въ благоприятномъ смыслѣ; неизвѣстно также, съ какою цѣлью незадолго до послѣдней морской битвы посланъ на Дальній Востокъ адмиралъ Бирилевъ, въ качествѣ командующаго тихоокеанскимъ флотомъ, въ сопровожденіи значительнаго, дорого стоящаго штаба,—когда самая судьба этого флота представлялась еще сомнительною. Обиліе высшихъ начальниковъ съ крупными окладами безъ соотвѣтственныхъ обязанностей, при неизбѣжныхъ взаимныхъ пререканіяхъ и личныхъ счетахъ, составляетъ вообще характерную черту нашего современнаго бюрократическаго строя.

Наши эскадры въ Тихомъ океанѣ уже не существовали, а начальствующихъ адмираловъ онѣ имѣли, пожалуй, больше, чѣмъ весь японскій флотъ; не успѣлъ появиться въ Китайскомъ морѣ адмиралъ Рожественскій съ балтійскою эскадрою и съ нѣсколькими подчиненными адмиралами, какъ тотчасъ назначенъ былъ надъ ними еще одинъ общій командующій, которому придется поневолѣ засѣсть, подобно Скрыдлову, въ Владивостокѣ, по отсутствію русскаго „тихоокеанскаго флота“. Каждое такое назначеніе предполагаетъ щедрныя затраты казенныхъ средствъ, которыя легко нашли бы себѣ болѣе цѣлесообраз-

ное употребленіе, — тѣмъ болѣе, что новый начальникъ нерѣдко беретъ съ собою кандидатовъ на разныя мѣстныя должности, не нуждающіяся вовсе въ пришлыхъ замѣстителяхъ; и этотъ обычай крѣпко держится, потому что возможность распредѣлять значительныя денежныя оклады между своими пріятелями и фаворитами всегда будетъ предметомъ неодолимаго соблазна. Сверхъ адмираловъ, командующихъ несуществующими нынѣ эскадрами и уничтоженнымъ тихоокеанскимъ флотомъ, — не считая, конечно, тѣхъ, которые попали въ плѣнъ или сдались съ своими судами японцамъ, — остается еще надъ ними главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими силами въ Манчжуріи; наконецъ, сохранилась еще фиктивная, но крайне дорого оплачиваемая должность намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, управляющаго, будто бы, какими-то восточно-азиатскими или иными дѣлами изъ Петербурга. Словомъ, въ начальствующихъ лицахъ нѣтъ недостатка, и казенныя деньги разливаются широкою волною, безъ замѣтной пользы для дѣла, а часто даже съ великимъ для него ущербомъ. Давно уже чувствуется необходимость внести нѣкоторый порядокъ и контроль въ эту излюбленную финансовую сторону бюрократической машины.

Отвѣтственности за принимаемыя или предлагаемыя рѣшенія нѣтъ у насъ ни въ одной области правительственной дѣятельности, и этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ только надлежащею организаціею народнаго представительства. Ужасный конецъ эскадры Рождественскаго долженъ, наконецъ, образумить нашихъ фантазеровъ самовластиа и показать имъ ту пропасть, къ которой они вели Россію съ такою упорною — можно сказать, преступною — самонадѣянностью. Послѣ неисчислимыхъ бѣдствій, причиненныхъ намъ войною, мы вынуждены стремиться къ миру при самыхъ неблагоприятныхъ для этого обстоятельствахъ; намъ приходится признать за японцами положеніе побѣдителей, и нашъ долготерпѣливый народъ долго еще будетъ расплачиваться за губительныя затѣи и увлеченія бюрократин. Толки о мирѣ оживились теперь во всѣхъ политическихъ центрахъ культурнаго міра; роль посредника, повидимому, готовъ принять на себя президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Рузвельтъ, но на какихъ основаніяхъ могъ бы быть предложенъ миръ между Россіею и Японіею въ настоящее время, — объ этомъ никто не имѣетъ еще ни малѣйшихъ представленій. Одно только ясно, что переговоры о мирѣ не должны быть начаты отъ имени Россіи, прежде чѣмъ будетъ создано всероссійское представительное собраніе, которое одно только имѣетъ нравственное право и возможность ликвидировать тяжелое наслѣдіе, оставленное странѣ злополучнымъ режимомъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905 г.

I.

— Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?“ 2) Статьи по крестьянскому вопросу. (Современникъ 1857—1859 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1905.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій не принадлежитъ къ числу забытыхъ писателей. И до сихъ поръ могутъ быть важны и цѣнны его мнѣнія по вопросамъ публицистики, литературы, искусства; его имя пользуется большой извѣстностью также и въ области наукъ социальныхъ и политическихъ; его романъ „Что дѣлать?“, благодаря, такъ сказать, заботамъ цензуры, давно сдѣлался обязательнымъ этапомъ умственного развитія нашей молодежи, включившей въ беззаботныя строки студенческой пѣсни протестующія и мило-наивныя слова:

Выпьемъ мы за того,
Кто „Что дѣлать?“ писалъ,
За героя его,
За его идеалъ!

Теперь эти слова поются уже болѣе по традиціи, но попрежнему въ нихъ звучитъ еще молодой и драгоцѣнный идеализмъ, бодрая вѣра въ торжество свѣтлыхъ началъ жизни. А прежде къ нимъ присоединялось сознаніе гражданскаго и чуть не геройскаго подвига: лѣтъ 20—25 назадъ за нихъ можно было дорого поплатиться, и такъ еще недавно не только эта строфа казалась запрещенной, но нельзя было даже обратиться на панихиду по умершемъ писателѣ... Жестокое мы пережили время... мы говоримъ—пережили, а не переживаемъ,—

потому что правдивое выраженіе мысли о настоящемъ все еще находится подъ запретомъ, отъ котораго жизнь освобождается у насъ только въ историческомъ отдаленіи. Пройдетъ 10—15 лѣтъ, и люди такъ же будутъ говорить о „жестокости“ нашей эпохи, какъ мы говоримъ о политическихъ и общественныхъ нравахъ недавняго прошлаго,—и будутъ содргаться при воспоминаніи, какъ можно было существовать при переживаемыхъ нами стѣсненіяхъ личности, совѣсти, мысли. И много вдумчивости понадобится впоследствии, чтобы представить себѣ все общественное значеніе той побѣды, которую одержала сила мысли надъ затворами цензурнаго застѣнка, сдѣлавъ сочиненія замѣчательнаго публициста достоинствомъ тѣхъ, для которыхъ они и предназначались,—для общества и народа.

Мы имѣемъ возможность, безъ особыхъ стѣсненій, говорить о прошломъ, а Чернышевскій заговорилъ тогда о будущемъ—свободномъ, радостномъ, которое свяжетъ всѣхъ людей въ одинъ любящій союзъ наслажденія и труда,—и эти мечты его испугали многихъ. Писатель вѣрилъ въ это будущее и, заключенный въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, набрасывалъ трогательныя, показавшіяся утопическими, картины всеобщаго равенства, братства и свободы. „Трудно было людямъ только понять, что полезно,—они были въ свое время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными“... Все затрудненіе заключается въ томъ, что не всѣ люди понимаютъ, что имъ полезно, что нужно и важно для разумной, сознательной жизни. Нуженъ рациональный для всѣхъ обязательный трудъ, признаніе въ себѣ и другихъ одинаковыхъ правъ на счастье, отсутствіе насильно-создаваемыхъ авторитетовъ, съ неизмѣннымъ дѣленіемъ людей на господъ и рабовъ,—нужно равенство экономическое, социальное, правовое, нуженъ широкій просторъ наукѣ и просвѣщенію,—и у людей сама собой исчезнетъ почва для жестокости, насилія, борьбы, зависти. Наступятъ иные дни, радостные, свѣтлые; прежняя пустыня сдѣлается ареной, „вольной, просторной, дѣятельной жизни“. Жизнь—та же мастерская, которую съ такой любовной заботой устраиваетъ героиня романа, Вѣра Павловна. Устраиваетъ она медленно, проводить начало равноправности, справедливости, свободы, и труды ея не пропадаютъ даромъ. „Годы идутъ, и съ годами становится лучше, если жизнь идетъ какъ должна идти, какъ теперь идетъ у немногихъ, какъ будетъ когда-нибудь идти у всѣхъ“... Прозрачный и душевно-простой символизмъ романа развивается въ концѣ въ цѣлую поэтическую картину будущей жизни. Снятся Вѣрѣ Павловнѣ радужные, волшебные сны. Она среди людей счастливыхъ, довольныхъ, любящихъ, трудящихся и наслаждающихся. Роскошный пиръ, пѣнится въ стаканахъ вино, и ликующая толпа требуетъ пѣсень. „И встаетъ поэтъ. Чело и мысль

его озарены вдохновеніемъ, ему говорить свои тайны природа, ему раскрываетъ свой смыслъ исторія, и жизнь тысячелѣтій проносится въ его пѣснѣ рядомъ картинъ“.

Вѣра Павловна не можетъ придти въ себя отъ изумленія. И сестра „царицы“, воплощающей въ себѣ символъ гармоніи труда и наслажденія, раскрываетъ передъ ней путь, который предстоитъ пройти человѣчеству, прежде чѣмъ оно достигнетъ того идеала жизни, когда всѣ будутъ жить— „какъ кому лучше, на полной волѣ“. „То, что мы показали тебѣ,—слышите Вѣра Павловна,—не скоро будетъ въ полномъ своемъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смѣнитса много поколѣній прежде, чѣмъ вполне осуществится то, что ты предощущаешь. Нѣтъ, не много поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрее съ каждымъ годомъ, но все-таки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры; по крайней мѣрѣ ты видѣла его, ты знаешь будущее. Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести“.

Нѣкоторые писатели опредѣляли Чернышевскаго, по его воззрѣніямъ на жизнь, „соціалистомъ утопистомъ“, но это едва ли точно. „Что дѣлать?“—романъ тенденціозно-соціалистическій, въ высшемъ смыслѣ, но отнюдь не утопія. Подъ утопіей разумѣется нѣчто отдаленно-несбыточное, фантастическое, чему не суждено воплотиться на землѣ. Но развѣ мы имѣемъ поводъ думать, что основная тенденція его романа построена на эфемерныхъ началахъ? Если оставить въ сторонѣ нѣсколько идиллическій взглядъ на людей и нѣкоторыя подробности въ послѣднихъ картинахъ романа, то „выдумка“ автора окажется очень реальною по тѣмъ соотношеніямъ, въ которыхъ она находится съ его общими экономическими воззрѣніями, въ центрѣ которыхъ жило убѣжденіе, что орудія труда должны принадлежать производителю. И не стоять ли на пути къ достиженію его идеала ближайшія и уже готовые разрѣшиться такія соціальныя проблемы, какъ установленіе 8-ми-часового рабочаго дня, свобода союзовъ, всеобщее избирательное право, уничтоженіе сословій и т. д.

Люди не понимаютъ—казалось Чернышевскому—того, что имъ полезно въ жизни. Ихъ нужно научить, особенно русскихъ людей, чтобы поднять въ нихъ энергію труда, какъ необходимое условіе жажды иной, сознательно-радостной жизни. Эта мысль проходитъ и

въ его статьяхъ по крестьянскому вопросу, писанныхъ въ самое трудное время — кануна реформы (1857—1859 гг.).

„Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатцами. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческія обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, на примѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невгодамъ“. Обходя основныя причины, подавляющія энергію труда въ русскомъ народѣ, авторъ обращаетъ вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, — „сама обуславливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ“... Но съ другой стороны, не имѣя возможности опредѣленно назвать коренную причину, заключающуюся въ неудовлетворительной формѣ управленія страной, Чернышевскій являлся горячимъ защитникомъ духовной самодѣятельности народа: „Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ проникательные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благоприятствуютъ его осуществленію“. Стремленіе къ народному освобожденію придавало экономическимъ теоріямъ Чернышевскаго, въ которыхъ онъ являлся защитникомъ общественныхъ формъ производства, ярко политическій оттѣнокъ, который особенно характерно выражался въ его статьяхъ, посвященныхъ горячей защитѣ общиннаго землевладѣнія.

Мы только отмѣчаемъ появленіе названной книги, которая, не сомнѣнно, заслуживаетъ особой оцѣнки. Обращаясь собственно къ данному изданію, замѣтимъ, что оно представляетъ собою простую перепечатку текста, безъ какихъ бы то ни было поясненій и указаній, — послѣднія во многихъ случаяхъ положительно были бы необходимы для обширнаго круга читателей.

II.

— Сборникъ товарищества „Знаіе“ за 1904 годъ. Книга четвертая и пятая. Спб. 1905.

Въ четвертой книгѣ сборника останавливаютъ на себѣ вниманіе два произведенія: г. С. Гусева-Оренбургскаго — „Страна отцовъ“ и г. М. Горькаго — „Тюрьма“. Разсказъ г. Гусева-Оренбургскаго отличается идейной содержательностью и исполненъ живѣйшаго интереса современности. За эти качества, столь рѣдко встрѣчающіяся въ нашей текущей беллетристикѣ, читатели простятъ автору художественные недочеты разсказа, его нѣкоторую невыработанность, слишкомъ явно проступающую борьбу чисто публицистическихъ приемовъ съ требованиями художественной техники, борьбу, въ которой изображеніе слишкомъ, мѣстами, сбивается на изложеніе и ярко-субъективная окраска ослабляетъ впечатлѣніе картины. Г. Гусевъ — большой знатокъ провинціи и быта духовенства. Жизненно и мѣтко очертилъ онъ броженіе, созданное новыми экономическими условіями и охватившее всѣ стороны деревенской и вообще провинціальной жизни. Еще четверть вѣка назадъ житницкій уѣздъ, разсказываетъ онъ, считался богатѣйшимъ уѣздомъ... Склонный къ нѣкоторой идеализаціи и преувеличеніямъ, авторъ рисуеъ въ началѣ своей повѣсти чуть не обломовскую картину благополучія житницкихъ мужиковъ: даже грязь улицы казалась золотою грязью, — такъ густо въ ней было замѣшано зерно. Въ этомъ городѣ существовала и газета съ дешевенькимъ либерализмомъ, и щедринскаго типа цензоръ, но затѣмъ времена измѣнились: газета перешла въ купеческія руки, и городъ, а за нимъ и уѣздъ, изъ обывательскаго и мужицкаго, сдѣлался мало-по-малу „купецкимъ и арендательскимъ“. Появилась желѣзная дорога, электричество, элеваторъ, повзростали неуклюжіе купеческіе дома разныхъ Шаповаловыхъ, Стрижикозинныхъ, Широкозадовыхъ. „Но это даже не домъ! это цитадели російскаго капитализма, какъ паукъ жаднаго, но лишеннаго широты и фантазіи: они напоминаютъ крѣпости, въ которыхъ твердо засѣла новоявленная аристократія, полчище новыхъ аргонатовъ, смѣнившихъ прежнихъ рыцарей узаконеннаго разбоя и жадно цѣпкими руками рвущихъ на части все то же старое золотое руно“. Выработался новый типъ вчерашняго крестьянина, нынѣшняго кулака-богача, который подтянулъ къ себѣ своего рода черную сотню хищниковъ по натурѣ, и фарисейски добродушныхъ и степенныхъ людей по виду, — и мужицкое богатство, и земли станулись къ амба-

рамъ и конторамъ новыхъ дѣльцовъ. „Эти черныя сотни вышли на широкую арену бессознательнаго творчества исторіи и общими силами взяли за ея гигантское колесо, не подозревая, что колесо это вертится только въ одну сторону: къ ихъ фатальной гибели. Экономическая драма, въ которой они играли свою жестокую роль, разрослась въ драму социальную, въ великую драму пробуждающагося среди крови и слезъ сознанія вѣками угнетаемой личности“. Новый и неизбежный, съ точки зрѣнія автора, порядокъ вещей тяжело отражается на вѣковыхъ устояхъ народной жизни и вызываетъ въ ней новыя, невѣдомыя прежде темныя стороны. Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько моментовъ броженія, зародившагося въ крестьянской и общинной средѣ на почвѣ развитія капитализма, въ союзѣ съ административнымъ попустительствомъ, и новыхъ вѣяній, властно ворвавшихся въ патриархальный строй старыхъ убѣжденій и взглядовъ. Изображая картины мучительной борьбы, которая захватила не только народъ, но и наиболѣе устойчивыя семьи капиталистовъ и духовенства, авторъ шлетъ горячій привѣтъ молодымъ пробивающимся росткамъ и уже заранѣе торжествуетъ побѣду. „Было бы ужасно и страшно жить, — говоритъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ своей повѣсти, — еслибы новыя золотыя вѣянья не давали себя знать въ этой болотной, нищей духомъ глуши. Наступила новая эпоха, эпоха повального бѣгства дѣтей изъ клѣтокъ, устроенныхъ ихъ отцами. Этотъ „духъ бѣгства“ бродитъ по „зарѣчьямъ“ и „центрамъ“, по площадямъ и глухимъ улицамъ, не даетъ спать юнымъ, гордымъ сердцамъ, протягиваетъ имъ свою ширококостную, мозолистую, свою крѣпкую демократическую руку. Дѣтямъ не даетъ покоя иной рай, еще не размежеванный на участки, и уже глухая борьба отцовъ съ дѣтьми ведется всюду не такъ бесплодно, какъ прежде. Бѣдныя дѣвушки, плохо одѣтыя, бѣгающія на курсы по столицамъ, студенты въ вѣчныхъ курткахъ, часто высылаемые, возвращающіеся вновь, вся эта молодежь, подающая тысячи прошеній во всякія школы, гдѣ есть хоть десятокъ свободныхъ мѣстъ, втаптывая въ сырыхъ углахъ, живущая впроголодь, среди отчаянныхъ жизненныхъ невгодъ мечтающая о „социальныхъ переворотахъ“, о торжествѣ права и справедливости, — все это дѣти мѣщанъ, дѣти купцовъ, часто порвавшихъ съ родными, дѣти города Старомірска! Быть можетъ, тамъ, на ихъ новыхъ избранныхъ путяхъ, ихъ ждутъ новыя „клетки“... Но „духъ бѣгства“, какъ оздоровляющее начало, передается по наслѣдству, и ихъ дѣти и дѣти дѣтей ихъ уничтожать послѣднія перегородки, рѣшетки и заставы... Старый храмъ жизни далъ трещины, и въ нихъ смотрятъ милыя лица; безъ сожалѣнія разрушать они этотъ храмъ, весь безъ остатка. Въ запертыя двери стучатъ молодыя, здоровыя руки. Онѣ стучатъ, крѣпко

стучать... Вы отпнете имъ, тюремщики! Или прочь, съ трѣскомъ и громомъ, падуть запоры ваши и васъ смететь буря! Буря освобожденнаго духа! Бессильны вы угадать его, чувствуя свою близкую гибель... Онъ неугасимъ! Падуть подъ напоромъ его послѣдніе поружьные замки, лягутъ въ прахъ мистическія печати, свободный человѣкъ встанеть во весь ростъ свой, сбросить узы и будетъ вдыхать полною грудью воздухъ свободной, мировой безконечности". Въра въ близкую побѣду освободительныхъ силъ страны сообщаетъ особый и драгоценный въ наше время реально-идеалистическій оттѣнокъ произведенію г. Гусева, невольно сообщающійся читателю, уставшему отъ тревогъ и разочарованій наболѣвшей общественной мысли.

Разсказъ г. Горькаго „Тюрьма“ является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ лучшихъ произведеній послѣдняго времени. Онъ весь проникнутъ мягкимъ и грустнымъ лиризмомъ, созданъ глубокой и любящей мыслью и чувствомъ, которому знакомы высшее страданіе и скорбь; отъ него вѣетъ и какою-то усталостью отъ жизни, и бережно-заботливой думой о ней. Въ этомъ разсказѣ художникъ не ищетъ безуспѣшно человѣка между людей, но въ каждомъ человѣкѣ толпы старается угадать разумное Божье твореніе, только придавленное и обесиленное страшнымъ механизмомъ жизни. Здѣсь г. Горькій глубоко заглядываетъ въ человѣческую душу и открываетъ въ ней, чутьемъ удивительнаго художественнаго прозрѣнія, глубоко человѣчныя черты, разрушающія всякія вѣшнія преграды, создаваемыя искусственной и ложно понатою жизнью. Разсказъ г. Горькаго—простой задушевный разсказъ о томъ, какъ люди, во всѣхъ отношеніяхъ различные между собой: съ одной стороны тюремщики, а съ другой—студентъ, попавшій въ тюрьму, поняли, что они одинаково люди, и согрѣли душу другъ другу сочувствіемъ и безкорыстной довѣрчивой дружбой. Сюжетъ незатѣливъ: въ тюрьмѣ симпатичный, добрый студентъ, гордый готовностью жертвовать собой во имя хорошаго, праваго дѣла, соприкасается съ надзирателемъ, молодымъ, обиженнымъ жизнью человѣкомъ и старикомъ-сторожемъ, одичавшимъ въ своемъ душевномъ одиночествѣ. Ихъ потянуло къ ласковому и тихому студенту. Въ темнотѣ тюремнаго безмолвія, сквозь отверстіе въ двери, ведутъ они тихія долгія бесѣды о жизни, мудреной и сложной, о бесполезныхъ жертвахъ порабощенія и нужды, и между ними устанавливается простая, истинно-человѣческая связь, взаимно приносящая душевное удовлетвореніе и отраду. И глубокая примирительная нота проходитъ по всему разсказу, но примирительная въ смыслѣ не оправданія дѣйствительности, а болѣе вдумчиваго пониманія и сочувствія ко всякому страданію, въ комъ бы оно ни проявлялось. Жизнь представляется студенту Мишѣ жесткой и безпощадной,—она

не можетъ быть иномъ, не можетъ быть доброй и красивой, пока есть господа и рабы, пока власть не перестанетъ развращать владыкъ, а подчиненіе—рабовъ. И въ душѣ Миши поднимается протестъ противъ того уклада жизни, который допускаетъ и освящаетъ борьбу владыкъ и рабовъ. „Произвольно и несправедливо все это... Развѣ можно дѣлить людей на два лагеря?.. А, напримѣръ, я? Вѣдь, въ сущности я—не господинъ и... не рабъ!

„Мелькнувъ въ его душѣ, какъ искра, эта маленькая, хитрая мысль тотчасъ же уступила мѣсто большимъ, суровымъ, твердымъ мыслямъ. Онѣ ставили предъ юношей жалѣнное требованіе работы, долгой, трудной, незамѣтной—великой работы, полной непоколебимаго мужества, спокойнаго примиренія съ простой скромной ролью черно-рабочаго, который очищаетъ жизнь огнемъ своего ума и сердца отъ гнилого, ветхаго, уродливаго хлама предрасудковъ и предубѣжденія, авторитетовъ и привычекъ“... И рассказъ кончается признаніемъ великой и старой, какъ міръ, истины о томъ, что для того, кто освободилъ свой умъ изъ темницы предрасудковъ, для того тюрьма не существуетъ...

Рассказы пятаго выпуска ничѣмъ не отличаются отъ массы рассказовъ, пестрящихъ на страницахъ нашихъ журналовъ. Общее впечатлѣніе сѣренькое, скучное, замученное. Не говоря уже о г. М. Горькомъ, можно сказать и обо всѣхъ другихъ писателяхъ, составившихъ этотъ выпускъ. что ихъ произведенія здѣсь далеко не изъ лучшихъ. Г. Телешовъ („Черной ночью“) рассказываетъ, какъ Вася, „человѣкъ непутевый“, не то дурачокъ, не то простачокъ, истомившись скучной мертваго города, поджигаетъ домъ, отъ котораго загорается весь городъ,—и все это затѣмъ только, чтобы имѣть поводъ ударить въ набатъ, разбудить спящихъ людей, заставить ихъ двигаться, суетиться, жить. За этимъ неестественнымъ сюжетомъ читатель долженъ угадывать какую-то трагедію символическаго сплѣненія безумія съ образами тупой и мертвой неподвижности соннаго города, но вмѣсто впечатлѣнія трагедіи рассказъ производитъ впечатлѣніе скуки и вольныхъ или невольныхъ подражаній г. Андрееву съ его отличительной манерой изображать скрытыя основы жизни сквозъ призму „солнечнаго безумія“. „Впервые почувствовалъ онъ (Вася) въ самомъ себѣ жизнь. Точно туманъ, наполнявшій его голову и сердце, всколыхнулся, и сквозъ волокна его проглянуло солнце—настоящее солнце: яркая, огромная жизнь со всѣми ея радостями, страстями, съ горемъ и борьбою. Онъ впервые прозрѣлъ: онъ увидѣлъ людей, тѣхъ же людей, сонныхъ, вздорныхъ и вялыхъ“. Такъ пишетъ г. Телешовъ вслѣдъ за авторомъ „Василія Оивейскаго“, между тѣмъ какъ, судя по сборнику его рассказовъ, у него есть несомнѣнные данныя для самостоя-

тельнаго и вполне оригинальнаго творчества. Грубоватымъ бытовымъ реализмомъ отличается разсказъ г. Серафимовича „Заяцъ“. Безсильный, безпомощный и глупый мужикъ Антипъ садится на пароходъ, чтобы навѣстить умирающую жену, но на билетъ у него нѣтъ денегъ, и капитанъ отказывается спустить его на пристань у родной деревни и увозить его дальше, чтобы „проучить“ за безбилетность. На слѣдующихъ пристаняхъ повторяется то же самое, и несчастный Антипъ кончаетъ тѣмъ, что бросается въ воду и тонетъ. Опять, какъ видятъ читатели, трагическій „случай“, но и только: сердобольные люди побраняютъ жестокаго капитана и пожалѣютъ всѣхъ Антиповъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на покупку билета для поѣздки на родину, но едвали не признаютъ, что обстановка „случая“ слишкомъ ужъ исключительна и мало правдоподобна. Г. Серафимовичу нельзя отказывать въ наблюдательности и знаніи народнаго быта, но языкъ его требуетъ большой работы, что слѣдуетъ сказать вообще о техникахъ многихъ разсказовъ этого писателя. Среди другихъ произведеній съ интересомъ прочтется разсказъ г. Скитальца („Кандалы“), изображающій бытъ и нравы провинціального захолустья. Г. М. Горькій разсказываетъ исторію одной любви,—какъ дворникъ влюбился въ дочь профессора, „дѣвицу съ голубыми глазами и звонкимъ смѣхомъ, веселую, балованную, безпечную“, какъ она мучила его, и онъ съ отчаянія застрѣлился. Отъ разсказа вѣетъ безнадежной глубокой грустью, и читая его, кажется, что въ немъ идетъ рѣчь не о простомъ случаѣ, а о чемъ-то болѣе серьезномъ и общемъ, что въ конкретныхъ чертахъ разсказа нашло себѣ символическое выраженіе. „Спросите ихъ... вотъ я — работалъ на нихъ... чтобы имъ жилось удобнѣе и чище... за что же они изувѣчили меня? спросите ихъ“... Это были предсмертныя слова несчастнаго Платона, измучившагося въ пассивномъ протестѣ противъ сословныхъ преградъ, создавшихся благодаря ложнымъ условіямъ жизни. Авторъ разсказываетъ въ концѣ, какъ онъ нашелъ среди тетрадокъ со стихами бывшаго дворника листокъ съ слѣдующими, „полными юношескаго паэоса“ строками: „Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ, на вершину ея, и на все въ пути моею я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную“...

Въ этомъ же выпускѣ напечатана пьеса г. Е. Чирикова — „Иванъ Мироничъ“. Сюжетъ ея—сцены изъ быта провинціальныхъ педагоговъ, не лишенныя внѣшней занимательности и, мѣстами, комизма, но очень не глубока по идейному содержанію. Второе и третье дѣйствія могли бы отсутствовать съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ сущности они повторяютъ то, что уже было сказано въ первомъ дѣйствіи, и только безъ нужды растягиваютъ сюжетъ. Типъ Ивана Миронича, только-что

назначеннаго инспекторомъ изъ учителей шестиклассной гимназіи, самодовольнаго и характерно-провинціального педанта, задуманъ удачно, но авторъ, изображая его мѣткими и подчасъ тонкими штрихами, почти не поднимается до указанія общихъ условій, вызывающихъ появленіе подобнаго типа. Образы Вѣры Павловны и Ольги едва намѣчены; гораздо ярче бытовой типъ Любови Васильевны, „неугомонной хозяйки и подозрительной собственницы“ (?). Пьесъ г. Чирикова посчастливилось: ее поставилъ у себя на сценѣ московскій художественный театръ, проявившій свое обычное мастерство въ созданіи бытовыхъ ролей и обстановки. Пьеса стала неузнаваемо-живою въ исполненіи артистовъ этого театра, но и они не могли сообщить ей того, чего не было въ творческомъ замыслѣ драматурга: ѣдкости сатиры и возвышеннаго идейнаго подтема.

III.

— Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изданы подъ редакціей д. ч. Н. И. Веселовскаго, въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества по отдѣленію этнографіи“, томъ XXIX. Спб. 1904.

Потомокъ киргизскихъ хановъ и офицеръ русской арміи, Чоканъ Валихановъ, былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей своего народа. Въ области русской оріенталистики онъ занялъ выдающееся положеніе, и наука выразила въ немъ надежду на великихъ и важныхъ открытій въ дѣлѣ изслѣдованія тюркскихъ народовъ, но, къ сожалѣнію, онъ умеръ отъ чахотки, не достигнувъ и 30-лѣтняго возраста (1837—1865). Обладавшій обширными научными познаніями въ своей области и природными данными, облегчавшими ему глубокое пониманіе мѣстныхъ особенностей страны и народа, Валихановъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главной работой является описаніе путешествія въ Кашгаръ, даващаго важные результаты въ научномъ отношеніи. Это путешествіе было совершено въ 1857 году по порученію генераль-губернатора Западной Сибири и, будучи вызвано волненіями въ восточномъ Туркестанѣ, имѣло цѣлью негласное собраніе точныхъ свѣдѣній о странѣ. Подъ видомъ купца отправился Валихановъ, въ караванѣ, выполнять опасное порученіе, испыталъ въ пути много затрудненій и вернулся, едва избѣжавъ позорной смерти, такъ какъ вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Кашгаріи званіе его было обнаружено, и за нимъ уже была послана погоня, къ счастью, безрезультатная. Описаніе Кашгаріи и было его отчетомъ. Среди „Сочиненій“ находимъ рядъ статей Валиханова

(„Аблай“, „Слѣды шаманства у киргизовъ“, „Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные дослѣхи“, „Очерки Джунгаріи“ и др.), записку о судебной реформѣ у киргизъ сибирскаго вѣд. и нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ черновыхъ бумагъ автора. Въ статьѣ о шаманствѣ авторъ даетъ интересное опредѣленіе послѣдняго: оно—„съ одной стороны, есть почитаніе природы вообще и въ частности; человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ подъ вліяніемъ природы. Въ этомъ смыслѣ шаманство представляетъ крайній материализмъ. Съ другой стороны, умирая, человѣкъ самъ становится божествомъ—это крайній спиритуализмъ. Идея замѣчательна особенно потому, что не имѣетъ мнѳологическихъ заблужденій и даетъ полный просторъ общественнымъ условіямъ, общественнымъ законамъ“. Въ статьѣ о судебной реформѣ, настаивая на необходимости мѣропріятій, благожелательно-осторожныхъ и содѣйствующихъ нравственному и культурному развитію народа, Валихановъ такими словами характеризуетъ свой народъ, который (по мнѣнію автора, высказанному въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ) заслуживалъ бы большей заботливости со стороны русской администраціи. „Изо всѣхъ инородческихъ племенъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, первое мѣсто по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждамъ на развитіе въ будущемъ, принадлежитъ намъ, киргизамъ. Мы занимаемъ одну обширную сплошную территорію, между тѣмъ какъ другіе инородцы разбросаны среди русскаго населенія. Насъ считается въ русскомъ подданствѣ до 800 тысячъ, а съ не вѣрноподданными нашими соплеменниками мы превышаемъ миллионъ, тогда какъ всѣхъ татаръ въ Европейской Россіи, включая въ это число башкиръ, ногайцевъ и киргизъ Букеевской орды, полагается едва одинъ миллионъ. Вся, такъ называемая, средне-азиатская торговля Россіи есть ни болѣе, ни менѣе, какъ торговля наша: на долю Бухаріи, Кокана и другихъ странъ Центральной Азіи приходится весьма незначительная пропорція въ общемъ торговомъ балансѣ. Народъ нашъ, наконецъ, не въ такой степени дикъ и грубъ, какъ думаетъ объ немъ большинство русскихъ. Говоря серьезно, киргизскій народъ принадлежитъ къ числу наиболѣе миролюбивыхъ и, слѣдовательно, къ числу наименѣе дикихъ инородцевъ Русскаго царства. Въ этомъ отношеніи мы уступаемъ только бурятамъ, но и то потому, что буряты имѣли счастье принять самое гуманное и высокое ученіе—буддизмъ, а мы же имѣли несчастье подчиниться грубому исламу. Народъ нашъ имѣетъ богатую, нелишенную поэтическихъ достоинствъ, растительную литературу, болѣе близкую къ индогерманскому эпосу, чѣмъ къ восточнымъ произведеніямъ этого рода. Наконецъ, что всего важнѣе, формы нашего общественнаго развитія находятся въ самомъ безъискусственномъ періодѣ,

когда онѣ представляютъ наибольшую аналогію съ результатами высшаго культурнаго развитія. На этомъ фактѣ основаны всѣ наши надежды на будущее. Сверхъ того, мы, какъ потомки батыевскихъ татаръ, связаны съ русскими историческимъ и даже кровнымъ родствомъ. Судьба милліона людей, подающихъ несомнѣнныя надежды на гражданственнае развитіе, людей, которые считаютъ себя братьями русскихъ по отечеству и поступили въ русское подданство добровольно, кажется, заслуживаетъ большаго вниманія и большей попечительности въ такихъ рѣшительныхъ вопросахъ, которые формулируются въ шекспировское—быть или не быть. Отсутствие разумнаго самозащита и всякаго рода пассивность, по причинѣ неразвитости, обязываетъ начальство въ отношеніи насъ быть чрезвычайно внимательнымъ и крайне осторожнымъ“.

Характеристики Валиханова, сдѣланныя Г. Н. Потанинымъ и Ядринцевымъ, въ простыхъ и жизненныхъ чертахъ, ярко рисуютъ образъ Валиханова, этой, во всякомъ случаѣ, несомнѣнныя обыкновенной личности. Любопытно, что этотъ остроумный, блестящій офицеръ, пріобрѣтшій въ Петербургѣ всѣ привычки избалованнаго столичнаго dandy, въ концѣ концовъ вернулся въ аулъ, женился на киргизкѣ и прожилъ остальные дни въ степи, какъ истый киргизъ. Ядринцевъ отмѣчаетъ въ своемъ очеркѣ это бѣгство потомка дикаря, испившаго чашу цивилизаціи и словно испугавшагося ея. „Старая среда, привычки, привязанности, домъ, старое отечество, не отрываются отъ сердца легко. Чоканъ оставался любящимъ свой народъ, свое племя. Въ его мечтахъ было совмѣстить европейское просвѣщеніе и сохранить свою народность“.

IV.

— „Душа Японіи“. Японскіе романы, повѣсти, рассказы, баллады и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Н. Азбелева. Спб. 1905.

Книга г. Азбелева, составленная на основаніи европейскихъ источниковъ, служитъ интереснымъ дополненіемъ цѣлой серіи книгъ о Японіи, которыя появились въ послѣднее время на русскомъ языкѣ, ближайшимъ же образомъ она примыкаетъ къ „Исторіи японской литературы“ Астона. Въ обширномъ предисловіи г. Азбелевъ останавливается на вопросѣ, какія изъ японскихъ сочиненій могутъ быть наиболѣе интересны для европейскаго читателя, и даетъ сжатую характеристику основныхъ моментовъ развитія японской литературы. Въ связи съ этимъ составитель книги ставитъ себѣ цѣлью познако-

мить читателя съ тѣми наиболѣе извѣстными, въ европейскихъ переводахъ, произведеніями японской литературы, которыя не столько знамениты въ самой Японіи достоинствами языка и стиля, сколько знакомить его съ духовнымъ міромъ японца и въ изображеніяхъ картинъ общественнаго и семейнаго быта служатъ иллюстраціями этическихъ основъ его жизни. „Безъ всякаго сомнѣнія,—говоритъ составитель книги,—насъ должна интересовать ближе всего современная Японія—„европеизованная“, какъ умѣстно назвать ее, или Японія „эры Мейдан“, какъ называютъ ее сами японцы. Но такъ какъ сѣмена европейскаго вліянія могли дать тѣ или другіе ростки въ прямой зависимости отъ почвы, на какую упали, то мы должны ознакомиться и съ этою послѣдней,—иначе говоря, съ Японіей той эпохи, которая непосредственно предшествовала открытію страны для европейцевъ. Эта продолжительная эпоха (1603—1867 гг.) въ исторіи литературы называется *едосскимъ періодомъ*,—и къ нему относятся большая часть тѣхъ произведеній, которыя—полностью или въ отрывкахъ—напечатаны въ этой книгѣ въ русскомъ переводѣ“.

Заглавію своего труда г. Азбелевъ даетъ слѣдующее объясненіе: „Японскій профессоръ Инао Нитобе далъ своему сочиненію,—въ которомъ изложилъ этическія основанія жизни *самураевъ*, считающихся въ своемъ отечествѣ „строителями“ могущества его,—титულъ „Душа Японія“. Въ нашей книгѣ читатели найдутъ не мало такихъ произведеній японской литературы, герои которыхъ въ своемъ образѣ дѣйствій неуклонно руководствуются упомянутыми основаніями. Уже по одному этому мы считали себя въ правѣ дать и своему труду тотъ же титулъ. Однако, при данномъ содержаніи этой книги, послѣдній надо понимать шире, чѣмъ онъ долженъ быть истолкованъ въ примѣненіи къ сочиненію упомянутаго японскаго автора, такъ какъ собранныя въ ней произведенія рисуютъ духовный міръ не только лицъ одного сословія, которое имѣлъ онъ въ виду, а и представителей (мужчинъ и женщинъ) другихъ сословій японскаго народа“.

Произведенія японской литературы, предлагаемыя читателямъ въ этой книгѣ, чрезвычайно характерны и открываютъ въ „душѣ Японія“ черты весьма любопытныя. Изъ произведеній дореформеннаго періода одни изображаютъ этическую оцѣнку отношеній между вассалами и владѣльцами, князьями; другія написаны съ цѣлью способствовать утвержденію сыновняго благочестія среди молодежи;—и тѣ и другія являются живой иллюстраціей того, какое значеніе для японца имѣютъ нравственныя обязательства, налагаемыя лояльностью и сыновнимъ благочестіемъ. Цѣнность жизни—ничто передъ силой этихъ обязательствъ, и доблестный самурай предпочитаетъ смерть существованію, опозоренному неисполненіемъ даннаго слова. На этой почвѣ *харакири*

играетъ видную роль въ литературѣ едосскаго періода. Это *харакіри* или *сеттукү*, по объясненію профессора токійскаго университета Инао Нитобе, буквально обозначаетъ „разрѣзываніе желудка“. „Эта форма смерти,—говоритъ онъ,— была привилегіей ограниченнаго круга японцевъ-самураевъ—двумечниковъ. Иногда *сеттукү* было наказаніемъ, налагавшимся властью; иногда же оно могло быть наложено человѣкомъ на себя добровольно; иногда это была жертва (быть можетъ, я могу сказать, символическая?) жизнью за идею; иногда также—послѣднимъ убѣжищемъ, подъ защиту котораго укрывалась честь. Когда *харакіри* предписывалось, какъ наказаніе, то это было равносильно тому, что виновный сознаетъ свое собственное преступленіе; какъ будто бы онъ говорилъ: „я поступилъ ошибочно; я стыжусь передъ собственной своей совѣстью. Я наказываю себя своей собственной рукой, потому что я самъ осуждаю себя“. Если обвиняемый былъ невиненъ, онъ все-таки часто предпочиталъ совершить надъ собой *сеттукү*; и тогда онъ разсуждалъ такъ: „я невиненъ, и покажу вамъ свою душу, по которой вы можете судить меня сами“. Мучительность операціи принимается въ расчетъ въ томъ смыслѣ, чтобы смерть, которой можно достигнуть и безъ лишнихъ и долгихъ мученій,—не показалась трусливымъ „уходомъ отъ жизни“. Страданія, испытываемыя при совершеніи *харакіри*, являются мѣриломъ твердости, съ которой было принято рѣшеніе.

Вліянія европейской культуры не избѣгла ни одна отрасль японской литературы, кромѣ поэзіи. Литература эта обогатилась многочисленными темами о социальнѣхъ и семейнѣхъ вопросахъ, среди которыхъ женскій вопросъ является въ Японіи однимъ изъ важнѣйшихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ романовъ („Гана—дочь Японіи“), вышедшемъ въ прошломъ году въ англійскомъ переводѣ, изображаются событія, стоящія въ связи съ русско-японской войной. Русскій военноплѣнный, разсказывается здѣсь, готовъ выдать весьма важныя военныя тайны, если Гана, уже невѣста одного американца, согласится быть его женою. Дѣвушка „изъ патріотизма“ уже готова принести эту жертву, но американецъ самъ отправляется шпиономъ къ Портъ-Артуру, вывѣдываетъ, срисовываетъ планы и возвращается обратно къ невѣстѣ героямъ. Но—увы! русскій офицеръ сумѣлъ побѣдить сердце Ганы, и только дурное обращеніе его съ невѣстой, закончившееся трагической смертью, помѣшало ему сдѣлаться мужемъ Ганы. Послѣ его смерти, на дочери Японіи женится американецъ, но бракъ этотъ не приноситъ ей счастья, которое, послѣ смерти мужа, она находитъ въ союзѣ съ англичаниномъ... „Политическая аллегорія этого романа, говоритъ авторъ, понятна, и мы замѣтимъ только, что въ двѣнадцати томахъ его выведены сотни япон-

цевъ всевозможныхъ положеній и состояній; всѣ они надѣлены добродѣтелями и пороками, которые свойственны людямъ; но всѣ безъ исключенія—пламенные патриоты: „умереть за Японию“—идеаль величайшаго счастья для каждаго изъ нихъ. Несмотря на то, что романъ этотъ грѣшитъ—вѣроятно „по старой памяти“ о временахъ Бакина—нагроможденіемъ мало связанныхъ между собою приключеній, онъ все-таки читается съ интересомъ, давая представленіе о многихъ сторонахъ жизни современнаго японскаго общества“.

Относительно лирическихъ пѣсенъ авторъ приводитъ свидѣтельство одного изъ европейскихъ изслѣдователей о томъ, что пѣсни въ Японіи сопровождаютъ всякій трудъ, „позсія въ Японіи такъ же универсальна, какъ воздухъ“: каждый сочиняетъ стихи независимо отъ того, къ какому классу общества онъ принадлежитъ, — въ понятіе японскаго „джентльмена“ умѣнье писать стихи входитъ какъ необходимый элементъ. Ритмическія строчки, написанныя или выгравированныя на китайскомъ или японскомъ языкахъ на особыхъ табличкахъ мебели, утвари и т. д. „Можетъ быть, вы найдете дорогу въ какую-нибудь японскую хижину, — говоритъ Лавкадіо Гирнъ, — въ которой нѣтъ видимой позвін; можетъ быть, вы забредете, какъ случилось это со мною, — въ селеніе, столь бѣдное, что вы не достанете тамъ „ни за любовь, ни за деньги“ даже чашки настоящаго чая; но я не думаю, чтобы вы могли найти селеніе, въ которомъ никто не способенъ былъ бы составить поэму“.

Изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ японскихъ произведеній очень интересны—отрывки изъ современнаго японскаго романа „Нами-ко“ (имя героини), нѣкоторыя легенды и очень характерная японская лирическая драма: „Платье изъ перьевъ“.

V.

— Баронъ Н. В. Дризень. Матеріалы по исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Бахрушина. Москва. 1905.

Наша литература по исторіи театра еще очень бѣдна; матеріалы наваливаются въ изобиліи, въ связи съ ростомъ литературнаго и общественнаго самосознанія, но изслѣдователи берутся неохотно за эту сложную и не всегда благодарную работу. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить книгу, отмѣченную тщательнымъ изученіемъ предмета и живымъ интересомъ къ судьбамъ нашего театра. Работа бар. Дризена представляетъ собой рядъ очерковъ, которымъ онъ самъ не придаетъ значе-

нія цѣльнаго изслѣдованія, хотя они и находятся въ нѣкоторой связи между собой. Авторъ такъ излагаетъ исторію своей работы: „Шестилѣтняя работа въ архивахъ, тщательное изученіе печатныхъ памятниковъ родной старины, наблюденіе надъ современными теченіями театральнаго искусства, давали возможность автору изрѣдка останавливаться передъ отдѣльными моментами театральнаго прошлаго и писать о нихъ. Статьи печатались, иногда отмѣчались критикой, комментировались; автору невольно казалось, что трудъ его не пропасть даромъ, что приведенный въ выдержкахъ документъ пригодится не одному еще изслѣдователю, а забытый, но воскресшій въ памяти дѣятель въ правѣ рассчитывать на законное ему мѣсто въ исторіи“. Авторъ собралъ отдѣльныя статьи въ книгу, первую часть которой составили „очерки любительскаго театра“ (за сто лѣтъ нашей общественной жизни), вторую—„очерки драматической цензуры въ Россіи“ (опытъ спеціальной систематизаціи драматической цензуры въ Россіи), остальные главы посвящены біографическому матеріалу писателей и артистовъ, мелочамъ театральной старины и народному театру.

Очерки бар. Дризена читаются съ интересомъ и легко, если только можно примѣнить послѣднее слово къ тѣмъ страницамъ, гдѣ авторъ рассказываетъ объ обычныхъ „прелестяхъ“ нашей цензуры. Изображая нравы дореформеннаго дѣйствія послѣдней, авторъ дѣлаетъ въ концѣ слишкомъ рѣзкій переходъ и, говоря о пореформенной эпохѣ, впадаетъ въ нѣсколько преувеличенно-оптимистическій тонъ. Читатель знаетъ, что если „въ обращеніи съ печатнымъ словомъ наступала новая эра“, то весьма ненадолго, что „свобода выраженія мысли“ является и къ настоящее время *pium desiderium* русскаго писателя; едва-ли можно согласиться съ авторомъ и въ томъ отношеніи, что „сама цензура перестала быть чѣмъ-то вродѣ надзирателя исправительнаго отдѣленія, гдѣ прежде всего видятъ преступника, а потомъ человѣка“... но постановка монумента отходящей цензурѣ—дѣло будущаго, вѣроятно уже недалекаго, изъ прошлаго же авторъ вспоминаетъ удивительные факты. Извѣстно, какъ пострадалъ Полевой, осмѣлившійся писать о трагедіи Кузовника „Рука Всевышняго отечество спасла“ въ несомнѣнномъ холопскомъ тонѣ. Правительство видѣло себѣ оскорбленіе въ неодобрительныхъ отзывахъ объ игрѣ артистовъ, игравшихъ на казенной сценѣ и, слѣдовательно, состоявшихъ на государственной службѣ. Съ театральной хроникой въ газетахъ и въ то время дѣло обстояло неблагополучно, но давая свою во многомъ правдивую опѣнку тому, что въ его время писалось о театрѣ, знаменитый Гедеоновъ не догадывался, что корень зла лежалъ не въ усиленіи, а напротивъ, въ полной отмѣнѣ цензуры, въ предоставленіи права высказывать свои взгляды людямъ самыхъ различныхъ направленій. Будучи направлена

къ министру двора кн. Волконскому, оцѣнка современной театраль-ной хроники превращалась у Гедеонова въ огульный доносъ, имѣвшій своимъ слѣдствіемъ новыя репрессіи. „Я неоднократно,—писалъ Гедеоновъ,—имѣлъ честь докладывать вашей свѣтлости, что въ журналахъ статьи о театрахъ весьма рѣдко добросовѣстны, а по большей части наполнены пристрастія, несправедливости и даже злобы. Незнаніе искусства явно высказывается, словомъ, журналисты пишутъ о театрѣ не для пользы искусства, но для собственной выгоды, чтобы пополнить столбцы своего журнала и, возбуждая любопытство, увеличить число своихъ подписчиковъ, придерживаясь правила, что одна строчка злобой клеветы болѣе заманиваетъ, нежели цѣлыя страницы похвалъ“... Цензура, въ зависимости отъ разностороннихъ административныхъ воедѣйствій, не могла быть послѣдовательной и блуждала и путалась въ противорѣчіяхъ. „Свадьба Фигаро“ Бомарше была, напр., разрѣшена въ 1856 г. на французскомъ языкѣ и запрещена на русскомъ; охотно допускались на сцену лишь пьесы патриотическаго содержанія, причеиъ обсужденіе совершенно не касалось ихъ литературныхъ достоинствъ. Авторъ приводитъ заглавія нѣсколькихъ подобныхъ пьесъ: „За вѣру, царя и отечество“, „Формированіе стрѣлковаго полка императорской фамиліи“; была попытка провести даже такую пьесу, которая изображала „русское чувство по поводу репетиціи въ Петербургѣ драматическаго представленія—Морской праздникъ Севастополя“.

Въ отдѣлѣ „Къ біографіямъ писателей и артистовъ“ авторъ, по отношенію къ имп. Екатеринѣ II-й, не воспользовался академическимъ изданіемъ ея сочиненій, гдѣ собранъ большой и цѣнный матеріалъ по интересующему его вопросу, куда вошла и тѣ „замѣтки“, которыя онъ изучалъ по рукописямъ государственнаго архива. Во всякомъ случаѣ въ его статьѣ собраны любопытныя свѣдѣнія. Кроме этихъ очерковъ, въ книгѣ помѣщено нѣсколько мелкихъ приложений и указатели.—Евг. Л.

VI.

— Е. Д. Максимовъ. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣятельность городского самоуправления въ Россіи извѣстна намъ гораздо менѣе, нежели дѣятельность земства. Причины этого заключаются въ томъ, что земское самоуправленіе распространяется на гораздо болѣшую территорию и число жителей, нежели городское; что во главѣ земства находится наиболѣе образованное наше сословіе,

и что, по малой заинтересованности въ самоуправленіи послѣдняго, собственно, какъ сословія, руководство земскими дѣлами попадало весьма часто въ руки передовыхъ членовъ дворянства, стремившихся къ общественной дѣятельности по соображеніямъ принципіальнаго характера и изъ желанія принести пользу простому народу, котораго главнымъ образомъ и касались такъ называемые необязательные расходы земства. Земское самоуправленіе, поэтому, привлекало къ себѣ симпатіи и вниманіе общества; на земскую службу охотно поступали доброжелательные народу общественные элементы; дѣятельность многихъ земствъ приняла ярко-демократическій характеръ, и имъ было что разсказать о своихъ начинаніяхъ въ области организаціи народной медицины, народнаго образованія и экономическихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства. Городское самоуправленіе невыгодно отличалось отъ земскаго въ тотъ отношеніи, что въ немъ крайне недостаточно были представлены интеллигентные и низшіе классы населенія, и орудовавшая въ немъ кучка сильныхъ людей имѣла полную возможность пассивно относиться къ дѣлу или расходовать городскія средства преимущественно въ интересахъ высшихъ, а не низшихъ слоевъ городского населенія, въ пользу центра города, а не его окраинъ. Дѣятельность городского самоуправленія, за немногими исключеніями, мало интересовала, поэтому, общество; а его представители не только сами не стремились ознакомить публику съ ходомъ дѣлъ, но не всегда доброжелательно относились и къ чужимъ сообщеніямъ объ этихъ дѣлахъ. Дѣятельность городского самоуправления извѣстна намъ, поэтому, очень мало, а лица, издававшія книги по этому предмету (гг. Семеновъ, Шрейдеръ), должны были ограничиваться отдѣльными примѣрами, а не подведеніемъ итоговъ дѣятельности городскихъ учреждений.

Въ такомъ же положеніи оказался и авторъ труда, названнаго въ заголовкѣ этой замѣтки. Приступая къ описанію дѣятельности городовъ по призрѣнію бѣдныхъ, Е. Д. Максимовъ предупреждаетъ, что отрывочность, неполнота и безсистемность имѣющихся по этому вопросу фактическихъ данныхъ „вынуждаетъ пользоваться ими съ крайней осторожностью. Относительно перваго четырехлѣтія городской дѣятельности есть еще нѣкоторыя данныя въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, озаглавленномъ „Городская хроника“. Но о послѣдующихъ годахъ нѣтъ и такихъ изданій. Свѣдѣнія о нихъ приходится *вылавливать* то въ трудахъ нѣкоторыхъ комиссій (Кахановской, Грота и др.), то въ весьма немногочисленныхъ изданіяхъ городскихъ управленій“ (стр. 50). При такомъ положеніи литературы даннаго предмета, авторъ не могъ, конечно, брать на себя задачу сводной работы о помощи бѣднымъ въ городахъ; сводка могла быть имъ

сдѣлана лишь относительно расходовъ городскихъ средствъ, свѣдѣнія о которыхъ публикуются хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и относительно городскихъ благотворительныхъ заведеній; свѣдѣнія (устарѣлыя) о послѣднихъ собраны вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи. Въ описательной части своей работы, авторъ почти исключительно пользовался данными, касающимися Москвы, Петербурга и Риги. Это, кажется, впрочемъ, единственные города, гдѣ дѣло помощи бѣднымъ поставлено сколько-нибудь систематично и удовлетворительно. Мы не говоримъ, впрочемъ, о благотворительности въ европейскихъ городахъ, каковая совершенно не входила въ кругъ изслѣдованій г. Максимова. Недостатокъ матеріаловъ заставилъ автора отказаться отъ задачи полного описанія современнаго положенія дѣла помощи бѣднымъ въ городахъ; онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ рядъ свѣдѣній по вопросамъ о задачахъ, объемѣ и формѣ помощи нуждающимся, о специальной организации этого дѣла и о матеріальныхъ средствахъ, обеспечивающихъ данную дѣятельность городскихъ управленій (стр. 98). „Наши очерки (печатавшіеся ранѣе въ журналѣ „Трудовая помощь“),—говоритъ въ предисловіи авторъ,— намѣчаютъ въ общихъ чертахъ тотъ путь, по которому шли наши общественныя управленія въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, и тѣ общіе принципы, на которыхъ должна строиться ихъ дѣятельность на этомъ поприщѣ“. Принципы эти не могли быть, однако, прочно установлены на основаніи практики какихъ-нибудь трехъ-четыреухъ городовъ. Они могутъ быть безопасно рекомендуемы, потому что за нихъ стоитъ широкой опытъ западно-европейской жизни.

Формы и виды помощи нуждающимся сводятся къ „изслѣдованію положенія нуждающихся и изученію характера нужды и оказанія открытыхъ и закрытыхъ формъ помощи; къ развитію мѣръ предупредительной трудовой помощи трудоспособнымъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная съ упорядоченія посредничества по предоставленію работъ и заработковъ и кончая учрежденіемъ здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, просвѣтительныхъ учреждений, мѣръ взаимопомощи и муниципализаціей предпріятій, между прочимъ, съ цѣлью вліянія на рабочій рынокъ; къ устройству учреждений для непріютныхъ и находящихся въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ дѣтей, а затѣмъ и специальныхъ заведеній дѣтскаго призрѣнія; къ широкому развитію помощи нетрудоспособнымъ на дому и устройству для нихъ закрытыхъ заведеній“ (стр. 153). Широкое участіе въ организациіи помощи бѣднымъ должны принимать частныя лица. Основнымъ учрежденіемъ городскихъ общественныхъ управленій по призрѣнію бѣдныхъ должны быть участковыя о нихъ попечительства; слѣдующую инстанцію должны составлять собранія участковыхъ попечителей

и дѣятелей; а для объединенія дѣятельности городскихъ и другихъ мѣстныхъ благотворительныхъ заведеній полезно учреждать совѣты изъ представителей тѣхъ и другихъ. Средства для благотворительной дѣятельности должны состояться изъ ассигновокъ изъ общихъ городскихъ суммъ, изъ специальныхъ сборовъ, устанавливаемыхъ государствомъ, и изъ частныхъ пожертвованій.

Кромѣ свѣдѣній и соображеній, касающихся specialнаго предмета книги автора, Е. Д. Максимовъ посвятилъ одну главу своего труда болѣе общему вопросу городского самоуправления: расходамъ городовъ за время дѣйствія городского Положенія, на благотворительныя заведенія, учебныя, на медицину и другія общепользныя учрежденія. Въ началѣ дѣятельности городского самоуправления общая сумма перечисленныхъ расходовъ не превышала 2 миллионъ рублей; въ 1900 г. она повысилась почти до 26 милл. руб.; изъ нихъ 3 милл. руб. расходовалось на общественное призрѣніе, 11 милл. руб. на народное образованіе и 12 милл. руб. — на медицинскую, санитарную и ветеринарную части. Особенно быстрое движеніе расходовъ по перечисленнымъ статьямъ имѣло мѣсто въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ: съ 1897 по 1900 г. эти расходы съ 16 милл. руб. поднялись почти до 26 милл. руб., т.-е. увеличились на 10 милл. руб., или на 60%. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ расходы городовъ на благотворительность, медицину и народное образованіе удвоились.

VII.

— Ф. И. Карповъ. Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I-я, фактическая. Спб. 1905.

Въ настоящее время, когда рабочее движеніе такъ широко распространилось въ нашемъ отечествѣ, и отовсюду мы только и слышимъ, что о стачкахъ и попыткахъ регулированія различныхъ сторонъ фабричнаго быта путемъ соглашенія рабочихъ и хозяевъ, немаловажное практическое значеніе имѣла бы доступная для пользования рабочихъ справочная книга о томъ, что достигнуто въ этомъ отношеніи въ передовыхъ государствахъ путемъ законодательнаго вмѣшательства и дѣятельности рабочихъ организацій. Нѣчто вродѣ справочнаго изданія по вопросу о законодательной охранѣ труда представляетъ указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки небольшая книжка Ф. И. Карпова. Въ ней въ очень сжатомъ видѣ, но съ указаніемъ и главнѣйшихъ историческихъ датъ, приведены постановленія закона различныхъ культурныхъ государствъ относительно охраны работаю-

щихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ дѣтей и женщинъ, рабочаго времени мужчинъ, договорныхъ отношеній нанимателей и нанимающихся, относительно охраны жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, законодательныя мѣры объ увѣчныхъ, больныхъ и старыхъ рабочихъ и, наконецъ, описана организація фабричной инспекціи и судовъ для разбора споровъ между фабрикантами и рабочими. Всего ранѣе европейскія правительства начали регламентировать примѣненіе на фабрикахъ дѣтскаго труда. Первые постановленія этого рода относятся еще къ концу XVIII-го вѣка; а широкое распространеніе въ европейскихъ государствахъ соотвѣтствующія постановленія получили въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, и въ настоящее время „нѣтъ цивилизованной страны, гдѣ бы не былъ ограниченъ специально трудъ дѣтей, и наибольшее число законоположеній относится именно къ нему“. Уже значительно позже появилась и особенно получила всеобщее распространеніе законодательная охрана работающих на заводахъ и фабрикахъ женщинъ. Первые законодательныя постановленія этого рода въ Англіи изданы были въ 40-хъ годахъ, а въ другихъ европейскихъ государствахъ женскій трудъ сдѣлался предметомъ законодательной охраны лишь въ 70-хъ, 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія и даже позже. Число постановленій здѣсь нѣсколько меньше, чѣмъ для дѣтей; но „въ настоящее время нѣтъ почти странъ, не охраняющихъ специально женщинъ“. Всего менѣе, какъ и слѣдовало ожидать, законодательство останавливается на регламентаціи фабричнаго труда взрослыхъ мужчинъ; но въ этой области, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ государствахъ, очень многое достигнуто путемъ организованной борьбы съ хозяевами самихъ рабочихъ. Указанныя постановленія касаются собственно фабрично-заводскихъ рабочихъ и очень недостаточно распространяются пока, съ одной стороны, на болѣе интеллигентныхъ тружениковъ фабричныхъ предпріятій, съ другой—на прислугу фабрикъ и трудъ чернорабочій—подсобный къ труду производительному, въ узкомъ смыслѣ слова. Мало еще распространены и законодательныя ограниченія труда въ предпріятіяхъ, не принадлежащихъ къ категоріи фабрично-заводскихъ.—Законодательная охрана труда касается, съ одной стороны, продолжительности рабочаго дня и нѣкоторыхъ условій работы, съ другой — обстановки труда, имѣющей вліяніе на жизнь, здоровье и частью нравственность работающих. Очень поздно явилось специальное законодательство относительно гражданской отвѣтственности предпринимателей въ несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. „Въ началѣ XIX вѣка отвѣтственность эта сильно затруднялась существованіемъ въ обществѣ гражданскомъ правѣ всѣхъ государствъ положенія о необходимости самому потерпѣвшему доказать суду участіе вины владѣльца“. Первая

брешь въ этой преградѣ на пути обезпеченія рабочаго, серьезно пострадавшаго при работѣ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, пробита была изданіемъ специальныхъ на этотъ счетъ законовъ для предпріятій желѣзнодорожныхъ, а теперь почти всюду рабочій избавленъ отъ необходимости доказывать, въ случаѣ несчастія, отсутствіе съ его стороны умысла или неосторожности, а въ нѣкоторыхъ государствахъ на предпринимателей возлагается даже обязанность страховать своихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ. Вѣнцомъ законодательнаго покровительства рабочаго класса является въ настоящее время обязательное страхованіе рабочихъ не только отъ несчастныхъ случаевъ, но и отъ болѣзни и старости. Обязательное страхованіе болѣзни въ Европѣ существуетъ лишь въ Германіи и Австро-Венгріи, обязательное страхованіе старости—въ Германіи и Даніи. Первое страхованіе построено на взносахъ со стороны фабрикантовъ и рабочихъ; во второмъ страхованіи существуютъ и приплаты со стороны государства.

Илагая законодательныя постановленія по вышперечисленнымъ предметамъ, г. Карповъ, кромѣ европейскихъ государствъ, упоминаетъ о сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, но игнорируетъ (исключая одного вопроса) англійскія колоніи, между тѣмъ какъ фабричное законодательство, напр., Новой Зеландіи представляетъ большой интересъ. Достаточно, напр., сказать, что, согласно закону 1894 г., каждый предприниматель и рабочая организація изъ 7 членовъ и болѣе имѣютъ право обращаться къ специальному суду съ просьбой рассмотреть и постановить свое рѣшеніе по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ продолжительность въ данномъ предпріятіи рабочаго дня, высота заработной платы и т. п. Рѣшеніе суда обязательно для обѣихъ сторонъ, и судъ имѣетъ даже право распространить свое рѣшеніе по частному дѣлу на всѣ предпріятія той же отрасли промышленности въ данномъ районѣ. Такія постановленія закона оказались настолько удачными, что послѣ его изданія стачки въ Новой Зеландіи почти прекратились: зачѣмъ прибѣгать къ такому разорительному средству установленія желательныхъ для рабочихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, когда рабочимъ открыта возможность удовлетворенія ихъ справедливыхъ требованій рѣшеніемъ безпристрастнаго судебного трибунала! Желательно, чтобы этотъ и нѣкоторые другіе пропуски были пополнены во второй критической части работы г. Карпова, въ которой авторъ обѣщаетъ оживить, объединить и дополнить положенія первой части „какъ фактически, такъ и со стороны соціально-экономической и исторической“.

VIII.

— Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Томъ II. Теорія капиталистическаго развитія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. А. Курчинскаго. Москва. 1905. Ц. 2 рубля.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ была рѣчь о русскомъ переводѣ перваго тома сочиненія извѣстнаго профессора бреславльскаго университета, Зомбарта, посвященнаго современному капитализму; нынѣ появился второй томъ этого сочиненія, далеко еще не законченнаго въ подлинникѣ. Трудъ проф. Зомбарта выходитъ на русскомъ языкѣ въ двухъ изданіяхъ: Горшкова, подъ редакціей Курчинскаго, и Скирмунта, подъ редакціей Базарова. Задача этого обширнаго труда состоитъ въ томъ, „чтобы вручить читателю руководящую нить, которая облегчила бы ему путь (!) черезъ лабиринтъ“ капиталистической эпохи хозяйственнаго развитія. Для достиженія этой цѣли авторъ дѣлаетъ попытку „прослѣдить развитіе капиталистической хозяйственной системы отъ самыхъ ея зачатковъ вплоть до современности, раскрыть собственныя законныя ея движенія и выяснитъ законность ея перехода въ грядущую“ общественно-соціалистическую эпоху хозяйства, законность не съ телеологической, а съ причинной точки зрѣнія. Вышедшіе въ свѣтъ и переведенные на русскій языкъ, первые два тома сочиненія, „представляющіе законченное цѣлое, доводятъ изслѣдованіе до того момента, когда капиталистическая система достигла полной побѣды надъ различными видами докапиталистическаго хозяйства, занявъ, благодаря этому, могущественное положеніе, доставившее ей господство надъ всей хозяйственной жизнью“. Первый томъ труда Зомбарта посвященъ характеристикѣ ремесленной хозяйственной эпохи и разсмотрѣнію того, какъ на почвѣ даннаго строя зародился капитализмъ, образовалось то, что авторъ называетъ субъективными предпосылками капиталистическаго строя: накопленіе въ отдѣльныхъ рукахъ капитала въ формѣ денежныхъ средствъ, оборотъ которыхъ и составляетъ сущность капиталистическаго хозяйства, и развитіе капиталистическаго духа, т.-е. стремленія употреблять собирающіяся въ отдѣльныхъ рукахъ денежные средства не на цѣли личнаго потребленія (какъ это было въ предшествовавшую эпоху), а для наживы, для полученія прибыли. Въ этой части своего изслѣдованія авторъ оперируетъ въ области чистаго эмпиризма и изображаетъ историческіе факты „въ ихъ эмпирически случайномъ видѣ“ (т. I, стр. 406), такъ какъ самъ капитализмъ, по мнѣнію автора, былъ явленіемъ случайнымъ и при другой комбинаціи историческихъ

явленій средневѣковая Европа „кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ“ (т. I, стр. 367). Но для осуществленія развитого капитализма нужна была наличность не однихъ субъективныхъ, а и извѣстныхъ объективныхъ условій,—условій, которыя доставили бы капиталистическому предпринимателю „возможность вступленія съ третьими лицами въ договорное соглашеніе, соотвѣтствующее его потребностямъ. Условія эти—формальнаго и матеріальнаго характера“. Формальныя условія заключаются въ опредѣленномъ правовомъ порядкѣ, допускающемъ юридическія отношенія „желательныя съ точки зрѣнія самой сущности капиталистическаго предпріятія“ (т. I, стр. 219). Условія матеріальнаго характера заключаются въ наличности населенія, готоваго продавать свою рабочую силу—съ одной стороны, и покупателей продуктовъ капиталистическаго производства—съ другой. Ислѣдованіе происхожденія этихъ объективныхъ предпосылокъ капитализма выходитъ уже изъ области чисто эмпирической. Условія эти въ значительной мѣрѣ образуются при посредствѣ самаго капитализма, образуются неизбежно—разъ только историческіе факты „въ ихъ эмпирически-случайномъ видѣ“ дали возможность возникнуть капитализму и его субъективнымъ предпосылкамъ. Происхожденіе этихъ условій должно поэтому разсматриваться не „съ точки зрѣнія случайности“, какъ разсматривался вопросъ о генезисѣ „субъекта капиталистическаго хозяйства или хозяйственнаго принципа“, а „съ точки зрѣнія закономерности; послѣдній способъ изслѣдованія мы называемъ теоріей. Согласно этому, ученіе о возникновеніи объективныхъ условій капиталистической формы хозяйства относится, конечно, къ теоретической, а не къ генетической части этого сочиненія“ (т. I, стр. 407). Теоріи же капиталистическаго развитія посвященъ второй томъ сочиненія Зомбарта. Такими соображеніями авторъ пытается объяснить указанную въ первой нашей замѣткѣ непослѣдовательность въ ходѣ мысли при изложеніи генезиса капитализма. Показавъ въ первомъ томѣ, какъ произошли субъективныя предпосылки послѣдняго, онъ прерываетъ нить изложенія и, вмѣсто ожидаемаго объясненія происхожденія объективныхъ условій капитализма, переходитъ къ подробному фактическому описанію первыхъ шаговъ промышленнаго капитализма, преимущественно по даннымъ Германіи, касающимся середины истекшаго столѣтія. Этимъ заканчивается первый томъ обширнаго труда Зомбарта.

Второй томъ этого труда посвященъ, какъ сказано, теоріи капиталистическаго развитія, т.-е. объясненію того, какимъ образомъ капитализмъ овладѣлъ сферой промышленнаго производства или, говоря иначе, оказался побѣдителемъ въ борьбѣ съ ремесломъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ двѣ сферы явленій. Одна сфера—гѣ преобразованія

хозяйственной жизни, которая достигается капитализмом въ его интересахъ, т.-е. которая „столько же содѣйствовали бы его интересамъ, сколько вредили бы ремеслу“ (т. II, стр. 26).

Вторая сфера явленій—тѣ тактическіе приемы, которыми пользовался капитализмъ для того, чтобы—на почвѣ новыхъ, создаваемыхъ имъ условій хозяйственной жизни—одержать побѣду надъ своимъ противникомъ,—тактическіе приемы, при помощи которыхъ „капитализмъ неизбѣжно одерживаетъ побѣду въ томъ случаѣ, когда дѣйствуютъ указанныя условія производства и до тѣхъ поръ, пока они находятся въ наличности“ (т. II, стр. 440). Что касается первой области явленій—Зомбартъ прежде всего кратко останавливается на трехъ устояхъ создаваемого капитализмомъ новаго базиса, служащаго для послѣдующихъ преобразованій. Эти устои: новое право, новая техника и новый „стиль“ хозяйственной жизни. Новое хозяйственное право, обеспечивающее столь важную для капитализма свободу промышленной дѣятельности, очерчено авторомъ весьма кратко. Общій смыслъ новой техники авторъ видитъ въ томъ, что она уменьшаетъ нашу зависимость отъ природы и всякихъ случайностей: зависимость отъ опредѣленнаго мѣста, времени и „отъ организующаго процесса природы“. Этими послѣднимъ выраженіемъ авторъ формулируетъ растущую способность человѣка пользоваться неорганизованной матеріей въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ ранѣе нельзя было обойтись безъ предметовъ органическаго міра. „Прежнее время было по преимуществу періодомъ господства дерева, животнаго и растительнаго царства; наше время является эпохой камня, стекла и желѣза. Это—одно изъ крупнѣйшихъ измѣненій, испытанныхъ современной техникой“ (стр. 45). Въ главѣ о новомъ стилѣ экономической жизни авторъ кратко характеризуетъ нѣкоторыя тенденціи капиталистическаго хозяйства, подробно разсмотрѣніе которыхъ составитъ содержаніе дальнѣйшихъ томовъ его труда. Тенденціи эти вытекаютъ изъ техническихъ изобрѣтеній, которыя, рассматриваемыя вообще, характеризовались выше, какъ ведущія къ уменьшенію зависимости человѣка отъ природы, а на почвѣ стремленія капиталистовъ къ наживѣ—приводятъ къ ускоренію темпа производства и транспорта. Въ томъ же направленіи измѣняются затѣмъ и организаціи для производства и транспорта; ускоряются обороты почты, вводятся телеграфы и телефоны, преобразуются торговля и кредитъ. Это ускореніе темпа хозяйственной жизни, вмѣстѣ съ побѣдой техники надъ матеріей, временемъ и пространствомъ, дѣйствуютъ опредѣленнымъ образомъ „на общій складъ современной культуры, на стиль жизни“. Не останавливаясь на всѣхъ проявленіяхъ этого вліянія, отмѣтимъ лишь „возрастающую потребность все большей группы людей въ ускоренномъ темпѣ жизни, т.-е.

въ болѣ сильной концентраціи какъ впечатлѣній, такъ и проявленій чувства и воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ большемъ расходѣ энергій за опредѣленный промежутокъ времени“. Ускореніе темпа жизни приводитъ къ быстрому переутомленію и пресыщенію, требующимъ перемѣнъ ради возбуждательныхъ моментовъ. Отсюда возникаетъ „страсть къ новшествамъ“, сначала простирающаяся „только на міръ матеріальныхъ благъ, но затѣмъ скоро и на область идеальныхъ интересовъ: наши философскія системы, художественные стили и литературныя направленія мѣняются теперь почти такъ же часто, какъ наша мода на галстуки и шляпы. Но все это отходитъ на задній планъ сравнительно съ тѣмъ революціоннымъ дѣйствіемъ, какое капиталистическое хозяйство оказываетъ на социальныя классовыя отношенія. Послѣднія ежедневно представляются въ новомъ видѣ нашему глазу, оттого ли, что возникаютъ новыя классы или что составъ каждой социальной группы тоже подверженъ постоянному измѣненію“. „Прежде люди по три вѣка были владѣльцами замковъ или ткачами; теперь каждый теачъ можетъ стать владѣльцемъ 'замка“, приводитъ Зомбартъ слова Fontane. „Кто понялъ ихъ смыслъ, тотъ обладаетъ ключомъ внутренняго своеобразія нашего времени и можетъ проникновеннымъ взглядомъ слѣдить за процессами преобразованія въ отдѣльныхъ областяхъ социальной жизни“ (II, 86).

Послѣ этого Зомбартъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, какъ капитализмъ преобразовалъ различныя стороны хозяйственной жизни, причѣмъ описываетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы капитализмъ былъ единственной преобразующей силой. Такъ, что касается развитія сельскаго хозяйства какой-либо страны, таковое—по утверженію Зомбарта—начинается при условіи, когда промышленное развитіе другихъ странъ отерываетъ рынокъ для сбыта его продуктовъ; но прочное основаніе для интенсификаціи сельское хозяйство получаетъ въ развитіи промышленнаго капитализма въ своей собственной странѣ. Соответственно сказанному и „истинный расцвѣтъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства начинается только съ распространенія въ Германіи промышленнаго капитализма, т.-е., собственно говоря, съ половины прошлаго столѣтія“ (стр. 94). Въ этомъ утверженіи нельзя не видѣть очевиднаго преувеличенія. Такъ, одинъ изъ авторитетовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, профессоръ боннскаго университета, Гольцъ, называя время 1850—75 гг. самымъ счастливымъ періодомъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе говоритъ, что въ теченіе 1800—1850 гг. это хозяйство „ушло впередъ дальше, чѣмъ за все предшествующее тысячелѣтіе“. Эти успѣхи тѣмъ замѣчательнѣе, что цѣны на сельско-хозяйственные продукты въ періодъ 1820—40 гг.—въ противность тому, что было послѣ 50-хъ годовъ—стояли

на необычайно низкомъ уровнѣ ¹⁾. Зомбартъ описываетъ измѣненія сельскаго хозяйства въ Германіи за послѣднее время и вліяніе этого измѣненія на сельское населеніе, которое „отрывается отъ земли, мобилизуется, превращается какъ бы въ своего рода летучій песокъ“ и становится подходящимъ матеріаломъ для образованія городовъ. То же самое происходило и въ другихъ государствахъ. Затѣмъ Зомбартъ переходитъ къ изученію положенія города „въ системѣ капитализма“ (стр. 197). Онъ останавливается здѣсь на причинахъ образованія и развитія городовъ, на стремленіи сельскаго населенія въ города и на образованіи поземельной ренты въ городахъ. Послѣ того авторъ подробно изслѣдуетъ вліяніе капитализма на развитіе спроса товаровъ и на организацію сбыта послѣднихъ, и этимъ заканчиваетъ „обзоръ тѣхъ условій, которыя должны быть выполнены, чтобы промышленный капитализмъ могъ овладѣть до-капиталистическими формами хозяйственной жизни. Это было не что иное, какъ революціонированіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній“ (стр. 429). Движущей силой въ этомъ преобразованіи было стремленіе капитала къ прибыли, представляющее вообще „первопричину или конечную движущую силу современнаго хозяйственнаго развитія“. Послѣдній отдѣлъ второго тома „Современнаго капитализма“ разсматриваетъ тактическіе приемы капитализма и показываетъ, почему „при такого рода измѣненныхъ условіяхъ существованія за промышленнымъ капитализмомъ должна была остаться побѣда въ борьбѣ его съ ремесломъ. Доказать это есть не что иное, какъ написать теорію промышленной конкуренціи“. Въ этотъ, казалось бы, наилучше разработанный отдѣлъ экономической науки Зомбартъ внесъ, какъ и въ прочія части своего труда, много новыхъ разъясненій и соображеній.

Особенный интересъ имѣетъ отдѣлъ о потребленіи въ „Современномъ капитализмѣ“. Въ обычныхъ курсахъ политической экономіи этотъ отдѣлъ характеризуется скудостью содержанія, между тѣмъ какъ безъ разрѣшенія вопроса объ эволюціи потребленія невозможно и пониманіе современнаго капитализма. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе капитализма сопровождается огромнымъ повышеніемъ производительности труда, открывающимъ возможность осуществленія идеальной цѣли прогресса: сократить затрату физическаго труда человѣка и дать возможность полнаго и многосторонняго развитія его духовной природы. Но вмѣстѣ съ ростомъ производительности наблюдается и другая тенденція капитализма: удлинять, а не сокращать рабочій день; и ограниченіе этой тенденціи достигается лишь путемъ упорной борьбы съ предпринимателями рабочихъ союзовъ и законодательства. Распредѣ-

¹⁾ Аграрный вопросъ и аграрная политика, стр. 60.

леніе продуктовъ этой быстро растущей производительности сохраняетъ прежнюю неравномѣрность, и покупательныя средства трудящагося населенія растутъ далеко не съ тою быстротою, съ какою развивается производительность ихъ труда. Прибыль капиталистовъ тоже не можетъ обращаться на приобрѣтеніе товаровъ въ размѣрахъ возможнаго развитія потребностей ихъ обладателей, потому что условія конкуренціи побуждаютъ предпринимателей обращать возможно большую часть своихъ доходовъ на расширеніе производства съ цѣлью удешевленія товаровъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ непримиримое, казалось бы, противорѣчіе между тенденціей капиталистическаго производства къ безграничному и прогрессивно ускоряющемуся увеличенію выбрасываемыхъ на рынокъ товаровъ и—спросомъ общества на предметы потребленія, ограничиваемымъ съ одной стороны имѣющими, повидимому, свои предѣлы потребностями физической природы человѣка, съ другой—сосредоточеніемъ продуктовъ быстро растущаго производства въ рукахъ небольшой кучки лицъ. Проявленіе этого противорѣчія мы видимъ въ тенденціи капиталистическаго общества къ образованію излишка товаровъ, имѣющей слѣдствіемъ неукротимую борьбу производителей за внутренніе и внѣшніе рынки сбыта. Но эта борьба приводитъ лишь къ болѣе быстрому развитію производительности труда. Экономической наукѣ предстоитъ, поэтому, разъяснить—путемъ какихъ измѣненій потребленія капитализмъ пытается держать спросъ общества на уровнѣ развивающихся производительныхъ силъ, и какими приѣмами онъ избавляется отъ избытка товаровъ, образующагося, несмотря на эти измѣненія. Первый вопросъ прямо входитъ въ задачу третьяго отдѣла разсматриваемаго нами тома: „Образованіе новыхъ формъ потребностей“. Преслѣдуя въ немъ эволюцію потребленія со стороны увеличенія количества, измѣненія качества, разнообразія и „стиля“, и ставя въ связь эти измѣненія съ различными факторами и тенденціями капитализма—по отношенію къ непосредственному вліянію на этотъ процессъ интересовъ предпринимателей, Зомбартъ ограничивается указаніемъ на тотъ фактъ, что „конкуренція побуждаетъ предпринимателей доставлять покупателямъ, подъ угрозою потери ихъ—самый новый товаръ“, и стремиться, слѣдовательно, къ видоизмѣненію формы послѣдняго. Если этого указанія достаточно для того, чтобы схватить сознательный мотивъ капиталистовъ, то этого нельзя сказать относительно поставленной авторомъ задачи объединенія явленій моды (въ которомъ сосредоточиваются многія типическія черты потребленія въ современныхъ обществахъ) „изъ сущности капиталистическаго хозяйства“ (стр. 345). Стремиться къ „непрерывному измѣненію формы потребительныхъ благъ“ (стр. 86) побуждаетъ капиталиста не только совершенно сознательный мотивъ

борьбы съ соперниками, но и полусознательная и, быть можетъ, даже совершенно безсознательная тенденція капиталистическаго строя: парализовать естественное вліяніе роста производительности труда на спросъ общества на продукты производства въ смыслѣ ограниченія этого спроса, что сдѣлало бы невозможнымъ самое развитіе капиталистическаго строя, обнаруживающаго, какъ извѣстно, тенденцію къ безграничному расширенію производства ¹⁾. Эта сторона вопроса Зомбартомъ не разсматривается.

Заканчивая нашу замѣтку о выдающемся трудѣ бреславльскаго профессора, посвященномъ „теоріи капиталистическаго развитія“, при-совокупимъ, что, по обилію фактическаго матеріала, этотъ трудъ справедливо считается весьма цѣннымъ и въ качествѣ сочиненія по экономической исторіи. Русскій переводъ его удовлетворителенъ; тѣмъ не менѣе, не можемъ не высказать удивленія, почему въ четвертой главѣ, гдѣ, судя по смыслу, рѣчь идетъ объ основномъ капиталѣ,—таковой именуется „постояннымъ“?—В. В.

IX.

— „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи“ и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“. Соціально-политическіе этюды И. А. Гагена. С.-Петербургъ 1904.

Вопросъ о сближеніи спроса на трудъ съ его предложеніемъ является однимъ изъ важнѣйшихъ не только въ экономической, но и въ политической жизни современнаго гоеударства. Если, съ одной стороны, роковой законъ Мальтуса, умѣряемый рядомъ условій, еще далеже отъ своего осуществленія, то, съ другой стороны, ростъ народонаселенія въ большинствѣ странъ и его потребностей повсюду увеличиваетъ предложеніе труда до небывалыхъ въ старыя годы размѣровъ. Съ этимъ связывается то, что можно бы назвать мобилизаціей труда, которая, какъ всякая мобилизація, должна быть упорядочена, чтобы не получить характера стихійной силы, растрчивающей себя втунѣ и часто не достигающей цѣли. Для успѣха и правильности предложенія труда нужны освѣдомленность, сознательность и самостоятельность: первая—по отношенію къ мѣсту спроса на трудъ, вторая—по отношенію къ условіямъ между спросомъ и предложеніемъ, и третья—по отношенію къ избѣжанію, въ лицѣ корыстнаго посредни-

¹⁾ См. объ этомъ вопросѣ „Вѣстникъ и бібліотеку самообразованія“ 1904 г., № 4: В. В., „Производительныя силы современныхъ обществъ и результаты ихъ прирмненія“.

чества, того, что называется въ механикѣ „безполезнымъ треніемъ“. Тѣ же требованія примѣнны и къ спросу, тѣмъ болѣе, что дезорганизація его влечетъ вредныя послѣдствія для представителей предложенія, вызывая въ ихъ средѣ такія явленія, какъ бродяжество, нищенство и нравственную распущенность, вслѣдствіе безработицы, въ то время, когда, гдѣ-нибудь на той же территоріи, спросъ на трудъ не находитъ себѣ удовлетворенія. Несомнѣнно, однако, что организація сближенія предложенія труда съ спросомъ на него, по самому свойству отношеній между сторонами, не можетъ быть предметомъ исключительной дѣятельности государства. Ограждая личность отъ злоупотребленій ея довѣрчивостью или незнаніемъ, государство можетъ и даже должно установить контроль, но не направленіе, — провѣрку, а не управленіе по отношенію къ такой организаціи. Съ другой стороны — отдѣльныя лица, предоставленныя собственнымъ силамъ, безъ началъ и способовъ единенія, рискуютъ сдѣлаться жертвами случайно сложившагося невѣдѣнія или корыстной эксплуатаціи. Отсюда — необходимость общественныхъ учрежденій и цѣлыхъ союзовъ, самостоятельно дѣйствующихъ съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ условий, поставленныхъ правительствомъ. Изученіе характера ихъ дѣятельности и свойствъ ихъ организаціи является, поэтому, предметомъ, имѣющимъ существенный и жизненный интересъ. Интересъ этотъ особенно чувствуется у насъ, какъ потому, что вопросъ о такой организаціи не только давно уже назрѣлъ въ Россіи, но начинается, въ виду послѣднихъ осложненій, принимать тревожный характеръ, — такъ и потому, что у насъ по этой части нѣтъ никакого систематическаго опыта, чрезъ который прошли уже главнѣйшія государства западной Европы.

Поэтому, нельзя не привѣтствовать работы автора по ознакомленію русской публики съ „организаціей указанія труда“. Въ сжатыхъ очеркахъ, дѣловитость которыхъ не умаляетъ ихъ общедоступности, онъ знакомитъ читателей съ положеніемъ вопроса въ западной Европѣ и въ Россіи, твердыми чертами намѣчая путь, по которому должно, въ этомъ отношеніи, идти наше отечество. Выводы и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, являются плодомъ сложной и пристальной работы, въ которой каждое слово опирается на разнородные, сопоставленные между собою и критически провѣренныя источники. Въ послѣднемъ отношеніи особенно цѣнною является разработка вопроса объ общинныхъ бесплатныхъ „бюро указаній труда“ въ Германіи и объ отношеніи германскаго правительства къ частнымъ посредническимъ конторамъ. Признавая благотвѣтельное вліяніе на народную нравственность, — выражающееся въ уменьшеніи преступности, — организаціи труда и приводя по этому предмету чрезвычайно поучительныя цифры, авторъ

одобряетъ суровую регламентацію, которою законъ оставилъ частную посредническую дѣятельность между предложениемъ и спросомъ труда, и даетъ интересную картину того, какъ законическія постановленія „Имперскаго Промышленнаго Устава“, подъ вліяніемъ разумно сознанныхъ потребностей времени, развились въ цѣлое органическое законодательство, не только точно и съ прямою цѣлью общественнаго блага урегулировавшее чреватую злоупотребленіями частную посредническую дѣятельность, но и воздѣйствіемъ на союзныя законодательства побудившее ихъ предусмотрѣть всѣ разновидности этихъ злоупотребленій и обратить особое вниманіе на защиту женщинъ, въ смыслѣ огражденія нравственности работницъ отъ посягательствъ нанимателей при благосклонно-корыстномъ содѣйствіи представителей посредническихъ конторъ. Критическое отношеніе автора къ германскому общинному устройству, напоминающему бюрократическія постановленія нашего Городового Положенія 1892 г., даетъ ему поводъ подробно рассмотреть интересное устройство промышленнаго суда, при которомъ образуются нынѣ въ Германіи особыя комиссіи по организаціи предложенія труда, замѣнившія прежнія общинныя бюро указаній труда и образовавшія между собою разновидности, со многими развѣтвленіями, союзы. Очерку образованія этихъ союзовъ и ихъ компетенціи въ Германіи и Австріи посвящено авторомъ нѣсколько весьма цѣнныхъ страницъ. Особенной полнотою отличаются свѣдѣнія, касающіяся Россіи, представляющія много любопытныхъ культурно-бытовыхъ подробностей. Картина получается крайне неутѣшительная, но, къ сожалѣнію, правдивая, ибо подтверждается краснорѣчіемъ фактовъ. Наоборотъ съ Германіей,—у насъ на первомъ планѣ стоитъ частная посредническая дѣятельность, процвѣтающая на счетъ общественной, а юридическая безпомощность стихійно движущагося рабочаго населенія принимаетъ, въ рукахъ мѣстныхъ посредниковъ между прусскими землевладѣльцами и русскими землеробами, характеръ самой хищнической эксплуатаціи. Дѣятельность эта почти лишена правительственнаго надзора, земству же до сихъ поръ почти никогда не удавалось выступить съ устройствомъ посредническихъ конторъ. Авторъ подробно излагаетъ, затѣмъ, попытки городскихъ общественныхъ управленій Петербурга, Кіева, Одессы, Кишинева и Москвы устроить посредничество на рациональныхъ общественныхъ началахъ, подробно останавливаясь на благотворной, въ этомъ отношеніи, трудовой дѣятельности безвременно угасшаго московскаго профессора Духовскаго, выработавшаго, во главѣ особой комиссіи, широкій проектъ конторъ посредничества. Авторъ рисуется дѣятельность посредническихъ конторъ при домахъ трудолюбія въ Одессѣ, Оренбургѣ, Кронштадтѣ, Харьковѣ, Самарѣ, Твери, Вильнѣ и Псковѣ, особенно останавливаясь

на дѣятельности „Посреднической конторы, по найму служащихъ, рабочихъ и прислуги“ въ г. Одессѣ. Общій выводъ его тотъ, что процедура посреднической операціи не обставлена у насъ необходимыми правилами, и поэтому во многихъ отношеніяхъ формально неумовима. Исходя изъ этой мысли, онъ предлагаетъ, въ концѣ своего труда, „Проектъ положенія о посреднической конторѣ по присканію труда въ г. N“. По полнотѣ и, если можно такъ выразиться, предусмотрительности—положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ выработку его внесено не только вдумчивое знаніе дѣла, но и очевидная любовь къ нему. Это „положеніе“, въ связи съ пожеланіями, высказанными авторомъ въ заключительныхъ пунктахъ, съ достаточною яркостью освѣщаютъ и то, чѣмъ должно быть у насъ учрежденіе посредническихъ конторъ, и то, какимъ образомъ и путемъ достигнуть этого съ наибольшою цѣлесообразностью.

Въ обстоятельномъ изслѣдованіи, касающемся одного изъ жгучихъ вопросовъ современной внутрисоциальной жизни, авторъ, опираясь на замѣчательную эрудицію въ области политико-экономическихъ отношеній, даетъ не только полную картину безработицы въ Германіи за время 1901—1902 г.г., но и дѣлаетъ рядъ изслѣдованій о мѣрахъ, вызываемыхъ безработицей вообще. Исходя изъ мысли, что взглядъ на лишеннаго работы, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ гуманитарныхъ началъ, постоянно измѣнялся, причемъ средневѣковая формула: „не имѣющій работы не хочетъ работать“, послѣдовательно смѣнялась формулами: „не имѣющій работы можетъ ее найти“ и „имѣющій работу долженъ ее имѣть“, г. Гагенъ указываетъ, нѣкогда формы личнаго призрѣнія, помощи и благотворительности быстро переходить въ область прошлаго, становясь „ein längst überwundenes Standpunkt“ и уступая мѣсто постояннымъ учрежденіямъ, удовлетворяющимъ формулѣ „долженъ имѣть работу“. Этого рода учрежденія особенно стройно и путемъ глубокой подготовительной работы возникаютъ во множествѣ въ Германіи, почему этой странѣ и посвящены почти весь трудъ автора, не лишенный, впрочемъ, интересныхъ выводовъ на положеніе вопроса во Франціи, Бельгіи и Англии. Изложивъ въ началѣ своего труда положеніе вещей, вызванное безработицей съ ея неизбежными послѣдствіями—шумными манифестациями, увеличеніемъ проступковъ и преступленій и глухимъ недовольствомъ рабочаго населенія, авторъ подробно указываетъ на мѣры, въ которыхъ были приняты для устраненія безработицы частными, общественными учрежденіями и государственною властью. Отрядная картина сознательнаго и дѣятельнаго отношенія общества и государства къ положенію безработныхъ рабочихъ сопровождается анализомъ общихъ основаній и практическихъ результатовъ принятыхъ мѣръ.

Такихъ мѣръ въ сущности было выработано четыре, а именно: перепись безработныхъ, учрежденіе посредническихъ конторъ по присканію работы, открытіе общественныхъ работъ и страхование отъ безработицы. Перепись неразрывно связана съ собираніемъ свѣдѣній о томъ, что называется „степенью насыщенности рабочаго рынка“, и съ изданіемъ печатныхъ органовъ съ всевозможными статистическими свѣдѣніями, касающимися положенія этого рынка. Это и осуществляется по весьма широкой программѣ и съ несомнѣннымъ успѣхомъ журналомъ „Reichsarbeitsblatt“. Но недостаточно одной организациі регулярнаго оффиціальнаго опубликованія свѣдѣній о рабочемъ рынкѣ. Нужны непосредственныя мѣры, проникающія въ трудовую жизнь съ ея смежными явленіями. Сюда относятся, прежде всего, посредническія конторы. По истинному характеру посредничества, эти учрежденія не должны ограничиваться заключеніемъ сделокъ между нанимателемъ и рабочимъ, но идти далѣе—и отыскивать недостающаго контрагента; они должны подавать юридическія совѣты и выдавать справки безработному люду, а также, облекаясь въ форму профессиональныхъ товариществъ, являться органами страхованія отъ безработицы.

Но дѣятельность посредническихъ конторъ одна, сама по себѣ, не въ состояніи удовлетворить всей нуждѣ при безработицѣ. Современный германскій рабочій настолько развитъ, что не желаетъ получать общественныхъ пособій, тѣмъ болѣе, что это влечетъ потерю цѣннаго имъ избирательнаго права. Отсюда необходимость учрежденія общественныхъ работъ, давно и глубоко сознанная въ Германіи. Исторіи развитія, организациі и современному положенію этихъ работъ (Nothstandsarbeiten) авторъ посвящаетъ многія страницы своего труда, доказывая, что работы эти должны являться не тогда, когда рабочій кризисъ уже разразился, а тогда, когда лишь существуетъ его возможность, иными словами — онѣ должны являться не учрежденіемъ импровизированнымъ „ad hoc“, а учрежденіемъ постояннымъ, организованнымъ систематически. Наконецъ, главную роль въ борьбѣ съ послѣдствіями безработицы должны играть союзы для страхованія. Многочисленные проекты страхованій отъ безработицы встрѣтили, однако, въ Германіи довольно пессимистическій приѣмъ. Не только такой авторитетъ, какъ Адольфъ Вагнеръ, но и общее собраніе „Германскаго союза для разработки вопросовъ общественнаго призванія и благотворительности“, въ 1902 г., отнеслись съ большими сомнѣніями къ осуществимости и цѣлесообразности такого страхованія. Это отношеніе не смутило, однако, автора въ его тщательномъ изслѣдованіи жизненныхъ условій къ введенію страхованія. Подробно анализируя доводы „сомнѣвающихся“ и противопоставляя имъ проекты и раз-

сужденія профессора Геркнера, онъ высказываетъ надежду на то, что и въ этомъ трудномъ вопросѣ Германія выйдетъ побѣдительницею изъ представляющихся ей затрудненій.

Трудъ г. Гагена представляется весьма своевременнымъ. Последнія событія на нашемъ рабочемъ рынкѣ лучше всего оправдываютъ необходимость работъ, посвященныхъ дѣятельности государства и общества, направленной къ урегулированію вопроса такого политико-соціального значенія, каковъ вопросъ рабочій, могущій войти культурнымъ факторомъ въ жизнь современнаго человѣчества и могущій, при отсутствіи предусмотрительной заботливости и дѣятельной организаціонной работы законодательства, сдѣлаться элементомъ, разлагающимъ эту жизнь.—А. К.

Въ теченіе мая мѣсяца, Редакція получила нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенариусъ, Р.—Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи А. Луначарскаго. Новая теорія позитивнаго социализма. (Holzappel. Rapideal). Критическое изложеніе А. Луначарскаго. М. 905. Ц. 80 к.

Аваловъ, З.—Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Арцыбашевъ, М.—Разказы. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р.

Батяновъ, М. П.—За годъ войны. Статьи, помѣщенные въ печати. Спб. 905.

Берковъ, П.—Рѣчной рабъ. Вып. II. Спб. 905. Ц. 30 к.

Берлинъ, П. А.—Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ. Спб. 905.

Билибинъ, Н.—Учебникъ алгебры для гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. 4-е, измѣненное. Спб. 905. Ц. въ пер. 2 р.

Бодановъ, А.—Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Кн. II. М. 905. Ц. 70 коп.

Бубликовъ, А., инж.—Къ вопросу о стремленіи петербурго-сибирской транзитной магистрали. Спб. 905. Ц. 1 р.

Бычковъ, Александръ.—Систематическій Указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ, 905.

Веселовскій, Н. И.—Сочиненія Чокана Чынгисовича Валиханова. Спб. 904. (Записки Русск. Географ. Общ. Т. XXIX).

Вилперъ, проф. Р.—Лекція по исторіи Греціи. Ч. I. М. 905. Ц. 1 р.

Галлотъ, П. П., д-ръ мед.—Дыханіе и положеніе гортани. Двѣ лекціи по физиологіи гвнія. Спб. 905. Ц. 40 к.

Гауптманнъ, Г.—Полное собраніе сочиненій. Съ вѣм., п. р. К. Бальмонта. Т. III. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гольдмерштейнъ, Л. М.—Война и очередныя задачи нашей желѣзнодорожной политики. Спб. 905. Ц. 30 к.

Гонцевая, М. П.—Очерки изъ жизни. М. 905. Ц. 75 к.

- Грищенко, Б.*—Пысаня. У Ышви. 905. Ц. 1 р. 50 к.
- Денисова, Лидія.*—Дневникъ молодой дѣвушкы. „Лѣто“ и рассказы. Сиб. 905. Цѣна 1 р.
- Денисюк, Н.*—Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. I (1856—1863 гг.) М. 905. Ц. 1 р.
- Державинскій, В. Ѡ.*—Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 902.
- Довнаръ-Запольскій, М. В.*—Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Киевъ, 905. Ц. 1 р. 50 к.
- Ермоловъ, А.*—Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. IV: Народное погодовѣдѣніе. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.
- Задѣра, Г. П.*—Медицинскіе дѣятели А. П. Чехова, въ оцѣнкѣ д-ра М. А. Штерна. Сиб. 905. Ц. 15 к.
- Злинскій, Ѡ.*—Изъ жизни идей. Древній міръ и мы. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.
- К., А.*—Стихотворенія. Спб. 905. Ц. 1 р.
- Каръ, Александръ.*—Бригъ „Ѡммануилъ“. Русскій на французскомъ кораблѣ. Дневникъ. 2-е изд. Од. 905. Ц. 1 р. 20 к.
- Карбачевскій, Н. П.*—Приподнятая завѣса. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.
- Картовъ, Ф. И.*—Инспекція труда (Фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Ч. I: Фактическая. Спб. 905.
- Картевъ, Н.*—Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историч. картами. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.
- *Polonica.* Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ. Спб. 905. Цѣна 1 р. 25 к.
- Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средней школы и для самообразованія. Съ историч. картами. Изд. 2-е. Спб. 905. Цѣна 80 коп.
- Кѣлеръ, Р.*—Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 905. Ц. 1 р.
- Кладо, Н. Л.,* преподав. Николаевской Морской Академіи. Современная морская война. Морскія замѣтки о русско-японской войнѣ. Съ 116 рис., 67 черт. и карт. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.
- Ковалевскій, Максимъ.*—Современные соціологи. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.
- Кокоревъ, И. Т.*—Саввушка, пов. Дешевая Библиотека, № 363. Спб. 905. Цѣна 15 коп.
- Коконкинъ, пр.-доп.*—Тексты важнѣйшихъ основныхъ законовъ иностранныхъ государствъ. Ч. I: Основные законы Англіи, француз. конституціи 1791, 1814 и 1830 г.г., и бельгійская конституція. Ч. I. М. 905. Ц. 40 к.
- Корниловъ, А.*—Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 905. Ц. 2 р.
- Костомаровъ, Н.*—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II: Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. 5-е изд. Спб. 905. Ц. 2 р.
- Котляревскій, Н.*—Лермонтовъ, личность поэта и его произведенія. Спб. 905. Ц. 2 р.
- К-ръ, Ан.*—Алексѣй Мошинъ. Краткая крит.-біограф. замѣтка съ портр. писателя. Спб. 905. Ц. 10 к.
- Круловъ, А. В.*—Хитрый звѣрь. Рассказы для дѣтей швольнаго возраста. М. 905. Ц. 20 к.

— Четвероногія животныя. М. 905. Ц. 25 к.

Лемайеръ, д-ръ, бар. К.—Административная юстиція. Съ нѣм. перев. бар. А. Э. Нольде. Спб. 905.

Лопиновъ, А. Ф.—Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Александровскомъ уѣздѣ. Екатериносл. 905.

— Краткій очеркъ землевладѣнія и землепользованія въ Александровскомъ уѣздѣ. Екатериносл. 905.

Лопатинъ, С. Ю.—Перечень докладовъ, помѣщенныхъ въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Спб. 905.

Лууэаль, А. А.—Правительства и политическія партіи въ государствахъ западной Европы: Франція, Италия, Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія. Съ англ. О. Полторацкая, п. р. Э. Смирнова. М. 905. Ц. 2 р.

Лье, Ольга.—Робкіе звуки. Стихотворенія. Спб. 905. Ц. 1 р.

Македоновъ, Л. В.—Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ экземп. листовъ переписи 1897. Екатеринодарскій Отдѣлъ. Спб. 905.

Маковскій, Сергій.—Собраніе стиховъ. Кн. 1. Спб. 905.

Мартенсъ, Ф.—Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Составл. по порученію Мин. Ин. Дѣлъ. Т. XIV Трактатъ съ Францією, 1807—1820. Спб. 905.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе маршрутовъ юго-восточной части Енисейскаго округа. Спб. 905.

Межерингеръ, П. А.—Черченіе съ натуры. Составленіе эскизовъ частей машинъ. Для ремесленныхъ и техническихъ училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ, и для самообученія. Съ 58 рис. Спб. 905. Ц. 75 к.

Мельниновъ П. П.—Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в.в., съ картою. Посмертное изданіе. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Мазелинъ, Евг.—Два разсказа. Торговцы и Фельдшеръ. Спб. 905.

Мокржецакаго, С.—Самосудъ въ наукѣ Симфероп. 905.

Молоствовъ, Н. Г.—Волынскій и новѣйшіе идеалисты. Спб. 905. Ц. 30 к.

Морильеръ, О.—Великіе художники: Альбрехтъ Дюреръ. Спб. 905.

Мускатблитъ, Ф.—Народное представительство. Съ предисл. А. С. Изгоева. Од. 905 г. Ц. 7 к.

Ньюкомбъ, проф. С.—Астрономія для всѣхъ. Съ англ., съ предисл. А. Р. Орбинскаго. Съ портр. автора, 84 рис. и 1 табл. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Петлинь, Н.—Опытъ составленія Каталога для школьныхъ и народныхъ библиотекъ, въ предѣлахъ книгъ, разрѣшенныхъ мн. народн. просв., съ краткими отзывами о книгахъ и съ комбинаціями примѣрныхъ библиотекъ на сумму отъ 10 до 400 рублей. М. 905. Ц. 80 к.

Попруженко, М. Г.—Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Харьк. 905.

Радклифъ, Анна.—Удольфскія тайны. Перев. съ англ. Д. Гей. Т. I и II. Спб. 905. Ц. 3 р.

Реклю, Элизэ.—Земля и люди. Вып. VIII: Италия. Съ франц. Д. А. Корочевскій, съ 48 илл. Спб. 905. Ц. 1 р. 80 к.

Риль, А., и *Виндельбалъдъ*.—Иммануиль Кантъ. Съ нѣм. Б. В. Яковенко. М. 905. Ц. 30 к.

Руктешель, инж. В. Р.—М. Герсевановъ и воздушные замки въ гидротехникѣ. Спб. 905.

Рудинъ, Е. К.—Графиня П. С. Уварова. Къ 20-лѣтію ея предсѣдат. въ Моск. Арх. Обществѣ. Харьк. 905.

Рыбаковъ, Ф. Е.—Гипнотизмъ и психическая зараза. Три популярныя лекціи. М. 905.

Саккетти, Л. — Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Скаржинскій, Л. Б. — Сводъ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго. Спб. 905.

Скартаччини, I. — Данте. Перев. О. А. Введенской. П. р. и со вступл. проф. Спб. Высш. ж. Курсовъ Д. К. Петрова. Съ портретомъ Данте. Спб. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Стефановичъ, свящ. К. С. — Наболѣвшее сердце. М. 905. Ц. 80 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ. — Забѣтки о народной словесности. По поводу „Введенія въ исторію русской словесности“, проф. Н. В. Владимірова. Варш. 905.

Строшевскій, Вацлавъ. — Матросы корабля „Надежда“. Разск. Спб. 905. Цѣна 20 коп.

Танъ. — Стихотворенія. 2-е изданіе. Спб. 905. Ц. 60 к.

Туганъ-Барановскій, М. — Очеркъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 1 р.

—— Теоретическія основы марксизма. Спб. 905.

Тюрю (1727—1781). Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ Цѣнности и деньги. Перев. и дополн. проф. А. Миклашевскаго. Юрьевъ, 905. Ц. 75 к.

Уайльдъ, Оскаръ. — Памяти Уайльда—De Profundis—Письма—Афоризмы— Стихотворенія въ прозѣ. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Цель, д-ръ Т. — Ужъ животныхъ. Съ нѣм. Спб. 905.

Шершневичъ, Г. — Земскій соборъ. Каз. 905. Ц. 50 к.

Шидловскій, С. И. — Общій обзоръ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ. Спб. 905.

Шмидтъ, П. Ю. — Рыбы восточныхъ морей Россійской имперіи. Съ табл. и 31 рис. Спб. 904.

—— Островъ изгнанія. Сахалинъ. Съ 13 рис. и картинами. Спб. 905 г. Цѣна 30 коп.

Шустеръ, Г. — Тайныя общества, союзы и ордена. Съ нѣм. О. А. Волькенштейнъ, п. р. проф. Л. А. Погодина. Спб. 905. Ц. 3 р.

Якушкинъ, В. — Сперанскій и Аракчеевъ. Спб. 905. Ц. 15 к.

Ян-скій, С. А. — Разсказы. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р.

Эмле. — Душа животныхъ и растеній. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ, А. — Земли. Романъ. М. 905. Ц. 1 р.

Fahlbeck, Pontus. — La Constitution suédoise et le Parlamentarisme moderne. Par. 905. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Библіотека для самообразованія. XXIII т.: А. Дж. Грантъ, Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. п. р. Н. Н. Шамонова. Съ рис. М. 905.

— Биографическая Библіотека Д. Языкова: XII. Ѳ. И. Тютчевъ, его жизнь и поэзія. XIII. А. В. Сухово-Кобылинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. XIV. А. С. Хомяковъ, его жизнь и лит. дѣят. М. 904. Ц. каждого вып. 20 коп. О. Садовская, съ портр. М. 905. Ц. 25 к.

— „Душа Японія“. Японскіе романы, повѣсти, разсказы, былинны и танки. П. р. и съ предисл. Н. П. Авбелева. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

— Изданія фирмы „Викъ“: 1) Щасливою стежкой. Оповиданья. 2) Мнѣжь хмарами сонечко. Оповид. 3) Иванъ Франко, Збирникъ творивъ. У Быви. 905. Ц. 65 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) А. Серафимовичъ, т. I: Разсказы. Ц. 1 р. 2) К. Телешовъ, т. I: Разсказы. Ц. 1 р. 3) С. Юшкевичъ, т. I, II: Раз-

сказы. Ц. 1 р. 4) Сборникъ товарищ. „Знаніе“ за 1904 г., кн. III, IV и V. 5) Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы. Ц. 1 р. 20 к. 6) А. Петрищевъ, Записки учителя. Ц. 1 р. 7) Имре Мадачъ, Человѣческая трагедія. Драмат. поэма. Съ венгер. З. Крашенинникова. Ц. 50 к. 8) Э. Зола, Углекисл. Перев. А. Коморской. Ц. 1 р. 9) Нижегородскій Сборникъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Книгоиздательство „Скорпионъ“: 1) Станиславъ Пшибышевскій, De Profundis. Кн. вторая. М. 905. Ц. 2 р. 40 к. 2) Цвѣты Ассирійскіе. Альманахъ IV. М. 905. Ц. 6 р.

— Крестьянскій строй. Т. I: Сборникъ статей А. Корнилова, А. Лаппо-Данилевскаго, В. Семева и И. Страховскаго, Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

— Матеріалы для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ гор. Славянска. Изд. Харьк. Губ. Зем. Управы. Харьк. 905.

— Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губерніи. Т. IX: Юрьевскій уѣздъ. Вып. 2: Свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Влад.-на-Кл. 904. Цѣна 1 рубль.

— Московская губернія по мѣстному обследованію 1898—1900 гг. Т. II: Матеріалы для опредѣленія доходности земель. Вып. II: Лѣсъ—Усадьба—Выгонь. М. 905.

— Отчеты: 1) Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1903 г. (годъ XVIII). 2) Крестьянскаго поземельнаго Банка за 1903 г. Спб. 904.

— Очерки реалистическаго мировоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изд. второе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

— Попечительство въ память Имп. Александра II надъ воспитанниками, окончившими курсъ Ремесл. Училища Цесаревича Николая. Отчетъ за 1903 г. и свѣдѣнія о дѣятельности окончившихъ въ Училищѣ курсъ воспитанниковъ за время съ 1878 г. по 1904 г. Спб. 905.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Т. I, вып. 2. Спб. 905.

— Сборникъ молодыхъ писателей: А. Ануфриевъ; Л. Билинскій; М. Алексѣева; Е. Гуро; Воротынскій; Г. Михайловскій; А. Аксаковъ; С. Тѣневъ; Н. Германъ; Н. Федотовъ; Налли. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1905 годъ. Кн. VI: Спб. 905. Цѣна 1 руб.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XIV. Изд. п. р. проф. Е. К. Рѣдина. Харьк. 905. Ц. 3 р.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 — 4 с.-хозяйственный годъ. Вып. IV, ч. 3: Урожай яровыхъ въ 1904 г. Вят. 905.

— Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ. Изданіе „Русскаго Собранія“. Спб. 905.

— Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Къ 50-лѣтнему юбилею И. А. Стебута. Изданіе почитателей и учениковъ И. А. Стебута. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

— Списокъ неразъясненныхъ должниковъ Общества вспоможенія студентамъ Университета св. Владиміра. 1881—1901 гг. Кіевъ, 905.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1902 годъ. Спб. 905.

— Труды 4-го Губернскаго съѣзда земскихъ врачей Ярослав. губерніи. Кн. IV. Яросл. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Alfred Kerr. Das neue deutsche Drama. Стр. 312. Berlin, 1905 (S. Fischer, Verlag).

Альфредъ Керръ—нѣмецкій критикъ новаго стиля, особенно чутко понимающій ту совокупность литературныхъ явленій, которая обозначается въ нѣмецкой литературѣ названіемъ „die Moderne“. Узко-кружкового отпечатка, однако, нѣтъ въ его сужденіяхъ. Другіе нѣмецкіе критики болѣе нетерпимы въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, исповѣдуя каждый свою сектантскую правду. Лео Бергъ не отступаетъ до сихъ поръ отъ сухого реализма и несправедливъ къ новаторамъ, нарушившимъ традиціи натурализма—даже къ Гауптману, котораго онъ особенно строго судитъ. Братья Юлій и Генрихъ Гарты безпощадны въ своей этической проповѣди и съ предубѣжденіемъ относятся ко всякому уклоненію отъ своего катехизиса: вызывающая, капризная муза такого сатирика, какъ Франкъ Ведекиндъ, вызываетъ въ нихъ поэтому только гнѣвъ. Тенденціозность сужденій свойственна такимъ образомъ не только критикамъ старой школы, защитникамъ традицій, но и самимъ участникамъ литературнаго обновленія, начавшагося въ Германіи въ концѣ минувшаго вѣка.

Особенность и большое достоинство Керра—въ томъ, что онъ не сектантъ въ своихъ литературныхъ взглядахъ. Онъ—врагъ застоя, шаблонной мысли, всего что портитъ художественный вкусъ публики, составляя суррогатъ истиннаго, искренняго искусства. Но въ области живого творчества, честно преслѣдующаго художественныя цѣли тѣми путями и средствами, которые оно считаетъ лучшими въ данный моментъ, онъ не предъявляетъ такихъ деспотическихъ требованій, какъ другіе критики. И натурализмъ Шлафа и Гауптмана, и символизмъ Ибсена, и виртуозы-стилисты вродѣ Гофмансталя, и всѣ литературные разрушители новаго типа, отъ скептически улыбающагося Шницлера до демоническаго Ведекинда, находятъ у него тонкую и чуткую оцѣнку. Все, въ чемъ онъ находитъ соприкосновеніе съ основными и вѣчными вопросами духа,—„Ewigkeitsperspectiven“, какъ онъ это называетъ,—находитъ въ немъ живой откликъ, не затемненный пристрастіемъ къ той или другой литературной школѣ, въ какой-нибудь опредѣленной литературной манерѣ.

Характерна во всемъ, что пишетъ Керръ, чистая литературность его суждений. Литературная критика не служитъ ему средствомъ для проповѣди своихъ собственныхъ философскихъ, общественныхъ или какихъ-либо иныхъ теорій. Въ писателѣ, котораго онъ изучаетъ и образъ котораго хочетъ воссоздать, его интересуетъ сущность этого писателя, его отношеніе къ дѣйствительности и къ идеаламъ, которыми живетъ дѣйствительность. Онъ извлекаетъ изъ него все, что ему кажется важнымъ и поучительнымъ, но не дѣлаетъ этого исходнымъ пунктомъ для проповѣди своихъ субъективныхъ идейныхъ воззрѣній. Онъ—чистый критикъ; въ этомъ—его особенность. Достоинство ли это или нѣтъ—другой вопросъ. Мы привыкли къ другому рода критикѣ. Въ прежнее время царила публицистическая критика—теперь на очереди критика философская, идейная, связывающая разборъ литературныхъ явленій съ проповѣдью отвлеченныхъ мировоззрѣній: есть у насъ критика идеалистическая, материалистическая и т. д. Въ общей совокупности духовной жизни такого рода критика несомнѣнно имѣетъ большое значеніе. Это видно хотя бы на примѣрѣ Англии, гдѣ чисто идейная, боевая художественная критика Рёскина, Петера и другихъ создала новое отношеніе къ жизни и искусству. Но и чисто литературная критика, при валичности такого вѣрнаго вкуса, такого умѣнья разбираться въ разнородныхъ элементахъ творчества и опредѣлять коренныя черты писателей, какъ у Керра, въ высшей степени плодотворна и поучительна. Объективное отношеніе къ произведеніямъ искусства соединяется у него съ субъективностью и оригинальностью суждений, и въ результатъ получается яркое идейное освѣщеніе даннаго писателя. Можно съ нимъ соглашаться или не соглашаться, но цѣльность и яркость его литературныхъ портретовъ составляютъ ихъ неотъемлемое большое достоинство и значеніе. Слѣдуетъ прибавить къ этому, для полноты характеристики Альфреда Керра, что онъ пишетъ очень своеобразнымъ языкомъ, сжатымъ, изобилующимъ мѣткими образными формулами, иногда вызывающе дерзкимъ въ своей смѣлости, иногда переходящимъ въ широкій лиризмъ. Многія страницы его критическихъ очерковъ принадлежатъ къ изысканнымъ образцамъ современной художественной прозы.

Свойства и особенности писательской манеры Керра ясно намѣчаются въ его интересной новой книгѣ—„Das neue deutsche Drama“, состоящей изъ ряда отдѣльныхъ характеристикъ лучшихъ современныхъ драматурговъ. Въ предисловіи къ ней Керръ высказываетъ любопытные взгляды на задачи критики. Свое отношеніе къ литературѣ онъ опредѣляетъ музыкальнымъ сравненіемъ своей критики съ Шумановскимъ „*Marche des Davidsbündler contre les philistins*“, въ которомъ звучитъ твердая вѣра въ обновленіе жизни. Библейскаго царя

Давида Керръ призываетъ и въ свои покровители, говоря, что критикъ, подобно библейскому царю, долженъ возлюбить два орудія для плоти и духа—пращу и арфу. Произволь критика, т.-е. субъективное отношеніе къ разбираемому явленію, онъ вполне допускаетъ, но непременно на фундаментѣ объективно вѣрной, мотивированной оцѣнки. Критикъ долженъ предвосхищать трезвое сужденіе исторіи литературы, которое выскажется черезъ двадцать-пять лѣтъ,—но при этомъ критика не должна бояться обнаруживать любовь и гнѣвъ, т.-е. пользоваться пращей и арфой. На фонѣ этого общаго представленія о критикѣ Керръ высказываетъ тѣ принципы, которыхъ онъ самъ придерживается въ своей книгѣ. „Я ищу прикосновеній къ вѣчному“, говоритъ онъ, указывая этимъ на руководящую нить своихъ критическихъ очерковъ. Затѣмъ онъ говоритъ о своемъ стремленіи къ сжатости („лучше экстракты, чѣмъ лимонадъ“), о томъ, что чистый импрессионизмъ еще не есть критика, и что необходимо не только передавать впечатлѣнія, но и дѣлать выводы изъ нихъ, сводить частное къ общей мысли. Керръ не задается цѣлью стать историкомъ того или другого течения въ современной драмѣ,—онъ хочетъ только, говоря о писателѣ, передать его суть, основу его личности. Содержаніе его книги составляютъ литературные портреты драматурговъ, выступившихъ въ Германіи послѣ знакомства съ драматическимъ творчествомъ Ибсена. Этотъ моментъ служитъ исходнымъ пунктомъ для Керра. Самая манера Керра характеризуется, какъ онъ самъ на это указываетъ, не полнотой, а существенностью разбираемыхъ произведеній для даннаго автора. Онъ вовсе не стремится перечислить все написанное даннымъ писателемъ, но изъ всѣхъ его произведеній беретъ самое характерное. Упрековъ въ „манерности“ Керръ не боится, и даетъ очень самонадѣянное, но мѣткое опредѣленіе манерности: „Манернымъ,—говоритъ онъ,—называютъ всякій стиль, мелодія котораго ясно звучитъ для автора, прежде чѣмъ другіе привыкнуть къ ней. Для всякаго литературнаго явленія нужна техника чтенія—также и для кристаллизующей критики. Неподготовленная публика можетъ счесть писателя безумнымъ иногда только потому, что не усвоила себѣ техники чтенія его произведеній. Манерность, поэтому, недостатокъ не въ авторѣ, а въ читателѣ, не умѣющемъ проникнуть въ его стиль, въ мелодію его стиля“.

Таковы главнѣйшіе принципы, изъ которыхъ Керръ исходитъ въ своей критикѣ,—и по существу ихъ нельзя не признать правильными, тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ пунктахъ своей profession de foi онъ говоритъ о томъ, что критика должна имѣть значеніе и помимо разбираемыхъ произведеній, т.-е. быть художественнымъ произведеніемъ. Керръ заканчиваетъ предисловіе вторичнымъ напоминаніемъ о „пою-

щей арфѣ“, которая должна звучать въ критикѣ—какъ въ каждомъ художникѣ, и затѣмъ славословить блаженство жизни. Эта нота радостнаго утвержденія жизни звучитъ во всѣхъ дальнѣйшихъ очеркахъ Керра, указывая на несомнѣнность его ницшеанскаго вдохновенія. И онъ, какъ большинство нѣмецкихъ писателей новѣйшаго поколѣнія, прошелъ черезъ увлеченіе ницшеанствомъ, и вынесъ изъ него любовь къ полнотѣ жизни и жизненнымъ силамъ. И въ его критическихъ разборахъ сказывается любовь къ „утвердителямъ жизни“, ко всѣмъ, кто обогащаетъ жизнь и пониманіемъ воплотившихся силъ бытія, и угадываніемъ подпочвенныхъ теченій въ духовной и эмоциональной жизни.

Первый очеркъ въ книгѣ Керра посвященъ Ибсену, такъ какъ знакомство Германіи съ его драмами онъ считаетъ исходнымъ пунктомъ обновленія нѣмецкаго театра. Оцѣнка Ибсена особенно характерна для Керра. Ибсенъ дорогъ ему какъ цѣлостный выразитель разнорѣчивыхъ стремленій современности, какъ реалистъ-психологъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ объ отношеніи человѣческаго къ вѣчному. Не обособляя въ Ибсенѣ его мощнаго реализма,—какъ это дѣлаютъ многіе критики, для которыхъ Ибсенъ—изобразитель внѣшней правды жизни,—но и не настаивая исключительно на отвлеченныхъ символическихъ замыслахъ Ибсена, Керръ устанавливаетъ болѣе всесторонній взглядъ, старается проникнуть вглубь, въ ядро творчества Ибсена. Не скованный никакими кружковыми соображеніями, обладая тонкимъ умѣньемъ различать самые сложные элементы въ художественномъ творествѣ, Керръ находитъ въ драмахъ Ибсена много неподмѣченнаго другими критиками и характеризуетъ его влияніе на современную драму. Источникъ Ибсена онъ видитъ въ его нѣмецкомъ предшественникѣ, Геббельѣ, котораго онъ считаетъ творцомъ не только нѣмецкой, но и всей современной драмы вообще. Геббель—первый представитель психологическаго реализма въ драмѣ. Онъ освѣтилъ неожиданныя бездны женской души—до „Гедды Габлеръ“ и „Женщины съ моря“ въ своей „Юдифи“; онъ понялъ сложные соотношенія между чувствомъ свободы и внутренней отвѣтственности до Ибсеновской Норы и другихъ его героинь; онъ же увидѣлъ въ пренебреженіи къ внутреннему самосознанію женщины преступленіе, равное убійству души, и онъ указалъ на то, что отношенія между мужчиной и женщиной состоятъ изъ неразрывнаго узла ненависти и любви, притяженій и отталкиваній. Всѣ эти элементы современной психологической драмы намѣчены у Геббеля,—къ Ибсену же они перешли обогащенные техническими завоеваніями французской драмы, натуралистическимъ искусствомъ, детерминизмомъ Золя и Тэна. Все это было подготовкой для творчества Ибсена, завершителя современной драмы.

который углубилъ психологическій реализмъ, сдѣлался, по выраженію Керра, „рудокопомъ души“, и въ то же время разсматриваетъ взаимныя отношенія людей въ связи съ ихъ отношеніемъ къ вѣчному. Въ этомъ сочетаніи правды „отъ міра сего“ и „не отъ міра сего“ Керръ справедливо видитъ основное значеніе Ибсена. „Перспективы вѣчности“ (Ewigkeitsperspective) Керръ видитъ во всѣхъ характерныхъ драмахъ Ибсена, и показываетъ, какъ Ибсенъ идетъ къ намѣченной цѣли, къ слянію человѣческой правды съ вѣчной, путемъ отрицаній и утвержденій, разрушенія и идеализаціи. Ибсенъ безпощадно критикуетъ этику общественной и частной жизни съ точки зрѣнія индивидуализма. Онъ клеймитъ политическій карьеризмъ въ „Союзѣ молодежи“, лицемѣріе и ханжество — въ „Опорахъ общества“. Въ „Призракахъ“ протестующее отношеніе Ибсена къ дѣйствительности становится все болѣе широкимъ и смѣлымъ; онъ возстаетъ въ нихъ противъ „несправедливости, преслѣдующей человѣческую плоть“, а въ „Врагѣ народа“ и въ „Дикой уткѣ“ раскрываетъ борьбу между правдой и свободой, показываетъ банкротство людей съ идеальными требованіями отъ жизни, показываетъ неумѣстность въ жизни идеалистовъ Георга Верле и Штокмана. Казалось бы такимъ образомъ, что Ибсенъ—безусловный пессимистъ, усматривающій только безысходно трагическое въ соотношеніяхъ жизни и запросовъ духа. А между тѣмъ другіе элементы побѣждаютъ пессимизмъ общественныхъ драмъ Ибсена. Въ нравственное торжество облагороженнаго духа онъ глубоко вѣрится. Ребекка Вестъ, героиня „Росмергольма“, идетъ на смерть просвѣтленная, побѣжденная жаждой искупленія, пріобщенная къ „аристократіи духа“ съ ея стремленіями къ идеаламъ правды и справедливости. Родители маленькаго Эйольфа тоже возвращаются къ нормамъ справедливости отъ узкаго себялюбія, и „женщина съ моря“ жаждетъ внутренней свободы только для того, чтобы вступить на путь морали. Но и эта возможность побѣды этического начала въ людяхъ не удовлетворяетъ Ибсена. Онъ противопоставляетъ ей нѣчто высшее, мораль исключительныхъ натуръ, для которыхъ житейская этика слишкомъ узка, которые въ своемъ неустанномъ стремленіи къ совершенствованію духовному побѣждаютъ этику мѣщанской среды. На языкѣ Ибсена это значить, что онъ пересталъ строить дома для людей, а задумалъ воздвигать башни для героевъ духа. Филистерской добродѣтели „тетенькина дома“ противопоставляется во всемъ своемъ обаяніи прекрасная, мятежная Гедда, попирающая обиденную мораль ради чего-то еще неопредѣлившагося, но высшаго въ внутреннемъ сознаніи—и одерживаетъ трагическую побѣду. Мѣщане съ ихъ добродѣтелью остаются живы и здоровы, а гениально-болѣзненные натуры, какъ Гедда и Левборгъ, погибаютъ. Духовное героичество про-

славляется и въ Боркманѣ, приче́мъ главнымъ оправданіемъ ему служить приносимая имъ польза человѣчеству. Геніальный человѣкъ попираетъ мораль, если, благодаря ему, освобождается руда въ землѣ, т.-е. если онъ создаетъ въ жизни движеніе и развитіе. И ярче всего превозносится смѣлый идеализмъ въ „Строителѣ Сольнесѣ“, который хотя и погибаетъ, но уже достигнувъ вершины. Такимъ образомъ, идеалистическое совершенствованіе человѣческаго духа утверждается Ибсеномъ съ непоколебимой вѣрой — и опять-таки, наряду съ этимъ, онъ развѣнчиваетъ всѣ человѣческіе идеалы или кумиры: семью, дружбу и т. д. „Такъ сливается въ дуплѣ этого сѣвернаго великана, — говоритъ Керръ, — бѣлое съ чернымъ, утвержденіе съ отрицаніемъ, идеальность стремленій съ пессимизмомъ. Въ этомъ кажущемся хаосѣ есть, однако, одно основное настроеніе: скорбно-примиренное изученіе дѣйствительности, молчаливое отрѣшеніе, твердость, соединенная съ безнадежностью“. Ибсенъ — Люциферъ, разрушающій святость установившихся идеаловъ, но дѣлаетъ онъ это во имя создаваемыхъ имъ новыхъ нравственныхъ нормъ, — въ этомъ и заключаются тѣ „перспективы вѣчнаго“, которыя открываетъ Керръ въ творествѣ Ибсена; въ нихъ онъ видитъ великое плодотворное значеніе Ибсена для всего дальнѣйшаго художественнаго творчества. „Все творчество Ибсена, — говоритъ Керръ, — съ начала и до конца заключается въ открываніи перспективъ. При этомъ онъ, конечно, больше намѣчаетъ, чѣмъ осуществляетъ — больше спрашиваетъ, нежели отвѣчаетъ. Но кто изъ насъ способенъ отвѣчать?“

Отдѣльными струями вливаются въ широкій потокъ Ибсеновскаго творчества меланхолическія мысли объ отреченіи, дѣлающемъ жизнь болѣе прозрачной и прекрасной, о томъ, что предвидѣніе любви прекраснѣе ея пышнаго расцвѣта. Отраженіе этихъ мыслей Керръ видитъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“ и въ „Комедіи любви“. Самому критику дѣйствительность болѣе дорога — она безудержнѣе и богаче, чѣмъ предчувствіе, — но онъ цѣнитъ въ поэтично печальной „Комедіи любви“ пѣжно очерченныя перспективы жизни. „Я потеряла тебя во времени, — говоритъ героиня драмы, Свангильда, — но ты сталъ моимъ въ вѣчности“. Вся драма преисполнена грустной примиренности, и въ этомъ — ея красота. Въ ней сказался „лиризмъ будущаго громителя основъ общественности“, и эту черту Керръ считаетъ очень характерной въ творествѣ Ибсена.

Итоги мыслей и всего жизненнаго ученія Ибсена Керръ видитъ въ той драмѣ, которую самъ авторъ назвалъ эпилогомъ, — въ „Когда мы мертвые пробуждаемся“. Въ ней установлены соотношенія между дѣйствительностью и мечтами художника, въ ней звучитъ странный, почти безнадежный диэпиграмъ жизни изъ устъ раскаявшагося въ

своемъ „эстетическомъ эгоизмѣ“ художника. Поздно, когда передъ нимъ уже только тѣнь женщины, которую онъ не полюбилъ въ молодости живой любовью, онъ обнимаетъ ее, полный раскаянія. Онъ не сумѣлъ слиться съ жизнью, онъ всегда чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ирены, отъ женщины, которою вдохновлялся въ своемъ творествѣ, но теперь она для него знакъ возврата на землю, знакъ пробужденія мертвеца. Конечная мысль Ибсена въ эпилогѣ, какъ и во всемъ, что онъ доказывалъ въ своемъ творествѣ,—та, что Ирена ведетъ Рубека на высоту,—т.-е., что единство достигается только въ соединеніи, а не въ уединенности. Въ союзѣ Рубека и Ирены—залогъ единенія искусства и жизни, души и плоти, стремленій и достижений. Этимъ новымъ толкованіемъ „вѣчно женственнаго“, какъ залога высшихъ достижений, Ибсенъ и заканчиваетъ свою драму,—причемъ, однако, заканчиваетъ ее вопросомъ. Рубекъ и Ирена идутъ вверхъ, въ горы. Ибсенъ спрашиваетъ: „Вѣрный ли это путь, приведетъ ли онъ насъ къ водворенію царства Божія на землѣ?“ Падающая лавина оставляетъ вопросъ безъ отвѣта.

Таковъ сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ выпуклый, глубоко понятый и ярко воссозданный образъ Ибсена въ книгѣ Керра. Мы остановились болѣе подробно именно на этомъ очеркѣ, потому что въ немъ критическіе приемы Керра примѣняются къ самому крупному явленію въ современной европейской драмѣ, и его умѣнье чутко и разносторонне судить о писателѣ находить дѣйствительно очень обширный и благодарный матеріалъ. Изъ другихъ очерковъ наиболее интересны нѣсколько отдѣльныхъ разборовъ наиболее характерныхъ драмъ Гауптмана. Его Керръ ставитъ очень высоко тоже потому, что видитъ въ немъ идеалиста, выразителя „духовнаго наростанія“ (Aufwärtsstimmung), т.-е. того настроенія, которое онъ считаетъ основнымъ для нашего времени. Онъ старается свести и Гауптмана къ одной основной чертѣ, дать его точную формулу, „опредѣлить его ядро“, по его выраженію. Этимъ „ядромъ“ творчества Гауптмана онъ считаетъ не угасающую въ душѣ его мечту о лучшемъ будущемъ. Эта мечта звучитъ въ „Потонувшемъ колоколѣ“, въ мрачномъ образѣ чернаго рыцаря, Флоріана Гейера, съ его тщетной борьбой за народное освобожденіе. „У всякаго человѣка есть своя надежда и мечта“,—гласятъ заключительныя слова „Тячей“, драмы, гдѣ среди жалобныхъ воплей голодающихъ тячей создается и нарастаетъ неуклонный духовный подъемъ. Въ предсмертныхъ сновидѣніяхъ жалкой измученной дѣтской души тоже звучитъ грѣза о грядущемъ свѣтѣ, жажда освобожденія отъ мукъ и пыли, жажда радости и красоты. И во всемъ творествѣ Гауптмана чувствуется эта атмосфера мечтаній и надеждъ на грядущее царство свѣта. Увлекаясь главнымъ образомъ идеалистическими

настроениями Гауптмана, Керр ставит очень высоко ту из его драмъ, которая имѣла наименьшій успѣхъ и при постановкѣ, и въ печати— „Флоріана Гейера“. Онъ упоминаетъ и о недостаткахъ драмы, объ избыткѣ однообразныхъ и несущественныхъ подробностей. Но онъ главнымъ образомъ указываетъ на благородство замысла, изображающаго эпизодъ изъ великой трагикомедіи человѣческой борьбы, дѣло, задуманное людьми, исполненное людьми—и растоптанное людьми, но въ общемъ свидѣтельствующее о величій человѣческаго духа. Сущность Гейера въ томъ,—говоритъ Керръ,—что „пламя справедливости охватило его душу“. Большое значеніе Керръ придаетъ также „Возчику Геншелю“—„трагедіи первобытнаго человѣка, составляющей современную трагедію рока“. Значеніе Гауптмана, какъ и Ибсена, по слѣдамъ котораго онъ идетъ, Керръ видитъ опять-таки въ его идеализмѣ, въ тѣхъ „духовныхъ побѣдителяхъ, покоренныхъ жизнью“, которыхъ онъ создалъ въ своихъ драмахъ—на утѣшеніе людямъ, погибающимъ среди разбиваемыхъ жизнью мечтаній. Таковы и Флоріанъ Гейеръ, и Ганнеле, и „Ткачи“,—и главнымъ образомъ Михаилъ Крамеръ. Онъ духовно торжествуетъ тогда, когда онъ наиболее покоренъ жизнью, когда его душевныя страданія достигаютъ апогея и когда въ его переживаніяхъ воплощается самая рѣзкая борьба между духомъ и плотью, т.-е. то, что есть вѣчнаго и—единственно-трагичнаго въ судьбахъ человѣческихъ.

Разбираясь въ произведеніяхъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся представителей современной нѣмецкой драмы, Керръ ищетъ въ каждомъ изъ нихъ именно этой сути, связывающей литературу съ смысломъ всѣхъ человѣческихъ переживаній. Для него не существенно различіе литературныхъ группъ:—натуралисты и символисты для него одинаково правы, поскольку они задѣваютъ существенное, а не теряются въ расплывающихся внѣшнихъ явленіяхъ. По стилистичности и художественности формулировокъ и критической полнотѣ слѣдуетъ выдѣлить въ особенности очерки о Шницлерѣ и Ведекиндѣ.

II.

Myriam Harry. La Conquête de Jerusalem. Roman Moderne. Стр. 393. Paris. 1905. (Calm. Lévy).

Романъ Миріамъ Гарри, „Завоеваніе Іерусалима“—одинъ изъ самыхъ серьезно задуманныхъ среди французской беллетристики за послѣднее время. Онъ получилъ премію, недавно основанную для женщинъ-писательницъ,—и дѣйствительно заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Въ Парижѣ постоянно выходятъ въ свѣтъ новые романы—

и выступающих впервые, и давно составивших себя имя авторов, но эта жатва в последнее время поражает своей неудовлетворительностью. Нѣтъ недостатка въ талантливыхъ писателяхъ—есть тонкіе художники, есть виртуозы-стилисты, но въ общемъ получается впечатлѣніе, что имъ нечего сказать, что поэтому они утомительно варьируютъ одну и ту же тему, описывая супружескія измѣны и всякаго рода чувственныя переживанія,—или же, для разнообразія, занимаются психологіей буржуазныхъ добродѣтелей и идеаловъ. Джонъ-Антуанъ Но, авторъ сильнаго и оригинальнаго романа „Вражья Сила“, знакомаго нашимъ читателямъ по русскому переводу, пользуется своимъ виртуознымъ стилемъ, своимъ поразительнымъ знаніемъ языка и жизни разнообразныхъ слоевъ общества—до самыхъ его подонковъ включительно—для того, чтобы въ своемъ новомъ романѣ „Préteur d'amour“ изобразить жизнь парижской буржуазіи и интеллигенціи въ видѣ какого-то кошмарнаго царства низменнаго, грубаго разгуда. Въ томъ же духѣ, хотя и съ большой эстетической изысканностью написанъ новый романъ Ренье, „Le passé vivant“. А наряду съ этимъ братья Маргеритъ даютъ въ „Prisme“ pendant къ своимъ „Vierges Fortes“ и описываютъ судьбы современныхъ практическихъ юношей и преданность ихъ матерей, готовыхъ на всякія сдѣлки съ совѣстью ради благополучія дѣтей. Или же Ж. Реваль, талантливый бытописатель французскихъ учащихся женщинъ въ „Sevriennes“, отстываетъ теперь, въ „Criche Cassée“, права на уваженіе къ себѣ дѣвушки, которая по искреннему увлеченію и неопытности испытала грустную судьбу хорошенькой дѣвушки на картинѣ Грѣза „Criche Cassée“. Для того, чтобы ломиться въ эти открытыя двери, не стоило, казалось бы, писать цѣлаго романа съ растянутыми банальными эпизодами,—но такова бессодержательность современнаго французскаго романа, что книги вроде „Criche Cassée“ далеко не составляютъ въ ней исключенія,—также какъ и откровенная порнографія, которой занимаются въ своихъ произведеніяхъ очень извѣстные романисты.

„Завоеваніе Іерусалима“ составляетъ исключеніе среди этого рода беллетристики. И внутреннее содержаніе, и фонъ, на которомъ разыгрывается душевная драма героя, представляютъ несомнѣнный интересъ. Современный Іерусалимъ описанъ въ романѣ очень красочно. Отношеніе автора къ Іерусалиму пессимистическое. Онъ показываетъ, какъ въ этомъ центрѣ религіозной жизни все сводится къ мелкой и узкожитейской распрѣ между разными религіями. Идейный замыселъ романа заключается въ противопоставленіи разныхъ религіозныхъ началъ въ душѣ современнаго человѣка. Эли Жамонъ пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ съ чисто христіанской миссіей. Онъ—ученый археологъ, и цѣль его пріѣзда—отдать всѣ свои знанія и труды на защиту хри-

стіанства, укрѣпить евангельскія традиціи своими учеными изысканіями. Но жизнь въ Іерусалимѣ, знакомство съ прошлымъ и настоящимъ, также какъ и личныя переживанія, столкновенія съ представителями разныхъ христіанскихъ вѣроученій и съ древними восточными религіями, осложняютъ душевный міръ Эли Жамена, будятъ въ немъ спавшія влеченія къ таинственному языческому прошлому востока. Онъ испытываетъ на себѣ соблазны, нѣкогда смущавшіе древнихъ израильтянъ,—и гибнетъ среди трагическихъ внутреннихъ переживаній. Вѣшная борьба или, вѣрнѣе, прозаическая конкуренція христіанскихъ вѣроученій — главнымъ образомъ католичества и протестантства—въ европейскомъ населеніи Іерусалима, и внутреннія противорѣчія христіанскаго и языческаго начала въ душѣ героя романа составляютъ драматическій интересъ „Завоеванія Іерусалима“. Вначалѣ восторженному молодому ученому все въ Іерусалимѣ кажется преисполненнымъ чудесъ и красоты. Онъ глядитъ съ высоты на разстилающійся у его ногъ городъ и вѣрить, что адѣсь для него обѣтованная земля. Онъ чувствуетъ, глядя на окружающія городъ владбища, на выжженную солнцемъ пустыню вокругъ, что любитъ страдающую и героическую душу Іерусалима, гдѣ трепещутъ и сливаются души всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Въ немъ пробуждается гордое сознаніе своей силы. Онъ надѣется завоевать Іерусалимъ — и чувствуетъ готовность отдать всю свою жизнь на служеніе своей цѣли. И въ этотъ часъ таинственнаго общенія съ притягивающимъ его городомъ Эли слышитъ голоса, остерегающіе его и предвѣщающіе ему его судьбу. Рядомъ съ собой, на балконѣ минарета, съ высоты котораго онъ глядитъ на Іерусалимъ, онъ видитъ величественнаго старика въ черной мантии съ мальтійскимъ крестомъ. Это—полубезумный рыцарь храмовникъ, помѣшавшійся на любви къ Іерусалиму. Онъ остерегаетъ Эли отъ женщинъ, „которыя убиваютъ героизмъ и мечты“. Изъ-за женщинъ,—говорятъ рыцарь,—погибли его предки,—изъ-за женщины погибнетъ и новый завоеватель Іерусалима, если сковываетъ свой духъ привязанностью къ женщинамъ. Возвращаясь въ городъ, Эли слышитъ еще одно пророчество, исходящее на этотъ разъ отъ страннаго человѣка, одѣтаго на подобіе Христа, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Это—безумецъ, мнящій себя послѣднимъ іерусалимскимъ пророкомъ, и онъ кричитъ съ пѣной у рта: „Горе вамъ, надменные гордецы, вознесшіеся въ мечтахъ,—раскайтесь, раскайтесь! Пришедшіе въ радости—вернутся горестные. Смиритесь — Іерусалимъ принадлежитъ нищимъ духа. Горе вамъ всѣмъ! Іерусалимъ подобенъ Молоху—онъ питается слезами и кровью!“ При этихъ предзнаменованіяхъ начинается жизнь Эли Жамена въ Іерусалимѣ, и уже черезъ нѣсколько недѣль его первоначальная восторженность уступаетъ мѣсто

разочарованію. На родинѣ евангельскаго ученія, проповѣдующаго милосердіе и терпимость, онъ видитъ неугасающій костеръ вражды и ненависти. Церковь Гроба Господня кажется ему храмомъ раздора, гдѣ молитвы и пѣнопѣнія раздаются не во славу Божию, а для того, чтобы заглушить голосъ служителей другой церкви, помѣшать ихъ молитвамъ дойти до небесъ. Эли, мечтавшій о томъ, что его вѣра укрѣпится, когда онъ приблизится къ ея источнику, съ ужасомъ видитъ теперь, что онъ погружается въ мракъ, что вмѣсто твердой вѣры онъ наталкивается здѣсь на смущающія его духъ суевѣрія. Всюду грубая поддѣлка сватынь; всюду грубый обманъ—вродѣ продажи квитанцій на мѣста въ рай,—и никакихъ доказательствъ пребыванія божественнаго Учителя. Онъ точно прошелъ по этой землѣ какъ призракъ—не оставивъ слѣдовъ. Эта картина современнаго Іерусалима, погрязшаго въ меркантильныхъ интересахъ, нарисована въ романѣ очень живо.

Больше близости къ священному прошлому Эли находятъ въ іудейскихъ сватыняхъ Іерусалима. Отъ Голгофы помысли Эли обратились на другую часть Іерусалима, туда, гдѣ сохранились подлинныя остатки іудейскаго храма. Какимъ чудомъ,—спрашивалъ онъ себя,—эти камни сохранились послѣ двадцати разрушеній и двадцати вѣковъ—и какимъ чудомъ этотъ народъ, разсѣянный по всѣмъ концамъ міра, является въ такой же одеждѣ, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, рыдать на мертвомъ языкѣ съ неизмѣнно возрождающейся страстью и съ несокрушимой вѣрой передъ этой разрушенной стѣной? Заинтересованный силой духа и странной судьбой многострадальнаго, объединеннаго братскими чувствами народа съ его „упрямой и бесплодной скорбью“ объ утраченномъ храмѣ, Эли сталъ изучать жизнь еврейскаго квартала, подружился съ его обитателями, познакомился съ религиозными обрядами, сталъ вникать въ ихъ ученіе и ихъ нужды и проникся безконечной жалостью къ ихъ страданіямъ. Но когда у него возникли планы активной помощи имъ, фанатики, охотно посвящавшіе его въ тонкости своего ученія, стали бояться его вліянія, которое могло бы варушить неприкосновенность старыхъ традицій, и объявили его врагомъ, ложнымъ пророкомъ, который хочетъ отнять у нихъ Сіонъ. Сношенія съ евреями кончались печально для молодого ученаго. Ночная стража, дѣлая обходъ еврейскаго квартала, наталкивается на лежащаго безъ чувствъ на землѣ молодого европейца,—это Эли Жамель, въ котораго мѣтко попалъ камень, брошенный въ него изъ маленькаго грязнаго окна въ гетто. Эли долго болѣетъ послѣ этого, и болѣзнь мѣняетъ всю его судьбу. Его привезли въ безсознательномъ состояніи въ протестантскій госпиталь, гдѣ за нимъ ухаживаетъ красивая діаконалиса, сестра Сицилія.

Онъ въ нее влюбляется во время долгаго періода выздоровленія—и женится на ней. Главной побудительной причиною для Сициліи является желаніе обратить въ протестанство уже отошедшаго нѣсколько отъ католичества молодого ученаго и обратить его ученость на служеніе протестантству.

Любовь къ женѣ, холодной женщинѣ, посвятившей жизнь исполненію очень узко понятаго религіознаго долга, становится для Эли источникомъ безконечныхъ сраданій, дѣйствительно убивающихъ его духъ, какъ предсказалъ безумный рыцарь. Онъ любитъ Сицилію страстной молодой любовью и старается пробудить и въ ней женщину, способную увлекаться. Они совершаютъ свадебное путешествіе по Галилеѣ, и среди бродячей жизни, остановокъ въ палаткахъ, постоянной перемѣны мѣстъ, Эли лишь изрѣдка чувствуетъ ограниченность своей жены,—будничность ея нравственныхъ сентенцій. Онъ слишкомъ увлеченъ страстью, слишкомъ восторгается красотой Сициліи, чтобы останавливать вниманіе на недомолвкахъ между ними. Ему удается на время заразить и ее пылкостью своихъ чувствъ, и строгая діаконисса порой внимаетъ благосклонно его пламеннымъ признаніямъ въ любви. Иногда она видимо опечалена суетными чувствами мужа, и особенно тяжело ей—какъ Эли видитъ по ея упорному, почти злобному молчанію—во время ихъ путешествія по Іудеѣ. Она здѣсь искала слѣдовъ пребыванія Христа и апостоловъ,—а его такъ опьяняло молодое чувство, что онъ далеко отъ евангельскихъ настроеній. Только съ переѣздомъ изъ Галилеи въ Сирію устанавливается большее согласіе между молодыми супругами; близость языческихъ храмовъ съ ихъ таинственными божествами, съ знойной атмосферой страстей, побѣждаетъ и Сицилію, которая впервые зажигается страстью; все дальнѣйшее путешествіе до возвращенія въ Іерусалимъ проходитъ для Эли въ полномъ упоеніи. Полное отрезвленіе начинается, однако, послѣ ихъ возвращенія въ Іерусалимъ.

Воображенію Эли рисуется изысканно прекрасная, полная радостной работы, освѣщенная любовью и душевной близостью жизнь, когда онъ устраивается въ купленной имъ турецкой виллѣ. Но вмѣсто этого Сицилія навязываетъ ему общество своихъ протестантскихъ друзей, пастора и миссіонера, съ ихъ чрезвычайно добродѣтельными и чрезвычайно скучными женами. Эли попадаетъ въ тѣсный кружокъ, главнымъ образомъ интересующійся сплетнями, — большей частью касающимися религіозности членовъ колоніи. Эли особенно больно, что Сицилія чувствуетъ себя вполне хорошо среди этихъ узкихъ интересовъ и сама злобно и черство относится къ католикамъ, готовая устраивать имъ всякія неприятели, какъ неудобнымъ конкурентамъ. У пастора Фишера и на чаепитіи въ госпиталѣ, гдѣ Сицилія

служила прежде діакониссой, одинаково проявляется духъ нетерпимости, страсть къ осужденіямъ и сплетнямъ. Изъ всѣхъ знакомыхъ Сициліи больше другихъ Эли нравится миссіонеръ Гольдманъ, бывший еврей, дѣйствительно увѣровавшій въ спасительную силу христіанства и горячо ведущій дѣло пропаганды—и его жена, бывшая кафешантанная пѣвица, дѣйствительно повѣрившая проповѣдямъ Гольдмана и полюбившая его. Вся протестантская колонія, въ томъ числѣ и Сицилія, недружелюбно относится къ Китти, не прощая ей ея прошлаго—и въ особенности того, что она не оставила привычки изящно одѣваться. Сицилія съ осужденіемъ говоритъ мужу о суетности Китти, и пугаетъ Эли своими пуританскими представленіями о христіанскомъ бракѣ. Онъ видитъ, что ихъ свадебное путешествіе кажется ей теперь грѣхомъ, и что она намѣрена искупить его строгостью дальнѣйшей жизни—и разговорами о добродѣтели съ пасторомъ и другими членами протестантской колоніи.

Эли по прежнему любитъ жену, страдаетъ отъ ея холодности и, главное, узкости интересовъ, но постепенно отделяется отъ нея въ свой внутренній міръ. Новый интересъ захватываетъ его душу,—онъ увлекается древними религіями Востока. Разочаровавшись въ Іерусалимѣ, онъ видитъ новую обѣтованную землю для себя—Моабъ съ его таинственными восточными храмами. Онъ входитъ въ сношенія съ продавцомъ древностей, Сламиномъ, черезъ посредство котораго добываетъ много настоящихъ древностей: ловкій поддѣлыватель, умѣющій надувать всѣхъ иностранцевъ, знаетъ, что ничего поддѣльнаго онъ не сможетъ навязать такому знатоку, какъ Эли. У Сламина Эли видитъ копію съ изображеніемъ древней египетской богини и загорается желаніемъ найти подлинникъ—статую Астарты, высшую святыню таинственнаго восточнаго культа. Сламинъ добываетъ ему обломокъ статуи, подлинный ея базальтовый пьедесталь: Эли разбираетъ на немъ надпись, удостоверяющую о принесенной грозной богинѣ жертвъ моабитской царицей, воздвигнувшей эту статую. Всѣ помыслы Эли направляются на разысканіе идола, которому поклонялся Востокъ,—и тѣмъ сильнѣе говоритъ въ немъ это желаніе, что съ этой новой мечтой у него связано представленіе о живой женщинѣ. У того же Сламина Эли увидалъ молодую женщину изъ Моаба,—съ которой ловкій Сламинъ, можетъ быть, и списалъ поразившее Эли лицо египетской богини,—и ея красота и таинственность сливаются для него съ мечтами о томъ, что ему дано открыть міру воскресшую соперницу Іерусалима, богиню луны, таинственную Астарту, культъ которой освобождаетъ въ человѣческой душѣ всѣ ея пламенные порывы, сдерживаемые побѣдой христіанства.

Домашняя жизнь менѣе поглощаетъ Эли съ той минуты, какъ имъ

овладѣла мечта объ Астартѣ — и о живой моабитянкѣ, воплощающей для него богиню. Онъ попрежнему привязанъ къ Сициліи, счастливъ тѣмъ, что у него родилась дочь, названная имъ Сіоной, — но несоотвѣтствіе между его пламенными настроеніями и трезвой добродѣтелью жены становится все большимъ и большимъ, и онъ не старается уже приобщить жену къ своей внутренней жизни. Сицилія видитъ только, что онъ увлекается древностями, наполняя свои рабочія комнаты разными покупками. Эли снаряжаетъ караваны для розысковъ идола, на которомъ сосредоточены всѣ его помыслы, и Сланинь пользуется этимъ, конечно, для выманиванія у него денегъ. Двѣ экспедиціи оказываются напрасными — Сланинь и его сообщники возвращаются, будто бы ограбленные по дорогѣ, — и тогда Эли рѣшается самъ предпринять путешествіе въ аравійскую пустыню вмѣстѣ съ отрядомъ бедуиновъ. Къ нему пріѣзжаютъ бедуины со своимъ вождемъ, превращая его домъ въ караванъ-сераль. Сицилія уѣзжаетъ съ дочерью изъ дому, боясь вторженія языческаго соблазна. И вмѣстѣ съ другими въ домъ Эли поселяется и молчаливая женщина изъ Моаба. Она кажется Эли еще болѣе таинственной послѣ того, какъ даритъ ему въ лунную ночь свою любовь — съ видомъ богини, нисшедшей осчастливить смертнаго. Три мѣсяца проводитъ Эли въ аравійской пустынѣ съ живымъ воплощеніемъ богини, съ женщиной, которую онъ называетъ Истаръ, въ честь богини Астарты, и съ бедуинами. Много раскопокъ дѣлаетъ онъ въ это время, находитъ много развалинъ, памятниковъ старины и интересныхъ надписей, — но статуя Астарты не дается ему въ руки; Сланинь ему заранѣе сказалъ, что эта статуя — величайшая святыня, которую жители Моаба не отдадутъ, потому что съ нею исчезло бы всякое счастье для нихъ. Экспедиція заканчивается для Эли внезапнымъ исчезновеніемъ всѣхъ его спутниковъ, кромѣ Сланина, который привозитъ его, больного, въ Іерусалимъ. Эли впалъ въ забытѣе, когда поднялся самумъ; пока онъ былъ боленъ, бедуины ушли домой, къ своимъ стадамъ — въ счастливый Іемень.

Послѣ этого проходятъ годы, — Эли становится знаменитымъ ученымъ, благодаря своимъ ученымъ изысканіямъ и раскопкамъ. Сицилія рада его славѣ и раздѣляетъ его лавры. Она полагаетъ, что онъ хочетъ воскресить язычество во всей его полнотѣ только для того, чтобы тѣмъ ревностие потомъ возвеличить христіанство, изучивъ враждебныя ему вѣрованія. Но близость къ восточнымъ религіямъ отравила душу Эли. Онъ тоскуетъ о пустынѣ, о Моабѣ, не можетъ примириться съ невозможностью найти статую Астарты, и все болѣе расходится съ женой и со всей протестантской колоніей. Онъ становится теперь предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со всѣхъ сторонъ:

и католики считаютъ его ренегатомъ, и протестанты перестаютъ вѣрить въ ортодоксальность его христіанскихъ вѣрованій въ виду его слишкомъ горячаго увлеченія религіями Востока. Новый пасторъ, смѣнившій Фишера, начинаетъ возстановлять Сицилію противъ мужа. Она требуетъ отъ него доказательствъ его вѣрности протестантизму, — а онъ, тоскуя о своихъ несбывшихся мечтахъ стать „жрецомъ воскресшей Астарты“, все больше отчуждается отъ жены. Выходятъ еще столкновенія изъ-за овдовѣвшей жены миссіонера Гольдмана, Китти, къ которой Эли питаетъ дружескія чувства. Сицилія и вся протестантская колонія преслѣдуютъ молодую вдову въ виду ея прошлаго, и она принуждена уѣхать. Раздоръ въ семьѣ Эли все увеличивается, тѣмъ болѣе, что Сицилія находитъ поддержку въ новомъ пасторѣ. Эли утѣшается близкими отношеніями съ подроставшей дочкой, — и она остается его утѣшеніемъ, когда Сицилія умираетъ, отравившись — не нарочно, а по недосмотру старика Фишера, давшего ей мышьякъ вмѣсто хинина. Еще одинъ разъ послѣ смерти Сициліи минута счастья улыбается Эли — къ нему снова является Истаръ, но только для того, чтобы снова исчезнуть, захвативъ съ собой обломокъ статуи Астарты. Моабъ не отдаетъ ему даже обломковъ своей святыни.

Съ этихъ поръ жизнь Эли окончательно разбита. Вся жизнь представляется ему какими-то обломками — ничего цѣльнаго ему не удалось ни испытать, ни сдѣлать. Его ученые открытія подвергаются осужденію, — вслѣдствіе разоблаченій Слагина, увѣрившаго всѣхъ, что все, что онъ доставлялъ Жамену — поддѣлки; всѣ сердечныя отношенія — къ женѣ, къ Истаръ, къ Китти — обрывались, оставляя горечь, — даже дочь онъ принужденъ отпустить отъ себя, такъ какъ для ея пробуждающейся молодой души нужно женское вліяніе. Ему остается только странная и жуткая любовь прокаженной женщины, издавна обожавшей его и видѣвшей въ немъ новаго Христа. Эли кончаетъ самоубійствомъ — и бросается съ минарета, съ котораго разглядывать Іерусалимъ, когда пріѣхалъ завоевать его. Его изуродованный трупъ находятъ рядомъ съ трупомъ прокаженной, которая умерла тутъ же, оплакивая его. — 3. В.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Письмо въ Редакцію.

Записка по крестьянскому дѣлу статсъ-секретаря С. Ю. Витте, для нашего брата, деревенскаго жителя, а также мѣстнаго дѣятеля, имѣла особенный,—если такъ можно выразиться,—жизненный интересъ. Въ ней, отчасти, выяснялось все серьезное значеніе мѣстнаго самоуправленія въ государственномъ устройствѣ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, проживъ за-границей около цитнадцати лѣтъ, я тогда еще убѣдился, что крѣпко установившееся мѣстное самоуправленіе—наиболѣе прочное основаніе для всякаго государственнаго строя. Въ монархической, глубоко лойяльной Англии, даже иностранцу свободнѣе и какъ будто безопаснѣе живется, чѣмъ въ республиканской Франціи. Дорого стояющія правительству старанія германизации восточныхъ провинцій Пруссіи не вполне достигаютъ цѣли въ высококультурной Германіи, а англійскій языкъ является наиболѣе распространеннымъ на нашей планетѣ, безъ малѣйшаго о томъ старанія со стороны англійскаго правительства. Несомнѣнно, не одно мѣстное самоуправленіе—причина настоящаго положенія Англии, но также несомнѣнно, что оно—одна изъ главныхъ его причинъ.

Мѣстное самоуправленіе принципиально, это—возможность мѣстнаго населенія свободно и независимо удовлетворять свои мѣстныя непосредственныя нужды въ той или другой формѣ, выработанной дѣйствительностью и временемъ. Уваженіе къ этимъ формамъ, освобождая всякое центральное правительство отъ массы труда по вмѣшателству въ удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, тѣмъ самымъ облегчаетъ ему, такъ сказать, обязательную дѣятельность по общему государственному хозяйству. Право удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, для успѣшной своей дѣятельности, должно согласоваться съ мѣстными условіями, и оно неминуемо, вслѣдствіе того, разнообразно въ своемъ примѣненіи. Общая обязанность всякаго самоуправления заключается въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ средствами, получаемыми отъ самообложенія. Всюду въ мѣстномъ самоуправленіи дѣло ведется представителями плательщиковъ на это дѣло. Само собою разумѣется, что никто изъ своего кармана не станетъ платить ни болѣе, ни менѣе того, что дѣйствительно требуется на удовлетвореніе общихъ мѣстныхъ нуждъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста не-

доразумѣніямъ между центральной администраціей и мѣстнымъ самоуправленіемъ: второе—только даровой помощникъ первой. Однако, мы видимъ, что такого рода недоразумѣнія бываютъ и въ высоко культурныхъ странахъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, такъ сказать, на-дняхъ произошло или, скорѣе, происходитъ столкновение между министерствомъ просвѣщенія и городскимъ магистратомъ изъ-за пользованія школьными помѣщеніями въ неучебное время. Такого рода недоразумѣнія порождаютъ борьбу въ ущербъ самому дѣлу. Нарушеніе правъ самоуправления вполнѣ естественно возбуждаетъ въ немъ стараніе оградить себя отъ вмѣшательства не только въ данномъ случаѣ, но и въ будущемъ.

Мы сказали, что принципиально форма мѣстнаго самоуправления всюду зависитъ отъ мѣстныхъ же условій. Девять-десятихъ населенія Россійской имперіи—крестьянское, и вполнѣ естественно, что мѣстное самоуправленіе должно быть крестьянскимъ. Крестьянство живетъ въ организованныхъ издавна группахъ приспособленныхъ къ удовлетворенію ближайшихъ нуждъ, вытекающихъ изъ совмѣстной жизни. Условія этой жизни разнообразны, и также разнообразны формы, въ которыхъ эта жизнь опредѣлилась. Измѣнять ихъ, вслѣдствіе теоретическихъ соображеній, никакого нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что крестьянская организація нисколько не препятствуетъ дальнѣйшей группировкѣ всего деревенскаго населенія съ цѣлью удовлетворенія всѣхъ общихъ мѣстныхъ нуждъ. Великій Царь-Освободитель даровалъ деревнѣ земство, которое успѣшно объединило и могло объединить въ себѣ все и всякое сельское населеніе для служенія мѣстному хозяйству. Польза, оказанная земствомъ сельскому населенію и особенно крестьянству,—неоспорима. Дѣятельность его, однако, была стѣснена, и въ настоящее время врядъ ли кто-либо сомнѣвается въ необходимости возвратиться къ прежнему, первоначальному Земскому Положенію. Такое возвращеніе нисколько не препятствуетъ заняться крестьянскимъ, внутреннимъ самоуправленіемъ. Крестьянство нынѣ, безспорно, обѣднѣло; а между тѣмъ послѣднее сорокалѣтіе прошло для него не безслѣдно; оно уже не то, чѣмъ было въ 1861 году. Наконецъ, сама многочисленность крестьянства дѣлаетъ его основаніемъ болѣе общаго деревенскаго хозяйственнаго самоуправления, т.-е. земства, и, разумѣется, желательно, чтобы этотъ фундаментъ былъ проченъ. Говорить о крестьянскомъ дѣлѣ—это говорить о жизни деревни. Моя двадцатилѣтняя предводительская служба въ мокшанскомъ уѣздѣ, типичномъ по общинному крестьянскому землепользованію, нѣсколько стѣсняетъ меня въ моихъ сужденіяхъ объ общемъ крестьянскомъ дѣлѣ. Полагаю, что я не лишенъ права на нѣкоторыя обобщенія.

Въ 1904 году, къ исполненію воинской повинности призывались въ

мокшанскомъ уѣздѣ молодые люди, рожденные въ 1883 году. Призывалось гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе усиленной дѣтской смертности въ 1884 г. (годъ моего избранія въ предводители) и въ послѣдующемъ. Пришлось взять немало льготныхъ, чего нивогда не бывало во всю мою двадцатилѣтнюю службу. Впрочемъ, это безразлично въ данномъ вопросѣ; главное—сословный составъ призываемыхъ. Изъ общаго количества таковыхъ—930 человекъ—крестьянъ было 881, мѣщанъ—37 и разночинцевъ 12. Въ числѣ послѣднихъ было: 9 изъ дѣтей духовенства и 3—чиновниковъ. Въ 1904 году, какъ и въ предыдущіе годы, призывъ доказалъ, что въ уѣздѣ, вмѣстѣ съ городомъ Мокшаномъ, коренное населеніе почти исключительно крестьянское. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, подобныхъ мокшанскому уѣзду,—существуетъ болѣе или менѣе та же преобладающая однородность сельскаго населенія. Такое преобладаніе безспорно придаетъ серьезное значеніе крестьянскому самоуправленію.

Крестьянское самоуправленіе, какъ основаніе крестьянской жизни, совсѣмъ не результатъ великой реформы 1861 года. Оно существовало прежде, при крѣпостномъ правѣ: гласно и открыто въ такъ называемыхъ оброчныхъ имѣніяхъ, а негласно и при барщинѣ. Въ селеніяхъ же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, еще до реформы, крестьянское самоуправленіе было организовано правительствомъ. Какъ оно дѣйствовало, это—другой вопросъ. Очень можетъ быть, что сельскіе и всякіе сходы имѣли наибольшее значеніе именно тамъ, гдѣ они не допускались. При всякихъ общихъ и экономическихъ условіяхъ сожительство въ одномъ мѣстѣ вынуждаетъ общее соглашеніе живущихъ въ немъ. Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости усилило общность интересовъ каждаго такого сожительства, получившаго данную на поступившее въ общее его пользованіе то или другое количество земли. При распредѣленіи этой земли между членами общества, а также при опредѣленіи связанныхъ съ землей правъ и обязанностей, миръ, сходы сдѣлался официальнымъ учрежденіемъ; приговоры его приобрѣли значеніе формальныхъ актовъ. Явились и недовольные распоряженіями схода и его приговорами. При мировыхъ посредникахъ, вводившихъ новые порядки, или, вѣрнѣе, производившихъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вполне понятно—жалобы однообщественниковъ на постановленія ихъ сельскихъ обществъ поступали на разбирательство мировыхъ посредниковъ, а ихъ рѣшенія могли быть обжалованы съѣзду мировыхъ посредниковъ. Вслѣдствіе неудовлетворительности прежнихъ дореформенныхъ судовъ, чисто судебныя дѣла получили административное направленіе. Временное, случайное сдѣлалось постояннымъ. Убѣжденіе, что крестьян-

ское самоуправленіе требуетъ особаго, спеціального наблюденія надъ его дѣятельностью, все болѣе крѣпко. Неудовлетворительность наблюденія объяснялась его неопредѣленностью; оно измѣнялось въ духѣ авторитета власти, а крестьянская жизнь развивалась самостоятельно, вопреки официальнымъ надъ ней руководителямъ.

Судъ—единственно правильное и вѣрное учрежденіе для разбора всякихъ жалобъ о правонарушеніяхъ, кѣмъ бы они производимы ни были. Введеніе въ сферу удовлетворенія судебныхъ потребностей какого-то особаго судебно-административнаго порядка для нѣкоторыхъ дѣлъ производить безцѣльную, ничѣмъ не вызываемую путаницу въ крестьянской жизни. Въ настоящее время многія дѣла между обществами, а также иски частныхъ лицъ къ обществамъ—и наоборотъ—доходятъ до судебного сѣзда земскихъ начальниковъ и разрѣшаются вполнѣ удовлетворительно судебнымъ порядкомъ. Ни малѣйшей нѣтъ надобности въ надзорѣ надъ дѣятельностью сельскихъ обществъ, когда ею не нарушаются ничьи права; на случай же таковыхъ нарушеній есть судъ. Причемъ и для чего тутъ спеціальныи надзоръ?

Крестьянское самоуправленіе состоитъ не изъ однихъ только сельскихъ обществъ, и это вполнѣ разумно. Еслибы общества, между которыми есть весьма мелкія, должны были одни исполнять всѣ лежащія на нихъ обязанности, это бы ихъ окончательно разорило. Взносъ повинностей и счетоводство по нимъ; веденіе семейныхъ списковъ; призывъ новобранцевъ и вся письменная часть, имъ вызываемая; веденіе списка запасныхъ чиновъ; счетоводство по продовольственнымъ ссудамъ, отъ которыхъ врядъ ли свободно какое-либо крестьянство въ чисто земледѣльской мѣстности, и т. д.,—все это требуетъ немалыхъ расходовъ, которые положительно непосильны для большинства сельскихъ обществъ. Дѣйствительность требуетъ соединенія мелкихъ, такъ сказать, основныхъ единицъ крестьянскаго самоуправления въ болѣе крупныя. Такимъ крупнымъ представителемъ и хозяиномъ крестьянскаго самоуправления сдѣлалась волость со своимъ, по закону, выборнымъ правленіемъ. Волостное правленіе обратилось, однако, не только въ общеадминистративную основную, но и въ полицейскую единицу въ деревнѣ, и нельзя не сказать, что это весьма практично. Воспользоваться спеціальнымъ учрежденіемъ для исполненія общегосударственныхъ обязанностей безъ малѣйшей общегосударственной затраты, безусловно практично, но, врядъ ли справедливо. Такая явная, однако, несправедливость легко устранима; достаточно вознаграждать расходы, вызываемые исполненіемъ общеадминистративныхъ обязанностей. Это, во всякомъ случаѣ, будетъ хозяйственнѣе и дешевле, чѣмъ заводить какія-нибудь параллельныя учрежденія. Полицейская окраска, наложенная прошедшимъ на волостное

правление, сдѣлала его антипатичнымъ. Въ общественномъ мнѣніи сложился взглядъ, что въ этомъ учрежденіи царствуетъ пьяный взяточникъ волостной писарь. Такихъ типичныхъ волостныхъ писарей нынѣ очень мало, и они совершенно исчезнутъ, если крестьянство будетъ освобождено отъ тяготящей надъ нимъ опеки. Въ первое время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ деревнѣ не было того разряда лицъ, которые могли бы сколько-нибудь удовлетворительно вести канцелярскую переписку, и, вполне естественно, приходилось мириться съ разнообразными недостатками г.г. волостныхъ писарей. Мало-по-малу количество такъ-называемой деревенской интеллигенціи увеличилось и все болѣе увеличивается. Конкуренція не только облегчила пріисканіе способныхъ людей, но и улучшила ихъ качество. Наше темное крестьянство въ высшей степени практично и потому прекрасно понимаетъ всю важность выбора въ должности знающихъ, дѣльныхъ и хорошихъ людей.—Если за крестьянскимъ самоуправленіемъ будетъ признана полная самостоятельность, несомнѣнно, выборы въ немъ будутъ дѣльные и правильные.

Мы въ деревнѣ не пропускаемъ случая поостроумничать надъ петербургскимъ чиновничьимъ бюрократизмомъ и надъ тѣмъ легендарнымъ столоначальникомъ, который, какъ извѣстно, издавна управляетъ Россіей; сами же мы, деревенскіе жители, пожалуй безсознательно, вѣруемъ въ чиновника. Во всякомъ дѣлѣ мы считаемъ первой необходимостью лицо, челоуѣка, т.-е. чиновника, должнымъ образомъ направляющаго это дѣло, разумѣется, подъ тѣмъ или другимъ контролемъ. Я глубоко убѣжденъ, что именно въ деревнѣ будутъ просто напуганы независимымъ, крестьянскимъ самоуправленіемъ. Какъ! эту темную, громадную массу оставить безъ контроля и наблюденія?!—да это бѣги вонъ изъ деревни! Въ сущности, что такое нынѣ существующіе надъ крестьянствомъ наблюденіе и контроль? Право земскаго начальника уволить волостного писаря, по своему усмотрѣнію, и потребовать всякія срочныя и несрочныя вѣдомости. Что измѣнили въ крестьянской жизни, какую пользу ей принесли г.г. земскіе начальники? Да никакой! Жизнь эта идетъ сама собой подъ вліяніемъ общихъ и мѣстныхъ условий; благосостояніе же крестьянства, почти повсюду, все болѣе и болѣе падаетъ. Гдѣ были аграрныя недоразумѣнія, или безпорядки—земскіе начальники оказались бессильными ихъ предупредить или остановить; гдѣ же таковыхъ явленій не было,—тамъ спокойное и мирное теченіе крестьянской жизни уже никакъ нельзя приписать ихъ наблюденію и вліянію.

Во всякомъ самоуправленіи выборное начало представляетъ собою

очень дѣйствительное обезпеченіе противъ неправильности дѣйствій избранныхъ. Въ земскихъ собраніяхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, не всеильные г.г. губернаторы обезпечиваютъ правильную дѣятельность избранныхъ собраніями исполнительныхъ органовъ, а избираемыя ревизіонныя коммисіи и еще болѣе право каждаго гласнаго заявить собранію о замѣченныхъ имъ упущеніяхъ или неправильностяхъ этихъ органовъ. Наконецъ, есть судъ, къ которому можетъ обратиться потерпѣвшій отъ всякаго самоуправленія и его органовъ. Это послѣднее средство тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ лучше и независимѣе оно организовано. Впрочемъ, темное крестьянство и теперь къ нему нерѣдко прибѣгаетъ. Ежегодно выборными отъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ производится учетъ сельскихъ и волостныхъ властей въ израсходованіи находившихся въ ихъ распоряженіи суммъ. Бываетъ, что начеть производится именно на тѣхъ должностныхъ лицахъ, которыя по своимъ административнымъ или, скорѣе, полицейскимъ способностямъ наиболѣе одобряются и отличаются существующимъ надъ крестьянствомъ начальствомъ.

Безусловно, судъ—единственно вѣрный и незамѣнимый цѣлитель болѣзненныхъ явленій всякаго самоуправленія, но судъ доступный, независимый и нелицеприятный. Въ послѣднее время нерѣдко въ печати и въ обществѣ указывалось на неудовлетворительность дѣятельности нашей судебной организаціи. Я нисколько не намѣренъ говорить объ этой дѣятельности, но не могу не коснуться одной изъ ея сторонъ, прямо касающейся крестьянства. Въ моей долгодѣтней службѣ мнѣ неоднократно приходилось, исправляя должность губернскаго предводителя, быть сословнымъ представителемъ въ выѣздной сессіи саратовской судебной палаты. Помню, въ первый разъ я былъ положительно пораженъ торжественнымъ, подробнымъ, съ многочисленными свидѣтелями, разборомъ дѣла, окончившагося присужденіемъ какой-то оторопѣвшей бабы къ нѣскольконедельному аресту. Не говоримъ объ отвлеченіи отъ болѣе серьезныхъ занятій части состава высшаго апелляціоннаго суда, но во что обходятся государственному казначейству разъѣзды судебной палаты, состоящей изъ предсѣдателя, трехъ членовъ, товарища прокурора и секретаря, а также вызовъ свидѣтелей, очень хорошо оплачиваемый? Я не подсчитывалъ, но въ общемъ, для всѣхъ судебныхъ округовъ, расходъ долженъ быть значительный.

Всюду существуетъ извѣстная, своего рода постепенность въ судебной организаціи; всюду также существуютъ низшіе суды, призванные удовлетворять мелкія судебныя потребности населенія. Суды такого рода должны быть многочисленны и доступны не только по своей близости къ населенію по разстоянію, но и по своей дешевизнѣ, а

также и по своему пониманію жизни и нуждъ этого населенія. Требовать относительно значительнаго расхода при исѣѣ, напримѣръ, въ нѣсколько рублей—было бы несомнѣннымъ отказомъ правосудія (*déni de justice*). При крестьянскомъ самоуправленіи волостной судъ представляетъ собою наименѣе необходимое его дополненіе. Несомнѣнно, что при развитіи этого самоуправления, въ смыслѣ его независимости, волостной судъ значительно улучшится какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своей дѣятельности. Если нынѣ, при полномъ безправіи крестьянства, рѣшенія волостныхъ судовъ часто поражаютъ своей вѣрностью,—разумѣется, эти рѣшенія могутъ только выиграть при освобожденіи крестьянъ отъ административной зависимости. Къ сожалѣнію, эти крестьянскіе суды—по мнѣнію большинства—подлежатъ уничтоженію. Неоднократно въ печати я старался выяснитъ то важное и полезное значеніе, которое имѣютъ волостные суды въ крестьянской жизни, и нисколько не сѣтую, что мое неавторитетное слово не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на установившееся теченіе въ общественномъ мнѣніи. Моя неавторитетность меня нисколько не огорчаетъ, а напротивъ, успокаиваетъ. Главное не то, что говорить, а что сказано. Потому продолжаю говорить объ излюбленномъ мною волостномъ судѣ, стараясь только не повторяться.

Въ изданной Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности брошюрѣ „Крестьянскій порядокъ“ приведено мнѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ комитетовъ: обратить волостные суды въ гминные суды, вполнѣ удовлетворительно дѣйствующіе въ привислянскихъ губерніяхъ. Наши русскія, полурусскія и инородческія окраины имѣютъ право на мѣстное самоуправленіе подъ защитой русскихъ законовъ, если имѣется въ виду сдѣлать ихъ русскими подданными не только по имени, но и по существу. Если въ привислянскихъ губерніяхъ, при введеніи въ нихъ мѣстнаго самоуправления, гминные суды окажутся желательными, ихъ надо сохранить. На югѣ Россіи, вслѣдствіе подворнаго крестьянскаго землевладѣнія и широкаго распространенія мелкаго землевладѣнія, даже и въ земскихъ губерніяхъ не только составъ волостнаго суда, но, пожалуй, и всего крестьянскаго самоуправления требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій, и, несомнѣнно, это желательно. Главное, это что мѣстное самоуправленіе—основа государственнаго строя, а не однообразная форма, въ которую оно должно быть втиснуто, не взирая ни на какія мѣстныя условія. Компетенція волостнаго суда, законы, коими онъ долженъ руководиться, это есть законодательство, требующее коллегіальной, тщательной, всесторонней работы, и затрогивать такой вопросъ вскользь въ журнальной статьѣ было бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Не могу не замѣтить, что разъ земскіе начальники будутъ упряд-

нены, удовлетвореніе правосудныхъ потребностей деревенской жизни выдвигаетъ на первую очередь возвращеніе къ прежнимъ мировымъ учрежденіямъ. Тогда волостные суды могутъ быть подчинены въ апелляціонномъ порядкѣ съѣзду мировыхъ судей—чего, прежде не было, и тѣмъ самымъ эти суды войдутъ въ необходимую связь съ общими судебными учрежденіями. Кстати, возвращеніе къ мировому институту дастъ возможность размѣстить г.г. земскихъ начальниковъ, что имѣетъ немаловажное практическое значеніе. Только судъ уничтожить въ крестьянствѣ пагубное убѣжденіе, что начальство можетъ все, что захочетъ, и надо только умѣть просить пожалостливѣе. Только судъ водворить въ деревнѣ законность, т.-е. уваженіе къ закону, одинаково карающему и защищающему всѣхъ и cadaго. Многочисленное сельское населеніе всюду у насъ нуждается въ доступномъ судѣ, въ которомъ бы могли разбираться его мелкія дѣла и дѣлишки. Дѣло не въ названіи. Волостные суды, гдѣ они есть, имѣютъ право на уваженіе—хотя бы только вслѣдствіе долготѣннаго ихъ существованія. Не надо забывать, что коренное измѣненіе въ установившемся складѣ жизнедѣятельности всякаго организма болѣзненно на немъ отзывается, если не приняты во вниманіе всѣ условія и особенности его жизне-способности.

Крестьянство нуждается не только въ правильной своей организаціи, но также и не менѣе въ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей. Ему нужны школы, медицинская и ветеринарная помощь, дороги, мосты. Тутъ, какъ и въ организаціи крестьянскаго самоуправления, требуется группировка въ еще болѣе крупныя единицы. Прежде эти нужды преимущественно удовлетворялись уѣзднымъ земствомъ; нынѣ, благодаря все болѣе обостряющемуся объѣднѣнію сельскаго населенія,—еще болѣе крупная единица, губернское земство, было притянуто къ участию въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Постараюсь кратко выяснитъ настоящее положеніе земства.

Вначалѣ характеръ земской дѣятельности былъ созидательный, и польза, приносимая этой дѣятельностью, была не только ясна, но она, такъ сказать, бросалась въ глаза. Съ теченіемъ времени земство не удовлетворяло всѣ требованія, предъявляемыя ему мѣстной жизнью; земское же обложеніе изъ года въ годъ все росло. Земская дѣятельность стала подвергаться разностороннимъ нареканіямъ, и вполнѣ естественно начали появляться также разностороннія предложенія, какъ помочь горю. Все увеличивающаяся тягость земскаго обложенія, особенно въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, была прежде всего остановлена правительствомъ весьма логично опредѣленіемъ предѣль-

ности этого обложения. Общественное мнѣніе стало увлекаться идеей приближенія земства къ народу увеличеніемъ количества земскихъ исполнительныхъ органовъ, призванныхъ учреждать все необходимое для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ и завѣдывать учрежденнымъ. Въ земскихъ собраніяхъ положеніе управъ часто становится щекотливымъ. Расходы, вполнѣ оправдываемые, сокращаются иногда послѣ горячихъ споровъ единственно потому, что передъ предложеніемъ о нихъ былъ разрѣшенъ собраніемъ крупный расходъ. Не одна въ высшей степени желательная экономія въ расходованіи земскихъ средствъ руководить обыкновенно дѣятельностью земскихъ гласныхъ, а также, или еще болѣе, убѣжденіе, что всякое дѣло, при упорядоченіи его, можетъ быть ведено лучше и дешевле. Пренія на эту тему всего чаще бывають послѣ выборовъ въ нѣсколько обновленныхъ собраній. Въ общемъ нынѣ земскія собранія все болѣе вникають въ дѣло; избираемыя ими ревизіонныя коммисіи работаютъ болѣе усидчиво, чѣмъ прежде; а дѣятельность земства все болѣе носить характеръ недодѣланности, и земское обложеніе продолжаетъ расти,—разумѣется, въ размѣрѣ опредѣленной предѣльности. Это вполнѣ естественно.

Въ дореформенное время населеніе мокшанскаго уѣзда вполнѣ удовлетворялось однимъ уѣзднымъ врачомъ и одной больницей на *шесть кроватей* въ городѣ Мокшанѣ, и настолько удовлетворялось, что эта больница не всегда была вся занята. Въ первое время земской дѣятельности надо было чуть не силой тащить въ больницу; а теперь—постоянныя жалобы, что двѣ больницы въ совокупности на *шестьдесятъ кроватей* и три доктора—безусловно недостаточны. Больницы дѣйствительно почти всегда переполнены такъ, что приходится отказывать въ приѣмѣ. Въ психіатрическомъ отдѣленіи пензенской больницы „Приказа Общественнаго Призрѣнія“ было всего *дванадцать кроватей*, и это считалось вполнѣ достаточнымъ. Въ послѣднемъ пензенскомъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи штатъ кроватей въ губернской психіатрической больницѣ былъ опредѣленъ съ небольшимъ въ *четыреста кроватей*. Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ будущемъ очередномъ собраніи штатъ кроватей, а слѣдовательно и расходъ на нихъ, будутъ увеличены, несмотря ни на какое предложеніе объ упорядоченіи дѣла. Тѣ же жалобы, и самыя настоятельныя, слышатся и по ветеринаріи, каковой до земства въ деревнѣ не существовало.

При введеніи земствомъ начальнаго образованія, мѣстныя крестьянскія самоуправляющіяся единицы—общества и волости—охотно брали часть и даже болшую часть необходимыхъ для школъ расходовъ на себя; нынѣ это не такъ. Нынѣ обѣднѣвшее сельское населеніе съ трудомъ въ состояніи даже въ уменьшенномъ размѣрѣ уча-

ствовать въ школьномъ расходѣ, тѣмъ болѣе, что самый этотъ расходъ значительно увеличился. Школы стали многочисленныя и для нихъ требуются обширныя, дорого стоющія помѣщенія и увеличенный составъ учащихся. Земству приходится ассигновать болѣе на начальное образованіе, такъ какъ такихъ школъ не одна и не двѣ, а болѣе. Всѣхъ удовлетворить единовременнымъ и постояннымъ пособіемъ оно не можетъ—вотъ и является, какъ для начального образованія, такъ и для другихъ отраслей земскаго хозяйства, одно и то же положеніе: съ одной стороны, невозможность самыхъ настоятельныхъ расходовъ, а съ другой—все-же увеличеніе тягости земскаго обложенія.

Судя по отказамъ многихъ земскихъ ходатайствъ, за отсутствіемъ свободныхъ средствъ въ государственномъ казначействѣ, надо полагать, что государственное хозяйство находится въ положеніи одинаковомъ съ земскимъ. Теперь, когда наша родина переживаетъ тяжкія испытанія, разумѣется, возбужденіе всякихъ общехозяйственныхъ вопросовъ — неумѣстно. Можно, однако, надѣяться, что когда матушка-Россия войдетъ въ нормальныя условія своей жизни, придетъ время трезво разобратся въ экономическихъ условіяхъ этой жизни. Объединѣвшее сельское населеніе, уже по одной своей многочисленности, составляетъ основаніе всего государства, а также и всей его жизни. Эта жизнь можетъ только выиграть во всѣхъ отношеніяхъ, если это основаніе само по себѣ прочно экономически. Если же въ немъ все увеличивается количество людей, которымъ нечего терять, — такое положеніе неминуемо вліяетъ и будетъ все болѣе вліять неблагоприятно на развитіе государственной жизни. Организациа крестьянскаго самоуправленія, а также и земскаго, несмотря на пережитыя затрудненія, только окрепла. Несомнѣнно, что при освобожденіи крестьянства отъ административной зависимости и при возвращеніи земству первоначальнаго его положенія деревенская жизнь получитъ возможность правильно и успѣшно развиваться; но въ дѣлахъ, требующихъ расходовъ, одной организации недостаточно, — требуются средства. Сельское населеніе объединѣло, а оно—главный плательщикъ государственныхъ доходовъ, особенно косвенныхъ. Для государства была бы прямая выгода, чтобы нѣкоторая часть получаемаго съ деревни оставалась въ ней и тѣмъ помогла ей экономически оправиться.

О многомъ въ запискѣ статсъ-секретаря С. Ю. Витте мы хотѣли поговорить подробнѣе. Остановлюсь теперь только на заключеніи этой записки. Въ немъ сказано, что результатомъ работъ по пересмотру законодательства должно быть „приближеніе крестьянскаго правопорядка къ общему и, наряду съ этимъ, сохраненіе тѣхъ

особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для самого крестьянства и всего государства“. Если выраженіе „крестьянскій порядокъ“ понимается какъ *крестьянское самоуправленіе*, то, несомнѣнно, оно должно быть не только сохранено всюду, гдѣ оно существуетъ, но вполне освобождено отъ всякаго рода и вида административной опеки, и тогда сближеніе крестьянства съ прочими сословіями не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія.

Согласно 676 ст. IX т. св. зак. изд. 1899 г., „сельскіе обыватели пользуются личными правами, вообще природнымъ русскійскимъ обывателямъ присвоенными“. Далѣе, по 677 ст. того же IX тома: „Сельскіе обыватели не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору, или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственными и общественными властей“. Если г.г. старосты, старшины и земскіе начальники будутъ лишены права безъ суда, по личному своему усмотрѣнію, назначать наказанія, то, очевидно, вторая часть этой 677-ой статьи должна быть отмѣнена. Официально слово „крестьянинъ“ должно быть замѣнено тогда словомъ „сельскій обыватель“. Правда, пользованіе надѣльной землей связываетъ крестьянъ въ замѣнутыя юридическія единицы; но при уничтоженіи круговой поруки это пользованіе сдѣлалось только своеобразнымъ землевладѣніемъ, имѣющимъ чисто экономической характеръ. Какъ бы ни распредѣлялась въ любомъ обществѣ надѣльная земля, по ревизскимъ ли душамъ, или по наличнымъ, размѣръ земли, коимъ пользуется каждый однообщественникъ, значительно уменьшился и будетъ уменьшаться еще болѣе и скорѣе. Дальнѣйшій ходъ общественнаго землевладѣнія всецѣло зависитъ отъ общихъ причинъ, руководящихъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. Очень можетъ быть, что полеводство обратится въ огородничество; но также очень можетъ быть, что при переселеніи, разселеніи и выселеніи общественное землевладѣніе сдѣлается подворнымъ и крестьянское самоуправленіе будетъ сельскимъ самоуправленіемъ. Необходимость самостоятельной организаціи сельскаго населенія во всякомъ случаѣ останется та же, какъ и нынѣ.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1905.

Проектируемая новелла о печати. — Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій — Кто остается и кто уходитъ? — Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать. — Католицизмъ и униа. — Потрасающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. —
Е. И. Якушкинъ †.

Если вѣрить сообщенію одной изъ петербургскихъ газетъ, экстренное совѣщаніе высшихъ сановниковъ обсуждало недавно функціи будущаго земскаго собора и, признавъ за нимъ характеръ исключительно совѣщательный, высказалось за немедленное, безъ его участія, осуществленіе намѣченныхъ преобразованій. Тѣсно связанъ съ такимъ рѣшеніемъ, будто бы, и указъ 6-го мая, упразднившій министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ ¹⁾. Правдоподобнымъ это сообщеніе назвать никакъ нельзя. Еслибы земскому собору и была отведена роль чисто совѣщательная, то отсюда вовсе еще не слѣдовало бы, что всѣ очередныя реформы должны быть совершены какъ можно скорѣе, безъ выслушанія голоса народныхъ представителей. Обращеніе къ земскому собору, разъ что онъ призванъ стать въ ряду государственныхъ учреждений, одинаково желательно, одинаково необходимо и въ болѣе отдаленномъ, и въ ближайшемъ будущемъ; нѣтъ причины ограничивать его сферу дѣйствій тѣми вопросами, которые возникнутъ *послѣ* его созыва. Законодательный механизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до сихъ поръ, найденъ неудовлетворительнымъ, не достигающимъ цѣли; чѣмъ же можетъ быть оправдано поспѣшное проведеніе черезъ него, и только черезъ него, цѣлаго ряда мѣръ, знаменующихъ собою поворотъ въ правительственной политикѣ, отказъ отъ прежнихъ ея стремленій?.. Указъ 6-го мая состоялся внѣ установленнаго закономъ порядка и не свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, о намѣреніи использовать этотъ порядокъ какъ можно больше, пока онъ еще не уступилъ мѣсто другому. Сомнѣваясь, поэтому, въ достовѣрности сообщенія, приведеннаго выше, мы вполнѣ понимаемъ, однако, его происхожденіе. Основаніемъ для него послужилъ, по всей вѣроятности, тотъ безспорный фактъ, что рядомъ съ законопроектами, разработка которыхъ требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени и едва ли мо-

¹⁾ См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе“.

жетъ быть закончена раньше созыва земскаго собора, составляются и вносятся на утверждение, въ старомъ порядкѣ, другіе законопроекты, проникнутые старымъ духомъ. Къ противорѣчію между законодательными работами и административной практикой—противорѣчію, отмѣченному нами во внутреннемъ обзорѣни,—присоединяется, такимъ образомъ, противорѣчіе въ самой законодательной сферѣ. Типичнымъ его примѣромъ является законопроектъ о печати, внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ на рассмотрениеъ государственнаго совета.

Съ перваго взгляда этотъ проектъ можетъ показаться скорѣе улучшающимъ, чѣмъ ухудшающимъ положеніе печати; но ближайшее знакомство съ его содержаніемъ приводитъ къ другому заключенію. Статья 154-ая дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ вреднаго направленія изданія, подлежащаго предварительной цензурѣ, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатать разсужденія, указанные въ ст. 97-ой и 98-ой устава, и приостанавливать каждое такое изданіе на срокъ не свыше восьми мѣсяцевъ. Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ отказывается отъ послѣдняго права, но сохраняетъ первое. Статья 148-ая устава о цензурѣ и печати гласитъ: „если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго приостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ прав. сената“. Временныя правила 1882-го года, не отмѣняя эту статью, фактически упразднили ея дѣйствіе, предоставивъ совершенное прекращеніе періодическихъ изданій (въ томъ числѣ и подцензурныхъ) усмотрѣнію совѣщанія, состоящаго изъ четырехъ министровъ. Новый проектъ восстанавливаетъ дѣйствіе ст. 148, но распространяетъ ее на подцензурныя изданія и разрѣшаетъ примѣненіе ея безъ предварительныхъ предостереженій. Разсмотримъ отдѣльно каждое изъ этихъ предположеній. Статья 154-я основана на законѣ 1862-го года, изданномъ въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда казались необходимыми экстренныя мѣры къ обузданію печати. Изъ того же закона заимствованы ст. 97 и 98, опредѣляющія, вмѣстѣ съ ст. 99, при какихъ условіяхъ допустимы разсужденія о несовершенствѣ дѣйствующихъ узаконеній и о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣсть. Только вслѣдствіе явнаго недоразумѣнія всѣ эти статьи пережили реформу 1865-го года; не войдя въ законъ 6-го апрѣля, онѣ тѣмъ самымъ были признаны какъ бы потерявшими свою силу. И дѣйствительно, въ первое десятилѣтіе послѣ изданія закона 6-го апрѣля случаевъ приостановленія подцензурныхъ изданій не было вовсе; въ обиходъ главнаго

управленія по дѣламъ печати оно вошло лишь въ концѣ семидеся-
 тыхъ годовъ. Фактически бездѣйствовали и правила, установленныя
 ст. 97 и 98—бездѣйствовали тѣмъ болѣе, что имъ прямо противорѣ-
 чать ст. 1035 и 1039 улож. о наказ. ¹⁾, основанныя на позднѣйшемъ
 законѣ (6-го апрѣля 1865-го года). Разсужденія, перечисленные въ
 ст. 97 и 98, допускались, вопреки ст. 99, и въ небольшихъ по объему
 книгахъ, и въ дешевыхъ повременныхъ изданіяхъ. Весьма часто поль-
 зуясь ст. 154-ю для пріостановленія подцензурныхъ повременныхъ
 изданій, министерство внутреннихъ дѣлъ почти вовсе не примѣ-
 няло другую мѣру, предусмотрѣнную ст. 154-ю—отнесеніе изда-
 нія къ разряду тѣхъ, которыя подходятъ подъ дѣйствіе ст. 97 и 98.
 Цѣлесообразно ли, при такомъ положеніи дѣла, сохранять или, пра-
 вильнѣе, возстановлять дѣйствіе этой мѣры? Если проектируемая ре-
 дакция ст. 154-ой получить силу закона, статьи 97-ая и 98-ая не-
 сомнѣнно перестанутъ быть мертвой буквой; цѣлый рядъ изданій бу-
 детъ лишенъ возможности касаться важнѣйшихъ вопросовъ текущей
 жизни и выводить на свѣтъ злоупотребленія администраціи. Особенно
 чувствительный ущербъ это нанесетъ провинціи. Весьма часто въ
 губернскомъ городѣ существуетъ только одно независимое изданіе; съ
 примѣненіемъ къ нему ст. 97-ой и 98-ой водворится полное молчаніе
 о всемъ нарушающемъ спокойствіе мѣстной власти, о всемъ неприятомъ
 для центрального управленія. Равновѣсіе между мѣстными орга-
 нами официальными и не-официальными, и теперь весьма неустой-
 чивое, будетъ окончательно нарушено во вредъ послѣднимъ. Намъ
 могутъ возразить, что рѣчь идетъ только о мѣрѣ временной, скоро-
 преходящей; но вѣдь если *временное* правило на этотъ разъ и не
 окажется *долговременнымъ*, оно во всякомъ случаѣ будетъ дѣйствовать
 въ рѣшительный моментъ русской жизни—въ моментъ перехода къ
 новымъ формамъ государственнаго устройства. Больше чѣмъ когда-
 либо именно теперь нужна свобода печати, ограниченная только за-
 кономъ.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на другую пере-
 мѣну, проектируемую министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько
 лѣтъ тому назадъ немаловажнымъ шагомъ впередъ было бы даже
 возстановленіе дѣйствія ст. 148-ой, т.-е. ограниченіе административ-
 наго усмотрѣнія контролемъ сената; но теперь, послѣ указа 12-го де-
 кабря и рескрипта 18-го февраля, послѣ всѣхъ событій послѣдняго
 времени, въ виду заключеній, къ которымъ пришло совѣщаніе о пе-
 чати, русское общество въ правѣ ожидать несравненно большаго.

¹⁾ Ст. 1035 и примѣчаніе къ ней широко раздвигаютъ рамки ненаказуемой
 критики законовъ; ст. 1039 предполагаетъ возможность поименованія должностныхъ
 лицъ, воспрещаемого ст. 98-ой.

Возвращеніе къ старому порядку предполагается, притомъ, далеко не полное. Сорокъ лѣтъ тому назадъ прекращать, съ разрѣшенія сената, можно было только безцензурныя изданія, и притомъ не иначе, какъ послѣ трехъ предостереженій; теперь послѣднее условіе признается излишнимъ, и на одинъ рядъ съ безцензурными изданіями ставятся подцензурныя. Нужно ли доказывать, что къ усмотрѣнію въ формѣ предварительной цензуры несправедливо присоединять усмотрѣніе въ формѣ кары, да еще столь тяжелой, какою является прекращеніе изданія? Нужно ли доказывать, что какъ ни незначительна была охрана, вытекавшая изъ требованія трехъ предостереженій, она все-таки служила для журнала или газеты вѣкоторой гарантіей противъ внезапной смерти?.. Пойдемъ дальше: посмотримъ, во всѣхъ ли отношеніяхъ самый способъ прекращенія изданія, проектируемый теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, лучше того, которому онъ приходитъ на смѣну? Конечно, еслибы прекращенію изданія должно было *предшествовать* одобреніе этой мѣры сенатомъ, положеніе печати сдѣлалось бы нѣсколько болѣе прочнымъ: но вѣдь порядокъ предполагается обратный — министръ сначала прекращаетъ изданіе и потомъ уже представляетъ о томъ сенату. Исчезновеніе изданія, такимъ образомъ, не затрудняется, а облегчается: теперь оно требуетъ соглашенія четырехъ министровъ—а въ будущемъ оно предоставляется на волю одного министра внутреннихъ дѣлъ. Разногласіе между министрами было мало вѣроятно, но возможно—и его возможность нѣсколько сдерживала усмотрѣніе; говорятъ, что и на самомъ дѣлѣ министрамъ юстиціи и народнаго просвѣщенія удавалось иногда повліять на своего коллегу и остановить руку, уже поднятую для удара... Съ другой стороны, составъ перваго департамента сената часто подвергается измѣненіямъ, отражающимся на его рѣшеніяхъ, могущимъ, слѣдовательно, отразиться и на отношеніи его къ представленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что у большинства сенаторовъ всегда хватить твердости для отиѣны распоряженія министра—распоряженія, приведеннаго въ исполненіе и обратившаго на себя всеобщее вниманіе,—хотя бы несостоятельность его мотивовъ и была вѣдъ всякихъ сомнѣній. Желаніе поддержать престижъ администраціи легко можетъ оказаться болѣе сильнымъ, чѣмъ стремленіе возстановить нарушенное право. Допустимъ, наконецъ, что распоряженіе министра будетъ отиѣнено сенатомъ: кто вознаградитъ издателя, редактора и сотрудниковъ за потери, понесенныя ими вслѣдствіе прекращенія изданія? Всегда ли вознаградимы эти потери? Легко ли опять собрать вокругъ себя, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прежнихъ подписчиковъ журнала или газеты? А меньше, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, едвали будетъ продолжаться

періодъ времени между распоряженіемъ министра и рѣшеніемъ сената, какія бы ни были приняты мѣры къ ускоренію сенатской процедуры... Къ осени будетъ, по всей вѣроятности, готовъ проектъ закона о печати, составляемый особымъ совѣщаніемъ. Въ ожиданіи его могутъ—и должны—быть смягчаемы дѣйствующія постановленія о печати; но для обостренія ихъ—къ какому, въ концѣ концовъ, ведетъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—нѣтъ, очевидно, ни основанія, ни повода, тѣмъ болѣе, что возобновились, въ послѣднее время, судебныя преслѣдованія за проступки печати.

Чѣмъ болѣе законъ оставляетъ мѣста для усмотрѣнія, тѣмъ сильнѣе, обыкновенно, разладъ между первоначальнымъ намѣреніемъ законодателя и проведеніемъ его въ жизнь. Никогда, кажется, этотъ разладъ не достигалъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ при примѣненіи ст. 140-ой устава о цензурѣ и печати. Она запрещаетъ оглашеніе или обсужденіе, *въ теченіе нѣкотораго времени*, вопросовъ *государственной важности*—а употреблялась, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, какъ способъ водворенія молчанія, на неопредѣленный, часто весьма продолжительный срокъ, по вопросамъ, изъ которыхъ многіе не имѣли ни государственной, ни какой бы то ни было важности. Давно уже доказанное въ печати, извращеніе ст. 140-ой сдѣлалось яснымъ, въ послѣднее время, и для официальныхъ сферъ; правильность созданной ею практики не пытался отстаивать ни одинъ изъ членовъ особаго совѣщанія, хотя въ его составъ входятъ два бывшихъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Единственнымъ фактическимъ выраженіемъ новаго взгляда является, однако, назначеніе—въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, мотивированныхъ ссылкой на ст. 140,—срока, въ продолженіе котораго нельзя касаться той или другой темы. Положеніе печати улучшается этимъ весьма мало. Ограничивая молчаніе *нѣкоторымъ временемъ*, составители ст. 140-ой имѣли въ виду тѣ случаи, для которыхъ, и только для которыхъ, она первоначально предназначалась: случаи, когда необходимо сохраненіе тайны *впредь до минованія извѣстныхъ обстоятельствъ* (напримѣръ—сохраненіе тайны переговоровъ о займѣ, вpredь до его заключенія). Совершенно инымъ является положеніе дѣла тогда, когда для соблюденія тайны нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній, когда вопросъ изъясняется изъ обсужденія не вслѣдствіе его государственной важности, а въ видахъ огражденія того или другого вѣдомства отъ нежелательной для него критики его распоряженій. Въ такихъ случаяхъ назначеніе срока молчанія, хотя бы и не очень продолжительнаго, равносильно совершенному запрещенію говорить о данномъ предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову, черезъ три мѣсяца или полгода, обсуждать мѣру, которую всѣ успѣли забыть и освѣщеніе

которой могло быть полезно только вслѣдъ за ея принятіемъ?.. Уступка, сдѣланная, какъ будто, общественному мнѣнію, не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого реальнаго значенія и доказываетъ только одно: необходимость ускорить радикальный пересмотръ всего законодательства о печати.

Въ основаніи всѣхъ указанныхъ нами—и многихъ другихъ—противорѣчій лежитъ, безспорно, борьба между старымъ и новымъ, между отжившимъ и нарождающимся, составляющая характерную черту переживаемаго нами труднаго времени. Обостряется эта борьба тѣмъ, что исполненіе преобразованій, необходимость которыхъ признана официально, остается, болѣею частью, въ рукахъ представителей прежняго порядка. Намъ случалось возражать противъ извѣстнаго афоризма: *men, not measures*—но еще болѣе спорнымъ является противоположное начало, доводящее до минимума значеніе и роль людей. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, внезапное превращеніе приверженцевъ произвола—въ защитниковъ законности, сторонниковъ принужденія—въ проводниковъ терпимости? Можно ли считать обезпеченною участь реформъ, вѣраемыхъ недавнимъ врагамъ всякой перемѣны? И чѣмъ искреннѣе тотъ или другой государственный дѣятель держался, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ теченіе долгой жизни, опредѣленнаго взгляда на задачи церкви или государства, тѣмъ меньше можно ожидать отъ него энергичнаго служенія идеямъ, идущимъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ. 17-ое апрѣля открыло новую эпоху въ исторіи русской церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи русскаго народа. Милліоны старообрядцевъ, сектантовъ, отщепенцевъ, „упорствующихъ“ всякаго рода получили ту свободу, въ которой имъ такъ долго и такъ непреклонно отказывала власть. Отвергнуты—т. е. осуждены—тѣ принципы, отстаиванью которыхъ были посвящены, изъ года въ годъ, отчеты оберъ-прокурора св. синода. „Зараза“, для характеристики которой пускались въ ходъ самыя жесткія эпитеты, признана естественнымъ, законнымъ явленіемъ народной жизни. Положенъ конецъ столь часто повторявшимся призывамъ къ властной рукѣ, къ свѣтскому мечу. Существенно иными стали задачи самой церкви, предоставленной своимъ собственнымъ внутреннимъ силамъ. Измѣнилось, однимъ словомъ, все—кромѣ высшаго управленія вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Никогда, даже во времена кн. Голицына, гр. Протасова и гр. Толстого, это „вѣдомство“ въ такой степени не заслоняло собою церковь, какъ въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ; никогда не чувствовалось такъ сильно и не сознавалось такъ ясно, что церковь должна, наоборотъ, заслонить собою вѣдомство... Перемѣнилось, съ другой стороны, и официальное отношеніе къ вопросу, господствующему надъ всею

государственной жизнью: къ вопросу о народномъ представительствѣ. И въ этой области главнымъ олицетвореніемъ прошлаго является К. П. Побѣдоносцевъ; и здѣсь немислимъ поворотъ въ его взглядахъ, немислимъ даже его нейтралитетъ среди противоположныхъ теченій. Привѣтствуя К. П. Побѣдоносцева по поводу двадцатипятилѣтія его службы въ званіи оберъ-прокурора св. синода, газета, наиболее къ нему близкая по духу, предается горестнымъ размышленіямъ. „Увы!“—воскликаетъ она—„не свѣтлыми надеждами, а тяжкими думами о всемъ, чему служилъ, окруженъ К. П. Побѣдоносцевъ въ день своего праздника. Среди радостныхъ возгласовъ всего враждебнаго православію, самодержавію и Россіи, съ унылымъ недоумѣніемъ смотрятъ на будущее всѣ русскіе, всѣ, кому дорого дѣло самодержавія и православія. Чтò думаетъ въ этотъ день самъ маститый юбиляръ? При его свѣтломъ, проницательномъ умѣ,—что рисуется передъ нимъ въ будущемъ страны, *пораженной такимъ потрясеніемъ своихъ жизненныхъ связей?*“ Заканчивается статья пожеланіемъ, чтобы Богъ послалъ К. П. Побѣдоносцеву „утѣшеніе снова видѣть то воскресеніе истинно-русскихъ началъ, какое онъ видѣлъ въ свѣтлые дни императора Александра III-го“. Итакъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, положенія 17-го апрѣля, столь непосредственно касающіяся вѣдомства православнаго исповѣданія, рассматриваются главою вѣдомства какъ прискорбное, но эфемерное „пораженіе жизненныхъ связей“ русскаго народа. Нужно ли объяснять, какимъ прогнозомъ это служить для осуществленія реформы?

Другая реакціонная газета, въ послѣднее время довольно часто поющая не въ унисонъ съ „Московскими Вѣдомостями“, разошлась съ ними и въ оцѣнкѣ дѣятельности юбиляра. „Странна была“—говорить „Гражданинъ“—„роковая судьба нашей церкви въ лицѣ ея синода: въ теченіе какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ три долгихъ вѣка Аракчеевыхъ въ должности оберъ-прокурора—первый (гр. Протасовъ), въ лицѣ воспитанника іезуитской школы, второй (гр. Толстой) въ лицѣ деиста, третій (К. П. Побѣдоносцевъ) въ лицѣ самаго, казалось, фанатичнаго любителя культа церкви православной. Результаты оказались одинаковы: всѣ три сыграли одну и ту же роль Аракчеева по отношенію къ церкви, заглушивъ все живое, самостоятельное и независимое и требуя рабскаго передъ своею личностью преклоненія“... Отмѣтивъ, какъ отличительную черту К. П. Побѣдоносцева, его неспособность относиться къ чужой мысли иначе какъ отрицательно, кн. Мещерскій продолжаетъ: „ревнителю правды и жизни въ области церкви онъ внушалъ, во имя самосохраненія, завѣтъ избѣгать репутации безпокойнаго и не противляться злу; равнодушному къ правдѣ и къ силѣ церкви онъ обезпечивалъ карьеру“. Въ торжествѣ К. П.

Побѣдоносцева по вопросу о патриархатѣ редакторъ „Гражданина“ видитъ новый ударъ „всякому почину въ пользу православной церкви“, „всемогущимъ приказчикомъ“ которой остался оберъ-прокуроръ св. синода: „все, что заговорило—смогло, все, что ожило—замерло, и, въ темницу заточенная, попрежнему чуть дышитъ православная церковь“. Источникъ, изъ котораго идутъ эти слова, даетъ имъ особую цѣнность: никто не заподозритъ вн. Мещерскаго въ враждебномъ отношеніи къ началамъ, носителемъ которыхъ является К. П. Побѣдоносцевъ...

Единственной крупной переменной въ выспихъ административныхъ сферахъ было, въ послѣднее время, отстраненіе А. С. Ермолова отъ активнаго участія въ государственномъ управленіи. Любопытны комментаріи къ этому факту въ реакціонной печати. „Московскія Вѣдомости“, радуясь уходу А. С. Ермолова, рисуютъ бывшаго министра сначала жертвой, потомъ сателлитомъ С. Ю. Витте. Какъ министръ финансовъ, С. Ю. Витте отказывалъ министерству земледѣлія въ средствахъ для осуществленія его широкихъ плановъ; какъ предсѣдатель комитета министровъ, онъ приобщилъ А. С. Ермолова къ занятію „не землеустройствомъ, а государственнымъ переустройствомъ, свергнувшимъ Россію въ бездну безначалія и безчинія“. „Гражданинъ“, оставляя въ сторонѣ С. Ю. Витте, также радуется отставкѣ А. С. Ермолова, „означающей, вѣроятно, переходъ отъ условій эксцессовъ либерализма къ условіямъ болѣе умѣреннаго либерализма“. По словамъ вн. Мещерскаго, „А. С. Ермоловъ такъ громко огласилъ ультралиберализмъ своей министерской политики, что преемнику его нельзя не принимать обязанность быть если не консерваторомъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма умѣреннымъ либераломъ“. Какъ ни антипатичны намеки и извѣты „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ ни смѣшны преувеличенія „Гражданина“, въ одномъ, повидимому, обѣ газеты близки къ дѣйствительности: А. С. Ермоловъ оставилъ свой постъ потому что былъ — или слылъ — слишкомъ либеральнымъ. Въ какой степени такая оцѣнка примѣнима ко всей дѣятельности А. С. Ермолова — это покажетъ, современемъ, исторія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что „либерализмъ“ бывшаго министра — либерализмъ сравнительно недавняго происхожденія, — не шель дальше пониманія, что новымъ условіямъ должна соответствовать новая политика. А. С. Ермолову ставится въ вину, что онъ не хотѣлъ закрыть глаза, не хотѣлъ игнорировать очевидное и идти въ разрѣзъ съ неизбѣжнымъ...

Великій актъ 17-го апрѣля засталъ въ расплохъ всѣхъ тѣхъ, кто до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить въ возможность провозгла-

шенія религиозной свободы. Сначала, растерянные и сбитые съ толку, они ограничились повтореніемъ давно опровергнутыхъ, завѣдомо невѣрныхъ положеній. „Ни для кого не тайна“ — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 21-го апрѣля (№ 108), — „что иновѣрцы и инославные христіане во всѣхъ своихъ жалобахъ на *стѣсненія* имѣли, главнымъ образомъ, въ виду добиться не *свободы совѣсти*, которой у нихъ никто не отнималъ, а *свободы совращенія православныхъ людей отъ ихъ вѣры*“. Болѣе чѣмъ смѣло было увѣрять, четыре дня спустя послѣ 17-го апрѣля, что ничѣмъ не была стѣснена свобода совѣсти ...у такъ называемыхъ „упорствующихъ“ (бывшихъ униатовъ), у старообрядцевъ, почему-либо числившихся православными, у католиковъ и лютеранъ, отцы которыхъ, легкомысленно, вѣшнымъ образомъ, перейдя въ православіе, возвратились, фактически, къ своей прежней вѣрѣ! Если всѣ эти люди и раньше были свободны, то чтó же значить право отъятаго отпаденія отъ православія, предоставленное имъ 17-го апрѣля?.. Нѣсколько позже („Московскія Вѣдомости“ 1-го мая, № 118), ободренные, вѣроятно, признаками вновь усиливающейся реакціи, газетные изувѣры становятся смѣлѣе. „Что дѣлать“ — вопрошаютъ они, — „если окажется, что высота принципа (провозглашеннаго 17-го апрѣля) не вмѣщается въ душахъ современниковъ? Не потребуется ли дополнить даруемую имъ свободу тѣми ограниченіями, которыя необходимы для охраны вѣры русскаго народа?“ Итакъ, пора ударить отбой и урѣзать только-что дарованную свободу?... Чѣмъ же мотивируется это поразительно-дерзкое предложеніе? Двумя фактами: кощунствомъ, которое совершилъ въ Симферополѣ, 21-го апрѣля, подростокъ-еврей, и разгромомъ, въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля, зданія церковно-приходской школы въ деревнѣ Студянкѣ, сѣдлецкой губерніи. Кощунство и послѣ 17-го апрѣля остается преступленіемъ, влекущимъ за собою уголовную кару; отдѣльные случаи этого рода возможны вездѣ и всегда, при самыхъ различныхъ степеняхъ вѣротерпимости. Что касается до разгрома въ Студянкѣ, то, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ самой московской газетой, онъ былъ рѣшенъ совѣщаніемъ католиковъ и „упорствующихъ“, состоявшимся въ первый день Пасхи (т.-е. 17-го апрѣля). Совершенно ясно, такимъ образомъ, что онъ ничѣмъ не связанъ съ указомъ 17-го апрѣля; болѣе чѣмъ вѣроятно, наоборотъ, что онъ могъ произойти только до обнародованія этого указа. Во чтó же обращается, затѣмъ, вся аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“?..

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ярче чѣмъ гдѣ бы то ни было новый порядокъ, созданный 17-го апрѣля, отразился въ мѣстностяхъ, населенныхъ бывшими униатами; но чтó же удивительнаго въ томъ, что люди, искусственно отдѣленные отъ одной церкви и насильственно удерживаемые въ другой, имъ совершенно чуждой, люди,

цѣлые годы, цѣлыя десятилѣтїя остававшіеся безъ всякаго религіознаго утѣшенїя ¹⁾, успѣшили воспользоваться предоставленной имъ, наконецъ, свободой? По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „движеніе къ переходу въ католичество среди бывшихъ униатовъ нѣкоторыхъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго началось немедленно вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшаго указа о свободѣ вѣроисповѣданій. Самый актъ перехода совершается при этомъ повсемѣстно. Устраиваются цѣлые крестные ходы, съ церковными знаменами, иконами и нерѣдко портретомъ Государя Императора во главѣ, съ пѣніемъ польскихъ религіозныхъ гимновъ, къ настоятелю ближайшей римско-католической церкви съ требованіемъ оффиціальнаго присоединенія къ приходу взрослыхъ и крещенія дѣтей и молодежи, до настоящаго времени лишенной св. таинства крещенія. Такое, именно, торжество имѣло мѣсто, напримѣръ, 18-го мая н. ст. въ приходѣ Гушлевь, радзынскаго уѣзда (сѣдлецкой губ.). Съ утра жителя трехъ деревень, числомъ до 800 чел. бывшихъ униатовъ, взрослыхъ и дѣтей, отправились къ настоятелю прихода, съ просьбою приобщить взрослыхъ къ числу прихожанъ и крестить дѣтей и молодежь. Настоятель, получившій уже инструкціи отъ надлежащихъ властей о томъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, отерылъ церковь и пригласилъ туда явившихся. Затѣмъ онъ произнесъ проповѣдь, въ которой указалъ на важность акта присоединенія, поставилъ на видъ слушателямъ, что приступать къ таковому они должны только по собственному своему убѣжденію и наитію Духа Св., но отнюдь не изъ-за какихъ-либо житейскихъ соображеній, и пригласилъ ихъ помолиться за Монарха, милости котораго они обязаны возможностью удовлетворить свои религіозныя нужды. Были призваны свидѣтели-понятые и церемонія началась. Сначала было приступлено къ крещенію дѣтей и молодежи, до сихъ поръ не крещенной. Затѣмъ началась перепись взрослыхъ, которыхъ оказалось около 600 человекъ. Церемонія длилась безъ перерыва до поздняго вечера, причемъ порядокъ соблюдался, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, образцовый. Къ ночи толпа, при пѣвнїи молитвы „Къ защитѣ Твоей, Богородице“, направилась въ обратный путь“.

Такъ происходитъ переходъ въ католицизмъ на самомъ дѣлѣ. Въ иномъ свѣтѣ старается его представить реакціонная печать, утверждая ²⁾, что движеніе совершается на политической почвѣ, что отъ

¹⁾ По даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода, во всякомъ случаѣ не преувеличеннымъ, число „упорствующихъ“ въ холмско-варшавской епархіи превышало, къ 1 января 1899 г., 80 тысячъ, „колеблющихся“ — 6¹/₂ тис. Число некрещенныхъ „упорствующихъ“, въ 1898 г. составлявшее 26 тис., возрасло къ 1899 г. до 29 тис.

²⁾ См. передовую статью въ № 125 „Московскихъ Вѣдомостей“.

присоединяющихся къ латинству берется присяга, полная „страшныхъ заклятій“, послѣ которыхъ немислимо возвращеніе къ православію. Возвращеніе къ православію! Да развѣ „упорствующіе“ были когда-нибудь дѣйствительно православными? Развѣ самая продолжительность ихъ „упорства“, не свидѣтельствуетъ о глубинѣ и искренности вѣрованій, изъ-за которыхъ они терпѣли столько духовныхъ, а иногда и матеріальныхъ невзгодъ? „450 тысячъ человѣкъ русскаго населенія“ — пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Московскихъ Вѣдомостей“ — „отдаются во власть Польши“. Если до сихъ поръ католицизмъ, въ предѣлахъ Царства Польскаго, былъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что столь же тѣсной эта связь останется и въ будущемъ, при господствѣ полной, истинной вѣротерпимости. Допустимъ, однако, что потеря, понесенная русскимъ дѣломъ, непоправима и невознаграждима—и спросимъ себя, когда и почему она состоялась? Конечно, не въ моментъ изданія указа 17-го апрѣля и не вслѣдствіе его изданія. Ея первоисточникомъ послужила отмѣна уніи; ее довершило все послѣдовавшее за этимъ актомъ. Не даромъ же и въ Галиціи, и въ Царствѣ Польскомъ идетъ агитація за восстановленіе уніи, какъ единственной плотины, могущей остановить распространеніе католицизма ¹⁾. Весь вопросъ въ томъ, возможенъ ли *теперь* успѣхъ этой агитаціи? Если вѣрить одному изъ корреспондентовъ „Руси“, въ люблинской губерніи многіе крестьяне заявляютъ, что не желаютъ возвращаться въ унію, „такъ какъ нельзя навѣрно знать, не случится ли опять что-либо съ уніей черезъ нѣкоторое время“...

Къ самой рѣшительной формѣ разрыва съ православіемъ, т.-е. къ переходу въ католицизмъ, побуждаютъ—помимо отсутствія въ Царствѣ Польскомъ организованной уніатской церкви—и воспоминанія о только-что миновавшей эпохѣ. Вотъ что мы читаемъ въ записной книжкѣ „старога русина“, напечатанной въ „Руси“ (№ 132): „холмскіе епископы объѣзжали православные приходы черезъ каждыя пять лѣтъ, но пріѣзжали затѣмъ, чтобы, осмотрѣвъ запасные дары, метрическія книги и прочую канцелярію, побывъ въ церкви десять минутъ, не сказавъ и слова народу, отправиться къ священнику на угощеніе и... продолжать ревизію слѣдующихъ приходовъ. Тотъ священникъ хорошъ, у котораго канцелярія въ порядкѣ, а какъ онъ пасетъ ввѣренное ему стадо, архіереи этимъ не интересуются. Награждались по преимуществу священники недостойные, а идеальныя священники, но неугодивніе благочинному, оставались въ неизвѣстности или даже преслѣдовались. Священники были не пастырями, а лишь чиновниками. Получая со-

¹⁾ См. № 112 „Слб. Вѣдомостей“ (выписки изъ галиційскихъ газетъ) и № 10463 „Новаго Времени“ (корреспонденція изъ холмской епархіи).

лидное содержаніе (1.200 р.), они вовсе не трудились надъ укрѣпленіемъ православія, мало занимались въ школахъ; за нихъ работала полиція; писать доносы—это было ихъ задачей и удовольствіемъ, равно какъ привлекать къ православію тѣхъ католиковъ, дѣды, прадѣды которыхъ были униатами; они насильно привлекали къ православію, не глядя на слезы, мольбы, проклятія; они нарушали душевный покой, разоряли тысячи семей на веденіе процессовъ объ оставленіи въ католичество... Православный священникъ сталъ пугаломъ... Обращеніе съ прихожанами было высокоумѣнное; поговорить съ ними по душѣ, погоревать горемъ прихожанина, порадоваться его счастьемъ — нѣтъ: „мужикъ того стоитъ ли!..“ Въ то время, когда съ ваедръ въ костелахъ гремѣть проповѣди, захватывающія католиковъ, приводящія ихъ въ энтузіазмъ, въ церквахъ или вовсе не слышно проповѣдей, или произносятся такія, что и слушать не хочется. Да еще духовенство задалось цѣлью обрусить народъ: и если священникъ говоритъ проповѣди, то по-русски на языкѣ, мало понятномъ или вовсе непонятномъ прихожанамъ. Есть священники, которые говорятъ по малорусски, но такихъ немного. А чтобы сказать проповѣдь по-польски тѣмъ прихожанамъ, которые говорятъ по-польски — Боже сохрани! Это было бы государственное преступленіе. Между тѣмъ, добрая треть православныхъ—чистые поляки, которые не понимаютъ ни по-русски, ни по-малорусски. Во время униі проповѣди произносились по-польски, а потому они держались церкви; и теперь они любятъ православное богослуженіе, ходятъ въ церковь, но изъ церкви спѣшать въ костель послушать проповѣди... Чего искуснѣйшіе католическіе миссіонеры не могли сдѣлать вѣками, православное духовенство своею дѣятельностью въ послѣдніе два десятка лѣтъ отринуло отъ себя, передало Риму десятки тысячъ бывшихъ униатовъ, нынѣ православныхъ. ...Тридцать лѣтъ современи воссоединенія — это такой періодъ, когда при громадной политической силѣ православнаго духовенства, при обилии школъ, можно было все подростящее поколѣніе вполне утвердить въ православіи; но у духовенства не было на это ни охоты, ни желанія. Зачѣмъ имъ было трудиться, учить школьниковъ, коли полиція удержитъ народъ въ православіи? Къ этому слѣдуетъ добавить, что расчетъ на виѣшнюю силу, на принужденіе находилъ подтвержденіе въ мѣрахъ высшей администраціи, въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода... Исторія бывшихъ униатовъ—одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ аргументовъ противъ насилія въ дѣлахъ вѣры. Устранивъ унию, православная церковь стала лицомъ къ лицу съ врагомъ несравненно болѣе могущественнымъ и болѣе опаснымъ: съ католицизмомъ.

Мы заканчиваемъ нашу хронику подъ гнетомъ потрясающихъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій. Разгромъ нашего флота превосходить, по своему значенію и своимъ возможнымъ послѣдствіямъ, всѣ предъидущія наши военныя неудачи, какъ бы онѣ ни были тяжки. Неужели и теперь, когда исчезли послѣднія сомнѣнія, когда съ такою ясностью обнаружился первоисточникъ нашихъ бѣдствій, не будетъ услышанъ призывъ къ переходу на единственный путь, обещающій исцѣленіе нашего государственнаго и общественнаго организма? Неужели то, на что довѣрчиво надѣялась Россія въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года, чего она, глубоко взволнованная несчастными январскими днями, нетерпѣливо ждала съ 18-го февраля, и теперь будетъ только неопредѣленно видѣться въ дали будущаго? Времени потеряно много, слишкомъ много; опасность, виѣшняя и внутренняя, растетъ съ каждымъ днемъ. Въ какомъ бы положеніи ни были приготовленія къ созыву народнаго представительства, оно должно быть созвано безотлагательно; пробѣлы, ошибки можно будетъ пополнить и исправить впоследствии. Пускай продолжаютъ пѣть свою убаюкивающую пѣсню тѣ, кто видитъ въ гибели цѣлаго флота только случайный, второстепенный инцидентъ и находятъ, что „положеніе осталось прежнимъ“; пускай повторяется *ad infinitum* не менѣ старая пѣсня объ истребленіи или терроризированіи „несогласно-мыслящихъ“, какъ о лучшемъ средствѣ водворить покой—хотя бы то былъ покой могилы. Мы отказываемся вѣрить, чтобы у этихъ пѣсенъ могло найтись, въ настоящую минуту, много благосклонныхъ слушателей; мы отказываемся вѣрить, чтобы подъ ихъ звуки могла образоваться партія, которую пытаются окрестить громкимъ именемъ *монархической*. Самозванный глашатай этой партіи—въ статьѣ, напечатанной 19-го мая, т.-е. послѣ полученія подробныхъ свѣдѣній о цусимскомъ боѣ,—отвергаетъ, отъ ея лица, „всякіе выборные парламенты, земскіе соборы, государственныя думы и иныя лженародныя представительства, способныя нарушить неприкосновенность монархической, самодержавной власти русскихъ царей“. Чтò же, затѣмъ, признаетъ, на чтò рассчитываетъ партія г. Грингмута? Отрицая выходъ, предрѣшенный рескриптомъ 18-го февраля, ничего не измѣняя въ условіяхъ, вызвавшихъ и войну, и военныя неудачи, она съ легкимъ сердцемъ идетъ на встрѣчу новымъ, можетъ быть еще болѣе ужаснымъ катастрофамъ. Дальше этого предѣла ослѣпленіе—все равно, сознательное или безсознательное—идти не можетъ: и чѣмъ оно полнѣе, тѣмъ ближе конецъ его заразительной силы...

Скончавшійся въ Ярославлѣ, мѣсяцъ тому назадъ, Е. И. Якушкинъ—сынъ лекабриста И. Д. Якушкина и отецъ извѣстнаго писателя В. Е. Якушкина—былъ не только выдающимся этнографомъ, глубоко изучившимъ народный бытъ и обычное право, не только основательнымъ знаткомъ исторіи и литературы первой половины XIX-го вѣка: это былъ человекъ въ полномъ, лучшемъ смыслѣ слова. „Всюду, куда ни обращалась его ясная мысль“,—сказано въ прекрасномъ некрологѣ, посвященномъ ему „Русскими Вѣдомостями“ (№ 113),—„всюду, куда ни направлялась его спокойная энергія, онъ оставлялъ память крупнаго работника, человека рѣдкихъ дарованій, неустаннаго трудолюбія, безукоризненной добросовѣстности. На тѣхъ, кто его зналъ, обаяніе чистой и цѣльной личности дѣйствовало неотразимо. Душевная красота его была такъ велика, что, казалось, заслоняла его большія научныя и общественныя заслуги. Его любили, его хотѣлось любить прежде всего и больше всего какъ человека. И онъ самъ, надо сказать, дѣлалъ все для того, чтобы замолчать свои заслуги. Даже близкіе люди только случайно, спустя много лѣтъ, узнали о томъ, что свое смоленское имѣніе въ полномъ составѣ Е. И. отдалъ безвозмездно крестьянамъ при самомъ освобожденіи, а фактически еще раньше освобожденія. Не занимая каедры, Е. И. былъ учителемъ не одного поколѣнія русскихъ молодыхъ ученыхъ, и среди тѣхъ, кто съ благодарностью видитъ въ немъ своего учителя, можно бы назвать не одно имя, пользующееся заслуженною извѣстностью въ наукѣ“. Пускай хоть теперь, послѣ смерти Е. И. Якушкина, имя его займетъ въ сознаніи русскаго общества то мѣсто, которое не было отведено ему при жизни ¹⁾.

¹⁾ Укажемъ нѣкоторыя изъ статей покойнаго Якушкина, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ: 1) „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“ (1888 г., ноябрь, 195, дек., 581). 2) „А. И. Полежаевъ, его жизнь и поэзія“ (1897 г., июнь, 716).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.— Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правиль о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

На настоящее конкурсное трехлѣтіе назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. — Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры ¹⁾). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго приуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впоследствии, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. *Германскіе латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV в.;

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. *Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.* Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственные) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. *Слова русскаго языка со звукомъ „х“.* Фонетическія условія происхожденія звука „х“ въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „х“ или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „х“, въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „х“ въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „х“ въ словахъ русскаго языка: „х“ какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „х“ въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „х“.

6. *Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.* Древній слой заимствованій, ведущихъ свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ соудствомъ съ финами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. *Иноземные матеріалы по терминологіи художества и ремесла въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI, XVII столѣтій* предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. *Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.* Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка.

II. — Отъ Общества вспомошествованія студентамъ имп. университета св. Владимира.

Общество вспомошествованія студентамъ Университета св. Владимира, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кievскаго университета св. Владимира, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполне матеріально обеспеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая комиссія вполне увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи рассчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая комиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соответствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соответственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомошествованія студентамъ университета св. Владимира слѣдуетъ адресовать: *Кievъ, Гимназическая, д. № 3.*

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА

Май—Іюнь, 1905.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ. — II: 13 іюля—11 сентября.—М. А. ГАЗЕНКАМІФА	5
Германскіе университеты и наши.—В. И. СЕР—ВИЧА.	55
По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени. — XIX—XXV. — Окончаніе.—А. НОВИКОВА	106
Пятидесятилетіе Амурскаго края.—1854—1904 г.г.— I. Завоеваніе Амурскаго края. — II. Первые колонисты-казачки. — III. Заселеніе Амура крестьянами.—IV. Естественныя богатства и промыслы.—П. НАДИНА	166
Женщина съ вѣромъ.—Романъ.—Rob. Nichens, The Woman with the fan.— XII—XXI.—Окончаніе. — Съ англ. З. В.	198
Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 г.г.—XV—XIX.—Окончаніе.—ЕК. ЮНГЕ. Маркизь-философъ.—Monsieur de Miguras ou le Marquis-philosophe, par A. Lichtenberger.—I—VII.—Съ фран. О. Ч.	256
Хроника.—Трехсотлѣтіе „Донъ-Кихота“ Сервантеса.—Л. Ю. ШЕПЕЛЕВИЧА.	292
Внутреннее Овозрѣніе. — Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.— Историческая параллель.— Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса.— Оригинальная децентрализація.— Новые проекты организаціи народнаго представительства. — Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голозовъ политической панацеей? — Необходимость безгнотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля	328
Иностранное Овозрѣніе.—Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими.—Вильгельмъ II, какъ „ограниченный“ правитель.— Мароккскій вопросъ и неожиданно новая его постановка.— Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ.— Внутреннія дѣла во Франціи	341
Изъ прошлаго конституціонныхъ вопросовъ о народовластіи и свободѣ.—В. И. ГЕРЬЕ	359
Литературное Овозрѣніе.— I. I. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX.— II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, выи. 1. — III. В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка. — IV. Зин. Венгерова, Литературныя характеристики.— V. Нижегородскій Сборникъ.— Евг. Л.— VI. Русскій музей имп. Александра III, сост. бар. Н. Врангель, два тома.— W.— VII. Кустарное дѣло въ Россіи, состав. кн. Ѳ. Голицынъ, т. I, ч. 1. — VIII. Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства.— IX. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтъ статистики.— В. В.— Новыя книги и брошюры	371
Новости Иностранной Литературы.— I. Léon Fgarié. La Maternelle.— II. Anatole France. Sur la Pierre Blanche.— З. В.	389
Изъ Общественной Хроники.— Великій государственный актъ 17-го апрѣля.— Вѣротерпимость теперь и прежде. — Движеніе въ средѣ православной церкви.— Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.— Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія. — Различныя толкованія указа 18-го февраля. — Подвиги газетныхъ „добровольцевъ“. — Высочайшій указъ 10-го апрѣля.— Р. С. Писмо въ Редакцію г. Н. Чайковскаго	419
Библиографическій Листокъ.— Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Т. II: Древній міръ и мы.— Н. Карѣвъ, Государство-городъ античнаго міра.— В. Эндрузъ, Исторія Соедин.— Шт. послѣ междоусобной войны (1861—62 гг.), съ англ. Е. Гурвичъ.— Н. Азбелевъ, „Душа Японія“.— Н. Дружининъ, Очерки крестьянской общественной жизни.	438
Объявленія.— I—IV; I—XII.	

Книга шестая. — Июнь.		стр.
Мой дневникъ на войну 1877 — 78 г.г. — 1877-ой годъ. — III: 12 сентября — 7 ноября. — М. А. ГАЗЕНКАМПА		449
Пятидесятилѣтне Амурскаго края. — 1854 — 1904 г.г. — V. Обрабатывающая промышленность и торговля. — VI. Пути сообщенія. — VII. Школы и врачебно-санитарная помощь. — VIII. Рабочіе. — IX. Иностранцы. — X. Заключеніе. — Окончаніе. — П. НАДИНА		496
Въ звездную ночь. — Изъ поѣздки въ Польшу. — ЕВГ. ЛЯЦКАГО		538
Изъ „разказовъ прапорщика Столя“, I. Л. Руневверга. — Со швед. В. ЛЕБЕДЕВЪ		558
Избирательное право въ Германской имперіи и въ отдѣльных ея государствахъ. — И. ОСИПОВА		567
Мадный бунтъ. — Июль 1662 года. — Историческій разказъ. — ВИКТОРА НИКОЛЬСКАГО		601
Пламенная душа. — Романъ. — <i>Flammen. Rom. von W. Hegeler.</i> — I. — Съ нѣм. З. В.		637
Кооперативное движеніе въ Россіи, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“. — В. Ф. ТОТОМІАНЦА		684
Маркизъ-философъ. — <i>Monieur de Miguras ou le Marquis-philosophe, par A. Lichtenberger.</i> — VIII-XIII. — Окончаніе. — Съ франц. О. Ч.		710
О современномъ кризисѣ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО		754
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. — Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ. — Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ. — Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина. — Странныя противорѣчія		772
Иностранное Овозрѣніе. — Отзыви Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ. — Разсужденія полковника Гедке. — Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ. — Патриотическія фантазіи и ихъ послѣдствія. — Печальная судьба балтійской эскадры. — Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ		790
Литературное Овозрѣніе. — I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?“. 2) Статьи по крестьянскому вопросу. — II. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1904 г., кн. IV и V. — III. Сочиненія Чокана Валиханова. — IV. „Душа Японія“, японскіе разказы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева. — V. Бар. Н. В. Дризень, Матеріалы по исторіи русскаго театра. — ЕВГ. Л. — VI. Е. Д. Максимовъ, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. — VII. Ф. И. Карловъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I. — VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго. — В. В. — IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи“ и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“. Соціально-политическіе этюды И. А. Гагена. — А. К. — Новыя книги и брошюры		802
Новости Иностранной Литературы. — I. A. Kerr, <i>Das neue deutsche Drama.</i> — II. Muriat Nagru, <i>La Conquête de Jerusalem</i> , rom. — З. В.		840
Крестьянское дело. — Письмо въ Редакцію. — КН. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО		855
Изъ Овещественной Хроники. — Проектируемая новелла о печати. — Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій. — Кто остается и кто уходитъ? — Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать. — Католицизмъ и униа. — Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. — Е. И. Якушкинъ †		866
Извѣщенія. — I. Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михальсона. — II. Отъ Общества вспомошествованія студентамъ имп. университета св. Владиміра		
Библиографическій Листокъ. — Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціей 1807—20 г.г. — Кладо, Н. Л., Современная морская война. — Лоуэль, А. Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы. — Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ I. Статьи, стихотворенія и замѣтки.		
Овѣяванія. — I-IV; I-XII стр.		

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніи Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По поруч. Мин. Ин. Дѣлъ составл. Ф. Мартенса. Т. XIV. Трактаты съ Франціей: 1807—1820. Сиб. 905.

Въ верхахъ книжкахъ журнала за текущій годъ (Февр., Мартъ и Апрель) мы имѣли случай представлять читателямъ подробное извлеченіе изъ нашей конвенціи съ Франціей XIV-го тома „Собранія“, составившаго проф. Ф. Ф. Мартенса, подъ заглавіемъ: „Александръ I и Николай I: послѣдніе годы ихъ дружбы и союза“. Въ нашихъ извлеченіяхъ содержалось, следовательно, время, патина отъ тысячелѣтскаго мира въ 1807 г. и до 1811 г., посланій самого разрыва между Россіей и Франціей, послѣдшаго изъ отечественной войны 1812 года, изгнания Наполеона, Вѣнскаго Конгресса и т. д. По объективному и насъ необходимому извлеченію можно судить, какой великій интерес должно представлять изъ новымъ измускѣ „Собранія“ дальнейшее изложеніе послѣднихъ событій эпохи, относящейся къ 1811 году и дошедшей авторомъ лишь до 1820 года. Настоящій томъ служитъ, собственно, продолженіемъ XIII-го тома, изданнаго года три тому назадъ и заключающаго въ себѣ документальную исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей съ самаго ихъ начала и до таллинскаго мира въ 1807 году. Авторъ обладаетъ въ случаю необходимости, XV-ю, домыслитъ исторію таковыхъ сношеній Россіи съ Франціей отъ 1820 года и до настоящаго времени, если, конечно, обзавѣе матеріаловъ не вынудитъ его снова отложить окончаніе до новаго тома.

Бладо, Н. Л. Архивъ. Низид. Морской Академіи. Современная морская война. Морскія замѣтки о русско-японской войнѣ. Сиб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Первое изданіе этой книги позволило задолго до настоящей войны—еще въ 1901 году,—а потому, дасть замѣчанія автора, —что, что произошло въ этой ужасной для насъ войнѣ, не должно было являться для насъ сюрпризомъ— война эта, собственно, не дала ничего новаго: морская война задолго еще до войны установилась и лучшие типы судовъ, и относительное значеніе элементовъ вооруженія кораблей,— и особенно наставала на первенствъ извѣстнаго флота для государства вообще и для нашего отечества въ частности“. Цѣль автора при составленіи ишежданнаго труда состояла въ томъ, чтобы, при существующихъ и нынѣ крайне разнообразныхъ сужденіяхъ о типахъ кораблей, въ силѣ и различныхъ боевыхъ качествахъ, помочь разобраться во всѣхъ вопросахъ, какіе могутъ возникнуть по этому поводу. Въ виду такой цѣли, авторъ даетъ краткія и вмѣстѣ общедоступныя изложенія о типахъ современныхъ судовъ, о ихъ вооруженіяхъ, широтѣ и о тѣхъ средствахъ, которыми долженъ обладать современный флотъ для успѣшнаго въ случаѣ необходимости, веденія войны на морѣ. Изложеніе богато снабжено хорошо выполненными рисунками, въ числѣ сѣмье ста, 67 чертежами и двумя картинами театра военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востоцѣ.

Дубовъ, А. Л. Правительство и политическія партіи въ государствѣ Балканской Европѣ. Перекъ съ англійскаго О. Палтошиной и р. О. Спирова. М. 908. Ц. 2 р.

Появленіе перевода этой книги, конечно, указываетъ потребностью текущаго времени: ни и можно того этого труда заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что снѣ довелъ не лишній въ нашей научной литературѣ. Авторъ ограничился наибѣйшими западно-европейскими государствами, а именно, Франціей, Италіей, Германіей, Австро-Венгріей и Швейцаріей. Извѣдываніе главнѣйшихъ странъ и авторъ извѣдывается описаніемъ главнѣйшихъ въ государствѣ, съ политическою организаціей; извѣтъ сѣдуютъ очерки въ исторіи, съ дѣломъ повѣдать, какіе партіи фундированы въ странѣ на практикѣ, и какіе юридическія обусловливаются ихъ политическая жизнь. Въ изложеніяхъ читателю выданы конституціи всѣхъ вышеупомянутыхъ странъ— въ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ. Изложеніе снабжено указателями, много облегчающими извѣданіе книгѣ.

Крестыльскій строй. Т. I: Сборникъ статей А. Корнилова, А. Лаврова, Давыдовскаго, В. П. Сивелскаго и Н. М. Строгоумскаго. Изд. изд. П. Д. Долгорукова и тр. С. Л. Толстого. Сиб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Въ виду различныхъ и даже иногда прямо противоположныхъ теченій по вопросу о крестыльскомъ стрѣй,—притомъ одна извѣдывается организація и необходимость довершить, особенно важныя акты 19-го февраля—указаніемъ крестыльскъ во всѣхъ правоотношеніяхъ съ прочимъ населеніемъ Россіи, зрѣтъ не заставить на необходимости ихъ соблюденія отъ другихъ сословій,— появленіе настоящаго сборника имѣетъ немалое содѣйствіе къ выясненію существа самого дѣла. Вотъ содержаніе самого сборника: 1) Очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ подраздѣловъ крестыльскаго населенія въ Россіи; 2) Крестыльскій вопросъ во второй половинѣ XVIII в. и первой половинѣ XIX вѣка; 3) Крестыльскія реформы 19 февраля 1861 года; 4) Крестыльскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ комиссияхъ послѣ 1861 года.

Въ заголовѣ слова: Сборникъ, I. Статьи, стихотворенія и памѣтки. Сиб. 905. Ц. 2 р.

Сборникъ „Въ защиту слова“—или, вѣрно, въ защиту свободы печати—составляетъ участіе 35 авторовъ, въ томъ числѣ Ва. Г. Борозенко, П. Н. Милкова, К. К. Арсеньева, А. Н. Пѣтухова, В. А. Маволина, О. Д. Батшкова и другихъ. Множество фактовъ, характеристикъ, разсужденій, воспоминаній, разсказовъ и анекдотовъ изъ повѣстей и современной исторіи несутъ, выискиваетъ предъ читателемъ тотъ хаосъ безпорядка, среди котораго должна была жить и развиваться русская журналистика. Книга читается съ величайшимъ интересомъ и должна была бы сдѣлаться истинной библией для всѣхъ тѣхъ, кто еще сомнѣвается въ необходимости уничтоженія произвольной цензурной цензуры надъ печатью и литературою.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1905 г.

(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 80 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полугодіе:			На четверть года:		
		Почтой	Въ наличн.	Почтой	Въ наличн.	Почтой	Въ наличн.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16. —	8. —	8. —	4. —	4. —	4. —	4. —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ доставкой	17. —	9. —	9. —	5. —	5. —	5. —	5. —
За границу, въ годъ почт. оболок	19. —	10. —	10. —	5. —	5. —	5. —	5. —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбны разсрочки годовой подписки на журналы, подписка на три года; въ январѣ и въ июль, и во четвертомъ году: въ январѣ, апрѣлѣ, октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Рингера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крошвальскій, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Кабачникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печенинскій, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ Рингельсберга, 13.

ВЪ МАРШАНѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать не только имя и отчество, фамилію, но точныя обозначенія губерніи, уѣзда и мѣстожительства, а съ послѣднимъ прибавить въ немъ и точныя означенія, гдѣ (№№) доставляется журналъ, если нѣтъ адреса, то и адресъ въ самомъ мѣстожительствѣ водителемъ. — 2) *Первонач. адресъ* долженъ быть сообщенъ Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ адреса и адреса, при чемъ, при первомъ адресѣ въ первомъ издѣніи, доплачивается 1 руб., а вторично, при второмъ издѣніи, 10 коп. — 3) *Книжки* въ переплетѣ должны доставляться исключительно въ Рязань, по вѣсти, если годовая была съдана съ именной подпискою, въ стохъ и, съ послѣд. издѣніемъ, и Платонаго Аппаратова, но можно какъ по получеши, такъ и по получеши книги журнала. — 4) *Книжки* въ изданіи журнала высылаются Конторѣ только съ вторичнымъ или иномъ адресомъ, который означать въ подписной бумагѣ 11 коп. почтовый зарядъ.

Печателъ и ответственный редакторъ М. М. СТАСОВЕРОВЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Соб., Галеріи, 20.

Вас. Петр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Асадович. пер., 7.

Digitized by Google

